This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

3422.30 (1)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

335.49
П. 64.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ.

В. Лотто.

Вы теперь ближе увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легли для защиты знамени и долга.

(Изъ привѣтственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа).

Книга эта рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Внесена въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ 1-й

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ЕРМОЛОВА.

ВЫПУСКЪ I.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

БИБЛІОТЕКА
Инв. № 11681

Изданіе книжнаго склада В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
С.-Петербургъ, Колокольная, собств. д., № 14.
1887.

Slav 34.22.30 (1)

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY OCT 2 1958

110

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 3 іюля 1886 г.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ОТЪ НАЧАЛА КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ ДО ЕРМОЛОВА.

ВЫПУСКЪ 1.

14402
7

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ВЫПУСКА.

		Стран.
	Кавказъ	1
I.	Кавказъ до Петра	5
II.	Петровскіе походы	18
III.	Кавказъ отъ Петра до Екатерины II	31
IV.	Генералъ Медемъ	51
V.	Подвигъ Платова	67
VI.	Геройская оборона Наурской станицы	76
VII.	Неудачный походъ Тотлебена въ Грузію	80
VIII.	Генералъ Якоби	91
IX.	Суворовъ на Кавказѣ	100
X.	Донскіе гулебщики	113
XI.	Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ	125
XII.	Шейхъ-Мансуръ	135

ВВЕДЕНІЕ.

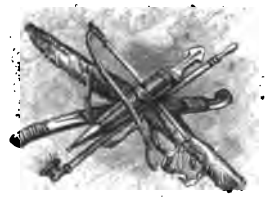
Передъ читателемъ начало обширнаго труда, имѣющаго обнять исторію всѣхъ событій кавказской войны съ первыхъ ея моментовъ до окончательнаго покоренія Кавказа.

Авторъ не имѣлъ въ виду написать спеціальное военно-ученое сочиненіе. Цѣль его—популяризировать исторію кавказской войны, дать въ общедоступномъ изложеніи рядъ разсказовъ, легендъ, эпизодовъ и біографій, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, которые могли бы вполнѣ ознакомить не со внѣшнею только стороною вѣковой кавказской борьбы, но и съ внутреннею, насколько эта послѣдняя отразилась въ легендахъ, солдатскихъ пѣсняхъ, въ разсказахъ товарищей и т. п.

Авторъ не претендуетъ сказать что либо новое о кавказской войнѣ. Его дѣло, потребовавшее много лѣтъ упорнаго труда, состояло почти исключительно въ томъ, чтобы извлечь изъ забвенія и связать въ одно стройное изложеніе многочисленные, въ разныхъ мѣстахъ разбросанные матеріалы, мало доступные для обыкновеннаго читателя.

Указаніе въ самомъ текстѣ источниковъ, которыми пользовался авторъ, въ сильной степени увеличило бы объемъ книги. Важнѣйшіе изъ нихъ указываемъ здѣсь: Акты Кавказской Археографической Коммиссіи, сочиненія о Кавказѣ: Берже, Дубровина, Попки, Фадѣева, Зиссермана, Короленки и др. Историческіе журналы: „Русская Старина“ и „Русскій Архивъ“, „Военный Сборникъ“, газета „Кавказъ“ и другія періодическія изданія, просмотрѣнныя авторомъ съ начала нынѣшняго столѣтія.

Въ цѣляхъ автора было выдвинуть въ его исторіи на первый планъ человѣка, какъ важнѣйшій элементъ войны, его подвиги, его страданія, успѣхи и неудачи. Авторъ смѣетъ надѣяться, что его описаніе кавказской войны будетъ имѣть военно-воспитательное значеніе, что выдвинутые имъ въ яркой перспективѣ боевыя преданія Кавказа, примѣры беззавѣтнаго мужества и честнаго исполненія долга передъ отчизною не останутся безъ вліянія на развитіе духа доблестей въ военномъ сословіи, каковымъ, по державной волѣ Русскаго Царя, со времени всеобщей воинской повинности, сталъ въ сущности весь русскій народъ. Гуманныя чувства, руководящія современными обществами, не должны исключать того военнаго духа, безъ котораго—пока войны будутъ зломъ неизбѣжнымъ—невозможна историческая жизнь народа и выполненіе имъ его историческихъ задачъ.



Кавказъ.

Кавказъ! Какое русское сердце не отзовется на это имя, связанное кровною связью и съ историческою, и съ умственною жизнью нашей родины, говорящее о неизмѣримыхъ жертвахъ ея и въ то же время о поэтическихъ вдохновеніяхъ. Много ли есть русскихъ семей, на которыхъ Кавказъ въ долговременныхъ войнахъ его не отразился бы вѣчно-невозвратною утратою, и кто же вспомнитъ объ этой утратѣ иначе, чѣмъ съ гордымъ сознаніемъ исполненнаго долга передъ великою отчизною, высылавшею своихъ сыновъ на горный рубежъ Азіи не на истребительное дѣло войны, а на вѣчное умиротвореніе края, съ незапамятныхъ временъ бывшаго ареною грозныхъ столкновеній народовъ. Кавказская война окончилась, великая цѣль достигнута. Но Русь, уже не тревожимая болѣе громами постоянной войны, не забудетъ героевъ своихъ, обнаружившихъ на Кавказѣ беззавѣтное мужество и преданность родинѣ, безъ которыхъ немыслимо было бы покореніе воинственнаго и природою защищеннаго края, — покореніе исторически необходимое, вынужденное настоятельными государственными потребностями Россіи.

Достаточно вспомнить старую исторію Кавказа, въ незапамятныя времена уже привлекшаго къ себѣ искателей золотого руна, достаточно бѣглаго взгляда на географическое положеніе кавказ-

скаго перешейка, лежащаго между двумя морями и между юго-восточною Европою и юго-западною Азіею,—двумя главными путями, которыми азіятскіе народы совершали свои передвиженія въ Европу, чтобы понять тотъ фатумъ, который неизбѣжно рано или поздно приводилъ русскій народъ къ столкновенію съ Кавказомъ. Недаромъ владычества надъ нимъ попеременно искали и оспаривали другъ у друга многочисленные народы и государства: съ запада греки, македоняне, римляне, Византійская имперія, наконецъ турки; съ юга—персы, арабы, монголы, наконецъ персіяне; съ сѣвера—скифы, аланы, готы, хозары, гунны, авары, половцы, печенѣги, монголы, турки, наконецъ русскіе. Кавказъ былъ ключемъ, безъ котораго невозможно было овладѣть обширными равнинами и запереть ихъ отъ вторженій все новыхъ и новыхъ племенъ и народовъ.

Возраставшій сѣверный великанъ, русское государство, имѣлъ передъ собою трудныя задачи. Какъ племя, имѣвшее великое историческое будущее, русскій народъ, по историческому закону, о которомъ говоритъ основатель научной географіи Риттеръ, естественно и неизбѣжно, хотя бы безсознательно, инстинктивно, долженъ былъ стремиться „къ міровому морю", вообще на просторъ сношеній съ другими народами. Но сѣверъ былъ суровъ и негостепріименъ, и еще до Рюрика и Олега проложенъ былъ славянами путь на южныя моря, „въ греки". Но югъ, къ которому стремилось почуявшее свои силы Русское царство, представлялъ обширныя степи, по которымъ невозбранно передвигались народы, не давая даже установиться границамъ Московской земли и держа въ постоянной войнѣ и опасности порубежное населеніе. Возникшему отсюда единственному явленію людского міра, казачеству, естественно предстояли тѣ же задачи, что и всему Русскому государству—найти границы, которыя можно было бы защищать. Но вплоть до Кавказа — не было границъ. И когда монгольскія царства стали не повелителями Руси, а ея покоренными владѣніями, когда Русь овладѣла всею Волгою и дошла до Каспійскаго моря, казачество скоро утвердилось на восточномъ побережьѣ Каспія, въ приморскомъ Дагестанѣ, а затѣмъ подъ крѣпкою помощью и защитою Московскаго царства провела линію городовъ и станицъ, вѣчно во-

оруженныхъ и готовыхъ къ защитѣ, отъ одного моря до другаго, и положила этимъ предѣлъ неожиданнымъ и безнаказаннымъ вторженіямъ въ предѣлы Россіи со стороны Кавказа.

Но Кавказъ былъ населенъ воинственными, гордыми и свободолюбивыми племенами, осадками народовъ, поочередно занимавшихъ подножія горъ, и Россіи предстояла еще вѣковая, упорная борьба, изъ которой побѣдителемъ могъ выйти только народъ и никакое государство. Казаки и другія войска, пришедшія туда, дѣйствительно, и были всегда „не войскомъ, дѣлающимъ только кампанію, а скорѣе воинственнымъ народомъ, созданнымъ Россіею и противопоставленнымъ ею воинственнымъ народамъ Кавказа", какъ сказалъ нѣкогда одинъ изъ блестящихъ военныхъ писателей. Среди постоянной опасности и войны, этотъ „войско-народъ" десятилѣтіями закалялся въ беззавѣтномъ мужествѣ, безпримѣрномъ въ исторіи и напоминающемъ развѣ только римскіе легіоны, посланные „вѣчнымъ городомъ" внести римскую цивилизацію въ лѣса и въ горы Германіи и Британіи, умирающіе или достигающіе своихъ цѣлей, одинокіе среди враждебныхъ племенъ, распространяющіе римскую власть и римскую мысль изъ какого нибудь маленькаго укрѣпленія.

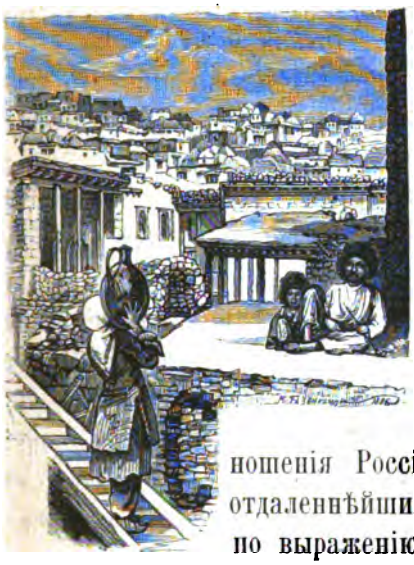
Нужно сознаться, что русское общество, не только гражданское, но даже и военное, мало знакомо съ величественною эпопеей кавказской войны, съ тѣмъ духомъ сказочно-героическихъ подвиговъ, который красной нитью проходитъ чрезъ всю вѣковую исторію кавказскаго завоеванія. Тамъ сотня человѣкъ, мужественно противостоящая тысячамъ и побѣждающая или умирающая до одного человѣка; тамъ генералъ, однимъ словомъ побуждающій на подвиги и дающій примѣръ геройской смерти своимъ солдатамъ; тамъ солдатъ, съ трогательной простотой сознательно отдающій жизнь за общее дѣло и неподозрѣвающій, что онъ совершаетъ нѣчто необыкновенное. И этимъ духомъ были проникнуты не единицы, а вся масса кавказскихъ войскъ.

„Тутъ прошли цѣлыя поколѣнія героевъ—говоритъ Соллогубъ, —тутъ были битвы баснословныя. Тутъ сложилась цѣлая лѣтопись молодецкихъ подвиговъ, цѣлая изустная русская Иліада, еще ожидающая своего пѣснопѣвца. И много тутъ въ горномъ без-

молвіи принесено безвѣстныхъ жертвъ и много тутъ улеглось людей, коихъ имена и заслуги извѣстны только одному Богу. Но всѣ они, прославленные и незамѣченные, имѣютъ право на нашу благодарность".

Русскій народъ можетъ гордиться кавказскимъ солдатомъ, примѣромъ того, до какой высоты можетъ подниматься нравственная сила русскаго человѣка. Недаромъ онъ воодушевлялъ русскихъ поэтовъ, не менѣе величественной природы кавказской. И если мы еще въ дѣтствѣ узнаемъ и научаемся уважать имена героевъ древности, Коклесовъ, Сцеволъ, то не дороже ли для насъ память нашихъ собственныхъ героевъ. Конечно, вся Россія знаетъ такихъ людей, какъ кн. Циціановъ, Ермоловъ, Котляревскій; но многимъ ли извѣстны скромныя имена Карягина, Гулякова, Монтрезора, Овечкина, Щербины и многихъ, многихъ другихъ,—людей, не высокихъ чинами, но великихъ своимъ героизмомъ и самопожертвованіемъ.

Пусть лежащая передъ читателемъ исторія кавказской войны увѣковѣчитъ память тѣхъ, чьи заслуги мы должны помнить и чтить.



I.

Кавказъ до Петра.

ношенія Россіи съ Кавказомъ начинаются съ отдаленнѣйшихъ временъ нашей исторіи, когда, по выраженію поэта, мы

Византію громили
И съ Косоговъ брали дань...

Лѣтописи разсказываютъ намъ о грозныхъ битвахъ Святослава на берегахъ Кубани, о единоборствѣ Мстислава съ черкесскимъ княземъ Редедею, о бракѣ сына Андрея Боголюбскаго съ Тамарою. Но минуя эти сказанія сѣдой старины, мы должны перейти прямо къ тѣмъ историческимъ достовѣрнымъ извѣстіямъ о Кавказѣ, которыя появляются въ первый разъ только въ царствованіе Ивана Третьяго и его внука Грознаго.

Извѣстно, что въ XVI вѣкѣ Каспійское море и Волга связывали въ одинъ политическій міръ всѣ мусульманскія царства, лежавшія по этому бассейну отъ Персіи до устьевъ Оки. Когда русскій народъ окончательно разорвалъ монгольскія цѣпи и сталъ на развалинахъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, онъ захватилъ въ свои руки многоводную Волгу, а Волга естественно должна была вывести его въ пустынное Каспійское море. Это море было тогда безъ хозяина, не имѣло даже у себя кораблей, но

по берегамъ его стояли многолюдные города и жили промышленные и богатые народы. Тѣмъ временемъ русское казачество, стремившееся все къ новымъ и новымъ окраинамъ, скоро поставило тамъ свои передовые форпосты и проникло далеко за Терекъ, въ самую землю *шавкала*, или *шевкала*, какъ называли у насъ тогда *шамхала* Тарковскаго, владѣльца большой части Дагестана, прилегающей къ западнымъ берегамъ Каспійскаго моря.

Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство, какъ разсказываетъ объ этомъ историкъ Терскаго войска.

Когда великій князь московскій Иванъ Третій — собиратель русской земли—разгнѣвался на молодечество рязанскихъ казаковъ и пригрозилъ имъ наказаніемъ, казаки Червленнаго Яра поднялись большою станицей, сѣли на струга съ семьями и животами и выплыли весеннимъ половодьемъ на Донъ, оттуда перебрались въ Волгу и пустились къ недосягаемому московскою погонею убѣжищу—къ устьямъ Терека. Въ этомъ глухомъ уголкѣ восточнаго Кавказа существовало тогда полуторговое, полуразбойничье мѣстечко Тюмень, о которомъ будетъ сказано ниже. Не подлежитъ сомнѣнію, что удалая станица Червленнаго Яра направлялась именно къ этому притону; но преданіе не объясняетъ, по какимъ обстоятельствамъ она тамъ не осѣла, а двинулась вверхъ по Тереку къ пятигорскимъ черкесамъ, нынѣшнимъ кабардинцамъ, вступила съ ними въ тѣсный союзъ и поселилась въ предгоріяхъ Кавказскаго хребта, тамъ, гдѣ впадаетъ Аргуна въ Сунжу. Съ этого времени первые русскіе поселенцы на Кавказѣ становятся исторически извѣстными подъ именемъ гребенскихъ, т. е. горныхъ казаковъ. Московскому государству было небезвыгодно поддерживать своихъ колонизаторовъ. Къ тому же единовѣрная Грузія молила московскаго царя о помощи. Кабардинцы, вѣрные союзники наши во всѣхъ походахъ противъ крымскаго хана, также просили о принятіи ихъ въ московское подданство, а бракъ московскаго царя съ черкесскою княжною Маріею Темрюковною еще болѣе упрочивалъ эти взаимныя дружественныя связи. Пользуясь благопріятными обстоятельствами, московскому царству было естественно хлопотать о распространеніи своего торговаго и политическаго господства въ Кавказскомъ краѣ. Существуетъ преданіе, что царь

Иванъ Васильевичъ Грозный допустилъ къ своему лицу пріѣзжавшихъ съ Терека въ Москву гребенскихъ стариковъ и уговаривалъ ихъ жить въ мирномъ согласіи, обѣщая пожаловать за это Терекомъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ событіи одна старинная казацкая пѣсня:

Не сѣрые гуси въ полѣ гогочутъ,
Не сѣрые орлы въ поднебесьи клокочутъ,
То гребенскіе казаки передъ царемъ гуторятъ,
Передъ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ.
Они самому царю-надежѣ говорятъ:
Ой ты батюшка нашъ православный царь,
Чѣмъ ты насъ подаришь, чѣмъ пожалуешь?
Подарю я васъ, казаченки, да пожалую
Рѣкою вольною, Терекомъ Горынычемъ,
Что отъ самаго гребня до синя моря,
До синяго моря до Каспицкаго.

По приказанію царя поставлена была тогда на Терекѣ, при впаденіи въ нее Сунжи, Терская крѣпость, и царь, отдавая ее гребенцамъ, повелѣлъ имъ „служить свою службу государскую и беречи свою вотчину кабардинскую“. Все это были факты далеко не утѣшительные для тогдашнаго мусульманскаго міра. Восточные историки говорятъ о паническомъ страхѣ, обуявшемъ мусульманъ каспійскаго прибрежья, когда они узнали о паденіи Казани и Астрахани. Связанные близкими сношеніями съ этими странами, они съ минуты на минуту ожидали собственной гибели—и были правы. Если уже казацкіе атаманы распоряжались тогда какъ хотѣли по всему каспійскому прибрежью, то для московскаго царя не было бы слишкомъ мудренымъ дѣломъ покорить расположенныя на немъ мусульманскія царства.

Къ сожалѣнію, скоро наступили мрачные дни царствованія Іоанна Грознаго, и русскіе интересы на Кавказѣ отошли на нѣкоторое время въ сторону. Правда, въ это время русскіе все-таки вышли въ Каспійское море, но ограничились уже только тѣмъ, что при устьяхъ Терека заложили укрѣпленный городокъ Тюмень или Терки. И это было опять казацкое дѣло.

Преданіе говоритъ, что три атамана донскихъ и волжскихъ казаковъ, навлекшихъ на себя царскую опалу, въ 1579 году совѣщались въ низовьи Волги, куда имъ укрыться отъ царскаго

гнѣва. Старшій изъ нихъ, Ермакъ Тимоѳеевичъ, потянулъ на сѣверъ, къ именитымъ людямъ Строгановымъ, и сдѣлался завоевателемъ царства Сибирскаго, остальное казачество выплыло въ море и, разбившись на два товарищества, направилось—меньшинство къ Яику, а большинство опять къ тому же Тереку, въ глухое приволье тюменевскаго владѣнія, гдѣ съ давнѣйшихъ поръ заведенъ былъ разбойничій притонъ для всѣхъ воровскихъ казаковъ. Тамъ они остановились и построили свой трехстѣнный городокъ, названный Терки, куда и стали собирать къ себѣ кабардинцевъ, чеченцевъ, кумыковъ и даже черкесовъ. Разноплеменная смѣсь всѣхъ этихъ элементовъ впослѣдствіи и образовала изъ себя правильное Терское войско. Въ то время какъ казаки укрѣплялись въ Теркахъ, основанная царемъ Терская крѣпость на Сунжѣ вскорѣ была уничтожена въ угодность турецкому султану; но дѣло отъ того въ сущности не измѣнилось, такъ какъ мѣсто, гдѣ она стояла, продолжало служить постояннымъ притономъ бродягъ и удальцовъ, селившихся здѣсь безъ вѣдома царя и занимавшихся разбоями. Впослѣдствіи они испросили себѣ прощеніе Ивана Грознаго и, присоединившись къ Терскому войску, обязались охранять наши пограничныя владѣнія.

Съ этихъ поръ мысль о господствѣ на Кавказѣ становится какъ бы наслѣдственною въ русской исторіи. Даже мирный царь Ѳедоръ продолжалъ политику своего отца. Онъ возстановилъ Терскую крѣпость при Сунжѣ, и думалъ заложить новую крѣпость Койсу, уже на самомъ Сулакѣ, подъ видомъ огражденія нашихъ владѣній, а въ сущности съ тѣмъ, чтобы угрожать самому шамхалу, бывшему непримиримымъ врагомъ иверійскаго царя Александра.

Въ 1586 году послы этого царя были въ Москвѣ и „били челомъ, чтобы единственный православный государь принялъ ихъ народъ въ свое подданство и спасъ ихъ жизнь и душу“. Москва и Иверія согласились тогда дѣйствовать вмѣстѣ, чтобы сдѣлать шавкалу „великое утѣсненіе“, отнявъ у него столичный городъ Тарки и посадивъ туда на шамхальство Александрова свата.

Весною 1594 года, русское войско, собранное въ Астрахани въ числѣ двухъ тысячъ пятисотъ человѣкъ, подъ начальствомъ воеводы Хворостина, двинулось на Терекъ и, усилившись здѣсь

терскими и гребенскими казаками, пошло на рѣку Койсу. Эта Койсу, нынѣшній Сулакъ, и была назначена пунктомъ для соединенія съ иверійскимъ войскомъ.

Шамхалъ съ тарковцами, кумыками и ногаями, встрѣтилъ русскихъ на рѣкѣ Койсу, но не удержалъ переправы и отступилъ къ Таркамъ. Городъ Тарки, расположенный амфитеатромъ по скату скалистой горы, близъ берега Каспійскаго моря, не имѣлъ особенно сильныхъ укрѣпленій и взять его не стоило русскимъ большого труда. Но удержаться въ немъ было трудно. Шамхалъ былъ сторонникомъ выжидательнаго способа веденія войны и слѣдовалъ дагестанскому правилу: „ловить скорпіона за хвостъ". Воевода началъ укрѣплять Тарки. Но отъ усиленныхъ работъ въ жаркіе лѣтніе дни и отъ недостатка продовольствія въ его войскахъ начали развиваться лихорадки. Шамхалъ держалъ русскихъ въ блокадѣ, сперва широкой, а потомъ болѣе и болѣе тѣсной. Встревоженный Дагестанъ каждый день высылалъ къ нему новыя подкрѣпленія, и наибольшую поддержку давалъ при этомъ сильный аварскій ханъ, находившійся въ родствѣ съ тарковскими шамхалами. Осажденные изнурялись въ постоянныхъ битвахъ, и все ждали прибытія грузинской рати, но она не приходила, а что еще важнѣе—не являлся сватъ кахетинскаго царя, котораго слѣдовало посадить въ Таркахъ на шамхальство. Храбрый воевода, видя себя въ безнадежномъ и безцѣльномъ положеніи, рѣшился, наконецъ, бросить свое завоеваніе и отойти обратно на Терекъ. Но отступленіе въ виду громадныхъ непріятельскихъ скопищъ и съ большимъ числомъ своихъ больныхъ и раненыхъ, которыхъ нельзя было бросить—требовало чуть ли не бо́льшей рѣшимости и отваги, чѣмъ наступательное движеніе въ глубину незнакомыхъ горъ. Составили совѣтъ, на которомъ не долго спорили, и выступили скрытно ночью, бросивъ въ добычу лукавому „шавкалу" всѣ лишнія тяжести. Благодаря азіятской сонливости враговъ, воеводѣ удалось уйти на довольно большое разстояніе. Но та же темнота осенней ночи, которая оказала покровительство началу похода, явилась предательницей для его продолженія. Проглянувшая въ туманѣ предразсвѣтная луна показала роковую ошибку: отрядъ сбился съ дороги и зашелъ къ болотистому ни-

зовью рѣчки Озени. Гребенцы бросились во всѣ стороны и отыскали ногайскій кошъ, изъ котораго привели мальчика пастуха, не успѣвшаго спрятаться вмѣстѣ съ взрослыми. Пока съ его помощью выбирались на чистую дорогу, наступилъ день. Отступавшихъ стали настигать толпы непріятельской конницы, которая съ разныхъ сторонъ завязывала бой съ визгомъ и крикомъ, а вдали, позади ея, въ грозномъ безмолвіи поднимались облака пыли отъ тяжело двигавшихся главныхъ силъ шамхаловой рати. Отбивая насѣдавшую конницу, русскіе ускоряли ходъ и бросали тяжелый нарядъ и повозки. Бросали и трудно больныхъ и раненыхъ. Тарковцы и аварцы накидывались на нихъ, какъ голодные волки, и ихъ отчаянные вопли надрывали сердца московскихъ ратниковъ. Въ полдень надвинулась вся сила басурманская. Нападеніе вели муллы съ поднятыми надъ головами свитками и съ завываніемъ огненныхъ стиховъ изъ корана. Русскіе упорно отбивались, то останавливаясь и строясь „въ кольцо", то вновь двигаясь и устилая путь каждаго перехода тѣлами убитыхъ и раненыхъ своихъ и непріятельскихъ. Только по закатѣ солнца русскимъ удалось добраться до Койсу, гдѣ наступившая ночь и обоюдное истощеніе сторонъ прекратили битву. Воевода Хворостинъ пережилъ свое несчастіе и привелъ обратно на Терекъ едва четвертую часть своего отряда.

Было ясно, говоритъ историкъ Соловьевъ, что Московское государство въ концѣ XVI вѣка еще не могло поддерживать такихъ отдаленныхъ владѣній, но тѣмъ не менѣе царь Ѳедоръ принялъ тогда же титулъ „государя земли Иверской, грузинскихъ царей и Кабардинской земли, черкасскихъ и горскихъ князей".

Царь Борисъ не хотѣлъ оставить дѣла, начатаго Ѳедоромъ Ивановичемъ и, спустя десять лѣтъ, въ 1604 году, вновь двинулъ на Терекъ сильные полки изъ Казани и Астрахани съ воеводами Бутурлинымъ и Плещеевымъ. Опять условлено было съ иверійскимъ царемъ, чтобы его грузинская рать выслана была на соединеніе съ русской для совмѣстнаго дѣйствія, — и опять грузины не пришли, потому что были взяты шахомъ на его „кизилбашскую службу". Тѣмъ временемъ русскіе воеводы съ десятитысячнымъ отрядомъ выступили отъ устьевъ Терека и, подви-

гаясь твердымъ шагомъ на Тарки, поставили крѣпостцы на Сулакѣ и Акташѣ. Отдѣльныя части отряда производили поиски къ Эндери, Исти-су и по другимъ направленіямъ, забирая у жителей хлѣбъ, скотъ и конскіе кормы. Кумыкская плоскость, казалось, была вся во власти русскихъ, но болѣе воинственное населеніе уходило къ шамхалу подъ Тарки, съ враждою и злобой за причиненное ему разореніе. Тогдашній шамхалъ, этотъ Митридатъ для московскихъ воеводъ, уклонялся отъ полевыхъ дѣйствій и сосредоточивалъ свои силы въ Таркахъ, оборона которыхъ была приведена имъ въ лучшее положеніе, благодаря указаніямъ, оставленнымъ Хворостинымъ.

Прождавъ безполезно долгое время подкрѣпленій, обѣщанныхъ изъ Грузіи, воеводы подошли наконецъ къ шамхаловой столицѣ и, раздѣлившись на двѣ колонны, повели приступъ. Старый Бутурлинъ, славившійся своею доблестью, шелъ со стрѣльцами; Плещеевъ — съ боярскими дѣтьми и казаками: донскими, яицкими, терскими и гребенскими. Передъ штурмомъ войска цѣловали крестъ и выслушали рѣчь, въ которой напоминалось имъ о костяхъ братьевъ, здѣсь полегшихъ, и о русской крови, вопіявшей объ отомщеніи. И стрѣльцы, и боярскія дѣти, и казаки пошли на приступъ съ одушевленіемъ и овладѣли городомъ. Городскія улицы и площади были устланы непріятельскими тѣлами, а самъ шамхалъ бѣжалъ къ аварскому хану. Этотъ шамхалъ былъ уже дряхлый старикъ, почти лишившійся зрѣнія, и потому, удалившись въ столь трудную годину отъ дѣлъ, предоставилъ теперь шамхальствовать и дѣйствовать противъ русскихъ сыну своему Султану-Муту, славившемуся военными способностями.

Овладѣвъ Тарками, Бутурлинъ сталъ возводить новую крѣпость. Наступившее позднее время года скоро однако пріостановило работы, а недостатокъ жизненныхъ припасовъ заставилъ воеводу отпустить половину стрѣлецкихъ полковъ на зимовку въ Астрахань. Войско, оставшееся въ Таркахъ, должно было испытать въ продолженіе зимы многія лишенія, а между тѣмъ предпріимчивый Султанъ-Мутъ успѣлъ поднять весь Дагестанъ. Чтобы возбудить и населеніе Кумыцкой плоскости, онъ двинулся съ громаднымъ скопищемъ на русскій острогъ, поставленный на Сулакѣ. Стояв-

шій здѣсь съ небольшимъ отрядцемъ князь Владиміръ Долгорукій, не имѣя запасовъ, чтобы выдержать осаду, зажегъ свое деревянное укрѣпленіе и отступилъ къ Тереку. Тому же примѣру послѣдовалъ и острожекъ на Акташѣ. Ободренный такимъ успѣхомъ, шамхалъ подступилъ со всей своей силой къ Таркамъ и требовалъ, чтобы воеводы, очистивъ его столицу, также отошли на Терекъ. За послѣдовавшимъ со стороны воеводъ отказомъ начались жестокія битвы. Непріятельской рати собралось изъ кумыцкихъ владѣній, аварскихъ и другихъ лезгинскихъ обществъ, болѣе двадцати тысячъ, но, не довольствуясь этимъ, новый шамхалъ обратился за помощью къ туркамъ и ждалъ прибытія ихъ вспомогательнаго отряда изъ Дербента. Воеводы хотя и тревожились возможностью столкновенія съ турками, не бывшими въ войнѣ съ Московскимъ государствомъ, но продолжали твердо отстаивать свое завоеваніе. Наконецъ часть крѣпостной стѣны, за которою дрались русскіе, была разрушена, а вслѣдъ затѣмъ и каменная башня, взорванная осаждающими, взлетѣла на воздухъ, похоронивъ подъ своими развалинами лучшія дружины московскихъ стрѣльцовъ. Еще не смолкъ гулъ этого страшнаго взрыва, какъ Султанъ-Мутъ уже повелъ свою пѣхоту на приступъ. Русскіе не дрогнули и отбили нападеніе, съ страшнымъ для непріятеля урономъ. Однако же и сами они потеряли много людей. Истощенныя стороны рѣшились, наконецъ, вступить въ переговоры. Русскіе воеводы требовали, чтобы шамхалова рать отошла отъ Тарковъ и дала имъ свободное отступленіе за Сулакъ, не поднимая оружія; чтобы шамхалъ принялъ на свое попеченіе трудно больныхъ и раненыхъ, которыхъ придется покинуть въ Таркахъ, а по выздоровленіи отпустилъ бы ихъ въ Терки; наконецъ, чтобы въ обезпеченіе договора онъ далъ воеводамъ въ аманаты своего сына, который послѣдовалъ бы съ русскимъ войскомъ въ Терки и находился бы тамъ, доколѣ послѣдній русскій человѣкъ не будетъ отпущенъ изъ Тарковъ.

Соглашаясь на эти условія, шамхалъ съ своей стороны потребовалъ, чтобы воевода Бутурлинъ оставилъ ему въ заложники сына, который находился при немъ и выдавался своимъ удальствомъ изъ всѣхъ боярскихъ дѣтей, и чтобы русскіе не ходили

никогда большою войною на Тарки. Послѣ рѣшительнаго отказа Бутурлина принять эти два предложенія, шамхалъ отъ нихъ отступился, но остальной договоръ утвердилъ и сына въ аманаты выдалъ.

Оставивъ всѣхъ своихъ трудно больныхъ и тяжело раненыхъ на попеченіе шамхальцевъ, русскіе выступили изъ Тарковъ съ пѣснями, съ грохотомъ бубновъ и потянулись безпечно къ Сулаку. На радости прошла по рядамъ лишняя чарка зелена вина. „Мы, говоритъ историкъ Терскаго войска,—смягчаемъ въ этомъ мѣстѣ кумыцкое сказаніе, которое выражается сильнѣе, но пускай его выраженіе будетъ преувеличеніемъ“. У дагестанцевъ былъ также праздникъ—день байрама. Въ шамхальскомъ станѣ цѣлое утро раздавалась пальба, завывали молитвенные азамы, въ дополненіе которыхъ имамы сочли приличнымъ украсить великій праздникъ правовѣрныхъ достойнымъ ислама дѣломъ — разрѣшеніемъ шамхала и его сподвижниковъ отъ клятвы, данной невѣрнымъ.

Съ объявленіемъ этой дагестанской индульгенціи послѣдовалъ шамхальскій приказъ, взамѣнъ военныхъ игръ, сопровождающихъ празднованіе байрама, произвести внезапное нападеніе на отступавшихъ русскихъ, на первомъ ихъ привалѣ, и вырѣзать ихъ до ночи. Случилось, что въ тотъ же день шамхалъ праздновалъ свой бракъ съ дочерью аварскаго хана. Къ свадьбѣ, по обычаю, приготовлены были сотни тулуковъ бузы, которой стало угостить всю 20-ти тысячную рать, стянувшуюся къ Таркамъ на выручку шамхала. Вся эта сила, раздѣленная на нѣсколько частей, двинулась скрытными мѣстами вслѣдъ за русскими и неожиданно ринулась на нихъ со всѣхъ сторонъ, когда они, перейдя рѣчку Озень, расположились нестройно на привалъ и беззаботно варили кашу. Вдохновленные хмѣлемъ свадебной бузы, непріятельскіе наѣздники врѣзались въ русскіе ряды, не давъ имъ устроиться и воспользоваться преимуществомъ, которое давалъ имъ „огненный бой“. Смятеніе увеличивали все новыя и новыя непріятельскія толпы, стремившіяся одна за другой съ длинными кинжалами въ рукахъ. Бой былъ рукопашный; русскіе сбивались въ кучу, не сдавались на дѣлаемыя имъ предложенія и рѣ-

зались отчаянно, пока не падалъ послѣдній человѣкъ, „боясь“, какъ говоритъ лѣтописецъ, „не смерти, а плѣна“. Костековское преданіе, принося дань удивленія ихъ твердости, между прочимъ, разсказываетъ, что воевода Бутурлинъ, сѣдобородый богатырь, видя неминучую гибель русской рати, собственноручно изрубилъ шамхалова аманата въ куски; но то былъ подставной аманатъ, совсѣмъ не шамхаловъ сынъ, а какой-то преступникъ, приговоренный къ висѣлицѣ и только этимъ подлогомъ купившій себѣ помилованіе. Разсказъ вполнѣ вѣроятный, потому что такіе же подлоги съ аманатами совершались часто и въ ближайшее къ намъ время.

Почти все московское войско и оба воеводы, Бутурлинъ и Плещеевъ, полегли въ этой адской свалкѣ, продолжавшейся, благодаря русской стойкости, нѣсколько страшныхъ часовъ. Но и дагестанцы понесли весьма чувствительныя потери убитыми, въ числѣ которыхъ былъ и самъ шамхалъ Султанъ-Мутъ, прославившійся военными подвигами въ походахъ на Грузію. Безполезно прибавлять, что покинутые въ шамхальской столицѣ, несчастные больные и раненые русскіе погибли мучительною смертью, влачимые и терзаемые по улицамъ не только мужчинами, но даже малыми дѣтьми и старыми женщинами.

Такъ кончился этотъ несчастный, хотя и славный для побѣжденныхъ, походъ, стоившій намъ отъ шести до семи тысячъ воиновъ, и на цѣлыя 118 лѣтъ изгладившій всѣ слѣды россійскаго пребыванія въ земляхъ собственно Дагестана.

На Руси, между тѣмъ, наступила смутная пора самозванцевъ, и русскимъ уже некогда было думать объ отмщеніи шамхальцамъ за кровь Бутурлина и за обиду Московскому царству. Даже казацкая вольница, тянувшая въ ту пору къ самозванцамъ и не встрѣчавшая уже въ московскомъ царѣ грознаго карателя, отъ гнѣва котораго нужно было подъ-часъ уходить, — забыла о Кавказѣ, и только тѣ казацкія поселенія, которыя возникли тамъ прежде, стойко держались не только на Терекѣ, но даже за Терекомъ, откуда никакія силы чеченцевъ и кумыковъ не могли ихъ выбить. Такъ продолжалось дѣло почти до Петра Великаго. Существуетъ, впрочемъ, фактъ, говорящій о томъ, что понизовая вольница не совсѣмъ еще забыла проторенную дорожку въ да-

гестанскія горы и въ эти времена. Есть преданіе, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича, около 1769 года, знаменитый волжскій атаманъ Стенька Разинъ приплылъ на стругахъ къ берегамъ Дагестана и произвелъ такой погромъ въ шамхальскихъ владѣніяхъ, который живетъ и понынѣ въ памяти прибрежныхъ жителей. Пытался Степанъ Тимоѳеевичъ добраться тогда до самаго шавкала, засѣвшаго въ крѣпкихъ Таркахъ, и пробовалъ даже брать его приступомъ—да неудачно: тарковцы отбились. Три дня грабилъ атаманъ окрестности города, а затѣмъ сѣлъ на струга и уплылъ громить Персидское царство.

Собственно же русская государственная политика на Кавказѣ была надолго парализована смутнымъ временемъ. При первыхъ Романовыхъ Московское государство не стремилось къ господству на Кавказѣ; даже сношенія съ единовѣрною Грузіей, служившей постояннымъ поводомъ къ кавказскимъ столкновеніямъ, приняли совершенно иной характеръ. Напрасно грузинскій царь Теймуразъ слалъ пословъ за послами въ Московскую землю. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, занятый строеніемъ своего государства, не хотѣлъ мѣшаться въ чужія дѣла, а Грузія, между тѣмъ, стояла на краю погибели. Великій Шахъ-Аббасъ—этотъ левъ Ирана, какъ называютъ его лѣтописи—вторгнулся въ Кахетію, и цвѣтущая страна обращена была въ развалины; онъ залилъ ее кровью и спалилъ ея города, села, монастыри и церкви. Христіанство было поругано. Персіяне, заставая въ церквахъ исповѣдниковъ Христа, сжигали ихъ тысячами. Царь долженъ былъ бѣжать въ Имеретію. Не скоро оправилась Грузія отъ этого погрома; а когда оправилась Грузія, и царь Теймуразъ снова овладѣлъ престоломъ, взоры ея обратились опять къ единовѣрной Россіи. Московскимъ царствомъ правилъ въ то время уже Алексѣй Михайловичъ. Занятый польскою войною, царь не могъ удовлетворить желаніямъ грузинскихъ пословъ, просившихъ помощи. Тогда Теймуразъ рѣшился самъ предпринять путешествіе и прибылъ въ Москву, гдѣ его приняли радушно, но въ помощи ему опять отказали.

Такъ говоритъ намъ исторія. Существуетъ однако легенда, созданная грузинскимъ народомъ, которая утверждаетъ иное. Преданіе это разсказываетъ, что когда Шахъ-Аббасъ, повелитель Ира-

на, въ началѣ XVII вѣка, вломился въ Грузію и завладѣлъ всею Кахетіей и большею частью Карталиніи, тогда на помощь къ грузинскому царю, укрывшемуся съ остатками разбитыхъ войскъ на крѣпостной позиціи около Мцхета, явилась русская помога съ береговъ Днѣпра и Терека. Легенда пріурочиваетъ это событіе ко времени царствованія у насъ Алексѣя Михайловича и придаетъ стрѣлецкому воеводѣ и казацкому атаману такія характерныя, чисто народныя русскія черты, которыя переносятъ васъ совершенно въ иной міръ, нежели Грузія, и заставляютъ вѣрить въ дѣйствительность того, что создано, быть можетъ, только народною фантазіей. Такъ, во время послѣдней битвы, освободившей Грузію отъ нашествія иранскаго завоевателя, воевода обращается къ стрѣльцамъ со словами: „Ребята! ляжемъ костьми на мѣстѣ и не положимъ безславія на русское имя, по завѣтному слову нашихъ отцовъ: мертвіи бо сраму не имутъ". Атаманъ же говоритъ своему товариществу: „Утекать, братцы, некуда—сами видите. До Днѣпра далеко, да тамъ же нѣтъ у насъ ни женъ, ни дѣтей—плакать будетъ некому. Такъ уже коли не то, такъ сложимъ головы добрымъ порядкомъ и не покажемъ бусурманамъ прорѣхъ и заплатъ на спинахъ казацкихъ".

Въ словахъ русскаго воеводы характеристиченъ не одинъ только складъ чисто русскаго ума; въ его уста легенда вкладываетъ и то завѣтное слово отцовъ нашихъ: „мертвые срама не имутъ", которое занесено въ русскія лѣтописи, но едва ли могло быть извѣстно грузинамъ. Не дышатъ ли, съ другой стороны, и слова казацкаго атамана той чисто казацкой удалью и бездомностью, тѣмъ удивительнымъ и характернымъ презрѣніемъ къ благамъ земнымъ, которые такъ свойственны были казакамъ и здѣсь выражаются словами о „прорѣхахъ и заплатахъ на спинахъ казацкихъ".

Легенда прибавляетъ, что воевода отошелъ на Терекъ съ великою честью, казаки же пустили пики за плечо, затянули пѣсню не то веселую, не то заунывную, и отправились напрямикъ, безъ всякихъ дорогъ, „пошарпать" приморскія области Персіи.

*) Эта въ высшей степени поэтическая легенда разсказана г. Попкой въ его статьѣ «Алла-Верды» (Воен. Сборн. 1861 г.).

Кто были этотъ воевода стрѣлецкій и атаманъ казацкій и откуда они приходили—преданіе не говоритъ. Исторія, быть можетъ, также никогда не узнаетъ этого. Несомнѣнно одно, что внутренняя, духовная связь между Москвою и Грузіей не прекращалась и побуждала грузинскій народъ, въ дни его бѣдствій, включать русскую помощь тамъ, гдѣ ея въ дѣйствительности, быть можетъ, и не было. Тяготѣніе Грузіи къ единовѣрной Москвѣ—фактъ далеко не случайный. Ея совершившееся впослѣдствіи присоединеніе къ Россіи и непосредственно связанная съ нимъ борьба Россіи съ кавказскими горцами уже виднѣлись въ туманной дали грядущихъ событій.

БИБЛИОТЕКА

II.

Петровскіе походы.

Императоръ Петръ съ удивительною проницательностію угадывалъ всѣ тѣ задачи, которыя предстояли Россіи въ будущемъ по ея географическому положенію и по историческому прошлому. Прорубая окно въ Европу, вводя въ страну совершенно новыя отношенія къ европейскому образованію, Петръ предвидѣлъ и ту громадную роль, которую пришлось впослѣдствіи играть великой имперіи на дальнемъ азіятскомъ востокѣ. Его политика въ Средней Азіи, стремившаяся къ открытію новыхъ торговыхъ путей съ богатою Индіею, положила начало всѣмъ нашимъ послѣдующимъ дѣйствіямъ въ Азіи. Кавказъ представлялъ первую этапную станцію на этомъ великомъ пути развитія русскихъ интересовъ въ азіятскихъ странахъ, и Петру скоро представился поводъ обратить на него серьезное вниманіе.

Мы видѣли уже, что внутреннія дѣла Московскаго царства надолго уничтожили вліяніе его на Кавказѣ, и только казацкія станицы удержались на Терекѣ и даже за Терекомъ. Но и имъ приходились отстаивать свое существованіе постоянною упорною борьбою, въ которой шансы не всегда бывали на ихъ сторонѣ. Такъ, въ 1707 году, Терскому войску пришлось испытать страшный погромъ отъ кубинскаго хана Каибъ-Султана. Съ огромнымъ

скопищемъ онэъ напалъ на казацкіе городки и разорилъ ихъ до основанія; множество терцевъ при этомъ было убито, еще большее число захвачено въ плѣнъ. Остатки Терскаго войска однакоже удержались на Терекѣ, а спустя пять лѣтъ, сюда же, на лѣвый берегъ рѣки, переведено было, уже по приказанію царя, все Гребенское войско, жившее на Сунжѣ. Оно образовало на Терекѣ пять новыхъ станицъ, извѣстныхъ и до настоящаго времени своимъ богатствомъ и многолюдностью. Это были станицы: Червленная, Щедринская, Новогладковская, Старогладковская и Курдюковская.

Поводомъ къ этому переселенію послужили слѣдующія обстоятельства. Во время несчастнаго для насъ прутскаго похода, царь Петръ Алексѣевичъ приказалъ казанскому и астраханскому губернатору Петру Матвѣевичу Апраксину идти на Кубань, чтобы съ одной стороны развлечь этимъ движеніемъ турецкія силы, а съ другой наказать татарскія племена, дѣлавшія набѣги на наше поволжье. Апраксинъ въ августѣ 1711 года дошелъ до Кубани и, разославъ свои войска вверхъ и внизъ по теченію рѣки, въ нѣсколько дней исполнилъ возложенное на него порученіе, донеся Петру, что онъ полонилъ, разорилъ и пожогъ всѣ кубанскія татарскія жилища и забралъ у нихъ много богатства, добычи и полону.

На возвратномъ пути домой, Апраксинъ узналъ, что 20 татарскихъ мурзъ съ своими войсками, подъ общимъ начальствомъ Чанъ-Араслана, идутъ изъ Саратовскаго и Пензенскаго уѣздовъ, гдѣ грабили и разоряли русскія села. Апраксинъ отрядилъ противъ нихъ калмыцкаго хана, который отбилъ весь русскій полонъ и нанесъ татарамъ такое пораженіе, что изъ трехъ тысячъ всадниковъ остались въ живыхъ только одинъ мурза и два простые татарина. Страшное пораженіе татаръ подняло на ноги все Закубанье. Семь тысячъ кубанцевъ и черкесовъ, подъ начальствомъ Нурадинъ-Султана, кинулись въ погоню за Апраксинымъ и настигли его 5-го сентября на р. Чаны. Закипѣла ужасная сѣча, татары снова были разбиты. Калмыки преслѣдовали ихъ за Кубань и возвратились съ несмѣтными стадами — до полумилліона головъ. Петръ приказалъ отдать имъ эту добычу за вѣрную службу.

Во время этого похода губернаторъ Апраксинъ впервые

узналъ кабардинцевъ и гребенскихъ казаковъ. Какъ тѣ, такъ и другіе съ великой охотой ходили съ нимъ за Кубань, и сослужили ему добрую службу. Тутъ познакомился онъ также съ положеніемъ дѣлъ въ Кабардѣ и въ крѣпости Теркѣ. Тылъ этой крѣпости, по низовьямъ Терека до моря, былъ достаточно прикрытъ терскими казаками, но такого же прикрытія въ противоположную сторону, по направленію къ Кабардѣ, не было. Апраксинъ превосходно понялъ, что такое прикрытіе могло бы образоваться изъ гребенскихъ казаковъ, если бы это храброе войско, наверстывающее свою немноголюдность превосходными боевыми качествами, не сидѣло особнякомъ въ уединенномъ мысу между Терекомъ и нижнею Сунжею. Надо полагать, что придуманная Апраксинымъ мѣра не была противна и собственнымъ видамъ гребенцовъ, потому что они безпрекословно приняли предложеніе его, и въ томъ же году переселились на Терекъ, гдѣ поставили въ линію пять своихъ городковъ въ томъ самомъ порядкѣ, какъ они существуютъ донынѣ.

Такимъ образомъ казанскій и астраханскій губернаторъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ долженъ считаться первымъ основателемъ Терской кордонной линіи, изъ которой и „развернулась потомъ отъ моря до моря Кавказская линія, прославленная столькими подвигами, проходящая сіяющей полосою, какъ млечный небесный путь, чрезъ всю исторію кавказской войны въ текущемъ столѣтіи“. Такъ выражается историкъ Терскаго войска.

Съ заключеніемъ прутскаго мира, когда Россія вынуждена была уступить Турціи обратно Азовъ,—этотъ ключъ къ Черному морю, Петръ перенесъ свои любимые помыслы на каспійское прибрежье и рѣшился предпринять изслѣдованіе восточныхъ береговъ этого моря, откуда предположилъ искать торговаго пути въ Индію. Исполнителемъ этой могучей мысли былъ избранъ имъ князь Александръ Бековичъ-Черкасскій. Въ 1716 году Бековичъ отплылъ изъ Астрахани и началъ сосредоточивать сильный отрядъ близъ самаго устья Яика.

Съ Кавказа назначены были въ этотъ походъ конный пятисотенный полкъ гребенскихъ и часть терскихъ казаковъ, преимущественно изъ инородцевъ. Они прибыли въ Гурьевъ-городокъ и здѣсь долго простояли въ бездѣйствіи, такъ какъ князь Бековичъ

ѣздилъ выбирать опорные пункты на Каспійскомъ морѣ и устраивалъ укрѣпленія св. Петра, Александровское и Красноводское, поставленныя имъ у мыса Тюпъ-Карагана и у входа въ Александровскій и Балханскій заливы, какъ на мѣстахъ болѣе удобныхъ для сообщенія съ Астраханью.

Только утвердясь такимъ образомъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, русскія войска вышли изъ Гурьева въ іюнѣ 1717 года, и двинулись по необъятнымъ и невѣдомымъ средне-азійскимъ степямъ по направленію къ Хивинскому царству. На дорогѣ, у плотинъ, заграждавшихъ теченіе Аму-Дарьи къ каспійскому бассейну, требовалось остановиться, чтобы устроить городокъ и произвести нѣкоторыя сооруженія, долженствовавшія возвратить древнему Оксусу славное нѣкогда теченіе его къ морю Хвалынскому. Въ народѣ жило преданіе, что средне-азіятскіе ханы отвратили это теченіе, носившее великія богатства, къ пустынному морю Аральскому именно для того, чтобы не дать Руси пробраться въ глубину невѣдомаго міра азіятскихъ пустынь.

Съ такою богатырскою миссіею князь Бековичъ-Черкасскій шелъ шесть недѣль по голодной и безводной степи, сдѣлалъ до тысячи четырехсотъ верстъ и цѣною невообразимыхъ лишеній достигъ наконецъ озеръ, образуемыхъ плотинами Аму-Дарьи. До этого мѣста только киргизы и трухмены сдѣлали на русскихъ два большія нападенія; но едва русскій отрядъ остановился на берегу Аму-Дарьи для короткаго отдыха, какъ самъ хивинскій ханъ Ширъ-Гази появился предъ нимъ съ многолюдною ратью, конной и пѣшей, и началъ биться „пищальнымъ и лучнымъ боемъ“, продолжавшимся три дня. Казаковъ за окопами было побито не больше десяти человѣкъ, а нападавшихъ хивинцевъ съ киргизами и трухменами полегло больше тысячи. На четвертый день ханъ вступилъ въ мирные переговоры и клялся на коранѣ, чтобы противу русскихъ не поднимать оружія и быть во всемъ имъ послушнымъ. Но едва Бековичъ, повѣрившій этой клятвѣ, принялъ предложеніе хана посѣтить Хиву и раздѣлить весь отрядъ на нѣсколько частей для лучшаго продовольствія, какъ вѣроломные хивинцы предательски напали на русскихъ и по частямъ истребили отрядъ до послѣдняго человѣка. Самъ Бековичъ-Чер-

касскій погибъ мучительною смертію: съ него сняли кожу и, сдѣлавъ изъ нея чучело, выставили на позоръ надъ городскими воротами.

Пятьсотъ отборныхъ гребенскихъ бойцовъ и большая часть терскихъ казаковъ погибли тогда въ рукахъ полудикихъ варваровъ, или подъ ударомъ предательскаго ножа, или въ цѣпяхъ тяжкаго рабства. Сотни семей осиротѣли на Терекѣ, и памятникомъ этого остаются въ гребенскихъ городкахъ до сихъ поръ своеобразныя фамиліи, данныя оставшимся при вдовахъ мальчикамъ по именамъ ихъ отцовъ, Семенкинъ, Федюшкинъ и т. под. Осенью того же 1717 года, четверо случайно ушедшихъ плѣнныхъ: яицкій казакъ Емельяновъ, татаринъ Алтынъ, гребенской казакъ Бѣлотелкинъ и вожакъ похода туркменъ Ходжа-Нефесъ—передъ сенатомъ и въ присутствіи самого царя передали, что видѣли и знали о несчастномъ концѣ индѣйскаго похода. Еще извѣстны два станичника, которымъ, и то уже чрезъ многіе годы, также удалось вернуться на родину. То были: Червленнаго городка казакъ Иванъ Демушкинъ и Щедринскаго городка — Петръ Стрѣлковъ. (Послѣдняго до самой смерти звали хивинцемъ и это прозвище унаслѣдовали и его дѣти.) Оба они, переходя отъ одного бусурманскаго хозяина къ другому путемъ продажи, попали наконецъ въ Персію, откуда и выбѣжали уже въ старости.

Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ несчастномъ походѣ Демушкинъ.

„До Аму-Дарьи“—говоритъ онъ: „киргизы и трухмены дѣлали на насъ два большія нападенія, да мы ихъ оба раза какъ мякину по степи развѣяли. Яицкіе казаки даже дивовались, какъ мы супротивъ длинныхъ киргизскихъ пикъ ихъ въ шашки ходили. А мы какъ понажмемъ поганыхъ халатниковъ, да погонимъ по кабардинскому, такъ они и пики свои по полю разбросаютъ; подберемъ мы эти шесты оберемками, да послѣ на дрова рубимъ и кашу варимъ...“

„За одинъ переходъ отъ Хивы ханъ, наконецъ, замирился и просилъ остановить войска, а самого князя звалъ въ гости въ свой хивинскій дворецъ. Собравшись ѣхать къ хану, Бековичъ взялъ съ собою нашихъ гребенскихъ казаковъ триста человѣкъ,

у коихъ еще были лошади, и мы отправились, прибравшись въ новые чекмени и бешметы съ галуномъ, а коней посѣдлали съ наборною сбруею. Хива городъ большой, обнесенный стѣной съ каланчами, да только улицы въ ней очень уже тѣсныя. У воротъ насъ встрѣтили знатнѣйшіе хивинскіе вельможи; они низко кланялись князю, а намъ съ усмѣшкой говорили: „черкесъ-казакъ якши, рака̀ будемъ кушай". Ужь и дали жь они намъ раки̇̀, измѣнники треклятые, трусы подлые, что̀ умѣютъ бить только лежачаго. Справивши почетную встрѣчу, повели они насъ въ городъ, а тамъ у нихъ были положены двѣ засады за высокими глиняными заборами. Уличка, гдѣ эта ловушка была устроена и по которой мы шли, была узенькая и изгибалась, какъ змѣя, такъ что мы проѣзжали по два да по три коня, и заднимъ совсѣмъ не было видно переднихъ людей за этими кривулями. Какъ только миновали мы первую засаду, она поднялась и запрудила дорогу переднимъ, и начала палить изъ пищалей. Наши остановились и не знаютъ впередъ ли, назадъ ли дѣйствовать, а въ это время показались новыя орды съ боковъ, и давай въ насъ жарить съ заборовъ, съ крышъ, съ деревьевъ и изъ оконъ домовъ. Вотъ въ какую западню мы втюрились. И не приведи Господи, какое тамъ началось побоище: пули и камни сыпались на насъ со всѣхъ сторонъ, и даже пиками трехъ-саженными донимали насъ — вотъ, какъ рыбу, что̀ багрятъ зимой на Яикѣ. Старшины и пятидесятники съ самаго начала крикнули: „съ коней долой, ружья въ руки!" а потомъ всѣ подаютъ уже голосъ: „въ кучу молодцы, въ кучу". А куда въ кучу, коли двумъ, тремъ человѣкамъ съ лошадьми и обернуться негдѣ. Бились въ растяжку, да и бились же не на животъ, а на смерть, поколь ни одного человѣка не осталось на ногахъ. Раненые, и тѣ отбивались лежачіе, не желая отдаваться въ полонъ хивинцамъ. Ни одинъ человѣкъ не вышелъ тогда изъ треклятой трущобы: всѣ тамъ полегли; а изверги издѣвались даже надъ казацкими тѣлами: отрѣзывали головы и вздѣвши ихъ на длинныя пики, носили по базарамъ. Самого Бековича схватили раненаго, поволокли во дворецъ и тамъ вымучили у него приказъ къ отряду, чтобы расходился малыми частями по разнымъ ауламъ. А когда

войска разошлись такимъ глупымъ порядкомъ, то въ тѣ поры хивинцы однихъ побили, другихъ разобрали по рукамъ и повернули въ Яссыри. Съ самого Бековича, послѣ лютыхъ мукъ, съ живого содрали кожу, приговаривая: „не ходи, Девлетъ *), въ нашу землю, не отнимай у насъ Аму-Дарьи рѣки, не ищи золотыхъ песковъ....“

Народная легенда прибавляетъ, что даже Терекъ-Горынычъ, слушая простодушный разсказъ вернувшагося изъ плѣна гребенца, вдался въ порывъ отчаянной горести. „По комъ плачешь, Терекъ-Горыновичъ?“—„По гребенскимъ моимъ по казаченькамъ. Какъ-то я буду за нихъ отвѣтъ держать предъ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ!“

Такъ разсказывалъ о злополучномъ, но безпримѣрно смѣломъ походѣ очевидецъ и соучастникъ его. Старые люди прибавляютъ, что два зловѣщія явленія предзнаменовали плачевный конецъ хивинской экспедиціи, напоминающей безстрашное плаваніе аргонавтовъ въ невѣдомую страну за золотымъ руномъ. Жена и двое дѣтей князя Бековича погибли въ самый день его отплытія къ Гурьеву городку изъ Астрахани: возвращаясь послѣ его проводовъ домой въ лодкѣ, они были опрокинуты набѣжавшимъ вихремъ и потонули въ Волгѣ. Въ другой разъ, во время самаго заключенія мирнаго договора съ хивинцами, полуденное солнце на безоблачномъ небѣ вдругъ померкло и настолько затмилось, что отъ его диска остался виднымъ лишь небольшой край на подобіе народившагося мѣсяца. Солнечное затмѣніе въ такомъ лунообразномъ видѣ было истолковано поклонниками луны въ свою пользу, а на русскихъ людей навело уныніе, подъ вліяніемъ котораго они, быть можетъ, и вдались въ западню и сдѣлались жертвою хивинскаго вѣроломства.

Неудача хивинской экспедиціи не отвратила однако видовъ царя Петра отъ каспійскаго бассейна. Правда, война со Швеціей, поглощавшая всѣ силы государства, отвлекла его отъ отдаленной Кавказской окраины на нѣсколько лѣтъ; но едва заключенъ былъ миръ и спорное Балтійское море осталось за нами,

*) Князь Бековичъ-Черкасскій былъ родомъ изъ кабардинскхъ князей и до св. крещенія носилъ имя Девлетъ-Герея.

какъ Петръ началъ уже приготовляться къ походу въ Дагестанъ съ тѣмъ, чтобы утвердить свое господство и по всему прибрежью Каспійскаго моря.

Въ 1723 году всѣ приготовленія къ походу были окончены. Пѣхота, артиллерія и транспорты, собранные въ Астрахани, отправлены были моремъ, а конница пошла сухимъ путемъ, чрезъ Моздокскія степи.

Императоръ самъ предводительствовалъ войсками и, послѣ двухдневнаго плаванія, прибылъ съ флотиліею въ Аграханскій заливъ къ устьямъ Терека. Здѣсь онъ смотрѣлъ городъ Терки, но оставшись недоволенъ его расположеніемъ въ сырой и нездоровой мѣстности, приказалъ войскамъ высаживаться на берегъ нѣсколько далѣе, въ песчаныхъ буграхъ, ближе къ устьямъ Койсу.

Многочисленная русская флотилія подошла къ мѣсту высадки 27-го іюля 1722 года и стала на якорѣ. Былъ еще ранній часъ утра, а государь уже былъ на ногахъ и торопилъ лейтенанта Соймонова готовить лодку, чтобы съѣхать на берегъ. Скоро шлюпка, на которой былъ поднятъ императорскій флагъ, быстро разрѣзая волны, понеслась къ берегамъ Дагестана. За мелководьемъ причалить къ самому берегу однако было невозможно, и шлюпка остановилась возлѣ песчаной низменной отмели, которая была совершенно закрыта густымъ и высокимъ камышемъ, окаймлявшимъ все прибрежное пространство. Тогда четыре гребца сошли въ воду и на доскѣ перенесли Петра на берегъ; лейтенантъ Соймоновъ шелъ по поясъ въ водѣ и поддерживалъ государя рукою.

Императоръ первымъ вступилъ на берегъ и, замѣтивъ вблизи песчаные холмы, взошелъ на одинъ изъ нихъ и внимательнымъ взглядомъ окинулъ окрестность. Чудная картина представилась его взорамъ.

Съ одной стороны передъ его глазами плескалось древнее Хвалынское море; съ другой—широко раскидывалась необозримая степь, которая на сѣверъ какъ бы сливалась съ горизонтомъ, а на югъ рѣзко замыкалась цѣпью скалистыхъ и остроконечныхъ горъ Дагестана. У низкаго берега, подъ самыми ногами государя, тихо качаясь на волнахъ, стояла старая татарская лодка съ высокою мачтой, а дальше, тамъ, при входѣ въ Аграханскій заливъ, на

едва колыхавшейся поверхности моря, виднѣлась цѣлая эскадра, украшенная разноцвѣтными флагами. Это были эмблемы прошлаго ничтожества и будущаго цвѣтущаго состоянія края... Надо всѣмъ этимъ, посреди безоблачнаго неба, ярко сіяло жаркое іюльское солнце и обливало своими золотыми лучами и море, и флотъ, и степь, и далекія горы, и эту стройную, высокую фигуру самого Петра, одиноко стоявшаго на высотѣ песчанаго холма.

На флотѣ, между тѣмъ, служили молебствіе. Это былъ день гангудской побѣды надъ шведскою эскадрою — день, чествуемый всегда императоромъ. Едва провозгласилось многолѣтіе, какъ вся эскадра мгновенно окуталась бѣлыми облаками порохового дыма, и пустынная окрестность дрогнула отъ грохота русскихъ пушекъ, разносившихъ вѣсть о вступленіи русскаго императора въ Дагестанскую землю. Въ этотъ же день войска были перевезены на берегъ и помѣщены на избранномъ самимъ императоромъ мѣстѣ.

Петръ оставался здѣсь нѣсколько дней въ ожиданіи конницы, которая, по доходившимъ до него слухамъ, много потерпѣла при переходѣ черезъ Кумыкскую плоскость; говорили даже о ея пораженіи чеченцами. Но слухъ этотъ оказался въ значительной степени преувеличеннымъ. Дѣло въ томъ, что часть нашей кавалеріи, посланная для занятія Андреевской деревни, иначе — Эндери, находившейся около нынѣшней Внезапной крѣпости, встрѣчена была непріятелемъ, засѣвшимъ по сторонамъ пути въ густомъ лѣсу и, по оплошности командовавшаго ею бригадира Ветерани, понесла чувствительную потерю въ людяхъ. Вмѣсто того, чтобы какъ можно скорѣе миновать лѣсное ущелье, Ветерани спѣшилъ драгунъ и сталъ обороняться въ тѣснинѣ. По счастію, его ошибка была исправлена храбрымъ полковникомъ Наумовымъ, который, видя критическое положеніе отряда, кинулся съ своимъ батальономъ впередъ, взялъ Андреевскую деревню приступомъ и такимъ образомъ открылъ для Ветерани дорогу.

Пораженіе Ветерани живетъ понынѣ въ преданіяхъ кумыкскаго народа, которыя говорятъ, что рейтеры Петра Великаго были сброшены съ кручи сильнымъ натискомъ чеченцевъ. Кумыки и теперь показываютъ это мѣсто на обрывистыхъ берегахъ Ак-

таша. Чтобы наказать за это горскія племена, Петръ пригласилъ калмыцкаго хана Аюка вторгнуться за Терекъ съ своими ордами. Рядъ кургановъ понынѣ обозначаетъ путь, по которому слѣдовали полчища Аюка, а въ двухъ верстахъ отъ крѣпости Внезапной показываютъ большой насыпной холмъ, гдѣ стояла ставка калмыцкаго хана. Внутри одной изъ котловинъ Большой Чечни на Мичикѣ есть также остатки укрѣпленій калмыцкаго повелителя.

Послѣ занятія Андреевской деревни конница соединилась съ пѣхотой уже безпрепятственно. И какъ только русскія войска перешли Сулакъ, шамхалъ тарковскій, а за нимъ и другіе горскіе владѣльцы прислали пословъ съ изъявленіемъ покорности. Была ли эта покорность искренна—подлежитъ большому сомнѣнію; по крайней мѣрѣ самъ Петръ, хорошо понимавшій лукавый характеръ азіятцевъ, писалъ къ Апраксину: „Всѣ они принимали меня съ пріятнымъ лицомъ, но сія пріятность ихъ была такова же, какъ проповѣдь о Христѣ рѣченная: „Что намъ и Тебѣ Іисусе Сыне Бога живаго“. Тѣмъ не менѣе Петръ обнадежилъ всѣхъ своимъ покровительствомъ и двинулъ войска впередъ. 12-го августа русскіе приблизились къ Таркамъ съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкою. Самъ Петръ въ парадномъ платьѣ, на своемъ боевомъ конѣ, ѣхалъ передъ гвардіею, а за нимъ въ каретѣ, запряженной цугомъ, слѣдовала императрица. За пять верстъ отъ города государь былъ встрѣченъ шамхаломъ Адиль-Гереемъ, который, сойдя съ лошади, привѣтствовалъ императора съ счастливымъ пріѣздомъ, а потомъ, преклонивъ колѣна, поцѣловалъ землю возлѣ кареты, въ которой сидѣла императрица. Принимаемый въ Таркахъ чрезвычайно радушно, Петръ прогостилъ у шамхала нѣсколько дней и на прощанье получилъ отъ хозяина въ подарокъ шелковый персидскій шатеръ и дорогого аргамака сѣрой масти со сбруею изъ чистаго золота. Шамхалъ предлагалъ къ услугамъ Петра даже все свое войско, но Петръ взялъ только нѣсколькихъ отборныхъ наѣздниковъ, а взамѣнъ ихъ отправилъ къ шамхалу 12 солдатъ, которые, въ видѣ почетнаго караула, и оставались въ Таркахъ, до самой кончины императора.

15-го августа, въ Успеньевъ день, государь вмѣстѣ съ импе-

ратрицею отслушалъ обѣдню въ походной церкви Преображенскаго полка и по окончаніи ея положилъ на землю нѣсколько камней, пригласивъ сдѣлать то же самое и всѣхъ присутствовавшихъ. Въ нѣсколько минутъ былъ набросанъ высокій каменный курганъ, который остался до нашего времени, какъ памятникъ пребыванія Петра въ Дагестанѣ. Теперь на мѣстѣ этого кургана разросся уже небольшой городокъ и устроенъ великолѣпный военный портъ, названный Петровскимъ—въ честь перваго похода императора. Другимъ памятникомъ служитъ самый дворецъ шамхала, на дворѣ котораго есть превосходный родникъ, обложенный дикимъ камнемъ; тамъ, подъ навѣсомъ, устроеннымъ надъ этимъ родникомъ, хранился долгое время, а можетъ быть сохраняется еще и понынѣ желѣзный русскій ковшъ, которымъ государь пилъ воду.

На слѣдующій день войскамъ былъ объявленъ походъ. Поводомъ къ нему послужили тревожные слухи, что противъ русскаго войска двигаются значительныя скопища горцевъ, подъ предводительствомъ уцмія каракайтахскаго. Надо сказать, что достоинство уцмія было второе по старшинству, постановленному въ Дагестанѣ еще аравитянами (первенство принадлежало всегда шамхалу тарковскому), и что тогдашній уцмій, Ахметъ-ханъ, былъ, дѣйствительно, однимъ изъ сильнѣйшихъ владѣльцевъ въ краѣ. Онъ безъ труда собралъ до шестнадцати тысячъ горцевъ и попытался съ ними остановить наступленіе русскихъ. Подъ Утемишемъ произошелъ ожесточенный бой. Горцы, по выраженію Петра, „бились зѣло удивительно: въ обществѣ они не держались, но персонально бились десперантно, такъ что, покинувъ ружья, рѣзались кинжалами и саблями“. Тѣмъ не менѣе они были разбиты, Утемишъ сожженъ, а плѣнные повѣшены въ отмщеніе за смерть есаула и трехъ казаковъ, которые были зарѣзаны по приказанію уцмія, когда они доставили ему отъ государя письмо самаго миролюбиваго содержанія. Только послѣ этого, 23-го августа, императоръ совершилъ торжественный въѣздъ свой въ Дербентъ, который отворилъ предъ нимъ ворота безъ боя. Ханъ со всѣмъ народомъ и духовенствомъ вышелъ къ нему навстрѣчу съ хлѣбомъ и солью.

„Дербентъ, сказалъ ханъ въ привѣтственной рѣчи Петру:—получилъ основаніе отъ Александра Македонскаго, а потому нѣтъ ничего приличнѣе и справедливѣе, какъ городъ, основанный великимъ монархомъ, передать во власть другому монарху, не менѣе его великому".

Затѣмъ одинъ изъ знатнѣйшихъ бековъ поднесъ императору городскіе ключи на серебряномъ блюдѣ, покрытомъ богатѣйшею персидскою парчею. Всѣ эти вещи, какъ историческіе памятники петровскихъ походовъ, понынѣ хранятся въ С.-Петербургѣ, въ императорской кунсткамерѣ при академіи наукъ. У самыхъ крѣпостныхъ воротъ Петра ожидала дербентская пѣхота въ ружьѣ, со множествомъ значковъ, а народъ вынесъ священное знамя Алія и повергъ его къ стопамъ императора. Дербентскій лѣтописецъ мирза Хедеръ Визеровъ говоритъ, что, когда государь подъѣхалъ къ воротамъ, случилось сильное землетрясеніе и что Петръ Великій, обратившись къ выѣхавшимъ навстрѣчу ему жителямъ, сказалъ: „Сама природа дѣлаетъ мнѣ торжественный пріемъ и колеблетъ стѣны города передъ моимъ могуществомъ". Покореніе Дербента было впрочемъ послѣднимъ актомъ петровскаго похода. Страшная буря, разбившая на морѣ нашу флотилію съ провіантомъ, разстроила предположенія Петра относительно дальнѣйшаго похода и положила въ этомъ году конецъ русскимъ успѣхамъ. Государь приказалъ оставить въ Дербентѣ сильный гарнизонъ, а самъ съ остальными войсками двинулся въ обратный путь и близъ Сулака, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ него отдѣляется небольшая рѣка Аграхань, заложилъ крѣпость Св. Креста; слѣды ея сохранились понынѣ на правомъ берегу Сулака, въ 6 верстахъ отъ нынѣшняго укрѣпленія Казіюртовскаго.

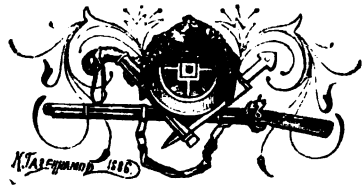
Здѣсь Петръ получилъ извѣстіе о новыхъ безпорядкахъ въ Дагестанѣ. Еще во время пути замѣчены были тревожные признаки начинающагося въ горахъ движенія, а тутъ шайки стали уже нападать на отсталыхъ, грабили обозы, и подъ самыми Тарками убили трубача изъ государева конвоя. Въ то же самое время казикумыкскій ханъ сдѣлалъ попытку овладѣть редутомъ на рѣкѣ Дубасѣ, около Дербента; но малочисленный гарнизонъ нашъ защищался отчаянно, положилъ на мѣстѣ 600 непріятелей, многихъ переранилъ и отбилъ два знамени.

Чтобы погасить мятежъ въ самомъ началѣ, Петръ приказалъ тогда же сдѣлать новую экспедицію въ горы, и атаманъ Краснощековъ, ходившій на этотъ разъ съ донцами и съ калмыками, истребилъ рѣшительно все, что только еще оставалось тамъ отъ прежняго погрома. Дагестанъ присмирѣлъ.

Осенью Петръ возвратился въ Астрахань, а 13-го декабря имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву черезъ тріумфальныя ворота, на которыхъ изображенъ былъ городъ Дербентъ, съ лаконическою надъ нимъ надписью: „Основанъ героемъ—покоренъ Великимъ“.

Имя Петра Великаго доселѣ живетъ въ Дагестанѣ, и слѣды его пребыванія тамъ сохраняются самымъ тщательнымъ образомъ. Каждый, кто посѣтитъ Дербентъ, конечно съ благоговѣніемъ зайдетъ въ ту скромную землянку, стоящую у самаго взморья, въ которой Петръ прожилъ нѣсколько дней въ ожиданіи сдачи Дербента и новыхъ извѣстій объ уцміѣ каракайтахскомъ. Теперь эта землянка—предметъ вниманія всѣхъ путешественниковъ—обнесена рѣшеткой и надъ нею сдѣлана надпись: „Мѣсто перваго отдохновенія Великаго Петра“.

Въ самомъ Дербентѣ Петръ жилъ въ цитадели, занимая въ ней бывшій ханскій дворецъ. Тамъ, въ тишинѣ кабинета, обдумывалъ онъ свои грандіозные планы, касавшіеся нашей морской торговли съ Закавказьемъ, Персіей и Индіей; тамъ же въ нетерпѣливомъ ожиданіи флотиліи, плывшей изъ Астрахани, онъ собственными руками прорубилъ въ одной изъ комнатъ окно, изъ котораго открывается превосходный видъ на Каспійское море, на городъ и на его окрестности. Это историческое окно существуетъ до настоящихъ поръ въ домѣ, занимаемомъ дербентскими комендантами. Тутъ же въ самой крѣпости сохраняется семь алебардъ, оставшихся со времени Петра, и пушка, на которой выбита надпись, свидѣтельствующая, что она была отлита въ 1715 году, на воронежскомъ литейномъ заводѣ.



III.

Кавказъ отъ Петра до Екатерины II.

Съ отъѣздомъ Петра изъ Кавказскаго края военныя дѣйствія продолжались подъ главнымъ руководствомъ генералъ-маіора Матюшкина, получившаго отъ императора совершенно опредѣленныя инструкціи. Для большаго упроченія порядка въ новыхъ владѣніяхъ, Петръ приказалъ переселить въ крѣпость Св. Креста все Терское казачье войско, а по рѣкамъ Сулаку и Аграхани водворить вновь тысячу донскихъ семействъ, которыя, устроивъ свои поселенія, получили названіе Аграханскаго казачьяго войска. Такимъ образомъ на Терекѣ остались одни гребенцы. Ихъ также хотѣли перевести на Сулакъ; но когда вслѣдствіе этого между ними обнаружились волненія и даже попытки бѣжать за Кубань къ некрасовскимъ раскольникамъ,—государь приказалъ ихъ оставить съ тѣмъ, чтобы они „не дрёманно“ оберегали нашу Терскую линію. Не ограничиваясь этимъ, Петръ въ то же время заботился и о дальнѣйшемъ распространеніи русскаго вліянія. Оставшись главнымъ начальникомъ войскъ въ Дагестанѣ и исполняя волю царя, Матюшкинъ дѣйствительно готовился къ занятію Баку и къ покоренію прибрежныхъ персидскихъ владѣній. Самъ Петръ назначилъ для послѣдней цѣли особый отрядъ изъ двухъ батальоновъ пѣхоты, подъ начальствомъ полковника Шипова. Шиповъ однакоже просилъ у царя подкрѣпленія.

„Не дамъ, лаконически отвѣтилъ ему Петръ: — Стенька Разинъ съ пятью стами казаковъ не боялся персіянъ, а я тебѣ даю два батальона регулярныхъ".

Въ ноябрѣ Шиповъ съ небольшою флотиліей вошелъ въ Энзелійскій заливъ и, выведши десантъ у Пери-базара, занялъ Рящъ, главный городъ Гилянской провинціи. Персіяне такъ были ошеломлены внезапнымъ появленіемъ русскихъ, что уступили имъ городъ безъ боя. Но скоро они опомнились и стали требовать, чтобы Шиповъ вышелъ изъ Ряща, пока его не принудили къ этому силою. Шиповъ отвѣчалъ отказомъ, а между тѣмъ войска его успѣли занять въ городѣ большое каменное зданіе караванъ-сарая и приспособили его къ оборонѣ. Тутъ, посреди обширнаго двора, по счастію оказался чудесный колодезь — обстоятельство чрезвычайно важное въ этой безводной части Персіи, на случай блокады. Персіяне, дѣйствительно, не замедлили начать военныя дѣйствія и два раза пытались выбить русскихъ изъ занятой позиціи. Одно изъ этихъ нападеній ведено было съ такою энергіею, что непріятель дошелъ до самаго караванъ-сарая и цѣлый день производилъ по немъ жестокій огонь изъ орудій. Здѣсь былъ убитъ помощникъ Шипова, храбрый капитанъ Рязановъ, который поднялся на стѣну, чтобы обозрѣть расположеніе непріятельскихъ силъ. Между тѣмъ, какъ только наступила ночь, и персіяне расположились лагеремъ съ своею обычною безпечностію, Шиповъ сдѣлалъ вылазку и внезапно съ двухъ сторонъ напалъ на непріятеля. Три роты атаковали пятнадцати-тысячное персидское войско, но сонныя толпы при первомъ крикѣ: ура! охвачены были такой паникой, что кинулись поражать другъ друга, и къ свѣту, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ персидскій станъ, лежали только одни мертвыя тѣла, которыхъ русскіе похоронили болѣе тысячи.

Когда такимъ образомъ положеніе наше въ Рящѣ было упрочено, генералъ Матюшкинъ, съ своей стороны, предпринялъ покореніе Бакинскаго ханства. 21-го іюля 1723 года, дессантный отрядъ его высадился на берегъ около Баку и обметался рогатками. Вылазка изъ крѣпости была отбита, а огонь съ флотиліи заставилъ замолчать бакинскія пушки. Четыре дня длилась блокада, а на пятый осажденные вывѣсили бѣлое знамя и сдали

городъ вмѣстѣ съ восемьюдесятью находившимися въ немъ орудіями. Такимъ образомъ, въ самое короткое время русскіе заняли почти весь Дагестанъ, Баку, Ширванское ханство и персидскія области: Гилянъ, Мазендеранъ и Астрабадъ. Петръ былъ такъ обрадованъ пріобрѣтенными успѣхами, что произвелъ Матюшкина въ генералъ-лейтенанты и, поздравляя его съ побѣдами, писалъ, что болѣе всего доволенъ пріобрѣтеніемъ Баку, „понеже оная составляетъ всему нашему дѣлу ключъ".

Спокойствіе въ занятыхъ провинціяхъ однакоже было только наружное. Народъ втайнѣ ненавидѣлъ завоевателей, и слѣдующій кровавый эпизодъ, сохранившійся донынѣ въ преданіяхъ сальянскихъ жителей, свидѣтельствуетъ, до какой степени надо было быть осторожнымъ въ сношеніяхъ съ туземцами.

Вскорѣ послѣ занятія Баку, Матюшкинъ отправилъ въ сосѣднюю Сальянскую область небольшой отрядъ изъ батальона драгунъ, подъ командою подполковника Зимбулатова. Сальянскій наибъ Гуссейнъ-бегъ встрѣтилъ русскія войска дружелюбно и распорядился, чтобы солдаты размѣщены были удобно. Все это, при свойственной русской натурѣ безпечности, привело къ тому, что офицеры стали ѣздить въ гости къ наибу нетолько безъ прикрытія, но даже и безъ оружія. Однажды, когда всѣ пировали такимъ образомъ въ замкѣ Гуссейна, толпа наемныхъ убійцъ, подосланныхъ, какъ говорятъ, его матерью, кинулась на офицеровъ и умертвила ихъ самымъ варварскимъ образомъ. Та же участь готовилась всему батальону; но драгуны, во-время предупрежденные, сѣли на суда и отплыли въ Бакинскую крѣпость.

Такое же враждебное настроеніе замѣчалось рѣшительно по всему каспійскому побережью. Въ Гилянахъ нападенія почти не прекращались. Выбитые изъ Ряща, персіяне продолжали блокировать городъ, расположившись невдалекѣ за ручьемъ Сіарутбаромъ, который сталъ заповѣдною гранью между ними и русскими. Правда, на русскую сторону персіяне переходить не смѣли, а при появленіи русскихъ на ихъ сторонѣ, каждый разъ „спѣшили спасать свои животы", но тѣмъ не менѣе присутствіе ихъ въ столь близкомъ разстояніи отъ города крайне стѣсняло сообщенія. Былъ даже случай, что одинъ офицеръ, посланный съ ко-

мандой въ сосѣднюю деревню, едва не погибъ, окруженный огромными толпами персіянъ и спасся только благодаря случайной помощи, подошедшей къ нему изъ Ряща.

Войсками въ Гилянской провинціи командовалъ въ то время бригадиръ Василій Яковлевичъ Левашевъ, старый воинъ, ходившій съ Петромъ еще въ азовскій походъ 1696 года, гдѣ ему довелось участвовать и въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ закубанскими горцами. Однажды старшій братъ его, Прокофій, выѣхалъ, по древнему обычаю, на поединокъ съ какимъ-то черкесскимъ богатыремъ и положилъ его на мѣстѣ; но разгорѣвшаяся кровь увлекла его такъ далеко, что онъ былъ окруженъ и тяжело раненъ. Видя брата въ опасности, Василій бросился къ нему на помощь и на глазахъ отряда вынесъ его уже полумертваго изъ свалки, отбившись одинъ отъ цѣлой толпы напавшихъ на него татаръ.

Левашеву было уже 33 года, когда онъ поступилъ на службу въ регулярныя войска, и съ этихъ поръ онъ участвовалъ во всѣхъ петровскихъ походахъ отъ Нарвы до Дербента. Въ Гиляны онъ былъ назначенъ въ 1726 году, на смѣну Шипову *), и первымъ распоряженіемъ его въ краѣ было отправить подвижныя колонны, чтобы очистить всю страну отъ Ряща до Мосула и отъ Кескера до Астары. Отряды эти разогнали сіарутбарское скопище, достигнули Лошомодана, загнали персіянъ въ Фуминъ, взяли укрѣпленіе Сагманъ и овладѣли Кескеромъ. Все это были дѣла громкія въ военномъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, не оставлявшія возлѣ себя никакихъ прочныхъ слѣдовъ въ завоеванномъ краѣ. Разбитые въ одномъ мѣстѣ, персіяне свободно переходили въ другое, и Левашеву приходилось иногда отбиваться разомъ на нѣсколькихъ пунктахъ, не имѣя возможности самому утвердиться ни въ одномъ.

Кончина Петра Великаго, послѣдовавшая около этого времени, во многомъ измѣнила осуществленіе его первоначальныхъ плановъ. Екатерина I хотя и отправила войска на усиленіе персидскаго корпуса, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это было

*) Шиповъ въ это время назначенъ былъ начальникомъ въ Сальяны, и умеръ тамъ въ 1727 году въ чинѣ генералъ-маіора.

необходимо въ виду несогласій, возникавшихъ тогда между Россіей и Портою.—Несмотря на то, что обѣ державы сообща вели войну противъ Персіи, отношенія между ними были такъ непрочны, что безпрерывно угрожали разрывомъ, котораго турки отчасти даже домогались, чтобы имѣть предлогъ, вытѣснивъ русскія войска, овладѣть берегами Каспійскаго моря. Положеніе русскихъ было опасное. Въ Гилянѣ войско по своей малочисленности не только не могло имѣть вліянія внутри страны, но съ трудомъ удерживалось и въ занятыхъ позиціяхъ. Туземцы всѣ разбѣжались; податей никто не платилъ, и рядомъ съ возмутившимися жителями повсюду собирались многочисленныя персидскія шайки. Изъ Сальянской области и съ рѣки Куры русскіе по той же причинѣ отошли къ Баку, и персіяне располагали идти къ этому городу, чтобы засѣсть у нефтяныхъ источниковъ и держать его въ блокадѣ. Горцы угрожали вырѣзать русскихъ въ Дербентѣ, и самъ шамхалъ, когда-то преданный сторонникъ Петра, теперь, вмѣстѣ съ каракайтахскимъ уцміемъ и казикумыкскимъ ханомъ, хлопоталъ о томъ, чтобы разорить Сулакскую линію.

Казалось, что обстоятельства создали для русскихъ безвыходное положеніе. Но никогда пословица: „грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ"—не оправдывалась на дѣлѣ такъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Вся двадцатипятитысячная армія шамхала, столпившись на Сулакѣ, не могла одолѣть одного ничтожнаго Аграханскаго редута, защищаемаго всего 50 солдатами и сотней терскихъ казаковъ, подъ командой подполковника Маслова. Отчаянная защита этого гарнизона, сдѣлавшаго даже смѣлую вылазку такъ повліяла на горцевъ, что они, перессорившись между собою, разошлись по домамъ *).

Опасность, угрожавшая съ этой стороны, разсѣялась; но поступокъ шамхала, конечно, не могъ остаться безнаказаннымъ, а потому Матюшкинъ немедленно приказалъ генералъ-маіору Кропотову идти въ шамхальскія владѣнія, жечь и истреблять аулы, отгонять скотъ и „всячески трудиться, чтобы его, шамхала, до-

*) За эту побѣду всѣ офицеры повышены чинами, а нижнимъ чинамъ дано денежное награжденіе: унтеръ-офицерамъ по 1 руб., а рядовымъ по 50 коп.

быть въ свои руки". За голову его Матюшкинъ обѣщалъ отъ двухъ до пяти тысячъ рублей серебромъ, смотря по тому, живого ли его привезутъ къ нему или мертваго. Кропотовъ въ точности исполнилъ приказаніе и истребилъ аулы, которые помогали шамхалу. Осенью экспедицію повторилъ полковникъ Еропкинъ, который разгромилъ уже самые Тарки вмѣстѣ съ шамхальскимъ дворцомъ, а самого шамхала загналъ въ неприступныя дагестанскія горы. Лишившись всего состоянія, шамхалъ наконецъ одумался и весною, какъ только русскіе стали лагеремъ около Кумтеръ-Кале, добровольно явился съ повинною головою. Арестованный по приказанію Матюшкина, онъ былъ судимъ, какъ государственный измѣнникъ, и кончилъ свои дни въ заточеніи въ г. Колѣ, Архангельской губерніи. Самое званіе шамхала по приказанію императрицы было уничтожено *).

Между тѣмъ, тяжелыя климатическія условія страны, губившія тысячи русскихъ людей, такъ тяжело отразились и на здоровьѣ доблестнаго вождя ихъ, генерала Матюшкина, что вынудили его просить увольненія отъ должности **). Долго искали въ Петербургѣ достойнаго ему преемника, и только послѣ многихъ совѣщаній выборъ Екатерины остановился на одномъ опальномъ вельможѣ петровскаго времени. Это былъ генералъ-аншефъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, извѣстный въ русской исторіи усмиреніемъ на Дону булавинскаго бунта ***).

По пріѣздѣ въ край весною 1726 года, новый главнокомандующій счелъ первою обязанностію поближе ознакомиться съ своими войсками. Многіе изъ начальниковъ и офицеровъ по его настоянію немедленно удалились съ Кавказа, какъ не понимавшіе характера мѣстной войны, всѣмъ остальнымъ увеличено содержаніе,

---

*) Въ сороковыхъ годахъ минувшаго столѣтія, когда персіяне овладѣли Дагестаномъ, они опять возстановили званіе шамхала, продолжавшее существовать до самаго покоренія нами Восточнаго Кавказа.

**) Михаилъ Афанасьевичъ Матюшкинъ, произведенный въ генералъ-аншефы, по возвращеніи съ Кавказа жилъ въ Москвѣ и скончался въ 1737 году.

***) Князь Долгоруковъ подвергся опалѣ Петра за участіе, выраженное имъ къ судьбѣ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича. Онъ былъ лишенъ чиновъ, знаковъ отличія и сосланъ въ Казань на вѣчное жительство. Екатерина I-я возвратила ему александровскій орденъ и чинъ генералъ-аншефа.

войскамъ назначены двойные раціоны и даже казакамъ опредѣлили жалованье, котораго они ни прежде, ни послѣ Долгорукова не получали. „Въ русскомъ войскѣ, писалъ по этому поводу князь Долгорукій къ императрицѣ:—есть двѣ иностранныя роты—армянская и грузинская, изъ которыхъ каждая получаетъ казенное содержаніе; русскимъ казакамъ не даютъ ничего, а между тѣмъ они служатъ больше и непріятелю страшнѣе. Я опредѣлилъ имъ также денежныя выдачи, ибо, по моему мнѣнію, лучше платить своимъ, нежели чужимъ. Правда, армяне и грузины служатъ изрядно, однако же казаки дѣйствуютъ гораздо отважнѣе".

Улучшивъ, такимъ образомъ, насколько было возможно, экономическое и санитарное положеніе войска, князь Долгорукій отправился изъ крѣпости Св. Креста въ Дербентъ, въ Баку и далѣе въ Гиляны не моремъ, какъ это дѣлалось прежде, а сухимъ путемъ, чтобы, по его словамъ, показать персіянамъ фактическое подчиненіе намъ „и воды и суши". Почти семидесятилѣтній старикъ, несмотря на февральскую распутицу, онъ ѣхалъ верхомъ и все время имѣлъ при себѣ—„по калмыцки"—одни только походные вьюки. „Отъ роду моего не видывалъ, писалъ онъ впослѣдствіи къ своему пріятелю:—чтобы кто въ мои лѣта началъ жить калмыцкимъ манеромъ".

Объѣздъ этотъ принесъ громадную пользу. Онъ убѣдилъ самого Долгорукова въ необходимости наступательныхъ дѣйствій не только противъ персіянъ, но и противъ турокъ, „этихъ мнимыхъ пріятелей", которыхъ прежде всего надо было выжить изъ Персіи; а съ другой стороны появленіе князя въ мѣстахъ, гдѣ никогда не были наши главнокомандующіе, произвело такое впечатлѣніе на жителей, что всѣ сосѣдніе ханы, султаны и старшины встрѣчали его по пути съ необыкновенными почестями. Воспользовавшись этимъ, онъ безъ труда присоединилъ къ русскимъ владѣніямъ Кергеруцкую область, Астару, Ленкорань и Кизылъ-Агачъ и приказалъ поставить въ нихъ укрѣпленія „во страхъ непріятелямъ, чтобы не думали о нашей слабости".

Такимъ образомъ, князь Долгорукій съ ничтожными средствами съумѣлъ поддержать достоинство русскаго оружія. Но, къ сожа-

лѣнію, онъ оставался на Кавказѣ не долго. Произведенный, въ началѣ слѣдующаго царствованія, въ фельдмаршалы *), онъ былъ отозванъ ко двору и, уѣзжая, раздѣлилъ, въ началѣ 1728 года, командованіе въ Закавказскомъ краѣ на двѣ части: въ Гилянахъ остался Левашевъ, а въ Дагестанѣ — генералъ-лейтенантъ Румянцевъ, отецъ знаменитаго героя Кагула и Ларги.

Отъѣздъ Долгорукова и строгія приказанія изъ Петербурга воздерживаться отъ наступательныхъ дѣйствій настолько ободрили нашихъ враговъ, что они сами перешли въ наступленіе. Славный въ то время Аббасъ-Кули-ханъ Персидскій **), согласившись съ самозванцемъ Измаиломъ, который выдавалъ себя за сына и наслѣдника умершаго шаха, вознамѣрился напасть на Левашева съ двухъ сторонъ, отъ Кескера и Лагиджана. Въ Рящѣ войскъ почти не было; несмотря на то, Левашевъ вышелъ изъ своего затруднительнаго положенія блестящимъ образомъ. Съ ничтожнымъ отрядомъ онъ сталъ въ центральной позиціи между двумя сказанными городами, и какъ только показался Кули-ханъ, Левашевъ стремительнымъ ударомъ разбилъ его на голову и затѣмъ быстро повернулъ на Измаила. Но здѣсь, на пути къ Лагиджану, русскія войска совершенно неожиданно столкнулись съ третьимъ врагомъ. Это былъ персидскій визирь Карчи-Баша, который, никакъ не думая встрѣтиться съ русскими, шелъ также противъ самозванца. Оба противника, имѣвшіе одну и ту же цѣль —поколотить Измаила, теперь съ ожесточеніемъ бросились другъ на друга. Персіяне опять были разбиты и бѣжали за Лагиджанъ, который и присоединился къ нашимъ владѣніямъ. Измаилъ, между тѣмъ, воспользовавшись всей этой сумятицей, ушелъ безнаказанно. Но дни его уже были сочтены. Разбитый три раза: при Шефи, за рѣкою Кизмой около Рутума и на Муганской степи,—онъ до того надоѣлъ самимъ персіянамъ, что, по словамъ одного изъ ихъ историковъ, жители провинціи Масулэ, заманивъ его къ

*) Съ производствомъ въ фельдмаршалы, князь Долгорукій остался главнымъ начальникомъ персидскаго, или, какъ тогда называли, «Низовою» корпуса, но, разумѣется, это начальствованіе было только номинальное.

**) Впослѣдствіи Шахъ-Надиръ.

себѣ, убили и голову отправили въ Рештъ къ русскому военачальнику.

Едва войска вернулись изъ этого похода, какъ одинъ изъ афганскихъ начальниковъ, по имени Салданъ-ханъ, самовластно распоряжавшійся большею частію Персидскаго государства, занялъ Мазандеранъ и прислалъ Левашеву требованіе очистить Гиляны. Левашевъ отвѣчалъ на это, чтобы сами афганцы въ теченіе сутокъ оставили наши владѣнія, и въ видѣ угрозы послалъ противъ нихъ небольшой отрядъ изъ 250 человѣкъ, подъ командою маіора Юрлова. Это было все, чѣмъ могъ располагать Левашевъ въ ту минуту.

20-го декабря Юрловъ подошелъ къ Лагиджану. Здѣсь въ первый разъ русскіе встрѣтились съ воинственными афганцами, о которыхъ персіяне разсказывали такъ много чудеснаго. Дѣйствительно, закованные съ головы до ногъ въ желѣзныя брони, высокіе, стройные, красивые—они производили совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ жалкія персидскія сборища. Видъ афганцевъ былъ внушителенъ, къ тому же ихъ было нѣсколько тысячъ. „Но мы, какъ древніе греки, говоритъ Зиссерманъ:—не считали враговъ. Молодецкое ура, ударъ въ штыки" и 250 человѣкъ разбили на голову четыре тысячи афганцевъ. Въ рукахъ русскихъ осталось три знамени, множество оружія, 450 лошадей и 600 труповъ. Одинъ изъ хановъ былъ изрубленъ на мѣстѣ самаго боя, другой бѣжалъ, простреленный пулею въ грудь. И самого Салдана, раненаго въ ногу, едва успѣли унести на носилкахъ въ ближайшую афганскую крѣпость Казбинъ.

Послѣ столь рѣшительнаго удара, персіяне должны были бы, казалось, притихнуть; но они не унимались. Это побудило Левашева вновь отправить трехсотенный отрядъ подъ начальствомъ капитана Бундова съ приказаніемъ взять и уничтожить ретраншаментъ въ Фуминѣ, служившій вѣчнымъ пристанищемъ мятежныхъ шаекъ. Это было въ апрѣлѣ 1731 года. Дѣло выполнено молодецки: Фуминъ взятъ и укрѣпленіе разрушено. Но персіяне, перебѣжавъ въ Кергеруцкую область, стали формировать тамъ новыя шайки. Тогда капитанъ Бундовъ пошелъ въ Кергеру и тамъ вторично разбилъ непріятеля, но при этомъ потерялъ

четвертую часть своего отряда. Персіяне за послѣднее время уже пріучились къ бою, и побѣды стали намъ обходиться дороже.

Въ Дагестанѣ, у генерала Румянцева, также было не совсѣмъ спокойно. Кюринцы и нѣсколько другихъ племенъ наотрѣзъ отказались отъ нашего подданства. Они отвѣчали, что будутъ защищаться и скорѣе погибнутъ въ бою, нежели отъ голода, которымъ имъ угрожаютъ русскіе порядки. „Воровство и грабежъ, говорили ихъ депутаты: — наши занятія, также какъ ваши — соха и торговля. Грабежемъ жили наши отцы и дѣды, и если мы оставимъ ихъ ремесло, какъ требуютъ русскіе, то будемъ вынуждены погибнуть отъ голода". Болѣе всѣхъ бунтовали какіе-то курелы, вѣроятно жители нынѣшняго Самурскаго округа. Они-то именно, какъ доносилъ Румянцевъ: „продерзостно ворвались въ Сальянскую область, побили и плѣнили много русскихъ людей, магазины съ нашимъ провіантомъ сожгли безъ остатку, пожитки пограбили и учинили несказанныя свирѣпства". Нѣсколько частныхъ экспедицій не могли усмирить возстанія. Тогда пошелъ самъ Румянцевъ и около аула Магмуда нанесъ мятежникамъ страшное пораженіе. Предводитель ихъ, Качай, былъ убитъ, и нѣсколько тысячъ татаръ и куреловъ усѣяли поле сраженія. Изъ трехсотеннаго отряда русскихъ выбыло также болѣе 70 человѣкъ убитыми и ранеными—потеря по сравненію съ прежними весьма немаловажная.

Зиссерманъ въ своей исторіи Кабардинскаго полка замѣчаетъ весьма справедливо, что всѣ эти дѣйствія малыми отрядами должны были имѣть для насъ большое значеніе, какъ первые зачатки той самой войны, которую впослѣдствіи намъ пришлось вести уже въ болѣе обширныхъ размѣрахъ при покореніи Кавказа. Рѣшимость съ горстію людей бросаться на многочисленныя скопища, отвага, предпріимчивость, извѣстная самостоятельность младшихъ чиновъ, навыкъ оріентироваться и примѣняться къ условіямъ боя и мѣстности, однимъ словомъ—тѣ качества, которыми отличалось позднѣе большинство кавказскихъ офицеровъ, очевидно родились еще на персидской почвѣ, въ то старое петровское время, и затѣмъ передавались преемственно отъ одного полкового поколѣнія къ другому. Полки, входившіе въ то время въ составъ

Низового (персидскаго) корпуса, позднѣе пріобрѣли себѣ громкую славу и въ рядахъ кавказской арміи. Это были полки: Кабардинскій, Куринскій, Ширванскій, Апшеронскій, Дагестанскій, Тенгинскій, Навагинскій и Ставропольскій.

Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Анны Іоанновны, на Кавказѣ послѣдовали новыя перемѣны въ начальствующихъ лицахъ. Фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, одинъ изъ замѣчательныхъ сподвижниковъ и одинъ изъ рѣдкихъ супротивниковъ Петра Великаго, подвергся опалѣ и былъ заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость *). Непричастный ни къ какимъ олигархическимъ замысламъ своихъ родныхъ, гордый и честный, онъ не пошелъ также на сдѣлку съ нѣмецкимъ правительствомъ, окружившимъ тогда императрицу, и поплатился за это свободою. Съ паденіемъ Долгорукова нашли неудобнымъ оставлять въ Закавказьѣ двухъ самостоятельныхъ начальниковъ, а потому Румянцева отозвали, а главное начальство поручили одному Левашову. Но императрица видимо уже тяготилась персидскою войною, которая стоила дорого, а между тѣмъ повидимому не приносила никакой выгоды. Насколько поверхностно смотрѣли тогда правительственныя сферы на эту войну, можно судить уже по одному тому, что сначала больше всего опасались турецкихъ успѣховъ, а потомъ стали бояться ихъ неудачъ, разсчитывая, что Персія, управившись съ турками, обратитъ противъ Россіи всѣ свои силы. Результатомъ такихъ колебаній явился наконецъ трактатъ, по которому императрица возвратила Персіи всѣ завоеванные у ней города и области за исключеніемъ лишь Дагестана, т. е. пространства, лежавшаго между Курою и Терекомъ. Выполненіе условій трактата выпало на долю генерала Левашева; но, очистивъ Гиляны и перенеся главную квартиру свою въ Баку, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ окончилъ и свое полезное десятилѣтнее служеніе въ Закавказскомъ краѣ. Отличный боевой генералъ, дѣльный администраторъ, хорошо знакомый съ мѣстными усло-

*) Императрица Елизавета освободила его отъ заточенія и возвратила чинъ генералъ-фельдмаршала. Онъ умеръ президентомъ Военной Коллегіи, 11 февраля 1746 года, 86 лѣтъ отъ роду.

віями края, онъ долженъ былъ уступить свой постъ генералъ-лейтенанту принцу Людвигу Гессенъ-Гомбургскому, котораго выдвигала нѣмецкая партія, старавшаяся вездѣ, гдѣ было можно, оттѣснить русскихъ людей, особенно сподвижниковъ Петра Великаго *).

Нужно сказать, что принцъ Гессенъ-Гомбургскій пріѣхалъ на Кавказъ весною 1732 года, въ самое тревожное время, когда оставленіе нами персидскихъ провинцій естественно возбудило и въ горцахъ желаніе отдѣлаться отъ русской опеки. Въ горахъ стали ходить прокламаціи, приглашавшія весь Дагестанъ къ единодушному возстанію противу русскихъ. Разбои повсемѣстно усилились. Такъ, бригадиръ Лукей былъ убитъ какою-то шайкой, скитавшейся подъ самыми стѣнами Дербента, а около Тарковъ погибла цѣлая команда изъ 30 человѣкъ, попавшихъ въ засаду. Десять тысячъ чеченцевъ собирались въ аулѣ Эндери и угрожали нападеніемъ на русскія границы. Въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, командовавшій войсками на Сулакѣ генералъ-лейтенантъ графъ Дугласъ, прибывшій на Кавказъ вмѣстѣ съ принцемъ, рѣшился предпринять экспедицію въ Чечню. Обманутый ложными слухами, что скопища разсѣялись, онъ ограничился однако тѣмъ, что выслалъ небольшой отрядъ въ 500 человѣкъ пѣхоты и конницы, подъ начальствомъ полковника Коха. Кохъ встрѣтилъ непріятеля въ дремучихъ лѣсахъ, сражался съ нимъ цѣлый день и долженъ былъ отступить, потерявъ 200 человѣкъ только одними убитыми. Эта громадная потеря указываетъ, что или Кохъ не имѣлъ понятія о характерѣ лѣсной войны, или при отступленіи произошелъ какой-нибудь безпорядокъ.

Неудача отразилась на русскихъ тѣмъ тяжелѣе, что въ это самое время Турція видимо искала разрыва съ Россіей. Не обращая никакого вниманія на наши протесты, она снарядила корпусъ крымскихъ татаръ и отправила въ Персію кратчайшимъ путемъ

*) Этотъ принцъ былъ вызванъ въ Россію еще Петромъ Великимъ, который хотѣлъ выдать за него въ замужество великую княжну Елизавету Петровну. Бракъ не состоялся, но принцъ принятъ былъ въ русскую службу полковникомъ. Его доносу мы были обязаны арестованіемъ и заточеніемъ князя В. В. Долгорукова.

чрезъ Дагестанъ, гдѣ были наши владѣнія. Такимъ образомъ намъ оставалось одно: защищать свои границы оружіемъ. И принцъ Гессенъ-Гомбургскій, въ іюнѣ 1733 года, дѣйствительно занялъ позицію на Сунжѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ крѣпость Грозная. Войска раздѣлены были на три колонны, изъ которыхъ двѣ (Еропкина и князя Волконскаго) прикрывали дороги, ведущія отъ Сунжи къ Горячаю *), а третья, подъ начальствомъ самого принца, оставалась въ резервѣ. 11-го іюля 25 тысячъ татаръ двинулись наконецъ отъ аула Большой Чеченъ, гдѣ они стояли станомъ, и всѣми силами атаковали отрядъ князя Волконскаго. Волконскій защищался упорно, но послѣ долгаго неравнаго боя уже былъ близокъ къ пораженію, когда на помощь къ нему подоспѣли Еропкинъ съ драгунами и принцъ съ остальною пѣхотою. Замѣтивъ это и не давая отряду построиться, татары сдѣлали новый отчаянный натискъ и опрокинули нашъ лѣвый флангъ. Еропкинъ очутился посреди рукопашной свалки, — ему разрубили лицо **); самъ принцъ былъ окруженъ и спасся отъ плѣна только благодаря быстротѣ своей лошади. Казалось, побѣда окончательно склонялась на сторону татаръ. Но въ эту минуту догадались сосредоточить огонь всѣхъ нашихъ пушекъ на толпу, тѣснившую лѣвый флангъ, и это произвело среди враговъ страшный безпорядокъ. Войска оправились и, послѣ отчаянныхъ усилій, вырвали наконецъ побѣду изъ рукъ противника.

Разбитые татары бѣжали, оставивъ въ нашихъ рукахъ 12 знаменъ, которыя, какъ первые трофеи принца, отправлены были въ Петербургъ и тамъ съ большимъ торжествомъ повергнуты къ стопамъ императрицы.

Итакъ, двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ русскихъ разбили 25 тысячъ татаръ! Сражались, стало быть, одинъ противъ десяти.

---

*) Теперь трудно указать то мѣсто, гдѣ происходила битва. Это—или Горячеводскъ близъ крѣпости Грозной, или Истису, бывшее укрѣпленіе на Кумыкской плоскости.

**) Дмитрій Федоровичъ Еропкинъ служилъ потомъ подъ знаменами фельдмаршала Ласси, былъ генералъ-лейтенантомъ, кавалеромъ ордена Александра Невскаго и умеръ въ 1750 г. губернаторомъ въ Ригѣ. Сынъ его, генералъ-аншефъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, извѣстенъ въ русской исторіи усмиреніемъ народнаго бунта въ Москвѣ во время чумы.

И тѣмъ не менѣе принцъ не съумѣлъ воспользоваться плодами блестящей побѣды. Дождавшись ночи, онъ приказалъ войскамъ поспѣшно отступать за Сулакъ, и, безъ всякой нужды запершись въ крѣпость Св. Креста, пропустилъ татаръ внутрь Дагестана.

„Я убѣжденъ, говоритъ Зиссерманъ:—что ни одинъ изъ предшественниковъ нѣмецкаго принца, ни Матюшкинъ, ни Левашевъ, ни Румянцевъ не заперлись бы въ крѣпости, что было противно даже духу нашего войска. Конечно, боевые кавказскіе генералы не дали бы татарамъ опомниться и горячимъ преслѣдованіемъ заставили бы ихъ разсѣяться. Теперь вышло совершенно иное. Пока русскіе сидѣли въ крѣпости, разбитые татары бросились на гребенскіе городки, полонили сотни русскихъ людей, взбунтовали весь южный Дагестанъ и даже пытались овладѣть Дербентомъ. Три дня главныя силы ихъ бились подъ стѣнами этого города съ небольшимъ отрядомъ полковника Ломана, но, будучи отражены, потянулись наконецъ къ Шемахѣ, въ персидскія владѣнія. Часть ихъ съ награбленною добычею пошла однакоже обратно въ Крымъ, и на рѣкѣ Кумѣ, повыше урочища Мажаръ, столкнулась съ Краснощековымъ, который шелъ на Сулакъ съ полуторатысячною донскою партіею. На помощь къ крымцамъ подоспѣли 10-ть тысячъ калмыковъ, некрасовцевъ и закубанскихъ горцевъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ, Краснощековъ устроилъ вагенбургъ и засѣлъ въ осаду. Бой длился двое сутокъ, а на третьи на помощь къ русскимъ подошли кабардинцы, подъ предводительствомъ одного изъ старѣйшихъ владѣльцевъ ихъ, Бамата Кургонина. Этотъ баматъ оказался шуриномъ калмыцкаго вождя Дундука-Омбы, а потому, свидѣвшись съ нимъ въ тотъ же день, сталъ уговаривать его пропустить казаковъ безъ боя. „Русскіе идутъ на Сулакъ, а не на тебя, говорилъ онъ:—такъ мой совѣтъ не ввязываться въ чужое дѣло. Если ты будешь драться заодно съ татарами, то я стану за русскихъ“.

Эта угроза подѣйствовала. Къ тому же Дундукъ давно искалъ случая примириться съ русскимъ правительствомъ, и потому ночью отступилъ съ своими калмыками къ Кубани. Съ его уходомъ осада была снята, и Краснощековъ благополучно достигъ Дагестана.

Съ прибытіемъ Краснощекова, принцъ выказалъ болѣе военной рѣшимости и приказалъ генералу Еропкину наказать дагестанцевъ за ихъ возмущеніе. Еропкинъ двинулся прямо въ Башлы, столицу каракайтакскаго уцмія, и 21-го октября взялъ ее приступомъ. Потеря наша при этомъ была громадна—въ 400 человѣкъ, но за то уничтоженіе аула, считавшагося въ краѣ неприступнымъ по своимъ укрѣпленіямъ и мѣстоположенію, сразу возстановило авторитетъ русскаго оружія,—и горы присмирѣли. Но такъ какъ ворота въ Дагестанъ по прежнему были открыты, то по слѣдамъ пробившихся татаръ продолжали двигаться все новыя и новыя толпы, подъ личнымъ предводительствомъ крымскаго хана. Со стороны принца не было даже попытки остановить эти вторженія. За то чеченцы встрѣтили хана въ лѣсистомъ ущельѣ за Сунжей и нанесли ему такое пораженіе, что цѣлый отрядъ крымскихъ татаръ буквально былъ истребленъ озлобленными горцами. Въ память этой побѣды чеченцы поставили въ ущельѣ каменную башню, назвавъ ее Ханъ-Кале, т. е. ханская крѣпость, отчего и самое ущелье получило впослѣдствіи свое извѣстное всѣмъ названіе „Ханкальское“.

Такимъ образомъ, почти весь Дагестанъ былъ занятъ татарами. Императрица Анна Ивановна, встревоженная этими извѣстіями и недовѣрявшая больше военнымъ способностямъ принца *), приказала какъ можно скорѣе отправить въ Дагестанъ, на смѣну его, опять генерала Левашева. Но когда Левашевъ доѣхалъ сюда изъ своей тамбовской вотчины, ему не оставалось ничего болѣе, какъ только удерживаться въ занятыхъ позиціяхъ и не допускать населеніе до враждебныхъ дѣйствій. Левашевъ и смотрѣлъ за этимъ, что называется, въ оба. Попробовали было горцы зашевелиться на Самурѣ—Еропкинъ сжегъ 14 деревень и подавилъ

*) Принцъ этотъ впослѣдствіи служилъ въ арміи Миниха, но, по словамъ Манштейна, занемогъ въ то самое время, когда русскіе готовились идти на приступъ Очакова и выздоровѣлъ въ день взятія крѣпости. Остряки говорили про него, что онъ истощилъ всю свою храбрость въ Персіи. Елизавета Петровна сдѣлала его однакоже фельдмаршаломъ, и въ войну со шведами ему пришлось опять обнажить свой мечъ; но, какъ пишетъ Манштейнъ, принцъ находился въ почтительномъ разстояніи отъ непріятеля. Послѣ этой войны онъ отправился въ Берлинъ, гдѣ въ 1745 г. умеръ.

возстаніе въ самомъ началѣ. Между тѣмъ, все это время шли переговоры съ персидскимъ правительствомъ о мирѣ, и наконецъ, 10-го марта 1735 года, объявленъ былъ ганджинскій трактатъ, по которому Россія возвратила Персіи всѣ города и земли, завоеванные у нея Петромъ Великимъ.

Русская граница опять отодвинулась на Терекъ. Крѣпость Св. Креста на Суланѣ уничтожена, а вмѣсто нея заложена на Терекѣ новая крѣпость Кизляръ. Сюда же переведены съ Сулака еще такъ недавно поселенные тамъ терцы и аграханцы. Терцы переименованы при этомъ въ Кизлярское войско, а аграханцы, расположившіеся на Терекѣ тремя станицами: Коргалинской, Дубовской и Бороздинской, получили названіе Терско-Семейнаго войска. Не лишнее прибавить, что ровно черезъ сто лѣтъ, въ 1836 году, оба эти войска, вслѣдствіе своей малочисленности, соединены въ одинъ полкъ, названный Кизлярскимъ полкомъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска.

Царствованіе Императрицы Анны Іоанновны началось, такимъ образомъ, уступками пріобрѣтеній ея великаго дяди; но дѣлать было нечего. Оставалась надежда вознаградить себя за эти уступки пріобрѣтеніемъ отъ Турціи того, что было ей уступлено Петромъ, по несчастному прутскому миру. Причинъ для турецкой войны было слишкомъ много и на первомъ планѣ явился Азовъ,— это гнѣздо, откуда производились опустошительные набѣги на Донъ и Малороссію. Нынѣшнія губерніи Воронежская, Полтавская, Харьковская и Кіевская постоянно терпѣли отъ дикихъ ордъ, тучами носившихся по вольнымъ степямъ, выжигавшихъ города и села и тысячами уводившихъ въ плѣнъ несчастныхъ жителей.

Турецкая война должна была начаться именно со взятія Азова. Но нынѣшній бѣдный заштатный городишко тогда былъ грозною турецкою крѣпостью, державшею въ страхѣ всю южную окраину Россіи. Гарнизонъ ея былъ не великъ, но крѣпость опиралась на силы сосѣднихъ народовъ, которые видѣли въ ней свободный невольничій рынокъ, и потому-то русскимъ, вмѣстѣ съ осадою Азова, приходилось занять Перекопъ и вести войну на Кубани.

Такимъ образомъ, Кавказъ и въ этомъ случаѣ не измѣнилъ своему боевому характеру. По прежнему тамъ льется кровь и гибнутъ тысячи человѣческихъ жизней. Перемѣнился только театръ военныхъ дѣйствій, перейдя съ лѣваго фланга на правый и изъ горъ Дагестана и лѣсовъ Чечни въ широкія Кубанскія степи, растилающіяся до самыхъ береговъ Азовскаго и Чернаго морей.

Военныя дѣйствія начались съ апрѣля 1736 года. Какъ только фельдмаршалъ Ласси осадилъ Азовъ, а Минихъ приготовился идти къ Перекопу, сорокъ тысячъ калмыковъ, подъ начальствомъ хана Дундукъ Омбо, прошли за Кубань и въ верховьяхъ Урупа напали на ногайцевъ. Несмотря на крѣпкую мѣстность, становище взято было штурмомъ, и ханъ распорядился плѣнными своимъ калмыцкимъ обычаемъ: всѣ мужчины, въ числѣ 6 тысячъ, были вырѣзаны, а 20 тысячъ женъ и дѣтей отправлены на рѣку Егорлыкъ.

Провѣдавъ затѣмъ, что десять тысячъ ногайскихъ кибитокъ, принадлежавшихъ султанъ-аульскому роду, стоятъ въ верховьяхъ рѣки Зеленчука, ханъ повернулъ въ ту сторону. Но не смѣя штурмовать ногайцевъ, засѣвшихъ въ тѣсномъ ущельи, онъ обложилъ ихъ станомъ и 37 дней держалъ въ непрерывной осадѣ. Наконецъ, на помощь къ нему подошли казаки съ Дона и съ Терека. Тогда ногайцы увидѣли невозможность дальнѣйшаго сопротивленія и, чтобы спасти себѣ жизнь, поспѣшили отдаться въ русское подданство. Ихъ немедленно выселили на Куму и Терекъ. Калмыки были весьма недовольны такимъ исходомъ осады, лишившимъ ихъ богатой добычи. Но такъ какъ дѣлать было нечего и русскихъ подданныхъ вырѣзывать не приходилось, то они переждали только осенніе разливы рѣкъ и въ ноябрѣ мѣсяцѣ снова пошли за Кубань вмѣстѣ съ донцами и терцами. На этотъ разъ въ 14 дней пройдено было ими все пространство отъ истоковъ этой рѣки до самаго впаденія ея въ Черное море. Сильная крѣпость Копылъ, резиденція турецкихъ сераскировъ, была взята приступомъ и уничтожена; остальные города, становища, аулы были истреблены, и вся страна, превращенная въ пустыню, спалена огнемъ и покрыта развалинами, пепломъ и трупами. Досталось мимоходомъ при этомъ и нашимъ некрасовскимъ раскольни-

камъ. Когда калмыки и казаки двинулись назадъ, говоритъ очевидецъ, то они оставили послѣ себя больше 15 тысячъ труповъ, которые валялись по полямъ, потому что прибирать ихъ было некому. Столь совершенной побѣды и такой огромной добычи казаки никогда еще не пріобрѣтали.

Прошла зима, а весной 1737 года Дундукъ опять посѣтилъ Закубанье. Усиленными маршами, по сту и болѣе верстъ въ одинъ переходъ, прошелъ онъ черезъ выжженныя татарами степи, гдѣ не было конскихъ кормовъ, и, достигнувъ устья Кубани, взялъ и уничтожилъ богатый городъ Темрюкъ, не отстоявшій себя даже пушечнымъ боемъ. Янычары, составлявшіе его гарнизонъ, поголовно были вырѣзаны; некрасовскіе городки, находившіеся по сосѣдству, разрушены, а сами некрасовцы загнаны въ невылазныя плавни. Одни только черкесскія племена «Адыге» избѣжали погрома, и то лишь потому, что ушли въ неприступныя горы, куда идти за ними не было никакой надобности. Азовъ въ это время уже сдался, и такъ какъ на Кубани, за совершеннымъ уничтоженіемъ всего живого, дѣлать больше было рѣшительно нечего, то казаки возвратились домой, а Дундукъ съ частію калмыцкаго войска присоединился къ фельдмаршалу Ласси, и съ нимъ участвовалъ въ крымскихъ походахъ.

Не дѣлая никакихъ сравнительныхъ выводовъ, нельзя однако не сказать, что калмыцкій ханъ, человѣкъ полудикій, лучше нашихъ фельдмаршаловъ понялъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и потому-то безъ артиллеріи и рогатокъ, безъ обоза и провіанта, съ одною только конницею, въ два-три живыхъ и быстрыхъ набѣга, онъ сдѣлалъ болѣе, нежели сдѣлали въ Крыму цѣлыя регулярныя арміи. Въ эту войну регулярныя арміи наши четыре раза занимали Крымъ и четыре раза его оставляли. Чтобы судить о нашихъ потеряхъ, довольно сказать, что въ первомъ походѣ Миниха мы потеряли изъ 59,000 цѣлыхъ 30,000 людей, погибшихъ исключительно отъ зноя и безводицы. Императрица была такъ довольна службою калмыцкаго хана, что послала ему въ даръ соболью шубу и драгоцѣнную саблю.

Но едва окончилась турецкая война, какъ боевая гроза стала надвигаться на насъ со стороны персидской линіи, гдѣ мы имѣли

только одно укрѣпленіе—Кизляръ, построенный, какъ мы видѣли, генераломъ Левашевымъ вмѣсто стараго города Терки *). Причиною тревоги былъ Шахъ-Надиръ, который, завладѣвъ персидскимъ престоломъ, простеръ свои честолюбивые замыслы на всѣ сосѣднія страны. Внезапное появленіе его въ Дагестанѣ и слухъ о движеніи къ нашимъ предѣламъ породили въ Петербургѣ серьезное опасеніе за возможность новой войны съ персіянами. Въ Астрахани принялись строить флотъ, заброшенный со смерти Петра Великаго; Кизляръ укрѣпляли; войска двигались на Терекъ съ Волги и Дона; пріѣхалъ наконецъ и генералъ Еропкинъ, назначенный комендантомъ Терской линіи. Но когда приготовленія были окончены и война казалась уже неизбѣжною, Шахъ-Надиръ получилъ извѣстіе о возстаніи внутри самой Персіи и повернулъ назадъ. Пять лѣтъ однакоже Терская линія стояла въ полной боевой готовности, и только смерть воинственнаго шаха, послѣдовавшая въ 1747 году, позволила Россіи распустить войска и возложить защиту границы на однихъ линейныхъ казаковъ.

Ожиданіе вторженія шаха было послѣднимъ актомъ персидской войны, начатой за 25 лѣтъ передъ этимъ Петромъ на берегахъ Каспійскаго моря. Какъ ни былъ блистателенъ самъ по себѣ Петровскій походъ, но не достигъ той важной цѣли, къ которой стремился императоръ. Какъ быстро пріобрѣтены были имъ земли вдоль по Каспійскому морю, такъ быстро онѣ и отпали отъ насъ въ послѣдующія царствованія.

Такимъ образомъ, несмотря на безпрерывный рядъ битвъ и на рядъ геройскихъ побѣдъ русскихъ войскъ, положеніе Россіи на Кавказѣ ко временамъ славнаго царствованія Екатерины Великой было еще не упрочено. Стоялъ по прежнему рядъ крѣпостей и казацкихъ поселеній по рѣкѣ Тереку отъ бывшихъ Терковъ до Кизляра,—Терская линія. А на западъ, на обширномъ протяженіи кубанскихъ степей, отъ Дона и Малыча до подножія

*) Заложеніе Кизляра въ 1735 году было послѣднимъ дѣйствіемъ Левашева на Кавказѣ. Послѣ этого онъ командовалъ войсками низоваго корпуса, участвовалъ въ войнахъ съ турками и шведами, получилъ Андреевскій орденъ и умеръ начальникомъ Москвы въ 1751 году, 85 лѣтъ отъ роду. Прахъ его покоится въ церкви Симона Персидскаго.

кавказскихъ горъ, еще свободно кочевали, производя постоянныя нападенія на донскія села и держа ихъ въ безпрерывномъ напряженіи,—дикія орды. И русскимъ предстояло прежде всего связать крѣпкою линіей свои терекскія поселенія съ донскими и азовскими. Эта задача и была выполнена въ царствованіе Екатерины.

Достигнутъ былъ, говоритъ Зиссерманъ объ этой эпохѣ кавказской войны:—только одинъ, не маловажный впрочемъ нравственный успѣхъ: мы утвердили на Кавказѣ высокое мнѣніе о непоколебимомъ мужествѣ русскихъ войскъ, объ ихъ непобѣдимости, о высокихъ качествахъ начальствовавшихъ ими генераловъ. Изъ этой школы вышли такіе полки, какъ Кабардинскій, Куринскій, Ширванскій и Апшеронскій; явились такіе начальники, какими были Матюшкинъ, Левашевъ, Еропкинъ и нѣкоторые другіе, умѣвшіе съ незначительными силами бороться на громадномъ пространствѣ съ воинственными и многочисленными племенами.

IV.

Генералъ Медемъ.

(Кавказская линія съ 1762 по 1776 г.).

О времени кончины Анны Іоанновны, до вступленія на престолъ Екатерины Великой, всѣ дѣйствія русскихъ на Кавказѣ ограничивались исключительно защитою Терской линіи. Впрочемъ, въ Петербургѣ едва ли даже знали, что происходило на этой отдаленной линіи, оберегаемой тогда гребенскими, кизлярскими и терско-семейными казаками, а между тѣмъ нужны были безумная отвага и нечеловѣческія силы, чтобы тремъ слабымъ казачьимъ войскамъ бороться противъ соединенныхъ усилій тавлинцевъ, чеченцевъ, кумыковъ и кабардинцевъ. Каждый шагъ надо было занимать и отстаивать кровью, и не мало этой казацкой крови было пролито тогда на защитѣ роднаго рубежа, въ неравныхъ бояхъ, подъ ударами тавлинскихъ и чеченскихъ шашекъ.

Екатерина скоро обратила вниманіе на эту горсть находившихся въ постоянной и отчаянной войнѣ казаковъ и, въ видахъ усиленія ихъ оборонительныхъ средствъ, приказала генералъ-маіору Потапову, бывшему тогда комендантомъ въ Кизлярѣ, укрѣпить на Терекѣ урочище Моздокъ.

Основаніе Моздока тѣсно связано съ именемъ князей Черкасскихъ-Кончокиныхъ. Когда созрѣвала мысль русскаго правительства о заселеніи лѣваго берега Терека, находившійся въ Петербургѣ одинъ изъ кабардинскихъ депутатовъ, владѣлецъ Малой Кабарды, Каргоко-Кончокинъ, заявилъ желаніе переселиться съ

частью своихъ подданныхъ, до сорока дворовъ, на лѣвый берегъ Терека, обѣщаясь уговаривать къ тому же осетиновъ, кистовъ и другихъ горцевъ. Каргоко тогда же крестился и названъ Андреемъ Ивановичемъ. Онъ былъ награжденъ чиномъ подполковника съ приличнымъ жалованьемъ, золотою медалью и титуломъ князя Черкасскаго-Кончокина. Кончокину предоставлено было право выбрать для поселенія мѣсто, какое пожелаетъ; съ тѣмъ, чтобы избранное мѣсто было удобно и для построенія крѣпости. Постройка поселенія и на первой случай небольшого форпоста поручена была подполковнику Гаку. Князь Андрей Ивановичъ Черкасскій-Кончокинъ выбралъ урочище Моздокъ. По какимъ-то причинамъ осуществленіе его мысли нѣсколько замедлилось; однакоже въ 1763 году мы видимъ уже построенными форпостъ и при немъ селеніе съ небольшою церковью, которой суждено было впослѣдствіи играть такую важную роль въ нашей миссіонерской дѣятельности на Кавказѣ.

Дальнѣйшая постройка Моздока однакоже замедлилась опять по непредвидѣннымъ затрудненіямъ. Дѣло въ томъ, что русское правительство считало моздокское урочище внѣ кабардинскихъ владѣній, основываясь на бѣлградскомъ договорѣ съ Турціей, а кабардинцы присвоивали его себѣ. Въ свою очередь Турція была встревожена слухомъ, что въ Моздокѣ заложена новая крѣпость, и дѣло доходило даже до дипломатической переписки. Коллегія иностранныхъ дѣлъ, употребляя всѣ способы успокоить Турцію, въ то же время секретно предписывала кизлярскому коменданту, генералъ-маіору Потапову, укрѣплять Моздокъ какъ можно скорѣе и, производя работы съ большою осторожностью, откладывать ненужныя до удобнѣйшаго времени. Подполковникъ Гакъ принялся за дѣло съ такою ревностью, что къ 1765 году успѣлъ перестроить Моздокскій форпостъ въ значительное по тому времени для Кавказа укрѣпленіе, а самый форштадтъ, гдѣ жили крещенные горцы, окопать валомъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Екатерина съ самыхъ первыхъ дней своего царствованія начинаетъ уже серьезно заниматься кавказскими дѣлами, и то, что было сдѣлано ею въ Моздокѣ, было только началомъ той великой программы, на выпол-

неніе которой потребовалось цѣлое столѣтіе и милліоны матеріальныхъ жертвъ и нравственныхъ усилій. Первоначальная идея такъ счастливо и во-время предсказанная Кончокинымъ, съ теченіемъ времени развилась до колоссальныхъ размѣровъ, и при основаніи Моздока едва ли кто подозрѣвалъ, что мы кладемъ краеугольный камень завоеванію Кавказа.

Кабардинцы съ своей стороны видѣли въ Моздокскомъ укрѣпленіи посягательство на ихъ свободу и усиленно домогались отмѣны сдѣланныхъ на этотъ счетъ распоряженій. Въ 1764 году они отправили въ Петербургъ своихъ депутатовъ—владѣльца Кайтука Кайсынова и почетнѣйшаго узденя Шабазъ-Гирея. Депутаты жаловались на стѣсненія, дѣлаемыя имъ постройкою Моздока, основывая права свои на моздокское урочище тѣмъ, что они издавна пользовались тамъ лѣсомъ и пастбищами. Имъ отвѣчали категорически, что это доказываетъ только снисходительность русскаго правительства, дозволявшаго кабардинцамъ пасти свой скотъ не только въ этомъ урочищѣ, но и по Кумѣ. Однакоже, желая смягчить хоть нѣсколько рѣзкость такого отказа и вмѣстѣ съ тѣмъ задобрить кабардинцевъ, депутатамъ вручили, въ знакъ императорской милости 3,000 рублей, для раздачи ихъ въ общемъ собраніи народа всѣмъ владѣльцамъ и узденямъ въ награду за помощь, оказанную при усмиреніи чеченцевъ въ 1757 году. Отказъ, объявленный депутатами въ собраніи народа, такъ раздражилъ кабардинцевъ, что они, не принявъ 3,000 рублей, удалились въ верховья Кумы и, соединившись съ закубанцами, до конца 1779 года производили набѣги на всемъ протяженіи нашихъ границъ. И первый набѣгъ ихъ въ іюнѣ 1765 года отличался такимъ необычайнымъ упорствомъ и дерзостью, которыя только и можно объяснить себѣ еще не остывшимъ раздраженіемъ, вызваннымъ неудачей ходатайства.

Вмѣстѣ съ черкесами нагрянули они тогда на линію и шесть недѣль стояли подъ стѣнами Кизляра, грабя и опустошая его окрестности. Наконецъ предводитель партіи Росламбекъ Карамурзинъ, извѣстный подъ именемъ „Сокура“, т. е. кривого, отважился на приступъ, но былъ отбитъ съ громадною потерею, и, чтобы поправить свою репутацію, кинулся въ кочевья астрахан-

скихъ татаръ, у которыхъ угналъ такое громадное число лошадей, что, по словамъ одного современника, въ цѣлой степи, кромѣ небольшого количества овецъ да быковъ, не осталось ни одной животины.

Такъ какъ подобныя попытки могли повториться, то Екатерина приказала перевести на Терекъ еще часть волжскихъ казаковъ, жившихъ около Дубовки, и поселить ихъ, подъ именемъ Моздокскаго полка, между самою крѣпостью и гребенскими городками. Казаки прибыли съ Волги въ 1769 году и были водворены на Терекѣ въ станицахъ: Галюгаевской, Наурской, Ищорской, Мекенской и Калиновской, своимъ походнымъ атаманомъ, полковникомъ, впослѣдствіи генераломъ Савельевымъ, имя котораго въ свое время было такъ популярно между казаками, что сады въ Наурской станицѣ и понынѣ называются еще Савельевскими. Такимъ образомъ Терская линія была значительно усилена.

Справедливость требуетъ сказать, однако, что казаки, пришедшіе съ Волги и Дона, не сразу сдѣлались хозяевами края, а должны были еще долго присматриваться къ обычаямъ совсѣмъ незнакомой и чуждой имъ страны. Весь правый берегъ Терека, поросшій тогда непроходимыми лѣсами, скрывалъ враждебныя племена кабардинцевъ и, казалось, дышалъ войною и гибелью. Оттуда выходили партіи, которыя не разъ орошали русскою кровью первыя борозды, проводимыя казацкою сохою. Мѣста для засадъ были удобныя, потому что и лѣвый берегъ рѣки — теперь обнаженный, или занятый садами или огородами — тогда еще былъ покрытъ вѣковыми, дремучими лѣсами.

Въ позднѣйшее время кавказской войны станицамъ угрожала опасность только изъ-за Терека, гдѣ жили чеченцы. Но за сто лѣтъ назадъ, казакъ боязливо смотрѣлъ и въ другую сторону, гдѣ бродили толпы дикарей, не менѣе воинственныхъ, но еще болѣе кровожадныхъ, чѣмъ горцы. Когда между буграми, покрывавшими моздокскую степь, показывались безчисленные табуны коней, войлочныя кибитки, и изъ-подъ косматыхъ, остроконечныхъ шапокъ сверкали узкіе глаза калмыковъ, казакъ брался за винтовку и сторожилъ станицу уже на всѣ стороны. Обезоружен-

ные впослѣдствіи калмыки быстро потеряли воинственность, но старожилы линіи еще помнятъ калмыцкіе разбои и стычки съ непримиримыми врагами—киргизъ-кайсаками. Податливая русская натура скоро однако освоилась съ опасностями. Молодецки сталъ отбиваться казакъ, не уступая ни пяди изъ занятой имъ земли, и много совершилъ подвиговъ, которые, живо сохраняясь въ народныхъ устахъ, намъ, ихъ потомкамъ, кажутся почти баснословными. И лишь однѣ нѣмыя могилы, разбросанныя по старымъ городищамъ, говорятъ намъ о тѣхъ давно минувшихъ временахъ, которыя въ исторіи Кавказа справедливо могутъ быть названы героическою эпохою.

Еще не успѣли моздокскіе казаки вполнѣ устроиться и укрѣпиться на Терекѣ, какъ началась турецкая война.

Въ это время впервые появляется у насъ мысль о возможности включить Кавказъ въ общій планъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, съ цѣлью отвлечь турецкія силы отъ европейскаго театра войны. Насколько эта мѣра оказалась цѣлесообразною, доказалъ кучукъ-кайнарджикскій миръ, освятившій, такъ сказать, примѣненіе подобнаго образа дѣйствій на будущія времена. И съ тѣхъ поръ всѣ наши войны съ турками постоянно сопровождались дѣйствіями и со стороны кавказскихъ границъ. Эти дѣйствія, оказывая болѣе или менѣе рѣшительное вліяніе на общій ходъ военныхъ событій, являлись настоятельною необходимостью, какъ единственное средство противодѣйствія враждебной намъ турецкой агитаціи, для которой мусульманскія племена Кавказа всегда представляли вполнѣ подготовленную почву.

Участіе кавказскихъ войскъ въ войну 1769 года выразилось тѣмъ, что отдѣльный отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Медема *), прибылъ въ Моздокъ и отсюда долженъ былъ дѣйствовать противъ кабардинцевъ и закубанскихъ черкесовъ, оказавшихся на этотъ разъ особенно воспріимчивыми къ турецкой пропагандѣ. Въ то же время другой отрядъ, подъ начальствомъ графа Тотлебена, прошелъ черезъ Дарьяльское ущелье на помощь

*) Медемъ командовалъ до этого Оренбургскимъ корпусомъ. На Кавказѣ кромѣ отряда, прибывшаго съ нимъ изъ Россіи, ему подчинены были всѣ казаки жившіе по Тереку, калмыки и другіе инородцы.

къ имеретинскому царю Соломону и, овладѣвъ Кутаисомъ, очистилъ отъ турокъ всю Имеретію.

Такъ какъ дѣйствія Медема были ближе къ русскимъ границамъ и касались собственно сѣверной части Кавказа, то мы прежде всего и остановимъ на нихъ вниманіе читателей.

Война началась весною 1769 года нападеніемъ кубанскихъ черкесовъ и татаръ на нашихъ калмыковъ. Слухъ о томъ, что большая часть калмыцкаго войска ушла на Дунай, такъ соблазнительно подѣйствовалъ на горцевъ, что они рѣшились воспользоваться случаемъ и напасть на ихъ улусы *). Но, между тѣмъ какъ крымскіе султаны Максютъ и Арасланъ Гиреи вели шесть тысячъ отборныхъ всадниковъ къ нашимъ предѣламъ, калмыцкій ханъ Убаша, со всею своею двадцатитысячною конницею, стоялъ уже на берегахъ Калауса и зорко слѣдилъ за противникомъ. Бой произошелъ 29 апрѣля. Небольшого роста, черномазые, безобразные, но ловкіе, „какъ черти", калмыки превосходили своею воинственностію всѣ азіятскіе народы и представляли собою противниковъ опасныхъ и грозныхъ. Ламберти, путешествуя по Кавказу за сто лѣтъ предъ тѣмъ, говоритъ объ амазонкахъ, сражавшихся съ войсками Дадіана Мингрельскаго. Эти амазонки были калмыцкія женщины, принимавшія участіе въ битвахъ наравнѣ съ своими мужьями. Однажды нѣсколько тѣлъ подобныхъ героинь попало въ руки мингрельцевъ, и Дадіанъ назначилъ большую награду тому, кто приведетъ къ нему одну изъ такихъ амазонокъ живою. Современники, упоминая объ этомъ, не говорятъ однакоже, чтобы кто-нибудь получилъ подобную награду.

Само собою разумѣется, что бой при такихъ условіяхъ долженъ былъ скоро рѣшиться. Черкесы дали тылъ и калмыки насѣли на нихъ, какъ дикіе звѣри: они ихъ рубили, рѣзали, загоняли въ болота, топили въ Калаусѣ. Всѣ пять знаменъ, множество оружія и панцырей, пять тысячъ лошадей, обозы и вьюки— все это осталось въ рукахъ побѣдителей. Плѣнныхъ взято было

*) По другимъ извѣстіямъ, кабардинцы и закубанцы шли съ намѣреніемъ овладѣть Моздокомъ, и что Убаша, провѣдавъ объ этомъ, встрѣтилъ ихъ на дорогѣ.

не много, не многіе же успѣли бѣжать, а все остальное пало на полѣ сраженія. На самомъ мѣстѣ побоища Убаша велѣлъ тогда же насыпать курганъ и назвалъ его „Курганомъ побѣды", а на той сторонѣ Калауса, гдѣ кончилась битва — другой курганъ, который былъ названъ имъ „Курганомъ пиршества". Оба эти кургана—памятники битвы — существуютъ въ ставропольскихъ степяхъ и понынѣ.

По первому извѣстію объ этомъ сраженіи, Медемъ соединился съ калмыцкимъ ханомъ и сталъ у Бештавыхъ горъ, въ чертѣ кабардинскихъ владѣній. Отрядъ его имѣлъ подъ ружьемъ не больше 3,000 человѣкъ и состоялъ изъ 4 ротъ кизлярской гарнизонной команды, Грузинскаго гусарскаго полка и трехъ эскадроновъ драгунъ при 10 орудіяхъ; остальное дополнялось казаками. Но главную силу его составляли 20,000 калмыковъ, которые хотя не подчинялись ему непосредственно, однакоже Медему поставлено было въ обязанность „командовать ханомъ, но такъ, чтобы это командованіе ему не было примѣтно". Задача трудная, съ которою Медемъ, какъ увидимъ дальше, не справился. Какъ только русскія войска вошли въ Кабарду, большая часть кабардинцевъ тотчасъ присягнула на подданство императрицѣ. Но часть, увлеченная молодыми князьями, укрѣпилась въ сосѣднихъ горахъ и, не желая ни нашего, ни турецкаго подданства, стремилась отстаивать свою независимость. Медемъ послалъ противъ нихъ конный отрядъ, подъ начальствомъ гусарскаго маіора князя Ратіева, который 6 іюня и имѣлъ съ ними жаркое дѣло въ ущельяхъ Подкумка. Кабардинцы дрались отважно, но съ такою же отвагой нападали на нихъ моздокскіе казаки во главѣ съ атаманомъ Савельевымъ, который самъ водилъ ихъ на завалы. Жестокій бой продолжался до ночи, а къ утру непріятель поднялъ бѣлое знамя и выдалъ аманатовъ. Кабардинцы сдались безусловно. Медемъ назначилъ къ нимъ русскаго пристава *) и

*) Первымъ кабардинскимъ приставомъ назначенъ былъ маіоръ Дмитрій Васильевичъ Тагановъ—внукъ извѣстнаго ногайскаго владѣтеля Муса-Мирзы. Еще будучи ребенкомъ, онъ отданъ былъ русскимъ въ аманаты и жилъ въ Кизлярѣ, а когда Муса-Мирза бѣжалъ опять на Кубань, молодого Таганова отправили въ Петербургъ и помѣстили въ кадетскій корпусъ. Тамъ онъ принялъ крещеніе и по окончаніи курса былъ выпущенъ поручикомъ въ калмыцкое войско.

разъяснивъ имъ значеніе и святость присяги, двинулся къ Кубани, желая возможно скорѣе воспользоваться впечатлѣніемъ, которое должна была произвести въ горахъ вѣсть объ истребленіи черкесскаго отряда.

На Кубани, по правому берегу ея, ближе всѣхъ къ нашимъ границамъ, жили въ то время салтанъ-аульскіе ногаи, среди которыхъ еще были живы преданія о грозномъ нашествіи Дундукъ-Омбы, съумѣвшемъ въ 14 дней превратить цвѣтущую страну въ обширное кладбище. Салтанъ-аульцы избѣжали тогда общаго погрома, присягнувъ на подданство русской императрицѣ. Но лѣтъ двадцать назадъ, увлеченные турецкой пропагандой, они опять ушли на Кубань; и теперь со страхомъ ожидали за это возмездія. Они уже давно слѣдили за тѣмъ, какое направленіе примутъ калмыки, и какъ только направленіе это обозначилось, все, что было живого на Кубани, бросилось спасаться на лѣвую сторону. Но спасаться уже было поздно. Пять тысячъ калмыковъ переправились за ними вплавь и вскорѣ завязали дѣло. Въ то же время другой отрядъ, подъ начальствомъ князя Ратіева, былъ двинутъ на каменный мостъ, находящійся въ верховьяхъ Кубани близъ устья рѣки Тиберты. Мостъ оказался занятымъ непріятелемъ. Савельевъ спѣшилъ 400 своихъ казаковъ и бросился на приступъ. Завязался горячій бой. Старый атаманъ вскорѣ былъ раненъ, и только когда капитанъ Фромгольдъ привелъ къ нему гусарскій эскадронъ съ артиллеріей, мостъ наконецъ былъ взятъ и войска, перейдя на лѣвый берегъ Кубани, въ пять дней покончили экспедицію. Главнымъ ея результатомъ было то, что салтанъ-аульцы опять поступили въ русское подданство и были причислены къ кабардинскому приставству.

Встревоженные быстрымъ и рѣшительнымъ успѣхомъ русскихъ войскъ, турки усилили агитацію среди кавказскихъ племенъ, и первою жертвою враждебнаго намъ движенія горцевъ сдѣлался Кизляръ. Воспользовавшись рабочею порою и тѣмъ, что

При выборѣ пристава, Медемъ остановилъ на немъ свое вниманіе, какъ по совершенному знанію имъ туземныхъ нарѣчій, такъ и по тому уваженію, которымъ пользовался древній родъ Тагановыхъ во всей Кабардѣ и въ Закубаньѣ. Должность кабардинскаго пристава онъ отправлялъ 14 лѣтъ, потомъ былъ комендантомъ въ Кизлярѣ и умеръ въ 1798 году въ чинѣ генералъ-маіора.

Медемъ былъ за Кубанью, чеченское племя Кистинъ сдѣлало набѣгъ и захватило въ садахъ Кизляра множество жителей, занимавшихся уборкой винограда. Извѣстіе объ этомъ заставило Медема возвратиться на линію. Наказанные имъ чеченцы смирились, возвратили часть плѣнныхъ и дали аманатовъ. Но не прошло и году, какъ эти аманаты бѣжали, а кистины сдѣлали новый набѣгъ, ужаснѣе перваго, такъ какъ на этотъ разъ, ворвавшись въ Кизляръ, они не брали жителей въ плѣнъ, а убивали всѣхъ, не разбирая ни пола, ни возраста.

Безпорядки въ Чечнѣ въ теченіе всей первой половины 70 года удержали Медема на линіи цѣлое лѣто. Между тѣмъ калмыки, скучая бездѣйствіемъ, отправили сильную партію подъ начальствомъ Емегень Убаши къ Копылу, который, послѣ разгрома его Дундукъ-Омбо, былъ перенесенъ на одинъ изъ островов, образуемыхъ быстрымъ теченіемъ Кубани. Два дня скрывалась партія въ густомъ прирѣчномъ камышѣ, выжидая случая напасть на городъ врасплохъ, но такъ какъ горцы держались съ большою осторожностью, то Емегень потерялъ наконецъ терпѣніе и рѣшился дѣйствовать открыто. Вся партія его, раздѣвшись до-гола, переплыла Кубань верхомъ и кинулась на городъ съ саблями и пиками. Но здѣсь ихъ ожидало страшное разочарованіе: новый городъ оказался обнесенъ глубокимъ рвомъ и валомъ, уставленнымъ рогатками. Пока калмыки выбивали ворота, работая руками и каменьями, со стѣнъ загремѣли пушки, и Емегень принужденъ былъ отступить.

Чтобы загладить впечатлѣніе отъ этой неудачи, старый Убаша самъ двинулся въ походъ и сдѣлалъ набѣгъ на берега Лабы и Урупа. На этотъ разъ онъ дѣйствовалъ малыми партіями и ограничился только отгономъ скота и истребленіемъ нѣсколькихъ ауловъ.

Медемъ, узнавшій объ этихъ экспедиціяхъ только въ Моздокѣ, былъ весьма недоволенъ преждевременнымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій и сдѣлалъ рѣзкое замѣчаніе хану. Ханъ оскорбился и, какъ лицо владѣтельное, не считавшее себя обязаннымъ повиноваться простому генералу, собралъ своихъ калмыковъ и ушелъ на Волгу. Такимъ образомъ, кампанія этого года окончилась ничѣмъ,

и Медемъ, простоявъ нѣсколько времени у Бештавыхъ горъ, распустилъ войска на зимнія квартиры.

Въ это время шесть тысячъ горцевъ имѣли намѣреніе произести нападеніе на нашъ лагерь, но маіоръ Фромгольдъ 4 октября разбилъ передовую партію ихъ на рѣкѣ Кумѣ, и нападеніе не состоялось.

Причины самовольнаго оставленія ханомъ театра войны едва ли можно искать только въ распрѣ его съ генераломъ Медемомъ; вѣроятнѣе предположить, что поступокъ хана имѣлъ въ своемъ основаніи неудовольствіе противъ нашего правительства, которое давно уже стремилось обуздать его самовластное управленіе ханствомъ. Реформы, вводимыя русскимъ правительствомъ въ калмыцкихъ владѣніяхъ, конечно, не могли быть поняты полудикимъ ханомъ, видѣвшимъ въ нихъ только ограниченіе своей деспотической власти. Понятно, что въ умѣ Убаши естественно могла возникнуть мысль совсѣмъ уйдти изъ Россіи. И дѣйствительно, воспользовавшись первымъ благопріятнымъ случаемъ, онъ бѣжалъ въ Зауральскія степи, въ январѣ 1771 года. Яицкое войско, въ то время уже волновавшееся, ничего не сдѣлало для того, чтобы остановить побѣгъ, и ханъ безпрепятственно достигъ предѣловъ Китайской имперіи. Съ нимъ вышло изъ русскихъ владѣній до 28 тысячъ кибитокъ и вся степь между Волгой и рѣкой Калаусомъ опустѣла до такой степени, что, когда Сукуръ-Аджи Карамурзинъ, въ 1771 же году, сдѣлалъ набѣгъ, то черкесы безпрепятственно дошли до земли Донскаго войска и разорили тамъ Романовскую станицу, и только уже на возвратномъ пути имѣли небольшую перестрѣлку съ гусарами маіора Криднера, которые преслѣдовали ихъ до Кубани.

Измѣна калмыцкаго хана, возстаніе Чечни и постоянныя волненія среди кабардинцевъ настолько озабочивали Медема, что въ теченіе почти трехъ лѣтъ онъ не могъ предпринимать никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Между тѣмъ, въ исходѣ 1773 года, на Кубани появился 10-тысячный турецкій корпусъ и занялъ Тамань, сдѣлавшуюся въ скоромъ времени главнымъ мѣстопребываніемъ всѣхъ тайныхъ агентовъ Порты. Начальство надъ этимъ корпусомъ поручено было Девлетъ-Гирею, котораго Порта провозгласила ханомъ и, по обычаю крымской страны, назначила къ

нему въ помощники калгу и нурадина—двѣ высшія въ ханствѣ государственныя должности.

Такимъ образомъ, и русскіе и турки хлопотали въ это время о Крымѣ съ одинаковымъ усердіемъ. Явились два хана: одинъ—Сагибъ-Гирей, занимавшій престолъ въ Бахчисараѣ и избранный татарами при содѣйствіи русскихъ; другой—Девлетъ-Гирей, назначенный въ это званіе Турціею. Отсюда понятно, что для Девлетъ-Гирея вопросъ, чью сторону примутъ многочисленныя ногайскія орды, скитавшіяся по кубанскимъ степямъ, былъ вопросомъ жизни или смерти. Чтобы проникнуть въ Крымъ, ему нужно было начать свою дѣятельность тамъ, гдѣ русское вліяніе оказывалось слабѣе, а съ этой стороны не было благодарнѣе почвы, какъ именно закубанскіе народы.

Въ половинѣ марта 1774 года, усиливъ свой корпусъ еще 15-ти тысячнымъ сборищемъ горцевъ, Девлетъ вышелъ изъ Тамани и двинулся по направленію къ русской границѣ. Первою и главною его заботою было истребить Джанъ-Мамбетъ-бея, главнаго начальника ногайскихъ племенъ, человѣка искренно преданнаго русскому дѣлу. По счастію, при Джанъ-Мамбетѣ находился въ то время небольшой отрядъ русскихъ войскъ подъ командой подполковника Бухвостова, который не входилъ въ составъ кавказскаго корпуса, а былъ высланъ изъ арміи князя Долгорукова, занимавшаго въ то время Крымскій полуостровъ, съ назначеніемъ охранять интересы преданныхъ Россіи татаръ. Этотъ-то отрядъ, состоявшій всего изъ 1,500 человѣкъ ахтырскихъ гусаръ, драгунъ и донскихъ казаковъ, встрѣтилъ турецкій авангардъ подъ начальствомъ калги въ Едичанской ордѣ, и, прежде чѣмъ Девлетъ успѣлъ подоспѣть на помощь съ главными силами, разбилъ его наголову. Ногайцы, уже начинавшіе колебаться въ вѣрности, теперь вмѣстѣ съ русскими преслѣдовали бѣгущихъ. Джанъ-Мамбетъ, несмотря на старость, рубилъ въ запальчивости тѣхъ, которые не рѣшались сражаться съ своими единовѣрцами.

Спустя нѣсколько дней случилось и другое побѣдоносное для русскихъ столкновеніе. Донской полковникъ Ларіоновъ, отправленный съ своимъ полкомъ на развѣдки, ночью внезапно былъ окруженъ многочисленными толпами недавно разбитыхъ татаръ. По

счастью, Ларіоновъ не потерялъ присутствія духа и, пользуясь темнотою ночи, атаковалъ татаръ въ пики, сбилъ и разсѣялъ ихъ такъ, что на разсвѣтѣ слѣдующаго дня ни одного изъ нихъ уже не было видно въ окрестностяхъ русскаго лагеря.

Послѣ этого дѣла подполковникъ Бухвостовъ настоялъ, чтобы Едичанская орда передвинулась ближе къ расположенію нашихъ пограничныхъ войскъ, а для прикрытія ея оставилъ на р. Калалѣ небольшой казачій отрядъ подъ командой полковника Платова. Опасенія Бухвостова оказались справедливыми. Едва лишь ушли едичановцы, какъ въ тотъ же день на Калалу нагрянулъ Девлетъ, и 3-го апрѣля Платовъ былъ атакованъ его 25-ти тысячною арміею. Геройская защита Платова составляетъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ подвиговъ донскаго казачества;—но нѣтъ сомнѣнія, что горсть храбрецовъ, находившихся въ его распоряженіи, была бы уничтожена, если бы, спустя короткое время, на помощь къ ней не подоспѣлъ подполковникъ Бухвостовъ. Надо сказать, что у Бухвостова оставалось только 500 человѣкъ кавалеріи, но этотъ отличный штабъ-офицеръ понималъ, что нравственный духъ замѣняетъ численность, и потому, не теряя ни минуты, бросился на выручку, „въ надеждѣ," какъ онъ доносилъ, „на испытанную храбрость здѣшняго войска." Едичанцы за нимъ не пошли, даже самъ Джанъ-Мамбетъ съ изумленіемъ и жалостью смотрѣлъ на отрядъ, скакавшій, какъ онъ полагалъ, на свою погибель.

Между тѣмъ отвага Бухвостова увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Ударивъ съ налета въ тылъ непріятеля, онъ внесъ такое смятеніе въ татарское сборище, что когда Платовъ съ своей стороны сдѣлалъ отчаянный натискъ, то все бросилось бѣжать, охваченное паникою. То была единственная побѣда, едва ли когда встрѣчающаяся еще въ нашихъ военныхъ лѣтописяхъ; тысяча всадниковъ гнала передъ собою 25-ти тысячную армію, охваченную паникою! Три раза пытался непріятель остановиться, чтобы собрать свои разсѣянныя силы, и три раза, сбитый Бухвостовымъ, снова бросался въ бѣгство. Теперь въ погонѣ за непріятелемъ принимали участіе уже и татары, предававшіе смерти всѣхъ, кого успѣвали настигнуть. Кубань перешли въ бродъ, и затѣмъ Бух-

востовъ съ гусарами и казаками занялъ Копылъ, гдѣ нашелъ 34 турецкія пушки. За это отважное дѣло Бухвостовъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-го класса въ подполковничьемъ чинѣ.

Первымъ и главнымъ результатомъ пораженія Девлета было отпаденіе отъ него закубанцевъ. По всей вѣроятности, этимъ бы и кончились всѣ его похожденія, если бы неожиданный бунтъ въ Кабардѣ не далъ ему новой надежды на успѣхъ предпріятія. Небольшой отрядъ маіора Криднера, стоявшій у Бештамака, гдѣ нынѣ Екатериноградская станица, не могъ помѣшать соединенію Девлета съ кабардинцами. Къ счастію, непріятельскій корпусъ, несмотря на огромное численное превосходство, не обнаруживалъ большой рѣшимости,—что было, по всей вѣроятности, послѣдствіемъ неудачъ, которыя турки понесли на Дунаѣ. Всѣ его дѣйствія ограничились безцѣльнымъ движеніемъ къ Моздоку и неудачною осадой Наурской станицы, геройская оборона которой занимаетъ одну изъ блистательнѣйшихъ страницъ въ нашей боевой кавказской хроникѣ.

Разбитые здѣсь на-голову, татары бѣжали въ Кабарду, куда по слѣдамъ ихъ двинулся весь корпусъ Медема. Въ то же время знаменитый атаманъ Савельевъ съ своими казаками и гусарскимъ эскадрономъ поручика Замина перешелъ черезъ Терекъ и, уничтоживъ двѣ сильныя чеченскія партіи, спѣшившія къ Науру, возвратился назадъ съ тремя отбитыми знаменами. Бухвостовъ и Бринкъ продолжали работать за Кубанью, а Медемъ почти одновременно съ этимъ настигъ и окончательно разсѣялъ остатки девлетовскаго корпуса въ горахъ, на р. Чегемѣ. Неизвѣстно, какія бы послѣдствія имѣли для Девлета понесенныя имъ пораженія, если бы вслѣдъ за тѣмъ военныя дѣйствія не были остановлены кучукъ-кайнарджикскимъ миромъ.

По этому миру, заключенному 10-го іюля 1774 года, Порта признала Кубань границею Россійской имперіи и навсегда отказалась отъ своихъ притязаній на Грузію и Имеретію.

Послѣ громкихъ событій, на Терекской линіи наступило какъ бы затишье. Кабарда, татары и Чечня, не смѣя повторять открытыхъ нападеній безъ поддержки Турціи, занялись своими, искони

не разрѣшимыми и нескончаемыми распрями, а русскіе тѣмъ временемъ стояли въ Моздокѣ и занимались болѣе прочнымъ устройствомъ Терекской линіи.

Изъ послѣдующей дѣятельности Медема на Кавказѣ можно отмѣтить лишь одинъ выдающійся фактъ, именно — походъ его съ небольшимъ отрядомъ въ Дагестанъ, для наказанія уцмія каракайтакскаго за грабежи и вѣроломство, жертвою котораго погибъ между прочимъ возвращавшійся изъ Персіи извѣстный ученый путешественникъ, академикъ Гмелинъ. Къ сожалѣнію, никакія заботы нашего правительства не могли предупредить этого несчастія, случившагося скорѣе всего по винѣ самого Гмелина, который вздумалъ возвращаться изъ Энзели не моремъ, а сухимъ путемъ черезъ Дагестанскія горы. Впрочемъ, почтенный профессоръ, предпринимая этотъ путь, вовсе не думалъ объ опасности, а разсчитывалъ, напротивъ, встрѣтить содѣйствіе въ своихъ научныхъ экскурсіяхъ со стороны уцмія, съ которымъ когда-то ему случилось познакомиться. Уцмій дѣйствительно пригласилъ его въ гости; но едва довѣрчивый Гмелинъ переступилъ порогъ его дома, какъ былъ измѣннически выданъ лезгинамъ. Горцы потребовали за выкупъ его 30 т. руб. сереб.; но пока велись переговоры, Гмелину суждено было испить до конца горькую чашу страданій. Онъ заболѣлъ и въ глубокой тоскѣ по родинѣ умеръ 27 іюня 1774 года. Вмѣстѣ съ нимъ погибли и всѣ его труды, которые могли бы обогатить науку, но не доставили горцамъ ни малѣйшей поживы. Надъ прахомъ Гмелина, зарытаго татарами въ дер. Каякентахъ, долгое время не было ни креста, ни камня, ни огорожи—ничего, что могло бы напомнить и указать путешественнику мѣсто, гдѣ покоятся кости ученаго труженика. Лишь въ 1861 году, другой профессоръ, академикъ Дорнъ, посѣщавшій тѣ же мѣста, что и Гмелинъ, вспомнилъ, при возвращеніи изъ Персіи, несчастнаго собрата и, разыскавъ его забытую всѣми могилу, водрузилъ надъ ней большой деревянный крестъ, съ лаконическою надписью: „Академикъ Гмелинъ“.

Обрядъ водруженія креста произвелъ на татаръ, присутствовавшихъ при этой церемоніи, такое впечатлѣніе, что они, какъ бы желая загладить преступленіе своихъ единовѣрцевъ, совер-

шенное за 87 лѣтъ передъ этимъ, сами вызвались принять на себя дальнѣйшія заботы и попеченія объ этой могилѣ. Гмелинъ, конечно, заслуживаетъ лучшаго памятника. Но величественно хорошъ и этотъ крестъ Спасителя здѣсь, вдали отъ христіанскаго міра, среди мусульманскихъ надгробій — лучшій и вѣрнѣйшій символъ страданій за любовь къ человѣчеству.

Когда императрица получила извѣстіе о плѣненіи Гмелина, она была возмущена вѣроломствомъ уцмія и приказала Медему разорить его владѣнія. Медемъ выступилъ въ походъ въ мартѣ 1775 года и прибылъ въ Дагестанъ въ то время, какъ каракайтакцы осаждали Дербентъ, защищаемый Фетъ-Али-ханомъ кубинскимъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ безконечной рѣзни и междоусобицы, которыми такъ богата исторія кавказскихъ народовъ, и до которыхъ русскимъ въ сущности не было ни малѣйшаго дѣла. Уже девять мѣсяцевъ тянулась осада, и Дербентъ, томимый голодомъ, былъ близокъ къ сдачѣ, когда извѣстіе о приближеніи русскихъ заставило уцмія отступить отъ города. Въ битвѣ при Иранъ-Хараба (погибель Персіи) уцмій былъ разбитъ, и наши войска произвели страшный погромъ въ его владѣніяхъ. Имя „глухого генерала“ — Медемъ не слышалъ на одно ухо — долго оставалось въ преданіяхъ горскихъ племенъ.

Къ сожалѣнію, Медемъ превысилъ свои полномочія и, не довольствуясь разбитіемъ уцмія, занялъ Дербентъ, принадлежавшій персидскому шаху. Не ограничиваясь даже этимъ и желая еще больше расположить къ себѣ владѣльца этого города, и безъ того уже обязаннаго ему спасеніемъ, онъ вздумалъ принять участіе въ его войнѣ съ кавказскими горцами и выслалъ небольшой отрядъ, подъ командою маіора Криднера, въ Таббасаранскія горы. Криднеръ, офицеръ способный и храбрый, составившій себѣ, какъ мы видѣли, видную репутацію во время дѣйствій на Кубани и противъ кабардинцевъ, вѣроятно мало знакомъ былъ съ тамошнею мѣстностію. Онъ допустилъ окружить себя въ ущельяхъ, потерялъ два знамени, и если успѣлъ отступить къ Дербенту, то только потому, что горцы побоялись его преслѣдовать. Медемъ выкупилъ эти знамена за 170 р. сер.—пріемъ, оправдываемый мудрою русскою пословицею: „гдѣ не можешь бить дубьемъ, бей

рублемъ", нынѣ уже немыслимый, но въ ту эпоху не разъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, практиковавшійся съ горцами, не имѣвшими яснаго представленія о значеніи подобныхъ трофеевъ въ европейскихъ войскахъ. Оставивъ Криднера въ Дербентѣ, самъ Медемъ поспѣшилъ на линію, гдѣ въ его отсутствіе возмутились чеченцы.

Такимъ образомъ Дербентъ, вопреки намѣреніямъ русскаго правительства и въ ущербъ дружественнымъ сношеніямъ его съ Персіей, опять очутился во власти русскихъ. Но участь его еще не была рѣшена окончательно, когда случилось происшествіе, которое выказало въ полномъ свѣтѣ необузданный и кровожадный характеръ самого Фетъ-Али-хана. Осенью 1775 года русское торговое судно, возвращавшееся изъ Персіи въ Астрахань, разбилось недалеко отъ Дербента, и Фетъ-Али-ханъ не только разграбилъ товары на сумму въ 700 т. руб. сер., но всѣхъ людей, спасшихся отъ крушенія, велѣлъ перебить, надѣясь тѣмъ окончательно скрыть слѣды преступленія. Какимъ образомъ выплыло на свѣтъ Божій это темное дѣло—неизвѣстно. Но оно имѣло два печальныя послѣдствія: маіоръ Криднеръ почему-то былъ преданъ военному суду и разжалованъ въ солдаты, а Дербентъ рѣшено было оставить. Маіоръ Фромгольдъ былъ посланъ въ Дагестанъ, чтобы вывести наши войска обратно на линію.

Самъ Медемъ послѣ этого оставался на Кавказѣ не долго: отозванный въ Петербургъ, онъ 21 мая 1777 года сдалъ команду надъ войсками генералъ-маіору Якоби.

V.

Подвигъ Платова.

(Битва на рѣкѣ Калалахъ 3-го апрѣля 1774 года).

. . . . Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Непріятелю арканъ,
Гдѣ нашъ вихорь атаманъ?

Жуковскій.

ригинальная и въ высшей степени своеобразная личность донскаго атамана Матвѣя Ивановича Платова занимаетъ въ сонмѣ сподвижниковъ императора Александра I-го совершенно особенное положеніе. Онъ—одинъ изъ наиболѣе любимыхъ народныхъ героевъ, созданныхъ отечественною войною. Великая эпоха 12 года, озарившая Донъ безпримѣрной въ его лѣтописяхъ военною славою, выдвинула этого грознаго вождя „Казацкой орды", и имя его облетѣло изъ конца въ конецъ всю Европу. Съ тѣхъ поръ прошло уже 70 лѣтъ; постепенно угасали боевыя преданія славной эпохи; одни за другими сходили въ могилу доблестные бойцы 12-го года; истлѣли кости самого атамана. Но и теперь, когда уже едва слышны отголоски прежней его славы,—имя и память Платова живутъ на Дону въ безчисленныхъ разсказахъ, въ пѣсняхъ и въ народныхъ преданіяхъ.

Главная дѣятельность Платова протекла среди кровавыхъ войнъ наполеоновской эпохи, но колыбелью его извѣстности былъ все-таки Кавказъ—свидѣтель геройской обороны его, въ глухихъ и пустынныхъ еще тогда степяхъ нынѣшней Ставропольской губерніи, во время турецкой войны. Если ѣхать съ Дону по большому черкасскому тракту, то вправо отъ него, тамъ, гдѣ рѣчка Калалахъ впадаетъ въ Большой Егорлыкъ, на вершинѣ весьма пологой и длинной покатости, донынѣ замѣтны еще остатки землянаго вала, за которымъ, по преданію, бились казаки, и Платовъ съ горстію донцовъ отражалъ нападеніе 25-ти тысячнаго турецкаго корпуса. Бываютъ въ жизни народовъ событія, не вносящія никакихъ измѣненій въ общественномъ ихъ строѣ, и тѣмъ не менѣе долго живущія въ памяти позднѣйшихъ поколѣній, по причинѣ чрезвычайно сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго ими на современниковъ. Къ числу такихъ именно событій, записанныхъ исторіею, можно отнести и подвигъ Матвѣя Ивановича Платова.

Теперь нѣтъ на Дону тѣхъ стариковъ, которые помнили бы дѣтство героя Платова. Но по всѣмъ дошедшимъ до насъ преданіямъ, никто, съ самой ранней юности, не отличался такими боевыми, чисто-казачьими качествами, какъ Платовъ, въ которомъ все предвѣщало человѣка замѣчательнаго, какъ бы нарочно созданнаго для войны и битвъ, для тѣхъ громкихъ подвиговъ, которые впослѣдствіи изумили собою всѣхъ русскихъ людей и цѣлую Европу.

Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе платовскаго подвига собственно въ глазахъ донскаго казачества, нужно сказать прежде, въ какомъ положеніи находилась тогда наша донская окраина.

Съ тѣхъ поръ какъ Россія отторгнула Крымъ изъ-подъ власти турокъ и образовала изъ него независимую область, подъ управленіемъ Сагибъ-Гирея, борьба казачества съ сосѣднимъ ему магометанскимъ міромъ перенесена была на берега Кубани, гдѣ сосредоточились всѣ враждебные ему элементы. Глубоко раздраженная потерею Крыма, Турція дѣятельно старалась поднять противъ Россіи кабардинцевъ, закубанскихъ черкесъ, татаръ и даже ногайцевъ, этихъ полумирныхъ кочевниковъ, которые хотя и признавали надъ собою верховную власть замиреннаго Крыма,

но были соучастниками во всѣхъ грабежахъ и набѣгахъ на русскіе предѣлы. Подготовляя вторженіе въ Крымъ, турки отлично понимали, что прежде надо было отвлечь куда-нибудь часть русскихъ силъ, охранявшихъ Перекопъ, и въ этомъ случаѣ Донъ, какъ искупительная жертва честолюбивыхъ замысловъ, обреченъ былъ ими на гибель. Замѣчательно, что извѣстіе объ этомъ пришло въ Черкаскъ почти одновременно съ другимъ, не менѣе тревожнымъ, о появленіи на Волгѣ пугачевскихъ скопищъ. Страшный самозванецъ въ это время уже шелъ къ Казани и успѣлъ поднять всѣ низовыя губерніи до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ Донского войска.

Въ другую пору, когда всѣ казаки были дома, вѣсти о непріятеляхъ произвели бы, пожалуй, совсѣмъ иное впечатлѣніе. Тогда войсковое начальство, быть можетъ, и само не стало бы о нихъ очень безпокоиться, зная, что донцамъ не въ первый разъ перевѣдываться на бранномъ полѣ съ разными татарами. Но теперь, когда большая часть донскихъ полковъ находилась въ походѣ, за границей, а на Дону оставались только старики, да юноши, никогда еще не бывавшіе въ сраженіяхъ, поневолѣ приходилось серьезно призадуматься надъ участью края.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда весною 1774 года Девлетъ-Гирей, провозглашенный крымскимъ ханомъ, двинулся къ Дону. Ногайская орда поднялась и стала уходить на рѣчку Ею. Но для того чтобы прикрыть ея переселеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ забрать весь провіантъ, имущество, скотъ и даже больныхъ, покинутыхъ жителями въ мѣстахъ, гдѣ были ихъ становища подполковникъ Бухвостовъ оставилъ изъ своего отряда два слабые казачьи полка подъ начальствомъ полковниковъ Платова и Ларіонова.

3-го апрѣля, когда полки эти стояли въ вершинахъ рѣки Калалы, съ передовыхъ постовъ вдругъ дали знать, что „валитъ силы татарской видимо-не-видимо“. Не успѣли казаки опомниться и сѣсть на коней, какъ весь горизонтъ уже покрылся черною тучею татарской конницы. Это были главныя силы Девлета, у котораго насчитывалось тогда болѣе 25 тысячъ разныхъ азіятскихъ всадниковъ. Казалось, что горсть казаковъ, не пре-

вышавшая въ обоихъ полкахъ тысячи коней, моментально будетъ раздавлена налетѣвшимъ на нее ураганомъ. Дѣйствительно, первою мыслью, которая появилась у донцовъ подъ этимъ впечатлѣніемъ, было покинуть обозъ и уходить, пока еще было время. Но Платовъ думалъ иначе, именно, что долгъ ихъ заключается въ защитѣ транспорта до послѣдней крайности, что лучше отбиваться два или три дня, пожертвовать частью отряда, что наконецъ лучше всему отряду погибнуть съ честію, нежели потерять обозъ и этимъ, быть можетъ, подорвать успѣхъ всей экспедиціи.

„Друзья мои! — воскликнулъ онъ, обращаясь къ полку: — Вы видите сами, какая сила татаръ окружаетъ насъ! Намъ нужно биться съ этою силою — и побѣдить ее или лечь костьми, какъ поступали наши дѣды!.. Не будемъ же мы русскіе, не будемъ донцы, если устрашимся проклятаго татарина!“

Ровный, спокойный и какъ бы не признающій никакой опасности голосъ его отрезвилъ казаковъ, уже близкихъ къ паникѣ. Пользуясь этой минутой, Платовъ приказалъ имъ быстро сдвинуть телѣги такъ, чтобы загородить со всѣхъ сторонъ небольшой окопъ, возведенный за ночь, а между тѣмъ вызвалъ двухъ расторопнѣйшихъ людей изъ своего полка и приказалъ имъ какъ можно скорѣе извѣстить обо всемъ Бухвостова.

„Помните, — сказалъ имъ Платовъ: — что вамъ, быть можетъ, предстоитъ пробиться сквозь непріятеля... Донъ не забудетъ вашей услуги; а если суждена вамъ славная смерть, то знайте, что вы положите головы въ честномъ бою за край вашихъ отцовъ, за православную вѣру, за вашихъ братій, за матушку-царицу — за все, что есть на землѣ святого и драгоцѣннаго для русскаго чувства!“.

Восторженная рѣчь одушевила казаковъ. Оборона была рѣшена, и два полка засѣли въ осаду.

Нельзя не замѣтить, что Платову въ это время было только 23 года. Онъ былъ моложе Ларіонова лѣтами и службою, но его энергія и нравственное вліяніе на казаковъ были такъ велики, что фактическое командованіе отрядомъ само собою перешло въ его руки.

Было часовъ 8 утра, когда громадная сила татаръ со всѣхъ

сторонъ обложила казачій станъ, укрывавшійся за утлою оградой, которой никто бы въ наше время не осмѣлился назвать укрѣпленіемъ. Казаки увидѣли, какъ развернулось большое ханское знамя и какъ толпа, привѣтствовавшая его появленіе дикимъ ревомъ, двинулась на приступъ.

Первое нападеніе однакоже было отбито—казаки устояли. Но бѣжавшіе татары тотчасъ смѣнились другими, свѣжими толпами, и за первымъ приступомъ послѣдовалъ второй, за вторымъ третій, четвертый, пятый... Боковые фасы укрѣпленія сплошь завалились тѣлами побитыхъ татаръ, но по этимъ трупамъ ломились и лѣзли въ вагенбургъ все новые и новые люди... Рукъ недоставало наконецъ, чтобы вездѣ отбивать нападающихъ. А между тѣмъ, не сдержи казаки напора гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ, гибель всѣхъ была бы неизбѣжною. Платовъ самъ обходилъ ряды и увѣщевалъ всѣхъ постоять до конца за тихій Донъ, за матушку-царицу.

Семь приступовъ уже было отбито, начинался восьмой, и сомнѣніе мало-по-малу стало закрадываться въ сердца даже этихъ желѣзныхъ защитниковъ. Тогда старый боецъ, еще недавно прославившій себя молодецкою битвой, полковникъ Ларіоновъ отозвалъ Платова въ сторону.

— Посланные тобою казаки, сказалъ онъ ему,—вѣроятно погибли, мы истощили всѣ усилія храбрости, большая часть лошадей нашихъ перебита, и безъ особой помощи свыше намъ нельзя ожидать спасенія...

— Что же ты хочешь сказать этимъ? перебилъ его Платовъ.

— Я думаю, продолжалъ Ларіоновъ,—что намъ благоразумнѣе выговоритъ себѣ какія-нибудь условія, чѣмъ безполезно продолжать оборону.

— Нѣтъ! Никогда! воскликнулъ Платовъ:—лучше умремъ, нежели покроемъ стыдомъ и позоромъ честь нашей отчизны.

— На что же ты надѣешься? спросилъ Ларіоновъ.

— На Бога, и вѣрю, что онъ не оставитъ насъ своею помощью.

Ларіоновъ молча пожалъ ему руку.

Въ это самое время Платовъ, пристально вглядывавшійся въ

степь, вдругъ радостно перекрестился. Ему показалось на самомъ горизонтѣ большое сѣрое облако, которое быстро росло, ширилось и вдругъ зарябило многими точками. Эти точки отчетливо и ясно стали вырисовываться въ прозрачной синевѣ вечерняго воздуха, и зоркій глазъ степняка безошибочно угадалъ въ нихъ скачущихъ всадниковъ.

— Ребята! воскликнулъ Платовъ:—смотрите, ужъ это не наши-ль скачутъ на выручку?..

— Наши! Наши! закричали казаки, и сотни рукъ поднялись, чтобы сотворить крестное знаменіе.

Помощь дѣйствительно была не далеко.

Одинъ изъ казаковъ, посланныхъ Платовымъ, былъ убитъ, но другой доскакалъ до Бухвостова и передалъ ему извѣстіе, которое мгновенно подняло на ноги цѣлый отрядъ. Гусары, казаки, драгуны бросились сѣдлать лошадей. Шумный говоръ пошелъ по всему бивуаку. Одни татары, узнавъ о близости Девлета, пришли въ отчаяніе и ни за что не хотѣли слѣдовать за нашими войсками. Уговаривать ихъ было некогда. Пока Бухвостовъ съ эскадрономъ ахтырскихъ гусаръ и съ легкою драгунскою командою выѣзжалъ изъ лагеря, полковникъ Уваровъ съ своимъ казачьимъ полкомъ уже былъ далеко впереди и прежде всѣхъ подоспѣлъ на помощь. Минута—и двѣсти-триста казаковъ съ опущенными пиками врѣзались въ тылъ непріятелю. Это была атака отчаянная, безумная, не оправдываемая ничѣмъ, кромѣ слѣпой и дерзкой отваги, но именно эти-то свойства ея и имѣли рѣшающее вліяніе на судьбу калалахской битвы. Десятки тысячъ людей, несомнѣнно храбрыхъ, вдругъ дрогнули и, смѣшавшись, какъ робкое стадо, обратились въ неудержимое бѣгство. Началась паника—та страшная паника, которая безотчетно охватываетъ массы и подчиняетъ ихъ одному только животному инстинкту самоспасенія. Казаки, преслѣдуя бѣгущихъ, нагнали ихъ прямо на отрядъ Бухвостова, который принялъ ихъ картечью изъ четырехъ орудій. Это былъ финалъ, послѣ котораго все татарское скопище разбѣжалось въ разныя стороны, и собрать его не представлялось уже никакой возможности.

Казакамъ досталась богатая добыча. На мѣстѣ боя они соб-

рали и похоронили свыше пятисотъ непріятельскихъ труповъ. У Платова выбыло изъ строя только 82 человѣка, но до шестисотъ лошадей, такъ что большая половина его отряда осталась пѣшею.

«Платовъ»—доносилъ Бухвостовъ: «будучи въ огнѣ, оказался вполнѣ неустрашимымъ; онъ съумѣлъ ободрить своихъ подчиненныхъ, приходившихъ уже въ отчаяніе, и этимъ способомъ удержалъ ихъ въ слабомъ укрѣпленіи до моего прибытія. Затѣмъ, во время преслѣдованія, онъ съ величайшею опасностію для жизни бросился на многочисленныя толпы непріятеля, подавая примѣръ своимъ подчиненнымъ, особенно въ лѣсномъ сраженіи близъ Кубани, гдѣ ободренные имъ спѣшенные казаки оказали храбрость примѣрную».

«Если кому-нибудь придется быть въ такомъ же положеніи», говоритъ извѣстный нашъ партизанъ Д. В. Давыдовъ: «тотъ пусть приведетъ себѣ на память подвигъ молодого Платова, и успѣхъ увѣнчаетъ его оружіе. Фортуна, не всегда слѣпая, возведетъ, быть можетъ, твердаго воина на ту же степь славы, на которую вознесла она и маститаго героя Дона».

Калалахская битва была выиграна. Донъ былъ спасенъ отъ погрома, и съ этихъ поръ казаки заговорили о Платовѣ, какъ о чемъ-то чудесномъ. Начальство обратило на него особенное вниманіе, и даже вся армія, дворъ и сама императрица узнали его имя. Но всѣхъ болѣе полюбилъ его знаменитый Потемкинъ, который до самой смерти своей оставался истиннымъ его благодѣтелемъ и покровителемъ. Калалахское сраженіе было, можно сказать, яркою зарею блистательной славы, которая сдѣлалась съ тѣхъ поръ неразлучною спутницею его на военномъ поприщѣ.

Дальнѣйшая служба Платова не принадлежитъ Кавказу. Только разъ онъ еще возвратился сюда въ качествѣ походнаго атамана во время персидскаго похода графа Зубова; но этотъ кратковременный походъ не далъ ему случая совершить что-нибудь достойное его имени. Въ 1806 году, будучи уже войсковымъ атаманомъ, онъ въ первый разъ повелъ свои донскіе полки на битвы съ французами, и съ этихъ поръ до взятія Парижа, можно сказать, не вынималъ ноги изъ боевого стремени, совершая рядъ громкихъ подвиговъ. Одни донцы подъ предводитель-

ствомъ Платова отбили отъ французовъ въ 12 году 546 орудій, 30 знаменъ и взяли въ плѣнъ 10 генераловъ и 70 тысячъ нижнихъ чиновъ. Насколько популярно было тогда имя Платова въ Европѣ, можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Въ Лондонѣ, въ общемъ собраніи сословій города, было постановлено въ признательность къ великимъ подвигамъ Платова поднести ему отъ лица англійскаго народа драгоцѣнную саблю въ золотой художественной оправѣ. Сабля эта составляетъ и понынѣ фамильную святыню графовъ Платовыхъ. На эфесѣ ея, на одной сторонѣ, по эмали изображенъ соединенный гербъ Ирландіи и Великобританіи, а на другой—вензелевое изображеніе имени Платова; верхъ рукоятки покрытъ алмазами; на ножнахъ медальоны превосходной чеканки изображаютъ подвиги и славу героя; на клинкѣ—соотвѣтствующая надпись. Большой портретъ атамана помѣщенъ въ королевскомъ дворцѣ рядомъ съ портретами Блюхера и Веллингтона—изображеніе трехъ главныхъ бичей ненавистнаго для англичанъ французскаго императора. Подъ этимъ портретомъ виситъ картина, изображающая знаменитаго бѣлаго коня—вѣрнаго и неразлучнаго спутника атамана во всѣхъ бояхъ, написанная по приказанію принца-регента однимъ изъ знаменитѣйшихъ во то время лондонскихъ художниковъ. Коня этого, въ полномъ казацкомъ уборѣ, Платовъ, тронутый сочувствіемъ къ себѣ англійскаго народа, подвелъ, уѣзжая изъ Лондона, въ даръ принцу-регенту, какъ представителю могущественнаго государства. Донской буцефалъ былъ принятъ на королевскія конюшни и кончилъ жизнь вдали отъ родныхъ степей.

Возвратившись на Донъ генераломъ отъ кавалеріи, графомъ и съ бриллiантовыми знаками Андреевскаго ордена, Платовъ думалъ еще посвятить остатокъ своихъ дней внутреннему благоустройству родины. Но смерть уже стерегла его, и 3-го января 1818 года маститый атаманъ скончался въ своемъ небольшомъ помѣстьи около Таганрога, 67 лѣтъ отъ роду. Разсказываютъ, будто бы легендарный богатырь, сломленный тяжелымъ недугомъ, въ послѣднія минуты произнесъ слѣдующія слова: „Слава! Слава! гдѣ ты? И на что ты мнѣ теперь пригодилась?“

Прахъ атамана покоится нынѣ близъ Новочеркаска, въ фа-

мильномъ склепѣ Мишкинской церкви; бѣлая мраморная плита указываетъ мѣсто его погребенія, и теплится вѣчная неугасимая лампада передъ иконою. Роскошный памятникъ, работы извѣстнаго Мартоса, стоявшій когда-то надъ самою могилою графа, теперь перенесенъ и поставленъ впереди алтаря. Но есть и другой памятникъ, воздвигнутый Платову по повелѣнію императора Николая Павловича, желавшаго увѣковѣчить память донскаго героя, въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ нашего казачества. Этотъ прекрасный монументъ, исполненный барономъ Клодтомъ, стоитъ въ Новочеркаскѣ среди обширной площади и представляетъ «вихря-атамана» въ развѣвающейся буркѣ, съ гетманскою булавою въ одной и съ обнаженною саблею въ другой рукѣ, какъ бы устремляющагося съ возставшимъ населеніемъ Дона въ битвы на враговъ Россіи. Вся фигура, отлитая изъ бронзы, дышетъ энергіей и силою. „Долго и въ раздумьи стоишь передъ этимъ изображеніемъ, говоритъ одинъ путешественникъ:—а въ головѣ мелькаютъ событія славнаго 12 года, и въ памяти невольно воскресаютъ строфы Жуковскаго изъ его „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“:

Хвала! Нашъ вихорь-атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ.
Бѣдой имъ въ уши свищешь;
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ;
Лишь къ селамъ—пышутъ селы.

VI.

Геройская оборона Наурской станицы

въ 1774 году.

Оборона Наурской станицы моздокскими казаками 10 іюня 1774 года представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ подвиговъ, которые, не имѣя большого политическаго и военнаго значенія, вмѣстѣ съ тѣмъ невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе и современниковъ и потомства, поражая умъ и воображеніе. И въ лѣтописяхъ царствованія Великой императрицы русской, столь славнаго богатырскими дѣлами, и въ лѣтописяхъ кавказской войны, этотъ эпизодъ долженъ занять мѣсто между славнѣйшими подвигами, прославившими русское имя.

Была первая турецкая война, и Наурскую станицу обложило восьми-тысячное скопище татаръ, кабардинцевъ и турокъ, подъ предводительствомъ калги—изъ рода крымскихъ султановъ. Строевые казаки еще не возвращались изъ похода, и дома оставались только старики, женщины, дѣти и легіонная команда. У непріятеля былъ явный расчетъ захватить врасплохъ беззащитныхъ жителей станицы, которая едва только устраивалась, хотя, правда, и была обнесена валомъ и снабжена орудіями. Непріятель не зналъ однакоже, съ

кѣмъ будетъ имѣть дѣло — и встрѣтилъ небывалое войско и съ небывалымъ оружіемъ. Разряженныя наурскія казачки въ красныхъ сарафанахъ вышли на защиту родного города и отражали непріятельскіе приступы на ряду съ мужьями и братьями. На женщинъ, между прочимъ, была возложена обязанность поддерживать костры, разогрѣвать смолу и лить со стѣнъ кипятокъ на головы штурмующихъ. Сохранилось преданіе, что даже щи, варившіяся къ обѣду, шли у казаковъ на дѣло защиты.

Оборона Наура была первымъ случаемъ, когда отъ кавказской женщины понадобилась серьезная и опасная боевая служба. Впослѣдствіи она уже не разставалась съ нею и сроднилась, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ среди суровой обстановки порубежнаго быта. Моздокскія казачки не пугались ни свиста вражескихъ пуль, ни стрѣлъ, ни дикаго рева и гика нападающихъ непріятелей. Спокойно, рядомъ со старыми волжскими бойцами, встрѣчали онѣ яростныя атаки татаръ, защищались серпами, косили косами смѣльчаковъ, появлявшихся на земляномъ валу станицы. Чугунныя пушки перевозились на людяхъ съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, откуда усиливался приступъ.

Нѣсколько отбитыхъ штурмовъ дорого стоили татарамъ. Полагаютъ, что ихъ потеря простиралась до восьмисотъ человѣкъ и что большая часть ея пала на кабардинцевъ. Въ числѣ убитыхъ кабардинцевъ былъ и одинъ изъ извѣстнѣйшихъ владѣльцевъ, князь Каргока Татархановъ, и тѣло его осталось на полѣ сраженія. Уже одно это обстоятельство показываетъ, какъ сильно было смятеніе татаръ, считающихъ священнымъ долгомъ выносить изъ боя тѣла убитыхъ товарищей, а тѣмъ болѣе вождей и предводителей.

Цѣлый день длилась кровавая борьба за обладаніе Науромъ, и цѣлый день, истомленные боемъ, наурцы ожидали выручки; но выручка не появлялась. Станица Червленная лежала всего въ сорока верстахъ, но сообщеніе съ нею было прервано.

Говорятъ, что въ Червленной былъ слышенъ гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, но что командиръ пѣхотнаго полка, расположеннаго въ станицѣ, почему-то думалъ, что у наурцевъ идетъ совсѣмъ не кровавая драма, а водевиль съ потѣшными огнями,

до которыхъ, нужно сказать мимоходомъ, былъ великій любитель начальникъ моздокскихъ казаковъ, старый полковникъ Савельевъ.

Такъ прошелъ день 10-го іюня. 11-го съ разсвѣтомъ вновь загремѣли казацкія пушки, но къ общему удивленію непріятель быстро сталъ отходить отъ станичныхъ валовъ, и скоро безпорядочныя толпы его скрылись изъ глазъ изумленныхъ наурцевъ. Никто не зналъ и не догадывался о настоящей причинѣ столь поспѣшнаго отступленія вражескаго табора, и уже впослѣдствіи только стали говорить, что снятіемъ осады Науръ обязанъ былъ казаку Перепорху, наведшему орудіе прямо на высокій курганъ, гдѣ стояла ставка калги, и счастливымъ выстрѣломъ убившаго любимаго племянника предводителя. Въ этой случайности калга увидѣлъ для себя дурное предзнаменованіе и больше не хотѣлъ оставаться на тѣхъ поляхъ, которыя обагрены были неповинною кровью юноши...

Спустя много лѣтъ послѣ этого событія, въ 1838 году, казаки разрывали однажды станичный курганъ, на которомъ, по разсказамъ ихъ дѣдовъ, стояла ставка крымскаго султана, и дѣйствительно нашли въ землѣ человѣческія кости, серебряный кувшинъ и золотыя украшенія съ пояса и конской сбруи. Кто знаетъ, быть можетъ это и были останки того человѣка, случайная смерть котораго рѣшила участь наурской осады.

Хотя разсказъ о казакѣ Перепорхѣ и его удачномъ выстрѣлѣ и довольно популяренъ среди жителей Наурской станицы, но большинство казаковъ и донынѣ приписываютъ снятіе осады и бѣгство непріятеля только особому Божіему покровительству. Преданіе говоритъ, что на зарѣ 11-го іюня, въ день памяти святыхъ апостоловъ Варѳоломея и Варнавы, два всадника на бѣлыхъ коняхъ и въ бѣлой одеждѣ проѣхали вдоль вражьяго стана и навели на татаръ паническій ужасъ. Въ ознаменованіе этого событія въ наурской церкви устроенъ даже придѣлъ во имя апостоловъ Варѳоломея и Варнавы, и день 11-го іюня празднуется въ Моздокскомъ полку до настоящаго времени.

„Это бабій праздникъ“, говорятъ о немъ казаки, вспоминая славное участіе, которое приняло въ бою женское населеніе ста-

ницы. Многія изъ представительницъ славнаго дѣла дожили до позднѣйшаго времени, и посѣтители Наура еще не очень давно встрѣчали старыхъ героинь, украшенныхъ медалями за его оборону.

Видная роль, выпавшая на долю женщины-казачки при защитѣ Наура, была особенною причиною, почему кабардинцы долго не могли забыть позора своего пораженія. Даже мирные изъ нихъ старались не встрѣчаться съ моздокскимъ казакомъ, боясь насмѣшекъ насчетъ того, „какъ Кабарда пошла воевать, да не управилась съ казацкими бабами". Когда же приходилось встрѣчать кого-нибудь изъ нихъ съ обожженнымъ лицомъ, то казакъ и казачка уже навѣрное не пропустятъ, бывало, случая позубоскалить надъ злополучнымъ джигитомъ.

— А что, досъ (пріятель), не щи ли въ Наурѣ хлебалъ? спроситъ, бывало, линеецъ и провожаетъ добродушнымъ смѣхомъ угрюмо молчащаго кабардинца.

VII.

Неудачный походъ Тотлебена въ Грузію.

18-го ноября 1768 года была объявлена турецкая война. Екатерининскія арміи, подъ начальствомъ князей Голицына и Долгорукова, двинулись къ Днѣстру и къ Перекопу, и сверхъ того сформированы были еще два отдѣльные самостоятельные отряда, назначавшіеся къ военнымъ дѣйствіямъ—одинъ на Кубани, у подножія Кавказскихъ горъ, а другой—по ту сторону горъ въ Закавказьѣ, въ древней Колхидѣ и Иверіи.

Отдѣленные отъ насъ высокою кавказскою стѣною, народы картвельскаго племени составляли въ то время четыре государства: Грузію, Имеретію, Мингрелію и Гурію. Грузія была сильнѣйшею изъ нихъ; но, раздираемая внутренними смутами и междоусобицами, она не могла имѣть вліянія на судьбы сопредѣльныхъ съ нею христіанскихъ государствъ, изъ которыхъ каждое жило своею особенною жизнію.

Просвѣщенная свѣтомъ истинной вѣры почти за шестьсотъ лѣтъ до крещенія Владиміромъ Кіева, древняя Иверія оставила много историческихъ памятниковъ прежняго своего величія, но золотой вѣкъ ея миновалъ уже въ XII столѣтіи, когда древняя Русь еще только начинала свое политическое существованіе.

Иверія пережила много невзгодъ, исторія ея есть длинный мартирологъ иверійскаго народа. Грузинская территорія, лежащая на великомъ перекресткѣ переселенія народовъ, чрезъ который прошли, сталкиваясь между собою, многочисленныя племена Азіи и Европы, была постоянною ареной борьбы, и потоки крови пришельцевъ и туземцевъ обагряли поля ея. Сильная нѣкогда Грузія наконецъ стала изнемогать въ борьбѣ съ могучими сосѣдями, злополучный край попеременно стали терзать то персіяне, то турки, то лезгины. И между тѣмъ какъ иверійскій народъ, сильный духомъ и вѣрою, напрягалъ послѣднія силы въ борьбѣ съ магометанскимъ міромъ, цари Имеретіи уже спокойно выносили вѣковую зависимость отъ Порты, а остальныя государства, Мингрелія и Гурія, совсѣмъ подпали подъ ея вліяніе и даже отурчились и побусурманились.

Въ половинѣ минувшаго столѣтія на престолъ Имеретіи вступилъ Соломонъ I-й, названный Великимъ. Двадцатилѣтнимъ юношею онъ поставилъ для себя задачею освободить страну изъ-подъ власти турокъ, подвергавшихъ его отечество бѣдствіямъ жесточайшаго рабства. Безъ войскъ и почти безъ денегъ онъ началъ кровавую борьбу противъ притѣснителей и неоднократно наносилъ пораженіе значительнымъ силамъ ихъ среди лѣсовъ и неприступныхъ мѣстъ, которыми богата его родина. Турки, испытавшіе силу характера Соломона и опасаясь его возраставшаго могущества, прибѣгли къ обычному ихъ орудію, къ интригѣ, и возмутили противъ царя его собственныхъ подданныхъ.

Изгнанный и лишенный престола, Соломонъ съ немногими людьми, оставшимися вѣрными ему, скитался въ лѣсахъ, и въ столь горестномъ положеніи, по словамъ одного путешественника, „встрѣтилъ праздникъ Пасхи, что даже не имѣлъ священника для возглашенія радостныхъ гимновъ Воскресенія Христова. Благочестивый царь торжествовалъ однако, какъ могъ, этотъ великій день. Онъ вырѣзалъ на столѣтнемъ дубѣ знаменіе креста и съ малымъ числомъ своихъ приближенныхъ три раза обошелъ вокругъ этого дерева, воспѣвая во мракѣ ночи и дубравы: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ.“

Въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, Соломонъ обратился на-

конецъ за помощью къ наемному лезгинскому войску и, разбивъ при его содѣйствіи поставленнаго турками царя Теймураза, опять овладѣлъ престоломъ. Столица Имеретіи осталась однакоже въ рукахъ у непріятеля; а пока турки сидѣли въ Кутаисѣ и въ Поти, власть Соломона не могла утвердиться въ краѣ на прочномъ основаніи. По счастію для него, въ это самое время началась русско-турецкая война. Большую часть своихъ войскъ Турція должна была отправить на Дунай; въ Имеретіи же, такъ же, какъ по всему прибрежью Чернаго моря, остались лишь небольшіе гарнизоны. Дороги къ Батуму и Трапезонту, къ этимъ важнѣйшимъ рынкамъ Азіятской Турціи, оставались открытыми. Турки очевидно не ожидали съ этой стороны нападеній, и потому противникъ могъ легко очутиться передъ воротами Скутари и Царьграда. Императрица Екатерина хотѣла воспользоваться выгодами такого положенія и предложила Соломону помощь, обѣщая, если онъ энергически поведетъ войну, при заключеніи мира имѣть въ виду интересы Имеретіи. Въ то же время Екатерина питала надежду привлечь на нашу сторону и Грузію. „Грузія, писала она къ Вольтеру:—уже воспротивилась туркамъ и отказалась платить имъ дань красивыми дѣвушками, которыя наполняли турецкіе серали“.—„Грузинскій манифестъ объ этомъ, отвѣчалъ Вольтеръ:—появился въ Европѣ и произвелъ извѣстное впечатлѣніе; очевидно, Мустафѣ придется отказаться впредь быть обладателемъ грузинскихъ красавицъ“...—„Желаю, прибавилъ онъ шутливо: — чтобы всѣ грузинскія дѣвицы достались вашимъ офицерамъ: красота должна быть наградою храбрости“.

Какъ занимало Екатерину Закавказье и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ мало знали въ Петербургѣ страну, въ которой предполагали дѣйствовать, можетъ служить доказательствомъ любопытная записка Екатерины, требовавшей отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ точнѣйшую справку, — гдѣ именно находится Тифлисъ? На картахъ, представленныхъ императрицѣ, онъ обозначался то на Черномъ морѣ, то на Каспійскомъ, то, на нѣкоторыхъ, въ срединѣ Грузинской земли.

Государственный канцлеръ написалъ, между тѣмъ, къ царю Соломону письмо, стараясь доказать ему выгоды совмѣстнаго дѣй-

ствія съ Грузіею. Соломонъ самъ отправился къ Ираклію въ Тифлисъ, и тамъ оба царя, по совѣщаніи между собою, положили служить императрицѣ противъ турокъ вѣрно и ревностно. Но Ираклій просилъ русской помощи, опасаясь, чтобы въ его отсутствіе страна не была разорена лезгинами. Екатерина уважила это ходатайство и назначила въ Грузію корпусъ генералъ-маіора графа Тотлебена.

Готлибъ Генриховичъ Тотлебенъ былъ принятъ въ русскую службу еще императрицей Елизаветою Петровной, по рекомендаціи наслѣдника престола, и въ 1759 году произведенъ въ генералы. Это была личность, можно сказать, никѣмъ не разгаданная. Военныя способности его не подлежали никакому сомнѣнію, имя его встрѣчалось почти во всѣхъ современныхъ реляціяхъ о прусской войнѣ, какъ имя такого партизана, передъ которымъ трепетали прусскіе военачальники; но вмѣстѣ съ этимъ, его загадочный характеръ, постоянныя сношенія съ непріятелями и связи, которыя имѣлъ онъ въ Пруссіи, не внушали къ нему особаго довѣрія въ войскахъ, не измѣнившихъ о немъ своего мнѣнія даже послѣ такого блистательнаго подвига, какъ взятіе Берлина. Громкое событіе это, сдѣлавшее имя Тотлебена извѣстнымъ цѣлой Россіи, произошло слѣдующимъ образомъ:

Утромъ 22 сентября 1760 года летучій корпусъ Тотлебена внезапно появился передъ Берлиномъ и занялъ всѣ дороги, ведущія въ городъ. Прусскіе гусары, выѣхавшіе противъ него, почти всѣ были перебиты или забраны въ плѣнъ нашими казаками. Тотлебенъ потребовалъ сдачи города и, получивъ отказъ, приступилъ къ бомбардированію его. Орудійный огонь направленъ былъ имъ главнѣйшимъ образомъ на литейный дворъ и на королевскій замокъ. Въ городѣ начались пожары. Воспользовавшись этимъ, Тотлебенъ ночью бросился было на приступъ, но былъ отбитъ. Между тѣмъ, поутру слѣдующаго дня подошли отряды Чернышова, Панина и графа Ласси; пока происходили ежедневныя стычки, Тотлебенъ повелъ переговоры и успѣлъ склонить коменданта къ сдачѣ города на слѣдующихъ условіяхъ: 1) гарнизону и всѣмъ военнымъ предоставляется свободный выходъ изъ города; 2) королевскій дворецъ останется не тронутымъ и 3) городъ заплатитъ

полтора милліона талеровъ военной контрибуціи и особо двѣсти тысячъ на войска нашихъ летучихъ отрядовъ. Два дня побѣдители занимались въ Берлинѣ сборомъ контрибуціи, захватомъ королевской казны, очищеніемъ арсеналовъ и вывозомъ изъ магазиновъ казеннаго имущества. Чего нельзя было забрать, то предавалось пламени, а всѣ пороховыя мельницы, литейные и пушечные дворы, ружейные и шпажные заводы были разорены до основанія. Извѣстіе о взятіи Берлина повергло въ трепетъ цѣлую Пруссію. Европа съ изумленіемъ узнала объ отважномъ подвигѣ нашихъ партизановъ, а въ Петербургѣ всѣ иностранные министры поспѣшили во дворецъ принести поздравленіе императрицѣ, распространяясь о томъ, какъ это событіе славно для царствованія Елизаветы *).

Къ сожалѣнію, Тотлебенъ позволилъ себѣ напечатать въ нѣмецкихъ газетахъ рѣзкія сужденія о своихъ сподвижникахъ, Чернышевѣ и Ласси. Это дало главнокомандующему поводъ жаловаться на него императрицѣ. Тотлебену объявленъ былъ высочайшій выговоръ. Обиженный этимъ, онъ подалъ въ отставку; но его удержали на службѣ тѣмъ, что отдали въ его команду всѣ легкія войска, поставивши его въ зависимость только отъ одного главнокомандующаго.

При такихъ выгодныхъ для него условіяхъ началась кампанія 1761 года. Рѣшительныхъ дѣйствій въ этомъ году ожидали только въ Силезіи, гдѣ находился Лаудонъ съ большою частію австрійской арміи. Но, вопреки ожиданіямъ, даже и тамъ происходили только мелкія стычки. Лаудонъ ждалъ русскихъ, которые двинулись поздно и шли медленно. Главнокомандующій, фельдмаршалъ Бутурлинъ, видимо избѣгалъ рѣшительныхъ дѣйствій, и потому при первой возможности отступилъ изъ Силезіи. Императрица и такъ уже была весьма недовольна дѣйствіями Бутур-

*) Сохранилось любопытное преданіе, что при занятіи Берлина, именно въ отрядѣ Тотлебена, служилъ Пугачевъ простымъ казакомъ. Однажды Тотлебенъ, увидѣвъ его у себя на ординарцахъ, сказалъ окружающимъ: «чѣмъ больше я смотрю на этого казака, тѣмъ болѣе поражаюсь его сходствомъ съ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ». Если преданіе это вѣрно, то можно согласиться, что эти слова, сказанныя въ присутствіи самого Пугачева, могли произвести на него впечатлѣніе и впослѣдствіи дать ему мысль назваться императоромъ.

лина, а тутъ, къ печальному исходу кампаніи, прибавилась еще измѣна генерала, имя котораго тѣсно связано было съ лучшимъ эпизодомъ прусской войны — со взятіемъ Берлина. 21-го іюня 1761 года фельдмаршалъ донесъ императрицѣ о странномъ происшествіи, случившемся на походѣ въ Померанію: генералъ Тотлебенъ, командовавшій легкими войсками, былъ арестованъ „совѣтомъ полковниковъ", находившихся у него въ командѣ, послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ, Ашъ, открылъ его измѣну, не подлежавшую сомнѣнію. Произведено было строжайшее слѣдствіе, схваченъ былъ жидъ, у котораго нашли переписку Тотлебена съ прусскимъ королемъ, маршруты и нѣсколько шифрованныхъ записокъ. Арестованнаго Тотлебена отвезли въ Петербургъ и предали военному суду, который приговорилъ его къ смертной казни четвертованіемъ. Императрица Екатерина смягчила этотъ приговоръ и замѣнила смертную казнь лишеніемъ чиновъ и высылкой за границу, съ воспрещеніемъ являться въ Россіи, гдѣ всякому предоставлено было право безнаказанно убить его, какъ уличеннаго измѣнника. Шесть лѣтъ прожилъ Тотлебенъ за границей.

Но едва началась турецкая война, какъ онъ обратился къ императрицѣ съ просьбой о помилованіи. Екатерина, цѣнившая его военныя способности, вновь приняла его на службу прежнимъ генералъ-маіорскимъ чиномъ и назначила для дѣйствія въ Грузіи. Отрядъ, порученный въ команду Тотлебена, собирался въ Моздокѣ и состоялъ изъ Томскаго пѣхотнаго полка, четырехъ эскадроновъ конницы и 50 казаковъ при 12 орудіяхъ. Была уже поздняя осень, а потому, распорядившись, чтобы пѣхота и большая часть артиллеріи зимовали въ Моздокѣ, Тотлебенъ взялъ съ собою только конный отрядъ въ 400 человѣкъ при четырехъ орудіяхъ и форсированнымъ маршемъ двинулся къ Тифлису. Съ этими ничтожными силами Тотлебенъ первый изъ русскихъ генераловъ перешелъ Кавказскій хребетъ, преодолѣвъ большія трудности. Одинъ изъ путешественниковъ позднѣйшаго времени съ удивленіемъ останавливается на этомъ подвигѣ. „Проводникъ указалъ мнѣ, разсказываетъ онъ: — на высокіе горные утесы, вздымавшіеся по лѣвую сторону Девдоракскаго ущелья, во впадинахъ между которыми виднѣлись ледъ и снѣгъ. Чрезъ этотъ самый гребень про-

шелъ первый русскій отрядъ изъ Россіи въ Грузію, когда еще о военно-грузинской дорогѣ не было и помину. Смотря на эти, едва доступныя глазу, вершины, не вѣрится, чтобы тамъ могло пройти войско, да вдобавокъ еще съ орудіями".

Въ ноябрѣ 1769 года Тотлебенъ расположился на зимовыя квартиры въ Грузіи. Въ первое время между нимъ и царемъ Иракліемъ завязалась тѣсная дружба. Но скоро эти отношенія стали смѣняться размолвками по поводу того, что Тотлебенъ потребовалъ отозванія изъ его отряда всѣхъ офицеровъ грузинскаго происхожденія. Онъ находилъ поведеніе ихъ не соотвѣтствующимъ „должной вѣрности". Вскорѣ ему пришлось подмѣтить ту же черту и въ русскомъ офицерѣ, подполковникѣ Чоглоковѣ, который былъ присланъ къ нему волонтеромъ. Еще въ Моздокѣ всѣхъ поразило то обстоятельство, что Чоглоковъ ѣхалъ на войну въ сопровожденіи громаднаго обоза и цѣлаго штата прислужниковъ, объясняя это тѣмъ, что ему иначе ѣхать нельзя, такъ какъ онъ сынъ извѣстныхъ Чоглоковыхъ, игравшихъ такую важную роль въ исторіи молодого двора при императрицѣ Елизаветѣ, и такъ какъ онъ близкій родственникъ самой государынѣ. Мать его, урожденная Гендрикова, приходилась, дѣйствительно, двоюродной сестрой Елизаветѣ Петровнѣ, и это-то обстоятельство дало ему поводъ распускать въ Грузіи слухъ, что онъ послѣ великаго князя ближайшій наслѣдникъ русскаго престола. Ираклій говорилъ Тотлебену, что Чоглоковъ, ссылаясь на секретныя инструкціи, просилъ у него трехтысячное войско, чтобы воевать отдѣльно въ Арменіи, гдѣ, по его словамъ, онъ имѣлъ большія связи. До Тотлебена стали доходить слухи, что молодой человѣкъ затѣваетъ что-то недоброе, что въ кругу товарищей онъ говорилъ не разъ, будто бы онъ ѣдетъ въ Грузію затѣмъ, чтобы быть царемъ или умереть на эшафотѣ. Опасаясь какого-нибудь непріятнаго происшествія, Тотлебенъ сталъ воспрещать ему поѣздки изъ лагеря, особенно къ грузинамъ, между которыми у него было много сторонниковъ, но это распоряженіе только ускорило катастрофу. Въ страстную субботу вечеромъ, Чоглоковъ задумалъ произнести нѣкоторое coup d'état и, сидя въ палаткѣ поручика Львова, объявилъ ему, что онъ, Чоглоковъ, маіоръ Ременниковъ и нѣсколько дру-

гихъ офицеровъ порѣшили въ эту же ночь арестовать Тотлебена. Львовъ не согласился принимать участіе въ такомъ рискованномъ дѣлѣ и поспѣшилъ извѣстить объ этомъ графа. Тотлебенъ отвѣчалъ, „что все уже знаетъ", и черезъ полчаса Ременниковъ и Чоглоковъ были арестованы.

Еще не окончилась эта исторія, какъ началась уже другая, съ подполковникомъ Ратіевымъ, грузиномъ по происхожденію. Ратіевъ долженъ былъ доставить Тотлебену артиллерію, но остановился въ Моздокѣ и не слушалъ никакихъ предписаній. Зная, что Ратіевъ находится въ перепискѣ съ Чоглоковымъ, Тотлебенъ заподозрилъ его въ измѣнѣ и приказалъ арестовать; но Ратіевъ самъ арестовалъ посланныхъ къ нему офицеровъ и прошелъ прямо въ Тифлисъ къ царю Ираклію, куда въ то же самое время изъ-подъ ареста бѣжалъ и Чоглоковъ. Тотлебенъ послалъ требовать ихъ выдачи, но посланныхъ тоже задержали въ Тифлисѣ. Между тѣмъ въ самомъ лагерѣ обнаружились новыя смуты; нѣсколько офицеровъ задумали самовольно покинуть отрядъ и пробраться на линію. Говорили, что заговорщики имѣли въ виду возмутить Томскій пѣхотный полкъ, шедшій къ Тотлебену, и пересѣчь послѣднему сообщеніе съ Моздокомъ. Тогда Тотлебенъ, поспѣшно выступивъ изъ лагеря, занялъ Анауръ, грузинскую крѣпость, запиравшую входъ въ Кавказскія горы, и этимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ заставилъ мятежниковъ отказаться отъ своихъ намѣреній. Нѣсколько офицеровъ были арестованы и преданы военному суду.

Взволнованный этими происшествіями, Тотлебенъ обвинялъ во всемъ интриги грузинскаго двора и писалъ императрицѣ, что, по соединеніи съ Томскимъ полкомъ, онъ намѣренъ немедля идти къ Тифлису, отомстить противникамъ, возвратить похищенную Ратіевымъ артиллерію, войско и припасы, подчинить всю Грузію русской власти, лишить Ираклія пожалованной ему передъ тѣмъ андреевской ленты и отправить его въ Петербургъ или вогнать въ Черное море. А Чоглоковъ въ то же самое время сдѣлалъ доносъ изъ Тифлиса, что по его примѣтамъ Тотлебенъ или сошелъ съ ума, или замышляетъ измѣну.

При такихъ условіяхъ военныя дѣйствія не могли идти успѣшно. Весною 1770 года, когда Ираклій и Тотлебенъ двинулись вмѣстѣ

къ Ахалцыху и подошли къ Аспиндзѣ, между ними опять возникли на военномъ совѣтѣ пререканія: Тотлебенъ не хотѣлъ вступать въ бой съ непріятелемъ, а Ираклій требовалъ настоятельно, чтобы русскіе шли въ авангардѣ. Въ споръ этотъ вмѣшался 24-хъ-лѣтній царевичъ Георгій, находившійся въ свитѣ отца, и этимъ окончательно испортилъ дѣло.

— Генералъ! Неприлично въ такое время измѣнять царю!— вскричалъ онъ запальчиво.

— Я не имѣю повелѣній отъ императрицы, сухо возразилъ Тотлебенъ.—Къ тому же я располагаю столь малыми силами, что не могу сражаться съ сильнѣйшимъ противникомъ.

— Вы только срамите, генералъ, русское войско и роняете достоинство Великой Россіи, продолжалъ царевичъ.—Мы сразимся одни и, одержавъ побѣду, донесемъ императрицѣ о вашей трусости.

Тотлебенъ послѣ этихъ словъ оставилъ собраніе и приказалъ русскимъ войскамъ отдѣлиться отъ грузинъ. Оставшись одинъ, Ираклій долженъ былъ отступить и возвратился назадъ. На пути ему пришлось выдержать жестокую битву съ лезгинами и турками, пытавшимися отрѣзать ему отступленіе. Бой былъ упорный, и самъ Ираклій принужденъ былъ сражаться наравнѣ съ простыми грузинами. Окруженный въ рукопашной схваткѣ врагами, онъ собственноручно убилъ лезгинскаго военачальника и только этимъ подвигомъ вырвалъ побѣду изъ рукъ непріятеля.

Въ Петербургъ полетѣли опять обоюдныя жалобы. Тотлебенъ писалъ императрицѣ, что грузины совсѣмъ не помогали русскимъ въ бою съ турками и только грабили, не объясняя однако, гдѣ и при какихъ условіяхъ происходило сраженіе. Ираклій съ своей стороны выставлялъ на видъ самовольное отдѣленіе отъ него Тотлебена, черезъ что грузинское войско едва не было поставлено въ безвыходное положеніе. Для точнѣйшаго разслѣдованія дѣла и для прекращенія смутъ, въ Грузію былъ посланъ капитанъ Языковъ. Но пока онъ ѣхалъ, Тотлебенъ перешелъ уже въ Имеретію, гдѣ дѣйствія его отличались энергіею и рѣшимостію. На глазахъ имеретинскаго царя русскіе приступомъ взяли укрѣпленный замокъ Богдатцыха, потомъ Шагербахъ и наконецъ овладѣли Ку-

таисомъ, высокія стѣны и укрѣпленныя башни котораго царь приказалъ разрушить, чтобы не дать возможности туркамъ удерживаться въ его владѣніяхъ. 6-го августа русскія войска торжественно вступили въ верхній городъ, живописныя развалины котораго находятся понынѣ на правомъ берегу Ріона, и возвратили царю древнюю столицу его, болѣе 120 лѣтъ занятую турецкимъ гарнизономъ. Въ Кутаисѣ русскіе взяли шесть турецкихъ знаменъ и 35 орудій.

Тотлебенъ двинулся къ Поти. 12-ти тысячный турецкій корпусъ, встрѣченный имъ на пути, былъ разбитъ и русскіе приступили къ осадѣ. Осада однакоже пошла неудачно. Причиною этого были опять тѣ же интриги и происки нашихъ союзниковъ, изъ которыхъ каждый преслѣдовалъ только личные свои интересы, нисколько не заботясь объ общемъ дѣлѣ. Ираклій стоялъ въ сторонѣ, а правители Мингреліи и Гуріи имѣли виды, совсѣмъ противоположные намѣреніямъ Тотлебена. Дадіанъ думалъ защищаться посредствомъ русскихъ отъ Соломона и гуріелей, а Соломонъ надѣялся русскими руками покорить себѣ Мингрелію и Гурію, не помышляя о туркахъ. Все это повело къ тому, что русскіе вынуждены были отступить отъ крѣпости. Екатерина, пораженная странными явленіями, происходившими въ Закавказскомъ корпусѣ, рѣшила отозвать Тотлебена.

Она проницательно оцѣнила и дѣйствующихъ лицъ и ихъ отношенія. „Я пробѣжала только Тотлебеновы письма, писала императрица Панину, — изъ которыхъ усмотрѣла непослушаніе къ нему Чоглокова и вранье сего необузданнаго и безмозглаго молодца, а при томъ не хвалю же и неслыханныя подозрительности Тотлебеновы. Я думаю, что онъ способнѣе въ Грузіи наши дѣла испортить, нежели оныя привести въ полезное состояніе; надлежитъ опредѣлить кого другого“.

На смѣну Тотлебену отправленъ былъ генералъ-маіоръ Сухотинъ. Онъ продолжалъ осаду Поти, но, не предвидя успѣха, рапортовался больнымъ и уѣхалъ въ Тифлисъ. Соломонъ пожаловался и на него императрицѣ. Назначено было слѣдствіе, а между тѣмъ Екатерина признала безполезнымъ долѣе держать войска за Кавказомъ, и весною 1772 года отрядъ возвратился на линію.

Въ Грузіи осталось множество русскихъ дезертировъ, которыхъ собрать не было никакой возможности. Одинъ зъ нихъ, Семитріевъ, съ шайкой въ триста человѣкъ, пробрался даже на Каспійское море, грабилъ тамъ туркменскіе и персидскіе берега, добылъ четыре пушки и наконецъ появился на Волгѣ. Здѣсь онъ былъ разбитъ посланными противъ него войсками, бѣжалъ на Донъ и выданъ былъ казаками.

По удаленіи русскихъ войскъ, Соломонъ одинъ продолжалъ военныя дѣйствія, защищая отъ нападеній турокъ границы своего государства. Грузія же, при посредствѣ Персіи, заключила съ турками выгодный міръ, и царь Ираклій получилъ отъ султана въ подарокъ шубу, лошадь съ уборомъ и саблю.

По счастію для Россіи, всѣ смуты и неудачи ея въ отдаленномъ Закавказьѣ не производили особенно сильнаго впечатлѣнія: о нихъ мало знали въ Россіи и вовсе не знали въ Западной Европѣ, гдѣ хорошо помнили только кагульскую и чесменскую битвы. Екатерина спѣшила воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ и, выговоривъ при заключеніи кучукъ-кайнарджикскаго мира выгодныя условія для Грузіи и Имеретіи, удержала надъ ними свое вліяніе. Христіанскіе народы Закавказья, окруженные могущественнымъ магометанскимъ міромъ, съ своей стороны не могли не видѣть по прежнему своего спасенія единственно на сѣверѣ, въ единовѣрной странѣ.

„Люблю я, говоритъ одинъ русскій писатель: — сравненіе прекрасной Иверіи съ виноградною лозою, крѣпко обвившей свою тычину. Буря бьетъ въ нее со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной; тычина колеблется и лоза гнется, то въ ту, то въ другую сторону, но не ломается. Сколько разъ прилегала она къ землѣ, сколько отломилось отъ нея вѣтокъ; но все-таки не отдѣлилась она отъ корня и пережила свои бури. Наступила наконецъ тишина, прояснилось надъ нею небо, и народъ Иверіи увидѣлъ счастливые дни за дружественною гранью русскихъ штыковъ“...

VIII.

Генералъ Якоби.

Въ 1774 году окончилась турецкая война, но дѣйствія на Кавказѣ не прекращались. Однако же край этотъ не получалъ для Россіи большого и самостоятельнаго значенія до той поры, пока свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ не былъ назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и не обратилъ наконецъ должнаго вниманія на отдаленную Астраханскую губернію, въ составъ которой входила Кавказская линія. При Потемкинѣ выдвигаются такіе дѣятели кавказской войны, какъ генералы Иванъ Варѳоломеевичъ Якоби и Александръ Васильевичъ Суворовъ. Оба они назначены были командовать только что сформированными тогда корпусами: первый — кавказскимъ, а второй — кубанскимъ, и оба навсегда останутся въ памяти исторіи, какъ піонеры русской цивилизаціи на Кавказѣ, какъ замѣчательнѣйшіе дѣятели въ устройствѣ края.

Якоби назначенъ былъ на Кавказъ по личному выбору князя Григорія Александровича Потемкина, съ званіемъ астраханскаго военнаго губернатора. Соединивъ такимъ образомъ въ своихъ ру-

кахъ военное и гражданское управленіе краемъ, онъ является первымъ самостоятельнымъ дѣятелемъ въ ряду нашихъ кавказскихъ правителей.

Прибывъ на линію, Якоби засталъ на ней только 10 — 12 казачьихъ станицъ да двѣ крѣпости: Кизляръ и Моздокъ. Правда, Терская линія, населенная стойкими и неустрашимыми терскими, гребенскими и моздокскими казаками, представляла надежный оплотъ для русскихъ владѣній; но она прикрывала лишь незначительную часть русской границы, тогда какъ все остальное пространство отъ Терека и Малки до самаго Чернаго моря было совершенно открыто вторженіямъ горцевъ, которые и нападали не только на Донъ, но безпрепятственно проникали даже въ предѣлы Воронежской губерніи.

Какъ опытный боевой генералъ, получившій еще за турецкій походъ орденъ св. Георгія 3-го класса, Якоби началъ съ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ для обузданія горскихъ хищниковъ. По его иниціативѣ заложены были новыя крѣпости: Екатериноградъ, Георгіевскъ и Ставрополь; при немъ же положено было начало заселенію нынѣшней Ставропольской губерніи казенными крестьянами и наконецъ устроена правильная военная Азовско-Моздокская линія, которая, начинаясь Моздокомъ, направлялась чрезъ Екатериноградъ, Георгіевскъ, Александровскъ и Ставрополь до границы Донского войска, а оттуда черезъ Ростовъ (называвшійся тогда крѣпостью Св. Дмитрія) доходила до самаго Азова. Линія отъ Моздока до границъ Донского войска состояла изъ 10 крѣпостей, при которыхъ находились и казачьи станицы, укрѣпленныя ретраншаментами. Изъ нихъ Моздокская крѣпость находилась въ раіонѣ Моздокскаго полка, Екатериноградская, Павловская, Марьевская, Георгіевская и Александровская принадлежали къ Волжскому полку, а Андреевская (впослѣдствіи Сѣверная), Ставрополь, Московская и Донская—къ Хоперскому. Этимъ рядомъ крѣпостей и сильныхъ казачьихъ станицъ была прикрыта лежавшая за Терекомъ, между Кубанью и Дономъ, обширная пустынная степь, по которой прежде свободно разгуливали хищныя толпы кабардинцевъ, калмыковъ и ногайцевъ. Якоби хорошо понималъ, что одни договоры съ Турціей не въ состояніи были обезпечить наши границы

ть дикихъ вторженій татаръ, и потому спѣшилъ противопоставить мъ сплошное воинственное населеніе хоперскихъ и волжскихъ азаковъ, которыхъ онъ перевелъ на эту новую линію и которые бразовали здѣсь два линейные полка: Хоперскій и Волжскій. И олько съ этихъ поръ постепенно усиливающееся русское осѣдлое аселеніе начинаетъ мало-по-малу оттѣснять кочевниковъ и прочно анимать лучшія ихъ земли, которыя однакоже все еще приходилось отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ.

Передъ Якоби были два элемента, въ равной степени сильныхъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло: горецъ и казакъ.

Горцы были слишкомъ солидными противниками, чтобы можно ыло ихъ игнорировать, и казаки скоро заимствовали отъ нихъ е только боевыя привычки и тактику, но переняли ихъ вооруженіе, посадку и даже одежду, которая съ тѣхъ поръ такъ и сталась народнымъ костюмомъ кавказскаго казака до настоящаго ремени. Не довольствуясь этимъ, казаки постарались усвоить себѣ орскія нарѣчія, обычаи и многія черты характера и домашняго ыта. Вѣрные своимъ стариннымъ традиціямъ, они пришли къ ротивникамъ, какъ будто нагіе, взяли у нихъ одежду, сбрую и ружіе, сдѣлались на нихъ похожими, и потомъ уже стали ихъ ить. Ни угрюмая пустыня донскихъ и кубанскихъ степей, ни ерспектива нужды и лишеній, ни самая опасность близкаго соѣдства горцевъ—ничто не могло остановить казаковъ отъ переселенія. Это было, такъ сказать, ихъ историческою миссіей.

Малые числомъ, но сильные духомъ, они стремились на окраины, ъ просторныя степи, гдѣ можно жить легко и привольно. Это были юди, закаленные въ суровой школѣ войны, иной разъ имѣвшіе ще кой-какіе непоконченные счеты съ правосудіемъ, и они естественно стремились туда, гдѣ власть была слабѣе и снисходительнѣе. Но, удаляясь отъ центра, русскій казакъ-колонистъ въ о же время нуждался въ поддержкѣ, и потому не порывалъ съ имъ связи. Съ своей стороны центръ, понимая, что безъ колонизаціи ему не удержать своихъ окраинъ, охотно прощалъ своихъ блудныхъ, но храбрыхъ дѣтей и оказывалъ имъ всякій разъ помощь, когда они обращались къ нему за нею. Обоюдная выгода заставляла эти два, враждебные съ виду, элемента помогать другъ другу. И

надо сказать, нигдѣ эта взаимная помощь не проявлялась въ столь сильной степени, не достигала такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ на Кавказѣ. Здѣсь казакъ-колонизаторъ являлся вѣрнѣйшимъ слугою русскаго государства, а государство, въ свою очередь, не жалѣло ничего для своего піонера. Ни казаку не удержаться бы передъ горцами безъ помощи государства, ни государству съ одной регулярною арміею не одолѣть бы безпокойнаго Кавказа. Сами горцы превосходно понимали разницу между занятіемъ страны военною силою и истиннымъ завоеваніемъ ея, т. е. заселеніемъ. Они говорили: „укрѣпленіе — это камень, брошенный въ полѣ: дождь и вѣтеръ снесутъ его; станица—это растеніе, которое впивается въ землю корнями и понемногу застилаетъ и охватываетъ все поле“.

Жизнь порубежнаго казака съ самаго начала была окружена нескончаемымъ рядомъ тревогъ и опасностей, въ которыхъ закалялся духъ и крѣпли казацкія силы... А силамъ этимъ надо было крѣпнуть, чтобы выдержать борьбу, на которую понадобилось цѣлое столѣтіе. Въ этой неустанной борьбѣ, въ этихъ часто неравныхъ бояхъ, были обычнымъ явленіемъ геройскіе подвиги, уже и не обращавшіе на себя большого вниманія. Только потому о первыхъ дѣйствіяхъ нашихъ казаковъ на Кавказѣ немного сохранилось свѣдѣній; да и эти отрывочныя свѣдѣнія составляютъ достояніе покрытыхъ пылью и плѣсенью, никому не вѣдомыхъ войсковыхъ архивовъ. Генералъ Якоби превосходно понималъ и духъ казачества и стойкость противниковъ; давая казачеству опору въ крѣпостяхъ, онъ хотѣлъ сдѣлать русское вліяніе на Кавказѣ прочнымъ и основаннымъ ни на однихъ исключительныхъ военныхъ свойствахъ казаковъ. Его дѣйствія и намѣренія не укрылись отъ горцевъ, и съ весны 1779 года на линіи уже начинаются крупныя военныя событія. Рѣшившись уничтожить ненавистныя имъ поселенія хотя бы цѣною тысячи жизней и цѣлыми потоками крови, три или четыре тысячи черкесовъ перешли Кубань подъ предводительствомъ Дулакъ-Султана и бросились на русскія крѣпости. Въ то же самое время шесть тысячъ кабардинцевъ, перейдя черезъ Малку, стремительно атаковали самый лагерь Якоби, расположенный у крѣпости Св. Павла.

Никогда еще набѣги на линію не принимали такого большаго размѣра, и никогда еще враги не дѣйствовали съ такою энергіею и силою, какъ въ эти первые два года, послѣ заложенія Моздокско-Азовской линіи.

Бой загорѣлся, такъ сказать, разомъ по всему протяженію Моздокской линіи. Но горцы ошиблись, предполагая найти въ новыхъ переселенцахъ людей, неприготовленныхъ къ военному дѣлу—мужество защиты превзошло вездѣ самую отчаянную отвагу нападающихъ.

Небольшой Алексѣевскій редутъ былъ атакованъ врасплохъ и горцы, захвативъ казачій табунъ, обступили это маленькое укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ. Но когда они готовились къ штурму, изъ воротъ редута вынеслась хоперская сотня съ есауломъ Михѣевымъ и бросилась въ шашки. Въ одно мгновеніе она была окружена черкесами, потеряла 18 казаковъ убитыми и, будучи отброшена въ лѣсъ, спѣшилась, засѣла въ кустахъ и продолжала защищаться. Послѣ жаркой перестрѣлки, горцы вынуждены были оставить ее въ покоѣ и, бросившись опять на укрѣпленіе, ворвались въ форштадтъ, убили нѣсколькихъ жителей, но редута взять не могли и отступили съ большою потерею. Другая крѣпость, Андреевская, отбилась еще при худшихъ условіяхъ, такъ какъ одинъ армянинъ, подкупленный черкесами, произвелъ пожаръ въ то самое время, когда начинался приступъ. Но самое жестокое пораженіе черкесы понесли подъ Ставрополемъ, гдѣ 200 казаковъ изъ полка Кутейникова на голову разбили ихъ главную полуторатычячную партію.

Дѣйствія кабардинцевъ также не отличались особенною удачею. Отбитые два раза отъ лагеря Якоби, они повернули назадъ и бросились на Марьевскую крѣпость, гдѣ двѣсти волжскихъ казаковъ подъ начальствомъ капитана Басса едва успѣли запереть передъ ними ворота.

Обступивъ крѣпость и наскоро построивъ громадные щиты-мантелеты для прикрытія отъ казацкихъ выстрѣловъ, кабардинцы приступили къ правильной осадѣ и повели траншеи. Въ два дня, работая руками и кинжалами, они дошли до крѣпостнаго рва, какъ вдругъ, утромъ 10 іюня, въ тылу у нихъ появился Якоби.

Разбитые въ кровопролитномъ сраженіи, послѣдовавшемъ затѣмъ подъ стѣнами Марьевской крѣпости, кабардинцы бѣжали за Малку и тотчасъ же пустили въ ходъ всѣ извороты и тонкости азіятской политики: они изъявляли покорность, давали аманатовъ, предлагали двойное вознагражденіе за причиненные убытки; но они упорно стояли на требованіи, чтобы были уничтожены крѣпости Павловская, Марьевская и Георгіевская. Получивъ отказъ, кабардинцы снова нахлынули на линію въ августѣ мѣсяцѣ, и на этотъ разъ ареной своихъ дѣйствій сдѣлали окрестности Георгіевска. Здѣсь они выжгли на корню весь хлѣбъ, истребили сѣнокосы, угнали много скота, пробовали даже штурмовать самый Георгіевскъ; имъ удалось даже разбить небольшой русскій отрядъ, высланный изъ крѣпости въ числѣ 80 человѣкъ при одномъ орудіи. По всей вѣроятности они напали на него врасплохъ, такъ какъ только этимъ и можно объяснить себѣ послѣдовавшую за тѣмъ рѣзню, въ которой офицеръ и сорокъ нижнихъ чиновъ были изрублены, остальные бѣжали, оставивъ пушку въ рукахъ у кабардинцевъ.

Это прискорбное происшествіе случилось 27-го сентября, въ тотъ самый день, когда на линію прибыли новыя войска, подъ командой генералъ-маіора Фабриціана. Герой турецкой войны, носившій на шеѣ георгіевскій крестъ еще съ подполковничьяго чина *), Фабриціанъ предложилъ Якоби тотчасъ атаковать главный станъ кабардинцевъ, расположенный на одномъ изъ острововъ, образуемыхъ Малкою. Предложеніе было принято и 29-го сентября значительный отрядъ со всѣхъ сторонъ обложилъ кабардинцевъ. Въ отрядъ этотъ входили: Томскій пѣхотный полкъ, баталіонъ Кабардинскаго полка, два егерскіе батальона (Горскій и Кабардинскій), двѣ роты Моздокскаго полевого батальона, Моздокскій казачій полкъ, 2 тысячи донскихъ казаковъ и калмыковъ и, наконецъ, 10 эскадроновъ Владимірскаго драгунскаго полка; артиллеріи не было вовсе, но какъ Фабриціанъ, такъ и

*) Въ 1769 году подполковникъ Федоръ Ивановичъ Фабриціанъ, командуя незначительнымъ отрядомъ, разбилъ у Галаца сильный турецкій корпусъ и взялъ Галацъ штурмомъ. Со времени основанія Георгіевскаго ордена, это былъ первый кавалеръ св. Георгія 3 класса.

Якоби надѣялись управиться и безъ ея содѣйствія. Отступить кабардинцамъ было некуда; тѣмъ не менѣе, на предложеніе сдаться, они отвѣчали ружейнымъ огнемъ, и Фабриціанъ началъ атаку. Пять часовъ длилась упорная битва. Пушка, захваченная кабардинцами, была отбита обратно; лагерь взятъ приступомъ, и все, что было на островѣ, легло подъ штыками русскихъ солдатъ.

Замѣчательно, что въ этомъ бою сражались противъ русскихъ только одни князья и дворяне съ своими вассалами—уорками и узденями. Простой народъ почти не участвовалъ въ битвѣ, — толпы его стояли верстахъ въ шести-семи и при первыхъ выстрѣлахъ бѣжали въ горы. Лишенные лучшихъ своихъ предводителей, кабардинцы явились въ лагерь и просили пощады и мира. Имъ перечислили всѣ учиненныя ими до этого времени клятвы, столько же измѣнъ и столько же монаршихъ прощеній. „Какое же обезпеченіе вы представите въ томъ, что не нарушите и нынѣшней клятвы, какъ нарушили прежнія?“ спросилъ ихъ Якоби. Кабардинцы отвѣтили, что онѣ вполнѣ отдаются на великодушіе побѣдителей. Тогда Якоби предписалъ имъ слѣдующія условія: кабардинцы признаютъ себя рабами русской императрицы, покоренными силою оружія, и въ случаѣ измѣны, возмущенія или нарушенія клятвы кѣмъ-либо изъ владѣльцевъ, подданные его тотчасъ получаютъ свободу и дѣлаются вольными; за причиненные убытки кабардинцы должны заплатить русскимъ 10 т. руб. и $11^1/_2$ т. головъ скота, и, сверхъ того, они не имѣютъ права ни съ кѣмъ и ни подъ какимъ предлогомъ вести войны, безъ дозволенія русскаго правительства, которое, въ свою очередь, обязывается защищать ихъ отъ нападеній сосѣднихъ съ ними народовъ. Когда условія эти были объявлены, обѣ стороны скрѣпили ихъ своею клятвою, и кабардинцы торжественно признали Малку границею россійскихъ владѣній, отказавшись отъ всякихъ притязаній на земли, занятыя подъ наши укрѣпленія.

Справедливость требуетъ сказать, что усмиреніе кабардинцевъ произведено было частію по винѣ и при помощи самихъ же кабардинцевъ, у которыхъ въ то время внутренній разладъ дошелъ до высшей степени. Послѣднее возстаніе, имѣвшее цѣлью

остановить дальнѣйшее заселеніе русскими Кавказскаго края, было дѣломъ одного только высшаго класса; народъ же, недовольный своими князьями и дворянствомъ, всегда его притѣснявшими, рѣшительно отказался участвовать въ этихъ походахъ. Якоби искусно поддержалъ народъ, и въ его лицѣ пріобрѣлъ себѣ сильнѣйшаго союзника противу замысловъ гордой кабардинской аристократіи. Неравная борьба длилась не долго. Княжескія партіи вынуждены были смириться, а простой народъ, не желая уже возвращаться къ прежнему порядку вещей, тысячами сталъ переселяться въ Моздокъ и въ другія мѣста по линіи.

Покореніе кабардинцевъ генераломъ Якоби и почти одновременное съ нимъ уничтоженіе Суворовымъ оплота ногайскихъ татаръ на Кубани много содѣйствовали къ развитію и процвѣтанію Кавказскаго края. Вскорѣ образовано было даже особое кавказское намѣстничество. Край быстро сталъ заселяться и богатѣть, такъ какъ неизмѣримыя дѣвственныя степи давали полную возможность дѣлать обширныя запашки, щедро вознаграждавшія труды земледѣльца, и содержать большое количество скота. Это обиліе земли, это приволье сдѣлали то, что богатство жителей въ короткое время возросло до высокой степени. Оно продолжало бы возрастать и дальше, если бы въ концѣ царствованія Екатерины крестьяне Ставропольской губерніи не были поставлены въ тяжелую крѣпостную зависимость.

Къ сожалѣнію, плодотворная дѣятельность генерала Якоби на Кавказѣ была кратковременна. Съ новымъ административнымъ дѣленіемъ Россіи, онъ былъ назначенъ сперва оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, а затѣмъ намѣстникомъ Иркутской и Колыванской губерній.

Такимъ образомъ, ему суждено было возвратиться въ тотъ край, въ которомъ, за 36 лѣтъ передъ этимъ, онъ началъ службу, по выпускѣ изъ кадетскаго корпуса. Отецъ его въ то время былъ комендантомъ въ г. Селенгинскѣ, и близость китайской границы

доставила молодому офицеру случай тогда еще хорошо изучить оригинальную страну, которую онъ посѣщалъ не разъ то вмѣстѣ съ нашими миссіями, то въ качествѣ простого путешественника, то наконецъ гонцомъ съ оффиціальными депешами въ Пекинъ.

Дѣятельность Ивана Варфоломеевича по управленію Сибирью также заслуживаетъ особаго вниманія, и память о немъ въ томъ краѣ сохраняется даже до настоящаго времени. Но тамъ же ему довелось испытать на себѣ и тяжелую превратность судьбы, отстранившую его отъ полезной служебной дѣятельности. Обвиненный ложнымъ доносомъ въ какихъ-то честолюбивыхъ стремленіяхъ по отношенію къ Китаю, онъ былъ оставленъ отъ должности и преданъ суду. Дѣло о Якоби тянулось болѣе 12 лѣтъ, пока императрица сама не принялась, наконецъ, за пересмотръ бумагъ и оправдала всѣ его дѣйствія. Разсказываютъ, что когда императрица потребовала къ себѣ дѣло о Якоби, то бумаги, привезенныя къ ней, заняли отъ пола до потолка цѣлую половину комнаты. Взглянувъ на нихъ, императрица сказала: „Этимъ меня не испугаютъ“ и тутъ же объявила оберъ-секретарю, что будетъ заниматься съ нимъ этимъ дѣломъ, каждый день, по одному часу. Якоби отправленъ былъ орденъ св. Владиміра 1-го класса, а вслѣдъ затѣмъ императоръ Павелъ Петровичъ, по вступленіи своемъ на престолъ, пожаловалъ ему чинъ генерала отъ инфантеріи. Но Якоби, уже рѣшившійся оставить военную службу, вышелъ въ отставку. Онъ умеръ частнымъ человѣкомъ въ первые годы царствованія императора Александра Павловича.

IX.

Суворовъ на Кавказѣ.

Въ то время, какъ Якоби занятъ былъ устройствомъ Кавказской линіи отъ Моздока до крѣпости Св. Дмитрія, нынѣ Ростова-на-Дону, Суворовъ, почти одновременно съ нимъ назначенный на Кавказъ, приступалъ къ заложенію нѣсколькихъ пограничныхъ крѣпостей и редутовъ по правому берегу Кубани, имѣя въ виду связать эту новую линію съ Азовско-Моздокскою. Начиналась славная эпоха присоединенія Тавриды, ожидали новой турецкой войны, и укрѣпленіе границъ со стороны Кубани становилось тогда дѣломъ весьма важнымъ. Тысячи солдатъ работали надъ устройствомъ укрѣпленій въ то время, какъ Суворову приходилось отбивать безпрерывные и безпокойные набѣги закубанскихъ горцевъ. Какъ лихой наѣздникъ, Суворовъ лично преслѣдовалъ ихъ съ легкими своими отрядами.

Сооруженная Суворовымъ линія, начинаясь отъ нынѣшней Кавказской станицы, простиралась до устьевъ Кубани и заключала въ себѣ 4 крѣпости и 20 редутовъ; крѣпости были: Александровская у устьевъ Лабы, а затѣмъ шли Марьинская, Копылъ и Новотроицкая. Когда въ 1778 году Турція окончательно признала независимость Крыма, линія эта была оставлена, и войска, занимавшія ее отведены были въ Россію. Съ этихъ поръ и Суво-

ровъ, имѣя другія назначенія, не находился при кубанскомъ корпусѣ, которымъ временно командовали сперва генералъ-маіоръ Рейзеръ, потомъ генералы: Бринкъ, Леонтьевъ и Пилль. Но Суворову скоро опять пришлось быть въ этомъ краѣ. Новая цѣпь укрѣпленій, значительно затруднившая набѣги черкесовъ, не могла нравиться и хищнымъ, считавшимся въ подданствѣ крымскаго хана, ногайцамъ, жившимъ по Кубани и кочевавшимъ въ окрестностяхъ Тамани и Ейска; и для нихъ она имѣла фатальное значеніе.

Чтобы понять значеніе сооруженной Суворовымъ цѣпи укрѣпленій, а также и послѣдующей его дѣятельности на Кубани, необходимо ясно представить себѣ, что такое происходило тогда въ томъ краѣ. Къ югу отъ Дона и его притока Маныча простиралась до самой Кубани обширная степь, на которой привольно кочевали ногайцы, настоящіе хозяева края. За Кубанью начинались горы, и оттуда ежеминутно грозили нападенія черкесовъ. Были ли ногайцы въ мирѣ съ черкесами, враждовали ли съ ними, на русскихъ поселеніяхъ на Дону одинаково тяжко отзывались какъ миръ, такъ и война между ними. Ногайцы то вмѣстѣ съ черкесами производили опустошительные набѣги вплоть до Черкаска, грабя донскія села и выжигая пастбища, то съ огнемъ и мечемъ шли сюда же, гонимые черкесами. Занимая и укрѣпляя Кубань, русскіе смиряли край и обезпечивали свои донскія поселенія.

Но этимъ исчерпывалась только половина задачи. Ногайцы считались въ подданствѣ крымскихъ хановъ и фактически очень часто подпадали подъ ихъ вліяніе. Моздокско-Азовская линія казацкихъ крѣпостей и поселеній, прекративши сообщенія ногайцевъ съ крымцами сушею, южными степями чрезъ Донъ, въ сущности совсѣмъ не отдѣлила ихъ отъ Крыма. Нынѣшній Керченскій проливъ, соединяющій Черное море съ Азовскимъ, узкій и удобный, дѣлалъ сношенія крымцевъ съ ногайцами очень легкими. Устья Кубани и наносные полуострова, тутъ находящіеся, пункты Тамань и Анапа — были, такимъ образомъ, во время войнъ весьма важными пунктами, занятіе которыхъ отдавало въ руки ключъ сношеній съ Крымомъ. Тутъ именно и оперировали русскіе въ эпоху завоеванія Крыма. Когда Крымъ сталъ русскою провинціею, важность этихъ пунктовъ значительно уменьшилась,

и укрѣпленія по Кубани, какъ мы видѣли, уже потеряли то значеніе, которое имъ придавалось.

Ногайцы между тѣмъ не представляли такого мирнаго населенія, съ которымъ бы легко жилось и послѣ покоренія Крыма и занятія Кубани,—избѣжать съ ними серьезной борьбы было трудно. Вся исторія ихъ въ этомъ краю, со всѣми войнами съ черкесами и набѣгами на Донъ, приводила ихъ къ тому, что русское правительство не могло не желать отдѣлаться отъ нихъ. Къ исторіи ихъ мы и должны теперь обратиться.

Главныхъ ногайскихъ ордъ было четыре: Едисанская, Едишкульская, Джунбулацкая и Будмацкая. Всѣ онѣ кочевали прежде въ Бессарабіи, но во время первой турецкой войны вступили подъ покровительство Россіи и съ дозволенія императрицы Екатерины II поселились въ нынѣшней землѣ Черноморскаго войска. Но въ этомъ же краю съ давнихъ временъ кочевали татары касаевскіе, наврузскіе и бестенеевскіе, которые съ появленіемъ ногайцевъ большею частію ушли за Кубань и сдѣлались непримиримыми врагами своихъ единоплеменниковъ.

Въ первые годы своего поселенія ногайцы, управляемые благоразумнымъ и преданнымъ Россіи Джанъ-Мамбетъ-Беемъ, жили довольно спокойно. Но едва Мамбетъ умеръ, какъ въ ордѣ начались волненія. Поводомъ къ нимъ послужило возведеніе на крымскій престолъ Шагинъ-Гирея, прежняго ногайскаго султана, что оскорбило гордость многихъ именитыхъ мурзъ, считавшихъ себя не ниже его по достоинству. Образовались двѣ партіи: покорныхъ и не покорныхъ хану; къ послѣднимъ пристали черкесы и вмѣстѣ съ татарами стали производить вторженія, разбои и опустошенія въ улусахъ тѣхъ, которые хотѣли оставаться послушными своему повелителю. Запылала междоусобная война. Къ этому бѣдствію между тѣмъ присоединились неурожаи хлѣба и травъ, чума, занесенная изъ Турціи, и скотскіе падежи. Гнѣвъ Божій явно тяготѣлъ въ это время надъ остатками нѣкогда сильнаго народа, болѣе двухсотъ лѣтъ тиранствовавшаго надъ Россіею. Ослабленные въ конецъ и лишенные почти всѣхъ средствъ къ существованію, они врывались съ своими стадами въ богатыя Манычскія и Егорлыцкія степи, принадлежавшія донцамъ.

Эти-то поземельные споры двухъ давно враждовавшихъ народовъ и имѣли, какъ увидимъ дальше, рѣшительное вліяніе на послѣдующую судьбу ногайцевъ.

Во главѣ недовольныхъ татаръ стоялъ въ то время едисанскій мурза Джаумъ-Аджи, твердый и честолюбивый старикъ, котораго уважали ногайцы за откровенность, мужество и постоянную вѣрность данному слову. Будучи непримиримымъ врагомъ черкесовъ, Джаумъ-Аджи вдругъ, по одному обстоятельству, сдѣлался ихъ союзникомъ. Во время послѣдняго своего похода за Кубань, онъ имѣлъ несчастіе попасться къ нимъ въ плѣнъ, и тамъ, удрученный оковами и томимый голодомъ, вынужденъ былъ за свою свободу дать горцамъ клятву, что не только не будетъ впередъ вести съ ними войнъ, но и всячески постарается соединить ихъ съ ногайцами.

Имѣя нѣкоторую заручку въ ордѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ подстрекаемые Портою, черкесы рѣшились открыть военныя дѣйствія противъ русскихъ, съ тѣмъ чтобы и ногайцамъ помочь овладѣть Манычскою степью.

Это было въ 1777 году. На Кубани стояли два донскіе полка, Кульбакова и Вуколова, которые вмѣстѣ съ Иллирическимъ гусарскимъ полкомъ *) держали кордонную цѣпь. На эти-то полки, по указанію Джаума, черкесы и обратили первые свои удары съ удивительнымъ искусствомъ и дерзостью, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра.

6-го іюня, часа въ 4 пополудни, на одномъ изъ постовъ вблизи Темрюка, замѣчено было непріятельское судно, которое, мелькнувъ по рѣкѣ, исчезло въ камышахъ и больше не показывалось. Начальникъ поста счелъ нужнымъ извѣстить объ этомъ полковника Кульбакова, стоявшаго лагеремъ въ довольно значительномъ отъ него разстояніи. Кульбаковъ пріѣхалъ самъ съ двухъ-сотеннымъ отрядомъ, но такъ какъ тревога оказалась фальшивою, то онъ приказалъ казакамъ, утомленнымъ быстрою

*) Иллирическій гусарскій полкъ былъ сформированъ въ 1765 году изъ славянъ и турецкихъ австрійскихъ выходцевъ и поселенъ въ Новороссійской губерніи, извѣстной прежде подъ именемъ Новой Сербіи. Впослѣдствіи этотъ полкъ былъ переименованъ въ Константиноградскій легкоконный.

ѣздою, расположиться на отдыхъ, но коней не разсѣдлывать. Ночью бушевала буря, а передъ самою зарею окрестности Кубани покрылись густымъ туманомъ, за которымъ въ нѣсколькихъ шагахъ уже ничего не было видно.

Въ эту-то ненастную пору 500 черкесовъ, скрытно переплывъ Кубань, зашли въ тылъ донцамъ и вдругъ безъ выстрѣла и крика бросились въ кинжалы. Кровь полилась мгновенно по всему бивуаку. Напрасно раненые и часовые кричали своимъ товарищамъ объ опасности—ихъ голоса заглушала буря; и прежде чѣмъ казаки очнулись, многіе изъ нихъ уже перешли отъ временнаго покоя къ вѣчному.

При первыхъ выстрѣлахъ Кульбаковъ явился посреди бивуака, и знакомый голосъ его ободрилъ казаковъ. Три-четыре десятка донцовъ, успѣвшихъ вскочить на коней, примкнули къ своему командиру и вмѣстѣ съ нимъ бросились въ пики. Между тѣмъ тревога распространилась по окрестнымъ постамъ, и горцы, опасаясь быть окруженными, ушли за Кубань.

Съ этихъ поръ черкесы не давали покоя нашимъ пикетамъ. Кульбаковъ и Вуколовъ, придвинувшись съ своими резервами къ самой Кубани, отражали нападенія, и лишь однажды зимою посты ихъ были сбиты значительно сильнѣйшимъ непріятелемъ, который прорвался тогда до самого Копыла и былъ разбитъ только уже подъ стѣнами этого города.

Бдительность казаковъ, ихъ опытность въ кордонной войнѣ, заставили черкесовъ перенесть свои дѣйствія въ раіонъ, занимаемый гусарами. Здѣсь, въ одну изъ темныхъ ночей, имъ удалось дѣйствительно отогнать лошадей цѣлаго гусарскаго эскадрона, ходившихъ безъ присмотра. Эскадронный командиръ, разбуженный тревогою, бросился въ погоню съ пѣшими гусарами, но попалъ въ засаду, былъ окруженъ и погибъ вмѣстѣ съ людьми и лошадьми эскадрона.

Пока происходили эти набѣги, ногайцы съ своей стороны не оставались въ бездѣйствіи. Собравъ значительныя силы, они подъ предводительствомъ Товъ-султана, Джаума и Катарса потянулись къ Манычской степи. Озадаченный внезапнымъ движеніемъ мурзъ и полагая, что они нападутъ на Донъ соединен-

ными силами, по примѣру недавно мечтавшаго объ этомъ Девлетъ-Гирея, атаманъ Иловайскій приказалъ полкамъ, стоявшимъ на Задонской степи, спѣшить на соединеніе къ нему въ Черкаскъ и кромѣ того призвалъ къ оружію всѣхъ жителей города. Готовность донцовъ отразить ударъ разстроила планы татаръ. Не успѣвъ завладѣть Манычскою степью, они охладѣли и къ новымъ своимъ союзникамъ; такъ что когда весною 1779 года черкесы бросились на Моздокскую линію, касаевцы первые отказали имъ въ помощи, а джумбулакцы сами сдѣлали на черкесовъ набѣгъ и разорили за Кубанью нѣсколько ауловъ.

Вражда еще недавнихъ друзей запылала со страшною силой. Первыми испытали на себѣ месть касаевскіе аулы, разбитые и разграбленные въ то время, когда Дулакъ-султанъ съ сильною черкесскою партіею возвращался изъ своего набѣга на линію. Таже участь грозила и джумбулакамъ; но здѣсь черкесы ошиблись въ разсчетѣ. Джумбулаки встрѣтили ихъ съ двухъ-тысячнымъ войскомъ и въ происшедшемъ сраженіи нанесли пораженіе своимъ противникамъ и вынудили ихъ бѣжать на Кубань. Между тѣмъ разбитые ими касаевцы, оправившись, стерегли ихъ въ засадѣ, и только лишь черкесы подошли къ переправѣ, какъ они напали на нихъ съ двухъ сторонъ и отняли все награбленное имущество. Самъ Дулакъ-султанъ едва спасся въ горы, большая часть его шайки—погибла.

Но то была искра, брошенная въ порохъ. Чувство мщенія, всегда одушевлявшее черкесовъ, не позволило имъ забыть своего пораженія, и Дулакъ-султанъ принялся съ такою энергіею за сборъ новаго войска, что не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени послѣдняго похода, какъ онъ со свѣжими силами вновь уже вторгнулся въ Ногайскую орду и опустошилъ берега Бейсуги, Есени и Еи. Слыша повсюду вопли разоренныхъ жителей, ногайскіе мурзы рѣшились поголовно ополчиться противъ непріятеля, чтобы разомъ окончить бѣдственную войну. На общемъ совѣтѣ начальство надъ ополченіемъ ввѣрено было Мамбету Мурзабекову, едишкульскому мурзѣ, опытному и даровитому военачальнику, который на этотъ разъ былъ облеченъ почти диктаторскою властію. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ сшибокъ, оба враждебные народа

встрѣтились наконецъ близъ Ейскаго укрѣпленія и здѣсь въ октябрѣ произошло между ними кровопролитнѣйшее сраженіе. Черкесы были разбиты, но потеря съ обѣихъ сторонъ была громадная.

Ногайцы торжествовали побѣду, разсчитывая, что надолго избавились отъ своихъ докучныхъ враговъ. Но радость ихъ была непродолжительна, такъ какъ въ началѣ 1780 года черкесы опять внесли огонь и мечъ въ ногайскія орды. Одинъ изъ этихъ отрядовъ подъ начальствомъ Дугузея разбилъ джумбулаковъ и прорвался до самаго Ейска; но тутъ ногайцы напали на него съ превосходными силами и съ лихвой отплатили за первую свою неудачу. Самъ Дугузей былъ убитъ. За то другіе отряды, предводимые Дулакъ-султаномъ и Кизиль-бекомъ, разграбили нѣсколько улусовъ и угнали множество татарскихъ лошадей. Къ счастію, нападенія ихъ на русскіе отряды нигдѣ не имѣли успѣха. Такъ, есаулъ Лактіоновъ съ двумя стами донцовъ разбилъ въ это время значительную черкесскую партію, подходившую подъ Ставрополь съ Асламъ-Гиреемъ, и самого его взялъ въ плѣнъ, а 30 казаковъ изъ полка Ребрикова въ то же время разбили на Кубани впятеро сильнѣйшаго непріятеля и этимъ отомстили за смерть своего есаула Терезникова.

Опустошительныя вторженія черкесовъ въ Ногайскую орду, уничтожая благосостояніе этого народа, имѣли пагубное вліяніе и на характеръ татаръ, безъ того наклонныхъ къ дикой свободѣ и вольности. Забытыя на время междоусобныя ихъ распри возникли съ новою силой, и весною 1781 года въ ордѣ вспыхнулъ мятежъ противъ хана Шагинъ-Гирея. Порта спѣшила поддержать возмущеніе: но она ошиблась въ разсчетѣ, предполагая пріобрѣсти черезъ это вліяніе на край—возставшіе ногайцы менѣе всего думали о турецкомъ подданствѣ. Они просто полагали, что русское правительство, устрашенное бунтомъ, уступитъ имъ Манычскую степь безъ боя, изъ одного опасенія лишиться выгодъ, сопряженныхъ съ ихъ обладаніемъ; но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что толпы бунтовщиковъ приближаются къ Ейску, атаманъ Иловайскій отдалъ приказъ: „быть цѣлому войску въ ежеминутной готовности къ походу

противъ бунтующихъ татаръ". Оторванные отъ своего хозяйства въ самую горячую пору, донцы тѣмъ не менѣе вооружились охотно, чтобы дать достойный отпоръ своимъ ненавистнымъ врагамъ. Въ то же время и генералы Фабриціанъ и Пилль съ своими корпусами двинулись къ нашимъ границамъ. Угрожаемые со всѣхъ сторонъ и не имѣя обдуманнаго плана, какъ дѣйствовать въ обстоятельствахъ для нихъ неблагопріятныхъ, ногайцы окончательно потеряли голову, и ихъ коварные замыслы обрушились на нихъ же самихъ пагубными послѣдствіями междоусобной войны.

Опять возникли двѣ партіи, изъ которыхъ одна настойчиво требовала примиренія съ ханомъ; другая же, во главѣ которой стоялъ Джаумъ, желала уйдти за Кубань, чтобы пристать къ черкесамъ. Взаимныя пререканія окончились рѣзнею, во время которой много погибло народу какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Отбившись наконецъ съ большимъ урономъ въ людяхъ, благонамѣренные мурзы достигли устья рѣки Кирпилей, гдѣ соединились съ Мамбетъ Мурзабековымъ, извѣстнымъ побѣдителемъ черкесовъ. Онъ тотчасъ перешелъ въ наступленіе и самъ атаковалъ мятежниковъ. 20 августа снова загорѣлось между ногайцами сраженіе, не имѣвшее впрочемъ никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій, кромѣ развѣ того, что въ этомъ сраженіи былъ убитъ старшій сынъ Джаума, Мансырь, и нѣсколько мурзъ взято было въ плѣнъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Огорченный потерею лучшаго изъ своихъ сыновей, Джаумъ прекратилъ упорную битву и просилъ Мамбета удалиться въ свои мѣста, обѣщая вскорѣ послѣдовать за нимъ, чтобы примириться съ ханомъ. Но едва послѣдній распустилъ аулы, какъ Джаумъ со свѣжими силами напалъ на него врасплохъ и разбилъ на голову. Побѣжденные мурзы бѣжали въ Ейскъ, а мятежники принялись за грабежъ покинутыхъ ими кочевій.

Случилось, что одна изъ шаекъ напала при Чалбасахъ на рыбные промыслы Маркова, гдѣ одиннадцать работниковъ, малороссовъ—крестьянъ, оказали ей неожиданно сильнѣйшее сопротивленіе. Не имѣя пуль, упрямые хохлы заряжали ружья оловянными пуговицами съ кафтановъ и, отстрѣливаясь такимъ образомъ, нѣсколько часовъ выдерживали неравный бой съ непрія-

телемъ, осыпавшимъ ихъ своими стрѣлами. Только совершенное истощеніе пороха заставило ихъ отретироваться въ камыши, и лишь тогда татарамъ удалось наконецъ овладѣть заводомъ.

Джаумъ между тѣмъ отошелъ на Кубань и тамъ собралъ военный совѣтъ для окончательнаго рѣшенія участи ногайцевъ. Голоса раздѣлились: старый едышкулевскій мурза Муса, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ мятежа, предложилъ удалиться въ Сунджукъ и оттуда моремъ пробраться въ Бессарабію. Нѣкоторые члены пристали къ этому мнѣнію, но съ ними не согласился Амуратъ-султанъ, который, какъ сынъ горскаго владѣльца, требовалъ лучше отдаться черкесамъ. Предложеніе это, одобренное почти всѣми, отвергнуто было Джаумомъ, который убѣждалъ не спѣшить, а дождаться болѣе благопріятныхъ обстоятельстъ, отстаивая въ случаѣ нужды грудью свою независимость.

По всей вѣроятности споръ, начатый при этомъ, окончился бы новой рѣзнею; но слухъ о приближеніи русскихъ войскъ заставилъ всѣ партіи поспѣшно бѣжать за Кубань, гдѣ каждый могъ распорядиться собою уже по своему усмотрѣнію.

Казалось, что послѣ удаленія главныхъ мятежниковъ, спокойствіе должно было бы водвориться въ краѣ. Но этого не случилось: волненія не прекращались весь 1782 годъ; и до тѣхъ поръ, пока существовала на Кубани орда, нечего было и думать о населеніи степнаго пространства нынѣшней Ставропольской губерніи какимъ бы то ни было осѣдлымъ мирнымъ населеніемъ.

Таврида въ это время только что поступила въ число русскихъ провинцій. Жители отдыхали отъ смутъ и междоусобій, терзавшихъ Крымъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ и особенно въ послѣднее царствованіе несчастнаго хана Сагибъ-Гирея. Посѣтивъ Петербургъ и прельстившись устройствомъ войскъ, правленіемъ и бытомъ русскихъ, ханъ вздумалъ преобразовать свой край и дѣйствительно перенялъ нѣкоторые европейскіе обычаи. Но такъ какъ всякое преобразованіе государства требуетъ непоколебимой настойчивости и желѣзной воли, то ханъ, слабый, не имѣвшій никакой власти надъ умами народа, успѣлъ возбудить только ненависть и мятежи. Родной братъ его, Батый-Гирей,

принялъ начальство надъ мятежниками и осадилъ хана, укрывавшагося въ стѣнахъ кафы съ немногими преданными ему вельможами. Императрица Екатерина II возстановила его на шаткомъ престолѣ; но вскорѣ возстала противъ него Оттоманская Порта, и янычары наводнили Таманскій полуостровъ. Ханъ, находясь въ невозможности противиться имъ вооруженными силами, послалъ въ Тамань для переговоровъ молодого князя, сына Чагиръ-Агадура, своего перваго повѣреннаго. Посланному отрубили голову. Раздоры и бунты вспыхнули сильнѣе прежняго, и ханъ, убѣдившись наконецъ въ слабости своего государства, отдался подъ власть русской императрицы, и самъ удалился, съ большимъ пенсіономъ въ Россію.

Съ уничтоженіемъ Крымскаго царства Потемкинъ рѣшился наконецъ, положить предѣлъ необузданному своеволію ногайскаго народа. Онъ приказалъ переселить его въ обезлюдѣвшія послѣ пугачевскаго бунта Уральскія степи и поручилъ исполненіе этого дѣла Суворову, котораго нарочно для этой цѣли вызвалъ изъ Крыма.

Принявъ немедленно Кубанскій корпусъ, Суворовъ прибылъ въ Тамань и отсюда разослалъ прокламаціи къ ногайскимъ старшинамъ, приглашая ихъ собраться къ г. Ейску, чтобы выслушать отреченіе законнаго ихъ повелителя Шагинъ-Гирея отъ крымскаго престола и принести присягу на вѣрность русской монархинѣ.

Въ назначенный день, 28 іюня, вся степь вокругъ города Ейска покрылась татарскими кибитками. Суворовъ постарался придать насколько возможно болѣе торжественности празднику. Все русское войско поставлено было въ ружье, въ полковыхъ церквахъ служили молебны за здравіе и долгоденствіе императрицы, новой повелительницы древней Тавриды, откуда возсіялъ Россіи свѣтъ истинной вѣры. Громъ пушекъ и колокольный звонъ возвѣстили народу объ окончаніи религіозной церемоніи. Тогда Суворовъ, сопровождаемый блестящею свитою, явился въ кругу ногайскихъ старшинъ и громкимъ голосомъ прочиталъ манифестъ Шагинъ-Гирея, въ которомъ онъ, отказываясь отъ престола, уступалъ свое царство русской императрицѣ. Ногайцы выслушали манифестъ спокойно и отъ лица всего народа тутъ же присягнули на вѣрность новой повелительницѣ.

Послѣ этого начался пиръ. Сто воловъ и восемьсотъ барановъ было изжарено и сварено для угощенія народа. Шесть тысячъ ногайцевъ засѣли на разостланныхъ коврахъ и, забывая постановленія корана, дружно осушали кружки съ виномъ, медомъ и пивомъ. Два дня длился пиръ и на третій завершился народными конскими скачками и джигитовкой.

Между тѣмъ Суворовъ, исполняя волю свѣтлѣйшаго Потемкина, успѣлъ уговорить тутъ же многихъ почетнѣйшихъ мурзъ и султановъ къ переселенію съ Кубанскихъ степей на раздольныя кочевья за Волгою. Чрезъ недѣлю нѣсколько тысячъ ногайцевъ уже готовы были двинуться въ путь. Казалось, все должно было обойтись спокойно и мирно; но Суворовъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, а потому, пируя, принималъ всѣ мѣры предосторожности противъ новыхъ своихъ друзей.

Предосторожности эти оказались какъ нельзя болѣе умѣстными. Неожиданная вѣсть о переселеніи ордъ на Уралъ поразила умы дикихъ ногайцевъ, враждебно относившихся ко всякой новизнѣ. Вдобавокъ возникъ слухъ, что русскіе нарочно ведутъ ногайцевъ въ непроходимыя степи, съ цѣлію погубить ихъ. Повсюду послышался глухой ропотъ и призывъ къ оружію. Междоусобная брань запылала такъ быстро, что прежде чѣмъ русскіе успѣли вмѣшаться, уже погибли всѣ лучшіе и преданнѣйшіе Россіи люди. Десять тысячъ мятежниковъ устремились на роту Бутырскаго пѣхотнаго полка, содержавшую форпостъ на рѣчкѣ Ей. Командиръ роты, поручикъ Житковъ, мужественно выдержалъ нѣсколько яростныхъ атакъ, но вѣроятно погибъ бы, если бы не подоспѣли на помощь сперва эскадронъ князя Кекуатова, а потомъ полковники Телѣгинъ и Павловъ со своими отрядами. Тогда, по словамъ Суворова, началась ужасная рубка татаръ. Самый главный ихъ предводитель, кунакайскій мурза былъ убитъ. Объ этомъ пораженіи ногайцевъ Суворовъ извѣстилъ атамана Иловайскаго, двигавшагося къ нему на помощь, слѣдующимъ лаконическимъ письмомъ: „Ваше превосходительство. Остановитесь.—Полно!—Все теперь благополучно, только канакаевцы почти всѣ перекрошены. Самого (Канакая) небережно прострѣлили въ ухо“. Татары загнаны были въ болотистую рѣчку и, не видя

спасенія, въ припадкѣ безсильной злобы, сами истребляли свои драгоцѣнности, рѣзали женъ и бросали въ воду младенцевъ.

Сильное пораженіе не только не образумило ногайцевъ, но еще болѣе воспламенило ихъ злобу. Составился новый и весьма опасный заговоръ. Было условлено, что одна часть ногайцевъ произведетъ опустошительный набѣгъ на Донскую землю, съ цѣлью отвлечь вниманіе и силы Кубанскаго корпуса, а другая въ то же время по данному сигналу должна была броситься на русскіе отряды и, истребивъ ихъ, бѣжать за Кубань, гдѣ черкесы обѣщали имъ помощь.

Этому хорошо задуманному плану однако не суждено было сбыться. Въ то время когда ногайцы двигались къ Дону, оттуда по требованію Суворова шли три казачьихъ полка, подъ начальствомъ извѣстныхъ своею рѣшительностію и быстротою дѣйствій: Серебрякова, Ильи Денисова и Петра Попова. Они случайно открыли сильное скопище ногайцевъ, стоявшее на рѣчкѣ Кую-Ея, и 10-го сентября напали на него совершенно внезапно. Произошла жаркая битва. Татары были на голову разбиты и преслѣдуемы донцами до поздняго вечера.

Между тѣмъ мятежъ охватилъ всѣ ногайскія орды. Незначительная русская пѣхотная стража, находившаяся при нихъ, была изрублена, и увлеченные этимъ легкимъ успѣхомъ ногайцы устремились къ Ейску, думая внезапно овладѣть городомъ. Приставъ Лешкевичъ успѣлъ однакоже отбить ихъ съ урономъ. Тогда ногайцы отступили, но, соединившись съ черкесами, снова осадили Ейскую крѣпость. Три дня татары съ бѣшенствомъ нападали на крѣпостную ограду, но, не имѣя пушекъ, не могли овладѣть ею, и наконецъ, видя полную неудачу, бѣжали за Кубань.

Суворовъ вѣрно разсчиталъ, что быстрый ударъ мгновенно можетъ погасить возстаніе, а потому рѣшился перенесть военныя дѣйствія на вражескую землю. Русскія войска перешли Кубань. Здѣсь присоединились къ нимъ донцы съ своимъ атаманомъ Иловайскимъ и весь отрядъ на разсвѣтѣ 1 октября скрытно приблизился къ ногайскому стану, раскинутому на правомъ берегу Лабы, верстахъ въ 12-ти отъ нашей границы. Неожиданное появленіе русскихъ навело на ногайцевъ ужасъ, скоро уступившій

однако, въ виду безвыходнаго положенія, мѣсто отчаянному мужеству. Близъ урочища Кременчика, въ 12-ти верстахъ отъ Кубани, произошло кровавое дѣло, продолжавшееся съ разсвѣта почти до полудня. Предводимые Иловайскимъ донцы сломили стойкую оборону татаръ и, разъяренные сопротивленіемъ, не давали никому пощады. Долго копившаяся злоба ихъ выразилась ужаснымъ возмездіемъ. Болѣе 4 тысячъ ногайцевъ и черкесовъ захвачены были въ плѣнъ; мѣста же, гдѣ кипѣла битва, и всѣ окрестныя долины были завалены трупами.

Страшный урокъ, данный мятежникамъ, былъ такъ поучителенъ, что навелъ паническій страхъ не только на все Закубанье, но даже на крымскихъ татаръ. Послѣдніе тысячами бѣжали въ Турцію, опасаясь подвергнуться подобной же участи. Крымъ вскорѣ опустѣлъ и до настоящаго времени еще не достигъ до той цифры народонаселенія, которая была въ немъ при ханахъ. Ногайцы поступили иначе. Только злѣйшіе противники Россіи отдались подъ покровительство черкесовъ, остальные же явились къ Суворову съ повинною головою и были имъ переселены въ Крымъ. На мѣстахъ, гдѣ прежде кочевали ногайцы, поселено впослѣдствіи Черноморское казачье войско.

Императрица щедро наградила участниковъ этого похода. Суворову пожалованъ былъ орденъ св. Владиміра 1-й степени, а атаману Иловайскому—чинъ генералъ-поручика и орденъ св. Владиміра 2-й степени. Почти всѣ казацкіе старшины получили штабъ-офицерскіе чины, и донцы; возвратившись домой, торжествовали побѣду надъ своими исконными врагами, въ теченіе столь долгаго времени не дававшими имъ покоя.

X.

Донскіе гулебщики.

По правому берегу Дона, отъ устьевъ рѣки Аксая до границъ нынѣшней Воронежской губерніи, въ глуши лѣсовъ, между болотами и топями, были разсѣяны небольшіе казачьи городки, состоявшіе изъ шалашей и землянокъ, наскоро обнесенныхъ терновыми плетнями. Казаки заботились не о красотѣ своихъ жилищъ, а объ удобствахъ ихъ для вѣчно боевого быта; они приноравливали ихъ къ тому, чтобы „не игралъ на нихъ вражескій глазъ“, чтобы при нашествіи татаръ ихъ можно было бросать безъ сожалѣнія. „Пускай, говорили они: — бусурманы жгутъ наши городки сколько угодно; мы выстроимъ новые, и скорѣе они устанутъ жечь, чѣмъ мы возобновлять ихъ“. И дѣйствительно, бусурманы то и дѣло нападали на Донъ, внося съ собою мечъ и опустошеніе, и начисто выжигали казацкіе городки. При такихъ суровыхъ условіяхъ жизни конечно не могли не выработываться и дѣйствительно выработывались тѣ замѣчательные типы, передъ которыми останавливаешься съ любопытствомъ и изумленіемъ. Съ теченіемъ времени и измѣнявшихся обстоятельствъ, создававшихъ для казацкихъ станицъ болѣе мирное и спокойное существованіе, измѣнялось и казачество: беззавѣтная и дерзкая удаль, не исчезая совершенно, замѣнялась качествами болѣе домовитыми. Но

чтобы понять исторію русской колонизаціи на Кавказѣ и покоренія края, необходимо обратиться къ стариннымъ временамъ и типамъ казачества.

Особенною извѣстностію на Дону пользовались охотники „гулебщики", которыхъ называли иногда словомъ „отвага". То были люди большею частію отпѣтые, которымъ не сидѣлось дома, которыхъ такъ и тянуло, какъ говоритъ величайшій изъ русскихъ поэтовъ:

«Въ чистомъ полѣ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сарацына въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса»....

„Охотники" этого рода охотились очевидно въ то стародавнее время не на однихъ звѣрей, но не давали пощады и своимъ непріятелямъ. А къ числу непріятелей казаки причисляли всѣхъ, съ кого можно было снять зипунъ, почему ихъ и называли иногда „зипунниками". Даже Ермакъ Тимоѳеевичъ, Стенька Разинъ и другія крупныя личности изъ казаковъ, съумѣвшія вписать свои имена на страницы исторіи, разгуливая по широкому раздолью матушки Волги, были тоже охотниками, „отвагою" въ донскомъ смыслѣ, хотя изъ казаковъ никто и никогда не назвалъ бы ихъ разбойниками. Въ старинной пѣснѣ удалая ватага съ нѣкоторою гордостію говоритъ про себя:

«Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички!...

Задумавъ „погулять", казакъ ни у кого не спрашивалъ на то позволенія, а выходилъ въ своей станицѣ на сборное мѣсто, къ станичной избѣ и, кидая шапку вверхъ, восклицалъ: „Атаманы-молодцы, послушайте!.. Кто на сине-море, на Черное поохотиться?.. На Кумъ рѣку, на Кубань — ясырей добывать?.. На Волгу-матушку рыбку ловить?.. Подъ Астрахань, на низовье — за добычью?.. Въ Сибирь, пушистыхъ звѣрей пострѣлять?.."

Желающіе въ знакъ согласія также бросали свои шапки

вверхъ, а затѣмъ прямо шли во царевъ кабакъ, гдѣ вершились у нихъ всѣ дѣла и гдѣ за чарою зелена-вина они выбирали себѣ походнаго атамана. На такую охоту казаки обыкновенно выходили партіями конными и пѣшими, и въ пять и въ пятьдесятъ человѣкъ; ходили иногда и въ одиночку, но то уже были „характерники", умѣвшіе подчасъ заговорить и свое, и вражеское оружіе. Начнемъ съ охотниковъ въ одиночку.

Въ числѣ послѣднихъ могиканъ тихаго Дона, знаменитыхъ охотниковъ „характерниковъ", доживавшихъ свой вѣкъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, былъ нѣкто Иванъ Матвѣевичъ Краснощековъ, могущій служить для насъ настоящимъ представителемъ типа донскихъ гулебщиковъ. То былъ богатырь, наводившій страхъ на цѣлую Кубань своимъ появленіемъ. Черкесы прозвали его „Аксакъ", т. е. хромой—Краснощековъ былъ раненъ пулею въ ногу и оттого прихрамывалъ. Казаки слагали о немъ пѣсни, которыя еще и понынѣ поются на Дону стариннымъ и заунывнымъ напѣвомъ. „Имя и подвиги Краснощекова, говоритъ Кирѣевскій въ своемъ извѣстномъ сборникѣ народныхъ пѣсенъ:— встрѣчаются, какъ воспоминаніе, и въ пѣсняхъ позднѣйшихъ, сложенныхъ послѣ его смерти. Объ этомъ крупномъ историческомъ лицѣ мы доселѣ не имѣемъ не только дѣльной монографіи, но даже простого біографическаго очерка, а между тѣмъ это послѣдній русскій богатырь, съ именемъ и лицомъ котораго связаны послѣднія наши былины; онъ, какъ герой, сопровождается пѣснею съ молодыхъ лѣтъ до смерти—и послѣ него не нашлось уже никого, кто бы вызвалъ въ народѣ подобное былевое творчество".

Одна изъ донскихъ легендъ вотъ что разсказываетъ о Краснощековѣ. Въ его время былъ знаменитый, памятный донскимъ казакамъ, богатырь у горцевъ, по имени Овчаръ, любившій „поохотиться" не менѣе Краснощекова. Едва ли былъ среди казаковъ такой человѣкъ, который хладнокровно встрѣтился бы съ Овчаромъ. Но Краснощековъ не сторонился его, а напротивъ искалъ съ нимъ встрѣчи. Не прочь былъ и Овчаръ встрѣтиться съ Краснощековымъ, — оба богатыря хорошо знали другъ друга по общей молвѣ. Наконецъ они встрѣтились. Блуждая однажды

гдѣ-то далеко по-надъ самою Кубанью, ежеминутно рискуя своею головой, Краснощековъ наѣхалъ на такого же одинца, какъ и самъ, и, догадавшись, съ кѣмъ судьба привела ему встрѣтиться, началъ „стеречься, чтобы не спустить съ руки яснаго сокола". Дѣло было подъ вечеръ въ холодную и ненастную осень. Надъ самымъ обрывомъ крутого берега, подъ опушкою лѣса, облокотившись на руку, лежалъ закутанный въ бурку Овчаръ и задумчиво смотрѣлъ, какъ синій огонекъ перебѣгалъ по тлѣющимся углямъ потухшаго костра. Такъ поэтически рисуетъ его легенда. Казалось, онъ до того погрузился въ это занятіе, что не слыхалъ даже свиста бури, а не то что приближенія русскаго витязя. Но то было хитрое равнодушіе. Опытный въ своемъ ремеслѣ джигитъ давно уже зачуялъ „звѣря" и только не трогался съ мѣста, выжидая, чтобы даромъ не марать своей крымской винтовки. Краснощекову предстояло трудное и опасное дѣло: онъ зналъ, что ружье его „короткое", а у врага бьетъ далеко. Но такъ какъ податься назадъ было бы стыдно и „казачьей чести поруха", то онъ подумалъ-подумалъ и припалъ къ землѣ. Тутъ хитрый казакъ выставилъ въ сторонѣ отъ себя свою шапку-трухменку, и едва она показалась, какъ пуля Овчара сбросила ее на землю. Аксакъ вскочилъ и, бросившись на Овчара, положилъ его на мѣстѣ выстрѣломъ изъ ружья въ упоръ. Какую нужно было имѣть хладнокровную и разсчетливую смѣлость на это повидимому простое дѣло, могъ бы сказать только казакъ, бывавшій въ вольныхъ чужихъ степяхъ, гдѣ разгуливалъ вольный черкесъ-богатырь, встрѣча съ которымъ была равнозначуща съ гибелью. Оружіе и рѣзвый аргамакъ Овчара достались Краснощекову въ добычу. Броневскій, посѣтившій Донъ въ 1831 году, говоритъ, что порода этого жеребца сохранялась и тогда въ лучшихъ донскихъ табунахъ и была извѣстна подъ именемъ овчарской. Былъ ли то фактъ или только свидѣтельство памяти народной о Краснощековѣ—сказать не съумѣемъ.

Подобные подвиги служили для донцовъ простою забавою; но иногда они предпринимали поѣздки и съ чисто коммерческими, промысловыми цѣлями. Въ прибрежныхъ камышахъ по Кубани водилось множество птицъ и звѣрей, и партіи казаковъ, выѣз-

жавшія съ Дона, проводили на охотѣ по мѣсяцу и болѣе, среди опасныхъ встрѣчъ и приключеній.

Есть слѣдующая легенда о донскихъ охотникахъ, пріѣзжавшихъ однажды за Кубань на „полеванье". Легенда эта записана авторомъ „Записокъ стараго казака", Шпаковскимъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ со словъ очевидца, почти столѣтняго „бабая" (старика), князя Капланъ-Гирей-Канокова. Она разсказываетъ слѣдующее. Въ концѣ минувшаго же столѣтія, въ то время, когда Суворовъ только что началъ строить укрѣпленія по правому берегу Кубани, партія гулебщиковъ расположилась таборомъ на берегу Малаго Зеленчука, и нѣсколько человѣкъ изъ нея тотчасъ же отправились для осмотра окрестностей и мѣстъ удобныхъ для охоты. Въ то же время партія горцевъ, человѣкъ до полутораста, подъ предводительствомъ отца князя Канокова, безпечно шла съ верховій Зеленчука на Кубань для грабежа въ русскихъ предѣлахъ. До тридцати молодыхъ черкесовъ, въ числѣ которыхъ былъ и самъ разсказчикъ, князь Капланъ-Гирей-Каноковъ, вздумали „поджигитовать" и незамѣтно ушли далеко впередъ отъ партіи. Одинъ изъ джигитовъ, вскочивъ на высокій курганъ, привычнымъ взглядомъ окинулъ окрестность и замѣтилъ вдали пробиравшагося среди зарослей вершника въ необыкновенной одеждѣ, съ длинною пикою и съ винтовкою за плечами. Горецъ крикнулъ товарищей, и молодежь, окружившая со смѣхомъ всадника, потребовала, чтобы онъ слѣзъ съ коня и, положа оружіе, приблизился къ нимъ. Дѣлать было нечего. Мрачно взглянулъ казакъ на джигитовъ, злобно улыбнулся, медленно сползъ съ коня, снялъ съ себя саблю, винтовку и кинжалъ, воткнулъ пику въ землю и, накинувъ поводья на луку, подошелъ къ нимъ. На вопросъ по ногайски, что имъ нужно? раздался дикій хохотъ... Неуклюжій охабень, высокая рысья шапка, надѣтые на неповоротливаго повидимому пеглевана (богатыря), его тупой взглядъ изъ-подъ нависшихъ бровей, грязное загорѣлое лицо—такъ насмѣшили молодыхъ людей, что они велѣли казаку взять оружіе, сѣсть на коня и слѣдовать за ними. Молча, истымъ увальнемъ, вооружился батырь и не сѣлъ, а взвалился на чалаго маштака, такого же невзрачнаго и неуклюжаго, какъ его хозяинъ и, ка-

залось, едва передвигавшаго ноги. Эта пародія на джигита вызвала новый взрывъ хохота, и молодежь, тѣшась и батыремъ и чалкою, заставила плѣнника джигитовать. Неуклюже согнувшись, размахивая руками и болтая ногами, тронулся казакъ впередъ какимъ-то куцымъ скокомъ на своемъ вислоухомъ и понуромъ чалкѣ. Вотъ онъ вытаскиваетъ изъ нагалица длиннѣйшую винтовку. Грянулъ выстрѣлъ и съ нимъ чуть не свалился съ коня олухъ, едва удержавъ въ рукахъ оружіе. Все это опять было сдѣлано такъ топорно, что молодые горцы помирали со смѣху и принудили казака повторить скачку нѣсколько разъ, и каждый разъ онъ отличался какой-нибудь особенной уродливостію движеній и неловкостью.

Но „пеглеванъ“ уже порядочно поразмялъ своего чалку и, ласково потрепавъ его по верблюжей шеѣ, сказалъ; „Ну, маштакъ, одолжилъ!.. Чтобъ тебѣ!“ И вдругъ молодцовато оправился онъ въ сѣдлѣ, стройно и ловко уперлась нога его въ стремя, станъ выпрямился, конь навострилъ уши и гордо поднялъ свою горбоносую голову. Огонь сверкнулъ въ глазахъ и коня и всадника; винтовка быстро и ловко оборотилась назадъ, грянулъ выстрѣлъ, и одинъ изъ джигитовъ съ простреленнымъ лбомъ между бровей покатился безъ стона и жизни на землю. Черкесы вспыхнули. Одни изъ нихъ бросились къ убитому, другіе за казакомъ-великаномъ. Но чалка далеко уже несъ не прежняго увальня, а лихого наѣздника, проворно на скаку заряжавшаго винтовку. Вотъ конь пріостановился, казакъ привсталъ на стременахъ, ловко оборотился, раздался новый выстрѣлъ,—и ближайшій къ казаку джигитъ, точно съ такою же раною въ голову, какъ и первый, грянулся на землю. То была уже не случайность — этотъ мѣткій выстрѣлъ, а дерзкій вызовъ черкесамъ на смертный бой. Чувство злобной мести овладѣло горцами и они бросились за „пеглеваномъ“. Но тотъ, какъ бы потѣшаясь теперь надъ ними въ свою очередь, то исчезалъ стрѣлою изъ глазъ, то останавливался, подпуская гнавшихся за нимъ на нѣсколько шаговъ, и каждая новая пуля, посланная имъ, была вѣстникомъ смерти для одного изъ горцевъ, и смерти все отъ той же раны между бровей, какъ будто для казака не было другой цѣли. Такъ уложилъ онъ семерыхъ черке-

совъ. Черкесы смутились. Передъ ними, казалось, въ образѣ казака-гиганта былъ шайтанъ-джахенемъ (адскій духъ). Они не осмѣливались уже налетать на него, какъ прежде, и слѣдили за нимъ издалека, пока онъ не навелъ ихъ на охотничій таборъ. Тогда только уразумѣли джигиты, что за дьяволъ сыгралъ съ ними злую шутку. Черкесы не хотѣли оставить завареннаго съ казаками дѣла. Молодежь отыскала свою партію и представила старому князю въ такихъ заманчивыхъ краскахъ малочисленность казаковъ, легкость поживы, а главное необходимость отомстить за смерть товарищей, что старый князь, забывъ свою опытность, рѣшился напасть на таборъ.

Была лунная ночь. Въ казачьемъ таборѣ тлѣлъ небольшой костеръ, и казалось, что, кромѣ коней и воловъ, въ немъ не было ни живой души. Горцы спѣшились и смѣло пошли къ повозкамъ; но едва они приблизились шаговъ на 15, какъ изъ-за возовъ и сверху и снизу сверкнули точно блуждающіе огни, грянула дробь выстрѣловъ и около 15 хищниковъ покатились въ предсмертныхъ судорогахъ. Горцы, страшно гикнувъ, съ выстрѣлами бросились къ возамъ. Новый дружный залпъ отбросилъ ихъ, опять устлавъ путь трупами. Тогда они, поднявшись на окрестныя высоты, повторяли атаку съ разныхъ сторонъ, но охотники, будто горные духи-невидимки, встрѣчали ихъ вездѣ мѣткою винтовкою.

Заалѣлъ востокъ. Раннее осеннее солнце озарило окрестность. Старый князь, убѣдившись въ невозможности одолѣть засѣвшихъ казаковъ, сталъ внѣ выстрѣловъ и рѣшился на переговоры. Сѣвъ на коня, онъ съ нѣсколькими стариками, „аксакалами“, подъѣхалъ къ возамъ, имѣя бѣлый флагъ на джеридѣ, и громко сталъ вызывать старшого. На одномъ возу поднялся исполинскаго роста казакъ въ малахаѣ, въ высокой рысьей шапкѣ и съ длинной винтовкой въ рукѣ. Молодежь узнала въ немъ грознаго всадника и, невольно попятившись, схватилась за оружіе. Казакъ, не обращая на это никакого вниманія, звучнымъ „какъ труба“ голосомъ спросилъ: „какого чорта вы хотите отъ насъ?“...

Старый князь отвѣчалъ, что желаетъ вступить въ переговоры. Дѣло скоро уладилось, и недавніе враги расположились невдалекѣ отъ табора-крѣпости, а князь съ нѣсколькими старшинами по-

велъ пріятельскую рѣчь съ пеглеваномъ. Этого пеглевана звали „Бакланъ“, и это имя глубоко запечатлѣлось въ памяти князя Канокова. На Дону это прозвище принадлежало дѣду знаменитаго кавказскаго генерала, Якова Петровича Бакланова.

Встрѣча съ охотниками-донцами разстроила черкесамъ предположенный набѣгъ на закубанскіе казачьи хутора. Въ партіи ихъ было убитыхъ и раненыхъ до пятидесяти человѣкъ, въ то время какъ изъ „гулебщиковъ“ только шесть человѣкъ поплатились легкими ранами.

Недѣль черезъ пять тяжело нагруженные возы съ разнымъ битымъ пушнымъ звѣремъ, кабанами, лосятиной и дичью, потянулись за Егорлыкъ, границу Донскаго войска, и прибыли благополучно домой; а горцы не только кончаковской партіи, но и сосѣднихъ ауловъ, долго послѣ того не отваживались нападать даже на одиночныхъ казаковъ-охотниковъ.

Такова была донская „отвага“, выходившая на гульбу и промыслы въ вольныя степи. Но характеристика донскаго казачьяго быта была бы не полна безъ разсказа о томъ, какъ защищалъ казакъ свое родное гнѣздо, когда хищный ногаецъ и воинственный черкесъ приходили къ нему жечь, убивать и полонъ полонить. Характеристичнымъ примѣромъ такой защиты можетъ служить „донская быль“, вѣроятно единственный, появившійся въ печати, въ одномъ старинномъ журналѣ, — разсказъ о томъ, какъ бились и умирали казаки на порогахъ своихъ жилищъ.

16 августа 1738 года въ донской казачій городокъ Быстрянскій прискакали двое испуганныхъ всадниковъ. „Валитъ на насъ Касай-мурза съ черкескою силою,—видимо-не-видимо“—кричали они, торопясь въ избу станичнаго атамана. Ударили „всполохъ“, сбѣжались къ майдану станичники. Но, увы! ихъ было слишкомъ мало, чтобы противостать 13-ти тысячному татарскому сборищу. Татары улучили время взять съ Дона „баранту“ за казацкія прогулки по Кубани: они провѣдали, что лучшіе удальцы донскіе бьются въ Крыму съ турками, подъ рукою фельдмаршала Миниха, и нахлынули на ихъ родину.

Между казаками шелъ шумный споръ, какъ лучше «ухлѣбосолить“ горцевъ, хотя бы и самимъ не пришлось вернуться съ

кроваваго пира. И вотъ, среди громкаго казацкаго говора раздался голосъ есаула: „помолчите, помолчите, атаманы-молодцы!“. Говоръ мгновенно затихъ и казаки стали въ кружокъ.

„Ну, атаманы-молодцы! заговорилъ станичный атаманъ, опершись на свою насѣку;—застала насъ зима въ лѣтнемъ платьѣ. Теперь не-часъ замышлять о шубѣ, надо подумать, какъ бы голыдьбѣ выдержать морозы! Не учить мнѣ васъ, атаманы-молодцы, какъ рѣзаться съ бусурманами – это дѣло казацкое, обычное. Но о томъ не смолчать мнѣ, что всѣхъ то насъ теперь первой, второй—да и конецъ счету, татарской же силы сложилось по наши головы тысячъ до тринадцати аль и больше“...

—„Счетъ-то великъ, перебилъ его старшина Роба,—да цѣна въ алтынъ. Касай-мурза громоздокъ ордою, а лихихъ узденей и джигитовъ у него всѣхъ по пальцамъ перечесть можно... Такъ не лучше ли не терять поры, залечь по концамъ городка и нажидать татаръ на дуло? А тамъ, гляди, и войсковой атаманъ нашъ Данило Ефремовичъ *) съ войскомъ помогу подастъ. А нѣтъ—то лучше голова съ плечъ, чѣмъ живыя ноги въ кандалы“!

„То-то вотъ—голова съ плечъ!.. въ раздумьи проговорилъ атаманъ.—Оно статно, что за плохою укрѣпою, какова въ нашемъ городкѣ, долго не усидишь. Головы казакамъ складывать не диковина, да какова про мертвыхъ въ Войскѣ рѣчь пройдетъ. Наша вина, что мы за-добра-ума не перебрались изъ городка въ крѣпостцу—вотъ о чемъ думать надобно“.

И казаки серьезно задумались. Припомнилось имъ, какъ намедни впустили они въ свой городокъ какого-то казака-проходимца, который прикинулся посланцемъ отъ атамана яицкаго съ вѣстью, будто бы-де „Дундукъ-Омбо съ своими калмыками да казаками яицкими и терскими всю Кубанскую орду погромилъ и что-де ордѣ уже не въ силу нынѣшнимъ годомъ подняться на ихъ донскіе городки“. Слушали тогда казаки разсказчика-краснобая, а онъ все разглядывалъ, вывѣдывалъ, высчитывалъ, и стало потомъ уже несомнѣнно, что то былъ совсѣмъ не яицкій казакъ, а некрасовецъ, подсыльный Касая-мурзы—прахъ бы его побралъ!

*) Д. Еф. Евремовъ былъ войсковымъ атаманомъ съ 14 марта 1738 года.

Припомнивъ такое обстоятельство, казаки стали перекоряться другъ съ другомъ, кто былъ такому дѣлу заводчикъ, какъ вдругъ вышелъ изъ толпы старый, сѣдой казакъ Булатовъ.

— „Не подъ стать намъ теперь, атаманы, сказалъ онъ:— смутные заводы заводить, когда того и гляди татарская сила накроетъ нашъ городокъ. Разсудимся послѣ. Къ вечеру, можетъ, припадетъ намъ въ новоселье скочевать—въ матушку сырую землю: тамъ будетъ каждому расправа на чистоту. Подумаемъ о другомъ. Вѣдь дѣлу нашему конецъ и теперь виденъ: помоги ожидать не откуда, живыми отдаться стыдно, да и не за обычай, а пока у насъ шашки и ружья есть, порохъ есть, и головы на плечахъ, надобно биться—вотъ и все тутъ! Давайте-ка раздѣлимся на десятки, да раскинемъ умомъ-разумомъ, гдѣ кому засѣсть въ концахъ городка. Я, примѣрно, покладаю вотъ какъ: Аѳонасію Меркуловичу (онъ указалъ на Робу) быть на конѣ съ конными и сначала выскакать за городокъ; мнѣ, Булатову,—въ передовыхъ лежать на валу, Михайлу Ивановичу (онъ указалъ на казака Кургана)—по базамъ и загородамъ сѣсть, а тебѣ, атаману, оставаться съ подможными недалеко отъ бою и быть надо всѣми старшимъ. Ну, станичники, какъ присудите, пригадаете?“

„Быть по твоему!“ закричали многіе.

„Къ дѣлу—рѣчь!“, подтвердили другіе.

„Дай Богъ добрый часъ!“ заговорили казаки въ одинъ голосъ.

— „Пойдемъ же, станичники, продолжалъ Булатовъ:—засядемъ и будемъ стрѣлять, покуда мочь возьметъ. Авось либо (Булатовъ перекрестился) Божіею милостью да государскимъ счастьемъ нашей матушки-царицы и казацкимъ молодечествомъ отсидимся отъ бусурманскаго приступа! А нѣтъ—Его святая воля!“

Едва только успѣли казаки занять назначенныя имъ мѣста, какъ татары хлынули на городокъ. Застонала земля, началась баталія.

„Эге! пожаръ въ городкѣ, — тушите, бабы!“ крикнулъ атаманъ — и послѣдній резервъ вмѣстѣ съ нимъ устремился къ мѣсту боя.

Два сильныхъ татарскихъ приступа быстрянцы отразили успѣшно, одушевляясь надеждою, что войсковой атаманъ Ефремовъ вотъ-

вотъ набѣжитъ на черкесовъ съ тылу и спасетъ ихъ отъ гибели. Но при третьемъ натискѣ, потерявъ большую половину своей дружины, казаки не могли уже остановить татаръ и уступили имъ мѣсто битвы. Свирѣпые закубанцы, какъ бурный потокъ, разорвали ряды казаковъ и съ оглушающимъ крикомъ: „Гайда, алдынъджуръ“ (впередъ)!—кинулись въ ихъ жилища и зажгли нѣсколько куреней.

Жадный огонь мгновенно разнесся и охватилъ весь городокъ... Къ вечеру татары, обремененные добычею и полономъ, ушли, оставя за собою кровавые слѣды.

Настала ночь. Пламя неслось къ темному беззвѣздному небу вмѣстѣ со стономъ раненыхъ и умирающихъ. На окрестныхъ поляхъ бродили осѣдланные кони и распуганныя стада — безъ хозяевъ. Взошло, какъ и всегда восходитъ, красное солнце; но на этотъ разъ оно освѣтило, вмѣсто грознаго быстрянскаго городка и его витязей, молчаливыя развалины и кучи пепла, который разносился вѣтромъ и заметалъ покойниковъ.

Булатовъ, подавшій первый голосъ за защиту городка, погибъ со всею семьею. Съ окровавленными сѣдинами, раскинувшись на горячей золѣ своего куреня, спалъ онъ непробуднымъ вѣковѣчнымъ сномъ. Возлѣ него умирали старая жена его Нефедьевна и меньшой внукъ, а старшій, молодой и бравый казакъ, метался въ предсмертной агоніи на майданской площади: у него отрублены были обѣ руки въ то время, когда онъ хотѣлъ вырвать у татарина страшный арканъ, захлеснувшій его невѣсту.—

Съ перенесеніемъ нашей границы на Кубань и съ уничтоженіемъ силы татаръ, скитавшихся между Кубанью и Дономъ, подобныя сцены стали уже немыслимы. Самый бытъ донцовъ измѣнился. Вѣчная брань ихъ съ врагами прекратилась и безпрестанныя поголовныя ополченія стали рѣдки. И если этимъ нанесенъ былъ ударъ ихъ удалой рыцарской жизни, за то станицы, никѣмъ не угрожаемыя и не тревожимыя, скоро процвѣли довольствомъ и благосостояніемъ. Земледѣльцы во время работъ не имѣли уже нужды въ прикрытіяхъ, задонскіе посты были сняты; пушки, стоявшія на бастіонахъ Черкаска, никогда не заряжа-

лись—и тихій Донъ вполнѣ сталъ тихимъ. Послѣ вѣковой безпрерывной брани, вносившей шумъ и движеніе на его берега, онъ, по выраженію поэта, «задремалъ, какъ старецъ, утомленный многолѣтними боевыми трудами».

XI.

Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ.

ослѣ генерала Якоби кавказскимъ корпусомъ нѣкоторое время командовалъ генералъ Фабриціанъ, по смерти котораго, въ октябрѣ 1782 года, назначенъ былъ генералъ-поручикъ графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ (двоюрный братъ свѣтлѣйшаго князя Таврическаго), уже извѣстный тогда составленіемъ проекта о населеніи степного пространства нынѣшней Ставропольской губерніи казенными крестьянами.

Графъ Павелъ Сергѣевичъ пользовался и репутаціей боевого генерала. Онъ былъ украшенъ за первую турецкую войну Георгіемъ 4 и 3 степеней, а во время пугачевскаго бунта находился въ Казани и, въ качествѣ начальника секретной коммиссіи, своими распоряженіями много содѣйствовалъ къ успѣшной оборонѣ города. Императрица наградила его тогда золотою шпагой, осыпанной алмазами, а вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ пожалованъ александровскою лентою и камергерскимъ ключемъ.

Потемкинъ прибылъ на Кавказъ 8 октября 1782 года, когда походы Якоби еще были свѣжи въ памяти кавказскихъ народовъ и наша линія пользовалась поэтому сравнительнымъ спокойствіемъ. Нарушали его время отъ времени лишь одни атагинцы, народъ чеченскаго племени, славившійся съ давнихъ временъ превосходной выдѣлкой холоднаго оружія, составлявшаго предметъ ихъ справедливой гордости. Самый промыселъ

этотъ уже развивалъ въ жителяхъ военныя склонности и до нѣкоторой степени ручался за ихъ боевыя достоинства. Они одни изъ всѣхъ чеченцевъ не хотѣли покориться русской власти и выдать аманатовъ. А такъ какъ подобное настроеніе ихъ легко могло сообщиться другимъ чеченскимъ племенамъ и ауламъ, то графъ Павелъ Сергѣевичъ рѣшился, не теряя времени, предпринять ихъ покореніе.

Въ мартѣ 1783 года, отрядъ подъ начальствомъ полковника Кека перешелъ за Сунжу и, оставивъ по пути въ Ханкальскомъ ущельѣ батальонъ съ 4 орудіями, двинулся къ аулу Атаги и предалъ его пламени. Въ то время, когда русскія войска жгли и истребляли имущество атагинцевъ, послѣдніе, кинувшись въ Ханкальское ущелье, ударили на батальонъ, разсчитывая истребить его, прежде чѣмъ успѣетъ подойти къ нему подкрѣпленіе. Въ случаѣ успѣха чеченцы заняли бы ущелье, и тогда полковникъ Кекъ, отрѣзанный отъ линіи, очутился бы въ весьма опасномъ положеніи. Но батальонъ держался стойко, а между тѣмъ на выстрѣлы подоспѣлъ изъ Атаговъ отрядъ, и непріятель, поставленный между двумя огнями, потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Четыреста тѣлъ осталось на полѣ сраженія, и атагинцы вынуждены были выкупить ихъ цѣною своей свободы: они присягнули на подданство Россіи и дали аманатовъ.

Покончивъ съ чеченцами, и не касаясь еще на первый разъ главнаго вопроса колонизаціи края, Потемкинъ сосредоточилъ все свое вниманіе на нашихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Иверіей и успѣлъ склонить грузинскаго царя Ираклія къ принятію русскаго подданства. Торжественный актъ объ этомъ подписанъ былъ въ городѣ Гори 24 іюля 1783 года. Этимъ актомъ впервые установлены фактическія вассальныя отношеніи Грузіи къ Россіи. Предыдущія сношенія, восходящія до временъ царствованія Грознаго и отличавшіяся характеромъ почти исключительно личныхъ переговоровъ между монархами, не имѣли прочнаго политическаго значенія, обнаруживая лишь не умиравшую духовную связь между единовѣрными народами. Крѣпнувшія сношенія Россіи съ Грузіей побуждали лучшихъ грузинскихъ людей переселяться въ Москву и Петербургъ на постоянное жительство,

но собственно подданство царства являлось только номинальнымъ и нимало не помогло ей поддерживать свою автономію. Вслѣдъ за монголами и турками, персіяне въ XVII вѣкѣ до того поработили Грузію, что, по свидѣтельству путешественниковъ, трудно было отличить ее отъ остальныхъ провинцій персидскаго шаха. Единственнымъ препятствіемъ къ окончательному поглощенію грузинской національности магометанствомъ оставалась христіанская религія, неприкосновенно хранимая народомъ и въ то время, когда высшія сословія, цари и князья Грузіи уже заимствовали отъ кизильбашей не только одни модныя чохи и модный языкъ, но и персидскіе нравы, и обычаи и даже собственныя имена, несмотря на то, что они были магометанскія. Тегеранъ сдѣлался тогда мѣстомъ жительства грузинской аристократіи и метрополіею грузинскаго царства. Но договоръ, заключенный Иракліемъ съ императрицею Екатериною и разработанный въ Георгіевскѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ и руководствомъ Потемкина, первымъ условіемъ ставилъ для Грузіи обязательство навсегда отказаться отъ подданства Персіи; Екатерина же съ своей стороны, пользуясь тѣмъ, что Россія обязалась не только защищать иверійское царство, но и поддерживать на престолѣ потомство Ираклія, ввела въ Грузію русскіе гарнизоны и тѣмъ самымъ устранила силу дальнѣйшаго персидскаго вліянія. Центръ тяжести грузинской жизни былъ, такимъ образомъ, передвинутъ обратно изъ Тегерана въ Тифлисъ.

Вслѣдъ за грузинскимъ царемъ присягнулъ на подданство Россіи и тогдашній „валій“ Дагестана Муртазали, шамхалъ тарковскій. Къ сожалѣнію, кончина его остановила, какъ говорятъ современные акты, „торжественное того въ дѣйство произведеніе“. Оно послѣдовало только при его преемникѣ Баматѣ, послы котораго, какъ увидимъ ниже, были приняты въ Екатериноградѣ съ особенною пышностію 24 мая 1786 года. Императрица вполнѣ оцѣнила дѣятельность графа Павла Сергѣевича и пожаловала ему, въ чинѣ генералъ-поручика, ленту св. Владиміра 1-го класса, бриллiантовую табакерку съ своимъ портретомъ и шесть тысячъ рублей звонкою монетою.

Между тѣмъ вассальныя отношенія, въ которыя стала Грузія къ Россіи, естественно заставили Россію подумать объ устрой-

ствѣ болѣе правильнаго сообщенія съ этою страною. Единственная дорога, пролегавшая тогда черезъ Кабарду, до главнаго горнаго хребта была настолько не безопасна отъ нападенія горцевъ, что русскимъ курьерамъ нельзя было ѣздить иначе, какъ съ сильнымъ конвоемъ. Это обстоятельство заставило возводить по дорогѣ новые редуты и укрѣпленія, которыя, начинаясь Моздокомъ, оканчивались у самаго подножія горъ Владикавказскою крѣпостію. Между Моздокомъ и Владикавказомъ построены были три редута: Григоріопольскій—въ Малой Кабардѣ, Кумбелевскій—при рѣкѣ того же названія и Потемкинскій — на Терскѣ, близъ Татартуба. Не ограничиваясь этимъ, Потемкинъ рѣшился соединить Грузію съ русскими владѣніями проложеніемъ дороги и черезъ главный кавказскій хребетъ;—тогдашніе пути въ Закавказьѣ горами были едва доступны даже для одиночныхъ пѣшеходовъ и большія сообщенія происходили только черезъ Дербентъ, по берегу Каспійскаго моря. По распоряженію его восемьсотъ человѣкъ солдатъ дружно принялись за работу, и, несмотря на невѣроятныя препятствія, представляемыя на каждомъ шагу грозною природою, уже къ октябрю мѣсяцу 1783 года кавказскій снѣговой хребетъ,—тамъ, гдѣ, по выраженію поэта:

«... носились лишь туманы
Да цари-орлы,»—

прорѣзанъ былъ дорогой, настолько удобной, что Потемкинъ уже безъ затрудненія проѣхалъ по ней въ Тифлисъ восьмерикомъ въ коляскѣ. То былъ первый путь, проложенный черезъ кавказскій хребетъ трудами русскаго солдата,—путь, несмотря на гигантскія сооруженія, не стоившій правительству ничего, кромѣ нѣсколькихъ лишнихъ мясныхъ и винныхъ порцій.

Рядъ укрѣпленій по дорогѣ къ кавказскому хребту, въ сущности, былъ новою боевою линіей, заложеніе которой въ самой землѣ кабардинцевъ не могло не вызвать опять противъ русскихъ единодушнаго неудовольствія всѣхъ горскихъ племенъ. Не только кабардинцы, непосредственно заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, но даже лезгины, чеченцы и кумыки рѣшились соединенными силами препятствовать русскимъ работамъ. Потемкинъ опять уви-

дѣлъ необходимость дѣйствовать оружіемъ, и сильные отряды, сосредоточенные имъ въ Наурѣ и въ Моздокѣ, осенью 1783 года перешли за Сунжу. Пока генералъ Самойловъ проходилъ, лежащіе въ Чечнѣ и нынѣ, знаменитые дремучіе гехинскіе лѣса, и битвы гремѣли на берегахъ Валерика, Гойты, Рошны и Гехи, самъ Потемкинъ приблизился къ Ханкальскому ущелью, и 6-го октября два батальона Астраханскаго полка, предводимые храбрымъ полковникомъ Пьери, взяли его приступомъ, открывши такимъ образомъ свободный путь въ Чечню. Чеченцы на время присмирѣли. Вся экспедиція эта окончилась въ нѣсколько дней, и 9-го октября войска возвратились на линію.

Въ февралѣ 1784 года, когда Суворовъ выѣхалъ въ Россію, графъ Павелъ Сергѣевичъ назначенъ былъ кавказскимъ генералъ-губернаторомъ и командиромъ обоихъ корпусовъ, расположенныхъ на линіи, пріобрѣвшей особое значеніе для Россіи съ тѣхъ поръ, какъ было рѣшено водворить за нею мирныя деревни хлѣбопашцевъ. Такимъ образомъ, вопросъ о колонизаціи края русскимъ элементомъ выдвигается въ этотъ моментъ на первый планъ, и ему главнѣйшимъ образомъ и посвящена мирная дѣятельность Потемкина, на довольно долгое время отстранившая чисто военные вопросы. Потемкинъ обратился во внутреннія губерніи съ вызовомъ къ однодворцамъ и государственнымъ крестьянамъ, приглашая ихъ на новыя мѣста, находившіяся подъ прикрытіемъ нашихъ укрѣпленій. Вызовъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, и скоро желающихъ явилось такое множество, что на первыхъ порахъ съ трудомъ успѣвали отводить и распредѣлять земли подъ новыя поселенія.

Какъ жили здѣсь первые русскіе поселенцы, привлеченные въ этотъ край многими льготами и естественными богатствами, объ этомъ не сохранилось солидныхъ извѣстій. Нужно однакоже полагать, что жизнь ихъ далеко не была обставлена безопасностью, что они, подобно линейнымъ казакамъ, должны были выходить на работы въ поле не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Несмотря однако на предосторожности, которыя принимались особенно на первыхъ порахъ, горскія партіи все-таки прорывались сквозь русскіе кордоны и нападали на жителей тѣмъ

охотнѣе, что находили у нихъ сравнительно легкую и вѣрную поживу.

Чтобы дать крестьянамъ хоть нѣкоторую самозащиту, Потемкинъ сталъ заселять цѣлыя деревни отставными солдатами, какъ людьми уже знакомыми съ оружіемъ, и этою мѣрою дѣйствительно успѣлъ поднять духъ новыхъ поселенцевъ настолько, что въ скоромъ времени мирныя села съ успѣхомъ стали отбиваться отъ горцевъ. Степь, еще недавно представлявшая собою картину необозримой и безлюдной пустыни, закипѣла небывалымъ оживленіемъ. Гражданское развитіе края въ теченіе года подвинулось настолько, что сенатъ Высочайшимъ указомъ отъ 5-го мая 1785 года призналъ уже своевременнымъ учрежденіе кавказскаго намѣстничества, изъ двухъ областей — Кавказской и Астраханской. Намѣстникомъ Кавказа назначенъ былъ графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ. Онъ находился тогда въ Петербургѣ, а потому, по возвращеніи на линію въ исходѣ августа мѣсяца, былъ принятъ уже не только какъ командиръ кавказскихъ корпусовъ, но какъ настоящій правитель Кавказа и государевъ намѣстникъ.

Необходимо замѣтить, что званіе это тогда получали только сановники, пользовавшіеся особеннымъ довѣріемъ императрицы. Въ ихъ рукахъ сосредоточивалось все управленіе краемъ, и имъ же подчинялись всѣ военныя и гражданскія власти. Самыя почести, которыя присвоивались намѣстникамъ, являли въ нихъ уже настоящихъ представителей особы государя. Такъ, при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ они выѣзжали не иначе, какъ въ сопровожденіи отряда легкой кавалеріи, окруженные адъютантами и молодыми дворянами, которые подъ ихъ руководствомъ должны были образовывать себя къ полезному служенію отечеству.

Такимъ образомъ Кавказскій край получалъ самостоятельное гражданское управленіе, и Астрахань на первый разъ передала свои права Екатеринограду, куда Потемкинъ и перенесъ свою резиденцію. Екатериноградъ, стоявшій при сліяніи двухъ рѣкъ, Терека и Малки, заключалъ въ себѣ въ то время станицу волжскихъ казаковъ, солдатскую слободу и небольшую крѣпостцу, въ которой собственно и находился домъ, вѣрнѣе—дворецъ намѣстника, выстроенный съ необычайною для Кавказа роскошью. Па-

мятникомъ этого минувшаго величія города и донынѣ остались поставленныя тогда Потемкинымъ тріумфальныя ворота съ многообѣщающею на нихъ надписью: „Дорога въ Грузію“, нынѣ уже стертой и замѣненной другою: „Построены попеченіемъ генералъ-губернатора Потемкина въ царствованіе императрицы Екатерины II. Возобновлены главнокомандующимъ и намѣстникомъ Кавказскаго края княземъ М. С. Воронцовымъ въ 1847 году“. Самъ Потемкинъ служилъ олицетвореніемъ стариннаго русскаго барства и не жалѣлъ издержекъ тамъ, гдѣ нужно было поддержать свое представительство. Онъ окружилъ себя многочисленною свитою, давалъ роскошные праздники, и горскіе князья лучшихъ фамилій всегда толпились около него съ своими уорками и узденями. Потемкинъ ласкалъ этихъ представителей черкесской аристократіи, дарилъ и покупалъ ихъ золотомъ. При легкомысліи и дикой жадности горцевъ, онъ этимъ путемъ узнавалъ обо всѣхъ враждебныхъ предпріятіяхъ и, принимая своевременныя мѣры, успѣвалъ разрушать ихъ въ самомъ зародышѣ. Но главною системою его политики было правило divide et impera — поддерживать между горцами постоянныя распри и, помогая слабымъ, не давать усиливаться тѣмъ, которые могли быть опасны для русскихъ.

Въ это-то время Потемкинъ принималъ у себя пословъ шамхала тарковскаго, считавшагося валіемъ, т. е. правителемъ всего Дагестана, присланныхъ для принятія русскаго подданства. Въ роскошныхъ каретахъ, сопровождаемые блестящимъ эскортомъ изъ линейныхъ казаковъ, послы проѣхали прямо во дворецъ, гдѣ было уже приготовлено все, чтобы ослѣпить ихъ пышностію, окружавшей намѣстника. Шествіе ихъ открывалъ церемоніймейстеръ со своими ассистентами; за нимъ слѣдовалъ маршалъ и наконецъ послы, которыхъ почтительно поддерживали подъ руки наши офицеры.

Миновавъ длинную амфиладу комнатъ, процессія вступила въ залу, посреди которой величественно возвышался императорскій тронъ. При ступеняхъ трона на богатомъ креслѣ сидѣлъ намѣстникъ.

Выслушавъ сидя привѣтственную рѣчь отъ лица Бамата, онъ всталъ съ своего мѣста и указалъ рукой на большой портретъ

императрицы. Послѣ преклоненія колѣнъ у ступеней трона, послы громко и внятно произнесли присягу отъ лица своего владѣтеля. 50 пушечныхъ выстрѣловъ, музыка и грохотъ барабановъ возвѣстили городу о принятіи шамхала въ русское подданство.

Всѣ эти благопріятныя обстоятельства немало способствовали къ тому, что хотя линія находилась постоянно въ тревожномъ положеніи, но она была уже настолько сильна, что даже такое крупное событіе, какъ „газаватъ",—священная война, провозглашенная въ горахъ появившимся въ то время на Кавказѣ магометанскимъ пророкомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Шейхъ-Мансура, не могла нарушить общаго спокойствія мирныхъ обитателей края. Возстаніе было подавлено и Шейхъ-Мансуръ долженъ былъ бѣжать за Кубань.

Дѣла войны, къ сожалѣнію, мѣшавшія Потемкину посвятить себя всецѣло административной дѣятельности, однако не помѣшали ему продолжать дѣло гражданскаго развитія страны. Отражая набѣги горцевъ, ведя дипломатическія сношенія съ Персіей и Грузіей, гдѣ почти во все время его управленія шли кровопролитныя междоусобныя войны, онъ въ то же время, въ тиши кабинета обдумывалъ, а затѣмъ и приводилъ въ исполненіе много полезныхъ мѣръ. Кавказъ обязанъ ему не однимъ заселеніемъ своего степного пространства мирными селами и деревнями. При немъ же учреждены изъ бывшихъ крѣпостей первые кавказскіе города: Кизляръ, Моздокъ, Екатериноградъ, Ставрополь, Георгіевскъ и Александровскъ (Александровскъ и Екатериноградъ впослѣдствіи были обращены въ казачьи станицы). Онъ назвалъ на Кавказъ нѣмецкихъ колонистовъ, чтобы съ ихъ помощью устроить нѣсколько заводовъ для шелководства и винодѣлія и дать сельскому хозяйству русскаго крестьянина вообще болѣе широкое и правильное развитіе. Наконецъ онъ же хлопоталъ о привлеченіи въ новозаселяемый край армянъ, на которыхъ смотрѣлъ, какъ на посредниковъ въ нашей торговлѣ, начинавшей уже мало-по-малу зарождаться кое-гдѣ въ пограничныхъ мѣстахъ между русскими и горцами. Въ видахъ же большаго обезпеченія русской границы, имъ сдѣлана была попытка обратить весь кабардинскій народъ въ поселенное войско, въ родѣ казачьяго; но, къ сожа-

лѣнію, эта мѣра оказалась преждевременною и Потемкинъ вскорѣ вынужденъ былъ отъ нея отказаться.

Въ 1787 году, когда началась вторая турецкая война, графъ Павелъ Сергѣевичъ назначенъ былъ въ дунайскую армію и передалъ веденіе военныхъ дѣйствій генералъ-аншефу Текелли. Потемкинъ уже не возвращался на Кавказъ, хотя и сохранялъ за собою званіе кавказскаго намѣстника до 1791 г., когда назначенъ былъ туда генералъ-аншефъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ.

Въ дѣйствующей дунайской арміи Потемкинъ особенно отличился при штурмѣ Измаила, во главѣ знаменитыхъ фанагорійскихъ гренадеръ, и награжденъ орденомъ Св. Георгія 2 класса. Затѣмъ онъ отправился въ Польшу, участвовалъ въ побѣдахъ Суворова, получилъ чинъ полнаго генерала, а черезъ два года, возвратившись въ Москву, неожиданно скончался отъ удара.

Къ сожалѣнію, эта внезапная смерть вызвала среди современниковъ различные загадочные толки, весьма нелестные для памяти покойнаго графа. Случилось такъ, что онъ скончался въ тотъ самый день, когда получилъ извѣстіе о назначеніи въ Петербургѣ формальнаго слѣдствія, по поводу одного замятаго имъ прискорбнаго дѣла, имѣвшаго мѣсто на Кавказѣ въ послѣдній годъ его управленія.

Обстоятельство это, набросивши мрачную тѣнь на память одного изъ даровитѣйшихъ людей екатерининскаго вѣка, состояло въ слѣдующемъ. Одинъ изъ братьевъ персидскаго шаха, Аги-Махомета-хана, спасаясь отъ его преслѣдованій и настигаемый погонею, бросился въ Кизляръ искать защиты у русскихъ. Тогдашній комендантъ Кизляра, бригадиръ Вишняковъ, послалъ къ нему навстрѣчу нѣсколько лодокъ съ солдатами; но едва солдаты вошли на корабль, какъ бросились на персіянъ, перерѣзали ихъ, разграбили несмѣтныя сокровища, вывезенныя съ собою принцемъ, а самого его бросили въ море. Почему Потемкинъ замялъ такое вопіющее дѣло—тайна, которая сошла съ нимъ въ могилу.

Въ заключеніе не лишнее прибавить, что графъ Павелъ Сергѣевичъ былъ извѣстенъ въ русской литературѣ многими сочиненіями. Изъ нихъ два капитальные труда его: „Исторія пугачевскаго бунта“ и „Описаніе кавказскихъ народовъ“ остаются не

изданными и понынѣ. Обстоятельство, о которомъ нельзя не пожалѣть, потому что въ сочиненіяхъ, составленныхъ не очевидцемъ только, но лицомъ, близко стоявшимъ ко всѣмъ описываемымъ событіямъ, нужно ожидать много интересныхъ данныхъ и разъясненій въ исторіи какъ пугачевскаго бунта, такъ и Сѣвернаго Кавказа въ XVIII вѣкѣ.

XII.

Шейхъ-Мансуръ.

Въ 1785 году на Кавказѣ появился загадочный человѣкъ, извѣстный подъ именемъ Шейхъ-Мансура, положившій зачатки полуполитическаго, полурелигіознаго магометанскаго ученія, впослѣдствіи развившагося въ то, что называется „мюридизмъ“ и представляетъ въ существенномъ объявленіе магометанскимъ кавказскимъ міромъ безпощадной войны христіанству и Россіи.

Происхожденіе Шейхъ-Мансура неизвѣстно. Совсѣмъ въ недавнее время профессоръ туринскаго университета Оттино открылъ въ туринскомъ государственномъ архивѣ любопытные документы, относящіеся къ Шейхъ-Мансуру, именно мемуары и письма его, подлинность которыхъ однако остается вопросомъ *). Въ октябрѣ 1786 года, вѣроятно послѣ пораженія, нанесеннаго Мансуру Потемкинымъ за Кубанью, одинъ изъ трехъ европейцевъ, ближайшихъ сподвижниковъ пророка, похитилъ завѣтную шкатулку его съ драгоцѣнностями, въ которыхъ хранились мемуары, и съ нею бѣжалъ въ Константинополь, гдѣ и продалъ

*) См. «Русская Мысль», іюль 1884 г.

рукопись вмѣстѣ съ другими бумагами посланнику Сардинскаго короля Виктора Амедея III. Собственноручныя же письма Мансура сохранились у живущаго и теперь въ Монферратѣ его внука. Многія изъ нихъ подписаны прямо Projeta-Mansur (пророкъ Мансуръ).

По этимъ документамъ Шейхъ-Мансуръ есть не кто иной, какъ итальянскій авантюристъ, Джіовани Батиста Боэтти, уроженецъ Монферата, гдѣ отецъ его былъ нотаріусомъ. 15 лѣтъ отъ роду отецъ отправилъ его изучать медицину. Но Боэтти, которому наука не пришлась по душѣ, скоро бѣжалъ въ Миланъ и завербовался въ солдаты. Достаточно было двухъ мѣсяцевъ, чтобы и военная служба опротивѣла ему: онъ бѣжалъ въ Богемію, и послѣ цѣлаго ряда странствованій, отмѣченныхъ то забавными, то печальными похожденіями, явился въ Римъ, гдѣ и поступилъ въ монахи въ доминиканскій монастырь.

Послѣ кратковременнаго увлеченія Саванаролой и его реформатскою дѣятельностью, мечты молодого человѣка сосредочились на сказочныхъ странахъ Востока, и черезъ пять лѣтъ ему удалось добиться назначенія миссіонеромъ въ Мосулъ—древнюю Ниневію. Но прежде чѣмъ добраться до мѣста назначенія, ему пришлось снова испытать цѣлый рядъ приключеній. Въ первомъ же попутномъ городѣ, въ Венеціи, онъ былъ посаженъ въ тюрьму за излишнюю проповѣдническую ревность, направленную противъ дѣвицъ легкаго поведенія. Проповѣдь окончилась дракой, которую дѣвицы объяснили нежеланіемъ монаха заплатить имъ деньги. Высланный изъ города съ большимъ скандаломъ, Боэтти кое-какъ добрался до Кипра, гдѣ вскорѣ очутился снова въ тюрьмѣ, и на этотъ разъ уже турецкой, куда попалъ, обмолвившись недобрымъ словомъ насчетъ Магомета. Спасшись и отсюда какимъ-то чудомъ, онъ бѣжалъ въ Алеппо, гдѣ пламенная проповѣдь опять привлекла къ нему много кающихся грѣшниковъ и особенно грѣшницъ. Его успѣхъ у послѣднихъ не понравился однако отцамъ францисканцамъ: сдѣланъ былъ доносъ, и Джіовани Боэтти, изгнанный изъ монастыря, начинаетъ опять бродяжническую жизнь, полную тревогъ и опасностей.

Скитаясь по Востоку, онъ съумѣлъ вѣрно опредѣлить характеръ и настроеніе мусульманскаго населенія: онъ понялъ, что му-

сульмане всегда готовы слѣпо идти за всякимъ человѣкомъ, который съумѣетъ ихъ расшевелить и поднять во имя пророка, и что принявши на себя роль посланника его, можно разсчитывать стать безграничнымъ повелителемъ фанатизированной толпы. Умудренный опытомъ, Боэтти зналъ, чѣмъ онъ рискуетъ, и потому хотѣлъ заранѣе по мѣрѣ возможности подготовить успѣхъ отчаянно-смѣлаго предпріятія. Посѣтивъ Константинополь, онъ отправился оттуда въ Трапезунтъ, Арзерумъ, Карсъ, Ахалцыхъ, Ардаганъ, Поти и Тифлисъ, тщательно изучая страны и высматривая укрѣпленія городовъ, занося ихъ на планы, отмѣчая пути сообщенія, однимъ словомъ—работая надъ цѣлымъ планомъ кампаніи. Черезъ горныя тѣснины Дагестана онъ пробрался въ Персію, оттуда въ Багдадъ, гдѣ выучилъ на память весь коранъ не хуже самаго хорошаго муфтія. Но здѣсь, заподозрѣнный въ шпіонствѣ, онъ былъ арестованъ и въ оковахъ отправленъ въ Константинополь. Сардинскій консулъ выхлопоталъ ему освобожденіе; тѣмъ не менѣе турецкая полиція чуяла въ немъ опаснаго человѣка и не выпускала его изъ виду. Тогда, перерядившись армяниномъ, ему удалось бѣжать черезъ Смирну въ Европу. Его планъ, между тѣмъ, составленъ былъ окончательно и безповоротно. Вездѣ онъ осматривалъ арсеналы, пушечно-литейные и оружейные заводы, вездѣ заключалъ контракты на поставку оружія и боевыхъ снарядовъ—подготовлялъ будущую экспедицію.

Между прочимъ, Боэтти провелъ около 3 мѣсяцевъ и въ Петербургѣ, гдѣ предлагалъ Потемкину планъ завоеванія Константинополя. Отказъ Потемкина вынудилъ его начать и совершить рядъ смѣлыхъ до безумія предпріятій исключительно на свой рискъ и страхъ. Нужныхъ матеріальныхъ средствъ для экспедиціи онъ добился отъ богатаго негоціанта изъ Скутари, армянина Табетъ-Хабиба. Вмѣстѣ съ нимъ и съ тремя европейцами, рѣшившимися раздѣлить его участь, французомъ Клеопомъ Гевено, неаполитанцемъ Камилло Рутигліано и нѣмецкимъ жидомъ Самуиломъ Гольденбергомъ, Боэтти высадился въ Трапезунтѣ, и вслѣдъ затѣмъ началась поистинѣ сказочная авантюра.

Около 1785 года, въ курдистанскомъ городѣ Амадіи, на праздникъ Рамадана появился новый мусульманскій пророкъ. Одѣтый

весь въ бѣломъ, съ зеленою чалмою на головѣ, пришлецъ сразу обратилъ на себя вниманіе всего населенія города и самого шейха какъ своею выдающеюся, красивою и величественною фигурою, такъ въ особенности необыкновеннымъ благочестіемъ и молитвенною экзальтаціею. Раннимъ утромъ, прежде чѣмъ голосъ муэззиновъ раздавался съ минаретовъ мечетей, его уже можно было видѣть на площади. Колѣнопреклоненный на разостланномъ плащѣ, незнакомецъ простиралъ руки въ сторону священной Мекки и громко взывалъ къ Аллаху о пощадѣ заблудшихъ грѣшниковъ, забывшихъ ученіе пророка. Толпы народа сходились смотрѣть на богомольца. Разъ проѣзжавшій мимо шейхъ также остановилъ коня и обратился къ чужестранцу съ вопросомъ:

— Кто ты, что такъ горячо молишься о прощеніи грѣшниковъ?

„Я посланникъ Магомета, отвѣчалъ незнакомецъ. — Пророкъ видитъ, что правовѣрные отступили отъ закона, даннаго имъ въ святой книгѣ. Онъ послалъ меня возвѣстить сынамъ ислама, что ихъ ждутъ страшныя кары, если они не покаятся и не возвратятся на путь истины“.

Такія рѣчи на Востокѣ не рѣдкость: странствующіе муллы, хаджи и дервиши сплошь и рядомъ выкликаютъ на площадяхъ и въ мечетяхъ объ ослабленіи благочестія и возвѣщаютъ гнѣвъ Аллаха; на нихъ обращаютъ тамъ ровно столько же вниманія, сколько у насъ на юродивыхъ и блаженныхъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда авторитетъ самозванныхъ проповѣдниковъ становится опаснымъ для духовенства, имъ рубятъ головы и сажаютъ на колъ.

Новоявленный пророкъ хорошо зналъ почву, на которой дѣйствовалъ; онъ ловко перемѣшивалъ догматическое ученіе съ предписаніями практическо-житейскаго характера въ духѣ поклади-стой мусульманской морали. Онъ зналъ также, какія опасности ждутъ на первыхъ шагахъ пророковъ-реформаторовъ ислама въ томъ случаѣ, когда проповѣдь не поддержана дѣйствительною физическою силою. На вопросы, откуда онъ и кто, онъ гордо отвѣчалъ:

„Никто не знаетъ, кто я, и никто этого не узнаетъ. Тайна останется тайною, и враги будутъ посрамлены. Но для славы

Божіей я буду являться въ міръ всякій разъ, когда нечестіе станетъ опаснымъ правовѣрію. Кто за мною пойдетъ, тотъ будетъ спасенъ; а кто не пойдетъ за мною, противъ того я обращу оружіе, которое пошлетъ мнѣ пророкъ. Имъ я накажу нечестивыхъ и обращу невѣрныхъ".

Несмотря на краснорѣчіе проповѣдника, успѣхъ новаго ученія на первыхъ порахъ нельзя было назвать блестящимъ. Послѣдователей у него оказалось всего 96 человѣкъ. Но пророкъ не падалъ духомъ. Раздѣливши ихъ на четыре отряда, онъ двинулся съ этою арміею изъ Амадіи завоевывать мусульманскій міръ. „Въ наши дни такое войско несомнѣнно ночевало бы въ кутузкѣ", но сто лѣтъ тому назадъ, и притомъ въ Курдистанѣ, дѣло разыгралось совсѣмъ иначе.

Источники, которыми пользовался профессоръ Оттино, представляютъ подвиги Шейхъ-Мансура, въ противорѣчіе русскимъ оффиціальнымъ даннымъ, въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, которыхъ они въ дѣйствительности едва ли могли достигать. Въ случаѣ признанія туринскихъ документовъ неоспоримо подлинными, остается весьма правдоподобное предположеніе, что Шейхъ-Мансуръ имѣлъ свои виды и въ дневникѣ, и въ письмахъ преувеличивать значеніе своихъ походовъ. Но такъ или иначе, но походы эти представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ первомъ же по пути селеніи пророкъ собралъ жителей, объявилъ имъ о своемъ божественномъ посланничествѣ и изложилъ передъ ними догматы новаго ученія. Признавшіе пророка немедленно зачислены въ ряды войска; оказавшіеся невѣрующими и упорствующими поголовно вырѣзаны. Тѣмъ же упрощеннымъ способомъ просвѣщены свѣтомъ новаго ученія жители нѣсколькихъ селеній и городовъ Курдистана. Способъ оказался настолько убѣдительнымъ, что къ укрѣпленному городку Битлису пророкъ подступилъ уже во главѣ арміи въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Городъ имѣлъ 20 тысячъ жителей и вздумалъ защищаться, но былъ взятъ приступомъ. Турецкій гарнизонъ истребленъ, а самый городъ отданъ на разграбленіе.

Слава пророка и разсказы о томъ, какъ онъ управляется съ закоснѣлыми грѣшниками, пронеслись по всему Курдистану и

нагнали такой ужасъ на жителей, что города стали сдаваться уже безъ сопротивленія. Одинъ Ахалцыхъ, понадѣявшійся на свой пяти-тысячный гарнизонъ и сильную артиллерію, встрѣтилъ его оружіемъ. Но городъ будто бы взятъ былъ штурмомъ, и на дымящихся развалинахъ его фанатизированныя толпы провозгласили пророка *Мансуромъ*, т. е. побѣдоноснымъ.

Полчища завоевателя возростали; къ нимъ примкнули шайки изъ горъ и ущелій Кавказа. Мансуръ съ 40-тысячною толпою двинулся къ Арзеруму и занялъ его безъ боя. Далѣе источники приписываютъ Шейхъ-Мансуру взятіе Карса, пораженіе на берегахъ Куры грузинской арміи и русскаго отряда и даже взятіе Тифлиса.

Послѣ этихъ громкихъ побѣдъ, неоправдываемыхъ, правда, русскими источниками, обѣщанный Потемкину походъ на Константинополь могъ уже быть совсѣмъ не фантастическимъ предпріятіемъ, — Турціи могла грозить серьезная опасность. И Мансуръ писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу: «Если угодно Богу, я увижу паденіе Константинополя, а за нимъ и паденіе папскаго Рима, такъ какъ папа римскій, константинопольскій муфтій и шерифъ Мекки одинаковые невѣжды и обманщики, слѣпые вожди слѣпцовъ. Придетъ время и погибнутъ всѣ Вавилоны». Замѣчательно, что эти же слова введены были и въ самый тезисъ его мусульманскаго ученія.

Какія соображенія побудили Мансура оставить въ покоѣ турокъ и перенести свою завоевательную дѣятельность къ границамъ Россіи — неизвѣстно. Съ большимъ правдоподобіемъ можно предположить однако, что рѣшеніе это было вызвано сообщеніями его друзей о томъ, что Россія, Австрія, Франція и Англія не станутъ выжидать завоеванія имъ Константинополя, а распорядятся и съ нимъ самимъ. Горы Кавказа между тѣмъ представляли собою менѣе блистательное, но за то болѣе правдоподобное царство, и во всякомъ случаѣ надежное убѣжище. Но тутъ онъ сталкивался съ интересами Россіи.

Русскіе источники иначе передаютъ и происхожденіе Шейхъ-Мансура, и его военную карьеру. Тутъ мы встрѣчаемся однако тоже съ двумя извѣстіями. Достаточно извѣстный русскій му-

сульманскій ученый Казем-бекъ говоритъ, что Шейхъ-Мансуръ былъ родомъ изъ оренбургскихъ татаръ и получилъ духовное образованіе въ одномъ изъ важнѣйшихъ центровъ мусульманской религіозной учености, въ Бухарѣ, откуда онъ и занесъ на Кавказъ зачатки новаго ученія. Собственно же русскія военныя донесенія, основанныя вѣроятно на показаніяхъ чеченцевъ, называютъ Шейхъ-Мансура уроженцемъ чеченскаго селенія Алды, гдѣ онъ имѣлъ будто бы братьевъ. Изучивъ коранъ подъ руководствомъ одного изъ ученѣйшихъ муллъ въ Дагестанѣ, онъ возвратился на родину, гдѣ нищета и бѣдность заставили его приняться за пастьбу скота у своихъ односельцевъ. По чеченской легендѣ, онъ здѣсь рѣшился воспользоваться легковѣріемъ правовѣрныхъ. Однажды жители селенія Алды узнали, что Мансуръ видѣлъ сонъ, несомнѣнно доказывающій, что онъ пророкъ и избранникъ Божій.

„Во снѣ, говорилъ Мансуръ своимъ братьямъ: — я видѣлъ, что ко мнѣ явились два таинственные всадника и именемъ Бога велѣли идти проповѣдывать народу истины ислама. Я думалъ уклониться отъ этого, ссылаясь на свое убожество, но одинъ изъ всадниковъ сказалъ мнѣ: „Иди! Аллахъ будетъ вѣщать твоими устами, и народъ повѣритъ всему, что ты ему скажешь“.

Молва объ этомъ чудѣ быстро разнеслась по аулу и взволновала народъ. А между тѣмъ Мансуръ, запершись въ своемъ домѣ, три дня провелъ въ постѣ и молитвѣ. Только по истеченіи этого срока онъ вышелъ на крышу своей сакли и тихимъ голосомъ сталъ созывать къ себѣ односельцевъ. Когда собрался народъ, Мансуръ сталъ проповѣдывать. Онъ говорилъ объ истинахъ ислама, о томъ, что истины эти забыты и попраны чеченскимъ народомъ, указывалъ на близость кончины міра, на приближающееся царствованіе Иссы...

Его одушевленіе и страстная рѣчь, льстившая народнымъ инстинктамъ, поразили пылкихъ слушателей и сразу привлекли къ нему толпу послѣдователей. Народъ увидѣлъ въ бѣдномъ пастухѣ дѣйствительнаго избранника, ниспосланнаго Богомъ, и слѣпо повѣрилъ новому ученію. Алдинцы первые рѣшились бросить взаимныя распри, перестали курить табакъ, пить бузу и

составили вокругъ Мансура почетную стражу, которая находилась при немъ безотлучно.

Появленіе пророка скоро стало извѣстнымъ и въ сосѣднихъ аулахъ. Со всѣхъ сторонъ начали сходиться чеченцы, чтобы посмотрѣть на него. Но онъ показывался рѣдко, и то не иначе, какъ подъ густымъ покрываломъ. Неудовлетворенное любопытство заставило сильнѣе работать воображеніе, и скоро о Мансурѣ стали расказывать необычайныя вещи, о которыхъ и самъ онъ никогда не думалъ. Слава его росла далеко за предѣлы Чечни: о немъ говорили уже на Кумыкской равнинѣ, въ горахъ и въ отдаленнѣйшихъ нѣдрахъ Дагестана.

Мансуръ искусно воспользовался настроеніемъ умовъ и, заручившись значительнымъ числомъ прозелитовъ, сталъ проповѣдывать уже „газаватъ"—священную войну противъ невѣрныхъ. Съ этихъ поръ его проповѣдь, теряя мало-по-малу религіозный характеръ, обращается въ политическое ученіе, сдѣлавшееся весьма опаснымъ для русскаго вліянія на Кавказѣ.

Такъ изображаютъ судьбу Шейхъ-Мансура русскіе источники. Правы ли они, или Шейхъ-Мансуръ—итальянскій или другой какой-нибудь искатель приключеній, сказать навѣрное невозможно. Можно однакоже предполагать, что каждый народъ и каждый аулъ Чечни и Дагестана не прочь былъ назвать себя родиной „великаго пророка". Одна изъ подобныхъ легендъ могла дойти, въ ущербъ истинѣ, до русскихъ властей и закрыть отъ нихъ собою дальнѣйшія, внѣкавказскія похожденія Шейхъ-Мансура.

Русскія власти естественно могли смотрѣть на Шейхъ-Мансура преимущественно съ точки зрѣнія вліянія его на русскіе предѣлы. И въ этомъ отношеніи всѣ извѣстія, сохранившіяся въ донесеніяхъ войсковыхъ начальниковъ, носятъ характеръ несомнѣнной исторической истины. И вся военная дѣятельность Шейхъ-Мансура на Кавказѣ должна быть описываема и оцѣниваема только по русскимъ источникамъ. А эти источники говорятъ о цѣломъ рядѣ тревогъ и битвъ, вызванныхъ ученіемъ и дѣятельностію Шейхъ-Мансура. Однимъ изъ страстныхъ и настойчивыхъ стремленій Шейхъ-Мансура было—соединить въ одно всѣ горскіе народы. На то, чтобы помѣшать этому, и были направлены всѣ усилія рус-

скаго оружія. Сознавая необходимость подавить зло въ самомъ его зародышѣ, Потемкинъ приказалъ извѣстному своею энергіею командиру Астраханскаго пѣхотнаго полка, полковнику Пьери, быстрымъ движеніемъ въ Алды захватить бывшаго тогда въ этомъ аулѣ Мансура. Къ сожалѣнію, первая попытка въ этомъ направленіи была весьма неудачна.

Присоединивъ къ Астраханскому полку батальонъ кабардинцевъ, двѣ роты томцевъ, сотню терскихъ казаковъ и два орудія, Пьери прибылъ съ этими силами на Сунжу и, оставивъ здѣсь всѣ тяжести, налегкѣ двинулся далѣе, къ Алдамъ, до которыхъ, какъ ему говорили, оставалось только около 5 верстъ. Пройдя дремучими лѣсами, со стороны Калиновской станицы, Пьери напалъ на аулъ врасплохъ; но Мансуръ при первыхъ выстрѣлахъ успѣлъ бѣжать изъ селенія. Такимъ образомъ главная цѣль экспедиціи не была достигнута, и только богатые Алды были преданы пламени. Полагая, что разрушеніемъ Алдовъ непріятель достаточно наказанъ, Пьери началъ отступать обратно за Сунжу; но это отступленіе и было причиною гибели отряда. Какъ только войска втянулись въ лѣсъ, лежавшій между Алдами и Сунжей, чеченцы напали на отрядъ и почти весь его уничтожили. Самъ Пьери былъ убитъ, а командиръ кабардинскаго батальона, маіоръ Комарскій, смертельно раненъ. Съ потерею начальниковъ люди разстроились, дрогнули и побѣжали. Чеченцы преслѣдовали ихъ съ необычайною яростью,—рѣзали, брали въ плѣнъ и топили въ Сунжѣ. При этомъ несчастномъ отступленіи отрядъ потерялъ оба орудія (впослѣдствіи выкупленныя у чеченцевъ за сто серебряныхъ рублей), 8 офицеровъ и болѣе шестисотъ нижнихъ чиновъ, не считая раненыхъ. Не лишнее прибавить, что въ числѣ немногихъ уцѣлѣвшихъ былъ унтеръ-офицеръ князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, бывшій въ тотъ кровавый день ординарцемъ при Пьери.

На другой день послѣ пораженія отряда Пьери, на Сунжу прибылъ бригадиръ Апраксинъ съ значительными силами. Наткнувшись случайно на чеченцевъ, онъ преслѣдовалъ ихъ до Алхановой деревни, сжегъ ее и, возвратившись въ Кабарду, написалъ напыщенное донесеніе о подвигахъ своего отряда. Потемкинъ остался всѣмъ этимъ весьма недоволенъ. „Если это были жители только

одной алхановской деревни", писалъ онъ къ Апраксину: „то о преимуществѣ, одержанномъ надъ ними столь знатными силами, какъ ваши, можно бы было сказать покороче, а что касается трофеевъ, то снятый съ мертваго патронташъ, нѣчто похожее на барабанъ и таковое же знамя могли бы быть и вовсе обойдены молчаніемъ".

Несчастное пораженіе Пьери, первое въ ряду немногихъ, выпавшихъ на долю русскихъ войскъ на Кавказѣ, имѣло для края тяжелыя послѣдствія. Вѣсть о печальной участи русскаго отряда мигомъ разнеслась по горамъ, и отъ всѣхъ кавказскихъ племенъ подъ знамя пророка устремились новыя толпы приверженцевъ. Мансуръ между тѣмъ торжественно объявилъ, что въ скоромъ времени пойдетъ на Кизляръ. Въ іюлѣ онъ дѣйствительно атаковалъ Каргинскій редутъ, находившійся верстахъ въ пяти отъ Кизляра. Небольшой гарнизонъ оказалъ ему однако такое отчаянное сопротивленіе, что чеченцы, несмотря на свое огромное численное превосходство, не могли овладѣть укрѣпленіемъ и только зажгли прилегавшія къ нему деревянныя строенія. Распространившійся пожаръ быстро достигъ до порохового погреба, и укрѣпленіе взлетѣло на воздухъ, похоронивъ подъ своими развалинами геройскихъ защитниковъ. Шейхъ-Мансуръ торжествовалъ эту новую побѣду и отправился къ Кизляру.

Разсказываютъ, что два казака, бывшіе на охотѣ, случайно натнулись на горцевъ, двигавшихся къ переправѣ, и извѣстили крѣпость. А горцы между тѣмъ, какъ говорятъ, измѣною были заведены въ топкое болото съ трясинными окнами и попали въ очень опасное положеніе. Насталъ безпорядокъ, шумъ и вопли увеличивались съ каждою минутою; наѣздники тѣснили другъ друга и, стараясь выбраться, тонули въ бездонной трясинѣ. Лошади, предчувствуя гибель, фыркали, бились и сбрасывали всадниковъ. Къ довершенію ужаса, справа загудѣли выстрѣлы. Терскіе казаки поспѣли во-время и, мало-по-малу обходя болота, поставили хищниковъ подъ перекрестный огонь. Немногіе изъ послѣднихъ, растерявъ коней, прорубились на свободу и вплавь перебрались за Терекъ. Самъ Шейхъ-Мансуръ едва не утонулъ въ болотахъ. Мрачный и угрюмый, окруженный толпою безмолв-

ныхъ горцевъ, переправился онъ за Терекъ и пустился вслѣдъ за своею шайкою.

Вѣсть о гибели наѣздниковъ въ кизлярскихъ болотахъ скоро разнеслась по цѣлой Чечнѣ; но Шейхъ-Мансуръ не думалъ отказываться отъ своего намѣренія, онъ только рѣшилъ сначала усилить свои скопища кабардинцами, давно уже искавшими случая пристать къ чеченскимъ хищникамъ.

Съ появленіемъ Шейхъ-Мансура въ Кабардѣ, народъ, а за нимъ и князья почти поголовно стали переходить подъ его знамя. Скоро силы Шейхъ-Мансура возросли до весьма значительной цифры, и онъ рѣшился напасть на Григоріополисъ *), гдѣ стоялъ батальонъ пѣхоты подъ командой храбраго подполковника Вреде. 29 іюля многочисленные полки непріятеля со всѣхъ сторонъ обложили укрѣпленіе и открыли по немъ сильный ружейный огонь, на который осажденные почти не могли отвѣчать, такъ какъ горцы искусно пользовались для своего укрытія оврагами и каменьями. Обстоятельство это заставило Вреде придумать весьма остроумный способъ для пораженія чеченцевъ. Разсказываютъ, что онъ, желая выманить ихъ на болѣе открытое мѣсто, сталъ выпускать изъ крѣпости скотъ, и въ ту минуту, какъ жадные чеченцы кидались за этой добычей, онъ билъ ихъ картечью. Такой маневръ удавался довольно долгое время, и тридцать головъ скота, выпущеннаго изъ крѣпости въ разное время, дорого стоили чеченцамъ.

Между тѣмъ перестрѣлка длилась до наступленія сумерекъ. Вечеромъ непріятель зажегъ деревянныя постройки, принадлежавшія какому-то полку, и подъ прикрытіемъ густого дыма сталъ подходить все ближе и ближе къ крѣпости. Число непріятельскихъ стрѣлковъ также увеличилось. Вреде понялъ опасное положеніе своего гарнизона и рѣшился поправить дѣло отчаянною вылазкою. Восемьдесятъ человѣкъ охотниковъ и сто казаковъ, подъ прикрытіемъ огня крѣпостныхъ орудій, съ разныхъ сторонъ выскочили изъ укрѣпленія и съ крикомъ бросились на непріятеля. Нападеніе было такъ неожиданно, что чеченцы въ страхѣ броси-

*) Въ 1784 году, для обезопасенія сообщеній съ Грузіей, между Моздокомъ и Владикавказомъ заложены были три редута: Григоріопольскій, Потемкинскій и Камбилейскій.

лись бѣжать, и къ утру въ окрестностяхъ Григоріополиса не было видно ни одного непріятельскаго всадника.

Пораженіе Мансура дурно повліяло на умы правовѣрныхъ горцевъ, и они начали даже сомнѣваться въ неподложности своего пророка. Видя это и чтобы поправить дѣло, Мансуръ поспѣшилъ въ Чечню, объявляя всѣмъ, что идетъ на Кизляръ, который должна постигнуть участь Каргинскаго редута. Обѣщаніе было заманчиво. Богатый городъ съ его хуторами и армянскими лавками, полными товаровъ, представлялъ собой привлекательную цѣль для набѣга, и горцы на этотъ разъ легко поддались вліянію пророка.

Несмотря на то, что въ Кизляръ собрано было до трехъ тысячъ войска, вѣсть о намѣреніи горцевъ всполошила всѣхъ жителей. Въ ихъ памяти свѣжи были недавніе погромы Кистинъ, а тутъ еще новые разсказы о пораженіи Пьери, о гибели Каргинскаго редута, о странно-таинственной личности Богъ вѣсть откуда явившагося чеченскаго пророка... Очевидно Шейхъ-Мансуръ поразилъ воображеніе не однихъ горцевъ, а и русскихъ.

Кизлярцы были въ унынiи. Одинъ изъ очевидцевъ той эпохи говоритъ, что картина была дѣйствительно печальнаго свойства: испуганныя дѣти кричали, женщины плакали и, теряя голову, не знали за что приняться; сѣдые старики сумрачно глядѣли на семьи и торопливо прятали и убирали пожитки. Многіе бѣжали въ астраханскія степи. Казаки, съ вечера отправленные за Терекъ, заклинали другъ друга стоять за родныя станицы и „падать спиною“ въ Терекъ, если не одолѣютъ „пастуха-волка“, какъ они называли Мансура.

Ночь прошла однакоже благополучно. Подъ утро, когда, послѣ всей этой тревоги, жители стали уже забываться сномъ, вдругъ тучи пыли поднялись за Терекомъ, и въ крѣпости раздалось роковое „идутъ“. Крѣпость вздрогнула, какъ отъ удара грома.

Чтобъ ободрить народъ, русскіе и армянскіе священники ходили по улицамъ города, пѣли молебны и кропили христіанъ святою водою. Суета, шумъ и тревога были повсюду, и лишь русскіе солдаты молча стояли въ своихъ рядахъ.

Былъ уже полдень, когда чеченцы стали переходить черезъ

Терекъ, верстахъ въ пятнадцати ниже Кизляра. По донесенію гребенскихъ казаковъ, стоявшихъ на пикетахъ, ихъ было не менѣе 10—12 тысячъ. Отсюда вся масса ихъ двинулась къ Кизляру. Но какъ только она добралась до садовъ, окружающихъ городъ, гдѣ были хутора, то, не внимая больше голосу своего предводителя, бросилась грабить. Весь день непріятель опустошалъ сады, и только подъ вечеръ 20 августа пошелъ наконецъ на штурмъ крѣпостной ограды, возведенной вокругъ форштадта. Пять разъ толпы его бросались на приступъ и всякій разъ были отбрасываемы съ огромнымъ для нихъ урономъ. Гребенскіе казаки съ атаманомъ Сехинымъ и Терское войско съ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ, оборонявшіе валъ, покрыли себя въ этотъ день блистательною славою.

Значительныя потери заставили Мансура отказаться отъ намѣренія овладѣть Кизляромъ открытою силою. За то, на слѣдующій день, онъ вдругъ обрушился на Томскій пѣхотный полкъ стоявшій лагеремъ внѣ укрѣпленія, и это была послѣдняя попытка непріятеля. Съ отступленіемъ томцевъ въ редутъ, горцы встрѣчены были сильнымъ перекрестнымъ огнемъ со всѣхъ батарей и въ безпорядкѣ отступили за Терекъ.

Новая неудача подъ Кизляромъ сильно подѣйствовала на сообщниковъ Мансура, увидѣвшихъ, что предсказанія пророка не сбываются, а напротивъ, послѣдователи его терпятъ только одни пораженія. Чеченцы первые отъ него отложились, Шейхъ-Мансуръ скрылся въ Кумыкскія селенія и сталъ собирать подъ свои знамена толпы бездомовниковъ, искателей приключеній, вообще людей сомнительнаго поведенія. Между тѣмъ возстаніе въ Кабардѣ, не угасавшее со времени Григоріопольской осады, принимало все большіе и большіе размѣры,—кабардинцы звали Мансура къ себѣ и дѣлали большія приготовленія къ торжественной встрѣчѣ пророка. Они предполагали идти съ Мансуромъ на лѣвый берегъ Малки, для опустошенія линіи и даже Астрахани. Нетерпѣливѣйшіе изъ его сторонниковъ устремились въ началѣ октября на Наурь и на Моздокъ, но были отражены.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Потемкинъ отправилъ противъ Мансура командира Кабардинскаго пѣхотнаго полка,

полковника Нагеля *), съ отрядомъ изъ 4 батальоновъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ астраханскихъ драгунъ, моздокскаго казачьяго полка и трехъ сотенъ казаковъ: донскихъ, терскихъ и гребенскихъ. Нагелю категорически приказано было или разбить Мансура или, по крайней мѣрѣ, помѣшать соединенію его съ кабардинцами.

Противники встрѣтились 30 октября невдалекѣ отъ Моздока. Обѣ стороны сражались съ одинаковою храбростію, и послѣ пяти-часоваго отчаяннаго рукопашнаго боя удержали каждый свои позиціи. 2 ноября бой возобновился у Татартуба. Это былъ въ то время одинъ изъ наиболѣе значительныхъ кабардинскихъ ауловъ, слѣды котораго теперь замѣтны только по одному высокому минарету, донынѣ красующемуся еще въ окрестностяхъ Змѣйской станицы на старой военно-грузинской дорогѣ. Говорятъ, что встарину на этомъ мѣстѣ былъ значительный городъ, и если только это тотъ самый Татартубъ, близъ котораго Тамерланъ разбилъ Тохтамыша въ 1395 году, то минаретъ и аулъ — древнѣйшіе памятники и можетъ быть, нѣмые свидѣтели важнѣйшаго для Россіи историческаго событія. У этихъ развалинъ, 2 ноября 1785 года, произошелъ роковой для Мансура татартубскій бой. Огромное 20-тысячное скопище горцевъ на зарѣ со всѣхъ сторонъ облегло отрядъ полковника Нагеля. Съ фронта наступали чеченцы, слѣва тавлинцы, а справа шла кабардинская конница подъ предводительствомъ извѣстнаго тогда наѣздника Дола. Въ то же самое время кумыки, среди которыхъ развѣвалось большое священное знамя пророка, какъ туча шли въ тылъ, угрожая отрѣзать отряду отступленіе. Яростный бой загорѣлся разомъ въ нѣсколькихъ пунктахъ. Выдержавъ отчаянную атаку тавлинцевъ, сражавшихся пѣшкомъ, отряду легко уже было управиться съ чеченцами и кабардинцами. Кумыки вступили въ дѣло позднѣе другихъ, но, двигаясь подъ прикрытіемъ особыхъ подвижныхъ щитовъ **), представляли собою грозную стѣну, противъ которой

*) Нагель назначенъ былъ командиромъ Кабардинскаго полка изъ драгунъ на мѣсто полковника Ладыжинскаго, который съ производствомъ въ бригадиры былъ посланъ комендантомъ въ Оренбургъ.

**) Сколоченные изъ двухъ рядовъ бревенъ съ насыпанною между ними землею, щиты эти имѣли по два колеса и катились довольно легко и свободно, служа отличнымъ прикрытіемъ отъ огня артиллеріи.

было безсильно даже дѣйствіе артиллеріи. Тогда храбрый Нагель встрѣтилъ наступавшихъ штыками и, отнявъ щиты, обратилъ непріятеля въ бѣгство. Самъ Шейхъ-Мансуръ однимъ изъ первыхъ оставилъ поле сраженія. Торопясь уйдти отъ преслѣдованія, непріятель оставилъ въ горныхъ ущеліяхъ все свое имущество, которое и было захвачено войсками. Трофеевъ также было взято немало; но Потемкинъ распорядился съ ними по своему. «Знамена ихъ, доносилъ онъ князю Таврическому:—не нашелъ я достойнымъ поднести вашей свѣтлости, а обругавъ ихъ при собраніи тѣхъ кабардинскихъ владѣльцевъ, кои у меня находились въ стану, черезъ профоса сжечь приказалъ».

Такимъ образомъ татартубскій бой является блистательной отместкою чеченцамъ за истребленіе отряда Пьери, и имя полковника Нагеля, тѣсно связанное со славнымъ дѣломъ пораженія Шейхъ-Мансура, принадлежитъ исторіи Кабардинскаго полка, какъ имя начальника, въ школѣ котораго полкъ началъ свои первые боевые уроки въ кавказской войнѣ *).

Деморализація въ разбитыхъ шайкахъ пророка послѣ этого боя была до того велика, что горцы возстали другъ противъ друга. Лезгины рѣзали чеченцевъ, чеченцы хватали лезгинъ и, какъ рабовъ, продавали въ Турцію. Шейхъ-Мансуръ ушелъ за Кубань и тамъ искалъ покровительства турецкихъ пашей, занимавшихъ приморскія крѣпости. Здѣсь ему удалось распространить свое вліяніе на Закубанскихъ черкесовъ. Закубанскіе горцы увлечены были въ общій потокъ возстаній и на горячую рѣчь проповѣдника отвѣчали грознымъ набѣгомъ на Моздокскую линію, весною 1786 года. Сильная партія ихъ прорвалась тогда до самаго Александровскаго города, сожгла село Новосильцово, увела въ плѣнъ до 200 жителей и угнала до 9 тысячъ головъ скота. Вторичная попытка была отражена полковникомъ Муфелемъ, но когда настали темныя осеннія ночи, черкесы перешли Кубань, сорвали постъ Безопасный, встревожили Донскую крѣпость и даже появились на пути къ Черкаску. Двухъ-тысячная партія ихъ съ

*) Кабардинскій полкъ прибылъ на кавказскую линію подъ командой полковника Ладыжинскаго въ 1776 г. и сталъ въ Георгіевскѣ, который самъ и построилъ.

турецкою пушкою бросилась ночью 2 ноября на Болдыревскій редутъ на рѣкѣ Еи, гдѣ стояли три донскіе казачьи полка подъ командою полковниковъ Бузина, Денисова и Грекова. Что произошло тутъ, неизвѣстно; оффиціальные документы говорятъ только, что казаки были тогда разбиты на голову, полковникъ Грековъ и съ нимъ 150 донцовъ взяты въ плѣнъ и впослѣдствіи перерѣзаны *). Къ счастію, дерзкіе набѣги закубанскихъ горцевъ на Сѣверную крѣпость и на отрядъ подполковника Финка, стоявшаго у Темишъ-бека, были отражены съ большимъ для нихъ урономъ.

Между тѣмъ вскорѣ началась вторая турецкая война, и смуты, вносимыя въ Закубанье Шейхъ-Мансуромъ, были особенно неудобны. Желая покончить съ нимъ во что бы то ни стало, Потемкинъ осенью 1787 года двинулъ къ вершинамъ Зеленчука и Урупа три сильные отряда подъ командой полковника Ребиндера и генералъ-маіоровъ Ратіева и Елагина. Елагинъ отдѣлилъ отъ себя два летучіе отряда, поручивъ ихъ извѣстнымъ своею отвагою полковникамъ Булгакову и Депрерадовичу, а они, перейдя за Кубань, сражались въ теченіе нѣсколькихъ дней и положили на мѣстѣ больше 2000 черкесовъ, сожгли много ауловъ, отбили громадное количество скота, потерявши сами 3 офицеровъ и до 150 нижнихъ чиновъ. Пока Елагинъ громилъ черкесскія скопища, Ребиндеръ первый встрѣтился съ Мансуромъ, стоявшимъ между Лабою и Урупомъ. 600 арбъ, уставленныхъ вокругъ, вагенбургомъ, представляли собою достаточно крѣпкую ограду противъ открытаго штурма. Ребиндеръ, услышавъ притомъ, какъ горцы запѣли предсмертную молитву, заключилъ изъ

*) Быть можетъ, къ этому событію относится слѣдующая поэтическая пѣсня:

На линіи было на линеюшкѣ,
На славной было на сторонушкѣ,
Тамъ построилась новая редуточка;
Въ той редуточкѣ стояла командушка,
Что Донская команда казацкая;
А ужь во командушкѣ приказнымъ былъ Агурѣевъ сынъ.
За недѣдюшку у Агурѣева сердечушко не чуяло,
За другую стало сказывать,
Какъ за третью за недѣлюшку вѣщевать стало,
Наѣхали гости незваные не прошеные,

этого о твердой рѣшимости ихъ защищаться до послѣдней крайности. Не желая напрасно тратить людей, онъ выдвинулъ впередъ артиллерію. Ядра, картечь и гранаты быстро разметали оплотъ, и черкесы бѣжали сами, оставивъ свой вагенбургъ и въ немъ 400 труповъ.

Ребиндеръ остановился на ночь около Чильхова-коша, и здѣсь, на разсвѣтѣ 21 сентября, внезапно былъ атакованъ всѣми силами Мансура. Завязалось жаркое дѣло. Ростовскій конно-карабинерный полкъ, ударившій на закубанцевъ, былъ ими смятъ и опрокинутъ, астраханскіе драгуны подоспѣли на выручку и въ свою очередь сбили закубанцевъ. Когда на пушечные выстрѣлы подошелъ сюда генералъ-маіоръ Ратіевъ, дѣло уже было окончено, и Шейхъ-Мансуръ, отступивъ, остановился въ десяти верстахъ отъ поля сраженія.

На другой день бой возобновился. Но какъ ни храбро дрались черкесы съ Мансуромъ во главѣ, Ратіевъ разсѣялъ ихъ скопища и предалъ пламени всѣ окрестныя селенія, въ одномъ изъ которыхъ сгорѣлъ между прочимъ и домъ самого лже-пророка. Наша потеря не превышала 50 человѣкъ, но въ этомъ числѣ русскіе лишились походнаго казачьяго атамана Янова, раненаго двумя стрѣлами въ голову.

Та же неудача преслѣдовала Мансура и въ слѣдующемъ году, когда генералъ Текелли разбилъ его на рѣкѣ Убыни. Здѣсь подъ Мансуромъ была убита лошадь, и онъ пѣшкомъ едва успѣлъ спастись отъ неминуемой гибели или плѣна.

Покинутый горцами, Мансуръ опять нашелъ себѣ убѣжище въ Анапѣ. Но крѣпость эта въ 1791 году, послѣ кровопролитнѣйшаго штурма, была взята генераломъ Гудовичемъ. Защит-

---

Стали бить и палить во редутушку,
И повыбили всю командушку казацкую;
Агурѣевъ сынъ ходитъ похаживаетъ,
Свои бѣлыя руки поламываетъ:
Буйной головушкой покачиваетъ:
Вы сами, ребятушки, хуже сдѣлали,
Не поставили караула, сами спать легли.
Не бывать вамъ, ребятушки, на тихомъ Дону,
Не видать вамъ, ребятушки, своихъ женъ, дѣтей,
Не слыхать вамъ, казачушки, звону колокольнаго...

ники Анапы были истреблены почти поголовно, но въ числѣ немногихъ плѣнныхъ находился и Шейхъ-Мансуръ, бывшій, какъ говорятъ, душою всей обороны. Въ послѣднія минуты боя онъ заперся въ землянкѣ вмѣстѣ съ шестнадцатью своими приверженцами; но землянка была окружена войсками и скоро взята. Плѣненный Мансуръ отправленъ былъ въ Петербургъ. Императрица пожелала видѣть плѣнника, и его привезли въ Царское Село, гдѣ тогда находился дворъ. Тамъ, какъ разсказываютъ, его приказали водить около дворцовой колоннады взадъ и впередъ подъ окнами, изъ которыхъ на него смотрѣла Екатерина.

Мансуръ сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь. Одни говорятъ, что Мансуръ умеръ тамъ въ заточеніи, другіе указываютъ, что на сѣверовосточной сторонѣ Соловецкаго острова и теперь еще есть слѣды небольшого, окруженнаго садомъ домика, въ которомъ, по словамъ старожиловъ, жилъ какой-то плѣнный чужеземецъ, и что этотъ чужеземецъ и былъ Шейхъ-Мансуръ. Домикъ этотъ теперь обвалился и время уничтожаетъ его послѣдніе остатки. Послѣднее письмо Мансура, приведенное профессоромъ Оттино, дѣйствительно помѣчено: „Соловецкъ, 15 сентября 1798 года“ и подписано именемъ „Джіовани Батисты Боэтти, проповѣдника“. Въ письмѣ этомъ онъ проситъ прощенія у своего престарѣлаго отца.

Мансуръ умеръ. Но дѣло его и его мысль не остались безъ результата, и „мюридизмъ“, правда, спустя уже много лѣтъ послѣ него, все-таки поднялъ голову. Онъ получилъ широкое развитіе, когда во главѣ движенія сталъ Кази-Мулла, а за нимъ послѣдовательно явились: Гамзатъ-Бекъ и Шамиль—эти послѣдніе представители фанатической секты, стоившей Россіи тридцатилѣтней борьбы и потоковъ крови.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ.

В. Лотто.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легли для защиты знамени и долга.

(Изъ привѣтственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа).

Книга эта рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Внесена въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ 1-й

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ЕРМОЛОВА.

ВЫПУСКЪ II.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Изданіе книжнаго склада В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
С.-Петербургъ, Колокольная, собств. д., № 14.
1887.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 3 іюля 1886 г.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ II-го ВЫПУСКА.

		СТРАН.
XIII.	Закаспійская экспедиція (графъ Войновичъ)	153
XIV.	Генералъ-Аншефъ Текелли	159
XV.	Бѣдственный походъ Бибикова на Анапу	167
XVI.	Нашествіе Баталъ-паши (генералъ Германъ)	179
XVII.	Графъ Гудовичъ (паденіе Анапы)	193
	За Кавказомъ	205
XVIII.	Грузія въ ея историческомъ прошломъ	207
XIX.	Эпоха персидскаго владычества въ Грузіи (Шахъ-Аббасъ	231
XX.	Занятіе Тифлиса русскими въ 1783 г.	257
XXI.	Послѣднія бѣдствія Грузіи (Ага Магометъ-ханъ)	269
XXII.	Персидскій походъ Зубова	285
XXIII.	Присоединеніе Грузіи (Кнорринг и Лазаревъ)	297

Виньетки и заставки рисовалъ К. А. Газенкампфъ, гравировалъ Н. Г. Денисовскій.

XIII.

Закаспійская экспедиція.

(Графъ Войновичъ).

Въ то время какъ при генералахъ Якоби и Суворовѣ, а потомъ при Потемкинѣ, устраивалась на Кавказѣ по Тереку и по Кубани крѣпкая граница русской земли, развивались и укрѣплялись казачьи поселенія, еще разъ сдѣлана была попытка проникнуть въ даль среднеазіятскихъ степей, съ цѣлію развитія тамъ русской торговли, а если возможно и проникновенія въ Индію. Хотя эта попытка, напомнившая петровскую политику и походъ Бековича-Черкасскаго, имѣла далеко не столь обширныя цѣли, была кратковременна и окончилась опять неудачею, тѣмъ не менѣе она замѣчательна именно какъ выраженіе видовъ и намѣреній русскаго правительства, не оставленныхъ послѣ Петра. Восточное побережье Каспія, безплодное и пустынное, представляющее собою обширную степь, по которой кочуютъ киргизы и турк-

мены, лежало первымъ пунктомъ на этомъ великомъ пути русскаго государства, и правительство русское не разъ поднимало вопросъ объ учрежденіи тамъ торговыхъ колоній.

Екатерина Великая и дальновидный князь Таврическій не остались на почвѣ только вопроса и проектовъ, а соорудили экспедицію для занятія крѣпкаго пункта на восточномъ побережьѣ моря. Есть мнѣніе, что экспедиція эта находится въ тѣсной связи съ намѣреніями Екатерины Великой выполнить еще Петромъ задуманное дѣло—завладѣть сѣверными провинціями Персіи, первымъ шагомъ къ чему и должно было служить присоединеніе къ Россіи Грузіи, уже тогда предвидѣнное и частію совершившееся два года спустя.

Какъ бы то ни было, но въ 1780 году три военные фрегата, бомбардирскій корабль и четыре транспортные бота снаряжались въ Астрахани къ походу, цѣль котораго облекалась глубокою тайною. Суворовъ, проживавшій тогда въ Астрахани, ожидалъ, что выборъ правительства для выполненія предполагаемой экспедиціи падетъ на него. Но къ общему удивленію, 11-го іюня 1781 года, въ Астрахань неожиданно прибылъ изъ Петербурга молодой капитанъ-лейтенантъ графъ Войновичъ и принялъ эскадру подъ свое начальство. Онъ имѣлъ секретное порученіе плыть къ персидскимъ берегамъ, подъ видомъ наказанія дербентскаго и бакинскаго хановъ, а въ дѣйствительности съ цѣлью основать укрѣпленіе на одномъ изъ островов Каспійскаго моря и стараться о продолженіи торговыхъ путей въ Хиву, въ Бухару и въ Индію.

Графъ Марко Ивановичъ Войновичъ былъ родомъ изъ приадріатическихъ славянскихъ провинцій и съ ранней юности посвятилъ себя мореходству. Въ русскую службу онъ вступилъ во время первой турецкой войны, явившись волонтеромъ въ черноморскую эскадру. Храбростію и знаніемъ морскаго дѣла онъ скоро обратилъ на себя вниманіе императрицы, которая и назначила его командиромъ фрегата „Слава“. Командуя имъ, Войновичъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ и за отличія былъ награжденъ орденомъ святаго Георгія 4 степени.

Прибывши въ Астрахань и снабдивши эскадру всѣмъ необходимымъ, Войновичъ 8 іюля уже вышелъ съ нею въ Каспійское

море. Миновавъ Дербентъ и Баку, онъ, послѣ трехнедѣльнаго плаванія, прибылъ въ Астрабадскій заливъ и здѣсь остановился верстахъ въ 60 отъ города, въ небольшой гавани, окруженной высокими горами, на которыхъ лежитъ вѣчный снѣгъ. Сюда сходились караванныя дороги, ведшія въ глубину Ирана и въ Среднюю Азію. Надо сказать, что Астрабадская и Мазандеранская области уже разъ были уступлены Россіи въ 1723 году, во время Петровскаго похода, но никогда еще не занимались русскими войсками и вскорѣ по смерти Петра обратно отданы персидскому шаху.

Въ то самое время, когда Войновичъ съ своей эскадрой вошелъ въ Астрабадскій заливъ, въ Персіи происходила междоусобная война за наслѣдство. Сильнѣйшимъ изъ воюющихъ претендентовъ былъ ханъ астрабадскій Ага-Магометъ, основатель нынѣшней персидской династіи. Онъ овладѣлъ уже тогда Астрабадомъ, Мазандераномъ, Гиляномъ, Рящей и осадилъ городъ Казбинъ. Къ нему и обратился Войновичъ съ секретнымъ предложеніемъ. Ага-Магометъ любезно принялъ посланнаго къ нему офицера и охотно уступилъ на астрабадскомъ берегу подъ русское селеніе урочище „Городовинъ". Онъ даже далъ своихъ рабочихъ, увѣряя, что и самъ онъ предвидитъ для страны огромныя выгоды отъ учрежденія въ ней русской торговой колоніи. Войновичъ немедленно приступилъ къ постройкѣ селенія и, подъ предлогомъ защиты его отъ хищныхъ туркменовъ, поставилъ ретраншаментъ, вооруженный 18-ю орудіями, снятыми съ корабля и съ фрегатовъ. Избранное мѣсто по справедливости могло почитаться самымъ удобнымъ и выгоднымъ пунктомъ уже потому, что имѣло, какъ выше сказано, самою природою хорошо защищенную и выгодно расположенную гавань.

Персіяне не препятствовали устройству укрѣпленія и даже, повидимому, склонны были видѣть въ немъ охрану и для себя отъ частыхъ и разорительныхъ набѣговъ хищныхъ туркменцевъ.

Такое настроеніе продержалось, однако, не долго. Ага-Магометъ-ханъ, вытѣсненный вскорѣ изъ Казбина и Ряща, началъ опасаться русскаго сосѣдства и отдалъ приказъ стараться захватить Войновича въ плѣнъ, разсчитывая силой вынудить у него согласіе на уничтоженіе какъ пристани, такъ и укрѣпленій. Слу-

чай къ этому, по несчастію, скоро представился, и Войновичу пришлось испытать на себѣ восточное вѣроломство, нѣкогда погубившее Бековича.

На 15-е декабря, день посвященный въ честь пророка, Войновичъ и его офицеры были приглашены астрабадскимъ губернаторомъ въ гости. Приглашеніе было принято и Войновичъ отправился въ сопровожденіи всѣхъ начальниковъ судовъ, не предвидя ловушки. Въ Астрабадѣ русскіе увидѣли собранное войско, и были встрѣчены такимъ необыкновеннымъ шумомъ и крикомъ народа, что сразу стали подозрѣвать измѣну. Воротиться назадъ, однако, было нельзя; приходилось покориться своей участи и выжидать событій. Персіяне приняли гостей съ почестями. Съ часъ времени прошло въ восточныхъ церемоніяхъ и обрядахъ празднества. Офицеры все время сидѣли какъ на иголкахъ и торопились выбраться. Наконецъ Войновичъ всталъ, благодарилъ губернатора за гостепріимство и просилъ его отпустить ихъ домой. Но въ отвѣтъ на это губернаторъ грозно объявилъ, что по повелѣнію Аги-Магомета-хана онъ долженъ ихъ арестовать. Присутствовавшая тутъ толпа съ звѣрской радостью кинулась на офицеровъ. Ихъ бросили въ темницу, гдѣ на несчастныхъ узниковъ тотчасъ были набиты колодки такой величины и тяжести, что они не могли тронуться съ мѣста. Одинъ изъ участниковъ экспедиціи, Радингъ, впослѣдствіи описалъ тяжкое душевное состояніе заключенныхъ. Всѣ они глубоко чувствовали, что въ лицѣ ихъ наносится оскорбленіе русскому имени, и мысль, что неосторожность ихъ послужитъ главной причиной неудачи всей экспедиціи, терзала ихъ не менѣе, чѣмъ страхъ близкой гибели.

Между тѣмъ въ оставшейся на берегу командѣ, узнавшей о плѣнѣ начальниковъ, возникли замѣшательства. Персіяне хотѣли этимъ воспользоваться, чтобы овладѣть ретраншаментомъ, однако были отбиты съ огромнымъ урономъ. Имъ удалось только захватить 30 человѣкъ изъ партіи, находившейся на рубкѣ лѣса.

Губернаторъ между тѣмъ потребовалъ отъ плѣнныхъ офицеровъ, чтобы они послали командѣ приказаніе разорить всѣ постройки и укрѣпленія на астрабадскомъ берегу, и угрожалъ въ противномъ случаѣ принудить ихъ къ тому страшными муками.

Войновичъ отвѣчалъ, что русскій законъ воспрещаетъ плѣнному начальнику отдавать приказанія. Онъ предложилъ однакоже освободить одного изъ старшихъ офицеровъ, который, возвратившись къ эскадрѣ, и могъ бы распорядиться уже какъ прямой начальникъ. Персіяне долго колебались въ выборѣ, но наконецъ отпустили капитанъ-лейтенанта Баскакова, предупредивъ его, что если ретраншаментъ не будетъ разрушенъ, то остальные плѣнные будутъ преданы мучительной казни.

Когда Баскаковъ исполнилъ всѣ требованія персіянъ, они освободили плѣнныхъ матросовъ, но офицеровъ удержали и даже перевезли въ городъ Сари, гдѣ участь ихъ должна была рѣшиться народнымъ приговоромъ. Цѣлыя двѣ недѣли несчастные томились между страхомъ и надеждою, но наконецъ, по приказанію Ага-Магомета-хана, имъ возвратили свободу. 86 верстъ, раздѣлявшихъ городъ Сари отъ пристани, офицеры верхами проскакали безъ отдыха, пока наконецъ не были радостно встрѣчены эскадрой, уже потерявшей надежду видѣть ихъ живыми.

Ага-Магометъ-ханъ скоро раскаялся въ своемъ поступкѣ и обратился къ Войновичу съ письмомъ, предлагая новое мѣсто подъ русскую колонію. Но графъ не могъ уже довѣрять ему и не хотѣлъ имѣть никакого дѣла съ человѣкомъ, ознаменовавшимъ себя такимъ позорнымъ вѣроломствомъ. Тогда Ага-Магометъ отправилъ посольство въ Петербургъ, но послы его не были приняты императрицей.

До 8-го іюля эскадра простояла въ Астрабадскомъ заливѣ, а затѣмъ, осмотрѣвъ приморскія мѣста близъ Балаханъ и Красноводска, прибыла въ Баку, встрѣченная салютомъ русскому флагу изъ крѣпостныхъ орудій. Прибытіе эскадры привело бакинскихъ жителей, для которыхъ военные корабли были до того времени невиданной диковинкой, въ большой страхъ: вѣроломство хана здѣсь уже было извѣстно, и всѣ ожидали за него возмездія. Дѣло однако ограничилось мирными переговорами насчетъ русскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Баку и Дербентѣ, послѣ чего эскадра воротилась въ Астрахань.

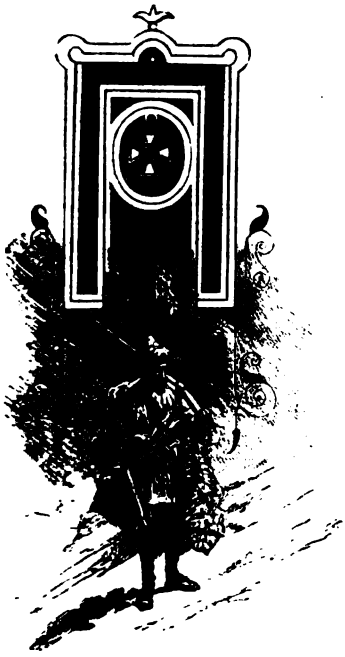
Экспедиція больше не возобновлялась. Но съ той поры на Каспійскомъ морѣ при устьяхъ Волги уже постоянно содержалась

русская эскадра, служившая не только военнымъ, но и коммерческимъ цѣлямъ; а въ Энзели основана была русская колонія, продолжавшая существовать до 1792 года.

По возвращеніи въ Астрахань Войновичъ былъ вызванъ въ Петербургъ. Его приняли тамъ по наружности прекрасно, дали ему слѣдующій чинъ и бриллiантовый перстень, однакоже съ поста смѣнили и отправили въ Херсонъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ впрочемъ командиромъ линейнаго корабля «Слава Екатерины», а еще черезъ четыре года—главнымъ начальникомъ Севастопольскаго флота и порта. Въ этомъ званіи, произведенный въ контръ-адмиралы, онъ участвовалъ во второй турецкой войнѣ и заслужилъ орденъ св. Георгія 3-го класса. Но когда, по желанію свѣтлѣйшаго Потемкина, на мѣсто его начальникомъ Черноморскаго флота назначенъ былъ знаменитый адмиралъ Ушаковъ, Войновичъ, обиженный, вышелъ въ отставку и удалился на родину. Впослѣдствіи, при императорѣ Павлѣ, онъ возвратился въ Россію и дослужился до чина полнаго адмирала, но скоро вторично вышелъ въ отставку и умеръ почти въ неизвѣстности.

XIV.

Генералъ-аншефъ Текелли.



Послѣ отъѣзда съ Кавказа генерала Потемкина сохранившаго за собою званіе кавказскаго намѣстника, фактическимъ начальникомъ кавказскихъ войскъ остался генералъ-аншефъ Петръ Абрамовичъ Текелли. «Горбоносый, худой и длинный сербъ», какъ описываетъ его одинъ изъ русскихъ историческихъ романистовъ *),—это былъ опытный боевой генералъ, одинъ изъ лучшихъ кавалеристовъ своего времени. Происходя отъ древняго сербскаго рода, онъ началъ военную службу въ Австріи, въ рядахъ венгерскихъ гусаръ, а въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, въ числѣ многихъ отличныхъ сербскихъ офицеровъ, перешелъ въ русскую армію при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Еще въ XVII вѣкѣ, во время войны императора Леопольда съ турками, изъ Турціи вышли въ австрійскія владѣнія до 60 тысячъ сербовъ, которые не только помогли австрійцамъ освободить отъ турецкаго ига

*) Данцлевскій—«Послѣдніе запорожцы».

многіе венгерскіе и сербскіе города, но потомъ содѣйствовали имъ и въ дѣлѣ усмиренія буйныхъ венцерцевъ. Отсюда начинается вѣковая непримиримая вражда венгровъ къ славянамъ. Притѣсняемые мадьярами, сербы вынуждены были наконецъ искать для себя новаго отечества и обратились къ Россіи. Полковникъ Хорватъ первый явился съ цѣлымъ гусарскимъ полкомъ, а вслѣдъ за нимъ стали переходить въ русскую службу и другіе отличные сербскіе офицеры, принимаемые тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что, помимо своей извѣстной храбрости, они могли быть въ высшей степени полезны въ турецкихъ войнахъ какъ знаніемъ мѣстности, такъ и своими связями съ единоземцами. Изъ нихъ тогда же образованы гусарскіе полки, которые и поселены въ Заднѣпровьѣ, въ сосѣдствѣ съ Запорожскимъ войскомъ. Къ числу этихъ выходцевъ принадлежалъ и Текелли.

Въ семилѣтнюю войну Текелли заставилъ говорить о себѣ какъ о талантливомъ партизанѣ, не разъ являвшемся достойнымъ соперникомъ Лаудона, Цитена и Зейдлица; на этомъ поприщѣ онъ и положилъ начало своей военной славѣ. Слава эта утвердилась за нимъ еще болѣе въ первую половину царствованія императрицы Екатерины Великой, когда велись непрерывныя войны съ турками и поляками. Израненный въ бояхъ, онъ возвратился изъ этихъ походовъ въ чинѣ генералъ-поручика и былъ украшенъ орденами Анны 1-й степени и Георгія на шею.

Но въ исторіи Россіи имя Текелли памятно болѣе всего потому, что оно тѣсно связано съ паденіемъ Сѣчи и съ уничтоженіемъ Запорожскаго войска. Вотъ какъ разсказываетъ Данилевскій объ этомъ замѣчательномъ событіи.

4-го іюня 1775 года, на троицкую недѣлю русскій корпусъ венгерскаго выходца серба генералъ-поручика Текелли, вмѣстѣ съ валашскимъ и венгерскими полками другаго серба генералъ-маіора Федора Чорбы, двинулся къ Днѣпровскимъ порогамъ. Тутъ было пятьдесятъ полковъ конницы—пикинеровъ, гусаръ и донцовъ,—и десять тысячъ пѣхоты. Войско раздѣлилось на отряды, и безъ огласки занимая по пути главныя села, съ четырехъ сторонъ подошло къ Сѣчи. Празднуя зеленыя святки, запорожцы увидѣли нежданныхъ гостей только тогда, когда они стали уже на возвышенностяхъ вокругъ Коша.

— Что, дѣти, будемъ дѣлать? говорилъ кошевой Колнышевскій, разглядѣвъ изъ окна передовые пикеты русской арміи: то, вѣрно, царское войско пришло, чтобы звать насъ опять на турокъ!

— Нѣтъ, батько, отвѣчали вбѣжавшіе съ поля казаки—русскіе не зовутъ насъ на турокъ; ихъ пушки нацѣлены горлами противъ Коша.

Текелли подошелъ къ Запорожью ночью, и такъ какъ всѣ часовые по обыкновенію покоились безмятежнымъ сномъ, то Орловскій пѣхотный полкъ съ эскадрономъ конницы прошелъ незамѣтно черезъ все предмѣстье и безъ выстрѣла занялъ Новосѣченскій ретраншаментъ. На утро Текелли потребовалъ къ себѣ кошевыя власти и предъявилъ имъ указъ императрицы объ упраздненіи Запорожскаго войска.

Сѣчь зашумѣла. Болѣе пылкіе атаманы, ватажки и характерники хотѣли защищаться, несмотря на наведенныя на нихъ пушки; но другіе, болѣе разсудительные, мечтавшіе о возрожденіи Сѣчи въ другомъ мѣстѣ и видѣ, уговаривали всѣхъ на время покориться. Голосъ благоразумія, поддержанный кошевыми властями вмѣстѣ съ духовенствомъ, взялъ верхъ, и вольная Запорожская Сѣчь, гордая тѣмъ, что никогда никому не покорялась, пала безъ борьбы и сопротивленія.

Текелли сталъ твердою ногою въ занятой Сѣчи и началъ вводить въ ней новые порядки. Кошевой Колнышевскій, писарь Глоба и нѣкоторые куренные атаманы, какъ люди опасные по своему вліянію среди казаковъ, были вывезены въ Россію. Кошевой и писарь были пострижены въ иноки, первый въ Соловецкій монастырь, а второй въ Бѣлозерскій, гдѣ и кончили дни свои въ глубокой старости.

Но крутыя мѣры, принимаемыя по отношенію къ запорожцамъ, сдѣлали однако то, что они, одинъ по одному, тайно стали выбираться изъ Коша. Когда Текелли замѣтилъ это, въ Сѣчи уже почти никого не оставалось.

— Гдѣ же ваше войско? кричалъ Текелли, когда къ нему привели какого-то сѣдого сгорбленнаго дѣда.

— Какъ, пане, гдѣ? — отвѣтилъ дѣдъ: оружіе и прочее отъ

насъ отобрали, не стало и войска. Одни, кто женатъ, разбрелись по зимовникамъ, остальные сиромахи ушли, видно, до Турка.

Изъ 13 тысячъ запорожцевъ, сидѣвшихъ надъ Днѣпромъ, 12 тысячъ дѣйствительно ушло за Дунай, въ Туречину. Мысль князя Потемкина переселить запорожцевъ въ Россію не удалась, — запорожцы выселились сами.

Въ Петербургѣ были не совсѣмъ довольны такимъ оборотомъ дѣла, но поправить его было уже невозможно, и князь Прозоровскій, пріѣхавшій смѣнить Текелли, нашелъ на мѣстѣ, гдѣ стояла Сѣчь, лишь степныя могилы, „что чернѣютъ

Словно горы въ полѣ
И лишь съ вѣтромъ перелетнымъ
Шепчутся о волѣ»..

по поэтическому выраженію народнаго малороссійскаго поэта.

Прошло 12 лѣтъ, и мы видимъ Текелли на Кавказѣ уже генералъ-аншефомъ. Потемкинъ только что уѣхалъ въ Россію; войска, участвовавшія съ нимъ въ походѣ, не были однако распущены, и Текелли рѣшился воспользоваться прекрасною осенью, чтобы еще разъ сходить за Кубань, и страхомъ разгрома черкесскихъ жилищъ обезпечить себѣ мирныя зимовыя квартиры.

13-го октября 1787 года, 12 тысячъ русскаго войска перешло Кубань и въ нѣсколько дней истребило все непріязненное населеніе, гнѣздившееся между рѣкою Лабой и Снѣговыми горами. Въ то же время донской атаманъ Иловайскій опустошилъ пространство между Лабой и Кубанью, а кабардинцы, предводимые своимъ соплеменникомъ бригадиромъ Горичемъ *), привели въ покорность абадзиновъ, бесленеевцевъ, башильбаевъ и кипчакскихъ татаръ. 500 человѣкъ кабардинскихъ панцырниковъ прошли горами даже до Суджукъ-Кале и, разсѣявъ тамъ турецкій отрядъ, отбили двѣ мѣдныя пушки, которыя въ качествѣ трофеевъ и привезены были въ Георгіевскъ, ставшій со времени Текелли резиденціей главныхъ начальниковъ края. Во время этой

*) Два брата Горичи, кабардинцы по происхожденію, долго служили въ Россіи. Старшій былъ бригадиромъ, а младшій генералъ-маіоромъ польской службы. Послѣдній командовалъ одно время Терскимъ казачьимъ войскомъ, а старшій предводительствовалъ кабардинцами въ походѣ Текелли. Позже онъ убитъ подъ Очаковымъ.

же экспедиціи кабардинцами было освобождено болѣе ста человѣкъ русскихъ плѣнныхъ и взято тридцать черкесскихъ аманатовъ, которыхъ Текелли немедленно отправилъ въ лагерь свѣтлѣйшаго князя Потемкина, давно желавшаго видѣть среди своей свиты воинственныхъ представителей кавказскихъ народовъ.

Въ походѣ Текелли кабардинцы въ первый разъ являются въ рядахъ русскихъ войскъ, и этотъ первый опытъ увѣнчался, казалось, полнымъ успѣхомъ. Ихъ подвиги были замѣчены; про нихъ заговорили, особенно послѣ того, какъ стало извѣстно, что кабардинцы, остававшіеся дома, помогали охранять терскія станицы и даже разъ, подъ предводительствомъ Горича младшаго, напали на чеченцевъ, возвращавшихся изъ набѣга, и отбили у нихъ весь русскій полонъ. Одинъ Текелли, суровый и всегда осмотрительный, не спѣшилъ расточать похвалъ кабардинцамъ,—онъ не довѣрялъ ихъ безкорыстной службѣ. И онъ не ошибся. Едва кабардинцамъ объявили отказъ на ихъ домогательства получить обратно земли, отошедшія подъ русскія укрѣпленія, какъ ревность ихъ охладѣла, и въ слѣдующемъ году они не только не приняли участія въ походѣ Текелли, но въ продолженіе его даже нѣсколько разъ тревожили линію набѣгами.

Турецкая война между тѣмъ разгоралась. Получены были извѣстія, что турки хотятъ овладѣть Тавридою, и князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, озабоченный этимъ обстоятельствомъ, предписалъ Текелли какъ можно скорѣе начать военныя дѣйствія противъ Суджукъ-Кале или Анапы.

Разливъ Кубани не допустилъ однако открыть кампанію ранѣе осени 1788 года. Лѣтомъ небольшіе летучіе отряды русскихъ войскъ время отъ времени появлялись однако на лѣвой сторонѣ Кубани и производили тамъ поиски. Самый удачный изъ нихъ былъ въ половинѣ августа, когда бригадиръ Берхманъ съ небольшимъ отрядомъ истребилъ нѣсколько ауловъ въ землѣ абадзиновъ, сжегъ ихъ хлѣба и возвратился съ большою добычею. Но главныя силы, подъ предводительствомъ Текелли, перешли Кубань только 19 сентября, нѣсколько ниже теперешней Усть-лабинской крѣпости, гдѣ былъ тогда Петровскій редутъ. Непріятель всюду отступалъ, и только 21-го сентября произошло доволь-

но серьезное столкновеніе, въ которомъ былъ убитъ казачій полковникъ Барабанщиковъ. Между тѣмъ густой дымъ сигнальныхъ костровъ, подымавшійся кругомъ по вершинамъ горъ, указывалъ на близкое присутствіе горцевъ. Поэтому Текелли отправилъ небольшой отрядъ, подъ командой полковника Мансурова, для рекогносцировки верховій рѣки Убына. Но едва отрядъ отошелъ на одинъ переходъ, какъ 26-го сентября былъ атакованъ восьмитысячнымъ скопищемъ горцевъ. Бѣшеная атака ихъ заставила отрядъ остановиться; къ горцамъ между тѣмъ подошли турецкія войска съ восемью орудіями, и отрядъ очутился между двухъ огней. Мансуровъ, построивъ пѣхоту въ каре, пять часовъ отбивался отъ непріятеля въ то время какъ на флангахъ у него кипѣли горячія кавалерійскія схватки. Замѣчательно, между прочимъ, то обстоятельство, что терскими и гребенскими казаками въ этомъ бою предводительствовалъ отважный подполковникъ Селимъ-Гирей, родной племянникъ послѣдняго крымскаго хана, а турецкою конницею командовалъ отецъ Селима, Батый-Гирей, нѣкогда мечтавшій овладѣть крымскимъ престоломъ, и имъ не разъ приходилось сходиться въ рукопашныхъ схваткахъ. Сынъ остался побѣдителемъ и вынудилъ своего отца покинуть поле сраженія; черкесы были разбиты и гребенцы съ боя взяли непріятельское знамя. Вечеромъ на помощь къ Мансурову подошелъ князь Ратіевъ, а вслѣдъ за нимъ стали показываться и главныя русскія силы. Появленіе ихъ окончательно рѣшило участь боя: непріятель отступилъ, потерявъ, какъ говорятъ, болѣе 1000 человѣкъ. Потери русскаго отряда были также значительны: изъ строя выбыло до 250 нижнихъ чиновъ.

Послѣ этого сраженія Текелли вошелъ въ неприступныя горныя ущелья и, произведя страшное опустошеніе въ жилищахъ закубанскихъ народовъ, повернулъ къ Анапѣ, съ цѣлью сдѣлать попытку овладѣть этою важною крѣпостію.

14-го октября два батальона егерей, поддерживаемые драгунскою бригадой и Волжскимъ казачьимъ полкомъ, подъ командой полковника Германа, произвели усиленную рекогносцировку. Замѣтивъ приближеніе нашихъ войскъ, турки притаились за крѣпостными стѣнами, но лишь только драгунскіе эскадроны, далеко

опередившіе пѣхоту, подошли на пушечный выстрѣлъ, они открыли огонь изо всѣхъ орудій. Въ ту же минуту турецкая пѣхота, высыпавшая на валъ, выставила множество знаменъ и бунчуковъ. То былъ какъ бы условный сигналъ, по которому горцы, скрывавшіеся дотолѣ въ лѣсистыхъ ущельяхъ, вдругъ выдвинули противъ русскихъ 11 орудій и, подъ прикрытіемъ жестокаго артиллерійскаго огня, бросились въ атаку. Янычары, въ свою очередь, вышли изъ крѣпостныхъ воротъ, чтобы отрѣзать драгунамъ отступленіе. Положеніе русской конницы было отчаянное. Къ счастію, въ эту минуту подоспѣли два батальона пѣхоты, которые приняли драгунъ на себя и дали имъ возможность отступить въ порядкѣ. Пѣхотѣ одной пришлось теперь оспаривать поле сраженія у всей черкесской силы. Сраженіе завязалось упорное, особенно въ дер. Кучугурахъ, откуда никакія силы янычаръ и горцевъ не могли выбить русскихъ егерей, засѣвшихъ между кустами и каменьями. Имъ приходилось умирать на мѣстѣ, не помышляя объ отступленіи, и они, конечно, были бы подавлены сильнѣйшимъ врагомъ, еслибъ не подоспѣлъ на выручку отрядъ подъ предводительствомъ генералъ-маіора Ратіева. Неожиданное появленіе свѣжей русской колонны заставило непріятеля очистить дорогу егерямъ, которые, отстрѣливаясь, отошли на гору, подъ прикрытіе артиллерійскаго огня авангарда. Между тѣмъ смерклось, и наступившая ночь прекратила сраженіе, продолжавшееся болѣе семи часовъ сряду.

Число турокъ и горцевъ, защищавшихъ Анапу, оказалось значительнымъ, и Текелли, понимавшій трудность, при господствѣ турецкаго флота на Черномъ морѣ, овладѣть Анапой, отошелъ за Кубань.

Двухмѣсячный походъ Текели къ Анапѣ былъ первымъ продолжительнымъ, серьезнымъ наступательнымъ дѣйствіемъ русскихъ въ непріятельскія земли. Наступленіе было ведено съ большою осмотрительностію, и генералъ Текелли, человѣкъ очевидно опытный, предусмотрительный, не увлекавшійся желаніемъ громкихъ дѣлъ, довольствовался только достиженіемъ главной цѣли—обезопасить русскія границы отъ покушеній турокъ. И цѣль эта была вполнѣ достигнута. Въ то же время были изслѣдованы всѣ дороги, ведущія къ важной приморской турецкой крѣпости, собраны свѣ-

дѣнія о мѣстномъ населеніи, о его силѣ, объ отношеніяхъ племенъ другъ къ другу, и записка Текелли, поданная Потемкину, не лишена интереса даже и понынѣ.

Окончивъ экспедицію, Текелли, къ общему сожалѣнію, вышелъ въ отставку и въ томъ же 1778 году умеръ. Прибывшій на мѣсто его генералъ-аншефъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ оставался на линіи лишь нѣсколько мѣсяцевъ и былъ отозванъ на постъ главнокомандующаго Финляндскою арміею.

XV.

Бѣдственный походъ Бибикова на Анапу.

Въ исторіи кавказскихъ войнъ прошлаго столѣтія совершенно особенное мѣсто занимаетъ случайный, стоящій внѣ общей системы дѣйствій, бѣдственный походъ Бибикова на Анапу.

Когда графъ Салтыковъ, назначенный, по случаю начавшейся тогда шведской войны, главнокомандующимъ арміей въ Финляндіи, уѣхалъ съ Кавказа, и край остался опять подъ номинальнымъ управленіемъ отсутствующаго графа Потемкина, — кавказскія войска, состоявшія изъ двухъ корпусовъ, кубанскаго и кавказскаго, нѣкоторое время оставались безъ общаго начальника, какими были Текелли и Салтыковъ. Этими исключительными обстоятельствами воспользовался одинъ изъ частныхъ начальниковъ, командиръ кавказскаго корпуса, генералъ-поручикъ Юрій Богдановичъ Бибиковъ; онъ поспѣшилъ стать во главѣ военныхъ дѣй-

ствій на линіи, чтобы отважнымъ предпріятіемъ успѣть выдвинуться до назначенія новаго начальника, при которомъ ему пришлось бы довольствоваться скромною второстепенною ролью. Предшествовавшая дѣятельность Бибикова не обѣщала, однакоже, блестящихъ результатовъ отъ его стремленія къ славѣ; онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ единственно покровительству графа Панина, при которомъ находился во время пугачевскаго бунта, и во всякомъ случаѣ не принадлежалъ къ славной плеядѣ екатерининскихъ генераловъ, изъ которой вышла большая часть тогдашнихъ боевыхъ кавказскихъ дѣятелей.

Цѣлью своего отважнаго предпріятія Бибиковъ избралъ Анапу, очевидно односторонне понимая важность ея значенія, и не постигая глубокихъ соображеній, заставившихъ Текелли на время отказаться отъ завладѣнія ею.

Анапа, дѣйствительно, играла очень большую роль въ русско-турецкихъ дѣлахъ, служа важнѣйшимъ пунктомъ для сношеній турокъ съ магометанскими горцами. Ея твердыни высились верстахъ въ тридцати отъ устьевъ Кубани, на мысѣ, омываемомъ съ двухъ сторонъ волнами Чернаго моря. Отъ валовъ крѣпости, вплоть до подножія Кавказскихъ горъ, разстилалась обширная равнина, когда-то вся изрѣзанная колесными дорогами и тропинками, по которымъ ѣздили татарскія арбы съ сельскими продуктами изъ горныхъ ауловъ; по тѣмъ же путямъ иной разъ двигались и цѣлые обозы съ яссырями и молодыми дѣвушками, которыхъ горцы доставляли сюда на продажу туркамъ. Съ давнихъ временъ, когда еще не было Анапы, плодородіе этой равнины привлекало сюда массу выходцевъ изъ горъ для посѣвовъ гоми (родъ мелкаго проса), а къ мысу, на которомъ впослѣдствіи поставлена крѣпость, приставали въ голодные годы черкесскія кочермы, для сбора добровольныхъ приношеній хлѣбомъ въ пользу бѣдныхъ приморскихъ жителей горной полосы этого края.

Когда Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, и ногайскія племена, кочевавшія по Кубани, выселены, турки, прежде легко сносившіеся съ горцами изъ Крыма чрезъ Таманскій полуостровъ, теперь могли разсчитывать только на Черное море и старались укрѣпиться на его побережьѣ вблизи Кавказскихъ горъ. Именно

съ этою цѣлію они и затѣяли построить крѣпость въ землѣ натхокаджей. Мѣстность, выбранная ими, принадлежала собственно говоря, небольшому черкесскому племени „хегайкъ", но племя это было истреблено чумою, потеряло свою самобытность и слилось съ натхокаджами. Старѣйшины родовъ натхокаджійскаго племени не особенно благопріятствовали намѣреніямъ турокъ и долго не рѣшались дать согласіе на постройку крѣпости; однакоже, задобренные подарками и обольщенные обѣщаніемъ выгодъ отъ торговли яссыромъ, они одинъ за другимъ мало-по-малу стали склоняться на сторону турокъ. И только одинъ старѣйшина, изъ сильнаго рода Супако, впослѣдствіи прозванный „Калебатомъ", не сдавался ни на какія обѣщанія и упорно противился сооруженію крѣпости на землѣ своего племени. Онъ возвышалъ голосъ въ народныхъ совѣщаніяхъ, предостерегалъ соотчичей. „Турція, говорилъ онъ:—не то, что мы: Турція—государство. Она можетъ вести войну съ другимъ государствомъ. По жребію войны крѣпость можетъ перейдти во власть государства болѣе побѣдоноснаго, а тогда и вся земля, на которой будетъ стоять завоеванная крѣпость, законно перейдетъ въ обладаніе того же государства". Но обаяніе турецкихъ подарковъ было такъ сильно, что голосъ одного, при согласіи всѣхъ, былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: крѣпость была воздвигнута и названа Анапою. Достойно вниманія, что нога Калебата въ теченіе всей его жизни ни разу не была въ Анапѣ. А пока ненавистная ему крѣпость строилась, онъ нападалъ на нее съ своими людьми и не разъ повреждалъ и даже совсѣмъ прекращалъ работы, откуда и получилъ названіе „Калебатъ", что значитъ разоритель крѣпости.

Самое слово Анапа происходитъ отъ двухъ татарскихъ словъ: ана — мать и пай — часть, доля. Въ первое время существованія крѣпости ее иначе и не называли, какъ Анапай, материнская часть или материнская доля. Происхожденіе этого названія объясняютъ обыкновенно тѣмъ, что турки, стараясь облегчить участь своихъ единовѣрцевъ, изгнанныхъ изъ Крыма, отвели имъ мѣсто по Кубани, именно подъ защитою этой крѣпости; въ свое время татары высоко цѣнили такое покровительство и выразили свою

признательность въ самомъ названіи Анапы, которая, какъ заботливая мать, пріютила у себя несчастныхъ изгнанниковъ.

Съ самаго начала Анапа (по черкесски: Багуръ-кале, отъ имени рѣчки, при устьѣ которой она построена) представляла собою редутъ, окруженный только земляным валомъ; но въ 1781 году французскіе инженеры построили здѣсь первоклассную крѣпость, которая фирманомъ турецкаго султана была названа „ключемъ азіятскихъ береговъ Чернаго моря“ и съ этихъ поръ становится центромъ религіозной пропаганды между черкесскими племенами.

Утвердившись въ землѣ натхокаджей, турки владѣли однакоже только тѣмъ клочкомъ земли, на которомъ стояла крѣпость. Окрестныя же мѣста были совершенно отъ нихъ независимы, и потому крѣпость постоянно должна была принимать всѣ мѣры военныхъ предосторожностей, чтобы въ одинъ прекрасный день не быть захваченной врасплохъ своими же друзьями.

Вообще отношенія горцевъ и турокъ между собою въ Анапѣ поддерживались только торговыми интересами и въ особенности торгомъ красивыхъ невольницъ; но противъ Россіи они всегда естественно являлись вѣрными союзниками. Захватить Анапу значило нанести ударъ какъ торговымъ интересамъ горцевъ, такъ и вліянію на нихъ мусульманской Турціи.

Бибиковъ понималъ, какая важная заслуга для Россіи была бы въ прочномъ завладѣніи Анапою, и, спѣша до назначенія новаго начальника связать свое имя съ этимъ подвигомъ, отважился идти за Кубань съ однимъ своимъ кавказскимъ корпусомъ налегкѣ, безъ обозовъ, разсчитывая довольствовать войска реквизиціями.

Рѣшеніе идти подъ Анапу и послѣдующія иногда весьма энергическія дѣйствія доказываютъ, что Бибиковъ былъ человѣкъ предпріимчивый и смѣлый, но что въ то же время это былъ человѣкъ несомнѣнно легкомысленный. Онъ совсѣмъ не позаботился ознакомиться даже съ характеромъ страны, въ которой ему при-

ходилось дѣйствовать и которая имѣла много особенностей, вовсе не принятыхъ имъ во вниманіе. Въ этой странѣ не было конечно заоблачныхъ горъ и грозныхъ ущелій съ едва проходимыми среди утесовъ тропами, не было и крѣпкихъ ауловъ съ каменными башнями, представляющими собою готовыя крѣпости. Но за то здѣсь на каждомъ шагу встрѣчались горныя рѣчки, вздымавшіяся при таяніи снѣговъ и затоплявшія окрестности на многія версты, превращая ихъ въ непролазныя топи; здѣсь были дремучіе лѣса съ проложенными въ нихъ узкими дорожками, пересѣкавшимися по всѣмъ направленіямъ глубокими и топкими канавами; здѣсь обитало густое воинственное населеніе лучшихъ наѣздниковъ, владѣвшее огромными табунами отличныхъ лошадей. Это населеніе могло окружить непріятеля тучами всадниковъ, слѣдить за каждымъ его шагомъ и разстраивать всѣ его предпріятія. „Та мѣстность, говоритъ одинъ писатель:—такая, что бой вспыхнетъ на полянѣ, а кончится въ лѣсу и оврагѣ; тотъ непріятель таковъ, что если хочетъ биться, трудно противъ него стоять, а если не хочетъ, трудно его настигнуть“.

Время для похода выбрано было Бибиковымъ самое неудобное. Войска стали собираться въ январѣ 1789 года, когда глубокіе снѣга лежали на равнинахъ и не было нигдѣ подножнаго корма. Кубань перешли еще по льду; но ледъ уже былъ не крѣпокъ и въ воздухѣ чуялась близость весны, вмѣстѣ съ которою должны были начаться для отряда неминуемыя бѣдствія.

Первые дни похода прошли довольно спокойно. Встрѣчались только слабые аулы кабардинцевъ, которые не могли оказать сопротивленія. Но чѣмъ дальше подвигался отрядъ, тѣмъ сопротивленіе непріятеля становилось упорнѣе. На зовъ извѣстнаго Шейхъ-Мансура, скрывавшагося тогда за Кубанью, стали стекаться большія партіи горцевъ, вскорѣ явилась поддержка отъ турокъ, и 15 февраля громъ русскихъ пушекъ впервые огласилъ пустынныя и дикія мѣста, въ которыхъ никогда еще не были русскіе. Черкесы были разбиты, но за то съ этихъ поръ начались ежедневныя нападенія на отрядъ. А между тѣмъ наступила весна, и препятствія, про-

тивопоставляемыя природою, съ каждымъ днемъ становились непреодолимѣе. Войска то цѣлый день брели по колѣна въ студеной водѣ, которая образовывалась почти моментально отъ дѣйствія весенняго солнца, то вынуждены были останавливаться вслѣдствіе горныхъ мятелей и вьюгъ, бушевавшихъ по нѣскольку дней сряду. То сильная оттепель превращала ручьи въ бурныя рѣки и приходилось вездѣ строить мосты, то сильнѣйшій морозъ и гололедица препятствовали кавалеріи сдвинуться съ мѣста. Тамъ раскапывали дорогу среди высокихъ снѣговыхъ сугробовъ, здѣсь настилали гать, чтобы перебраться черезъ затопленныя водою луга, или взбирались на голыя скалы, куда на канатахъ поднимали за собой повозки и орудія. Дровъ не было, сухари были въ исходѣ, а лошадей давно уже кормили старыми, рублеными рогожами.

Черкесы, зная о бѣдственномъ положеніи русскаго отряда, рѣшились преградить ему путь въ одномъ изъ тѣсныхъ горныхъ проходовъ. Къ счастію, они опоздали. Первая колонна прошла благополучно и только уже вторая, генерала Булгакова, наткнулась на завалъ и очутилась подъ перекрестнымъ огнемъ турецкихъ орудій. Но генералъ Булгаковъ (впослѣдствіи начальникъ Кавказской линіи) былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ мужество возрастаетъ по мѣрѣ опасности. Увидѣвъ, что въ его положеніи нѣтъ другого выхода, кромѣ побѣды, онъ кинулся впередъ и, овладѣвъ батареею, проложилъ дорогу штыками.

Послѣ этого случая многіе стали совѣтовать Бибикову воротиться. Но ослѣпленный случайною удачею, онъ двигался впередъ и впередъ къ восточному берегу Чернаго моря, гдѣ стояла Анапа—предметъ его тайныхъ надеждъ и смѣлыхъ замысловъ. Черкесы между тѣмъ продолжали упорныя битвы: въ каждой долинѣ происходилъ конный бой; изъ-за каждаго куста, оврага и перелѣска русскихъ осыпали пулями; каждую высоту приходилось очищать штыками. Солдаты сражались съ безпримѣрнымъ мужествомъ. Смѣло можно сказать, что въ этомъ необычайномъ походѣ каждый рядовой заслужилъ названіе героя. Но, побѣждая не-

пріятеля, войска не могли побѣдить другого противника—голода: сухарей давно уже не было, и люди питались кореньями и сырою кониною.

Наконецъ 24 марта, послѣ сорока-двухъ-дневнаго марша, проведеннаго среди борьбы и лишеній, въ самый канунъ свѣтлаго Христова Воскресенія, русскіе вышли изъ горъ въ долину, разстилавшуюся до самыхъ стѣнъ Анапы. Несмотря на усталость, ночь проведена была въ молитвѣ: въ полкахъ служили заутрени и радостный гимнъ „Христосъ воскресе" торжественно звучалъ подъ чужимъ, мрачнымъ и покрытымъ свинцовыми тучами небомъ. Къ утру погода перемѣнилась; снѣгъ повалилъ хлопьями, закрутила вьюга и ударилъ такой морозъ, что въ лагерѣ замерзло до двухъ сотъ лошадей. Между тѣмъ съ первымъ проблескомъ дня, войска построились въ колонны и въ торжественномъ молчаніи двинулись къ крѣпости. Сорокатысячный гарнизонъ высыпалъ на валы, запестрѣвшіе множествомъ знаменъ и бунчуковъ, десятки турецкихъ орудій открыли огонь и около колоннъ запрыгали гранаты и ядра.

Солдаты бодро подвигались впередъ; въ ихъ рядахъ, по разсказу очевидца, слышались даже остроты насчетъ того, что-де турки хоть и бусурмане, а вотъ христосуются съ ними калеными ядрами. Но вотъ барабаны вдругъ загремѣли отбой, войска остановились и, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости, разбили свой лагерь. Въ это самое время турки, въ виду цѣлаго отряда, спустили съ крѣпостной стѣны какого-то всадника на бѣлой лошади. Ему, какъ оказалось впослѣдствіи, поручено было проскакать мимо нашего лагеря и увѣдомить горцевъ въ какой именно часъ и съ какой стороны они должны напасть на русскихъ одновременно съ турками.

Угадывая это намѣреніе, русскіе употребили всѣ средства, чтобы захватить всадника: за нимъ гнались по пятамъ, пересѣкали ему дорогу, метали въ него дротиками, стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ. Но онъ, словно заколдованный, успѣлъ вырваться изъ круга обступавшихъ его казаковъ и скрылся въ горахъ. Теперь нужно было ожидать ежеминутнаго нападенія. И дѣйстви-

тельно, на слѣдующій день 15000 турокъ, выйдя изъ крѣпости, бѣшено атаковали русскій лагерь. Громъ пушечныхъ выстрѣловъ, далеко отозвавшійся въ горахъ, послужилъ сигналомъ, по которому горцы въ безчисленномъ множествѣ кинулись съ тылу. Поставленные между двумя противниками, русскіе бились лицомъ на двѣ стороны. „И надо сказать правду, говоритъ участникъ этого боя:—непостижимо, какъ они уцѣлѣли, и нетолько уцѣлѣли, а еще остались побѣдителями!“ Особенно отличился при этомъ поручикъ Мейнцъ, въ глазахъ всего отряда съ однимъ эскадрономъ врубившійся въ массы турецкой кавалеріи. И турки и черкесы вынуждены были наконецъ отступить. Казаки преслѣдовали ихъ по пятамъ, и 6 тысячъ вражескихъ тѣлъ устлали поле сраженія.

Но радостный день побѣды грустно окончился для самихъ побѣдителей. Ослѣпленный блескомъ удачи, Бибиковъ не хотѣлъ довольствоваться уже пожатыми лаврами и отдалъ приказаніе идти немедленно на приступъ Анапы. Солдаты смѣшались съ толпами бѣгущихъ и быстро достигли до крѣпости. Но турки, не заботясь о своихъ бѣглецахъ, заперли ворота и встрѣтили русскихъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ. Будь у русскихъ лѣстницы, Анапа, вѣроятно, была бы взята. Но лѣстницъ не оказалось! Ночь, между тѣмъ, опускалась на землю, и русскіе, жестоко поражаемые картечью, стали отступать, оставя на полѣ до 600 человѣкъ убитыми.

Но этимъ бѣдствіе еще не кончилось. Черкесы, выжидавшіе издали, что произойдетъ подъ Анапой, какъ только увидѣли, что русскіе отступаютъ, вихремъ понеслись на отрядъ и ударили въ шашки. Мракъ ночи увеличивалъ общее смятеніе, и трудно сказать, что сталось бы съ разстроеннымъ русскимъ войскомъ, еслибъ спасеніе его не приняли на себя два храбрые маіора, Веревкинъ и Офросимовъ. Жертвуя собою, первый изъ нихъ съ двумя батальонами пѣхоты, а второй съ батареей, бросились на встрѣчу къ черкесамъ и, заслонивъ отрядъ своею грудью, дали ему время кое-какъ дотянуться до лагеря.

За днемъ кровопролитнаго сраженія наступила бурная ночь.

Съ одной стороны русскаго лагеря бушевало море, съ другой — шумъ, свистъ и вой вѣтра въ лѣсахъ и горныхъ ущельяхъ. Страшная гроза усугубляла ужасъ ночи. Но турки съ своей стороны боялись не грозы, а новаго приступа, и всю ночь простояли на валахъ, стрѣляя отъ времени до времени изъ пушекъ.

Три дня провели русскіе подъ стѣнами Анапы. Наконецъ Бибиковъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ большинство голосовъ высказалось за отступленіе, такъ какъ голодъ и недостатокъ въ боевыхъ припасахъ не позволяли думать о новомъ приступѣ. Лишь только отданъ былъ приказъ отступать и войска стали сниматься съ позиціи, въ лагерь явился какой-то турецкій невольникъ и поднесъ Бибикову пшеничный хлѣбъ, сказавъ, что паша посылаетъ этотъ хлѣбъ главнокомандующему, чтобы тотъ не умеръ отъ голоду въ дорогѣ. И эту дерзкую выходку пришлось оставить безъ вниманія.

Отступленіе сопровождалось еще большими бѣдствіями. Чтобы достигнуть Кубани, была избрана кратчайшая дорога, по которой шелъ Текелли. Но здѣсь надо было переходить густой лѣсъ, а за нимъ непроходимую, узкую и глубокую рѣчку, чрезъ которую только въ одномъ пунктѣ былъ перекинутъ небольшой мостъ. И счастье, что Бибиковъ успѣлъ захватить этотъ мостъ прежде, чѣмъ подошли къ нему горцы, намѣревавшіеся въ этомъ пунктѣ отрѣзать отступленіе. Едва послѣдніе ряды солдатъ перешли рѣчку—показались горцы и турки. Уничтожить мостъ уже не было времени и Бибикову оставалось только задержать непріятеля артиллерійскимъ огнемъ. Началась настоящая бойня. Цѣлый часъ 16 орудій въ перекрестъ били картечью по мосту, и цѣлый часъ черкесы и турки, какъ бѣшеные, ломились на мостъ, заваливая его своими трупами. Только громадныя потери заставили наконецъ упрямаго непріятеля отказаться отъ нападенія. Мостъ былъ сожженъ, и отрядъ, положивъ между собой и горцами неодолимую преграду, сталъ отступать спокойнѣе. Теперь ему предстояла главнымъ образомъ борьба съ природою, но и эта борьба была такова, что о ней съ трепетомъ помышляли самые безстрашные воины.

Весна въ этомъ году стояла ранняя и дружная; горные ручьи превратились въ бурныя рѣки; овраги и долы наполнились водою. Вездѣ была невылазная грязь, мокрота, и люди не пытались даже сушить свое платье. Въ одномъ мѣстѣ войскамъ пришлось сдѣлать цѣлый переходъ въ 14 верстъ въ водѣ по самое горло; солдаты коченѣли отъ холода, нѣкоторые теряли сознаніе, падали и погибали, прежде чѣмъ имъ успѣвали подать какую-нибудь помощь. Бибиковъ тогда напалъ на мысль перемѣнить направленіе, перейдя на другую, хотя окружную, но болѣе сухую, горную дорогу. Но противъ этого возстали всѣ офицеры, говоря, что солдаты, изнуренные голодомъ, не вынесутъ этого пути и сдѣлаются жертвою черкесовъ. Болѣе всѣхъ противился перемѣнѣ дороги извѣстный Офросимовъ,—у него не осталось и по пяти зарядовъ на орудіе. Бибиковъ арестовалъ Офросимова и даже приковалъ его къ пушкѣ. Тогда взбунтовались солдаты; они легли на землю и кричали: „пусть будетъ, что угодно Богу и матушкѣ царицѣ, а дальше мы идти не можемъ“. Собрался новый военный совѣтъ, и Бибиковъ вынужденъ былъ наконецъ подчиниться общему рѣшенію. Офросимова освободили, и войска двинулись опять къ высокому нагорному берегу Кубани, который уже „маячилъ“ въ синевѣ далекаго туманнаго горизонта. Но отряду пришлось и тутъ испытать горькое разочарованіе: глубокая и быстрая рѣка, разлившись на необозримое пространство, бѣшено катила пѣнящіяся волны, ворочая громадные камни и унося, какъ щепы, вырванные съ корнями дубы и чинары — и переправы не было.

Между тѣмъ горцы опять настигли отрядъ, и опять начались ежедневныя схватки, не всегда успѣшныя для русскихъ. Такъ, въ одной изъ нихъ Уральскій казачій полкъ потерялъ всѣхъ своихъ лошадей и очутился пѣшимъ. Положеніе отряда, прижатаго къ Кубани, было безвыходное; но все же отбиваться отъ горцевъ легче было стоя на мѣстѣ, нежели въ походѣ, что неизбѣжно случилось бы, еслибъ отрядъ пошелъ по пути, выбранному Бибиковымъ. Къ счастію, духъ въ полкахъ сохранился превосходный. Минутное неудовольствіе людей не оставило по себѣ замѣтнаго слѣда; солдаты опять были тѣми же бодрыми, храбрыми и терпѣливыми

солдатами, готовыми сто разъ пожертвовать своею жизнью, чтобы спасти честь русскаго знамени и своего начальника. Днемъ они сражались, ночью съ чисто-русскою сметкою мастерили летучіе паромы изъ камыша, въ которомъ, къ счастію, недостатка не было. Скоро паромы были готовы, и на этихъ-то утлыхъ плотахъ отрядъ совершилъ свою невѣроятную переправу. Правда, нѣкоторые изъ этихъ плотовъ опрокинулись и люди, бывшіе на нихъ, потонули, нѣкоторые унесены были быстротою теченія въ Черное море, но большинство добралось таки до русскаго берега. Орудія спасены были всѣ, и отрядъ не оставилъ въ рукахъ непріятеля ни одного трофея.

Такъ окончился этотъ походъ, не безъ основанія сравниваемый однимъ изъ современниковъ съ походомъ Кортеса въ Мексику.

Общую потерю бибиковскаго отряда показываютъ различно. По оффиціальнымъ донесеніямъ она не превышала 1100 человѣкъ, но по другимъ извѣстіямъ изъ всего 8-тысячнаго войска вернулись только 3 тысячи на ногахъ и тысяча совершенно больныхъ, причемъ изъ послѣднихъ большая часть умерла.

Слухъ о бѣдственномъ положеніи Бибикова за Кубанью дошелъ до свѣтлѣйшаго князя Потемкина, и командиру кубанскаго корпуса, генералъ-лейтенанту барону Розену, приказано было поспѣшно идти за Кубань, чтобы разыскать отрядъ и помочь ему выйдти на линію. Розенъ, однако, встрѣтилъ Бибикова уже на правомъ берегу внѣ всякой опасности. Изъ его донесенія Потемкину видно, что онъ нашелъ кавказскій корпусъ въ совершенномъ разстройствѣ. „Офицеры и нижніе чины, писалъ онъ:—находятся въ такомъ жалкомъ видѣ, который выше всякаго выраженія; всѣ они опухли отъ голода и истомлены маршами, стужею и непогодами, отъ которыхъ не имѣли никакого укрытія. Солдаты и офицеры лишились въ этомъ походѣ всего своего имущества и остались въ рубищахъ, босые, безъ рубахъ и даже безъ нижняго бѣлья, которое погнило на людяхъ“.

Скоро узнала подробно о походѣ и императрица. „Экспедиція Бибикова, писала она князю Потемкину:—для меня весьма странна

и ни на что не похожа; я думаю, что онъ съ ума сошелъ, державъ людей сорокъ дней въ водѣ, почти и безъ хлѣба; удивительно, какъ единый остался живъ. Я почитаю, что немного съ нимъ возвратилось; дай знать, сколько пропало—о чемъ я весьма тужу. Если войска взбунтовались, то сему дивиться нельзя, а болѣе надо дивиться сорокодневному ихъ терпѣнію. Сіе дѣло нѣсколько схоже съ Тотлебеновымъ и Сухотинымъ въ прошедшую войну".

Назначено было и формальное слѣдствіе. Бибиковъ сентенціею военнаго суда былъ отставленъ отъ службы, но отрядъ, отличившійся мужествомъ въ битвахъ и перенесеніемъ тяжкихъ трудовъ и лишеній въ походѣ, награжденъ былъ особенною серебряною медалью на голубой лентѣ съ надписью: „за вѣрность".

XVI.

Нашествіе Баталъ-паши.

(Генералъ Германъ).

Вторая турецкая война (1787—1792), во время которой Турція еще живо чувствовала потерю Крыма, естественно не могла не поставить вопроса объ обратномъ его завоеваніи. При неудачахъ на Дунаѣ, Турціи представлялось единственно возможнымъ дѣйствовать для этой цѣли только съ Чернаго моря да съ кавказскихъ его побережій, и такимъ образомъ устья Кубани и крѣпость Анапа силою самимъ обстоятельствъ выдвигаются въ тотъ моментъ кавказской войны опять на первый планъ. Къ несчастію, выполненіе мысли турокъ о нападеніи на Крымъ совпало съ неудачной экспедиціей Бибикова, которая поставила весь кавказскій корпусъ, разстроенный большими потерями, въ рѣшительную невозможность мѣшать приготовленіямъ турокъ въ теченіе всего 1789 года. Между тѣмъ Баталъ-паша, назначенный сераскиромъ надъ всѣми войсками для покоренія Тавриды, дѣятельно готовился

къ открытію кампаніи. Турецкіе десанты давно уже высадились на берега Чернаго моря; пятитысячные гарнизоны занимали Суджукъ и Анапу; сильный отрядъ при восьми орудіяхъ расположился на лѣвомъ берегу Кубани около устья рѣки Зеленчука, гдѣ были развалины стараго турецкаго окопа Аджи-кале. И всѣ кавказскіе народы призывались къ единодушному ополченію противъ Россіи.

Въ то же самое время сильный турецкій флотъ съ десантными войсками приближался къ берегамъ Тавриды, и Крыму угрожала серьезная опасность быть атакованнымъ съ моря и съ суши. Но истребленіе турецкихъ кораблей эскадрою контръ-адмирала Ушакова въ Еникольскомъ проливѣ дало иной оборотъ кампаніи — экспедиція въ Тавриду разстроилась. Не имѣя возможности проникнуть туда сухимъ путемъ безъ содѣйствія флота, Баталъ-паша рѣшился обратить свое оружіе на Кавказскую линію, разсчитывая, что не трудно будетъ разбить остатки кавказскаго корпуса, уцѣлѣвшіе отъ экспедиціи Бибикова, и затѣмъ, ворвавшись черезъ южную границу въ Россію, привлечь снова къ отоманскимъ бунчукамъ счастіе, оставившее ихъ на придунайскихъ равнинахъ.

Замыслы у Баталъ-паши были обширные. Онъ полагалъ, что при первыхъ успѣхахъ его на Кавказской линіи легко будетъ поднять всѣхъ мусульманъ, живущихъ подъ скипетромъ Русской имперіи, и что при этихъ условіяхъ ему возможно будетъ отторгнуть отъ Россіи древнія татарскія царства, или по крайней мѣрѣ распространить мятежъ по Волгѣ и Уралу до самой Сибири.

Дѣла принимали серьезный оборотъ, а тутъ случилось, что назначенный на мѣсто графа Салтыкова новый камандующій войсками на линіи, генералъ-аншефъ Де-Бальменъ, прибылъ въ Георгіевскъ больнымъ, слегъ въ постель и не могъ самъ предводительствовать войсками. Обстоятельство это могло ослабить въ дѣйствіяхъ кавказскихъ войскъ необходимое единство распоряженій. И дѣйствительно, какъ мы увидимъ, вся тяжесть борьбы съ Баталъ-пашею пала не на весь кавказскій корпусъ, а на одинъ отрядъ генерала Германа, которому и принадлежитъ вся слава баталпашинскаго погрома.

Генералъ-маіоръ Германъ, собственно Германъ фонъ-Ферзенъ, былъ родомъ саксонецъ, но носилъ русское имя Ивана Ивановича

и по своему уму, привычкамъ и образу жизни былъ чисто русскій человѣкъ. Какъ выдающійся по своимъ способностямъ офицеръ, онъ еще подпоручикомъ былъ назначенъ въ генеральный штабъ, и послѣ первой турецкой войны, давшей ему случай отличиться, на него возложены были важныя по тому времени порученія—составить карты и военныя обозрѣнія русскихъ границъ съ Польшею, съ Финляндіею и съ Персіею, а также по Уралу и Дону. Въ чинѣ подполковника перейдя въ Кабардинскій полкъ, отправлявшійся тогда на Кавказъ, онъ является руководителемъ постройки Георгіевска и другихъ редутовъ и крѣпостей по Моздокско-Азовской линіи. Впослѣдствіи, онъ командовалъ, на линіи же, Владимірскимъ полкомъ, а за тѣмъ бригадою. 14 лѣтъ, проведенныхъ Германомъ на Кавказѣ, представляютъ собою рядъ непрерывныхъ экспедицій, походовъ и дѣлъ съ непріятелемъ; можно поистинѣ сказать, что все это время онъ не выходилъ изъ огня, избираемый всегда для выполненія самыхъ важныхъ боевыхъ операцій, и его отвага вошла въ поговорку между солдатами. За экспедицію Текелли къ Анапѣ онъ былъ произведенъ въ генералы и назначенъ командиромъ бригады, расположенной въ Георгіевскѣ и состоявшей изъ трехъ полковъ: Кабардинскаго, Владимірскаго и Казанскаго. Въ этомъ-то званіи и застало его нашествіе Баталъ-паши.

Весь кавказскій корпусъ, наскоро укомплектованный чѣмъ только было возможно, двинулся къ Кубани на встрѣчу врагу тремя отдѣльными отрядами. Одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ генерала Булгакова, сталъ между Кубанью и рѣкою Кумою; другой, бригадира Беервица—у Прочнаго Окопа, а третій, именно генерала Германа, расположился на самой Кумѣ, при Песчаномъ Бродѣ, верстахъ въ шестидесяти отъ Георгіевской крѣпости.

22 сентября, какъ разсказываетъ Германъ въ своихъ запискахъ, онъ возвратился изъ Георгіевска, куда ѣздилъ видѣться съ умирающимъ графомъ Де-Бальменомъ. Въ лагерѣ онъ засталъ всѣхъ въ большой тревогѣ. Разсказывали, что Баталъ-паша, сосредоточивъ подъ свои знамена до 50 тысячъ турокъ и горцевъ при 30 орудіяхъ, перешелъ Лабу и стоитъ уже на Урупѣ. Это извѣстіе привезъ одинъ изъ абазинскихъ князей, родственникъ

подполковника Мансурова; онъ самъ видѣлъ Баталъ-пашу и разговаривалъ со многими горскими князьями, съѣхавшимися въ турецкій станъ, чтобы участвовать въ походѣ на русскую линію. Изъ собранныхъ имъ въ турецкомъ лагерѣ свѣдѣній можно было заключить, что Баталъ-паша намѣренъ идти въ Кабарду и разсчитываетъ на тайную помощь персидскаго шаха, который въ то время стоялъ съ войсками на Сунжѣ и только ждалъ благопріятной минуты вмѣшаться въ русско-турецкую распрю.

Чтобы лучше слѣдить за непріятелемъ, Германъ въ тотъ же день оставилъ Песчаный Бродъ и въ два дневныхъ перехода передвинулся къ берегамъ Кубани. Всѣ татарскіе аулы, встрѣчавшіеся на пути, были пусты, и это могло служить зловѣщимъ признакомъ: неизвѣстно было, передались ли жители непріятелю или ушли къ русскимъ.

Сильные разъѣзды, высланные изъ отряда, ходили вверхъ и внизъ по Кубани, но нигдѣ ничего подозрительнаго не видѣли. Ночь прошла спокойно, а 24 числа Германъ, сдѣлавъ еще рекогносцировку окрестностей, сталъ на крѣпкой и возвышенной позиціи у Кубанскаго редута. Здѣсь въ первый разъ услышаны были далеко за рѣкою непріятельскіе сигнальные выстрѣлы изъ большихъ орудій. Русскіе разъѣзды ходили за Кубань до Зеленчука, но далѣе проникнуть не могли, потому что вездѣ встрѣчали сильныя непріятельскія партіи. Они видѣли большую пыль въ долинѣ между Большимъ и Малымъ Зеленчуками и дымъ сигнальныхъ костровъ, яркими звѣздами свѣтившихся по вершинамъ горъ. Очевидно было, что непріятель приближается. Германъ приказалъ тремъ отборнымъ казакамъ пробраться ночью къ турецкому лагерю и развѣдать насколько возможно о силахъ непріятеля. Казаки вернулись на свѣту и объявили, что главная турецкая армія стоитъ верстахъ въ 25 за Малымъ Зеленчукомъ, но что передовые отряды ея перекинуты за Каменныя горы и стерегутъ ущелья, обезпечивая открытый путь къ Кубани. Какъ въ этотъ, такъ и на слѣдующій день въ лагерѣ происходили безпрерывныя тревоги: непріятельскіе конные отряды неоднократно подходили къ русскому лагерю верстъ на десять, останавливались, дѣлали рекогносцировки и уходили. Опасаясь, чтобы непріятель

не переправился ниже, у Каменнаго Брода, и не отрѣзалъ отступленія къ Георгіевску, Германъ отодвинулся верстъ на 15 назадъ и сталъ на рѣкѣ Подпаклеѣ. На соединеніе съ нимъ скоро подошла колонна Беервица. Такимъ образомъ боевая сила отряда возросла до 3600 человѣкъ пѣхоты и конницы при 6 полевыхъ орудіяхъ, и это было все, что русскіе могли противопоставить 50-тысячному полчищу. Отрядъ Булгакова находился верстахъ въ 80 у Прочнаго Окопа, а весь кубанскій корпусъ сосредоточенъ былъ на Лабѣ и, какъ оказалось впослѣдствіи, не имѣлъ даже свѣдѣній о нашествіи непріятеля.

28-го сентября утромъ разъѣзды прискакали съ извѣстіемъ, что всѣ непріятельскія силы двинулись отъ Зеленчука къ Кубани. Въ полдень турки переправились на русскій берегъ рѣки и, остановившись у Каменнаго Брода, стали укрѣплять позицію. Между тѣмъ Тахтамышевыя горы, черезъ которыя лежалъ ихъ путь въ Кабарду, остались почему-то не занятыми ими. Всѣ эти обстоятельства дали поводъ генералу Герману предположить: 1) что силы Баталъ-паши еще не всѣ находятся въ сборѣ—иначе онъ не преминулъ бы атаковать нашъ слабый отрядъ, не останавливаясь; 2) что, укрѣпляя бродъ, онъ приготовляетъ себѣ свободный путь къ отступленію—слѣдовательно труситъ, и 3) что Тахтамышскія высоты, оставленныя имъ безъ вниманія, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ или совсѣмъ не разумѣетъ своего ремесла, или слишкомъ самонадѣянно разсчитываетъ на свои силы.

Эти соображенія дали генералу Герману рѣшимость самому предупредить непріятеля въ Тахтамышевыхъ горахъ и удерживать ихъ за собою до прибытія Булгакова, которому еще наканунѣ сообщены были подробныя свѣдѣнія о движеніи непріятеля. Германъ выступилъ въ 10 часовъ вечера. Но темная осенняя ночь, ненастье и отсутствіе опытныхъ проводниковъ испортили дѣло: отрядъ, повидимому хорошо знакомый съ мѣстностію, на которой онъ только что передъ этимъ стоялъ лагеремъ около мѣсяца, сбился съ дороги и только подъ утро выбрался наконецъ къ Подпаклеѣ. Продолжать движеніе днемъ было немыслимо, и отрядъ остановился верстахъ въ 10 отъ турецкаго лагеря.

Непріятель весь день занимался укрѣпленіемъ своей позиціи и не трогался съ мѣста. Вечеромъ замѣчено было однако нѣкоторое движеніе по дорогамъ, ведущимъ на Бѣлую Мечеть; но разгадать, въ чемъ заключались намѣренія непріятеля, было трудно. Двигаясь по этой дорогѣ, онъ могъ идти въ Кабарду, оставивъ на Кумѣ сильный постъ для наблюденія за русскими, могъ атаковать Георгіевскую крѣпость и могъ наконецъ окружить русскій отрядъ, отрѣзавъ ему всѣ пути къ отступленію. Во всякомъ случаѣ генералъ Германъ видѣлъ, что если Баталъ-паша успѣетъ захватить въ свои руки верховья Кумы и утвердиться у Бѣлой Мечети, то соединеніе его съ кабардинцами будетъ обезпечено—и для Кавказской линіи могутъ возникнуть серьезныя опасности.

Наступила ночь. Ожидая нападенія, отрядъ не ложился спать; разъѣзды ходили по всѣмъ направленіямъ, а кругомъ лагеря въ травѣ лежали пѣхотные секреты. Шумъ непріятельскаго движенія былъ слышенъ до самой зари и какъ бы указывалъ, что времени терять нельзя. Бѣлая Мечеть, этотъ узелъ дорогъ, расходящихся оттуда въ Кабарду и Георгіевскъ, лежала отъ турецкаго лагеря только на одинъ переходъ. „Положеніе, говоритъ самъ Германъ:—въ которомъ я находился, не могло продолжаться долго. Все приготовлено было къ какому нибудь важному приключенію на этой границѣ, и все возвѣщало мнѣ о его приближеніи“.

Сравнивая свой малочисленный отрядъ съ тѣми силами, которыя, по слухамъ, составляли войско Баталъ-паши, Германъ видѣлъ ясно, что одна быстрота можетъ доставить ему побѣду, и положилъ немедленно ударить на турокъ. Стало свѣтать. „Я собралъ, разсказываетъ Германъ:—своихъ сотоварищей и, объяснивъ имъ наше критическое положеніе, сказалъ, что я не могу ожидать прибытія Булгакова, а долженъ атаковать непріятеля немедленно, и что если я дамъ свободу Баталъ-пашѣ еще на одинъ только день, то потеряю Куму, а можетъ быть и всю кавказскую границу“. Рѣшимость начальника сообщилась всѣмъ его подчиненнымъ и наступленіе рѣшено было единодушно.

30-го сентября около 8 часовъ утра тронулся авангардъ, со-

ставленный изъ семи сотъ человѣкъ съ двумя орудіями, подъ командою опытнаго въ бояхъ и храбраго маіора князя Орбеліани. Онъ имѣлъ приказаніе занять командующія высоты надъ рѣкою Тахтамышемъ и держаться на нихъ до послѣдняго человѣка. Вслѣдъ за нимъ двинулись изъ лагеря остальныя колонны. Въ это самое время пришло извѣстіе отъ генерала Булгакова, что онъ надѣется къ ночи быть у Кубанскаго редута. Но жребій былъ уже брошенъ: нашъ авангардъ стоялъ въ сильнѣйшемъ огнѣ, и вырвать его оттуда не было возможности.

„Какъ только тронулись войска", замѣчаетъ въ своихъ запискахъ Германъ — „пошелъ дождь, а у русскихъ это счастливая примѣта, которая и сбылась въ этотъ день больше, нежели ожидать было можно".

Часовъ въ десять утра вся мѣстность около Танлыцкихъ и Тахтамышевыхъ вершинъ зачернѣлась массами турокъ и горцевъ. Это были главныя силы Баталъ-паши, которыя приспѣли къ мѣсту боя почти одновременно съ русскими. Боевая линія турокъ растянулась по надъ рѣчкою Тахтамышемъ и встрѣтила русскихъ сильнѣйшимъ огнемъ изъ тридцати орудій. Противъ нихъ выдвинута была батарея маіора Офросимова. Два часа продолжалась жестокая канонада; наконецъ Офросимову удалось подбить непріятельскія орудія, и турецкій огонь примѣтно сталъ ослабѣвать по всей линіи. Въ то же самое время черкесская конница, стремившаяся обскакать русскихъ съ фланговъ и съ тылу, была разбита и прогнана полковникомъ Буткевичемъ. Этимъ рѣшительнымъ моментомъ Германъ воспользовался, чтобы перейдти въ наступленіе.

Драгуны полковника Муханова, стоявшіе на правомъ флангѣ, первые понеслись въ атаку и врѣзались въ непріятельскую пѣхоту; ихъ поддержали егеря Беервица. Въ то же время нашъ лѣвый флангъ, подъ начальствомъ полковника Чемоданова, потѣснилъ правое крыло непріятеля, а ударъ бригадира Матцена въ центръ рѣшилъ побѣду. И сорокъ тысячъ турокъ и черкесовъ, на голову разбитые тремя тысячами русскихъ, обратились въ бѣгство, бросивъ лагерь, обозы и артиллерію.

Но самымъ важнымъ результатомъ этой побѣды было плѣненіе Баталъ-паши. Какъ только началось преслѣдованіе, донской

казачій полкъ, подъ командою 18-ти-лѣтняго юноши, войскового старшины Луковкина *), ворвался въ турецкій станъ и отбилъ два знамени и пушку, а самъ Луковкинъ въ сопровожденіи своихъ ординарцевъ наскочилъ на сераскира и взялъ его въ плѣнъ вмѣстѣ со всею свитою. Ожесточенные казаки рубили всѣхъ и, вѣроятно, Баталъ-пашу постигла бы та же участь, если бы не спасли ему жизнь подоспѣвшіе егеря Беервица **). Потеря непріятеля была громадная и считалась тысячами убитыхъ, такъ какъ малочисленность русскаго отряда не позволяла ему брать плѣнныхъ. Со стороны русскихъ общій уронъ не превышалъ полутораста человѣкъ убитыми и ранеными.

Такъ кончился день, который останется навсегда памятнымъ въ исторіи Кавказскаго края. Впослѣдствіи близъ мѣста этой славной битвы была основана станица Хоперскаго казачьяго полка, которая въ честь ея и названа Баталпашинскою. Зиссерманъ въ своей „Исторіи Кабардинскаго полка“ справедливо замѣчаетъ, что станицу слѣдовало бы назвать не Баталпашинскою, а Германовскою, по имени побѣдителя, а не побѣжденнаго.

Остатки турецкаго войска, бѣжавшіе отъ Каменнаго Брода, были добиты окончательно кубанскимъ корпусомъ барона Розена, встрѣтившимъ ихъ на лѣвой сторонѣ Кубани. Въ этой экспедиціи Нижегородскій драгунскій полкъ подъ начальствомъ князя Щербатова разыскалъ и сжегъ всѣ магазины и провіантскіе склады, заготовленные въ аулахъ для турецкой арміи. Горцы, не успѣвшіе предупредить набѣга, отрѣзали однако, драгунамъ отступленіе и окружили ихъ въ тѣсномъ горномъ ущельи. По счастію,

---

*) Впослѣдствіи Луковкинъ былъ генералъ-маіоромъ и въ царствованіе императора Александра I, предводительствуя казаками въ турецкой войнѣ и затѣмъ въ наполеоновскихъ войнахъ 12, 13, и 14 годовъ, прославился какъ одинъ изъ безстрашныхъ наѣздниковъ. Орденъ св. Георгія 4-й степени и золотая сабля за Шумлу, Георгій на шею за Лейпцигъ и наконецъ золотая же сабля, осыпанная алмазами, за окончаніе войны — были достойными наградами этому храброму воину.

**) Баталъ-паша провелъ въ плѣну девять лѣтъ. Онъ долго жилъ въ Крыму и выѣхалъ оттуда только въ 1799 году, когда Турція ввѣрила ему начальство въ Анатоліи. Онъ довольно чисто говорилъ по-русски и оставилъ Россію съ сожалѣніемъ.

нижегородцы, не потерявъ присутствія духа, спѣшились и проложили себѣ дорогу штыками.

Впослѣдствіи Германъ, указывая причины пораженія турокъ, писалъ въ своихъ „запискахъ“ слѣдующее: „Первая и главная ошибка Баталъ-паши состояла въ томъ, что онъ остановился на Кубани и безъ всякой надобности потерялъ цѣлые три дня, въ продолженіе которыхъ могъ бы быть у самаго Георгіевска. Тогда, хотя бы турецкая армія и была разбита въ полевомъ сраженіи, все-таки большая часть Кавказской линіи едва ли была бы спасена отъ погрома. Во время сраженія турки также сдѣлали три важныя ошибки: они не употребили всѣхъ своихъ силъ, чтобы отбить у насъ Тахтамышскія горы, пока мы не успѣли еще на нихъ утвердиться, не заняли высотъ, лежавшихъ у насъ на лѣвомъ флангѣ, которыхъ мы не могли занять по своей малочисленности, и наконецъ приняли бой на такой невыгодной мѣстности, гдѣ артиллерія ихъ не могла нанести намъ значительныхъ потерь“.

„Въ свою очередь и мы, замѣчаетъ Германъ: — не были безупречны въ своихъ распоряженіяхъ. Такъ, напримѣръ, мы знали, и знали довольно вѣрно, что Баталъ-паша стоитъ на Лабѣ, а между тѣмъ не только не позаботились сосредоточить всѣ свои силы, а напротивъ отправили цѣлый корпусъ за Кубань, гдѣ онъ простоялъ безъ всякой пользы“. „Мнѣ также, говоритъ онъ далѣе: — не слѣдовало бы бросать свою позицію у Кубанскаго редута: я этимъ открылъ Кубань и при другихъ условіяхъ могъ подвергнуть нашу границу чрезвычайной опасности“.

Блистательная побѣда надъ сорока-тысячною арміею, которую турки собирали два года для нанесенія русскимъ рѣшительнаго удара, имѣла громадныя послѣдствія для края. Она не только загладила дурное впечатлѣніе, произведенное неудачнымъ походомъ Бибикова, но и утвердила надолго среди кавказскихъ племенъ убѣжденіе въ непобѣдимости русскихъ и подготовила паденіе Анапы. Императрица Екатерина пожаловала Герману за этотъ подвигъ прямо орденъ св. Георгія 2-го класса, даваемый въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и пятьсотъ душъ въ Полоцкой губерніи. Храбрый Луковкинъ былъ награжденъ премьеръ-маіорскимъ чиномъ,

а Беервицъ, Чемодановъ, Буткевичъ и Мухановъ получили ордена св. Георгія 4-й степени.

Умирающій графъ де-Бальменъ имѣлъ утѣшеніе получить извѣстіе объ этой побѣдѣ за нѣсколько часовъ до своей кончины. Дрожащею рукою онъ подписалъ послѣднее донесеніе свое къ императрицѣ и въ тотъ же день, 1 октября 1790 года, скончался на 49 году отъ рожденія.

Имя графа теперь почти никому неизвѣстно на Кавказѣ. Но оно заслуживаетъ памяти, какъ имя главнокомандующаго въ смутное и богатое событіями и результатами время, когда положенъ былъ конецъ горделивымъ замысламъ Порты, стремившейся ниспровергнуть на Кавказѣ русское владычество. Смерть графа де-Бальмена прошла до такой степени незамѣченною, что даже могила его, могила главнокомандующаго всѣми кавказскими войсками, долгое время оставалась неизвѣстною, и уже нашему поколѣнію принадлежитъ честь открытія ея.

Въ Георгіевскѣ, въ полуверстѣ отъ предмѣстья, называемаго Тифлисскою слободкою, на юго-западъ отъ крѣпости, есть небольшое, давно покинутое кладбище, состоящее изъ нѣсколькихъ могилъ, почти уже сравнявшихся съ землею. Три-четыре надгробныхъ памятника, полуразрушенныхъ временемъ, уныло смотрятъ своими остатками, и старое грушевое дерево, тоже изсохшее и покривившееся, одиноко сторожитъ пріютъ забвенія и смерти. На одной изъ этихъ могилъ долго лежала разбитая пополамъ чугунная плита, не привлекавшая къ себѣ ничьего вниманія. Но въ 1858 году бывшій тогда полиціймейстеромъ въ Георгіевскѣ, М. Ѳ. Федоровъ, случайно прочиталъ на этой плитѣ: „здѣсь погребено тѣло командующаго кавказскимъ корпусомъ графа Антона Богдановича Де-Бальмена“. О своей находкѣ Федоровъ немедленно сообщилъ въ Тифлисъ, и князь Барятинскій, бывшій въ то время кавказскимъ намѣстникомъ, пожелалъ почтить память своего отдаленнаго предмѣстника. Онъ приказалъ возобновить могилу покойнаго графа, поставить на ней памятникъ и устроить вокругъ него рѣшетку изъ стараго оружія и чугунныхъ пушекъ, хранившихся въ Георгіевскомъ арсеналѣ.

Тогда же возобновлена была и трогательная эпитафія, во

вкусѣ XVIII вѣка, которая можетъ служить прекрасною характеристикою личности покойнаго графа:

«Прохожій! сказано въ ней:—Сей былъ твой другъ, ибо между добродѣтелями, которыя онъ почиталъ и которымъ слѣдовалъ — благодѣянія и человѣколюбіе занимали въ немъ первѣйшую степень; онѣ были столь драгоцѣнны сердцу его, что даже въ первомъ восторгѣ побѣды онъ щадилъ кровь побѣжденнаго непріятеля. Почти же и ты сію гробницу, которую супруга, орошенная слезами, воздвигла надъ нимъ, и пожелай, чтобы сей другъ человѣчества, сей достойный и добрый гражданинъ почивалъ въ покоѣ».

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ главнаго героя описанныхъ событій, генерала Германа, и о печальныхъ обстоятельствахъ, незаслужено омрачившихъ на склонѣ дней жизнь одного изъ лучшихъ генераловъ суворовскаго времени.

Оставивъ Кавказъ въ 1791 году, Германъ, послѣ недолговременной службы въ войскахъ, расположенныхъ въ Литвѣ и Польшѣ, назначенъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ всей русской арміи. Въ этомъ званіи онъ произвелъ осмотръ береговъ Чернаго моря для изысканія мѣръ противъ враждебныхъ покушеній французскаго флота и заслужилъ особую признательность императора Павла Перваго. Императоръ предназначалъ его даже для командованія русскими войсками въ Италіи, но за назначеніемъ туда Суворова, Германъ, произведенный въ генералы отъ инфантеріи, получилъ въ команду десантный корпусъ, которому было поручено вмѣстѣ съ англичанами очистить Голландію отъ французовъ, въ то время какъ Суворовъ долженъ былъ очистить отъ нихъ Италію.

Послѣднее отдѣленіе десантныхъ войскъ, при которыхъ находился самъ Германъ, высадилось на берегъ въ мѣстѣ расположенія англійскихъ войскъ, въ окрестностяхъ Бергена, вечеромъ 7 сентября 1799 года. На вопросъ одного изъ своихъ генераловъ: гдѣ оставить полки?—Германъ лаконически отвѣтилъ: «на плечахъ французовъ!» Приходилось дѣйствительно тамъ останавливать ихъ, потому что главнокомандующій союзными войсками, герцогъ Іоркскій,

назначилъ общую атаку непріятельской позиціи на другой день, 8 сентября, съ разсвѣтомъ; говорятъ однако, что герцогъ, узнавши о поздней высадкѣ русскихъ, предложилъ отмѣнить диспозицію, чтобы дать время войскамъ отдохнуть и приготовиться къ бою. Германъ отвѣчалъ, что находитъ это ненужнымъ. И онъ былъ правъ, какъ показали послѣдствія: войска дрались съ такимъ увлеченіемъ, которое исключало всякую мысль объ устали и отдыхѣ, и если геройскія усилія ихъ не увѣнчались успѣхомъ, то причину этого нужно искать скорѣе всего въ характерѣ и дѣйствіи союзниковъ.

Ночь, предшествовавшая кровавому бою, какъ нарочно, наступила темная, ненастная, тучи заволокли небо, шелъ дождикъ; а русскіе, усталые, еще неоправившіеся отъ труднаго морскаго плаванія, вовсе не ложились спать, ожидая разсвѣта, съ которымъ должна была начаться атака. Германъ между тѣмъ взвѣсилъ всѣ шансы предстоящаго боя. Онъ понималъ, что передъ нимъ была не турецкая орда, которую онъ разбилъ на Кубани, а опытные, закаленные въ бояхъ французскіе полки. Но такъ какъ численность французовъ не превышала русскія силы, то весь вопросъ сводился для него на то, какъ бы скорѣе и съ наименьшею потерею добраться до непріятельской позиціи; о томъ же, что непріятель могъ дать отпоръ и устоять противъ штыковаго удара, ему не приходидо и въ голову. Зная, далѣе, что ему предстояло начать движеніе по двумъ плотинамъ подъ сильнѣйшимъ картечнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, онъ прежде всего хотѣлъ избѣжать потерь, сопряженныхъ съ открытою атакою тѣснить среди бѣлаго дня, и рѣшился произвести внезапное ночное нападеніе. Съ этою цѣлью онъ вопреки диспозиціи повелъ свои войска за два часа до разсвѣта.

Подъ покровомъ ночи войска атаковали непріятеля съ такимъ необычайнымъ мужествомъ, что выбили его моментально изъ трехъ ретраншаментовъ, взяли штыками нѣсколько батарей, завладѣли тремя укрѣпленными деревнями и ворвались въ самый Бергенъ, ключъ непріятельской позиціи. Весь бой происходилъ на протяженіи 15 верстъ. 14 отбитыхъ пушекъ, 1000 плѣнныхъ и болѣе 2-хъ тысячъ убитыхъ непріятелей служили доказательствомъ предусмо-

трительнаго разсчета генерала Германа, достигшаго столь блистательнаго успѣха съ потерею лишь нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ Бергенѣ успѣхи русскихъ однакоже остановились. Англичане не приходили на помощь. Такъ прошло 4 часа. Французы между тѣмъ успѣли стянуть сюда значительныя силы и сами перешли въ наступленіе. Тогда въ небольшомъ и тѣсномъ городкѣ произошла ожесточенная битва. Французскія колонны съ разныхъ сторонъ повели атаку и имъ удалось наконецъ ворваться на площадь. Дѣло кончилось тѣмъ, что изъ всѣхъ трехъ командовавшихъ генераловъ—Жеребцовъ былъ убитъ картечью, Сутгофъ раненъ, а самъ корпусный командиръ, отрѣзанный отъ войска, внезапно очутился въ плѣну. Потерявъ начальниковъ, русскія войска смѣшались и отступили, оставивъ въ рукахъ непріятеля знамя и 12 орудій. Только къ 11 часамъ утра подошли наконецъ англичане, но возстановить проигранную битву для нихъ не представлялось уже возможности.

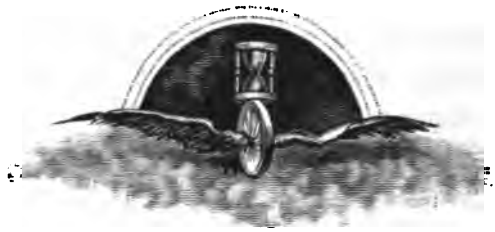
„Главное несчастіе для насъ, писалъ герцогъ Іоркскій въ своемъ донесеніи: — заключалось въ потерѣ храбраго Германа, который пользовался такимъ уваженіемъ и довѣріемъ войска. Останься онъ цѣлъ, онъ далъ бы иной оборотъ сраженію“. Французы также оправдывали Германа, приписывая пораженіе его единственно тому, что англичане, выставивъ русскихъ впередъ, не поддержали ихъ своевременно.

Но несмотря на всѣ эти отзывы самихъ иностранцевъ, не скрывавшихъ изумленія къ стремительной и бурной атакѣ русскаго корпуса, императоръ Павелъ, огорченный первыми дошедшими до него извѣстіями, отдалъ приказъ объ исключеніи Германа изъ службы.

Плѣнный генералъ содержался въ крѣпости Лилѣ. На просьбу объ освобожденіи его на честное слово, французскій военный министръ Бертье отвѣчалъ, что Германъ можетъ быть отпущенъ не иначе, какъ по возвращеніи во Францію всѣхъ генераловъ, взятыхъ въ Италіи. Пораженный своею фатальною неудачею, Германъ впалъ въ глубокую задумчивость, перешедшую въ тяжелую нервную болѣзнь, едва не стоившую ему жизни. По заключеніи

мира онъ возвратился изъ плѣна, былъ снова зачисленъ на службу и вскорѣ умеръ въ Петербургѣ.

Обвиненіе въ неудачѣ голландскаго похода и до сихъ поръ тяготѣетъ еще на памяти доблестнаго генерала. Подъ обаяніемъ славы итальянскихъ побѣдъ Суворова, современникамъ Германа естественно было ставить ему въ укоръ несчастную случайность, созданную медлительностью союзниковъ. Но потомству, ближе знающему дѣло, можно быть безпристрастнѣе и отдать должное храброму, энергичному генералу, и въ самомъ пораженіи доставившему славу и блескъ русскому оружію.



XVII.

Графъ Гудовичъ.

(Паденіе Анапы).

Когда графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, съ 1787 г. носившій только званіе кавказскаго намѣстника и не имѣвшій никакого вліянія на дѣла края, былъ въ 1791 году окончательно отчисленъ отъ Кавказа, на мѣсто его получилъ назначеніе графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Новый намѣстникъ принадлежалъ къ небольшому числу серьезно образованныхъ людей прошлаго столѣтія. Онъ слушалъ университетскія лекціи въ Кенигсбергѣ, Галлѣ и Лейпцигѣ, и потому, на основаніи еще регламентовъ Петра Великаго, былъ принятъ на службу 1-го января 1759 года прямо офицеромъ. Близость къ всесильному при Елизаветѣ Петровнѣ графу Шувалову, у котораго онъ былъ адъютантомъ, а потомъ протекція въ лицѣ его родного брата, генералъ-адъютанта и любимца новаго императора Петра III-го, спо-

собствовали настолько возвышенію Гудовича, что на четвертомъ году службы онъ былъ уже полковникомъ и командиромъ Астраханскаго пѣхотнаго полка. Съ кончиною Петра, Гудовичи лишились своего значенія при дворѣ; но блестящія способности молодого человѣка не могли остаться незамѣченными и въ новое царствованіе.

Походъ въ Польшу въ 1763 году, съ корпусомъ генерала Штофельна, далъ Гудовичу случай оказать весьма серьезную услугу правительству и выказать свои способности. Военное начальство командировало его въ Галицію съ секретнымъ порученіемъ склонить нѣкоторыхъ польскихъ магнатовъ къ выбору на польскій престолъ Станислава Понятовскаго, и, благодаря поддержкѣ и вліянію такихъ людей, какъ гетманъ Ржевусскій и князь Чарторижскій, Гудовичъ блистательно исполнилъ порученіе.

Спустя четыре года, мы видимъ Гудовича вмѣстѣ съ полкомъ уже въ Турецкой кампаніи, гдѣ каждый шагъ его ознаменовывается блестящею храбростію. Такъ, 11-го іюля 1769 года, подъ Хотинымъ, онъ съ однимъ батальономъ своего полка отбилъ сильную турецкую вылазку изъ крѣпости, а въ августѣ съ тѣмъ же самымъ батальономъ выручилъ русскій авангардъ, разбитый въ Рачевскомъ лѣсу, отнялъ назадъ четыре орудія, взятыя турками, и съ своими ничтожными силами нанесъ рѣшительное пораженіе девяти-тысячному турецкому корпусу.

Въ слѣдующую кампанію Гудовичъ съ неменьшимъ отличіемъ участвуетъ въ сраженіяхъ подъ Ларгой, Кагуломъ и на Браиловскомъ приступѣ. Румянцевъ поручилъ ему отдѣльный отрядъ изъ 5-ти батальоновъ пѣхоты, эскадрона Ахтырскихъ гусаръ и четырехъ казачьихъ полковъ, съ которымъ онъ долженъ былъ очистить отъ турокъ Валахію. Гудовичъ разбилъ турецкій корпусъ, встрѣтившій его подъ стѣнами Бухареста, взялъ два знамени и четыре орудія и на плечахъ бѣгущаго непріятеля занялъ столицу Валахіи. Особенно отличились въ этомъ сраженіи кавказскій уроженецъ Горичъ и донецъ Проневичъ, которые во время кавалерійской атаки изрубили байрактаровъ (знаменщиковъ) и овладѣли

знаменами. За это блистательное дѣло Гудовичъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

Возстановивъ въ Валахіи законное правительство, Гудовичъ получилъ приказаніе отправиться въ отдѣльный корпусъ генералъ-аншефа Олица. Здѣсь, 20-го апрѣля 1771 года, онъ участвовалъ на приступѣ Журжи, командуя среднею штурмовою колонною. Во всемя самаго разгара приступа, когда Олицъ внезапно заболѣлъ, а оба колонные начальники, генералы Де-Молле и Гротенгельмъ, выбыли изъ фронта ранеными, Гудовичъ принялъ начальство надъ корпусомъ и послѣ кровопролитнаго боя взялъ крѣпость, гдѣ 45 орудій и 18 знаменъ достались въ руки побѣдителей. По смерти Олица, Гудовичъ былъ утвержденъ командиромъ отдѣльнаго корпуса и на зиму оставленъ въ Валахіи.

Съ открытіемъ кампаніи 1772 года корпусъ Гудовича поступилъ подъ общее начальство князя Рѣпнина, стоявшаго тогда подъ крѣпостью Турно. Во время этой осады турки внезапно атаковали Журжу, и малодушный комендантъ ея, не дождавшись помощи, сдалъ крѣпость непріятелю. Неожиданное появленіе отряда Гудовича, посланнаго на выручку къ Журжѣ, всполошило турокъ, и комендантъ выслалъ парламентера объявить Гудовичу, что если войска его начнутъ нападеніе, то русскій гарнизонъ, еще остававшійся въ Журжѣ, вопреки капитуляціи будетъ перерѣзанъ.

— „Поѣзжайте назадъ, отвѣчалъ Гудовичъ парламентеру:— и скажите, что если эти несчастные забыли завѣтъ нашихъ предковъ—„лечь костьми, ибо мертвые срама не имутъ“, то они не братья наши, и мы ихъ презираемъ. Турки могутъ дѣлать съ ними все, что угодно“.

Однакоже атаковать крѣпость, въ которую засѣло двѣнадцать тысячъ турокъ, Гудовичъ не рѣшился. Только въ іюлѣ мѣсяцѣ русскія войска, подъ общею командою генерала Эссена, вторично подступили къ Журжѣ, штурмовали ее вопреки совѣтамъ Гудовича, но были отбиты съ огромною потерею: около двухъ тысячъ русскихъ солдатъ пало на валахъ укрѣпленій и 7 пушекъ сдѣ-

лались добычею непріятеля. Самъ Гудовичъ былъ раненъ пулею въ правую ногу. Онъ не хотѣлъ однакоже оставить армію и участвовалъ въ кровопролитномъ сраженіи 20 октября на р. Дембовицѣ, послѣдствіемъ котораго было пораженіе арміи сераскира и сдача Журжи, стоившей русскимъ въ этомъ году такъ много крови.

Этимъ закончились дѣйствія Гудовича въ первую турецкую войну. Начавъ походъ молодымъ полковникомъ, онъ окончилъ его генералъ-маіоромъ съ анненской лентой и Георгіемъ на шеѣ. Имя его пріобрѣло популярность въ арміи; и если его горячій, суровый и недоступный характеръ не всегда нравился подчиненнымъ, то никто изъ нихъ не могъ отказать ему въ уваженіи. 15 лѣтъ мирнаго времени Гудовичъ провелъ въ званіи начальника дивизіи, а потомъ генералъ-губернатора и намѣстника Рязанской и Тамбовской губерній. Въ это время онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики и награжденъ орденами св. Александра Невскаго и Владиміра 1-го класса.

Вторая турецкая война снова вызвала Гудовича на ратное поле. Командуя отдѣльнымъ отрядомъ, онъ взялъ укрѣпленное мѣсто Гаджибей (нынѣшнюю Одессу), затѣмъ принудилъ къ сдачѣ крѣпость Килію и подступилъ къ Измаилу. Но Измаилъ былъ не Килія и не Гаджибей. Грозныя стѣны его защищались сорокатысячнымъ гарнизономъ подъ начальствомъ мужественнаго сераскира, рѣшившагося умереть, а не сдаться. 20 ноября Гудовичъ донесъ Потемкину, что овладѣть Измаиломъ въ настоящемъ году невозможно. Потемкинъ отвѣчалъ присылкою Суворова,—и неприступная крѣпость была взята штурмомъ. Гудовичъ уже не участвовалъ на этомъ приступѣ; онъ былъ отозванъ въ главную квартиру, гдѣ нѣкоторое время состоялъ безъ должности. Между тѣмъ императрица пожаловала ему за взятіе Киліи чинъ генералъ-аншефа, а вслѣдъ за симъ, 12 ноября 1790 года, назначила его кавказскимъ намѣстникомъ.

Гудовичъ прибылъ въ резиденцію намѣстничества, въ городъ Георгіевскъ, 26 января 1791 года, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ уже блестяще вписалъ свое имя въ лѣтописи кавказскихъ

войнъ покореніемъ Анапы—этого крѣпкаго разбойничьяго гнѣзда, высылавшаго на русскіе предѣлы цѣлыя орды хищныхъ горцевъ и уже два раза заставившаго русскія войска испытать неудачу.

Нашествіе Баталъ-паши было въ свѣжей памяти кавказскихъ войскъ и убѣждало Гудовича въ необходимости скорѣйшаго разрушенія этого разбойничьяго притона. И скоро онъ, во главѣ 15 батальоновъ пѣхоты, 3000 егерей, 54-хъ эскадроновъ кавалеріи и 2-хъ казачьихъ полковъ съ 50-ю орудіями, былъ подъ стѣнами Анапы.

Участь крѣпости была рѣшена 22 іюня 1791 года. Рекогносцировки убѣдили намѣстника, что крѣпость съ сухого пути превосходно защищена семью бастіонными фронтами, соединенными между собою куртинами; что широкій ровъ, опоясывая ее полукругомъ и упираясь своими концами въ обрывистый берегъ Чернаго моря, достигаетъ нѣсколькихъ саженъ глубины, выложенъ камнемъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже просто высѣченъ въ каменистомъ грунтѣ. Гудовичу извѣстно было также, что Анапу защищаетъ 15-тысячный отборный турецкій корпусъ, и что въ городѣ находится извѣстный агитаторъ Шейхъ-Мансуръ, присутствіе котораго, по его вліянію на умы мусульманъ, могло замѣнить собою не одну тысячу войска.

Ночью 16 іюня Гудовичъ обложилъ Анапу, а на слѣдующій день съ утра батареи открыли по ней огонь. Гудовичъ торопился приступомъ, сознавая, что положеніе его корпуса можетъ сдѣлаться отчаяннымъ. Передъ нимъ были грозныя твердыни, уже видавшія передъ собою русскія силы. За нимъ собирались отчаянныя полчища горцевъ, готовыя отрѣзать отступленіе, или броситься въ тылъ русскимъ, чтобы поставить ихъ между двумя огнями. Къ тому же имѣлись свѣдѣнія, что турецкій флотъ спѣшитъ на помощь Анапѣ и что онъ уже только въ двухъ или трехъ переходахъ отъ нея.

День 21 іюня прошелъ въ приготовленіяхъ къ штурму. Войска раздѣлились на четыре колонны, изъ которыхъ одна, подъ командой генерала Загряжскаго, расположившись тыломъ къ Анапѣ,

приготовилась отражать нападеніе горцевъ, а остальныя, подъ начальствомъ генераловъ Булгакова, Депрерадовича и барона Фонъ-Шица, назначались на приступъ. Гудовичъ ѣздилъ по войскамъ и одушевлялъ солдатъ разсказами о грозномъ Измаильскомъ штурмѣ; и солдаты, соревнуя па этой глухой окраинѣ отечества славѣ своихъ далекихъ сослуживцевъ, кипѣли желаніемъ боя и обѣщали другъ другу или взять Анапу, или умереть подъ ея стѣнами. Въ ихъ положеніи, впрочемъ, другого выхода и не было.

Въ глухую полночь, съ 21 на 22 число іюня, со всѣхъ русскихъ батарей началась жестокая канонада. Турки отвѣчали не менѣе сильнымъ огнемъ. И русскія колонны, при громѣ пушекъ и шумѣ морского прибоя, двинулись къ Анапѣ.

Первыя двѣ колонны, спустившись въ ровъ и приставивъ лѣстницы, быстро, „по измаильски", взобрались на стѣны и, несмотря на стойкое сопротивленіе турокъ, проникли въ крѣпость. Третья колонна, генерала Шица, попала подъ сильный перекрестный огонь и была отброшена назадъ съ огромнымъ урономъ. Но устроившись, она повторила атаку и послѣ жестокаго боя утвердилась на правомъ бастіонѣ. Одушевленіе русскихъ войскъ было такъ велико, что многіе начальники, напр. полковники: Чемодановъ, Мухановъ, Келлеръ, Веревкинъ, Самаринъ, графъ Апраксинъ и подполковникъ Нелидовъ, будучи ранены, и иные по нѣсколько разъ—не оставляли строя. Гудовичъ обратилъ особенное вниманіе на артиллерійскаго маіора Меркеля, стараго георгіевскаго кавалера, которому ядро раздробило руку и который, несмотря на это, до конца распоряжался дѣйствіям исвоихъ батарей.

Между тѣмъ турки сопротивлялись такъ упорно, что къ шести часамъ утра почти весь главный русскій резервъ уже былъ израсходованъ, и Гудовичъ ввелъ въ дѣло остальную конницу, состоявшую изъ четырехъ полковъ, подъ начальствомъ бригадира Поликарпова. То были полки: Тираспольскій конно-егерскій и драгунскіе: Владимірскій, Астраханскій и Нижегородскій. Они пронеслись въ карьеръ подъ смертоносною тучею картечи и, спѣшившись въ воротахъ крѣпости, оттѣснили турокъ отъ окраинъ

города. Поднимавшееся солнце застало еще кровавое побоище въ домахъ и на улицахъ Анапы.

Между тѣмъ восемь тысячъ черкесовъ спустились съ горъ и всею массою обрушились на горсть линейныхъ казаковъ, стоявшихъ впереди отряда Загряжскаго. Но „отмѣнно храбрые гребенскіе и терскіе казаки“, какъ говоритъ Гудовичъ въ своемъ донесеніи, „не подались ни шагу назадъ“. Къ нимъ скоро подоспѣлъ на помощь подполковникъ Львовъ съ Таганрогскимъ драгунскимъ полкомъ и врѣзался во флангъ черкесской конницѣ. Въ то же время казаки, предводимые Загряжскимъ и полковникомъ Спѣшневымъ, пошли въ атаку съ фронта, и непріятель, охваченный съ обѣихъ сторонъ, побѣжалъ. Оправившись, горцы возобновили нападеніе; но несмотря на всѣ усилія, они не могли уже прорваться, чтобы ударить въ тылъ штурмующимъ колоннамъ.

Анапа была взята. Первыя минуты, послѣдовавшія за взятіемъ крѣпости, были ужасны. Побѣдители, раздраженные долгимъ сопротивленіемъ и понесенными потерями, думали только о мщеніи. Болѣе восьми тысячъ турокъ были перерѣзаны въ самой Анапѣ, столько же погибли и потоплены въ морѣ и изъ всего анапскаго гарнизона спаслось на лодкахъ едва ли болѣе полутораста человѣкъ. Плѣнныхъ взято было не много, но за то въ нихъ числѣ находились: комендантъ Анапской крѣпости, его помощникъ—сынъ знаменитаго Баталъ-паши, въ то время жившаго плѣнникомъ въ Россіи, и наконецъ Шейхъ-Мансуръ.

Разграбленный городъ доставилъ солдатамъ богатую добычу. 83 пушки, 12 мортиръ, 130 знаменъ и нѣсколько бунчуковъ составили трофеи этой славной побѣды. Русскіе потеряли на этомъ штурмѣ 93 офицера и до четырехъ тысячъ нижнихъ чиновъ, слѣдовательно половину отряда.

Кровопролитный анапскій приступъ, совершенный годомъ позже измаильскаго, хотя и не получилъ такой же громкой и всеобщей извѣстности, но по справедливости стоилъ Гудовичу едва ли не большихъ усилій, чѣмъ измаильскій Суворову. Довольно сказать, что Измаилъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ русскими

войсками, тогда какъ Гудовичъ могъ обложить Анапу только съ сухого пути, а съ моря она имѣла возможность всегда получить подкрѣпленіе; Суворовъ зналъ одного непріятеля, бывшаго впереди его, въ стѣнахъ крѣпости, — Гудовичъ поставленъ былъ между двумя огнями и бился лицомъ въ двѣ разныя стороны; при неудачѣ Суворовъ могъ всегда отступить, — Гудовичъ былъ окруженъ, и въ случаѣ отступленія неминуемо погибъ бы со всѣмъ своимъ отрядомъ.

Едва Анапа пала, какъ показался сильный непріятельскій флотъ и сталъ на якорѣ, верстахъ въ 15 отъ берега. Было уже довольно темно, и турки, еще не зная, что судьба Анапы уже рѣшена, отправили въ гавань три кирлангича, которые вмѣстѣ съ экипажами и были захвачены русскими. На флотѣ объ этомъ ничего не знали; но на слѣдующій день, увидѣвъ множество плывущихъ тѣлъ, которыхъ волны прибивали къ самымъ кораблямъ, турки поняли въ чемъ дѣло и, поднявъ паруса, поспѣшно удалились. Въ то же самое время получено было извѣстіе, что турки оставили Суджукъ-кале, и Гудовичъ занялъ его безъ боя. Обѣ крѣпости были срыты, батареи ихъ взорваны, рвы и колодцы засыпаны, пороховые погреба и палисады уничтожены и самые дома жителей истреблены огнемъ до основанія. Такимъ образомъ одинъ день промедленія, — и Гудовичъ въ виду прибытія флота долженъ бы былъ отказаться отъ приступа и отступить безъ успѣха, такъ какъ штурмовать Анапу подъ огнемъ многочисленной морской артиллеріи конечно не представлялось бы возможнымъ.

Императрица достойно оцѣнила блистательный подвигъ, пожаловавъ Гудовичу орденъ св. Георгія 2-го класса и золотую, украшенную лаврами и брилліантами, шпагу, а нѣсколько позже, въ день заключенія мира, и орденъ св. Андрея Первозваннаго. Генералы: Загряжскій, Булгаковъ, Шицъ и бригадиръ Поликарповъ получили ордена св. Георгія 3 класса, а полковники: Самаринъ, Апраксинъ, Веревкинъ и капитаны: Пищевичъ и Бачуринъ—тотъ же орденъ 4 степени. Бачуринъ, офицеръ 4-го баталіона кавказскаго егерскаго корпуса, обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что, уже раненый, первымъ вскочилъ на батарею и,

видя невозможность удержать ее, собственноручно заклепалъ нѣсколько пушекъ, а остальныя съ помощью людей опрокинулъ вверхъ лафетами, или сбросилъ съ барбетовъ.

Покончивъ съ Анапой и возвратившись въ Георгіевскъ Гудовичъ дѣятельно занялся устройствомъ русской пограничной линіи. Онъ началъ съ того, что обуздалъ кабардинцевъ, введя у нихъ „родовые суды" и преслѣдованіе за такія преступленія, которыя до сихъ поръ подлежали только духовному суду шаріата, а въ народѣ считались даже доблестями. Сюда принадлежали взаимные набѣги, кровомщеніе и даже куначество, обязывавшее защищать въ своемъ домѣ каждаго, не исключая убійцы.

Новая юрисдикція, не совсѣмъ понятная для горцевъ, вторгавшаяся въ область ихъ вѣковыхъ народныхъ обычаевъ, вызвала среди кабардинцевъ общее неудовольствіе. Но прежде чѣмъ вспыхнуло подготовлявшееся возстаніе, Гудовичъ ввелъ въ Кабарду войска, арестовалъ зачинщиковъ и выслалъ въ Россію двухъ наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ, владѣльцевъ Атажукиныхъ. Это были братья Адель и Измаилъ Гиреи, изъ которыхъ послѣдній былъ тогда подполковникъ и имѣлъ Георгіевскій крестъ.

Для лучшаго прикрытія русскихъ границъ Гудовичъ проектировалъ устройство новой линіи отъ верховьевъ Кумы по сухой границѣ и по Кубани до устьевъ Лабы. На этомъ пространствѣ онъ думалъ расположить рядъ укрѣпленныхъ казачьихъ станицъ, по примѣру того, какъ это сдѣлано было на Терекѣ. Къ сожалѣнію, мысль его обратить въ поселенныхъ казаковъ тѣ донскіе полки, которые служили тогда на Кавказѣ, вызвала среди нихъ открытый бунтъ, и казаки, оставивъ своихъ старшинъ, но забравъ знамена, ушли на Донъ и тамъ произвели всеобщее смятеніе.

Одинъ изъ современниковъ этихъ событій, новочеркасскій священникъ Рубашкинъ, оставившій свой дневникъ, расказываетъ въ немъ, что въ Новочеркаскъ прибыло болѣе тысячи казаковъ изъ полковъ Поздѣева, Луковкина и Кашкина. 31 мая 1792 г. до 300 человѣкъ ворвались въ залу къ атаману Иловайскому, требуя, чтобы имъ показали именной указъ, „за что" Гудовичъ принуждалъ ихъ поселиться на Кавказской линіи. Казаки требо-

вали войсковаго круга, и Иловайскій уступилъ. Но едва окончилось въ кругу чтеніе нѣкоторыхъ бумагъ и писемъ Гудовича о поселеніи на Кубани 12 новыхъ станицъ, какъ казаки крикнули: „отымай дѣла!“ „И тутъ“—прибавляетъ повѣствователь—„была штурма“.

Правительство вынуждено было послать регулярныя войска для водворенія спокойствія; но, несмотря на то, только черезъ три года удалось отправить на Кавказъ тысячу донскихъ семей, изъ которыхъ Гудовичъ образовалъ новый Кубанскій линейный казачій полкъ, поселенный на проектированныхъ имъ мѣстахъ по Кубани въ шести станицахъ: Усть-Лабинской, Кавказской, Григоріополинской, Прочноокопской, Темнолѣсской и Воровсколѣсской. При двухъ изъ этихъ станицъ, Усть-Лабинской и Кавказской, возведены сильныя крѣпости, первая—на 2 батальона и 76 орудій, а вторая на 1 батальонъ и 27 орудій.

Въ области внѣшнихъ сношеній дѣятельность Гудовича была направлена на то, чтобы заставить Персію исполнять договоры и не стѣснять русскую торговлю. Но дѣла скоро на персидской границѣ приняли весьма неблагопріятный для насъ оборотъ. Одинъ изъ братьевъ гилянскаго владѣльца, Муртаза-Кулиханъ, спасаясь отъ его преслѣдованій, нашелъ себѣ убѣжище въ русскомъ селеніи, основанномъ при Энзелинскомъ портѣ съ торговыми цѣлями лѣтъ за 10 передъ этимъ во времена экспедиціи графа Войновича. Напрасно жители Гилянской провинціи требовали выдачи принца. Имъ отвѣчали отказомъ и даже поспѣшили отправить его на купеческой шкунѣ въ Баку. Но едва судно вышло на рейдъ, какъ значительныя силы гилянцевъ напали на селеніе. 50 русскихъ солдатъ, подъ командою поручика Евдокимова, поддержанные пушечнымъ огнемъ съ купеческихъ и военныхъ ботовъ, геройски однако отразили нападеніе.

Тогда гилянцы приступили къ правильной блокадѣ селенія. Семь дней держалась команда въ осадѣ, но на восьмой, когда не стало провіанта и пороха, набрала съ собою жителей и, сѣвъ на суда, отплыла на островъ Сару.

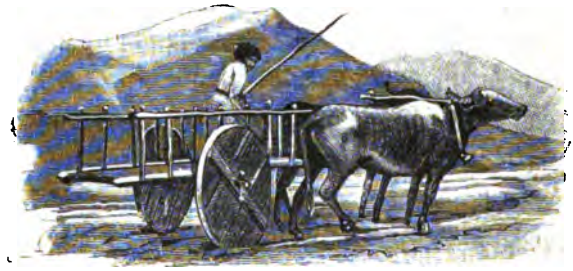
Такъ кончила свое существованіе послѣдняя русская торговая колонія на берегахъ Астрабада.

Слѣдовавшіе за тѣмъ вѣроломные поступки персидскаго шаха, нашествіе его на Грузію, взятіе Тифлиса и варварское избіеніе жителей еще болѣе осложнили дѣло, и война стала неизбѣжною. Получивъ приказаніе немедленно начать военныя дѣйствія съ тѣми средствами, которыя находились у него подъ рукою, Гудовичъ поспѣшилъ привести Каспійскую флотилію „въ почтительное" какъ онъ выражается, „состояніе" и тотчасъ же отправилъ два отряда: одинъ, подъ командою полковника Сырахнева, въ Тифлисъ, на помощь грузинскому царю Ираклію, другой, генералъ-маіора Савельева,—въ Дербентъ для овладѣнія городомъ, который справедливо считался воротами Персіи. Но въ то самое время, когда онъ разсчитывалъ пожать новые лавры, императрица назначила главнокомандующимъ всѣхъ дѣйствующихъ противъ Персіи войскъ графа Валеріана Александровича Зубова; Гудовичъ же долженъ былъ оставаться на линіи и содѣйствовать успѣху похода только своевременною отправкою къ войскамъ провіанта, снарядовъ и подкрѣпленій. Обиженный Гудовичъ, ссылаясь на крайнее разстройство здоровья, просилъ увольненія отъ должности. Императрица изъявила согласіе, но въ знакъ особаго благоволенія пожаловала ему 1800 душъ крестьянъ въ Подольской губерніи и сохранила при немъ все содержаніе, штабъ и канцелярію по званію генералъ-аншефа. Начальникомъ же Кавказской линіи назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Исленьевъ.

Но отставка Гудовича была недолговременна. Не успѣлъ онъ доѣхать до Воронежской губерніи, какъ встрѣтилъ курьера, который привезъ ему манифестъ о вступленіи на престолъ императора Павла и Высочайшее повелѣніе немедленно возвратиться на Кавказскую линію, принять подъ свое начальство всю армію графа Зубова и, прекративъ войну, заключить съ Персіей миръ. Война эта была совершенно противна видамъ новаго Государя.

Императоръ Павелъ, благоволившій ко всѣмъ, кто нѣкогда стоялъ близко къ его покойному отцу, въ день своей коронаціи возвелъ Гудовича въ графское достоинство и пожаловалъ ему три тысячи душъ крестьянъ. Въ слѣдующемъ году Гудовичъ назначенъ былъ военнымъ генералъ-губернаторомъ сперва въ Кіевъ, по-

томъ въ Каменецъ-Подольскъ и, наконецъ, главнокомандующимъ арміей, готовившейся тогда къ походу на Рейнъ. Походъ этотъ, какъ извѣстно, не состоялся, а вскорѣ графъ Гудовичъ навлекъ на себя немилость Государя, былъ отставленъ отъ службы и прожилъ въ своемъ имѣніи безвыѣздно до 1806 года, когда императоръ Александръ снова призвалъ на службу маститаго генерала.



За Кавказомъ.

. . . . . .

Теперь одинъ старикъ сѣдой,
Развалинъ стражъ полуживой,
Людьми и смертію забытъ,
Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,
Которыхъ надпись говоритъ
О славѣ прошлой—и о томъ,
Какъ, удрученъ своимъ вѣнцомъ,
Такой-то царь, въ такой-то годъ,
Вручалъ Россіи свой народъ.

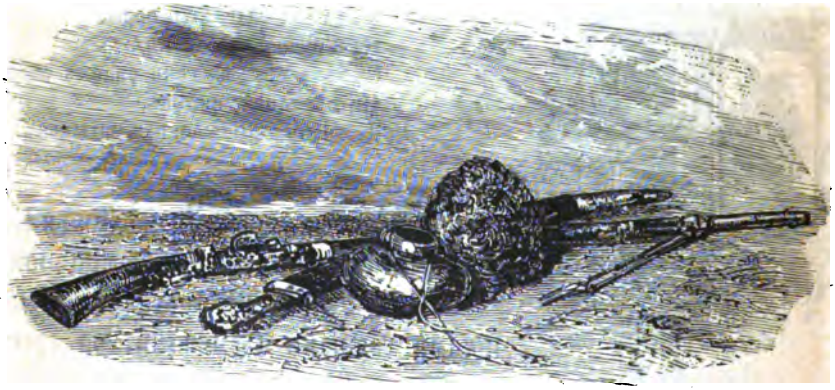
—

И Божья благодать сошла
На Грузію!—Она цвѣла
Съ тѣхъ поръ въ тѣни своихъ садовъ
Не опасаяся враговъ,
За гранью дружескихъ штыковъ.

Лермонтовъ.

Въ то время какъ сѣверныя предгорья Кавказа были свидѣтелями побѣды цивилизованнаго христіанскаго государства надъ дикими горными племенами, по ту сторону горнаго хребта иной христіанскій міръ погибалъ въ неравной борьбѣ съ магометанствомъ. То была старая борьба, имѣвшая позади себя уже цѣлыя тысячелѣтія. Историческія обстоятельства сложились такъ, что безъ помощи Россіи этому міру не было спасенія, и взоры его уже два столѣтія были обращены на сѣверъ. И вотъ во времена Гудовича, когда Персія своимъ вѣроломствомъ вызвала большой походъ графа Зубова, за Кавказомъ возникаетъ для Россіи новый центръ военныхъ дѣйствій, который естественно и долженъ былъ привести къ полному покоренію всей той обширной страны.

Русскіе были жданными гостями не со стороны только христіанскаго закавказскаго міра, и ихъ появленіе въ тѣхъ странахъ было какъ бы отъ вѣка предрѣшено и предвидѣно. Поэтическій древній Востокъ смотрѣлъ на дѣвственныя, снѣговыя вершины Кавказа, никогда не попираемыя человѣческою стопою, какъ на священную границу своихъ народовъ; за ней жили уже племена, не имѣвшія ни имени, ни исторіи для тогдашняго образованнаго свѣта. Позже, самый коранъ указалъ на нее, какъ на послѣдній оплотъ мусульманскаго міра. Въ одномъ мѣстѣ его говорится, что за Кавказомъ живутъ народы Гогъ и Магогъ, и что—наступитъ время—они перейдутъ Кавказскія горы и разрушатъ благословенныя мусульманскія царства.

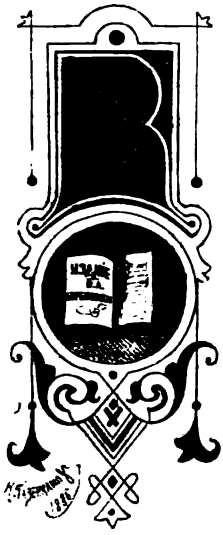


XVIII.

Грузія въ ея историческомъ прошломъ.

Много есть поэзіи въ кровавой исторіи Кавказа; грузинъ читаетъ ее со слезами. Она описываетъ вѣками исчисляемыя бѣдствія, дробленіе царства на царства, междоусобицу между царями и князьями, возстаніе племенъ на племена и родовъ на роды, замки феодаловъ, какъ прибѣжище грабежей, дворцы вельможъ, какъ вертепы самовластнаго тиранства, предъ которымъ униженно преклоняли колѣна и народъ и духовенство и самое дворянство. Но среди этихъ мрачныхъ событій, исторія Грузіи представляетъ и нѣсколько свѣтлыхъ страницъ...

Іосселіани.



Въ сѣверозападной части Закавказья издавна жили христіанскіе народы картвельскаго племени, составившіе нѣсколько самостоятельныхъ государствъ: Грузію (Карталинію и Кахетію), Имеретію, Мингрелію и Гурію, то соединявшихся, то снова распадавшихся. Самую значительную и сильную часть картвельскаго племени всегда составляли грузины, занимавшіе бассейнъ рѣкъ Куры и Алазани; исторія Грузіи есть, поэтому, вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія другихъ картвельскихъ народовъ, въ тяжелые историческіе моменты всегда соединявшихъ свою судьбу съ ея судьбами и своимъ отдѣленіемъ отъ нея въ годины мира вносившихъ только династическія и междуплеменныя смуты.

Преданія глубокой старины, записанныя въ исторію грузинскимъ царемъ Вахтангомъ VI, объясняютъ имя и происхожденіе картвельскаго племени именемъ Картлоса, праправнука Ноева (отъ

Іафета), которому достались земли, орошаемыя бассейномъ Куры до сліянія ея съ Арагвою. Замѣчательно, что названіе Грузія и понынѣ нѣсколько чуждо ея народу, оставляющему за собою преимущественное имя „картули". Грузинами же, какъ полагаютъ, его назвали въ средніе вѣка арабы и турки, быть можетъ произведя это слово отъ имени св. Георгія, по необычайному уваженію, которымъ окружалъ его картвельскій народъ, а быть можетъ и отъ испорченнаго имени рѣки Джуръ (Кура), отъ которой и самая страна названа ими Джурджистанъ, иначе Гурджистанъ, что значитъ: страна Куры.

Вѣковую жизнь Грузіи въ обширномъ смыслѣ, въ смыслѣ всѣхъ картвельскихъ племенъ, называютъ мартирологомъ, повѣстью страданій. И едва ли можно пріискать для нея лучшее имя. Съ тѣхъ поръ какъ исторія замѣтила эту страну, она служитъ центромъ притяженія для многоразличныхъ народовъ, шедшихъ къ ней и съ сѣвера, и съ востока, и съ далекаго запада и оставлявшихъ за собою разрушительные слѣды. На обнаженныхъ горахъ Карталиніи и среди роскошной растительности Кахетіи и Имеретіи повсюду и донынѣ видны развалины старыхъ замковъ и башенъ, массивныхъ и своеобразныхъ, служившихъ народу убѣжищемъ во времена вражескихъ нашествій. И едва ли найдется въ мірѣ еще страна, гдѣ было бы столько нѣмыхъ свидѣтелей народныхъ страданій. Въ то время какъ въ позабытыхъ и самою природою замкнутыхъ ущельяхъ Кавказа дичала и крѣпла жизнь невѣдомыхъ міру племенъ, на южной покатости горнаго хребта древняя Иверія въ продолженіе 14 вѣковъ отстаивала свѣтъ христіанства и первыя основанія цивилизаціи отъ кровавыхъ вторженій магометанства и даже язычества.

Исторія Грузіи восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ Востока и застаетъ въ ней разрушеніе патріархальнаго быта съ властью старшаго въ родѣ, мамасахлиса. Во времена великихъ народныхъ передвиженій въ Азіи, Грузія утрачиваетъ свою самостоятельность, послѣдовательно завоевываемая ассиріянами, вавилонянами, персами. Подъ предводительствомъ персидскихъ царей народъ грузинскій съ плетеными щитами и въ деревянныхъ шлемахъ бывалъ въ походахъ противъ грековъ и скиѳовъ и знакомился съ чужими

знаніями и обычаями. Въ то же время горныя твердыни близлежащаго Кавказа привлекаютъ въ Грузію толпы иноплеменниковъ, бѣгущихъ отъ полчищъ завоевателей, греки пріѣзжаютъ къ ней за золотымъ руномъ, и эти международныя сношенія подготовляютъ въ странѣ зачатки цивилизаціи.

Александръ Македонскій, какъ говорятъ, дѣлаетъ попытку уничтожить даже внѣшніе признаки нѣкоторой самостоятельности Грузіи, поставивъ въ ней, вмѣсто мамасахлисовъ, своего намѣстника съ отрядомъ тѣлохранителей. Но эти-то крайнія обстоятельства и вызываютъ въ Грузіи возстаніе во имя своей независимости. Подъ предводительствомъ Фарнаоза, потомка послѣдняго мамасахлиса, грузины изгоняютъ намѣстника, и страна вступаетъ въ эпоху царей. Первымъ царемъ и былъ Фарнаозъ, за 300 слишкомъ лѣтъ до Р. Х.

Фарнаозу лѣтописи приписываютъ устройство гражданскаго быта Грузіи, введеніе письменности и наконецъ установленіе въ странѣ религіи Зороастра. Преданіе говоритъ, что на могилѣ родоначальника картвеловъ Фарнаозъ поставилъ громадную статую идола Армаза, одѣтаго въ великолѣпныя латы съ золотымъ панцыремъ, въ вѣнцѣ, осыпанномъ драгоцѣнными камнями.

Во мракѣ слѣдовавшихъ за тѣмъ вѣковъ, наполненныхъ борьбою съ Арменіей и другими сосѣдями, мелькаетъ лишь нѣсколько славныхъ именъ, изъ которыхъ одно, царя Адерка, замѣчательно тѣмъ, что въ третій годъ его царствованія родился Спаситель міра. Къ его времени относится и трогательная легенда о хитонѣ Господнемъ. Она разсказываетъ, что евреи, потомки поселенцевъ отъ временъ плѣненія Вавилонскаго, жившіе въ столицѣ Иверіи, Мцхетѣ, ежегодно посылали на пасху въ Іерусалимъ своихъ представителей, черезъ которыхъ молва о чудесахъ Спасителя скоро распространилась по всей Иверіи. Въ годъ крестной смерти Христа въ числѣ посланныхъ былъ и нѣкто Еліазаръ, сынъ благочестиваго семейства. Онъ присутствовалъ при событіяхъ на Голгоѳѣ, былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ и пріобрѣлъ отъ римскаго воина хитонъ Господень, доставшійся тому по жеребью. Когда онъ возвратился на родину, по однимъ дочь, а по другимъ сестра его, пораженная вѣстью о распятіи Спасителя, схватила хитонъ въ руки и тутъ же упала мертвою.

Никакія человѣческія силы не могли вырвать священную одежду изъ ея объятій, и она погребена была вмѣстѣ съ нею. Высокій кедръ выросъ надъ ея могилой и на долгое время укрылъ святое мѣсто отъ изысканій человѣческихъ.

Немного спустя, проповѣдь о Христѣ Спасителѣ пронесли по Кавказу апостолъ Андрей вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ Симономъ Кананитомъ, и въ Анакопіи преданіе понынѣ указываетъ могилу послѣдняго, бывшую всегда предметомъ благоговѣнія для самыхъ дикихъ обитатей Кавказа. Но полною своею побѣдой христіанство обязано равноапостольной Нинѣ.

Святая Нина была дочь римскаго полководца и сестры Іерусалимскаго патріарха. Она приходилась близкой родственницей великомученнику Георгію, котораго, такъ сказать, и сроднила съ Грузіей, поручивши его покровительству новое свое отечество. И святой Георгій какъ бы сообщилъ и воинскія доблести и мученическія свойства цѣлому народу, который по имени своего покровителя и сталъ называться грузинами.

Нина еще въ раннемъ возрастѣ любила внимать разсказамъ о дальней Иверіи, куда унесенъ былъ хитонъ Господень, и мысль сдѣлаться просвѣтительницею этой страны и отыскать святую одежду всецѣло овладѣла ею. День и ночь молилась Нина пресвятой Дѣвѣ, прося ея помощи. Богоматерь явилась ей въ сонномъ видѣніи, вручила крестъ, сложенный изъ виноградныхъ лозъ, и сказала: „Иди въ Иверскую страну и благовѣствуй евангеліе, я буду тебѣ покровительницей“. Проснувшись и увидавъ въ своихъ рукахъ чудный крестъ, Нина со слезами облобызала его и перевязала своими волосами.

И вотъ, въ началѣ IV вѣка, при основателѣ династіи Сассанидовъ, царѣ Миріанѣ, современникѣ Константина Великаго, святая Нина является на истокахъ невѣдомой ей рѣки (Куры) и, слѣдуя по ея теченію, достигаетъ Мцхета въ день празднованія народомъ Армаза. На высокой горѣ стоялъ исполинскій кумиръ, горѣвшій золотомъ; по сторонамъ его два другіе, поражавшіе огнемъ, какъ говоритъ преданіе, всякаго дерзавшаго подступать къ нимъ безъ воли жрецовъ. Гремѣли трубы, курился ѳиміамъ, текла кровь жертвъ; царь Миріанъ со всѣмъ народомъ распрости-

ался ницъ передъ идолами, и только одна чуждая, никому неизвѣдомая дѣва не преклонила колѣна. Внезапно, среди яснаго дня, разразилась страшная буря съ молніями и громомъ; капище рушилось, и среди развалинъ его лежали остатки разбитыхъ, поверженныхъ кумировъ. Въ ужасѣ бѣжалъ народъ, и на развалинахъ осталась одна Нина, спокойно смотрѣвшая на возникшую и утихшую около нея бурю стихій. Это было 6 августа, и день Преображенія Господня сталъ для Иверіи днемъ, смѣнившимъ тьму язычества на свѣтъ христіанской истины.

Съ этого дня начинается рядъ подвиговъ и чудесъ Нины, память о которыхъ сохранилась въ мѣстныхъ преданіяхъ, записанныхъ и царемъ-лѣтописцемъ.

Въ царскомъ саду, у таинственнаго кедра, укрывавшаго хитонъ Господень, часто молилась св. Нина, и тамъ посѣщали ее дивныя пророческія видѣнія. Однажды стая черныхъ птицъ, омывшись въ водахъ Арагвы и ставши бѣлыми, какъ снѣгъ, сѣла на вѣтвяхъ кедра и огласила весь садъ райскими пѣснями,—это былъ символъ крещенія народа иверійскаго. Въ другой разъ видѣла она страшное паденіе окрестныхъ горъ Армаза и Задена съ ихъ идолами, слышала звуки битвъ и вопли бѣсовскихъ полчищъ во образѣ персидскихъ воиновъ, какъ бы вторгавшихся въ столицу Грузіи, и страшный голосъ царя ихъ, повелѣвавшаго все истребить. Пораженная видѣніемъ, св. Нина подняла знаменіе креста и тихо сказала: „кончилось владычество ваше, ибо вотъ побѣдитель"—и все исчезло. Св. Нина исцѣлила жену царя Миріана, лежавшую уже на смертномъ одрѣ, и одного изъ родственниковъ персидскаго царя, заболѣвшаго въ домѣ Миріана; оба они изъ первыхъ просвѣтились крещеніемъ. Самъ царь еще колебался. Но разъ, когда онъ былъ на охотѣ въ сосѣднихъ горахъ, его настигла страшная буря, и царь вдругъ ослѣпъ. Пораженный, онъ палъ на колѣна, восклицая: „Ты Богъ надъ богами, Господь надъ властителями, Богъ Нины"—и въ то же мгновеніе прозрѣлъ. Вся царская семья и народъ, узнавъ о чудесномъ событіи, вышли царю навстрѣчу. „Славьте Бога Нины, Бога вѣчнаго"—говорилъ онъ народу, и, не заѣзжая во дворецъ, посѣтилъ хижину Нины, палъ на колѣни передъ животворящимъ ея крестомъ и исповѣдовалъ

Христа. Нина осѣнила крестнымъ знаменіемъ воды Куры и Арагвы, и въ нихъ крестился и царь, и грузинскій народъ. Одинъ изъ потомковъ Еліазара, среди которыхъ еще жило преданіе о хитонѣ Господнемъ, указалъ мѣсто его храненія. Таинственный кедръ былъ срубленъ, и на его мѣстѣ воздвигнутъ соборный храмъ, въ которомъ и была положена святая одежда.

Утвердивъ вѣру въ Карталиніи, св. Нина поселилась въ Кахетіи, и тамъ, послѣ 35-лѣтняго апостольскаго подвига, скончалась, близъ нынѣшняго города Сигнаха. Царь и епископъ желали перенести останки ея въ соборную церковь Мцхета, гдѣ она такъ часто любила молиться надъ хитономъ Господнимъ. Тогда совершилось новое чудо: никакъ не могли сдвинуть изсохшаго тѣла подвижницы съ избраннаго ею мѣста для своего успокоенія. Для Карталиніи ею сдѣлано было много, и она какъ бы хотѣла своимъ присутствіемъ утвердить въ вѣрѣ вновь обращенную Кахетію. Царь Миріанъ соорудилъ здѣсь первую церковь во имя св. Георгія, въ придѣлѣ которой и положилъ мощи святой проповѣдницы. Впослѣдствіи при этой погребальной церкви учредилась митрополія Бодбійская, старшая во всей Кахетіи, и оттуда распространилась евангельская проповѣдь въ горы Кавказа. Первое житіе св. Нины описано было почти современнымъ ей историкомъ Руфиномъ, который повѣсть о ней слышалъ отъ сына Миріана, грузинскаго царевича Бакура, живо помнившаго еще разсказы о ней отъ отца и его приближенныхъ.

Христіанство, конечно, утвердилось въ Грузіи не сразу. Были цари отступники; персы упорно стремились изгнать его и замѣнить огнепоклонствомъ. Такъ, когда при царѣ Мирдатѣ IV (408 г.) они овладѣли Грузіей, жители ея принуждены были спрятать кресты, и обожаемый персами огонь запылалъ во всѣхъ церквахъ, спасшихся отъ разоренія. Дань персамъ лежала тяжелою ношею на грузинскомъ народѣ, и при внукѣ Мирдата, Арчилѣ I-мъ, онъ возсталъ и нанесъ врагамъ на берегахъ Ліахвы страшное пораженіе.

Но времена могущества и славы настали для Грузіи при царѣ Вахтангѣ Первомъ, царствовавшемъ 53 года съ 446 по 499. Персы прозвали его Гургъ-Асланомъ (волкъ-левъ), потому что онъ отличался доблестною храбростію, и не даромъ носилъ на шлемѣ

изображеніе спереди волка, а сзади льва. Всегда впереди своихъ воиновъ, Вахтангъ былъ лично извѣстенъ врагамъ и, увидѣвъ знакомый шлемъ, персы обыкновенно кричали: „Берегись—Гургъ-Асланъ!“ Названіе это такъ и осталось за нимъ въ грузинской исторіи.

Соединяя мудрость правителя съ доблестями полководца, Вахтангъ оставилъ странѣ многочисленные памятники своей дѣятельности. Заботясь о просвѣщеніи народа, онъ основывалъ школы, повелѣлъ исправить и вновь перевести церковныя книги и издалъ кодексъ. Защищая независимость страны, онъ окончательно свергнулъ персидское иго, завоевалъ Мингрелію, Абхазію, побѣдилъ печенѣговъ, овладѣлъ Арзерумомъ и простеръ славу своего имени до самой Индіи. На стѣнахъ одной изъ древнихъ церквей, развалины которой и понынѣ видны въ горахъ Алагирскаго общества, есть надпись, передающая слѣдующія подробности о борьбѣ Гургаслана съ Осетіею. Осетинскій владѣлецъ Осъ-Богатаръ похитилъ у царя Вахтанга сестру его, и этимъ вызвалъ страшную войну, въ которой побѣда долго не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, не смотря на помощь, поданную Осъ-Богатару Тарханомъ съ печенѣгами. Въ одной изъ битвъ Гургасланъ убилъ Тархана собственною рукою, но Богатаръ продолжалъ борьбу, геройски отражая грузинъ и даже самъ производя на нихъ набѣги. Гургасланъ увидѣлъ, что ему не одолѣть осетинъ, пока во главѣ ихъ стоитъ Богатаръ, и прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ предложилъ миръ на условіи, чтобы Осъ-Богатаръ женился на его сестрѣ, а для переговоровъ пригласилъ его въ свой лагерь, отдѣленный отъ осетинскаго рѣкою Арагвою. Не подозрѣвая коварства, осетинскій вождь отправился на свиданіе. Но во время переправы черезъ рѣку, осыпанный измѣннически тучею стрѣлъ, Осъ-Богатаръ упалъ въ воду и погибъ. Тогда Гургасланъ напалъ на враговъ, и осетины были покорены. Надпись оканчивается словами отъ имени Осъ-Богатара и его девяти братьевъ: „кто прочитаетъ эти строки, пусть скажетъ намъ вѣчную память“.

Но не однѣ безмолвныя развалины—печальные остатки прошлаго величія—хранятъ для Грузіи память о ея Гургасланѣ. Великолѣпные соборы двѣнадцати апостоловъ въ Мцхетѣ, Сіонскій и

Метехскій въ Тифлисѣ—суть памятники славнаго царствованія Вахтанга. Онъ основалъ и самый Тифлисъ, куда впослѣдствіи сынъ его перенесъ столицу, затмившую древнюю славу Мцхета. Недалеко отъ Тифлиса, въ развалинахъ древнѣйшаго изъ монастырей Иверіи, Марткопскаго, на двухъ столбахъ главнаго храма, поддерживавшихъ все зданіе и куполъ, нарисованы во весь ростъ два грузинскіе царя: одинъ изъ нихъ Вахтангъ Гургасланъ, основатель этого храма, другой—славный Давидъ Возобновитель.

Послѣ Гургаслана, умершаго отъ ранъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, слава Грузіи снова померкла и притязанія Персіи возобновились; а скоро, въ концѣ VI вѣка, и самая династія Сассанидовъ уступила свое мѣсто Багратидамъ, въ лицѣ Гурама I.

Династія Багратидовъ, царствовавшая цѣлое тысячелѣтіе и закончившая собою рядъ грузинскихъ царей, ведетъ свой родъ отъ іудейскаго царя и пророка Давида. На фамильномъ гербѣ Багратидовъ, понынѣ сохраняемомъ въ домѣ ихъ потомковъ, князей Грузинскихъ, изображается праща, убившая Голіафа, гусли Давида, вѣсы—символъ царственной правды и мудрости, и хитонъ Господень; гербъ окруженъ надписью изъ псалма 131-го: „клялся Господь Давиду въ истинѣ и не отречется ея: отъ плода чрева твоего посажу на престолѣ твоемъ“.

При этой династіи однообразіе исторической борьбы съ персіянами было нарушено нашествіемъ новыхъ завоевателей — аравитянъ, которые съ огнемъ и мечомъ проповѣдывали коранъ тамъ, гдѣ еще не успѣли потухнуть жертвенники огнепоклонства. Въ половинѣ VII вѣка полководецъ Омара, Халидъ, называемый „мечомъ Божіимъ“, посланъ былъ для завоеванія сѣвера, покорилъ Грузію,—и Тифлисъ на 400 лѣтъ сдѣлался мѣстопребываніемъ намѣстниковъ арабскихъ. Владычество арабовъ не мѣшало однако развиться въ странѣ бѣдственнымъ племеннымъ и династическимъ раздорамъ, прерываемымъ набѣгами хищныхъ сосѣдей, пока турки-сельджуки не появились на сценѣ исторіи. Сдѣлавшись въ половинѣ XI вѣка властителями всей западной Азіи, они превратили могущество багдадскихъ халифовъ въ одну призрачную тѣнь и снова внесли духъ завоеваній въ мусульманскій міръ. Сельджукскій султанъ Альпъ-Арлсланъ съ сто тысячнымъ войскомъ

двинулся въ Арменію и, разославъ оттуда отряды во всѣ стороны, подвергъ и Грузію всѣмъ бѣдствіямъ вражескаго нашествія. Три года спустя нашествіе повторилось; никакое войско не могло устоять противъ сокрушительнаго натиска турокъ. Подобно опустошительному горному потоку, неудержимо разливались они по трепещущимъ странамъ; пылавшіе города и селенія обозначали путь ихъ. Кахетія и Карталинія были опустошены, Тифлисъ взятъ и разрушенъ. Подобныя нашествія повторялись періодически, и 10 лѣтъ спустя, въ 1078 году, Тифлисъ снова долженъ былъ испытать всѣ ужасы турецкаго варварства, а по берегамъ Куры и Алазани тогда же поселились хищныя орды татаръ, безпрерывно грабившихъ города и села.

Къ бѣдствіямъ отъ турокъ присоединились страшныя явленія природы, которыя народъ принималъ за явный знакъ кары Божіей за то, что люди въ это время оставляли истинный законъ, принимали магометанство и предавались порокамъ. Однажды, въ самый день Воскресенія Христова, по словамъ лѣтописца, было такое землетрясеніе, что высокія горы и крѣпкія скалы разметались въ прахъ, города и селенія рушились, дома дѣлались могилою своихъ обитателей и погибло множество людей. Громадныя бѣдствія страны прекратилъ великій Давидъ II Возобновитель, съумѣвшій поставить Грузію опять на высокую степень могущества и славы.

Когда Давидъ Возобновитель (1089—1125) вступилъ на престолъ 16 лѣтъ отъ роду, вся Карталинія лежала въ развалинахъ, Тифлисъ и многія области были заняты турками, въ Имеретіи самоуправно властвовали греческіе императоры подъ тѣмъ предлогомъ, что они единственные покровители единовѣрнаго царства,— и лишь горы и ущелія Абхазіи были безопаснымъ убѣжищемъ для царя и народа, а царскою резиденціею былъ Теагулиставъ у горы Лихи. Въ то же время буйныя орды мусульманъ, завладѣвшія плодоносными урочищами вокругъ Тифлиса, неистовствовали въ Карталиніи и Кахетіи. Персы терзали окраины царства и даже армяне дѣлали безпрестанные набѣги въ предѣлы единовѣрной страны. Цвѣтущія мѣстности превратились въ пепелища, плодоносныя поля въ пустыни. И царю предстояла великая задача за-

лечить тяжелыя раны царства. На помощь къ нему пришли начавшіеся тогда крестовые походы, отвлекшіе полчища турокъ и давшіе возможность развернуться собственнымъ силамъ отдохнувшей Иверіи.

На опустошенныя врагами равнины Давидъ пригласилъ горныхъ осетинъ, и тѣ охотно согласились промѣнять свои безплодныя скалы на плодоносныя земли Грузіи. Съ помощію ихъ онъ и совершилъ великое дѣло освобожденія родины. Какъ только узналъ онъ, что франки овладѣли Іерусалимомъ, онъ тотчасъ сбросилъ позорное иго турокъ, переставъ платить имъ дань. И это былъ истинный подвигъ, совершенный Давидомъ въ самомъ началѣ царствованія. Но не вдругъ и не такъ легко отказались турки отъ своихъ притязаній на Грузію, и освобожденіе ея стоило много крови и имъ, и Давиду. Съ малымъ числомъ своихъ войскъ онъ поражалъ сильныхъ враговъ и, начавъ съ Абхазіи, окончилъ свои подвиги въ Дербентѣ, сломивъ желѣзныя ворота, устроенныя тамъ со временъ халифата. Нашествія враговъ во все время его царствованія слѣдовали одно за другимъ непрерывною чередою,—но въ ужасѣ обращали передъ нимъ тылъ вожди сельджуковъ и персовъ, не знавшіе дотолѣ пораженій, и оставляли въ рукахъ его плѣнныхъ и сокровища, которыми онъ обогатилъ свое царство. Такъ, когда осенью 1121 г. несмѣтныя арабскія полчища вторглись въ Тріолетскую область, одной битвы достаточно было, чтобы ихъ разсѣять, и весь станъ Давида наполнился золотомъ, серебромъ, великолѣпными чашами пиршества, драгоцѣнными коврами и оружіемъ; арабскіе кони сдѣлались обыкновенными—такъ ихъ было много въ грузинскомъ лагерѣ; сирскіе вожди доставались плѣнниками простымъ поселянамъ.

Тифлисъ, столица Грузіи, однако долго еще оставался въ рукахъ сарациновъ, крѣпко сидѣвшихъ въ его цитадели. Но Давидъ и не заботился объ этомъ, зная, что прочно утвердившись въ странѣ, не трудно овладѣть столицей, и уже только въ концѣ своего царствованія, въ 1122 году, внезапнымъ нападеніемъ захватилъ Тифлисъ въ свои руки. И тогда отъ моря Чернаго до моря Каспійскаго все покорилось его владычеству. И силы страны

настолько возросли, что она могла отрядить уже своихъ сыновъ въ далекую Палестину на борьбу съ врагами креста. Бурное море поглотило первыхъ доблестныхъ ратниковъ Грузіи; но бѣдствіе не охладило ревности новыхъ избранниковъ, которые благополучно достигли Святой земли и заодно съ крестоносцами подвизались тамъ за освобожденіе гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ.

Лично Давидъ, отличаясь мужествомъ, никогда не оставался позади дружинъ и первый устремлялся въ битвы. Онъ былъ исполинъ и силачъ. Въ гелатскомъ храмѣ (близъ Кутаиса) понынѣ хранится перстень царя, въ который свободно входятъ два пальца обыкновеннаго человѣка. На стѣнахъ и этого монастыря—также, какъ марткопскаго—сохранился портретъ Давида; длинная борода отличаетъ его отъ ликовъ послѣдующихъ царей, и по сравненію съ ними замѣтенъ исполинскій ростъ царя Возобновителя.

Гелатскій храмъ и монастырь во имя Божіей Матери Давидъ соорудилъ въ благодарность Богу, помогшему ему соединить подъ своею властію все древнее царство Багратидовъ. Обширностью, красотою, обиліемъ мраморовъ зданіе это превосходило все, что до того времени было сооружено въ Иверіи. Въ немъ Давидъ впослѣдствіи поставилъ древніе престолы побѣжденныхъ имъ персидскихъ царей Хозраидовъ, ихъ золотые свѣтильники, вѣнцы, ожерелья, а также чаши царей арабскихъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ.

Въ Дарьяльскомъ ущельи, на высокой скалѣ, угрюмо нависшей надъ самою военно-грузинскою дорогою, видны развалины древнихъ воротъ, запиравшихъ нѣкогда входъ въ грузинскія земли. Эти ворота, основанныя задолго до Рождества Христова царемъ Мирваномъ и потомъ разрушенныя, были возобновлены Давидомъ и составляютъ одинъ изъ памятниковъ, оставленныхъ имъ Грузіи.

Проводя всю свою жизнь въ тревогахъ ратныхъ, одною рукою сокрушая враговъ и другою подымая опрокинутое ими, Давидъ умѣлъ владѣть не однимъ мечомъ: онъ былъ величайшимъ богословомъ своего времени. Ничего такъ не любилъ побѣдоносный царь, какъ чтеніе священнаго писанія. При немъ было два собора для исправленія церковныхъ книгъ, а на добытыя отъ

враговъ сокровища строились церкви и при нихъ учреждались школы для образованія юношества.

Давидъ умеръ во цвѣтѣ силъ, 53 лѣтъ, оставивъ свое царство могущественнымъ и спокойнымъ. Народъ грузинскій прозвалъ его Возобновителемъ, а церковь причислила къ лику святыхъ. Умирая, Давидъ избралъ мѣстомъ своего успокоенія порогъ созданной имъ гелатской церкви, для того, чтобы всякій, переступающій черезъ могилу царя, помолился за душу его. Надъ могилою своею онъ повелѣлъ поставить нѣкогда плѣненныя имъ желѣзныя Дербентскія ворота, которыя, замыкая храмъ, служили царю надгробнымъ мавзолеемъ. На церковномъ порогѣ и понынѣ лежитъ большая гранитная плита, а на ней большими грузинскими буквами начертано: „Се покой мой во вѣкъ вѣка, здѣ веселюся, яко изволихъ и". Одной половины желѣзныхъ воротъ уже нѣтъ; какъ говорятъ, она употреблена для гвоздей на церковную крышу. Но другая половина существуетъ и понынѣ. Арабская куфическая надпись на ней гласитъ, что ворота были скованы во имя Бога благого и всемилосерднаго славнымъ Эмиромъ Шавиромъ, сыномъ Эль-Фазла, въ 455 году геджры, въ 1077 г. христіанской эры.

Но кости святого царя не долго оставались въ назначенной имъ могилѣ: Соломонъ Великій впослѣдствіи перенесъ ихъ въ тайное мѣсто подъ своды соборнаго жертвенника, чтобы спасти отъ хищныхъ лезгиновъ.

Періодъ могущества Грузіи продолжался 120 лѣтъ, отъ Давида до кончины правнуки его Тамары. Грузинскія лѣтописи не находятъ никого равнымъ этой великой царицѣ, кромѣ Вахтанга Гургаслана и Давида Возобновителя, и называютъ ее не иначе, какъ царемъ, а не царицею. Народъ въ теченіе семи вѣковъ горделиво хранитъ память великой жены, подарившей его нѣкогда могуществомъ и славой, и окружаетъ ея имя ореоломъ поэтическихъ легендъ, приписывая царицѣ Тамарѣ всѣ славныя дѣла и величавые памятники Грузіи. Въ каждой мѣстности страны полумиѳическій образъ великой царицы принимаетъ свой особенный оттѣнокъ, выражающій представленіе народа о чемъ-то высшемъ, недосягаемомъ. Такъ, въ Сванетіи, гдѣ имя Тамары осталось единственнымъ памят-

нымъ для народа историческимъ именемъ, изъ воинственной жены она сдѣлалась предметомъ суевѣрнаго религіознаго почитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ идеаломъ чарующей волшебной красоты. Пѣсни сванетовъ увѣнчиваютъ смертную, подверженную страстямъ своего пола, обожаемую царицу золотою діадемой, одѣваютъ ее въ свѣтоносныя одежды и украшаютъ драгоцѣнными каменьями, — и это высшій образъ, до котораго могла дойти наивная народная фантазія. Преданія рисуютъ Тамару великодушною и щедрою, и одна изъ легендъ разсказываетъ слѣдующее. Въ торжественный день, когда царица собиралась въ гелатскій соборъ и прикрѣпляла драгоцѣнныя лалы къ царской повязкѣ, ей пришли сказать, что нищая проситъ милостыни у дверей ея монастырскаго терема. Царица велѣла ей подождать, а когда вышла, то нищей уже не было. Смущенная Тамара, упрекая себя, что отказала убогой въ милостынѣ, сняла съ себя бывшую виною ея замедленія повязку и надѣла на вѣнецъ Богоматери.

Достовѣрная исторія, переплетенная легендарными преданіями, въ слѣдующихъ чертахъ рисуетъ судьбу и дѣятельность царицы Тамары (1184—1212). По свидѣтельству русскаго исторіографа, она вышла замужъ за сына Андрея Боголюбскаго, Георгія, который въ первое время ознаменовалъ себя славными побѣдами. Однако, по причинамъ, о которыхъ нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій, бракъ этотъ скоро былъ расторгнутъ, и Георгій удалился въ Константинополь. Когда по настоянію народа Тамара должна была выбрать себѣ втораго мужа, то изъ многочисленныхъ искателей ея руки, въ числѣ которыхъ преданіе называетъ сыновей греческаго императора и султана испаганскаго, она остановилась на осетинскомъ князѣ Давидѣ Сосланѣ (т. е. прекрасномъ), происходившемъ также изъ рода Багратидовъ. Но Георгій не мирился съ потерею трона и скоро появился въ Грузіи съ греческимъ войскомъ. Онъ нашелъ въ странѣ не много приверженцевъ, и скоро, разбитый, былъ выданъ въ руки царицѣ. Великодушная Тамара дала ему свободу подъ условіемъ оставить навсегда Грузію.

Между тѣмъ Грузіи предстояла борьба съ персами, сарацынами и турками, никогда не оставлявшими своихъ притязаній и набѣговъ даже во времена ея наибольшаго могущества. Сосланъ хо-

дилъ въ Персію, одержалъ много побѣдъ и, взявъ Ганжу, овладѣлъ огромною добычею; множество плѣнныхъ, лошадей, верблюдовъ, золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ были наградою побѣдителей, а вслѣдъ затѣмъ Тамара послала войска выгнать турокъ изъ Карса, и при появленіи грузинъ непріятель бѣжалъ, оставивъ крѣпость безъ бою. Тогда знаменитый султанъ Алеппо, Нурреди́нъ, удивленный побѣдами иверійцевъ, послалъ противъ нихъ восьмисотъ-тысячную армію, въ которой было 100,000 одной кавалеріи. Рыцарственный Нурреди́нъ извѣстилъ Тамару о нашествіи, обѣщая милость ей, въ случаѣ согласія быть его женою, и каждому, кто приметъ исламъ. Но когда посланникъ объявилъ эту волю султана, то, какъ говорятъ, воевода Захарія Мхарзели (Долгорукій) отвѣтилъ ему пощечиной, повергшей его замертво на землю. Вызовъ былъ принятъ, и война началась. Грузины, встрѣтивъ необъятный лагерь султана въ Бассіонѣ, первые начали кровопролитнѣйшую изъ битвъ и нанесли туркамъ рѣшительное пораженіе. Плѣнныхъ, по преданію, было взято такъ много, что на каждаго грузинскаго воина ихъ приходилось по 20; сокровища переполнили лагерь побѣдителей, и при царскомъ столѣ съ тѣхъ поръ не употребляли другихъ сосудовъ, кромѣ серебряныхъ и золотыхъ; драгоцѣнные же камни и жемчугъ мѣрили мѣрами.

Несмѣтныя богатства, пріобрѣтенныя Тамарою въ войнахъ, послужили поводомъ къ столкновенію Грузіи съ Византіею. Корыстолюбивый императоръ Алексѣй Ангелъ, узнавши о богатыхъ дарахъ царицы монастырямъ, однажды приказалъ ограбить монаховъ, проходившихъ изъ Грузіи черезъ Константинополь. Разгнѣванная Тамара начала съ императоромъ войну и овладѣла Трапезонтомъ и другими областями по сѣверному побережью Чернаго моря. Изъ нихъ Тамара впослѣдствіи и образовала Трапезунтскую имперію, съ цѣлью затруднить распространеніе магометанства на малоазійскихъ и кавказскихъ берегахъ.

На 24 году царствованія Тамара овдовѣла; но личное горе не мѣшало царицѣ вести Грузію по пути развитія и славы, и военныя дѣла ея не прекращались до самой смерти. Ея политическая выдержка и воинская отвага ярко выражаются въ слѣдующемъ эпизодѣ. Въ 1208 году султанъ Ардебильскій, въ великую субботу

когда всѣ были въ церкви, внезапно подступилъ къ Ани, ворвался въ городъ и произвелъ страшное кровопролитіе. 12,000 жителей были убиты и городъ разграбленъ. Тамара рѣшилась отплатить султану совершенно подобнымъ же поступкомъ. Она дождалась мусульманскаго поста, и въ самую ночь полнолунія, лишь только крикъ муллы съ минарета пробудилъ правовѣрныхъ, войска Тамары ворвались въ Ардебиль и мгновенно овладѣли имъ. 12,000 жителей, какъ въ Ани, были убиты, городъ разграбленъ и разрушенъ, а султанъ съ женами и дѣтьми отведенъ въ плѣнъ. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ походѣ на Иранъ, грузинское войско, овладѣвши Тавризомъ и разграбивши въ Хороссанѣ Гургану, взяло столько добычи, что не могло уже продолжать походъ и возвратилось домой. Города и селенія по дорогѣ выносили побѣдителямъ дары, и грузины съ торжествомъ вступили въ Тифлисъ.

Вліяніе царицы распространилось далеко въ Осетію, за хребетъ Кавказскій; непокорные горцы смирялись передъ ея оружіемъ и принимали крещеніе. Слѣдомъ за грузинскимъ воиномъ шелъ грузинскій священникъ и армянскій купецъ—и по теченію Куры, Алазани, Ліахвы и Терека развивалась дѣятельная жизнь и христіанская гражданственность.

Эпоха Тамары не была только эпохой военнаго могущества, а почитается и золотымъ вѣкомъ литературы и просвѣщенія. Въ ея время жилъ знаменитый Иванъ Руставели — Гомеръ Грузіи, оставившій послѣ себя безсмертную поэму „Барсова Кожа“, стоящую во главѣ грузинской поэзіи.

Легендарная исторія, приписывающая Тамарѣ всѣ замѣчательные памятники Грузіи,—не далека отъ истины, потому что множество памятниковъ оставлено именно ею. Тамара повсюду оставила послѣ себя неизгладимыя черты своей дѣятельности и, какъ выражается одинъ изъ историковъ: „написала свое имя каменными твердынями на горахъ и долинахъ Грузіи“. Церкви и кресты на неприступныхъ скалахъ, внутри самыхъ дикихъ ущелій на Черномъ и Каспійскомъ поморьѣ и даже по ту сторону горъ—нѣмые свидѣтели ея величавой эпохи.

Въ Карталинскомъ ущельѣ понынѣ видны развалины одного изъ храмовъ, созданныхъ Тамарою, особенно памятнаго тѣмъ, что

въ немъ хранилась нѣкогда чудотворная икона Иверской Божіей Матери, драгоцѣнный даръ Тамары осетинскому народу— родственному ей по мужу. Храмъ этотъ два раза былъ разрушенъ пожаромъ, и два раза икону Богоматери находили подъ грудою развалинъ и пепла невредимою. 600 лѣтъ пребывала икона въ Карталинскомъ ущельѣ. Но когда магометанство ворвалось въ Кавказскія горы, а русское правительство пригласило горцевъ христіанъ за Терекъ, къ Моздоку,—святая икона Иверіи становится русскою святынею. Сохранилось преданіе, что когда, въ 1793 году, партія горцевъ прибыла къ Моздоку съ иконой, и тогдашній епископъ моздокскій, встрѣтивъ ее съ крестами и хоругвями, внесъ въ соборъ, то Богоматерь особеннымъ чудомъ извѣстила, что икона должна остаться внѣ города, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она остановилась и провела ночь на смиренной черкесской арбѣ. Тамъ соорудили часовню, а впослѣдствіи воздвигли деревянный храмъ во имя Успенія Божіей Матери. И нынѣ русскіе паломники стекаются сюда на поклоненіе иконѣ со всего Кавказа и изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ русской земли.

Самый поэтическій памятникъ Тамары — Вардзія, „Замокъ Розъ". Верхнюю Карталинію Тамара почитала лучшимъ перломъ своего вѣнца, и тамъ, въ окрестностяхъ Ахалцыха, въ крутой обрывистой скалѣ, она вырубила этотъ роскошный дворецъ, вмѣщавшій въ себѣ до 360 покоевъ. Путешественникъ и понынѣ можетъ видѣть остатки этого величественнаго царскаго жилища, въ которомъ среди келій и корридоровъ въ нѣдрахъ земли сохранился храмъ огромныхъ размѣровъ, украшенный фресками, и посреди этихъ фресокъ какое-то странное и волнующее впечатлѣніе производитъ изображеніе самой древней полумиѳической царицы, во весь ростъ стоящей передъ зрителемъ. Тутъ же, въ боковомъ придѣлѣ церкви, виденъ каменный балдахинъ, подъ которымъ вѣроятно была похоронена Тамара, скончавшаяся въ своемъ любимомъ „Замкѣ Розъ" въ 1212 году. Но настоящая могила ея остается неизвѣстною. Есть мнѣніе, что царица похоронена въ Гелатскомъ монастырѣ; другіе указываютъ ея могилу въ Сванетіи. Грузинскія племена неохотно разстались съ своей умершей царицей, и каждое хотѣло бы найти у себя мѣсто ея вѣчнаго

успокоенія. Грузинская церковь празднуетъ память Тамары въ недѣлю Мѵроносицъ.

Невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что въ Грузіи, странѣ полувосточной, гдѣ женщинѣ въ общественномъ строѣ отведено такое незначительное мѣсто, высшій идеалъ человѣка нашелъ себѣ олицетвореніе въ образѣ женщины. Святая Нина — идеалъ высоты нравственной, царица Тамара — идеалъ героя и мудраго правителя. Нина и Тамара самыя любимыя имена грузинъ.

Съ кончиною Тамары все измѣнилось, какъ будто она унесла въ могилу счастливые дни своей родины. Два послѣдующія царствованія — сына и дочери ея, полныя внутреннихъ смутъ и безурядицы, служили какъ бы предвѣстіемъ страшному бѣдствію, скоро охватившему всю страну. Уже во время безславнаго царствованія Георгія IV, сына Тамары, показались передовые отряды монголовъ. Одно изъ полчищъ Чингизъ-хана заходило въ Грузію, и на рѣкѣ Берджуджѣ грузинское войско, во время Тамары не знавшее ничего кромѣ побѣдъ, понесло страшное пораженіе. Но татары, не имѣя повелѣнія завоевывать Грузію, прошли грозою по странѣ и скрылись на время въ глубину азіятскихъ степей. Но не прошло и десяти лѣтъ, какъ преемникъ Чингизъ-хана, Гаюкъ-ханъ, наводнилъ полчищами всю Азію и татары снова появляются въ несчастной Грузіи, только что передъ тѣмъ опять опустошенной нашествіемъ арабовъ подъ предводительствомъ Джеллаладдина. Какъ Божій бичъ прошли монголы черезъ страну, налагая „слой монгольскаго варварства“ на всѣ народы и царства Кавказа. За Гаюкъ-ханомъ слѣдовалъ страшный Батый, уже подчинившій Грузію правильному игу: онъ сдѣлалъ перепись и обложилъ народъ тяжелою данью. Къ бѣдствіямъ монгольскаго нашествія присоединилось въ 1259 г. чреватое бѣдою, вызванное хитрою татарскою политикой, первое раздѣленіе Грузіи на два независимыхъ царства: собственно Грузію и Имеретію.

Рабство скоро принесло свои обычные плоды: какъ нѣкогда на Руси, худшіе изъ царей, изъ личныхъ своихъ видовъ въ династическихъ раздорахъ, жертвовали благомъ страны; лучшіе, ратовавшіе за дѣло отчизны, становились жертвами произвола ха-

новъ. Подобно русскихъ князьямъ, замученнымъ въ Ордѣ, погибъ грузинскій царь Димитрій, названный Самопожертвователемъ. Вслѣдствіе интригъ заподозривъ его въ невѣрности, ханъ Аргунъ, стоявшій уже на границѣ Грузіи съ цѣлію мстить народу за мнимую измѣну царя его, потребовалъ Димитрія къ себѣ. Димитрій, зная причину ханскаго гнѣва и несправедливость клеветы, рѣшился лучше пожертвовать собою, чѣмъ вызвать страшное нашествіе на родину. Чтобы обезоружить подозрѣнія хана, онъ взялъ съ собою и малолѣтняго сына своего Давида. Но ничто не могло смягчить подозрительнаго деспота—Димитрій былъ заключенъ въ тюрьму и обезглавленъ (1289 г.). Бывшіе съ нимъ грузины цѣною золота купили тѣло царственнаго мученика у стражей и тайно перевезли въ Мцхетъ.

Это была та же судьба, которую пришлось испытать и русскому народу. И потому-то „изъ всѣхъ національностей, вошедшихъ въ кругъ русскаго отечества—говоритъ одинъ писатель *)—не найдти нигдѣ русскому человѣку столь искренней и братской дружбы, какъ въ сердцѣ грузина. И Русь и Грузія подружились еще въ тѣ дни общей скорби, когда съ поникшимъ челомъ носили яссакъ въ Золотую Орду, и тамъ встрѣчались. А дружба, завязанная въ общемъ несчастіи, глубока и несокрушима, какъ братство“.

Бѣдствія монгольскаго ига продолжались вплоть до Георгія V (1318—1346), прозваннаго Блистательнымъ, напомнившаго собою эпохи лучшихъ вѣнценосцевъ Грузіи. Первымъ дѣломъ Георгія было наказать осетинъ, пользовавшихся несчастіемъ страны и безпокоившихъ ее своими набѣгами; онъ сдѣлалъ ихъ своими данниками. Вслѣдъ затѣмъ, прекрасно понимая ослабленіе Монгольскаго царства, раздробившагося на части, онъ смѣло поднялъ оружіе и выгналъ татаръ изъ предѣловъ Грузіи. Между тѣмъ междоусобные раздоры слабыхъ претендентовъ на престолъ Имеретіи дали ему возможность совершить другое великое дѣло. Помня, что сила страны заключается въ единствѣ, онъ воспользовался благопріятными обстоятельствами и, присоединивъ къ

*) И. Д. Попка.

своимъ владѣніямъ Имеретію, сталъ снова единымъ царемъ всей Иверской земли.

При Георгіи V и его наслѣдникахъ уврачевывались язвы страны, возникли изъ развалинъ города, строились церкви, возобновлялись крѣпости. Казалось, многострадальной Грузіи дано было отдохнуть отъ ея золъ, но только для того, чтобы собраться съ силами для перенесенія новыхъ испытаній. Готовилось нашествіе страшнѣе монгольскаго: Тамерланъ явился на горизонтѣ испуганной Азіи. При внукѣ Георгія Блистательнаго, Багратѣ Великомъ, необыкновенно счастливо царствовавшемъ уже 25 лѣтъ, гроза, сокрушившая и дальнія и близкія царства, надвинулась на Грузію. Но грозный завоеватель встрѣтилъ здѣсь столь сильное сопротивленіе, какого онъ, по свидѣтельству самихъ монгольскихъ сказаній, не встрѣчалъ при разореніи могущественнѣйшихъ государствъ Китая, Кабула, Бухары и Персіи. Тамерланъ вступилъ въ Карталинію въ 1387 году со стороны Карса со всѣми ужасами варварства, разрушая всѣ крѣпости, не оставляя цѣлою ни одной башни; путь его побѣдъ обозначался дымомъ пожаровъ, развалинами, грудами мертвыхъ тѣлъ и пирамидами изъ многихъ тысячъ головъ. Царь Багратъ, видя себя не въ силахъ бороться съ страшнымъ завоевателемъ въ открытомъ полѣ, заперся въ тифлисской крѣпости. Кровопролитна была полугодовая осада; но сила одолѣла мужество: царь очутился плѣнникомъ передъ Тимуромъ. Оставивъ въ Тифлисѣ гарнизонъ, Тимуръ отправился въ Карабахъ, ведя за собою плѣнныхъ и караваны добычи. Изъ Карабаха онъ снова отправилъ войско въ Карталинію, приказавъ „не щадить никого и ничего, и разрушить все до основанія“. Пока татары въ точности исполняли приказаніе своего повелителя, Тимуръ съ огнемъ и мечемъ прошелъ весь Дагестанъ и поселилъ у подножья Кавказа магометанскія племена, чтобы ихъ вліяніемъ удержать въ зависимости обширный край. Съ тѣхъ поръ стало тамъ угасать христіанство, насажденное съ такимъ успѣхомъ Давидомъ и Тамарою.

Чтобы освободиться изъ плѣна, Багратъ притворно принялъ магометанство и даже предложилъ Тамерлану обратить къ исламу всѣхъ своихъ подданныхъ, для чего и просилъ у него войска.

Обрадованный Тамерланъ осыпалъ царя дарами и отпустилъ съ нимъ 12-тысячный отрядъ. Но по тайному уговору Баграта съ сыномъ этотъ отрядъ былъ поголовно истребленъ на берегахъ Берджуджи. Тогда раздраженный Тимуръ съ огромнымъ войскомъ самъ двинулся на Грузію. Въ окрестностяхъ Тифлиса произошла кровавая сѣча, въ которой погибла пятая часть тамерланова войска, но грузины все же не могли продолжать открытой борьбы и скрылись въ горы. Багратъ вскорѣ умеръ, но сынъ и наслѣдникъ его, Георгій VII, энергически продолжалъ борьбу. Еще нѣсколько разъ Тамерланъ вторгался въ Грузію и ни разу не встрѣтилъ покорности—грузины уходили въ горы, вели партизанскую войну и при каждомъ отступленіи непріятеля отнимали у него обозы и награбленныя сокровища. Наконецъ, при посредствѣ одного изъ любимцевъ Тимура, Георгію удалось примириться съ завоевателемъ цѣною незначительной дани.

Разореніе страны послѣ нашествія Тамерлана было громадно. Тогда разрушенъ былъ до основанія Мцхетскій соборъ, и многія церкви съ тѣхъ поръ такъ и не возставали изъ развалинъ. Чѣмъ былъ Тимуръ для покоренныхъ имъ жителей, могутъ служить оставшіяся на Кавказѣ слѣды его нашествій и преданія. Недоѣзжая двухъ верстъ до Закаталъ съ мугамлынской переправы, недалеко отъ дороги съ лѣвой стороны, набросана огромная конусообразная куча камней, печально осѣняемая нѣсколькими тутовыми деревьями. Это—слѣдъ страшнаго истребленія всего, что не успѣло спастись тогда въ горы. Тимуръ-Ленгъ имѣлъ обычай, послѣ поголовнаго избіенія жителей какой-нибудь страны, собирать въ одно мѣсто головы убитыхъ,—ихъ количествомъ онъ измѣрялъ свое могущество и царское величіе. И въ тотъ разъ головы убитыхъ были собраны и сложены пирамидально на то именно мѣсто, гдѣ находится теперь куча камней, и мѣсто это понынѣ называется Башъ-кала, т. е. башня изъ человѣческихъ головъ.

Уничтожая взрослыхъ, Тимуръ не оказывалъ никакой пощады и молодой жизни. Однажды онъ приказалъ перевязать и уложить малыхъ дѣтей такъ, какъ татары обыкновенно укладываютъ хлѣбъ для молотьбы. Орудіемъ для этой работы служитъ особаго устройства доска, нижняя сторона которой усажена мелкими, острыми

камнями; везя эту доску по снопамъ и выбиваютъ зерна изъ колосьевъ. Этимъ-то варварскимъ способомъ были истреблены дѣти. Звѣрскій поступокъ Тамерлана создалъ у лезгинъ даже поговорку: „съ тобой надо сдѣлать такъ, какъ Тимуръ дѣлалъ сахирманъ (токъ)". Въ другой разъ, какъ разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ той эпохи, жители какого-то города, навлекшіе на себя гнѣвъ Тамерлана, выслали для умилостивленія его своихъ дѣтей. При видѣ малютокъ, шедшихъ съ пѣснями изъ корана, въ Тимурѣ возгорѣлся духъ истребленія. Онъ помчался на нихъ на конѣ и приказалъ скакать за собой своей конницѣ. Несчастные родители, стоявшіе на городскихъ стѣнахъ, были свидѣтелями ужасной гибели своихъ дѣтей, растоптанныхъ татарскими конями.

Недаромъ Тимуръ пользовался на Востокѣ страшной славой, и недаромъ съ самымъ рожденіемъ его связана страшная же легенда. Она говоритъ, что младенецъ Тимуръ появился на свѣтъ съ кускомъ запекшейся крови на рукахъ и съ бѣлыми какъ у старца волосами.

Послѣ Тамерлана, Георгій, а потомъ братъ его Константинъ тщетно старались возстановить силы страны, а послѣдній, вмѣшавшись въ дѣла турокъ, попалъ даже въ плѣнъ, и былъ замученъ съ варварскою жестокостью. Не лишнее сказать, что тѣло его покоится въ пещерномъ храмѣ Вардзіи, построенномъ Тамарою, и нѣкоторые принимаютъ могилу его за гробъ великой царицы.

Но въ сынѣ Константина, Александрѣ I (1414 — 1442), снова возрождается доблестный духъ древнихъ грузинскихъ царей. Побѣдоносный надъ врагами, онъ сдѣлалъ много и для уврачеванія ранъ страны и для народнаго просвѣщенія; ему же принадлежитъ и заслуга возстановленія изъ развалинъ великолѣпнаго Мцхетскаго собора. Но на концѣ своихъ дней, утомленный царственными заботами, Александръ удалился въ обитель и принялъ иноческій санъ, передавъ престолъ сыну своему Вахтангу IV. Какая обитель приняла подъ мирную сѣнь свою царственнаго труженика — неизвѣстно. Въ пустынѣ Гареджійской показываютъ могилу царя-инока Александра; но и въ грамотахъ Мцхетскаго собора записано также, „что смиренный царь Александръ устроилъ

для себя особый погребальный придѣлъ, не смѣя возлечь въ обновленномъ имъ соборѣ".

Три года спустя Александръ умеръ, а вслѣдъ за нимъ сошелъ въ могилу сынъ его Вахтангъ—и Грузія осиротѣла. Начинается эпоха не тѣхъ бѣдствій, которыя воспитываютъ духъ единства и любви къ родинѣ, не нашествіе иноплеменныхъ и борьба противъ нихъ,—настаетъ время раздѣленія, воспитавшаго духъ раздоровъ, соперничества царей и кровавыхъ междоусобій. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ противъ втораго сына Александра, Георгія VIII, начались возстанія, и царство распадается на четыре царства, приготовляя почву для внутренняго истощенія силъ страны и народа. Среди возникшихъ междоусобій и самъ Георгій едва не погибаетъ жертвою кроваваго измѣнническаго заговора. Онъ спасся исключительно благодаря доблестному самопожертвованію Іофама Зедгинидзе, который, угадывая намѣреніе заговорщиковъ, легъ на царскую постель и былъ ими изрубленъ.

И вотъ возникаютъ четыре независимыя государства: Багратъ основываетъ Имеретію, Давидъ—Кахетію, эриставъ Кваркваре—атабекство Самхетское, и Георгій остается царемъ только Карталиніи. Рядомъ съ этимъ стремятся къ независимости и еще четыре княжества, изъ которыхъ Сванетія и Абхазія управляются князьями изъ рода Шервашидзе, а Мингрелія и Гурія получаютъ правителей съ наслѣдственными титулами Дадіановъ и Гуріелей, обратившихся впослѣдствіи имъ въ фамиліи. И съ этихъ поръ нѣкогда единая грузинская земля становится не поприщемъ защиты самобытности народной, а ареной борьбы турокъ и персовъ, изъ которыхъ каждый претендуетъ на вліяніе и обладаніе Грузіей. Рядъ незначительныхъ царей отдѣльныхъ земель слѣдуетъ за новымъ рядомъ, междоусобія смѣняются междоусобіями, періодически перерываемыми нашествіями то персовъ, то турокъ, уже не встрѣчающихъ прежняго доблестнаго сопротивленія въ энергіи и чувствѣ независимости народной; и все чаще и чаще народы Грузіи обращаютъ взоры на сѣверъ, ища покровительства и защиты Россіи. Изъ повѣсти доблестей исторія Грузіи становится исторіей только нашествій.

Впослѣдствіи Грузія сдѣлалась постояннымъ яблокомъ раздора

между персами и турками. Турки стремились въ нее со стороны Имеретіи и черноморскаго побережья, персы—со стороны Кахетіи и Карталиніи,—и эта борьба между ними отражалась на странѣ такъ, что освобожденіе отъ однихъ обозначало нашествіе другихъ. Такъ, въ 1518 году Тифлисъ берутъ, разоряютъ храмы и ставятъ въ немъ мечети персы; въ 1578 г. то же дѣлаютъ турки, воюя съ персами и изгоняя ихъ изъ Грузіи. И такъ далѣе. Къ довершенію бѣдствій старые враги, лезгины, пользуются слабостію страны и набѣги ихъ становятся безпрестанными. Десятки тысячъ суровыхъ питомцевъ горъ ежегодно спускаются въ долины и грабятъ Грузію съ двухъ сторонъ: или переправляясь черезъ Алазань у Сигнаха и опустошая Кахетію, или же пробираясь горами Ганжійской и Эриванской области въ Ахалцыхъ и вторгаясь въ Самхетію и Карталинію.

Въ цѣломъ рядѣ царей, если и являются свѣтлыя личности, какъ напр. Леванъ I Кахетинскій (1520—1574), доставившій своему царству нѣсколько лѣтъ благоденствія, то и они не измѣняютъ общаго хода дѣлъ и безсильны освободить страну отъ вражескихъ нашествій и внутреннихъ раздоровъ.

Изъ событій этой мрачной эпохи выдвигается развѣ странный и по поводамъ и по исполненію крестовый походъ съ цѣлью защиты святаго гроба отъ одной магометанской секты въ пользу другой. Походъ этотъ былъ совершенъ въ 1524 г. по просьбѣ турецкаго султана Солимана, призывавшаго грузинскихъ царей въ Іерусалимъ для освобожденія Господняго гроба „изъ рукъ невѣрныхъ“; онъ вѣроятно разумѣлъ подъ именемъ невѣрныхъ — мусульманъ шіитовъ. Грузинская лѣтопись говоритъ, что главнымъ военачальникомъ похода явился Леонъ, царь кахетинскій, и что ему содѣйствовали своими силами цари Имеретіи и Карталиніи. Крестовый походъ этотъ несомнѣненъ, потому что имя великаго Леона записано на мраморѣ Голгофы. Лѣтопись же поясняетъ коротко, что святой гробъ былъ освобожденъ, и „цари, осыпавъ своими благостынями святыя мѣста, со славою возвратились въ отечество“.

Дни несчастій, послѣдовавшихъ за раздѣленіемъ царства грузинскаго, очень скоро сдѣлали необходимымъ обращеніе грузин-

скихъ царей къ Россіи, и уже третій кахетинскій царь, Александръ I (1492—1511), искалъ защиты въ русскомъ царѣ Іоаннѣ III, называя его „надеждою христіанъ и подпорою бѣдныхъ". Столѣтіе спустя, Александръ II Кахетинскій (1574—1605), опасавшійся мщенія Персіи за склонность къ туркамъ, тайно посылалъ въ Москву духовныхъ и свѣтскихъ лицъ съ слезною просьбою къ царю Федору Іоанновичу, прося принять Кахетію подъ свою высокую руку и тѣмъ исхитить ее изъ рукъ невѣрныхъ. „Настали—писалъ онъ:—времена ужасныя для христіанства; мы, единодушные братья христіанъ, стенаемъ отъ злочестивыхъ; одинъ ты, вѣнценосецъ православія, можешь спасти нашу жизнь и душу; бью тебѣ челомъ до лица земли, да будемъ твои во вѣки вѣковъ".

Съ Александромъ II мы вступаемъ въ эпоху персидскаго шаха Аббаса Великаго, напомнившаго Грузіи времена Батыя и Тамерлана.

XIX.

Эпоха персидскаго владычества въ Грузіи.

(Шахъ-Аббасъ).

Величайшій изъ шаховъ Персіи, „левъ Ирана“, какъ его зовутъ исторія и народъ, Шахъ-Аббасъ занималъ персидскій престолъ на самомъ переломѣ XVI вѣка въ XVII. Это была одна изъ тѣхъ историческихъ личностей, отмѣченныхъ судьбою, которымъ суждено измѣнять лицо земли, разрушать и основывать царства. Его значеніе собственно для Грузіи было такъ громадно, что народъ грузинскій связалъ его имя съ цѣлымъ рядомъ грандіозныхъ легендъ. По представленіямъ народнымъ уже самое рожденіе его было знаменіемъ грядущихъ бѣдъ, отмѣченнымъ пророческою катастрофою.

Въ тотъ самый вечеръ и въ ту самую минуту, когда Шахъ-Аббасъ родился, великое землетрясеніе, какъ знаменіе Божьяго гнѣва, разрушило древнѣйшую святыню Грузіи—обитель святаго Георгія, находившуюся въ окрестностяхъ города Телава.

Это землетрясеніе, о которомъ свидѣтельствуютъ и лѣтописи конца XVI вѣка, было до такой степени мѣстное, что его не слышали даже въ Телавѣ, отстоящемъ отъ монастыря не далѣе какъ въ 20-ти верстахъ. Царь былъ въ это время на охотѣ. Въ тихій и ясный вечеръ, окруженный придворными, охотниками и тѣлохранителями, онъ проѣзжалъ мимо обители; зурна оглашала лѣса и горы, азарпеша переходила изъ рукъ въ руки и никто не хотѣлъ смотрѣть на старцевъ, вышедшихъ за монастырскую ограду съ поклономъ. Вдругъ прокатился подземный гулъ, земля встрепенулась, и вѣковыя зданія покровителя Иверіи покачнулись, наклонились долу и рухнули съ ужасающимъ трескомъ. Что произошло тогда въ царскомъ поѣздѣ, трудно изобразить. Большинство всадниковъ вылетѣло изъ сѣделъ; многіе упали вмѣстѣ съ конями; царь былъ въ числѣ послѣднихъ, и при паденіи тяжко расшибся. Между тѣмъ наступили сумерки; налетѣла съ горъ страшная буря; туча нависла надъ Телавомъ, и смущенный народъ, собравшійся на встрѣчу царю, пустился по домамъ. Тогда изъ толпы возвысился грозный, обличительный голосъ какого-то юродиваго.

— „Тавады, нацвалы и народъ!“ вскричалъ онъ. „Въ вашихъ глазахъ поникъ къ землѣ величайшій изъ храмовъ православной земли. Его высокое чело отразило бури вѣковъ, а теперь поникло—въ тихій часъ вечера, въ кроткомъ сіяніи умирающаго дня. Поистинѣ, это великое знаменіе грядущихъ на насъ бѣдъ, ибо неправды наши превзошли высоту нашихъ храмовъ. Въ эту самую минуту родился въ Иранѣ жрецъ, который придетъ заклать нашу свободу и путь его обагрится нашей кровью. Плачьте, грузины!—родился Шахъ-Аббасъ!“

Прошли десятки лѣтъ, и Шахъ-Аббасъ является властителемъ Ирана (1585—1628). Геніальный политикъ и великій полководецъ, онъ вѣрно оцѣниваетъ важное значеніе Грузіи для своего государства въ борьбѣ его съ Турціей и направляетъ всѣ силы на то, чтобы не только не упустить своего вліянія на страну, но совершенно слить ее съ Персіею, послѣдовательно распространяя въ ней религію, языкъ и нравы персидскаго магометанства. Встрѣчая сопротивленіе въ духѣ народномъ, и выведенный

разъ на путь кроваваго нашествія, онъ не поселяетъ магометанъ у подножія Кавказскихъ горъ, какъ дѣлалъ это Тамерланъ, а напротивъ, разоряя города, силою уводитъ христіанъ во внутренность Персіи. До сихъ поръ около Испагани есть много деревень грузинскихъ и армянскихъ, жители которыхъ, утративъ вѣру, сохранили языкъ своихъ предковъ. Царей грузинскихъ земель шахъ старался приближать къ своему двору, царевичи нерѣдко и воспитывались въ столицѣ шаха, усвоивая тамъ нравы, понятія, а иногда и вѣру персовъ.

Царь кахетинскій Александръ II, съ своею склонностію къ туркамъ и сношеніями съ русскимъ царемъ Борисомъ Годуновымъ, является прямымъ и непосредственнымъ противникомъ политики Шахъ-Аббаса и первые удары ея обрушиваются именно на него. Мирныя средства Шахъ-Аббаса, какъ всегда, состояли прежде всего въ послѣдовательномъ проведеніи принципа divide et impera,—раздѣляй и этимъ повелѣвай. И послѣ того, какъ шахъ въ войнѣ съ Турціею имѣлъ возможность убѣдиться въ ненадежности Александра, онъ устроилъ такъ, что вооружилъ противъ него собственныхъ его дѣтей.

На этомъ примѣрѣ можно видѣть, какой развратъ власти вносилъ Шахъ-Аббасъ въ Грузію, какимъ полнымъ нравственнымъ разложеніемъ грозилъ онъ ей,—какъ несомнѣнно добился бы всѣхъ своихъ политическихъ цѣлей, еслибъ своимъ крайнимъ направленіемъ не вызвалъ другой крайности—крайности отчаянія. И мы увидимъ въ дальнѣйшей исторіи Шахъ-Аббаса рядъ великодушныхъ гражданъ, въ которыхъ не вымерли еще остатки древней доблести и способности самопожертвованія, спасшіе Грузію отъ послѣдствій всеразлагающаго вліянія персидскаго политика.

Вызванный шахомъ духъ измѣны и раздоровъ въ семьѣ Александра получилъ свое первое выраженіе въ томъ, что старшій сынъ его, царевичъ Давидъ, съ позволенія персидскаго двора, заключилъ брата Георгія въ крѣпость, отца въ темницу и самъ завладѣлъ престоломъ (1605). Когда въ томъ же году онъ померъ, другой сынъ Александра, Константинъ, принявшій при Шахъ-Аббасѣ магометанство, съ персидскимъ войскомъ явился въ Кахетію и завладѣлъ престоломъ, убивши отца и брата. Но цѣною не однихъ

преступленій онъ купилъ престолъ, а и обязательствомъ, даннымъ шаху, прекратить всякія сношенія съ Россіей и поставить Кахетію въ вассальную зависимость отъ Персіи. Грузію спасла на этотъ разъ царица Кетевань, вдова Давида II: она разбила приверженцевъ Константина, убила его самого и стала править именемъ сына своего Теймураза. Хитрый шахъ наружно примирился со смертью преданнаго ему царя и, какъ говорятъ, сказавши: «отцеубійца достоинъ смерти», утвердилъ на престолѣ Теймураза, бывшаго въ то время при персидскомъ дворѣ. «Ступай въ Кахетію и постарайся не допускать волненій въ этой странѣ», сказалъ онъ Теймуразу.

Въ то же самое время карталинскій царь Георгій X, несогласившійся принять магометанство, былъ отравленъ ядомъ, и престолъ его отданъ Шахъ-Аббасомъ сыну его, Лаурсабу II (1605). Но въ первые же годы царствованія Лаурсаба случилось обстоятельство, получившее фатальный смыслъ. Еще въ царствованіе отца Георгія X, Симона I, когда надъ Карталиніей гремѣли военныя бури и страна была раздираема междоусобіями, изъ небогатой дворянской семьи выдвигается нѣкто Георгій Саакадзе, которому суждена была замѣчательная роль въ исторіи Грузинскаго народа. Отличаясь наружной красотой, даромъ слова и силой убѣжденія, отвагой и рѣшимостью, онъ, при первомъ же появленіи на военномъ поприщѣ, обратилъ на себя вниманіе. Симонъ возвелъ его въ достоинство тархана; преемникъ его, Георгій X, пожаловалъ его званіемъ владѣтельнаго князя съ титуломъ морава, и молодому Саакадзе не было еще и 27 лѣтъ, какъ онъ уже сдѣлался самымъ приближеннымъ лицомъ къ царю Лаурсабу. Гордая грузинская аристократія не могла снести быстраго возвышенія человѣка незнатнаго дворянскаго рода; начались интриги, и отъ царя Лаурсаба потребовали даже смерти моурава. Саакадзе вѣроятно палъ бы жертвою аристократіи; но въ это самое время случилось, что возвращавшіяся изъ Персіи грозныя турецкія силы надвигались на Грузію со стороны Тріолетскихъ горъ. Передовой грузинскій отрядъ, посланный подъ предводительствомъ двухъ лучшихъ грузинскихъ полководцевъ Захарія и Ярали, былъ истребленъ вмѣстѣ съ предводителями въ горныхъ тѣснинахъ, и непріятель

занялъ Менглисъ и Квельту. Въ Квельтѣ турки схватили священника Федора, извѣстнаго въ то время своими учеными трудами, и, подъ угрозою смерти, потребовали отъ него, чтобы онъ провелъ въ мѣстопребываніе царя летучій отрядъ, намѣревавшійся захватить Лаурсаба. «Не пожертвую вѣчною жизнію временной, не буду предателемъ царя» – сказалъ себѣ этотъ грузинскій Сусанинъ. Онъ завелъ враговъ въ непроходимыя горныя дерби и, спасши царя, самъ погибъ мучительной смертью въ виду Эртацминдскаго храма. Но опасность оттого для страны не миновала, и царь изъ Цхиретскаго замка съ отчаяніемъ въ сердцѣ смотрѣлъ на несмѣтныя вражескія войска, покрывавшія живописныя долины. И вотъ, въ этихъ-то трудныхъ обстоятельствахъ, когда гордая аристократія потеряла голову, Саакадзе беретъ на себя спасеніе родины, требуя лишь себѣ права полнаго распоряженія битвою.

На слѣдующій день, въ Схертской лощинѣ, на берегахъ Куры, началось сраженіе. Слабые числомъ, но движимые ненавистью къ пришельцамъ и воодушевляемые своимъ предводителемъ, грузины бросились въ рукопашную битву, и самъ Саакадзе рубился въ переднихъ рядахъ. Турки не уступали. Но тутъ случилось, что храбрый князь Заза Циціановъ, пробившись до самаго паши Дели-Мамадъ-хана, сбилъ его съ лошади и, соскочивъ съ сѣдла, успѣлъ отрѣзать ему голову, прежде чѣмъ турецкіе всадники подоспѣли на выручку. Держа голову паши въ зубахъ за длинную бороду, Циціановъ отчаянно пробился сквозь ряды окружившихъ его враговъ и, покрытый кровью, бросилъ къ ногамъ царя свой страшный побѣдный трофей. И это обстоятельство рѣшило побѣду. Крики восторга встрѣтили героя въ рядахъ грузинскихъ войскъ. Турки, пораженные видѣннымъ, побѣжали, и грозныя полчища были истреблены горстью грузинъ.

Царь и дворъ на третій день посѣтили Саакадзе. Самъ Лаурсабъ увидѣлъ сестру его, отличавшуюся замѣчательною красотой, увлекся ею страстно и порѣшилъ на ней жениться. Напрасны были совѣты моурава, предчувствовавшаго печальныя послѣдствія неровнаго брака, напрасны были убѣжденія царицы-матери и настоянія двора,—царь не отказался отъ своего намѣренія, и бракъ состоялся. Сильные князья и вассалы, оскорбленные поступкомъ

царя, возстали на него поголовно и, во имя поддержанія трона, потерявшаго будто бы уваженіе въ глазахъ народа, съ тѣхъ поръ какъ сестра простого дворянина вошла на него царицею,—потребовали не только расторженія брака, но и истребленія всего ненавистнаго имъ рода Саакадзе. Составился тайный заговоръ.

Однажды моуравъ получилъ приглашеніе на царскую охоту; но едва онъ прибылъ въ загородный дворецъ, какъ одинъ изъ преданныхъ людей предупредилъ его о кровавомъ замыслѣ. Не теряя времени, Саакадзе вскочилъ на неосѣдланнаго коня и поскакалъ въ свой замокъ, чтобы спасти себя и свое семейство. За нимъ немедленно отрядили погоню; но она уже не нашла Саакадзе въ замкѣ. Проскакавъ въ поспѣшномъ бѣгствѣ огромное разстояніе въ одну короткую ночь, онъ успѣлъ укрыться съ женою и дѣтьми у тестя своего, арагвскаго эристава. Замокъ его былъ разграбленъ и обращенъ въ груды развалинъ и пепла.

Грузія надолго потеряла одного изъ своихъ лучшихъ сыновъ, который могъ бы быть ей безконечно полезенъ. Оскорбленный герой, не зная убѣжища въ своей собственной родинѣ, измѣнилъ ей: онъ удалился въ Персію къ шаху и предложилъ ему завоевать Карталинію,—и что же могъ онъ предложить ему, кромѣ измѣны? Разсказываютъ, что разъ, въ минуту гнѣва, онъ воскликнулъ: „горе Карталиніи! Нѣтъ ей покоя, пока живъ царь Лаурсабъ". Шахъ хорошо понялъ выгоды лишить Карталинію ея единственной опоры и надежды и съ почестями принялъ Саакадзе. Но онъ не считалъ нужнымъ пока употребить моурава противъ Карталиніи, совершенно понимая возможность обращенія его къ родинѣ: онъ посылаетъ его въ Индію и на войну съ турками—и скоро слава индійскихъ и турецкихъ побѣдъ Саакадзе разнесла его имя по всему Ирану; его подвиги воспѣвали поэты, и пѣсни эти, достигая Тифлиса, горъ и долинъ Карталиніи, распѣвались персіянами къ страху двора и жителей страны.

Такимъ образомъ и Карталинія и Кахетія, наиболѣе вліятельныя изъ грузинскихъ государствъ, лежали распростертыми у ногъ Персіи, во власти слабыхъ царей и безъ опоры мужей сильныхъ, измѣною и междоусобіемъ удаляемыхъ изъ страны. Шахъ-Аббасъ понималъ, что онъ уже не встрѣтитъ особаго сопротивленія въ

ослабленныхъ царствахъ; а съ другой стороны, зная всю устойчивость религіозныхъ вѣрованій въ народѣ, онъ довольствуется обращеніемъ въ магометанство только царей и князей, а народъ рѣшаетъ покарать мечомъ и выселеніемъ въ Персію и только ищетъ приличнаго повода къ войнѣ. Въ 1615 году онъ является въ Ганжѣ, посылаетъ оттуда кахетинскому царю извѣщеніе о намѣреніи начать войну съ турками и, руководимый совѣтами Саакадзе, требуетъ выдачи сына въ заложники, въ ручательство того, что Теймуразъ не склонится на сторону турокъ. Царь, понимавшій вѣроломную политику шаха и знавшій, что никакой войны совсѣмъ не предполагается, сначала было отказался; но потомъ, по настоянію боявшихся мщенія кахетинцевъ, отправилъ къ шаху младшаго сына, подъ надзоромъ своей матери Кетевани.

— „Я не кормилица, чтобы воспитывать малолѣтнихъ", отвѣтилъ ему шахъ, и требовалъ старшаго сына. Теймуразъ уступилъ. Тогда шахъ потребовалъ къ себѣ и его самого. Разсчитывая между прочимъ на содѣйствіе Лаурсаба карталинскаго, Теймуразъ отказался отправиться къ шаху; но тотъ принялъ свои мѣры. Чтобы возбудить противъ Теймураза подданныхъ, онъ приказалъ персамъ обходиться съ населеніемъ ласково и не жалѣть подарковъ и почестей. И скоро Теймуразъ и Лаурсабъ, оставленные подданными, перешедшими на сторону Шахъ-Аббаса, должны были бѣжать въ Имеретію. Отправивши мать и дѣтей Теймураза въ Ширазъ, шахъ прошелъ Кахетію и Карталинію, и изъ Гори, лежащаго верстахъ въ 40 отъ Тифлиса по дорогѣ въ Имеретію, началъ переговоры съ царями. Онъ воспользовался случаемъ сообщить стороною Лаурсабу, что любитъ его и щедро наградитъ, если тотъ явится къ нему, а что Теймуразъ ему вѣчный врагъ. Шахъ не упустилъ случая приласкать и имеретинцевъ, черезъ которыхъ онъ велъ переговоры съ царями, и при этомъ случаѣ вручилъ имеретинскимъ вельможамъ богатую, окованную золотомъ саблю свою, прося повѣсить ее, какъ даръ, на стѣнѣ любимаго ими храма св. Георгія въ мѣстечкѣ Мравалзалѣ. Конечно. Шахъ-Аббасъ дѣлалъ это не изъ любви къ христіанской религіи. Сабля эта, какъ свидѣтельствуетъ одинъ путешественникъ, нахо-

дилась на стѣнѣ храма еще въ 1745 году; но куда она дѣвалась впослѣдствіи, неизвѣстно.

Лаурсабъ поддался на обманъ и тайкомъ отъ Теймураза ушелъ изъ Имеретіи. Шахъ принялъ его, ласково и оставилъ его въ Тифлисѣ, а самъ удалился. Разсказываютъ, что покидая столицу Карталиніи, шахъ остановился у моста, съ котораго видны были минеральныя бани, и указывая царю на красоту мѣстности, говорилъ: „Я бы взялъ отсюда эти виды, если бы то было возможно; самое лучшее богатство твоего царства и города—бани минеральныхъ водъ". Лаурсабъ отвѣчалъ: „Великій шахъ, и я, и царство мое, и виды эти—все принадлежитъ тебѣ". Но не долго царь оставался свободнымъ. Вскорѣ мы видимъ его съ шахомъ на охотѣ въ лѣсахъ Карабаха, подъ видомъ охоты же его перевозятъ въ Мазандеранъ, и когда здѣсь ни угрозы, ни обѣщанія не склоняютъ его къ Исламу, шахъ отправляетъ его въ Ширазъ, гдѣ послѣ долговременнаго заключенія въ темницѣ, его задушили тетивою (1622). Съ Лаурсабомъ прекратилась прямая линія царей Карталиніи и владѣтели ея перестали быть даже христіанами. Царемъ же Карталиніи шахъ назначаетъ магометанина Баграта V (1616—1619).

Въ то время какъ Лаурсабъ сдѣлался жертвою политики шаха, Теймуразъ фактически низложенъ былъ съ престола, а въ Кахетіи оставленъ персидскій гарнизонъ, подъ начальствомъ вѣроотступника царевича Іессея, въ магометанствѣ Исахана, двоюроднаго брата Теймураза. Но три мѣсяца спустя послѣ удаленія Шаха, Исаханъ былъ убитъ заговорщиками, и Теймуразъ воротился на царство. Шахъ рѣшилъ жестоко наказать ослушниковъ своей воли,—и наступаетъ время кроваваго нашествія персовъ на Грузію.

Шахъ послалъ впередъ часть войскъ, чтобы преградить Теймуразу отступленіе въ Имеретію; но Теймуразъ первымъ напалъ на персидскій отрядъ и обратилъ его въ бѣгство. Приближеніе главныхъ силъ Шахъ-Аббаса однакоже измѣнило все дѣло; передовымъ отрядомъ персидскаго войска командовалъ Саакадзе, и появленіе народнаго героя во главѣ вражескихъ полковъ сразу подорвало духъ народа; все бросило безполезное оружіе и бѣжало въ горы. Теймуразъ снова ушелъ въ Имеретію.

Въ 1617 году войска Шахъ-Аббаса вступили въ Кахетію, все попирая на пути, все заливая кровью, обращая въ пепелъ города, грабя монастыри, разбивая иконы и кресты и обращая священныя украшенія на туалеты своего гарема. Христіане вмѣсто защиты собирались въ церкви, каялись и молились, готовясь къ смерти, и вмѣстѣ съ церквами были сожигаемы тысячами. Лезгины, съ своей стороны, по требованію шаха убивали и плѣняли тѣхъ, кто бѣжалъ къ нимъ въ горы. Преданіе сохранило разсказъ о кровавой расправѣ шаха, совершенной въ одномъ изъ монастырей Гареджійской пустыни, каменистой, безводной, прорытой ущеліями. Подъ развалинами монастырскаго храма, внутри алтаря понынѣ стоитъ престолъ, а на немъ вмѣсто священной утвари—человѣческія кости, связанныя крестообразно. Вотъ эти-то кости и дали названіе цѣлой лаврѣ, именующейся Моцамети,—лавра мучениковъ. Здѣсь 6 тысячъ иноковъ были избиты въ святую пасхальную ночь по повелѣнію Шахъ-Аббаса. Существовалъ обычай, по которому братія всѣхъ 12 обителей Гареджійской пустыни собирались въ пасхальную заутреню именно въ эту лавру, какъ большую изъ всѣхъ; къ тому же великій день былъ и храмовымъ праздникомъ этой обители. И вотъ, 6 тысячъ иноковъ со свѣчами въ рукахъ обходили церковь, построенную на вершинѣ горы, и воспѣвали радостно „Христосъ Воскресе", не воображая, какъ сами они были уже близки къ переходу въ вѣчность. Далеко за Курою, на краю обширной степи Карайской, увидѣлъ Шахъ-Аббасъ ночью необычайное освѣщеніе—какіе-то огни двигались и мерцали на вершинѣ горы, тамъ, гдѣ онъ предполагалъ совершенную пустыню. „Что за огни?" спросилъ изумленный шахъ. „Это гареджійскіе пустынники празднуютъ свою пасху". отвѣчали ему.—„Истребить ихъ!"—Напрасно приближенные шаха представляли ему, что пустынники не носятъ оружія, никому не дѣлаютъ зла, а напротивъ за всѣхъ молятъ Бога, и что самъ пророкъ повелѣваетъ щадить такихъ молитвенниковъ. Шахъ ничего не слушалъ. Къ разсвѣту отрядъ конницы прискакалъ въ лавру. Шла литургія и только что иноки пріобщились св. Тайнъ, какъ вломились персы—и черезъ нѣсколько мгновеній 6000 труповъ лежало на церковномъ помостѣ, залитомъ кровью. Съ тѣхъ поръ

запустѣла большая часть обителей пустыни. Церковь причла погибшихъ къ лику мучениковъ и установилъ празднованія 6,000 иноковъ на второй день Пасхи, а благочестивый царь Арчилъ собралъ св. кости и соорудилъ надъ ними небольшую церковь.

Въ это же время, овладѣвши Мцхетомъ, шахъ захватилъ въ свои руки и величайшую святыню христіанскаго міра, хитонъ Господень. Позже, какъ увидимъ, онъ отослалъ его московскому царю. И нынѣ риза Господня, раздѣленная на части составляетъ достояніе Успенскаго собора въ Москвѣ, большой придворной церкви и Александро-Невской лавры—въ Петербургѣ.

Приведши страхомъ смерти всю страну въ невольное повиновеніе, Шахъ-Аббасъ назначилъ Кахетіи своего правителя съ персидскимъ войскомъ и увелъ массы народа въ неволю, для поселенія ихъ въ персидскихъ провинціяхъ. Съ царями Грузіи „левъ Ирана“ заключилъ мирный договоръ, обязуясь не обременять Грузію данью, не измѣнять ея религіи, оставить церкви неприкосновенными и не строить мечетей, однакоже выговоривъ условіе, чтобы цари грузинскіе были непремѣнно магометанами, хотя и грузинскаго происхожденія. Этимъ договоромъ, сохранившимъ только наружность независимости и свободы грузинскихъ царствъ, потерявшихъ во время нашествія множество представителей своей религіи, но сохранившихъ склонную къ магометанству аристократію и магометанъ царей, Шахъ-Аббасъ окончательно упрочилъ персидское вліяніе на Грузію. И только народу, преданности вѣрѣ и самобытному духу его Грузія обязана сохраненіемъ своей духовной независимости и возможностью возрожденія въ будущемъ. Изъ нѣдръ народа вновь выдвинулось сильное духовенство, имѣвшее неотразимое вліяніе на царей и на магометанскую аристократію, и глава духовенства, католикосъ, является не разъ въ дальнѣйшей исторіи Грузіи источникомъ освободительныхъ движеній. И благодарный народъ отразилъ эту роль духовенства въ своихъ легендахъ.

Этотъ вѣчно дѣятельный духъ народа сказался во времена шаха не однимъ сопротивленіемъ народныхъ массъ, уходившихъ въ горы, но и подвигами, въ которыхъ свѣтится непреодолимая и безграничная преданность вѣрѣ предковъ и отечеству. Есть легендарная исторія (ее разсказываетъ И. Д. Попка), созданная самимъ

народомъ и показывающая, что онъ не хотѣлъ признавать за шахомъ побѣду, какъ бы сознавая, что тому не одолѣть народную силу. Въ ней рисуется шахъ не побѣдителемъ, а побѣжденнымъ, и побѣжденнымъ именно любовью къ отечеству.

Вотъ эта легенда:

Завладѣвши всею Кахетіею и большею частію Карталиніи, однажды Шахъ-Аббасъ сидѣлъ у дверей своего шатра, какъ главный мирза доложилъ, что отъ грузинскаго царя присланъ посолъ съ подарками. Явился карталинскій тавадъ, высокій и стройный, „какъ тополь на берегу Куры". Онъ повергъ къ туфлямъ шаха корзину со свѣжими плодами, и шахъ похвалилъ плоды.—„Чохъ-Гюзель!" (очень прекрасно!) повторялъ онъ, выбралъ самое большое яблоко, съѣлъ его, выплюнулъ сѣмена на ладонь и приказалъ подать копье. Боднулъ онъ гибкимъ копьемъ землю, бросилъ въ нее сѣмена и, обратившись къ карталинцу, сказалъ: „Кланяйся царю и скажи, что пока изъ этихъ сѣмянъ не выростетъ садъ и я не вкушу плодовъ отъ него, до тѣхъ поръ не выйду изъ вашей земли, гдѣ мнѣ спится лучше, чѣмъ дома".—„Бэли!" (хорошо) отвѣчалъ тавадъ. И выбравшись изъ двора шаха, пораженный униженіемъ своего царя и родины, онъ съ рѣшимостью думалъ: „Пожертвую моей милой, моей ненаглядной Хорошаной—отчизна дороже жены!"... Его звали Шіо; домъ его стоялъ на самой границѣ Кахетіи и Карталиніи. Онъ самъ былъ карталинецъ, а жена его кахетинка, и тогда не кончился еще ихъ медовый мѣсяцъ.

Надо сказать, что Шахъ-Аббасъ отдалъ чудовищный приказъ съ каждою новою луною набирать въ городахъ и селахъ пятьдесятъ красавицъ и приводить ихъ въ персидскій лагерь. Шахъ самъ раздавалъ ихъ своимъ воеводамъ. Но былъ одинъ ханъ, по имени Алла-Верды, который не довольствовался дарами „брата Луны", и самъ грабилъ такую дань. Это былъ самый сильный ханъ, предводитель татарской конницы, которая составляла лучшее войско кизильбашей (сами они всегда были дрянь). Ханъ Алла-Верды стоялъ отдѣльнымъ станомъ около Телава, и такъ какъ уже некого было бить, то каждый день онъ выѣзжалъ на охоту съ соколами, а вечеромъ ему представлялась дань въ образѣ красивой грузинки.

Между тѣмъ грузинскій царь съ тавадами и остатками разбитаго войска стоялъ около Мцхета на крѣпкой позиціи, образуемой сліяніемъ Куры и Арагвы. Когда была смята военная сила, поднялась сила другая, не падающая подъ ударами оружія. Духовенство вышло изъ своихъ келій и взяло на свои руки спасеніе отечества. Какъ въ старой удѣльной Руси, оно мирило сильныхъ, соединяло слабыхъ, ободряло малодушную толпу, и создало силу тамъ, гдѣ уже ея не было. Князья, не думавшіе никогда сойдтись, сходились подъ царскою хоругвью, обнимались и клялись надъ хитономъ Господнимъ умирать другъ за друга. Между тѣмъ просили помощи отъ единокровной Имеретіи и просили ея отъ единовѣрной Москвы. Войско царя усиливалось съ каждымъ днемъ. Всѣ желали перейдти въ наступленіе. Ожидали только русской помоги съ Терека и съ Днѣпра.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда тавадъ Шіо прискакалъ къ своей Хорошанѣ и сказалъ ей:—спаси отечество!

— Ра-ари (какія рѣчи)! Слабой ли женщинѣ спасти отечество, когда и храбрѣйшіе тавады бездѣйствуютъ, забившись въ безопасный уголъ между Курой и Арагвой!

— Гдѣ сестры обнялись, гдѣ Кура и Арагва слились на вѣчный союзъ, какъ мы съ тобою, тамъ соединились разрозненныя силы Иверіи. Это уже послѣднія силы — больше нѣтъ! И всего этого горсть, а кизильбашей несмѣтное число. Что же мы можемъ сдѣлать? Честно умереть—и только! Но это не спасетъ отчизны, которая погибнетъ вмѣстѣ со смертію послѣдняго тавада. Но гдѣ уже храбрѣйшіе люди не могутъ ничего, тамъ женщина можетъ все... не силою руки, нѣтъ, но безмѣрнымъ величіемъ любящаго сердца... Пожертвуй собою!.. Отдай свою любовь, отдай ее на короткій срокъ отъ вечерней звѣзды до утренней — хану Алла-Верды.

Хорошана помертвѣла.

— Не главный станъ шаха съ несмѣтной силой кизильбашей страшенъ грузинамъ, продолжалъ восторженно Шіо. — Ихъ геройская увѣренность колеблется только передъ львомъ Адербейджана, передъ ханомъ Алла-Верды. Отложись онъ отъ шаха — и Грузія спасена! А ее надо спасти, — спасти во что бы то ни

стало, и ты одна это можешь — не силой, а жертвой! Пришелъ часъ жертвъ безмѣрныхъ, неслыханныхъ, на которыя даетъ право только любовь къ отечеству...

И долго говорилъ благородный карталинецъ, и дивны были его рѣчи, какихъ не слыхалъ еще міръ. Хорошана постигла наконецъ величіе жертвы, нашла въ неизмѣримой глубинѣ своего любящаго сердца невѣдомую силу—и рѣшилась.

Скоро Хорошана появляется въ персидскомъ станѣ, трепещущая и смущенная. Смущеніе только увеличило ея красоту, и ханъ Алла-Верды клялся бородою пророка, что никогда еще не видывалъ подобной красавицы. Наступила мрачная ночь. Гроза разразилась въ горахъ, дождь заливалъ долины, буря срывала шатры въ татарскомъ станѣ. Подъ шелковымъ наметомъ хана шелъ ожесточенный споръ. Алла-Верды не соглашался на цѣну, которой требовала грузинка. Онъ предлагалъ ей всѣ свои сокровища, все, кромѣ измѣны шаху. Хорошана отвергала все и требовала только измѣны. Не разъ могучій ханъ приходилъ въ порывъ неистоваго бѣшенства, не разъ заносилъ надъ нею «канджаръ». Хорошана все выдержала—и не сбавила цѣны.

Слѣдующій день ханъ просидѣлъ въ шатрѣ, задумчивъ и свирѣпъ, не прикасаясь къ пилаву. Весь лагерь примолкъ и никто не смѣлъ разговаривать громко. Въ полночь ханъ согласился на цѣну, выпрошенную Хорошаной. Потребована была клятва и онъ клялся бородою пророка.

Утромъ весь лагерь шумѣлъ и пировалъ, приближенные хана получили большіе подарки. Но вотъ скачетъ гонецъ отъ шаха съ извѣстіемъ, что къ грузинамъ пришли стрѣльцы съ Терека и казаки съ Днѣпра, и что гяуры выступаютъ изъ Мцхета. Шахъ требовалъ, чтобы Алла-Верды присоединился къ нему черезъ три дня.—„Бэли“, сказалъ Алла-Верды гонцу, и отдалъ приказъ ковать лошадей и готовиться къ походу въ большой аджамскій станъ. Клятва была забыта, а въ душѣ Хорошаны зрѣла месть и рѣшимость въ ту же ночь отрѣзать голову клятвопреступнику. Но когда ей оставалось только исполнить свое намѣреніе, она заснула сама, и ее посѣтило дивное видѣніе: явился старецъ, убѣленный сѣдинами, въ ветхомъ рубищѣ отшельника, но съ лицомъ

свѣтлымъ и кроткимъ. Старецъ поднялъ руку и сталъ благословлять Хорошану.

— „Недостойна, отче, — вскричала она, — недостойна благословенія та, которая осквернила себя на ложѣ невѣрнаго, и приготовила руки свои на вѣроломное убійство!“ Старецъ вѣщалъ: «Отложи намѣреніе твое, о, лучшая изъ дщерей Иверіи! Не поднимай руки на хана Алла-Верды, ибо онъ призванъ на великое дѣло: его жизнь довершитъ спасеніе отчизны, его кончина воздвигнетъ обитель изъ развалинъ, надъ которыми плачу долгіе годы. Твою же тяжкую жертву освѣтятъ благословеніе церкви и долгій иноческій подвигъ. Заутра повѣдай хану желаніе вкусить снѣдь отъ его собственной ловитвы“... Старецъ еще разъ благословилъ колѣнопреклоненную Хорошану и сталъ невидимъ.

Поутру Хорошана говорила хану, что она хотѣла бы кебабъ изъ джайрана (жаркое изъ дикой козы), убитаго собственною его рукою. Тотчасъ отданъ былъ приказъ, и шумный поѣздъ съ зурною и бубнами двинулся въ лѣсъ, по дорогѣ къ развалинамъ обители святаго Георгія. Охота на звѣря была чрезвычайно удачна. Наконецъ спущены были соколы. „Опустошили землю — опустошимъ и воздухъ!“ кричалъ ханъ въ восторгѣ. И вотъ, первый и любимый соколъ его напустился на куропатокъ, но къ общему изумленію летѣлъ тупо и вяло, и куропатки отъ него уходили. Алла-Верды пришелъ въ ярость. Онъ мчался на конѣ, поощряя сокола бѣшеными криками. А вдалекѣ, на утесистомъ берегу Алазани, стоялъ на колѣняхъ отшельникъ и подъ палящимъ солнцемъ молился объ избавленіи родины отъ тяжкаго нашествія иноплеменниковъ.

Соколъ между тѣмъ оправился и уже настигалъ свою добычу. Уже расправилъ онъ когти и клювъ его скользнулъ по крылу куропатки, какъ вдругъ она переломила полетъ, ринулась на землю и скрылась подъ полой молящагося пустынника. Соколъ медленно закружилъ надъ головою старца. Ханъ видѣлъ, гдѣ укрылась добыча его сокола, и наскакалъ на отшельника, громко крикнулъ.

— Спугни изъ-подъ полы птицу!

Отшельникъ молился.

— Тебѣ говорю; спугни птицу!

Отшельникъ глубоко и пламенно молился о спасеніи бѣдствующей родины; сердце его унеслось въ небо, и весь земной міръ съ своими красотами и ужасами не существовалъ для него.

— Такъ ты не слушаешь меня, дерзкій гяуръ! вскричалъ ханъ. Канджаръ блеснулъ надъ головою отшельника, но, прикоснувшись къ сѣдинамъ старца, разлетѣлся въ дребезги. Ханъ упалъ съ коня, и рука его, сжимавшая рукоять, усохла.

А отшельникъ молился „о ненавидящихъ и обидящихъ насъ."

Пораженный чудомъ и всепрощающимъ словомъ христіанской молитвы, гордый ханъ смирился.

— Отпусти мой грѣхъ, говорилъ онъ старцу:—возврати мнѣ руку: отдамъ ее на служеніе народу христіанскому.

Благословеніе старца оживило руку Алла-Верды, и первый лучъ вѣры проникъ въ это мрачное, чувственное сердце.

Легенда повѣствуетъ далѣе, что шахъ и царь сошлись на битву, каждый ожидая себѣ на помощь Алла-Верды. И вотъ, когда побѣда еще колебалась, на ближнихъ высотахъ вдругъ зачернѣлась, какъ туча, татарская конница. Алла-Верды вышелъ въ бокъ обѣимъ сторонамъ, и вдругъ повернулъ налѣво,—на кизильбашей. Тогда все персидское воинство, охваченное паникой, бросилось бѣжать.

Шіо былъ найденъ въ числѣ убитыхъ въ этомъ сраженіи. Надъ нимъ стоялъ и плакалъ молодой тавадъ въ татарскихъ доспѣхахъ—то была Хорошана. Съ копьемъ въ рукѣ, съ кольчугою на нѣжныхъ плечахъ, она вела хана и поддерживала его въ минуты колебанія—а такія минуты были. Самъ ханъ Алла-Верды получилъ смертельную рану; но онъ жилъ еще нѣсколько дней, просвѣтился святымъ крещеніемъ и умеръ не только христіаниномъ, но и вторымъ мужемъ Хорошаны. Умирая, онъ завѣщалъ свои несмѣтныя сокровища на возобновленіе обители св. Георгія, покровителя Иверіи, и скоро она возстала изъ развалинъ въ прежнемъ своемъ величіи. Хорошана удалилась отъ міра и искупила свой высокій, но грѣховный подвигъ долгимъ подвигомъ иноческимъ.

Грузинскій лѣтописецъ, передавая эту легенду, говоритъ: «Не

было и не будетъ такого любящаго сына отчизны, какъ карталинецъ Шіо; не было и не будетъ такой любящей жены какъ кахетинка Хорошана».

Такова легенда, въ которой фантазія народа создала грузинамъ побѣду, а персамъ пораженіе. Но дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала этому представленію. Въ разоренную страну сошли съ горъ лезгины и вооруженною рукою почти безпрепятственно заняли богатѣйшую и плодороднѣйшую часть Кахетіи между Кавказскимъ хребтомъ и Алазанью, гдѣ впослѣдствіи возникли крѣпости ихъ Джары и Бѣлоканы, стоившія русскимъ столько крови; въ Карталиніи были магометанскіе цари; Кахетія вовсе была безъ царя—и Теймуразъ жилъ изгнанникомъ въ Имеретіи. Но ни народъ, ни Теймуразъ не мирились съ иноземнымъ владычествомъ. Сверженный царь Кахетіи искалъ помощи султана и защиты Россіи. Въ 1619 году онъ отправилъ къ русскому царю Михаилу Федоровичу пословъ, такъ изображая свое бѣдственное положеніе: „И вамъ, великому государю, свои слезы и бѣдность объявляемъ, что свѣтлость наша обратилась во тьму, и солнце уже насъ не грѣетъ, и мѣсяцъ насъ не освѣщаетъ, и день нашъ свѣтлый учинился ночью, и я въ такомъ теперь положеніи, что лучше бы не родился, нежели видѣть, что православная христіанская вѣра и земля Иверская при моихъ очахъ разорилася; въ церквахъ имя Божіе не славится и стоятъ всѣ пусты...» Теймуразъ просилъ Михаила Федоровича, чтобы исходатайствовано было у шаха возвращеніе его матери и сыновей. Михаилъ Федоровичъ дѣйствительно просилъ шаха не угнетать грузинской земли Шахъ успокоилъ царя дружественною грамотой и посылкою хитона Господня, но уже въ то время, когда онъ успѣлъ распорядиться съ семьей Теймураза (1625). Тѣмъ защита Россіи и кончилась. Между тѣмъ въ Карталиніи возникли также смуты. Когда померъ Багратъ V (1619), вдова его провозгласила царемъ Симона-хана II, но князья и народъ отказались повиноваться сыну магометанина. Раздраженный Аббасъ далъ ему въ помощь полководца Карчихана съ сильнымъ отрядомъ, а вмѣстѣ съ нимъ послалъ и Георгія Саакадзе съ тайнымъ порученіемъ истреблять кахетинцевъ и переселять въ Персію карталин-

цевъ. Саакадзе возвелъ на царство Симона и отправился въ Кахетію. Но здѣсь въ немъ восторжествовалъ нравственный переворотъ, оставившій глубокіе слѣды на исторіи Грузіи.

Уже давно, живя въ Персіи, Саакадзе тайно мучился совѣстью при видѣ насилій, совершаемыхъ шахомъ надъ его родиной. И вотъ теперь, въ Кахетіи, ему пришлось узнать объ измѣнническомъ убійствѣ давно плѣненнаго царя Лаурсаба (1622). Это было послѣднею каплей, переполнившей его возмущенную совѣсть. Быть можетъ, припомнилось ему все зло, которое онъ сдѣлалъ Лаурсабу, и, забывая обиды, нанесенныя ему родиной, Саакадзе составляетъ планъ совершеннаго освобожденія всей Грузіи отъ персидскаго ига. Случилось, что вызванные имъ нѣсколько кахетинскихъ князей, подъ предлогомъ раздачи шахскихъ подарковъ, были измѣннически и тайно умерщвлены въ палаткѣ Карчихана. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Саакадзе, чтобы возбудить въ народѣ негодованіе и открытый мятежъ, а самъ онъ первый воскликнулъ: „къ оружію, кахетинцы!“ Персидское войско было немедленно перерѣзано, и моуравъ своею рукою отрубилъ голову Карчихану. Вслѣдъ затѣмъ онъ съ помощью эриставa арагвскаго выгналъ изъ Кахетіи персидскаго намѣстника и взялъ Тифлисъ, кромѣ цитадели, въ которой заперся и сидѣлъ, какъ въ тюрьмѣ, царь Симонъ-ханъ. Кахетія и Карталинія были свободны, и Карталиніей правилъ поставленный героемъ молодой Кайхосро, изъ фамиліи владѣтельныхъ князей Мухранскихъ. Но не о правителяхъ заботился Саакадзе,—въ его энергической головѣ возникаетъ и смѣлый, и цѣлесообразный обширный планъ объединенія грузинскихъ царствъ, и съ этою цѣлью онъ прежде всего вызываетъ, жившаго изгнанникомъ на берегахъ Чернаго моря, законнаго царя кахетинскаго Теймураза (1623).

Подвиги Георгія Саакадзе еще только начались; но они были такъ необыкновенно блестящи, его родина такъ давно уже не торжествовала столь очевидныхъ и постоянныхъ побѣдъ, что Саакадзе, этотъ еще недавно измѣнникъ и бичъ ея, становится народнымъ героемъ и неограниченнымъ повелителемъ всей страны. Его называютъ спасителемъ народа, отцемъ отечества и сыномъ церкви; въ церквахъ молятся за его долгоденствіе; аристократія, сми-

рившаяся передъ величавыми и быстрыми успѣхами моурава, ищетъ его дружбы и становится подъ его знамена, повсюду гордо и побѣдоносно развѣвавшіяся; поэты и пѣвцы прославляютъ его имя, грозное врагамъ. Отечество все простило ему, все позабыло. По словамъ почти современника его, царя Арчилла, власть Саакадзе была такъ велика въ странѣ, что безъ позволенія въ присутствіи его не смѣли сидѣть ни одинъ изъ вельможъ и владѣтельныхъ князей. Но моуравъ, по свидѣтельству исторіи, не увлекался страстями, не величался первенствомъ въ народѣ, душою ему преданномъ. Въ его великомъ сердцѣ, не знавшемъ середины и приведшемъ его нѣкогда къ безграничной ненависти, теперь жила великая любовь и страстное желаніе навсегда и совершенно освободить родину отъ золъ и бѣдствій чужеземнаго владычества.

Да и некогда было Саакадзе величаться своими побѣдами,— нужно было ждать мести грознаго шаха и уже было предостереженіе изъ Персіи. Узнавши объ измѣнѣ ему Саакадзе и новомъ воцареніи Теймураза въ Кахетіи, шахъ казнилъ сына Саакадзе и жену эристава Зубара, остававшихся въ Персіи, а мать Теймураза, великодушную Кетевань, подвергъ страшнымъ мученіямъ. Царицѣ предложено было выбирать между магометанствомъ и лютою казнью, и она выбрала муки и смерть отъ руки палача (1624). Среди обширной площади, при огромномъ стеченіи народа, царица Кетевань была обнажена и тѣло ея рвали раскаленными щипцами; но она, какъ исполинъ, выносила пытки и напрасны были ей увѣщанія отказаться отъ Христа. Тогда на страшные обжоги и раны ея клали горячіе уголья—она осталась непоколебимой. Наконецъ на ея голову надѣли до красна раскаленный чугунный котелъ, и она скончалась, вѣнчанная этимъ страшнымъ мученическимъ вѣнцомъ. Съ ужасомъ узналъ царь о страшной смерти матери, объ этомъ послѣднемъ бѣдствіи въ его семьѣ,—два сына его, бывшіе въ Персіи, уже давно пали жертвою жестокости шаха: еще въ 1620 году онъ повелѣлъ превратить ихъ въ евнуховъ, и одинъ изъ нихъ умеръ отъ жестокой операціи, а другой помѣшался въ умѣ, чтобы влачить еще три года жалкой жизни. И что же удивительнаго, если въ сердцѣ

Теймураза пробудилась старая ненависть къ виновнику гибели его семьи, Саакадзе,—ненависть, отозвавшаяся впослѣдствіи новыми бѣдственными междоусобіями въ странѣ. Страшное впечатлѣніе произвела смерть Кетевани и на народъ; въ немъ тоже встало воспоминаніе, что Саакадзе—виновникъ этой смерти и всѣхъ смутъ, вызвавшихъ грознаго Шахъ-Аббасса на Грузію, и это напоминаніе о прошломъ моурава было первымъ подводнымъ камнемъ на побѣдоносномъ пути его, поселивъ къ нему недовѣріе. Церковь причла Кетевань къ лику мучениковъ; и нынѣ мощи ея покоятся частію въ далекой Бельгіи, въ соборѣ города Немура;—католическіе миссіонеры, бывшіе свидѣтелями казни Кетевани и пораженные ея святымъ мужествомъ, взяли часть тѣла ея и перевезли въ Европу.

А между тѣмъ гнѣвъ шаха не былъ потушенъ кровью Кетевани и молодого Саакадзе, и персидское войско шло на Грузію, предводимое Исаханомъ. Саакадзе, соединивъ подъ своимъ предводительствомъ войска царя Теймураза, эристава арагвскаго Зубара и другихъ князей, 12 іюня 1624 года, на рѣкѣ Алгетѣ, разсѣялъ Исахановы войска, а вслѣдъ за тѣмъ съ небольшимъ отрядомъ разбилъ и шедшаго на помощь Исахану эриванскаго бега. Но побѣда неожиданно была вырвана изъ рукъ моурава царствовавшимъ въ странѣ духомъ смуты и недовѣрія—наслѣдіемъ недавняго прошлаго. Въ числѣ погибшихъ на полѣ сраженія былъ нѣкто Теймуразъ, князь Мухранскій; на этомъ фактѣ возникъ темный слухъ о смерти царя Теймураза, будто бы убитаго измѣннически, и войска взбунтовались и безпорядочными толпами пошли къ Тифлису. Персы какъ нельзя лучше воспользовались этимъ случаемъ: они устремились за толпами грузинъ, безпощадно истребляя ихъ, и по трупамъ дошли до самаго Тифлиса, гдѣ все еще продолжалъ сидѣть въ цитадели царь Симонъ-ханъ.

Войска грузинскаго болѣе не существовало и страна была беззащитна. Но моуравъ Саакадзе оставался бодръ и крѣпокъ духомъ, и началъ блистательную, наиболѣе выказавшую его дарованія, партизанскую войну. Разъ, съ 60 всадниками онъ бросился на большой отрядъ персидскаго войска, спускавшагося съ горъ—и 700 персидскихъ труповъ осталось на мѣстѣ. Цѣлый

рядъ такихъ подвиговъ сдѣлалъ уже самое имя его, какъ выражается историкъ, настолько же страшнымъ для персовъ, насколько силы персовъ были страшны для Грузіи. Исаханъ боялся разсылать малыя партіи, всегда истребляемыя моуравомъ, и замыслилъ походъ съ сильнымъ войскомъ въ Карталинію. Узнавъ объ этомъ, Саакадзе началъ обширныя приготовленія къ встрѣчѣ, устраивая крѣпкіе завалы въ тѣснинахъ Гартискарскихъ, и вѣроятно успѣлъ бы остановить врага: но измѣна эристава арагвскаго, пропустившаго черезъ свои владѣнія персидскій отрядъ, подъ предводительствомъ Хосро-Мирзы, сдѣлала безполезными воздвигнутыя моуравомъ укрѣпленія и измѣнила шансы войны и побѣды.

Прошлое видимо тяготѣло надъ Саакадзе, уничтожая всѣ плоды его личной доблести и военнаго дарованія. Память о злѣ, сдѣланномъ имъ нѣкогда царямъ грузинской земли, подрывала, при неудачахъ довѣріе къ нему; и вотъ, въ лицѣ пришедшаго теперь Хосро-Мирзы, онъ самъ же нѣкогда приготовилъ себѣ счастливаго врага. Было время, когда побочный сынъ грузинскаго царя-магометанина, этотъ Хосро, никѣмъ не знаемый и нищій, искалъ покровительства могущественнаго при персидскомъ дворѣ моурава Саакадзе. Послѣднему пришла въ голову мысль приготовить въ немъ соперника и наслѣдника ненавистному Лаурсабу, уже бывшему въ рукахъ шаха, въ заключеніи. И тогда произошло слѣдующее. Однажды у моурава былъ пиръ, и онъ сидѣлъ, окруженный персами. Видя входящаго Хосро-Мирзу, онъ поспѣшно встаетъ, почтительно идетъ къ нему на встрѣчу, проситъ его занять первое мѣсто, а самъ садится въ почтительной отъ него дали. Изумленные персы узнаютъ, что то грузинскій царевичъ и наслѣдникъ престола. Шахъ-Аббасъ потребовалъ къ себѣ еще неизвѣстнаго ему принца крови и почтилъ его достоинствомъ губернатора города Испагани. Этотъ-то Хосро-Мирза и является теперь соперникомъ и врагомъ самого моурава.

Хосро-Мирза съ сильнымъ отрядомъ двинулся на Саакадзе и одолѣлъ его огромнымъ преимуществомъ въ числѣ воиновъ. Моураву пришлось уступить силѣ, и снова, съ небольшимъ преданнымъ ему войскомъ, онъ начинаетъ свою партизанскую войну. Рядъ побѣдъ сопровождалъ его повсюду; но онѣ не могли уже

измѣнить главнаго хода войны. Въ сраженіи въ тѣснинахъ Ксанскихъ моуравъ внесъ въ ряды персовъ такое страшное истребленіе, что рѣка Ксань покрылась трупами убитыхъ и кровь окрасила воду; но массы враговъ все-таки прошли тѣснины, и скоро Хосро-Мирза вступилъ въ Тифлисъ. Карталинія смирилась.

Но Саакадзе не считалъ еще своего дѣла проиграннымъ. Уже не полководецъ, а «рыцарь, странствующій по развалинамъ любезнаго отечества», онъ съ горстью гверельясовъ продолжаетъ упорную, отчаянную борьбу съ ненавистными персами. Сегодня онъ разбиваетъ отрядъ ихъ, завтра беретъ крѣпость и вырѣзываетъ гарнизонъ. Въ то же время, онъ сносится съ турками, прося у нихъ помощи, мирится съ эриставомъ арагвскимъ и, замышляя обширный планъ освобожденія отечества, пытается привлечь къ войнѣ Имеретію, Мингрелію и другія княжества.

Еще разъ звѣзда Саакадзе ярко заблестѣла въ походѣ его противъ осетинъ, воспользовавшихся смутнымъ и бѣдственнымъ состояніемъ Грузіи, чтобы отъ нея отложиться. Быстро перешелъ Саакадзе черезъ высокія горы, овладѣлъ нѣсколькими замками и разнесъ ужасъ по всей странѣ, совершенно ему покорившейся. Историкъ этого похода передаетъ между прочимъ слѣдующій фактъ, рисующій великодушный характеръ моурава. Въ одной изъ стычекъ, когда осетины смертельно ранили друга и товарища Саакадзе, князя Мочабели, и хотѣли отрѣзать ему голову,—моуравъ самоотверженно бросился на враговъ, и на плечахъ вынесъ изъ свалки истекавшаго кровью героя.

Но ни власть Саакадзе, ни спокойствіе царства не упрочивались личными доблестями моурава. Страна колебалась между освободительнымъ дѣломъ своего вождя и персидскимъ игомъ и, къ сожалѣнію, чѣмъ дальше, тѣмъ больше убѣждалась, что моураву не одолѣть Персіи. Настало для Саакадзе трудное время. Многіе изъ аристократовъ уже отказались отъ союза съ нимъ, и съ каждымъ днемъ его силы ослабѣвали. Народъ, утомленный безпрерывною войною, склонялся къ миру. Эриставъ арагвскій, Зурабъ, вторично измѣнилъ моураву, а когда возмущенный Саакадзе пошелъ на него войною, Зубаръ соединился съ Теймуразомъ, и въ сраженіи на поляхъ Бозалетскихъ войска моурава были раз-

биты на-голову. Тогда безсильный, лишенный всѣхъ надеждъ, онъ въ другой разъ теряетъ отечество и удаляется въ Константинополь. Тамъ имя Саакадзе еще разъ пронеслось по всему Востоку. Но эта же самая слава послужила и причиной къ его погибели. Жена турецкаго главнокомандующаго (визиря Азама, а по другимъ визиря Хосрева-паши), сообщая мужу константинопольскіе слухи, написала между прочимъ: „Что значитъ эта знаменитость моурава, закрывшая твое имя? Что за жизнь, не оглашаемая славою?“ Огорченный визирь потребовалъ къ себѣ Саакадзе и велѣлъ отрубить ему голову (1629). Такъ погибъ полководецъ и герой, справедливо названный въ самомъ отечествѣ своемъ грузинскимъ Алкивіадомъ *).

А за годъ передъ тѣмъ сошелъ въ могилу Шахъ-Аббасъ...

Со смертію Шахъ-Аббаса (1628 г.) для Грузіи не окончилась однакоже эпоха — эпоха безусловнаго персидскаго владычества. Это владычество провело по грузинской землѣ такіе глубокіе кровавые слѣды, которыхъ не смыло и не стерло цѣлое столѣтіе. Наступаетъ время, называемое въ исторіи временемъ магометанскихъ царей, — т. е. царей, преданныхъ Персіи, въ ней воспитавшихся, и туда же уходившихъ на вѣчное успокоеніе,—умершіе магометанскіе цари обыкновенно увозились въ Персію.

Это мелкое и незначительное время начинается полнымъ упадкомъ силъ страны, утомленіемъ физическимъ и уступчивостью нравственною. Кахетія и Карталинія лежали опустошенными; другія царства и княжества, склонявшіяся во время борьбы почти всегда на сторону торжествующей силы, также не избѣгли разоренія. А на другомъ концѣ Грузіи между тѣмъ утвердились турки: они захватили въ свои руки Самхетское атабегство, и въ немъ скоро сталъ утверждаться исламъ, вмѣстѣ съ турецкими крѣпостями (Ахалцыхъ и др.). Внутри поднимаются старые династическіе счеты и раздоры, но только центръ ихъ тяжести переносится уже въ Тегеранъ, гдѣ процвѣтаютъ грузинскія интриги.

---

*) Георгій Саакадзе сдѣлался родоначальникомъ нынѣшней фамиліи князей Торханъ-Моуравовыхъ.

И такъ какъ власть зависѣла отъ шаховъ, которымъ не безвыгодно было расчленять и обезсиливать Грузію, то скоро въ ней поселяются смуты иного рода: — это стремленіе каждаго мелкаго князя и феодала къ независимости. Произволъ и беззаконіе являются естественными слѣдствіями безсилія власти.

До какой степени власть царей была подорвана и обезличена, это свидѣтельствуетъ самъ царь Вахтангъ VI, который въ своемъ «уложеніи», изданномъ въ началѣ XVIII вѣка, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Если царь можетъ царствовать, да царствуетъ; если не можетъ, то да предпочтетъ доброе имя и вѣчную жизнь; ибо лучше отказаться отъ престола, нежели быть слабымъ, исключая тотъ случай, когда нельзя сего сдѣлать безъ соизволенія великаго государя шаха!» Въ дѣйствительности, конечно, было гораздо больше стремленій получить престолъ, чѣмъ отказаться отъ него; и получить, и потерять царство по интригамъ при дворѣ персидскомъ стало дѣломъ обыкновеннымъ. Такъ, царь Теймуразъ кахетинскій, успѣвшій послѣ смерти Шахъ-Аббаса соединить (1629) подъ своимъ скипетромъ Кахетію и Карталинію, скоро теряетъ и ту и другую, опять возвращаетъ наслѣдственный престолъ, и опять изгоняется магометанскими претендентами, успѣвающими выпросить себѣ у шаха утвержденіе на царствованіе въ Кахетіи. Не лишнее прибавить, что въ тяжелыя времена изгнанія Теймуразъ неоднократно обращался за помощью къ Россіи, даже ѣздилъ въ Москву, но Россія сама вела войны со Швеціей и Польшей, и не могла помочь далекой Иверіи.

Между тѣмъ и самыя обращенія къ московскому царю получаютъ въ этотъ періодъ уже особый характеръ. Прежде цари просили помощи противъ невѣрныхъ; теперь—другъ противъ друга. Исторія сохранила память о слѣдующемъ кровавомъ эпизодѣ, въ которомъ были замѣшаны надежды на Москву. Имеретинскій царь Александръ III, не имѣя силъ отбиться отъ владѣтеля еще недавно подчиненной ему Мингреліи, Левана Дадіана, просилъ защиты отъ московскаго царя Алексѣя Михайловича, и покровительство было обѣщано. Тогда младшій братъ Александра, Мамука, надѣясь на русскую помощь, самъ предпринялъ походъ на Мингрелію, но въ

концѣ концовъ попался къ Левану въ плѣнъ, былъ ослѣпленъ и умеръ отъ этой страшной операціи. Насколько Леванъ былъ жестокъ и необузданъ, можно судить по слѣдующему факту: заподозрѣвъ свою жену въ страсти къ одному визирю, онъ выстрѣлилъ этимъ несчастнымъ изъ пушки, изувѣчилъ жену и отравилъ двухъ ея сыновей.

Мрачна была эта эпоха безсилія передъ внѣшними врагами, и вмѣстѣ жестокихъ внутреннихъ междоусобій, прерываемыхъ только войнами персовъ съ турками, происходившими на грузинской территоріи, да кровавыми набѣгами лезгинъ. Умственное и нравственное направленіе измѣнилось. Литература приняла персидскій характеръ, господствующимъ языкомъ сталъ персидскій; въ мирное время грузины занимались персидскою литературою; у богатыхъ и любознательныхъ были персидскія библіотеки; остатки же древней грузинской письменности укрывались въ стѣнахъ монастырскихъ, и только тамъ обучались чтенію церковныхъ книгъ и письму, чѣмъ ограничивалось все тогдашнее образованіе грузинъ. Изъ страха мусульманъ о заведеніи публичныхъ школъ и о распространеніи наукъ не смѣли и думать. Видя гибель самобытности отечества умственной и религіозной, многія грузинскія фамиліи ищутъ новаго отечества и выселяются въ Россію.

Изъ царей этой эпохи заслуживаетъ вниманія Вахтангъ VI, знаменитый какъ лѣтописецъ и какъ законодатель, издавшій Уложеніе. Сначала христіанинъ, Вахтангъ, уступая крайнимъ обстоятельствамъ, принялъ наружно исламъ, но въ теченіе всего царствованія (1711—1724) заботился о доставленіи побѣды христіанству, и въ этомъ направленіи сдѣлалъ очень много. Съ его именемъ связано между прочимъ начало событій, измѣнившихъ исторію Грузіи и создавшихъ благопріятныя условія для ея возрожденія. То было нашествіе и завоеваніе всей Грузіи турками. Разбитый ими, Вахтангъ долженъ былъ покинуть отечество и въ 1724 году удалился въ Петербургъ, а турки, между тѣмъ, овладѣли Грузіей и объявили ее турецкою провинціей.

Какъ ни тяжело было для Грузіи нашествіе турокъ, но оно имѣло для нея и свои неоцѣнимыя послѣдствія. Персы, утративъ

на время власть въ странѣ, утратили уже навсегда нравственное вліяніе, и 1729 годъ,—годъ объявленія Грузіи владѣніемъ турокъ,—кладетъ конецъ царямъ-магометанамъ. Проходитъ послѣ того нѣсколько десятилѣтій—и наступаетъ для нея время возрожденія наукъ и литературы. Персія должна была понять наконецъ, что для сохраненія своего вліянія въ Грузіи ей приходилось уменьшить свои притязанія, и когда Шахъ-Надиръ рядомъ блистательныхъ побѣдъ отнялъ у турокъ всѣ ихъ завоеванія, онъ, въ 1744 г., назначилъ въ Грузію уже христіанскихъ царей: Теймураза II въ Карталинію, а сына его Ираклія II—въ Кахетію. Теймуразъ, имѣвшій резиденцію въ Тифлисѣ, первый возстановилъ древній обрядъ мѵропомазанія и короновался въ первопрестольномъ городѣ Мцхетѣ.

Со смертью Шахъ-Надира, въ половинѣ прошлаго вѣка, въ Персіи наступаетъ рядъ междоусобныхъ войнъ за наслѣдство, ослабившихъ ея могущество и давшихъ Грузіи вздохнуть свободно. Благодаря счастливому соединенію въ рукахъ отца съ сыномъ двухъ сильнѣйшихъ грузинскихъ царствъ, страна могла побѣдоносно отражать постоянныхъ враговъ—лезгинъ, и въ то же время внутренніе раздоры стали менѣе возможными.

Однако и между Теймуразомъ и Иракліемъ возникли скоро несогласія, заставившія перваго изъ нихъ удалиться въ Петербургъ. Тамъ онъ въ 1762 г. и скончался, 70 лѣтъ отъ роду. Тѣло его перевезено было въ Астрахань и похоронено тамъ въ городскомъ соборѣ. До сихъ поръ сохранившаяся надгробная надпись на грузинскомъ языкѣ гласитъ: „Теймуразъ Николаевичъ, наслѣдный царь Грузіи, Карталиніи и Кахетіи, прибывшій въ С.-Петербургъ въ 1761 году на поклоненіе Ея Императорскому Величеству, монархинѣ Всероссійской“. Замѣчательно, что спустя 90 лѣтъ, въ 1853 году, между мѣдными досками, хранившимися въ книжномъ магазинѣ императорской академіи наукъ, нашли портретъ грузинскаго царя Теймураза, превосходно исполненный съ натуры художникомъ Антроповымъ. На портретѣ та же надпись, что и на надгробномъ камнѣ.

По смерти отца, Ираклій соединилъ подъ своимъ скипетромъ Кахетію и Карталинію (1752). Тогда явился ему новый соперникъ

изъ Россіи, Бакаръ, сынъ Вахтанга VI, нашедшій себѣ приверженцевъ въ Тифлисѣ, гдѣ была еще свѣжа память старшей династіи карталинской; но онъ скоро былъ вынужденъ бѣжать обратно въ Россію. Жестокая казнь ожидала всѣхъ его единомышленниковъ, и до сихъ поръ въ предмѣстьи Авлабарскомъ показываютъ песчаный берегъ, гдѣ пылали ихъ костры.

XX.

Занятіе Тифлиса русскими

въ 1783 году.

Съ Иракліемъ II, царемъ соединенныхъ царствъ Кахетіи и Карталиніи, наступаетъ для Грузіи новая эпоха, приведшая ее въ концѣ концовъ къ желаемому миру. И теперь приходятъ персы и турки, и теперь, какъ прежде, вторгаются лезгины, но Грузія все больше и больше находитъ защиты со стороны Россіи, пока наконецъ сѣверный колоссъ не взялъ всего дѣла въ свои мощныя руки и не вырвалъ древнюю христіанскую страну изъ-подъ тяжкаго магометанскаго ига. То была эпоха подъема народнаго духа, религіознаго и нравственнаго возрожденія, воскресшихъ надеждъ, и Ираклій своимъ личнымъ доблестнымъ характеромъ былъ истиннымъ выраженіемъ этой эпохи.

Еще въ тѣ времена, когда онъ царевичемъ жилъ при персидскомъ дворѣ и былъ съ Шахъ-Надиромъ въ походѣ на Индію, онъ поражалъ восточнаго повелителя равнодушіемъ, съ которымъ смотрѣлъ на богатства сказочной страны и на почести, которыми его окружали. Это былъ человѣкъ идеи; и шахъ, умѣвшій выби-

рать и цѣнить людей, дорожилъ совѣтами Ираклія даже по важнымъ военнымъ дѣламъ и охотно слѣдовалъ имъ. Говорятъ, что мнѣнія Ираклія пользовались большимъ уваженіемъ даже у индійскихъ жрецовъ, браминовъ и факировъ, и что нѣкоторыя изреченія его обратились въ пословицы.

Какъ воинъ, Ираклій былъ поистинѣ царственнымъ рыцаремъ, народнымъ идеаломъ царя и полководца. Вотъ какимъ рисуютъ его преданія. Когда онъ былъ еще только царемъ кахетинскимъ, въ 1752 году, значительная персидская армія появилась въ Грузіи, съ цѣлію отомстить ей за пораженіе персовъ, случившееся въ томъ же году подъ Эриванью. Грузинъ было всего 3 тысячи человѣкъ, и многіе совѣтовали отступить; но Ираклій не согласился. „Теперь уже поздно отступать, сказалъ онъ своимъ приближеннымъ:—при первомъ шагѣ назадъ, непріятель не оставитъ въ живыхъ ни одного человѣка". Къ войску онъ обратился съ простой и трогательною рѣчью. „Не думайте, сказалъ онъ:—что я иду проливать кровь вашу для распространенія моихъ владѣній, для усиленія моего могущества;—иду защищать отечество и своихъ подданныхъ". Онъ приказалъ войскамъ идти за собой, но не начинать битвы, пока онъ не сдѣлаетъ условнаго выстрѣла; послѣ же выстрѣла грузины должны были дать общій залпъ и броситься въ сабли. Ираклій сѣлъ на лошадь и двинулся впередъ, держа въ одной рукѣ поводъ, а въ другой ружье. Въ это время татары, составлявшіе часть его войска, стали отдѣляться, разсчитывая принять ту сторону, которая побѣдитъ. Царь, удрученный этимъ новымъ горемъ, сошелъ съ коня и съ горячею мольбою упалъ на землю передъ изображеніемъ креста. Тогда одинъ изъ татарскихъ вождей, подойдя къ нему, сказалъ: „Крестъ! Если есть въ тебѣ сила, ты сдѣлаешь сегодня передо мною чудо". Персіяне между тѣмъ со всѣхъ сторонъ обложили грузинъ, и одинъ изъ персидскихъ хановъ, выѣхавъ впередъ, громко крикнулъ: „гдѣ царь Ираклій?"—„Если ты ищешь царя, отвѣтилъ ему Ираклій:—то взгляни, онъ передъ тобою". Ханъ бросился на него съ копьемъ въ рукѣ, но царь выстрѣлилъ, и персъ упалъ мертвый. Выстрѣлъ былъ принятъ за сигналъ къ нападенію; грянулъ залпъ и грузины бросились на непріятеля такъ неожиданно, что обратили его

въ бѣгство. Побѣдителямъ достались 12 пушекъ, всѣ знамена, 1000 верблюдовъ и весь лагерь. Татарскій вождь, ожидавшій чуда и пораженный бѣгствомъ персидской арміи, обратился въ христіанство. Таковъ былъ царственный рыцарь Ираклій, и имя его скоро сдѣлалось настолько славнымъ и грознымъ, что къ его покровительству стали прибѣгать сосѣдніе властители.

Оставшись въ 1762 году единымъ царемъ Кахетіи и Карталиніи, Ираклій въ первое время былъ поставленъ въ чрезвычайно благопріятныя условія. На престолѣ Персіи былъ Керимъ-ханъ, дружественный Ираклію, и царь, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, усмирилъ лезгинъ, обложилъ данью мятежнаго Ганжинскаго хана, покрылъ страну укрѣпленіями и много заботился о ея внутреннемъ процвѣтаніи. Такъ прошло восемь лѣтъ. Войны съ турками имеретинскаго царя Соломона I, вызвавшія извѣстный походъ за Кавказъ генерала Тотлебена, навлекли было на Грузію новое нашествіе турокъ; но скоро, въ 1774 году, по условіямъ русско-турецкаго мира Кахетія и Карталинія признаны были независимыми, и султану пришлось отказаться отъ своихъ притязаній. Тогда онъ прибѣгнулъ къ извѣстному средству — вооружить на Грузію лезгинъ, и Карталинія періодически стала наводняться хищниками, доходившими до самаго Тифлиса. Въ то же время въ Персіи умеръ расположенный къ Ираклію шахъ Керимъ-ханъ и новый властитель Ирана, Али-Муратъ, потребовалъ отъ царя покорности. Тогда Ираклій, утомленный войнами, рѣшилъ отдать свое царство въ подданство Россіи, о чемъ, благодаря проницательной дѣятельности свѣтлѣйшаго князя Потемкина, уже велись переговоры.

Рѣшаясь на присоединеніе Грузіи, Екатерина конечно не искала увеличенія своего и безъ того обширнаго государства; она руководилась исключительно великодушнымъ желаніемъ спасти несчастную единовѣрную страну, столько страдавшую отъ иноземнаго магометанскаго владычества и внутреннихъ смутъ. Но впрочемъ есть и такое мнѣніе, что, создавая по ту сторону Кавказскихъ горъ сильное христіанское государство и угрожая этимъ Турціи, она имѣла въ виду осуществленіе приписываемой ей грандіозной политической программы — выгнать турокъ изъ Европы и на развалинахъ Оттоманской порты возстановить Византійскую имперію.

Прелиминарный актъ присоединенія Грузіи подписанъ былъ представителями обоихъ государствъ 24-го іюля 1783 года въ г. Гори, древней столицѣ Карталинскаго царства; а вслѣдъ затѣмъ командовавшій кавказскими войсками графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ отправилъ въ Грузію два батальона кавказскихъ егерей*) и четыре орудія, подъ общею командою полковника Бурнашева. Войска вступили въ Тифлисъ 3-го ноября и были восторженно встрѣчены огромными толпами народа. День былъ ненастный, съ холоднымъ вѣтромъ и снѣжною вьюгою, и жители грузинской столицы говорили: „Это русскіе принесли намъ свою зиму"...

Появленіе русскихъ войскъ въ Грузіи переполошило всю Анатолію и Малую Азію; это было событіе, въ которомъ суевѣрные мусульмане видѣли зловѣщій призракъ близкаго паденія своего могущества. До какой степени паника охватывала населеніе всякій разъ, когда оно узнавало о приближеніи русскихъ, можно судить по тому, что въ это же самое лѣто всѣ поморскіе жители Трапезонта бѣжали въ глубь страны отъ одного извѣстія, что русскій флотъ появился у береговъ Чернаго моря. Хотя впослѣдствіи и оказалось, что это было стадо плавающихъ птицъ, но туземцы съ трудомъ и неохотно возвращались въ покинутыя селенія.

Блистательные успѣхи въ Крыму, на Дунаѣ, у подножія Балканъ и Кавказа, и вотъ теперь движеніе русскихъ войскъ въ Грузію — все это напоминало пылкимъ сынамъ ислама о Гогѣ и Магогѣ, имѣющимъ разрушить благословенныя мусульманскія царства, и заставляло обращать взоры туда, за эту бѣлую стѣну Кавказа, за которой начинался для южнаго человѣка уже міръ призраковъ... „Машаллахъ!" восклицали мусульмане:—„должно быть, и въ самомъ дѣлѣ удивительная сторона этотъ загадочный сѣверъ!"

А между тѣмъ, какъ весь азіятскій міръ тревожно волновался въ предвидѣніи важныхъ событій, въ Тифлисѣ ожидали только прибытія полковника Тамары, назначеннаго полномочнымъ министромъ при дворѣ Ираклія, чтобы обнародовать государственный актъ, по которому Грузія становилась на вѣчныя времена подъ

*) Кавказскій егерскій корпусъ состоялъ изъ 4-хъ батальоновъ: два оставлены были на линіи, а два: Горскій, подполковника Мерлина, и Бѣлорусскій, подполковника Квашнина-Самарина, отправлены въ Грузію.

защиту и покровительство Россіи. Знаменательное событіе это совершилось 24 января 1784 года.

Наканунѣ всѣ царскія регаліи, присланныя Екатериной и украшенныя соединенными гербами Россіи и Грузіи, были перенесены съ церемоніею во дворецъ, гдѣ Ираклій встрѣтилъ ихъ съ подобающими почестями. Стоя у ступеней своего трона, окруженный царевичами, придворными чинами и знатнымъ духовенствомъ, царь выслушалъ короткую привѣтственную рѣчь русскаго посла и собственноручно принялъ отъ него знаки царской инвеституры. Вручивъ государственное знамя и мечъ двумъ представителямъ старѣйшихъ княжескихъ фамилій, за которыми съ древнѣйшихъ временъ сохранялось право носить ихъ за царями, Ираклій возложилъ корону, скипетръ и царскую мантію на особо приготовленныя подушки, послѣ чего Тамара и передалъ царю императорскую грамоту. Принятіе ея привѣтствовалось сто однимъ выстрѣломъ.

На слѣдующій день царь и весь грузинскій народъ должны были принести присягу на вѣрное подданство русской государынѣ. Съ восходомъ солнца три залпа русской батареи, поставленной на площади, возвѣстили начало церемоніи, и улицы Тифлиса покрылись массами народа. Въ десять часовъ утра Ираклій, предшествуемый регаліями, торжественно вступилъ въ Сіонскій соборъ и, войдя на приготовленный тронъ, возложилъ на себя царскую мантію. Придворные чины, державшіе остальныя регаліи, размѣстились по сторонамъ трона, а на ступеняхъ и у подножія его стали царскіе сыновья и внуки. Далѣе, по направленію къ царскимъ дверямъ, поставлены были два небольшіе столика, художественно отдѣланные слоновою костью и золотой инкрустаціей; на одномъ изъ нихъ, покрытомъ золотымъ глазетомъ, лежала ратификованная грамота императрицы, а на другомъ, покрытомъ бархатомъ, ратификація Ираклія. Самъ католикосъ Грузіи совершалъ богослуженіе. При первомъ возглашеніи имени русской императрицы загудѣли колокола во всѣхъ церквахъ Тифлиса, а съ батарей Метехскаго замка грянулъ пушечный залпъ, потрясшій массивныя стѣны древняго собора. По окончаніи молебствія совершился обмѣнъ ратификацій, а затѣмъ Ираклій, осѣненный государственнымъ знаменемъ и имѣя по сторонамъ себя русскихъ полковниковъ Тамару

и Бурнашева, передъ крестомъ и святымъ евангеліемъ, произнесъ присягу. Торжественный день завершился параднымъ обѣдомъ во дворцѣ, на который были приглашены всѣ находившіеся въ Тифлисѣ русскіе офицеры. Музыка и пушечные выстрѣлы сопровождали пиршество *). Народъ ликовалъ на площадяхъ и улицахъ, и въ теченіе цѣлаго дня неумолкаемо гудѣлъ колокольный звонъ, стрѣляли пушки, лилось рѣкою кахетинское, а вечеромъ весь городъ и окрестныя горы были озарены роскошною иллюминаціею.

И Турція, и Персія конечно не могли оставаться равнодушными зрителями совершавшихся событій. Не имѣя повода къ открытому вмѣшательству, онѣ старались возжечь въ Грузіи внутреннія смуты и обратить ее въ кровавую арену лезгинскихъ нашествій. Послѣдняго достигнуть было не трудно. Воинственные, не связанные никакими трактатами, лезгины охотно взялись за оружіе, и первою жертвою ихъ нападенія сдѣлалось Казахское селеніе Черань.

Черань была расположена на высокомъ берегу Алазани, съ котораго окрестность видна, какъ на ладони; несмотря на то, безпечные грузины допустили захватить себя совершенно врасплохъ. Стоявшее по близости грузинское войко не подало помощи, и хищники въ теченіе двухъ часовъ безнаказанно грабили деревню, вырѣзали жителей, а оставшихся въ живыхъ около 70 человѣкъ увели въ плѣнъ.

Два русскіе батальона, при общей паникѣ, конечно были не въ состояніи одни защищать всю страну, и необходимость улучшить собственныя боевыя средства царства была очевидна. Потемкинъ, лично посѣтившій Тифлисъ, даже угрожалъ Ираклію вывести русскія войска обратно на линію, если не будетъ принято соотвѣтствующихъ мѣръ, и Ираклій рѣшился сформировать милицію, чтобы наказать по крайней мѣрѣ ближайшія къ его границамъ лезгинскія селенія. Потемкинъ вполнѣ одобрилъ это намѣреніе и, выѣзжая изъ Тифлиса въ Георгіевскъ, оставилъ въ Грузіи генерала Самойлова, поручивъ ему начальство надъ всею экспедиціею.

*) Тостъ за императрицу сопровождался сто однимъ пушечнымъ выстрѣломъ; за царя Ираклія и за членовъ русскаго императорскаго дома — 51, а за всѣхъ остальныхъ членовъ грузинскаго царствующаго дома и за свѣтлѣйшаго князя Потемкина, какъ покровителя Грузіи — 31.

Въ составъ отряда, кромѣ грузинскихъ войскъ, вошли оба егерскіе батальона съ четырьмя орудіями, эскадронъ астраханскихъ драгунъ и сто человѣкъ донскихъ казаковъ. Драгуны и казаки были назначены изъ конвоя Потемкина и, по окончаніи экспедиціи, должны были возвратиться на линію.

Не ожидая сбора грузинъ, Самойловъ выступилъ въ походъ только съ одними русскими войсками, и 4-го октября былъ уже въ Казахахъ, куда только черезъ три дня прибылъ наконецъ Ираклій. Крайній безпорядокъ, особенно въ снабженіи продовольствіемъ, препятствовалъ тотчасъ открыть наступательныя дѣйствія; а между тѣмъ лезгины на глазахъ отряда продолжали опустошать и грабить пограничныя села, и жители тщетно взывали о помощи. Честь русской арміи не позволяла терпѣть болѣе подобнаго положенія дѣлъ, и Самойловъ энергически потребовалъ перехода въ наступленіе. Но Ираклій медлилъ, выводя этимъ изъ терпѣнія русскаго генерала.—„Большое несчастіе, писалъ по этому поводу Самойловъ:—что Ираклій самъ принялъ начальство надъ своими войсками, а не прислалъ сюда своихъ военачальниковъ. Тѣхъ я бы принудилъ къ дѣйствію, а къ царю могу лишь входить съ представленіями. Онъ слушаетъ совѣты, а поспѣшности не прибавляетъ ни мало“...

Самойловъ былъ правъ конечно въ своихъ упрекахъ Ираклію; но медлительность и осторожность царя объясняются горькимъ опытомъ долголѣтнихъ войнъ: Ираклій зналъ силу враговъ, и еще мало зналъ силу русскую. Впрочемъ и глубокая старость царя, понятно, должна была сказаться упадкомъ бывалой энергіи.

Время уходило, и Самойловъ сталъ опасаться, что экспедиція совсѣмъ не состоится, такъ какъ благопріятное время было пропущено. Наступила глубокая осень, прекрасная погода смѣнилась ненастьемъ и въ теченіе четырехъ сутокъ, не переставая, шелъ проливной дождь, размывшій дороги до невозможности вести по нимъ артиллерію. Вода въ Алазани быстро прибывала, и можно было ожидать, что переправы въ бродъ скоро прекратятся.

Въ это самое время получено было извѣстіе, что сильная партія лезгинъ возвращается изъ-подъ Ганжи по сю сторону рѣчки. Опасаясь упустить и этотъ случай для наказанія хищниковъ,

Самойловъ не сталъ уже ожидать Ираклія, а выступилъ изъ лагеря съ одними русскими войсками, и 11-го октября 1784 года, близъ селенія Муганлы (на Алазани) настигъ лезгинскую партію. Чтобы отрѣзать непріятеля отъ переправы, русскій отрядъ направился наперерѣзъ усиленнымъ маршемъ, но лезгины, во-время замѣтя русскихъ, пошли на рысяхъ и заняли прибрежный лѣсъ ранѣе Самойлова.

Рѣшено было взять лѣсъ штурмомъ. Двѣ колонны, каждая по двѣсти егерей, подъ общею командою подполковника принца Гессенъ-Рейнсфельдскаго, быстро охватили лѣсъ съ двухъ сторонъ и, поддерживаемыя своими батальонами, начали атаку. Артиллерія, занявшая позицію на лѣвомъ флангѣ, жестоко обстрѣливала лѣсъ и своимъ огнемъ въ значительной степени содѣйствовала успѣху. Одна кавалерія по роду мѣстности не могла принять участія въ бою и потому ограничилась только наблюденіемъ за связью между колоннами и прикрытіемъ фланговъ. Между тѣмъ, еще при первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ подошло грузинское войско, но Ираклій поставилъ его въ общемъ резервѣ.

Лезгины, взобравшись на деревья, встрѣтили атакующія колонны сильнымъ огнемъ, но, послѣ пяти-часоваго упорнаго боя, должны были очистить опушку лѣса. Выбитые отсюда, они бросились въ Куру, чтобы спасаться вплавь, но попали здѣсь подъ картечь четырехъ русскихъ орудій, страшно поражавшую ихъ въ самой рѣкѣ. Волны Алазани окрасились свѣжею кровью и рѣка буквально запрудилась людскими и конскими трупами. Пораженіе было такъ сильно, что непріятель оставилъ только въ одномъ лѣсу двѣсти тѣлъ, не успѣвъ, какъ того требовалъ священный обычай, унести ихъ съ собою. Потеря со стороны русскихъ была сравнительно незначительна; но, къ сожалѣнію, одинъ изъ главныхъ виновниковъ успѣха, принцъ Рейнсфельдскій, получилъ смертельную рану и вскорѣ умеръ. Тѣло его погребено въ одной изъ тифлисскихъ церквей. Это были первыя жертвы и первая русская кровь, пролитая за освобожденіе Грузіи. Переночевавъ на полѣ сраженія, Самойловъ 20-го числа возвратился въ Тифлисъ.

Побѣда, одержанная такъ успѣшно надъ лезгинами, имѣла то важное слѣдствіе, что подорваны были вѣра въ неукротимость ди-

каго племени и обаяніе, которое производила ихъ бѣшеная отвага. Обрадованный побѣдою, царь устроилъ въ Тифлисѣ парадную встрѣчу русскимъ войскамъ и пригласилъ Самойлова въ соборъ, гдѣ патріархъ ожидалъ его для служенія благодарственнаго молебствія.

Глубокіе снѣга, заваливше горныя ущелья, пріостановили на время военныя дѣйствія. Но съ наступленіемъ весны, въ апрѣлѣ 1785 года, новая значительная шайка лезгинъ, и турокъ ворвалась въ Карталинію. Она прошла черезъ Боржомское ущелье и, разоривъ нѣсколько деревень, увела въ плѣнъ болѣе шестисотъ человѣкъ грузинъ. Въ Сурамѣ стояли въ то время маіоръ Сенненбергъ съ частію Бѣлорусскаго батальона. Онъ взялъ съ собою двѣсти егерей при одномъ орудіи и, кинувшись въ погоню, настигъ лезгинъ верстахъ въ семи отъ Сурама, на берегу Куры, у дер. Хомуры. Прижатые здѣсь къ обрывистому берегу рѣчки, лезгины и турки напрасно старались прложить себѣ дорогу оружіемъ. Егеря отбрасывали ихъ, поражали картечью, разстрѣливали залпами. Болѣе четырехъ часовъ длился этотъ бой и кончился неслыханнымъ дотолѣ пораженіемъ хищниковъ. Тысяча триста тѣлъ оставлено было ими на полѣ сраженія; остальные, бросаясь въ Куру, тонули, и сотни труповъ неслись по быстрой рѣчкѣ до самаго Тифлиса. Наибольшія потери пали на долю турокъ, изъ которыхъ 200 человѣкъ были взяты только въ плѣнъ. Побѣду торжествовало все христіанское Закавказье.

Военная репутація лезгинъ была подорвана. Однако-же они рѣшились еще на одну попытку, чтобы возстановить свою померкшую славу, и съ этою цѣлію снова ворвались въ Карталинію. Тотъ же маіоръ Сенненбергъ встрѣтилъ ихъ опять на берегу Куры и, 28 мая, выдержалъ жаркую схватку. Грузинская конница, первая начавшая бой, была моментально сбита съ поля сраженія и лезгины, одушевленные успѣхомъ, стремительно ударили на русскую пѣхоту. Безумная отвага ихъ превосходила все что можно себѣ представить, но это были уже послѣднія вспышки дикой энергіи, послѣдніе отблески грозной и кровавой славы, нѣкогда озарявшей лезгинскія знамена. Встрѣчая вездѣ несокрушимую стѣну русскихъ штыковъ, непріятель дрогнулъ, смѣшался и обратился въ бѣгство, оставивъ триста тѣлъ на полѣ сраженія.

„Опыты храбрости нашихъ войскъ,—писалъ по этому поводу Потемкинъ къ Бурнашеву:—должны послужить въ доказательство царю и всѣмъ грузинамъ, сколь велико для нихъ благополучіе быть подъ щитомъ россійскаго воинства“.

Успѣхи русскаго оружія въ Кахетіи и Карталиніи не сразу упрочили въ Закавказьи миръ и безопасность, и грозныя тучи уже снова собирались надъ Грузіей. Въ августѣ мѣсяцѣ стали доходить со всѣхъ сторонъ тревожные слухи о сборахъ на границахъ многочисленныхъ враговъ. Въ Ахалцыхѣ собрались лезгины и турки; изъ Дагестана надвигался Омаръ-ханъ аварскій; внутри волновались татарскія дистанціи, угрожая отложиться отъ Грузіи. Лазутчики то и дѣло приносили тревожныя извѣстія, совѣтуя грузинамъ спасать свои семейства и имущества. Опасаясь болѣе всего вторженія аварскаго хана, располагавшаго, какъ говорили, пятнадцати-тысячною арміей, Ираклій считалъ свое положеніе безвыходнымъ. Онъ уже не думалъ объ оборонѣ границъ, а приказалъ всѣмъ жителямъ собраться въ четыре главные пункта, которые только и намѣревался отстаивать. Этими пунктами были: Тифлисъ, Гори, Тилавъ и Сигнахъ, Бурнашевъ сосредототочилъ въ Тифлисѣ оба батальона и держалъ ихъ въ готовности двинуть туда, куда обратится главный ударъ непріятеля.

Малочисленность войскъ, расположенныхъ на Кавказской линіи, препятствовала подать оттуда какую-нибудь помощь Грузіи, а между тѣмъ положеніе ея крайне безпокоило Потемкина. Съ возстаніемъ Чечни и Кабарды сообщенія съ нею притомъ были прерваны, и находившіеся въ Тифлисѣ русскіе батальоны казались обреченными на жертву.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, 16-го сентября 1784 г., въ Тифлисѣ получено было извѣстіе о появленіи аварскаго хана на Алазани. Бурнашевъ тотчасъ передвинулся съ войсками въ Сигнахъ и предлагалъ Ираклію немедленно атаковать лезгинъ на переправѣ ихъ черезъ рѣку. Но Ираклій не рѣшился покинуть крѣпкую сигнахскую позицію. Тогда Омаръ-ханъ спокойно перешелъ Алазань и, не обращая вниманія на грузинское войско, запершееся въ крѣпости, стремительно пошелъ къ Тифлису. Этотъ смѣлый маневръ опрокинулъ всѣ разсчеты Ираклія, и ему при-

шлось форсированнымъ маршемъ спѣшить на защиту столицы. Но едва Бурнашевъ подошелъ къ авлабарскому мосту, какъ Омаръ перемѣнилъ направленіе и кинулся въ глубь Карталиніи, неся съ собою смерть и опустошеніе. Паника, вызванная имъ, была такъ велика, что грузинская конница не отваживалась идти на развѣдки, а потому пришлось нанимать охотниковъ за большую плату, чтобы добыть необходимыя свѣдѣнія. Эти охотники пробирались на горы, высматривали не пріятеля издали, а потомъ, дождавшись ночи, возвращались къ царю окольными путями. Понятно, что подобные люди могли доставлять только самыя невѣрныя свѣдѣнія, и притомъ запоздалыя, такъ какъ непріятель, пока они пробирались отъ вражескаго лагеря къ грузинскому, могъ вдоль и поперекъ искрестить всю Грузію.

Наконецъ слѣдъ непріятеля былъ найденъ. Аварскій ханъ подошелъ къ границамъ Имеретіи и обложилъ Вахань, замокъ князей Абашидзе, нашедшихъ средство извѣстить объ этомъ Ираклія. Русскіе батальоны немедленно были двинуты по тому направленію, а вслѣдъ за ними съ разныхъ сторонъ потянулось и царское войско. Когда Бурнашевъ дошелъ до Сурама, Омаръ все еще стоялъ передъ Ваханью. Не будучи въ силахъ взять замокъ приступомъ, онъ однажды пытался взорвать его, но безъ успѣха. Тогда онъ предложилъ князю Абашидзе вступить въ переговоры; но едва послѣдній прибылъ въ ханскую ставку, какъ былъ задержанъ и объявленъ плѣннымъ. Вѣроломный поступокъ Омара не ослабилъ однакоже энергіи осажденныхъ, которые продолжали защиту съ прежнимъ упорствомъ. Русскія войска были уже въ одномъ переходѣ, когда Ираклій вдругъ получилъ извѣстіе, что замокъ сдался. Оказалось, что храбрые защитники его принуждены были къ тому видомъ жестокихъ мукъ, которымъ лезгины ежедневно на глазахъ гарнизона подвергали стараго князя. Не желая видѣть его мученій, ваханцы отворили ворота - и были наказаны за это самымъ жестокимъ образомъ: лезгины вырѣзали все населеніе, а замокъ превратили въ развалины. Паденіе Вахани такъ сильно поколебало рѣшимость Ираклія, что планъ экспедиціи разстроился, и онъ отдалъ приказъ отступить. А лезгины, между тѣмъ, тоже оставили Карталинію и ушли, никѣмъ не преслѣдуемые, оставивъ послѣ себя страшные слѣды опустошенія.

Вся Грузія лежала въ развалинахъ и находилась въ такомъ положеніи, въ какомъ не была со времени разоренія ея Шахъ-Аббасомъ. Горесть царя усиливалась еще постоянными упреками царицы Дарьи, считавшей причиною новыхъ бѣдствій Грузіи вступленіе ея подъ покровительство Россіи, которая, по ея мнѣнію, никогда не могла оказать странѣ дѣйствительную помощь. Мнѣніе царицы раздѣляли многіе князья—и на Ираклія одного ложилась вся подавляющая тяжесть неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Между тѣмъ событія второй турецкой войны сосредоточили все вниманіе Россіи на берегахъ Дуная. Два батальона, оставленные въ Грузіи, не могли принести существенной пользы въ случаѣ новаго вторженія непріятеля, а только сами легко могли пасть жертвою его. И такъ какъ усилить ихъ рѣшительно было нечѣмъ, то полковнику Бурнашеву приказано было оставить Тифлисъ и возвратиться на линію. Въ то же время и всѣ устроенныя Потемкинымъ укрѣпленія по дорогѣ въ Грузію были уничтожены.

Первая попытка Россіи прочно утвердиться въ Грузіи окончилась, такимъ образомъ, неудачею. Но она не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ предвѣстіемъ близкаго подчиненія Россіи всего Закавказья, которое скоро и совершилось при императорѣ Павлѣ. „Остается только сказать слава Богу, говоритъ Фадѣевъ въ своихъ „Письмахъ съ Кавказа“:—что это занятіе совершилось именно въ царствованіе Павла. Если бы промедлили три или четыре года,—справедливо замѣчаетъ онъ:—то въ первой половинѣ царствованія Александра, въ періодъ непрерывныхъ европейскихъ войнъ, рѣшавшихъ участь болѣе близкихъ государственныхъ интересовъ, намъ было бы, конечно, уже не до Кавказа, а съ 1815 года всякое посягательство съ нашей стороны на этой край вызвало бы на свѣтъ кавказскій вопросъ въ размѣрахъ вопроса уже европейскаго“.

XXI.

Послѣднія бѣдствія Грузіи.

(Ага-Магометъ-ханъ).

Въ длинномъ ряду золъ, испытанныхъ Грузіею въ ея тысячелѣтней исторической жизни, послѣднимъ было нашествіе персидскаго шаха Ага-Магометъ-хана, въ 1795 году. Когда, за десять лѣтъ передъ тѣмъ, Грузія вступила подъ покровительство Россіи, Персія, до того времени заправлявшая судьбами ея, была сама обуреваема междоусобными раздорами, начавшимися съ самаго момента смерти Шахъ-Надира и возобновившимися съ новою силою послѣ дружелюбнаго Грузіи Керимъ-хана. Сильнѣйшій изъ претендентовъ, Ага-Магометъ-ханъ, уже извѣстный Россіи своимъ вѣроломнымъ поступкомъ съ Войновичемъ, становится въ 90-хъ годахъ единымъ повелителемъ Ирана, и первымъ его дѣломъ было вспомнить Грузію и ея отторженіе изъ сферы вліянія шаховъ.

Ага-Магометъ-Ханъ былъ несомнѣнно однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ восточныхъ государей; но несомнѣнно также, что онъ былъ страшный человѣкъ, уже самою своею судьбою приготовленный къ человѣконенавистничеству. Нѣкогда дѣдъ его, ханъ гилянскій, былъ убитъ Шахъ-Надиромъ, а самъ онъ превращенъ въ евнуха и обреченъ вести жалкую жизнь при дворѣ персид-

скихъ шаховъ. И уже тамъ постоянно питались въ его сердцѣ ненависть и мстительность. Не имѣя возможности открыто заявить вражду, онъ, будучи еще ребенкомъ, носилъ при себѣ ножъ и пользовался всякимъ случаемъ рѣзать во дворцѣ богатые ковры и портить все, желая пока хоть этимъ вредить ненавистному шаху. И когда впослѣдствіи драгоцѣнности эти перешли въ его руки, онъ, глядя на нихъ, часто говаривалъ: „жаль, что я тогда дѣлалъ это,—глупъ былъ, не умѣлъ предвидѣть будущаго".

Наружность его, какъ ее описываютъ грузинскія сказанія отражала его злой и мрачный характеръ. Маленькій ростомъ, сухощавый, со сморщеннымъ и безбородымъ лицомъ евнуха, Ага-Магометъ-ханъ казался извергомъ. Ненависть и кровавая злоба, сверкавшія въ глубоко впавшихъ глазахъ, свидѣтельствовали о противоестественныхъ страстяхъ, кипѣвшихъ въ его поблекшей душѣ. Онъ превосходилъ жестокостью всѣхъ бывшихъ властителей Персіи, — и слово пощады, милости или человѣколюбія никогда не срывалось съ устъ этого властителя-евнуха. Въ то же время это былъ человѣкъ необыкновеннаго ума, желѣзной энергіи и всепоглощающей гордости.

Одолѣвши всѣхъ своихъ соперниковъ, Ага-Магометъ-Ханъ заботился не о томъ, чтобы самому утвердиться на престолѣ, а чтобы возвратить Персіи всѣ потери, понесенныя ею во времена междоусобій, — онъ далъ обѣтъ до тѣхъ поръ не принимать титула шаха, пока власть его не будетъ признана на всемъ пространствѣ обширнаго Ирана. И Грузіи, которую шахъ, конечно, считалъ отложившеюся своею провинціею, приходилось испытать месть за сношенія съ русскою державою. Личное неудовольствіе шаха противъ Ираклія, осмѣлившагося разбить войска Аги-Магомета; посланныя взять Эривань, грозило еще увеличить бѣдствіе. А Грузія, между тѣмъ, менѣе чѣмъ когда либо была готова къ защитѣ. Послѣ торжественнаго вступленія ея подъ покровительство Россіи въ 1783 году, русскія войска вскорѣ, по случаю турецкой войны, были отозваны, а въ странѣ возникли раздоры. Ираклій былъ женатъ три раза, и дѣти отъ двухъ послѣднихъ браковъ царя, подъ вліяніемъ интригъ царицы Дарьи, внесли смуту въ страну, споря о наслѣдствѣ и подготовляя шаху шансы

на болѣе легкій успѣхъ. Шахъ вступилъ въ сопредѣльныя Грузіи магометанскія ханства, требуя покорности, и большинство ихъ не смѣло противиться грозному властителю Ирана. Только одинъ владѣтель Карабага, ханъ Ибрагимъ, наотрѣзъ отказался принять пословъ шаха и, укрѣпившись въ Шушѣ, приготовился къ отчаянной оборонѣ.

Высоко, до самыхъ облаковъ поднималась гранитная шушинская крѣпость, построенная среди утесистыхъ горъ и скалъ, образующихъ между собою одинъ только узкій проходъ, который брать открытою силой было почти немыслимо. Съ вершины отвѣсной скалы, гдѣ стоялъ ханскій дворецъ, открывались великолѣпные виды: къ югу взоръ обнималъ далекое пространство черезъ лѣсистыя горы и знойныя долины вплоть до Аракса, извивавшагося серебристою лентой у темной цѣпи Карабага; къ сѣверу сверкали громады снѣжныхъ горъ, обозначая предѣлы благословенной Грузіи. И ханъ и карабагцы, справедливо гордясь неприступностію этого мѣста, смѣялись надъ хвастовствомъ Аги-Магомета-хана, сказавшаго разъ, что онъ нагайками своей кавалеріи забросаетъ шушинское ущеліе.

Эпизодъ съ карабагскимъ ханомъ, однако, не надолго отсрочилъ кровавое нашествіе. Ага-Магометъ-ханъ, видя невозможность овладѣть неприступными твердынями Шуши, обошелъ ее стороной и двинулся прямо на Грузію. Ганжа и Эривань, составлявшія прямое достояніе грузинскаго царя, стали подъ шахскія знамена и все, что встрѣчалось на пути побѣдоносныхъ его войскъ, покорялось, а непокорное предавалось огню и мечу. Не смотря на то, Ираклій отвергъ всѣ требованія шаха и готовился къ оборонѣ.

10-го сентября 1795 года, Ага-Магометъ-ханъ расположился лагеремъ въ семи верстахъ отъ Тифлиса.

Авангардъ шаха, встрѣченный грузинами на Картсанисской равнинѣ, былъ разбитъ на голову. Изъ Тифлиса полетѣли во всѣ стороны гонцы съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Народъ ликовалъ; но радость была преждевременна, такъ какъ эта неудача передового отряда не помѣшала непріятелю на слѣдующій же день идти на приступъ къ городу.

Будучи укрѣпленъ и имѣя на своихъ стѣнахъ до 35 орудій,

Тифлисъ могъ бы противопоставить персіянамъ серьезное сопротивленіе, и по крайней мѣрѣ отсрочить свое паденіе на нѣкоторое время. Но внутреннія смуты мѣшали необходимому въ такихъ случаяхъ единодушію: царевичи, враждовавшіе съ отцомъ, не слушали призыва царя и не спѣшили изъ своихъ удѣловъ на помощь столицѣ. А въ городѣ между тѣмъ была вызвана паника неосторожностью царицы. При страшной вѣсти о нашествіи враговъ, народъ сначала собрался передъ дворцомъ и умолялъ царя не оставлять городъ на истребленіе персамъ, обѣщая биться до послѣдней капли крови; царь далъ также обѣтъ умереть съ своимъ народомъ, и поставлена была стража у всѣхъ воротъ, чтобы никого не выпускать изъ города. Но царица, по совѣту приближенныхъ, испросила позволеніе себѣ и десяти почетнымъ семействамъ выѣхать изъ Тифлиса. Какъ только узналъ о томъ народъ, онъ подумалъ, что царь, спасая семейство, не надѣется защитить столицу, и толпами бѣжалъ во всѣ стороны, какъ можно дальше отъ театра военныхъ дѣйствій. У Ираклія къ началу обороны города не осталось и нѣсколькихъ тысячъ князей и тавадовъ.

Шахъ между тѣмъ думалъ, что Тифлисъ достанется ему не дешево и, чтобы заставить своихъ солдатъ непремѣнно одержать побѣду, прибѣгъ къ весьма оригинальному средству. Онъ постоянно водилъ за собою шесть тысячъ конныхъ трухменцевъ, ненавидящихъ персіянъ и въ свою очередь ненавидимыхъ ими. Связанные религіею, но раздѣленные обычаями, эти два народа всегда чистосердечно и открыто презирали другъ друга. Ага-Магометъ-ханъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и, поставивъ трухменъ въ тылу своего войска, приказалъ имъ бить и умерщвлять каждаго персіянина, которому пришла бы охота бѣжать. Этотъ приказъ, пріятный для трухменъ, исполняемъ былъ ими съ величайшей точностью. И персіяне, имѣя позади себя вѣрную смерть, конечно не думали объ отступленіи.

Авангардъ грузинъ подъ начальствомъ царевича Іоанна, державшійся въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на позиціи, потерялъ много убитыми и сталъ уже отступать, когда на подкрѣпленіе къ нему явился царевичъ Вахтангъ, вытребованный Иракліемъ съ отборными войсками изъ Пшавовъ и Хевсуръ. Тогда авангардъ

возобновилъ сраженіе и, получивъ новую помощь, посланную царемъ подъ начальствомъ Мочабелова, самъ перешелъ въ наступленіе. Этотъ Мочабеловъ былъ въ свое время извѣстный поэтъ-импровизаторъ. Взявъ свой чунгуръ: онъ пропѣлъ передъ войсками нѣсколько вдохновенныхъ строфъ своей пѣсни и кинулся впередъ съ такою стремительностію, что его отрядъ проникъ до самыхъ персидскихъ знаменъ, изъ которыхъ многія и были взяты грузинами, на глазахъ самого Ага-Магомета-хана.—„Я не помню, проговорилъ тогда властитель Ирана:—чтобы когда нибудь враги мои сражались съ такимъ мужествомъ". Онъ выдвинулъ впередъ мазандеранскую пѣхоту, стоявшую до тѣхъ поръ въ резервѣ, и приказалъ ей идти на приступъ. Ираклій съ своей стороны ввелъ въ дѣло послѣдніе немногочисленные резервы, и большая часть изъ нихъ погибла въ этой отчаянной борьбѣ съ несоразмѣрно многочисленнымъ непріятелемъ.

Сраженіе продолжалось съ утра до поздняго вечера. Три раза персіяне были отбрасываемы отъ стѣнъ Тифлиса и три раза возобновляли приступъ, пока наконецъ не заставили грузинъ начать отступленіе. Ираклій въ горести не хотѣлъ покинуть поле сраженія.

— Каждый изъ твоихъ подданныхъ, говорили царю его окружающіе: — знаетъ твою храбрость и знаетъ, что ты готовъ умереть за отечество; но если суровая судьба уже измѣнила намъ, то не увеличивай своею гибелью торжества непріятеля.

Царь никого не слушалъ; а между тѣмъ персіяне заходили въ тылъ и, занимая всѣ дороги, ведущія въ городъ, грозили отрѣзать отступленіе. Тогда Ираклій съ нѣмымъ отчаяніемъ бросился въ битву и навѣрное погибъ бы, еслибъ внукъ не спасъ своего знаменитаго дѣда. Съ тремя стами конныхъ грузинъ царевичъ Іоаннъ кинулся въ толпу персіянъ и вырвалъ царя почти изъ рукъ непріятеля.

Съ удаленіемъ Ираклія битва не прекратилась. Царевичъ Давидъ долго еще удерживалъ персіянъ въ кривыхъ и тѣсныхъ улицахъ предмѣстья. Но когда онъ увидѣлъ, что непріятельскія толпы занимаютъ городъ, уже покинутый царемъ, тогда и послѣдній грузинскій отрядъ удалился къ сѣверу съ намѣреніемъ пробраться въ горы, куда отступилъ Ираклій.

Ага-Магометъ-ханъ овладѣлъ Тифлисомъ, и войска его преслѣслѣдовали бѣжавшихъ грузинъ до самаго Мцхета, въ которомъ персіяне не оставили камня на камнѣ; и только знаменитый соборъ—этотъ памятникъ древняго величія Грузіи, пощаженъ былъ, благодаря заступничеству нахичеванскаго хана.—„Не слѣдуетъ осквернять святыни и гробы царей", сказалъ онъ своему отряду,—и храмъ остался нетронутымъ.

Тифлисъ, между тѣмъ, съ его дворцами и великолѣпными христіанскими храмами былъ обращенъ въ груду развалинъ. Разсказываютъ, что Ага-Магометъ-ханъ сначала пощадилъ такъ восторгавшія Шахъ-Аббаса знаменитыя тифлисскія минеральныя бани, и даже купался въ нихъ, надѣясь получить исцѣленіе отъ своего недуга; но когда онѣ оказались безсильными, онъ въ гнѣвѣ приказалъ разрушить и ихъ до основанія.

Жители Тифлиса подверглись неистовымъ жестокостямъ. Митрополитъ тифлисскій заперся съ духовенствомъ въ Сіонскомъ соборѣ, но персы выломали двери, сожгли иконостасъ, раскидали святыню, перебили священниковъ, и самого старца митрополита сбросили въ Куру съ виноградной террасы его собственнаго дома. Цѣлыхъ шесть дней, съ 11 по 17 сентября, персіяне предавались въ городѣ всевозможнымъ неистовствамъ: насиловали женщинъ, рѣзали плѣнныхъ и убивали грудныхъ младенцевъ, перерубая ихъ пополамъ съ одного размаха только для того, чтобы испытать остроту своихъ сабель. Въ общемъ разрушеніи не была пощажена и самая святыня. Персіяне поставили на авлабарскомъ мосту икону Иверской Богоматери и заставляли грузинъ издѣваться надъ нею, бросая ослушниковъ въ Куру, такъ что рѣка скоро запрудилась трупами. Около 22 тысячъ грузинъ было уведено въ рабство.

Исторіографъ Аги-Магомета-хана говоритъ, что при разореніи Тифлиса храброе персидское войско показало невѣрнымъ грузинамъ образецъ того, чего они должны ожидать для себя въ день судный.

Есть преданіе, что во время разоренія Тифлиса 50 человѣкъ жителей, не успѣвшихъ бѣжать изъ города, отдались подъ защиту Св Давыда, и на святой горѣ—быть можетъ даже въ той самой

пещерѣ, гдѣ теперь стоитъ гробница Грибоѣдова—спаслись отъ смерти или плѣна. Персіяне, разорявшіе и грабившіе городъ, по какому-то необъяснимому обстоятельству ни разу не всходили на гору, увѣнчанную стариннымъ монастыремъ, долженствовавшимъ, какъ бы кажется, привлечь собою алчныхъ грабителей. Очень можетъ быть, что они опасались найти тамъ скрытую засаду; но какъ бы то ни было, святая обитель укрыла и спасла всѣхъ тѣхъ, которые въ ней искали спасенія.

Разсказываютъ также, что при взятіи Тифлиса Ага-Магометъ-ханомъ погибъ знаменитый сазандарь (пѣвецъ) Грузіи, Саятъ-Нова. Сто лѣтъ тому назадъ, въ стѣнахъ стараго Тифлиса имя Саятъ-Нова было славно повсюду, отъ царскаго дворца до сакли ремесленника. Это былъ бѣдный армянинъ, ткачъ по ремеслу, и сазандарь по призванію; въ юности разгульный пѣвецъ, въ старости отшельникъ и, наконецъ въ минуту смерти, христіанинъ, съ крестомъ въ рукахъ убитый врагами вѣры на порогѣ церкви. Спустившись на майданъ (базарную площадь въ Тифлисѣ), вы увидите изъ-за плоскихъ кровель синій коническій куполъ армянской церкви, называемый крѣпостною, потому что она помѣщалась когда-то внутри тифлисской крѣпости. На дворѣ этой церкви, гдѣ теперь такъ часто собираются амкары для торговыхъ сдѣлокъ, въ 1795 году зарытъ окровавленный трупъ восьмидесятилѣтняго старца Саятъ-Новы. „Не ищите надгробнаго камня на его темной могилѣ, говоритъ разсказчикъ этой легенды,—но знайте, что черты лица его и, быть можетъ, звуки его голоса и до сихъ поръ носятся, какъ смутный призракъ давно протекшаго, въ памяти тѣхъ немногихъ тифлисскихъ старожиловъ, для которыхъ нашествіе Ага-Магометъ-хана еще не составляетъ преданія“. Когда Тифлисъ былъ взятъ, Саятъ-Нова молился въ храмѣ и, слыша приближеніе враговъ, взялъ въ руки крестъ и пошелъ къ нимъ навстрѣчу, желая остановить ихъ на порогѣ. Два стиха, двѣ звучныхъ риѳмы на татарскомъ языкѣ вылились изъ устъ его:

«Не отступлю отъ Іисуса,
«Не выйду изъ церкви».

И это были послѣднія слова его.

Между тѣмъ два русскіе батальона, высланные съ Кавказской

линіи Гудовичемъ, поспѣшно двигались подъ командою полковника Сырахнева на помощь къ Ираклію, и вѣсть о томъ, что они перешли уже горы, заставила шаха отступить изъ Грузіи на муганскую степь. Но русскій отрядъ не пошелъ дальше Душета и послѣ окончанія похода графа Зубова возвратился въ Георгіевскъ.

Разгромивъ Грузинское царство, Ага-Магометъ-ханъ возвратился въ Персію. Придворные убѣждали его возложить на себя корону Ирана. Шахъ приказалъ собрать всѣхъ военачальниковъ арміи, вышелъ къ нимъ, держа корону въ рукахъ, и спросилъ, желаютъ ли они, чтобы она украсила его голову. „Вспомните, сказалъ онъ:—что вмѣстѣ съ этимъ ваши труды только начнутся. Я никогда не соглашусь носить эту корону, если съ нею не будетъ сопряжено владычество, какого еще не имѣлъ ни одинъ изъ персидскихъ монарховъ“. Всѣ обѣщали посвятить свою жизнь на распространеніе могущества шаха. Тогда Ага-Магометъ короновался. Но онъ все-таки отказался надѣть драгоцѣнную корону Шахъ-Надира, на которой четыре алмазныхъ пера (челенги) знаменовали собою четыре покоренныя этимъ завоевателемъ царства: афганское, индустанское, татарское и персидское. Онъ возложилъ на себя только малую діадему, украшенную перлами, и опоясался царскимъ мечомъ, хранившимся на гробѣ мусульманскаго святаго, родоначальника дома Софіевъ, въ Ардебилѣ. Туда персидскіе государи обязаны отправляться за священнымъ оружіемъ; мечъ кладутъ въ гробницу и цѣлую ночь молятъ святаго, чтобы онъ благоволилъ къ монарху, который будетъ носить его мечъ. На утро шахъ опоясывается имъ, ополчаясь на защиту шіитской вѣры.

Ага-Магометъ-ханъ немедленно послѣ того предпринялъ походъ на Хороссанъ, гдѣ ханствовалъ въ то время Надыръ-Мирза, правнукъ, ненавистнаго для Аги-Магомета, Шахъ-Надира. Нужно сказать, что по смерти послѣдняго многія драгоцѣнности перешли въ руки его родственниковъ, и между прочимъ къ слѣпому отцу Хороссанскаго хана. Ага-Магометъ потребовалъ возвращенія этихъ драгоцѣнностей, объявивъ государственнымъ преступникомъ всякаго, кто будетъ держать у себя вещи, составлявшія, по его мнѣ-

нію, государственную собственность, и теперь, идя на Хороссанъ, онъ имѣлъ въ виду наказать одного изъ ослушниковъ, а шахской казнѣ возвратить часть принадлежавшихъ ей драгоцѣнностей. Надыръ-Мирза бѣжалъ, оставивъ престарѣлому и слѣпому отцу, Шахъ-Року, сдать городъ повелителю Персіи. Шахъ-Рокъ вышелъ навстрѣчу съ изъявленіемъ покорности. Но здѣсь его ожидали страшныя истязанія — Ага-Магометъ хотѣлъ узнать, гдѣ спрятаны сокровища. Шахъ-Рокъ умеръ подъ пыткою, указывая, по мѣрѣ усиленія мученій, всѣ драгоцѣнности, скрытыя имъ въ колодцахъ и въ стѣнахъ. Когда же ему положили на голову вѣнецъ изъ тѣста и въ середину налили растопленный свинецъ, онъ указалъ и тотъ необыкновенной величины и красоты рубинъ, нѣкогда бывшій въ коронѣ, найти который особенно домогался шагъ. Затѣмъ Ага-Магометъ приказалъ разрушить гробницу ненавистнаго ему Шахъ-Надира, окованную изнутри чистымъ золотомъ. Всѣ найденныя въ ней богатства онъ взялъ въ казну, а кости самого Шахъ-Надира приказалъ зарыть подъ крыльцомъ своего дворца въ Тегеранѣ. „Когда я попираю этотъ прахъ моими ногами, говорилъ онъ:—раны моего сердца замѣтно облегчаются“:

Въ Хороссанѣ Ага-Магометъ-ханъ узналъ о вторженіи русскихъ войскъ въ предѣлы Персіи. Императрица Екатерина, возмущенная и бѣдствіями Грузіи, и самою личностью шаха, отправила войска подъ предводительствомъ графа Зубова, который успѣлъ завоевать Дербентъ, Шемаху, Баку, Сальяны и Ганжу. Къ сожалѣнію, смерть императрицы оставила недоконченнымъ такъ блистательно начатое дѣло.

Шахъ прекрасно понималъ, какого врага имѣетъ онъ въ Русской имперіи, и въ виду предстоявшей борьбы принялъ планъ, который обѣщалъ ему наибольшій успѣхъ. Собравъ, какъ разсказываютъ, своихъ военачальниковъ, и объявивъ имъ, что русскіе осмѣлились вторгнуться въ предѣлы его государства, онъ говорилъ: „храбрые воины мои пойдутъ противъ нихъ; мы нападемъ на стѣны, сгроможденныя изъ пушекъ, на строи славной пѣхоты— и разрубимъ ихъ на части нашими побѣдоносными мечами“. Начальники одобрили геройскую рѣшимость шаха и обѣщали не жалѣть своей крови. Но когда они разъѣхались, шахъ призвалъ

перваго министра и спросилъ, слышалъ ли онъ слова, сказанныя имъ войсковымъ начальникамъ. Министръ отвѣчалъ, что слышалъ.

— „И ты думаешь, что я поступлю, какъ говорилъ?"

— Безъ сомнѣнія, если это угодно будетъ повелителю.

— „Хаджи, сказалъ тогда гнѣвно Ага-Магометъ:— неужели я ошибся? неужели и ты такъ же глупъ, какъ и прочіе? Такой умный человѣкъ, какъ ты, могъ ли подумать, что я подставлю свою голову подъ ихъ желѣзныя стѣны и допущу истребить мою неправильную армію ихъ артиллеріею и благоустроенными войсками? Я знаю лучше мое дѣло. Никогда русскія пули до меня не достигнутъ, и русскіе могутъ владѣть только тѣмъ, что будетъ находиться подъ огнемъ ихъ артиллеріи. Имъ некогда будетъ дремать и они могутъ идти куда пожелаютъ, но я вездѣ оставлю имъ одну пустыню".

Шаху не пришлось однако примѣнить свой планъ: русскія войска ушли. Внезапное отступленіе ихъ несказанно обрадовало Ага-Магометъ-хана, и онъ тотчасъ же отправилъ въ Грузію фирманъ, „которому должна повиноваться вселенная".

„Россіяне", писалъ онъ,—„всегда промышляли торгомъ и купечествомъ, продавали сукна и кармазинъ, но никто и никогда не видалъ, чтобы они могли употреблять копье или саблю. Такъ какъ они отважились нынѣ войдти въ предѣлы областей, состоящихъ подъ нашею державою, то мы высочайшія мысли наши устремили въ ту сторону и обратили счастливѣйшія знамена наши на то, чтобы ихъ, наказавъ, истребить. Они же, узнавъ о таковомъ нашемъ намѣреніи, бѣжали въ свою гнусную землю".

Мстительный шахъ не думалъ оставить безнаказаннымъ вторженіе русскихъ, и въ 1797 году вся Грузія была снова встревожена извѣстіемъ о движеніи къ ея предѣлахъ Ага-Магомета-хана. Къ счастію, гроза разразилась только надъ однимъ Карабагомъ. Грозный властитель Персіи не могъ забыть оскорбленія, нанесеннаго его достоинству ничтожнымъ ханомъ шушинскимъ, который осмѣлился не признавать его власти, и многочисленное персидское войско прежде всего появилось на Араксѣ и начало разорять Карабагскую землю. Ибрагимъ—ханъ шушинскій, оставивъ свои владѣнія, со всѣмъ семействомъ и нѣсколькими бека-

ми бѣжалъ. Двѣ тысячи всадниковъ, подъ начальствомъ лучшихъ военачальниковъ, были посланы въ погоню за Ибрагимомъ; они настигли его на переправѣ черезъ рѣку Тертеръ, но ханъ, послѣ упорнаго дѣла, разбилъ персіянъ и успѣлъ скрыться въ горахъ.

Тогда Ага-Магометъ-ханъ занялъ безъ боя столицу Карабага, Шушу, и поселился въ прекрасномъ ханскомъ дворцѣ, въ одной небольшой комнаткѣ, недоступной для посторонняго взора. Угрюма была эта комната шаха, безъ всякаго убранства и мебели. Лишь на полу разостланъ былъ богатый коверъ, чтобы предохранять ногу властелина отъ жесткаго прикосновенія къ каменнымъ плитамъ, да у стѣны стояла знаменитая въ то время походная кровать, служившая шаху и постелью, и трономъ. Густо усѣянная жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, ткань покрывала кровать вплоть до пола, а по срединѣ дорогого одѣяла было оставлено незашитое поле изъ пурпурнаго бархата, обозначавше мѣсто шахскаго сидѣнья. Тутъ обыкновенно возсѣдалъ шахъ съ поджатыми подъ себя ногами, одѣтый въ широкую шубу, крытую богатою шалью краснаго цвѣта.

Передъ дворцемъ толпились персіяне, а на площади стояла бивуакомъ шахская гвардія. Все было тихо, все боялось нарушить спокойствіе повелителя и потревожить его чуткое ухо. Между тѣмъ Шушѣ суждено было сдѣлаться мѣстомъ гибели жестокаго шаха. Вотъ какъ передаютъ объ этомъ мѣстныя преданія:

Былъ уже восьмой день со времени занятія Шушинской крѣпости. Вечеромъ, когда Ага-Магометъ-ханъ молился, въ комнату его вошелъ Садыхъ-ханъ, начальникъ всей персидской кавалеріи,—и молча всталъ у порога. Шахъ прервалъ молитву, лицо его было зловѣще.

— „Какъ ты осмѣлился, рабъ, явиться передо мною незванный!“ спросилъ онъ Садыха.

— Недостойный рабъ твой исполняетъ волю своего повелителя, переданную мнѣ устами Сафаръ-Али, отвѣчалъ тотъ и низко поклонился.

Шахъ позвалъ Сафара.

— „Когда я тебѣ приказывалъ звать Садыхъ-хана?“

— Съ полчаса тому назадъ.

— „Лжешь, собака!“ вскричалъ Ага-Магометъ, и направилъ дуло пистолета прямо въ грудь своего нукера, но тотчасъ же опустилъ его...

— Не дерзнетъ червь ничтожный лгать передъ Богомъ небеснымъ и передъ солнцемъ его земнымъ! Можетъ быть, злой духъ обманулъ мое ухо, и я не понялъ приказанія моего повелителя.

— Если уши твои не умѣютъ слушать, такъ они мнѣ не нужны... Ступай! пусть ихъ отрѣжутъ!“

Надъ Сафаръ-Али немедленно исполнили приговоръ.

Наступила ночь. Въ комнатѣ шаха слабо мерцала серебряная лампада. Онъ лежалъ на кровати и не спалъ. Вдругъ ему показалось, будто слышатся шопотъ и тихія рыданія. Тревожно онъ окликнулъ своихъ нукеровъ. Вошли двое: Сафаръ-Али, съ головою обвязанной окровавленными платками, и Аббасъ-Бекъ, оба испуганные, блѣдные.

— „Ты смѣешь плакать, какъ женщина, сказалъ шахъ Сафару:—когда тебѣ должно радоваться о великой милости, даровавшей тебѣ жизнь! А ты, Аббасъ, осмѣлился разговаривать около моей спальни и мѣшать моему сну!.. Вы оба лишніе на землѣ, и съ восходомъ солнца падутъ ваши головы. Есть еще нѣсколько негодяевъ подобныхъ вамъ. Завтра я наряжу страшный судъ надъ всѣми, и изъ череповъ вашихъ сооружу минаретъ, выше Шамхорскаго. Слышали! Ступайте!“

Была ночь на пятницу, обыкновенно посвящаемая молитвѣ, и шахъ по необходимости долженъ былъ отложить исполненіе приговора до утра. Уснулъ онъ, но не спали нукера, знавшіе что приговоръ шаха безвозвратенъ. Непонятно, какимъ образомъ приговоренные къ неизбѣжной смерти служители остались на ночь при шахѣ,—и слухъ о поврежденіи разсудка его быть можетъ и имѣетъ нѣкоторыя основанія. Нукерамъ приходилось или покорно ожидать своей казни или порѣшить съ шахомъ, и они рѣшились на послѣднее. Вооруженные кинжалами, они тихо вошли въ корридоръ и остановились передъ шелковымъ занавѣсомъ, закрывавшимъ входъ въ шахскую опочивальню. Глубокая тишина

свидѣтельствовала о крѣпкомъ снѣ повелителя. Осторожно и безъ шума вошли двое убійцъ и стали у кровати. Блеснулъ кинжалъ и глубоко вонзился въ грудь спящаго шаха.

Онъ приподнялся, остановилъ на убійцахъ угасающій взоръ и произнесъ: „Несчастный! ты убилъ Иранъ!"—и голова его безжизненно упала на подушки.

Убійцы вынули драгоцѣнные камни изъ короны шаха и бѣжали въ Нуху, подъ покровительство шекинскаго хана; отсюда и возникло не лишенное вѣроятія предположеніе, что преступленіе совершилось вслѣдствіе подкупа хана — ихъ покровителя. Когда вѣсть о смерти шаха распространилась въ лагерѣ, приближенные его уже успѣли расхитить шахскія сокровища, и войска, докончивъ дѣло грабежа, въ безпорядкѣ оставили Карабагъ и ушли въ Персію.

Голова Аги-Магомета-хана была отрѣзана и отправлена къ карабагскому хану Ибрагиму, который со всѣми подобающими почестями похоронилъ ее въ Джарахъ. Обезглавленное же тѣло шаха отправлено имъ въ Тегеранъ, гдѣ и погребено среди властителей Персіи.

Такъ совершилась судьба Аги-Магомета-хана.

Со смертью его связана исторія гибели знаменитаго карабагскаго поэта, Вакафа, жившаго въ Шушѣ во время нашествія: Не успѣвъ бѣжать вмѣстѣ съ Ибрагимомъ, онъ былъ захваченъ непріятелемъ и попалъ въ руки кровнаго врага своего Аги-Магомета-хана.

Разсказываютъ, что еще во время перваго нашествія на Шушу, Ага-Магометъ-ханъ приказалъ пустить въ карабагскій станъ стрѣлу, къ которой былъ прикрѣпленъ лоскутъ бумаги со слѣдующими стихами: «Изъ небесной камнеметательной машины бросаются бѣдоносные камни, а ты по глупости защищаешься отъ нихъ въ стеклянной крѣпости...» Стрѣла отъ Ибрагимъ-Хана принесла ему такой отвѣтъ: „Если тотъ, въ кого я вѣрую, мой хранитель, то онъ сохранитъ и стекло подъ мышцею камня". Ага-Магометъ-ханъ спросилъ, кто авторъ этихъ стиховъ, и ему назвали Вакафа; онъ поклялся убить его, какъ только Шуша будетъ взята.

Теперь несчастнаго поэта, вмѣстѣ съ другимъ карабагцемъ, везли на грозную расплату. Но поэтъ былъ спокоенъ. Въ какомъ-то предвидѣніи будущаго, онъ обратился къ товарищу своего несчастія и сказалъ: „другъ мой, предсказываю тебѣ, что я никогда не увижу Ага-Магомета-хана и ничего дурного отъ него не перенесу; за тебя же не ручаюсь.

Вечеромъ ихъ привезли въ Шушу, и шахъ приказалъ немедленно казнить карабагца, а Вакафа посадить въ тюрьму, чтобы на утро предать мучительнѣйшей смерти. Но въ эту самую ночь онъ палъ подъ ножемъ Сафаръ-бея—и Вакафъ получилъ свободу.

Но бѣда грозила поэту тамъ, гдѣ онъ ея не предвидѣлъ. Воспользовавшись отсутствіемъ законнаго хана, племянникъ Ибрагима, Мухамедъ-бекъ, задумалъ овладѣть Карабагомъ. Вакафъ былъ изъ числа немногихъ, не согласившихся измѣнить старому хану, и былъ казненъ вмѣстѣ съ сыномъ. За воротами шушинской крѣпости, на высокомъ холмѣ, гдѣ совершались народныя празднества, и понынѣ еще указываютъ ихъ общую могилу.

Ага-Магометъ-ханъ погибъ. А въ слѣдующемъ, 1798 году, 11 января умеръ и Ираклій, вынесши въ глубокой старости, на концѣ своей жизни, тягчайшія испытанія.

Существуетъ трогательный разсказъ о пребываніи царя въ полуразрушенномъ, старинномъ ананурскомъ монастырѣ, когда, разбитый и всѣми покинутый, онъ долженъ былъ искать въ немъ убѣжища. „Въ ветхой кельѣ, стоявшей въ углу монастырской ограды,—говоритъ этотъ разсказъ:—можно было видѣть старика, сидѣвшаго лицомъ къ стѣнѣ и покрытаго простымъ овчиннымъ тулупомъ. Это былъ царь Грузіи Ираклій Второй,—нѣкогда гроза всего Закавказья. Подлѣ него находился старый слуга, армянинъ.

— „Кто тамъ сидитъ въ углу?“ — спрашивали проходившіе люди.

— „Тотъ, котораго ты видишь,—со вздохомъ отвѣчалъ армянинъ:—былъ нѣкогда въ большой славѣ, и имя его уважалось во всей Азіи. Онъ былъ лучшимъ правителемъ своего народа, но старость лишила его силъ и положила всему конецъ и преграду.

Чтобъ отвратить раздоры и междоусобія въ семействѣ, могущія послѣдовать послѣ его смерти, онъ думалъ сдѣлать послѣднее добро своему народу и раздѣлилъ свое царство между сыновьями. Несчастный Ираклій ошибся. Ага-Магометъ, бывшій евнухомъ Тамасъ-Кули-Хана (Шахъ-Надира) въ то время, когда Ираклій носилъ званіе военачальника Персіи, пришелъ теперь побѣдить его немощную старость. Собственныя дѣти отказались помочь ему и спасти отечество, потому что ихъ было много, и всякій изъ нихъ думалъ, что будетъ стараться не для себя, а для другого. Царь Грузіи принужденъ былъ прибѣгнуть за помощью къ царю Имеретіи, но если ты былъ въ Тифлисѣ, то видѣлъ весь позоръ, какой представляло тамъ имеретинское войско. Ираклій съ горстью людей сражался противъ ста тысячъ, и лишился престола отъ того, что былъ оставленъ безъ жалости своими дѣтьми,—и кому же на жертву?- евнуху, человѣку, который прежде раболѣпствовалъ предъ нимъ. Померкла долголѣтняя слава его, столица обращена въ развалины, а благоденствіе народа—въ погибель. Вотъ подъ этой стѣною видишь ты укрывающагося отъ всѣхъ людей славнаго царя Грузіи безъ помощи и покрытаго только овчинной кожею. Царедворцы и всѣ находившіеся при немъ ближніе его, которыхъ онъ покоилъ и питалъ на лонѣ своемъ во всемъ изобиліи, оставили его; ни одинъ изъ нихъ не послѣдовалъ за своимъ владыкою, кромѣ меня, самаго послѣдняго его армянина".

Грустная повѣсть Ираклія невольно вызываетъ въ васъ представленіе мрачной эпохи, въ которой величавый геній Шекспира нашелъ величественный образъ другаго короля-страдальца, несчастнаго Лира, также раздѣлившаго свое царство и также испытавшаго всю неблагодарность тѣхъ, кто всѣмъ былъ обязанъ ему. Но Шекспиръ—великій лѣтописецъ навсегда минувшихъ среднихъ вѣковъ,—а на Кавказѣ эти вѣка совершались почти передъ нашими глазами.

По удаленіи Аги-Магомета-хана, Ираклій возвратился въ Телавъ, служившій ему любимымъ мѣстопребываніемъ послѣ Тифлиса. Съ Телавомъ соединялись лучшія воспоминанія всей его жизни. Тамъ, будучи еще царственнымъ юношей, онъ пріобрѣлъ себѣ военную славу покореніемъ лезгинъ, Ганжи и Эривани, и

долго послѣ того всему Закавказью было извѣстно, что этотъ бѣдный Телавъ—резиденція грознаго царя Кахетіи, которому суждено было впослѣдствіи соединить подъ своею властью цѣлую Грузію. И вотъ прошли 52 года царствованія Ираклія, и онъ опять возвращается въ тотъ же Телавъ, но только для того, чтобы покончить здѣсь остатокъ своихъ дней, когда звѣзда его угасла, и онъ, удрученный годами и горемъ, не имѣлъ уже силъ смотрѣть на пепелище Тифлиса.

Грустно протекли послѣдніе дни престарѣлаго вѣнценосца. Лишенный наружнаго величія и блеска, онъ умеръ среди народнаго плача, стоявшаго тогда надъ цѣлою Грузіей, еще не успѣвшей оправиться отъ вторженія въ нее Аги-Магомета-хана.

Въ старинномъ, нѣкогда столичномъ городѣ Мцхетѣ, въ соборѣ Двѣнадцати Апостоловъ, какъ разъ напротивъ царскихъ дверей, лежитъ и понынѣ простая мраморная плита, указывающая мѣсто, гдѣ успокоились кости царственнаго труженика. Отчетливо сохранившаяся надпись на камнѣ гласитъ: „Здѣсь покоится царь Ираклій, родившійся въ 1716 году, который взошелъ на престолъ кахетинскій въ 1744, на карталинскій въ 1762, и который скончался въ 1798 году. Дабы передать потомству память о семъ государѣ, царствовавшемъ со славою въ теченіе 54 лѣтъ. именемъ Его Императорскаго Величества Александра I-го, главнокомандующій въ Грузіи маркизъ Паулуччи соорудилъ ему сей памятникъ въ 1812 году.

Грузинскій народъ помнитъ своего вѣнценоснаго страдальца, представляя его себѣ героемъ, лишь въ силу историческихъ обстоятельствъ поставленнаго лицомъ къ лицу съ бѣдствіями войны и пораженія. Одна изъ народныхъ грузинскихъ пѣсенъ, отражающая народную любовь къ нему, говоритъ: „Пусть не страшитъ тебя старость, подыми твой мечъ, грянемъ на враговъ и обратимъ ихъ въ бѣгство. Но если Богъ попуститъ невѣрныхъ разорить твою добрую столицу, иди къ намъ и знай, что мы, горцы, постоимъ за тебя; тушины, пшавы и хевсуры положатъ головы за тебя, — послужимъ тебѣ до конца. Посмотримъ, кто будетъ послѣ тебя Иракліемъ!“

XXII.

Персидскій походъ Зубова.

Въ 1796 году въ Кизлярѣ формировался сильный русскій корпусъ изъ двухъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ бригадъ, въ которомъ частями, по личному назначенію императрицы, командовали всѣ до одного прославившіеся впослѣдствіи орлы екатерининскихъ дружинъ, генералъ-маіоры: князь Циціановъ, Булгаковъ, Римскій-Корсаковъ, баронъ Бенигсенъ, графъ Апраксинъ и Матвѣй Ивановичъ Платовъ, главнокомандующимъ же былъ генералъ-поручикъ графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ. Готовился большой походъ на Персію—въ этотъ „лѣсъ львовъ“, какъ его называютъ персидскіе историки—уже давно ожидавшій возмездія за свое вѣковое вѣроломство. Разгромъ въ 1795 году Ага-Магометъ-ханомъ Грузіи, стоявшей уже тогда подъ покровительствомъ Россіи, былъ прямымъ оскорбленіемъ достоинства великой державы, прямымъ вызовомъ,—и война была рѣшена.

Говорятъ, впрочемъ, что походъ этотъ находился въ тѣсной связи съ знаменитымъ греческимъ проектомъ, обновленнымъ ре-

дакціею графа Платона Зубова. Проектъ заключался въ томъ, что графъ Валеріанъ Александровичъ, покончивъ съ Персіею у себя въ тылу, долженъ былъ захватить въ свои руки Анатолію и угрожать Константинополю съ малоазійскихъ береговъ, въ то время какъ Суворовъ пойдетъ черезъ Балканы и Адріанополь, а сама Екатерина, находясь лично на флотѣ съ Платономъ Зубовымъ, осадитъ турецкую столицу съ моря.

Главнокомандующему графу Зубову было въ это время только 24 года. Быстрымъ возвышеніемъ онъ былъ, конечно, обязанъ прежде всего брату своему князю Платону Александровичу, вельможѣ екатерининскаго вѣка; но несомнѣнно также, что онъ оправдалъ вполнѣ довѣріе императрицы и личнымъ мужествомъ, запечатлѣннымъ тяжелою раною, и государственными заслугами, оказанными имъ въ блистательно-исполненномъ персидскомъ походѣ. Недостатки, общіе молодымъ людямъ прошлаго вѣка, выкупались въ немъ такими симпатичными душевными качествами, которыя дѣлали его любимцемъ русскаго войска — солдаты боготворили своего юнаго вождя и шли за нимъ въ огонь и въ воду.

Карьера молодого Зубова была весьма замѣчательна. Произведенный въ офицеры въ 1785 году, онъ черезъ четыре года уже былъ подполковникомъ и въ этомъ чинѣ участвовалъ въ турецкой войнѣ подъ главнымъ начальствомъ Потемкина; за взятіе Бендеръ императрица пожаловала ему чинъ полковника и званіе флигель-адъютанта; штурмъ Измаила доставилъ ему крестъ св. Георгія 4-й степени, а вскорѣ послѣ того, произведенный въ генералы и награжденный александровскою лентою, онъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ Суворовымъ въ Польшу. Здѣсь онъ участвовалъ во всѣхъ побѣдахъ знаменитаго полководца и на 23 году отъ рожденія получилъ отъ императрицы драгоцѣнную соболью шубу, чинъ генералъ-поручика и ордена св. Георгія на шею и св. Андрея Первозваннаго. Въ одномъ изъ сраженій въ Польшѣ, именно при переправѣ черезъ Бугъ, верстахъ въ 20 отъ Варшавы, непріятельское ядро оторвало Зубову ногу. Онъ долженъ былъ ѣхать лечиться за границу и возвратился назадъ съ искусственною ногою, такъ хорошо сдѣланною, что онъ могъ ѣздить верхомъ и оставаться на конѣ по суткамъ. Впослѣдствіи персіяне и горцы

прозвали его „кизилъ-аягъ“, т. е. генералъ съ золотою ногой. Зубовъ прибылъ въ Кизляръ въ началѣ апрѣля и, нашедши войска совершенно готовыми къ походу, двинулъ ихъ въ Дагестанъ, по слѣдамъ передового отряда Савельева. Старый Савельевъ—извѣстный на Кавказѣ геройскою обороной Наурской станицы—вошелъ во владѣнія Шейхъ-Али-хана дербентскаго, и тотчасъ предложилъ ему заключить оборонительный и наступательный союзъ противъ Персіи. Но юный, 18-лѣтній ханъ оставилъ письмо безъ отвѣта а приближавшійся къ городу русскій отрядъ встрѣтилъ пушечными выстрѣлами.

Савельевъ сталъ на позиціи подъ самыми стѣнами Дербента, однако на приступъ не отважился, зная, что въ городѣ сосредоточено до 10 тысячъ войска; а такъ какъ продолжительное бездѣйствіе русскаго отряда могло въ значительной степени поднять духъ непріятеля, то Зубовъ предписалъ Савельеву отойти отъ города и ожидать главный корпусъ гдѣ нибудь на крѣпкой позиціи. 2-го мая главнокомандующій подошелъ къ Дербенту уже со всѣми войсками. Верстахъ въ четырехъ отъ города казаки его были встрѣчены огнемъ дербентскихъ наѣздниковъ и пѣшими стрѣлками, засѣвшими по горамъ и оврагамъ. Послѣ перестрѣлки, продолжавшейся болѣе трехъ часовъ, непріятель былъ оттѣсненъ и заперся въ крѣпость, а русскія войска обложили городъ и открыли по немъ канонаду.

Дѣйствіе тогдашней полевой артиллеріи противъ каменныхъ стѣнъ оказалось однакоже мало дѣйствительнымъ, и потому главнокомандующій, чтобы выиграть время, приказалъ батальону Воронежскаго полка, вмѣстѣ съ двумя гренадерскими ротами изъ отряда Савельева, взять штурмомъ передовую башню. Несмотря на отчаянную храбрость солдатъ, штурмъ былъ отбитъ. Командиръ батальона полковникъ Кривцовъ и почти всѣ офицеры были переранены; нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя болѣе ста человѣкъ,—и генералъ Римскій-Корсаковъ вынужденъ былъ отступить на прежнюю позицію.

3-го мая началось усиленное бомбардированіе города. Пять дней гремѣли наши орудія, а между тѣмъ войска готовились ко вторичному штурму, который долженъ былъ повести генералъ Булгаковъ.

На этотъ разъ въ составъ штурмовой колонны назначены были тѣ же двѣ гренадерскія роты Воронежскаго полка и третій батальонъ кавказскаго егерскаго корпуса. 7-го мая графъ Зубовъ лично объѣхалъ отрядъ и объявилъ, что „башню надо взять непремѣнно, что штурмъ произойдетъ на глазахъ всего Дербента и неудача можетъ повлечь за собою торжество персіянъ, которые издревле привыкли трепетать передъ русскимъ именемъ". Потомъ онъ сталъ на высокомъ курганѣ, откуда могъ видѣть всѣ подробности боя, и приказалъ ударить наступленіе.

Одушевленные присутствіемъ любимаго вождя, воронежцы, не отвѣчая на огонь непріятеля, быстро приблизились къ башнѣ, а черезъ нѣсколько минутъ поручикъ Чекрышевъ уже былъ на ея стѣнахъ,—и закипѣла кровавая битва. Защитники верхняго яруса были всѣ переколоты; тогда нападающіе живо разобрали половицы и вмѣстѣ съ досками и балками обрушились въ нижній этажъ на головы враговъ, которыхъ и истребили штыками.

Пока гренадеры бились внутри башни, батальонъ егерей, стремительно атаковавъ наружную ограду, выгналъ изъ нея персіянъ, и такимъ образомъ около полудня всѣ передовыя укрѣпленія были окончательно взяты. Это дозволило русскимъ войскамъ въ тотъ же день спуститься внизъ съ каменныхъ высотъ и заложить траншеи въ весьма близкомъ разстояніи отъ города. Новое, двухдневное жестокое бомбардированіе поколебало наконецъ упорный духъ защитниковъ Дербента; 10-го мая на крѣпостной стѣнѣ былъ выкинутъ бѣлый флагъ, а вслѣдъ затѣмъ и гордый Шейхъ-Али-ханъ явился въ лагерь въ униженномъ видѣ, съ повѣшенною на шею саблею. Жители просили пощады и, бросая оружіе, толпами выходили навстрѣчу русскимъ войскамъ. При появленіи главнокомандующаго вся масса народа покорно и безмолвно стала на колѣни. Сѣдой 120-лѣтній старецъ привѣтствовалъ побѣдителя короткою рѣчью и поднесъ ему на блюдѣ серебряные ключи отъ города. Это былъ тотъ самый старикъ, который, за 74 года передъ этимъ, поднесъ тѣ же ключи и на томъ же самомъ мѣстѣ императору Петру Великому.

Взятіе Дербента стоило русскимъ 11 офицеровъ и 107 нижнихъ чиновъ, а взято было въ крѣпости 28 орудій, 5 знаменъ и

11000 разнаго оружія. Въ тотъ же день комендантомъ Дербентской крѣпости назначенъ былъ генералъ-маіоръ Савельевъ, и четыре батальона вступили въ цитадель съ распущенными знаменами, музыкой и барабаннымъ боемъ. Но торжественный въѣздъ Зубова былъ отложенъ на нѣсколько дней, необходимыхъ для приведенія города въ порядокъ. 13-го мая главнокомандующій, сопровождаемый большимъ эскортомъ, наконецъ, выѣхалъ изъ лагеря по направленію къ городу, и съ крѣпостной стѣны загремѣли въ честь его русскія пушки. Почетнѣйшіе беки и старшины Дербента встрѣтили его у воротъ и привѣтствовали хлѣбомъ и солью. Тутъ же стояло армянское духовенство и собраны были муллы для приведенія жителей къ присягѣ русской императрицѣ. Окруженный блестящею свитой, графъ Зубовъ проѣхалъ черезъ городъ, богато украшенный персидскими коврами и флагами, прямо къ ставкѣ Савельева, гдѣ была поставлена походная церковь, и здѣсь, въ стѣнахъ завоеваннаго города, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ за дарованную намъ побѣду, а затѣмъ Дербентъ торжественно объявленъ присоединеннымъ къ Россійской имперіи.

Лишенный владѣнія, Шейхъ-Али-ханъ остался въ русскомъ лагерѣ почетнымъ плѣнникомъ. Онъ пользовался, однакоже, слишкомъ большою свободою, и на его сношенія съ туземцами никто не обращалъ вниманія. А между тѣмъ, подъ личиною чистосердечной преданности русскимъ, Шейхъ-Али дѣятельно подготовлялъ себѣ всѣ способы къ побѣгу. Однажды, восхищая всѣхъ лихою джигитовкой, онъ вдругъ поскакалъ на крутую гору, гдѣ виднѣлись какіе-то конные люди, и джигитовка обратилась въ настоящее бѣгство. Напрасно дежурный офицеръ тотчасъ же послалъ въ погоню казаковъ, они не попали на слѣдъ,—и ханъ исчезъ, можно сказать, на глазахъ цѣлой арміи. Побѣгу этому сначала не придали большого значенія, но вскорѣ Шейхъ-Али явился въ Дагестанъ и, какъ увидимъ, надѣлалъ много хлопотъ не только Зубову, но и его преемникамъ.

За покореніе Дербента императрица пожаловала Зубову: Георгія 2 класса, бриллiантовое перо на шапку и алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго; всѣ генералы, участвовавшіе въ этой экспедиціи, получили анненскія ленты, а поручикъ Чекры-

шевъ, какъ первый вошедшій на башню, награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени.

Молва о паденіи Дербента быстро распространилась по всему Дагестану, и горскіе владѣльцы, наперерывъ другъ передъ другомъ, спѣшили въ лагерь съ изъявленіями покорности.

Почти одновременно со взятіемъ Дербента особый отрядъ генералъ-маіора Рахманова занялъ Баку, а генералъ Булгаковъ овладѣлъ Кубинскимъ ханствомъ. Между тѣмъ главныя силы, простоявъ подъ стѣнами Дербента около двухъ недѣль, также двинулись дальше и покорили Шемаху, владѣтель которой, Мустафа ханъ ширванскій, впослѣдствіи оказавшій русскимъ истинныя услуги, теперь бѣжалъ къ персіянамъ.

Зубовъ возстановилъ спокойствіе въ городѣ, а ханство передалъ въ управленіе родному дядѣ хана Кассиму, выражавшему русскимъ совершенную преданность, — и, конечно, не преминувшему взбунтоваться при первой же возможности.

Нужно сказать, что измѣна давно уже свила себѣ гнѣздо въ самомъ русскомъ лагерѣ. Братъ шаха, Нури-Али-ханъ, владѣтель одной изъ богатѣйшихъ прикаспійскихъ провинцій, боясь мести Аги-Магомета за то, что не хотѣлъ уступить ему жеребца, купленнаго за 4000 червонцевъ, за годъ передъ тѣмъ бѣжалъ въ Петербургъ, и просилъ о заступничествѣ. Когда графъ Зубовъ прибылъ въ Кизляръ, въ качествѣ главнокомандующаго, съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ и Нури, разсчитывавшій, въ случаѣ успѣха русскихъ, сѣсть на персидскомъ престолѣ. Ему оказывались въ русскомъ лагерѣ всевозможныя почести: онъ имѣлъ особую свиту, простиравшуюся до ста человѣкъ персіянъ, и получалъ значительное содержаніе отъ русскаго правительства; кромѣ того, Зубовъ подарилъ ему всѣ драгоцѣнности, оставленныя въ лагерѣ дербентскимъ ханомъ. Богатства и почести не сдѣлали однакоже Нури лучше и благодарнѣе; какъ истый персіянинъ, онъ не имѣлъ никакого понятія о нравственномъ благородствѣ и былъ всегда готовъ на самую коварную измѣну.

Въ это время шекинскій и карабагскій ханы, устрашенные участью Ширванской области, заключили тайный договоръ дѣйствовать сообща въ борьбѣ съ русскими, а къ нимъ скоро при-

соединился и старый Кассимъ-ханъ. Нури, подкупленный, какъ говорятъ, красотою дочери карабагскаго хана, славившейся тогда въ Закавказьѣ, принялъ участіе въ заговорѣ, взявши на себя обязанность убить графа Зубова. Уже былъ назначенъ день, въ который Нури долженъ былъ проникнуть въ ставку главнокомандующаго и, пользуясь тѣмъ, что Зубовъ никогда не держалъ около себя никакихъ охранныхъ карауловъ, собственною рукою поразить его кинжаломъ. Смерть юнаго полководца должна была послужить сигналомъ къ общему нападенію на лагерь и доставить ханамъ побѣду, а Нури,—обладаніе первѣйшею карабагскою красавицей.

Счастливый случай открылъ этотъ страшный заговоръ. Утромъ того дня, когда Зубовъ долженъ былъ погибнуть, Нури, джигитовавшій на своемъ любимомъ конѣ, сронилъ съ головы папаху, изъ которой выпала записка. Ее нашелъ казакъ и немедленно представилъ главнокомандующему. То было письмо одного изъ заговорщиковъ. Нури тотчасъ арестовали и отправили въ Астрахань, а русскія войска немедленно заняли Шекинское и Карабагское ханства. Зубовъ не находилъ прямыхъ уликъ къ обвиненію хановъ въ заговорѣ, а потому и сохранилъ за ними власть и званіе правителей, однакоже заставилъ ихъ дать аманатовъ и присягнуть па подданство Россіи.

Едва разсѣялась собиравшаяся гроза надъ главнымъ станомъ, какъ черныя тучи стали подниматься на русскихъ со стороны Дагестана. Бѣжавшій туда Шейхъ-Али-ханъ успѣлъ взволновать умы легковѣрныхъ горцевъ и, заключивъ союзъ съ Сурхаемъ-ханомъ казикумыкскимъ, рѣшился внезапно напасть на г. Кубу и истребить отрядъ генерала Булгакова.

Въ ночь на 29 сентября значительное скопище горцевъ скрытно передвинулось съ этой цѣлью съ Самура въ селеніе Алпаны и захватило входъ въ узкое ущелье, по которому только и можно было спуститься съ горъ на равнину Кубинскаго ханства. Булгаковъ во-время узналъ о грозящей опасности. Рота егерей, отправленная на развѣдки подъ командою капитана Семенова, открыла непріятеля въ Алпанскомъ ущельѣ, и остановилась въ ожиданіи помощи. Скоро къ ней подошелъ подполковникъ Бакунинъ съ тремя

ротами того же батальона, съ казачьей сотней и двумя орудіями. Ущелье, передъ которымъ стоялъ русскій отрядъ, было сплошь покрыто дремучимъ чинаровымъ лѣсомъ. Несмотря на то, Бакунинъ рѣшился идти впередъ, чтобы передъ свѣтомъ атаковать непріятеля. Офицеры одобрили это намѣреніе, и въ темную непроглядную ночь батальонъ втянулся въ лѣсное дефиле, которое черезъ нѣсколько часовъ должно было стать его могилою. Дорога шла по какимъ-то косогорамъ, ямамъ и рытвинамъ, а во многихъ мѣстахъ совершенно пересѣкалась непроходимыми дебрями. Измученныя лошади едва подвигали орудія, и людямъ приходилось тащить ихъ на себѣ, задерживая движеніе отряда.

Начинался разсвѣтъ, когда показалось наконецъ селеніе Алпаны, расположенное на покатости горы, очерченной глубокимъ оврагомъ. Дорога становилась лучше. Но едва отрядъ сталъ выходить изъ лѣсу, какъ горцы, въ числѣ 15 тысячъ, вдругъ ринулись на него изъ оврага. Атака была неожиданна и такъ стремительна, что русскія орудія не успѣли сдѣлать ни одного выстрѣла, какъ уже были захвачены горцами. Непріятель окружилъ отрядъ со всѣхъ сторонъ, — и началось безпощадное истребленіе его. Бакунинъ, Семеновъ и большинство офицеровъ были убиты; остатки, уцѣлѣвшіе отъ этой рѣзни, успѣли скрыться за сложенными бревнами, и здѣсь отбивались до тѣхъ поръ, пока не пришелъ къ нимъ на помощь весь Углицкій пѣхотный полкъ съ четырьмя орудіями подъ командой полковника Стоянова. Увлеченные боемъ, горцы замѣтили новый русскій отрядъ только тогда, когда картечь хватила въ самую середину ихъ скопища. Застигнутые врасплохъ, они, въ свою очередь, были окружены и разбиты на голову. Булгаковъ, не довольствуясь этимъ, приказалъ наказать казикумыкскаго хана полнымъ опустошеніемъ его владѣній, и войска со всѣхъ сторонъ уже двинулись въ горы, когда Сурхай явился въ лагерь съ повинной головою, и отклонилъ грозу безусловнымъ исполненіемъ всѣхъ предписанныхъ ему условій. Онъ выгналъ изъ своихъ владѣній Шейхъ-Али-хана, далъ аманатовъ и со всѣмъ народомъ присягнулъ на подданство Русской государынѣ.

Истребленіе отряда Бакунина было однако признано побѣдой,

и Тегеранъ, по приказанію Аги-Магомета-хана, торжествовалъ ее иллюминаціей *).

Всѣ эти происшествія задержали главный русскій корпусъ въ Шемахѣ почти на шесть недѣль. Только по усмиреніи Дагестана, Зубовъ нашелъ возможнымъ отправить наконецъ трехтысячный отрядъ, подъ командой генерала Корсакова, вверхъ по Курѣ, на помощь къ грузинскому царю Ираклію, поручивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ покорить по пути Ганжинское ханство.

Корсаковъ подошелъ къ Ганжѣ 13-го декабря и встрѣченъ былъ ханомъ, который сдался безъ сопротивленія. То былъ Джаватъ-ханъ, участникъ тифлисскаго погрома, впослѣдствіи знаменитый отчаянною защитой противъ князя Циціанова.

Одновременно съ движеніемъ Корсакова къ Ганжѣ, и главныя русскія силы перешли къ урочищу Джеватъ, лежавшему при самомъ сліяніи рѣкъ Куры и Аракса. Здѣсь графъ Зубовъ рѣшилъ заложить укрѣпленный городъ, который онъ хотѣлъ назвать Екатериносердомъ; а въ ожиданіи этого, войска стояли бивуакомъ, занимая обширную, примыкавшую къ лѣвому берегу Куры, равнину, за которой уже начиналась Муганская степь. Вся иррегулярная кавалерія, подъ начальствомъ Платова, была переброшена на ту сторону рѣчки и высылала разъѣзды почти до самаго Гиляна; но непріятеля нигдѣ не было видно. Шахъ былъ въ походахъ, и русскимъ оставалась полная свобода распоряжаться въ сопредѣльныхъ съ Персіею мусульманскихъ ханствахъ. Такъ въ короткое время были покорены Россіи ханства: Казикумыкское, Дербентское, Бакинское, Кубинское, Ширванское, Карабагское, Шекинское и Ганжинское, и весь берегъ Каспійскаго моря, отъ

*) Замѣтимъ, что въ корпусѣ графа Зубова находился въ то время и Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, тогда еще капитанъ артиллеріи, командовавшій одною изъ батарей при осадѣ Дербента. Разсказываютъ, что когда Бакунина командировали съ батальономъ въ горы, Ермоловъ настойчиво просился въ этотъ батальонъ охотникомъ. «Погоди, Алексѣй Петровичъ»,—сказалъ ему генералъ Булгаковъ, —тебѣ еще будетъ время»,—и оставилъ его при главной квартирѣ. Такъ, само Провидѣніе сохранило Ермолова отъ неизбѣжной гибели. Отрядъ Бакунина весь былъ истребленъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ конечно погибъ бы и тотъ, кому суждено было впослѣдствіи занять такое славное и видное мѣсто въ исторіи покоренія Кавказа.

устьевъ Терека до устьевъ Куры, былъ занятъ русскими войсками, расположившимися также и на Муганской степи. Весь Адербейджанъ лежалъ передъ ними незащищенный; дорога къ Тегерану была открыта и передовые русскіе посты уже появлялись въ Гилянѣ.

Война была выиграна. Оставалось только воспользоваться ея результатами—утвердить за собою обширныя пріобрѣтенія, доставшіяся намъ почти безъ пролитія крови. Императрица очевидно и имѣла это въ виду, пожаловавъ Зубову чинъ генералъ-аншефа и назначивъ его намѣстникомъ Кавказскаго края, вмѣсто генерала Гудовича; но вдругъ, 6-го ноября она скончалась, и дѣла сразу приняли другой оборотъ.

Императоръ Павелъ Петровичъ, какъ извѣстно, не раздѣлялъ политическихъ видовъ своей великой матери, и съ ея кончиною политическая программа Россіи рѣзко и крупно перемѣняется. Война, начатая съ Персіей, также не входила въ виды новаго императора, а потому въ началѣ декабря 1796 года всѣ полковые командиры внезапно получили именные высочайшіе указы немедленно возвратиться со ввѣренными имъ полками въ наши границы. 6-го декабря намѣстникъ Кавказа графъ Зубовъ собралъ къ себѣ всѣхъ частныхъ начальниковъ и, объявивъ имъ высочайшую волю, сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго. Кавказскую линію онъ сдалъ по прежнему графу Гудовичу—теперь любимцу новаго государя, а самъ былъ уволенъ въ отставку. Ермоловъ, бывшій въ этой экспедиціи батарейнымъ командиромъ, вспоминая о знаменитомъ отступленіи, рисуетъ передъ нами картину далеко не привлекательнаго свойства. Полки, по его словамъ, возвращались по одиночкѣ, каждый самъ по себѣ, и выходили на Терекъ, гдѣ ихъ ожидалъ своенравный Гудовичъ, пылавшій гнѣвомъ за то, что не ему ввѣрено было начальство надъ экспедиціоннымъ корпусомъ. Избѣгая съ нимъ встрѣчи многіе, и въ томъ числѣ самъ Ермоловъ, пробрались степью прямо на Астрахань. Въ Грузіи остался только небольшой отрядъ генерала Римскаго-Корсакова, зимовавшій въ Ганжѣ, но и тотъ, въ началѣ 1797 года, воротился на линію, пройдя

окольнымъ путемъ черезъ Дарьяльское ущелье. Такъ закончился персидскій походъ, начатый блистательнымъ успѣхомъ, и окончившійся возвращеніемъ персидскому шаху всѣхъ покоренныхъ земель.

Персидскій историкъ такъ описываетъ это событіе: „Монархиня—говоритъ онъ — назначила главнокомандующимъ посылаемаго ею войска начальника, у котораго одна нога была оторвана ядромъ, а вмѣсто нея сдѣлана золотая, почему его и прозвали кизылъ-аягъ, т. е. золотоногій. Ему поручено было въ командованіе 40,000 пѣхоты и 20,000 конницы, съ несмѣтною артиллеріею. По прибытіи къ Дербенту, онъ хотѣлъ овладѣть имъ, разгромивъ ядрами его стѣны. Но какъ стѣны были прочнѣе, шире и толще скалы, то ядра не произвели въ нихъ ни малѣйшаго вреда. При этомъ Шейхъ-Али-ханъ дербентскій множество людей покрылъ кровью (т. е. убилъ), но ему измѣнилъ нѣкто Хазаръ-бекъ и русскіе взяли городъ. Кизылъ-аягъ явился на Муганской степи. Шахъ, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ къ Ардебилю съ безчисленною арміею, покрывшею всѣ горы и долины, и съ такимъ торжествомъ выступилъ противъ врага, что кизылъ-аягъ потерялъ всякую надежду къ спасенію. А потому, видя себя, подобно воробью въ когтяхъ ястреба, или ягненку въ объятіяхъ волка, онъ совершенно потерялся, не зная что предпринять. Вдругъ пришло извѣстіе, что солнце-шапочная (Хуршидъ-кулагъ) монархиня скончалась. Пользуясь этимъ случаемъ, кизылъ-аягъ поспѣшилъ въ Россію, бросивъ на произволъ судьбы весь обозъ, который сдѣлался добычею шахскихъ войскъ—милость великаго и всемогущаго Аллаха!»

Несчастная Грузія опять была предоставлена ея собственной участи; и только смерть Ага-Магомета-хана избавила ее отъ новаго страшнаго нашествія.

А виновникъ персидскихъ побѣдъ, графъ Зубовъ, отставленный отъ службы, жилъ нѣкоторое время подъ присмотромъ полиціи въ своихъ имѣніяхъ въ Курляндіи. Впослѣдствіи, въ 1800 году, онъ снова былъ принятъ на службу съ чиномъ генерала отъ инфантеріи и назначенъ сперва директоромъ 2-го ка-

детскаго корпуса,—а потомъ членомъ государственнаго совѣта. Въ этомъ званіи графъ и умеръ 21 іюня 1804 года на тридцать четвертомъ году отъ рожденія. Прахъ графа Валеріана Александровича покоится въ Сергіевской пустыни, близъ Петергофа. Надъ его могилой впослѣдствіи воздвигли каменную церковь во имя мученика Валеріана, а при ней устроили особое помѣщеніе для 30 солдатъ-инвалидовъ.

XXIII.

Присоединеніе Грузіи.

(Кноррингъ и Лазаревъ).

По смерти Ираклія II, Грузія, только что выстрадавшая погромъ Аги-Магомета-хана, осталась въ самомъ бѣдственномъ положеніи, угрожаемая новыми вторженіями турокъ, персовъ и лезгинъ, а внутри раздираемая смутами и борьбой за престолонаслѣдіе. Законнымъ наслѣдникомъ Ираклія остался старшій сынъ его отъ второго брака, Георгій XIII,—уже съ давнихъ поръ по праву царь карталинскій. Еще дѣдъ его, Теймуразъ, уѣзжая въ Петербургъ, передалъ царевичу Георгію скипетръ Карталинскаго царства, опоясалъ его царскимъ мечомъ и возложилъ на него крестъ съ частицами животворящаго древа на золотой цѣпи, украшенной драгоцѣнными камнями и жемчугомъ,—и эта передача совершилась торжественно, въ Мцхетскомъ соборѣ, въ присутствіи духовенства, князей и дворянъ Карталиніи. Но, какъ извѣстно, Ираклій присоединилъ тогда и Карталинію подъ свое непосредственное управленіе.

Георгій наслѣдовалъ лучшія свойства своего отца, и могъ бы

доставить благоденствіе странѣ, не поставленной въ столь тяжкія условія, какъ Грузія. Будучи царевичемъ, онъ пользовался уже большой популярностью, которую увеличила еще его первая жена, заслужившая рѣдкую народную привязанность. Георгій женился двадцати одного года отъ роду на 13-лѣтней Кетевани, дочери казахскаго моурава Андроника — Швили, при обстоятельствахъ нѣсколько романическаго характера.

Разсказываютъ, что когда Георгій посѣтилъ Кахетію и былъ въ гостяхъ у моурава, случилась тревога: лезгины показались на Алазани. Молодой Ревазъ Андроникъ во время преслѣдованія непріятеля былъ раненъ въ колѣно,—но имѣлъ мужество выказать это только по возвращеніи домой. Георгій былъ въ восторгѣ отъ легендарной храбрости и благороднаго характера князя и тутъ же просилъ руки Кетевани—его сестры, такъ какъ отца дѣвицы тогда въ живыхъ уже не было. Эта невѣста Георгія и была та самая неустрашимая героиня, упоминаемая грузинскими лѣтописцами, которая, сдѣдуя въ Карталинію въ сопровожденіи трехсотъ кахетинскихъ всадниковъ, имѣла значительную стычку въ Гартискарскихъ тѣснинахъ съ сильною лезгинскою партіею. Неустрашимая дѣвушка сама начальствовала тогда отрядомъ и разбила лезгинъ, трижды укрѣплявшихся. Когда послѣ того она прибыла въ Тифлисъ, Ираклій принялъ ее съ большимъ торжествомъ, пушечною пальбою и иллюминаціею. Это было въ 1778 году. Бракъ царевича торжествовала вся Грузія, но къ сожалѣнію Георгій не долго наслаждался своимъ семейнымъ счастіемъ. Черезъ четыре года Кетевань скончалась. Съ большою пышностью, какъ разсказываютъ о томъ современники, совершилось погребеніе безвременно угасшей царевны, составлявшей красу царскаго дома и гордость грузинскаго народа. Георгій пожелалъ предать ея тѣло землѣ въ монастырѣ Гареджійской пустыни. Былъ іюнь мѣсяцъ; печальная вѣсть пронеслась по цѣлой Грузіи и народъ со всѣхъ сторонъ началъ стекаться на погребеніе любимой царевны. Три митрополита со своими знаменами и хоругвями встрѣтили усопшую на самой границѣ Гареджійской лавры. Плачъ и рыданія, сливаясь со звуками печальныхъ погребальныхъ гимновъ, раздавались по всей безмолвной степи Караясской, обитаемой лишь быстрыми

джейранами. Отшельники, съ ранняго дѣтства покинувшіе міръ и его суету, глядѣли изумленными очами на это внезапное проявленіе житейскаго шума, сопровождаемаго царскою пышностью. Но не долго развлекался ихъ непривычный слухъ,—медленно подвигавшіеся бренные останки усопшей краснорѣчиво говорили имъ о тщетѣ всего земного, о конечномъ исходѣ силы и славы человѣческой.

Тогда-то—говорятъ—Ираклій, въ порывѣ печали, произнесъ надъ гробомъ усопшей пророческое слово: „Вотъ когда погибъ домъ мой"!

Георгій вдовѣлъ не долго, и въ томъ же году женился во второй разъ на княжнѣ Маріи Циціановой — блиставшей тогда красотою, но не имѣвшей, какъ увидимъ, того благотворнаго вліянія, какимъ отличалась такъ рано скончавшаяся царевна Кетевань—любимица Грузіи.

Вступивъ на престолъ, Георгій не имѣлъ достаточной силы и твердости противостоять процвѣтавшей кругомъ его внутренней смутѣ. Его мачиха, царица Дарья, заставившая еще Ираклія раздѣлить все царство на удѣлы не въ пользу Георгія и его потомства, теперь сдѣлалась центромъ интригъ и строила козни съ цѣлію вовсе устранить отъ престола потомство Георгія. Она и сыновья ея не хотѣли признавать верховной власти царя и искали покровительства въ Персіи.

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, чтобы успокоить наконецъ родину, истомленную непосильною борьбою съ врагами, и вмѣстѣ съ тѣмъ предвидя всю трудность удержать престолъ за своимъ домомъ, Георгій просилъ императора Павла I-го принять Грузію въ вѣчное русское подданство и прислать войска для защиты ея отъ враговъ и внѣшнихъ и внутреннихъ.

Императоръ повелѣлъ командующему кавказской линіей генералъ-лейтенанту Кнорринту отправить въ Тифлисъ 17-й егерскій (нынѣ Лейбъ-Эриванскій) полкъ, подъ командой генералъ-маіора Лазарева. Вмѣстѣ съ полкомъ, осенью 1799 года, для постояннаго пребыванія въ Грузіи, въ качествѣ полномочнаго министра, отправился и статскій совѣтникъ Коваленскій, везшій царю корону и прочіе знаки царской инвеституры, такъ какъ всѣ дра-

гоцѣнныя регаліи, употреблявшіяся при коронаціи грузинскихъ царей, были похищены во время нашествія Аги-Магомета-хана.

Несмотря на позднее время года, на стужу и снѣговыя мятели, свирѣпствовавшія на перевалѣ чрезъ главный Кавказскій хребетъ, полкъ благополучно совершилъ трудный походъ, и 26 ноября, въ самый день тезоименитства Георгія, подошелъ къ Тифлису. Встрѣча его сопровождалась необычайною торжественностію. Самъ царь вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола, царевичами и многочисленною свитою принялъ его съ хлѣбомъ и солью за городскою заставою. Полкъ сдѣлалъ при этомъ,—какъ доносилъ Коваленскій—„фигуру преизрядную", и вступилъ въ Тифлисъ при громѣ пушекъ и колокольномъ звонѣ. Весь путь, по которому двигался полкъ, и самыя улицы города были запружены массой народа, а окна и плоскія кровли тифлисскихъ домовъ—усѣяны зрителями. Народъ ликовалъ сердечно и искренно.

Справедливость требуетъ однако сказать, что, несмотря на столь радушный пріемъ, положеніе русскаго полка въ Тифлисѣ, особенно на первыхъ порахъ, было до крайности печально. Благодаря безпорядкамъ и злоупотребленіямъ въ грузинской администраціи, солдаты встрѣчали нужду въ самомъ необходимомъ, не только не имѣли квартиръ, но по нѣскольку дней оставались даже безъ дровъ и безъ пищи. Лазаревъ лично говорилъ объ этомъ царю, но распоряженія послѣдняго никѣмъ не исполнялись.—„Здѣсь все идетъ, какъ у насъ въ присутственныхъ мѣстахъ—писалъ по этому поводу Лазаревъ къ Кноррингу:—тамъ все *завтра*, а здѣсь *икнеба*, т. е. будетъ, но отъ этого ничего не бываетъ".

Съ приходомъ полка, Тифлисъ началъ готовиться къ торжественному дню коронаціи послѣдняго грузинскаго царя Георгія XIII.

За нѣсколько дней всѣ царскія регаліи были перенесены изъ дома Коваленскаго въ царскій дворецъ, при огромномъ стеченіи народа, съ изумленіемъ смотрѣвшаго на невиданную ими пышность церемоніи. Окруженные почетнымъ конвоемъ, русскіе чиновники и офицеры, имѣя по сторонамъ ассистентовъ, несли: малиновый бархатный тронъ, украшенный массивными золотыми кистями, царское кресло, бѣлый государственный штандартъ съ

изображеніемъ двуглаваго россійскаго орла, богатое горностаевое платье, присланное царицѣ Маріи вмѣстѣ съ бриллiантовымъ букетомъ, государственный мечъ, царскую порфиру съ вышитыми на ней грузинскими и русскими гербами, корону, скипетръ и державу, осыпанные драгоцѣнными камнями и, наконецъ, три бриллiантовые ордена, изъ которыхъ Андреевскій предназначался самому Георгію, Екатерининскій—царицѣ Маріи и Анненскій—наслѣднику престола царевичу Давиду. Въ заключеніе всего на серебряномъ блюдѣ несли Высочайшую грамоту, которою Георгій утверждался на грузинскомъ престолѣ.

Едва окончилась процессія, какъ девять пушечныхъ выстрѣловъ съ Метехскаго замка дали знать народу, что началось парадное шествіе русскаго министра.

Имѣя впереди себя секретаря посольства, державшаго въ рукахъ кредитивную грамоту отъ императора Павла I-го, и предшествуемый царскими церемоніймейстерами, тифлисскими властями и хоромъ музыкантовъ, Коваленскій ѣхалъ верхомъ въ парадной одеждѣ, на богато убранномъ конѣ, по сторонамъ котораго шли грузинскіе чиновники, а сзади, замыкая шествіе, двигался блестящій конвой, составленный изъ царскихъ тѣлохранителей. У самаго дворцоваго подъѣзда Коваленскій былъ встрѣченъ важнѣйшими сановниками грузинскаго царства и въ сопровожденіи ихъ вошелъ въ пріемную залу, гдѣ ожидалъ его Георгій, окруженный министрами и царедворцами.

Послѣ короткой привѣтственной рѣчи къ царю, Коваленскій торжественно возвѣстилъ, что Всероссійскій императоръ Павелъ I-й принимаетъ Грузію подъ свой высочайшій покровъ, и утверждаетъ Георгія законнымъ преемникомъ грузинскаго царства, а старшаго сына его, свѣтлѣйшаго царевича Давида Георгіевича, будущимъ по немъ наслѣдникомъ. Затѣмъ послѣдовала церемонія передачи знаковъ царской инвеституры.

— „Исполненный благоговѣйныхъ чувствъ къ государю, моему повелителю,—сказалъ тогда Георгій:—я почитаю возможнымъ принять эти знаки царскаго достоинства неиначе, какъ учинивъ присягу на вѣрность императору и на признаніе его верховныхъ правъ надъ царями Кахетіи и Карталиніи“.—„Но я желаю, прибавилъ

Георгій:—чтобы этотъ обрядъ былъ совершенъ торжественно, въ храмѣ Божіемъ, съ приличнымъ празднествомъ и великолѣпіемъ".

— Долгомъ моимъ,—почтительно отвѣтилъ Коваленскій:—будетъ присутствовать при священномъ коронованіи вашего величества и отдать вамъ, какъ государю, приличныя почести отъ русскихъ войскъ, которыя прибыли въ вашу столицу на всегдашнее пребываніе.

Окончивъ рѣчь, Коваленскій передалъ Георгію Высочайшую грамоту и поднесъ знаки ордена Андрея Первозваннаго, которые царь тотчасъ же возложилъ на себя. Поздравивъ Георгія, министръ просилъ позволенія передать Анненскій орденъ наслѣднику Грузіи, царевичу Давиду, и остальные подарки прочимъ лицамъ царской фамиліи.

Царица Марія, не присутствовавшая при церемоніи, приняла Коваленскаго во внутреннихъ покояхъ, отмѣнивъ на этотъ разъ утвердившійся въ Грузіи азіятскій обычай, предписывающій лицамъ женскаго пола не показываться мужчинамъ безъ покрывала. Царица встрѣтила министра окруженная многими дамами въ богатыхъ платьяхъ, съ откинутыми назадъ покрывалами. Послѣ обычнаго привѣтствія, Коваленскій поднесъ ей бриллiантовый орденъ св. Екатерины, и по просьбѣ Георгія, самъ возложилъ его на царицу.

12-го декабря, въ день назначенный для коронаціи царя, опять съѣхались во дворецъ всѣ знатныя грузинскія и русскія особы. Предшествуемый придворными чинами, несшими передъ нимъ корону и скипетръ, царь отправился въ церковь вмѣстѣ съ своею супругою, которая была одѣта въ русскую горностаевую мантію. За ними, немного позади, шелъ Коваленскій рядомъ съ наслѣдникомъ престола, а далѣе прочіе члены царской фамиліи, князья, министры и сановники.

Послѣ обѣдни Георгій приказалъ прочесть Высочайшую грамоту, утверждающую его на престолѣ, и принялъ присягу на вѣрное подданство русскимъ государямъ. По окончаніи обряда, сопровождавшагося большою торжественностію, Георгій возложилъ на себя знаки царской инвеституры и возвратился во дворецъ, гдѣ, сидя на тронѣ, принялъ поздравленія отъ русскаго министра и сословныхъ представителей грузинскаго народа.

Такъ совершился актъ добровольнаго подчиненія грузинскаго царства Россійской имперіи.

Не лишнее будетъ прибавить, что присоединенная къ Россіи Грузія заключала въ себѣ въ то время Карталинію, Кахетію и часть Сомхетіи, дѣлившейся на Тріолетскую и Барчалинскую области; Грузіи же принадлежали тогда Казахская, Бомбакская и Шамшадальская провинціи, населенныя татарами, и земли горскихъ народовъ: осетинъ, тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ.

Признаніе наслѣдственныхъ правъ на престолъ исключительно въ родѣ Георгія было совершенно противно видамъ и желаніямъ вдовствующей царицы Дарьи и ея дѣтей. И вотъ, въ то самое время, когда Георгій и Давидъ присягали на вѣрность императору Павлу, и весь народъ грузинскій ликовалъ на улицахъ Тифлиса въ надеждѣ лучшихъ дней,—старая царица подбирала себѣ сообщниковъ и старалась увеличить партію недовольныхъ. И партіи эти росли, благодаря розни и неурядицамъ, царившимъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Грузіи.

Георгія окружали теперь два представителя Россіи, къ сожалѣнію, совершенно различные по характеру и нравственнымъ качествамъ. Во главѣ войска, присланнаго на защиту царя, стоялъ генералъ-маіоръ Лазаревъ, человѣкъ прямой, открытый и честный,—еще до назначенія въ Грузію успѣвшій снискать общее расположеніе своимъ благороднымъ характеромъ. Его военная карьера сдѣлана была безъ протекцій и покровительствъ, и ею онъ былъ обязанъ только личнымъ достоинствамъ. Происходя изъ родовыхъ дворянъ, и начавъ свою службу въ 1775 году капраломъ конной гвардіи, Иванъ Петровичъ Лазаревъ едва черезъ девять лѣтъ добился офицерскаго чина. Но съ этихъ поръ за то начинается его быстрое служебное возвышеніе. Отличія, оказанныя имъ въ финляндской войнѣ, потомъ на Кавказѣ при штурмѣ Анапы и взятіи Дербента, обратили на него такое вниманіе начальства, что когда, по повелѣнію императора Павла, въ 1797 году, изъ частей Кубанскаго и Кавказскаго егерскихъ корпусовъ, сформированъ былъ новый 17 егерскій полкъ, Лазаревъ назначенъ былъ его шефомъ и на четырнадцатомъ году офицерской службы произведенъ въ генералы. Суровый воинъ, привыкшій довольствоваться малымъ, Лазаревъ

высоко и честно держалъ русское знамя въ чужой землѣ и внушалъ грузинамъ невольное уваженіе къ русскому имени. Напротивъ, его товарищъ, Коваленскій, представитель политики и внутренняго управленія царствомъ, былъ человѣкъ не чистосердечный, склонный къ искательствамъ и мелко-честолюбивый. Опутывая царя тонкою сѣтью интригъ, онъ вмѣшивался во всѣ его распоряженія и ставилъ на первый планъ личные свои интересы. Его характеръ ясно обрисовывается слѣдующимъ фактомъ. Узнавши, что царь назначилъ Лазареву равный съ нимъ окладъ столовыхъ денегъ, по десяти рублей въ сутки, онъ почелъ возможнымъ замѣтить царю несообразность подобнаго назначенія и настоятельно требовалъ себѣ, какъ представителю государя, двойного оклада. Лазаревъ, очевидно возмущенный такою наглой и мелочною претензіей, вовсе отказался отъ своего содержанія, и Коваленскій, не имѣвшій уже болѣе повода къ жалобамъ, долженъ былъ остаться при своихъ десяти рубляхъ. Тогда онъ потребовалъ, чтобы ему, какъ представителю Россіи, войска отдавали почести. Лазаревъ отвѣчалъ, что „по уставу штатскимъ чести не положено, и что о подчиненіи его, командующаго войсками въ Грузіи, гражданскому чиновнику не можетъ быть и рѣчи". Начались пререканія и споры. А царевичи пользовались этимъ и волновали народъ, накликая на Грузію новыя бѣды со стороны ея исконныхъ враговъ, персіянъ и лезгинъ.

Одинъ изъ братьевъ Георгія, Александръ Иракліевичъ, оставленный новымъ царемъ безъ удѣла, потребовалъ себѣ Казахскую провинцію, которая по грузинскому обычаю не могла принадлежать никому, кромѣ самого царя. Получивъ отказъ, Александръ, жившій въ Шулаверахъ, откочевалъ къ турецкой границѣ, а оттуда тайно перебрался въ персидскій лагерь, гдѣ ему оказали самый радушный пріемъ. Узнавъ объ этомъ, вдовствующая царица и ея сыновья также начали искать покровительства персіянъ, которые только и ждали случая, чтобы вмѣшаться въ дѣла грузинскаго царства. Для Персіи все это было чрезвычайно важно потому, что правитель ея Баба-Ханъ, ставшій послѣ смерти Аги-Магомета шахомъ, не могъ быть признанъ въ этомъ званіи подвластными ему народами до тѣхъ поръ, пока въ торжественный

день коронаціи они, по обычаю, не увидали бы подлѣ своего властителя въ числѣ прочихъ валіевъ и грузинскаго царя, стоящаго съ шахскимъ мечомъ у подножія трона *).

Скоро въ Тифлисѣ явилось и персидское посольство. Георгій принялъ его не во дворцѣ, а въ домѣ русскаго министра, стоя подъ большимъ портретомъ императора Павла, у подножія котораго поставленъ былъ грузинскій тронъ съ сложенными на немъ короною, скипетромъ и державою, а по сторонамъ — грузинскіе сановники держали порфиру и царскій штандартъ.

На заявленіе персидскаго посла, что онъ желалъ бы имѣть секретное свиданіе съ царемъ, Георгій отвѣчалъ, что, находясь подъ покровительствомъ Россіи, онъ ни въ какіе секретные переговоры безъ русскаго министра вступать не желаетъ. Тогда посолъ объявилъ уже прямо, что шахъ, считая Грузію древнимъ достояніемъ своихъ предковъ, требуетъ полнаго ея подчиненія себѣ и что „царю остается только покориться, чтобы не подпасть горшей прежняго участи".

— Я не могу не удивляться вашимъ словамъ,—отвѣчалъ на это Коваленскій:—вы какъ будто совершенно забыли о томъ покровительствѣ, которое русскій императоръ оказываетъ Грузіи.

—„Я объ этомъ помню,—отвѣчалъ посланникъ: — но подаю совѣты единственно изъ усердія къ царю, потому что непріятель приближается уже къ границамъ его владѣній".

— Россія,—возразилъ Коваленскій: — не имѣетъ у себя въ здѣшнихъ странахъ непріятелей, но съ тѣми, кто дерзнетъ возстать противъ покровительствуемыхъ ею народовъ, она съумѣетъ управиться.

На этомъ переговоры окончились.

Между тѣмъ измѣна царевича и домогательства шаха дали Георгію справедливый поводъ опасаться новаго нашествія, тѣмъ болѣе, что непріятель вошелъ уже въ Эриванскую область и рас-

*) Всѣхъ валіевъ или намѣстниковъ персидскихъ было четыре и изъ нихъ во время коронаціи: гурджистанскій (грузинскій) обязанъ былъ держать шахскій мечъ, арабистанскій—драгоцѣнное перо изъ шапки, замѣняющее собою корону, лористанскій—порфиру и курдистанскій—особое украшеніе, состоящее изъ двухъ убранныхъ алмазами перевязей.

пускалъ слухъ, что идетъ на Тифлисъ съ единственною цѣлію возвести на престолъ царевича Александра.

Чтобы успокоить встревоженныхъ жителей, Георгій обратился къ императору Павлу съ просьбою о помощи, и государь приказалъ отправить къ нему съ кавказской линіи еще Кабардинскій пѣхотный полкъ, подъ командой генералъ-маіора Гулякова.

Прибытіе полка было какъ нельзя болѣе кстати, потому что Тифлису дѣйствительно угрожала серьезная опасность со стороны Омаръ-хана аварскаго, того самаго, который нѣсколько лѣтъ назадъ разорилъ всю Грузію, и теперь съ 20-тысячнымъ скопищемъ горцевъ опять приближался къ границамъ Кахетіи.

Омаръ былъ человѣкъ предпріимчивый, отважный и храбрый до дерзости. Собственныя его владѣнія были не велики, но велико было то значеніе, которымъ онъ пользовался во всемъ Дагестанѣ, гдѣ по малѣйшему знаку его поднимался весь сбродъ горскихъ хищниковъ, слѣпо вѣрившихъ въ неизмѣнное счастіе своего любимаго вождя.

Извѣстіе о приближеніи Омара произвело всеобщее смятеніе въ Грузіи. Но въ то время какъ самая столица готовилась уже искать спасенія въ бѣгствѣ, Лазаревъ и Гуляковъ съ двумя батальонами русской пѣхоты поспѣшно двигались навстрѣчу непріятеля. Въ Сигнахѣ къ отряду присоединилась грузинская милиція царевичей Баграта и Іоанна, въ три тысячи человѣкъ, и 5-го ноября 1800 года Лазаревъ уже стоялъ въ 6-ти верстахъ отъ непріятельскаго стана. Но Омаръ ночью обошелъ русскій лагерь и двинулся прямо къ Тифлису. Тогда ближайшей дорогой и форсированнымъ маршемъ Лазаревъ опять догналъ лезгинъ и на разсвѣтѣ 7-го ноября снова очутился передъ ними, на противоположномъ берегу рѣки Іоры, недалеко отъ кахетинской деревни Кагабети.

Столкновеніе было неизбѣжнымъ, и лезгины, переправившись черезъ Іору, съ неистовымъ гикомъ бросились на русскій отрядъ: но залпъ и картечь встрѣтили ихъ такъ удачно, что „не малое число отъ сего пріема начало лбами доставать землю и доискиваться въ оной мнимыхъ правъ, которыхъ Омаръ-ханъ былъ сильнымъ поборникомъ“, — какъ писалъ впослѣдствіи Лазаревъ

генералу Кноррингу. Цѣлый день продолжалась битва, и эта первая рѣшительная встрѣча горсти русскихъ войскъ съ пятнадцатитысячнымъ скопищемъ кавказскихъ горцевъ въ предѣлахъ Грузіи стоила непобѣдимому до тѣхъ поръ Омаръ-хану аварскому рѣшительнаго пораженія. Такъ какъ сраженіе окончилось ночью, то только на слѣдующее утро глазамъ побѣдителей открылась истинная картина страшнаго побоища, испытаннаго непріятелемъ. Камышъ, кустарники и рвы наполнены были трупами; по всему полю солнечные лучи освѣщали траву, обагренную кровью; а за рѣкой стоялъ еще непріятельскій станъ, съ развѣвающимися знаменами и пестрыми палатками, но онъ былъ пустъ и мертвенно недвижимъ: непріятель бѣжалъ, не успѣвъ ничего спасти изъ своего имущества. Потери лезгинъ простирались свыше 2 тысячъ человѣкъ. Самъ Омаръ-ханъ получилъ тяжелую рану и вскорѣ умеръ отъ горести. Какой-то старшина Искандеръ былъ убитъ и голова его вмѣстѣ съ громадною головою другого лезгинскаго богатыря, изъ Дженгутая, какъ драгоцѣнные трофеи боя, были повержены грузинами къ ногамъ русскаго военачальника.

Сраженіе на Іорѣ навсегда останется памятнымъ въ лѣтописяхъ кавказской войны. Оно замѣчательно не упорствомъ боя, такъ какъ потеря со стороны русскихъ сравнительно оказалась незначительною, но рѣшимостью начальниковъ, отважившихся съ небольшимъ отрядомъ вступить въ бой противъ огромнаго скопища лезгинъ, славившихся своею необычайною храбростію.

Большое счастіе, что во главѣ горсти русскихъ людей, пришедшихъ тогда въ Грузію, стояли такіе генералы, какъ Лазаревъ и Гуляковъ, имена которыхъ никогда не будутъ вычеркнуты изъ славныхъ военныхъ лѣтописей Россіи. Оба они оказались достойными носителями русскаго имени, и оба впослѣдствіи запечатлѣли своею кровью братскую помощь, оказанную Грузіи. Лазаревъ погибъ въ Тифлисѣ 19 апрѣля 1803 года, а Гуляковъ убитъ за Алазанью, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти своего боевого начальника и друга.

„Лазаревъ и Гуляковъ, Кабардинскій и Эриванскій полки—это первые камни того фундамента,—говоритъ Зиссерманъ,—на которомъ построилась вся вѣковая слава геройской кавказской арміи“

Понятно, что громкая побѣда, одержанная при подобныхъ условіяхъ, сразу доставила русскимъ въ краѣ высокое нравственное вліяніе; а это вліяніе было важно особенно потому, что безъ него, съ ничтожными средствами, какими тогда располагали русскіе въ Закавказьѣ, они, конечно, не могли бы тамъ удержаться.

Императоръ Павелъ пожаловалъ за эту побѣду обоимъ царевичамъ, Лазареву и Гулякову командорскіе кресты ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ бою, по рублю на человѣка.

Царь Георгій, несмотря на болѣзнь, самъ выѣхалъ навстрѣчу къ отряду, возвращавшемуся въ Тифлисъ, и, сошедши съ богато убраннаго коня, убѣдительно просилъ генерала Лазарева принять этого коня въ даръ и въѣхать на немъ торжественно въ городъ.

Къ сожалѣнію, это былъ послѣдній выѣздъ Георгія. Простудившись при встрѣчѣ войскъ, онъ окончательно слегъ въ постель, и врачи не подавали никакой надежды на его выздоровленіе. Между тѣмъ для всѣхъ было ясно, что немедленно по кончинѣ Георгія въ Грузіи начнется междоусобная война между сыновьями и братьями умершаго царя, и что послѣдніе охотнѣе увидятъ Грузію даже присоединенною къ Россіи, чѣмъ отданною царевичу Давиду.

Лучше другихъ понималъ это самъ умирающій царь, и съ одра болѣзни писалъ къ императору Павлу, „что Грузія такъ или иначе должна покончить свое самобытное, политическое существованіе, и что грузинскій народъ желаетъ теперь же вступить единожды и навсегда въ подданство Россійской имперіи, съ признаніемъ Всероссійскаго императора за своего природнаго государя и самодержца“.

Императорскій манифестъ послѣдовалъ въ этомъ смыслѣ въ С.-Петербургѣ 18 декабря 1800 года, а 28 декабря скончался въ Тифлисѣ Георгій.

Такимъ образомъ грузинскій престолъ былъ упраздненъ, и династія Багратидовъ, считавшая за собою цѣлое тысячелѣтіе— перестала царствовать въ Грузіи. 16 февраля 1801 года всѣ жители Тифлиса, собранные въ Сіонскій соборъ, присягнули на вѣрность новому своему государю, императору Павлу Петровичу,

а 7 числа то же самое исполнено было армянскимъ населеніемъ столицы, сопровождавшимъ этотъ обрядъ особенною пышностію и церемоніями.

Утромъ этого дня, по первому удару соборнаго колокола, духовенство, въ числѣ восьми архимандритовъ и до ста священниковъ, выступило изъ всѣхъ армянскихъ церквей и, соединившись въ общій крестный ходъ, направилось черезъ Тифлисъ къ загородному монастырю Ванкъ. За этой процессіей двое именитѣйшихъ гражданъ Тифлиса несли портретъ императора Павла, а за нимъ шествовалъ самъ митрополитъ въ торжественномъ облаченіи, но безъ митры, держа надъ головой серебряный подносъ, а на немъ манифестъ, прикрытый розовымъ флеромъ. Народъ, имѣя во главѣ царевича Давида съ братьями, и генераловъ Лазарева и Гулякова, шелъ за крестнымъ ходомъ тысячными толпами. Патріархъ Арменіи Іосифъ, въ полномъ облаченіи древнихъ святителей, встрѣтилъ процессію въ оградѣ соборной церкви. Окадивъ портретъ императора, онъ палъ передъ нимъ на землю, поцѣловалъ его и, высоко поднявъ надъ головами присутствующихъ, громогласно произнесъ: „Да здравствуетъ великій и августѣйшій монархъ нашъ со всѣмъ своимъ домомъ". Народъ отвѣчалъ шумными и радостными кликами. Затѣмъ процессія двинулась въ церковь. Тамъ, передъ алтаремъ, на особомъ аналоѣ, покрытомъ богатою парчею, положенъ былъ манифестъ и поставленъ портретъ императора. Патріархъ самъ совершалъ литургію, по окончаніи же ея отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, и весь народъ приведенъ къ присягѣ.

Какъ въ этотъ, такъ и въ предшествовавшій день русскіе офицеры, сопровождаемые казачьимъ эскортомъ, ѣздили по улицамъ Тифлиса и читали народу манифестъ на 4-хъ языкахъ: русскомъ, грузинскомъ, армянскомъ и татарскомъ.

По окончаніи всѣхъ церемоній грузинскіе царевичи Іоаннъ, Багратъ и Михаилъ Георгіевичи вмѣстѣ съ лицами, уполномоченными еще покойнымъ Георгіемъ, князьями Аваловымъ и Паливандовымъ, отправились въ Петербургъ, „чтобы передъ лицомъ русскаго монарха, засвидѣтельствовать цѣлому свѣту, что принятіе Грузіи въ подданство Россіи совершилось по общему еди-

нодушному желанію всего грузинскаго народа". Ожидая этихъ пословъ, государь приказалъ сдѣлать для себя древнее одѣяніе грузинскихъ царей, не исключая непремѣнной принадлежности его, греческаго саккоса, подавшаго въ свое время поводъ къ извѣстнымъ толкамъ и догадкамъ по поводу сходства этой одежды съ архіерейскимъ облаченіемъ. Посольство еще находилось въ пути, и положеніе Грузіи не успѣло опредѣлиться окончательно, когда императоръ Павелъ скончался. Преемникъ его, императоръ Александръ I, манифестомъ отъ 12 сентября 1801 года подтвердилъ принятіе Грузіи въ подданство Россіи, прибавивъ, что дѣлаетъ это „не для приращенія своихъ силъ, не для корысти и распространенія предѣловъ и безъ того обширнѣйшей имперіи въ свѣтѣ, а единственно изъ человѣколюбія, которое налагаетъ на него священный долгъ внять моленію страждущихъ и отвратить отъ нихъ скорбь учрежденіемъ такого правленія, которое могло бы утвердить въ землѣ ихъ правосудіе, личную безопасность и дать каждому защиту закона".

Въ то же время государь возвратилъ Грузіи и ея народную святыню,—крестъ изъ виноградныхъ лозъ, врученный Богоматерью въ сонномъ видѣніи святой Нинѣ. Прежде этотъ крестъ сохранялся въ фамиліи грузинскихъ царей и, по свидѣтельству одного армянскаго историка, служилъ у грузинъ военнымъ знаменемъ въ ихъ войны противу грековъ. Въ память побѣдъ и чудесъ, совершенныхъ тогда священнымъ крестомъ, грузины установили праздникъ, который и донынѣ торжествуется церковью въ 10-й день послѣ Вознесенія Господня. Во времена нашествій вражескихъ крестъ сберегался то въ Мхцетѣ, то въ Ананурѣ, и изъ этого послѣдняго города былъ увезенъ митрополитомъ Тимоѳеемъ въ Москву, къ царевичу Бакару, сыну Вахтанга VI. Внукъ этого царевича, Георгій, поднесъ священный крестъ въ даръ императору Александру Павловичу, который и повелѣлъ препроводить его обратно въ Грузію. 9-го апрѣля 1802 г. крестъ былъ торжественно внесенъ въ Тифлисъ и, встрѣченный восторженною радостью народа, положенъ въ Сіонскомъ соборѣ, гдѣ сохраняется и нынѣ, по лѣвую сторону царскихъ вратъ, въ особомъ кіотѣ, на серебряной доскѣ котораго изображена св. равноапостольная Нина.

Но возвратимся опять къ событіямъ въ Закавказскомъ краѣ.

Исполненіе своихъ мудрыхъ и въ высокой степени гуманныхъ предначертаній государь возложилъ на генералъ-лейтенанта Кнорринга, назначеннаго тогда военнымъ губернаторомъ Грузіи и командующимъ войсками на Кавказской линіи. Къ сожалѣнію, Кнорингъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые имѣютъ даръ возбуждать къ себѣ довѣріе народа, и сразу извратилъ самый смыслъ добровольнаго присоединенія Грузіи, придавъ ему видъ какого-то насилія. Пріѣхавъ въ Тифлисъ, онъ собралъ всѣхъ жителей города и, окруживъ ихъ войсками, приказалъ присягать на вѣрность новому государю. Эта грубая мѣра и предосторожности, ничѣмъ не вызванныя со стороны народа, глубоко оскорбили грузинъ, которые не захотѣли присягать подъ угрозой штыковъ и разошлись по домамъ. Тогда по приказанію Кнорринга знатнѣйшіе грузинскіе князья и дворяне были арестованы, и эти аресты еще болѣе возмутили грузинъ. Между тѣмъ самъ Кнорингъ вскорѣ уѣхалъ на линію и поручилъ управленіе страною извѣстному намъ Коваленскому. Съ его отъѣздомъ анархія и неурядица въ Грузіи еще болѣе усилились.

Между тѣмъ лезгины, пользуясь внутренними смутами Грузіи, чаще чѣмъ когда нибудь стали дѣлать набѣги и разорять пограничныя грузинскія села. При такомъ положеніи дѣлъ два полка не могли поспѣвать вездѣ, гдѣ угрожала опасность, — и русскія войска за Кавказомъ были усилены.

Еще императоръ Павелъ Петровичъ, сознавая недостаточность военныхъ средствъ въ Грузіи, приказалъ отправить туда, въ началѣ 1801 года, Кавказскій гренадерскій полкъ (нынѣ Грузинскій), подъ командою генералъ-маіора Тучкова. Стояла еще глубокая зима и полкъ, покинувъ обозы, долженъ былъ прокладывать себѣ путь среди громадныхъ снѣжныхъ сугробовъ, сплошь заваливших всѣ горныя ущелія. Подвигаясь шагъ за шагомъ, теряя на каждомъ переходѣ людей, и испытывая такія лишенія, что люди по нѣскольку дней оставались безъ пищи, полкъ всетаки пробился черезъ грозное Дарьяльское ущелье, и сталъ наконецъ бивуакомъ около кистинской деревни Гвелети. Здѣсь неожиданно нагналъ его фельдъегерь съ манифестомъ о кончинѣ

императора Павла, и здѣсь же у подножія заоблачнаго Казбека, при шумѣ сердитаго Терека, по колѣна въ снѣгу, гренадеры принесли торжественную присягу на вѣрность юному монарху.

Съ прибытіемъ полка въ Тифлисъ, одинъ изъ его батальоновъ немедленно отправленъ былъ, подъ командой подполковника Симановича, въ Сурамъ и Гори для прикрытія границъ Карталиніи, а батальонъ Кабардинскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Соленіуса, расположился въ нижней Кахетіи. „Это послѣднее обстоятельство и было, какъ справедливо говоритъ Зиссерманъ:—началомъ той системы, которою русскіе старались обезпечить Грузію отъ вторженія сосѣднихъ горцевъ,—системы, развившейся впослѣдствіи до обширныхъ размѣровъ лезгинской кордонной линіи“. Съ тѣхъ же поръ начинается и мелкая хищническая война, которая закончилась лишь черезъ 59 лѣтъ плѣненіемъ Шамиля. Замѣчательно, что первыя нападенія горцевъ устремлялись по преимуществу на русскіе табуны, ходившіе на Алазани. Такъ, 6 іюня 1801 года, лезгины угнали табунъ въ казачьемъ полку, но рота кабардинцевъ заставила ихъ бросить добычу; черезъ мѣсяцъ табуны самихъ кабардинцевъ едва не попали въ руки хищниковъ и уцѣлѣли только благодаря стойкости караульной роты. Зимой лезгины также пытались перейдти Алазань, но были отбиты на самой переправѣ, причемъ въ Кабардинскомъ полку былъ раненъ извѣстный своею храбростью штабсъ-капитанъ Габуадзе. Такимъ образомъ, какъ этотъ батальонъ, такъ и батальонъ Гренадерскаго полка подполковника Симановича, стоявшій на турецкой границѣ, не имѣли буквально ни минуты покоя. Особенно тревожное выдалось лѣто 1802 г., когда войска положительно теряли возможность поспѣвать вездѣ, гдѣ появлялся непріятель. Памятнымъ событіемъ этого времени остается геройская защита 20 человѣкъ Кабардинскаго полка, засѣвшихъ въ ветхой каменной башнѣ чикаанскаго поста (близъ Алазани), и отбивавшихся въ теченіе многихъ часовъ, пока не подоспѣла выручка. Одушевленіе ротъ, спѣшившихъ на помощь, было такъ велико, что штабсъ-капитанъ Габудзе, незадолго передъ тѣмъ, какъ мы видѣли, раненый, услышавъ выстрѣлы съ поста, не выдержалъ, поскакалъ впередъ и на глазахъ отряда былъ изрубленъ лезгинами.

До какой степени и сами лезгины умѣли умирать, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ.

Однажды въ апрѣлѣ 1802 года, рота Кабардинскаго полка, подъ начальствомъ маіора Алексѣева, настигла хищниковъ, засѣвшихъ въ крѣпкомъ ущельѣ среди неприступныхъ утесовъ и камней. На предложеніе сдаться, лезгины отвѣчали, что пришли не съ тѣмъ, чтобы отдаться въ плѣнъ, и сражались отчаянно. Выпустивъ послѣдніе заряды, они кинулись въ кинжалы и всѣ до одного погибли на штыкахъ кабардинцевъ.

Такой же случай былъ на турецкой границѣ, въ іюлѣ того же года, когда Симановичъ истребилъ партію извѣстнаго разбойника Кази-Махмада, наводившаго своимъ именемъ страхъ на цѣлую Грузію.

Съ подобными врагами необходима была необычайная стойкость, нужны были значительныя силы, а тутъ обстоятельства еще усложнялись интригами князей и недостойнымъ поведеніемъ нѣкоторыхъ грузинскихъ дворянъ противъ русской власти. Примѣромъ можетъ служить слѣдующій любопытный случай. Однажды лезгины разграбили большое грузинское селеніе Хистери, принадлежавшее помѣщику Мурванову. Оказалось, между тѣмъ, что этотъ Мурвановъ отлично зналъ о движеніи лезгинъ, но полагая, что они идутъ на Сурамъ съ намѣреніемъ тревожить русскій гарнизонъ, не только не предувѣдомилъ объ этомъ коменданта, но, опасаясь, чтобы крестьяне собственной его деревни не извѣстили русскихъ, перепоилъ всѣхъ до-пьяна. Лезгины же въ самую полночь напали именно на эту деревню и захватили въ ней безъ труда 96 человѣкъ, а въ числѣ ихъ и самого помѣщика. Измѣна и крамола гнѣздилась даже въ самомъ Тифлисѣ, и только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить себѣ дерзость лезгинъ, являвшихся подъ стѣнами самыхъ предмѣстій его. Однажды, во время такого лезгинскаго набѣга, населеніе столицы встревожено было выстрѣлами и криками, что горитъ авлабарскій мостъ. Всѣ бросились туда и увидѣли, что мостъ, дѣйствительно былъ облитъ нефтью и подъ него подложенъ огонь. Пожаръ успѣли во-время потушить. Тѣмъ не менѣе тифлисцы остались въ убѣжденіи, что цѣлью поджога было перервать сообщенія города съ зарѣчной стороной и этимъ путемъ передать Авлабаръ и Куки на жертву хищнымъ лезгинамъ.

Безпорядки распространились даже на военно-грузинскую дорогу и сообщенія съ Тифлисомъ сдѣлались настолько не безопасными, что Кнорингъ, возвращаясь изъ Грузіи на линію, долженъ былъ отправить впередъ роту пѣхоты и 200 казаковъ, подъ командою маіора Буткова *). Самымъ опаснымъ мѣстомъ на этомъ пути считалось Ларское ущеліе, находившееся во владѣніи одного изъ осетинскихъ старшинъ, Ахмета Дударова, который жилъ на высокой горѣ, увѣнчанной каменнымъ замкомъ. Отсюда, съ толпою преданныхъ слугъ, онъ выѣзжалъ на разбои, грабилъ проѣзжихъ и собиралъ дань съ проходившихъ мимо купеческихъ караваповъ. Теперь, какъ только колонна Буткова показалась въ ущельѣ, Дударовъ поднялъ красное знамя, сигналъ военной тревоги; но, къ счастію, Бутковъ принадлежалъ къ людямъ энергическимъ и рѣшительнымъ. Не давая врагу времени собраться съ силами, онъ бросился въ деревню Чимъ, принадлежавшую Дударову, и все, что было внѣ укрѣпленнаго замка, предалъ истребленію. Красивая мечеть, единственная въ краѣ, построенная еще во времена Шейхъ-Мансура, превращена въ развалины, деревня сожжена, часть жителей перебита. А со стороны Владикавказа въ это время показались пушки... Дударовъ понялъ безполезность сопротивленія.

Безпокойное состояніе края, вмѣстѣ съ безтактными и даже корыстными поступками Коваленскаго, окончательно ожесточили грузинъ. Народъ, прежде только и думавшій о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ членовъ царскаго дома, опять обратился на ихъ сторону. До императора Александра стали отовсюду доходить слухи о безпорядочномъ управленіи Закавказскимъ краемъ, — и 8-го сентября 1802 г., Высочайшимъ повелѣніемъ, и Кнорингъ и Коваленскій были отозваны, а главнокомандующимъ въ Грузію назначенъ генералъ-лейтенантъ князь Циціановъ.

*) Авторъ извѣстныхъ сочиненій о Кавказѣ.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ.

В. Лотто.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легли для защиты знамени и долга.

(Изъ привѣтственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа).

Книга эта рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Внесена въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ 1-й

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ЕРМОЛОВА.

ВЫПУСКЪ III.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Изданіе книжнаго склада В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
С.-Петербургъ, Колокольная, собств. д., № 14.
1887.

122

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 3 іюля 1886 г.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ III-го ВЫПУСКА.

		стран.
XXIV.	Князь Циціановъ	315
XXV.	Генералъ Гуляковъ	345
XXVI.	Эриванскій походъ	361
XXVII.	Геройскій подвигъ Монтрезора	374
XXVIII.	Подвигъ полковника Карягина	378
XXIX.	Генералъ Завалишинъ	391
XXX.	Графъ Гудовичъ	401
XXXI.	Редутъ-Кале	419
XXXII.	Генералъ Несвѣтаевъ	423
XXXIII.	Графъ Тормасовъ	438
XXXIV.	Чхери и Мухури	460
XXXV.	Маркизъ Паулуччи	466
XXXVI.	Генералъ отъ инфантеріи Ртищевъ	489
XXXVII.	Генералъ Симановичъ	502
XXXVIII.	Котляревскій	516

Виньетки и заставки рисовалъ К. А. Газенкампфъ, гравировалъ Н. Г. Денисовскій.

XXIV.

Князь Цицiановъ.

Я воспою тотъ славный часъ,
Когда почуя бой кровавый,
На негодующiй Кавказъ
Поднялся нашъ орелъ двуглавый;
Когда на Терекѣ сѣдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ русскихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ съ дерзостнымъ челомъ,
Явился пылкiй Цицiановъ...

А. Пушкинъ.

Помянемъ храбрыхъ ветерановъ,
Вождей Кавказа боевыхъ,—
Тебя, безстрашный Цицiановъ,
Погибшiй отъ враговъ своихъ...

Домонтовичъ.

Князь Павелъ Димитрiевичъ Цицiановъ происходилъ изъ знатнѣйшей грузинской княжеской фамилiи и находился въ близкомъ родствѣ съ послѣднимъ царствовавшимъ домомъ Грузiи. Въ русскую службу поступилъ еще дѣдъ его, въ царствованiе Анны Iоанновны; онъ былъ убитъ во время шведской войны подъ Вильманстрандомъ, и съ тѣхъ поръ семейство князей Цицiановыхъ осталось въ Россiи навсегда.

Князь Павелъ Димитрiевичъ родился 8 сентября 1754 года, въ Москвѣ. Онъ началъ военную службу въ Преображенскомъ полку; но вскорѣ переведенъ былъ въ армiю, и въ 1786 году, вмѣстѣ съ производствомъ въ полковники, назначенъ командиромъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка.

Дѣло подъ Хотинымъ (31 іюля 1788 г.), гдѣ онъ сражался съ своимъ полкомъ на глазахъ Румянцева, сразу выдвинуло князя изъ ряда сослуживцевъ. Кагульскій герой съ восторгомъ смотрѣлъ на быстроту, энергію и распорядительность юнаго полковаго командира, и тутъ же, на самомъ мѣстѣ боя, предрекъ ему блестящую военную карьеру. Но турецкая война не дала Циціанову возможности развернуть въ полной мѣрѣ свои боевыя достоинства; полкъ его вскорѣ былъ передвинутъ въ Польшу. Но тѣмъ не менѣе онъ былъ уже замѣченъ, и въ 1793 году въ день торжества заключенія мира, произведенъ въ генералъ-маіоры.

Армія знала Циціанова, впрочемъ, не по однѣмъ военнымъ заслугамъ; его любили за тонкій, наблюдательный умъ и за острый языкъ, котораго побаивались даже сильные міра. Въ арміи ходила въ то время по рукамъ и читалась тайкомъ его извѣстная сатира „Бесѣда русскихъ солдатъ въ царствѣ мертвыхъ", гдѣ въ разговорѣ убитыхъ солдатъ Двужильнаго и Статнаго изложена была ѣдкая критика на современныя военныя событія и на Потемкина.

Памятный для русскихъ 1794 годъ засталъ Циціанова въ Гродно, гдѣ, по его выраженію, „онъ стоялъ съ полкомъ, какъ на ножахъ", потому что въ краѣ съ минуты на минуту ожидали возстанія. Кровавая рѣзня, извѣстная подъ именемъ Варшавской заутрени, нашла себѣ отголосокъ въ Вильнѣ и въ Гроднѣ. Въ первомъ изъ этихъ городовъ войска были застигнуты врасплохъ и понесли не мало утратъ; но въ Гродно мятежъ не удался. Циціановъ, не вѣрившій льстивымъ польскимъ рѣчамъ, зорко слѣдилъ за настроеніемъ умовъ, не допускалъ наплыва въ городъ празднаго люда и держалъ свой полкъ всегда наготовѣ. При первомъ взрывѣ мятежа, онъ вывелъ свои батальоны изъ Гродно, обложилъ ими городъ и подъ угрозою штурма заставилъ магистратъ выдать главныхъ зачинщиковъ. На жителей онъ наложилъ контрибуцію въ сто тысячъ рублей, назначивъ для ея сбора однодневный срокъ; и страшныя жерла орудій, наведенныя на улицы, видъ батальоновъ, готовыхъ по первому знаку не оставить камня на камнѣ, заставили поспѣшить исполненіемъ требованій грознаго князя. Слухъ объ этомъ, облетѣвъ окрестности, много способство-

валъ къ тому, что спокойствіе и порядокъ были сохранены въ сосѣднихъ городахъ и мѣстечкахъ.

Между тѣмъ полкъ получилъ приказаніе выступить къ Вильнѣ. Циціановъ по пути выгналъ изъ Слонима мятежныя банды князя Сапѣги, затѣмъ командовалъ всѣми войсками, которыя штурмовали Вильну, а въ августѣ съ однимъ батальономъ быстро перешелъ въ Минскую губернію и у м. Любаны наголову разбилъ отрядъ Грабовскаго, взявъ его самого въ плѣнъ вмѣстѣ со всею артиллеріею. Подвиги Циціанова такъ выдѣлились тогда на общемъ фонѣ военныхъ дѣйствій, что самъ Суворовъ въ одномъ изъ приказовъ предписывалъ войскамъ „сражаться рѣшительно, какъ храбрый генералъ Циціановъ"... Ордена св. Владиміра 3 степени за Гродно, Георгія на шею за Вильно, золотая шпага съ надписью „за храбрость" за пораженіе Грабовскаго, и 1500 десятинъ земли за окончаніе войны были наградами князя Циціанова.

Назначенный императрицею въ корпусъ графа Валеріана Александровича Зубова, Циціановъ участвовалъ въ персидскомъ походѣ, и нѣкоторое время былъ комендантомъ въ городѣ Баку, гдѣ сблизился съ Гуссейнъ-Кули-ханомъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи его гнуснымъ убійцею.

Короткій періодъ царствованія Павла Петровича, подобно большей части лицъ, отличенныхъ Екатериною, Циціановъ провелъ въ отставкѣ. Императоръ Александръ снова призвалъ его на службу, произвелъ въ генералъ-лейтенанты и 11 сентября 1802 года назначилъ инспекторомъ Кавказской линіи и главнокомандующимъ въ Грузію. Истомленная борьбою Грузія требовала энергическаго, твердаго правителя, — и въ этомъ отношеніи выборъ Циціанова былъ безошибоченъ. Съ назначеніемъ его для Грузіи наступаютъ лучшія времена,—времена дѣйствительной защиты царства русскимъ оружіемъ и полной перемѣны внутренной и внѣшней политики, приведшей къ покоренію всего того, что издавна было враждебно царству и мѣшало его жизни и правильному развитію. При Циціановѣ уже не враги разоряютъ Грузію, а сама Грузія беретъ въ свои руки судьбу окружающихъ ее народовъ.

Когда Циціановъ прибылъ въ Тифлисъ, страна, только что присоединенная къ Россіи, была раздираема еще внутренними смутами,

во главѣ которыхъ становился то тотъ, то другой царевичъ, домогавшійся сѣсть на престолъ Ираклія. Циціановъ, самъ грузинъ и близкій родственникъ царицы Маріи, вдовствующей супруги Георгія XIII, урожденной также княжны Циціановой, — хорошо зналъ свою родину и имѣлъ то убѣжденіе, что Россіи предстоитъ одно изъ двухъ: или отозвать обратно войска и бросить страну на жертву анархіи, или же ввести твердое управленіе, сообразное съ достоинствомъ и нуждами народа; но что въ этомъ случаѣ всѣхъ членовъ царской фамиліи необходимо было выслать изъ Грузіи въ Россію.

Получивъ на то разрѣшеніе еще въ Петербургѣ, Циціановъ принялся за дѣло съ свойственной ему энергіей и настойчивостію. Напрасно царицы притворялись больными, напрасно царевичъ Вахтангъ разыгрывалъ комедіи, бросаясь передъ нимъ на колѣни: всѣ тѣ, которые не бѣжали изъ Грузіи, должны были отправиться въ Россію. Очередь дошла, наконецъ, и до царицы Маріи. Она сказалась больною, задумавъ въ тотъ же день бѣжать изъ Тифлиса вмѣстѣ съ своими сыновьями. Циціановъ, извѣщенный заранѣе о намѣреніи царицы, приказалъ генералу Лазареву арестовать ее, въ то время какъ генералъ Тучковъ долженъ былъ захватить царевичей. Тучковъ удачно исполнилъ порученіе и въ тотъ же день вывезъ арестованныхъ въ Мцхетъ, откуда все царское семейство должно было ѣхать въ одномъ общемъ поѣздѣ. Но не такъ счастливъ былъ Лазаревъ. Въ 6 часовъ утра, 19 апрѣля, онъ прибылъ въ домъ царицы и объявилъ ей волю князя Циціанова. Царица приняла его въ постели и отвѣчала, что ѣхать не желаетъ. Тогда Лазаревъ, оставивъ при ней одного офицера, самъ отправился сдѣлать всѣ нужныя распоряженія. Но едва онъ вышелъ, какъ необычайный шумъ въ покояхъ царицы заставилъ его воротиться. Тамъ шла ожесточенная борьба: царевичъ Жабраилъ и царевна Тамара съ кинжалами въ рукахъ напали на русскаго офицера. Лазаревъ подошелъ къ кровати, на которой лежала царица, чтобы уговорить ее остановить дѣтей, какъ вдругъ въ рукахъ самой Маріи сверкнулъ кинжалъ, и Лазаревъ, пораженный въ бокъ, мертвымъ упалъ на порогъ комнаты. Происшествіе это надѣлало тревоги въ цѣломъ Тифлисѣ. Всѣ высшіе сановники тотчасъ же съѣхались къ царицѣ, уговаривая ее не

противиться волѣ русскаго государя, но она ничего не хотѣла слушать. Тогда полиціймейстеръ Сургуновъ, завернувъ свою руку въ толстый папахъ, рѣшительно и смѣло подошелъ къ царицѣ и вырвалъ изъ ея рукъ оружіе. Царевна Тамара кинулась на помощь къ матери съ кинжаломъ въ рукахъ, но второпяхъ она промахнулась и ранила самую же царицу въ плечо. Царское семейство было арестовано и въ тотъ же день отправлено въ Мцхетъ. Цицiановъ былъ справедливо раздраженъ смертію достойнаго Лазарева и предписалъ Тучкову обращаться во время пути съ Маріей и ея дѣтьми не какъ съ особами царскаго рода, а какъ съ простыми преступниками.

Тѣло Ивана Петровича Лазарева предано было погребенію съ большими почестями въ Тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ, гдѣ впослѣдствіи неподалеку поставлена была гробница и князя Цицiанова. А царица Марія, по пріѣздѣ въ Россію, была заключена въ Воронежѣ въ Бѣлогородскій женскій монастырь и только по прошествіи семи лѣтъ получила прощеніе и спокойно дожила свой долгій вѣкъ въ Москвѣ, гдѣ умерла въ 1850 году, 80 лѣтъ отъ роду.

Прошло 47 лѣтъ со дня кровавой катастрофы, лишившей Россію доблестнаго Лазарева, и всепримиряющая смерть примирила почившую съ русскимъ народомъ. Все было забыто, все прощено,—и прахъ послѣдней грузинской царицы съ торжествомъ и военными почестями возвратился на родину.

17 іюня 1850 года всѣ дороги къ Мцхету были покрыты массою народа, стремившагося встрѣтить похоронный кортежъ, медленно приближавшійся се стороны Душета. Хоронили царицу Марію Георгіевну. Впереди всѣхъ шла конная дружина грузинскихъ князей и дворянъ со знаменемъ, окутаннымъ флеромъ; за нею сословные представители царства, многочисленное духовенство и штабъ-офицеры, несшіе на подушкахъ гербъ Грузіи, орденъ св. Екатерины 1 степени, корону и царскую мантію. Погребальную колесницу, осѣненную балдахиномъ и также увѣнчанную царской короною, везли шесть лошадей подъ черными попонами съ гербами почившей царицы. Почетнѣйшіе князья стояли у штанговъ, массивныя серебряныя кисти поддерживали чины дипло-

матическаго корпуса, а конецъ порфиры, замѣнявшей погребальный покровъ, несли четыре офицера. За колесницей слѣдовали высшіе представители власти, родственники царицы и толпы народа. Пѣхотный полкъ, шесть орудій и конный отрядъ жандармовъ сопровождали шествіе.

Унылый перезвонъ колоколовъ, рыдающіе звуки погребальнаго марша, траурныя одежды присутствующихъ, дымящіеся факелы и, наконецъ, эта свѣжая, раскрытая могила въ сонмѣ царскихъ гробницъ, готовая принять еще одинъ вѣнчанный прахъ для вѣчнаго успокоенія, — все это производило глубокое впечатлѣніе на народъ, помнившій еще и прошлое величіе и годы тяжелыхъ бѣдствій, пережитыхъ имъ подъ скипетромъ царей Багратидовъ.

У входа въ ограду Мцхетскаго собора, служившаго старинной усыпальницей грузинскихъ царей, гробъ встрѣтилъ экзархъ Грузіи и проводилъ его въ церковь, гдѣ всю ночь стояло почетное дежурство, служились панихиды и народъ прощался съ усопшей царицею. На слѣдующій день были похороны; заупокойную обѣдню служилъ самъ экзархъ, и послѣ торжественной панихиды гробъ опустили въ могилу при громѣ пушекъ и ружейныхъ залповъ— и это были послѣднія земныя почести той, которая лишена была ихъ въ теченіе своей долгой жизни.

Но возвратимся къ давно минувшимъ временамъ, когда царицѣ пришлось еще только разстаться съ родиной.

Успокоивъ страну отъ внутреннихъ безпорядковъ и междоусобій, Циціановъ обратилъ всѣ свои усилія на внѣшнія дѣла Грузіи. Отлично понимая духъ азіятскихъ народовъ, умѣвшихъ преклоняться только передъ однимъ аргументомъ—силою оружія, Циціановъ сразу перемѣнилъ обращеніе съ сосѣдними татарскими ханами и принялъ по отношенію къ нимъ совершенно иную систему, чѣмъ та, которой держался до него Кноррингъ. До тѣхъ поръ русское правительство какъ бы старалось снискивать къ себѣ расположеніе ихъ подарками и жалованьемъ. Циціановъ отмѣнилъ и то и другое, и самъ потребовалъ отъ хановъ дани. „Страхъ и корысть — суть двѣ пружины, которыми руководятся здѣсь всѣ дѣла и приключенія“, писалъ онъ къ императору Александру I. „У здѣшнихъ народовъ единственная политика—сила, а лучшая

добродѣтель владѣльца—храбрость и деньги, которыя нужны ему для найма лезгинъ. Поэтому я принимаю правила, противныя прежде бывшей системѣ, и вмѣсто того, чтобы жалованьемъ и подарками, опредѣленными для умягченія горскихъ нравовъ, платить имъ нѣкотораго рода дань, я самъ потребовалъ отъ нихъ оной". Свято держа обѣщанія, Циціановъ никогда не расточалъ своихъ угрозъ понапрасну. Онъ зналъ, что каждый владѣлецъ, въ сущности, готовъ былъ повторить отвѣтъ, данный однимъ изъ нихъ русскому главнокомандующему: „приди и покажи свою силу"—и потому старался прежде всего разъяснить имъ въ своихъ прокламаціяхъ все необъятное величіе Россіи и ничтожность ихъ передъ нею. Повелительный и рѣзкій тонъ, съ которымъ онъ къ нимъ обращался, шелъ какъ нельзя лучше къ тогдашнимъ обстоятельствамъ и производилъ на азіятцевъ сильное впечатлѣніе. Слогъ его писемъ былъ оригиналенъ, силенъ и рѣзокъ, какъ дамасская сталь... „Статочное ли дѣло", писалъ онъ въ одной изъ своихъ прокламацій: — „чтобы муха съ орломъ переговоры дѣлала"...

Первыми испытали на себѣ тяжелую руку князя Циціанова джаро-бѣлоканскіе лезгины, у которыхъ скрывались бѣглые грузинскіе царевичи. Циціановъ потребовалъ ихъ выдачи. Въ воззваніи къ лезгинамъ по этому поводу Циціановъ писалъ между прочимъ: „Вы—храбрые воины; вы и должны любить храбрыхъ. А кто же храбрѣе русскихъ? Пуля ваша пяти человѣкъ не убьетъ, а моя пушка картечью или ядромъ за одинъ разъ тридцать человѣкъ повалитъ. Измѣряйте все это"...

Получивъ отказъ, князь Циціановъ послалъ генералъ-маіора Гулякова наказать лезгинъ. Гуляковъ быстро достигъ Алазани, разбилъ и уничтожилъ все, что только осмѣлилось противостать ему съ оружіемъ въ рукахъ, и занялъ главныя селенія лезгинъ. Тогда Циціановъ объявилъ всю область присоединенною къ Россіи и обложилъ ее данью. Такъ было возвращено Грузіи ея древнее достояніе, и гроза Закавказья, притонъ всѣхъ дагестанскихъ хищниковъ, вольный Джаро-Бѣлоканскій союзъ потерялъ свою независимость.

Кахетія быть можетъ въ первый разъ была прочно освобож-

дена отъ вѣчнаго страха лезгинскихъ погромовъ. Но въ то время, какъ Кахетія была ареною разбоевъ и грабежей лезгинъ джаро-бѣлоканскихъ, Карталинія почти въ той же мѣрѣ страдала отъ ихъ соплеменниковъ со стороны Ахалцыха. Появленіе русскихъ за Кавказомъ скоро должно было положить предѣлъ и ихъ хищничеству, и когда, въ 1802 г., въ Карталиніи появились русскіе батальоны подъ начальствомъ Симановича и дали нѣсколько уроковъ дерзкой азіятской конницѣ, то впечатлѣніе отъ нихъ было настолько сильно, что ахалцыхскіе лезгины въ теченіе цѣлаго года не осмѣливались тревожить грузинскихъ границъ. Но когда начались приготовленія къ персидской войнѣ и Симановичъ ушелъ съ своими гренадерами, а на смѣну его въ Гори прибылъ новый 9 егерскій полкъ, вызванный съ Кавказской линіи и еще не опытный въ азіятской войнѣ, ахалцыхскіе лезгины попытались еще разъ воспользоваться хлопотливымъ для русскихъ временемъ. Тогда произошелъ одинъ изъ тѣхъ кровавыхъ эпизодовъ, которые, при кажущейся неудачѣ, наносятъ непріятелю страшное нравственное пораженіе. Горсть русскихъ солдатъ, самоотверженно погибшихъ въ неизмѣримо неравной борьбѣ, но внесшихъ за то страшное опустошеніе въ ряды непріятеля, показала лезгинамъ силу беззавѣтнаго сознанія и исполненія долга, стоящую цѣлой арміи, и въ самыхъ своихъ ошибкахъ поражающую и зовущую слѣдовать своему примѣру. Этотъ эпизодъ увѣковѣчилъ имя капитана Секерина, который въ ошибочномъ увлеченіи своемъ, поведшемъ къ гибели отряда, далъ примѣръ нравственной силы, не знающей отступленія передъ неудачей. Дѣло было такъ.

Выступая подъ Ганжу, Циціановъ, чтобы прикрыть Тифлисъ со стороны Ахалцыха, поставилъ въ Гори и Цалкахъ два небольшихъ отряда; а такъ какъ прямого сообщенія между этими пунктами не было, то капитанъ-исправнику Енохину приказано было немедленно приступить къ разработкѣ пути, удобнаго для движенія обозовъ и артиллеріи. Въ распоряженіе Енохина были даны 108 чел. грузинскихъ рабочихъ и прикрытіе изъ 9 казаковъ и 11 егерей 9-го полка.

Работа скоро была окончена. Но когда Енохинъ (12 іюня 1803 года) возвращался домой, то, верстахъ въ 20 отъ Цалки,

на него внезапно напала сильная партія въ 600—800 человѣкъ лезгинъ, вышедшая изъ ахалцыхскихъ предѣловъ. Люди Енохина частью были изрублены, частію захвачены въ плѣнъ; и только самъ онъ и шесть казаковъ спаслись, благодаря быстротѣ своихъ лошадей. Они, проскакавъ въ три часа около 70 верстъ, первые явились въ Гори съ извѣстіемъ, что по правому берегу Куры, на деревню Хавли, идутъ лезгины. Несмотря на поздній часъ—было уже 10 часовъ ночи—полковникъ Цѣхановскій (шефъ егерскаго полка), завѣдывавшій горійскимъ кордономъ, тотчасъ же отправилъ къ Хавлѣ на встрѣчу непріятелю тридцать егерей, подъ командою штабсъ-капитана Богданова. Но егеря не отошли и трехъ верстъ, какъ получили приказаніе вернуться и идти въ селеніе Карели, куда, по слухамъ, направились лезгины и гдѣ стояла рота полка Цѣхановскаго. Въ то же время и самъ Цѣхановскій, въ сопровожденіи только пяти казаковъ, поскакалъ туда же, желая лично присутствовать при первомъ дѣлѣ своихъ егерей съ лезгинами. Но и егеря, и онъ опоздали—катастрофа въ Карели уже совершилась.

Капитанъ Секеринъ, командовавшій стоявшей тамъ ротой, узнавъ, что лезгины отбили жительскій скотъ, бросился за ними въ погоню. Секерину предстояло дѣйствовать въ лѣсистой мѣстности, гдѣ непріятель на каждомъ шагу могъ устроить засаду. Излишнее пренебреженіе непріятелемъ могло оказаться пагубнымъ, а рота Секерина состояла всего изъ 44 человѣкъ. Между тѣмъ онъ не усомнился кинуться съ нею въ дремучій боръ, начинавшійся верстахъ въ семи за деревнею, и былъ окруженъ массою лезгинъ. Молодой Секеринъ три раза опрокидывалъ непріятеля, но ему пришла неудачная мысль растянуть свою цѣпь, чтобы показаться врагамъ многочисленнѣе. Лезгины скоро поняли маневръ, всею массою ринулись въ шашки и разорвали цѣпь. Самъ Секеринъ однимъ изъ первыхъ былъ тяжело раненъ въ ногу. Отойдя въ сторону, онъ началъ платкомъ перевязывать рану, какъ вдругъ толпы лезгинъ бросились на него. Егеря, имѣвшіе каждый по 20 лезгинъ противъ себя, не могли придти на помощь къ своему капитану, и онъ былъ изрубленъ на глазахъ отряда. Умирая, Секеринъ успѣлъ крикнуть старшему Рогульскому: „помни, русскіе

не сдаются!“ Поручикъ Рогульскій успѣлъ отбросить непріятеля. Но увлеченный подобно своему предмѣстнику, онъ переходитъ въ наступленіе, устремляется на непріятеля—и падаетъ мертвымъ, успѣвъ крикнуть своему младшему брату: „помни слова Секерина: русскіе не сдаются“. Юный Рогульскій обратился къ солдатамъ съ воодушевляющими словами, но его поражаетъ пуля—и послѣдняго офицера роты не стало. Видя гибель всѣхъ начальниковъ, лезгины кричали солдатамъ, предлагая сдаться; но егеря бросились въ штыки, окружили себя мертвыми тѣлами и пали всѣ до послѣдняго. Подоспѣвшіе егеря съ Цѣхановскимъ нашли только четырехъ тяжело израненныхъ, которыхъ лезгины не успѣли захватить. Они-то и передали товарищамъ подробности горестнаго, но славнаго дѣла.

Лезгины не осмѣлились производить дальнѣйшихъ разбоевъ и воротились въ Ахалцыхъ. Но князь Циціановъ, отлично знавшій духъ горскихъ народовъ, былъ, однако, чрезвычайно встревоженъ гибелью роты Секерина и предписалъ командующему войсками въ Карталиніи, генералъ-маіору князю Орбеліани, немедленно наказать разбойниковъ. Орбеліани, стянувъ значительный отрядъ (11 ротъ пѣхоты при 14 орудіяхъ), двинулся въ предѣлы Ахалцыхскаго пашалыка. Испуганный паша просилъ его остановить военныя дѣйствія, обѣщавъ удалить лезгинъ изъ своихъ владѣній и не давать имъ пріюта. Орбеліани согласился, но при непремѣнномъ условіи, чтобы лезгины сдались ему на капитуляцію. Это было страшнымъ ударомъ для самолюбія азіятцевъ, но другого исхода не было, и 25 іюня около шестисотъ отчаянныхъ наѣздниковъ покорно подъѣхали къ русскому стану. Здѣсь отъ нихъ отобрали оружіе, и потомъ, какъ плѣнный яссыръ, погнали подъ конвоемъ за Алазань, откуда, однако, ихъ отпустили во-свояси.

Съ удаленіемъ лезгинъ изъ Ахалцыхскаго пашалыка, жители Карталиніи вздохнули свободнѣе. Но деревянный крестъ, грубо отесанный усердною рукою солдата, долго еще виднѣлся подъ зеленымъ пологомъ дремучаго лѣса, напоминая событіе, записанное кровавыми буквами въ боевыя скрижали Кавказа.

Къ этому же времени относится присоединеніе къ Россіи Мингрельскаго княжества. Небольшая страна эта, надѣленная всѣми

дарами роскошной природы, лишена была издавна главнѣйшаго блага — спокойствія. Цѣлые вѣка мингрельцы кровью искупали свою независимость, бились съ врагами, но не могли избѣгнуть страшныхъ послѣдствій, какими всегда сопровождаются азіятскія войны. Тысячи плѣнныхъ отрывались отъ своихъ семействъ и появлялись на базарахъ Трапезонда, Константинополя и Каира.

Хотя условіями кучукъ-кайнарджинскаго мира страна и была признана внѣ непосредственной зависимости отъ Порты, но крѣпость Поти, ключъ къ сердцу Мингреліи, базаръ, гдѣ стекались всѣ плѣнники, оставалась въ рукахъ у турокъ,—и разореніе страны не уменьшилось. Изнемогая подъ тяжестью неравной борьбы, въ особенности съ сосѣдней Имеретіей, мужественный владѣлецъ Мингреліи, князь Григорій Дадіанъ, рѣшился наконецъ послѣдовать примѣру грузинскаго царя Георгія XII, на дочери котораго былъ женатъ, и въ мартѣ 1803 года посольство его явилось въ Тифлисѣ. Мингрелія домогалась уже не покровительства или помощи, какъ это бывало въ прежніе годы,– она просила о включеніи ея въ число русскихъ владѣній, о доставленіи ей спокойствія внутри, безопасности извнѣ,—молила о тѣхъ свѣтлыхъ дняхъ, которыми уже начала пользоваться единовѣрная Грузія. Присоединеніе Мингреліи, лежавшей на самомъ берегу Чернаго моря, должно было обнаружить важное политическое вліяніе на все русское Закавказье, и князь Цицiановъ горячо отозвался на желанія мингрельскаго князя. Немедленно составленъ былъ актъ, по которому Мингрелія становилась русскою провинціей, сохраняя впрочемъ автономное управленіе и оставаясь въ наслѣдственной власти князей Дадіановъ на прежнихъ правахъ и обычаяхъ. Но въ число обязательныхъ условій поставлено было уничтоженіе въ Мингреліи смертной казни, какъ нетерпимой на всемъ протяженіи Россійской имперіи.

Въ Мингрелію былъ посланъ полковникъ Майновъ, который долженъ былъ вручить князю Дадіану актъ и принять отъ него присягу на вѣрность русскому государю.

Сосѣди и особенно имеретинскій царь Соломонъ, понимая всю важность совершавшагося событія, старались сколько возможно помѣшать его исполненію, и Майнову пришлось испытать на пути цѣлый рядъ приключеній. Въ семейныхъ бумагахъ сохранились

его записки *), въ которымъ онъ подробно разсказываетъ объ этомъ опасномъ путешествіи. Прямой путь лежалъ черезъ Имеретію, и царь Соломонъ, провѣдавъ о поѣздкѣ Майнова, запретилъ всякія сношенія русскихъ черезъ подвластныя ему земли, объявивъ во всеобщее свѣдѣніе, что заплатитъ 5 тысячъ червонцевъ тому, кто доставитъ ему „его (т. е. Майнова) собачью голову". Тогда Майновъ поѣхалъ въ объѣздъ на Ахалцыхъ, гдѣ, по совѣту паши, отпустилъ свой конвой, состоявшій изъ полусотни казаковъ и роты сгерей, переодѣлся въ турецкое платье и, пробираясь черезъ Батумъ, Озургеты и Поти берегомъ Чернаго моря, неоднократно рискуя попасть въ руки Соломона, достигъ наконецъ селенія Дадичалы (въ запискахъ Майнова—Чаладиди). Тамъ, 4 декабря 1803 года, князь Дадіанъ со всѣми сановниками княжества принесъ торжественную присягу на подданство, и Майновъ возложилъ на него при этомъ знаки ордена св. Александра Невскаго.

Участіе въ знаменательномъ событіи присоединенія Мингреліи отмѣчено на родовомъ гербѣ Майновыхъ, въ которомъ тогда же повелѣно было изобразить на золотомъ полѣ вылетающаго чернаго двуглаваго орла съ распростертыми крыльями, а подъ нимъ горизонтально рѣку съ надписью: Ріонъ.

Съ присоединеніемъ Мингреліи, Имеретія очутилась между двумя русскими областями, и потому присоединеніе къ Россіи ея самой стало только вопросомъ времени. И это тѣмъ болѣе, что Имеретія нѣкогда была частію Иверіи и только съ 1445 года, со времени великаго раздѣленія, была отторгнута отъ царства мятежной отраслью Багратидовъ. А вся политика Циціанова и стремилась къ тому, чтобы всѣ обломки древняго царства снова соединить во-едино.

И дѣйствительно, Циціановъ немедленно потребовалъ отъ царя Соломона прекращенія войны съ Мингреліей, а для поддержанія этого требованія къ границамъ Имеретіи было придвинуто русское войско. Но и самъ Соломонъ также понималъ значеніе совершившихся событій и только раздраженный невольнымъ униженіемъ, созданнымъ для него силою самихъ обстоятельствъ, колебался, отдаться ли Россіи или Турціи.

*) «Историческій Вѣстникъ» 1885 г., № 3.

Послѣдовавшее вскорѣ паденіе Ганжи и движеніе къ имеретинскимъ границамъ Кавказскаго гренадерскаго полка сдѣлали для него тяготѣніе къ Турціи уже невозможнымъ, и 16-го апрѣля, 1804 г., состоялось свиданіе его съ княземъ Циціановымъ въ одномъ изъ пограничныхъ грузинскихъ селеній. Впрочемъ, Соломонъ еще пытался удержать за собою независимость, но Циціановъ принялъ свои мѣры. Прощаясь съ Соломономъ, онъ объявилъ ему, что будетъ имѣть съ нимъ свиданіе другого рода, на ратномъ полѣ, со шпагою въ рукахъ, а на другой день рота егерей, подъ начальствомъ подполковника князя Эристова, уже заняла ближайшую имеретинскую деревню и стала приводить крестьянъ къ присягѣ на вѣрность русскому государю. Въ то же время приближался къ Имеретіи цѣлый Кавказскій гренадерскій полкъ. Испуганный Соломонъ просилъ новаго свиданія, и 25 апрѣля, 1804 года, Имеретія торжественно была присоединена къ Россіи. Этимъ событіемъ завершилось дѣло новаго объединенія Иверійскаго царства, нѣкогда, за 400 лѣтъ передъ тѣмъ, расчлененнаго царемъ грузинскимъ Александромъ I, и теперь опять составившаго нераздѣльное цѣлое при Александрѣ I, императорѣ русскомъ.

Вновь присоединенныя владѣнія заняты были русскимъ войскомъ, именно Бѣлевскимъ пѣхотнымъ полкомъ съ артиллеріею, переведеннымъ сюда изъ Крыма. Полкъ благополучно высадился на берегахъ Чернаго моря близъ устьевъ рѣки Хопи; но въ ту же ночь поднялась страшная буря и одно изъ десантныхъ судовъ, корабль „Тольской Божіей Матери", разбившись о прибрежныя скалы, погибъ со всѣмъ своимъ экипажемъ изъ 168 человѣкъ. И это были единственныя косвенныя жертвы безкровнаго пріобрѣтенія Грузіею своихъ давнишнихъ владѣній.

Мингрелія и Имеретія уже разъ навсегда покончили свое независимое существованіе и для нихъ начался періодъ мирнаго гражданскаго развитія. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, того же 1804 года, въ Мингреліи, правда, возникли волненія, когда внезапно умеръ князь Григорій Дадіанъ; но эти волненія вызваны были загадочностью смерти князя, за недѣлю передъ тѣмъ бывшаго совсѣмъ здоровымъ и вдругъ скончавшагося въ ужасныхъ мученіяхъ, причемъ говорили даже, что онъ отравленъ лечившимъ его

католическимъ ксендзомъ, будто бы находившимся въ тайныхъ сношеніяхъ съ Соломономъ Имеретинскимъ. Съ другой стороны эти волненія находили себѣ основаніе и въ томъ обстоятельствѣ, что законный наслѣдникъ Дадіана, десятилѣтній сынъ его, Леванъ, находился заложникомъ за какой-то долгъ отца у Келишъ-бека, владѣльца Абхазскаго. Всѣ эти волненія, впрочемъ, вскорѣ разрѣшились дипломатическими сношеніями, взятыми въ свои руки княземъ Циціановымъ. Онъ потребовалъ отъ Келишъ-бека выдачи Левана; а когда Келишъ-бекъ отказалъ, то генералъ Рыкгофъ, шефъ Бѣлевскаго полка, получилъ приказаніе идти въ Абхазію и силою взять оттуда наслѣдника Мингреліи. Дѣйствія Рыкгофа, къ сожалѣнію, не привели къ предположенной цѣли; недостатокъ продовольствія и разливы рѣкъ помѣшали ему дойти до Сухума, гдѣ содержался Леванъ. Но возвращаясь назадъ, онъ захватилъ приморскую крѣпость Анаклію, принадлежавшую Турціи; и хотя князь Циціановъ приказалъ немедленно сдать ее обратно и даже извинился передъ турецкимъ правительствомъ, но этимъ случаемъ воспользовались наши враги, чтобы начать противъ Россіи дипломатическую кампанію, въ концѣ концевъ и приведшую ее къ полному разрыву и къ войнѣ съ Оттоманскою Портою.

Враждебная политика Турціи, сильно заботившая князя Циціанова, не заставила его однакоже остановиться на полпути къ освобожденію Левана. Вмѣсто генерала Рыкгофа, пошелъ генералъ Маматказинъ, шефъ Кавказскаго гренадерскаго полка, съ приказаніемъ не оставить въ Абхазіи камня на камнѣ; но Маматказину уже не пришлось употребить силу — Леванъ былъ выданъ добровольно. Съ прибытіемъ юнаго наслѣдника волненія и безпорядки въ Мингреліи мало по малу затихли. Леванъ провозглашенъ былъ владѣтелемъ и, 10 іюня 1805 года, статскій совѣтникъ Литвиновъ торжественно, въ присутствіи знатнѣйшихъ сановниковъ Мингрельскаго княжества, вручилъ ему знаки владѣтельской инвеституры: высочайшую грамоту, мечъ, знамя и бриллiантовый орденъ св. Анны 1-й степени. Временною же правительницею Мингреліи до совершеннолѣтія Левана тогда же утверждена была вдовствующая мингрельская княгиня Нина Георгіевна, женщина безспорно умная, энергичная и преданная Россіи.

А между тѣмъ, когда еще вопросъ о присоединеніи къ русскимъ владѣніямъ Мингреліи и Имеретіи только постепенно шелъ къ своему разрѣшенію, на персидской границѣ дѣла усложнялись.

Уничтоживъ въ 1803 году старинныхъ враговъ Грузіи, лезгинъ, издавна періодически опустошавшихъ Кахетію и покрывавшихъ ея почву кровью ея сыновъ и пепломъ пожаровъ, Циціановъ, для огражденія русскихъ владѣній отъ персовъ и турокъ, задумалъ въ томъ же году овладѣть ближайшимъ къ Грузіи Ганжинскимъ ханствомъ, потомъ идти на Эривань, взять Баку и, такимъ образомъ, утвердить русское вліяніе на каспійскомъ побережьѣ Закавказья.

Войска уже были готовы къ походу, когда получились извѣстія о новомъ возстаніи джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ, подстрекаемыхъ самухскими беками и елисуйскимъ султаномъ. Циціановъ отрядилъ противъ нихъ опять генерала Гулякова, а самъ съ шестью батальонами пѣхоты, съ Нарвскимъ драгунскимъ полкомъ и 12-ю орудіями двинулся къ Ганжѣ.

Вступивъ въ предѣлы ханства, главнокомандующій отправилъ къ Джавату, хану ганжинскому, письмо, требуя добровольной покорности. „Первая и главная причина моего прихода сюда—писалъ онъ ему—та, что Ганжа со времени царицы Тамары принадлежала Грузіи и слабостію царей грузинскихъ отторгнута отъ оной. Всероссійская имперія, принявъ Грузію въ свое высокомощное покровительство и подданство, не можетъ взирать съ равнодушіемъ на расторженіе Грузіи; и не достойно бы было съ силою и достоинствомъ высокомощной и Богомъ вознесенной Россійской имперіи оставить Ганжу, яко достояніе и часть Грузіи, въ рукахъ чужихъ. Пришедъ съ войсками брать городъ, я, по обычаю европейскому и по вѣрѣ мною исповѣдуемой, долженъ, не приступая къ пролитію крови человѣческой, предложить вамъ о сдачѣ города. Буде завтра въ полдень не получу я отвѣта, то брань возгорится, понесу подъ Ганжу огонь и мечъ, и вы узнаете, умѣю ли я держать свое слово“.

Джаватъ-ханъ, тотъ самый, который вмѣстѣ съ Ага-Магометомъ грабилъ Тифлисъ, самоувѣренно отвѣчалъ, что намѣренъ

дать отпоръ и что „ежели русскія пушки длиною въ аршинъ, то его пушки—въ четыре аршина". „Гдѣ это видано, писалъ Джаватъ-ханъ:—чтобы вы были храбрѣе персіянъ. Видно, несчастный рокъ доставилъ васъ сюда изъ Петербурга, и вы испытаете его ударъ".

Послѣ такого отвѣта русскія войска двинулись впередъ и, овладѣвъ садами, городскимъ предмѣстьемъ и каравансараемъ, отдѣлявшимся отъ крѣпостной стѣны лишь одною эспланадою, открыли орудійный огонь. Джаватъ-ханъ защищался геройски; цѣлый мѣсяцъ длилась осада, пять разъ возобновлялъ Циціановъ требованія сдать крѣпость, но все было напрасно. „Я возьму крѣпость и предамъ тебя смерти", писалъ онъ къ упрямому хану. „Ты найдешь меня мертвымъ на крѣпостной стѣнѣ", отвѣчалъ Джаватъ, и оба клялись исполнить свои обѣщанія. Наконецъ, 2-го января 1804 года, военный совѣтъ порѣшилъ: „быть штурму на слѣдующій день".

Циціановъ раздѣлилъ войска на двѣ колонны, изъ которыхъ одна (два батальона Кавказскаго гренадерскаго и Севастопольскаго полковъ и два спѣшенные эскадрона нарвскихъ драгунъ) была поручена генералъ-маіору Портнягину, а другая (два батальона 17-го егерскаго полка)—полковнику Карягину.

Ночь со 2-го на 3-е января была темная, морозная, и войска, съ вечера собранныя на мѣста, назначенныя по диспозиціи, тихо, безъ обычныхъ церемоній, отнесли знамена и штандарты назадъ, на мечетный дворъ, куда потянулась также вся татарская милиція, „какъ недостойная (по выраженію циціановскаго донесенія) по своей невѣрности вести войну обще съ высокославными россійскими войсками"... Еще было темно, когда войска подступили подъ крѣпость. Нѣсколько горящихъ подсвѣтовъ, брошенныхъ непріятелемъ въ ровъ, освѣтили русскія штурмовыя колонны, и съ крѣпостной стѣны загремѣли орудія, посыпались стрѣлы и камни.

Приступъ начался.

Колонна генерала Портнягина, приблизившись къ Карабагскимъ воротамъ, приняла вправо, чтобы ворваться черезъ брешь, пробитую наканунѣ въ земляной стѣнѣ; но такъ какъ противъ этой бреши сосредоточились главныя силы ганжинцевъ, то Портнягину

пришлось поневолѣ оставить ее въ сторонѣ и штурмовать крѣпостную стѣну при помощи лѣстницъ. Сопротивленіе, встрѣченное имъ, было однако же такъ велико, что русскія войска два раза возобновляли приступъ, и два раза были отбиты съ значительнымъ урономъ. Тогда Портнягинъ бросился самъ въ головѣ колонны и первый взошелъ на стѣну. Вслѣдъ за нимъ появился Нарвскаго полка поручикъ Кейтъ и тутъ же палъ, пораженный нѣсколькими пулями. Та же участь постигла маіора Бартенева, который, несмотря на свои преклонныя лѣта, бросился впередъ, желая увлечь за собой севастопольцевъ. Наконецъ уже подполковнику Симановичу, во главѣ гренадеръ, удалось взобраться по лѣстницамъ на стѣну и выручить Портнягина, окруженнаго татарами. Въ это время вторая колонна, предводимая „храбрымъ, посѣдѣвшимъ подъ ружьемъ“ полковникомъ Карягинымъ, взошла на стѣну со стороны Тифлисскихъ воротъ и овладѣла главною башнею. Другія двѣ башни были взяты послѣдовательно одна за другою маіоромъ Лисаневичемъ,—и въ одной изъ нихъ, Хаджи-Кале, былъ убитъ самъ Джаватъ-ханъ, не захотѣвшій искать спасенія въ бѣгствѣ. Видя безвыходность своего положенія, онъ сѣлъ на пушку и съ саблею въ рукѣ защищался пока не былъ изрубленъ капитаномъ Каловскимъ, который и самъ тутъ же былъ убитъ татарами. Смерть хана внесла смятеніе въ ряды непріятеля; онъ скоро былъ сброшенъ со стѣнъ, и маіоръ Лисаневичъ, разгоняя штыками послѣдніе, еще державшіеся кое-гдѣ непріятельскіе резервы, пробился къ воротамъ, заваленнымъ тяжелыми каменьями. Но пока онъ разбрасывалъ ихъ, пока сбивалъ тяжелые засовы, солдаты успѣли перетащить за собой на стѣны огромныя пятисаженныя лѣстницы и по нимъ стали спускаться въ городъ.

А въ городѣ въ это время стояло ужасное смятеніе. Толпы татаръ, и конныхъ, и пѣшихъ, въ безпорядкѣ носились по улицамъ, тщетно разыскивая уже погибшій ханскій бунчукъ. Растерявшіеся жители прятались въ домахъ и сараяхъ, женщины оглашали воздухъ неистовыми криками. Между тѣмъ солдаты штыками очищали отъ непріятеля улицы, сплошь покрытыя мертвыми тѣлами, и захватывали добычу, находя даже на лошадяхъ драгоцѣнные золотые уборы. Къ полудню бой сталъ утихать и вспых-

нулъ вновь только на одинъ моментъ, когда солдаты наткнулись на пятьсотъ татаръ, засѣвшихъ въ мечети. Сперва имъ предложили сдаться; но когда узнали, что въ числѣ запершихся находятся лезгины, это послужило сигналомъ для смерти всѣхъ защитниковъ,—такъ сильна была ненависть къ лезгинамъ уже и въ русскихъ войскахъ.

Циціановъ глубоко оцѣнилъ подвиги солдатъ при взятіи ганжинской крѣпости.

„Что касается до меня"—писалъ онъ по этому поводу:—„то я не пришелъ еще въ себя отъ трудовъ, ужасной картины кровопролитнаго боя, радости и славы. Счастливый штурмъ этотъ есть доказательство моральнаго превосходства русскихъ надъ персіянами и того духа увѣренности въ побѣдѣ, который питать и воспламенять въ солдатахъ считаю первою моею цѣлью".

Въ Ганжѣ взяты были 9 знаменъ, 12 орудій, 6 фальконетовъ и большіе запасы оружія и провіанта. Русскимъ же ганжинскій штурмъ стоилъ 17 офицеровъ и 227 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя. Но за то вооруженный непріятель былъ совершенно уничтоженъ. Достойно однако замѣчанія, что изъ девяти тысячъ женщинъ, находившихся въ городѣ, ни одна не погибла во время штурма—обстоятельство неслыханное и непонятное въ краѣ, поставившее въ тупикъ азіятцевъ, съ удивленіемъ видѣвшихъ, что гяуры никого не увлекаютъ въ рабство, какъ того требовалъ давно установившійся въ Азіи обычай.

Въ числѣ плѣнныхъ представлено было князю Циціанову ханское семейство, въ самомъ несчастномъ и жалкомъ положеніи. Уважая военную доблесть павшаго геройскою смертію хана, главнокомандующій даровалъ его семейству свободу и щедро одарилъ его деньгами и подарками. Этотъ великодушный поступокъ быстро сталъ извѣстенъ въ горахъ, вызывая новое удивленіе и возвышая славу Циціанова.

Впечатлѣніе отъ паденія Ганжи было такъ сильно въ краѣ, что татары и понынѣ хранятъ память о немъ въ своихъ былевыхъ пѣсняхъ. Вотъ что говорится въ одной изъ нихъ:

„Братья! послушайте меня старика: я разскажу вамъ исторію гибели славнаго города Ганжи.

„Я помню самъ ту страшную минуту, когда на главныхъ бастіонахъ перестали вѣять наши знамена.

„Не думая о другихъ убитыхъ, мы плакали только о храбромъ Джаватъ-ханѣ, въ лицѣ котораго утратили послѣднюю надежду, и грозная когда-то Ганжа уже почти безъ боя сдалась русскимъ.

„Тѣло бѣднаго хана было брошено на улицу; но мы схоронили его, и ждали себѣ подобной же участи, тѣмъ болѣе, что Шемаха и Шуша не дали намъ обѣщанной помощи.

„Ганжа пала въ самую ночь великаго байрама, и вмѣсто праздника и радости мы видѣли только кровь, рѣкою омывающую крѣпость.

„Испуганныя женщины были полумертвы; и куда дѣвалась тогда красота ихъ? Она, какъ роза, убитая дыханіемъ бури и холода, сбѣжала съ ихъ лицъ.

„Не русскіе дѣлали намъ притѣсненія: обидно было смотрѣть, какъ драгоцѣнности Ганжи переходили въ руки казахцевъ и барчалинцевъ.

„Но прошедшаго не воротишь. Великъ Аллахъ, предопредѣлившій жребій нашъ! Взгляните, друзья, на нашу настоящую жизнь: не счастливѣе ли мы теперь во сто кратъ, чѣмъ были прежде“.

Взятіе Ганжи было событіемъ чрезвычайной важности уже и потому, что крѣпость эта считалась ключомъ къ сѣвернымъ провинціямъ Персіи. Поэтому, желая убѣдить побѣжденныхъ, что русскіе уже никогда не оставятъ завоеваннаго края и что самое названіе Ганжи должно истребиться изъ памяти народа, Цицiановъ назвалъ городъ Елизаветполемъ, въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Старая крѣпость, свидѣтельница штурма, уже давно стоитъ въ развалинахъ; но и теперь еще видны остатки ханскаго дома, сераля и другихъ построекъ. Въ одной изъ нихъ посѣтителямъ показываютъ двѣ небольшія комнаты, которыя занималъ князь Цицiановъ по взятіи крѣпости и гдѣ онъ любилъ останавливаться, посѣщая Ганжу впослѣдствіи. Понынѣ же стоитъ и скромная мечеть, осѣненная гигантскими чинарами, которыя считаются ровесниками самому зданію, имѣющему за собою болѣе 250 лѣтъ. Дворъ

мечети обнесенъ каменною стѣною, и по ней кругомъ устроены помѣщенія для духовенства, школъ и дервишей. Двѣ маленькія комнатки, которыя занималъ покоритель Ганжи во время осады, уцѣлѣли до нашего времени въ своемъ первобытномъ видѣ, и князь Воронцовъ, сподвижникъ геройскихъ дѣлъ Циціанова, будучи уже намѣстникомъ, приказалъ помѣстить на наружной сторонѣ этого жилища мраморную доску съ надписью изъ золоченой бронзы.

Всѣмъ участникамъ осады и штурма Ганжи были пожалованы особыя серебряныя медали; Циціановъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. Но онъ, какъ свидѣтельствуютъ его письма, былъ огорченъ этою наградою: онъ ожидалъ Георгія 2 класса.

Не столь удаченъ былъ походъ Гулякова, отправившагося, какъ мы видѣли, въ Джаро-Бѣлоканскую область. Онъ быстро перешелъ Алазань и разбилъ пришедшихъ туда на помощь дагестанцевъ; но, увлеченный желаніемъ проникнуть въ самыя нѣдра горъ, неосторожно вдался въ тѣсное закатальское ущелье и былъ тамъ убитъ стремительно напавшимъ непріятелемъ. Отрядъ, потерявши любимаго начальника, отступилъ обратно къ Алазани. Однакоже этотъ бой былъ до того упоренъ и потери непріятеля такъ велики, что спустя нѣсколько дней лезгины сами прислали просить о пощадѣ.

„Неблагодарные! писалъ по этому поводу главнокомандующій въ своей прокламаціи къ джарскому народу: — знайте, что тотъ, кто имѣетъ силу въ рукахъ, не торгуется со слабымъ, а имъ повелѣваетъ. Не обманете вы меня въ другой разъ. Истреблю васъ всѣхъ съ лица земли, и не увидите вы своихъ селеній; пойду съ пламенемъ по вашему обычаю, и хотя русскіе не привыкли жечь, но я спалю все, что не займу войсками, и водворюсь навѣки въ вашей землѣ. Знайте, что, писавъ сіе письмо къ вамъ неблагодарнымъ, кровь моя кипитъ, какъ вода въ котлѣ, и члены дрожатъ отъ ярости. Не генерала я къ вамъ пошлю съ войсками, а самъ пойду; землю вашей области покрою кровью вашей, и она покраснѣетъ, но вы какъ зайцы уйдете въ ущелья, и тамъ васъ достану, и буде не отъ меча, то отъ стужи поколѣете“...

Гнѣвъ Циціанова простирался и на союзниковъ джарцевъ.

„Безстыдный и съ персидскою душою султанъ, писалъ онъ, къ елиссуйскому владѣльцу:—и ты еще смѣешь писать ко мнѣ. Въ тебѣ собачья душа и ослиный умъ, такъ можешь ли ты своими коварными отговорками обмануть меня? Знай, что доколѣ ты не будешь вѣрнымъ данникомъ моего государя, дотолѣ буду желать твоею кровью вымыть мои сапоги".

Въ такомъ же родѣ прокламація отправлена была имъ и къ самухскому владѣльцу Шеримъ-беку, который не только помогалъ лезгинцамъ, но изъ особой пріязни къ ганжинскому хану принялъ къ себѣ его дѣтей, бѣжавшихъ изъ Ганжи во время осады.

„Шеримъ-беку Самухскому, писалъ главнокомандующій: — со мною, высокославныхъ россійскихъ войскъ главнымъ начальникомъ, переписываться и пересылаться послами не кстати и для меня— низко. Когда вы боялись Джавата-хана, то какъ же меня не боитесь? И какъ вы осмѣлились принять дѣтей его, бѣжавшихъ отсюда во время штурма? Бросьте всѣ ваши глупости, и безъ всякой отговорки представьте ихъ ко мнѣ. Имъ худа не будетъ. Пріѣзжайте тотчасъ съ покорностію, а если замедлите, то я васъ и на землѣ и въ водѣ найду. Вспомните, что слово свое держать умѣю. Сказалъ, что джарскую провинцію сокрушу—и сокрушилъ; сказалъ, что царскую фамилію, раздирающую Грузію, изъ Грузіи вывезу, и вывезъ; сказалъ, что Ганжу возьму, и взялъ. Теперь судите, можете ли вы равняться съ нами".

Впечатлѣніе отъ этихъ прокламацій было таково, что 3-го апрѣля 1804 года въ Тифлисъ съѣхались депутаты отъ джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ, елиссуйскій султанъ и самъ Шеримъ-бекъ вмѣстѣ съ дѣтьми ганжинскаго хана. Всѣ они были обложены данью и присягнули на вѣчную покорность русскимъ государямъ.

„Нашъ князь, сказалъ по этому поводу Павелъ Михайловичъ Карягинъ:—сдѣлавъ музыку изъ ядеръ и пуль, всякаго хана по своей дудкѣ плясать заставитъ".

Завоеванія Циціанова и особенно паденіе Ганжи, считавшейся неодолимою твердынею въ этой части Востока, произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на Персію, гдѣ справедливо подозрѣвали, что Циціановъ на этомъ не остановится.

Опасенія Персіи оправдались, и уже лѣтомъ 1804 года Ци-

ціановъ отправился въ походъ на Эривань. Непріятельскія арміи, встрѣтившія его подъ Эчміадзиномъ, и потомъ у д. Калагири, оба раза были разбиты, и Ціціановъ обложилъ Эривань. Къ сожалѣнію этотъ походъ, блестящій цѣлымъ рядомъ подвиговъ, прославившихъ имена Портнягина, Монтрезора и другихъ, въ концѣ концовъ все-таки окончился неудачею, благодаря ненастной осени, затрудненіямъ въ доставкѣ провіанта и многимъ другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Ціціановъ долженъ былъ снять осаду и возвратиться въ Грузію. Впрочемъ, и этотъ неудачный походъ нанесъ такой ударъ Эриванскому ханству, что почти непосредственно за тѣмъ, въ январѣ 1805 года, генералъ Несвѣтаевъ уже безъ усилій отторгнулъ отъ него и присоединилъ къ русскимъ владѣніямъ важную Шурагельскую область, прикрывшую Грузію не только со стороны Эривани, но и со стороны турецкихъ крѣпостей Карса и Ардагана.

Тотчасъ по возвращеніи изъ эриванскаго похода, Ціціановъ началъ переговоры съ карабахскимъ ханомъ, склоняя его къ принятію русскаго подданства. Какъ только слухъ объ томъ распространился, шахъ, опасаясь навсегда лишиться еще одной важной области, съ давнихъ поръ находившейся въ зависимости отъ Персіи, послалъ въ Карабагъ значительное войско, и въ то же время щедрыми обѣщаніями старался привлечь на свою сторону хана. Восьмидесятилѣтній ханъ Ибрагимъ, знавшій по опыту коварство персидскаго двора и имѣя передъ глазами живой примѣръ въ правителѣ шигазскомъ, повѣрившемъ торжественной клятвѣ шаха и измѣннически убитомъ въ Тегеранѣ, не поддался обѣщаніямъ: онъ съ мужествомъ встрѣтилъ персидскія войска и наголову разбилъ ихъ при Дизанѣ.

Поздравляя карабагскаго хана съ побѣдой, Ціціановъ между прочимъ писалъ къ нему: „жаль, что самого (главнокомандующаго) не изловили, ибо, не истребивъ и не вырвавъ корня, дерево всегда выростаетъ, да и оскорбленіе, нанесенное Баба-Хану разбитіемъ сардаря, такъ велико, что къ веснѣ надлежитъ ожидать отъ него еще большаго числа войскъ“.

Сильная и довольно обширная крѣпость Шуша, столица Карабагскаго ханства, лежала только въ 80 верстахъ отъ персид-

ской границы и давала возможность сосредоточивать въ ней значительныя силы для дѣйствія противъ Персіи съ одной изъ самыхъ слабыхъ ея сторонъ. Зная важное стратегическое значеніе Шуши для русскихъ и опасаясь вліянія шаха, Циціановъ поспѣшилъ окончаніемъ переговоровъ и пригласилъ карабагскаго хана явиться въ Елизаветполь для подписанія трактата. Ибрагимъ прибылъ, и 6-го февраля 1805 года князь Циціановъ лично принялъ отъ него присягу на вѣрность русскому императору. Ханъ обязался платить подать въ 8000 червонцевъ; ему же дарованы почетная сабля, знамя съ русскимъ гербомъ и обѣщаны неприкосновенность правъ и сохраненіе его владѣній. Внуку его, взятому въ атаманы, тогда же опредѣлено ежегодное содержаніе отъ русскаго правительства въ 10 тысячъ рублей.

Вслѣдъ за Ибрагимомъ, 20 мая, принялъ русское подданство и Селимъ ханъ шекинскій, женатый на дочери карабагскаго владѣльца. Впрочемъ, надо сказать правду, что его вынудила къ этому исключительно вражда съ сосѣднимъ ширванскимъ ханомъ, тогда уже приближавшимся къ его границамъ. Для защиты Нухи князь Циціановъ приказалъ отправить русскій отрядъ и въ то же время извѣстилъ ширванскаго хана, что такъ какъ владѣнія Селима вошли отнынѣ въ составъ Россійской имперіи, то всякое покушеніе противъ нихъ будетъ жестоко наказано русскимъ оружіемъ.

Съ занятіемъ нами Шекинскаго ханства джаро-бѣлоканскіе лезгины очутились между двумя русскими отрядами, изъ которыхъ одинъ стоялъ на Алазани, другой въ Нухѣ,—и вѣковѣчные набѣги ихъ стали почти невозможными. Въ Карабагъ введено было также русское войско, и Шушу занялъ отрядъ изъ шести ротъ 17 егерскаго полка съ тремя орудіями, подъ начальствомъ маіора Лисаневича. Прибытіе войскъ оказалось какъ нельзя болѣе кстати, потому что на границахъ Карабага уже сосредоточивалась въ это время сильная персидская армія. Циціановъ предписывалъ Лисаневичу дѣйствовать наступательно, „разбить персіянъ“ и вообще вести нападенія такимъ образомъ, чтобы препятствовать имъ приближаться къ Араксу. „Въ подобномъ случаѣ, писалъ онъ:—ничто не дѣйствуетъ такъ, какъ сюрпризы, напримѣръ посадить пѣхоту

на лошадей карабагской конницы, ночью сдѣлать большой переходъ, спѣшиться и дѣйствовать егерями"...

Исполнить этомъ приказъ оказалось однако невозможнымъ. Пока Лисаневичъ стоялъ у Худо-перинскаго моста, 10 тысячъ персіянъ, подъ предводительствомъ Пиръ-Кули-хана, переправились въ разныхъ мѣстахъ черезъ Араксъ и потянулись къ Жабраильскимъ садамъ. Лисаневичъ встрѣтилъ ихъ со своимъ батальономъ и, послѣ упорнаго боя, отбросилъ за Араксъ, но и самъ онъ вынужденъ былъ поспѣшно возвратиться въ Шушу, куда призывалъ его ханъ для укрощенія бунта, возникшаго тамъ конечно не безъ участія персидской политики.

Между тѣмъ, съ отступленіемъ Лисаневича, главная персидская армія, подъ личнымъ предводительствомъ наслѣднаго принца Аббасъ-Мирзы, вошла въ Карабагъ. Но всѣ усилія ея разбились здѣсь о горсть русскихъ войскъ, предводимыхъ полковникомъ Карягинымъ, подвиги котораго въ эту эпоху носятъ на себѣ поистинѣ легендарный характеръ. Окруженный 20-тысячной персидскою арміей, сперва на Аскаранѣ, потомъ при Шахъ-Булахѣ и наконецъ въ Мухратѣ, Карягинъ почти три недѣли боролся со всѣми силами Аббасъ-Мирзы, не только съ честью отбивалъ нападенія, но самъ бралъ приступомъ персидскія укрѣпленія и наконецъ съ отрядомъ, уменьшеннымъ до ста штыковъ, пробился къ Циціанову, который шелъ къ нему на помощь съ четырьмя батальонами. Тогда персіяне поторопились уклониться отъ встрѣчи съ грознымъ русскимъ главнокомандующимъ. Самъ Фетъ-Али-Шахъ, уже перешедшій границу съ сорока-тысячною арміею, поспѣшно ушелъ за Араксъ; а Аббасъ-Мирза, попытавшійся еще держаться въ Елизаветпольскомъ округѣ, былъ разбитъ полковникомъ Карягинымъ. Отрядъ самого Циціанова окончилъ кампанію можно сказать безъ выстрѣла, и только одной сборной сотнѣ донскихъ и линейныхъ казаковъ, подъ командой гребенскаго есаула Фролова 2, удалось ознаменовать себя блистательнымъ подвигомъ; окруженная двухтысячнымъ коннымъ отрядомъ персіянъ, она защищалась съ чрезвычайнымъ упорствомъ, и хотя потеряла четвертую часть своихъ казаковъ, но задержала персіянъ настолько, что дала возможность пѣхотѣ Циціанова совершить переправу черезъ рѣку Теръ-Теръ безъ всякой помѣхи.

Такъ окончилась кампанія 1805 года, сопровождавшаяся такими подвигами мужества и самоотверженія, которые казались чудесными даже въ глазахъ самихъ современниковъ. „У васъ совершаются дѣла баснословныя“, писалъ къ Цицiанову одинъ петербургскій вельможа:—„слыша о нихъ дивишься имъ и радуешься, что имя русскихъ и Цицiанова гремитъ въ странахъ отдаленныхъ“...

Но стремленія Цицiанова шли далѣе обезпеченія русскихъ владѣній со стороны Персіи и Турціи. Онъ понималъ, что не имѣя ни одного торговаго пункта ни на Каспійскомъ, ни на Черномъ моряхъ, почти невозможно удержаться въ Закавказьѣ, имѣвшемъ единственное сообщеніе съ Россіей черезъ горы, доступныя притомъ не во всякое время года. Между тѣмъ переговоры съ Турціей объ уступкѣ Поти не привели ни къ какимъ результатамъ. Тогда, чтобы какъ-нибудь помочь дѣлу, Цицiановъ заложилъ въ Мингреліи, при устьяхъ Хопи, небольшое укрѣпленіе Редутъ-Кале, и во то же время, пользуясь войною съ Персіей, задумалъ занять Баку и утвердиться на Каспійскомъ морѣ. Съ этой цѣлію отправлена имъ еще въ 1805 году Каспійская флотилія съ десантомъ, подъ командою генералъ-маіора Завалишина. Завалишинъ обложилъ Баку съ суши и съ моря; но когда на помощь къ бакинцамъ пришло многочисленное войско кубинскаго хана, русскія войска отступили и сѣли на суда, не успѣвъ причинить никакого вреда осажденнымъ. Князь Цицiановъ былъ чрезвычайно огорченъ поступкомъ Завалишина. „Скажу вашему превосходительству, писалъ онъ ему изъ Тифлиса:—что если бы я не ходилъ по горницѣ на костыляхъ отъ изнурившей меня болѣзни, то я бы полетѣлъ самъ на выручку славы русской, и скорѣе легъ бы подъ стѣнами Баку, нежели далъ бы кичиться Гуссейнъ-Кули-хану тѣмъ, что онъ отбилъ русскія войска, и что они ничего ему не сдѣлали“.

Мысль эта до того тревожила князя Цицiанова, что онъ не вытерпѣлъ наконецъ, и въ зимнее, ненастное время, еще не оправившись отъ тяжкихъ болѣзней, самъ двинулся подъ Баку съ отрядомъ, въ которомъ считалось 1600 штыковъ и 10 орудій. (Это были два батальона Севастопольскаго полка, 6 ротъ Егер-

скаго полка, 128 чел. Тифлисскаго и до двухсотъ казаковъ донскихъ и линейныхъ). Пароксизмы изнурительной лихорадки, повторявшіеся по нѣскольку разъ въ день, окончательно добивали здоровье Циціанова. Во время похода, его нерѣдко снимали съ лошади и клали на землю; подъ снѣгомъ и дождемъ онъ выдерживалъ сильные припадки и потомъ догонялъ отрядъ на привалахъ.

Войска шли черезъ Ширванское ханство, и Циціановъ, такъ сказать, мимоходомъ присоединилъ его къ русскимъ владѣніямъ. 25-го декабря 1805 года Мустафа ханъ ширванскій подписалъ условія подданства, и теперь со стороны Каспійскаго моря оставалось покорить только Баку. Циціановъ и приказалъ извѣстить Гуссейнъ-Кули-хана бакинскаго, что идетъ съ твердымъ намѣреніемъ или взять городъ, или *умереть подъ его стѣнами.* Послѣ труднаго перехода черезъ Шемахинскія горы отрядъ вступилъ въ границы Бакинскаго ханства и 30-го января 1806 года остановился при урочищѣ Нахаръ-Булагѣ. Отсюда князь Циціановъ и потребовалъ сдачи города. Гуссейнъ-Кули-ханъ отвѣчалъ, что безусловно отдается милосердію русскаго государя: но втайнѣ онъ замышлялъ гнусное и черное злодѣйство. Наступилъ день, назначенный для сдачи Баку. Утромъ 8-го февраля 1806 года, главнокомандующій въ полной парадной формѣ и въ сопровожденіи лишь небольшаго караула, назначеннаго для занятія крѣпости, приблизился къ колодцу, отстоявшему на полуверсту отъ города. Здѣсь ожидали его бакинскіе старшины, которые подали ему ключи отъ городскихъ воротъ и просили лично успокоить хана насчетъ его участи. Главнокомандующій отвѣчалъ, что радъ увидѣть стараго знакомаго, и возвратилъ ключи съ тѣмъ, чтобы Гуссейнъ вручилъ ему ихъ лично. Ханъ не замедлилъ выѣхать изъ крѣпости, и Циціановъ довѣрчиво пошелъ къ нему на встрѣчу, безъ свиты, сопровождаемый только своимъ адъютантомъ подполковникомъ Эристовымъ и однимъ казакомъ. Но едва Циціановъ приблизился къ хану, спутники послѣдняго, бывшіе верхомъ, вдругъ бросились на него—и онъ упалъ, убитый на повалъ выстрѣломъ изъ пистолета. Та же участь постигла и Эристова. Бакинцы съ крѣпостной стѣны привѣтствовали убійство радостнымъ крикомъ и залпомъ изъ всѣхъ орудій по отряду, стоявшему у колодца. Между тѣмъ

убійцы подхватили тѣла и умчали ихъ съ собою. Наступила критическая минута, въ которую рѣшался вопросъ о достоинствѣ, чести и славѣ русскаго имени. Къ сожалѣнію, оставшійся старшимъ въ отрядѣ генералъ-маіоръ Завалишинъ оказался ниже своей задачи и малодушно, подъ предлогомъ недостатка провіанта и большаго числа больныхъ (какъ будто бы этихъ обстоятельствъ не существовало при Циціановѣ!),—поспѣшно отступилъ отъ крѣпости, вмѣсто того, чтобы немедленнымъ и грознымъ штурмомъ отомстить за смерть главнокомандующаго. Онъ посадилъ войска на суда и, бросивъ Закавказье, отплылъ съ ними въ Дагестанъ, въ шамхальскія владѣнія, откуда съ трудомъ пробрался на линію. Такъ кончился этотъ несчастный походъ, въ которомъ восточное вѣроломство погубило одного изъ лучшихъ русскихъ людей и военачальниковъ.

„Голова генерала Циціанова, полная отваги и предпріимчивости, и руки его, крѣпкія мышцами, распространявшія власть,— говоритъ персидскій историкъ: — были отсѣчены отъ трупа и отправлены въ Ардебиль, а оттуда съ большими торжествомъ препровождены въ столицу, Тегеранъ, къ персидскому шаху“. Тѣло же его было зарыто у воротъ самой Бакинской крѣпости, гдѣ долгое время виднѣлась могила грознаго русскаго главнокомандующаго. Циціановъ какъ будто предчувствовалъ свою кончину. Незадолго передъ тѣмъ онъ писалъ къ своему другу Василію Николаевичу Зиновьеву: „Государь ко мнѣ весьма милостивъ и обѣщаетъ отсель меня взять къ себѣ... Помолись, чтобы я выѣхалъ цѣлъ или живъ. Я выведу тебѣ славную лошадь, подъ именемъ Заидъ-ханъ, росту большаго, ѣзды прекрасной, и тебѣ она по завѣщанію назначена, хотя бы я здѣсь умеръ или убитъ былъ. Я считаю тебя ѣздокомъ и охотникомъ, а она моя любимая лошадь, и я всегда на ней бывалъ въ сраженіяхъ“.

Генералъ Ладынскій разсказываетъ также странный случай, котораго былъ очевидцемъ. Когда Циціановъ собирался въ походъ подъ Баку, ему проѣздомъ пришлось довольно долго жить въ Елизаветполѣ. Тамъ каждую ночь на крышѣ его сакли появлялась собака и страшно выла. Ее убили; но на мѣсто ея стали являться другія, и зловѣщія завыванія ихъ по ночамъ не давали

покоя больному князю. Встревоженный Циціановъ приказалъ перебить всѣхъ собакъ въ Елизаветполѣ. Собакъ перебили, но суевѣрныя ожиданія, вызванныя этимъ загадочнымъ фактомъ, къ несчастію, исполнились...

Впослѣдствіи, когда Баку была взята генераломъ Булгаковымъ, прахъ знаменитаго кавказскаго героя былъ преданъ погребенію въ тамошней армянской церкви, а спустя еще шесть лѣтъ, новый главнокомандующій, маркизъ Паулуччи, перенесъ его въ столицу Грузіи, и тѣло князя Циціанова покоится нынѣ въ Тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ.

Перенесеніе тѣла совершилось съ печальной торжественностью 27-го ноября 1811 года. Гробъ былъ поднятъ и вынесенъ на рукахъ офицерами бакинскаго гарнизона, при огромномъ стеченіи мѣстныхъ жителей. Князь Эристовъ, Тумановъ и князь Чавчавадзе, присланные сюда главнокомандующимъ, сопровождали его до самаго Тифлиса. Повсюду войска выходили на встрѣчу славному вождю, когда-то обезглавленному и зарытому

....безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ...

Весь Тифлисъ вышелъ на встрѣчу процессіи и въ безмолвіи сопровождалъ прахъ доблестнаго князя до новой могилы, приготовленной для него въ древнѣйшемъ храмѣ Иверійской земли. По приказанію маркиза Паулуччи, надъ могилою его тогда же поставленъ былъ памятникъ съ краснорѣчивой надписью, подробно разсказывающей страшную исторію гибели Циціанова, „котораго враги, бывъ слабы побѣдить силою, умертвили измѣннически“.— „Подъ симъ монументомъ—говоритъ эпитафія—сокрыты тлѣнные останки Циціанова, коего слава переживетъ прахъ его“.

Впослѣдствіи этотъ памятникъ былъ замѣненъ другимъ. Первая мысль и забота о немъ принадлежали Паскевичу, во времена управленія котораго Кавказомъ, въ 1830 году, составленъ былъ и самый проектъ памятника петербургскимъ архитекторомъ Штаубергомъ. Камни породъ яшмы и порфира выломаны были для него изъ скалъ Казбека; но доставленные въ Тифлисъ въ 1838 г. въ грубомъ видѣ, они оставались такъ почти десятилѣтіе, и

только уже въ сороковыхъ годахъ свѣтлѣйшій князь Воронцовъ докончилъ начатое Паскевичемъ дѣло.

Въ князѣ Циціановѣ Закавказье понесло невознаградимую утрату. Но и въ короткое время, проведенное имъ тамъ, онъ съумѣлъ совершенно измѣнить карту этого края. Циціановъ засталъ Закавказье состоящимъ изъ раздробленныхъ, независимыхъ опиравшихся на Персію магометанскихъ владѣній, ханствъ: Бакинскаго, Ширванскаго, Шекинскаго, Карабагскаго, Ганжинскаго и Эриванскаго; сюда же надо причислить земли джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ, пашалыкъ Ахалцыхскій и крѣпости, лежавшія въ турецкихъ владѣніяхъ по берегу Чернаго моря. Всѣ эти ханства, земли и крѣпости составляли враждебное кольцо, охватывающее съ трехъ сторонъ грузинскія земли, между которыми Мингрелія и Имеретія тоже враждовали и между собою и съ Грузіей, раздираемой къ тому же спорами царевичей. Но прошли три года—и Циціановъ оставилъ Закавказье почти въ теперешнихъ его предѣлахъ, спокойнымъ и покорнымъ отъ моря до моря. И все это совершено имъ въ такое время, когда Россія, занятая приготовленіями къ великимъ войнамъ, не много могла дать Кавказу, когда прибытіе туда одного какого-нибудь полка считалось уже громаднымъ подкрѣпленіемъ.

Циціановъ былъ не только замѣчательнѣйшимъ полководцемъ, создавшимъ духъ кавказскаго солдата, но и выдающимся администраторомъ. При немъ приступлено было къ разработкѣ дороги съ Кавказской линіи въ Грузію, возобновленъ Владикавказъ и учреждено правильное почтовое сообщеніе по военно-грузинскому тракту. Среди безпрерывныхъ походовъ и битвъ, Циціановъ не переставалъ помышлять о борьбѣ съ невѣжествомъ, въ которомъ погрязло все народонаселеніе Грузіи, хлопоталъ объ учрежденіи въ Тифлисѣ гимназій, о присылкѣ учителей русскаго языка, о доставкѣ книгъ и пр.

Въ тъ же время про Циціанова съ полнымъ правомъ можно сказать: „человѣкъ онъ былъ“. Его гуманныя заботы о своихъ боевыхъ сподвижникахъ представляютъ рѣдкій и трогательный примѣръ. Такъ, въ первыя минуты послѣ ганжинскаго штурма, среди тяжкихъ заботъ главнокомандующаго, онъ собираетъ свѣ-

дѣнія не о погибшихъ только, а и о тѣхъ, кто понесъ въ этихъ погибшихъ тяжкую, невозвратимую утрату. Въ рапортѣ государю, писанномъ, можно сказать, еще на дымящихся развалинахъ крѣпости, Циціановъ, говоря о смерти поручика Кейта, прибавляетъ тутъ же, что „послѣ него осталась жена въ бѣднѣйшемъ положеніи"; донося о смерти стараго 60-лѣтняго маіора Бартенева, онъ проситъ въ память отца наградить слѣдующимъ чиномъ сына, „дабы онъ могъ поспѣшить относительно храбрости по слѣдамъ почтеннаго отца своего"... Удивительно ли послѣ того, что князь Циціановъ былъ такъ любимъ своими подчиненными.

Исполненный необыкновеннаго ума, храбрости, одаренный проницательностію и твердою волею, хорошо знакомый съ характеромъ восточныхъ народовъ, Циціановъ гордо и высоко держалъ русское знамя, и оставилъ послѣ себя славную память, которая никогда не умретъ въ исторіи русскихъ кавказскихъ войнъ.

XXV.

Генералъ Гуляковъ.

(Покореніе лезгинъ.)

Съ именемъ генералъ-маіора Гулякова соединяется представленіе о геройской личности, положившей предѣлъ разбойническимъ набѣгамъ хищныхъ лезгинъ на Грузію.

Василій Семеновичъ Гуляковъ происходилъ изъ дворянъ Калужской губерніи и началъ службу въ 1768 году, рядовымъ въ одномъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ. Тридцатишести-лѣтнее поприще его совпадаетъ съ эпохою важнѣйшихъ событій царствованія Екатерины; до прибытія на Кавказъ Гуляковъ уже участвовалъ въ войнахъ турецкой, польской и шведской, подъ начальствомъ знаменитѣйшихъ вождей Екатерининскаго вѣка, и въ битвѣ со шведами былъ раненъ ружейною пулею въ правое плечо. Съ производствомъ въ генералы, въ январѣ 1800 года, онъ былъ назначенъ шефомъ Кабардинскаго полка, стоявшаго тогда на Кавказской линіи, въ Георгіевскѣ, откуда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ эпоху окончательнаго присоединенія Грузіи, полкъ передвинутъ былъ въ Тифлисъ и прибылъ туда 23 сентября 1800 года.

Еще задолго до солнечнаго восхода, толпы тифлисскихъ жителей

стали собираться за Верскимъ предмѣстьемъ, поджидая къ себѣ дорогихъ гостей. За городомъ разбиты были два шелковые намета для помѣщенія лицъ царской фамиліи. Царь былъ боленъ, но, несмотря на то, выѣхалъ въ линейкѣ, сопровождаемый всѣми царевичами и своею супругой, которую, по обычаю грузинъ, несли въ великолѣпномъ паланкинѣ.

День насталъ ясный и солнечный, но дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, напоминавшій приближеніе осени. И вотъ, загремѣли барабаны и изъ-за ближней горы, щетинясь штыками, выдвинулась масса, еще неопредѣленная и темная, но надъ которою гордо развѣвалось побѣдное русское знамя. То были кабардинцы. Ближе и ближе приближался полкъ, и все яснѣе вырисовывались изъ-подъ густой тучи пыли загорѣлыя лица солдатъ, перешедшихъ заоблачныя выси Кавказа.

Царь и за нимъ вся свита сѣли на коней и тронулись на встрѣчу къ полку. Полкъ остановился, барабаны ударили походъ, знамена склонились и русское „ура" понеслось на встрѣчу царскому поѣзду. Въ ту же минуту, какъ бы въ отвѣтъ на это привѣтствіе, загудѣли церковные колокола въ Тифлисѣ и раздались пушечные выстрѣлы со старыхъ стѣнъ Метехскаго замка. Народъ, не сдерживая больше нахлынувшаго чувства радости, живою волною охватилъ колонну, разстроилъ ея ряды и братскимъ цѣлованіемъ привѣтствовалъ пришедшихъ.

Торжественна была эта встрѣча, при которой даже столѣтніе старики, помнившіе бѣдственные дни Грузіи, не хотѣли оставаться въ домахъ и выходили за ворота, чтобы благословить дрожащею рукою солдатъ, пришедшихъ на помощь ихъ родинѣ. Цѣлый день пировалъ народъ на улицахъ Тифлиса и злорадно устраивалъ враждебныя манифестаціи персидскому посланнику.

Полкъ Гулякова не долго оставался въ Тифлисѣ; спустя короткое время, одинъ изъ его батальоновъ уже участвовалъ съ отрядомъ генерала Лазарева въ знаменитомъ пораженіи Омаръ-хана Аварскаго на рѣчкѣ Іорѣ, а одинъ изъ офицеровъ этого батальона, храбрый штабсъ-капитанъ Новицкій, собственноручно взялъ аварское знамя—первый боевой трофей Кабардинскаго полка въ Закавказьѣ. Самъ Гуляковъ командовалъ въ бою пра-

вымъ крыломъ и былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ побѣды.

„Умалчиваю въ своемъ представленіи о генералъ-маіорѣ Гуляковѣ, доносилъ Лазаревъ главнокомандующему въ Грузіи:— ибо геройскіе поступки его и неустрашимость превосходятъ всякое засвидѣтельствованіе. Скажу только, что онъ во время сраженія находился всегда впереди каре, служа во всемъ примѣромъ своимъ подчиненнымъ, которые единодушно воздаютъ ему справедливую признательность и выказываютъ къ нему непреоборимую въ подобныхъ случаяхъ довѣренность". Императоръ Павелъ пожаловалъ Гулякову командорскій крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а его батальонъ получилъ мальтійское (георгіевское) знамя, съ надписью на немъ: „Съ нами Богъ! За взятіе у аварскихъ войскъ знамени, при рѣкѣ Іорѣ, 7 ноября 1800 года".

По изгнаніи лезгинъ, Кабардинскій полкъ остался въ Кахетіи и занялъ побаталіонно города Телавъ и Сигнахъ. Здѣсь застало Гулякова извѣстіе о смерти послѣдняго грузинскаго царя Георгія, вызвавшее большія смуты. Кахетинцы провозгласили его преемникомъ царевича Юлона, и если дѣло не дошло въ Кахетіи до крови, то только благодаря твердости и тактичности генерала.

Между тѣмъ наступало время окончательнаго разсчета съ лезгинами, набѣги и грабежи которыхъ приняли въ это время особенно тревожный характеръ. Это были тѣ самые лезгины, которые еще при Шахъ-Аббасѣ спустились съ горъ въ цвѣтущія долины по Алазани и образовали нѣсколько вольныхъ обществъ, изъ которыхъ ближайшее и самое опасное для Грузіи было Джаро-Бѣлоканское. Владѣя богатыми землями въ Кахетіи, лезгины не утратили однако суровой воинственности, нѣкогда воспитанной въ нихъ горною природой, и войну предпочитали торговлѣ, ремесламъ и хлѣбопашеству. Джары, Бѣлоканы и Катехи, три главныя селенія этого гёза (союза), скоро сдѣлались центрами, куда со всѣхъ сторонъ Дагестана сходились удальцы, жаждавшіе добычи, и откуда, подъ руководствомъ джарскихъ старшинъ, они устремлялись на Грузію. Когда Персія владѣла нынѣшнимъ Закавказскимъ краемъ, то для защиты Грузіи отъ горцевъ шахъ вынужденъ былъ содержать постоянно большое охранное войско; но и

войско это не помогало Грузіи; лезгины прокрадывались до самаго Тифлиса и изъ-подъ стѣнъ его уводили въ плѣнъ цѣлыя селенія. Грозный завоеватель Востока, Шахъ-Надиръ, вздумалъ было наказать дерзость лезгинъ и послалъ на нихъ многочисленное войско; но горцы укрѣпились въ Бѣлоканахъ, и при штурмѣ его 14,000 грузинъ и братъ Шахъ-Надира пали жертвами гибельной неудачи. Съ тѣхъ поръ лезгины стали считаться непобѣдимыми. Русскіе, занявши Кахетію, уже поколебали эту грозную славу еще при Кноррингѣ,—а на долю Циціанова досталось сдѣлать то. чего не могъ сдѣлать Шахъ-Надиръ,—взять Бѣлоканы и окончательно разрушить разбойничье гнѣздо, постоянно державшее въ страхѣ все Закавказье. Поводы къ этому представились очень скоро.

Съ окраинъ Грузіи то и дѣло получались весьма тревожныя извѣстія. Настойчиво держался слухъ, что лезгины, въ числѣ 8 тысячъ, собираются въ Бѣлоканахъ и только ожидаютъ таянія горныхъ снѣговъ, чтобы въ конецъ разорить Кахетію. Были и другія, нерѣдко противорѣчивыя извѣстія. Сигнахскій исправникъ увѣдомлялъ, напримѣръ, что джарскіе старшины, изъявляя покорность, готовы выдать скрывающагося у нихъ мятежнаго царевича Александра; квартировавшій же тамъ съ батальономъ Кабардинскаго полка подполковникъ Соленіусъ писалъ напротивъ, что джарцы готовятся ко вторженію въ Грузію; а самъ Гуляковъ, находившійся на Алазанской переправѣ, доносилъ, что въ Кахетію присланы отъ царевича Александра разныя лица, подговаривающія жителей къ содѣйствію лезгинамъ, и что многіе изъ дворянъ и князей кахетинскихъ, слѣдуя подговорамъ, бѣжали въ Бѣлоканы.

Желая знать истину, Циціановъ поручилъ Гулякову сдѣлать обширную рекогносцировку береговъ Алазани и собрать по возможности точныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ непріятеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ избрать мѣста для постройки по Алазани передовыхъ редутовъ. Послѣднею мѣрою разсчитывали не только воспрепятствовать набѣгамъ лезгинъ на Кахетію, но и преградить имъ прямой путь изъ Дагестана въ Ахалцыхъ, заставивъ дѣлать для этого кружный обходъ черезъ Карабагское ханство.

Для экспедиціи составленъ былъ отрядъ изъ трехъ батальо-

новъ пѣхоты и двухъ казачьихъ сотенъ при восьми орудіяхъ, — а впослѣдствіи къ нему присоединилось еще и до пяти тысячъ грузинской милиціи.

Около полудня 4-го марта 1803 года, отрядъ подошелъ къ броду Урдо и встрѣченъ былъ съ противоположнаго берега огнемъ лезгинъ, засѣвшихъ за валами. Гуляковъ ввелъ въ дѣло цѣлый батальонъ Кабардинскаго полка и, при содѣйствіи артиллеріи, заставилъ непріятеля очистить переправу. Однакоже бродъ этотъ, по крутости обоихъ береговъ, оказался настолько затруднительнымъ, что Гуляковъ избралъ для переправы черезъ Алазань другое, болѣе удобное мѣсто, у Анага.

Дорога, ведущая отсюда въ Бѣлоканы, была весьма трудна для движенія: вездѣ топкія болота, густые, почти дѣвственные лѣса, переправы черезъ тинистыя рѣки. Вдобавокъ погода была ненастная, и въ продолженіе трехъ дней сряду шелъ непрерывный дождь со снѣгомъ, растворившій почву до того, что лошади едва-едва тащили орудія. Подходя къ Бѣлоканамъ, казачьи разъѣзды открыли непріятельское укрѣпленіе, стоявшее въ самой чащѣ лѣса и огражденное съ фланговъ топкими болотами и камышами. Чтобы пройдти въ Бѣлоканы, надо было прежде взять это укрѣпленіе, а между тѣмъ здѣсь сосредоточилось до десяти тысячъ лезгинъ и при нихъ находились бѣглые грузинскіе царевичи.

Осмотрѣвши мѣстность, Гуляковъ предоставилъ честь взятія этого редута кабардинскимъ батальонамъ. Не теряя времени на безполезную перестрѣлку, онъ крикнулъ „въ штыки!“ и самъ во главѣ колонны бросился на приступъ. Къ общему удивленію, непріятель защищался такъ слабо, что только мѣстами завязались незначительныя рукопашныя схватки. Пробѣжавъ нѣсколько шаговъ за завалъ, солдаты замѣтили, что лѣсъ рѣдѣлъ, и скоро очутились на опушкѣ. Вдали виднѣлись Бѣлоканы, а все поле, на протяженіи двухъ или трехъ верстъ было покрыто бѣгущими лезгинами, за которыми неслись казаки и конные грузины.

Хотя Бѣлоканы находились на открытой и доступной мѣстности, но всякій почти домъ, окруженный каменной оградою, представлялъ собою отдѣльный фортъ и могъ служить хорошей обороною. Разбитые лезгины, по пятамъ преслѣдуемые русскою кон-

ницею, однако не успѣли занять Бѣлоканъ, и разсѣялись въ разныя стороны. Батальонъ Кабардинскаго полка, съ маіоромъ Алексѣевымъ во главѣ, двинулся вправо, чтобы отрѣзать лезгинамъ отступленіе въ горы, но успѣлъ настигнуть только ихъ хвостъ, который и поплатился значительною потерею.

Бѣлоканы были взяты безъ боя. Но такъ какъ жители бѣжали вслѣдъ за лезгинами, то Гуляковъ приказалъ обратить ихъ въ развалины, а самъ повернулъ отрядъ на Джары, главное селеніе Джаро-Бѣлоканскаго вольнаго общества. На пути, между тѣмъ, расположились войска нухинскаго хана, пришедшаго на помощь къ джарцамъ съ двумя пушками, и Гуляковъ готовился къ упорному бою. Но слухъ о разгромѣ Бѣлоканъ такъ быстро облетѣлъ окрестность, что едва передовыя партіи казаковъ появились у селенія Катехи, какъ нухинцы ушли и джарцы, покинутые своими союзниками, принесли покорность.

Существуетъ разсказъ, основанный, вѣроятно, на преданіи, а быть можетъ и на устной передачѣ событія однимъ изъ участниковъ сдачи Джаръ. Не придавая ему во всѣхъ подробностяхъ исторической достовѣрности, передаемъ его въ наиболѣе характерныхъ чертахъ, рисующихъ бытъ и обычаи лезгинъ и отражающихъ значеніе для нихъ дѣятельности Гулякова*).

Было уже за полночь. Въ Джарахъ, на дворѣ передъ домомъ Махмудъ-муллы, десятка три усталыхъ лошадей, покрытыхъ пѣной, съ опущенными мордами, стояли привязанными къ плетневому забору. Нукеры молча толпились во дворѣ: кто чистилъ оружіе, кто обтиралъ запыленную сбрую; на всѣхъ лицахъ изображались усталость и уныніе. У самаго крыльца конюхъ держалъ карабагскаго коня, бодраго и свѣжаго, покрытаго поверхъ сѣдла гилянскою попоной, расшитой узорными шелками.

У Махмудъ-муллы собрался „джаматъ". Въ совѣтѣ старшинъ шли совѣщанія по поводу послѣднихъ тревожныхъ событій: нашествія русскихъ, паденія Бѣлоканъ, и той грозы, которая висѣла надъ головами катехцевъ и джарцевъ. Присутствующіе въ джаматѣ сидѣли на коврахъ другъ противъ друга, но ихъ почтитель-

*) Разсказъ помѣщенъ въ одномъ изъ нумеровъ газеты «Кавказъ» за 1846 г.

ныя позы, съ поджатыми подъ себя ногами, указывали на присутствіе между ними знатной особы. Дѣйствительно, у пылающаго камина, на мягкой подушкѣ, небрежно сидѣлъ молодой человѣкъ, черныя тонкія брови котораго были нахмурены и быстрые глаза блуждали по сторонамъ съ безпокойствомъ.

Разсказчикъ не говоритъ, кто былъ незнакомецъ, подстрекавшій, какъ увидимъ ниже, лезгинъ къ сопротивленію русскимъ, но судя по описанію, то былъ одинъ изъ грузинскихъ царевичей,—быть можетъ даже Александръ, изгнанія котораго такъ настойчиво требовалъ Циціановъ.

Старый Махмудъ-мулла обратился къ собранію съ рѣчью.

— Мы разбиты, говорилъ онъ:—въ Бѣлоканахъ не осталось камня на камнѣ; русскіе приближаются; что намъ дѣлать: идти ли на встрѣчу съ шашкой, повѣшенной на шеѣ, или защищаться?

— Давно ли лезгины стали бояться смерти и научились вѣшать сабли на шеи? горячо прервалъ его незнакомецъ. — Или вы думаете, что, покорившись врагамъ, спасете имущество, и васъ не сгонятъ съ земли, издревле принадлежавшей Грузіи?

— Но мы безсильны остановить нашествіе врага, высокостепенный Ханъ-Заде (наслѣдникъ), произнесъ Махмудъ.

— Вы — безсильны только духомъ, возразилъ незнакомецъ.— Развѣ васъ было больше, когда вы разбили подъ Бѣлоканью войска Шаха-Надира? И что можетъ сдѣлать тысяча штыковъ, если вашъ союзъ поднимется единодушно? Вспомните, отцы ваши дорожили честью и славою больше, нежели жизнью и имуществомъ!

Энергія, дышавшая въ этихъ словахъ, напоминанія о прошлой славѣ лезгинъ—достигли своей цѣли, произвели впечатлѣніе. Джаматъ заволновался.

— Постойте, постойте, почтенные старшины, сказалъ тогда Махмудъ-мулла: — послушайте и меня старика: я долго жилъ на свѣтѣ и много видѣлъ. У тебя, высокостепенный Ханъ-Заде, есть поводъ поджигать насъ къ кровавой борьбѣ; но она грозитъ уничтожить наше благосостояніе. Мы еще не знаемъ, чего требуютъ русскіе; прежде выслушаемъ ихъ, покоримся на время, а не сдержать слова, обмануть гяуровъ—еще всегда успѣемъ.

— Махмудъ-мулла правъ, — заговорили голоса и большинство

уже готово было принять его рѣшеніе, какъ вдругъ вниманіе всѣхъ привлечено было тихими, ласкающими звуками чонгура. Вошелъ пѣвецъ въ платьѣ персіянина, но съ грузинскимъ лицомъ, и запѣлъ передъ джаматомъ слѣдующую старинную повѣсть:

„Въ дни кровавыхъ битвъ славнаго Фетъ-Али-хана, когда отъ Дербента до Куры развѣвались его побѣдоносныя знамена, и онъ готовился уже перенесть огонь и мечъ за воды Куры, разъ, на одномъ изъ его передовыхъ постовъ, сидѣло нѣсколько воиновъ, и каждый разсказывалъ то, что было съ нимъ въ жизни необыкновеннаго.

— „Тяжело вспоминать мнѣ былое мое, говорилъ одинъ шахсаванецъ:—оно камнемъ лежитъ у меня на сердцѣ. Образъ погибшей на моихъ глазахъ дѣвушки неотступно повсюду стоитъ передо мною, и даже въ битвахъ я слышу ея мольбы, заклинанія и проклятія. Какъ изступленный бросаюсь я на враговъ, ища смерти; но смерть бѣжитъ отъ меня. *Всѣ называютъ меня храбрымъ, а я—подлый трусъ!*

„Помню я ту роковую ночь, когда я тихо, какъ змѣя, подползъ къ знакомой кибиткѣ моей дорогой Гюльназъ... „Прости, мой милый, шептала она:—послѣдній разъ я въ твоихъ объятіяхъ; завтра въ это время обнимутъ меня другія, нелюбимыя руки, завтра отвезутъ меня къ старому мужу, и я не увижу тебя болѣе“. И она, рыдая, цѣловала меня въ уста и въ очи. Я уговаривалъ ее бѣжать со мною, я клялся ей, что небо и земля позавидуютъ нашему счастію—и скоро мы уже мчались съ ней по лугамъ Муганской степи. Все было тихо кругомъ, только вѣтеръ гнался за нами погоней, да рои змѣй, испуганные смѣлымъ скакуномъ, шипя расползались въ стороны.

„Солнце поднялось уже высоко и жгло невыносимо, когда мы остановились наконецъ въ тѣнистомъ лѣсу близъ Аракса. Утомленная Гюльназъ крѣпко заснула, а я повелъ купать усталаго коня. Возвращаясь, я услышалъ страшный вопль; въ ужасѣ бѣгу на крикъ и вижу... Чудовищный, громадный змѣй до груди уже поглотилъ Гюльназъ, и только раскинутыя руки ея остановили пасть чудовища...

— „Спаси меня... убей его... онъ душитъ меня“, кричала она.

Дрожь пробѣжала у меня по тѣлу, голова пылала; я прицѣлился, но руки трепетали, въ глазахъ темнѣло—и я опустилъ ружье.

— „Я задыхаюсь!.. Заколи его!..“ Кинжалъ дрожалъ въ моихъ рукахъ... Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, но не смѣлъ броситься на змѣя.

— „Если боишься,—дай мнѣ кинжалъ, я поражу чудовище“...

„Но я трепеталъ отъ страха. Стоны Гюльназъ пронзали меня, я видѣлъ ея глаза, обращенные ко мнѣ съ мольбою, видѣлъ ея трепещущее посинѣлое лицо и кровь, текущую изъ устъ, видѣлъ, какъ грудь ея разрывалась, какъ напрасно боролась она со змѣемъ, какъ онъ душилъ ее. Сто разъ хотѣлъ я броситься къ ней на помощь, но невольный ужасъ приковывалъ меня къ мѣсту.

— „А! я вижу, что ты подлый трусъ!.. вскричала она:— такъ пусть же лучше умру во чревѣ этого чудовища, чѣмъ раздѣлю когда нибудь ложе съ тобою, гнусный предатель!...“ Съ этими словами она сложила руки надъ головой и исчезла въ пасти змѣя; онъ обвился вокругъ дерева, и я слышалъ, какъ затрещали кости несчастной...

— „Такъ умри же, подлый трусъ!“ вскричали его товарищи— и шахсаванецъ палъ подъ ударами...

„Такъ совершила судьба свой приговоръ надъ предателемъ“.

Чонгуристъ умолкъ. Джаматъ молчалъ пораженный.

— А! старая пѣсня пробудила въ васъ совѣсть—быстро проговорилъ незнакомецъ. Отчизна—это ваша драгоцѣнная Гюльназъ! И развѣ чудовище не поглотило уже большей половины ея? развѣ она не взываетъ къ вамъ о помощи—и вы, какъ подлый шахсаванецъ, не смѣете броситься съ кинжалами... Вы ждете, пока врагъ не захватитъ всю вашу землю! Трусы—достойные смерти!..

— Война! Война! закричали въ джаматѣ.

Вдругъ грянулъ и раскатился въ горахъ пушечный выстрѣлъ. Снаружи кто-то крикнулъ: „Гяуры! Спасайтесь!“. Незнакомецъ и чонгуристъ первые бросились на коней и въ общей тревогѣ исчезли изъ виду. Махмудъ-мулла проводилъ ихъ глазами. „Пойдемъ съ предложеніемъ мира“, сказалъ онъ оставшимся возлѣ него старшинамъ. Лезгины сдались...

Гуляковъ принялъ старшинъ въ русскомъ лагерѣ и оставилъ

неприкосновенными въ Джарахъ не только дома и имущество жителей, но для большаго успокоенія послѣднихъ вывелъ войска изъ селенія, поставивъ ихъ бивуакомъ на берегу Алазани. Скоро явились къ нему сюда депутаты отъ всѣхъ вольныхъ лезгинскихъ обществъ, изумленныхъ неслыханнымъ въ Азіи великодушіемъ побѣдителя, и заключили трактатъ, по которому весь Джаро-Бѣлоканскій гезъ, Самухскія владѣнія и Елисуйское султанство поступали на вѣчныя времена въ подданство Россіи и облагались данью. Для утвержденія же надъ ними русскаго господства построены были: при бродѣ Урдо Александровскій редутъ и сверхъ того два укрѣпленія: одно—на мѣстности, извѣстной подъ именемъ Царскихъ Колодцевъ, а другое въ Караагачѣ.

Гуляковъ былъ награжденъ за эту экспедицію орденомъ св. Георгія 3-го класса, а два батальона кабардинцевъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ всю тяжесть боя, заслужили отъ государя по рублю на человѣка.

Нѣсколько времени Кахетія наслаждалась полнымъ спокойствіемъ. Но хищные инстинкты лезгинъ скоро опять взяли верхъ надъ опасеніемъ кары и новыхъ погромовъ. 9 іюля сильная партія, неожиданно спустившись съ горъ, кинулась на передовой пикетъ Кабардинскаго полка. Къ счастію, онъ не былъ захваченъ врасплохъ. Встрѣтивъ отпоръ, лезгины понеслись къ табунамъ, ходившимъ на пастьбѣ, но, принятые и здѣсь ружейнымъ огнемъ карауловъ, ограничились тѣмъ, что отхватили въ одномъ оплошавшемъ казачьемъ полку 211 лошадей и угнали ихъ въ горы. Джарцы въ свое оправданіе спѣшили извѣстить Гулякова, что эти лезгины пришли изъ Дагестана, но что они примутъ всѣ мѣры возвратить пропажу. Гуляковъ отлично понималъ, что джарцы такіе же участники набѣга, какъ сами дагестанцы, но, пока не имѣя возможности наказать ихъ, сдѣлалъ видъ, что вѣритъ ихъ обѣщаніямъ. Это однакоже ободрило лезгинъ, и въ темную осеннюю ночь съ 21 на 22 октября, лагерь Гулякова былъ атакованъ внезапно 10-тысячнымъ скопищемъ горцевъ. Оглушительный гикъ, трескотня ружейныхъ выстрѣловъ и крики „тревога!“ подняли всѣхъ на ноги. Страшное ночное нападеніе требовало хладнокровія, безъ котораго легко было растеряться среди этой сумя-

тицы—и къ счастію войска Гулякова сохранили порядокъ и полное самообладаніе. Выдвинувъ впередъ артиллерію, они всю ночь стояли подъ ея прикрытіемъ, не трогаясь съ мѣста. Но чуть стало свѣтать, русскій отрядъ перешелъ въ наступленіе, и хотя лезгины исчезли, какъ призраки ночи, однакоже арьергардъ ихъ, настигнутый на переправѣ, поплатился множествомъ убитыхъ, раненыхъ и утонувшихъ въ Алазани.

Въ ночномъ нападеніи участвовало много дагестанскихъ горцевъ и князь Циціановъ писалъ по этому поводу къ аварскому хану:

„Ваши дагестанцы напали на лагерь Гулякова, но черезъ полчаса, какъ зайцы, бѣжали опять за Алазань, оставивъ на мѣстѣ и въ рѣкѣ триста сихъ вашихъ зайцевъ, или мухъ, кои до сихъ поръ не вѣрятъ, что воробьямъ нельзя вести войну съ орлами“.

Еще рѣзче выражается Циціановъ въ посланіи къ одному изъ старшинъ аварскаго племени, котораго подозрѣвалъ въ сношеніяхъ съ мятежными джарцами.

„Вамъ извѣстно, говоритъ онъ: — постель ли я люблю или боевое поле, гдѣ кровь льется рѣками, а головы валятся, какъ яблоки. Слѣдовательно, не слабой мухѣ, каковъ аварскій ханъ, противъ непобѣдимаго русскаго оружія брать гордый голосъ и думать устрашить меня, посѣдѣвшаго подъ ружьемъ“.

Вѣроломные поступки джарцевъ заставили наконецъ Циціанова предписать Гулякову вторично наказать ихъ оружіемъ. Но въ то время, какъ войска собирались въ походъ, получено было извѣстіе, что ханъ казикумыкскій съ шести-тысячнымъ войскомъ самъ перешелъ на правый берегъ Алазани и занялъ крѣпкую позицію, прикрытую съ фланговъ топкими болотами, а съ фронта дремучимъ лѣсомъ и чрезвычайно густымъ терновымъ кустарникомъ, черезъ который невозможно провести артиллерію. Несмотря на то, Гуляковъ двинулся навстрѣчу къ хану и, 1 января 1804 года, атаковалъ его. Пока орудія, выдвинутыя влѣво, громили казикумыкцевъ продольнымъ огнемъ, охотники, подъ командою опытнаго въ кавказской войнѣ подполковника Эристова *), про-

*) Георгій Евсѣевичъ, впослѣдствіи полный генералъ и сенаторъ, извѣстный всему Тифлису своими остротами и причудами. Онъ умеръ въ шестидесятыхъ годахъ, послѣднимъ изъ доблестныхъ сподвижниковъ Циціанова.

брались черезъ лѣсъ и кинулись съ фронта. Шесть знаменъ, развѣвавшихся на гребнѣ завала, сразу перешли въ руки русскихъ, и непріятель, прижатый къ рѣкѣ, вынужденъ былъ спасаться вплавь, осыпаемый съ берега картечью и ружейными пулями.

Гуляковъ рѣшился тогда перейдти за Алазань и двинулся для наказанія мятежниковъ въ Джаро-Бѣлоканскую область. Многочисленныя толпы лезгинъ, встрѣтившія его на пути, были разбиты и бѣжали, оставивъ на мѣстѣ болѣе сотни труповъ; Джары снова были взяты и на этотъ разъ преданы пламени.

Циціановъ не находилъ достаточно словъ благодарить Гулякова. „Я только что узналъ о вашей новой побѣдѣ, писалъ онъ ему изъ Тифлиса:—и столько часто имѣлъ удовольствіе отдавать справедливость вашимъ высокимъ военнымъ достоинствамъ, что мнѣ не остается иного вамъ сказать, какъ то, что вашему превосходительству суждено, какъ видно, увѣковѣчить славу россійскаго оружія въ сей новопріобрѣтенной землѣ, а мнѣ соучаствовать вамъ въ радости“...

Къ сожалѣнію, письмо это уже не застало въ живыхъ храбраго генерала. Увлекшись успѣхомъ, Гуляковъ рѣшилъ преслѣдовать лезгинъ въ самыя нѣдра дагестанскихъ горъ и, 15 января 1804 года, вступилъ съ отрядомъ въ тѣсное Закатальское ущелье, куда до него не проникалъ еще ни одинъ завоеватель. Войска двигались въ боевомъ порядкѣ; впереди шелъ авангардъ изъ конной и пѣшей грузинской милиціи, за нимъ рота егерей съ однимъ орудіемъ, а далѣе густою колонною кабардинцы, тифлисскій батальонъ и 15-й егерскій полкъ. Не лишнее сказать, что въ этомъ походѣ одною изъ кабардинскихъ ротъ командовалъ флигель-адъютантъ графъ Бенкендорфъ—позднѣе, въ царствованіе императора Николая Павловича, извѣстный шефъ корпуса жандармовъ, а другою—поручикъ Преображенскаго полка графъ Михаилъ Воронцовъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ и намѣстникъ Кавказа.

Какъ только весь отрядъ втянулся въ ущелье, замкнутое съ обѣихъ сторонъ лѣсистыми горами, непріятель открылъ перекрестный огонь и, воспользовавшись минутнымъ замѣшательствомъ грузинъ, бросился въ шашки. Генералъ находился въ это время впереди у самаго орудія и палъ однимъ изъ первыхъ, пораженный

въ упоръ ружейнымъ выстрѣломъ. Тѣло его нѣсколько минутъ находилось даже въ рукахъ непріятеля, но подоспѣвшій резервъ Кабардинскаго полка немедленно выручилъ останки любимаго командира.

Смерть храбраго и опытнаго начальника, къ которому солдаты питали слѣпую довѣренность, разстроила порядокъ въ авангардѣ. Грузины бросились назадъ, смѣшали колонну и многихъ столкнули въ стремнину. Генералъ-маіоры: князь Орбеліани, шефъ Тифлисскаго полка Леонтьевъ, молодой Воронцовъ, въ числѣ другихъ жестоко расшиблись при паденіи и только съ трудомъ выбрались изъ пропасти. Генералъ Орбеліани, впрочемъ, все-таки принялъ на себя командованіе, но, не зная въ точности предположеній Гулякова, рѣшился отступить и, послѣ восьми-часового боя, выведя отрядъ обратно на долину къ урочищу Пейкаро, расположилъ его на возвышенной площадкѣ, гдѣ теперь стоитъ Закатальская крѣпость. Общая потеря русскихъ была значительна и простиралась до пятисотъ человѣкъ; но лезгинамъ такъ дорого досталась смерть Гулякова, что черезъ нѣсколько дней многія селенія прислали депутатовъ съ просьбою о пощадѣ. Замѣчательно, что всѣ дагестанскія общества указывали на джарцевъ, какъ на виновниковъ возмущенія, а джарцы говорили, что „случившееся дѣло произошло отъ воли Божіей“.

Молодой Воронцовъ въ частномъ письмѣ къ князю Циціанову такъ описываетъ несчастное происшествіе въ Закатальскомъ ущельѣ: „Изъ рапорта князя Димитрія Захаровича (Орбеліани) вы изволите усмотрѣть какое у насъ сегодня было несчастное дѣло съ лезгинами. Василій Семеновичъ (Гуляковъ), будучи руководимъ одною своею храбростію, пустился совсѣмъ отрядомъ въ такое неприступное мѣсто, что ежели бы оно намъ было и знакомо, то и тогда никакъ не слѣдовало бы идти туда. Онъ по обыкновенію своему опередилъ всѣхъ и шелъ впереди, не открывъ мѣста, безъ фланкеровъ и безо всего. Одни грузины были еще больше впереди, и это была главная его ошибка, ибо, какъ только лезгины бросились съ саблями на грузинъ, они всѣ побѣжали назадъ и кинулись на насъ; мѣсто не позволяло выстроиться, такъ что и насъ сначала было опрокинули. Василія Семеновича убили у перваго орудія; я

возлѣ него былъ, и со мною то же бы случилось, если бы бѣжавшая грузинская толпа не столкнула меня съ прекрутаго яра, куда я летѣлъ и разбился бы до смерти, ежели бы не случилось упасть на другихъ, которые уже прежде меня тою же толпою были столкнуты. Какъ можно скорѣе я вылѣзъ опять на верхъ и нашелъ, что наши опять стали собираться, и въ скоромъ времени лезгинъ оттуда сбили. Какъ князь Дмитрій Захаровичъ, такъ и Алексѣй Алексѣевичъ (Леонтьевъ) все возможное примѣромъ и просьбами дѣлали, чтобы солдаты не унывали. Идти впередъ было нельзя; ретироваться назадъ тоже казалось невозможнымъ; однако же съ большимъ трудомъ мы отошли, не оставя ничего позади себя. Вчера и третьяго дня всѣ отсовѣтовали Василію Семеновичу туда идти; онъ почти согласился и говорилъ, что хочетъ только открыть мѣсто,—но какъ открывать мѣсто со всѣмъ отрядомъ, не оставляя никакого резерва въ случаѣ несчастія? Богъ знаетъ, какъ мы оттуда вышли; никто изъ насъ не думалъ пережить этотъ день. Теперь мы пришли на мѣсто лагеря и находимся въ совершенной безопасности. Грузины обезкуражены; наши жалѣютъ о потерѣ генерала, но ничего не боятся. Лезгинъ, говорятъ, болѣе 7 тысячъ, но на чистомъ мѣстѣ и 20 тысячъ не боимся. Снарядовъ и патроновъ у насъ очень мало; провіанту не болѣе, какъ на девять дней; отступить же не хочется, да и стыдно".

Смерть Гулякова глубоко огорчила князя Циціанова.

„Потеря сего генерала, отличавшагося въ краѣ толикими подвигами, есть наинесчастнѣйшее слѣдствіе сего сраженія, писалъ онъ къ государю.—Отчаяніе войскъ, уныніе друзей его—офицеровъ Кабардинскаго полка, и сожалѣніе всей Грузіи, которая была ограждаема отъ всякой опасности его неусыпнымъ бдѣніемъ и мужествомъ, налагаютъ на меня священную обязанность отдать памяти сего генерала должную справедливость. Я лишился въ немъ усерднаго помощника, а войска—начальника отличнаго, друга вѣрнаго и воина неустрашимаго".

Тѣло Гулякова сначала предано было землѣ въ бѣдной деревушкѣ Вакиръ, такъ какъ бодбійскій митрополитъ *) не согласился дать

*) Бодбійскій митрополитъ считался, послѣ Алавердели, первымъ архіереемъ Кахетіи. Въ древности ему принадлежало право вѣнчать кахетинскаго царя, и

мѣста для погребенія покойнаго въ Сигнахскомъ монастырѣ, гдѣ покоятся священныя мощи просвѣтительницы Грузіи Нины. Кабардинскіе офицеры жаловались на это Циціанову. И вотъ что послѣдній писалъ по этому поводу къ митрополиту бодбійскому: „Къ крайнему удивленію узналъ я, что ваше высокопреосвященство не позволили похоронить въ Сигнахскомъ монастырѣ тѣло покойнаго генералъ-маіора Гулякова, который убитъ въ сраженіи на защиту Грузіи, который цѣлый годъ, стоя въ лагеряхъ, лишенъ былъ совершенно спокойствія для того только, чтобы охранить отъ непріятеля Кахетію и ваши жилища; который, наконецъ, во удивленіе всѣмъ, одержалъ столь много знаменитыхъ и славныхъ побѣдъ, что прославилъ себя и оставилъ память свою на вѣки, а цѣлой Карталиніи и Кахетіи доставилъ спокойствіе и тишину. Вся Грузія, питаясь плодами его подвиговъ, обязана вѣчною благодарностію столь храброму генералу. Я не могу повѣрить, чтобы вы употребили таковой поступокъ противъ покойнаго, мученически подвизавшагося за Грузію, генерала. Но если это правда, то прошу безъ всякой медленности увѣдомить меня, какое вы имѣли на то право, и что могло воспрепятствовать вамъ похоронить тѣло генерала, увѣнчавшаго всю Грузію счастіемъ? Увѣряю при томъ ваше высокопреосвященство, что за подобный поступокъ весьма можете быть лишены эпархіи и сана“.

Митрополитъ поспѣшилъ принести извиненіе, и тѣло Гулякова, перенесенное со всѣми почестями въ Сигнахъ, было погребено въ стѣнахъ Бодбійскаго монастыря, подъ сѣнію храма, гдѣ почиваетъ и святая Нина. Могила его помѣщается въ церкви почти рядомъ съ роскошною гробницею самого Бодбеля, и на мраморной доскѣ, покрывающей прахъ героя, вырѣзана на русскомъ и на грузинскомъ языкѣ слѣдующая надпись: „Храброму мужественному и неустрашимому генералъ-маіору Василію Семеновичу Гулякову воздвигнулъ сей памятникъ скорби начальникъ и другъ его князь Циціановъ“.

Послѣдняя земная награда не застала Гулякова въ живыхъ —

ему же ввѣряемо было на храненіе знамя, которое сопровождало генерала, командовавшаго въ бояхъ авангардомъ.

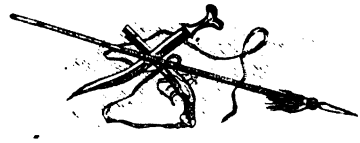
курьеръ привезъ ему Анненскую ленту черезъ плечо въ тотъ самый моментъ, когда Гулякова опускали въ могилу.

Въ 1831 году многіе офицеры отряда, участвовавшаго во взятіи Закаталъ, выразили желаніе соорудить на развалинахъ этого гнѣздилища хищниковъ памятникъ въ честь Гулякова. Мысль эта нашла сочувствіе въ императорѣ Николаѣ, и памятникъ былъ проектированъ Брюловымъ по указаніямъ самого государя. Постановка его замедлилась однако на цѣлыхъ 14 лѣтъ, и только 15 ноября 1845 года онъ былъ освященъ въ присутствіи намѣстника князя Воронцова, нарочно пріѣхавшаго для этого торжества изъ Тифлиса.

Монументъ состоитъ изъ чугунной невысокой четырехгранной колонны на чугунномъ же пьедесталѣ. Верхняя часть колонны очерчена выдающимся карнизомъ, по четыремъ угламъ котораго вдѣланы коронованные орлы въ видѣ горельефовъ, соединенныхъ гирляндами; надъ одною изъ гирляндъ выбитъ годъ смерти Гулякова. На переднемъ фасадѣ, въ рамкѣ, выпуклыми буквами начертана надпись: „По соизволенію Государя Императора Николая I сооруженъ въ память храбраго генералъ-маіора Гулякова, убитаго на семъ мѣстѣ въ 1804 году въ сраженіи съ лезгинами“. Надъ этою надписью гербъ покойнаго генерала.

Первоначально предполагалось поставить памятникъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Гуляковъ былъ убитъ, но такъ какъ трудно опредѣлить было съ точностью этотъ пунктъ, то памятникъ поставили въ самой крѣпости, за алтаремъ церкви, въ полуверстѣ отъ мѣста, гдѣ происходила битва.

Но и на самомъ мѣстѣ боя воздвигнутъ памятникъ ему самой природою. Возлѣ того пункта, гдѣ былъ убитъ Гуляковъ, теперь столѣтнее дерево. Оно было тогда расщеплено ядромъ, и слѣды удара не изгладились понынѣ, какъ будто для того, чтобы сохранить память о битвѣ и передать потомству славное имя генерала Гулякова.



XXVI.

Эриванскій походъ.

Среди закавказскихъ войнъ князя Циціанова, походъ подъ Эривань занимаетъ, быть можетъ, самое выдающееся мѣсто. Если предположенная цѣль и не была достигнута, то не подлежитъ сомнѣнію, что причина этого лежала въ неожиданныхъ трудностяхъ, встрѣченныхъ подъ крѣпостью, но ни въ какомъ случаѣ не въ недостаткѣ энергіи и храбрости русскихъ войскъ. Весь эриванскій походъ, напротивъ, состоитъ изъ ряда подвиговъ, примѣровъ того, до какой стойкости и подъема нравственной силы доходили русскія войска въ кавказскихъ войнахъ славныхъ временъ Циціанова и Котляревскаго.

Циціановъ спѣшилъ пріобрѣсти для Россіи важную Эриванскую область между прочимъ съ цѣлію по возможности отдалить

отъ грузинской территоріи театръ войны съ Персіею, становившейся неизбѣжною. Персіяне дѣятельно готовились къ войнѣ, а эриванскій ханъ дерзко писалъ къ Циціанову совѣты очистить отъ русскихъ войскъ Грузію.

Циціановъ отвѣчалъ, что „на глупыя и дерзкія письма, каково было ханское, съ прописаніемъ въ немъ еще повелѣній словами льва, а дѣлами теленка Баба-Хана, русскіе привыкли отвѣчать штыками", и совѣтовалъ ему призвать на помощь неустрашимаго государя государей, чтобы вмѣстѣ съ нимъ помѣряться силами „съ купцами, недавно Ганжу изъ-подъ сильной руки его вырвавшими, яко товаръ персидскихъ матерій". Въ маѣ мѣсяцѣ 1804 года, русскія войска стали сосредоточиваться въ м. Саганлугѣ, въ 8 верстахъ отъ Тифлиса, а Кавказскій гренадерскій полкъ, подъ командой генералъ-маіора Тучкова, отправленъ былъ впередъ съ приказаніемъ занять Шурагель и по пути соединиться съ Тифлисскимъ полкомъ, направленнымъ туда же изъ Лори и Бомбака *).

Едва Тучковъ вступилъ въ предѣлы древней Арменіи, какъ прискакалъ гонецъ отъ генерала Леонтьева съ извѣстіемъ, что Тифлисскій полкъ окруженъ непріятелемъ, но намѣренъ держаться въ горахъ, пока не подойдутъ гренадеры. Спускаясь съ высотъ въ долину, орошенную рѣкою Арпачаемъ, Тучковъ дѣйствительно

*) Сергѣй Алексѣевичъ Тучковъ принадлежалъ къ той славной семьѣ Тучковыхъ, изъ которой три брата сдѣлались жертвами войны 1811 года. Онъ также отличался въ войнахъ со шведами, съ турками, съ поляками, гдѣ заслужилъ Георгіевскій крестъ и пріобрѣлъ дружбу князя Циціанова. Съ назначеніемъ князя главнокомандующимъ на Кавказѣ, онъ перешелъ подъ его начальство и командовалъ сперва полкомъ, а потомъ управлялъ гражданскою частію въ Грузіи. Въ 1807 году онъ вызванъ былъ съ Кавказа въ Дунайскую армію и здѣсь оставилъ о себѣ память тѣмъ, что основалъ на Дунаѣ городъ, заселенный выходцами изъ Турціи, и сдѣлалъ это безъ всякихъ издержекъ со стороны казны, почему государь повелѣлъ назвать городъ этотъ его именемъ, т. е. «*Тучковымъ*». Затѣмъ, командуя корпусомъ въ арміи Чичагова, онъ къ концѣ 12 года, вслѣдствіе жалобъ поляковъ на его войска, отчисленъ былъ отъ должности и попалъ подъ слѣдствіе, которое тянулось 14 лѣтъ и выяснило только полное безкорыстіе и честность Сергѣя Алексѣевича. Поэтому, въ 1828 году, онъ снова былъ принятъ на службу и командовалъ Бабадагскою областью, потомъ былъ Измаильскимъ градоначальникомъ и умеръ въ Москвѣ 21-го февраля 1839 года въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

замѣтилъ въ одномъ изъ ущелій палатки Тифлисскаго полка и приказалъ сдѣлать три пушечные выстрѣла. Это послужило сигналомъ, по которому Леонтьевъ тотчасъ снялся съ позиціи, и оба отряда съ барабаннымъ боемъ и музыкою соединились на глазахъ непріятеля.

Война еще не была объявлена Персіи, и Тучковъ ограничился тѣмъ, что сталъ со своею бригадой въ оборонительной позиціи. Тѣмъ не менѣе на передовыхъ постахъ весь день шла перестрѣлка; прискакавшій вечеромъ изъ персидскаго лагеря плѣнный грузинъ сообщилъ, что вражеское войско, состоящее изъ восьми тысячъ отборной кавалеріи, готовится подъ утро сдѣлать на русскій отрядъ нападеніе, что въ лагерѣ находится персидскій сардаръ съ грузинскими царевичами и что наконецъ самъ онъ исполнялъ при сардарѣ должность кафеджи и воспользовался прибытіемъ русскихъ войскъ, чтобы вернуться въ отечество.

Тучковъ рѣшился предупредить нападеніе и, на зарѣ 10 іюня, самъ выступилъ изъ лагеря. Первыя толпы персидской конницы, встрѣтившія его въ двухъ верстахъ у разоренной деревни Караклисъ, были разсѣяны картечью, войска приблизились къ Гумри, гдѣ находился главный лагерь персидскаго отряда. Едва казаки успѣли занять высокій курганъ, лежавшій въ лощинѣ передъ русской позиціей, непріятель началъ спускаться съ высотъ и завязалъ перестрѣлку. Тучковъ ввелъ въ дѣло одинъ батальонъ, а съ остальными скрытно обошелъ персіянъ и занялъ въ тылу ихъ узкій горный проходъ — единственный путь, по которому они могли возвратиться въ лагерь. При извѣстіи объ этомъ ужасъ овладѣлъ персидскими военачальниками. Напрасно храбрѣйшіе изъ всадниковъ пытались проложить себѣ дорогу оружіемъ; картечь разметывала толпы ихъ при самомъ входѣ въ ущелье, и вынудила наконецъ бѣжать въ окрестныя горы. Тучковъ занялъ Гумри и овладѣлъ непріятельскимъ лагеремъ.

Черезъ два дня прибылъ самъ Циціановъ, а вслѣдъ за нимъ стали подходить и остальныя войска, назначенныя къ походу. Въ отрядѣ сосредоточилось до десяти батальоновъ пѣхоты (Кавказскій гренадерскій и Саратовскій пѣхотный полки въ полномъ составѣ, два батальона Тифлисскаго и 6 ротъ 9-го егерскаго

полковъ), а конницы весь Нарвскій драгунскій полкъ и 450 линейныхъ и донскихъ казаковъ, при двѣнадцати орудіяхъ. Силы эти въ общей сложности не превышали трехъ или четырехъ тысячъ штыковъ, а непріятель располагалъ, между тѣмъ, сорокатысячнымъ корпусомъ, стоявшимъ на границѣ Эриванскаго ханства. Тѣмъ не менѣе 15 іюня князь Циціановъ открылъ наступленіе по дорогѣ къ Эчміадзину. Персіяне во время похода нигдѣ не показывались; но каждый день, передъ наступленіемъ вечера, русскіе видѣли по сторонамъ зловѣщіе огни маяковъ, зажигаемыхъ очевидно при приближеніи отряда. 19 іюня, на самой зарѣ, войска услыхали наконецъ далекій колокольный звонъ, который князь Циціановъ принялъ за приготовленіе къ торжественной встрѣчѣ его. Онъ приказалъ генералу Портнягину съ войсками авангарда ускорить маршъ, чтобы занять монастырь прежде, чѣмъ подойдутъ къ нему персіяне. Но предположеніе князя оказалось ошибочнымъ; монастырь уже давно былъ занятъ непріятелемъ, и персіяне, подпустивъ Портнягина къ эчміадзинскимъ засадамъ, стрѣтили его перекрестнымъ огнемъ изъ ружей и фальконетовъ. Линейные казаки, спѣшившись, быстро оттѣснили персіянъ, но занять самый монастырь было невозможно, по причинѣ крайняго утомленія пѣхоты, прошедшей въ этотъ день 44 версты при страшной жарѣ и безводьѣ. Изнуреніе войскъ было такъ велико, что съ Портнягинымъ при знаменахъ прибыло только человѣкъ по 60 съ батальона, а остальные люди тянулись еще по дорогамъ и собрались всѣ только къ полуночи.

Непріятельскіе разъѣзды, ходившіе вокругъ русскаго лагеря въ теченіе всей ночи, намекали на сборъ значительныхъ массъ персидской кавалеріи. Это былъ авангардъ непріятельскихъ войскъ, наступавшихъ подъ предводительствомъ наслѣднаго персидскаго принца, къ Эчміадзину. Силы персіянъ простирались до 20 тысячъ всадниковъ; но даже одинъ авангардъ ихъ, сдѣлавшій, на зарѣ 20 іюля, первое нападеніе на русскихъ, могъ считаться сильною арміею въ сравненіи съ отрядомъ князя Циціанова. Все дѣло однако-же ограничилось артиллерійскимъ огнемъ, и русскіе не пожалѣли картечи, чтобы охладить бѣшеный пылъ непріятеля и остановить его стремительный натискъ. Тогда персіяне, охва-

тивъ русскіе фланги, устремились къ вагенбургу; но генералъ Тучковъ поспѣшилъ занять водяныя мельницы, находившіяся вправо, откуда удобно можно было стрѣлять во флангъ самому непріятелю, и оставилъ въ нихъ унтеръ-офицера Вернера съ 40 кавказскими гренадерами. Озадаченный неожиданнымъ залпомъ съ мельницъ, непріятель пріостановился, а Тучковъ воспользовался этимъ моментомъ и ударилъ картечью. Непріятель однакоже дошелъ до вагенбурга, но уже ослабленный, и былъ отбитъ съ значительнымъ урономъ.

Незнакомые еще съ европейскою тактикой, персіяне были поражены упорнымъ сопротивленіемъ немногочисленной горсти солдатъ, которыхъ они разсчитывали истребить при первомъ ударѣ. Каре регулярной пѣхоты казались имъ неприступными, движущимися стѣнами, а громъ артиллеріи, устилавшей поле трупами всадниковъ, скоро распространилъ смятеніе въ рядахъ персидской кавалеріи, и она побѣжала. Напрасно самъ Аббасъ-Мирза прискакалъ на поле сраженія съ гнѣвными криками: „Остановитесь! куда вы бѣжите?“ и старался возстановить въ толпѣ хотя какой-нибудь порядокъ. — „Не срамите меня передъ моимъ отцемъ и братьями! Не заставляйте разсказывать вездѣ о вашемъ стыдѣ и позорѣ!“... кричалъ онъ бѣгущимъ. Но паника была сильнѣе угрозъ, и толпа, гонимая страхомъ, бѣжала, пока не очутилась въ безопасномъ мѣстѣ, куда не долетали русскія ядра.

Знойный день между тѣмъ уступалъ уже мѣсто прохладному вечеру. Войска отдыхали на бивуакахъ, какъ вдругъ съ аванпостовъ дали знать, что какой-то отрядъ кавалеріи несется лощиною прямо на русскую позицію. На главномъ караулѣ ударили было тревогу, но оказалось, что это была небольшая часть драгунскаго полка со знаменами и литаврами, которая не успѣла присоединиться къ своему полку и теперь была преслѣдуема персіянами. Стрѣлки Кавказскаго полка тотчасъ засѣли въ лощину и, пропустивъ мимо себя драгунъ, открыли огонь по непріятелю. Персіяне остановились. Этимъ эпизодомъ и закончилось эчміадзинское сраженіе.

Три дня послѣ того непріятель не смѣлъ приближаться къ русскому лагерю ближе, чѣмъ на пушечный выстрѣлъ, и только

изрѣдка по мѣстамъ происходили небольшія схватки, преимущественно при добываніи русскими воды и кормовъ. Между тѣмъ Циціановъ убѣдился, что овладѣть монастыремъ безъ значительной потери въ людяхъ невозможно, и двинулся къ деревнѣ Канагиръ, гдѣ была единственная переправа черезъ быструю рѣчку Зангу.

Дорога лежала на протяженіи 12 верстъ открытою степью, по которой то здѣсь, то тамъ маячили отряды персидской конницы. Самая деревня также была занята непріятелемъ. Полковникъ Цѣхановскій, посланный впередъ съ 9 егерскимъ полкомъ, выбилъ изъ нея персіянъ и, захвативъ переправу, тотчасъ привелъ въ оборонительное положеніе замокъ, лежавшій посреди деревни. Здѣсь Циціановъ оставилъ весь свой вагенбургъ, подъ прикрытіемъ батальона Саратовскаго пѣхотнаго полка, а съ остальными войсками, за исключеніемъ еще двухъ ротъ, отправленныхъ въ Эчміадзинъ для занятія монастыря, который персіяне покинули сами, какъ только русскій отрядъ двинулся впередъ, — рѣшилъ продолжать наступленіе.

30 іюня войска переправились черезъ быструю Зангу и, въ боевомъ порядкѣ миновавъ Эриванскую крѣпость, направились на главный лагерь наслѣднаго персидскаго принца. Позиція, занятая непріятелемъ, лежала на сѣверной сторонѣ Эривани, верстахъ въ семи отъ крѣпостнаго форштадта, и съ фронта была прикрыта горнымъ ущельемъ, представляющимъ цѣлый рядъ каменистыхъ высотъ и пригорковъ. 9 егерскій полкъ, наступавшій въ авангардѣ, отправилъ свои орудія назадъ и затѣмъ, разсыпавшись по высотамъ, началъ живое стрѣлковое наступленіе. Пять разъ сбивалъ онъ непріятеля послѣдовательно съ одной высоты на другую и, наконецъ, дошелъ до подъема почти неприступнаго. Это была крутая, скалистая гора съ узкою тропой, извивавшейся между утесами и камнями, за которыми непріятель устроилъ засаду.

Лично осмотрѣвъ позицію, Циціановъ поблагодарилъ егерей, проложившихъ своею грудью дорогу для цѣлаго отряда, и приказалъ смѣнить ихъ батальономъ Кавказскаго гренадерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Козловскаго.

Пренебрегая огнемъ непріятеля, Козловскій вмѣстѣ съ своимъ

помощникомъ маіоромъ Осиповымъ, во главѣ гренадеръ, бросился на приступъ; но подъемъ на гору былъ такъ неудобенъ и крутъ, что изъ всего батальона только сорокъ человѣкъ достигли вершины горы; однакоже и этой маленькой горсти людей оказалось совершенно достаточно, чтобы обратить непріятеля въ бѣгство. И ежели матеріальный уронъ персіянъ при этомъ былъ не великъ, то только потому, что ихъ никто не преслѣдовалъ. Кавалерія была далеко, а батальонъ Козловскаго, овладѣвшій горою, не имѣлъ при себѣ артиллеріи, и пустить его на лагерь главнокомандующій не рѣшался. Къ счастію, въ это самое время появилось тридцать казаковъ Семейнаго и Гребенскаго войска, успѣвшіе взобраться на гору по слѣдамъ пѣхоты. Они преслѣдовали бѣгущихъ и, врубившись въ толпу, отбили нѣсколько знаменъ и фальконетовъ.

Съ занятіемъ горы сраженіе окончилось. Непріятель, не выжидая новой атаки, самъ бросилъ свой лагерь и бѣжалъ черезъ Эриванскую крѣпость, гдѣ окончательно и дочиста былъ ограбленъ своими же единовѣрцами. Разстройство персидскихъ войскъ было такъ велико, что Аббасъ-Мирза въ тотъ же день поспѣшно ушелъ за Араксъ, а князь Циціановъ могъ теперь свободно обратиться къ дѣйствіямъ противъ Эривани. Раннее утро 2 іюля, дѣйствительно, застало русскія войска передвигающимися на другія позиціи, которыя со всѣхъ сторонъ поясомъ охватывали крѣпость. Главная квартира, при которой находилась вся кавалерія и батальонъ Кавказскаго гренадерскаго полка подполковника Симановича, расположилась на сѣверной сторонѣ Эривани, въ предмѣстьѣ, гдѣ былъ городской базаръ, мечеть и зданія караванъ-сарая. Тутъ же, нѣсколько лѣвѣе ея, напротивъ ханскаго сада, помѣстился батальонъ Саратовскаго полка съ генералъ-маіоромъ Портнягинымъ; а далѣе, съ восточной стороны Эривани, въ Кашагарскомъ предмѣстьѣ, стояли остальные батальоны кавказскихъ гренадеръ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тучкова, и еще лѣвѣе—тифлисцы съ генераломъ Леонтьевымъ.

Такъ какъ обложить южную сторону крѣпости по недостатку войскъ было нельзя, то здѣсь ограничились только возведеніемъ редута, для защиты котораго были назначены оставшіяся еще

свободными полторы роты Саратовскаго полка, подъ командою маіора Нольде. Затѣмъ, чтобы докончить обложеніе крѣпости съ запада, полковникъ Цѣхановскій съ 9 егерскимъ полкомъ отправленъ былъ обратно черезъ деревню Канагиры на правую сторону Занги и занялъ обширные сады, лежавшіе напротивъ ханскаго дома.

Какъ только русскія войска приступили къ блокадѣ крѣпости, Аббасъ-Мирза появился снова и сталъ на рѣкѣ Гарни-Чаѣ. Это обстоятельство заставило подумать объ усиленіи нѣкоторыхъ частей блокадной линіи, и вслѣдствіе этого, между редутомъ Нольде и лагеремъ Тифлисскаго полка, построенъ былъ на Мухалетскомъ бугрѣ еще небольшой редантъ на сорокъ человѣкъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ служить и наблюдательнымъ постомъ къ сторонѣ непріятеля. До 14 іюля никакихъ особенно тревожныхъ извѣстій не было; но въ этотъ день вечеромъ узнали, что въ гарничайскій лагерь прибылъ изъ Тавриза самъ Баба-Ханъ, царствовавшій въ Персіи подъ именемъ Фетъ-Али-Шаха, съ значительными силами, и что персіяне замышляютъ въ ту же ночь атаковать блокадное расположеніе. Едва Циціановъ разослалъ приказъ, чтобы войска, на всякій случай, готовы были къ отпору, какъ въ два часа пополуночи ружейная пальба въ отрядѣ генерала Леонтьева уже возвѣстила о нападеніи непріятеля. Въ то же время изъ крѣпости сдѣланы были двѣ вылазки противъ праваго фланга, занимавшаго, какъ мы видѣли, сѣверное предмѣстье города. Одна изъ этихъ вылазокъ, наткнувшаяся впотьмахъ на отрядъ Портнягина, была разсѣяна картечью; но другая едва не ворвалась въ главную квартиру князя Циціанова и была удержана только упорнымъ сопротивленіемъ стоявшаго тамъ караула. Предположивъ, за темнотою ночи, что здѣсь сосредоточены главныя силы, персіяне приняли влѣво, но, попавъ подъ пушечный огонь изъ караванъ-сарая, подались еще лѣвѣе, и наткнулись на батальонъ Симановича, который, не раздумывая долго, бросился въ штыки и гналъ непріятеля черезъ весь форштадтъ до самыхъ стѣнъ крѣпости.

Между тѣмъ на лѣвомъ флангѣ, гдѣ непріятель атаковалъ одновременно мухалетскій курганъ, редутъ маіора Нольде и каре

генерала Леонтьева, завязалось серьезное дѣло. Часть непріятельскихъ войскъ успѣла перебраться даже на правую сторону Занги и кинулась было на обозъ Цѣхановскаго; но егеря, подъ командою маіора Корніенки, отбили нападеніе, и поручикъ Савраковъ собственноручно взялъ при этомъ персидское знамя. Прогнанный отсюда непріятель оставилъ въ покоѣ егерей и, переправившись обратно за рѣчку, принялъ живое участіе въ атакѣ, которую вели персіяне на редутъ маіора Нольде.

Оборона этого редута принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ подвиговъ, не часто встрѣчающихся въ военной исторіи. Надо сказать, что изъ полуторы роты Саратовскаго пѣхотнаго полка, бывшихъ въ укрѣпленіи, одна рота съ вечера была отправлена съ провіантскимъ обозомъ въ караванъ-сарай и не успѣла возвратиться назадъ, когда редутъ, имѣвшій только 56 защитниковъ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ трехъ-тысячною толпою непріятеля. Пять часовъ редутъ выдерживалъ сильный огонь и, несмотря на малочисленность своего гарнизона, съумѣлъ найдти и средства, и благопріятныя минуты къ тому, чтобы сдѣлать три вылазки и три раза прогонять непріятеля, пробовавшаго залечь за камнями впереди редута. Изъ числа четырехъ офицеровъ, бывшихъ съ маіоромъ Нольде, прапорщикъ Рагеръ—отважный юноша, уже два раза раненый на вылазкахъ—былъ убитъ наповалъ; а трое: штабсъ-капитанъ Цыреневъ, поручикъ Кофтыревъ и подпоручикъ Кубовскій—ранены. Наконецъ, когда патроны, бывшіе въ сумкахъ солдатъ, всѣ были разстрѣляны, Нольде и батальонный адъютантъ Кофтыревъ сами доставали ихъ изъ патронныхъ ящиковъ и раздавали людямъ. Геройская оборона редута приводила въ восторгъ и удивленіе даже самого Фетъ-Али-Шаха; но силы непріятеля росли и, конечно, подавили бы гордость героевъ, если бы къ нимъ не явилась неожиданная помощь.

Полковникъ Цѣхановскій *), видя, что редутъ окруженъ со всѣхъ сторонъ персіянами, приказалъ открыть артиллерійскій огонь съ праваго берега Занги, и дѣйствіе это было настолько успѣшно,

*) Цѣхановскій—отличный штабъ-офицеръ—умеръ вскорѣ по возвращеніи изъ-подъ Эривани.

что непріятель, поражаемый съ тылу, тотчасъ же сталъ отходить отъ редута.

Мухалетскій редантъ съ ничтожнымъ гарнизономъ въ пятьдесятъ человѣкъ также отбился отъ персіянъ, при помощи подоспѣвшихъ къ нему двухъ ротъ Тифлисскаго полка, съ маіоромъ Токаревымъ; но онъ потерялъ убитымъ храбраго своего начальника, поручика Мигданова.

Вообще, при отбитіи штурмовъ, на обоихъ редутахъ у русскихъ выбыло изъ строя 5 офицеровъ и 30 нижнихъ чиновъ. Но наибольшая потеря досталась въ этотъ памятный день на долю генерала Леонтьева. Онъ не успѣлъ занять удобной позиціи, лежавшей впереди Мухалета, и потому былъ вынужденъ прислонить свой лѣвый флангъ къ высокой, каменистой горѣ, уже занятой непріятелемъ, и выстрѣлы, направленные сверху, выбили изъ строя 8 офицеровъ и до 120 нижнихъ чиновъ. Перемѣнить позицію въ то время, когда непріятель велъ фронтальную атаку, между тѣмъ не было возможности. Поручикъ Лабынцевъ, „извѣстный—по донесенію Леонтьева—своею безпримѣрною храбростію",—вызвался съ охотниками очистить гору и, дѣйствительно, сбилъ непріятеля, но удержать ее за собою не могъ и, подавляемый свѣжими силами непріятеля, отступилъ къ отряду. „Озлобленный полученной при этомъ контузіей, и почитая неудачу нарушеніемъ своей воинской чести", Лабынцевъ пополнилъ убыль своихъ егерей и, вмѣстѣ съ прапорщикомъ Выскребенцовымъ, вновь устремился на гору, вторично сбилъ персіянъ и на этотъ разъ, несмотря уже на всѣ усилія непріятеля, держался до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли къ нему на помощь 50 человѣкъ гренадеръ и саратовцевъ, подъ начальствомъ капитана Кушелева и штабсъ-капитана Лабунскаго. Кушелевъ, какъ старшій, принялъ команду и, отстаивая гору, отнялъ у персіянъ два фальконета.

Между тѣмъ батальоны Леонтьева успѣли въ это время отбить фронтальную атаку и захватили при этомъ даже непріятельское знамя. Дальнѣйшія усилія персіянъ противъ этой позиціи не имѣли успѣха. Въ часъ пополудни сраженіе окончилось, и непріятель сталъ отступать къ Гарни-Чаю.

Большая часть русскаго отряда почти не принимала участія въ

сраженіи. Даже постъ Кавказскаго гренадерскаго полка, самый важный изъ всѣхъ постовъ блокаднаго отряда,—не былъ атакованъ непріятелемъ; а между тѣмъ, если бы персіяне направили сюда главныя силы, то, безъ сомнѣнія, могли бы разорвать блокадную линію, и тогда караванъ-сарай, въ которомъ сосредоточены были всѣ русскіе подвижные магазины и парки, мечеть и самая квартира князя Циціанова — все было бы подвержено чрезвычайной опасности.

Полнѣйшую неудачу этого сраженія приписываютъ обыкновенно дурнымъ распоряженіямъ самого Фетъ-Али-Шаха. Но Фетъ-Али-Шахъ, видѣвшій геройскую защиту русскихъ войскъ, думалъ объ этомъ иначе, и послѣ окончанія битвы приказалъ повѣсить лазутчика, который донесъ ему о недостаткѣ снарядовъ и пороха у русскихъ. Показанія лазутчика между тѣмъ были совершенно вѣрны, и если бы персіяне начали атаку сутками раньше, то дѣйствительно застали бы отрядъ въ критическомъ положеніи, такъ какъ транспортъ съ боевыми припасами прибылъ лишь за нѣсколько часовъ до начала боя.

Отступленіе персидскихъ войскъ и расположеніе ихъ двумя большими лагерями въ значительномъ разстояніи между собою дало Циціанову мысль перейти въ наступленіе и разбить непріятеля порознь; но попытка эта не удалась. Генералу Портнягину, посланному на Гарни-Чай, пришлось выдержать бой со всею персидскою арміею и отступать подъ ея ударами до самой Эривани. Но это отступленіе, при которомъ 600 человѣкъ, на разстояніи 25 верстъ, пробивая себѣ дорогу сквозь сорока-тысячную армію и не оставили въ рукахъ непріятеля не только военнаго трофея, но вынесли изъ боя даже трупы убитыхъ товарищей,—составляетъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ эпизодовъ кавказской войны и, по выраженію Циціанова, „превышаетъ славою всякую побѣду“.

Всѣ эти событія, какъ появленіе персидской арміи, бой 15 іюля, затѣмъ экспедиція Портнягина и знаменитое отступленіе его—не измѣняли однако общаго положенія дѣлъ подъ Эриванскою крѣпостью. Циціановъ энергически продолжалъ блокаду; но ханъ упорствовалъ въ сдачѣ, а русскіе не имѣли осадныхъ орудій, чтобы начать бомбардированіе, и вынуждены были довольствоваться только

одними угрозами. Между тѣмъ обстоятельства принимали все болѣе и болѣе неблагопріятный оборотъ. Наступила осень, начались дождливые дни, и въ войскахъ обнаружилась значительная смертность; обозы съ провіантомъ, постоянно угрожаемые персидскими разъѣздами, не подходили; отрядъ Монтрезора, посланный для прикрытія ихъ, геройски погибъ подъ Караклисомъ; грузинская конница, отправленная Циціановымъ обратно въ Тифлисъ, по дорогѣ взята была въ плѣнъ и отведена въ Тегеранъ. Между тѣмъ взбунтовались лезгины, а карабагцы, подстрекаемые персіянами, вторглись въ Елизаветпольскій округъ; царевичъ Александръ съ персидскимъ войскомъ и жителями возставшихъ татарскихъ дистанцій перервалъ сообщеніе Эривани съ Тифлисомъ, а бунтъ осетинъ на военно-грузинской дорогѣ прекратилъ сношенія съ Кавказскою линіею. Въ самомъ Тифлисѣ считали отрядъ Циціанова обреченнымъ на неизбѣжную гибель и не только готовились къ оборонѣ, но стали даже перевозить бумаги, казну и вещи изъ дома главнокомандующаго въ крѣпость, вызывая тѣмъ панику въ населеніи. Справедливо замѣчаетъ одинъ современникъ, что надлежало бы имѣть въ Тифлисѣ другаго князя Циціанова, чтобы дѣйствовать внутри соотвѣтственно важности тогдашнихъ обстоятельствъ; но другого Циціанова не было. Опасенія за главный русскій отрядъ достигли даже до Петербурга. Но посреди общаго унынія не падалъ духомъ тотъ, кому императоръ Александръ вручилъ судьбу Грузинскаго царства. „Гдѣ Богъ, священное имя Вашего Императорскаго Величества и непобѣдимыя войска Ваши, писалъ онъ къ государю:—тамъ никакихъ гибельныхъ слѣдствій ожидать не возможно",—и онъ продолжалъ упорно стоять подъ Эриванью. Но когда персидская конница выжгла на корнѣ весь хлѣбъ, и неотвратимый голодъ началъ угрожать осаждающимъ, а противъ штурма высказалось большинство голосовъ въ военномъ совѣтѣ — Циціановъ наконецъ вынужденъ былъ отказаться отъ мысли овладѣть Эриванью и далъ приказъ отступать. Паденіе крѣпости было отсрочено на цѣлыхъ 23 года.

Неудача глубоко поразила Циціанова. „Не могу безъ стѣсненія сердца видѣть себя, писалъ онъ къ государю: — въ теченіе тридцатилѣтней моей службы вторымъ только въ россійской арміи

генераломъ, принужденнымъ снять блокаду изъ-подъ города, не взявши его". (Циціановъ разумѣлъ неудачное обложеніе Хотина княземъ Голицынымъ въ 1769 году). Императоръ Александръ старался успокоить и утѣшить огорченнаго князя. „Одно неудовольствіе, какое я имѣю, отвѣчалъ онъ Циціанову: — есть то огорченіе, въ которымъ вы находитесь. Никто, конечно, кромѣ васъ, не станетъ сравнивать происшествій подъ Хотиномъ съ настоящимъ случаемъ; но многіе отдадутъ справедливость какъ предпріимчивости духа вашего, такъ и тому, что вы съ столь малыми силами такъ много сдѣлали въ одну кампанію". „Желаю, продолжалъ государь, чтобы сіе искреннее изложеніе моихъ мыслей успокоило васъ". И Циціанову за эриванскій походъ пожалованы были аренда въ 8000 рублей и орденъ св. Владиміра 1-го класса.

Снятіе блокады Эривани еще увеличило престижъ, которымъ пользовалась эта крѣпость въ умахъ азіятцевъ. Но обаянію этому немедленно же былъ нанесенъ вѣскій ударъ. Въ самомъ началѣ 1805 г., генералъ Несвѣтаевъ, воспользовавшись смутами въ Эриванскомъ ханствѣ, занялъ принадлежавшую къ нему богатую Шурагельскую сбласть и объявилъ ее присоединенною къ Россіи. Эриванскія войска, поспѣшно двинувшіяся на защиту Шурагеля, были разбиты на самой границѣ, и русскій батальонъ въ 400 штыковъ по ихъ слѣдамъ занялъ Эчміадзинскій монастырь и появился даже подъ стѣнами Эриванской крѣпости, вызвавъ страшную панику во всемъ населеніи края. Шурагельская область осталась за Россіею навсегда — залогомъ будущаго присоединенія къ ней и всей Эриванской области.

XXVII.

Геройскій подвигъ Монтрезора.

Монтрезоръ, служившій въ Тифлисскомъ пѣхотномъ полку, принадлежалъ къ числу тѣхъ штабъ-офицеровъ, на которыхъ обыкновенно возлагаютъ большія надежды въ будущемъ. Но служба долго не представляла ему ничего, что бы могло его выдвинуть изъ среды товарищей и дать право на болѣе широкое поприще, чѣмъ то, которое онъ занималъ по должности батальоннаго командира. И вотъ, одна минута геройской смерти, минута— когда Монтрезоръ спасаетъ честь русскаго оружія, окружила его имя лучезарнымъ ореоломъ славы, такъ что мало кому извѣстный до того человѣкъ выростаетъ вдругъ до степени народнаго героя, и память о немъ переходитъ изъ рода въ родъ, не умирая въ рядахъ кавказскихъ войскъ. Передъ этой минутой меркнетъ все остальное въ жизни покойнаго.

Въ іюлѣ 1804 года войска, блокировавшія Эривань, сильно терпѣли отъ недостатка продовольсвія. Всѣ распоряженія по этой части выполнялись медленно, а это разстраивало планы главноко-

мандующаго и вынудило его наконецъ сдѣлать распоряженіе о перевозкѣ всего провіанта изъ Тифлиса въ Бомбакъ, откуда онъ уже и могъ быть доставляемъ въ блокадный корпусъ по мѣрѣ надобности. Между тѣмъ грузинскій царевичъ Александръ съ сильнымъ отрядомъ персидскихъ войскъ, проникъ въ Бомбакскую провинцію и сдѣлалъ сообщенія съ Тифлисомъ крайне опасными.

Караклисъ, нынѣ бѣдное армянское селеніе, тогда былъ главнымъ городомъ Бомбакской провинціи и имѣлъ для русскихъ значеніе операціонной базы при наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи и Персіи. Въ Караклисѣ всегда поэтому располагался отрядъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ надежнаго штабъ-офицера, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручалось и наблюденіе за политическимъ состояніемъ края. До эриванской экспедиціи постъ этотъ занималъ маіоръ Монтрезоръ, офицеръ распорядительный, храбрый и хорошо знакомый съ азіятскою политикою. Но эти же самыя качества заставили Циціанова взять Монтрезора съ собою въ походъ, а на его мѣсто поставить батальонъ Саратовскаго полка, подъ командою армянина маіора Хаджаева. Неспособность послѣдняго скоро оказалась на дѣлѣ и имѣла весьма печальныя послѣдствія. Онъ упустилъ благопріятное время для перевозки къ Эривани транспортовъ, и теперь, при появленіи въ краѣ персіянъ, не зналъ, какъ за это взяться.

Путь былъ дѣйствительно опасенъ, и еще недавно грузинская конница, слѣдовавшая по этой дорогѣ въ Тифлисъ, встрѣчена была персіянами и частію захвачена въ плѣнъ. Циціановъ приписалъ этотъ случай недостаточной распорядительности самого Хаджаева и рѣшился отправить на смѣну ему опять маіора Монтрезора, съ тѣмъ чтобы этотъ послѣдній принялъ всѣ мѣры не только къ открытію сообщенія съ Тифлисомъ, но и къ скорѣйшему доставленію транспортовъ изъ Караклиса къ Эривани. Отправляя Монтрезора со сборною командою всего изъ 109 человѣкъ при одномъ орудіи, главнокомандующій предписалъ ему стараться проходить опасныя мѣста по ночамъ. Но всѣ предосторожности оказались напрасными: не успѣлъ Монтрезоръ отойти нѣсколькихъ верстъ отъ блокаднаго корпуса, какъ уже былъ окруженъ персидскою

конницею, къ которой на каждомъ шагу прибывали новыя толпы казахскихъ и борчалинскихъ татаръ.

Монтрезоръ рѣшился проложить себѣ путь штыками и пренебрегая многочисленностію непріятеля, продолжалъ движеніе черезъ каменистыя горы, по дорогѣ весьма затруднительной и на протяженіи двадцати слишкомъ верстъ совершенно безводной. Долину рѣки Аборань Монтрезоръ прошелъ при безпрерывномъ боѣ съ персіянами; а 21 августа, спускаясь съ горъ въ Бомбакскую равнину, увидѣлъ издали главныя силы царевича, которыя двигались навстрѣчу со стороны Караклиса. Почти въ виду самаго города царевичъ обложилъ малочисленный русскій отрядъ, изнуренный усталостію, зноемъ и жаждой, и потребовалъ сдачи. Монтрезоръ отвѣчалъ, „что смерть предпочитаетъ постыдному плѣну" и приготовился къ бою.

Раздраженный гордымъ отказомъ, царевичъ поклялся уничтожить отрядъ и двинулъ въ атаку разомъ всѣ свои силы. Нѣсколько часовъ длилась отчаянная битва; но когда большая часть отряда была перебита и переранена, когда опорожнились патронныя сумы, и Монтрезоръ увидѣлъ, что средства обороны истощены до конца, онъ сбросилъ мундиръ и, обратившись къ солдатамъ, сказалъ: „Ребята! я больше вамъ не начальникъ. Спасибо за храбрость и службу. Теперь, кто хочетъ, можетъ спасаться!" Позволеніемъ этимъ однакоже никто не воспользовался, кромѣ одного барабанщика; остальные дали послѣдній залпъ и, по слѣдамъ Монтрезора, кинулись въ штыки на непріятеля. И въ нѣсколько минутъ отряда не стало.

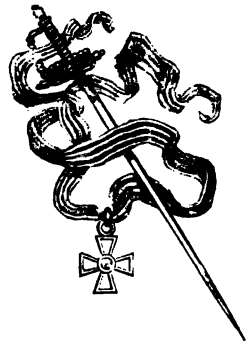
Самого Монтрезора нашли, впослѣдствіи, изрубленнымъ на пушкѣ, которую онъ, какъ видно, защищалъ до послѣдняго мгновенія; съ нимъ рядомъ были убиты: поручикъ Ладыгинъ и прапорщики Черецъ и Верещаго, а изъ ста девяти солдатъ: одинъ бѣжалъ, 15 тяжело раненыхъ захвачены въ плѣнъ, а остальные 93 человѣка погибли геройскою смертію.

Какъ только отгремѣла битва, и темная, дождливая ночь спустилась на страшное поле, усѣянное трупами и залитое кровью, персіяне повернули назадъ, навстрѣчу къ новому транспорту, подходившему изъ Тифлиса. Траспортъ этотъ однакоже

успѣлъ благополучно дойти до Караклиса, но препроводить его отсюда дальше, въ блокадный корпусъ, уже не представлялось никакой возможности.

Циціановъ былъ глубоко огорченъ извѣстіемъ о смерти Монтрезора и, возвращаясь въ Тифлисъ изъ эриванской экспедиціи, навѣстилъ могилу храбраго воина. Впослѣдствіи, общество офицеровъ Тифлисскаго полка пожелало увѣковѣчить славный подвигъ товарища сооруженіемъ на самомъ мѣстѣ его смерти небольшого, скромнаго обелиска, и Циціановъ самъ написалъ для него эпитафію. Говорятъ, эпитафія была достойна полководца; но, къ сожалѣнію, землетрясеніе 8 октября 1827 года разрушило памятникъ, а вмѣстѣ съ нимъ погибла и драгоцѣнная надпись.

Впослѣдствіи, уже въ сороковыхъ годахъ, князь Воронцовъ приказалъ возобновить обелискъ на мѣстѣ историческаго боя, и онъ существуетъ до настоящаго времени, на почтовой дорогѣ между Тифлисомъ и Александрополемъ, оберегаемый сосѣдними жителями, между которыми еще свѣжо и донынѣ преданіе о славной смерти маіора Монтрезора.



XXVIII.

Подвигъ полковника Карягина.

Въ Карабагскомъ ханствѣ, при подошвѣ каменистаго пригорка, возлѣ самой дороги изъ Елизаветполя въ Шушу, стоитъ древній замокъ, обнесенный высокою каменною стѣною съ шестью полуразрушенными круглыми башнями.

Возлѣ этого замка, поражающаго путника грандіозно-массивными контурами, бьетъ ключъ Шахъ-Булахъ, а нѣсколько далѣе, верстахъ въ 10 или въ 15, пріютилось татарское кладбище, раскинувшееся на одномъ изъ придорожныхъ кургановъ, которыхъ такъ много въ этой части Закавказскаго края. Высокій шпицъ минарета издали привлекаетъ вниманіе путешественника. Но не многіе знаютъ, что этотъ минаретъ и это кладбище—безмолвные свидѣтели подвига, почти баснословнаго.

Здѣсь именно, въ персидскую кампанію 1805 года, русскій отрядъ въ четыреста человѣкъ, подъ командою полковника Карягина, выдержалъ нападеніе 20-тысячной персидской арміи и съ честію вышелъ изъ этого слишкомъ неравнаго боя.

Кампанія началась съ того, что непріятель перешелъ Араксъ у Худоперинской переправы. Прикрывавшій ее батальонъ 17 егерскаго полка, подъ командою маіора Лисаневича, не въ силахъ

былъ удержать персіянъ и отступилъ въ Шушу. Князь Циціановъ тотчасъ отправилъ на помощь къ нему другой батальонъ и два орудія, подъ командою шефа того же полка, полковника Карягина, человѣка закаленнаго въ битвахъ съ горцами и персіянами. Сила обоихъ отрядовъ вмѣстѣ, если бы имъ и удалось соединиться, не превышала 900 человѣкъ; но Циціановъ хорошо зналъ духъ кавказскихъ войскъ, зналъ ихъ предводителей и былъ спокоенъ за послѣдствія.

Карягинъ выступилъ изъ Елизаветполя 21 іюня, и черезъ три дня, подходя къ Шахъ-Булаху, увидѣлъ передовыя войска персидской арміи, подъ начальствомъ сардаря Пиръ-Кули-хана. Такъ какъ здѣсь было не болѣе трехъ, четырехъ тысячъ, то отрядъ, свернувшись въ каре, продолжалъ идти своею дорогой, отражая атаку за атакою. Но подъ вечеръ вдали показались главныя силы персидской арміи, отъ 15 до 20 тысячъ, предводимыя Аббасъ-Мирзою, наслѣдникомъ персидскаго царства. Продолжать дальнѣйшее движеніе русскому отряду стало невозможнымъ, и Карягинъ, осмотрѣвшись кругомъ, увидѣлъ на берегу Аскорани высокій курганъ съ раскинутымъ на немъ татарскимъ кладбищемъ—мѣсто удобное для обороны. Онъ поспѣшилъ его занять и, наскоро окопавшись рвомъ, загородилъ всѣ доступы къ кургану повозками изъ своего обоза. Персіяне не замедлили повести атаку, и ихъ ожесточенные приступы слѣдовали одинъ за другимъ безъ перерыва до самаго наступленія ночи. Карягинъ удержался на кладбищѣ, но это стоило ему ста девяносто семи человѣкъ, т. е. почти половины отряда.

„Пренебрегая многочисленностію персіянъ, — писалъ онъ въ тотъ же день къ Циціанову:—я проложилъ бы себѣ дорогу штыками въ Шушу, но великое число раненыхъ людей, коихъ поднять не имѣю средствъ, дѣлаетъ невозможнымъ всякую попытку двинуться съ занятаго мною мѣста“.

Потери персіянъ были громадны. Аббасъ-Мирза увидѣлъ ясно, во что ему обойдется новая атака русской позиціи, и потому, не желая напрасно тратить людей, на утро ограничился канонадою, не допуская мысли, чтобы такой малочисленный отрядъ могъ продержаться долѣе сутокъ. Дѣйствительно, военная исторія

не много представляетъ примѣровъ, гдѣ отрядъ, окруженный во сто разъ сильнѣйшимъ непріятелемъ, не принялъ бы почетной капитуляціи. Но Карягинъ сдаваться не думалъ. Правда, сначала онъ разсчитывалъ на помощь со стороны карабагскаго хана; но скоро отъ этой надежды пришлось отказаться: узнали, что ханъ измѣнилъ и что сынъ его съ карабагскою конницей находится уже въ персидскомъ станѣ.

Циціановъ пытался обратить карабагцевъ къ исполненію обязательствъ, данныхъ русскому государю, и, притворяясь незнающимъ объ измѣнѣ татаръ, писалъ въ своей прокламаціи къ карабагскимъ армянамъ: „Неужели вы, армяне Карабага, доселѣ славившіеся своею храбростію, перемѣнились, сдѣлались женоподобными и похожими на другихъ армянъ, занимающихся только торговыми промыслами... Опомнитесь! Вспомните прежнюю вашу храбрость, будьте готовы къ побѣдамъ и покажите, что вы и теперь тѣ же храбрые карабагцы, какъ были прежде страхомъ для персидской конницы".

Но все было тщетно, и Карягинъ оставался въ томъ же положеніи, безъ надежды получить помощь изъ Шушинской крѣпости. На третій день, 26 іюня, персіяне, желая ускорить развязку, отвели у осажденныхъ воду и поставили надъ самою рѣкою четыре фальконетныя батареи, которыя день и ночь обстрѣливали русскій лагерь. Съ этого времени положеніе отряда становится невыносимымъ, и потери быстро начинаютъ увеличиваться. Самъ Карягинъ, контуженный уже три раза въ грудь и въ голову, былъ раненъ наконецъ пулею въ бокъ на вылетъ. Большинство офицеровъ также выбыло изъ фронта, а солдатъ не осталось и 150 человѣкъ, годныхъ къ бою. Если прибавить къ этому мученія жажды, нестерпимый зной, тревожныя и безсонныя ночи, то почти непонятнымъ становится грозное упорство, съ которымъ солдаты не только безропотно переносили невѣроятныя лишенія, но находили еще въ себѣ достаточно силъ, чтобы дѣлать вылазки и бить персіянъ.

Въ одну изъ такихъ вылазокъ, солдаты, подъ командою поручика Ладинскаго, проникли даже до самаго персидскаго лагеря

и, овладѣвъ четырьмя батареями на Аскорани не только добыли воду, но и принесли съ собою 15 фальконетовъ.

„Я не могу безъ душевнаго умиленія вспомнить, разсказываетъ самъ Ладинскій:—что за чудесные русскіе молодцы были солдаты въ нашемъ отрядѣ. Поощрять и возбуждать ихъ храбрость не было мнѣ нужды. Вся моя рѣчь къ нимъ состояла изъ нѣсколькихъ словъ: „пойдемъ, ребята, съ Богомъ! Вспомнимъ русскую пословицу, что двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать,—а умереть же, сами знаете, лучше въ бою, чѣмъ въ госпиталѣ". Всѣ сняли шапки и перекрестились. Ночь была темная. Мы съ быстротою молніи перебѣжали разстояніе, отдѣлявшее насъ отъ рѣки, и, какъ львы, бросились на первую батарею. Въ одну минуту она была въ нашихъ рукахъ. На второй персіяне защищались съ большимъ упорствомъ, но были переколоты штыками, а съ третьей и съ четвертой все кинулось бѣжать въ паническомъ страхѣ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ полчаса, мы кончили бой, не потерявъ съ своей стороны ни одного человѣка. Я разорилъ батарею, набралъ воды и, захвативъ 15 фальконетовъ, присоединился къ отряду".

Успѣхъ этой вылазки превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія Карягина. Онъ вышелъ благодарить храбрыхъ егерей, но, не находя словъ, кончилъ тѣмъ, что перецѣловалъ ихъ всѣхъ передъ цѣлымъ отрядомъ. Къ общему сожалѣнію, Ладинскій, уцѣлѣвшій на вражьихъ батареяхъ при исполненіи своего дерзкаго подвига, на слѣдующій же день былъ тяжело раненъ персидскою пулею въ собственномъ лагерѣ.

Четыре дня стояла горсть героевъ лицомъ къ лицу съ персидскою арміею, но на пятый—обнаружился недостатокъ въ патронахъ и въ продовольствіи. Солдаты съѣли въ этотъ день послѣдніе свои сухари, а офицеры давно уже питались травою и кореньями. Въ этой крайности Карягинъ рѣшился отправить сорокъ человѣкъ на фуражировку въ ближайшія селенія, съ тѣмъ чтобы они добыли мяса, а если можно и хлѣба. Команда пошла подъ начальствомъ офицера, не внушавшаго къ себѣ большого довѣрія. Это былъ иностранецъ неизвѣстно какой національности, называвшій себя русскою фамиліею Лисенковъ; онъ одинъ изъ всего

отряда видимо тяготился своимъ положеніемъ. Впослѣдствіи изъ перехваченной переписки оказалось, что это былъ дѣйствительно французскій шпіонъ. Предчувствіе какого-то горя овладѣло въ лагерѣ рѣшительно всѣми. Ночь провели въ тревожномъ ожиданіи, а къ свѣту 28 числа явились изъ посланной команды только шесть человѣкъ—съ извѣстіемъ, что на нихъ напали персіяне, что офицеръ пропалъ безъ вѣсти, а остальные солдаты—изрублены.

Вотъ нѣкоторыя подробности несчастной экспедиціи, записанныя тогда со словъ раненаго фельдфебеля Петрова.

„Какъ только мы пришли въ деревню, разсказывалъ Петровъ:—поручикъ Лисенковъ тотчасъ приказалъ намъ составить ружья, снять аммуницію и идти по саклямъ. Я доложилъ ему, что въ непріятельской землѣ такъ дѣлать негодится, потому что неровенъ часъ—можетъ набѣжать непріятель. Но поручикъ на меня крикнулъ и сказалъ, что намъ бояться нечего, что эта деревня лежитъ позади нашего лагеря, и непріятелю пробраться сюда нельзя; что съ аммуниціей и ружьями тяжело лазить по амбарамъ и погребамъ, а намъ мѣшкать нечего и надо поскорѣе возвращаться въ лагерь“.

— „Нѣтъ,—подумалъ я,—все это выходитъ какъ-то неладно. Не такъ, бывало, дѣлывали наши прежніе офицеры; бывало, половина команды всегда оставалась на мѣстѣ съ заряженными ружьями; но съ командиромъ спорить не приходилось. Я распустилъ людей, а самъ, словно чуя что-то недоброе, взобрался на курганъ и сталъ осматривать окрестности. Вдругъ вижу—скачетъ персидская конница... Ну, думаю, плохо!—кинулся въ деревню, а тамъ уже персіяне. Я сталъ отбиваться штыкомъ, а между тѣмъ кричу, чтобы солдаты скорѣе выручали ружья. Кое-кто успѣлъ это сдѣлать, и мы, собравшись въ кучу, бросились пробиваться“.

— „Ну, ребята, сказалъ я:—сила солому ломитъ; бѣги въ кусты, а тамъ Богъ дастъ и отсидимся!“ Съ этими словами мы кинулись въ разсыпную, но только шестерымъ изъ насъ, и то израненнымъ, удалось добраться до кустарника. Персіяне сунулись было за нами, но мы ихъ приняли такъ, что они скоро оставили насъ въ покоѣ“.

„Теперь,—закончилъ свою грустную повѣсть Петровъ:—все,

что осталось въ деревнѣ, или побито, или захвачено въ плѣнъ,— и выручать уже некого".

Роковая неудача эта произвела поражающее впечатлѣніе на отрядъ, потерявшій тутъ изъ небольшого числа оставшихся послѣ защиты людей сразу 35 отборныхъ молодцовъ; но энергія Карягина не поколебалась.

„Что дѣлать, братцы", сказалъ онъ собравшимся вокругъ него солдатамъ:—гореваньемъ бѣды не поправишь. Ложитесь-ка спать, да помолитесь Богу, а ночью будетъ работа".

Слова Карягина такъ и были поняты солдатами, что ночью отрядъ пойдетъ пробиваться черезъ персидскую армію, потому что невозможность держаться на этой позиціи была для всѣхъ очевидна, съ тѣхъ поръ какъ вышли сухари и патроны. Карягинъ, дѣйствительно, собралъ военный совѣтъ и предложилъ пробиться къ Шахъ-Булахскому замку, взять его штурмомъ и тамъ отсиживаться въ ожиданіи выручки. Армянинъ Іоганесъ Юзбашъ брался быть проводникомъ для отряда. Надъ Карягинымъ сбылась въ этомъ случаѣ русская пословица: „кинь хлѣбъ-соль назадъ, а она очутится впереди". Онъ сдѣлалъ когда-то большое одолженіе одному елизаветпольскому жителю, сынъ котораго, Іоганесъ, до того полюбилъ Карягина, что во всѣхъ походахъ находился при немъ безотлучно и, какъ увидимъ, игралъ видную роль во всѣхъ дальнѣйшихъ событіяхъ.

Предложеніе Карягина было принято единодушно. Обозъ оставили на разграбленіе непріятелю, но фальконеты, добытые съ боя, тщательно зарыли въ землю, чтобы ихъ не нашли персіяне. Затѣмъ, помолившись Богу, зарядили картечью орудія, забрали на носилки раненыхъ, и тихо, безъ шума, въ самую полночь на 29 іюня, выступили изъ лагеря.

По недостатку лошадей егеря тащили орудія на лямкахъ. Верхами ѣхали только три раненые офицера: Карягинъ, Котляревскій и поручикъ Ладинскій,—да и то потому, что солдаты сами не допустили ихъ спѣшиться, обѣщая на рукахъ вытаскивать пушки, гдѣ это будетъ нужно. И мы увидимъ дальше, какъ честно исполнили они свое обѣщаніе.

Пользуясь темнотою ночи и горными трущобами, Іоганесъ нѣ-

которое время велъ отрядъ совершенно скрытно. Но персіяне скоро замѣтили исчезновеніе русскаго отряда и даже напали на слѣдъ; и только непроглядная темень, буря, и особенно ловкость Іоганеса еще разъ спасли Карягина отъ возможности истребленія. Къ свѣту онъ былъ уже у стѣнъ Шахъ-Булаха, занятаго небольшимъ персидскимъ гарнизономъ, и, пользуясь тѣмъ, что тамъ всѣ еще спали, не помышляя о близости русскихъ, сдѣлалъ залпъ изъ орудій, разбилъ желѣзныя ворота и, кинувшись на приступъ, черезъ десять минутъ овладѣлъ крѣпостью. Начальникъ ея Эмиръ-ханъ, родственникъ наслѣднаго персидскаго принца, былъ убитъ и тѣло его осталось въ рукахъ русскихъ.

Едва отгремѣли раскаты послѣднихъ выстрѣловъ, какъ вся персидская армія, по пятамъ преслѣдовавшая Карягина, показалась въ виду Шахъ-Булаха. Карягинъ приготовился къ бою. Но прошелъ часъ, другой томительнаго ожиданія—и, вмѣсто штурмовыхъ колоннъ, передъ стѣнами замка появились персидскіе парламентеры. Аббасъ-Мирза обращался къ великодушію Карягина и просилъ о выдачѣ тѣла убитаго родственника.

— „Съ удовольствіемъ исполню желаніе его высочества, отвѣчалъ Карягинъ:—но съ тѣмъ, чтобы и намъ были выданы всѣ наши плѣнные солдаты (захваченные въ экспедиціи Лисенкова)“.

— „Шахъ-Заде (наслѣдникъ) это предвидѣлъ, возразилъ персіянинъ:—и поручилъ мнѣ передать искреннее его сожалѣніе. Русскіе солдаты всѣ до послѣдняго человѣка легли на мѣстѣ сраженія, а офицеръ на другой день умеръ отъ раны“.

Это была ложь, и прежде всего самъ Лисенковъ, какъ было извѣстно, находился въ персидскомъ лагерѣ; тѣмъ не менѣе Карягинъ приказалъ выдать тѣло убитаго хана и только прибавилъ:

— „Скажите принцу, что я ему вѣрю, но что у насъ есть старая пословица: кто солжетъ, тому да будетъ стыдно; наслѣдникъ же обширной персидской монархіи краснѣть передъ нами конечно не захочетъ“.

Тѣмъ переговоры и окончились. Персидская армія обложила замокъ и начала блокаду, разсчитывая голодомъ принудить Карягина сдаться. Четыре дня питались осажденные травой и лошадинымъ мясомъ; но наконецъ съѣдены были и эти скудные за-

пасы. Тогда Іоганесъ явился съ новой неоцѣнимой услугой; онъ ночью вышелъ изъ крѣпости и, пробравшись въ армянскіе аулы, извѣстилъ Циціанова о положеніи отряда. „Если ваше сіятельство не поспѣшите на помощь, писалъ при этомъ Карягинъ:— то отрядъ погибнетъ не отъ сдачи, къ которой не приступлю, но отъ голода“.

Донесеніе это сильно встревожило князя Циціанова, не имѣвшаго при себѣ ни войскъ, ни продовольствія, чтобы идти на выручку.

„Въ отчаяніи неслыханномъ, писалъ онъ Карягину:—прошу васъ подкрѣпить духомъ солдатъ, а Бога прошу подкрѣпить васъ лично. Если чудесами Божіими вы получите облегченіе какъ нибудь отъ участи вашей, для меня страшной, то постарайтесь меня успокоить для того, что мое прискорбіе превышаетъ всякое воображеніе“...

Письмо это было доставлено тѣмъ же Іоганесомъ, который благополучно возвратился въ замокъ, принеся съ собою и небольшое количество провизіи. Карягинъ раздѣлилъ этотъ запасъ поровну между всѣми чинами гарнизона, но его хватило только на сутки. Іоганесъ сталъ отправляться тогда уже не одинъ, а съ цѣлыми командами, которыя счастливо проводилъ по ночамъ мимо персидскаго лагеря. Однажды русская колонна впрочемъ даже наткнулась на конный непріятельскій разъѣздъ; но къ счастію густой туманъ позволилъ солдатамъ устроить засаду. Какъ тигры бросились они на персіянъ и въ нѣсколько секундъ истребили всѣхъ безъ выстрѣла, одними штыками. Чтобы скрыть слѣды этого побоища, они забрали лошадей съ собою; кровь на землѣ засыпали, а убитыхъ стащили въ оврагъ, гдѣ закидали землей и кустарникомъ. Въ персидскомъ лагерѣ такъ ничего и не узнали объ участи погибшаго разъѣзда.

Нѣсколько подобныхъ экскурсій позволили Карягину продержаться еще цѣлую недѣлю безъ особенной крайности. Наконецъ Аббасъ-Мирза, потерявъ терпѣніе, предложилъ Карягину большія награды и почести, если онъ согласится перейдти въ персидскую службу и сдастъ Шахъ-Булахъ, обѣщая, что никому изъ русскихъ не будетъ сдѣлано ни малѣйшей обиды. Карягинъ просилъ

четыре дня на размышленіе, но съ тѣмъ, чтобы Аббасъ-Мирза во всѣ эти дни продовольствовалъ русскихъ съѣстными припасами, Аббасъ-Мирза согласился, и русскій отрядъ, исправно получая отъ персіянъ все необходимое, отдохнулъ и оправился.

Между тѣмъ истекъ послѣдній день перемирія, и къ вечеру Аббасъ-Мирза прислалъ спросить Карягина о его рѣшеніи. „Завтра утромъ пускай его высочество займетъ Шахъ-Булахъ", отвѣчалъ Карягинъ. Какъ увидимъ, онъ сдержалъ свое слово.

Едва наступила ночь, какъ весь отрядъ, руководимый опять Іоганесомъ, вышелъ изъ Шахъ-Булаха, рѣшившись перебраться въ другую крѣпость, Мухратъ, которая по гористому мѣстоположенію и близости къ Елизаветполю была удобнѣе для защиты. Окольными дорогами, по горамъ и трущобамъ, отряду удалось обойдти персидскіе посты такъ скрытно, что непріятель замѣтилъ обманъ Карягина только подъ утро, когда авангардъ Котляревскаго, составленный исключительно изъ однихъ раненыхъ солдатъ и офицеровъ, уже былъ въ Мухратѣ, а самъ Карягинъ съ остальными людьми и съ пушками успѣлъ миновать опасныя горныя ущелія. Если бы Карягинъ и его солдаты не были проникнуты поистинѣ геройскимъ духомъ, то, кажется, однѣхъ мѣстныхъ трудностей было бы довольно, чтобы сдѣлать совершенно невозможнымъ все предпріятіе. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ эпизодовъ этого перехода, — фактъ, стоящій одинако даже и въ исторіи кавказской арміи.

Въ то время, когда отрядъ еще шелъ по горамъ, дорогу пересѣкала глубокая промоина, черезъ которую невозможно было переправить орудій. Передъ ней остановились въ недоумѣніи. Но находчивость кавказскаго солдата и безграничное его самопожертвованіе выручили и изъ этой бѣды.

„Ребята! — крикнулъ вдругъ батальонный запѣвало Сидоровъ: — чего же стоять и задумываться? стоя города не возьмешь, лучше послушайте, что я скажу вамъ: у нашего брата пушка—барыня; а барынѣ надо помочь; такъ перекатимъ-ка ее на ружьяхъ".

Одобрительный шумъ пошелъ по рядамъ батальона. Нѣсколько ружей тотчасъ же были воткнуты въ землю штыками и образовали сваи; нѣсколько другихъ положены на нихъ, какъ перево-

дины; нѣсколько солдатъ подперли ихъ плечами,—и импровизированный мостъ былъ готовъ. Первая пушка разомъ перелетѣла по этому въ буквальномъ смыслѣ живому мосту и только слегка помяла молодецкія плечи; но вторая сорвалась и со всего размаха ударила колесомъ по головѣ двухъ солдатъ. Пушка была спасена, но люди заплатили за это своею жизнію. Въ числѣ ихъ былъ и батальонный запѣвало Гаврило Сидоровъ.

Какъ ни торопился отрядъ отступленіемъ, однакоже солдаты успѣли вырыть глубокую могилу, въ которую офицеры на рукахъ опустили тѣла погибшихъ сослуживцевъ. Самъ Карягинъ благословилъ этотъ послѣдній пріютъ почившихъ героевъ и поклонился ему до земли.

„Прощайте!—сказалъ онъ послѣ короткой молитвы:—прощайте истинно православные, русскіе люди, вѣрные царскіе слуги! Да будетъ вамъ вѣчная память.“ „Молите, братцы, Бога за насъ“, говорили солдаты, крестясь и разбирая ружья.

Между тѣмъ Іоганесъ, все время наблюдавшій окрестности, подалъ знакъ, что персіяне уже не далеко. Дѣйствительно, едва русскіе дошли до Кессанетъ, родины Іоганеса, какъ персидская конница уже насѣла на отрядъ и завязалась такая жаркая схватка, что русскія орудія нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки... Къ счастію, Мухратъ уже былъ не далеко, и Карягинъ ночью успѣлъ отступить къ нему съ небольшою потерею. Отсюда онъ тотчасъ написалъ къ Циціанову; „Теперь я отъ атакъ Баба-Хана совершенно безопасенъ, по причинѣ того, что здѣсь мѣстоположеніе не дозволяетъ ему быть съ многочисленными войсками“. Въ то же самое время Карягинъ отправилъ письмо къ Аббасъ-Мирзѣ, въ отвѣтъ на предложеніе его перейдти въ персидскую службу. „Въ письмѣ своемъ изволите говорить, писалъ къ нему Карягинъ:—что родитель вашъ имѣетъ ко мнѣ милость а я васъ имѣю честь увѣдомить, что, воюя съ непріятелемъ, милости не ищутъ, кромѣ измѣнниковъ; а я, посѣдѣвшій подъ ружьемъ, за счастіе сочту пролить мою кровь на службѣ Его Императорскаго Величества“.

Мужество полковника Карягина принесло громадные плоды. Задержавъ персіянъ въ Карабагѣ, оно спасло Грузію отъ наводне-

нія ея персидскими полчищами и дало возможность князю Циціанову собрать войска, разсѣянныя по границамъ, и открыть наступательную кампанію.

Тогда и Карягину явилась наконецъ возможность покинуть Мухратъ и отступить къ с. Маздыгертъ, гдѣ главнокомандующій принялъ его съ чрезвычайными военными почестями. Всѣ войска, одѣтыя въ парадную форму, были выстроены развернутымъ фронтомъ, и когда показались остатки храбраго отряда, Циціановъ самъ скомандовалъ: „на караулъ!". По рядамъ гремѣло „ура!" барабаны били походъ, знамена приклонялись...

Обходя раненыхъ Циціановъ съ участіемъ разспрашивалъ объ ихъ положеніи, обѣщалъ донести о чудесныхъ подвигахъ отряда Государю, а поручика Ладинскаго тутъ же поздравилъ кавалеромъ ордена св. Георгія 4-й степени *).

Государь пожаловалъ Карягину золотую шпагу съ надписью: „за храбрость", а армянину Іоганесу чинъ прапорщика, золотую медаль и 200 рублей пожизненной пенсіи.

Въ самый день торжественной встрѣчи, послѣ вечерней зари, Карягинъ отвелъ геройскіе остатки своего батальона въ Елизаветполь. Храбрый ветеранъ изнемогалъ отъ ранъ, полученныхъ на Аскоранѣ; но сознаніе долга въ немъ было такъ сильно, что, спустя нѣсколько дней, когда Аббасъ-Мирза появился у Шамхора, онъ, пренебрегая болѣзнію, снова стоялъ уже лицомъ къ лицу съ непріятелемъ.

Утромъ 27-го іюля, небольшой русскій транспортъ, слѣдовавшій изъ Тифлиса къ Елисаветполю, былъ атакованъ значительными силами Пиръ-Кули-хана. Горсть русскихъ солдатъ и съ ними бѣдные, но храбрые грузинскіе погонщики, составивъ каре изъ своихъ арбъ, защищались отчаянно, несмотря на то, что на каждаго изъ нихъ приходилось непріятелей, по крайней

*) Впослѣдствіи Ладинскій, будучи полковникомъ, командовалъ Эриванскимъ кабардинскимъ полкомъ (бывшій 17 егерскій) и въ этой должности оставался съ 1816 по 1823 годъ. Всѣ, кто только зналъ Ладинскаго уже въ преклонныхъ лѣтахъ, отзывается о немъ, какъ о веселомъ, любезномъ и остроумномъ человѣкѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые всякій разсказъ умѣютъ украсить анекдотами и ко всему относятся съ комизмомъ, умѣя подмѣчать вездѣ смѣшныя или слабыя стороны.

мѣрѣ, по сто человѣкъ. Персіяне, обложивъ транспортъ и громя его изъ орудій, требовали сдачи и угрожали въ противномъ случаѣ истребить всѣхъ до единаго. Начальникъ транспорта, поручикъ Донцовъ, одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, имена которыхъ невольно врѣзываются въ память, отвѣчалъ одно: „умремъ, а не сдадимся!". Но положеніе отряда становилось отчаяннымъ. Донцовъ, служившій душою обороны, получилъ смертельную рану; другой офицеръ, прапорщикъ Плотневскій, черезъ свою запальчивость былъ схваченъ въ плѣнъ. Солдаты остались безъ начальниковъ и, потерявъ большую половину людей, уже стали колебаться. Къ счастію, въ этотъ моментъ появляется Карягинъ — и картина боя мгновенно измѣняется. Русскій батальонъ, въ 500 человѣкъ, стремительно атакуетъ главный лагерь наслѣднаго принца, врывается въ его окопы и овладѣваетъ батареею. Не давая непріятелю опомниться, солдаты поворачиваютъ отбитыя пушки на лагерь, открываютъ изъ нихъ жестокій огонь, и—при быстро распространяющемся въ персидскихъ рядахъ имени Карягина,— все бросается бѣжать въ ужасѣ.

Пораженіе персіянъ было такъ велико, что трофеями этой неслыханной побѣды, одержанной горстью солдатъ надъ цѣлою персидскою арміею, былъ весь непріятельскій лагерь, обозъ, нѣсколько орудій, знамена и множество плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ захваченъ и раненый грузинскій царевичъ Теймуразъ Иракліевичъ. Таковъ былъ финалъ, блистательно закончившій персидскую кампанію 1805 г., начатую тѣми же лицами и почти при тѣхъ же условіяхъ на берегу Аскорани.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ прибавить, что Карягинъ началъ свою службу рядовымъ въ Бутырскомъ пѣхотномъ полку, во время турецкой войны 1773 года, и первыя дѣла, въ которыхъ онъ участвовалъ, были блистательныя побѣды Румянцева-Задунайскаго. Здѣсь, подъ впечатлѣніемъ этихъ побѣдъ, Карягинъ впервые постигъ великую тайну управлять въ бою сердцами людей и почерпнулъ ту нравственную вѣру въ русскаго человѣка и въ себя самого, съ которою, впослѣдствіи, онъ, какъ древній римлянинъ, никогда не считалъ своихъ непріятелей.

Когда Бутырскій полкъ былъ двинутъ на Кубань *), Карягинъ попалъ въ суровую обстановку кавказской прилинейной жизни, былъ раненъ на штурмѣ Анапы, и съ этого времени, можно сказать, не выходилъ уже изъ-подъ огня непріятеля. Въ 1803 году, по смерти генерала Лазарева, онъ былъ назначенъ шефомъ 17 егерскаго полка, расположеннаго въ Грузіи. Здѣсь, за взятіе Ганжи онъ получилъ орденъ св. Георгія 4 степени, а подвиги въ персидской компаніи 1805 г. сдѣлали имя его безсмертнымъ въ рядахъ кавказскаго корпуса.

Къ несчастію, постоянные походы, раны и въ особенности утомленіе въ зимнюю кампанію 1806 года окончательно разстроили желѣзное здоровье Карягина; онъ заболѣлъ лихорадкой, которая скоро развилась въ желтую, гнилую горячку, и 7 мая 1807 года героя не стало. Послѣднею наградою его былъ орденъ Владиміра 3 степени, полученный имъ за нѣсколько дней до кончины.

Много лѣтъ пронеслось надъ безвременною могилою Карягина, но память объ этомъ добромъ и симпатичномъ человѣкѣ свято хранится и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Пораженное его богатырскими подвигами, боевое потомство придало личности Карягина величаво легендарный характеръ, создало изъ него любимѣйшій типъ въ боевомъ кавказскомъ эпосѣ.

*) Бутырскій полкъ поступилъ въ составъ 4-го батальона Кубанскаго егерскаго корпуса, а этотъ батальонъ, въ свою очередь, былъ переименованъ императоромъ Павломъ въ 17 егерскій полкъ. Такимъ образомъ Карягинъ всѣ 34 года своей службы пробылъ, можно сказать, въ одномъ и томъ же полку.

XXIX.

Генералъ Завалишинъ.

(Каспійская флотилія въ 1805 г.).

Когда, въ 1805 году, открылась персидская кампанія, главнокомандующій въ Грузіи, князь Циціановъ, приказалъ Каспійской флотиліи направиться къ Гилянамъ. Онъ имѣлъ въ виду помѣшать этимъ путемъ наступательнымъ замысламъ персидскаго шаха, побудить его уплатить военныя издержки за эриванскую кампанію и возвратить 12 орудій, захваченныхъ еще Ага-Магометъ-ханомъ, при разореніи имъ Тифлиса. Въ то же время предполагалось, что флотилія на возвратномъ пути изъ Гилянъ займетъ городъ Баку и оставитъ тамъ русскій гарнизонъ. Начальство надъ экспедиціей поручено было инспектору всѣхъ гарнизонныхъ полковъ на Кавказѣ, генералъ-маіору Иринарху Ивановичу Завалишину.

Завалишинъ появляется на Кавказѣ, еще не бывши, насколько это извѣстно, ни въ одномъ сраженіи, но уже съ чрезвычайно выгодной репутаціей, созданной ему особымъ расположеніемъ Суворова, привлекательными чертами прямого характера, а отчасти и несправедливостію, постигнувшею его во времена императора Павла. Извѣстно, что 14 лѣтъ отъ роду онъ былъ уже подпоручикомъ Фанагорійскаго гренадерскаго полка, и тамъ-то пользо-

вался особенною любовію Суворова, отличавшаго въ молодомъ человѣкѣ не только умъ, образованіе и склонность къ литературнымъ занятіямъ, но видѣвшаго въ немъ даже и задатки большихъ военныхъ способностей, какъ это видно изъ слѣдующаго семейнаго преданія. Разсказываютъ, что въ 1799 году, когда Завалишинъ 29 лѣтъ отъ роду былъ произведенъ въ генералы и назначенъ шефомъ Таврическаго гренадерскаго полка, находившагося въ Голландіи, то Суворовъ отправилъ къ нему собственную свою георгіевскую звѣзду, выражая тѣмъ увѣренность, что Завалишинъ достигнетъ высшихъ отличій на военномъ поприщѣ. Дѣло, возложенное тогда императоромъ на молодого генерала, было, дѣйствительно, настолько важно, что съ своей стороны также оправдывало надежды Суворова: Завалишину поручено было отвести въ Голландію часть русскихъ войскъ, назначенныхъ на подкрѣпленіе разбитаго корпуса Германа, и возстановить честь полка, котораго онъ назначенъ былъ шефомъ,—полкъ этотъ, какъ думалъ государь, потерялъ въ сраженіи знамя, и за то былъ лишенъ употребленія барабаннаго „боя". Но эскадра Завалишина не успѣла дойти до Голландіи, какъ военныя дѣйствія уже окончились, и войска ушли на зимовыя квартиры.

Тѣмъ не менѣе Завалишинъ горячо вступился за честь полка, несправедливо обвинявшагося въ потерѣ знамени въ сраженіи подъ Берномъ; онъ поспѣшилъ разъяснить обстоятельства, давшія поводъ къ подобному слуху, и писалъ, что первыя донесенія о сраженіи были крайне неточны, что полкъ не только не потерялъ своего знамени въ томъ смыслѣ, чтобы оно досталось въ руки непріятеля, а напротивъ, самъ взялъ французское знамя; собственное же, считавшееся погибшимъ, отыскано на трупѣ убитаго офицера, смерть котораго составляетъ притомъ прекрасный боевой эпизодъ и можетъ служить къ славѣ не только полка, но и всей русской арміи. Оказалось именно, что когда одному изъ батальоновъ Таврическаго полка, окруженному со всѣхъ сторонъ французами, пришлось проложить себѣ дорогу штыками, то подпрапорщикъ Щеголовитовъ, стоявшій подъ знаменемъ, видя, что трудно будетъ вынести изъ этой свалки полковую святыню, сорвалъ его съ древка и спряталъ подъ мундиръ. Вскорѣ онъ былъ убитъ,

Тогда знамя взялъ прапорщикъ того же полка Багговутъ и обвилъ его вокругъ себя подъ рубахою; но почти вслѣдъ за этимъ роковая пуля сразила и его, и знамя вмѣстѣ съ нимъ осталось на полѣ сраженія. Остальныя знамена полкъ вынесъ изъ боя, но всѣ они въ клочки были изодраны французскими штыками и пулями.

Спасеніе знамени являлось несомнѣннымъ фактомъ, и государь не только возвратилъ полку отнятый „бой", но пожаловалъ ему еще мальтійское (георгіевское) знамя съ надписью, увѣковѣчившею подвигъ его подъ Берномъ. Что же касается до прапорщика Багговута, хотя уже убитаго, то государь приказалъ произвесть его въ поручики и перевести лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ *).

Съ экспедиціоннымъ корпусомъ Завалишину пришлось быть нѣкоторое время въ Нормандіи и въ Англіи. Здѣсь онъ съумѣлъ выказать такъ много такта и заботливости о поддержаніи добрыхъ отношеній съ союзниками, что возвращающіяся въ Россію войска вызвали со стороны жителей множество прощальныхъ благодарственныхъ адресовъ. Такія заявленія были особенно пріятны императору Павлу Петровичу, и съ этихъ поръ онъ сталъ смотрѣть на Завалишина не только какъ на хорошаго военнаго генерала, но и разумнаго политическаго дѣятеля.

И едва Завалишинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ получилъ приказаніе явиться прямо въ кабинетъ государя. Всѣ ожидали, что онъ будетъ осыпанъ наградами; но къ общему удивленію вышло совершенно противное. Въ разговорѣ государь поставилъ два вопроса: что думаетъ Завалишинъ о войнѣ, объявленной Англіи, и чему приписываетъ онъ пораженіе нашихъ войскъ въ Голландіи и въ Швейцаріи? Завалишинъ открыто и честно высказалъ свое мнѣніе, что лично онъ никогда не одобрилъ бы разрыва съ Англіею, сдѣланнаго исключительно въ угоду Наполеону; что же касается до пораженія нашихъ войскъ въ Голландіи, то онъ объясняетъ это единственно тѣмъ предпочтеніемъ, которое въ послѣднее время стали оказывать парадной выправкѣ, въ ущербъ

*) Въ этомъ полку Багговутъ числился до 1805 года, когда императоръ Александръ приказалъ вновь исключить его изъ списковъ, якобы тогда умершаго.

сущности военнаго дѣла. Государь мгновенно вспылилъ, назвалъ его партизаномъ Суворова, порицателемъ новыхъ порядковъ,—и Завалишинъ, вмѣсто ожидаемыхъ наградъ, въ тотъ же день былъ исключенъ изъ службы однимъ приказомъ съ княземъ Циціановымъ, Ермоловымъ, Чичаговымъ и Платовымъ.

Императоръ Александръ снова призвалъ Завалишина на службу, назначивъ его шефомъ Астраханскаго гарнизоннаго полка и инспекторомъ всѣхъ гарнизонныхъ частей на Кавказѣ, и поручивъ ему въ то же время главный надзоръ надъ Астраханскимъ казачьимъ войскомъ и Каспійскою флотиліею. Князю Циціанову, назначенному тогда же главнокомандующимъ въ Грузіи, хотѣлось однако предоставить Завалишину другое, болѣе широкое поприще, которое считалъ онъ важнѣе и выше военныхъ успѣховъ. Дѣло шло о гражданскомъ устройствѣ Грузіи, о водвореніи въ ней порядка и правосудія, требовавшемъ правителя энергическаго, умнаго, честнаго, именно такого, какимъ зналъ Завалишина князь Циціановъ. Онъ и предложилъ ему занять этотъ важный постъ, съ тѣмъ однако, чтобы тотъ перешелъ въ гражданскую службу. Но послѣднее условіе составило неодолимое препятствіе въ глазахъ самого Завалишина. Напрасно князь Циціановъ предлагалъ ему чинъ тайнаго совѣтника, анненскую ленту и большое содержаніе. Любимцу Суворова, надѣвшему на 29 году генеральскія эполеты, казалось новозможнымъ изъ-за матеріальныхъ выгодъ покинуть добровольно славное военное поприще,—и онъ отказался. Циціановъ долженъ былъ уступить и назначилъ Завалишина начальникомъ гилянской экспедиціи. Но не предполагая въ немъ, при всѣхъ его военныхъ способностяхъ, равной съ нимъ опытности, необходимой для экспедиціи, Циціановъ назначилъ въ помощники къ нему извѣстнаго своею храбростію подполковника Асѣева.

Эскадра должна была отплыть изъ Астрахани возможно раньше, высадить войска у Энзели и, взявъ городъ Ряштъ, отправить оттуда письмо къ Баба-Хану. Въ письмѣ этомъ Циціановъ, излагая свои условія, писалъ шаху между прочимъ слѣдующее: „Войска моего Государя, какъ буйный вихрь, выворачивающій столѣтніе дубы, не-хотящіе преклониться передъ нимъ, оставляетъ безвредно камышъ, нагибающійся до лица земли при его проходѣ.

Таковъ мой Государь Императоръ, таковы и войска его, съ коими, не останавливаясь, пройду и въ Индію, буде единое слово изрѣщи изволитъ".

Въ томъ случаѣ, если шахъ не принялъ бы предложенныхъ условій, Завалишину приказано было поставить въ Ряштѣ намѣстника, обложить городъ данью и учредить у береговъ Энзели крейсерство для покровительства русской торговлѣ. Но если шахъ согласится исполнить требованія Циціанова, то условиться съ нимъ объ учрежденіи въ Ряштѣ русскаго консульства съ командой и военнымъ судномъ.

Составъ экспедиціоннаго корпуса изъ войскъ, прошедшихъ въ минувшемъ году боевую школу въ Осетіи подъ руководствомъ такого опытнаго начальника, какъ генералъ Несвѣтаевъ, давалъ повидимому всѣ шансы на успѣхъ. Однакоже экспедиція не оправдала самыхъ скромныхъ ожиданій Циціанова. Эскадра даже опоздала выйти въ море, и подняла паруса лишь 23 іюня, т. е. въ то время, когда персіяне уже были въ Карабагѣ, и полковникъ Карягинъ, послѣ отчаяннаго дѣла при Аскорани, вынужденъ былъ начать свое знаменитое отступленіе. Извѣстія объ этихъ событіяхъ, которыя персіяне выставляли побѣдами, совпало въ Ряштѣ съ появленіемъ эскадры у береговъ Энзели и, конечно, могли только поднять духъ непріятеля. Однакоже персіяне, несмотря на сдѣланныя приготовленія, вовсе не защищались въ Энзели и отступили во внутрь страны, оставивъ ротѣ Казанскаго полка съ подполковникомъ Асѣевымъ занять городъ безъ боя. Отсюда, съ частію десантнаго отряда, Асѣевъ направился къ городу Пери-Базару и овладѣлъ имъ послѣ трехъ-часового боя. Но тутъ получены были извѣстія, что у Ряшта собирается персидское войско, намѣревающееся одновременною атакою Пери-Базара и Энзели отрѣзать отрядъ Завалишина отъ моря. Намѣреніе это представляло для русскаго отряда серьезную опасность, такъ какъ многочисленность непріятеля, густота прибрежнаго лѣса и знакомство туземцевъ со всѣми его тропинками давали ему большіе шансы на успѣхъ. Чтобы предупредить готовившійся ему ударъ, Завалишинъ, по совѣту Асѣева, рѣшился самъ атаковать персидскія войска, собранныя у Ряшта, и 5 іюля повелъ въ дѣло свой небольшой

отрядъ, не превышавшій восьми-сотъ штыковъ при трехъ орудіяхъ. На пути наступленія Завалишина семь тысячъ персіянъ занимали позицію, представлявшую дефиле, усиленное искусственными загражденіями. Сильный огонь, открытый непріятелемъ изъ-за укрытій, наносилъ казанцамъ большія потери и вывелъ изъ строя всѣхъ лошадей. Несмотря на это, русскіе энергически продолжали наступленіе, таща на себѣ тяжелыя пушки; но вскорѣ подъ однимъ изъ орудій сломалась ось, и его принуждены были бросить. А между тѣмъ сопротивленіе персіянъ съ каждымъ шагомъ становилось упорнѣе. Отрядъ дошелъ наконецъ до широкой канавы, на которой каменный мостъ былъ разломанъ, и очутился подъ перекрестнымъ градомъ ружейныхъ выстрѣловъ. Люди изнемогали, патроны были израсходованы, а между тѣмъ отрядъ съ 8 часовъ утра до трехъ пополудни прошелъ только семь верстъ, и до Ряшта оставалось такое же разстояніе. Къ довершенію всего, самъ подполковникъ Асѣевъ былъ раненъ, хотя и не оставилъ команды; но отрядъ, истощенный потерями и видя передъ собою все новыя и новыя преграды, вынужденъ былъ начать отступленіе. Ободренный успѣхомъ, непріятель стремительно ударилъ на русскихъ. Картечь нѣсколько сдержала его натискъ, однакоже казанцамъ не разъ приходилось штыками вырывать орудія изъ рукъ персіянъ. Не имѣя возможности удержаться въ Пери-Базарѣ, весь отрядъ отошелъ къ Энзели и рѣшился здѣсь ожидать отвѣта отъ Баба-хана на письмо главнокомандующаго. Но получено было извѣстіе, что шахъ, вмѣсто отвѣта, отправилъ изъ Карабага въ Гилянскую провицію еще шесть тысячъ войска, которое къ 8 іюля должно было прибыть къ городу Ряшту. Между тѣмъ начались невыносимыя жары, отозвавшіяся на русскомъ отрядѣ увеличеніемъ болѣзней и смертности,—и отчаявшійся въ успѣхѣ дѣла Завалишинъ сѣлъ на суда и направился къ Бакинскому рейду.

Бакинцы, между тѣмъ, еще за три недѣли до появленія русской флотиліи, вывезли въ горы имущество и семейства и начали вооружать крѣпость, ставить пушки, готовить заряды и запасаться всѣмъ для отчаянной защиты. Гуссейнъ-Кули-ханъ бакинскій приготовлялся къ оборонѣ съ твердою рѣшимостью не прежде покинуть городъ, какъ уже не останется никакой возмож-

ности защищаться въ немъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ рѣшился удалиться въ горы, и потому забаррикадировалъ всѣ ворота, оставивъ свободными одни тѣ, черезъ которыя предполагалъ скрыться.

На другой день по занятіи русскими порта, Гуссейнъ-Кулиханъ прислалъ одного изъ бековъ къ начальнику русской эскадры узнать о причинѣ ея прихода. Завалишинъ отвѣчалъ, что присланъ по повелѣнію русскаго императора занять Баку и требуетъ ея безусловной сдачи. Два дня предоставлены были хану на размышленіе. Въ тотъ самый часъ, когда срокъ окончился, ханъ прислалъ просить отсрочки еще на два мѣсяца; но такъ какъ Завалишинъ требовалъ сдачи крѣпости до захожденія солнца, угрожая въ противномъ случаѣ приступить къ бомбардированію ея, то ханъ прервалъ переговоры, и русскіе, въ самый день Успенія Богородицы, 15 августа, открыли канонаду. Непріятель отвѣчалъ тѣмъ же, и даже съ большимъ успѣхомъ, такъ какъ на русскихъ судахъ морская качка мѣшала вѣрному прицѣливанію, да и обѣ мортиры, бывшія на эскадрѣ скоро разорвались. Видя, что однимъ бомбардированіемъ съ моря ничего добиться невозможно, Завалишинъ рѣшилъ обложить Баку съ суши и, 22 августа, приказалъ подполковнику Асѣеву сдѣлать высадку. Асѣевъ, не смотря на сопротивленіе бакинцевъ и отсутствіе въ отрядѣ лошадей подъ орудія, которыя люди должны были перетаскивать на себѣ, не только обложилъ Баку и занялъ командовавшія надъ городомъ высоты, но еще взялъ у непріятеля двѣ пушки и три знамени. Ничто однакоже не показывало, чтобы въ крѣпости думали о сдачѣ, а частыя вылазки напротивъ свидѣтельствовали, что непріятель не теряетъ бодрости и вѣритъ въ успѣхъ обороны. Стойкость бакинцевъ очевидно поддерживалась надеждою на чью либо близкую помощь; и дѣйствительно вскорѣ получилось извѣстіе, что Шейхъ-Али-ханъ дербентскій идетъ на выручку.

Неблагопріятныя обстоятельства, впрочемъ вполнѣ естественныя и всегда возможныя и ожидаемыя на войнѣ, и которыя Карягинымъ и Котляревскимъ дали бы только случай къ новымъ блистательнымъ подвигамъ, смутили Завалишина. Ему казалось невозможнымъ въ одно и то же время вести блокаду и отражать толпы дагестанцевъ; и 3 сентября онъ отступилъ отъ крѣпости,

а 5-го — дербентскій ханъ и хамбутайскій владѣлецъ явились подъ стѣнами Баку и съ торжествомъ побѣдителей вступили въ городъ.

Дѣло было совершенно потеряно даже безъ попытки бороться съ тяжелыми обстоятельствами. Въ затрудненіи, Завалишинъ собралъ военный совѣтъ, которому при данныхъ обстоятельствахъ только и оставалось постановить: оставить Бакинскій рейдъ и слѣдовать къ острову Сарѣ, близъ Ленкорани, чтобы хотя помочь по крайней мѣрѣ шагазскому хану вывести въ русскіе предѣлы до четырехъ тысячъ семей, изъявившихъ желаніе принять русское подданство. На этотъ разъ эскадра благополучно достигла цѣли своего плаванія; но неудача и тутъ не оставила Завалишина. Болѣе мѣсяца напрасно простоялъ онъ въ виду Ленкорани, поджидая вѣсти о движеніи шагазцевъ, но они не показывались. Причиною тому, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ талышинскій ханъ, который, на просьбу шагазцевъ пройдти черезъ его владѣнія, отвѣчалъ не только рѣшительнымъ отказомъ, но даже и угрозой отправить ихъ хана связаннымъ къ персидскому шаху.

Какъ Циціановъ отнесся къ дѣятельности Завалишина, показываетъ его письмо къ нему: „Съ полученіемъ знаменъ, взятыхъ вами у бакинскаго хана, — писалъ князь: — я устыдился, и еще сто кратъ стыднѣе бы мнѣ было отправить ихъ къ высочайшему двору, ибо одно изъ нихъ сдѣлано изъ бахчи — платокъ, въ который товары завертываютъ; другое — изъ онучи, которымъ персіяне обвертываютъ ноги вмѣсто чулка, а третье — холстинное, лезгинскаго покроя, но самаго низкаго. Знамена я здѣсь бралъ, но ни одного такого не видѣлъ“. „Не могу вамъ не замѣтить также, писалъ онъ далѣе:—противорѣчія, замѣченнаго въ вашихъ рапортахъ, въ которыхъ вы говорите, что подполковникъ Асѣевъ отъ васъ нигдѣ не отставалъ, а по реляціямъ вашимъ вижу, что онъ вездѣ впереди васъ былъ и всѣ берега занималъ. Во всякомъ случаѣ вамъ лучше бы было и не свозить десанта, тогда бы ханъ счелъ, что вы пріѣзжали только его постращать, а войска назначены были противу Ряшта, и сіе заключеніе было бы для насъ гораздо полезнѣе, чѣмъ взятіе двухъ пушекъ и трехъ знаменъ храбрѣйшимъ изъ храбрѣйшихъ Асѣевымъ“. Однакоже за труды, перенесенные вой-

сками въ эту экспедицію, Циціановъ нашелъ справедливымъ ходатайствовать о наградахъ. Генерала Завалишина онъ представилъ къ ордену св. Анны 1. степени, украшенному алмазами, но особенно рекомендовалъ вниманію государя подполковника Асѣева *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Циціановъ старался загладить дурное впечатлѣніе, созданное въ Закавказьѣ нерѣшительными дѣйствіями Завалишина. Онъ предписалъ ему же снова идти съ эскадрою отъ острова Сары къ Баку и, сдѣлавъ десантъ, принудить хана сдаться. Завалишинъ исполнилъ предписаніе; но такъ какъ переговоры не имѣли успѣха, то онъ просилъ Циціанова прибыть сюда лично, разсчитывая, что его присутствіе побѣдитъ наконецъ упорство кичливаго хана. Циціановъ дѣйствительно прибылъ къ нему на помощь съ отрядомъ въ 1800 штыковъ, но, какъ извѣстно, 8 февраля 1806 года предательски былъ убитъ подъ стѣнами Бакинской крѣпости.

Смерть Циціанова окончательно сразила Завалишина. Онъ посадилъ весь отрядъ, и свой, и Циціанова, на суда и отплылъ съ нимъ въ море, написавши государю: „однимъ словомъ, Всемилостивѣйшій Государь, мы заведены въ такую западню, изъ которой развѣ единая только десница Божія вывести насъ можетъ". Между тѣмъ о смерти Циціанова прошли лишь темные слухи, а войска какъ бы пропали безъ вѣсти. Наконецъ черезъ мѣсяцъ на линіи получено было извѣстіе отъ Завалишина, что онъ на островѣ Сарѣ бѣдствуетъ безъ продовольствія. Ему оказали помощь, и еще черезъ мѣсяцъ отрядъ его наконецъ добрался до Кизляра и былъ оставленъ на линіи. Въ Грузію же, на усиленіе войскъ, поспѣшно отправили часть рекрутъ и весь Троицкій пѣхотный полкъ въ полномъ составѣ. Эскадра также возвратилась въ Астрахань.

Военныя неудачи и особенно послѣднее отступленіе изъ-подъ Баку, отнявшее у Грузіи значительную часть ея небольшой вооруженной силы въ тотъ моментъ, когда она лишилась грознаго защитника въ Циціановѣ, не остались безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу Завалишина, вызвавъ къ нему общее нерасположеніе

*) 16-го егерскаго полка полковникъ Асѣевъ впослѣдствіи былъ шефомъ 17-го егерскаго полка, который онъ принялъ послѣ смерти Карягина и командовалъ имъ съ 1807 по 1811 г.

Вѣроятнѣе всего подъ вліяніемъ именно этого чувства, онъ вскорѣ былъ обвиненъ въ пристрастномъ производствѣ одного слѣдствія, по которому у него не оказалось нѣкоторыхъ бумагъ, и былъ отставленъ опять отъ службы.

Документы однакоже были найдены впослѣдствіи между секретными бумагами самого Циціанова, и тогда Завалишину предложили занять мѣсто генералъ-инспектора въ Корпусѣ Путей Сообщенія. Въ этомъ званіи онъ пробылъ около 12 лѣтъ, потомъ вышелъ въ отставку, поѣхалъ лечиться въ Пятигорскъ и тамъ въ 1822 году скончался.

XXX.

Графъ Гудовичъ.

(1806—1808 гг.).

о смертію Циціанова, измѣннически убитаго подъ стѣнами Бакинской крѣпости, настали для русскихъ Закавказскихъ владѣній трудные моменты. Въ Тифлисѣ скоро узнали объ участи, постигшей грознаго князя, и Грузія испытывала всѣ неудобства неопредѣленнаго положенія и безначалія. Завалишинъ съ войсками исчезъ; уваженіе къ русской силѣ среди впечатлительныхъ и измѣнчивыхъ восточныхъ племенъ было поколеблено, и нужно было ожидать повсюду возстаній. Въ такихъ обстоятельствахъ необходима была твердая рука, которая могла бы сразу положить предѣлъ безпорядкамъ и наказать бакинскаго хана за вѣроломство, а между тѣмъ Кавказскій край оставался безъ главнокомандующаго, имѣющаго власть и силу распоряжаться.

Къ счастію, на линіи въ то время командовалъ войсками энергическій генералъ Глазенапъ. Когда до него дошли темные слухи о гибели князя Циціанова, онъ въ то же время извѣстилъ о всемъ государя, а самъ немедленно принялъ мѣры къ тому, чтобы загладить невыгодное впечатлѣніе, вызванное отступленіемъ Завалишина отъ Баку въ такой моментъ, когда именно требовалось энергическое воздѣйствіе на хана. Онъ тотчасъ же предпринялъ

походъ подъ Баку и по пути, еще до прибытія новаго главнокомандующаго, успѣлъ овладѣть Дербентомъ, вызвавъ повсюду блестящимъ успѣхомъ своего предпріятія прежнее, жившее тамъ представленіе о русской силѣ,—и подготовивъ почву для будущихъ успѣховъ.

Новымъ главнокомандующимъ, на мѣсто князя Циціанова, назначенъ былъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, заслуженный ветеранъ, хорошо извѣстный кавказской линіи, которою онъ уже командовалъ два раза,—въ царствованіе Екатерины и Павла. Но преклонные годы и время, проведенное въ бездѣйствіи, въ сторонѣ отъ военнаго дѣла, невыгодно отразились на дѣятельности и характерѣ новаго главнокомандующаго. Сохранивъ свою прежнюю энергію, онъ, по словамъ современниковъ, сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ раздражителенъ, капризенъ, а память объ одержанныхъ имъ нѣкогда побѣдахъ развила въ немъ тщеславіе и самонадѣянность.

Въ закавказской дѣятельности своего предмѣстника, князя Циціанова, онъ видѣлъ только одни тѣневыя стороны и намѣревался не продолжить только его дѣла, но и исправить въ нихъ все на его взглядъ ошибочное и неполное. Вообще, уѣзжая на свой постъ, онъ обѣщалъ государю гораздо болѣе, чѣмъ въ состояніи былъ исполнить.

Но уже въ Георгіевскѣ его постигло первое разочарованіе. Онъ нашелъ Кавказъ далеко не въ томъ состояніи, въ какомъ оставилъ его въ концѣ прошедшаго столѣтія, когда русское владычество здѣсь ограничивалось одною кавказскою линіею. Къ тому же въ краѣ свирѣпствовала чума, уносившая тысячи жертвъ, а средствъ для борьбы съ страшнымъ врагомъ не было, такъ какъ большая часть войскъ находилась тогда подъ Дербентомъ съ генераломъ Глазенапомъ. Изъ Грузіи доходили также далеко не отрадныя извѣстія. Все Закавказье, которое умѣла удержать въ повиновеніи твердая рука Циціанова, готово было возстать. Имеретинскій царь Соломонъ бунтовалъ открыто; волновались осетины; ахалцыхскій паша покровительствовалъ опять начавшимся набѣгамъ лезгинъ на Грузію, а Персія собирала значительныя силы, думая воспользоваться благопріятнымъ временемъ для возвращенія Ганжи, Карабага и другихъ провинцій. Ко всему этому закубан-

скіе народы и кабардинцы, пользуясь отсутствіемъ войскъ на линіи, производили дерзкіе набѣги, простиравшіеся даже за Ставрополь. Напрасно Гудовичъ, думавшій, что имя его, со временъ анапскаго штурма, еще памятно горцамъ и служитъ по прежнему грозою Кавказа, писалъ прокламаціи и собиралъ съ себѣ депутатовъ.—„Будучи старшимъ генераломъ русской арміи — говорилъ онъ:—я не даромъ присланъ сюда водворить между вами порядокъ". Депутаты, по стародавнему обыкновенію, брошенному Цицiановымъ, получая подарки, обѣщали жить мирно и спокойно, а возвращаясь домой, принимались опять за прежніе разбойничьи набѣги.

Лишь въ Дагестанѣ дѣла шли успѣшно. И хотя Глазенапъ. по взятіи Дербента, былъ отстраненъ отъ командованія отрядомъ, но присланный на мѣсто его энергичный генералъ Булгаковъ довершилъ всѣ его предпріятія, покоривъ Баку и Кубинское ханство. Бѣжавшіе ханы были низложены, и ихъ владѣнія вошли въ составъ Россійской имперіи. Но даже и эти успѣхи, упрочившіе русское владычество не только въ Закавказьѣ по Каспійскому побережью, но и по ту сторону горъ, въ южномъ Дагестанѣ, не могли прекратить волненій въ странахъ, сопредѣльныхъ съ Грузіей, гдѣ всегда находились элементы, ожидавшіе только предлога для открытаго мятежа противъ русскихъ.

Возмутился Карабагъ. Но Ибрагимъ, не разсчитывая на собственныя силы, пригласилъ къ себѣ персіянъ, обѣщая сдать имъ Шушу и выдать малочисленный русскій гарнизонъ, стоявшій въ крѣпости подъ командою маіора Лисаневича. Измѣна хана была обнаружена во-время, и Лисаневичъ приказалъ арестовать его, чтобы тѣмъ отнять у него средства къ побѣгу. Но въ произошедшей при этомъ стычкѣ и ханъ, и его любимая дочь были, къ несчастію, убиты случайными солдатскими пулями. Убійство хана русскими, взволновавшее умы во всей странѣ, было весьма непріятно Гудовичу, и на постъ Лисаневича былъ назначенъ генералъ-маіоръ Небольсинъ, шефъ Троицкаго пѣхотнаго полка, незадолго прибывшій въ Грузію.

Между тѣмъ персіяне, вызванные Ибрагимомъ, уже приближались къ Шушѣ. Небольсинъ присоединивъ къ своему полку

стоявшіе въ Карабагѣ батальоны полковника Карягина и маіора Лисаневича,—что вмѣстѣ составляло отрядъ въ 1,600 штыковъ,—выступилъ навстрѣчу двадцати-тысячной персидской арміи—и на Аскорани, при Ханашинскомъ ущеліи, разбилъ ее наголову.

Столь же неудачны были покушенія Гуссейнъ-Кули-хана и царевича Александра со стороны Эривани, противъ Тифлиса и Елизаветполя.

Но даже разгромъ персіянъ не образумилъ шекинскаго хана, который не хотѣлъ оставаться въ подданствѣ Россіи послѣ того, какъ другъ и родственникъ его, Ибрагимъ карабагскій, былъ убитъ Лисаневичемъ. Узнавъ о его смерти, Селимъ въ отмщеніе рѣшилъ захватить въ свои руки маіора Парфенова, начальника русскаго отряда, стоявшаго въ его владѣніяхъ, и съ этою цѣлью пригласилъ его къ себѣ подъ видомъ совѣщанія по какому-то дѣлу.

Въ семи верстахъ отъ Нухи, Парфеновъ съ удивленіемъ увидѣлъ все шекинское войско, расположившееся громаднымъ таборомъ посреди открытой равнины. На вопросъ: почему ханъ вышелъ изъ города?—ему отвѣчали, что ханъ собирается въ походъ, такъ какъ персидскія войска стоятъ уже близко отъ границъ. Парфеновъ удовольствовался этимъ отвѣтомъ. Но едва онъ вошелъ въ палатку, какъ шесть вооруженныхъ татаръ мгновенно повергли его на землю. Обезоруженный, избитый и связанный, Парфеновъ пѣшкомъ отправленъ былъ въ Нухинскую крѣпость, гдѣ его забили въ колодки и бросили въ глухое подземелье, угрожая смертью за смерть Ибрагима. 15 казаковъ, находившіеся въ его конвоѣ, были частью изрублены. а частью закованы въ цѣпи и разсажены по тюрьмамъ.

Цѣлый день томили узниковъ страхомъ ожидаемой казни; но къ вечеру ханъ перемѣнилъ рѣшеніе. Онъ прислалъ сказать Парфенову, что возвратитъ ему свободу, если тотъ согласится вывести русскія войска изъ его владѣній. Парфеновъ, въ виду безвыходнаго положенія, въ которое поставленъ былъ малочисленный отрядъ противъ соединенныхъ силъ шекинцевъ и персіянъ, согласился,—и въ тотъ же день вышелъ изъ Шекинскаго ханства.

„Отступленіе Парфенова—справедливо замѣчаетъ Дубровинъ:—

было крайне неумѣстно и не сообразно со славою русскаго оружія и съ тою репутаціею, которую составили себѣ въ томъ краѣ даже незначительные отряды, всегда выходившіе побѣдоносно въ борьбѣ съ многочисленными врагами. Недостатокъ стойкости и твердости духа имѣлъ дурныя послѣдствія, и сдѣланная ошибка стоила большихъ усилій для ея исправленія". Дѣйствительно, какъ только русскіе оставили Нуху, джаробѣлоканцы возстали почти поголовно и уже готовились вмѣстѣ съ шекинскимъ ханомъ вторгнуться въ Грузію, заявляя открыто, что завладѣютъ Ганжею.

Извѣстіе объ этихъ происшествіяхъ дошло до Гудовича въ то время, когда онъ лежалъ во Владикавказѣ больной и разслабленный. Не имѣя возможности совершить переѣздъ черезъ Кавказскія горы верхомъ, Гудовичъ приказалъ нести себя на носилкахъ и, явившись въ Тифлисъ, тотчасъ послалъ приказаніе генералу Небольсину идти на шекинскаго хана. Небольсинъ, уже прежде, какъ мы видѣли, умѣвшій управиться съ Карабагомъ, блистательно исполнилъ порученіе: онъ разбилъ наголову войска Селима, встрѣтившія его на границѣ, и затѣмъ подступилъ къ самой Нухѣ.

Столица Шекинскаго ханства, живописно расположенная при истокѣ небольшой горной рѣчки, вся тонетъ въ густой зелени орѣховыхъ и тутовыхъ деревьевъ. На высокомъ холмѣ, командующемъ окрестностью, красуется старая крѣпость, и тутъ же рядомъ стоитъ ханскій дворецъ — образчикъ жилища восточнаго сибарита. Здѣсь все—въ причудливомъ, оригинальномъ персидскомъ вкусѣ: и мраморные фонтаны, окруженные плакучими ивами, и разноцвѣтныя стекла въ узенькихъ окнахъ, и потолки, составленные изъ кусочковъ зеркалъ, и дивныя лѣпныя работы, украшающія собою карнизы, двери, окна, камины *). Небольсинъ не хотѣлъ подвергать чуднаго замка ужасамъ приступа и предложилъ Селиму выйдти съ повинной головою.

Но такъ какъ Селимъ наотрѣзъ отказался покориться, то рѣшено было взять городъ штурмомъ. Осажденные прибѣгли къ

*) Нуха замѣчательна работами своихъ вышивальщиковъ по сукну разноцвѣтными шелками; отсюда-то и выходятъ большею частію всѣ чепраки, скатерти, салфетки и т. п. вещи, которыя въ послѣднее время распространились по цѣлой Россіи.

самымъ отчаяннымъ средствамъ защиты. Они окружили свои батареи горючими матеріалами и зажгли ихъ въ тотъ самый моментъ, когда начался штурмъ. Весь городъ внезапно опоясался огненною полосою; и войскамъ пришлось прорываться черезъ огонь, такъ какъ всякая остановка и колебаніе могли быть гибельными. И русскіе солдаты прорвались черезъ огонь. Городъ былъ взятъ; ханъ бѣжалъ и объявленъ лишеннымъ своихъ владѣній навсегда.

Теперь насталъ моментъ наказать и возмутившихся джаробѣлоканскихъ лезгинъ, которые своими дѣйствіями давно уже испытывали терпѣніе русскихъ.

На алазанской линіи со времени Циціанова и Гулякова по прежнему стояли тѣ же кабардинцы, но уже подъ начальствомъ князя Дмитрія Орбеліани, замѣстившаго Гулякова. Орбеліани былъ офицеръ отличный, но слишкомъ большая осторожность, съ которою онъ рѣшался на каждое дѣло, много отнимала блеска отъ его военныхъ подвиговъ. Тѣмъ не менѣе линія охранялась такъ зорко, что лезгины уже не могли вести, привычный для нихъ и доставлявшій имъ все необходимое, разбойничій образъ жизни — жизни набѣговъ и опустошеній сосѣднихъ странъ.

Потерявшіе и съ своей стороны терпѣніе, лезгины рѣшились наконецъ, въ послѣдній годъ командованія Циціанова, собрать огромныя толпы и истребить ненавистную для нихъ колонну Орбеліани, стоявшую у Пейкаро безсмѣнною стражею.

И вотъ, 26 марта 1805 года, въ такой моментъ, когда персидская война поглощала всѣ русскія силы, девять тысячъ лезгинъ внезапно бросились на Александровскій редутъ, чтобы прежде всего лишить русскихъ этого опорнаго пункта. Натискъ былъ такъ стремителенъ, что непріятельскія толпы успѣли прорваться черезъ форштадтъ до валовъ укрѣпленія. 125 кабардинцевъ, 25 егерей и нѣсколько донскихъ казаковъ не дрогнули однакоже передъ вражескою силою. На валъ вошелъ комендантъ Гарцевичъ и, вызвавъ 50 человѣкъ, приказалъ имъ ударить на главную толпу лезгинъ, уже взлѣзавшую на укрѣпленіе... Раздалось „ура!“ — и горсть солдатъ съ двумя офицерами, поручикомъ Куликовымъ и прапорщикомъ Фендриковымъ во главѣ, ринулась въ битву.

Лезгины, почти торжествовавшіе побѣду, не выдержали натиска и обратились въ бѣгство. Унтеръ-офицеръ Горбуновъ схватилъ непріятельское знамя, а поручикъ Куликовъ, увлекшійся преслѣдованіемъ, выскочилъ даже за самый форштадтъ и едва не былъ снятъ налетѣвшею на него лезгинскою конницею. Къ счастію, Гарцевичъ во-время крикнулъ: назадъ!—и встрѣтилъ ее картечью. Непріятель былъ разсѣянъ, но побѣда досталась русскимъ не дешево: изъ фронта выбыло 42 человѣка, т. е. третья часть гарнизона.

Съ такимъ же блистательнымъ успѣхомъ была отражена другая тысячная непріятельская партія, спустившаяся съ горъ въ апрѣлѣ 1805 года противъ деревни Тіонеты, гдѣ стояли двѣ кабардинскія роты, силою въ 130 штыковъ. Непріятель, появившійся передъ ними, былъ опаснѣе джарцевъ. Это были хевсуры, извѣстные своею легендарною храбростью и приводившіе въ трепетъ даже лезгинъ. Но кабардинцы и здѣсь достойно поддержали свою старую боевую славу. Командовавшій ротами поручикъ Волковъ, видя безвыходность своего положенія, самъ сдѣлалъ отчаянную вылазку и внезапнымъ нападеніемъ разбилъ хевсуровъ наголову. Подоспѣвшему на помощь подполковнику Эристову съ грузинскою милиціею оставалось только преслѣдовать ихъ до самыхъ верховьевъ Арагвы.

„Въ настоящее время—говоритъ одинъ военный писатель:—подобные подвиги могутъ казаться намъ баснословными, а между тѣмъ они дѣйствительно были, и—скажемъ болѣе—если бы ихъ не было, намъ никогда не удержать бы за собою Закавказье. Объяснить ихъ только превосходствомъ регулярнаго строя надъ азіятскими полчищами также невозможно, потому что здѣсь русскіе имѣли противниковъ слишкомъ опытныхъ въ битвахъ. Это скорѣе всего вліяніе той нравственной школы, которую оставили послѣ себя, какъ славное наслѣдіе, герои 18 вѣка: Румянцевъ, Суворовъ, Вейсманъ, Циціановъ и др.“.

Теперь, когда Нуха была взята и Небольсинъ сталъ угрожать лезгинскимъ владѣніямъ совершенно съ другой стороны, генералъ Орбеліани также перешелъ въ наступленіе и принялъ настолько искусныя мѣры, что 8 ноября все лезгинское войско, вмѣстѣ съ

пришедшею къ нему на помощь аварскою конницею, было заперто въ тѣсномъ джарскомъ ущельѣ. Поставленные въ безвыходное положеніе, лезгины не могли и думать о сопротивленіи. Аварскій ханъ первый вступилъ въ переговоры, а между тѣмъ увелъ свою конницу въ горы, и джарцы, покинутые своимъ союзникомъ, покорились. Депутаты ихъ, явившіеся къ Орбеліани съ повинной головой, были отправлены въ Тифлисъ и вошли въ городъ съ повѣшенными на шеи саблями. Трудно описать восторгъ грузинъ при видѣ ихъ заклятыхъ враговъ, впервые являвшихся передъ ними въ такомъ униженномъ положеніи.

Вновь покоривъ силою оружія возставшія ханства, Гудовичъ не обнаружилъ достаточнаго политическаго такта, чтобы продолжать дѣло покоренія и мирною политикою. Лучшимъ средствомъ къ умиротворенію страны было бы теперь введеніе въ ханствахъ русскаго правленія, какъ это сдѣлалъ князь Циціановъ съ Ганжею, а графъ Гудовичъ, относившійся съ страннымъ предубѣжденіемъ ко всѣмъ распоряженіямъ своего знаменитаго предмѣстника, нашелъ болѣе полезнымъ оставить правителей туземцевъ. Ханства Дербентское и Кубинское были отданы имъ подъ власть шамхала тарковскаго, который, разумѣется, въ нихъ не жилъ, а управлялъ ими черезъ своихъ приближенныхъ; въ Нуху, на мѣсто бѣжавшаго Селима, поставленъ былъ старый Джафаръ, выходецъ изъ Персіи, человѣкъ, правда, вполнѣ преданный Россіи, но чуждый сунитамъ-шекинцамъ по вѣрѣ и національности; наконецъ въ Карабагѣ, гдѣ по смерти Ибрагима явились два претендента, графъ Гудовичъ отстранилъ законнаго наслѣдника Джафаръ-Кули-Агу, юношу искренно преданнаго русскимъ, и предпочелъ ему Мехти-Кули-хана, человѣка пронырливаго, двуличнаго, съумѣвшаго снискать себѣ покровительство сильныхъ лицъ, окружавшихъ главнокомандующаго. Мехти опасался однакоже внутреннихъ смутъ и требовалъ, чтобы Джафаръ далъ ему письменную клятву повиноваться. Джафаръ охотно далъ подпись, но прибавилъ подъ ней, что будетъ покорнымъ слугой Мехти-хана только до тѣхъ поръ, пока послѣдній самъ сохранитъ должное повиновеніе къ русскому императору.

Такимъ образомъ благопріятный моментъ слить все Закавказье подъ одною общею русскою властію былъ упущенъ.

Покореніемъ лезгинъ закончились въ Закавказскомъ краѣ военныя дѣла 1806 года. Наступила суровая зима, и графъ Гудовичъ спѣшилъ заключить перемиріе съ Персіей, такъ какъ Турція уже объявила Россіи войну и сосредоточивала на границахъ значительныя силы. Положеніе русскаго главнокомандующаго въ краѣ было въ это время весьма затруднительно; онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только одну 20-ю дивизію, разбросанную по всему Закавказью, а между тѣмъ, государь настоятельно требовалъ наступательныхъ дѣйствій, чтобы отвлечь часть турецкихъ силъ отъ главнаго театра войны на Дунаѣ. Гудовичъ хорошо понималъ, что онъ не можетъ получить никакихъ подкрѣпленій ни съ линіи, ни изъ Россіи до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ не будетъ отраженъ отъ Вислы, а потому вынужденъ былъ начать военныя дѣйствія съ тѣми ничтожными средствами, которыя были въ его распоряженіи. Оставивъ небольшой отрядъ генерала Небольсина на персидской границѣ, и полагаясь вполнѣ на преданность вновь поставленныхъ хановъ, онъ двинулъ остальныя войска въ турецкіе предѣлы по тремъ различнымъ направленіямъ; главныя силы, подъ личнымъ начальствомъ графа, шли на Ахалцыхъ, правое крыло—на Поти, а лѣвое—на Карсъ.

Въ то же самое время небольшая эскадра изъ черноморскаго флота, подъ начальствомъ контръ-адмирала Пустошкина, отправлена была изъ Крыма къ кавказскимъ берегамъ для покоренія Анапы. На этомъ пунктѣ, чрезвычайно важномъ для обезпеченія кавказской линіи, и раздались первые выстрѣлы въ турецкую войну 1807 года. Къ общему удивленію Анапа на этотъ разъ почти не защищалась и была взята безъ усилій и кровопролитія.

Далеко не съ такимъ успѣхомъ шли дѣла на сушѣ, въ предѣлахъ Азіятской Турціи. Крѣпость Ахалкалаки, къ которой подошелъ главный отрядъ, предводимый Гудовичемъ, первая же оказала упорное сопротивленіе. Это была небольшая, но сильная по тогдашнему времени крѣпость, обнесенная высокими стѣнами грузинской постройки, которыя фланкировались по угламъ бастіонами и башнями, вооруженными сильною артиллеріею.

На двукратное требованіе сдачи — паша отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. „Въ послѣдній разъ совѣтую вамъ и требую, писалъ къ нему раздраженный Гудовичъ:—чтобы вы сдали мнѣ крѣпость не медля, иначе васъ ожидаетъ неминучая гибель. Представлю въ примѣръ то, что многія турецкія крѣпости съ ихъ многочисленными гарнизонами и артиллеріей не могли устоять противъ высокославныхъ россійскихъ войскъ, коими я тогда начальствовалъ и теперь командую. Я взялъ ихъ штурмомъ, гдѣ отъ одного упорства кровь вашихъ собратій пролита рѣками. Анапа, Суджукъ-кале и Хаджи-бей примѣрные тому свидѣтели. Показавъ вамъ то, что воевать я умѣю, продолжалъ Гудовичъ:— я еще разъ обращаюсь къ вашему человѣколюбію и увѣряю васъ моимъ словомъ, что въ случаѣ вашей покорности вы будете отпущены, а гарнизонъ получитъ пощаду".

Паша оставилъ письмо безъ отвѣта, и Гудовичъ приказалъ приступить къ бомбардированію крѣпости. Два дня безуспѣшно гремѣла канонада, и Гудовичъ рѣшилъ наконецъ взять крѣпость штурмомъ.

Войска были раздѣлены на три отряда, подъ командою генералъ-маіоровъ: Титова, Портнягина и графа Гудовича, сына главнокомандующаго. На самой зарѣ 9 мая, всѣ три колонны по условному сигналу двинулись на приступъ, но встрѣчены были такимъ жестокимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, что двѣ колонны повернули назадъ и только третья, имѣя во главѣ Портнягина, поднялась на стѣну. Чтобы поддержать ее, Гудовичъ ввелъ въ дѣло всѣ свои резервы; но не смотря на всѣ усилія, русскіе не могли утвердиться въ городѣ. Тогда, получивъ свѣдѣніе, что потеря въ войскахъ простирается уже до 900 человѣкъ, Гудовичъ приказалъ начать отступленіе—и три орудія остались въ рукахъ непріятеля. Къ счастію, турецкая кавалерія, сдѣлавшая затѣмъ вылазку, была отбита тремя эскадронами нарвскихъ драгунъ и казачьимъ полкомъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Отто.

Неудача штурма такъ сильно подѣйствовала на графа Гудовича, что онъ уже не пытался продолжать блокады и возвратился въ Грузію. Осада Поти также была снята, а отъ Карса войска

отошли еще раньше, по распоряженію самого Гудовича, ограничившаго всѣ дѣйствія лѣваго фланга только обороною собственной границы. Такимъ образомъ кампанія на всѣхъ трехъ пунктахъ окончилась неудачею.

Тогда турки сами перешли въ наступленіе и двинулись изъ Карса на Гумри. Но тутъ ихъ встрѣтилъ генералъ Несвѣтаевъ, нѣсколько поколебавшій шансы войны. Имѣя подъ своею командою четыре неполные батальона и два казачьи полка, Несвѣтаевъ выдержалъ натискъ 20-ти тысячной турецкой арміи, три раза возобновлявшей нападенія, подъ личнымъ начальствомъ эрзерумскаго сераскира Юссуфа-паши,—и три раза отбилъ непріятеля съ огромнымъ для него урономъ. Тѣмъ не менѣе положеніе отряда, ослабленнаго потерями и не имѣвшаго при себѣ достаточнаго количества патроновъ и снарядовъ, становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Турки готовились уже къ четвертому приступу, съ тѣмъ чтобы раздавить малочисленную горсть геройскихъ защитниковъ Гумри, какъ вдругъ на помощь къ Несвѣтаеву явился Портнягинъ съ своими драгунами, а вслѣдъ за нимъ подошелъ и самъ главнокомандующій со всѣми войсками, бывшими въ ахалкалакской экспедиціи. И здѣсь, на берегу Арпачая, 18-го іюня, произошло генеральное сраженіе. Дѣло долго не рѣшалось, происходя преимущественно на флангахъ. Но когда Несвѣтаевъ съ своею колонною неожиданно выдвинулся передъ фронтомъ непріятеля и повелъ стремительную атаку на лагерь, турки въ паникѣ бросились бѣжать и ушли въ Арзерумъ. Несвѣтаевъ горячо преслѣдовалъ ихъ, и ему принадлежатъ почти всѣ трофеи этой побѣды: 23 орудія, знамена и лагерь съ множествомъ запасовъ.

Потери въ русскихъ войскахъ не превышали въ сраженіи ста человѣкъ убитыми и ранеными; но въ числѣ послѣднихъ находился начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ баронъ Розенъ, впослѣдствіи извѣстный своими удачными дѣйствіями въ Имеретіи при Тормасовѣ.

Пораженіемъ анатолійской арміи, составленной изъ наиболѣе воинственныхъ племенъ Азіи: курдовъ и аджарцевъ, рѣшилась участь кампаніи 1807 года въ Азіятской Турціи. Государь возвелъ графа Гудовича въ санъ генералъ-фельдмаршала. Одержанная рус-

скими побѣда не осталась безъ вліянія и на персидскаго шаха, спѣшившаго поздравить Гудовича и приславшаго ему въ подарокъ верхового коня съ богатымъ уборомъ. Однакоже переговоры о мирѣ, начатые съ Персіей, шли такъ медленно и неуспѣшно, что Гудовичъ рѣшился нанести новый ударъ персіянамъ и овладѣть Эриванью.

Въ началѣ сентября 1808 года, фельдмаршалъ вступилъ черезъ Бомбакское ущелье въ предѣлы Эриванскаго ханства. Непріятельская кавалерія, въ числѣ 500 человѣкъ слѣдившая за движеніемъ русскаго войска, зажгла армянскія деревни и удалилась. И непріятель нигдѣ не показывался до 29 числа, когда значительныя силы его были наконецъ открыты у деревни Аштаракъ. Гудовичъ тотчасъ выдвинулъ противъ нихъ кавалерійскую колонну изъ двухъ полковъ (Нарвскаго и Борисоглѣбскаго, вызваннаго собственно для этой экспедиціи съ кавказской линіи); но такъ какъ окрестныя поля были усѣяны острыми камнями, по которымъ могла свободно двигаться одна лишь привычная персидская конница*), то одновременно съ драгунами вызваны были впередъ линейные казаки и стрѣлки авангарда. Этотъ летучій отрядъ смѣло атаковалъ непріятеля, опрокинулъ его и гналъ до самыхъ стѣнъ Эривани.

Эчміадзинскій монастырь, памятный жестокимъ сопротивленіемъ, оказаннымъ князю Циціанову, былъ занятъ безъ боя, а на слѣдующій день русскія войска перешли рѣчку Зангу, въ трехъ верстахъ ниже Эривани, и стали бивуакомъ въ виду самой крѣпости. Отсюда Гудовичъ отправилъ прокламацію, въ которой обращался къ Эриванскимъ жителямъ между прочимъ съ слѣдующими словами: ...„Не берите въ примѣръ прежней неудачной блокады эриванской крѣпости. Тогда были одни обстоятельства, а теперь совсѣмъ другія. Тогда предводительствовалъ войсками князь Циціановъ — изъ молодыхъ генераловъ, нестолько еще опытный въ военномъ искусствѣ, а теперь командую я, привыкшій уже водить болѣе 30 лѣтъ сильныя россійскія арміи“...

*) Этому способствовали болѣе всего гладкія, азіятскія подковы, которыми ковались персидскія лошади.

Прокламація осталась безъ отвѣта, а потому Гудовичъ, послѣ трехдневнаго бездѣйствія въ виду Эривани, приказалъ полковнику Симановичу взять форштадтъ. Но едва это было исполнено и Симановичъ заложилъ въ садахъ, прилегавшихъ къ крѣпости, брешь-батарею, какъ эриванскій ханъ со всею кавалеріею вышелъ изъ крѣпостныхъ воротъ и сталъ на окрестныхъ горахъ, чтобы оттуда тревожить осаждающихъ. Гудовичъ послалъ противъ него Нарвскій драгунскій полкъ подъ командою генерала Портнягина, который прогналъ непріятеля за Араксъ и затѣмъ, переправившись вплавь черезъ эту глубокую и быструю рѣчку, нанесъ ему вторично такое пораженіе, что персіяне уже не осмѣливались болѣе тревожить тылъ русскаго лагеря.

Одновременно съ этими дѣйствіями, генералъ-маіоръ Небольсинъ двинулся изъ Карабага съ трехтысячнымъ отрядомъ для покоренія Нахичеванскаго ханства. Въ глубокую ненастную осень, въ октябрѣ мѣсяцѣ, войска бодро перешли черезъ карабагскіе скалистые утесы и снѣжныя вершины и 27 числа стали спускаться на равнину, къ деревнѣ Кара-Бабѣ. Отъ жителей Небольсинъ узналъ, что въ Нахичеванское ханство прибылъ сильный, 25-тысячный персидскій корпусъ, подъ личнымъ предводительствомъ Аббасъ-Мирзы; и такъ какъ непріятель могъ запереть выходъ изъ ущелья, то Небольсинъ приказалъ маіору Лисаневичу съ его батальономъ и казачьимъ полкомъ ночью предупредить непріятеля и занять деревню. Но едва Лисаневичъ подошелъ къ Кара-Бабѣ, какъ на разсвѣтѣ 28 октября былъ атакованъ всею персидскою силою. Отступить отряду было нельзя, какъ потому, что отступить ему было не велѣно, такъ и потому, что непріятель, имѣя много конницы, уже занялъ ею въ тылу всѣ важные пункты. Волей-неволей приходилось вступить въ кровавый бой и удерживать за собою позицію при входѣ въ ущелье до послѣдняго человѣка. Солдаты помолились Богу, и едва Лисаневичъ выстроилъ свой авангардъ въ одну боевую линію, поручивъ командованіе лѣвымъ флангомъ его маіору Котляревскому, какъ вся непріятельская конница уже понеслась въ атаку. Егеря, сомкнувъ каре, остановили ея натискъ залпомъ и штыками; но отхлынувшую конницу тотчасъ смѣнила персидская пѣхота,—и бой завязался упорный. Уже

на обоихъ флангахъ побѣда не разъ склонялась на сторону непріятеля, какъ наконецъ показался Небольсинъ съ Троицкимъ полкомъ и артиллеріею. Въ это самое время Котляревскій успѣлъ отбить нападеніе на лѣвомъ флангѣ, а Лисаневичъ, какъ опытный боецъ, не упускавшій изъ виду движенія непріятеля, замѣтивъ, что Аббасъ-Мирза отправилъ часть своихъ силъ въ обходъ и тѣмъ значительно ослабилъ себя передъ нашимъ фронтомъ—воспользовался этой минутой, напалъ на персіянъ и разбилъ ихъ наголову. Тогда весь отрядъ Небольсина быстро пошелъ впередъ, и обходная персидская колонна оказалась отрѣзанною. Бѣгство непріятеля сдѣлалось общимъ. При преслѣдованіи Лисаневичъ съ боя взялъ двѣ пушки, а одну Котляревскій.

Разбитый Аббасъ-Мирза оставилъ Нахичевань безъ защиты и Небольсинъ немедленно занялъ ее по приглашенію жителей. Казачій полкъ былъ выдвинутъ впередъ на самую границу Эриванскаго ханства и оттуда открылъ сообщенія съ Портнягинымъ.

Съ этого момента лагерь нашего осаднаго корпуса былъ вполнѣ обезпеченъ со стороны Аракса; но Эриванская крѣпость продолжала упорно защищаться и по всему было видно, что гарнизонъ не помышляетъ о сдачѣ. Между тѣмъ наступила ранняя суровая зима, и глубокіе снѣга, выпавшіе въ горахъ, завалили ущелья и совершенно прервали сообщенія съ Грузіей. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ развитіемъ болѣзней въ лагерѣ и съ обнаружившимся уже недостаткомъ боевыхъ снарядовъ, вынудили фельдмаршала рѣшиться на штурмъ Эривани.

Въ ночь съ 16 на 17 ноября, войска, четырьмя колоннами, предводимыя полковникомъ Симановичемъ, маіорами Борщовымъ, Новицкимъ и капитаномъ Челищевымъ, двинулись къ крѣпости; но штурмъ окончился полною неудачею. Персіяне дрались отчаянно и по пріемамъ ихъ можно было заключить, что въ этотъ день руководили ими французскіе офицеры, въ то время какъ съ нашей стороны колонными начальниками, за исключеніемъ Симановича, были молодые и малоопытные люди, не могшіе замѣнить собою вождей циціановской школы: Портнягина, Небольсина, Несвѣтаева, Карягина, Котляревскаго, Лисаневича и другихъ. Карягина и Несвѣтаева въ это время уже не было на свѣтѣ, а остальные на-

ходились въ другихъ второстепенныхъ отрядахъ, далеко отъ главныхъ операцій, которыми рѣшалась участь цѣлаго похода.

Къ довершенію всего, при самомъ началѣ сраженія полковникъ Симановичъ и смѣнившій его маіоръ Вылазковъ были тяжело ранены, — и колонна ихъ первая остановилась во рву, засыпанная картечью и ручными гранатами. Вторая колонна хотя и взобралась на стѣну, но, не поддержанная во-время, была отброшена назадъ въ безпорядкѣ. Начальникъ колонны маіоръ Новицкій былъ раненъ, а заступившій его мѣсто Борисоглѣбскаго драгунскаго полка полковникъ Булгаковъ—убитъ*). Третья и четвертая колонны попали во рву подъ сильный фланговый огонь съ двухъ батарей и, потерявъ обоихъ колонныхъ начальниковъ, маіора Борщова убитымъ и капитана Челищева раненымъ, также отступили.

Видя общую неудачу атаки и огромныя потери—до 800 человѣкъ, выбывшими изъ строя—Гудовичъ приказалъ ударить отбой.

Во время этого штурма произошелъ эпизодъ, не имѣющій большаго значенія для непосредственныхъ результатовъ битвы, но заслуживающій горячей памяти въ потомствѣ, какъ проявленіе высокой нравственной дисциплины русскаго солдата, создающей побѣды,—эпизодъ, показывающій, какихъ друзей найдетъ себѣ въ русскихъ солдатахъ хорошій начальникъ-офицеръ. Маіоръ Тифлисскаго полка, князь Севарсамидзе, впослѣдствіи извѣстный кавказскій генералъ, несмотря на рану, незадолго передъ тѣмъ полученную подъ Эриванью же, повелъ на приступъ свой батальонъ, но, раненый снова, упалъ и остался на валахъ крѣпости. И вотъ деньщикъ его Григорьевъ и рядовые Букрѣевъ и Псиковъ рѣшаются спасти Севарсамидзе, не смотря ни на какія опасности. Когда окончился бой, они отправились ночью на валъ, разыскали раненаго и понесли его на шинеляхъ подъ пулями замѣтившаго ихъ непріятеля. Скоро начался разсвѣтъ, и выстрѣлы, направленные противъ нихъ участились. Букрѣевъ былъ раненъ и упалъ. Тогда Севарсамидзе, видя какой опасности подвергаются солдаты, приказалъ имъ оставить себя и спасаться самимъ; но Псиковъ и Григорьевъ порѣшили между собою иначе: Псиковъ побѣжалъ въ

*) Это былъ сынъ извѣстнаго генерала, командовавшаго въ то время кавказскою линіею.

лагерь за новыми людьми, а Григорьевъ легъ на землю и прикрылъ собою голову князя, говоря, что персіяне видятъ ихъ и стрѣлять не перестанутъ. Прибѣжавшая команда, дѣйствительно, нашла Григорьева уже убитымъ пулею въ лобъ; Букрѣевъ также вскорѣ умеръ отъ полученной раны; Псиковъ же, уцѣлѣвшій при этомъ геройскомъ подвигѣ, черезъ три года былъ убитъ въ сраженіи при деревнѣ Паргитѣ.

Нѣсколько дней простоялъ еще Гудовичъ послѣ несчастнаго приступа подъ стѣнами Эриванской крѣпости, изыскивая средства къ ея покоренію; но многіе полки приведены были въ такое разстройство, что о повтореніи штурма нечего было и думать. Сознавая, что при такихъ условіяхъ взять Эривань открытою силою невозможно, фельдмаршалъ присоединилъ къ себѣ отрядъ генерала Портнягина и началъ отступленіе въ Грузію.

Небольсину приходилось также отступить въ Карабагъ; но обратный переходъ его черезъ горы, уже покрытыя глубокими снѣгами, былъ еще труднѣе. Весь путь до Карабагскаго хребта въ теченіе трехъ дней пришлось прокладывать штыками, а на четвертый день, 3-го декабря, тридцати-тысячная персидская армія, опять у той же Кара-Бабы, окончательно отрѣзала отряду дорогу и заняла впереди на горахъ выгодную позицію. Положеніе отряда часъ отъ часу становилось затруднительнѣе. Ночью на 4 декабря подулъ рѣзкій вѣтеръ, поднялась сильная мятель, и ужасный морозъ грозилъ смертію. Видя, во-первыхъ, невозможность идти далѣе по сугробамъ снѣга съ обозомъ, а во-вторыхъ, бѣдственное положеніе солдатъ безъ дровъ, Небольсинъ приказалъ сжечь весь обозъ, желая тѣмъ дать средство солдатамъ отогрѣть свои закоченѣвшіе члены. Однако, несмотря и на эту мѣру, въ ночь до 60 человѣкъ было озноблено, и изъ нихъ пять человѣкъ тогда же умерли.

Когда костры стали потухать, отрядъ сталъ въ ружье и двинулся впередъ. Персіяне, рѣшившись истребить его, уже съ утра вступили въ битву и дрались съ отчаянною храбростію. Троицкій полкъ сталъ наконецъ колебаться. Тогда Небольсинъ ввелъ въ дѣло егерей Лисаневича, и бой закипѣлъ съ новою силою. Стремительнымъ натискомъ Лисаневичу удалось наконецъ сломить персіянъ — и они побѣжали; русскіе преслѣдовали ихъ на протяженіи пяти

верстъ; пощады при этомъ не было никому—плѣнныхъ не брали. Путь черезъ горы былъ открытъ, и отрядъ благополучно добрался до Шуши.

Императоръ Александръ по достоинству оцѣнилъ подвигъ отряда и прислалъ его начальнику генералу Небольсину орденъ св. Георгія 3-го класса *).

Между тѣмъ отступленіе Гудовича, совершавшееся среди глубокой и снѣжной зимы, можетъ быть названо въ полномъ смыслѣ слова—бѣдственнымъ. Войска переходили горы по поясъ въ снѣгу, при вьюгахъ и морозахъ, доходившихъ до 15 град. Главнокомандующій долженъ былъ выслать впередъ весь Нарвскій полкъ и батальонъ пѣхоты, чтобы расчищать дорогу лопатами; но несмотря на принятыя мѣры, до тысячи человѣкъ изъ отряда погибло отъ стужи. Борисоглѣбскій драгунскій полкъ лишился при этомъ всѣхъ своихъ лошадей и возвратился пѣшимъ. Самъ фельдмаршалъ жестоко простудился и получилъ сильнѣйшій ревматизмъ, отъ котораго впослѣдствіи потерялъ одинъ глазъ.

Необходимо прибавить, что одною изъ причинъ неудачи эриванскаго похода была позорная измѣна подполковника Кочнева, долгое время бывшаго комендантомъ въ Елизаветполѣ. Онъ предупредилъ персіянъ о вторженіи русскихъ и передалъ имъ всѣ планы, добытые неизвѣстнымъ путемъ изъ штаба Гудовича.

Едва возвратившись въ Тифлисъ, фельдмаршалъ получилъ тревожныя извѣстія о возстаніи Кубинскаго ханства. Какъ мы уже видѣли, Куба была взята генераломъ Булгаковымъ, но окончательно присоединена была къ Россіи только въ началѣ 1808 года, когда Шейхъ-Али-ханъ, долгое время державшійся въ лѣсахъ около Кубы, увидѣлъ наконецъ невозможность склонить на свою сто-

*) Петръ Федоровичъ Небольсинъ, начавшій службу въ 1772 году, съ отличіемъ участвовалъ во второй турецкой войнѣ, и затѣмъ, въ 1804 году, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, назначенъ былъ шефомъ Троицкаго пѣхотнаго полка, съ которымъ сдѣлалъ нѣсколько походовъ противъ закубанскихъ горцевъ. Въ началѣ 1806 года полкъ этотъ былъ передвинутъ въ Грузію. Здѣсь, за отличіе въ сраженіи при Ханашинскомъ ущельи, Небольсину пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 4 степени, потомъ за взятіе Нухи—орденъ св. Владиміра 3 класса, и наконецъ за нахичеванскій походъ—Георгія на шею. По возвращеніи изъ этой экспедиціи, Небольсинъ нѣкоторое время управлялъ Карабагскимъ ханствомъ и въ этой должности скончался осенью 1810 года, унеся въ могилу такъ много обѣщавшія дарованія.

рону жителей, бѣжалъ въ Акушу съ малымъ числомъ приверженныхъ бековъ и, какъ бы въ отмщеніе народу, изрубилъ на границѣ всѣ бывшія при немъ кубинскія знамена и бросилъ чугунныя пушки;—ихъ жители доставили потомъ въ Кубу къ полковнику Тихановскому. Съ побѣгомъ Шейхъ-Али-хана Кубинская провинція наводнилась разбойничьими шайками, а въ началѣ 1809 года туда вторглись уже огромныя толпы дагестанцевъ и, обложивъ Кубу, 20 дней держали въ блокадѣ батальонъ Севастопольскаго полка, подъ командою маіора Рябинина. Посланныя къ нему на помощь двѣ роты съ маіоромъ Логвиненковымъ были встрѣчены 24-го января всѣми силами Шейхъ-Али-хана и потерпѣли пораженіе. Самъ Логвиненковъ былъ раненъ пулею въ грудь на-вылетъ, солдаты же потеряли 120 человѣкъ убитыми. Остатокъ храбраго отряда однако удержался въ наскоро устроенномъ вагенбургѣ, стойкая оборона котораго дала возможность подоспѣть сюда войскамъ изъ Баку и Дербента. Рябининъ въ свою очередь сдѣлалъ вылазку, и Шейхъ-Али, окруженный со всѣхъ сторонъ нашими отрядами, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Табасаранскія горы.

Извѣстіе объ этой побѣдѣ нѣсколько успокоило больного фельдмаршала. Но разстроенный физически и нравственно, отъ просилъ государя уволить его отъ должности, и былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву.

Въ этомъ званіи Гудовичъ оставался до февраля 1812 года, когда глубокая старость заставила его просить о совершенномъ увольненіи отъ службы. Императоръ изъявилъ на это согласіе и пожаловалъ фельдмаршалу свой портретъ, осыпанный бриллiантами, для ношенія въ петлицѣ.

Послѣдніе годы жизни маститый фельдмаршалъ провелъ въ своемъ имѣніи, мѣстечкѣ Ольгіополѣ, и умеръ въ январѣ 1820 года отъ старости, на 79 году отъ рожденія, завѣщавъ похоронить себя въ Кіевѣ, въ любимомъ имъ Софійскомъ соборѣ.

XXXI.

Редутъ-Кале.

Въ 1804 году небольшой русскій отрядъ высадился на мингрелійскихъ берегахъ Чернаго моря и заложилъ, при устьяхъ рѣки Хопи, укрѣпленный портъ, впослѣдствіи названный Редутъ-Кале. Вначалѣ войска здѣсь выстроили себѣ нѣсколько мазанокъ, обнесенныхъ плетневымъ заборомъ, и мало заботились о безопасности укрѣпленія, несмотря на то, что въ 17 верстахъ отъ нихъ находилась турецкая крѣпость Поти и что турки съ видимымъ недоброжелательствомъ смотрѣли на попытку русскихъ утвердиться въ странѣ, которую они еще считали своею.

Паша, начальствовавшій гарнизономъ Поти, подъ дружественнымъ предлогомъ сдѣлалъ визитъ русскому коменданту и потомъ часто пріѣзжалъ къ нему въ гости, въ сущности съ цѣлію высматривать и выслѣживать, что дѣлается въ укрѣпленіи. Русскіе добродушно принимали гостей и такъ были увѣрены въ ихъ расположеніи, что вовсе не принимали противъ нихъ никакихъ мѣръ предосторожности. Паша подмѣтилъ между прочимъ, что ружья, обыкновенно

стоявшія въ кучѣ, были безъ кремней и употреблялись только для ученій, что въ крѣпости не было ни карауловъ, ни разъѣздовъ,— словомъ, все дѣлалось такъ, какъ въ краѣ совершенно мирномъ и въ совершенно мирныя времена.

Однажды — по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ это было въ 1806 году—русскій гарнизонъ праздновалъ первый день Рождества Христова, и отпраздновалъ его, какъ водится на Руси, такъ что къ вечеру немногіе оставались съ здоровою головою. Наступила ночь. Съ моря дулъ сильный вѣтеръ и подъ завываніе его все погрузилось въ глубокій сонъ, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ засвистали пули, и турки мгновенно ворвались въ укрѣпленіе. Часовые едва успѣли выстрѣлить, какъ уже были заколоты. Поднялась суматоха; но такъ какъ никакихъ средствъ къ защитѣ не оказывалось, то большая часть гарнизона заперлась въ казармѣ, безъ всякой надежды на спасеніе.

Въ это время въ густомъ лѣсу, со стороны Ріона, раздавалась родная русская пѣсня,—изъ лѣсу выходила команда изъ 12 рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ, отправленная за нѣсколько дней передъ тѣмъ на берегъ Чернаго моря для заготовки строительнаго лѣса. Нѣсколько замѣшкавшись на работѣ, команда не успѣла возвратиться къ первому дню праздника и только къ ночи стала подходить къ Редуту.

Выходя изъ лѣсу, солдаты неожиданно увидѣли свое укрѣпленіе въ пламени. Крики и выстрѣлы, доносившіеся съ той стороны, заглушали даже бушевавшую бурю и ясно говорили, что въ укрѣпленіи турки.

— Что дѣлать теперь, Сидорычъ? обратилась команда съ вопросомъ къ своему начальнику.

— „Что дѣлать? отвѣчалъ съ рѣшимостью старый солдатъ:—разумѣется, идти и выручать товарищей. Ура, ребята!“

Съ этимъ крикомъ команда ворвалась въ укрѣпленіе. Смѣтливый Сидорычъ бросился къ орудіямъ, но они на бѣду оказались заклепанными. Но вотъ заброшенный единорогъ, незамѣченный непріятелемъ... Внезапно прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ, и турки, осыпанные картечью, изумленные, не понимая въ чемъ дѣло, смѣшанною толпою въ страхѣ бросаются вонъ изъ укрѣпленія.

— „Вылѣзайте же вороны изъ гнѣзда! закричалъ насмѣшливо Сидорычъ товарищамъ, засѣвшимъ въ казармѣ:—Берите ружья, да разсчитывайтесь-ка поскорѣе съ бусурманами!“ Но этого разсчета сдѣлать не удалось, потому что турки поторопились уйти въ Поти. Къ сожалѣнію, преданіе не сохранило полнаго имени храбраго унтеръ-офицера.

Случай этотъ и то значеніе, которое Редутъ-Кале имѣлъ для Закавказья въ военномъ отношеніи, по близости его къ турецкой крѣпости, побудили главнокомандующаго, графа Гудовича, занять его болѣе сильнымъ гарнизономъ, для чего туда и назначены были три роты Бѣлевскаго полка, подъ командой маіора Лыкошина. Несмотря на это, 8 февраля 1807 года, турки, по объявленіи войны, сдѣлали вторичную попытку овладѣть ненавистнымъ для нихъ укрѣпленіемъ.

Благодаря дремучимъ лѣсамъ, которые отъ самаго Поти сплошною полосою тянутся по берегу Чернаго моря, нападеніе и на этотъ разъ произведено было такъ внезапно, что часовой, стоявшій на валу, далъ сигнальный выстрѣлъ только тогда, когда турки были уже почти у редута. Ударили тревогу. Дежурный караулъ встрѣтилъ непріятеля у самыхъ воротъ, но былъ опрокинутъ, и турки, окруживъ казарму, стали стрѣлять въ окна и въ двери. Люди застигнуты были врасплохъ, но защищались отчаянно. Пока одни отбивались всѣмъ, что попадало подъ руку, другіе успѣли схватиться за ружья и штыками отбили турокъ, уже ломившихся въ казарму. Жестокая свалка завязалась внутри укрѣпленія. Комендантъ его маіоръ Лыкошинъ въ началѣ дѣла былъ раненъ въ голову двумя сабельными ударами, но принявшій отъ него команду капитанъ Денисьевъ продолжалъ дѣло обороны съ тою же упорною энергіею. До какой степени доходило ожесточеніе сражавшихся, можно судить по тому, что три турецкія знамени нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, пока окончательно не были отбиты русскими. Одно изъ этихъ знаменъ взято штабсъ-капитаномъ Трофимовымъ, а два другія фельдфебелями: Мирнымъ и Ивановскимъ, которые оба были при этомъ ранены.

Къ семи часамъ утра непріятель былъ опрокинутъ повсюду и, поражаемый штыками, кинулся вонъ изъ укрѣпленія. Но это не

былъ еще конецъ кроваваго нападенія; устроившись въ лѣсу, турки два раза бросались на редутъ и два раза были отбиты съ огромнымъ урономъ. Тогда ободрившійся гарнизонъ самъ перешелъ въ наступленіе и преслѣдовалъ бѣгущихъ турокъ нѣсколько верстъ, пока не увидѣлъ подходившихъ къ нимъ изъ Поти свѣжихъ подкрѣпленій.

Блистательный успѣхъ достался гарнизону однакоже не дешево. Кромѣ маіора Лыкошина, раненъ маіоръ Гольденгофъ, командовавшій въ бою артиллеріей, убитъ одинъ офицеръ, именно прапорщикъ Грабовскій, а изъ трехъ ротъ Бѣлевскаго полка нижнихъ чиновъ выбыло 160 человѣкъ. Лазаретъ, цейхгаузы, соляные и провіантскіе магазины, офицерскіе флигеля, словомъ все то, что находилось внѣ стѣнъ укрѣпленія, было сожжено до тла. Вмѣстѣ съ лазаретомъ сгорѣли и помѣщавшіеся въ немъ всѣ трудно-больные нижніе чины, не бывшіе въ состояніи покинуть своихъ кроватей. Съ ними погибъ и докторъ Даниловъ. Его долгое время считали сгорѣвшимъ, но впослѣдствіи оказалось, что онъ уведенъ былъ турками въ Поти и тамъ пропалъ безъ вѣсти.

Этотъ кровавый эпизодъ заканчиваетъ собою боевую хронику Редутъ-Кале. Спустя два года сама Поти пала, а пріобрѣтеніе Сухумъ-Кале и Анапы съ болѣе удобными рейдами лишило Редутъ-Кале и того значенія, которое онъ, какъ приморскій портъ, могъ имѣть въ торговомъ отношеніи.

XXXII.

Генералъ Несвѣтаевъ.

Имя Несвѣтаева принадлежитъ къ популярнѣйшимъ именамъ на Кавказѣ. Онъ—одинъ изъ тѣхъ, на „которыхъ—по справедливому выраженію историка — покоятся славныя традиціи кавказскаго войска“.

Вся жизнь Петра Даниловича Несвѣтаева съ самыхъ молодыхъ лѣтъ прошла среди бранныхъ тревогъ и русской полковой жизни. Происходя изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ Ярославской губерніи, онъ началъ службу еще въ 1773 году—рядовымъ — въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку. Оттуда, съ производствомъ въ офицеры, онъ назначенъ былъ въ одинъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, съ которымъ и участвовалъ въ финляндской кампаніи. Здѣсь, въ бою у деревни Старкупесъ, въ 1788 г., Несвѣтаевъ былъ раненъ картечью въ голову и заслужилъ за отличія въ дѣлахъ два чина: секундъ и премьеръ-маіора.

Когда миръ былъ заключенъ, полкъ перевели въ Литву, и Несвѣтаеву пришлось участвовать въ дѣлахъ при Гроднѣ и Вильнѣ. И уже здѣсь обратилъ на него вниманіе бывшій тогда военнымъ начальникомъ края князь Циціановъ, отличившій въ молодомъ офицерѣ качества будущаго талантливаго дѣятеля на военномъ поприщѣ. При императорѣ Павлѣ служебныя повышенія Несвѣтаева шли чрезвычайно быстро: въ 1797 году онъ былъ произведенъ въ подполковники, въ слѣдующемъ году въ полковники, а еще черезъ годъ—въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ шефомъ Саратовскаго пѣхотнаго полка, квартировавшаго тогда въ Рязани.

Привольная стоянка въ одной изъ богатѣйшихъ русскихъ губерній дала Несвѣтаеву возможность устроить и привести полкъ въ блестящее состояніе, и когда, по прошествіи четырехъ лѣтъ, именно въ началѣ 1804 года, онъ былъ передвинутъ въ Грузію, по случаю персидской войны, то князь Циціановъ писалъ къ государю, „что ему мало доводилось видѣть такихъ прекрасныхъ полковъ, какъ Саратовскій“.

Этому много способствовалъ и личный характеръ самого Несвѣтаева: онъ былъ человѣкъ одинокій и въ высшей степени безкорыстный, собственныя его нужды были весьма ограничены; жизнь онъ велъ самую простую, настоящую солдатскую, и все, что имѣлъ, обращалъ на помощь солдатамъ и бѣднымъ офицерамъ; послѣдніе всегда были обмундировываемы и снабжаемы всѣмъ нужнымъ на его счетъ. Притомъ онъ былъ тактиченъ и деликатенъ и умѣлъ обходить острыя стороны благодѣяній; все давалось имъ только взаймы и даже записывалось въ долговую книгу; но затѣмъ въ возвратъ отъ офицеровъ уже никто ничего и никогда не требовалъ. Когда же должникъ по какому-нибудь случаю выбывалъ изъ полка, Несвѣтаевъ своею рукою вычеркивалъ въ книгѣ долгъ и прощаясь говорилъ только: „Христосъ съ тобою! Прощай, братъ, не поминай насъ лихомъ, а мы съ тобою совсѣмъ квиты“. Врагъ сухой формалистики—онъ не терпѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ упущеній по службѣ,—и можно себѣ представить, какъ его любили, какъ привязывались къ нему солдаты и офицеры, и какой, дѣйствительно, образцовый долженъ былъ быть Саратовскій полкъ его.

Самому Несвѣтаеву не пришлось участвовать въ персидскомъ походѣ 1804 года. Задержанный служебными дѣлами, онъ остался на линіи, разсчитывая догнать свой полкъ на почтовыхъ; но по прибытіи во Владикавказъ онъ узналъ, что сообщеніе съ Грузіей прервано внезапнымъ возстаніемъ осетинъ. Положеніе дѣлъ, которое засталъ Несвѣтаевъ во Владикавказѣ, было далеко не блестяще. Неосторожное и иногда жестокое обращеніе нѣкоторыхъ русскихъ чиновниковъ съ осетинами давно уже подготовляло почву для ропота и для успѣшнаго подстрекательства со стороны разныхъ пронырливыхъ личностей, и осетины наконецъ ждали только удобнаго момента для открытаго возмущенія.

Случай къ тому скоро представился. Осетины воспользвались отсутствіемъ въ Грузіи войскъ, ушедшихъ къ Эривани, и изолированнымъ положеніемъ нѣсколькихъ русскихъ постовъ, разбросанныхъ по военно-грузинской дорогѣ, чтобы поднять знамя возстанія. Тагаурцы, а вслѣдъ за ними и другія племена осетинъ, жившія по Арагвѣ, обложили эти посты и, пользуясь гористою мѣстностію, прекратили сообщеніе линіи съ Грузіею.

По первому извѣстію объ этомъ, князь Циціановъ отправилъ въ Тагаурское ущелье подполковника Эристова съ приказаніемъ возстановить порядокъ. Фамилія Эристовыхъ (отъ „эриставовъ“ — титулъ осетинскихъ владѣльцевъ) всегда имѣла вліяніе на осетинскія племена, къ которымъ принадлежали тагаурцы, а потому Циціановъ вполнѣ разсчитывалъ на успѣхъ экспедиціи. Но вышло иначе. Когда Эристовъ прибылъ въ Ананyръ съ ротою Севастопольскаго полка, то нашелъ возстаніе уже въ полномъ разгарѣ; мятежники не слушали никакихъ увѣщаній и принудили его отступить къ Тифлису. Вслѣдъ за тѣмъ тагаурцы потребовали очищенія Ларса, гдѣ стояла рота Казанскаго пѣхотнаго полка, охраняя входъ въ дарьяльскую тѣснину, и скоро поставили эту роту въ положеніе поистинѣ отчаянное. Окруженная со всѣхъ сторонъ мятежниками, она совершенно не имѣла провіанта, такъ что солдаты въ теченіе цѣлаго мѣсяца питались почти однимъ только щавелемъ, добывая немного хлѣба отъ самихъ тагаурцевъ же за одежду и даже за аммуницію. Когда же все, что можно было продать, было распродано, и когда даже съѣдобной травы уже не стало, комендантъ

крѣпостцы, маіоръ Щигалевъ, рѣшился отступить во Владикавказъ, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, остальныхъ людей отъ голодной смерти. Паденіе Ларса передало въ руки мятежникоаъ весьма важное въ военномъ отношеніи дарьяльское ущелье и безмѣрно затруднило усмиреніе мятежа.

Черезъ дарьяльское ущелье толпы осетинъ прошли къ деревнѣ Стефанъ-Цминде и обложили замокъ, гдѣ засѣла русская рабочая команда изъ 34 солдатъ подъ начальствомъ полковника Дренякина. Вмѣстѣ съ нею попалъ въ осаду и преданный Россіи самъ владѣлецъ этой деревни, правитель Хевсурскаго округа, маіоръ Казбекъ, которому мятежники тщетно предлагали принять надъ ними начальство. Два дня шла перестрѣлка, а на третій—положеніе осажденныхъ неожиданно сдѣлалось отчаяннымъ вслѣдствіе измѣны, обнаружившейся среди самаго гарнизона, и жители одинъ по одному стали перебѣгать къ мятежникамъ. Истощивъ всѣ средства обороны, русская команда должна была положить оружіе и вмѣстѣ съ Дренякинымъ была взята въ плѣнъ, а на Казбека осетины наложили большую контрибуцію. Почти одновременно съ этимъ былъ вырѣзанъ и весь кайшаурскій постъ у Ломійской горы.

Во Владикавказѣ находился въ то время донской казачій полкъ Рышкова (Рышкина?), который дожидался только спада водъ въ Терекѣ, чтобы пройти въ Грузію. Въ эту пору общей смуты и неудачъ Циціанова подъ Эриванью, Грузія казалась находящеюся въ послѣдней крайности, и князь Волконскій приказалъ этому полку какъ можно поспѣшнѣе пройдти въ Закавказье, избравъ для того путь по Куртонскому ущелью, по увѣренію жителей, безопасный. Осетины напали на полкъ въ Девдоракской тѣснинѣ и нанесли ему тяжкое пораженіе. Полкъ потерялъ всѣхъ своихъ лошадей и половину людей; шедшая съ ними рекрутская партія потерпѣла также значительный ущербъ.

Увлеченные рядомъ успѣховъ, осетины двинулись на Ананурь, присоединивъ къ себѣ по пути хевсуровъ, пшавовъ, тушинъ и приглашая за собою всѣ сосѣднія горскія племена. Въ то же время они призывали къ себѣ изъ Имеретіи грузинскихъ царевичей Юлона и Парнаоза, братьевъ послѣдняго грузинскаго царя Геор-

гія. Царевичи отправились въ путь, но около Цхинвала наткнулись на роту штабсъ-капитана Новицкаго. Схвативъ въ лѣсу грузинскій пикетъ, Новицкій узналъ, что царевичи ночуютъ въ Шагарбели, и въ ту же ночь съ сорока егерями напалъ на деревню. Произошла рукопашная схватка, въ которой Новицкій лично взялъ въ плѣнъ царевича Юлона, едва не погибшаго подъ штыками солдатъ. Къ несчастію, Парнаозъ успѣлъ бѣжать и въ нѣсколько дней пробрался въ Осетію. Царевичъ Юлонъ со всѣмъ его семействомъ былъ сосланъ на жительство въ г. Тулу, а штабсъ-капитанъ Новицкій за свой отважный подвигъ получилъ слѣдующій чинъ и орденъ св. Анны 3 степени.

Съ появленіемъ среди осетинъ Парнаоза возстаніе разгорѣлось съ новою силою. Напрасно правитель Грузіи генералъ-лейтенантъ князь Волконскій старался остановить мятежъ, обѣщая прощеніе и даже щедрыя льготы возставшимъ, — осетины отвѣчали требованіемъ очищенія отъ русскихъ всей военно-грузинской дороги. Волконскій понялъ наконецъ дѣйствительные размѣры опасности и самъ поспѣшилъ въ Ананурь, приказавъ идти за собою батальону Севастопольскаго полка, подъ командой шефа его, генералъ-маіора Талызина. Но благопріятное для дѣйствія оружіемъ время было пропущено. Нѣсколько безрезультатныхъ стычекъ не принесли ожидаемой пользы, и войска, послѣ короткаго похода, возвратились въ Тифлисъ, не выручивъ даже Ананура, который такъ и остался въ блокадѣ. Въ то же время Севастопольскаго полка маіоръ Мелло, стоявшій съ батальономъ на рѣкѣ Ломисѣ, былъ атакованъ непріятелемъ и, узнавъ объ отступленіи Волконскаго, самовольно покинулъ постъ съ такою поспѣшностью, что оставилъ непріятелю три орудія, составлявшія всю его артиллерію.

„Постыдное отступленіе это — писалъ къ Волконскому князь Цицiановъ:—не можетъ и не должно оставаться безъ заслуженнаго наказанія“. И оно было, дѣйствительно, и постыдно, и въ высшей степени вредно. Оставленіе ломисскаго поста открыло осетинамъ всѣ Ксанкскія владѣнія и путь въ Карталинію. Деревни князей Эристовыхъ были разорены за преданность Россіи, передовыя партіи мятежниковъ доходили до Гори; опасность угрожала даже Тифлису.

Несвѣтаевъ, бывшій тогда въ Владикавказѣ, понялъ, что вся сила осетинъ только въ вызванной ими паникѣ да въ отсутствіи со стороны русскихъ единства дѣйствій и распорядительности; и съ тѣми незначительными силами, которыя не находились даже собственно подъ его командой, но которыми онъ могъ воспользоваться, рѣшилъ по собственному почину дать примѣръ, какъ не трудно было справиться съ мятежниками, и возстановить сообщенія съ Грузіею. Съ шестью ротами Казанскаго пѣхотнаго полка, онъ быстро двинулся въ горы и, прежде чѣмъ непріятель опомнился, овладѣлъ Балтою, Ларсомъ, Дарьяломъ и наконецъ Казбекомъ. И только здѣсь авангардъ его, состоявшій изъ одной роты Казанскаго полка и трехъ сотенъ спѣшенныхъ донскихъ казаковъ, подъ командой подполковника Быхалова, былъ атакованъ самимъ Парнаозомъ, спѣшно прибывшимъ отъ Ананура,—но съ честью отразилъ нападеніе. И пока Быхаловъ преслѣдовалъ разбитаго царевича по ущелью Терека, Несвѣтаевъ захватилъ въ свои руки Гудаурскій перевалъ и, спустившись въ Грузію, стремительно пошелъ на Анануръ. На пути онъ получилъ извѣстіе, что капитанъ Матушевичъ, принявшій команду надъ бывшимъ отрядомъ генерала Талызина, уже овладѣлъ Душетомъ и, разбивъ на Кейсхевскихъ высотахъ главныя силы осетинъ, подходитъ также къ Ананурy. Важное значеніе этого города, какъ пункта, въ которомъ сходятся дороги изъ Кахетіи и Карталиніи, сознавалось издавна, и потому еще въ старые годы здѣсь были построены и замокъ, и крѣпость.

Овладѣвъ Анануромъ, Несвѣтаевъ отправилъ небольшіе отряды по разнымъ направленіямъ, и въ нѣсколько дней не только совершенно возстановилъ сообщенія по всей военно-грузинской дорогѣ, но и очистилъ отъ мятежа всѣ боковыя горныя ущелья. Участники осетинскаго бунта просили пощады, а покинутый всѣми Парнаозъ пытался бѣжать въ Эривань. Но въ сорока верстахъ отъ Тифлиса, на переправѣ черезъ Куру въ Демурчасалахъ, онъ былъ настигнутъ летучимъ отрядомъ князя Томаса Орбеліани и захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ тридцатью кахетинскими князьями, которые всѣ, вмѣстѣ съ Парнаозомъ, и были высланы въ Россію.

Циціановъ отдалъ должную справедливость Несвѣтаеву—„дѣй-

ствія котораго—по словамъ его донесенія—были такъ не похожи на все, что дѣлалось въ этомъ краѣ до его пріѣзда, въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ", а государь пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра прямо 3-й степени, минуя четвертую.

Пріѣхавши въ Грузію къ своему полку, стоявшему по окончаніи персидской кампаніи въ Караклисѣ, Несвѣтаевъ тотчасъ обратилъ вниманіе главнокомандующаго на смутное положеніе дѣлъ въ сосѣдней Шурагельской области, предлагая отторгнуть ее отъ Эриванскаго ханства и присоединить къ Россіи. Успѣхъ предпріятія онъ принималъ на личную отвѣтственность и брался выполнить его съ тѣми незначительными средствами, которыя находились у него подъ руками. И обстоятельства, дѣйствительно, складывались въ то время весьма благопріятно для выполненія его проекта. Случилось такъ, что Будахъ-Султанъ, правитель Шурагеля, былъ вызванъ въ Эривань и тамъ задержанъ по приказанію хана, потребовавшаго за него огромный денежный выкупъ, а жители съ своей стороны желали избѣжать этой уплаты и, по свѣдѣніямъ Несвѣтаева, намѣрены были обратиться къ князю Циціанову съ просьбою о помощи. Воспользовавшись этимъ, Несвѣтаевъ быстро вступилъ въ Шурагель и занялъ главное селеніе Артикъ, гдѣ сынъ Будахъ-Султана, а за нимъ старшины и народъ безпрекословно присягнули на подданство русскимъ государямъ. Донося объ этомъ князю Циціанову, Несвѣтаевъ вмѣстѣ съ тѣмъ готовился встрѣтить трехтысячный отрядъ эриванскаго войска, уже подходившаго къ границамъ Шурагеля для выполненія ханскаго приказа опустошить владѣнія несчастнаго султана. Несвѣтаевъ, съ батальономъ Саратовскаго полка, встрѣтилъ ихъ въ пограничномъ селеніи Талыни и разбилъ наголову, а храбрый капитанъ Матушевичъ, прошлогодній сподвижникъ его въ Кавказскихъ горахъ, преслѣдовалъ бѣгущихъ до самыхъ стѣнъ Эриванской крѣпости. Самъ Несвѣтаевъ безъ выстрѣла дошелъ до Эчміадзина и занялъ тамошній знаменитый монастырь, построенный, по преданію, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Ной впервые вышелъ изъ ковчега.

Несвѣтаевъ нашелъ монастырь пустымъ: всѣ драгоцѣнныя иконы, утварь и мощи угодниковъ были изъ него вывезены. Только передъ иконою Спасителя теплилась большая, украшенная драго-

цѣнными каменьями лампада, возбуждавшая къ себѣ благоговѣйныя чувства даже въ мусульманахъ. Это былъ памятникъ пребыванія здѣсь Шахъ-Надира, принесшаго ее въ даръ христіанскому Богу, послѣ чудеснаго своего исцѣленія отъ тяжкой болѣзни. Легенда говоритъ, что во время страданій онъ слышалъ во снѣ невѣдомый голосъ, повелѣвавшій ему идти въ Эчміадзинъ и тамъ передъ иконою Спасителя помолиться о своемъ исцѣленіи. Миссіонеръ-католикъ, состоявшій въ то время при немъ въ качествѣ врача, конечно горячо совѣтовалъ ему это исполнить, и шахъ отправился въ монастырь. Разсказываютъ, что шахъ, никогда прежде не бывавшій въ Эчміадзинѣ, узналъ въ иконѣ Спасителя ту самую, которую онъ видѣлъ во снѣ. Пораженный, онъ палъ предъ нею въ молитвѣ и выздоровѣлъ. Благодарный шахъ подарилъ тогда монастырю 12 деревень и прислалъ лампаду съ повелѣніемъ, чтобы она и день и ночь горѣла передъ иконою. Шахскія грамоты и самый фирманъ, свидѣтельствовавшій о чудѣ, помѣщались въ серебряномъ ковчегѣ, который хранился подъ мраморною плитою, у подножья чудотворнаго образа. Несвѣтаевъ оставилъ этотъ историческій памятникъ въ храмѣ, но взялъ съ собою разысканныя имъ подъ грудою мусора: кусокъ дерева, по преданію, отъ Ноева ковчега, святое копье, которымъ былъ прободенъ Спаситель, и десницу св. Григорія, просвѣтителя Арменіи. Всѣ эти святыни доставлены были имъ въ Тифлисъ, гдѣ уже хранилась часть сокровищъ этого первопрестольнаго армянскаго монастыря, вывезенныхъ отсюда самимъ Циціановымъ, при возвращеніи изъ-подъ Эривани.

Блистательная экспедиція доставила Несвѣтаеву орденъ св. Георгія 4 степени. Но Циціановъ не былъ доволенъ этою наградой и писалъ къ государю, что „такъ какъ пріобрѣтеніе богатой Шурагельской провинціи всецѣло принадлежитъ одному Несвѣтаеву, который, имѣя подъ ружьемъ всего 400 солдатъ, настоялъ на возможности занять столицу этой области—Артикъ, то будетъ справедливымъ наградить его и орденомъ св. Владиміра 2-го класса“. „Сіе одно, писалъ онъ къ государю: — можетъ поощрить этого посѣдѣвшаго въ вашей службѣ офицера къ будущимъ, еще большимъ подвигамъ, какъ генерала уже извѣстнаго всѣмъ нашимъ

сосѣдямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ прошломъ году штыки его открыли путь въ Грузію, кавказскія племена зовутъ его не иначе, какъ *горскимъ генераломъ*.

Съ открытіемъ персидской кампаніи 1805 года на Несвѣтаева возложена была защита Бомбакской и Шурагельской провинцій. Къ этому времени нужно отнести эпизодъ, о которомъ не сохранилось офиціальныхъ извѣстій, но ясный слѣдъ котораго остался въ извѣстномъ разсказѣ автора „Семейство Холмскихъ",—„Бытъ русскаго дворянина". Тамъ разсказывается, что персіяне, приготовляясь къ войнѣ, употребили всѣ средства привлечь на свою сторону джарцевъ, и хотя эти послѣдніе еще не забыли уроковъ, данныхъ имъ два раза Гуляковымъ, однакоже вскорѣ мятежныя шайки ихъ появились вблизи русскихъ границъ, вѣроятно со стороны Ахалцыха или Эривани. Князь Циціановъ избралъ Несвѣтаева, чтобы дать буйнымъ лезгинамъ новый урокъ. Получивъ предписаніе, Несвѣтаевъ тотчасъ выступилъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ въ походъ, однакоже послалъ къ Циціанову просить подкрѣпленія. Къ офиціальному рапорту своему онъ приложилъ частное письмо, въ которомъ, объясняя князю затруднительность своего положенія, между прочимъ писалъ, что, не говоря уже о многомъ другомъ, у него нѣтъ даже рому, съ которымъ онъ привыкъ пить чай.

Циціановъ отвѣтилъ ему слѣдующимъ весьма характернымъ письмомъ: „Ты просишь, любезный товарищъ, или лучше сказать сердечный другъ мой, подкрѣпленій своему отряду — но откуда и какіе способы имѣю я исполнить твою просьбу? Ты самъ знаешь, сколько у меня войска, съ которымъ мнѣ надобно хорошенько поколотить хвастуна мятежнаго царевича Александра, Аббасъ-Мирзу и самого его почтеннаго папеньку, велемудраго шаха. Да и на что нужно генералу Несвѣтаеву подкрѣпленіе. Онъ самъ своею собственною особою можетъ замѣнить нѣсколько тысячъ войска! И я такъ увѣренъ въ генералѣ Несвѣтаевѣ, что дожидаю съ посланнымъ мною адъютантомъ извѣстія о полной одержанной имъ побѣдѣ. Ступай, благословясь, любезный другъ, впередъ, и отваляй ты мнѣ по-свойски этихъ мерзавцевъ-измѣнниковъ. Они забыли славный, данный уже имъ Гуляковымъ урокъ. Повтори, братъ,

этотъ урокъ. Я знаю, что ты на свою руку охулки не положишь. Однакоже, я не во всемъ, о чемъ ты пишешь ко мнѣ, сердечный другъ мой, отказываю тебѣ: я тотчасъ послалъ къ нашему маркитанту и велѣлъ взять послѣднія, оставшіяся у него шесть бутылокъ рому, которыя и отправляю къ тебѣ на подкрѣпленіе. Пей, братъ, на здоровье, да дай и мнѣ самому право выпить за твое здоровье и громогласно воскликнуть: Ура! За здоровье молодца, храбрѣйшаго изъ храбрѣйшихъ Несвѣтаева. Истинно уважающій тебя...“

Прочитавъ это письмо, Несвѣтаевъ немедленно пригласилъ къ себѣ всѣхъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ, съ которыми имѣлъ привычку совѣщаться передъ каждымъ сколько нибудь серьезнымъ дѣломъ. „Ну, господа, сказалъ онъ: — мы дожидали усиленія новыми войсками нашего отряда; но вотъ все подкрѣпленіе, которое въ теперешнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ могъ прислать къ намъ князь Павелъ Дмитріевичъ“ — онъ показалъ рукою на бутылки съ ромомъ.—Садитесь, напьемся чаю съ этимъ подкрѣпленіемъ и подумаемъ, что намъ дѣлать“. Подали чай, закурили трубки, и такимъ образомъ открылся военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было не далѣе, какъ въ эту же ночь, на разсвѣтѣ, напасть на расположившіяся верстахъ въ трехъ-четырехъ отъ русскаго лагеря толпы мятежниковъ.

Когда военный совѣтъ былъ оконченъ, Несвѣтаевъ собралъ фельдфебелей. „Завтра на разсвѣтѣ — сказалъ онъ имъ—у насъ будетъ славная пирушка, — объявить объ этомъ въ ротахъ, осмотрѣть кремни, отточить штыки, чтобы не было на нихъ охулки; варить кашицу съ мясомъ; передъ ужиномъ дать людямъ по славной чапорухѣ водки; послѣ ужина по другой—и тотчасъ ложиться спать, чтобы собраться съ силами. А что мы разобьемъ въ прахъ и знатно отваляемъ бусурмановъ—говорить нечего: вы у меня народъ работящій“. — „Рады стараться, ваше пр-ство, отвѣчали въ одинъ голосъ фельдфебеля: — будьте спокойны, намъ это не первоученка“.

Прощаясь затѣмъ съ своими гостями, Несвѣтаевъ подтвердилъ ротнымъ командирамъ, чтобы передъ выступленіемъ изъ лагеря прочтены были передъ фронтомъ, какъ это непремѣнно передъ

всякимъ сраженіемъ дѣлалось въ его отрядѣ, молитва „Отче нашъ“ и псалмы: „Живый въ помощи Вышняго“ и „Да воскреснетъ Богъ“. Несвѣтаевъ былъ очень религіозенъ и нѣсколько суевѣренъ, и каждаго солдата, поступающаго въ Саратовскій полкъ, котораго онъ былъ шефомъ, снабжалъ особою ладонкой, съ зашитымъ въ ней рукописнымъ псалмомъ: „Живый въ помощи Вышняго“, строго наказывая носить эту ладонку на крестѣ и никогда отнюдь не снимать ее.

Какъ только стемнѣло, генералъ самъ обошелъ весь отрядъ, чтобы удостовѣриться, все ли сдѣлано какъ онъ приказалъ, шутилъ съ солдатами, спрашивалъ, хорошо ли они ужинали, остры ли штыки, хорошо ли будутъ завтра работать.

Часа за полтора до разсвѣта отрядъ тихо выступилъ изъ лагеря и незамѣтно подошелъ къ лезгинамъ. Четыре пушки, выдвинутыя впередъ, вдругъ грянули картечью, затѣмъ барабанный бой, „ура!“—и стремительное нападеніе. Полная, рѣшительная побѣда была одержана безъ всякихъ потерь. Непріятель оставилъ на мѣстѣ много убитыхъ и раненыхъ.

По окончаніи персидской кампаніи, какъ только непріятель былъ изгнанъ изъ русскихъ предѣловъ, Цицiановъ поручилъ Несвѣтаеву сдѣлать экспедицію въ глубь Эриванскаго ханства, чтобы вывести оттуда Джафаръ-Кули-хана хойскаго, искавшаго русскаго подданства. Этотъ Джафаръ, нѣкогда повелѣвавшій всѣмъ Адербейджаномъ, былъ человѣкъ съ большимъ вліяніемъ въ краѣ, и Цицiановъ справедливо полагалъ, что эриванскіе курды, среди которыхъ онъ кочевалъ тогда, никогда не выдадутъ его безъ боя. И Несвѣтаевъ сознавалъ всю трудность предстоявшей задачи, но тѣмъ не менѣе принялся за выполненіе ея съ своею обычною энергіею.

Выступивъ изъ Артика въ глухую и ненастную осень, онъ подошелъ ночью 8 ноября къ укрѣпленію Гечерлю и взялъ его приступомъ. Небольшая крѣпостца, вздумавшая было защищаться, была разрушена, и Несвѣтаевъ двинулся прямо на Амаратъ, въ самое сердце курдистанскаго населенія. Слухъ о чумѣ, появившейся въ окрестностяхъ этого города, заставилъ его однако измѣнить направленіе и идти къ Араксу на Молла-Баязетъ, Шагріаръ и

Калаархи. Всѣ эти селенія, имѣя крѣпкія башни и замки въ родѣ редюитовъ, находились въ садахъ, обнесенныхъ толстыми глинобитными стѣнами съ бойницами, и потому представляли изъ себя небольшія крѣпостцы, которыя приходилось брать не иначе, какъ штурмомъ. Несмотря на это, отрядъ въ половинѣ ноября, послѣ жаркаго дѣла, переправился на правый берегъ Аракса и, овладѣвъ укрѣпленіями Асарскъ и Хайберклю, остановился въ окрестностяхъ Кара-Оглы. Туда къ нему и вышли четыреста татарскихъ семействъ, вмѣстѣ съ самимъ Джафаръ-Кули-ханомъ. Между тѣмъ наступила зима, глубокіе снѣга завалили дороги, и обратный походъ съ переселенцами сдѣлался весьма затруднительнымъ. Подданные Джафара, собравшіеся наскоро, не имѣли при себѣ ни скота, ни хлѣба, и изнемогали отъ усталости и голода. Солдаты и казаки, сами утопая въ снѣжныхъ сугробахъ, несли на рукахъ дѣтей и сажали на сѣдла женщинъ, охотно раздѣляя съ ними скудный запасъ пищи. Самъ Несвѣтаевъ, желая показать примѣръ подчиненнымъ, отдалъ подъ больныхъ верховую лошадь и шелъ пѣшкомъ до самой границы. Среди всевозможныхъ трудностей отрядъ дошелъ наконецъ до Талыни, гдѣ переселенцы и были оставлены на зиму уже въ совершенной безопасности.

Спустя два мѣсяца послѣ этого памятнаго зимняго похода, неожиданно получено было горестное извѣстіе о кончинѣ князя Циціанова подъ стѣнами Баку, и Несвѣтаевъ вызванъ былъ Гудовичемъ въ Тифлисъ, для командованія всѣми войсками, расположенными въ Грузіи. Имѣя въ это время положительныя свѣдѣнія о жалкомъ состояніи эриванскаго гарнизона, онъ предлагалъ не медля овладѣть Эриванью, ручаясь за успѣхъ предпріятія; къ сожалѣнію, новый главнокомандующій смотрѣлъ на дѣло иначе, — и благопріятное время было упущено.

Между тѣмъ начались приготовленія къ турецкой войнѣ, и Несвѣтаеву, въ началѣ 1807 года, порученъ былъ отдѣльный отрядъ изъ пяти батальоновъ пѣхоты и двухъ казачьихъ полковъ, для дѣйствія на лѣвомъ флангѣ противъ Карса. Носились слухи, будто бы карскій паша при приближенія русскихъ войскъ намѣренъ былъ сдаться; но безусловно довѣрять этимъ слухамъ было нельзя, такъ какъ Карсъ имѣлъ слишкомъ серьезное значеніе для

всей Анатоліи и былъ подъ особымъ надзоромъ эрзерумскаго сераскира, который, конечно, принялъ бы всѣ мѣры противъ подобной измѣны. Это была первоклассная крѣпость, правильно снабженная оборонительными средствами. И хотя тогда она и не имѣла еще грозныхъ укрѣпленій, возведенныхъ въ позднѣйшія войны, однакоже была обнесена гигантскими стѣнами, за которыми стоялъ двадцати-тысячный турецкій гарнизонъ, и внутри этихъ стѣнъ, на высокой скалѣ, командовавшей всею окрестностью, устроена была цитадель, уставленная пушками. Шестьдесятъ орудій, грозно смотрѣвшихъ съ передовыхъ валовъ и фортовъ азіятской твердыни, не смутили однако Несвѣтаева. Произведя рекогносцировку, онъ нашелъ положеніе Карса „еще не совсѣмъ неприступнымъ“ и рѣшилъ штурмовать его со стороны Карабага.

Штурмъ начался 25 марта, въ самый день Благовѣщенія. Несмотря на страшный огонь съ крѣпостныхъ батарей, два батальона, подъ командою подполковника Печерскаго, овладѣли передовыми высотами и, ворвавшись въ городской форштадтъ, взяли турецкую пушку. Несвѣтаевъ съ остальными войсками готовился поддержать своихъ смѣльчаковъ, — но въ это самое время получено было предписаніе отъ графа Гудовича отнюдь не предпринимать ничего противъ самой крѣпости, а ограничиться только занятіемъ одного Карскаго пашалыка и прикрытіемъ границы. Несвѣтаевъ отступилъ и сталъ около Гумри, нынѣшняго Александрополя.

„Не считайте, ваше высокостепенство—писалъ онъ къ коменданту крѣпости:—чтобы я не могъ взять вашего Карса. На сіе я только не имѣлъ повелѣнія. Я взялъ форштадтъ, но получа приказаніе отступить, долженъ былъ повиноваться. Пушка же, которую вы требуете обратно, взята военною рукою, а потому и возвращена быть не можетъ“.

Положеніе Несвѣтаева у Гумри было, между тѣмъ, не изъ легкихъ. Его четыре не полные батальона, ослабленные притомъ потерями въ предшествовавшихъ стычкахъ, имѣли противъ себя двадцати-тысячный турецкій корпусъ, формировавшійся подъ предводительствомъ эрзерумскаго сераскира Юсуфъ-паши, въ Карсѣ. Гудовичъ, уже отступившій тогда отъ Ахалкалакъ, получилъ извѣстіе объ этомъ въ Цалкѣ, и тотчасъ же двинулся со всѣми сво-

бодными войсками на помощь къ Несвѣтаеву. Но онъ былъ еще на пути, какъ Несвѣтаевъ, 19-го мая, уже былъ атакованъ турками. Бой, начатый въ передовыхъ укрѣпленіяхъ, скоро перешелъ въ улицы города и длился до самаго вечера. Батальоны Несвѣтаева стойко выдержали бѣшеныя атаки янычаръ, и къ ночи непріятель отступилъ, понеся огромныя потери. Но это былъ только авангардъ сераскира; самъ онъ съ главными силами подошелъ къ мѣсту битвы только на слѣдующее утро. Расположившись верстахъ въ семи отъ русскаго лагеря, онъ послалъ сказать Несвѣтаеву, чтобы тотъ выходилъ съ нимъ драться въ открытое поле. Несвѣтаевъ отвѣчалъ, что будетъ защищаться въ окопахъ. „Угроза вашего высокостепенства истребить отрядъ — писалъ онъ къ сераскиру:—беззаконна, ибо вы идете, объявляя, что у васъ безчисленныя силы и артиллерія, а я могу вамъ сказать на это, что имѣю подъ ружьемъ только три тысячи войска. Теперь извольте на меня нападать, а Богъ свою справедливость покажетъ".

30-го мая сераскиръ вторично атаковалъ Несвѣтаева. Жестокій бой длился девять часовъ къ ряду и кончился совершеннымъ пораженіемъ турокъ, которые оставили на мѣстѣ боя четыреста тѣлъ и главное сераскирское знамя.

Донесеніе объ этой славной побѣдѣ застало Гудовича все еще на пути; но оно мало успокоило его, такъ какъ имѣлись уже свѣдѣнія, что къ сераскиру идутъ значительныя подкрѣпленія изъ Курдистана. Опасеніе за участь Несвѣтаева было такъ сильно, что графъ не скрылъ отъ государя „отчаяннаго" положенія отряда и прибавлялъ, что возлагаетъ свое упованіе только „на храбрость и опытность въ военномъ ремеслѣ генерала Несвѣтаева".

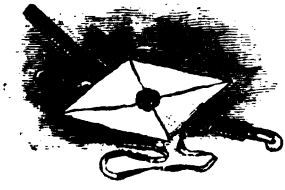
„Каждый рапортъ вашего превосходительства—писалъ онъ въ то же время къ Несвѣтаеву:—даетъ мнѣ доказательство, что въ выборѣ васъ я не ошибся. Я видѣлъ уже опыты вашей храбрости и вашихъ благоразумныхъ распоряженій, а потому увѣренъ, что вы удержитесь въ Гумри до моего прибытія".

Торопясь на выручку, Гудовичъ 4 іюня былъ уже въ Беканѣ, откуда отправилъ впередъ всю свою кавалерію. „Сейчасъ я получилъ извѣстіе, писалъ онъ къ генералу Портнягину:—что Несвѣтаевъ снова атакованъ въ Гумри всѣми сераскирскими си-

лами. Спѣшите на помощь. Не теперь надлежитъ намъ думать о выгодахъ людей и лошадей, когда долгъ и служба велятъ спасать товарищей"... Портнягинъ пошелъ на рысяхъ, но дѣло окончилось прежде, чѣмъ подошли наши драгуны: „Крайне сожалѣю—писалъ Несвѣтаевъ къ Портнягину въ тотъ же день вечеромъ: — что вы не подоспѣли къ сегодняшнему дѣлу. Я былъ такъ сильно и со всѣхъ сторонъ атакованъ Юсуфъ-пашею, что бой продолжался съ 10 часовъ утра до шести пополудни. Турки ворвались было въ Гумри, но были выбиты оттуда штыками кавказскихъ гренадеръ. Долженъ благодарить Всевышняго, который хранитъ меня, и за скоростью ничего вамъ болѣе писать не могу, а скажу только безъ лести, что Юсуфъ-паша въ третій разъ уже отъ меня со стыдомъ отступаетъ".

Прибытіе Портнягина, а вслѣдъ за нимъ и графа Гудовича, рѣшило участь кампаніи. Разбитый наголову при Арпачаѣ, Юсуфъ-паша бѣжалъ въ Эрзерумъ; войска его разсѣялись и Турція вынуждена была заключить выгодное для насъ перемиріе.

Блистательныя дѣйствія Несвѣтаева въ эту кампанію доставили ему орденъ св. Георгія 3-го класса. Но къ сожалѣнію это были послѣдніе подвиги храбраго генерала. Въ слѣдующемъ году, когда войска собирались идти подъ Эривань, Несвѣтаевъ приступилъ къ укрѣпленію русскаго тыла по долинѣ рѣки Абаранъ, служившей въ нашихъ войнахъ всегда операціоннымъ базомъ. Но въ это время онъ заболѣлъ желтою горячкой и, 17-го іюня 1808 года, скончался въ селеніи Караклисѣ. Надгробный памятникъ, воздвигнутый надъ его могилою, разрушило всесокрушающее время; но оно безсильно истребить изъ памяти кавказскихъ ветерановъ славное имя Несвѣтаева.



XXXIII.

Графъ Тормасовъ.

9-го марта 1809 года, на мѣсто графа Гудовича, главнокомандующимъ войсками въ Грузіи и на кавказской линіи назначенъ былъ генералъ отъ кавалеріи Александръ Петровичъ Тормасовъ, человѣкъ съ благороднымъ и рѣшительнымъ характеромъ и съ твердою, настойчивою волею.

Тормасовъ началъ службу офицеромъ въ 1772 г., и черезъ 12 лѣтъ, въ чинѣ полковника, командовалъ уже Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ, съ которымъ участвовалъ въ турецкой войнѣ 1791 года, въ арміи князя Рѣпнина. Произведенный въ эту кампанію въ генералъ-маіоры, Тормасовъ получилъ кавалерійскую бригаду, и, въ сраженіи подъ Мачиномъ, его безусловно отважная, блестящая атака во флангъ непріятельской арміи доставила русскимъ рѣшительную побѣду. За этотъ подвигъ Тормасовъ, не имѣвшій до того никакого ордена, получилъ прямо крестъ св. Георгія 3 класса.

Съ окончаніемъ турецкой войны, Тормасовъ переведенъ былъ въ Польшу и, командуя различными кавалерійскими отрядами, находился во многихъ дѣлахъ; между прочимъ онъ былъ подъ Маціевицами, гдѣ взятъ въ плѣнъ Косцюшко, и штурмовалъ съ Суворовымъ Прагу. Орденъ св. Владиміра 2 класса и золотая, украшенная брилліантами сабля съ надписью „за храбрость" засвидѣтельствовали его отличія въ эту кампанію. Въ 1798 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а черезъ три года въ генералы отъ кавалеріи. Въ большихъ европейскихъ войнахъ 1805—1807 гг. ему не пришлось принять дѣятельнаго участія, и послѣ тильзитскаго мира тяжкая болѣзнь заставила его и совсѣмъ выйдти въ отставку. Но не далѣе какъ черезъ годъ, императоръ Александръ снова призвалъ его на службу, поручивъ ему высокій постъ главнокомандующаго въ Грузіи, — и 12 апрѣля 1809 года онъ уже вступилъ въ управленіе краемъ.

Его предмѣстникъ, Гудовичъ, не смотря даже на нѣкоторые чисто военные успѣхи, не съумѣлъ поддержать въ Закавказьѣ, въ впечатлительныхъ восточныхъ умахъ, обаяніе русской силы и русскаго имени, созданнаго Циціановымъ, а двѣ крупныя неудачи даже и подорвали его. И онъ оставилъ Тормасову Грузію въ крайне затруднительномъ положеніи. Турція готовилась къ рѣшительнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ; въ іюнѣ ожидалось вторженіе персіянъ, и говорили даже, что самъ Баба-Ханъ прибудетъ въ Адербейджанъ, откуда отправитъ одного изъ своихъ сыновей, Аббаса-Мирзу, въ Карабагъ и Ширвань, а другого, Мамедъ-Алихана, въ Бомбакъ и Шурагель со стороны Эривани; Селиму шекинскому обѣщано было возвращеніе его ханства; царевичи Александръ и Теймуразъ возмущали Имеретію, Кахетію и Карталинію, анапскій паша съ своей стороны усиленно поддерживалъ горцевъ и кавказская линія не имѣла покоя.

Тормасовъ прежде всего открылъ мирные переговоры съ Персіей. Но когда эти переговоры еще продолжались, персіяне внезапно вторглись въ Грузію со стороны Карабага, Эривани и озера Гокчи, а 23 іюня и главныя силы ихъ, подъ личнымъ начальствомъ Фетъ-Али-шаха, уже вошли въ Бомбакскую провинцію. Однакоже трехдневный бой персидской кавалеріи подъ Амамлы, Беканомъ и

Гумри, окончившійся полнымъ ея пораженіемъ и бѣгствомъ за Арпачай, настолько разстроилъ весь планъ персіянъ, что они вернулись назадъ — и кампанія ограничилась только рядомъ небольшихъ набѣговъ, продолжавшихся до глубокой осени.

Лишь въ сентябрѣ большія силы ихъ вновь пошли черезъ Муганскія степи, но на этотъ разъ уже въ Талышинское ханство, считавшееся подъ покровительствомъ Россіи. Къ сожалѣнію, Тормасовъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи, для защиты трехъ обширнѣйшихъ провинцій, Дербентской, Кубанской и Бакинской, только одинъ Севастопольскій полкъ, ничего не могъ отдѣлить на помощь Мамедъ-Миръ-хану,—и Талышинская область превращена была персіянами въ груды развалинъ и пепла.

Надо прибавить, что набѣгамъ персіянъ помогали лезгины и турки, врывавшіеся со стороны Ахалцыха и настолько безпокоившіе границы, что въ Карталинію для прикрытія ихъ вынуждены были вызвать даже часть войска изъ Кахетіи, съ алазанской линіи. Одна изъ такихъ хищническихъ партій, въ 800 человѣкъ, 6 сентября 1809 г. была совершенно истреблена отрядомъ маіора князя Орбеліани, напавшимъ на нее изъ Сурма съ двумя кабардинскими ротами и эскадрономъ нижегородскихъ драгунъ, тогда только что еще прибывшихъ въ Грузію.

Почти одновременно съ отраженіемъ персіянъ отъ Гумри и Бекана, Тормасовъ получилъ извѣстіе о вторичномъ паденіи Анапы, сдавшейся при первомъ появленіи передъ ея верками эскадры капитана Перхунова.

Понимая всю важность стратегическаго значенія этой крѣпости, стоявшей въ тылу враждебныхъ линій горскихъ племенъ. Тормасовъ приказалъ не оставлять ее, какъ это было сдѣлано при Гудовичѣ, а напротивъ укрѣпить съ сухого пути и занять сильнымъ подвижнымъ гарнизономъ. Комендантомъ въ Анапу назначенъ былъ генералъ-маіоръ Бухгольцъ, на которомъ Тормасовъ остановился, какъ на человѣкѣ рѣдкихъ душевныхъ качествъ, притомъ женатомъ на черкесской княжнѣ, еще ребенкомъ вывезенной изъ той же Анапы при взятіи ея Гудовичемъ, — обстоятельство, выгоды котораго не замедлили обнаружиться. Княжна имѣла многочисленную и знатную родню среди черкесовъ, и при ея

вліяніи мало-по-малу установились между русскими и нѣкоторыми горскими племенами дружескія сношенія, которыя и продолжались вплоть до 1812 года, когда Анапа по бухарестскому миру опять возвращена была туркамъ.

Пораженіе персіянъ и покореніе Анапы, обезпечившее линію, дали возможность Тормасову сосредоточить свое вниманіе на дѣлахъ Имеретинскаго царства, откуда въ этотъ моментъ угрожала Грузіи наибольшая опасность.

При Гудовичѣ войсками въ Имеретіи командовалъ генералъ-маіоръ Рыкгофъ, „по своимъ преклоннымъ лѣтамъ мало способный какъ духомъ, такъ и тѣломъ, къ военнымъ дѣйствіямъ". Царь Соломонъ, видѣвшій слабость и „неспособность" Рыкгофа, несмотря на требованія главнокомандующаго, не хотѣлъ жить въ Кутаисѣ, удалился въ горы, волновалъ народъ и изподтишка сносился съ турками, употребляя всѣ средства къ тому, чтобы освободиться изъ-подъ зависимости Россіи. Пользуясь уступками Рыкгофа, онъ наконецъ дошелъ до того, что самъ началъ требовать вывода русскихъ войскъ изъ Кутаиса. По смерти Рыкгофа, въ 1808 году, когда на его мѣсто назначенъ былъ генералъ-маіоръ князь Дмитрій Орбеліани, обстоятельства измѣнились. Царь продолжалъ настаивать на своихъ требованіяхъ; но князь Орбеліани далеко не былъ расположенъ къ уступкамъ и между прочимъ писалъ къ новому главнокомандующему, что „наше положеніе не только въ Имеретіи, но и въ Мингреліи не можетъ быть прочно, пока существуетъ турецкая крѣпость Поти".

Важныя преимущества, сопряженныя съ пріобрѣтеніемъ этой крѣпости, о которомъ думалъ еще Циціановъ, заставили Тормасова употребить всѣ мѣры, чтобы склонить ея владѣльца Кучумъ-бея къ добровольному подчиненію Россіи. Главнокомандующій не жалѣлъ для этого денегъ, — и богатыя сабли, кинжалы, осыпанные драгоцѣнными каменьями, золотыя и серебряныя медали, звонкая монета — все было пущено имъ въ ходъ, чтобы привлечь на свою сторону совѣтниковъ Кучума. Для большей успѣшности переговоровъ самъ князь Орбеліани переѣхалъ изъ Кутаиса въ Редутъ-Кале. Въ то же время тамъ скрытно сосредоточивались войска, чтобы, въ случаѣ прекращенія переговоровъ, взять Поти

открытою силою. Кучумъ-бей, дѣйствительно, и отвѣчалъ отказомъ. Тогда Орбеліани поспѣшно, ночью, выступилъ изъ Редутъ-Кале, на разсвѣтѣ 13-го августа 1809 года взялъ штурмомъ крѣпостной форштадтъ Поти и, заложивъ въ немъ батарею, приступилъ къ осадѣ самой крѣпости.

Осадныя работы, предпринятыя имъ, подвигались однакоже очень медленно. Слабому отряду, состоявшему изъ 12 ротъ пѣхоты и полусотни казаковъ при пяти полевыхъ орудіяхъ, трудно было вести борьбу съ такою значительною крѣпостью, какою была въ то время Поти. Но князь Орбеліани, полагаясь на духъ ввѣренныхъ ему войскъ, писалъ къ главнокомандующему, „что сколько бы ни защищался непріятель, и какъ бы долго ни длилась осада, но крѣпость все-таки будетъ въ нашихъ рукахъ". Онъ только просилъ о скорѣйшей доставкѣ артиллерійскихъ снарядовъ. Снаряды были посланы вмѣстѣ съ значительнымъ подкрѣпленіемъ, но они прибыли уже тогда, когда крѣпость была взята. Сдачу ея ускорило слѣдующее обстоятельство.

30-го октября, на помощь къ осажденной Поти, прибылъ трапезондскій сераксиръ Шерифъ-паша съ девятитысячнымъ войскомъ и расположился укрѣпленнымъ лагеремъ, верстахъ въ 20 отъ крѣпости. Положеніе Орбеліани сдѣлалось затруднительнымъ и даже опаснымъ. Ему оставалось одно изъ двухъ—или снять осаду Поти, или разбить сераксира, прежде чѣмъ онъ усилится мятежными войсками имеретинскаго царя Соломона. Орбеліани выбралъ послѣднее и, заручившись обѣщанною помощью со стороны гурійцевъ, назначилъ день, 2-е ноября, для совмѣстнаго нападенія на турецкій лагерь.

Наканунѣ этого дня дѣйстивительно прибыла гурійская милиція, не многочисленная и не внушавшая къ себѣ по виду особаго довѣрія. Тѣмъ не менѣе ее отправили въ обходъ турецкаго лагеря, и, къ общему удивленію, она завязала съ турками такую упорную битву, что князь Орбеліани, пользуясь этимъ моментомъ, дружнымъ ударомъ въ штыки мгновенно ворвался въ турецкіе окопы. Кровопролитный бой, начавшійся съ утра, окончился только съ наступленіемъ ночи. Непріятель отброшенъ былъ къ морю и такъ торопился сѣсть на суда и скорѣе отплыть отъ берега, что

люди, успѣвшіе захватить въ нихъ мѣсто, рубили руки своимъ товарищамъ, хватавшимся, за бортъ, изъ опасенія, чтобы они не затопили лодокъ. Оставшіеся на берегу пытались было защищаться, но скоро были разсѣяны штыками кабардинцевъ. Побѣдителямъ достался весь лагерь, одно орудіе и болѣе 20 знаменъ; но, къ сожалѣнію, многія изъ послѣднихъ были тутъ же изорваны азіятскою милиціею, еще не понимавшею значенія этихъ важныхъ трофеевъ. День этотъ стоилъ непріятелю свыше двухъ тысячъ убитыми и плѣнными; наша потеря простиралась также до 300 человѣкъ, и большинство ея пало на гурійцевъ и мингрельцевъ.

Блистательная побѣда русскихъ войскъ совершенно уронила духъ турецкаго гарнизона, и 15 ноября крѣпость сдалась на капитуляцію. Кучумъ-бей вмѣстѣ съ гарнизономъ получилъ позволеніе отплыть въ Трапезондъ, а русскія войска, въ виду удаляющихся турокъ, съ распущенными знаменами и музыкой, вступили въ крѣпость, гдѣ ими найдено было 34 орудія.

За взятіе Поти князю Орбеліани пожалована была золотая, украшенная бриллiантами шпага съ надписью „за храбрость". Въ то же время Тормасовъ, снисходя на его просьбу, позволилъ ему возвратиться въ Грузію, а командованіе войсками въ Мингреліи и Имеретіи поручилъ полковнику Симановичу. Теперь, покончивъ съ Поти, Тормасовъ предписалъ Симановичу сосредоточить къ Имеретіи какъ можно болѣе войска и силой захватить мятежнаго царя въ свои руки, стараясь не допустить его до побѣга въ Турцію. Исполненіе этого предпріятія представляло однакоже большія затрудненія. Имеретія представляла собою сплошной дѣвственный лѣсъ, покрывавшій высокую горную цѣпь, изрѣзанную глубокими ущельями, по которымъ рядомъ пѣнистыхъ водопадовъ бѣшено несутся рѣки, притоки Ріона. Деревень или селъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, не было вовсе, и все населеніе страны жило въ отдѣльныхъ хижинахъ, разбросанныхъ такъ далеко одна отъ другой, что оцѣпить ихъ войсками не было бы никакой возможности. Понятно, что царь, при такой обстановкѣ, имѣя притомъ повсюду караулы, могъ почитать себя въ полнѣйшей безопасности. Онъ жилъ въ укрѣпленномъ замкѣ, называемомъ Вардцихе, вмѣстѣ съ четырьмя тысячами своихъ приближенныхъ, и

при первой тревогѣ могъ всегда удалиться въ дремучій лѣсъ, окружавшій замокъ, гдѣ разыскать его было бы весьма затруднительно.

Тѣмъ не менѣе Симановичъ принялся за дѣло съ обычною энергіею. 20 февраля 1810 года, войска были двинуты имъ по разнымъ направленіямъ, и въ тотъ же день во всѣхъ церквахъ Кутаиса прочитанъ манифестъ, объявлявшій народу, что царь Соломонъ, по волѣ императора, навсегда лишается имеретинскаго престола со всѣмъ своимъ потомствомъ. Имеретины отнеслись къ событію совершенно равнодушно. Была масляница, и жители Кутаиса, присягнувъ на вѣрность русскому царю, разошлись по домамъ, чтобы предаться обычнымъ увеселеніямъ, какъ будто въ ихъ отечествѣ не произошло ровно ничего особеннаго. Примѣру кутаисцевъ послѣдовали почти всѣ жители края, и менѣе чѣмъ въ недѣлю большая часть царства уже отложилась отъ Соломона.

Покинутый народомъ, царь потерялся. Окруженный въ Вардцихѣ русскими войсками, подъ личною командою Симановича, и видя предъ собою неизбѣжную гибель, онъ рѣшился бѣжать въ Ахалцыхъ, но недалеко отъ крѣпости Свири былъ захваченъ полковникомъ Лисаневичемъ, преградившимъ ему путь черезъ Зегамское ущелье, и отправленъ въ Тифлисъ.

Съ низложеніемъ Соломона царство перестало существовать, утративъ даже самое названіе свое, и присоединено было къ русскимъ владѣніямъ подъ именемъ Имеретинской области, вошедшей впослѣдствіи въ составъ Кутаисской губерніи.

Съ дороги въ Тифлисъ, во время ночлега въ селеніи Дирби, между Сурамомъ и Гори, Соломонъ задумалъ было бѣжать въ Осетію, — и уже лошади его были осѣдланы, когда узнали, что деревню окружаетъ сильный отрядъ, который сторожитъ всѣ выходы. Отъ попытки на этотъ разъ пришлось отказаться; но позже царь повторилъ ее изъ самаго Тифлиса, и она увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, благодаря оплошности приставленнаго къ нему караула. Это было въ ночь съ 10 на 11 мая. Условившись заранѣе о средствахъ побѣга, онъ приказалъ дать себѣ ужинъ раньше обыкновеннаго и легъ въ постель, жалуясь на нездоровье. Но когда совершенно стемнѣло, онъ, переодѣвшись въ платье слуги, вышелъ на дворъ, и на вопросъ часоваго: куда?—отвѣчалъ,

что идетъ за водою. Темнота ночи позволила ему пробраться за городъ, гдѣ уже стояли засѣдланныя лошади, и въ сопровожденіи свиты, состоявшей изъ 23 человѣкъ, онъ ускакалъ въ Ахалцыхъ. Императоръ Александръ, придавшій весьма важное политическое значеніе бѣгству Соломона, получивъ донесеніе о немъ, былъ такъ недоволенъ оплошностью караула, что приказалъ предать суду тифлисскаго военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта барона Розена. Судъ впрочемъ оправдалъ его, а обвинилъ тифлисскаго полиціймейстера князя Баратова, положительно содѣйствовавшаго побѣгу Соломона.

Въ Имеретіи между тѣмъ уже подготовлено было возстаніе слѣдующимъ обстоятельствомъ. Шерифъ-паша, разбитый у Поти, не рѣшился возвратиться въ Трапезондъ, а предпочелъ двинуться въ свое прежнее владѣніе, Ахалцыхъ, изъ котораго 9 лѣтъ тому назадъ былъ изгнанъ Селимомъ-пашею. Владѣя значительными силами, теперь онъ въ свою очередь выгналъ Селима и занялъ Ахалцыхъ. Возгорѣлась междоусобная война. Шерифъ, опасаясь русскихъ, къ покровительству которыхъ обратился Селимъ, употребилъ всѣ силы и средства, чтобы вызвать возстаніе въ Имеретіи и отвлечь этимъ русскихъ отъ Ахалцыха. Это ему удалось. Едва Соломонъ бѣжалъ изъ Тифлиса, какъ мятежъ быстро охватилъ всю Имеретію, и скоро въ с. Аргустахъ появились уже вооруженныя скопища, требовавшія возвращенія на престолъ царя Соломона. Отправленный противъ нихъ маіоръ Калатузовъ съ двумя ротами Кавказскаго гренадерскаго полка наткнулся въ лѣсу на сильную засаду и былъ убитъ. Но заступившій его мѣсто капитанъ Титовъ бросился въ штыки и, пробившись въ селеніе Аргустъ, разбилъ тамошнія скопища. Со стороны мятежниковъ былъ убитъ при этомъ одинъ изъ главныхъ коноводовъ возстанія, князь Койхосро Абашидзе, что, впрочемъ, не повліяло на ослабленіе мятежа въ народѣ.

Для усиленія малочисленныхъ русскихъ войскъ въ Имеретіи, Тормасовъ спѣшилъ отправить туда два батальона Кабардинскаго полка, подъ командою генералъ-маіора князя Орбеліани. Но на этотъ разъ покоритель Поти не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ и дѣйствія его были до крайности неудачны.

Вступивъ въ Имеретію, онъ, вмѣсто того чтобы дѣйствовать совокупными силами, раздѣлилъ отрядъ на двѣ колонны и направилъ ихъ по двумъ различнымъ дорогамъ. Колонна, при которой находился самъ князь Орбеліани, слѣдовала впередъ безпрепятственно; но другой батальонъ, отправленный подъ командой маіора Тихоцкаго черезъ ущелье Али, находившееся всего въ 12 верстахъ къ СВ. отъ Сурама, встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Очищая себѣ путь штыками, кабардинцы съ боемъ прошли нѣсколько верстъ; но потерявъ лошадей подъ орудіями, имѣя множество раненыхъ, вынуждены были наконецъ остановиться въ тѣсномъ и неудобномъ мѣстѣ ущелья, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли отвѣсныя скалы, покрытыя лѣсомъ. Непріятель безнаказанно поражалъ оттуда солдатъ ружейными выстрѣлами, обратный путь былъ прегражденъ массами мятежниковъ, а впереди стояли завалы, которые Тихоцкій штурмовать не рѣшался. Измученный отрядъ очутился въ блокадѣ и нѣсколько дней стоялъ безъ воды и безъ пищи, потерявъ изъ своихъ 500 человѣкъ 3 офицеровъ и 114 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. На пятыя сутки онъ наконецъ вырученъ былъ отрядомъ, спѣшно направленнымъ къ нему на помощь самимъ главнокомандующимъ.

По соединеніи обоихъ батальоновъ въ селеніи Али, князь Орбеліани не нашелъ уже возможнымъ продолжать движеніе на Кутаисъ и отступилъ къ Сураму. Имеретины торжествовали побѣду. Тормасовъ былъ весьма недоволенъ такимъ оборотомъ дѣла. „Двѣ важныя ошибки я долженъ вамъ замѣтить — писалъ онъ къ князю Орбеліани:—первая и главная—ваше раздѣленіе, а вторая, что, не узнавши въ какомъ положеніи находится Альское ущелье, послали туда маіора Тихоцкаго, зная его слабость и неопытность. Если бы онъ имѣлъ военный духъ, то, увидѣвъ себя окруженнымъ, не останавливался бы безъ воды и корму и не далъ бы бить себя изъ-за кустовъ понапрасно, а ударилъ бы въ штыки и съ цѣлымъ батальономъ грудью проложилъ бы себѣ дорогу съ гораздо меньшею потерею, какъ сдѣлалъ то въ подобномъ случаѣ храбрый капитанъ Титовъ съ двумя только ротами Кавказскаго полка, въ которыхъ уже было потери въ людяхъ до 50 человѣкъ“.

Видя, что князь Орбеліани придаетъ слишкомъ большое зна-

ченіе силѣ и средствамъ мятежниковъ, главнокомандующій отозвалъ его изъ Имеретіи, отправивъ на его мѣсто генералъ-лейтенанта барона Розена.

По прибытіи въ Сурамъ, Розенъ привелъ въ порядокъ разстроенный отрядъ, съ боя овладѣлъ переправой черезъ рѣку Чхерители и, опрокинувъ пятитысячное скопище мятежниковъ, штыками проложилъ себѣ путь къ Кутаису, выручивъ на дорогѣ храбрыхъ защитниковъ замковъ Чхери и Мухури. Нѣсколько одно за другимъ слѣдовавшихъ пораженій убѣдили имеретинъ въ невозможности для нихъ бороться съ Россіей, и мятежъ сталъ утихать. Воззванія и прокламаціи Соломона болѣе не дѣйствовали—къ нимъ охладѣли. Тогда, покинутый вторично народомъ, недовѣряя даже своимъ приближеннымъ, такъ какъ голова его была оцѣнена въ 2,000 червонцевъ, — царь скрылся въ Ханійское ущелье, лежавшее близъ Вардцихе, думая, что въ немъ онъ будетъ сравнительно въ безопасности. Но разсчеты его не оправдались: полковникъ Симановичъ стремительною атакою проникъ въ ущелье и разсѣялъ остатки Соломонова войска, такъ что царь едва успѣлъ бѣжать въ турецкіе предѣлы, сопровождаемый лишь нѣсколькими князьями.

Немногіе приверженцы его, оставшіеся въ краѣ, продолжали еще по мѣстамъ упорную борьбу, но эта борьба была уже безполезна и только длила агонію. Изъ ряда тогдашнихъ происшествій особенною намятью пользуется защита Модинахе, фамильнаго замка князей Церетели. Самъ князь Койхосро Церетели, другъ и сподвижникъ Соломона, бѣжалъ съ нимъ въ Ахалцыхъ и защиту замка приняла на себя жена его, княгиня Екатерина, происходившая изъ древняго рода Абашидзе. Она воодушевила свой маленькій гарнизонъ, приготовила пушки, и когда показался русскій отрядъ, посланный занять Модинахе, приказала открыть орудійный огонь и даже сама стрѣляла изъ пушки. Русскія войска подошли и обложили замокъ.

Это была уже вторая осада, выдержанная замкомъ Модинахе въ теченіе его вѣковаго существованія. Въ народѣ еще живо помнили время, когда, въ началѣ прошлаго вѣка, владѣтель этого замка, Папуна Церетели, былъ вызванъ къ царскому двору и тамъ измѣнически умерщвленъ, а для истребленія всего церетелевскаго рода

и для захвата его имущества пришло сюда царское войско. Тогда вдова Папуны, также урожденная княжна Абашидзе, заперлась въ этомъ же самомъ замкѣ и выдержала продолжительную и упорную осаду, такъ что пораженный царь принужденъ былъ наконецъ оставить свое намѣреніе и даже простилъ воинственную женщину. Самое названіе „Моди-да-нахе“, значащее буквально: „поди да посмотри“, вполнѣ соотвѣтствуетъ неприступному положенію замка, дозволявшаго непріятелю дѣйствительно развѣ только подойдти да посмотрѣть на него.

Вѣковую репутацію поддержала за нимъ и геройская оборона княгини Екатерины Церетели. Но были другія времена, передъ замкомъ стоялъ теперь другой непріятель, и сопротивленіе не могло уже предотвратить неизбѣжнаго паденія. Когда приблизилась минута кроваваго штурма и сотни человѣческихъ жизней обрекались на гибель, духовенство обратилось къ княгинѣ съ своимъ увѣщаніемъ. Княгиня уступила, и крѣпость отворила ворота безъ боя. Русскіе нашли въ ней шесть пушекъ, два фальконета, 30 крѣпостныхъ ружей и два фамильныя знамени изъ красной и зеленой матеріи, съ изображеніемъ на нихъ святаго Георгія Побѣдоносца. Нынѣ историческій замокъ, памятный въ народѣ геройской обороною двухъ женщинъ, стоитъ въ запустѣніи; обветшалыя башни его обвалились, зданія рушились; но стѣны еще цѣлы и по нимъ вьется великолѣпный, столѣтній плющъ.

Возстаніе въ Имеретіи потухло. Семейство Соломона, захваченное послѣ его бѣгства, было отправлено въ Россію, а самъ онъ окончилъ жизнь изгнанникомъ, вдали отъ своей родной Имеретіи. Онъ умеръ въ февралѣ 1815 года, 42 лѣтъ отъ роду, въ Трапезонтѣ, и погребенъ въ оградѣ тамошней православной греческой церкви. Надъ его могилой поставленъ каменный памятникъ съ трогательною грузинскою надписью: „Совлечена съ меня первобытная доброта и красота моя, и лежу нагъ и покрытый стыдомъ въ этомъ гробѣ,—я, происходящій изъ племени Давида, Багратіонъ, сынъ Арчила, всея Имеретіи царь Соломонъ“. Съ другой стороны памятника начертано: „Царь Соломонъ. Суди Господи обидящія мя, побори борющія мя, да постыдятся и посрамятся ищущіе душу мою“.

Памятникомъ вторичнаго похода въ Имеретію для русскихъ

войскъ осталась походная церковная утварь Соломона, подаренная ему императрицею Екатериной и отбитая Кавказскимъ гренадерскимъ полкомъ, при поспѣшномъ бѣгствѣ царя изъ Ханійскаго ущелья. Тормасовъ приказалъ оставить эту утварь въ церкви Кавказскаго полка, въ память особенныхъ трудовъ, понесенныхъ имъ въ двукратныхъ походахъ по Имеретіи; въ этой церкви, въ урочищѣ Бѣлый Ключъ, утварь хранится и понынѣ.

Мятежъ въ Имеретіи былъ только началомъ тревожнаго и смутнаго времени, продолжавшагося не одинъ годъ и наполненнаго то тамъ, то сямъ вспыхивавшими возмущеніями. Едва бунтъ охватилъ Имеретію, и военныя дѣйствія въ ней были еще въ полномъ разгарѣ, какъ возстала Куба, взволновалась Осетія, а персіяне вторглись въ Карабагъ; и борьба съ ними, продолжавшаяся до глубокой осени, потребовала много жертвъ и усилій. Единственнымъ отраднымъ явленіемъ этого времени было присоединеніе къ Россіи Гуріи и Абхазіи.

Пріобрѣтеніе Гуріи совершилось мирнымъ путемъ; князь Мамій Гуріель 19 іюня 1810 года добровольно подписалъ трактатъ о подданствѣ, съ тѣмъ чтобы власть въ странѣ осталась наслѣдственною въ родѣ Гуріелей. Но пріобрѣтеніе Абхазіи стоило Россіи много хлопотъ.

Народъ, живущій въ Абхазіи, знаетъ уже въ древности Страбонъ, но происхожденіе его и понынѣ остается пока вопросомъ. Иные изъ абхазцевъ считаютъ своими родоначальниками армянъ, другіе — выходцевъ изъ стараго Египта, а быть можетъ и изъ Абиссиніи. Подобно Гуріи и другимъ мелкимъ княжествамъ, Абхазія составляла обломокъ древняго грузинскаго царства и со времени своего отдѣленія до начала XIX вѣка находилась подъ постоянною властью турокъ.

Еще въ 1770 году, во время пребыванія въ тѣхъ краяхъ генерала Тотлебена, владѣтельный князь Абхазіи, Леванъ Шервашидзе, просилъ о принятіи абхазскаго народа подъ покровительство Россіи; но переговоры тогда не состоялись, прерванные нападеніемъ буйныхъ абхазцевъ на табунъ лошадей, принадлежавшій русскому отряду, а спустя нѣсколько лѣтъ Леванъ принялъ магометанскую вѣру и получилъ отъ Порты въ вѣчное владѣніе

кр. Сухумъ-Кале. По смерти его Абхазія раздѣлилась на удѣлы между его дѣтьми, но вскорѣ старшій изъ нихъ, Келишъ-бей, одаренный отъ природы умомъ и предпріимчивостью, успѣлъ соединить въ своихъ рукахъ управленіе всѣмъ княжествомъ и сдѣлалъ его грозою сосѣдей. Распространяя свое вліяніе по берегу Чернаго моря, онъ въ 1779 г. принудилъ мингрельскаго Дадіана уступить ему крѣпость Анаклію, а чтобы упрочить ее за собою и вообще держать въ рукахъ Мингрелію, оставилъ заложникомъ у себя малолѣтняго наслѣдника княжества, Левана, котораго и возвратилъ назадъ только вслѣдствіе энергическаго требованія князя Циціанова.

Но скоро и надъ старой головой Келишъ-бея стала собираться гроза. Онъ принялъ къ себѣ опальнаго турецкаго пашу (сына извѣстнаго въ исторіи кавказской линіи Баталъ-бея), и далъ ему не только убѣжище, но и средства бѣжать изъ Сухума въ Россію. Порта, не имѣя возможности непосредственно наказать Келишъ-бея вооружила противъ него собственныхъ его сыновей, обѣщая тому изъ нихъ, кто доставитъ голову отца, обладаніе княжествомъ.

И вотъ, 2 мая 1808 года, возвратившись ночью домой со званнаго вечера, Келишъ-бей, при входѣ въ переднюю, былъ встрѣченъ пистолетнымъ выстрѣломъ и убитъ наповалъ сыномъ своимъ Арасланъ-беемъ. Убійцѣ не удалось однакоже воспользоваться плодами гнуснаго своего злодѣянія, — народъ провозгласилъ правителемъ младшаго брата его, Сеферъ-Али-бея. Имѣя въ странѣ много приверженцевъ, Арасланъ съ своей стороны не хотѣлъ отказаться отъ власти и, захвативъ въ свои руки Сухумъ, главный городъ Абхазіи, распространялъ оттуда волненія и смуты. Соперники отлично понимали шаткость своего положенія, и потому Сеферъ, еще во времена Гудовича, спѣшилъ отдать себя и свой народъ подъ покровительство Россіи, а Арасланъ обратился за помощью къ Турціи и обѣщалъ ей Сухумъ, если султанъ поможетъ ему сдѣлаться владѣтелемъ Абхазіи. Между тѣмъ самостоятельная попытка Сефера овладѣть Сухумомъ открытою силою окончилась такъ неудачно, что самъ онъ вынужденъ былъ бѣжать въ Имеретію. Всѣ эти обстоятельства и послужили поводомъ къ русскому вмѣшательству въ дѣла Абхазіи.

Тормасовъ рѣшился воспользоваться благопріятнымъ случаемъ самому овладѣть Сухумомъ, положеніе котораго на Черномъ морѣ было настолько же важно для Грузіи, какъ и положеніе Поти. По его просьбѣ, 9 іюля 1810 года русская эскадра, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Додта подошла къ Сухуму и со всѣхъ судовъ открыла жестокій огонь по городу. На другой день къ вечеру большая часть крѣпостныхъ амбразуръ была уже разрушена, лафеты подбиты, суда, стоявшія на рейдѣ, затоплены, и самый городъ, объятый пламенемъ, представлялъ собою страшную картину разрушенія. Два дня непріятель оборонялся, но на третій не выдержалъ и бѣжалъ въ кавказскія горы, покинувъ въ крѣпости 8 знаменъ и 62 орудія. Русскія войска тотчасъ заняли городъ, гдѣ послѣ бомбардированія, въ полномъ смыслѣ слова, не оставалось камня на камнѣ.

Спустя нѣсколько дней, Сеферъ-Али прибылъ въ Сухумъ въ сопровожденіи ста человѣкъ русской пѣхоты, и былъ торжественно провозглашенъ владѣтелемъ Абхазіи, подъ именемъ князя Георгія Шервашидзе, получивъ отъ государя высочайшую грамоту, знаки инвеституры и орденъ св. Анны 1-й степени. Послѣ этого событія дѣла Абхазіи приняли на время спокойное теченіе.

Усмиреніе волненій въ Осетіи не представляло русскимъ особенныхъ затрудненій и имѣло нѣкоторое значеніе только въ виду цѣлаго ряда военныхъ дѣйствій, происходившихъ на другихъ пунктахъ, отвлекая къ себѣ нѣкоторую часть силъ въ такое время, когда каждый солдатъ былъ на счету. Душою этого бунта былъ бѣглый царевичъ Леванъ, служившій слѣпымъ орудіемъ персидской политики и ненавидѣвшій русскихъ до такой степени, что когда, незадолго передъ тѣмъ, ему сдѣлано было предложеніе возвратиться къ отцу, царевичу Юлону, жившему въ Петербургѣ, Леванъ отвѣчалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ отецъ, мать и родственники его признали надъ собою власть русскаго императора, онъ отъ нихъ отказался и никогда не будетъ искать ихъ покровительства. „Оставьте Левана его собственной несчастной участи, писалъ по этому поводу Тормасовъ правителю Грузіи: —постарайтесь лишь довести его до такого состоянія, чтобы онъ буйную свою голову или самъ принесъ ко мнѣ съ повинною, или бы вовсе

лишился оной, на что можно сыскать способы и есть у васъ деньги".

Явившись въ Осетію, Леванъ при помощи персидскаго золота собралъ къ себѣ шайку въ 2000 человѣкъ и съ ней напалъ на селеніе Цхинвали, лежащее на самой границѣ Осетіи и Карталиніи. Рота егерей, занимавшая деревню, отбросила мятежниковъ, а когда подоспѣли сюда еще двѣ роты и два орудія съ капитаномъ Вронскимъ, Леванъ былъ разбитъ и скрылся въ осетинскія горы. Тогда полковникъ Сталь, сосредоточивъ небольшой отрядъ, быстро проникъ за нимъ въ самый центръ Осетіи, сжегъ нѣсколько селеній и уничтожилъ всѣ каменныя башни, издавна служившія притономъ для разбойниковъ. Осетины покорились; но Леванъ еще долго скитался по Осетіи, и только въ глубокую осень 1811 года, покинутый рѣшительно всѣми, вынужденъ былъ наконецъ бѣжать въ Ахалцыхъ. На пути наткнулся онъ на разбойничью шайку и былъ убитъ какимъ-то лезгиномъ. Голова царевича, его оружіе и окровавленное платье доставлены были къ ахалцыхскому пашѣ, который и сообщилъ объ этомъ русскому главнокомандующему.

Волненія въ Кубѣ, въ сущности не прекращались съ самаго момента завоеванія этого ханства Булгаковымъ, еще при Гудовичѣ. Изгнанный владѣтель его Шейхъ-Али-ханъ не оставлялъ въ покоѣ страны и тревожилъ ее постоянными набѣгами; но лѣтомъ 1810 года эти набѣги принимаютъ уже размѣры серьезнаго военнаго нашествія. Шейхъ-Али-ханъ собралъ на этотъ разъ огромное скопище, преимущественно изъ жителей горной Табасарани, и вторгнувшись съ нимъ въ Закавказье, обложилъ Кубу.

Въ Кубѣ сосредоточены были въ то время два батальона Севастопольскаго полка, достаточно сильные, чтобы разбить мятежниковъ, но они не рѣшались выступить въ поле и ждали напрасной помощи со стороны татарскихъ хановъ. Полкъ этотъ прибылъ въ Грузію еще при Циціановѣ, изъ крымской инспекціи, и съ самаго начала не заслужилъ особенно лестнаго отзыва со стороны главнокомандующаго, писавшаго государю, „что полкъ никогда свиста пуль не слыхивалъ, ходить не умѣетъ, и солдаты на 15 верстахъ устаютъ и падаютъ". Между тѣмъ военный начальникъ тамошняго края генералъ-лейтенантъ князь Рѣпнинъ, полагая, что въ

Кубѣ гарнизонъ малочисленъ, и что севастопольскіе батальоны дѣйствуютъ въ полѣ, отправилъ изъ Баку маіора Левицкаго съ небольшимъ отрядомъ, поручивъ ему принять въ Кубѣ начальство надъ всѣми войсками. Левицкій въ тотъ же день встрѣтилъ толпы мятежниковъ, но съ боемъ продолжалъ подвигаться впередъ. На рѣчкѣ Гилгинъ онъ ночевалъ, а подъ утро 13 августа увидѣлъ на ближнихъ высотахъ до 2 тысячъ непріятельскихъ войскъ пѣхоты и конницы. Не смущаясь этимъ, отрядъ, по указаніямъ проводниковъ, двинулся вправо, по дорогѣ, огибавшей эти высоты; но здѣсь крутой оврагъ совершенно преградилъ ему путь, а за оврагомъ опять стояло еще до трехъ тысячъ горцевъ конныхъ и пѣшихъ. Видя себя окруженнымъ и имѣя подъ ружьемъ только 120 солдатъ и 40 казаковъ, при одномъ орудіи, Левицкій, не выходившій весь день изъ-подъ огня непріятеля, не счелъ возможнымъ переправляться черезъ ровъ открытою силой, и началъ отступать въ Баку. Это было настоящимъ торжествомъ для мятежниковъ, бросившихся въ преслѣдованіе съ крикомъ: „да здравствуетъ ханъ!“ Возстаніе охватило всю кубинскую провинцію. Тормасовъ былъ изумленъ малодушіемъ начальниковъ, запершихся въ крѣпость съ двумя батальонами, и поспѣшилъ отправить туда съ театра персидской войны, героя Ахалкалакъ, Лисаневича, на боевую опытность котораго вполнѣ полагался.

Лисаневичъ взялъ изъ Карабага двѣ роты егерей и обойдя Кубу стороной, кинулся прямо на главное скопище Шейхъ-Алихана. Мятежники защищались не долго и въ страшномъ безпорядкѣ бѣжали въ табасаранскія горы. Освободивъ Кубу съ запершимися въ ней батальонами, Лисаневичъ на этомъ не остановился. Забравши съ собою часть Севастопольскаго полка, онъ двинулся внутрь Табасарани, взялъ приступомъ селеніе Эрси, гдѣ съ пяти-тысячнымъ скопищемъ защищался самъ Шейхъ-Али-ханъ, и преслѣдовалъ его до снѣговыхъ неприступныхъ горъ. Такъ какъ далѣе идти было невозможно, то Лисаневичъ поворотилъ назадъ, объявивъ, что выдастъ 1,500 червонцевъ тому, кто доставитъ хана живымъ, и 700 червонцевъ, кто принесетъ его голову.

А между тѣмъ, въ самый разгаръ всѣхъ этихъ событій, персидская война шла своимъ чередомъ. Лѣтомъ 1810 года пер-

сіяне вторглись въ Карабагское ханство; но дважды разбитые полковникомъ Котляревскимъ при Мигри и на Араксѣ, вынуждены были отступить, трепеща за участь Тавриза, гдѣ съ минуты на минуту уже ждали появленія грознаго Котляревскаго. Такъ же неудачно окончилась попытка ихъ проникнуть въ Грузію и черезъ бомбакскую дистанцію, гдѣ стоялъ въ то время храбрый Портнягинъ. Убѣдившись въ невозможности сломить наши войска на Араксѣ своими собственными силами, персіяне условились соединиться съ турками и вмѣстѣ ударить на русскія владѣнія со стороны Ахалцыха. Въ августѣ мѣсяцѣ эриванскій сардарь съ десятитысячнымъ войскомъ, при которомъ находился бѣглый грузинскій царевичъ Александръ, большимъ обходомъ позади Карса прошелъ въ Ахалцыхъ и, соединившись тамъ съ турками, двинулся черезъ Ахалкалаки на Грузію.

Получивъ объ этомъ извѣстіе и зная, что соединенныя силы союзниковъ должны простоять нѣсколько дней подъ Ахалкалакскою крѣпостью, Тормасовъ рѣшился предупредить ихъ нападеніе, пославъ небольшой отрядъ прямо черезъ снѣговыя горы, въ обходъ непріятельскаго лагеря. Исполненіе этого отважнаго удара онъ возложилъ на генералъ-квартирмейстера кавказской арміи, маркиза Паулуччи, которому далъ точную, но краткую инструкцію: „приготовить къ походу два егерскіе полка 9 и 15, безъ артиллеріи, дойти въ три перехода до непріятельскаго лагеря, атаковать его ночью, и кончить всю экспедицію не далѣе, какъ въ десять дней". Паулуччи измѣнилъ составъ отряда, взявъ съ собою только два батальона егерей и при нихъ двѣ легкія полевыя пушки, но все остальное предписаніе было исполнено съ буквальною точностію.

Послѣ трехъ-дневнаго тяжкаго марша по снѣжнымъ горамъ, отрядъ въ полночь съ 4 на 5 сентября въ глубокой тишинѣ приблизился къ занимаемой непріятелемъ позиціи. Паулуччи раздѣлилъ отрядъ на двѣ колонны, поручивъ полковнику Лисаневичу атаковать правый флангъ непріятельскаго лагеря, а полковнику Печерскому—лѣвый. Въ глубокой тишинѣ, подъ шумъ разразившейся бури, подвигались колонны и были замѣчены непріятельскими часовыми только тогда, когда находились уже не болѣе какъ въ ста шагахъ отъ самаго лагеря. Часовые первые запла-

тили жизнію, и обѣ колонны, „произведя сильный огонь“, съ крикомъ „ура!“ бросились въ лагерь. Нападеніе было такъ неожиданно, что непріятельскія войска, въ отчаяніи и ужасѣ, не понимая откуда явились вдругъ посреди ихъ русскіе, не успѣли даже схватиться за оружіе. Кровь полилась рѣкою. Ожесточенные солдаты кололи сонныхъ, кололи безоружныхъ, кололи и защищавшихся. Паника быстро распространилась въ рядахъ непріятеля. Многіе кинулись спасаться въ Ахалкалаки, но комендантъ при первой тревогѣ заперъ ворота, и бѣглецы, прижатые къ крѣпостной стѣнѣ, завалили своими трупами глубокій ровъ. Отчаяннѣе другихъ сопротивлялся персидскій караулъ, охранявшій палатки главныхъ начальниковъ, и только благодаря его стойкости, эриванскій сардарь, ахалцыхскій паша и царевичъ Александръ спаслись полуодѣтые, среди неописаннаго смятенія своихъ нестройныхъ полчищъ. Рѣзня и преслѣдованіе въ разныя стороны продолжались болѣе двухъ часовъ, пока, наконецъ, канонада, открытая на разсвѣтѣ изъ крѣпости, не заставила Паулуччи отвести войска изъ подъ выстрѣловъ.

Трофеями этой славной побѣды были богатѣйшій лагерь и четыре знамени, изъ которыхъ одно—сардарское, съ персидскимъ государственнымъ гербомъ, множество оружія, лошадей и драгоцѣнностей. Въ самомъ лагерѣ насчитано было семьсотъ убитыхъ непріятелей; еще большее число ихъ валялось по окрестнымъ полямъ, а оставшіеся въ живыхъ бѣжали обратно, въ Ахалцыхъ и Эривань, въ самомъ безпорядочномъ видѣ безъ знаменъ, оружія и даже безъ одежды. Погромъ ахалкалакскій былъ такъ внушителенъ, что сильная лезгинная партія, собравшаяся было подъ Ахалцыхомъ, тотчасъ поспѣшила убраться домой; но на Алазани, 17 сентября, и она встрѣчена была кабардинскою ротою штабсъ-капитана Юдина и разбита наголову. Къ сожалѣнію, самъ Юдинъ, одинъ изъ лучшихъ боевыхъ офицеровъ Кабардинскаго полка, получилъ въ этомъ дѣлѣ тяжелую рану.

Чтобы какъ нибудь спасти остатки своихъ войскъ и дать имъ возможность пробраться къ Эривани, Аббасъ-Мирза самъ вторгнулся въ Грузію, но въ шамшадыльской провинціи былъ встрѣченъ преданными Россіи конными татарами подъ началь-

ствомъ отважнаго и распорядительнаго ихъ моурава капитана Ладинскаго. Татары эти составляли прекрасную конницу, которая была не по силамъ персіянамъ, и Аббасъ-Мирзѣ пришлось ограничиться только отгономъ скота. Но татары, поддержанные генераломъ Небольсинымъ, преслѣдовали его на протяженіи 18 верстъ, нагнали на засаду, и, изрубивъ болѣе четырехсотъ человѣкъ, отбили назадъ и всю добычу.

Этимъ эпизодомъ и закончилась персидская кампанія 1810 г.

Блистательный успѣхъ малочисленнаго отряда Паулуччи надъ соединенными персидско-турецкими войсками обратилъ на себя особое вниманіе императора Александра. Онъ произвелъ маркиза Паулуччи въ генералъ-лейтенанты, полковника Лисаневича—въ генералъ-маіоры, Печерскому пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 4 степени, а самому Тормасову алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго. Въ то же время государь повелѣлъ объявить объ ахалкалакскомъ дѣлѣ въ особомъ приказѣ по арміи.

„Знаменитая побѣда—сказано въ немъ:—одержанная на границѣ Карталиніи 5 сентября надъ десяти-тысячнымъ корпусомъ персіянъ и турокъ,—едва ли не однимъ россійскимъ воинамъ была возможна. Два батальона 9 и 15 егерскихъ полковъ съ двумя легкими орудіями и частію казаковъ, въ холодную и ненастную погоду идутъ трое сутокъ черезъ снѣговыя горы, которыя даже жители тѣхъ мѣстъ считали непроходимыми, и въ самую полночь приближаются въ такомъ порядкѣ и тишинѣ, что непріятельскіе караулы ихъ открыли только во ста шагахъ отъ своего лагеря. Неожиданное появленіе, залпъ изъ ружей и артиллеріи и быстрое стремленіе въ штыки распространяютъ неодолимый ужасъ между многочисленнымъ непріятелемъ. Храбрые русскіе воины пролетаютъ обширный лагерь отъ одного конца до другого, и устрашенные персіяне и турки безъ оружія и одежды спасаются бѣгствомъ, бросаясь стремглавъ въ глубокій каменистый ровъ. Весьма богатый лагерь достался въ добычу побѣдителямъ; все оружіе, множество лошадей лучшія драгоцѣнности, золото и серебро раздѣлено между нижними чинами; прочее же богатство, состоящее въ экипажахъ и палаткахъ, по невозможности поднять и половины онаго, истреблено.

„Такой необыкновенный подвигъ долженъ послужить примѣромъ потомству въ томъ, что храбрость, труды и усердіе замѣняютъ численность войскъ, побѣждаютъ природу и торжествуютъ надъ многочисленнѣйшимъ непріятелемъ“.

Побѣда подъ Ахалкалаками имѣла еще то весьма важное послѣдствіе, что она перессорила между собою союзниковъ, сваливавшихъ одинъ на другого причины своего пораженія. Сардарь жаловался на малое число войскъ, присланныхъ изъ Ахалцыха, паша упрекалъ сардаря въ оплошности.

Тормасовъ рѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ оборотомъ дѣла и, сосредоточивъ у Цалки значительный отрядъ, двинулся черезъ Боржомское ущелье къ самому Ахалцыху, куда въ то же время направлены были изъ Грузіи и Имеретіи отряды Портнягина и Симановича. 16 ноября 1810 г. войска обложили Ахалцыхъ, а на слѣдующій день съ боя уже заняли мечеть, загородный домъ паши, форштадтъ и наконецъ высоты, командующія надъ крѣпостью. Напрасно турки пытались отчаянною вылазкой сбить русскія колонны съ этой горы, они были отброшены съ огромною потерею; но побѣда не дешево досталась и русскимъ, потерявшимъ 10 офицеровъ и 170 нижнихъ чиновъ, выбывшими изъ строя.

При такихъ условіяхъ Ахалцыхъ, конечно, долго держаться не могъ; но, къ сожалѣнію, на десятый день осады, въ русскомъ лагерѣ обнаружились признаки чумной заразы, занесенной, какъ оказалось, изъ крѣпости. Тормасовъ вѣрно оцѣнилъ послѣдствія, которыми могло сопровождаться дальнѣйшее пребываніе войскъ въ зачумленномъ краѣ. И какъ ни близко и ни возможно казалось ему покореніе Ахалцыха, однакоже, сообразивъ, что разъяренныхъ солдатъ, когда они возьмутъ городъ, ничто не удержитъ отъ соприкосновенія съ жителями и ихъ имуществомъ, онъ рѣшился лучше пожертвовать военною славою и отступилъ отъ крѣпости. На всемъ протяженіи границы тотчасъ устроены были имъ карантины, и эта благоразумная мѣра пресѣкла доступъ болѣзни въ предѣлы Грузіи. Императоръ Александръ пожаловалъ Тормасову орденъ св. Владиміра 1-го класса.

Наступилъ 1811 годъ,—крайне тяжелый для русскихъ войскъ въ Закавказьѣ, гдѣ послѣ неудачной попытки Тормасова овла-

дѣть Ахалцыхомъ опять обнаружилось сильнѣйшее движеніе во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Борьба приближалась неравная. Весь Дагестанъ волновался, угрожая отторгнуть отъ насъ Кубинскую провинцію; въ татарскихъ дистанціяхъ Грузіи шло сильное броженіе умовъ и зрѣли тайные заговоры; эриванскій ханъ держалъ войска наготовѣ; турки собирали значительныя силы въ Карсѣ, а персіяне, обыкновенно начинавшіе дѣйствовать лѣтомъ, на этотъ разъ уже въ февралѣ вторгались въ Карабагъ и хищническія партіи ихъ стали появляться подъ самою Шушею. Затруднительность положенія увеличивалась тѣмъ, что Россія, готовившаяся къ гигантской войнѣ съ Наполеономъ, не только ничего не могла отдѣлить на помощь отдаленному Закавказью, а напротивъ отнимала отъ него часть и тѣхъ незначительныхъ средствъ, которыми оно располагало: Тормасовъ получилъ секретное предписаніе отправить въ Россію три полка съ кавказской линіи и одинъ изъ Грузіи. Но всѣ возникшія тогда затрудненія пришлось разрѣшать уже не Тормасову, а его преемнику маркизу Паулуччи, вступившему въ управленіе краемъ въ сентябрѣ того же года. Тормасовъ же, по настоятельной его просьбѣ, былъ отозванъ съ Кавказа и государь назначилъ его главнокомандующимъ обсерваціонною арміею, формировавшеюся тогда на Волыни.

Дальнѣйшая дѣятельность Тормасова уже не принадлежитъ Кавказу. Въ отечественную войну онъ командовалъ третьею западною арміею, главная квартира которой помѣщалась въ Луцкѣ— и ему принадлежитъ побѣда, 15 іюня 1812 года, при м. Кобринѣ,—первая, одержанная русскими войсками въ эту тяжелую для Россіи годину. Здѣсь уничтоженъ былъ Саксонскій корпусъ и взято съ бою 8 орудій и 4 знамени,—первые трофеи отечественной войны. Съ тѣхъ поръ имя Тормасова сдѣлалось извѣстнымъ цѣлой Россіи, и народный восторгъ, по отношенію къ нему, выразился съ особенною силою въ Москвѣ, гдѣ съ лихорадочнымъ трепетомъ слѣдили за отступленіемъ другихъ русскихъ армій къ Смоленску.

Когда пришло извѣстіе о побѣдѣ, на сценѣ Московскаго театра давали оперу „Старинныя святки“. И вотъ, когда дѣло дошло до подблюдныхъ пѣсенъ, когда началось обычное величаніе:—

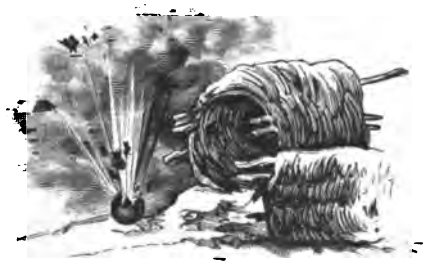
„Слава Богу на небѣ, слава, а Государю на сей землѣ слава“,— знаменитая тогдашняя пѣвица Сандунова неожиданно вышла впередъ и запѣла:

„Слава, слава генералу Тормасову
Поразившему силы вражескія!“...

Театръ дрогнулъ отъ грома рукоплесканій и криковъ „ура!“— И „восторженные возгласы“—говоритъ одинъ современникъ:—„смѣшались съ радостными слезами зрителей“. Эта была дань народнаго чувства русскому народному герою.

Наградою Тормасову за побѣду подъ Кобринымъ былъ орденъ св. Георгія 2 класса и 50 т. р. единовременно, „ибо— какъ писалъ къ нему государь:—мнѣ извѣстно, что состояніе ваше не весьма избыточно“.

Послѣ тарутинскаго сраженія Тормасовъ принялъ въ командованіе 2-ю армію князя Багратіона, и съ нею дошелъ до Люцена. Но здѣсь болѣзнь заставила его навсегда разстаться съ военною дѣятельностью и возвратиться въ Россію. Состоя въ званіи члена Государственнаго Совѣта, онъ былъ пожалованъ орденомъ Андрея Первозваннаго, а послѣ взятія Парижа назначенъ главнокомандующимъ въ древнюю русскую столицу, которую нужно было воздвигать изъ пепла. Въ этой должности Тормасовъ стяжалъ себѣ всеобщую любовь москвичей, былъ возведенъ въ графское достоинство и 13 ноября 1819 года скончался на 67 году отъ рожденія. Прахъ его покоится въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ.



XXXIV.

Чхери и Мухури.

(Эпизодъ изъ имеретинскаго возстанія).

В время имеретинскаго возстанія 1810 года, когда русскимъ войскамъ пришлось вынести неимовѣрныя усилія въ борьбѣ съ природой края и воинственнымъ населеніемъ, особенно выдались два удивительно характеристичные эпизода, связанные съ именами Чхери и Мухури —двухъ укрѣпленныхъ замковъ, какими усѣяна вся Имеретія. Чтобы понять, какое значеніе имѣли подобные замки, какъ могли и въ какомъ положеніи должны были очутиться случайно отрѣзанные въ нихъ русскіе гарнизоны, нужно ясно представить себѣ грандіозную и могучую природу Имеретіи, которая играла во время войнъ огромную роль. Нѣтъ края болѣе удобнаго для партизанской войны, какъ Имеретія. Непроходимыя топи, ручьи, мгновенно обращающіеся въ бурные потоки, суровыя

ущелья, заваленныя скалами, высокія горы и вѣковые лѣса, перевитые ползучими растеніями, на каждомъ шагу представляютъ такія мѣста, которыя легко могутъ превратиться въ обширныя вражескія могилы. Самая бѣдность страны и скудость средствъ ея содѣйствуютъ гибели незванныхъ гостей, особенно такихъ, къ которымъ дышетъ ненавистью населеніе.

У туземцевъ существуетъ на этотъ счетъ много преданій. Говорятъ, напримѣръ, что нѣкогда, въ старые годы, какое-то воинственное племя, извѣстное народу подъ именемъ абашей, спустилось съ горъ и стало на берегу безъимяннаго ручья, выжидая случая приняться за разореніе края. Все населеніе поднялось на защиту, но старшины сдержали пылъ молодежи, и только расположились поближе къ вражьему стану, зная, что солнце скоро растопитъ горные снѣга и природа сама распорядится истребленіемъ пришельцевъ. И вотъ, въ одну ненастную ночь, безъимянный ручей вдругъ превратился въ грозно-ревущій водопадъ и, какъ потокъ разрушительной лавы, хлынулъ изъ береговъ, ниспровергая и уничтожая все встрѣчавшееся ему на пути. Напрасно испуганные абаши искали спасенія въ бѣгствѣ: большинство изъ нихъ, застигнутое разливомъ, погибло въ бушующихъ волнахъ, а остальные были истреблены имеретинцами. Ни одинъ изъ абашей не возвратился на родину, а благодѣтельный ручей, въ память событія, съ тѣхъ поръ такъ и зовется Абашемъ.

При такой топографіи края, Имеретія еще болѣе выигрывала въ оборонительной войнѣ отъ множества старинныхъ монастырей, башенъ и замковъ, обнесенныхъ массивными каменными стѣнами. Всѣ они были построены на неприступныхъ скалахъ и превращали страну въ одну гигантскую крѣпость, осада которой потребовала бы много усилій и крови. Къ счастію, имеретинцы, въ большинствѣ, смотрѣли на русскихъ, какъ на людей, пришедшихъ избавить ихъ отъ вѣкового мусульманскаго гнета, и только этимъ обстоятельствомъ выясняется относительная легкость, съ которою малочисленныя русскія силы выполнили трудную задачу умиротворенія края.

Въ числѣ старыхъ замковъ,—Мухури и Чхери принадлежали къ тѣмъ, постройка которыхъ должна быть отнесена къ глубочай-

шей древности, если судить по характеру ихъ обветшалыхъ, проросшихъ мхомъ и вѣковыми деревьями стѣнъ.

До памятнаго эпизода, о которомъ ведется разсказъ, замокъ Чхери ничѣмъ не отмѣтилъ своего существованія въ исторіи Имеретіи. Но съ именемъ Мухури связываются воспоминанія о несчастной судьбѣ имеретинскаго царевича Константина, незадолго передъ возстаніемъ томившагося въ заключеніи подъ тяжелыми и мрачными сводами одной изъ угловыхъ башенъ этого замка. Это былъ одинъ изъ тѣхъ кровавыхъ эпизодовъ, которыми такъ богата исторія Грузіи и Имеретіи.

Когда Соломонъ Великій, въ 1782 году, скончался бездѣтнымъ, имеретинскіе князья вручили управленіе страною, до совершеннолѣтія законнаго наслѣдника, Соломона II, двоюродному брату покойнаго царя, Давиду, съ присвоеніемъ ему и царскаго титула. Но честолюбивый Давидъ задумалъ навсегда утвердить престолъ за собою и своимъ потомствомъ и, заручившись отъ Турціи обѣщаніями покровительства, выгналъ юнаго законнаго наслѣдника, бѣжавшаго ко двору знаменитаго грузинскаго царя Ираклія. Но власть и надежды Давида были созданы на слишкомъ непрочныхъ основаніяхъ, и какъ только Соломонъ пришелъ въ возрастъ, онъ явился съ грузинскими войсками въ Имеретію и низложилъ Давида. Началась междоусобная война. Давидъ обратился за помощью въ Ахалцыхъ, обѣщая пашѣ, въ случаѣ успѣха, отдать Турціи не только важнѣйшія имеретинскія крѣпости, но и христіанскія церкви для обращенія ихъ въ мечети. Турки четыре раза врывались въ Имеретію, и четыре раза престолъ переходилъ изъ рукъ въ руки. И хотя въ концѣ концовъ онъ остался за Соломономъ, но вся страна лежала въ развалинахъ, и число имеретинъ, уведенныхъ турками въ вѣчный плѣнъ и рабство, простиралось до 17,000.

Когда Давидъ въ послѣдній разъ бѣжалъ въ Ахалцыхъ, въ рукахъ Соломона остались его жена и сынъ, царевичъ Константинъ, выданные ему въ заложники въ моментъ одного изъ тѣхъ временныхъ и непрочныхъ перемирій, когда военное счастіе перешло на сторону законнаго царя, и разбитый Давидъ, передъ лицомъ народа, приносилъ покаяніе и цѣловалъ крестъ, клянясь оставить свои пагубные замыслы.

Опасаясь впослѣдствіи встрѣтить и въ лицѣ Константина новаго соперника и претендента на царскій престолъ, Соломонъ приказалъ заточить его въ Мухурскій замокъ, а мать его, царицу Анну, лишить жизни. Царица успѣла однакоже бѣжать изъ Кутаиса и долго скрывалась въ лѣсахъ и горныхъ трущобахъ. Истощенная, больная, разбитая душою, она рѣшилась наконецъ прибѣгнуть къ русскому покровительству и обратилась къ командиру роты Кавказскаго гренадерскаго полка, стоявшей тогда въ Сурамѣ на самой границѣ Имеретіи. Съ преданнымъ себѣ человѣкомъ она отправила къ нему письмо и умоляла спасти ей жизнь. Ротный командиръ, не смѣя ни на что рѣшиться, обратился по начальству, и началась обычная переписка. Между тѣмъ всякое замедленіе могло погубить царицу, которая каждую минуту могла ожидать, что ее найдутъ и выдадутъ въ руки враговъ. Тогда командиръ полка, генералъ Тучковъ, рѣшился принять все дѣло на личную отвѣтственность и прибылъ въ Сурамъ, гдѣ его ожидалъ преданный царицѣ слуга, указавшій и мѣсто, гдѣ она скрывалась.

„Въ темную ночь—пишетъ Тучковъ въ своихъ запискахъ:—велѣно было мною сдѣлать ложную тревогу, и подъ предлогомъ преслѣдованія лезгинъ, гренадеры бросились въ лѣсъ, при барабанномъ боѣ. Это было условнымъ знакомъ для царицы, и она явилась въ отрядъ, бѣжа къ сторонѣ слышаннаго ею шума“. Тучковъ отправилъ ее въ Сурамъ, пославъ вмѣстѣ съ тѣмъ донесеніе, что „во время случившейся тревоги и преслѣдованія непріятельской партіи, гренадеры его полка встрѣтили въ лѣсу царицу, искавшую спасенія, защитили ее и препроводили на свой постъ“.

Государь вполнѣ одобрилъ поступокъ Тучкова, и царица отправлена была въ Петербургъ; царевичъ Константинъ долго еще томился въ заключеніи и былъ освобожденъ только въ 1804 году по настоятельному требованію императора Александра *).

*) Царевичъ Константинъ умеръ въ 1844 году въ Россіи, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей, нынѣ свѣтлѣйшихъ князей Имеретинскихъ. Не лишнее замѣтить, что другая царственная отрасль Имеретинскаго дома происходитъ уже непосредственно отъ Соломона Великаго. Единственный сынъ его, Александръ, умершій въ молодыхъ лѣтахъ, оставилъ послѣ себя побочнаго сына Георгія, за дѣтьми котораго впослѣдствіи признаны права ихъ рода и титулъ свѣтлѣйшихъ князей Багратіоновъ-Имеретинскихъ.

Когда, въ маѣ 1810 года, началось въ Имеретіи первое возстаніе, и главныя силы мятежниковъ, разбитыя у Вардцихе, положили оружіе, твердыни Чхери и Мухури также обложены были русскими войсками. Мухури взято было полковникомъ Лисаневичемъ, а Чхери сдалась капитану Герману послѣ того, какъ отрядъ маіора Реута наголову разбилъ подъ ея стѣнами имеретинскаго сардаря князя Койхосро Церетели. Чтобы не занимать ихъ гарнизонами,—на что не имѣлось и достаточныхъ средствъ,—первоначально рѣшено было взорвать эти крѣпости порохомъ. Но въ это время въ Имеретіи вспыхнулъ новый мятежъ, и небольшіе русскіе посты, временно занимавшіе замки, очутились отрѣзанными отъ Кутаиса; въ Чхери осталась команда изъ 30 человѣкъ Бѣлевскаго полка, подъ начальствомъ подпоручика Шеншина, а въ Мухури—12 рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ Яковлевымъ.

Мятежники обложили замки весьма значительными силами и цѣлый мѣсяцъ держали ихъ въ строгой блокадѣ. Но ни недостатокъ пищи и воды, ни болѣзни, развившіяся между осажденными вслѣдствіе полнѣйшаго истощенія силъ, ничто не могло поколебать ихъ стойкости и мужества. Они отвергли всѣ предложенія о сдачѣ; и когда мятежники сообщили имъ объ отступленіи русскаго отряда (князя Орбеліани) къ Сураму, осажденные отвѣчали, что поклялись умереть на развалинахъ замковъ, хотя бы ни одного русскаго солдата не осталось болѣе въ Имеретіи.

Между тѣмъ въ Чхери геройская рѣшимость солдатъ подверглась тяжкому испытанію вслѣдствіе совершеннаго недостатка воды, угрожавшаго гарнизону мучительною истомою. Но не къ сдачѣ вынудила осажденныхъ жажда, а къ безстрашной вылазкѣ ничтожной горсти людей противъ тысячъ. Унтеръ-офицеръ Чеботаревъ съ 12-ю рядовыми ночью вышелъ къ источнику, наполнилъ нѣсколько боченковъ и успѣлъ доставить ихъ въ укрѣпленіе, пробившись на возвратномъ пути сквозь окружившаго его непріятеля. Нѣсколько человѣкъ солдатъ въ этой вылазкѣ было ранено,—и число защитниковъ еще уменьшилось.

Тогда два рядовыхъ, Иванъ Терещенко и Андріанъ Никифоровъ, явились къ подпоручику Шеншину съ просьбою позволить имъ пробраться чрезъ непріятеля, чтобы извѣстить ближайшій

русскій отрядъ о гибельномъ положеніи гарнизоновъ Чхери и Мухури. Позволеніе было дано, и черезъ нѣсколько дней смѣльчаки были уже въ Сурамѣ, въ отрядѣ генералъ-лейтенанта барона Розена. 24-го іюля русскія войска, приблизившись къ Чхери, наголову разбили пяти-тысячное скопище мятежниковъ, державшее въ блокадѣ замокъ, а вслѣдъ затѣмъ получено было извѣстіе, что генералъ-маіоръ Симановичъ освободилъ и Мухури.

Императоръ Александръ приказалъ объявить о доблестной защитѣ Чхери и Мухури въ приказахъ по арміи и наградилъ: подпоручика Шеншина слѣдующимъ чиномъ; унтеръ-офицеровъ Яковлева и Чеботарева—знаками отличія Военнаго ордена, выдачею по 100 руб. единовременно и, сверхъ того, жалованьемъ по окладу гвардейскихъ фельдфебелей, съ обращеніемъ его въ пенсіонъ до конца ихъ жизни; рядовыхъ Терещенко и Никифорова — званіемъ унтеръ-офицеровъ, также знаками отличія Военнаго ордена и 50 рублями каждаго. Всѣмъ остальнымъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ защитѣ, выдано по 25 рублей.

Но высшею наградою героямъ служитъ память потомства, которое никогда, пока въ русскихъ людяхъ будетъ жить духъ доблести, не забудетъ изумительной стойкости храбрыхъ защитниковъ Чхери и Мухури.

XXXV.

Маркизъ Паулуччи.

Блистательный сподвижникъ Тормасова и его преемникъ, герой Ахалкалаки, маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паулуччи родился въ Моденѣ, въ 1779 году, и юношей началъ военную службу въ итальянской арміи. Онъ участвовалъ съ нею въ послѣднихъ революціонныхъ войнахъ, подъ начальствомъ генерала Молитора, и дослужился до званія генералъ-адъютанта. Выйдя затѣмъ въ отставку, онъ поступилъ въ 1807 году въ русскую службу полковникомъ, сражался съ турками подъ начальствомъ Михельсона, скоро произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, а 30 іюля 1810 года уже назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ въ кавказскую армію, гдѣ, за особое отличіе подъ Ахалкалаками, въ томъ же году произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

По отъѣздѣ Тормасова кавказскія войска были раздѣлены на двѣ, одна отъ другой совершенно независимыя, части. Паулуччи назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Грузію, а генералъ-лейтенанту Ртищеву подчинены войска, расположенныя на Кавказской линіи.

Новый главнокомандующій былъ человѣкъ замѣчательный по прямотѣ и энергіи. Онъ не терпѣлъ ни въ чемъ окольныхъ путей и отличался вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ характеромъ. До какой степени онъ былъ настойчивъ и твердъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая, рельефно обрисовывающаго, между прочимъ, и самую систему, принятую имъ въ управленіи Грузіею.

Однажды, вскорѣ послѣ вступленія его въ должность главнокомандующаго, супруга изгнаннаго изъ Имеретіи царя Соломона обратилась къ государю съ просьбой дозволить ей попытаться склонить мужа къ возвращенію въ Россію, для чего и послать въ Турцію одного изъ приближенныхъ къ ней дворянъ. Государь согласился, и Паулуччи получилъ объ этомъ извѣстіе офиціальнымъ порядкомъ. Но онъ имѣлъ мужество остановить распоряженіе государя, и самое письмо царицы къ Соломону отправилъ назадъ не распечатаннымъ.

„Метода, писалъ онъ при этомъ министру иностранныхъ дѣлъ:—принятая здѣсь, чтобы съ напряженіемъ стараться о вывозѣ изъ Персіи царевича Александра, человѣка собственно по себѣ ничего не значащаго, не только не доставила никакого успѣха, но обратилась, напротивъ, во вредъ намъ самимъ. Посылка къ нему людей, обѣщаніе ему различныхъ выгодъ увѣрили его только въ томъ, что онъ для Россіи весьма важенъ, а это умножало его партію въ Грузіи и привлекло уваженіе со стороны дворовъ персидскаго и константинопольскаго. Точно таковой же системы держались сперва по отношенію къ имеретинскому царю Соломону и царевичу Левану, что придало первому такую силу и важность, какихъ бы онъ безъ этого никогда не имѣлъ, а по отношенію ко второму было причиною той легкости, съ какою царевичъ Леванъ, впослѣдствіи убитый лезгинами, распространилъ пламя мятежа между горскими народами. Итакъ, убѣдясь въ необходимости принять здѣсь иную систему, чѣмъ та, которая существовала доселѣ, и притомъ такую, которая была бы болѣе сообразна съ достоинствомъ Россіи, я съ самаго начала моего пріѣзда въ Имеретію старался увѣрить не только грузинъ, но и самихъ непріятелей, что для храбрости русскихъ войскъ ни имеретинскій царь, ни грузинскіе царевичи отнюдь не опасны, и что для мо-

гущественной Россіи все равно, гдѣ бы они ни находились, и она никогда не обнаружитъ никакого интереса имѣть ихъ въ своей власти".

Паулуччи былъ необыкновенно дѣятеленъ. Съ ранняго утра до полудня онъ принималъ всѣхъ, кто имѣлъ въ немъ нужду, и тутъ же клалъ резолюціи, которыя должны были быть выполнены не позже слѣдующаго утра.

Обладая въ высшей степени благороднымъ характеромъ, онъ много заботился о томъ, чтобы научить людей уважать заслуги другихъ, и первымъ распоряженіемъ его было перенести тѣло доблестнаго князя Циціанова изъ отдаленной Бакинской провинціи въ Тифлисъ, въ каѳедральный соборъ, гдѣ прахъ героя долженъ былъ служить какъ бы священнымъ залогомъ дальнѣйшаго благоденствія Грузіи. Онъ откровенно выговаривалъ грузинскимъ князьямъ за небреженіе къ памяти послѣднихъ царей ихъ Ираклія и Георгія, гробницы которыхъ, стоявшія въ вѣковой усыпальницѣ грузинскихъ царей въ Мцхетскомъ соборѣ, оставались въ совершенномъ забвеніи и забросѣ. Паулуччи приказалъ соорудить надъ ними достойные памятники.

Посѣтивъ какъ-то Елизаветполь, онъ нашелъ тамъ содержавшимся въ крѣпости подъ карауломъ семейство послѣдняго ганжинскаго хана, погибшаго геройскою смертію при взятіи города, и тотчасъ же освободилъ его. „Имѣя правиломъ — писалъ онъ по этому случаю къ наслѣдному персидскому принцу:—чтить память людей, служившихъ своему отечеству усердно, я отдаю всю справедливость и покойному Джаватъ-хану, который, защищая крѣпость, палъ мертвымъ на батареѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ доказательство этого чувства, я далъ семейству его полную свободу возвратиться въ Персію и взять съ собою тѣла покойнаго хана и сына его Гуссейнъ-Кули-Аги".

Исполняя, до назначенія его главнокомандующимъ въ Грузіи, обязанности генералъ-квартирмейстера и дежурнаго генерала кавказскаго корпуса, командуя различными отрядами и перенося всѣ лишенія походной жизни наравнѣ съ солдатами, маркизъ Паулуччи имѣлъ возможность близко познакомиться съ бытомъ и съ характеромъ кавказскихъ офицеровъ. Его приказы даютъ понятіе не

объ образѣ мыслей только самого главнокомандующаго, который изъ личнаго опыта вынесъ глубокое уваженіе къ доблестнымъ подвигамъ кавказскихъ героевъ, но и служатъ прекрасною характеристикою тогдашняго кавказскаго военнаго общества.

„Военнослужащіе должны вѣдать—писалъ онъ, сдѣлавшись главнокомандующимъ:—что лучше умереть со славою, чѣмъ жить въ безславіи, и для того, хотя бы то стоило жизни, никто не долженъ шагу уступать непріятелю, не смотря ни на какое его превосходство".

„Я предваряю — прибавлялъ Паулуччи:—что кто изъ офицеровъ дастъ надъ собою верхъ непріятелю, тотъ преданъ будетъ военному суду и съ безчестіемъ выгнанъ изъ службы, ибо, кто держитъ въ мысляхъ, что онъ русскій и что его одолѣть нельзя, тотъ самъ всегда побѣдитъ непріятеля".

Высказавъ съ обычнымъ прямодушіемъ то, чего онъ требовалъ отъ офицеровъ въ военномъ дѣлѣ, главнокомандующій въ то же время преисполненъ былъ даже преувеличенныхъ заботъ о ихъ нравственномъ развитіи и, не стѣсняясь называть пороки собственнымъ именемъ, отнесся съ пуританскою строгостью къ нѣкоторой распущенности, господствовавшей въ тогдашнихъ нравахъ.

„Къ крайнему моему сожалѣнію—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ: — я долженъ замѣтить, что многіе изъ офицеровъ занимаются неумѣреннымъ употребленіемъ горячихъ напитковъ и даже азартными играми. Отъ перваго они теряютъ все уваженіе въ глазахъ своихъ подчиненныхъ, а отъ второго лишаются времени, нужнаго для занятій по службѣ, часто вовлекаемы бываютъ въ разореніе, а что еще хуже, подвергаютъ себя лишенію чести". И онъ обѣщаетъ употреблять противъ виновныхъ всю строгость, которую ему внушало личное отвращеніе его къ игрѣ и къ неумѣренному употребленію крѣпкихъ напитковъ.

Другимъ подобнымъ же приказомъ онъ воспрещалъ всѣмъ офицерамъ имѣть на содержаніи женщинъ. „Ибо — говоритъ Паулуччи:—сіе противно нашей христіанской религіи; а кто отступаетъ отъ правилъ ея, тотъ не можетъ вѣрно и усердно служить государю и отечеству, и въ сраженіи не можетъ быть храбрымъ, ибо имѣетъ нечистую совѣсть".

Но требуя отъ войскъ полнѣйшаго самопожертвованія тамъ, гдѣ это было нужно, онъ въ то же время берегъ людей и старался облегчить солдатскую службу, почти уничтоживъ практиковавшіяся до него, утомительныя и безцѣльныя погони за каждою мелкою хищническою шайкой, которыя были въ краѣ явленіемъ постояннымъ и обычнымъ. На просьбу одного изъ грузинскихъ князей поставить войска для защиты его пограничнаго имѣнія, Паулуччи отвѣчалъ, „что прежде, при грузинскихъ царяхъ, жители сами защищали свои деревни, а ежели они теперь сдѣлались трусами, то за трусовъ не стоитъ утруждать войска, защищающія границы всей Грузіи отъ непріятеля, а не отъ хищниковъ".

Паулуччи вступилъ въ управленіе Грузіей 22 сентября 1811 г., среди самаго разгара военныхъ дѣйствій противъ персіянъ въ Карабагѣ и противъ турокъ со стороны Карса.

Въ Карабагѣ расположены были въ то время два полка: Троицкій и 17 егерскій. Но оба они были изнурены и ослаблены губительными мѣстными лихорадками, такъ что не въ состояніи были положить предѣлъ персидскимъ набѣгамъ, тѣмъ болѣе, что въ составѣ этихъ войскъ не было вовсе кавалеріи, а непріятель дѣйствовалъ не иначе, какъ конными шайками.

Персіяне отлично знали состояніе нашихъ полковъ и, мстя за Мигри, сдѣлали Карабагъ ареною мелкихъ, но постоянныхъ вторженій. Цѣлью своихъ нападеній они выбрали преимущественно посты, разбросанные по границѣ. Нельзя однако сказать, чтобы эти вторженія, разсчитанныя на вѣрнѣйшій успѣхъ, послужили къ чести персидскаго оружія. Напротивъ, они дали только новые случаи обнаружиться тому геройскому духу кавказскаго солдата, который глубоко внѣдрился въ тогдашнихъ полкахъ и потомъ преемственно дошелъ до нашего времени, такъ какъ на Кавказѣ память о минувшихъ подвигахъ никогда не исчезала вмѣстѣ съ ихъ очевидцами, а воплощалась въ преданія, переходила въ пѣсни и создавала тотъ типичный характеръ полковъ, вовсе не существующій въ другихъ войскахъ русской арміи, который составляетъ великую, ничѣмъ не сокрушимую духовную силу.

Вотъ нѣсколько такихъ случаевъ. 7 февраля на зарѣ, батальонъ сарбазовъ, поддержанный сильною конницей, съ барабаннымъ

боемъ вдругъ ринулся на Шехаузскій постъ, состоявшій всего изъ 25 егерей и 27 казаковъ, подъ командою подпоручика Граховскаго. Непріятель, окруживъ домъ, гдѣ помѣщались егеря, сталъ бросать вовнутрь его ручныя гранаты, а выбѣгавшихъ солдатъ рубилъ по одиночкѣ. Казаки, не имѣя возможности соединиться съ егерями, засѣли въ каменную церковь и здѣсь держались до прибытія къ нимъ подкрѣпленія. Съ ними былъ и Граховскій, не успѣвшій добраться до своихъ егерей.

Граховскаго потомъ судили именно за то, что онъ защищался не вмѣстѣ съ своею командою. Судъ принялъ во вниманіе его геройскую оборону въ церкви, но все-таки конфирмовалъ обойти чиномъ. Примѣръ, какъ строго относились въ тѣ времена въ кавказскихъ войскахъ ко всякой, самой легкой тѣни на честь и славу русскаго имени, какой безукоризненности, если такъ можно выразиться, требовали тогда и въ самомъ геройствѣ.

Отбитая отъ Шехауза, персидская конница разсыпалась по Карабагу и бросилась вымещать свою неудачу на беззащитныхъ жителяхъ. Двѣ шайки ея, встрѣченныя карабагскимъ ханомъ, были однакоже истреблены, а остальныя ушли за Араксъ, уведя съ собою нѣсколько деревень со всѣмъ скотомъ и имуществомъ.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся случаевъ этого времени осталась донынѣ памятная оборона одного казачьяго поста изъ четырехъ человѣкъ противу нѣсколькихъ сотенъ конныхъ персіянъ. Замѣтя, что непріятель шелъ прямо на постъ, донскіе казаки: Чукаринъ, Ушаковъ и Териковъ, вмѣстѣ съ однимъ карабагскимъ татариномъ, засѣли въ землянку и не только выдержали блокаду, но отразили штурмъ спѣшенныхъ кавалеристовъ и захватили у нихъ два оружія, которыя, какъ трофеи, были представлены ими по начальству. Государь пожаловалъ всѣмъ тремъ казакамъ знаки отличія Военнаго ордена, а татарину серебряную медаль „за храбрость“.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ подвигъ рядового 17 егерскаго полка Орѣхова, застигнутаго въ дорогѣ вмѣстѣ съ двумя казаками и 12 милиціонерами конною персидскою сотнею. Шесть струсившихъ татаръ обратились въ бѣгство и были изрублены; но остальные милиціонеры и казаки, подъ начальствомъ Орѣхова,

сами кинулись въ шашки и благополучно прорвались въ Шушу. Орѣховъ былъ награжденъ званіемъ унтеръ-офицера, знакомъ отличія Военнаго ордена и десятью червонцами.

Въ августѣ нападенія персіянъ становятся серьезнѣе, служа какъ бы предвѣстіемъ большихъ военныхъ дѣйствій. 14 числа, въ дер. Горюсахъ, рота егерей подъ командою штабсъ-капитана Сурова должна была выдержать отчаянный бой уже съ двумя батальонами регулярнаго персидскаго войска, сарбазовъ, и тремя тысячами конницы. Молодой офицеръ Рубановъ, стоявшій на пикетѣ, первый принялъ на себя ударъ непріятеля и доблестно сберегъ честь русскаго оружія, не уступивъ ни шагу, пока не подоспѣла остальная рота. Персіяне штурмовали деревню до трехъ часовъ пополудни; но встрѣтя упорную защиту и понеся большія потери, вынуждены были отступить, оставивъ на мѣстѣ сраженія до 50 тѣлъ. За это дѣло штабсъ-капитанъ Суровъ и прапорщикъ Рубановъ произведены въ слѣдующіе чины.

Въ исходѣ августа массы персидскихъ войскъ обложили неприступную Мигри, въ то время какъ почти весь мигринскій гарнизонъ лежалъ въ лихорадкѣ, и крѣпость обратилась въ огромный лазаретъ, гдѣ умирало по нѣсколько человѣкъ ежедневно. Въ теченіи совсѣмъ короткаго времени, 17 егерскій полкъ перемѣнилъ трехъ шефовъ: полковниковъ Асѣева, Снаксарева и Живковича; число больныхъ солдатъ возросло до шестисотъ человѣкъ; такъ что подъ ружьемъ изъ двухъ батальоновъ не осталось и двухсотъ егерей. «Но эти егеря, какъ говоритъ историкъ Эриванскаго полка—были тѣ желѣзные люди, закаленные въ походахъ Карягина и Котляревскаго, которые привыкли побѣждать съ малымъ числомъ сильныхъ противниковъ...—и трудная эпоха была пережита ими со славою».

Первое нападеніе персіянъ было на пикеты, окружавшіе Мигри. Маіоръ Дьячковъ, командовавшій крѣпостью послѣ отъѣзда Котляревскаго, выдвинулъ на помощь пикетамъ резервъ и съ упорнымъ мужествомъ выдерживалъ неравную битву. Раненый, онъ все-таки не оставилъ командованія, пока наконецъ непріятель не былъ обращенъ въ совершенное бѣгство.

Тогда персіяне обратились къ иному способу дѣйствій. Вы-

бравъ темную, ненастную ночь, они переправились черезъ Араксъ и заняли мигринскіе сады такъ скрытно, что въ крѣпости узнали объ этомъ только подъ утро, когда штабсъ-капитанъ Баратовъ съ сорока егерями пошелъ занимать обычный дневной постъ на Араксѣ. Подходя къ садамъ, онъ первый замѣтилъ засаду и, остановившись, послалъ извѣстить объ этомъ въ крѣпости. Никто не предполагалъ, что персіяне засѣли здѣсь въ значительныхъ силахъ, а потому изъ Мигри отправили тотчасъ двѣ небольшія команды, чтобы отрѣзать непріятелю отступленіе. Вправо пошелъ капитанъ Чернявскій, влѣво—прапорщикъ Вербицкій. Но едва началась перестрѣлка, какъ персіяне вдругъ двинулись изъ садовъ густыми колоннами и съ крикомъ бросились на русскихъ. Изнемогая подъ натискомъ громадной толпы, солдаты стали подаваться назадъ, отбиваясь штыками и прикладами. Скоро капитанъ Чернявскій былъ раненъ, а изъ 130 его егерей сорокъ были убиты или захвачены въ плѣнъ. Непріятель, заранѣе торжествуя побѣду, шелъ прямо на крѣпость; но тамъ уже били тревогу. Маіоръ Терешкевичъ наскоро собралъ изъ лазаретовъ 105 полубольныхъ солдатъ и, кинувшись съ ними въ штыки, остановилъ стремительный напоръ персіянъ. Между тѣмъ отступившіе егеря оправились, и послѣ трехъ-часового боя персіяне бѣжали преслѣдуемые вплоть до Аракса.

Главнокомандующій маркизъ Паулуччи объявилъ тѣмъ не менѣе выговоръ Чернявскому и Баратову за ихъ отступленіе. Онъ находилъ, что при тогдашнемъ положеніи кавказскаго корпуса только одна отчаянная храбрость могла спасти наше господство въ Закавказскомъ краѣ, и въ этихъ видахъ благодарилъ особенно Дьячкова и Терешкевича, которые впослѣдствіи еще болѣе оправдали лестное объ нихъ мнѣніе главнокомандующаго *). Нельзя не сказать однакоже, что въ общемъ результатѣ дѣйствія Баратова и Чернявскаго оказались, несмотря на суровый отзывъ о нихъ маркиза Паулуччи, весьма хорошо обдуманными. Подавляемые чи-

*) Дьячковъ и Терешкевичъ черезъ годъ заслужили оба Георгіевскіе кресты; Дьячковъ за Асландузъ, Терешкевичъ за Ленкорань; но къ сожалѣнію послѣдній получилъ на штурмѣ смертельную рану и умеръ на возвратномъ пути изъ Талышинскаго ханства.

сломъ непріятеля, они отступали безъ страха, въ порядкѣ, и затѣмъ, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, сами перешли въ наступленіе и гнали персіянъ до Аракса. Если бы они отступили вслѣдствіе робости, то 105 полубольныхъ солдатъ Терешкевича едва ли могли бы возстановить ихъ нравственныя силы.

Нужно сказать, что въ то самое время, когда Аббасъ-Мирза истощался въ безплодныхъ усиліяхъ противъ Мигри, въ Карсѣ сосредоточился сильный турецкій корпусъ, подъ начальствомъ эрзерумскаго сераскира, ожидавшаго только прибытія союзныхъ войскъ изъ Эривани и Трапезонда, чтобы открыть наступательныя дѣйствія противъ Гумри. Въ исходѣ августа мѣсяца, эриванскій сардарь Хуссейнъ-Кули-ханъ дѣйствительно соединился съ ними у Мазагберта. Но тутъ неожиданно для всѣхъ случилось такое обстоятельство, которое разомъ разстроило всѣ планы союзниковъ.

30-го августа персидскій и турецкій военачальники съѣхались привѣтствовать другъ друга, и когда свита ихъ по обычаю начала джигитовку, одинъ изъ куртиновъ, несясь посреди поднявшейся пыли мимо сераскира, вдругъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и нанесъ ему смертельную рану въ голову. Впослѣдствіи оказалось, что этотъ куртинъ былъ подкупленъ мазагбертскимъ владѣльцемъ, съ давняго времени питавшимъ затаенную вражду къ Турціи. Послѣдствія этой измѣны не замедлили обнаружиться. Едва полумертваго сераскира отправили въ Карсъ, какъ за нимъ потянулось все турецкое войско; лишившись своего начальника, оно уже не считало себя болѣе связаннымъ никакою клятвою и разошлось по домамъ. Эриванскій сардарь также поспѣшилъ отступить къ Эривани, а вслѣдъ за тѣмъ ушелъ въ Батумъ и трапезондскій паша, слѣдуя пословицѣ: „одинъ въ полѣ не воинъ“.

Полнѣйшее разстройство союза дало маркизу Паулуччи мысль самому вторгнуться въ Турцію и попытаться завладѣть сильною Ахалкалакскою крѣпостью.

Не располагая большими силами, но въ то же время зная, какъ много зависитъ успѣхъ отъ нравственой и умственной силы предводителя, онъ поручилъ повести все это дѣло извѣстному въ краѣ своими боевыми отличіями командиру Грузинскаго гренадерскаго полка, полковнику Котляревскому, и грозная крѣпость, еще

недавно видѣвшая подъ своими стѣнами пораженіе цѣлой арміи Гудовича, пала передъ двумя штурмующими батальонами: Главнокомандующій такъ высоко оцѣнилъ эту побѣду, что ходатайствовалъ объ учрежденіи въ память ея особой серебряной медали; государь замѣнилъ ее георгіевскими знаменами Грузинскому полку съ надписью: «за отличную храбрость, оказанную при штурмѣ турецкой крѣпости Ахалкалаки съ 7-го на 8-е декабря 1811 года».

Маркизу Паулуччи пожалованъ былъ орденъ св. Владиміра 2-го класса.

Покореніе Ахалкалакской крѣпости, совершенно прикрывшее границы Грузіи со стороны Ахалцыха, дало возможность маркизу Паулуччи сосредоточить вниманіе исключительно на усложнявшихся дѣлахъ въ Дагестанѣ и на границахъ Персіи.

Еще при Тормасовѣ было извѣстно, что Шейхъ-Али-ханъ, вмѣстѣ съ Сурхаемъ казикумыкскимъ, снова дѣлаютъ большіе сборы въ горахъ, чтобы вторгнуться въ Кубинскую область. Въ Кубѣ въ то время стоялъ Севастопольскій полкъ, подъ командою генералъ-маіора Гурьева. Узнавъ о сборѣ мятежниковъ, Гурьевъ самъ двинулся къ нимъ навстрѣчу; но занявъ позицію на р. Самурѣ, онъ простоялъ нѣсколько мѣсяцевъ въ совершенномъ бездѣйствіи, требуя, чтобы полковникъ Адріано выслалъ противъ бунтовщиковъ еще часть дербентскаго гарнизона. Адріано, не считая возможнымъ ослаблять гарнизонъ крѣпости, не рѣшался исполнить этого требованія, а Гурьевъ безъ его содѣйствія не хотѣлъ выступать изъ лагеря, который, какъ иронически замѣчаетъ Тормасовъ: «по принятому въ Севастопольскомъ полку обычаю вѣроятно окопанъ». Пока шла переписка, Сурхай и Шейхъ-Али вошли въ Табасарань и разорили ее на глазахъ гурьевскаго отряда.

Тормасовъ, уже сдававшій въ то время должность, тѣмъ не менѣе написалъ Гурьеву, что „лучшимъ оправданіемъ для него можетъ быть только скорое очищеніе Табасаранской области отъ бунтовщиковъ“, напоминая, что „Севастопольскій полкъ и въ прошломъ году, запершись въ стѣнахъ Кубинской крѣпости, не имѣлъ геройскаго духа противостать толпѣ бунтовщиковъ, и былъ уже причиною разоренія цѣлой Кубинской провинціи“.

Рѣзкое замѣчаніе Тормасова и вышедшіе въ то время приказы

Паулуччи, выражавшіе характеръ требованій главнокомандующаго, побудили Гурьева перейдти, наконецъ, къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Утромъ, 6-го ноября, онъ прибылъ къ Аджіахуру и здѣсь увидѣлъ, что всѣ окрестныя горы усѣяны лезгинами. Несмотря на это, Гурьевъ рѣшилъ немедленно атаковать непріятеля, и бой, начатый въ лѣсистыхъ ущельяхъ, скоро перешелъ въ кровавую рѣзню, длившуюся шесть часовъ къ ряду и кончившуюся тѣмъ, что Севастопольскій полкъ вынужденъ былъ отступить съ большою потерею. Неудача такъ повліяла на Гурьева, что онъ въ теченіе почти двухъ недѣль не трогался съ мѣста, считая свое положеніе безвыходнымъ. Между тѣмъ лезгины обложили Кубу. Къ счастію, въ это время на помощь Гурьеву прибылъ изъ Ширвани новый шефъ Троицкаго пѣхотнаго полка, генералъ-маіоръ Хатунцевъ, съ казачьимъ полкомъ и батальономъ Херсонскаго полка.

Хатунцевъ не имѣлъ до сихъ поръ особаго случая заявить себя въ военномъ отношеніи; но на Кавказѣ онъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ неподкупной честности, съ серьезнымъ и рѣшительнымъ характеромъ *). Прибывъ въ Кубинское ханство, онъ произвелъ секретное дознаніе о дѣйствіяхъ Гурьева и оправдалъ его въ глазахъ Паулуччи. „Гурьевъ, писалъ онъ къ главнокомандующему:—несчастливъ только тѣмъ, что не имѣетъ вовсе надежныхъ помощниковъ. Стоя въ Кубѣ, я замѣтилъ, что корпусъ офицеровъ Севастопольскаго полка совершенно разстроенъ и склоненъ къ интригамъ“. Особенно Хатунцевъ указываетъ на двухъ братьевъ, капитановъ Логвиненковыхъ, изъ которыхъ „одинъ бѣжалъ во время сраженія“, покинувъ оружіе, а другой до того растерялся, что, уже по окончаніи боя, схватилъ полковыя зна-

*) Посланный къ ширванскому хану съ какимъ-то порученіемъ, Николай Михайловичъ Хатунцевъ получилъ отъ него въ подарокъ огромное количество необмолоченнаго сарачинскаго пшена, на сумму болѣе 10 тысячъ рублей серебромъ, и только не желая отказомъ обидѣть хана, принялъ этотъ подарокъ, но отдалъ его безвозмездно въ пользу казны. Императоръ Александръ отличилъ такое безкорыстіе Хатунцева особымъ всемилостивѣйшимъ рескриптомъ къ нему. Хатунцевъ началъ службу въ 1779 году въ гвардіи, и тамъ продолжалъ ее до 1799 г. Съ производствомъ въ генералъ-маіоры онъ назначенъ былъ сперва шефомъ Ревельскаго, а съ 27 февраля 1811 года шефомъ Троицкаго полка, стоявшаго въ то время на Кавказѣ.

мена и отрубилъ у нихъ подтоки, не отдавая себѣ отчета, что онъ дѣлаетъ *).

Въ Кубѣ Хатунцевъ, присоединивъ къ своему батальону еще батальонъ егерей, смѣло бросился въ главное скопище горцевъ и, послѣ четырехъ-часового кровопролитнаго боя у дер. Рустовой, разбилъ его наголову. Побѣда была такъ рѣшительна, что непріятель, оставивъ въ рукахъ побѣдителей 30 знаменъ и до тысячи тѣлъ, разсыпался въ разныя стороны; самъ Шейхъ-Али бѣжалъ въ Казикумыкъ и скрылся у Сурхая-хана.

Хатунцевъ рѣшился настойчиво преслѣдовать горцевъ и не прекращать военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока не покоритъ Сурхая и не заставитъ его подписать трактатъ на подданство Россіи. 2 декабря войска его подошли къ рѣкѣ Самуру, и русскій генералъ отправилъ казикумыкскому владѣльцу требованіе выдачи Шейхъ-Али-хана. Сурхай отвѣчалъ уклончиво. Тогда Хатунцевъ повторилъ требованіе болѣе энергическимъ тономъ. Сурхай прислалъ сказать, что выдастъ Шейхъ-Али въ томъ только случаѣ, если ему будетъ выданъ кровный его врагъ Асланъ-Бекъ, бѣжавшій изъ Казикумыка въ русскіе предѣлы. Сурхай отлично понималъ, что русскіе никогда не согласятся на подобный обмѣнъ и смѣло предъявлялъ подобное требованіе. Хатунцевъ видѣлъ ясно, что Сурхай желаетъ только выиграть время, а потому, присоединивъ къ себѣ еще батальонъ Севастопольскаго полка, вошелъ въ Казикумыкъ и принялся истреблять аулы, посѣвы, стада и всѣ угодья горцевъ. Страшное разореніе страны вынудило казикумыкскаго хана войдти въ новые переговоры. Онъ просилъ остановить военныя дѣйствія, обѣщая исполнить всѣ предъявленныя ему требованія. Хатунцевъ далъ хану два часа срока, но когда къ назначенному времени отвѣтъ не былъ доставленъ, онъ двинулся на Кюри, главное селеніе въ области того же имени.

Кюринская крѣпость, окруженная высокими стѣнами и рвомъ, стояла въ ущельи на самой границѣ Казикумыкской провинціи

*) Позднѣе, уже въ командованіе Ртищева, изъ Севастопольскаго полка бѣжало къ персіанамъ разомъ 17 нижнихъ чиновъ съ ружьями и боевою аммуниціею.

Доступъ къ ней съ открытой стороны преграждали 19 башенъ, вооруженныхъ артиллеріей, а окрестныя горы покрыты были лезгинами. Сурхай и Шейхъ-Али-ханъ засѣли въ крѣпость съ твердою рѣшимостью защищаться на смерть.

Такъ какъ блокировать Кюри по условіямъ мѣстности было невозможно, то Хатунцевъ 14 декабря сбилъ непріятеля съ высотъ, а вслѣдъ за тѣмъ главная башня защищавшая входъ въ крѣпостныя ворота, взята была штурмомъ. Истребленіе ея защитниковъ на глазахъ всего гарнизона, громъ русскихъ пушекъ, крики „ура!“ и видъ батальоновъ, грозно остановившихся подъ самыми стѣнами крѣпости, привели приверженцевъ Сурхая въ такое замѣшательство, что они въ безпорядкѣ бросились бѣжать въ горныя ворота и скрылись въ ущельѣ. Побѣдители нашли въ крѣпости двѣ мѣдныя пушки, восемь знаменъ и множество оружія.

Сурхай не хотѣлъ входить въ сношенія съ Хатунцевымъ и отправилъ посланнаго для переговоровъ прямо къ маркизу Паулуччи, надѣясь выторговать для себя нѣсколько выгодныхъ условій. Но Паулуччи не принялъ предложеній Сурхая. „Я объявляю вамъ—писалъ онъ ему:—что путь вашего спасенія одинъ,—это выдать тотчасъ же Шейхъ-Али-хана въ руки генералъ-маіора Хатунцева. Тогда войска по моему повелѣнію возвратятся назадъ; въ противномъ случаѣ они не оставятъ камня на камнѣ въ вашемъ владѣніи, а Кюринская область вся безъ изъятія будетъ отъ васъ отнята. Вотъ вамъ мое послѣднее слово; избирайте, что лучше, а я исполню такъ, какъ сказалъ.“

Сурхаю, владѣтелю древнѣйшаго изъ дагестанскахъ ханствъ, никогда не признававшаго надъ собою ничьей чуждой власти, трудно было уступить требованію маркиза, и онъ предпочелъ отдѣлаться молчаніемъ. Тогда Хатунцевъ объявилъ Кюринскую область независимымъ ханствомъ и назначилъ правителемъ его Асланъ-Бека казикумыкскаго, племянника и кровнаго врага Сурхая.

Образованіе новаго ханства нарочно обставлено было большою церемоніею. Асланъ-Беку пожалованъ былъ чинъ полковника, грамота на достоинство хана и знаки инвеституры: саблю и знамя съ гербомъ Россійской имперіи. Все это вручено было ему на площади, при огромномъ стеченіи народа и войска, съ особенною тор-

жественностію. Самъ комендантъ, на богатой подушкѣ, нарочно присланной для этого случая изъ Тифлиса, поднесъ ему высочайшую грамоту, а два офицера вручили ему: одинъ—распущенное знамя, другой — драгоцѣнную саблю, лежавшую въ открытомъ футлярѣ. Войска отдали честь съ барабаннымъ боемъ и музыкою. Кюринцы ликовали, видя милость царя къ ихъ новому хану и слыша торжественное обѣщаніе представителя Россіи защищать ихъ землю отъ всякихъ покушеній враговъ, какъ неотъемлемую часть Россійскаго государства.

„Часть вашихъ владѣній—писалъ послѣ этого маркизъ Паулуччи Сурхаю:—я отнялъ за то, что вы не исполнили послѣдняго моего повелѣнія. Теперь я ограничусь этимъ, но ежели вы предпримете что либо противу кюринскаго хана, то потеряете все ваше владѣніе и будете скитаться, какъ вѣтреный Шейхъ-Али-ханъ, безо всякаго пристанища“.

Генералъ-маіоръ Хатунцевъ назначенъ былъ военно-окружнымъ начальникомъ Кубинской и Дербентской провинцій, получивъ за пораженіе Шейхъ-Али-хана орденъ св. Анны 1-й степени, а за покореніе Кюринскаго ханства—крестъ св. Георгія 3-го класса. Послѣдній орденъ пожалованъ былъ государемъ и маркизу Паулуччи

Но между тѣмъ какъ русское оружіе торжествовало на турецкой границѣ и въ горахъ Дагестана, главнокомандующему было донесено, что законный наслѣдникъ Карабагскаго ханства, Джафаръ-Кули-ага, юноша когда-то искренно преданный Россіи, но отодвинутый Гудовичемъ на задній планъ, состоитъ въ перепискѣ съ Аббасъ-Мирзою, приглашая его вступить въ Карабагъ. Паулуччи тотчасъ же приказалъ арестовать Джафара. Батальонъ Троицкаго полка захватилъ его на кочевкѣ близъ урочища Султанъ-Буда-Керчи и отправилъ вь Тифлисъ подъ сильнымъ конвоемъ, которымъ командовалъ капитанъ Оловяшниковъ; Джафару позволили ѣхать верхомъ, но изъ предосторожности посадили позади его, на той же самой лошади, солдата. Оскорбленный Джафаръ, переправляясь на пути черезъ рѣку Тертеръ, столкнулъ солдата въ воду и пользуясь поднявшейся суматохой, бѣжалъ на свою прежнюю кочевку близъ Султанъ-Буда. Отсюда онъ написалъ къ Паулуччи, что не имѣлъ никогда и никакихъ сношеній съ Аббасъ-

Мирзою, что былъ и будетъ вѣренъ Россіи, а если бѣжалъ теперь, то только потому, что былъ опозоренъ арестомъ и грубымъ обращеніемъ съ нимъ солдатъ и офицеровъ конвоя. Все это было, по всей вѣроятности, справедливо, и приказаніе арестовать Джафара было со стороны Паулуччи по меньшей мѣрѣ преждевременно. Тѣмъ не менѣе главнокомандующій оставилъ письмо безъ отвѣта, и Джафаръ, опасаясь новаго ареста, уже дѣйствительно бѣжалъ, покинувъ на родинѣ жену и все свое состояніе. Жена его была арестована и приговорена къ уплатѣ штрафа въ 15 тысячъ руб. *).

Въ январѣ 1812 года персіяне съ Джафаромъ уже нахлынули на Карабагское ханство и, окруживъ въ Султанъ-Буда-Керчѣ батальонъ Троицкаго полка, стоявшій подъ командой маіора Джини, другимъ отрядомъ поспѣшили занять Шахъ-Булахъ, чтобы отрѣзать ему сообщеніе съ Шушею. А въ это самое время, изъ Шуши, на помощь къ маіору Джини, шелъ небольшой отрядъ, подъ командою капитана Ильяшенко. Онъ съ боя овладѣлъ по пути Шахъ-Булахомъ, но дальше идти не рѣшился, такъ-какъ до Султанъ-Буды оставалось еще тридцать верстъ, а вся дорога была занята персіянами.

Между тѣмъ въ Султанъ-Будѣ происходило слѣдующее. 1 февраля, 18 тысячъ пѣшихъ и конныхъ персіянъ стремительно атаковали отрядъ, построившійся въ каре у самыхъ своихъ землянокъ. Завязалась жаркая битва, среди которой много русскихъ офицеровъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными. Былъ убитъ и маіоръ Джини; заступившій его мѣсто маіоръ Сочевскій—скоро получилъ тяжелую рану, а вслѣдъ за нимъ палъ и капитанъ Гумовичъ. Тогда команду надъ отрядомъ принялъ капитанъ Оловяшниковъ, тотъ самый, который упустилъ Джафара на Тертерѣ. Къ вечеру оба орудія отряда были подбиты, зарядные ящики взорваны, и Аббасъ-Мирза прислалъ записку, требуя сдачи.

Оловяшниковъ былъ въ раздумьи. Даже Мехти-Кули-ханъ карабагскій, находившійся при отрядѣ, убѣждалъ не сдаваться, обѣ-

*) Мѣра эта не была еще приведена въ исполненіе, какъ Джафаръ въ 1815 году добровольно вышелъ изъ Персіи, былъ прощенъ и поселился по прежнему въ Карабагѣ.

щая ночью скрытно провести отрядъ къ Шахъ-Булаху. Но Оловяшниковъ, опасавшійся взысканія за допущеніе имъ побѣга Джарафа, приказалъ батальону положить оружіе,—и знамена Троицкаго полка, бывшія при этомъ батальонѣ, достались въ руки персіянъ. Мехти же бѣжалъ въ Шушу окольными путями и первый привезъ извѣстіе о печальной участи отряда. Персидскій дворъ былъ чрезвычайно доволенъ такимъ успѣхомъ.

Въ Уджанскомъ замкѣ, принадлежавшемъ нѣкогда наслѣдному персидскому принцу, быть можетъ и донынѣ хранится большая картина, видѣнная Ермоловымъ во время посольства его въ Персію. Она изображаетъ побѣду, одержанную надъ русскими, которые представлены обращенными въ бѣгство, увлекаемыми въ плѣнъ и съ уничиженіемъ просящими помилованія. „Осматривая замокъ— говоритъ Ермоловъ:—я спросилъ сопровождавшихъ меня персіянъ: какое картина представляетъ сраженіе? не Асландузское-ли? Наморщились рожи ихъ, и страхъ, изобразившійся въ чертахъ отъ одного объ ономъ воспоминанія, заставилъ меня не требовать отвѣта. Я сдѣлалъ другой вопросъ: не Ленкоранское ли? Какъ будто окованъ былъ языкъ персіянъ и ложь, столь обыкновенная въ устахъ ихъ, не изобрѣла отвѣта. Надобно было догадаться, что не оно. Наконецъ сказано мнѣ, что картина представляетъ разбитіе Троицкаго батальона. Я замолчалъ противъ правды".

По истребленіи Троицкаго батальона, персіяне окружили Ильяшенку въ Шахъ-Булахскомъ замкѣ и, выставивъ передъ нимъ русскія знамена и плѣнныхъ, потребовали сдачи. Они угрожали въ противномъ случаѣ взять замокъ штурмомъ или держать его въ блокадѣ, пока не выморятъ русскихъ голодомъ. Ильяшенко, достойный сподвижникъ Карягина, отвергъ всѣ предложенія персіянъ; но зная, что помощи ему ожидать нельзя и что патроны у него на исходѣ, рѣшился на то, что нѣкогда сдѣлалъ Карягинъ. Онъ ночью вышелъ изъ замка, прорвался сквозь персидскую армію и возвратился въ Шушу черезъ горы, по едва проходимымъ тропинкамъ. Ильяшенко произведенъ за это въ маіоры.

Вся кавказская армія была возмущена измѣной Оловяшникова. Вспоминались геройскіе поступки Карягина и Котляревскаго, когда они, окруженные непріятелемъ въ сто разъ сильнѣйшимъ, бились

съ нимъ на этихъ же самыхъ полях. Но Карягинъ давно уже умеръ, а Котляревскій находился далеко—на турецкой границѣ. Отсутствіе въ Карабагѣ отважнаго генерала и твердаго правителя становилось съ каждымъ днемъ ощутительнѣе, и Паулуччи, находившійся въ то время по случаю присоединенія къ Россіи Кюринскаго ханства въ Дербентѣ, рѣшился послать въ Карабагъ Котляревскаго. Онъ поручилъ ему „возстановить довѣріе жителей къ русскому оружію и изгладить изъ ихъ памяти позорное дѣло Оловяшникова". Бичъ персіянъ, Котляревскій, началъ съ того, что очистилъ весь Карабагъ отъ разбойничьихъ шаекъ и двинулся противъ Аббасъ-Мирзы. Но тотъ поспѣшно отошелъ за Араксъ, уничтоживъ за собой переправы.

Маркизъ Паулуччи и самъ посѣтилъ отрядъ Котляревскаго, стоявшій на персидской границѣ, разсчитывая сдѣлать съ нимъ экспедицію въ персидскія владѣнія, къ Зардобу. Но новыя тревожныя обстоятельства потребовали присутствія его въ Грузіи.

Теперь дѣло шло о народномъ возстаніи въ самой Кахетіи, вызванномъ сложными обстоятельствами тогдашняго времени. Надо сказать, что Кахетія платила Россіи налоги почти исключительно хлѣбомъ, котораго страна сама никогда не имѣла въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ жители ея занимались преимущественно винодѣліемъ. На Кахетіи накопилось мало-по-малу множество недоимокъ, а между тѣмъ, въ 1812 г., хлѣбъ очень былъ нуженъ и русскія власти требовали его съ большей настойчивостью, чѣмъ это было обыкновенно. Тутъ въ первый разъ должны были прибѣгнуть къ экзекуціонной системѣ. Тогда со всѣхъ сторонъ отъ жителей посыпались жалобы, что постояльцы солдаты своимъ обращеніемъ оскорбляютъ стыдливость ихъ женъ и дочерей: а агенты грузинскаго царевича Александра, находившаго себѣ опору во многихъ грузинскихъ князьяхъ, поджигали народъ и дѣлали все возможное, чтобы вызвать возстаніе. И 31 января 1812 г. въ деревнѣ Ахметѣ возстаніе началось.

На слѣдующій день, въ деревнѣ Тіонетахъ, случилось обстоятельство, придавшее возстанію сразу необыкновенно острый и распространенный характеръ. Когда народъ стоялъ около церкви, толкуя о тяжестяхъ налоговъ, въ толпу вбѣжала изступленная

женщина и, бросившись къ мужу, накинула на него свое покрывало. „Я обезчещена русскимъ и иду ему мстить“, сказала она, обращаясь къ толпѣ, и съ этими словами, выхвативъ изъ-за пояса мужа кинжалъ, побѣжала къ дому. Вся толпа съ дикимъ ревомъ кинулась за нею. Офицеръ былъ заколотъ, команда перерѣзана.

Возстаніе охватило цѣлую Кахетію,—и началось повсемѣстное избіеніе русскихъ, расквартированныхъ малыми командами по деревнямъ и селамъ. Города Телавъ и Сигнахъ подверглись осадѣ. Укрѣпленный Телавъ успѣлъ отбиться; но въ Сигнахѣ, гдѣ много было грузинъ, комендантъ маіоръ Гейне, всѣ чиновники и весь гарнизонъ были вырѣзаны. Грибоѣдовъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что гарнизонъ Сигнаха сдался самъ, и что тогда мятежники раздѣли солдатъ до-нага, пустили бѣжать въ разныя стороны и перестрѣляли какъ дичь; коменданта они изрубили въ мелкіе куски, сначала отрѣзавъ ему языкъ и заставивши проглотить его.

Горькая участь постигла и стоявшій въ деревнѣ Кагобети 5-й эскадронъ Нарвскаго полка, съ командиромъ его полковникомъ Мартыновымъ. Мартыновъ успѣлъ спасти только штандартъ, съ которымъ ускакалъ одинъ унтеръ-офицеръ, а самъ, запершись въ башнѣ съ 17 драгунами, защищался до тѣхъ поръ, пока не получилъ смертельную рану. Въ деревнѣ Кадоло команда изъ 80 егерей 9-го полка спаслась только тѣмъ, что пробилась къ небольшой крѣпостцѣ, находившейся въ самомъ концѣ деревни. Здѣсь она защищалась 23 дня, питаясь во все это время только одною сырою пшеницею.

Быстрота, съ какою разлился пламень бунта во всемъ Телавскомъ уѣздѣ, поражала неожиданностью, и всѣ отряды, посланные на выручку къ Телаву, понесли болѣе или менѣе значительныя потери. Началось съ того, что шедшій изъ Сигнахскаго уѣзда донской казачій полкъ, подъ командою есаула Кузнецова, наткнулся въ лѣсахъ на огромныя толпы мятежниковъ и былъ совершенно разбитъ ими, такъ что Кузнецовъ едва успѣлъ спасти полковыя знамена, съ которыми и ускакалъ въ Сагареджіо. Почти въ то же время три роты егерей, подъ командою маіора Вронскаго, подходя къ Телаву, были атакованы сильнѣйшимъ непріятелемъ, и хотя пробились подъ перекрестнымъ огнемъ черезъ весь форштадтъ и вступили въ крѣпость, но понесли значительныя потери.

Еще неудачнѣе были дѣйствія третьяго отряда, направленнаго изъ Сагареджіо въ составѣ двухсотъ восьмидесяти спѣшенныхъ нарвскихъ драгунъ, подъ командою маіора Есипова, и 4 февраля окруженнаго буквально подъ самыми стѣнами Телава. Есиповъ былъ убитъ, а изъ числа его драгунъ только 120 человѣкъ—безъ офицеровъ—проникли въ городъ, и то лишь при помощи отчаянной вылазки, сдѣланной изъ крѣпости.

Ободренные успѣхами, мятежники перенесли военныя дѣйствія въ Сигнахскій уѣздъ и напали на селеніе Бодбисхеви, гдѣ находился цѣлый батальонъ Кабардинскаго полка, подъ командою подполковника Степанова. Цѣлый день съ утра до поздняго вечера сражался Степановъ посреди селенія, объятаго пламенемъ; но, потерявъ 2-хъ офицеровъ и 212 ч. изъ одного батальона, не могъ удержать за собою позицію и ночью отступилъ къ посту Кара-Агачу. Вся полковая канцелярія погибла тогда въ пламени, а вмѣстѣ съ нею сгорѣлъ и подлинный рескриптъ императора Павла, пожалованный Кабардинскому полку на Мальтійское знамя за пораженіе хана на рѣчкѣ Іорѣ.

Въ Кара-Агачѣ Степановъ нашелъ роту егерей и два эскадрона Нижегородскаго полка, къ которымъ въ тотъ же день подоспѣли еще двѣ роты кабардинцевъ, подъ командою князя Орбеліани. Несмотря на силу русскаго отряда, мятежники обложили постъ и пошли на приступъ. И хотя нападеніе ихъ было отбито, однакоже блокада продолжалась 12 дней, и люди все это время питались однимъ ячменемъ, заготовленнымъ для лошадей Нижегородскаго полка.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда самъ областной начальникъ Портнягинъ, застигнутый возстаніемъ врасплохъ въ д. Сагареджіо, гдѣ находился штабъ Нарвскаго полка, успѣлъ собрать кое-какъ до ста пятидесяти конныхъ драгунъ и укрѣпился съ ними на площади. Это было все, чѣмъ могъ располагать генералъ въ данную минуту; а между тѣмъ получено было извѣстіе, что главныя силы мятежниковъ идутъ на Сагареджіо. И дѣйствительно, едва Портнягинъ распорядился, чтобы изъ лазарета, стоявшаго въ полѣ, больные были перевезены въ вагенбургъ, какъ лазаретъ уже пылалъ, и мятежники, подъ предводительствомъ князя Кабулова, явились на лѣсистыхъ высотахъ передъ селеніемъ. Это

было 6 февраля. Цѣлую ночь шла перестрѣлка, а къ свѣту инсургенты спустились къ самой деревнѣ и стали готовиться къ штурму. Опасность для драгунъ возрастала, у нихъ уже были ранены до 25 человѣкъ и множество лошадей. Но въ это самое время вдали послышался барабанный бой и скоро на высотахъ показались двѣ роты херсонскихъ гренадеръ, направленныя сюда форсированнымъ маршемъ изъ Тифлиса, подъ командою маіора Бухвостова.

Появленіе ихъ заставило князя Кабулова отойти отъ Сагареджіо. Но и Портнягинъ могъ воспользоваться присутствіемъ пѣхоты только затѣмъ, чтобы отступить къ Тифлису. Истребивъ всѣ тяжести, за невозможностію взять ихъ съ собою, драгуны вышли пѣшкомъ, ведя въ поводу лошадей, которыхъ оставалось въ полку втрое болѣе, нежели нижнихъ чиновъ. Непріятель, удерживаемый пѣхотою, преслѣдовалъ слабо, и отрядъ благополучно добрался до Тифлиса, потерявъ около 30 человѣкъ убитыми и ранеными.

Въ Тифлисѣ между тѣмъ возникла паника, и князь Орбеліани писалъ къ Паулуччи, что не отвѣчаетъ за безопасность города, такъ какъ лезгины джигитуютъ уже на Авлабарѣ, въ самомъ предмѣстьѣ столицы. Всѣ ожидали, что мятежники пойдутъ прямо на Тифлисъ. Хотя, къ счастію, этого не случилось, но обстоятельства отъ того не выиграли, такъ какъ возстаніе распространилось на весь Ананурскій уѣздъ и охватило даже Осетію.

Стоявшихъ въ Кахетіи войскъ оказывалось не достаточно, чтобы подавить народный мятежъ, и потому на подкрѣпленіе къ нимъ отправлены были: изъ Тифлиса батальонъ херсонскихъ гренадеръ, подъ командою полковника Тихановскаго, а изъ Карталиніи батальонъ Грузинскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Ушакова. Изъ Гортискара также выступилъ капитанъ Сагиновъ съ тремя ротами пѣхоты и однимъ орудіемъ. Но по дорогѣ къ Душету послѣдній отрядъ былъ встрѣченъ мятежниками и, потерявъ въ жаркой схваткѣ Сагинова, получившаго тяжелую рану, разстроенный, вынужденъ былъ отступить назадъ къ Гартискару.

Мятежники торжествовали этотъ успѣхъ, какъ громкую побѣду. Но посреди ихъ ликованій, 12 февраля, Ушаковъ внезапно подошелъ къ Душету, взялъ его штурмомъ, захватилъ Ананyръ и тутъ же повѣсилъ одного изъ главныхъ зачинщиковъ возстанія.

Энергическія дѣйствія Ушакова немедленно принесли свои плоды; цѣлыя деревни одна за другою стали являться съ покорностью, и бунтъ въ этомъ уголкѣ Кахетіи затихъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, 21 февраля, Паулуччи. прибывъ въ Тифлисъ, узналъ, что отряды, стоявшіе въ Караагачѣ и Телавѣ, находились въ крайней опасности, окруженные мятежниками, а что въ послѣднее время, уже болѣе 15 дней, о нихъ даже не было никакихъ извѣстій. Главнокомандующій тотчасъ усилилъ Тихановскаго батальономъ Тифлисскаго полка и приказалъ ему дѣйствовать съ возможною энергіею. Тихановскій съ боя овладѣлъ переправою черезъ рѣчку Іору, взялъ приступомъ селеніе Хошму и наголову разбилъ князя Кабулова съ главными силами мятежниковъ. Дорога къ Телаву была открыта.

Передъ разсвѣтомъ, къ отряду прибылъ самъ главнокомандующій, въ сопровожденіи многихъ грузинскихъ князей. Здѣсь, на этой самой позиціи, получено было имъ извѣстіе, что турки, пользуясь смутнымъ положеніемъ Грузіи, задумали обратно отнять Ахалкалаки. Оказалось даже, что кахетинцы сами просили помощи у ахалцыхскаго паши, и Шерифъ разсчитывалъ, что болѣе благопріятнаго времени для возвращенія Ахалкалакъ уже не будетъ. И если бы дѣйствительно ему удалось овладѣть этою крѣпостью, прикрывавшею всю Кахетію, путь въ Барчалы и даже въ самый Тифлисъ былъ бы для него совершенно открытъ, такъ какъ всѣ русскія войска разосланы были для усмиренія мятежа. 21 февраля, въ тотъ самый день, когда маркизъ Паулуччи пріѣхалъ въ Тифлисъ изъ Карабага, Шерифъ съ пятитысячнымъ войскомъ уже штурмовалъ Ахалкалаки; но послѣ жестокаго боя былъ отраженъ съ огромными потерями.

Въ то же самое время русскія силы потребовались и на границахъ Карскаго пашалыка. Дѣло въ томъ, что предпріимчивый магазбердскій владѣлецъ, Кара-Бекъ, уже извѣстный убійствомъ эрзерумскаго сераскира, отложился отъ карскаго паши и сталъ во враждебныя отношенія и къ Персіи, и къ Турціи, такъ какъ владѣнія его лежали на рубежѣ этихъ двухъ государствъ. Паулуччи воспользовался обстоятельствами, чтобы войти съ Кара-Бекомъ въ сношенія, и когда карскій паша выслалъ противъ него войско, Лисаневичъ, прикрывавшій въ то время Бомбакскую и Шу-

рагельскую провинціи, немедленно отправилъ къ нему, подъ командою маіора князя Севарсамидзе, батальонъ Тифлисскаго полка въ 200 штыковъ, при 70 казакахъ. 24 февраля батальонъ соединился съ Кара-Бекомъ и при дер. Паргитѣ атаковалъ турецкое войско. Ожесточенный бой длился болѣе четырехъ часовъ. Турки оборонялись мужественно и даже, выбитые штыками изъ своихъ укрѣпленій, пытались держаться еще въ самой деревнѣ; но орудійный огонь и пожаръ, охватившій селеніе, заставили ихъ наконецъ обратиться въ бѣгство. Во время рукопашнаго боя тифлисцы отбили у турокъ три знамени. Потеря русскаго отряда состояла изъ 39 человѣкъ, и въ числѣ раненыхъ былъ и самъ Севарсамидзе.

Всѣ эти обстоятельства побуждали Паулуччи какъ можно скорѣе покончить съ Кахетіей, чтобы имѣть возможность обратить оружіе противъ турокъ.

Узнавъ, что главныя силы мятежниковъ собрались опять на дорогѣ къ Телаву у монастыря Самеба, Паулуччи, не обращая вниманія ни на густоту лѣса, ни на то, что противники засѣли въ крѣпкомъ ущельѣ, приказалъ Тихановскому, съ отрядомъ изъ шестисотъ человѣкъ при двухъ орудіяхъ, стремительно атаковать непріятеля. Тихановскій нанесъ мятежникамъ рѣшительное пораженіе *). Защитники и коноводы мятежа, взятые въ плѣнъ, были тутъ же повѣшены. Энергическія мѣры и здѣсь быстро водворили спокойствіе, чему содѣйствовало не мало вступленіе въ Кахетію со стороны Тіонетъ, еще отряда Ушакова, взявшаго немедленно это селеніе приступомъ.

Послѣднее и самое упорное сопротивленіе было оказано грузинами въ деревнѣ Велисцихѣ. Тамъ, въ бою, убитъ былъ изъ числа грузинской дружины князь Вахтангъ Орбеліани, зять послѣдняго грузинскаго царя Георгія, и раненъ адъютантъ главнокомандующаго, князь Чавчавадзе. Паулуччи стремился однакоже освободить какъ можно скорѣе Телавскую крѣпость, и нетерпѣніе его было такъ велико, что онъ, оставивъ пѣхоту, поскакалъ къ ней въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ грузинскихъ князей и полусотни казаковъ. Но появленіе и этой горсти было достаточно, что-

*) Въ числѣ убитыхъ въ этомъ бою, къ сожалѣнію, былъ храбрый командиръ казачьяго полка, войсковой старшина Даниловъ.

бы мятежники, уже потерявшіе вѣру въ успѣхъ своего дѣла, бѣжали изъ-подъ Телава. Возстаніе пало. Коноводы мятежа, и въ числѣ ихъ Кабуловъ, взяты были въ плѣнъ и высланы въ Россію. Та же участь постигла и хромого грузинскаго царевича Григорія, жившаго между хевсурами и не обращавшаго на себя ничѣмъ вниманія правительства, но теперь навлекшаго на себя подозрѣніе въ сношеніяхъ съ мятежниками.

Среди этихъ дѣятельныхъ усилій, направленныхъ къ умиротворенію края, маркизъ Паулуччи неожиданно получилъ высочайшій рескриптъ: „Отличное ваше служеніе—сказано было въ немъ:—обратило на насъ особое мое вниманіе, и я, желая по достоинствамъ вашимъ употребить васъ съ большею блистательностію, повелѣваю вамъ прибыть въ С.-Петербургъ, а начальство надъ Грузіею сдать генералъ-лейтенанту Ртищеву“.

Грузины съ сожалѣніемъ встрѣтили это извѣстіе. Князь Захаръ Андрониковъ былъ посланъ въ Петербургъ съ полномочіемъ отъ грузинскаго дворянства подать государю прошеніе объ оставленіи маркиза главнокомандующимъ въ Грузіи. Но императоръ Александръ не призналъ возможнымъ измѣнить своего рѣшенія; готовилась война съ Наполеономъ и государь собиралъ вокругъ себя людей, извѣстныхъ боевымъ опытомъ и военными дарованіями.

Назначивъ маркиза Паулуччи своимъ генералъ-адъютантомъ, государь поручилъ ему должность сперва начальника главнаго штаба 1-й западной арміи, а черезъ нѣсколько дней—финляндскаго и курляндскаго генералъ-губернатора. Поводомъ къ его перемѣщенію, по словамъ Ермолова, послужили несогласія, возникшія между нимъ и главнокомандующимъ Барклаемъ-Де-Толли; но тѣмъ не менѣе и короткое пребываніе его въ арміи не осталось безъ слѣда. Есть свѣдѣнія, что именно его настояніямъ мы обязаны тѣмъ, что русскія войска покинули Дрисскій лагерь, не ожидая въ немъ непріятеля.

Лифляндскимъ и курляндскимъ генералъ-губернаторомъ Паулуччи пробылъ до 1829 года, когда, оставивъ русскую службу, онъ принялъ главное начальство надъ арміей короля сардинскаго. Впослѣдствіи, онъ былъ генералъ-губернаторомъ Генуи.

XXXVI.

Генералъ отъ инфантеріи Ртищевъ.

Въ началѣ 1812 года, на мѣсто маркиза Паулуччи, главнокомандующимъ въ Грузію назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Николай Федоровичъ Ртищевъ.

Предшествовавшая служба его не представляла ничего особенно выдающагося. Выпущенный изъ кадетъ сухопутнаго корпуса въ 1773 году въ Навагинскій полкъ, онъ участвовалъ въ кампаніи противъ шведовъ, потомъ находился съ корпусомъ генерала Игельштрома въ Польшѣ, во время возстанія, извѣстнаго подъ именемъ „Варшавской заутрени". Назначенный, въ чинѣ генералъ-маіора, комендантомъ въ Астрахань, онъ не успѣлъ доѣхать до мѣста своего назначенія, какъ былъ приказомъ императора Павла исключенъ изъ службы, въ числѣ многихъ другихъ генераловъ екатерининскаго времени. Девять лѣтъ онъ прожилъ въ отставкѣ, и только передъ началомъ турецкой войны 1809 года снова поступилъ на службу, произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ 16-й пѣхотной дивизіи.

Въ Петербургѣ разрабатывался въ то время новый проектъ управленія Кавказомъ, по которому край этотъ раздѣляется на двѣ совершенно отдѣльныя и независимыя другъ отъ друга части: все Закавказье оставалось въ непосредственномъ вѣдѣніи главно-

командующаго Грузіею, а сѣверная часть Кавказа отходила подъ управленіе кавказскаго и астраханскаго губернатора, въ лицѣ котораго сосредоточивалась военно-административная власть и надъ Кавказскою линіею. Выборъ государя на эту новую должность остановился на Ртищевѣ, и въ февралѣ 1811 года онъ прибылъ въ Георгіевскъ.

Кратковременное управленіе Ртищева линіею принесло нѣкоторую пользу въ чисто гражданственномъ отношеніи: онъ успѣлъ возстановить порядокъ во внутреннихъ дѣлахъ, котораго не было при его предмѣстникѣ генералѣ Булгаковѣ. Но въ отношеніи военномъ, дѣйствія его были неудачны. Принятая имъ система держать въ повиновеніи горцевъ посредствомъ подарковъ и денегъ была роковою ошибкою, отозвавшеюся на линіи по отъѣздѣ Ртищева горькими послѣдствіями.

Ермоловъ въ своихъ запискахъ о Кавказѣ приводитъ нѣсколько весьма любопытныхъ фактовъ, могущихъ служить прекрасною характеристикою дѣятельности Ртищева. Желая, напримѣръ, доказать миролюбивое настроеніе горскихъ народовъ, онъ уговорилъ кабардинцевъ отправить въ Петербургъ депутацію, чего не могъ добиться ни одинъ изъ его предмѣстниковъ; но онъ не замѣтилъ, что въ этой депутаціи не принялъ участія ни одинъ изъ представителей почетнѣйшихъ кабардинскихъ фамилій. Между тѣмъ „шайка бродягъ и бездомниковъ“, какъ называетъ депутацію Ермоловъ,—принята была въ Петербургѣ весьма благосклонно, и нѣкоторымъ изъ депутатовъ даны были штабъ-офицерскіе чины и богатые подарки. Возвратившаяся депутація даже прямо презиралась гордой черкесской аристократіей, и такимъ образомъ все это импровизированное выраженіе преданности кабардинскаго народа могло только развѣ ухудшить положеніе дѣлъ на линіи, и дѣйствительно набѣги, убійства и грабежи продолжались послѣ того еще съ большей интенсивностью.

Еще неудачнѣе была попытка Ртищева устроить мирныя сношенія съ чеченцами—народомъ въ высшей степени необузданнымъ, дикимъ и вѣроломнымъ, не признававшимъ никогда никакихъ договоровъ. Собранные съ этою цѣлью въ Моздокъ чеченскіе старшины были осыпаны подарками, но въ ту же ночь, возвращаясь

домой, напали за Терекомъ на обозъ самого Ртищева и разграбили до-чиста почти на собственныхъ глазахъ генерала.

Памятникомъ пребыванія Ртищева на Кавказской линіи осталось также укрѣпленіе св. Николая, воздвигнутое на Кубани на такой низкой мѣстности, что во время разливовъ рѣки вода наполняла все укрѣпленіе и казармы. Болѣзненность и смертность въ крѣпости превосходили всякое вѣроятіе. „Трудно сказать—говоритъ Ермоловъ:—чего желалъ Ртищевъ: болѣе нездороваго, или болѣе безполезнаго мѣста. Я приказалъ уничтожить убійственное сіе укрѣпленіе".

Главнокомандующимъ въ Грузію Ртищевъ назначенъ былъ помимо желанія. Человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, не отличавшійся ни рѣшительностію характера, ни выдающимися заслугами и военными дарованіями, Ртищевъ съ крайнею неохотою принялъ на себя тяжелую обязанность быть правителемъ обширнаго и безпокойнаго края. Особенно тяготило его то обстоятельство, что онъ попалъ въ Грузію, въ трудную эпоху двѣнадцатаго года, когда правительство, занятое приготовленіями къ громадной борьбѣ съ Наполеономъ, естественно не могло удѣлить южной своей окраинѣ того вниманія, какого требовали обстоятельства тогдашняго времени.

Между тѣмъ, дѣйствительно, Паулуччи оставилъ въ наслѣдство Ртищеву самое сложное и запутанное положеніе дѣлъ, требовавшее для своего разрѣшенія незаурядной энергіи. Турки угрожали отнять Ахалкалаки; персіяне ворвались уже въ Елизаветпольскую провинцію и на границѣ Карабага держали значительныя силы; въ Кахетіи еще тлѣло возстаніе; царевичъ Александръ вторгнулся въ самую Грузію, а многочисленныя скопища лезгинъ, наводнившія всю Карталинію, угрожали самому Тифлису; Дагестанъ кипѣлъ заговорами; въ Кабардѣ поднималось сильное броженіе. Между тѣмъ чума опустошала границы, а въ районѣ военно-грузинской дороги возстали осетины, хевсуры, пшавы и тушины, которые, разрушивъ всѣ мосты, совершенно перервали сообщенія съ Кавказскою линіею. Къ довершенію всего русскіе полки не имѣли полнаго комплекта, а о помощи изъ Россіи нечего было и думать.

Въ такихъ обстоятельствахъ не дѣйствовать было невозможно,

и Ртищевъ, по его любимому выраженію, „призвавъ на помощь всемогущаго Бога", рѣшился дѣйствовать, но не иначе, какъ со свойственною его характеру и лѣтамъ осторожностію.

Ознакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ края, онъ поручилъ отрядъ, стоявшій на турецкой границѣ, генералъ-маіору князю Орбеліани, составившему себѣ извѣстность покореніемъ Поти. На него онъ возложилъ обязанность защищать Ахалкалакскую область и ограждать Тифлисъ со стороны Ахалцыха. Молодой Котляревскій, герой Ахалкалакъ и Мигри, оставленъ былъ противъ персіянъ, а для поддержки его назначены небольшіе отряды генераловъ Клодта и Лисаневича, поставленные въ Нухѣ и въ Бомбакахъ. Генералъ-маіору Хатунцеву, покорителю Казикумыка, поручены были дѣла Дагестана, а Симановичъ былъ вызванъ изъ Имеретіи въ Тифлисъ для управленія Грузіею.

Къ счастію турки, вопреки общимъ ожиданіемъ, не тревожили границъ,—все вниманіе ихъ было обращено на развязку войны на Дунаѣ. Послѣ того какъ еще при Паулуччи, 24 февраля 1812 года, генералъ Лисаневичъ съ казачьимъ полкомъ и батальономъ Тифлисскаго полка разбилъ турецкій отрядъ въ Анатоліи, при д. Паргитѣ, они ограничились лишь небольшими набѣгами, и князю Орбеліани за все это время не пришлось имѣть ни одного сколько-нибудь значительнаго дѣла. А вскорѣ за тѣмъ послѣдовалъ Бухарестскій миръ, и отрядъ Орбеліани могъ быть даже отозванъ съ турецкой границы въ Грузію.

Нельзя, однако, не сказать, что какъ ни выгоденъ былъ для Россіи бухарскій миръ вообще, на Закавказье онъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе; тамъ вынуждены были отдать туркамъ все, что въ послѣднее время отвоевано было отъ нихъ съ тяжкими жертвами. Удержанъ былъ—и то вопреки трактатамъ—одинъ только Сухумъ, какъ резиденція абхазскаго владѣтеля, на томъ лишь основаніи, что городъ этотъ никогда не принадлежалъ непосредственно Турціи. Но въ Ахалкалаки, въ Анапу и въ Поти вступили опять турецкіе гарнизоны, и магометанская луна вновь осѣнила высокія башни, на которыхъ еще такъ недавно развѣвалось побѣдное русское знамя. Турція возвратила за Кавказомъ все, что было ею потеряно, а русскіе, послѣ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ, очутились

по отношенію къ ней опять на тѣхъ же невыгодныхъ позиціяхъ, на которыхъ были при Кноррингѣ и Циціановѣ.

Миръ съ Турціей оказался, впрочемъ, какъ нельзя болѣе кстати. Почти одновременно съ заключеніемъ его, вспыхнулъ опять бунтъ въ Кахетіи, еще такъ недавно подавленный при Паулуччи. На этотъ разъ онъ распространился на сосѣднія земли: осетинъ, пшавовъ, тушинъ и хевсуровъ. Мятежники, не ограничиваясь уже грабежемъ и убійствомъ русскихъ чиновниковъ, попадавшихся въ ихъ руки, просили помощи лезгинъ и отправили гонцовъ къ царевичу Александру, приглашая его отъ имени всего народа прибыть въ Грузію и принять бразды правленія.

Первыя вооруженныя шайки появились, какъ и первый разъ, около Телава. Гарнизонъ крѣпостцы, находившійся въ то время за Алазанью, былъ окруженъ мятежниками, и только съ большимъ трудомъ пробился въ Телавъ, потерявъ при этомъ раненымъ своего начальника, маіора Шматова, извѣстнаго геройскою обороною Телава, во время возмущенія прошлаго года.

Тревожныя извѣстія, доходившія со всѣхъ сторонъ о возмущеніи, побудили главокомандующаго отправить въ Кахетію генералъ-маіора Сталя, а вслѣдъ за нимъ и начальника 20 пѣхотной дивизіи генералъ-маіора князя Орбеліани. Быстрымъ движеніемъ къ Телаву, они успѣли пересѣчь мятежъ въ самомъ началѣ, и многіе изъ кахетинскихъ князей, участвовавшихъ въ возстаніи, начали являться съ изъявленіями покорности.

Прекращеніе бунта оказалось однако только наружнымъ, и съ наступленіемъ осени въ Тифлисѣ стали ходить тревожные слухи, что царевичъ Александръ вновь появился въ Кахетіи и поднялъ все населеніе, громко заявившее желаніе имѣть его своимъ верховнымъ вождемъ. Слухи оказались справедливыми; царевичъ дѣйствительно былъ въ Тіонетахъ и двинулся къ Алавердынскому монастырю, чтобы тамъ, по древнему обычаю, провозгласить себя грузинскимъ царемъ. Но на пути онъ встрѣтился съ полковникомъ Тихановскимъ, былъ разбитъ при с. Шильде и отброшенъ къ лезгинской границѣ. Бунтъ между тѣмъ все усиливался. Мятежники заняли военно-грузинскую дорогу и, перервавъ сообщенія Тифлиса съ кавказскою линіею, обложили Пассанаурскій постъ,

гдѣ захватили въ плѣнъ начальника душетскаго кордона, маіора Никольскаго *). Присланный сюда на помощь батальонъ егерей съ полковникомъ Печерскимъ не въ силахъ былъ разогнать непріятеля и самъ очутился въ блокадѣ. Дерзость осетинъ дошла до того, что они угрожали уже самому Тифлису, и генералъ Симановичъ, вызванный Ртищевымъ изъ Имеретіи, долженъ былъ принять дѣятельныя мѣры для охраненія столицы. Къ счастію, храбрый Печерскій не долго оставался въ бездѣйствіи. Получивъ въ подкрѣпленіе два батальона, онъ бросился на непріятеля, стоявшаго вокругъ Пассанаура, разбилъ его наголову и очистилъ весь путь до самаго Владикавказа.

Побѣды Печерскаго потушили бунтъ на военно-грузинской дорогѣ. Но въ Кахетіи царевичъ Александръ, занявши сильную позицію у д. Велисцихе, усиливался съ каждымъ днемъ новыми толпами лезгинъ и туземцевъ. Къ счастію, торжество его было не продолжительно. Шефъ Суздальскаго полка, князь Эристовъ, случайно прибывшій съ линіи для осмотра своего батальона, расположеннаго въ Грузіи, стремительно напалъ на мятежниковъ и, разогнавъ ихъ толпы, овладѣлъ восемью знаменами. Мятежники бросились къ Шильде, но здѣсь были настигнуты отрядами Тихановскаго, Эристова и генералъ-лейтенанта князя Орбеліани, произведеннаго въ этотъ чинъ за усмиреніе перваго кахетинскаго бунта. Шильде защищалось упорно, но было взято приступомъ, и такъ это селеніе уже два раза принимало царевича и два раза жители его сражались противъ русскихъ, то князь Орбеліани приказалъ разорить его до основанія и конфисковалъ у жителей всѣ хлѣбные запасы. Самъ царевичъ, загнанный въ тѣсное горное ущелье,

*) Изъ свѣдѣній, имѣющихся у насъ подъ руками, мы не могли доподлинно узнать, тотъ ли Никольскій, который отличался въ этихъ же самыхъ мѣстахъ еще при Циціановѣ. Циціановъ доносилъ между прочимъ государю, что «изъ шести ротъ казанскаго полка, высланныхъ на военно-грузинскую дорогу, подъ общимъ начальствомъ генерала Несвѣтаева, одна подъ командою капитана Никольскаго, прошла по куртатской дорогѣ, по такимъ мѣстамъ, по которымъ не отваживались ходить даже осетины, и своимъ появленіемъ въ этихъ неприступныхъ горахъ, много содѣйствовала блестящимъ побѣдамъ Несвѣтаева». «Оставивъ сего отличнаго офицера въ Ларсѣ—прибавляетъ Циціановъ:—я предписалъ генералъ-лейтенанту Глазенапу впредь ни по своему выбору, и по таковому же его шефа генералъ-маіора Мейера, никогда его не смѣнять...

изъ котораго не было выхода, очутился въ блокадѣ и по всей вѣроятности окончилъ бы здѣсь свое политическое поприще, если бы къ нему неожиданно не явились на помощь двѣ тысячи лезгинъ, Богъ вѣсть какими путями пробравшіяся изъ Дагестана. Тогда царевичъ, 14 октября, со всѣми своими силами бросился на отрядъ полковника князя Эристова; и хотя послѣ жаркаго боя, лезгины были отбиты, а Эристовъ, очистивъ сады, занялъ Шильдинскую крѣпость, но царевичъ тѣмъ не менѣе успѣлъ прорваться въ Кизикъ и съ отчаяніемъ, которое могло внушить ему только его безвыходное положеніе, кинулся на Сигнахскую крѣпость. Три дня Сигнахъ, обложенный толпами мятежниковъ, отбивался самъ, а на четвертый къ нему подошелъ неумолимый бичъ кахетинцевъ, князь Орбеліани, и наголову разбилъ царевича, отбросивъ его къ селенію Манави. Здѣсь произошло послѣднее и самое бѣдственное для инсургентовъ сраженіе. Большая часть ихъ погибла отъ русскихъ пуль и штыковъ, остальные разсѣялись, и самъ царевичъ, лишь съ небольшою свитой кахетинскихъ князей, укрылся въ недоступныя горы Хевсуріи. Съ бѣгствомъ Александра, кахетинское возмущеніе окончилось, и большая часть народа стала возвращаться въ свои жилища.

Близость царевича, который, живя между хевсурами, замышлялъ новые планы вторженія въ Грузію, не внушала, однако довѣрія къ будущему, и потому генералъ Симановичъ, разгромивъ весною 1813 года Хевсурію, заставилъ Александра бѣжать въ Дагестанъ. Тамъ онъ прожилъ до времени Ермолова безпріютнымъ скитальцемъ, поддерживаемый кое-какими подачками персидскаго двора.

Одновременно съ усмиреніемъ внутреннихъ смутъ въ Грузіи велась и персидская война, представляющая серьезнѣйшія опасности. Къ счастію, на персидской границѣ стоялъ отрядъ хотя и малочисленный, имѣвшій притомъ противъ себя 30-ти-тысячную армію, но подъ предводительствомъ такого вождя, какъ Котляревскій. Ртищевъ, старавшійся всѣми силами избѣжать кровавыхъ столкновеній, предлагалъ персіянамъ заключить перемиріе и для ускоренія переговоровъ самъ прибылъ на границу. Но здѣсь ожидалъ его рядъ разочарованій; по мѣрѣ того, какъ онъ склонялся къ уступчивости, персіяне становились надменнѣе и, наконецъ,

потребовали перенесенія русской границы на Терекъ. Хорошо понимая, что каждый день промедленія даетъ непріятелю возможность усиливать свои войска и возмущать подвластныя Грузіи земли, пылкій Котляревскій, возмущавшійся опасною медлительностью главнокомандующаго, настойчиво, но напрасно требовалъ наступательныхъ дѣйствій. Наконецъ, воспользовавшись временнымъ отъѣздомъ главнокомандующаго въ Тифлисъ, по случаю кахетинскаго бунта, онъ рѣшился, принявъ всѣ послѣдствія на личную отвѣтственность, сразиться съ надменнымъ врагомъ, и 19-го октября 1812 года съ своимъ двухтысячнымъ отрядомъ перешелъ за Араксъ. Здѣсь въ кровопролитномъ двухъ-дневномъ сраженіи при Асландузѣ онъ истребилъ главную персидскую армію, а затѣмъ, перейдя въ Талышинское ханство, взялъ штурмомъ Ленкорань. Побѣды Котляревскаго, въ связи съ пораженіемъ эриванскаго сардаря при Кара-Беюкъ (3 апрѣля 1813 года) Тифлисскимъ полкомъ, подъ командою полковника Пестеля, вынудили персіянъ къ поспѣшному заключенію Гюлистанскаго мира, по которому ханства: Карабагское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и часть Талышинскаго съ крѣпостію Ленкоранью признаны на вѣчныя времена принадлежащими Россіи, и Персія отказалась отъ всякихъ притязаній на Дагестанъ, Грузію, Мингрелію, Имеретію и Абхазію.

Такимъ образомъ только энергическая дѣятельность вождей циціановской школы спасла Закавказье отъ печальныхъ результатовъ, которыми могли отозваться нерѣшительность и недальновидность Ртищева. Но Ртищевъ былъ замѣчательно честный человѣкъ. Онъ не только сознался въ ошибочности своихъ мнѣній, но въ своемъ донесеніи государю прямо указываетъ на энергію Котляревскаго, какъ на исключительную причину успѣховъ въ персидской войнѣ. Въ общей картинѣ персидскихъ сношеній онъ представилъ коварно замышленный непріятелемъ планъ, готовившій, во время переговоровъ о мирѣ, конечную гибель русскимъ войскамъ за Кавказомъ. Все было, по словамъ Ртищева, обдумано и хитро соображено и подготовлено персіянами: появленіе въ Кахетіи царевича Александра, съ деньгами для поддержанія смутъ, приглашеніе лезгинъ на алазанскую долину, откуда они шли на Грузію, мятежъ кахетинскихъ

дворянъ, занятіе персіянами преданнаго Россію Талышинскаго ханства, бунтъ въ горахъ и, наконецъ, появленіе самого Аббасъ-Мирзы, долженствовавшаго довершить ударъ. Спасши русское дѣло за Кавказомъ, самъ Котляревскій, израненый въ бояхъ, вынужденъ былъ оставить военное поприще, обѣщавшее ему такую блестящую будущность. Щедро награждая виновника побѣдъ, Котляревскаго, государь въ то же время пожаловалъ Ртищеву за Асландузскую побѣду орденъ св. Александра Невскаго, а за Гюлистанскій миръ— чинъ генерала отъ инфантеріи и право носить полученный имъ отъ персидскаго шаха брилліантовый орденъ Льва и Солнца 1-й степени.

Окончаніе войнъ съ Персіей и Турціей заставило присмирѣть и лезгинъ. И только разъ, осенью 1813 года, партія ихъ, спустившись съ горъ, заняла близъ деревни Пашана монастырь Іоанна Предтечи, съ намѣреніемъ ограбить нѣсколько ближайшихъ селъ по Алазани, но въ первую же ночь полковникъ Тихановскій съ Кабардинскимъ полкомъ атаковалъ монастырь и взялъ его приступомъ. Въ Кахетіи водворилось спокойствіе, нарушаемое развѣ только изрѣдка небольшими хищническими шайками, которыя однакоже всегда терпѣли пораженія.

Къ этому времени относится начало боевой извѣстности Нижегородскаго драгунскаго полка, расположеннаго тогда въ Царскихъ Колодцахъ. Драгуны дѣйствительно прослыли грозою лезгинъ, и ихъ молодецкія дѣла, подъ командою штабсъ-капитановъ: Щербакова, Маркова, Грабовскаго, поручика Дьякова и другихъ, открываютъ собою длинный рядъ славныхъ подвиговъ, которыми такъ богата ихъ полковая лѣтопись.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ шли дѣла въ Дагестанѣ у генерала Хатунцева. Поголовнаго возстанія въ горахъ во все это время собственно не было. Но тамъ нѣсколько лѣтъ къ ряду продолжалось мятежное волненіе умовъ, рыскали хищническія шайки и гнѣздились закоренѣлые подстрекатели бунтовъ: Шейхъ-Али-ханъ, Сурхай казикумыкскій, ханъ аварскій и, наконецъ, царевичъ Александръ, бѣжавшій сюда послѣ неудачъ, испытанныхъ въ Грузіи. Генералъ Хатунцевъ, располагавшій весьма небольшими силами, не могъ дѣйствовать наступательно, но онъ

пять лѣтъ стоялъ безсмѣннымъ стражемъ Дагестана и удержалъ полнѣйшее спокойствіе въ этой части Кавказа.

Когда же Сурхай съ трехтысячною партіею казикумыкцевъ, въ началѣ 1813 года, кинулся на с. Ричи и, вытѣснивъ оттуда русскій постъ, прорвался было въ Кюринскую область, Хатунцевъ вовремя поддержалъ кюринскаго хана горстью русскихъ войскъ (50-ю стрѣлками съ однимъ орудіемъ, подъ командою капитана Данибекова) и этимъ далъ ему возможность управиться съ Сурхаемъ. Кюринцы, имѣя въ головѣ 50 отборныхъ русскихъ стрѣлковъ, взяли штурмомъ деревню Колханы, и нанесли Сурхаю такое пораженіе, что тотъ не смѣлъ даже возвратиться въ Казикумыкъ, и въ сопровожденіи 30 человѣкъ бѣжалъ подъ покровительство персидскаго шаха. Заключеніе мира поставило его однакоже тамъ въ весьма щекотливое положеніе и, обманутый во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ, Сурхай рѣшилъ возвратиться на родину. Собравъ къ себѣ всѣхъ дагестанцевъ, шатавшихся по Персіи, онъ образовалъ партію въ 125 человѣкъ, съ которою и думалъ пробраться въ горы черезъ Елизаветпольскую провинцію. Но онъ былъ открытъ и настигнутъ окружнымъ начальникомъ, подполковникомъ Колотузовымъ съ милиціею, которая преслѣдовала его нѣсколько верстъ и, наконецъ, соединясь съ отрядомъ казачьяго подполковника Изволова, напала на него, по переправѣ черезъ Куру, на берегу рѣчки Кочкарки. 75-ти-лѣтній старикъ искалъ спасенія въ быстромъ бѣгствѣ. Но старшій сынъ его, извѣстный дагестанскій наѣздникъ Закаръ-Бекъ, видя, что отцу не уйти отъ погони, рѣшился пожертвовать собой и, повернувъ назадъ, съ отчаяніемъ кинулся на Колотузова. Самъ Закаръ-Бекъ и одинъ изъ старшихъ его сыновей, Ибрагимъ, вмѣстѣ съ восьмидесятью татарами, были изрублены; другой его сынъ и родной племянникъ Сурхая—захвачены въ плѣнъ; но Сурхай успѣлъ уйти въ Казикумыкскія горы. По представленію Ртищева, Колотузовъ получилъ орденъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, а Изволовъ—орденъ св. Анны 2 степени.

Ртищевъ не съумѣлъ воспользоваться пребываніемъ Сурхая въ Персіи, чтобы присоединить его владѣнія къ Россіи и сдѣлать Казикумыкъ навсегда безвреднымъ. Онъ ограничился лишь тѣмъ, что отдалъ ханство во временное управленіе Аслана-хана кюринскаго,

повидимому преданнаго русскимъ. Но это оказалось совершенно безполезнымъ. Когда Сурхай возвратился на родину, въ Кумыкѣ жилъ его сынъ Муртазали-Бекъ. Онъ предложилъ Асланъ-хану защищать Казикумыкское владѣніе и вызывался даже вмѣстѣ съ братомъ его, Фетъ-Али-Бекомъ, идти противъ отца въ передовомъ отрядѣ. Асланъ согласился. Но едва отошедши 10 верстъ отъ Кумыка, на привалѣ, Муртазали однимъ ударомъ шашки снесъ голову Фетъ-Али-Беку и отправилъ ее къ отцу въ доказательство сыновней преданности.

Не ожидавшій ничего подобнаго Асланъ-ханъ бѣжалъ и Сурхай, по его слѣдамъ, вступилъ въ свою столицу. По неприступности своей страны и слабости Ртищева, онъ остался даже ненаказаннымъ. И это было не единичнымъ случаемъ, а общимъ выраженіемъ всей политики Ртищева. Точно также онъ не воспользовался смертію хановъ шекинскаго и талышинскаго, чтобы присоединить ихъ владѣнія къ русскимъ провинціямъ и передалъ Шекинское—Измаилу-хану, а Талышинское—Миръ-Хассанъ-хану. Плоды подобной политики сказались весьма скоро.

Едва появившись въ Дагестанѣ, Сурхай началъ тотчасъ дѣйствовать противъ русскихъ и съумѣлъ повести дѣло такъ, что самъ Асланъ-ханъ кюринскій, опутанный его интригами, уже склонялся на его сторону. Постепенно втягиваясь въ роль заговорщика, онъ сталъ посѣщать Сурхая и сдѣлался въ Казикумыкѣ желаннымъ гостемъ. Хатунцевъ во-время замѣтилъ опасность и быстрымъ занятіемъ Кюринскаго ханства удержалъ его отъ возстанія.

Всѣ планы мятежниковъ рушились сами собою. Напрасно Сурхай въ безсильной злобѣ кинулся опустошать кюринскую землю: на самой границѣ ея, лѣтомъ 1815 года, онъ встрѣтилъ русскій батальонъ маіора Поздревскаго, и былъ разбитъ наголову. Подъ Асланъ-ханомъ, лично водившимъ въ бой кюринскую конницу, была убита лошадь, а родной его братъ, извѣстный своею храбростію Хассанъ-Бекъ кюринскій, получилъ тяжелую рану.

Хатунцевъ воспользовался этою побѣдою, чтобы засвидѣтельствовать о цѣломъ рядѣ отличій, оказанныхъ Троицкимъ пѣхотнымъ полкомъ, который возстановилъ въ Дагестанѣ свою боевую репутацію, утраченную имъ въ несчастномъ дѣлѣ при Султанъ-

Буда-Керчи. Императоръ Александръ милостиво принялъ это ходатайство и пожаловалъ полку новыя знамена, взамѣнъ отбитыхъ у него персіянами.

Дагестанъ присмирѣлъ и военныя дѣйствія продолжались только на Кавказской линіи. Такимъ образомъ время Ртищева въ Грузіи, начавшееся при обстоятельствахъ весьма тревожныхъ, окончилось относительнымъ спокойствіемъ и миромъ.

Въ послѣдній годъ командованія его случилось однако малоизвѣстное, но весьма любопытное обстоятельство, чуть-чуть не поведшее было къ волненіямъ въ самомъ Тифлисѣ. Въ краѣ учреждалась тогда особая грузино-имеретинская синодальная контора, долженствовавшая начать собою новую эру духовнаго управленія въ Грузіи. По примѣру московской синодальной конторы, предполагалось въ новомъ учрежденіи поставить на президентскомъ мѣстѣ императорскій тронъ; но трона въ Грузіи не было, и возникла мысль поставить вмѣсто него царское кресло, присланное Георгію XIII-му императоромъ Павломъ въ числѣ прочихъ царскихъ регалій. И вотъ, въ Тифлисѣ начали говорить, что синодальная контора будетъ представлять собою верховный судъ, въ которомъ, какъ выражается донесеніе Ртищева, „возстановятся прежнія права и власть царская...“ Слухи и толки росли, и злонамѣренныя личности пользовались этимъ обстоятельствомъ, проводя въ народную массу мысль, что главнокомандующій уже ничего не значитъ, что есть выше его учрежденіе изъ мѣстныхъ духовныхъ лицъ, что, наконецъ, можетъ возвратиться и царское правленіе. Ртищевъ, чтобы отнять самый поводъ къ разговорамъ, приказалъ кресло въ конторѣ не ставить. И когда жалобы на него по этому поводу въ Петербургѣ не имѣли успѣха, волненія и слухи мало-по-малу прекратились.

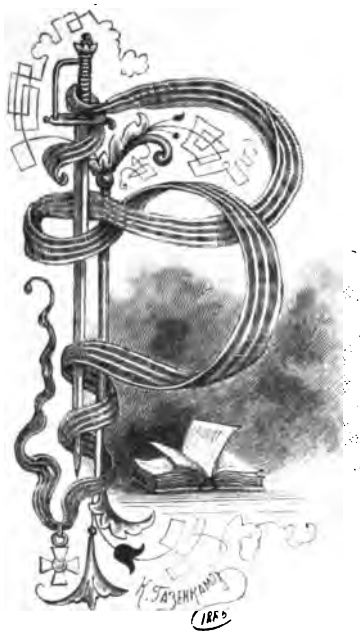
Къ концу командованія Ртищева генералъ Хатунцевъ отозванъ былъ изъ Дагестана и назначенъ командующимъ резервной кавказскою гренадерскою бригадою, а на мѣсто его прибылъ генералъ-маіоръ Тихановскій, бывшій до того военно-окружнымъ начальникомъ въ Ширванскомъ, Шекинскомъ и Карабагскомъ ханствахъ. Къ этому же времени относится ходатайство Ртищева о перенесеніи губернскихъ учрежденій изъ г. Георгіевска за 35 верстъ на

минеральныя пятигорскія воды. Но представленіе не имѣло успѣха; въ Петербургѣ нашли, что „губернскому городу на границѣ быть не годится, тѣмъ болѣе, что земли, окружавшія Пятигорскъ, принадлежали кабардинцамъ“.

Между тѣмъ долговременная служба, преклонныя лѣта и болѣзнь заставили Ртищева просить увольненія отъ должности. Государь исполнилъ желаніе маститаго старца, и высочайшимъ приказомъ 12 октября 1816 года Ртищевъ зачисленъ по арміи, а на мѣсто его главнокомандующимъ въ Грузію назначенъ генералъ-лейтенантъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, начавшій собою совершенно новый періодъ кавказской войны.

XXXVII.

Генералъ Симановичъ.



Въ ряду свѣтлыхъ именъ блестящей циціановской эпохи одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ имени Симановича, посвятившаго Кавказу 15 лѣтъ своей трудовой и въ высшей степени талантливой службы.

Южный славянинъ родомъ, Федоръ Филипповичъ Симановичъ получилъ весьма солидное военное образованіе въ рядахъ австрійской арміи, изъ которой въ 1793 году и перешелъ въ русскую службу „поручикомъ". Боевая извѣстность Симановича начинается только спустя восемь лѣтъ, когда Кавказскій гренадерскій полкъ, въ которомъ онъ служилъ подполковникомъ, былъ передвинутъ въ Грузію и батальонъ его весною 1801 года размѣстился въ пограничныхъ крѣпостяхъ Гори, Сурамѣ и Цхинвали. Самъ Симановичъ съ батальоннымъ штабомъ занялъ Гори, при сліяніи Куры и Ніахвы, издавна служившій ключомъ въ Карталинію, такъ что намѣстники Шахъ-Надира, властвовавшіе въ Грузіи, жили именно въ Гори.

Прибытіе батальона и мѣры, принятыя по всей границѣ Симановичемъ, были какъ нельзя болѣе кстати, потому что, пользуясь смутнымъ временемъ, лезгины и турки угрожали Карталиніи.

Привыкшіе къ побѣдамъ надъ грузинскимъ населеніемъ, лезгины не хотѣли обращать вниманіе на горсть людей, пришедшихъ съ далекаго сѣвера; они не знали, съ кѣмъ будутъ имѣть дѣло. Нужно сказать, что Кавказскій полкъ (нынѣ Грузинскій гренадерскій Е. И. В. великаго князя Константина Николаевича, а тогда гренадерскій полкъ Тучкова), сформированный въ 1784 г. изъ частей Астраханскаго полка, стоявшаго на линіи, и Томскаго, ходившаго въ Грузію подъ предводительствомъ Тотлебена, пріобрѣлъ огромную военную опытность на линіи, гдѣ онъ содержалъ кордоны между Георгіевскомъ и Екатериноградомъ; и славное участіе, которое онъ принималъ въ пораженіи Баталъ-паши на Кубани и въ штурмѣ Анапы съ Гудовичемъ, могло служить уже достаточнымъ основаніемъ его боевой славы.

Лезгинамъ пришлось убѣдиться въ ошибочности своего мнѣнія о пришельцахъ въ первой встрѣчѣ, происшедшей на турецкой границѣ 20-го іюля 1801 года. Сильная партія ихъ и турокъ занимала крутую и каменистую гору, пестрѣвшую множествомъ распущенныхъ значковъ, подъ которыми гудѣла азіятская музыка и пѣли дервиши, стараясь возбудить религіозный фанатизмъ въ мусульманахъ. У Симановича было всего 150 гренадеръ и 20 казаковъ. Понимая значеніе перваго дѣла и зная, что видъ наклоненныхъ штыковъ, барабанный бой и крики „ура!“ способны произвести на азіятцевъ сильное впечатлѣніе, Симановичъ приказалъ развернуть батальонное знамя, и съ музыкою повелъ въ атаку своихъ гренадеръ. Лезгины заколебались сразу, чувствуя, что имъ не удержать эту сплошную надвигавшуюся стѣну, и стали поспѣшно отступать къ ущелью Кохаджеби. Симановичъ быстрымъ движеніемъ преградилъ имъ путь, и тутъ, при самомъ входѣ въ ущелье, произошла отчаянная битва, окончившаяся такимъ пораженіемъ горцевъ, что съ этого времени ни одна изъ партій уже не осмѣливалась открыто появляться въ окрестностяхъ Гори или Сурама; и только разбойничьи шайки продолжали еще скитаться по границѣ, нападая на оплошныхъ грузинъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ шаекъ, впрочемъ, отличались необыкновенною дерзостью и представляли серьезную опасность. Въ числѣ ихъ особенною извѣстностію пользовалась въ то время шайка зна-

менитаго лезгинскаго белада Кази-Махмада, наводившаго однимъ своимъ именемъ трепетъ по всей Грузіи. Уже нѣсколько лѣтъ онъ хозяйничалъ въ ея предѣлахъ, и никто не превосходилъ его отвагою и счастіемъ въ наѣздахъ. Ему приписывались, какъ это обыкновенно водится въ подобныхъ случаяхъ, сверхъестественныя свойства, и суевѣріе жителей охраняло его лучше всякихъ карауловъ. Долго Симановичъ слѣдилъ за этою шайкой, но, наконецъ, ему удалось-таки накрыть ее врасплохъ во время отдыха въ лѣсистомъ ущельи Пчнавари. Занявъ предварительно всѣ выходы изъ ущелья. Симановичъ потребовалъ сдачи; но получивъ отказъ и видя, что перестрѣлка поведетъ за собою только напрасныя потери, приказалъ покончить дѣло штыками. Лезгины рѣшились дорого продать свою жизнь; встрѣтивъ нападающихъ залпомъ, они кинулись въ кинжалы и шашки. Произошла рѣзня въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Кази-Махмадъ однимъ изъ первыхъ палъ подъ ударами штыковъ, а за нимъ сложили свои буйныя головы одинъ за другимъ и его безстрашные сподвижники. Такъ погибъ знаменитый беладъ, подвиги котораго донынѣ воспѣваются грузинскими сазандарами.

Но изъ цѣлаго ряда мелкихъ и почти непрерывныхъ эпизодовъ, въ которыхъ проходила жизнь Симановича и его батальона, выдается довольно крупный случай экспедиціи въ горы къ осетинамъ. Осетины жили въ ущельяхъ главнаго Кавказскаго хребта, преимущественно по рѣкамъ Большой и Малой Ліавѣ, по Арагвѣ и Тереку.

Если вникнуть въ бытъ этого народа, то легко удостовѣриться, что, при всей его дикости, онъ сохранилъ слѣды лучшаго происхожденія, чѣмъ прочіе горскіе народы. Чистота и удобство жилищъ, шкафы, кровати, кресла съ рѣзьбою — о чемъ сосѣдніе народы, даже болѣе ихъ образованные, не имѣли и понятія — все свидѣтельствуетъ, что осетины—суть остатки какого-то образованнаго народа Азіи, загнаннаго сюда, въ трущобы Кавказа, бурями, потрясавшими древній азіятскій міръ. Быть можетъ, осетины суть тѣ самые яссы, которые платили дань Святославу. Въ ихъ языкѣ очень много славянскихъ и нѣмецкихъ корней словъ.

Осетины съ давнихъ временъ были въ вассальной зависимости

отъ грузинскихъ царей; но въ послѣдніе дни царствованія Георгія, пользуясь внутренними смутами въ Грузіи, они вышли изъ повиновенія и стали дѣлать набѣги даже на грузинскія села. Такъ какъ восточные предѣлы Осетіи захватываютъ военно-грузинскую дорогу, то отложеніе ихъ могло отозваться на сношеніи Грузіи съ линіей,—и Симановичъ получилъ приказаніе усмирить осетинъ оружіемъ.

Въ февралѣ 1802 года, отрядъ изъ семи ротъ пѣхоты, полусотни казаковъ и двухъ полевыхъ орудій собрался въ городѣ Мцхетѣ. Но въ самый день выступленія получено было извѣстіе, что осетины, покинувъ свои деревни, удалились въ недоступныя горныя ущелья. Симановичъ тѣмъ не менѣе вышелъ въ походъ, съ твердымъ намѣреніемъ найти непріятеля. Только люди, близко знакомые съ кавказскими горами, могутъ себѣ представить, что значило проникнуть въ февральскую распутицу въ самое сердце Осетіи, преодолѣвъ и снѣговыя, подоблачныя выси, и неприступные утесы, и горные каскады, охваченные льдомъ, и страшныя стремнины и скалы, на которыхъ никогда не бывала нога человѣка. Но все это было преодолѣно, и послѣ изумительныхъ трудовъ и усилій въ борьбѣ съ природой, Симановичъ, какъ снѣгъ на голову, появился передъ изумленнымъ населеніемъ Осетіи. Впечатлѣніе было такъ сильно, что осетины безпрекословно положили оружіе, дали аманатовъ и въ тотъ же день начали обратное переселеніе съ горъ въ родные аулы.

Введя порядокъ во всей нагорной Осетіи, Симановичъ воспользовался случаемъ, чтобы возродить въ средѣ осетинъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ утраченное христіанство, и съ этою цѣлью оставилъ среди нихъ нѣсколькихъ миссіонеровъ.

Блистательная и безпримѣрная по своимъ результатамъ экспедиція эта окончилась въ 12 дней. Замѣчательно, что подполковникъ Симановичъ во время этого пути лично составилъ подробную карту пройденныхъ имъ мѣстностей, которая, при тогдашней скудости картографическихъ матеріаловъ, составила весьма цѣнный вкладъ въ общій итогъ имѣвшихся тогда свѣдѣній о Кавказскомъ краѣ *).

*) Вообще тогда ни плановъ, ни картъ, касающихся Закавказья, почти не было. Правда, что офицеры квартирмейстерской части—нынѣшній генеральный

„Донесеніе ваше о приведеніи осетинъ въ покорность однѣми благоразумными и кроткими мѣрами, безъ пролитія крови,—писалъ императоръ Александръ къ главнокомандующему въ Грузіи генералъ-лейтенанту Кноррингу:—я принялъ съ совершеннымъ удовольствіемъ, и, отдавая полную справедливость подполковнику Симановичу, пожаловалъ его кавалеромъ ордена св. Владиміра 3-й степени, который вмѣстѣ съ рескриптомъ, при семъ прилагаю". Это былъ одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ случаевъ пожалованія этимъ орденомъ въ чинѣ подполковника.

Такова была дѣятельность Симановича въ Гори. Въ исторіи Грузинскаго полка дѣйствія его не разъ порицаются, и авторъ указываетъ на полное будто бы незнакомство его съ горною войной. Однако же результаты распоряженій Симановича, доставившіе ему уже тогда почетную извѣстность, едва ли оправдываютъ такой взглядъ на него.

Между тѣмъ, съ 1803 года въ Закавказьѣ начинается цѣлый рядъ войнъ съ Персіей и Турціей, которыя дали Симановичу случай вполнѣ выказать свои блестящія военныя дарованія. Штурмъ Ганжи доставилъ ему орденъ св. Георгія 4-й степени, а за отличіе въ сраженіи подъ Эриванью, 15-го іюля 1804 года, онъ произведенъ въ полковники. Здѣсь ему пришлось обратить на себя особое вниманіе Циціанова тѣмъ, что въ день генеральнаго сраженія подъ стѣнами крѣпости, когда осадный корпусъ былъ атакованъ всею персидскою арміею, Симановичъ съ своимъ батальономъ выдержалъ упорный бой со всѣми силами эриванскаго хана—и отстоялъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ блокадной линіи, караванъ-сарай, гдѣ были запасы и помѣщалась главная квартира Циціанова.

„Въ этомъ сраженіи—писалъ главнокомандующій къ государю:—наибольшій успѣхъ принадлежитъ именно этому храброму офицеру, который, не смотря на то, что большая часть его батальона была на пикетахъ, съ горстію людей отразилъ нападеніе, упорство котораго превзошло всѣ ожиданія". И въ томъ же 1804 году Сима-

---

штабъ—дѣлали съемки, но всѣ карты отправлялись въ Петербургъ, причемъ главнокомандующему не оставлялось даже копій, «какъ будто бы,—по справедливому замѣчанію Циціанова,—онѣ тамъ нужнѣе, чѣмъ генералу, который здѣсь дѣйствуетъ».

новичъ, по ходатайству Циціанова, назначенъ шефомъ Кавказскаго гренадерскаго полка.

Въ кампанію 1805 года Симановичъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ генерала Неевѣтаева въ экспедиціи его къ Амарату, при выводѣ въ русскія владѣнія Джафаръ-Кули-хана хойсскаго, и потомъ командовалъ войсками въ бомбакскомъ и шурагельскомъ участкахъ.

Изъ немногихъ извѣстій, сохранившихся до нашего времени о дѣятельности Симановича въ Шурагелѣ, обращаетъ на себя вниманіе разсказъ о слѣдующемъ боевомъ эпизодѣ. 29 апрѣля 1806 года сильная персидская партія, человѣкъ въ 700, прорвавшись въ наши предѣлы, угнала скотъ близъ разореннаго селенія Сухинъ-Верды. По распоряженію Симановича капитанъ Зарубинъ съ 60 гренадерами, есаулъ Герцовъ съ конной сотнею донцовъ и татаръ, и наконецъ маіоръ Шмидтъ, съ 40 гренадерами и 20 казаками, двинулись за нею въ погоню. Пока Зарубинъ и Шмидтъ форсированнымъ маршемъ шли наперерѣзъ, чтобы запереть непріятелю выходъ изъ горъ, Герцовъ уже настигъ его въ самыхъ горахъ, и видя, что ему на помощь пѣхоты разсчитывать нельзя, но что при малѣйшемъ промедленіи съ его стороны непріятель уйдетъ безнаказанно,—тотчасъ спѣшилъ свою молодецкую сотню и одинъ повелъ стремительную атаку. Персіяне, видѣвшіе до сихъ поръ погоню за собою одной только конницы, до того смутились теперь внезапнымъ появленіемъ пѣхоты, что приняли ее за русскихъ гренадеръ и обратились въ бѣгство. Тогда и лихой есаулъ, крикнувъ своимъ донцамъ и татарамъ „на-конь!“ пустился въ погоню, насѣлъ на бѣжавшихъ,—и непріятель, на протяженіи 15 верстъ, оставилъ болѣе ста человѣкъ изрубленными, весь скотъ и много плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ вліятельный персидскій ханъ. Казаки Захаръ Исаевъ и Аверьянъ Карташовъ отбили бѣлое персидское знамя, сопровождавшее въ бою начальника партіи. Въ отрядѣ убитыхъ не было; раненыхъ же оказалось двое: сынъ шурагельскаго владѣтеля Будахъ-Султана—саблею и одинъ казакъ—пулею. Самая ничтожность потери, какъ результатъ быстроты и рѣшимости дѣйствія при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ происходила битва—есть уже лучшая похвала кавалеріи.

Изъ Шурагеля Симановичъ былъ вызванъ графомъ Гудовичемъ въ главный дѣйствующій корпусъ и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ осадѣ Ахалкалакъ, въ блистательной побѣдѣ на Арпачаѣ и наконецъ на штурмѣ Эриванской крѣпости. Здѣсь онъ получилъ тяжелую рану въ голову и долженъ былъ надолго покинуть ряды любимыхъ гренадеръ.

Назначенный, въ исходѣ 1809 года, командующимъ войсками въ Имеретіи, Симановичъ прибылъ въ Кутаисъ въ то тревожное время, когда главнокомандующій, генералъ Тормасовъ, не довольствуясь уже номинальною покорностію имеретинскаго царя, потребовалъ отъ него полнаго подчиненія волѣ русскаго оружія. И такъ какъ отвѣтъ на этотъ ультиматумъ въ назначенный срокъ не былъ полученъ, то Симановичъ, 20 февраля 1810 года, объявилъ престолъ имеретинскаго царства упраздненнымъ, и въ тотъ же день двинулъ войска: одни изъ Кутаиса, для приведенія жителей къ присягѣ на подданство русскому царю, другія—изъ Грузіи, для занятія пограничныхъ крѣпостей, считавшихся, по своему выгодному положенію, ключомъ въ Имеретію.

Напрасно Соломонъ старался затянуть переговоры до того времени, когда дремучіе лѣса одѣнутся листвой и разольются горныя рѣчки, чтобы начать тогда партизанскую войну. Симановичъ не далъ ему времени организовать свои военныя силы и менѣе нежели въ мѣсяцъ, разбивъ и разсѣявъ всѣ вооруженныя партіи, покорилъ Имеретію. Самъ Соломонъ, будучи запертъ искуснымъ движеніемъ русскихъ отрядовъ въ Вардъ-цихе, положилъ оружіе и былъ отправленъ въ Тифлисъ въ качествѣ военно-плѣннаго. Побѣды въ Имеретіи доставили Симановичу чинъ генералъ-маіора и назначеніе въ должность правителя Имеретіи, Абхазіи, Мингреліи и Гуріи.

Спокойствіе въ покоренномъ краѣ продолжалось однако всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Соломонъ успѣлъ бѣжать изъ Тифлиса, и появленіе его среди имеретинцевъ было сигналомъ къ новому возстанію, которое при тогдашнихъ усложненіяхъ, потребовало уже значительнаго усиленія войскъ въ Имеретіи. Симановичъ принялся однако за дѣло съ своею обычною энергіею. Не тратя времени на безполезные переговоры съ царемъ, онъ быстро выступилъ изъ

Бутаиса противъ инсургентовъ. Цѣлый рядъ пораженій, нанесенныхъ имъ въ теченіе короткаго времени: у Вардъ-цихе, въ окрестностяхъ Гелатскаго монастыря, у Гоксы, въ Тавазахъ, въ Сазано и Сакоро,—привелъ къ тому, что имеретинцы толпами стали покидать царя, при которомъ вскорѣ осталось не болѣе пятисотъ человѣкъ пѣхоты и конницы. Опасаясь при томъ измѣны, Соломонъ безпрерывно мѣнялъ мѣсто своего пребыванія; дни онъ проводилъ въ лѣсахъ и ущельяхъ, а ночи—въ потаенныхъ пещерахъ, скрываясь даже отъ собственныхъ войскъ, которыя никогда не знали, гдѣ онъ ночуетъ.

Наконецъ, утомленный физически и нравственно, царь съ малымъ числомъ своихъ приближенныхъ успѣлъ пробраться въ Ханійское ущелье, гдѣ стояло вспомогательное турецкое войско. Но когда и это ущелье было взято войсками Симановича штурмомъ, онъ вынужденъ былъ покинуть родину и искать спасенія въ турецкихъ предѣлахъ. Синановичъ перенесъ за нимъ оружіе въ Турцію, разбилъ встрѣтившія его войска въ горномъ проходѣ Маджасъ-Цхали и, соединившись потомъ съ Тормасовымъ, участвовалъ съ нимъ въ кратковременной осадѣ Ахалцыха.

Въ исходѣ 1810 года послѣ того какъ Соломонъ бѣжалъ въ Ахалцыхъ, Симановичъ могъ наконецъ заняться внутреннимъ устройствомъ Имеретіи, которая, послѣ двукратнаго покоренія ея оружіемъ, была обращена въ простую русскую провинцію. Не скоро однако могли изгладиться въ несчастной странѣ слѣды борьбы. Поля и виноградные сады стояли долгое время не воздѣланными, деревни лежали въ развалинахъ, а жители скрывались въ лѣсахъ, избѣгая сношеній даже между собою. Къ бѣдствіямъ, причиненнымъ войною, присоединились небывалыя въ краѣ наводненія, голодъ и заразительныя болѣзни, отъ которыхъ въ короткое время погибло болѣе 35 тысячъ человѣкъ, не считая тѣхъ, которые разбрелись по сосѣднимъ провинціямъ кормиться милостынею. Симановичу пришлось положить много труда, чтобы спасти по крайней мѣрѣ послѣдніе остатки населенія, и дѣятельность его въ этомъ смыслѣ была такъ плодотворна, заслуги его были такъ велики, что достойное имя этого человѣка, умѣвшаго въ мирѣ быть

настолько же благороднымъ, какъ и на войнѣ, понынѣ живетъ въ благодарной памяти имеретинскаго народа.

Къ этому времени относится письмо главнокомандующаго, генерала Тормасова, показывающее, какъ высоко цѣнились заслуги, взгляды и мнѣнія Симановича. „Уважая опытность и заслуги ваши—писалъ къ нему Тормасовъ:—и имѣя истинное къ вамъ расположеніе, мнѣ весьма пріятно быть съ вами вполнѣ откровеннымъ. Не скрою отъ васъ, что судя по необычайнымъ приготовленіямъ къ войнѣ двухъ сильныхъ соединенныхъ непріятелей, персіянъ и турокъ, на будущее лѣто намъ нужно будетъ много усилій, чтобы сохранить цѣлость Грузіи. Въ этихъ-то видахъ я полагалъ бы взять отъ васъ Грузинскій гренадерскій полкъ, какъ такой, который, находясь подъ вашею командою, лучше другихъ привыкъ къ военнымъ дѣйствіямъ и болѣе другихъ надеженъ въ сраженіи, тѣмъ болѣе, что всякій другой полкъ, который замѣститъ его въ Имеретіи, подъ вашимъ опытнымъ начальствомъ будетъ скоро хорошъ и надеженъ для обороны края.

„При томъ, судя по природному мѣстоположенію Имеретіи, наполненной горами и лѣсами, и зная собственное ваше заключеніе изъ бывшаго у меня съ вами личнаго разговора, я полагаю, что тамъ съ большою пользою можно употребить егерей. Поэтому я думаю назначить въ Имеретію 15 егерскій полкъ и полагаю, что въ шефѣ его, полковникѣ Печерскомъ, вы встрѣтите хорошаго помощника.

„Впрочемъ привыкнувъ всегда соглашаться съ вашими мнѣніями, я и на этотъ разъ буду ожидать вашего отвѣта“.

Отвѣтъ Симановича былъ утвердительный, несмотря на то, что его собственное положеніе было затруднительно, и трапезондскій паша съ 16-ти тысячнымъ войскомъ уже стоялъ на границѣ Имеретіи. Къ счастію, дѣло не дошло до кровавой развязки; распри, возникшія подъ Карсомъ между эрзерумскимъ сераскиромъ и персіянами, разстроили весь планъ предстоявшей кампаніи и побудили трапезондскій отрядъ поспѣшно отступить къ Батуму.

Едва Имеретія стала оправляться и залѣчивать свои тяжкія раны, какъ Симановичъ былъ вызванъ въ Кахетію, для усмиренія возникшаго тамъ мятежа, а вслѣдъ затѣмъ, 22-го марта 1813

года, назначенъ военнымъ губернаторомъ Грузіи *), облеченный большими полномочіями. Но еще онъ не успѣлъ вступить въ управленіе краемъ, какъ обстоятельства вновь вызвали его на боевое поприще; и на этотъ разъ дѣло, совершенное имъ, безпримѣрно въ кавказской войнѣ.

Царевичъ Александръ и его приверженцы, послѣ пораженія ихъ въ Кахетіи, укрылись въ Хевсурію, оставаясь въ близкомъ и опасномъ для русской власти сосѣдствѣ съ Грузіею и въ то же время почти въ безопасности для себя, за громаднымъ, подоблачнымъ хребтомъ, отдѣляющимъ Хевсурію и непроходимымъ весною даже для испытанныхъ кавказскихъ солдатъ.

Въ Грузіи существовало даже убѣжденіе, что послать въ Хевсурію войско—значитъ то же, что похоронить его заживо среди хевсурскихъ скалъ, стремнинъ и бездонныхъ пропастей. Природа Хевсуріи сурова, какъ и нравы ея обитателей. Охваченная вѣчною зимою, она гармонируетъ вполнѣ съ сумрачнымъ видомъ людей, суровыя лица которыхъ, кажется, не допускаютъ мысли объ улыбкѣ и веселье. Хевсуры—народъ, для котораго какъ бы не существовали никакія историческія событія и народныя движенія. Забравшись подъ самые карнизы вѣчныхъ снѣговъ Кавказскаго хребта и оградившись ими, какъ неприступною гранью, они въ теченіе вѣковъ жили, не мѣняя ничего ни въ формахъ своей политической жизни, ни въ домашнемъ быту, ни даже въ костюмѣ и вооруженіи. Ихъ вѣрованія, обычаи, языкъ,—однимъ словомъ, всѣ важныя и всѣ мелочныя стороны ихъ быта какъ бы застыли отъ вѣчнаго холода снѣговыхъ вершинъ; они какъ святыня хранятся и переходятъ изъ рода въ родъ неприкосновенными.

Тщательно собравъ всѣ свѣдѣнія, какія только можно было добыть о дорогахъ, ведущихъ въ эту полумиѳическую землю, Симановичъ прежде всего принялъ мѣры къ тому, чтобы удержать въ повиновеніи сосѣдній съ хевсурами сильный Пшавскій народъ. Съ этою цѣлію онъ весьма предусмотрительно арестовалъ весь пшавскій скотъ, въ числѣ сорока тысячъ, ходившій на плоскости.

*) Офиціальное названіе этой должности было: «Грузинскій гражданскій губернаторъ на правахъ военнаго».

Послѣдствія показали, насколько эти „аманаты“ были благонадежнѣе всякихъ другихъ; пшавы, имѣвшіе полную возможность запереть Симановичу выходъ изъ Хевсурскихъ горъ, теперь ему же служили лазутчиками и проводниками.

Въ то же самое время, опасаясь диверсіи въ пользу хевсуровъ со стороны лезгинъ и ахалцыхскихъ турокъ, Симановичъ поручилъ наблюденіе за карталинскою границею Терскому казачьему полку, вызванному съ линіи, который и поддержалъ достойнымъ образомъ старинную славу терскаго казачьяго войска. При первой попыткѣ турокъ вторгнуться въ русскіе предѣлы, триста линейцевъ, подъ командою войскового старшины Золотарева, встрѣтили ихъ на границѣ и, несмотря на громадное неравенство силъ, разбили такъ, что никакихъ попытокъ съ этой стороны уже больше не повторялось.

Между тѣмъ войска, назначенныя къ походу, были готовы и, выждавъ наступленіе весны, 23 мая, одновременно и съ четырехъ разныхъ сторонъ вступили въ Хевсурію. Первая колонна, подъ личною командой Симановича, прошла черезъ землю тушиновъ; вторая, полковника Тихановскаго, черезъ Пшавію; третья, генералъ-маіора Сталя, отъ Пассанаура черезъ Гудамакарскій проходъ, и четвертая, полковника Казбека, черезъ ущелье.

Съ перваго шага въ горы для всѣхъ отрядовъ началась одна и та же борьба съ ужасами грозной кавказской природы, и трудно сказать, которая изъ колоннъ перенесла больше трудовъ и лишеній. Мѣстность была вездѣ одинаково недоступна: громадные, неталые снѣга еще лежали въ горахъ повсемѣстно, представляя одну безбрежную, снѣговую пустыню, безъ малѣйшаго признака жизни: ослѣпительная бѣлизна снѣга невыносимо рѣзала глаза и затемняла зрѣніе, а между тѣмъ дорога лѣпилась по обледенѣлымъ тропинкамъ, проложеннымъ по самому краю стремнинъ и бездонныхъ пропастей. Утопая въ снѣгу, едва переводя дыханіе, спираемое рѣзкимъ воздухомъ, русскія колонны взбирались все выше и выше въ заоблачныя пространства, таща на себѣ тяжелыя орудія. „Кто самъ не совершалъ подобныхъ переходовъ—говоритъ Зиссерманъ въ своихъ запискахъ:—тому никакое описаніе не дастъ достаточно рельефнаго изображенія“.

Переваливъ, наконецъ, черезъ горы, всѣ четыре колонны сошлись у с. Лебайс-Кари и отсюда двинулись къ Аргунскому ущелью, которое по справедливости считается однимъ изъ самыхъ величественныхъ мѣстъ въ цѣлой Хевсуріи. Здѣсь быстрая Аргунь начинаетъ свое теченіе маленькимъ, едва замѣтнымъ водопадомъ, съ тѣмъ чтобы чрезъ нѣсколько верстъ, у селенія Шатиля, превратиться уже въ бурный потокъ, который между стѣснившими его отвѣсными скалами съ ревомъ и грохотомъ низвергается по каменнымъ ступенямъ внизъ цѣлою массою бѣлой пѣны. Въ Аргунскомъ ущельѣ хевсуры и кистины и собрались въ значительномъ числѣ, чтобы остановить вторженіе русскихъ. Но Симановичъ пошелъ напроломъ и штурмовалъ ущелье.

Два дня длилось упорное сраженіе, но на третій хевсуры бѣжали, послѣ того какъ сильно укрѣпленная деревня ихъ Гуро, стоявшая въ центрѣ позиціи, была взята приступомъ.

Дорога къ Шатилю была открыта. Шатиль — главное селеніе хевсурскаго народа. Это былъ аулъ небольшой, всего дворовъ пятьдесятъ, въ которыхъ жило не больше двухсотъ человѣкъ вооруженныхъ людей, но эта горсть, закаленная въ постоянной войнѣ, была фанатически привязана къ своему родному гнѣзду и до сихъ поръ не только отбивалась отъ всѣхъ непріятельскихъ покушеній, но сторожила входъ и въ остальную Хевсурію. Въ нѣсколькихъ верстахъ впереди аула, въ самой тѣснинѣ ущелья, хевсуры заняли послѣднюю позицію, а 3 іюня подошли сюда и русскія войска. Вся обстановка, въ которой находился отрядъ, производила необыкновенно воинственное настроеніе. Дикое, мрачное ущелье, сдавленное нависшими громадами скалъ, неистовый ревъ Аргуни, черезъ которую нужно было переправляться подъ огнемъ непріятеля; закоптѣлыя сакли и башни деревень, лѣпившіяся, какъ орлиныя гнѣзда, Богъ вѣсть на какой высотѣ по уступамъ горъ и сверху до низу унизанныя кровавыми трофеями; наконецъ, самые жители, съ головы до ногъ закованные въ желѣзо, въ шеломахъ, съ древними щитами—все дѣйствовало необыкновенно возбуждающимъ образомъ. Началась битва. Обѣ стороны боролись съ одинаковымъ мужествомъ; но всѣ усилія изумленнаго непріятеля остановить побѣдоносныя войска оказались тщетными. Хевсуры были

снова разбиты, а Шатиль, гордившійся столько вѣковъ своею неприступностью, палъ передъ русскими колоннами.

Разрушивъ до дцадцати хевсурскихъ деревень, которыя были взяты штурмомъ, Симановичъ отрядилъ полковника Тихановскаго въ землю Кистинъ, куда бѣжалъ царевичъ Александръ послѣ пораженія хевсуровъ.

Не успѣлъ сдѣлать отрядъ Тихановскаго половины перехода, а кругомъ стала замѣчаться рѣзкая перемѣна и въ природѣ и въ людяхъ. Суровыя и голыя горы Хевсуріи точно раздвинулись и смѣнились болѣе привѣтливымъ горнымъ ландшафтомъ. Мягкіе контуры окрестныхъ горъ и свѣжая зелень лѣсовъ пріятно поражали глазъ, утомленный дикимъ видомъ громадъ негостепріимной Хевсуріи, о близости которой еще ясно говорила бѣшеная Аргунь, по прежнему съ ревомъ и грохотомъ несшаяся по ущелью. Повсюду начинались ширь и просторъ. Сквозь прозрачныя волны горнаго воздуха вдали причудливо рисовались лѣсистые хребты тогда еще мало извѣстной Чечни, кругомъ разстилались пастбища, и самыя поля, воздѣланныя жителями, показывали уже присутствіе и трудъ человѣка,—зрѣлище, отъ котораго успѣлъ отвыкнуть глазъ, видѣвшій только снѣгъ, да поросшія мхомъ хевсурскія скалы. И жители среди этой природы были совершенно другіе. Кистины, принадлежащіе къ чеченскому племени, не имѣютъ уже той суровой наружности и оригинальной одежды, которыми отличаются хевсуры,—они говорятъ и одѣваются, какъ чеченцы. По условіямъ мѣстности они дерутся преимущественно пѣшкомъ, и шашка встрѣчается въ ихъ вооруженіи чрезвычайно рѣдко; но за то ихъ длинные лезгинскіе кинжалы, которыми они владѣютъ въ совершенствѣ, наносятъ страшные удары, и все, къ чему прикасается лезвіе ихъ, раздваивается пополамъ.

Испытавшимъ трудности хевсурскаго похода кистинская экспедиція была дѣломъ относительно легкимъ. Тихановскій въ короткое время разгромилъ Кистинъ и заставилъ царевича бѣжать въ Дагестанъ, гдѣ большая часть лезгинъ отказалась даже впустить его въ свои селенія, и лишь одно Осокольское вольное общество согласилось наконецъ дать ему убѣжище, ставшее тѣмъ не менѣе могилой его политической роли, такъ какъ съ тѣхъ поръ

имя его уже болѣе не встрѣчается въ русскихъ военныхъ реляціяхъ.

Такимъ образомъ цѣль экспедиціи была достигнута, и 15 іюня отрядъ возвратился въ Кахетію. Перенесенные труды войскъ были поистинѣ неимовѣрны; и даже тѣ, кто дѣлалъ знаменитый Альпійскій походъ съ Суворовымъ и потомъ былъ въ Хевсуріи съ Симановичемъ, откровенно сознавались, что препятствія и труды послѣдняго похода далеко превышали испытанные на Альпахъ. Въ первый разъ еще развились въ недоступныхъ глубинахъ горъ Кавказа побѣдоносныя знамена врага, и въ первый разъ побѣждены были народы, которые никогда побѣждаемы не были. И эта побѣда и природы, и непобѣдимыхъ людей имѣла огромное значеніе.

„Какъ великъ былъ страхъ, наведенный на всѣхъ окрестныхъ горцевъ побѣдой Симановича—говоритъ Зиссерманъ:—можно судить по тому, что 30 слишкомъ лѣтъ послѣ этого впечатлѣніе еще не изгладилось, и мнѣ приходилось въ разговорѣ съ стариками хевсурами и пшавами замѣчать, съ какимъ ужасомъ они вспоминали объ участи, постигшей тогда ихъ села".

Наградою Симановичу былъ орденъ св. Георгія 3 класса. Георгіевскіе же кресты 4 степени получили за хевсурскій походъ Кабардинскаго полка маіоръ князь Иванъ Орбеліани,—извѣстный храбрецъ, тяжело раненый въ этотъ походъ двумя пулями, и капитанъ Трофимъ Юдинъ.

Хевсурскій походъ былъ къ несчастію послѣднимъ актомъ боевой дѣятельности Симановича. Возвратившись въ Тифлисъ, онъ было энергично принялся за устройство внутреннихъ дѣлъ въ Грузіи, представленный въ то же время, за отличіе по службѣ, къ чину генералъ-лейтенанта. Но онъ уже не имѣлъ утѣшенія дождаться этой послѣдней награды; онъ умеръ скоропостижно, 2 ноября 1815 года, за грудами бумагъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Смерть его произошла мгновенно,—отъ удара, бывшаго послѣдствіемъ какъ многотрудныхъ занятій его, такъ и тяжкой раны, полученной въ голову еще подъ Эриванью.

Кавказъ потерялъ въ Симановичѣ одного изъ тѣхъ незамѣнимыхъ людей, дѣятельность которыхъ принадлежитъ не имъ однимъ, а всему отечеству.

XXXVIII.

Котляревскій.

Тебя я воспою, герой.
О Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты герой—
Твой путь какъ черная зараза
Губилъ, ничтожилъ племена...
Ты днесь покинулъ саблю мести,
Тебя не радуетъ война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ.

А. Пушкинъ.

О Котляревскій! вѣчной славой
Ты озарилъ кавказскій штыкъ!
Помянемъ путь его кровавый,—
Его полковъ побѣдный кликъ...

Домонтовичъ.

Свѣтлая жизнь Котляревскаго—говоритъ одинъ изъ его біографовъ:—рѣзко распадается на двѣ совершенно отдѣльныя части: въ продолженіе первой онъ служитъ славой и гордостью русскаго войска; въ теченіе второй—украшеніемъ всего человѣчества. Первая ознаменована геройскими побѣдами, вторая посвящена безропотнымъ тридцатидевяти-лѣтнимъ страданіямъ отъ множества ранъ, полученныхъ имъ на Кавказѣ.

Сынъ бѣднаго сельскаго священника, Петръ Степановичъ Котляревскій родился 12 іюня 1782 года въ селѣ Ольховаткѣ, Харьковской губерніи. Совершенно особенный случай бросилъ его на военное поприще, о которомъ онъ никогда не могъ и думать.

Однажды—это было зимою 1793 года—сильная мятель заставила проѣзжаго офицера искать убѣжища въ селѣ Ольховаткѣ. Этотъ офицеръ, впослѣдствіи извѣстный кавказскій герой, Иванъ Петровичъ Лазаревъ, пріютился у стараго священника и прожилъ въ его домѣ цѣлую недѣлю. Замѣтивъ способности „маленькаго Пети", онъ предложилъ отцу отдать его въ военную службу, и черезъ годъ молодой Котляревскій отправленъ былъ на Кавказъ, гдѣ и поступилъ въ 4-й батальонъ кубанскаго корпуса, которымъ командовалъ тогда Лазаревъ. 14-ти лѣтъ отъ роду Котляревскій уже участвовалъ въ персидскомъ походѣ и при осадѣ Дербента впервые услыхалъ свистъ вражескихъ пуль, съ которыми ему суждено было такъ сродниться впослѣдствіи.

Шесть лѣтъ прослужилъ молодой Котляревскій фурьеромъ и сержантомъ, и только въ 1799 году произведенъ въ офицеры, съ переводомъ въ 17-й егерскій полкъ, шефомъ котораго былъ въ то же время назначенъ Лазаревъ. Съ нимъ вмѣстѣ и въ званіи его адъютанта Котляревскій совершилъ знаменитый переходъ черезъ Кавказскія горы, когда Лазаревъ шелъ занимать Грузію, съ тѣмъ чтобы уже никогда болѣе не покинуть ее. Этимъ переходомъ начинается для Котляревскаго безпрерывная цѣпь сраженій и событій, въ которыхъ онъ принималъ все болѣе и болѣе дѣятельное участіе. И черезъ десять лѣтъ его блистательныя побѣды далеко раздвинули предѣлы царства, а имя его на вѣчныя времена слилось со славными именами: Мигри, Ахалкалакъ, Асландуза и Ленкорани.

Первое сраженіе въ Грузіи, въ которомъ Лазаревъ разбилъ огромныя силы лезгинъ на Іорѣ, доставило Котляревскому разомъ двѣ награды: чинъ штабсъ-капитана и крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Вскорѣ Лазаревъ предательски былъ убитъ въ Тифлисѣ царицей Марьей, и князь Циціановъ предложилъ Котляревскому поступить адъютантомъ къ нему. Молодой офицеръ предпочелъ однакоже остаться во фронтѣ и получилъ въ командованіе егерскую роту.

Во главѣ этой роты онъ штурмовалъ Ганжу и на глазахъ Циціанова былъ раненъ пулею въ ногу. Рана эта была такъ тяжела, что Котляревскаго чуть было не оставили на полѣ сраже-

нія. Къ счастію, его замѣтилъ и поднялъ молодой Воронцовъ. На помощь къ нему подскочилъ рядовой Богатыревъ, но тутъ же былъ убитъ пулею въ сердце, и Воронцовъ одинъ вынесъ изъ боя Котляревскаго, который до глубокой старости помнилъ этотъ случай, послужившій началомъ его неразрывной 48-ми-лѣтней дружбы съ будущимъ кавказскимъ намѣстникомъ.

Князь Циціановъ, какъ человѣкъ большого ума, не посѣтовалъ на бѣднаго армейскаго капитана, отказавшагося отъ чести быть его адъютантомъ; онъ выставилъ его заслуги государю въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, и Котляревскій опять получилъ двѣ награды: чинъ маіора и орденъ св. Анны 3 степени съ бантомъ.

Начавшаяся тогда война съ персіянами открыла Котляревскому обширное поприще выказать свои военныя дарованія. Въ 1805 году онъ былъ соучастникомъ въ геройскихъ подвигахъ Карягина на берегу Аскорани, у Шахъ-Булаха и у Мухрата, гдѣ получилъ двѣ раны: пулею въ ногу и затѣмъ картечью въ правую руку. Несмотря на эти раны, Котляревскій не оставлялъ фронта и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ послѣдующихъ дѣлахъ съ непріятелемъ, и скоро выдвинулся изъ ряда своихъ сверстниковъ. Награжденный за экспедицію съ Карягинымъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, онъ въ 1807 году былъ произведенъ въ подполковники, въ слѣдующемъ году—въ полковники, а въ 1809 году уже назначенъ начальникомъ самостоятельнаго отряда, расположеннаго тогда въ Карабагѣ.

Съ этого момента начинается для Котляревскаго новая эпоха его боевой жизни, эпоха командованія отдѣльными отрядами и блестящихъ побѣдъ, слава которыхъ принадлежитъ уже именно ему.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1810 году, главнокомандующій въ Грузіи, генералъ Тормасовъ, желая предупредить вторженіе персіянъ въ Карабагъ, приказалъ Котляревскому съ однимъ батальономъ 17 егерскаго полка занять пограничное селеніе Мигри. Но едва Котляревскій выступилъ, какъ Тормасовъ получилъ извѣстіе, что вся персидская армія тянется по направленію къ этому пункту. Встревоженный за участь батальона, онъ приказалъ воротить Котляревскаго, но приказаніе это пришло тогда, когда неприступное Мигри было уже взято Котляревскимъ.

Нужно сказать, что къ Мигри пролегали изъ Грузіи двѣ дороги, обѣ укрѣпленныя засѣками и батареями, а самое селеніе, расположенное у подошвы двухъ высокихъ, почти отвѣсныхъ скалистыхъ кряжей, съ устроенными на нихъ батареями и съ сильнымъ двухтысячнымъ гарнизономъ, представляло дѣйствительно неодолимую твердыню. Котляревскій, желая избѣжать безполезной траты людей среди засѣкъ и батарей, рѣшилъ идти не по дорогамъ, а пробраться съ своимъ батальономъ безъ пушекъ по вершинамъ карабагскихъ горъ такими тропами, которыя даже туземцами считались недоступными. Три дня солдаты то спускались въ бездонныя пропасти, то подымались на голые, сожженные солнцемъ утесы, и ночью 12 іюня вышли въ долину, въ пяти верстахъ отъ Мигри. Такъ какъ дольше скрывать прибытіе отряда было невозможно, то Котляревскій, раздѣливъ его на три части, энергически повелъ въ атаку и, послѣ короткаго боя, взялъ передовыя высоты. Въ это время онъ получилъ извѣстіе, что два персидскіе отряда отъ Эривани и отъ Аракса усиленными маршами спѣшатъ на помощь осажденнымъ. Медлить, слѣдовательно, было невозможно, и, давши небольшой отдыхъ отряду, Котляревскій ночью продолжалъ сраженіе. Къ 9 часамъ утра онъ уже занялъ селеніе и, не давая персіянамъ опомниться, стремительно пошелъ на батареи, грозно вѣнчавшія собою горный кряжъ, примыкавшій къ Мигри. Отъ этого приступа зависѣла побѣда или гибель отряда. Сознавая это, солдаты напрягли послѣднія усилія, и скоро маіоръ Дьяченко и самъ Котляревскій овладѣли пятью батареями. Тогда, ободренные успѣхомъ, егеря штыками погнали непріятеля изъ одного укрѣпленія въ другое, и остановились только передъ послѣдней уже рѣшительно недоступною батареей „Сабетъ“.

Голый утесъ изъ дикаго гранита, на которомъ устроена была эта батарея, гордо поднимался къ небу, какъ бы смѣясь надъ горстью людей, думавшихъ взобраться на его вершину. Котляревскій, самъ осмотрѣвши утесъ и убѣдившись, что штурмъ этого гиганта будетъ не подъ силу его отряду, приказалъ отвести у осажденныхъ воду,—и черезъ сутки непріятель самъ покинулъ грозный утесъ и разсыпался въ разныя стороны. Неприступная Мигри была занята съ потерей 35 человѣкъ; но въ этомъ

числѣ былъ и самъ Котляревскій, снова раненый пулею въ ногу.

Тормасовъ между тѣмъ съ нетерпѣніемъ и боязнью ожидалъ извѣстій объ участи отряда. Когда получено было донесеніе, что Мигри взято, онъ сначала не хотѣлъ ему вѣрить. Это превосходило всякое вѣроятіе и самыя смѣлыя ожиданія.

Выразивъ душевную благодарность храброму отряду, онъ тѣмъ не менѣе не рѣшался оставить его съ глазу на глазъ со всею персидскою арміею и приказалъ Котляревскому срыть укрѣпленія и отступить въ Шушу. Котляревскій отвѣчалъ на это, „что занялъ Мигри не съ тѣмъ, чтобы снова отдать его персіянамъ, и что, опираясь на духъ своихъ солдатъ, онъ надѣется отразить непріятеля даже въ томъ случаѣ, если передъ крѣпостью появится вся его армія“. Онъ выставлялъ въ своемъ рапортѣ всю важность занятія Мигри, писалъ, что во второй разъ быть можетъ и не удастся уже овладѣть ею съ такою ничтожною потерею. Генералъ Небольсинъ, стоявшій въ Карабагѣ, послалъ къ нему на подкрѣпленіе двѣ роты того же полка; но Тормасовъ категорически приказалъ „отступить“. Приказаніе это однакоже опять опоздало; Котляревскій его получилъ въ то время, когда персидская армія была уже имъ уничтожена.

Персіяне съ ужасомъ узнали, что Мигри находится въ рукахъ Котляревскаго, и тотчасъ отправили къ ней отдѣльный 10-ти тысячный корпусъ, подъ начальствомъ Ахметъ-хана, при которомъ въ качествѣ совѣтниковъ состояло нѣсколько извѣстныхъ по своей военной репутаціи англійскихъ офицеровъ. Котляревскій очутился въ блокадѣ. Но, сберегая людей, онъ приказалъ солдатамъ спрятаться въ садахъ, запретилъ перестрѣлки и требовалъ, чтобы никто отнюдь не показывался на глаза персіянамъ. Кому нужно выйти, выходилъ ползкомъ, такъ, чтобы его не было видно. Самъ Котляревскій со всѣми офицерами каждый день обѣдалъ и ужиналъ на подмосткахъ, сдѣланныхъ въ вѣтвяхъ огромнаго дерева, которое стоитъ и понынѣ близъ древняго монастыря, находящагося въ Мигри. Персидскія пули не разъ свистали надъ ихъ головами, но къ счастію никому не причинили вреда. Отсутствіе у осажденныхъ малѣйшихъ признаковъ жизни изумляло персіянъ. Англичане совѣтовали

не ходить на штурмъ, а порѣшили перекопать ручей и отвести у осажденныхъ воду. Но Котляревскій это предвидѣлъ, и потому заранѣе укрѣпилъ источникъ двумя батареями. Куда ни обращались персіяне—они повсюду встрѣчали готовый отпоръ, и грозная Мигри стояла передъ ними недоступною и страшною твердынею. Видя что всѣ усилія его останутся тщетными, и что блокада можетъ повести только къ безполезной потерѣ времени, непріятель отошелъ и сталъ на Араксѣ.

Этого только и ждалъ Котляревскій.—„Ну, ребята—сказалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ:—вылѣзайте изъ норъ! Ночью—походъ. Идемъ съ одними штыками, безъ ранцевъ и безъ патроновъ. Покажемъ трусамъ, какъ надо бить непріятелей!“ Солдаты отвѣчали дружнымъ „рады стараться!“—и сами торопили выступленіемъ, опасаясь, чтобы персіяне не ушли. О малочисленности отряда никто ни мало не заботился, всѣ разсчитывали только на быстроту, внезапность и стремительный натискъ. „Идущему впередъ одна пуля въ грудь или въ лобъ, а бѣгущему назадъ десять въ спину“, не разъ говорилъ Котляревскій своимъ подчиненнымъ,—и подчиненные твердо помнили эти заповѣдныя слова ихъ начальника-героя. Наступила темная ночь. Пятьсотъ человѣкъ съ Котляревскимъ впереди тихо и осторожно подкрадывались къ персидскому лагерю. Они обошли его съ разныхъ сторонъ и вдругъ, по условному сигналу, безъ выстрѣловъ и крика бросились въ рукопашную схватку. Ужасъ овладѣлъ персіянами. Въ темнотѣ, кидаясь въ разныя стороны, они вездѣ натыкались на русскіе штыки и, спасаясь отъ нихъ, гибли въ Араксѣ. Русскій отрядъ былъ такъ малъ, что Котляревскій отдалъ приказаніе: „плѣнныхъ не брать“, и рѣка скоро была запружена вражескими трупами. „Едва доставало рукъ—говоритъ очевидецъ:—чтобы исполнить суровое, но необходимое приказаніе героя“. Весь непріятельскій корпусъ былъ уничтоженъ буквально, а Котляревскій, въ этомъ неслыханномъ невѣроятномъ, геройскомъ дѣлѣ, потерялъ всего 13 человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

Тогда и Тормасовъ согласился наконецъ оставить Мигри въ своихъ рукахъ и приказалъ укрѣпить ее, какъ можно сильнѣе. „Мигри такъ укрѣплена природой и персіянами—отвѣчалъ на это

Котляревскій:—что неприступна ни для какого непріятеля, и укрѣпить ее сильнѣе уже невозможно".

Заслуги Котляревскаго обратили на себя особенное вниманіе государя. 14-го іюня онъ былъ назначенъ шефомъ Грузинскаго гренадерскаго полка, вслѣдъ за тѣмъ получилъ за взятіе Мигри орденъ св. Георгія 4 степени, а за пораженіе персіянъ на Араксѣ—золотую шпагу съ надписью: „за храбрость". Котляревскій и самъ зналъ цѣну своему славному подвигу въ Мигри; награду за него, Георгіевскій крестъ, онъ цѣнилъ всегда выше всѣхъ наградъ, полученныхъ впослѣдствіи, и постоянно носилъ его въ петлицѣ сѣраго своего сюртука, даже по оставленіи службы.

Между тѣмъ здоровье мигринскаго героя, разстроенное трудами и ранами, заставило его просить увольненія „на отдыхъ". Тормасовъ написалъ къ нему, что „принимаетъ истинное участіе въ его болѣзненномъ состояніи и, съ полнымъ уваженіемъ къ его отличному служенію, разрѣшаетъ сдать команду маіору Дьяченкѣ и пріѣхать въ Тифлисъ".

Въ Тифлисѣ Котляревскій принялъ отъ генерала Симановича Грузинскій гренадерскій полкъ, а въ слѣдующемъ году ознаменовалъ себя новымъ, еще болѣе блистательнымъ подвигомъ.

Маркизъ Паулуччи, смѣнившій Тормасова, рѣшился начать военныя дѣйствія взятіемъ турецкой крѣпости Ахалкалаки. Но онъ зналъ по опыту, насколько сильна эта крѣпость, помнилъ, что графъ Гудовичъ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, не только вынужденъ былъ отступить отъ ея стѣнъ безъ успѣха съ цѣлою арміею, но потерялъ при томъ двѣ тысячи нижнихъ чиновъ и нѣсколько орудій. Взвѣшивая причины подобной неудачи, маркизъ Паулуччи остановился на томъ, что для взятія Ахалкалакъ, также какъ и для взятія Мигри, важна не столько матеріальная сила, сколько духъ доблести, одушевляющій Котляревскаго;—на немъ и остановилъ свой выборъ Паулуччи. Котляревскій съ радостью принялъ на себя опасное порученіе и начальство надъ отрядомъ изъ двухъ батальоновъ грузинскихъ гренадеръ, назначенныхъ для выполненія его. Подобно тому, какъ онъ сдѣлалъ это въ Карабагѣ, онъ рѣшилъ пройти въ Ахалкалаки напрямикъ черезъ Тріолетскія горы, оставивъ въ сторонѣ большую дорогу черезъ Боржом-

ское ущелье; но здѣсь встрѣтила его борьба съ природою несравненно труднѣйшая уже потому, что экспедиція была зимою, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда на горныхъ хребтахъ морозъ и стужа бываютъ подчасъ невыносимы. Четыре дня отрядъ переносилъ ужасныя лишенія—то утопалъ въ снѣгу, засыпаемый мятелями, то выбирался на скользкіе, обледенѣлые утесы, застывая отъ стужи. Солдаты съ неимовѣрнымъ мужествомъ и бодростью переносили труды и мало по малу подвигались впередъ, поддерживаемые любовью и безграничнымъ довѣріемъ къ своему начальнику. Наконецъ, 7-го декабря, на горизонтѣ показались башни Ахалкалакской крѣпости. Отрядъ свернулъ въ глубокое ущелье и получилъ приказаніе остановиться, чтобы отдохнуть, приготовиться къ бою и особенно не дать себя замѣтить непріятелю, что̀ могло бы поставить отрядъ въ положеніе весьма опасное.

„Провидѣніе спасло нашъ отрядъ тѣмъ,—пишетъ Котляревскій:—что онъ не былъ открытъ въ границахъ пашалыка“; и дѣйствительно, только одна нечаянность нападенія и могла доставить побѣду подъ стѣнами сильной Ахалкалакской крѣпости. Какъ только наступила ночь, Котляревскій вывелъ отрядъ изъ ущелья и быстро, въ тишинѣ подвелъ его къ крѣпости. Тамъ все покоилось глубокимъ сномъ; никому и въ голову не могло придти, что русское войско перешло черезъ снѣговыя горы въ такое суровое время, когда, по мѣстной пословицѣ, „тамъ не летаетъ и птица“. Такимъ образомъ гарнизонъ былъ захваченъ совершенно врасплохъ, и въ крѣпости ударили тревогу уже тогда, когда русскіе, приставивъ лѣстницы, взбирались на стѣны. Капитанъ Шультенъ, родственникъ Котляревскаго, только что переведенный передъ тѣмъ въ Кавказскій гренадерскій полкъ изъ Серпуховскаго драгунскаго, первый вошелъ на валъ, и вскорѣ три батареи уже были въ рукахъ русскихъ. Турки защищались упорно, отчаянно; но это только усугубляло кровопролитіе боя. Солнце не показалось еще изъ-за горъ, какъ вся крѣпость находилась въ рукахъ русскихъ, и непріятель бѣжалъ, оставивъ побѣдителямъ 16 орудій и два знамени, изъ которыхъ одно было изодрано въ клочки при сопротивленіи знаменщика, а другое отослано въ Тифлисъ. Русскимъ взятіе Ахалкалакъ стоило тридцати человѣкъ убитыми и ранеными.

Желая ознаменовать побѣду дѣломъ, близкимъ его доброму сердцу, Котляревскій прежде всего ходатайствовалъ передъ главнокомандующимъ о прощеніи одного храбраго унтеръ-офицера, приговореннаго судомъ къ тяжкому наказанію за нарушеніе военной дисциплины. Подобными поступками Котляревскій умѣлъ навсегда привязывать къ себѣ сердца солдатъ, цѣнившихъ въ немъ и строгость его правилъ, и милосердіе тамъ, гдѣ оно было умѣстно.

Котляревскій не любилъ останавливаться на одномъ какомъ нибудь подвигѣ, и къ 20-му декабря онъ покорилъ уже всю Ахалкалакскую область. Только тогда возвратился онъ въ Тифлисъ, гдѣ ожидали его двѣ лестныя награды: генеральскій чинъ на 29 году отъ рожденія—ему, и георгіевскія знамена—храбрымъ его батальонамъ.

Между тѣмъ, съ отъѣздомъ Котляревскаго изъ Мигри, дѣла въ Карабагѣ скоро пришли въ такое разстройство, что Паулуччи нашелъ необходимымъ вызвать его изъ Тифлиса и снова поручить въ его управленіе Карабагское ханство. Аббасъ-Мирза, уже кичившійся своими побѣдами, узнавши о прибытіи въ Карабагъ Котляревскаго, спѣшилъ отступить за Араксъ. Котляревскій очистилъ ханство отъ мелкихъ разбойничавшихъ шаекъ и, не довольствуясь этимъ, задумалъ самъ вторгнуться въ Персію, чтобы поразить непріятеля на собственной его землѣ. Эта отважная и хорошо обдуманная экспедиція не удалась только потому, что персіяне уничтожили мосты на разлившемся тогда Араксѣ, и приходилось ограничиться дѣйствіями только по сю сторону рѣки. Тѣмъ не менѣе Паулуччи оцѣнилъ кампанію съ самой отличной стороны, и Котляревскій получилъ за нее орденъ св. Анны 1-й степени и 1200 рублей ежегодной аренды.

Наступилъ 1812 годъ. Персіяне готовили рѣшительный ударъ Карабагу и стягивали значительныя силы къ Араксу. Напрасно Котляревскій писалъ рапортъ за рапортомъ о необходимости наступательныхъ дѣйствій, чтобы предупредить вторженіе непріятеля. Ему отвѣчали, что персіяне ведутъ переговоры о мирѣ и что до окончанія ихъ главнокомандующій, генералъ-лейтенантъ Ртищевъ, строжайше воспретилъ начальникамъ отрядовъ какія бы то было непріязненныя дѣйствія относительно персіянъ. Котляревскій вы-

нужденъ былъ подчиниться этому требованію; но онъ стоялъ настороже, не довѣряя персидской политикѣ и негодуя на вынужденное бездѣйствіе.

Между тѣмъ, въ то самое время, какъ Аббасъ-Мирза и Ртищевъ переписывались между собою о мирѣ, персіяне продолжали набѣги на русскую сторону своимъ чередомъ. Именно въ это время на долю капитана Кулябки выпало выдержать упорный бой въ селеніи Хензыряны. Съ 60-ю егерями 5-й роты 17-го полка и однимъ орудіемъ, онъ былъ окруженъ 4-хъ-тысячнымъ персидскимъ отрядомъ, подъ начальствомъ бѣжавшаго изъ Карабага Гуссейнъ-Кули-хана, и дѣло кончилось тѣмъ, что персіяне были разбиты наголову и бѣжали за Араксъ, а ханъ ихъ очутился въ плѣну. Главнокомандующій самъ назначилъ Кулябкѣ орденъ св. Владиміра 4 степени, а нижнимъ чинамъ отряда по одному рублю серебромъ.

Недовольствуясь этими набѣгами, персіяне задумали тайно отправить значительную часть своей арміи для покоренія владѣній преданнаго Россіи талышинскаго хана. Котляревскій немедленно извѣстилъ объ этомъ главнокомандующаго, прибавивъ въ заключеніе, что если черезъ пять дней онъ не получитъ отвѣта, то, не взирая ни на что, пойдетъ за Араксъ „ибо—писалъ онъ:—ежели Аббасъ-Мирза успѣетъ овладѣть Талышинскимъ ханствомъ, то это сдѣлаетъ намъ такой вредъ, который невозможно будетъ поправить“.

Ртищевъ, встревоженный этимъ рапортомъ, самъ прибылъ изъ Тифлиса съ трехтысячнымъ отрядомъ и сталъ на Араксѣ. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что персіяне дѣйствительно вошли въ Талышинское ханство, взяли Ленкорань, а ханъ съ немногими приверженцами нашелъ убѣжище въ русскомъ отрядѣ. Котляревскій просилъ генерала Ртищева воспользоваться сборомъ двухъ отрядовъ, чтобы атаковать Аббасъ-Мирзу посреди его лагеря. Ртищевъ не соглашался, опасаясь гибельныхъ послѣдствій неудачи, и предпочиталъ вести переговоры. Эти переговоры шли въ Асландузѣ, и персіяне соглашались на перемиріе только въ томъ случаѣ, если русскія войска будутъ отведены обратно за Терекъ. Мало по малу между начальникомъ и подчиненнымъ возникли неудовольствія. Однажды въ горячемъ спорѣ Ртищевъ выразился, что трудно быть

чительный обходъ и устремился прямо въ тылъ непріятелю, со стороны Персіи. Разсказываютъ, что когда вдали, среди бѣлаго дня, показалась кавалерія Котляревскаго, Аббасъ-Мирза сказалъ сидѣвшему подлѣ него англійскому офицеру: „Вотъ, какой-то ханъ ѣдетъ къ намъ въ гости". Англичанинъ посмотрѣлъ въ зрительную трубу, передалъ ее Аббасъ-Мирзѣ и возразилъ хладнокровно: „Нѣтъ, это не ханъ, а Котляревскій". Аббасъ-Мирза смутился; но, желая скрыть это чувство, замѣтилъ съ досадою, что „поросята сами лѣзутъ на ножъ". Вскорѣ онъ испыталъ однакоже, что на него нападаютъ львы.

Внезапное появленіе русскаго отряда распространило въ персидскомъ лагерѣ всеобщую панику. Когда же грянуло громовое „ура!" и началась стремительная атака въ штыки, персіяне обратились въ полнѣйшее бѣгство. 36 фальконетовъ и весь персидскій лагерь съ большими сокровищами достались въ руки побѣдителямъ; но Котляревскій уже помышлялъ о совершенномъ истребленіи персидской арміи.

Разбитый на Араксѣ, Аббасъ-Мирза въ тотъ же день собралъ свои силы въ Асландузѣ, гдѣ находилось укрѣпленіе, построенное на высокой горѣ, при впаденіи въ Араксъ рѣки Дара-Урты. Это мѣсто Котляревскій и выбралъ для своего рѣшительнаго, послѣдняго удара. Одинъ изъ бѣглыхъ солдатъ, добровольно явившійся въ лагерь и представившій полковое персидское знамя, вызвался быть проводникомъ и повелъ отрядъ съ той стороны, гдѣ у персіянъ не было пушекъ.

„На пушки братецъ, непремѣнно—на пушки!" воскликнулъ пылкій Котляревскій, опасаясь упустить изъ рукъ персидскую артиллерію. По дорогѣ одно орудіе увязло въ ямѣ, и Котляревскій, не имѣя времени возиться съ нимъ, приказалъ его бросить, сказавъ: „его подберутъ послѣ, если кто нибудь вернется".

Въ глухую, темную ночь, персіяне, еще не отдохнувшіе отъ ужасовъ дневнаго побоища, вдругъ снова увидали передъ собою грозныя лица русскихъ гренадеръ. Грянуло то же побѣдное „ура!" и началось страшное кровопролитіе. Это была для персіянъ ночь кары. когда и самые храбрые изъ нихъ ужаснулись. Получивъ приказаніе не щадить никого, кромѣ Аббаса-Мирзы, солдаты, страшно

ожесточенные, кололи всѣхъ. Остатки персидской арміи кинулись наконецъ въ Асландузскій замокъ, обнесенный палисадами и окруженный двумя глубокими рвами; но Котляревскій быстро взялъ его штурмомъ, и самъ Аббасъ-Мирза едва успѣлъ бѣжать въ Тавризъ, въ сопровожденіи лишь двадцати человѣкъ изъ своего конвоя.

Все асландузское поле было буквально завалено персидскими трупами. По первымъ собраннымъ свѣдѣніямъ Котляревскій донесъ, что потеря персіянъ при Асландузѣ простирается до 1200 человѣкъ убитыми. Впослѣдствіи онъ убѣдился самъ, что число убитыхъ враговъ было въ девять разъ больше, но приказалъ не перемѣнять донесенія. „Напрасно писать—все равно не повѣрятъ", сказалъ онъ адъютанту, который настаивалъ на необходимости новой реляціи.

Асландузская побѣда отдала въ руки русскихъ 11 пушекъ англійскаго литья, „отъ короля надъ королями—шаху надъ шахами", и 5 знаменъ. Знамена эти находятся нынѣ въ Казанскомъ соборѣ и ихъ можно отличить отъ множества другихъ, тамъ же находящихся, тѣмъ, что на древкахъ вмѣсто орла они имѣютъ распростертую руку. Плѣнныхъ взято 537 человѣкъ, обязанныхъ жизнію только самому Котляревскому: въ числѣ ихъ находился и командиръ гвардейскаго персидскаго полка Арсланъ-ханъ, извѣстный на востокѣ своимъ мужествомъ и храбростію.

Изъ отряда Котляревскаго выбыло три офицера и 124 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Въ числѣ тяжело раненыхъ находился и потерявшій ногу храбрый маіоръ Грузинскаго полка Осипъ Ивановичъ Шультенъ, который, за годъ передъ тѣмъ, какъ сказано выше, первымъ взошелъ на ахалкалакскія стѣны.

Исторія персіянъ, которая представляетъ обыкновенно хвастливо-фантастичный разсказъ о небывалыхъ побѣдахъ, на этотъ разъ признаетъ полное пораженіе персидскихъ войскъ. Вотъ какъ персидскій историкъ разсказываетъ о двойной асландузской побѣдѣ:

„Самъ принцъ бросился къ батареямъ, чтобы своимъ присутствіемъ возбудить въ нихъ стойкость. Подобравъ за поясъ полы своего кафтана, принцъ собственноручно сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ пушки и силою ихъ губительнаго дѣйствія помрачилъ весь свѣтъ".

Тѣмъ не менѣе иранскіе воины, по сознанію историка, „почли за лучшее отступить для отдохновенія на другую позицію, гдѣ ночью „свирѣпо-грозный“ Котляревскій сдѣлалъ на нихъ вторичное нападеніе“.

„Въ эту мрачную и кровавую ночь, которая поистинѣ была примѣромъ дня Страшнаго Суда, замѣчательный и удивительный случай превратности судьбы проявилъ себя въ арміи Ирана. Въ самый разгаръ боя, когда принцъ, стараясь сдѣлать сердца какъ простыхъ воиновъ, такъ и офицеровъ пылкими къ отраженію непріятеля,— лошадь его внезапно споткнулась въ глубокую яму, отчего его высочество изволилъ свое благородство перенести съ сѣдла на землю“.

Подумали, что принцъ „подобный Александру Македонскому“, погибъ. Слѣдствіемъ чего, разумѣется, было общее бѣгство, а между тѣмъ „принцъ былъ невредимъ и только оставался въ глубокой ямѣ пѣшкомъ. Вдругъ онъ замѣтилъ всадника, проѣзжавшаго мимо и державшаго въ поводу осѣдланную лошадь. Принявъ его за непріятельскаго кавалериста, принцъ смѣло обнажилъ свою саблю и предложилъ ему вопросъ: кто онъ такой? По непонятному стеченію обстоятельствъ оказалось, что этотъ всадникъ былъ не кто иной, какъ собственный же стремянной служитель его высочества, слѣдовавшій съ запасною лошадью его особы. Услышавъ голосъ своего повелителя, всадникъ тотъ немедленно спѣшился и, посадивъ принца на коня, благополучно вывелъ его высочество на вершину высокой горы. Такое замѣчательное событіе породило въ войскахъ ретировавшейся арміи неизъяснимую радость; спасшіеся отъ гибели сарбазы спѣшили сообщить другъ другу увеселявшее сердце извѣстіе о счастливомъ избавленіи принца. Его величество, шахъ, благоволилъ обнаружить къ принцу такъ много ласкъ и такъ много вниманія, что въ сердцѣ иранца положительно не осталось и тѣни печали, порожденной впечатлѣніемъ обстоятельствъ изложеннаго событія“.

Невозможно описать той гордой радости, съ которою побѣдоносный русскій отрядъ привѣтствовалъ своего любимаго вождя послѣ кровавой побѣды. И онъ справедливо могъ гордиться и ею, и своимъ вождемъ, умѣвшимъ вызвать въ немъ такія могуще-

ственныя чувства чести и долга передъ отчизною, которыя вели къ побѣдамъ, подобнымъ асландузской. Самъ отрядъ былъ достоинъ такого предводителя, какъ Котляревскій: онъ не зналъ отступленія, и каждый солдатъ исполнялъ свой долгъ, пока имѣлъ силы. Котляревскій и словомъ, и примѣромъ воспитывалъ въ солдатахъ тѣ чувства, которыми преисполненъ былъ самъ. Раненый, онъ не оставлялъ поля сраженія; того же требовалъ и отъ подчиненныхъ. Преступившихъ это правило онъ не наказывалъ, но онъ дѣлалъ имъ больнѣе, стыдилъ ихъ. Въ приказѣ объ асландузской побѣдѣ ярко отразилась эта черта вождя и его войскъ. Торжество славной побѣды не заставило Котляревскаго забыть о маловажномъ въ сущности обстоятельствѣ, нѣсколько огорчившемъ его, и онъ выставилъ на всеобщій позоръ повсюду допускаемое уклоненіе отъ идеальныхъ предписаній долга, но котораго не хотѣли терпѣть въ тогдашнихъ кавказскихъ войскахъ. „Насколько мнѣ пріятно отдавать справедливость и благодарить достойныхъ,—между прочимъ писалъ Котляревскій въ этомъ приказѣ:—настолько же прискорбно сказать, что въ числѣ отряда оказались и такіе, которыхъ проступки совсѣмъ противны чести русскаго офицера; но какъ справедливость начальника должна быть ко всѣмъ равна, то я не могу умолчать и объ этомъ: Севастопольскаго пѣхотнаго полка маіоръ Письменскій посрамилъ свое званіе: 19 числа онъ былъ только контуженъ—а сказался больнымъ“.

Главнокомандующій узналъ о переходѣ Котляревскаго черезъ Араксъ только тогда, когда получилъ донесеніе его, начинавшееся извѣстными словами: „Богъ, ура и штыки даровали побѣду Всемилостивѣйшему Государю!..“ Ртищевъ читалъ этотъ рапортъ со слезами на глазахъ, и, сознавая вполнѣ всю важность совершившихся событій, просилъ государя о награжденіи Котляревскаго: за пораженіе персіянъ на Араксѣ—чиномъ генералъ-лейтенанта, а за Асландузъ—орденомъ св. Георгія 3-го класса. Государь исполнилъ желаніе Ртищева, но въ то же время послалъ и самому главнокомандующему орденскіе знаки св. Александра Невскаго. Ртищевъ ихъ принялъ съ глубокою признательностью, и говорилъ всегда, что этою монаршею милостію онъ былъ обязанъ Котляревскому.

Какъ ни велико было значеніе асландузской побѣды, однакоже разсчеты съ Персіей еще не могли считаться поконченными, пока войска ея оставались въ Талышинскомъ ханствѣ, и въ декабрѣ мѣсяцѣ съ тѣмъ же самымъ отрядомъ Котляревскій уже шелъ къ Ленкорани. Онъ чувствовалъ однакоже, по его собственнымъ словамъ, что въ жизни его наступаетъ рѣшительная и роковая минута; необъяснимыя предчувствія смущали его душу, и онъ болѣе обыкновеннаго былъ задумчивъ и мраченъ.

Съ большимъ трудомъ отрядъ миновалъ снѣжную муганскую степь и 26 декабря подошелъ къ Ленкорани. Ленкоранская крѣпость, отъ которой нынѣ не осталось даже слѣдовъ, въ тѣ времена, по свидѣтельству очевидцевъ, производила поражающее впечатлѣніе своими высокими каменными стѣнами, увѣнчанными цѣлымъ рядомъ зубцовъ, изъ-за которыхъ повсюду смотрѣли грозныя жерла орудій.

Котляревскій, желая избѣгнуть напраснаго кровопролитія, отправилъ коменданту письмо, прося сдать Ленкорань безъ бою. „Въ противномъ случаѣ—писалъ онъ:—я не отступлю отъ крѣпости, покорю ее—и горе побѣжденнымъ!“ Комендантъ отвѣтилъ отказомъ. „Тогда—говоритъ Котляревскій:—мнѣ остался выборъ только между побѣдой и смертью, ибо отступить отъ крѣпости значило бы посрамить честь русскаго оружія и имени“.

Готовясь къ битвѣ на жизнь и смерть, Котляревскій отдалъ по отряду приказъ, который навѣки останется примѣромъ энергической рѣшимости и силы, поражающимъ воображеніе и вызывающимъ гордость въ сердцѣ каждаго истинно-русскаго воина своими вѣчно неумирающими словами: „отступленія не будетъ“. Приводимъ дословно какъ его, такъ и диспозицію, положившую основаніе для первыхъ дѣйствій геройскаго штурма.

Приказъ по отряду 30 декабря 1812 года.

„Истощивъ всѣ средства принудить непріятеля къ сдачѣ крѣпости, найдя его къ тому непреклоннымъ, не остается болѣе никакого способа покорить крѣпость сію россійскому оружію, какъ только силою штурма.

„Рѣшаясь приступить къ сему послѣднему средству, даю знать о томъ войскамъ и считаю нужнымъ предварить всѣхъ офицеровъ и солдатъ, что *отступленія не будетъ*. Намъ должно или взять крѣпость, или всѣмъ умереть, за тѣмъ мы сюда присланы.

„Я предлагалъ два раза непріятелю о сдачѣ крѣпости, но онъ упорствуетъ. Такъ докажемъ же ему, храбрые солдаты, что русскому штыку ничто противиться не можетъ. Не такія крѣпости брали русскіе и не у такихъ непріятелей, какъ персіяне, сіи противу тѣхъ ничего не значатъ. Предписывается всѣмъ: *Первое* — послушаніе; *второе*—помнить, что чѣмъ скорѣе идемъ на штурмъ, и чѣмъ шибче лѣземъ на лѣстницы, тѣмъ меньше урону. Опытные солдаты это знаютъ, а неопытные повѣрятъ; *третье* — не бросаться на добычу, подъ опасеніемъ смертной казни, пока совершенно не кончится штурмъ, ибо прежде конца дѣла на добычѣ солдатъ напрасно убиваютъ. Диспозиція штурма дана будетъ особо, а теперь остается мнѣ только сказать, что я увѣренъ въ храбрости опытныхъ офицеровъ и солдатъ Грузинскаго гренадерскаго, 17 егерскаго и Троицкаго полковъ; а малоопытные каспійскіе батальоны, надѣюсь, постараются показать себя въ семъ дѣлѣ и заслужить лучшую репутацію, чѣмъ доселѣ между непріятелями и чужими народами имѣютъ. Впрочемъ, ежели, сверхъ всякаго ожиданія, кто струситъ, тотъ будетъ наказанъ, какъ измѣнникъ, и здѣсь, внѣ границы, труса разстрѣляютъ или повѣсятъ, не смотря на чинъ“.

Диспозиція штурма крѣпости Ленкорани.

„Составляются три колонны: первая изъ шести ротъ Грузинскаго гренадерскаго полка, подъ командою полковника Ушакова, 2-я—изъ 350 человѣкъ Троицкаго полка; 3-я—изъ 313 человѣкъ 17 егерскаго полка и 37 человѣкъ гренадеръ, подъ командою маіора Терешкевича. Въ 5 часовъ по полуночи колонны выступаютъ съ назначенныхъ имъ пунктовъ, имѣя впереди стрѣлковъ, и слѣдуютъ къ крѣпости, съ крайнею тишиною и скоростію; если непріятель не откроетъ огня, то стрѣлки отнюдь не стрѣляютъ, когда же отъ непріятеля будетъ сильный огонь, то стрѣлки тотчасъ

бьютъ по непріятелю, а колонны наипоспѣшнѣе ставятъ лѣстницы и взбѣгаютъ на батарею и на стѣны: 1-я колонна штурмуетъ батарею и стѣну къ Гямушевану, ставя одну лѣстницу на батарею, а прочія тотчасъ отъ оной вправо; 3-я колонна, Терешкевича, беретъ батарею, лежащую противъ моря къ рѣчкѣ, и штурмуетъ стѣну отъ оной вправо. Каждая колонна, какъ скоро возьметъ назначенную ей батарею, тотчасъ оборачиваетъ непріятельскія орудія и стрѣляетъ картечью въ середину крѣпости, между тѣмъ очищаютъ стѣны отъ себя вправо и влѣво, а первая колонна отбиваетъ поспѣшнѣе ворота, дабы впустить резервъ; одна рота Грузинскаго гренадерскаго полка раздѣляется на двѣ части для фальшивыхъ атакъ: первая дѣлаетъ оную противъ батареи, къ рѣчкѣ лежащей, и ежели возможность будетъ, то беретъ сію батарею; другая противъ батареи непріятельской, назначенной штурмовать; 1-й колоннѣ тревожить непріятеля съ лѣвой стороны. Команды сіи выступаютъ вмѣстѣ съ колоннами и не тревожатъ непріятеля, пока не откроется сильный огонь по колоннамъ, тогда онѣ поспѣшнѣе бѣгутъ къ назначеннымъ мѣстамъ, кричатъ ура и бьютъ тревогу.

„Барабанщики въ колоннахъ отнюдь не бьютъ тревогу, пока не будутъ люди на стѣнахъ, и люди въ колоннахъ не стрѣляютъ и не кричатъ ура, пока не влѣзутъ на стѣну. Когда всѣ батареи и стѣны будутъ заняты нами, то въ середину крѣпости безъ приказанія не ходить, но бить непріятеля только картечью изъ пушекъ и ружей. Не слушать отбоя—его не будетъ, пока непріятель совершенно истребится или сдастся, и если, прежде чѣмъ всѣ батареи и всѣ стѣны будутъ заняты, ударятъ отбой, то считать за обманъ, такой же, какъ непріятель сдѣлалъ въ Асландузѣ; сверхъ того, знать, что наши отбои будутъ бить три раза, который повторять всѣмъ барабанщикамъ, и тогда уже прекращается дѣло.

„Резервамъ на прежнихъ батареяхъ состоять изъ остающихся отъ штурма людей; такъ какъ уже сказано въ приказѣ, что отступленія не будетъ, то остается теперь сказать, что если, сверхъ чаянія, которой-либо колонны люди замнутся идти на лѣстницы, то всѣхъ будутъ бить картечью. Генералъ-маіоръ Котляревскій.

Штурмъ начался въ ночь съ 30-го на 31-е декабря 1812 г. Въ пятомъ часу утра войска молча вышли изъ лагеря, но, еще

далеко не дойдя до назначенныхъ пунктовъ, были уже встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ непріятеля. Не отвѣчая на выстрѣлы, солдаты спустились въ ровъ и, приставивъ лѣстницы, быстро полѣзли на стѣны. Закипѣла ужасная битва. Передніе ряды штурмующихъ не удержались и были сброшены, многіе офицеры и между ними подполковникъ Ушаковъ убиты, а число персіянъ на стѣнахъ между тѣмъ быстро увеличивалось. Тогда Котляревскій, видя смятеніе отряда, самъ бросился въ ровъ и, ставъ надъ тѣломъ Ушакова, ободрилъ людей нѣсколькими энергическими словами. Въ это время пуля попала ему въ правую ногу. Придерживая рукою колѣно, онъ спокойно повернулъ голову и, указавъ на лѣстницы, громко крикнулъ: „сюда!“ Одушевленные солдаты снова кинулись на приступъ. Въ это мгновеніе двѣ пули поразили вождя въ голову, и онъ упалъ полумертвымъ. „Но въ ту минуту, какъ силы меня оставили, — говорилъ впослѣдствіи самъ Котляревскій: — я, какъ бы въ сладкомъ снѣ, слышалъ высоко надъ своею головою побѣдное „ура!“, вопли персіянъ и ихъ мольбы о пощадѣ“.

Штурмъ былъ необыкновенно кровопролитенъ; персидскій историкъ такъ описываетъ его: „При штурмѣ Ленкорани бой былъ такъ горячъ, что мышцы рукъ отъ взмаховъ и опусканія меча, а пальцы отъ безпрерывнаго взвода и спуска курка впродолженіе шести часовъ сряду — были лишены всякой возможности насладиться отдохновеніемъ“. Наконецъ крѣпость была взята послѣ трехчасового страшнаго боя, въ которомъ особенно энергично и удачно дѣйствовали 1-я и 3-я колонны, подъ начальствомъ храбрыхъ маіоровъ: Грузинскаго полка—князя Абхазова, и 17-го егерскаго полка— Терешкевича. Къ сожалѣнію, послѣдній получилъ смертельную рану и умеръ черезъ десять дней, не дождавшись креста св. Георгія, къ которому былъ представленъ. Абхазовъ, заступившій, въ командованіи первою колонною, вмѣсто убитаго подполковника Ушакова, получилъ за штурмъ орденъ св. Георгія 4-й степени; заступившій же мѣсто Терешкевича маіоръ Дьячковъ, какъ имѣвшій уже Георгіевскій крестъ за асландузскую побѣду, назначенъ въ чинѣ маіора командиромъ 17-го егерскаго полка.

Комендантъ Ленкорани, Садыхъ-ханъ и съ нимъ десять другихъ хановъ честною смертію искупили свое упорство, и пали

вмѣстѣ съ гарнизономъ на стѣнахъ крѣпости. Съ русской стороны потеря простиралась до тысячи человѣкъ, что составляло болѣе двухъ третей всего отряда.

Котляревскій былъ разысканъ уже послѣ сраженія, въ грудѣ убитыхъ, и только благодаря искусству и неусыпнымъ стараніямъ полкового доктора Грузинскаго полка остался въ живыхъ. Признательный Котляревскій никогда не забывалъ этого доктора; онъ тутъ же назначилъ ему пожизненную пенсію и, несмотря на собственную нужду, впослѣдствіи, въ теченіе всѣхъ 39 лѣтъ своей жизни, прежде всего отдѣлялъ и отсылалъ ему пенсію всякій разъ, какъ получалъ свое небольшое содержаніе. Докторъ пережилъ своего благодѣтеля.

Тяжелыя раны не заставили Котляревскаго сдать командованіе, и онъ съ одра страданія продолжалъ распоряжаться отрядомъ. „Я самъ получилъ три раны—писалъ онъ въ своемъ донесеніи къ главнокомандующему: — и благодарю Бога, благословившаго меня запечатлѣть успѣхъ дѣла моею собственною кровью“.

Печально возвращались побѣдоносные остатки отряда въ Тифлисъ. Офицеры и солдаты, поникнувъ головами, безъ пѣсенъ и со слезами на глазахъ, благоговѣйно шли за носилками, на которыхъ лежалъ обезображенный и измученный страданіями любимый вождь ихъ. Лицо его все сведено было на сторону, праваго глаза не было, челюсть раздроблена и изъ уха торчали разбитыя головныя кости. Полумертваго привезли его въ Тифлисъ. Главнокомандующій въ полной парадной формѣ и въ александровской лентѣ, полученной имъ за асландузскую побѣду, немедленно отправился къ больному, а скоро онъ имѣлъ удовольствіе поздравить Котляревскаго съ орденомъ св. Георгія 2-го класса, наградою необычайною на 31-мъ году жизни.

Ближайшимъ послѣдствіемъ ленкоранскаго штурма былъ Гюлистанскій миръ.

И современники, и потомство не могли не оцѣнить доблестной личности Котляревскаго и его изумительныхъ подвиговъ. Даже величавыя и грозныя событія 12-го года не затмили славныхъ побѣдъ, одержанныхъ имъ на отдаленныхъ азіятскихъ границахъ. И противоположное, если бы оно было возможно, было бы глубокой

неблагодарностью. „Кровь русская, пролитая въ Азіи, на берегахъ Аракса и Каспія, не менѣе драгоцѣнна, чѣмъ пролитая въ Европѣ, на берегахъ Москвы и Сены, а пули галловъ и персовъ причиняютъ одинаковыя страданія“. Такъ сказалъ самъ Котляревскій.

Позднѣйшіе историки съ удивленіемъ останавливаются на славныхъ дѣяніяхъ Котляревскаго. Одинъ изъ военныхъ русскихъ писателей справедливо замѣчаетъ, что „читая про подвиги войскъ во время первой персидской войны въ Закавказьѣ, можно подумать, что читаешь жизнеописанія величайшихъ героевъ древняго Рима и Греціи“.

Еще большимъ энтузіазмомъ дышетъ отзывъ о штурмѣ Ленкорани знаменитаго писателя, безрукаго инвалида, Ивана Никитьевича Скобелева. „Этотъ молодецъ—говоритъ онъ про Котляревскаго:—бывшій начальникомъ числомъ слабаго, но, какъ порывъ бури, грознаго отряда, затѣялъ овладѣть бусурманскою крѣпостью Ленкоранью. У Котляревскаго стояло въ строю всего 1500 человѣкъ, но ребята были залихватскіе! Рѣжь—кровь не капнетъ! Съ этимъ богатырскимъ, разудалымъ намѣреніемъ отрядъ приблизился къ крѣпости. Котляревскій лишь взглянулъ—смекнулъ. „Къ штурму—товарищи!“ гаркнулъ молодецъ. Солдаты встрепенулись, перекрестились, и вихремъ понеслись на крѣпостную стѣну, но, увидѣвъ пятерыхъ противу одного, оробѣли, позамялись... Ахти, плохо! Котляревскій, зная дѣло до подноготной и вѣдая, что каждый мигъ раздумья приноситъ гибель, тотчасъ рѣшилъ купить побѣду собственною жизнію. Рѣшилъ — и съ быстротою стрѣлы небесной, русскій генералъ явился на крѣпостной стѣнѣ—первымъ. Ну, какая же крѣпость не падетъ послѣ этого къ подножію царскаго трона...“

„Ура—Котляревскій! ты обратился въ драгоцѣнный мѣшокъ, въ которомъ хранятся въ щепу избитыя, безцѣнныя, геройскія твои кости. Но ты жестокими муками своими и теперь продолжаешь еще служить государю съ пользою, являя собой достойный подражанія примѣръ самоотверженія воина и христіанина. Долго, долго бы прожилъ Котляревскій, если бы только солдаты могли выкупить дни его своими годами!..“

Вспомнилъ про Котляревскаго, спустя 42 года послѣ Ленкорани, и новый намѣстникъ кавказскій, генералъ-адъютантъ Му-

равьевъ, когда, привѣтствуя войска кавказскаго корпуса, онъ указывалъ имъ на славныя преданія прошлаго. „Среди васъ—говоритъ главнокомандующій въ своемъ приказѣ: — возросъ и прославился герой Котляревскій. Пусть имя его всегда будетъ въ памяти и сердцѣ вашемъ какъ примѣръ всѣхъ военныхъ доблестей.

„Воинъ-христіанинъ, строгій къ себѣ, Котляревскій былъ строгъ и къ подчиненнымъ, уклоняющимся отъ исполненія своего дѣла. Онъ любилъ и сберегалъ солдата, самъ раздѣлялъ съ нимъ труды и лишенія, неразлучные съ военнымъ бытомъ. Онъ не пренебрегалъ строемъ; въ дисциплинѣ онъ видѣлъ залогъ нравственной силы, а потому и успѣха,—и войско понимало и любило его. Съ именемъ Котляревскаго передало оно потомству имена Ахалкалакъ, Асландуза и Ленкорани, гдѣ съ малыми силами поражалъ онъ сильныхъ враговъ.

„Благоговѣя передъ правилами Котляревскаго, среди васъ, воины Кавказа, буду искать ему подобныхъ—и найду ихъ!“

Но Ленкоранскій побѣдоносный штурмъ былъ тотъ предѣлъ, за который не суждено было перейти доблестнымъ подвигамъ Котляревскаго. Тяжелыя неизлечимыя раны заставили его выйти въ отставку и поселиться около Бахмута, въ селѣ Александровѣ. Для скорбной жизни его молитва становилась лучшею отрадой; онъ на собственный счетъ выстроилъ церковь и перенесъ къ ней изъ родной Ольховатки престарѣлаго протоіерея, своего отца, который и дожилъ съ сыномъ до глубокой старости. Для Асландузскаго героя началась жизнь тихая, мирная, спокойная, однообразная и молчаливая.

Былъ моментъ, когда Котляревскому еще разъ представлялся случай воротиться къ побѣдному поприщу. При самомъ началѣ персидской войны въ 1826 году, императоръ Николай произвелъ Котляревскаго въ чинъ генерала отъ инфантеріи и приглашалъ его принять на себя командованіе войсками противъ знакомыхъ ему персіянъ. „Увѣренъ,—писалъ ему государь:—что одного имени вашего достаточно будетъ, чтобы одушевить войска, вами предводительствуемыя, устрашить врага, неоднократно вами пораженнаго и дерзающаго снова нарушить тотъ миръ, къ которому открыли вы первый путь вашими подвигами“.

Но Котляревскій, изнемогавшій отъ страданій, не могъ исполнить державной воли, и командовать войсками противъ персіянъ былъ посланъ генералъ отъ инфантеріи Паскевичъ. Впослѣдствіи, уже за нѣсколько дней до кончины, въ кругу своихъ близкихъ родныхъ, Котляревскій приказалъ принести высочайшій рескриптъ, приглашавшій его на службу, и шкатулку, отъ которой ключъ всегда хранилъ у себя. Въ шкатулкѣ оказалось 40 костей, вынутыхъ послѣ Ленкорани изъ его головы, которыхъ онъ до тѣхъ поръ никогда никому не показывалъ. „Вотъ—сказалъ онъ, указывая на кости:—что было причиною, почему я не могъ принять назначеніе государя и служить до гроба престолу и отечеству... Пусть онѣ останутся вамъ на память о моихъ страданіяхъ".

Чтобы имѣть понятіе о жестоко-мучительной жизни, которую велъ въ теченіе 39 лѣтъ Котляревскій, довольно сказать, что онъ могъ дышать свѣжимъ воздухомъ только лѣтомъ, въ теплую погоду, а зимою не выходилъ изъ комнаты. Уединеніе раздѣлялъ съ нимъ до самой его смерти сослуживецъ его, раненый при Асландузѣ, маіоръ Шультенъ, который впослѣдствіи женился на его племянницѣ. Представители прошедшаго славнаго времени, оба изувѣченные воина принимали до конца живое, юношеское участіе во всемъ, что касалось до родины ихъ славы, Кавказа.

Въ 1838 году, по совѣту медиковъ, Котляревскій переселился на южный берегъ Крыма и, пріобрѣтя близъ Ѳеодосіи мызу „Добрый Пріютъ", провелъ тамъ остатокъ своихъ дней молчаливо и безропотно. Такъ наступилъ 1851 годъ, когда жизнь его начала видимо погасать. Онъ сознавалъ это, но сокрушался лишь о томъ, что не могъ достаточно отблагодарить свою двоюродную племянницу, которая безотлучно находилась при немъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Тогда мелькнула у него мысль жениться на ней и этимъ путемъ оставить ей право на полученіе пенсіи вдовы генералъ-аншефа. Онъ написалъ военному министру и, получивъ разрѣшеніе, назначилъ вѣнчаніе на 19 октября, день асландузской побѣды, который онъ считалъ счастливѣйшимъ въ своей жизни. Но смерть была уже близка. 10 октября онъ еще принималъ у

себя кавказскаго намѣстника, князя Михаила Семеновича Воронцова; который, несмотря на бурю, свирѣпствовавшую на Черномъ морѣ, заѣхалъ въ Крымъ, чтобы повидать своего стариннаго друга; но съ этого дня болѣзнь стала дѣлать быстрые успѣхи. 19-го числа Котляревскій былъ уже такъ слабъ, что не могъ ѣхать въ церковь; а совершить обрядъ на дому воспрещали правила церкви. Онъ приходилъ въ отчаяніе и, ломая руки, твердилъ одно: „Боже мой, Боже мой! Я сойду во гробъ неблагодарнымъ!“ *). 21-го числа въ 11 часовъ ночи, онъ съ трудомъ приподнялся на постели и попросилъ, чтобы его пересадили въ кресло. Но едва это исполнили, какъ Котляревскій пересталъ говорить и тихо скончался“.

Тѣло Котляревскаго покоится въ „Добромъ Пріютѣ“, въ саду за небольшою рѣшеткою. Съ нимъ рядомъ похороненъ Шультенъ, который и послѣ смерти остался неразлучно вѣренъ своему начальнику и другу, а недалеко отъ этихъ могилъ, какъ бы убаюкивая ихъ мирный сонъ, плещутъ волны Чернаго моря.

Но эта тихая могила невольно напоминаетъ другую могилу, переноситъ васъ на берегъ другого моря, къ грознымъ твердынямъ Ленкорани, гдѣ въ Котляревскомъ умеръ воинъ и вождь. А между двумя этими морями возвышается Кавказъ, и на немъ, какъ на громадномъ, незыблемомъ памятникѣ глубоко врѣзано имя Котляревскаго.

Мысль почтить героя достойнымъ его имени монументомъ на той землѣ, гдѣ онъ провелъ свои послѣдніе страдальческіе годы, давно уже зародилась среди ѳеодоссійскихъ гражданъ, и наконецъ приведена въ исполненіе знаменитымъ художникомъ, профессоромъ Айвазовскимъ. Онъ составилъ проектъ памятника и выбралъ для него живописное мѣсто на высокомъ холмѣ, откуда открывается чудный видъ на городъ и на море. Памятникъ представляетъ и молитвенный домъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ музей ѳеодоссійскихъ древностей. Передній фасадъ его украшенъ большою колоннадой, а

*) Невѣста Котляревскаго была щедро обезпечена государемъ.

боковые — продолговатыми окнами, расположенными почти подъ самымъ карнизомъ, такъ что вся внутренность зданія освѣщается сверху. Надъ фронтономъ водруженъ позолоченный крестъ, а внутри все зданіе дѣлится на двѣ половины. Въ передней части, гдѣ помѣщается часовня, къ востоку стоитъ икона апостола Петра, на сѣверъ—большой прозрачный георгіевскій крестъ, какъ символъ доблестной службы кавказскаго героя, а къ югу—портретъ Котляревскаго, писанный искусною кистью самого Айвазовскаго. Задняя половина зданія обращена въ музей, вмѣщающій въ себѣ ѳеодоссійскія древности; здѣсь же находятся нѣсколько превосходныхъ картинъ Айвазовскаго, принесенныхъ художникомъ въ даръ своей родинѣ.

Заложеніе часовни торжественно совершилось 5-го іюля 1870 г. Преосвященный епископъ херсонскій, желая рѣчью воскресить въ памяти присутствовавшихъ боевыя заслуги и свѣтлыя страницы жизни покойнаго кавказскаго героя, сказалъ прекрасныя и глубоко знаменательныя слова:

„Многу славу созда намъ Господь его ради“.

Второе изданіе 1886 года,

иллюстрированное портретами и виньетками къ каждой главѣ, съ большимъ, изящно отпечатаннымъ портретомъ Великаго Князя Главнокомандующаго

„Дома и на войнѣ".

1853—1881 гг.

Воспоминанія и разсказы Александра Верещагина.

Часть I. Изъ домашняго быта КРѢПОСТНАГО ПРАВА.
„ II. Изъ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877—1878 гг.
„ III. ТЕКИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ СКОБЕЛЕВА 1880—81 гг.

600 страницъ текста.

Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пересылкой 3 руб.

Въ отзывѣ М. Драгомирова, помѣщенномъ въ № 255 „РУССКАГО ИНВАЛИДА", отъ 23 Ноября 1885 г., между прочимъ сказано:

„Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ г. Верещагинъ далъ рядъ прекрасно „нарисованныхъ бытовыхъ и военныхъ сценъ, которыя не могутъ не заинтересо„вать любаго читателя, а военнаго тѣмъ болѣе. Взявшись за книгу, трудно отор„ваться отъ нея, до такой степени разсказъ живъ, правдивъ, полонъ добродуш„наго юмора . . . . . .

„Попадаются у него, и нерѣдко, такія мѣста, которыя могутъ быть постав„лены на ряду со сценами величайшаго изъ живописцевъ военнаго обихода — „гр. Л. Н. Толстаго".

М. Драгомировъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ВЛАДИМІРА АНТОНОВИЧА

БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ

ОЧЕРКАХЪ, ЭПИЗОДАХЪ, ЛЕГЕНДАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ.

В. Лотто.

Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ Кавказскій воинъ, съ какимъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ исторіи героевъ молча легли для защиты знамени и долга.

(Изъ привѣтственной рѣчи Графа Соллогуба Е. И. В. Великому Князю Михаилу Николаевичу при назначеніи Его намѣстникомъ Кавказа).

Книга эта рекомендована Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Внесена въ «Основной каталогъ» для офицерскихъ библіотекъ.

ТОМЪ 1-й

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ЕРМОЛОВА.

ВЫПУСКЪ IV.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Изданіе книжнаго склада В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.
С.-Петербургъ, Колокольная, собств. д., № 14.
1887.

110

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 3 іюля 1886 г.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.

ОГЛАВЛЕНІЕ IV-го ВЫПУСКА.

XXXIX. **Черноморское войско** 543
XL. Чепѣга и Головатый. 554
XLI. Бзіюкская битва 569
XLII. Атаманъ Бурсакъ. 580
XLIII. Анапа въ 1807—1812 годахъ. 595
XLIV. Гибель Новогригорьевскаго поста 601
XLV. Смерть Тиховскаго 607
XLVI. **Кавказская линія** 613
XLVII. Генералъ Глазенапъ. 615
XLVIII. Генералъ-маіоръ Лихачевъ. 642
XLIX. Булгаковъ 655
L. Генералъ-маіоръ Портнягинъ 668
LI. Кавказско-горское ополченіе въ 1812 году 681
LII. Генералъ Дельпоццо. 688

Виньетки и заставки рисовалъ К. А. Газенкампфъ, гравировалъ Н. Г. Денисовскій.

XXXIX.

Черноморское войско.

Въ самомъ концѣ восемнадцатаго вѣка на Кавказѣ появился новый, сильный и оригинальный дѣятель въ начавшей тогда крѣпнуть и разгораться борьбѣ Россіи съ горскими племенами. Это старая Запорожская Сѣчь, силою обстоятельствъ брошенная далеко съ родины на берега бурливой Кубани и ставшая лицомъ къ лицу съ дѣтьми суровой природы, гдѣ въ горахъ и ущельяхъ

«Кликомъ воли... неслись
И земли и небесъ голоса»...

Въ то время, когда русско-кавказскіе предѣлы еще только перешагнули горы, и тамъ, въ Грузіи, возникалъ новый центръ войнъ и мирной дѣятельности, сѣверныя предгорья Кавказа все еще не имѣли крѣпкихъ границъ, которыя могли бы служить оплотомъ отъ вторженій. Стародавній рядъ казацкихъ поселеній шелъ по Тереку, достигая верховьевъ

Кумы; Гудовичъ переселилъ на Кубань донцовъ, основавшихъ тамъ рядъ станицъ до устьевъ Лабы. А за Устъ-Лабинской станицей, внизъ по теченію Кубани, вплоть до самаго моря, оставались привольныя, но пустынныя степи, разстилавшіяся къ сѣверу до самаго Дона и остававшіяся, послѣ выселенія изъ этихъ мѣстъ Суворовымъ ногайскихъ татаръ, почти совершенно безъ населенія.

Но стоитъ только взглянуть на карту этого края, чтобы оцѣнить всю необходимость для Россіи укрѣпленія за собою всего теченія Кубани. Къ югу отъ низовьевъ этой рѣки простирались земли черкесовъ Адыге, расположившіяся на понижавшихся и сравнительно узкой полосой идущихъ горахъ Кавказа, за которыми въ близкомъ разстояніи шумѣло Черное море, съ грозными на побережьѣ его турецкими крѣпостями—Анапой, Сунджукомъ-Кале и др. Самыя устья Кубани и Таманьскій полуостровъ, только узкимъ Керчь-Еникольскимъ проливомъ отдѣляющійся отъ Крыма, лежали между Анапой и русскими землями и были такъ необходимы для безопасности послѣднихъ, что заселеніе всего этого края представлялось бы при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ вопросомъ лишь времени. И уже въ 1794 году, одно десятилѣтіе спустя послѣ выселенія ногайцевъ и только два года послѣ водворенія на Кубани донцовъ, казаки Запорожья подъ именемъ Черноморскаго войска появляются на низовьяхъ Кубани, предводимые Чепѣгою и Головатымъ. Но Черноморское войско страннымъ образомъ подчинено было не начальникамъ Кавказской линіи, а херсонскому генералъ-губернатору и составило, подобно Грузіи, особый центръ борьбы съ горцами до самыхъ временъ Ермолова, когда и линія, и Грузія, и Черноморское войско — соединились въ единствѣ дѣйствій.

XL.

Чепѣга и Головатый.

(Запорожцы на Кубани).

Въ послѣдніе годы своего бурнаго существованія Запорожская Сѣчь выдвинула двухъ замѣчательнѣйшихъ людей, своимъ умомъ и энергіей много содѣйствовавшихъ мирному переселенію казаковъ на привольныя прикубанскія степи; это были—атаманъ Харько Чепѣга и войсковой судья Антонъ Головатый.

Исторія Головатаго есть исторія послѣднихъ дней Запорожья и борьбы его за свои вѣковыя вольности. Запорожье ему обязано безконечно много, но и онъ былъ чистымъ сыномъ Сѣчи, безъ нея онъ не понятенъ и не мыслимъ. Чуть ли не съ самыхъ первыхъ дней самостоятельной жизни, онъ уже является типичнѣйшимъ представителемъ знаменитаго запорожскаго „лыцарства", и даже попадаетъ въ Сѣчь традиціоннымъ побѣгомъ въ нее.

Племянникъ кошевого судьи, Головатый учился въ кіевской академіи, гдѣ воспитывались дѣти знатнѣйшихъ малороссовъ; но сидя надъ изученіемъ Овидія и Цицерона, онъ, какъ и всѣ, меч-

талъ о волѣ и Сѣчи съ ея войнами и безконечнымъ разгуломъ. И вотъ, однажды, гуляя по Кіеву съ нѣсколькими товарищами, Головатый увидѣль несшійся внизъ по рѣкѣ чей-то сорванный половодьемъ долбленный дубъ—одно изъ тѣхъ утлыхъ суденъ, на которыхъ запорожцы пускались даже въ открытое море и добирались до береговъ Анатоліи. Не долго раздумывая, бурсаки перехватили дубъ на рыбацкомъ челнѣ, втащили его въ камышъ и тою-же ночью, взявъ по краюхѣ хлѣба и сбросивъ свои долгополыя бурсацкія свиты, пустились съ весенними водами искать себѣ доли и воли въ той заповѣдной и заманчивой Сѣчи, „откуда разливались воля и казачество на всю Украйну".

Сѣчь всегда и для всѣхъ стояла растворенною настежь, и единственнымъ условіемъ для поступленія туда была православная вѣра; да развѣ еще иногда принимаемаго заставляли показать свое удальство, переплывъ днѣпровскіе пороги противъ теченія.

Головатый съ товарищами продѣлали обычную церемонію пріема, такъ характерно описанную Гоголемъ.

„Здравствуй! Что, во Христа вѣруешь?" — Вѣрую. — „И въ Троицу святую вѣруешь?"—Вѣрую.—„И въ церковь ходишь?"—Хожу.—„А ну, перекрестись... Ну, хорошо, ступай же, въ который самъ знаешь курень".

Головатый поступилъ въ Кощевскій курень, а черезъ пять лѣтъ мы видимъ его уже полковымъ старшиною и правящимъ должность войскового писаря, т. е., говоря по нынѣшнему,—должность начальника штаба Запорожскаго войска.

Для Запорожья наступали тогда трудныя времена. Сами запорожцы сознавали, что съ покореніемъ Россіею Крыма и Новороссіи, Запорожская Сѣчь, въ теченіе двухъ вѣковъ охранявшая южные предѣлы Украйны, теряла свое прежнее значеніе, и что, напротивъ, необузданная гайдамацкая вольница, не признававшая никакихъ договоровъ, могла быть только непріятна Россіи своими набѣгами на Турцію и Польшу, ежеминутно угрожая втянуть ее въ новыя войны съ сосѣдями. И русское правительство, исподоволь употреблявшее всѣ мѣры, чтобы прекратить этотъ дикій казацкій разгулъ, но скоро увидѣвшее всю безплодность своихъ усилій обратить казаковъ къ мирному быту, рѣшило наконецъ на-

всегда покончить съ существованіемъ Запорожья. Заклятые сѣчевики, разумѣется, не могли и помыслить о томъ, чтобы разстаться съ своими вѣковыми вольностями и преданіями, и чуя приближеніе чего-то недобраго для себя, сумрачно косились на вышку Новосѣченскаго ретраншемента, гдѣ, за насыпью и частоколомъ въ кошевой крѣпостцѣ, какъ бы для охраны Сѣчи, незадолго передъ тѣмъ поселился русскій комендантъ Норовъ.

Начался рядъ казацкихъ депутацій въ Петербургъ, съ цѣлію избѣжать бѣды и по возможности выгородить мирнымъ путемъ свои вѣковыя права. Первыя двѣ депутаціи, въ которыхъ участвовалъ и Головатый, были предприняты съ цѣлію добиться уничтоженія сербскихъ поселеній на землѣ Запорожскаго войска. Тогда сербы были въ модѣ, и Головатый успѣха не имѣлъ: его осыпали ласками, хвалили заслуги и вѣрность храбраго Запорожскаго войска, но тѣмъ не менѣе посланцы запорожской рады оба раза возвращались въ Сѣчь ни съ чѣмъ. Однакоже и неудачныя поѣздки въ Петербургъ принесли Головатому огромную пользу: онъ ознакомился съ столичными придворными порядками и заручился знакомствомъ со многими вельможами.

Въ третій разъ депутація, состоявшая изъ есауловъ Сидора Бѣлаго и Логина Мощенскаго и войскового писаря Головатаго, выѣхала изъ Коша въ сильную слякоть и стужу, въ началѣ октября 1774 года, и только въ декабрѣ добралась до Москвы, гдѣ тогда находился императорскій дворъ. Но и тамъ депутація встрѣтила большія затрудненія. Напрасно Головатый добивался свиданія съ Потемкинымъ, который, въ числѣ многихъ вельможъ того времени, былъ записанъ въ войскѣ и числился въ Кощевскомъ же куренѣ, подъ именемъ „Грицька Нечоса". Потемкинъ былъ поглощенъ другими дѣлами, а безъ него депутаты ни до чего не могли добиться.

Выручило запорожцевъ остроумное слово одного изъ нихъ. Однажды Потемкинъ случайно заѣхалъ къ казакамъ въ Новоспасскій монастырь, и не засталъ никого изъ нихъ дома. „Ну, кланяйся куренному батькѣ—сказалъ Потемкинъ запорожскому сторожу:— да передай, что пріѣзжалъ Грицько Нечоса благодарить за подарки, а особенно за коней, какъ за цуговаго, такъ и за верховаго";— „Довезутъ, можетъ, до Сената наши бумаги",—отвѣтилъ запоро-

жецъ. Потемкинъ расхохотался. Въ тотъ же день этотъ отвѣтъ сдѣлался извѣстенъ даже самой императрицѣ, и Екатерина приказала немедленно заняться дѣломъ запорожцевъ.

Готовясь нести во дворецъ челобитную, войсковые депутаты одѣлись въ бѣлые суконные кунтуши съ откидными рукавами, нацѣпили на себя отбитыя у турокъ сабли и ятаганы, а изъ-подъ сѣрыхъ смушковыхъ шапокъ выпустили свои длинные чубы— „оселедци». Всѣ во дворцѣ любовались ихъ смуглыми, хмурыми лицами, важностью сановитыхъ движеній и находчивыми отвѣтами. Они торжественно вручили генералъ-прокурору свою челобитную, смѣло прошли по амфиладѣ раззолоченныхъ залъ и, возвратясь въ монастырь, стали терпѣливо ожидать рѣшенія *).

Головатый между тѣмъ успѣлъ добиться свиданія съ Потемкинымъ, который принялъ у себя депутатовъ за-просто, какъ своихъ побратимовъ. Но то, что они отъ него услыхали, было далеко не утѣшительно. Когда Головатый высказалъ претензію казаковъ насчетъ земель, отданныхъ подъ Новую Сербію, Потемкинъ только покачалъ головою.

— Не даромъ ты, Антонъ, учился въ кіевской бурсѣ Цицерону и, подобно мнѣ, думалъ даже поступить въ попы,—сказалъ онъ.—Ты, какъ слышу, женился и держишь жену въ зимовникѣ, а все завзятый и хитрый запорожецъ. О вашихъ претензіяхъ я думаю иное“.—Въ чемъ ваша думка? спросилъ, приготовляясь слушать, Головатый.—„А вотъ въ чемъ,—отвѣчалъ Потемкинъ.— Вы всѣ, черти, молодцы, и нельзя васъ не любить, только берегитесь! У всѣхъ васъ одна думка: ослабили мы турку и ляха, какъ бы теперь и того дурня, москаля, въ шоры убрать?.. Вѣдь такъ?“ —Депутаты молча и растерянно переглянулись. — „Ну, братчики, — продолжалъ Потемкинъ: — москаля вамъ въ шоры не убрать, крѣпко брыкается бисовъ кацапъ! И лучше его не займайте! Я самъ разберу ваши бумаги, а вы тѣмъ временемъ заходите ко мнѣ...“ **).

Видя, что дѣла ихъ принимаютъ дурной оборотъ, Головатый рѣшился пойти на уступки, лишь бы спасти любезное Запорожье.

*) „Послѣдніе Запорожцы“ Данилевскаго.
**) Тамъ же.

Умный и дальновидный политикъ, онъ сознавалъ, что существованіе Коша съ его старыми правами и вольностями внутри государства уже немыслимо, и старался пріискать такую комбинацію, которая, ограничивая въ извѣстной мѣрѣ эти права, въ то же время не нарушала бы основныхъ традицій Сѣчи. Въ этомъ смыслѣ онъ составилъ проектъ новаго положенія о Запорожской Сѣчи, который и представилъ свѣтлѣйшему, зная, что Потемкинъ любитъ и отличаетъ его за умъ и находчивость. Но на этотъ разъ Потемкинъ смотрѣлъ туча тучею и, не читая, отодвинулъ проектъ Головатаго въ сторону. — „Вы крѣпко расшалились — сказалъ онъ: — и ни въ какомъ видѣ не можете уже приносить пользы. Вотъ ваши добрыя и худыя дѣла". Съ этими словами онъ подалъ Головатому толстую тетрадь, въ которой исчислены были всѣ хорошія и худыя дѣла Запорожья, размѣщенныя въ порядкѣ другъ противу друга. Головатый самъ послѣ разсказывалъ, что все тамъ было записано вѣрно, и ни одно обстоятельство не было ни скрыто, ни ослаблено. —„Только, хитра писачка, що-жь винъ зробывъ съ нами?"—худыя дѣла Сѣчи написалъ строка отъ строки пальца на два и словами величиною съ воробьевъ, а что Сѣчь зробила, тако то было писано часто и мелко, какъ будто усыпано макомъ, а оттого наши худыя дѣла и заняли больше мѣста, какъ добрыя".

Спустя нѣсколько времени Головатый пришелъ по обыкновенію къ Потемкину, не предчувствуя готовившагося ему удара.— „Все кончено, пропала ваша Сѣчь!" сказалъ ему Потемкинъ. Пораженный, не помня себя, Головатый запальчиво отвѣчалъ: — Пропала Сѣчь, такъ пропали же и вы, ваша свѣтлость. — „Что ты врешь!" закричалъ Потемкинъ—„и такъ взглянулъ на меня— разсказывалъ Головатый: — що я смэкнувъ чимъ сее пахнэ, отвѣчавъ ему:—„А вы же, батьку, вписаны у насъ казакомъ, такъ коли Сѣчь пропала, то и ваше казачество кончилось!"

Уничтоженіе Сѣчи, дѣйствительно, было уже рѣшено Потемкинымъ, и въ то время какъ онъ балагурилъ съ своими „побратимами", генералу Текелли, возвращавшемуся тогда съ Дуная, уже послано было приказаніе вступить въ Сѣчь и обезоружить казаковъ. Насталъ черный моментъ для Запорожья.

Цорна хмара наступае
Либонь дощикъ будэ,
Вжежь нашего Запорожья
До віку не будэ
Бо цариця мати наша
Напустъ напустила
Славно войско запорожьске
Та й занапастила.

Такъ описываетъ это событіе казацкая пѣсня.

Но дѣлать было нечего, и депутаты отправились изъ Петербурга во свояси, не зная еще, гдѣ имъ придется приклонить свои буйныя головы. Головатый ѣхалъ вмѣстѣ съ Сидоромъ Бѣлымъ, и оба они находились въ такомъ настроеніи, что даже порѣшили покончить съ собою. Они зарядили два пистолета и условились, чтобы Головатый прочелъ вслухъ всѣ ежедневныя молитвы, и когда надо будетъ читать „Вѣрую", то обоимъ приготовиться, а по слову „аминь" стрѣлять. Выбравши въ лѣсу удобное мѣсто, они простились до скорой встрѣчи въ лучшемъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни москалей, ни кацаповъ — и чтеніе молитвъ началось.

Вотъ уже Головатый дошелъ до „Отче нашъ", и до словъ: „но избави насъ отъ лукаваго"—какъ вдругъ его озарила новая мысль. Онъ опустилъ пистолетъ и спросилъ у Бѣлаго:

— А знаешь що, батьку?

— А що?

— Вотъ се мы пострѣляемся.

— Эге.

— И насъ тутъ найдутъ мертвыхъ.

— Эге!

— И скажутъ: вотъ два дурня, запорожци, вѣрно напилися мертвецьки и пострѣлялись сами не зная чого, — и никто не узнаетъ, зачѣмъ мы пострѣлялись и не будетъ намъ ни славы, ни чести, ни памяти.

— Такъ що-жь робити? спросилъ его Бѣлый.

— А цуръ ему стрѣляться, батьку; поѣдемо дальше.

— Справды, цуръ ему, поѣдемо,—сказалъ Бѣлый.

Помолились Богу, потянули горилки изъ дорожной баклажки и отправились въ путь дорогу, къ роднымъ куренямъ.

А родные курени стояли въ развалинахъ. Часть казаковъ, не понимая иной жизни, кромѣ прежней казачьей, ушла до турка, за синій Дунай; другая, подчиняясь необходимости, повѣсила на гвоздь свои сабли и принялась за плуги. Къ послѣдней присталъ и Головатый съ своими товарищами, не теряя надежды когда-нибудь воскресить на Украйнѣ былое вольное казачество. И случай къ этому, дѣйствительно, скоро представился.

Въ 1780 году, спустя пять лѣтъ послѣ уничтоженія Сѣчи, Потемникъ посѣтилъ Новороссію и могъ на мѣстѣ убѣдиться, что только имѣя значительную армію, и прежде всего казаковъ, можно было охранять ея обширныя границы. Онъ вспомнилъ проектъ Головатаго, поданный ему въ Петербургѣ, и, зная хорошо бытъ, характеръ и свойства запорожцевъ, рѣшилъ воспользоваться бездѣйствующею, мощною силою, чтобы вызвать ее къ новой жизни и направить ко благу любимой Украйны. Онъ началъ съ того, что по званію царскаго намѣстника, учредилъ при себѣ почетный конвой изъ бывшихъ запорожцевъ подъ командой Головатаго. Въ то же время онъ говорилъ открыто о намѣреніи правительства возстановить казацкое войско и объ отводѣ для его поселеній новыхъ мѣстъ между Днѣстромъ и Бугомъ. Молва объ этомъ прошла по всей Малороссіи, и старые сѣчевики стали отовсюду стекаться за Бугъ. Не прошло и года, какъ образовалось цѣлое За-Бугское войско, названное „вѣрнымъ“ въ отличіе отъ казаковъ, ушедшихъ въ Турцію. Сидоръ Бѣлый, тотъ самый, что когда-то хотѣлъ стрѣляться съ Головатымъ, сталъ „батькой кошевымъ“, а самъ Головатый былъ выбранъ въ войсковые судьи — должность, которую такъ долго правилъ въ Сѣчи его родной дядя.

Служа теперь подъ непосредственнымъ начальствомъ могущественнаго гетмана, князя Потемкина, и пользуясь особымъ его расположеніемъ, казаки старались поддержать за собою старую славу, въ то же время ревниво избѣгая всего, что могло бы навлечь на нихъ даже случайное неудовольствіе своенравнаго покровителя, въ рукахъ котораго была ихъ участь.

Разсказываютъ, что одинъ изъ запорожскихъ старшинъ, имѣвшій чинъ армейскаго штабъ-офицера, сдѣлалъ какой-то крупный проступокъ, огорчившій Потемкина. Всѣ ожидали грозы. Но свѣт-

лѣйшій призвалъ къ себѣ Головатаго и только сказалъ:—„Головатый! пожури ты его по своему, да хорошенько, чтобы впередъ за нимъ этого не было".

— Чуемо, наіяснійшій гетмане,—отвѣчалъ Головатый,—и на слѣдующій день, явясь съ рапортомъ, лаконически сказалъ: исполнили, ваша свѣтлость!—„Что исполнили?" спросилъ Потемкинъ.—Да пожурили того старшину по своему, якъ вы указали.

— „А какъ же вы его пожурили? разскажи мнѣ, сказалъ князь.—А якъ пожурили? та простожь, наіяснійшій гетмане, положили, та кіями такъ ушкварили, що насилу винъ вставъ.

— „Какъ! старшину-то, маіора?! закричалъ Потемкинъ: — да какъ же вы могли это сдѣлать?" — Правда, таки на силу що смогли, на силу въ четырехъ повалили—не давався: одначе справились. —„Да вѣдь онъ маіоръ?"—А що-жь що маіоръ: маіорство при немъ и осталось. Вы приказали его пожурить, вотъ онъ теперь и будетъ крѣпко журитися и за прежнія штуки уже не пріймется.

Цѣня усердіе и вѣрность Запорожскаго войска, Потемкинъ долженъ былъ оставить это дѣло безъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что и самъ обиженный, чуя за собою вину передъ войскомъ, молчалъ.

Между тѣмъ началась вторая турецкая война, и для новаго Запорожскаго войска настали времена побѣдъ и отличій. Его велъ кошевой Сидоръ Бѣлый, а подъ нимъ начальствовали: Харько (Захарій) Чепѣга запорожскою конницею, а Головатый—пѣхотой и гребной флотиліей. Въ памятномъ истребленіи турецкаго флота 16 іюня 1788 года, въ Днѣстровскомъ лиманѣ, гребная флотилія вѣрныхъ казаковъ принимала самое живое участіе. Самъ кошевой, вмѣстѣ съ Головатымъ, ходили штурмовать турецкіе корабли, и первый заплатилъ за побѣду собственною жизнію. Раненый смертельно во время абордажа, Бѣлый скончался на третій день, завѣщавъ казакамъ держаться болѣе всего стараго сѣчевого уряда.

По смерти атамана въ войскѣ образовались двѣ партіи: одна прочила въ атаманы Харько Чепѣгу, другая хотѣла Головатаго. И тотъ и другой пользовались равнымъ уваженіемъ въ войскѣ, какъ лучшіе представители Сѣчи; но первый былъ исключительно

воиномъ, тогда какъ второй занималъ по войску преимущественно административныя должности. И потому, послѣ многихъ пререканій, споровъ и колебаній, выборъ палъ наконецъ на Чепѣгу, которому дала перевѣсъ его извѣстная отвага въ бояхъ, цѣнившаяся въ тогдашнее время выше гражданскихъ заслугъ. Потемкинъ утвердилъ выборъ Чепѣги и, въ знакъ личнаго уваженія къ новому атаману, послалъ ему въ подарокъ дорогую саблю. Не лишнее сказать, что соперники остались между собою искренними друзьями до самой смерти.

Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались, и на долю казацкаго войска выпало въ нихъ не мало отличій. А осенью, во время осады Очакова, казаки совершили подъ начальствомъ Головатаго одно изъ тѣхъ замѣчательнѣйшихъ въ военной исторіи дѣлъ, на которыхъ съ удивленіемъ останавливаются и современники и потомство.

Осеннія бури заставили тогда Гассанъ-пашу со всѣмъ турецкимъ флотомъ удалиться изъ-подъ Очакова къ Царьграду; но дорожа отличною якорною стоянкою, которая была у острова Березани, онъ укрѣпилъ ее береговыми батареями, а въ самой серединѣ острова построилъ цѣлую крѣпость, въ избыткѣ снабдивъ ее артиллеріею и всѣми припасами на случай осады.

Собственно говоря, Березань и ея батареи были безвредны и не нужны для русскихъ; но Потемкинъ рѣшилъ ихъ взять во что бы то ни стало, разсчитывая этимъ поднять нравственный духъ своихъ войскъ и поколебать мужество осажденныхъ.

Выборъ его, для исполненія этого отважнаго предпріятія, палъ на Головатаго.

— «Головатый,—сказалъ ему однажды Потемкинъ:—какъ бы взять Березань!»

— Возьмемо, батько,—отвѣтилъ Головатый.—А чи-жь буде за то хрестъ? добавилъ онъ улыбаясь.

— «Будетъ, будетъ, только возьми Березань».

— Чуемо, батьку,— сказалъ Головатый и спокойно вышелъ изъ ставки свѣтлѣйшаго.

7-го ноября 1788 года гребная казацкая флотилія на глазахъ всей арміи, не смотря на страшный огонь прибрежныхъ батарей,

пристала къ берегу, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ эти батареи и самая крѣпость, взятыя штурмомъ, были уже въ рукахъ казаковъ. Говорятъ, будто бы они подплыли къ крѣпости, переодѣвшись въ турецкіе мундиры. Двѣсти тридцать плѣнныхъ, 23 орудія и нѣсколько знаменъ достались трофеями въ руки побѣдителей.

Овладѣвъ Березанью, Головатый оставилъ въ ней гарнизонъ, а самъ немедленно явился къ Потемкину. Подходя къ нему, онъ запѣлъ: «кресту твоему поклоняемся, владыко...» и, сдѣлавъ земной поклонъ, сложилъ къ ногамъ князя ключи Березанской крѣпости. Потемкинъ тутъ же навѣсилъ на него орденъ св. Георгія 4 степени. А отрядъ, взявшій Березань, назвалъ себя по имени крѣпости, гордился этимъ названіемъ, и впослѣдствіи, на Кубани, передалъ это имя одной изъ станицъ на Байсугѣ.

Другой разъ небольшая партія запорожцевъ на лодкахъ пробралась къ Измаилу и дала возможность снять на планъ всѣ его укрѣпленія. Потемкинъ приказалъ Головатому представить себѣ удальцовъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, и тѣ наскоро отправились изъ лагеря въ дорогу и явились къ гетману прямо съ лодокъ, отрепанные, въ порванныхъ рубахахъ и свиткахъ, иные даже босикомъ. Свѣтлѣйшій, вышедшій къ нимъ въ богатомъ гетманскомъ кафтанѣ, въ лентахъ и орденахъ, принялъ ихъ за нищихъ. —«А гдѣ твои храбрые молодцы? спросилъ онъ оглянувшись на Головатаго.—Да это-жь, превелѣбіе, они и есть,—отвѣчалъ съ поклономъ войсковой судья.—«Неужели начальство поскупилось получше снабдить ихъ въ дорогу?»—А що-жь нужно, батько ты нашъ, хоть бы казаку?—отвѣтили запорожцы:—распытались мы у Коша, кошевой сказалъ: идите съ добрымъ чоловикомъ: ну, мы и пійшлы...—Теперь, князе, нема уже опаски—прибавилъ другой запорожецъ: —турчинова фортеція, якъ на ладони. Звелите, ваше высокопревелѣбіе, и побей Боже насъ и нашихъ дѣтей, коли не заберемъ измаильскаго пашу со всѣми его пашанятами.

Потемкинъ тутъ же произвелъ нѣсколькихъ запорожцевъ въ офицеры, а всей партіи казаковъ, бывшихъ въ этой замѣчательной рекогносцировкѣ, велѣлъ выдать новую полную по ихъ обычаямъ одежду и сто червонцевъ на всѣхъ. Деньги и платье запорожцы, впрочемъ, пропили меньше чѣмъ въ трое сутокъ, не

выѣзжая изъ Яссъ, и отретировались обратно, какъ пріѣхали,— въ лохмотьяхъ *).

18 ноября, при истребленіи турецкаго флота подъ Измаиломъ и потомъ на штурмѣ этой крѣпости, они были опять главными виновниками успѣховъ и заслужили восторженную похвалу отъ Суворова.

Рядъ боевыхъ отличій, оказанныхъ кошемъ вѣрныхъ казаковъ въ турецкую войну, доставилъ ему названіе Черноморскаго казачьяго войска, атаману Чепегѣ—орденъ св. Георгія 3 класса, а Головатому—чинъ полковника и орденъ св. Владиміра 3 степени.

Но кончилась турецкая война, а вслѣдъ за тѣмъ, 5 октября 1791 года, умеръ и свѣтлѣйшій Потемкинъ. Съ нимъ умерли и всѣ надежды юнаго Черноморскаго войска, лишившагося въ немъ могущественнаго покровителя.

«И заплакали черноморцы **) —говоритъ Короленко:—спиваючи:

«Устань батьку, устань Грицьку!
Великій Гетмане!
Милостивій добродію!
Вельможный нашъ пане!»

Но не всталъ Грицько на зовъ любимаго войска, которому было о чемъ плакать. Для черноморцевъ наступила пора невзгодъ, которую они пережили только благодаря духу единства, проникавшаго казачество. Не успѣлъ умереть свѣтлѣйшій гетманъ, какъ казаки, путемъ еще не обжившіеся на отведенныхъ имъ вольныхъ мѣстахъ между Днѣстромъ и Бугомъ, уже получили приказаніе готовиться къ переселенію на Кубань, въ обширныя пустынныя и безлюдныя пространства, лежавшія въ сосѣдствѣ съ черкесскими народами, отъ которыхъ нужно было оберегать границу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ пошли и недобрые слухи, что готовится болѣе радикальная реформа; что казачество будетъ уничтожено, а изъ черноморцевъ образуютъ легко-конные полки, которые по очереди и будутъ посылаться изъ своего Забужья нести заурядную солдатскую службу на берегахъ той же Кубани.

*) «Потемкинъ на Дунаѣ», Данилевскаго.

**) Въ память своего гетмана «вѣрное» Черноморское войско сдѣлало бѣлое атласное знамя, которое и донынѣ хранится въ Екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ.

Казаки, не имѣвшіе уже при дворѣ, какъ бывало, заручки въ лицѣ Потемкина, встревожились. И какъ ни тяжело имъ было бросать уже насиженныя забугскія мѣста, но они предпочитали лучше совсѣмъ переселиться на Кубань, лишь бы сохранить свой старинный казачій урядъ. „Что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ",—порѣшила войсковая рада, и отправила депутацію съ войсковымъ судьею Головатымъ къ императрицѣ, — просить отдать казакамъ прикубанскія земли въ ихъ вѣчное владѣніе.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Головатый тотчасъ принялся хлопотать о скорѣйшемъ представленіи его императрицѣ. Вельможи были въ большомъ затрудненіи. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, было рѣшиться, при тогдашнемъ блескѣ двора, представить государынѣ этихъ страшныхъ людей, въ необыкновенной одеждѣ, съ бритыми головами,—людей, которые даже не говорили, а только издавали какіе-то странные звуки: „та ни", „эге", „а то-жь", до крайности смущавшіе воспитанныхъ на придворномъ этикетѣ русскихъ вельможъ. Тѣмъ не менѣе аудіенція была назначена.

Въ воскресный день, въ пріемной залѣ дворца съѣхался весь дворъ, весь дипломатическій корпусъ, министры, генералитетъ. Ожидали выхода императрицы изъ церкви. Но вотъ, въ аудіенцъ-залу вошли депутаты Черноморскаго войска. Впереди всѣхъ Головатый, средняго роста, смуглый, съ большими усами и оселедцемъ замотаннымъ нѣсколько разъ за лѣвое ухо. Онъ былъ въ зеленомъ чекменѣ съ полковничьими галунами, въ бѣлой съ закинутыми назадъ рукавами черкескѣ, въ широчайшихъ шароварахъ и въ красныхъ сапогахъ, подбитыхъ высокими серебряными подковами. Обвѣшанный орденами, закручивая свой длинный усъ, онъ сурово окинулъ глазами собраніе и спокойно всталъ на указанное ему мѣсто; свита помѣстилась позади его.

Между тѣмъ обѣдня отошла; въ залѣ водворилась тишина, и въ растворенныхъ настежь дверяхъ показалась императрица, которая съ милостивою улыбкою подошла прямо къ черноморцамъ. Головатый выдвинулся впередъ, поклонился, и громко, ясно, на чистомъ русскомъ языкѣ, сказалъ короткую привѣтственную рѣчь. Императрица выслушала его съ удовольствіемъ, допустила къ своей

рукѣ и приказала князю Зубову лично заняться дѣлами черноморцевъ.

Теперь весь дворъ и всѣ знатнѣйшія лица того времени уже старались познакомиться съ Головатымъ, наперерывъ приглашая его на обѣды, вечера и балы, съ жадностію слушали его разсказы о Сѣчи, о нравахъ и обычаяхъ черноморцевъ, дивились его уму, находчивости, ловкости и оригинальности въ сужденіяхъ. Какъ истый сынъ Запорожья, Головатый пріѣзжалъ ко всѣмъ съ своею бандурою и, подыгрывая на ней, пѣлъ свои запорожскія былины, отъ которыхъ у слушателей сжималось сердце и выступали слезы.

На одномъ балу онъ былъ представленъ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ.

— „Скажите, отчего это черноморцы завертываютъ свою чуприну непремѣнно за лѣвое ухо?“ — спросилъ однажды Константинъ Павловичъ.

— Всѣ знаки достоинствъ и отличій, ваше высочество, сабля, шпага, ордена и другіе носятся съ лѣваго бока, то и чуприна, какъ знакъ удалого и храбраго казака, должна быть обращена также къ лѣвой сторонѣ.

Несмотря однакоже на все вниманіе и ласки, расточаемыя черноморцамъ, дѣло ихъ подвигалось чрезвычайно медленно, а между тѣмъ дороговизна жизни въ столицѣ совершенно истощила кошелекъ Головатаго, и онъ сталъ придумывать средства, какъ бы выйти изъ этого положенія.

Однажды, на зарѣ 11-го іюня, онъ былъ разбуженъ пушечными выстрѣлами съ Петропавловской крѣпости. Казаки, выскочившіе на улицу узнать о причинѣ пальбы, скоро возвратились назадъ, крича: „Ольга Павловна! Ольга Павловна! съ чемъ и васъ, батьку, поздравляемъ“. Это былъ день, когда родилась великая княжна Ольга Павловна.

Дворъ былъ тогда въ Царскомъ Селѣ. Головатый, не теряя времени, нанялъ извощиковъ и поскакалъ со всѣми черноморцами привѣтствовать государыню съ новорожденною внучкою. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Царскаго Села, онъ сошелъ съ дрожекъ, отпустилъ ихъ, а самъ, одѣтый въ парадную форму, легъ

подъ деревомъ близъ самой дороги со всей своей свитою. Между тѣмъ всѣ вельможи въ богатыхъ экипажахъ неслись по царскосельской дорогѣ, чтобы принести поздравленіе императрицѣ, и, видя Головатаго, останавливались и смотрѣли на него съ изумленіемъ. Многіе спрашивали: „зачѣмъ онъ въ полной формѣ лежитъ на дорогѣ?“ Головатый спокойно отвѣчалъ: А якъ-же? Богъ послалъ всеобщую радость и мы спѣшимъ въ Царское Село принести поздравленія.

— „На чемъ же вы спѣшите? Гдѣ ваши экипажи?“ — удивленно говорили любопытные.

— А за що бы я нанялъ ихъ, коли мнѣ съ хлопцами скоро ни за что и харчеватися будетъ“.

— „Такъ вы это пѣшкомъ?...“

— Овый на колесницахъ, овый на коняхъ, а мы пѣхтурою. Рада бы мама за пана, да панъ не бере.

Онъ вошелъ во дворецъ позже другихъ и съ безпокойствомъ спрашивалъ у придворныхъ: не опоздалъ ли?—приговаривая: „сторона не близкая—Петербургъ отъ Царскаго Села; а дрожекъ нанять не могли, прожились совсѣмъ“.

Встрѣча съ Головатымъ сдѣлалась предметомъ придворныхъ разговоровъ. Всѣ заговорили о крайности, въ которой находились черноморцы, и кто-то довелъ обо всемъ до свѣдѣнія императрицы. Это обстоятельство настолько подвинуло рѣшеніе дѣла, что уже 18-го іюля Головатый вновь представлялся Екатеринѣ, чтобы благодарить за милости, оказанныя Черноморскому войску.

Получивъ изъ рукъ самой императрицы пожалованную ему золотую саблю, Головатый произнесъ благодарственную рѣчь отъ лица всего Черноморскаго казачества. „Тамань, — говорилъ онъ между прочимъ:—даръ твоего благоволенія, будетъ вѣчнымъ залогомъ твоихъ милостей къ намъ, вѣрнымъ казакамъ. Мы воздвигнемъ грады, заселимъ села и сохранимъ тебѣ безопасность русскихъ предѣловъ“.

Императрица, удовлетворивши всѣ просьбы черноморцевъ, послала съ Головатымъ войску: милостивыя грамоты, въ богатомъ ковчегѣ, большое бѣлое знамя, серебряныя литавры, войсковую печать и, на новоселье, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль на блюдѣ

изъ чистаго золота съ такою же солонкою, а кошевому Чепѣгѣ драгоцѣнную саблю.

Увѣдомленный о возвращеніи депутатовъ изъ Петербурга, кошевой командировалъ для встрѣчи дорогихъ гостей за тридцать верстъ пятисотенный полкъ, а 15-го августа, въ главномъ селеніи Черноморскаго войска, Слободзеи, въ присутствіи всѣхъ полковыхъ старшинъ, херсонскаго архіепископа съ духовенствомъ, всѣхъ казаковъ и множества народа, устроилъ имъ парадную встрѣчу. Казацкое войско поставлено было въ двѣ линіи по обѣ стороны улицы, а между ними устроено возвышенное мѣсто, покрытое турецкими коврами, на которомъ стоялъ кошевой и были приготовлены столы для возложенія на нихъ царскихъ даровъ, привезенныхъ Головатымъ. Около кошевого широкимъ полукружіемъ стояли старшины съ булавами, знаменами и другими знаками отличій, заслуженными войскомъ. Между тѣмъ подходила депутація. Впереди четыре штабъ-офицера несли на блюдѣ монаршій хлѣбъ, покрытый дорогою матеріею; за ними самъ Головатый несъ на пожалованномъ блюдѣ солонку и высочайшія грамоты, а далѣе малолѣтнія дѣти его, Афонасій—царское письмо къ кошевому, а Юрій—драгоцѣнную, осыпанную алмазами саблю. Какъ только депутаты приблизились къ войскамъ, началась пальба изъ пушекъ и ружей, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока Головатый, сказавъ привѣтствіе, не передалъ царскихъ даровъ кошевому. Кошевой, опоясавшись саблей и поцѣловавши хлѣбъ-соль, прочиталъ народу высочайшія грамоты, и вся процессія двинулась въ войсковую церковь. Послѣ торжественнаго молебствія царскіе дары перенесены были въ домъ кошевого, а хлѣбъ раздѣлили на четыре части: одну положили въ войсковую церковь, гдѣ она хранится и понынѣ, другую отправили въ Тамань, къ Черноморской флотиліи, третью раздѣлили въ полки, а четвертую поставили на столъ у кошевого. Тутъ старшины пили горилку и ѣли этотъ хлѣбъ, а остатки его съ церемоніею были перенесены въ домъ войскового судьи, гдѣ приготовленъ былъ столъ для почетнѣйшихъ гражданъ. Для казаковъ накрыты были пять столовъ на травѣ близъ церкви, и пиръ тамъ продолжался до глубокой ночи. Весельемъ и радостью окончился этотъ знаменательный день въ исторіи Черноморскаго войска.

Готовясь къ дальнему походу, черноморцы отправили впередъ гребную флотилію подъ командою войсковаго полковника Бѣлаго, а за нею, въ октябрѣ 1792 года, двинулся сухимъ путемъ и самъ кошевой со всѣмъ своимъ куреннымъ товариществомъ. О прежнемъ гореваніи не было больше помину, и черноморцы весело распѣвали пѣсню, сложенную тогда Головатымъ:

„Ой годи намъ журитися,
Пора перестати,
Дождалися отъ царици
За службу заплати:
Дала хлібъ-сіль и грамоти
За вірніи служби
Отъ-теперь ми односуми
Забудемо нужди
Въ Тамані жить, вірно служить,
Границю держати,
Рыбу ловить, горілку пить,
Ще й будемъ богати.
Та вже треба женитися,
И хліба робити;
А кто прійде изъ невіри
Непощадно бити.
Слава-жь Богу та царици,
А покой гетьману
Залічили въ сердцахъ нашихъ
Горючую рану!
Подякуймо ми царици,
Помолимось Богу,
Що вона намъ указала
На Кубань дорогу.

Въ этой пѣснѣ въ сущности пересказано только содержаніе грамоты, данной Екатериною казакамъ на поселеніе ихъ при Кубани; обязанность жениться была поставлена въ ней въ число другихъ главныхъ условій поселенія на новыхъ мѣстахъ.

Въ первое время житье черноморцевъ на Кубани было далеко не завидно. Пустынный край непривѣтливо встрѣтилъ за-бугскихъ переселенцевъ. Для своего оживленія онъ требовалъ необыкновенной дѣятельности отъ малочисленныхъ пришельцевъ, которые на первыхъ порахъ къ тому же терпѣли крайній недостатокъ даже въ первѣйшихъ потребностяхъ осѣдлой жизни. Глушь и запустѣніе края были таковы, что нашлись казаки, хотѣвшіе бѣжать и удержанные только привязанностью къ товариству и къ батькѣ коше-

вому, Харько Чепѣгѣ, зазвавшему ихъ съ собою на эти пустынные берега. Большинство казаковъ однакоже обрадовалось богатымъ естественнымъ угодьямъ, раскидистому теченію Кубани, широкимъ лиманамъ, безбрежной степи съ курганами и балками, — всему, съ чѣмъ такъ свыкся ихъ глазъ у Днѣпра и что теперь какъ будто бы перенеслось вмѣстѣ съ ними подъ чужое небо. И скоро казаки совсѣмъ свыклись съ своей новой родиной, сохраняя свой бытъ и свои старые обычаи.

Несмотря на обязательное присутствіе въ войскѣ семейнаго начала, введеннаго Екатериной, большинство казаковъ, самъ кошевой и старшины оставались закаленными воинами, настоящими сѣчевиками, для которыхъ дороже всего на свѣтѣ были преданія Сѣчи. Сѣчевой урядъ легъ въ основаніе первоначальнаго заселенія Кубанскаго края; и, какъ было въ Запорожьѣ, такъ и теперь на Кубани, семейное поселеніе долгое время считалось чѣмъ-то придаточнымъ, второстепеннымъ, а на первомъ планѣ стояли курени, обширныя казацкія казармы, носившія тѣ самыя названія, которыя существовали нѣкогда въ Запорожьѣ. Исключеніе было сдѣлано только для главнаго войскового города, въ честь императрицы названнаго Екатеринодаромъ.

По прежнему церемонія присяги атамана, важнѣйшій моментъ казацкой жизни, служила яркимъ напоминаніемъ о стародревней казацкой славѣ, пріобрѣтенной на Сѣчи.

За осѣвшими и поросшими колючкой валами Екатеринодарской крѣпости, внутри обширнаго редута, расположены были четвероугольникомъ невысокія и длинныя казармы, старинные курени, а между ними, какъ было и въ Сѣчи, площадь, — „майданъ“, посреди которой возвышался шестиглавый храмъ войсковая соборная церковь. Въ ней казаки хранили свои драгоцѣннѣйшія завѣтныя сокровища, клейноды,—памятники доблестныхъ заслугъ вѣрнаго Черноморскаго войска, знамена, регаліи и все, что сохранилось въ войскѣ отъ его старины, что собрано на полѣ честныхъ заслугъ государству и можетъ свидѣтельствовать о доблестной службѣ и храбрости предковъ. Разъ въ годъ, во второй день Пасхи, клейноды выносились изъ войскового храма на майданъ, на показъ народу, чтобы вѣдали о нихъ и мать, и жена, и малыя дѣти

казака, и наѣзжіе гости его. Но съ особенною торжественностью совершался ихъ выносъ именно въ день присяги новаго войскового атамана. Тогда всѣ куренные атаманы собирались въ войсковой городъ и, съ перночами въ рукахъ, присутствовали при присягѣ главы войска. Тогда всѣ знамена минувшихъ временъ обступали присягавшаго и, осѣненный старѣйшими изъ нихъ, онъ произносилъ клятву вести войско по пути долга, чести и общаго блага. Обрядъ этотъ, въ своихъ существенныхъ чертахъ, сохранился даже и понынѣ.

По прежнему главнымъ богатствомъ казака и здѣсь, какъ въ Запорожьѣ, были конь и оружіе. Запорожцы, въ теченіе трехъ вѣковъ выносившіе на своихъ плечахъ натискъ татаръ, турокъ и поляковъ, естественно должны были имѣть лошадей, способныхъ переносить всѣ случайности войны, холодъ, голодъ, жаръ и безводицу. Военный бытъ казаковъ и ихъ походы представляли имъ не мало случаевъ улучшать свои табуны, примѣсью къ нимъ новой крови—персидской, турецкой, а нерѣдко и арабской. И эти запорожскіе кони перешли теперь съ своими хозяевами въ привольныя кубанскія степи, гдѣ для казаковъ было еще больше случаевъ улучшать породу своихъ лошадей.

Самая одежда казака долго еще сохраняла характеръ стародавняго времени. Алый, по запорожски червонный, кунтушъ, широкія шаровары, красные сапоги и высокая шапка изъ черныхъ смушекъ съ красною тульею составляли ихъ вседневный нарядъ. Дорогой, узорчатый или парчевой кушакъ былъ предметомъ роскоши и стоилъ иногда дороже всего остального наряда. По кушаку узнавались знатныя особы, и старшины не мало тратились на эту статью, чтобы поддержать свое достоинство. Вооруженіе состояло изъ винтовки, пары пистолетовъ, длинной казацкой пики и турецкой сабли. Была поговорка: „конь татарскій, мушкетъ нѣмецкій, шабля турецка — то справа молодецка". Лучшее оружіе было не купленное, не вымѣненное, а добытое кровью отъ побѣжденнаго непріятеля. Впослѣдствіи все это измѣнилось, и древній живописный костюмъ запорожца встрѣчался только уже на однихъ старикахъ, не хотѣвшихъ разстаться съ кунтушомъ и по прежнему ходившихъ съ длинными опущенными къ низу усами, бритой головой и сѣдымъ осѣледцемъ за ухомъ.

Не успѣли казаки осмотрѣться на новыхъ мѣстахъ, какъ уже кошевой Чепѣга съ двумя полками долженъ былъ идти воевать съ поляками. Труденъ былъ этотъ походъ, вынуждавшій ихъ опять бросить дома и хозяйство, но и привлекательна была для многихъ мечта еще разъ посѣтить тотъ край, который былъ переполненъ стародавнею славою казацкихъ подвиговъ. И черноморцы вышли въ походъ, запѣвая пѣсню:

„Пише, пише панъ Чепіга
Одъ Коша листы:
Часъ-пора вамъ черноморці
Да на Польшу йдти.
Ой, крикнула качка,
Шукаючи ряски,
Утеряли паны ляхи
Отъ царицї ласки,
Ой, крикнула лебедь,
Край лимана чутко—
То вамъ буде вражі ляхи
Отъ казацства жутко".

Проводивъ свое войско, Чепѣга заѣхалъ съ дороги въ Петербургъ представиться императрицѣ. Екатерина обласкала стараго сѣчевика и изъ своихъ рукъ передала ему драгоцѣнную саблю, осыпанную алмазами. „Возьми, сынокъ, и бей ею враговъ!" сказала императрица.

Какъ исполнили черноморцы въ Польшѣ завѣтъ царицы, лучше всего видно изъ частнаго письма Харько Чепѣги къ одному изъ своихъ знакомыхъ:

„Походъ въ Польшу былъ—слава Вседержителю нашему Богу—благополучный. Корпусъ нашъ подъ начальствомъ генерала Дерфельдена шелъ до Слонима, и мы, бывши съ польскими мятежниками на восьми сраженіяхъ, гнали ихъ, якъ зайцевъ, ажъ до самой Праги, что насупротивъ столичнаго города Варшавы; и тутъ уже по соединеніи съ батькомъ графомъ Александромъ Васильевичемъ, доклали ихъ воза, и всѣхъ непріятелей, въ Прагѣ бывшихъ, выкосили, а решту вытопили въ Вислѣ. Тутъ ихъ наклали такъ, якъ мосту. На Варшаву-жъ якъ взяли съ гарматъ стрѣлять—

*) Походный дневникъ,—«Есаула».

то вона заразъ и сдалася. Послѣ сего все ихъ лядьске воинство истреблено, а жители обезоружены. Батько нашъ, графъ Александръ Васильевичъ, такъ же, бачу, по нашему ляхивъ не любитъ, и я думаю, що Польща сего гостя повѣкъ не забуде!»

Еще Чепѣга не возвратился изъ Польши, а казакамъ пришлось идти уже въ новый походъ, и Головатый повелъ еще два полка въ персидскій корпусъ графа Зубова. Сѣвъ на суда въ Астрахани, казаки 21 іюня 1796 года высадились въ Баку, куда вслѣдъ за ними прибылъ и главнокомандующій. Головатый встрѣтилъ графа при ставкѣ, а черноморскіе полки, выстроенные подъ развернутыми знаменами, привѣтствовали главнокомандующаго тремя залпами. Довольный привѣтомъ черноморцевъ, графъ благодарилъ ихъ за успѣшный походъ, освѣдомился о здоровьѣ кошевого Чепѣги, разспрашивалъ Головатаго о дѣлахъ на Кубанской границѣ и, въ знакъ особаго расположенія, приказалъ выдать черноморцамъ тройную винную порцію. Въ то же время онъ записалъ себя въ Черноморское войско войсковымъ товарищемъ, а сына своего—полковымъ есауломъ.

Въ персидскомъ походѣ, не богатомъ военными событіями, черноморцамъ тѣмъ не менѣе случилось не разъ показать старинную казацкую доблесть. Такъ, однажды небольшая партія казаковъ на лодкахъ сдѣлала поискъ къ персидскимъ берегамъ, разбила нѣсколько приморскихъ городовъ и поселеній, освободила множество плѣнныхъ армянъ и, овладѣвъ цѣлою флотиліею персидскихъ лодокъ, струговъ и чаекъ, пошла назадъ къ своей эскадрѣ. На дорогѣ ихъ захватила страшная буря, и одна изъ лодокъ, на которой находились лейтенантъ Епанчинъ, два матроса, восемь черноморскихъ казаковъ и нѣсколько армянскихъ семействъ, была отнесена теченіемъ къ персидскому берегу.

До полутораста человѣкъ персіянъ, замѣтивъ русское судно, боровшееся съ бурею, тотчасъ бросились въ лодки, чтобы завладѣть имъ, какъ легкою добычею. Лейтенантъ Епанчинъ и оба матроса, кинувшись въ шлюпку, бѣжали, а испуганные армяне спрятались подъ палубу. Но черноморцы выбрали изъ своей среды предводителя, казака Игната Ваву, и приготовились къ бою.

Какъ только персидскія лодки стали сближаться съ казацкимъ

судномъ, и непріятель открылъ батальный огонь, казаки съ своей стороны „ударили изъ ружей съ уговоромъ безъ промаху". Первымъ же залпомъ они уложили персидскихъ начальниковъ, а потомъ, какъ отличнѣйшіе стрѣлки, перебили, по выраженію Головатаго, и „пидстаршихъ панкивъ". Смущенные персіяне, укрываясь за бортами, стрѣляли на вѣтеръ и наконецъ бѣжали, видя, что казацкія пули производятъ въ рядахъ ихъ страшное опустошеніе.

Головатый былъ въ восторгѣ отъ поведенія своихъ казаковъ и, описывая этотъ случай Чепѣгѣ, восклицаетъ въ концѣ своего донесенія:

«Не загинула ще казацька слава, коли восимь чоловікъ могли дать персіянамъ почувствовать, що въ черноморцивъ за сила".

Но были въ этомъ походѣ и грустные факты. Командиръ 2 полка, полковникъ Великій, отправленный на островъ Колишеванъ для устройства лагеря, былъ застигнутъ сильнымъ штормомъ и, опрокинутый со шлюпкою, погибъ въ волнахъ Каспійскаго моря. Другой командиръ полка, полковникъ Чернышовъ, вмѣстѣ съ частію своихъ казаковъ, со знаменемъ, куреннымъ перначемъ и съ иконою, которою благословилъ ихъ таврическій военный губернаторъ, пропалъ безслѣдно на переѣздкѣ къ острову Сара. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ объ немъ не было ни слуху, ни духу, и черноморцы, считая его погибшимъ, сокрушались объ утратѣ казацкой святыни; но впослѣдствіи оказалось, что, потерпѣвъ крушеніе, Чернышовъ былъ выброшенъ бурею гдѣ-то на берегу Дагестана, долго странствовалъ въ горахъ и только въ началѣ 1797 года успѣлъ присоединиться къ отряду.

Самъ Головатый, произведенный за отличіе въ чинъ бригадира и назначенный начальникомъ каспійской флотиліи и десантныхъ войскъ, не перенесъ этого роковаго для многихъ похода. Надо сказать, что десантныя войска собирались въ то время на островѣ Сара, съ климатомъ до того убійственнымъ, что въ теченіе одного мѣсяца, одинъ за другимъ, умерли оба предмѣстника Головатаго, контръ-адмиралъ Федоровъ и генералъ-маіоръ графъ Апраксинъ. Не выдержалъ болотныхъ міазмовъ и третій начальникъ десанта, Головатый, и заболѣлъ горячкой. Онъ долго перемогался, не хо-

тѣлъ ложиться въ постель и даже въ самый день своей смерти, сидя на креслахъ, въ мундирѣ, писалъ проектъ объ улучшеніи быта Черноморскаго войска; но болѣзнь сломила его. Онъ умеръ 29 января 1797 года.

А на Кубани, въ самой землѣ Черноморскаго войска, почти въ то же время, 14 января 1797 года умеръ и Чепѣга—„этотъ отецъ Черноморской семьи, который и по достиженіи высокаго сана сохранилъ до самой смерти своей простоту въ образѣ жизни, служившей примѣромъ для всѣхъ черноморцевъ. Миръ праху твоему, знаменитый Харько,—основатель разсадника доблестныхъ черноморцевъ на негостепріимныхъ берегахъ Кубани!“ Такъ говоритъ о немъ историкъ Черноморскаго войска.

Когда выбирали новаго атамана, общее желаніе войсковой рады указало на Головатаго; не знали казаки, что нѣтъ уже въ живыхъ ихъ Головатаго.

Чепѣгою и Головатымъ оканчивается привилегія казаковъ выбирать себѣ кошевого атамана, который съ этихъ поръ назначается уже самимъ императоромъ. И первымъ назначеннымъ атаманомъ былъ войсковой писарь Тимофей Терентьевичъ Котляревскій.

Что за личность былъ этотъ Котляревскій, сказать довольно трудно по отсутствію о немъ всякихъ историческихъ данныхъ. Но одно уже то, что онъ былъ первый „батько атаманъ“, выбранный не волею самого „товариства“, предрасположило противъ него сердца старыхъ сѣчевиковъ, теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь желавшихъ сберечь и укрѣпить за собою все, что было такъ дорого имъ тамъ, на старыхъ днѣпровскихъ порогахъ. И случай выразить Котляревскому ихъ общее неудовольствіе скоро представился.

Возвращаясь изъ труднаго персидскаго похода и подходя къ Екатеринодару, казацкіе полки ожидали, что ихъ встрѣтятъ по старымъ обычаямъ, съ извѣстной церемоніей. Котляревскій между тѣмъ объ этомъ не позаботился, и выказалъ совсѣмъ не похвальное равнодушіе къ военной славѣ цѣлаго войска. Такъ по крайней мѣрѣ взглянули на это дѣло сами черноморцы. Оскорбленные въ самомъ дорогомъ для нихъ чувствѣ воинской чести, казаки

вышли изъ повиновенія своимъ старшинамъ и многихъ изъ нихъ поколотили. Не миновать бы того же и самому Котляревскому, если бы онъ не скрылся въ Усть-Лабинскую крѣпость, откуда возвратился уже съ Вятскимъ пѣхотнымъ полкомъ, принявшимся по своему усмирять расходившихся черноморцевъ. Послѣ этого случая Котляревскій уѣхалъ въ Петербургъ и большую часть своего атаманства провелъ въ столицѣ, высылая войску цѣлую массу приказовъ и письменныхъ распоряженій, въ то время какъ между черноморцами и черкесами уже завязывалась упорная борьба.

Котляревскій пробылъ атаманомъ только до 1799 года, когда преклонныя лѣта заставили его просить увольненія отъ должности. Императоръ предоставилъ ему самому назначить себѣ преемника, и выборъ его палъ на войскового полковника Бурсака. Бурсакомъ начинается новый періодъ кавказской войны на Кубанской границѣ.

Когда черноморскіе казаки поселились на Кубани, однимъ изъ первыхъ дѣлъ ихъ на новой родинѣ было создать храмъ Всемогущему Богу въ Екатеринодарѣ, ставшій соборомъ всего Черноморскаго войска. Въ 1879 году обветшалый храмъ этотъ перестраивался; и вотъ когда разбирались его стѣны, въ склепахъ подъ ними открыты были три гроба, изъ которыхъ въ первомъ найденъ кусокъ свернутой на манеръ широкаго персидскаго пояса парчи, въ среднемъ золотое шитье отъ воротника, и въ третьемъ—небольшой образокъ, живопись на которомъ уже совершенно почернѣла—до неузнаваемости.

Есть свидѣтельство, что первый изъ этихъ гробовъ хранилъ бренные останки атамана Черноморскаго казачьяго войска, генералъ-маіора Захарія Алексѣевича Чепѣги. О двухъ другихъ гробахъ историческихъ извѣстій нѣтъ; но судя по тому, что въ тѣ далекія времена Чепѣги только самыя вліятельныя и уважаемыя въ войскѣ лица могли разсчитывать на честь быть погребенными въ соборныхъ оградахъ, не говоря уже о самой церкви,—можно съ полною достовѣрностью заключить, что въ другомъ гробѣ покоился вѣчнымъ сномъ Котляревскій, а въ третьемъ—протоіерей

Романъ Порохня, похороненные въ одинъ день, 14 марта 1800 года.

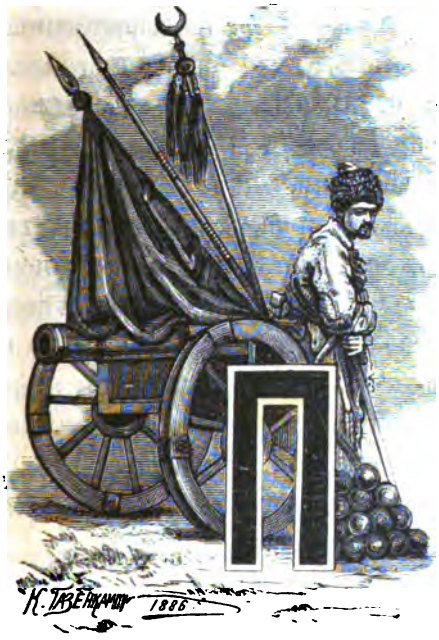
И эти нѣмые свидѣтели прошлаго громко и ясно говорятъ намъ о характерахъ и дѣлахъ людей того стараго вѣка. Въ гробѣ генерала Чепѣги нѣтъ ничего, кромѣ знака казацкаго отличія, пояса—покойный атаманъ былъ врагъ честолюбивой роскоши. Котляревскій былъ уже другой человѣкъ и человѣкъ другого времени; по словамъ историка черноморскаго войска, еще занимая постъ войскового писаря, это былъ уже не товарищъ-казакъ, а деликатный вельможа того времени, пользовавшійся благоволеніемъ императора Павла и далеко не бывшій такъ простъ въ образѣ жизни, какъ его предмѣстникъ, казакъ Чепѣга. И вотъ въ гробѣ его—остатки пышнаго, шитаго золотомъ, генеральскаго мундира. Съ скромнымъ служителемъ церкви, пришедшимъ вмѣстѣ съ казаками изъ-за Буга, и посвящавшемъ всю жизнь свою молитвѣ за родныхъ черноморцевъ, въ гробѣ лежала эмблема вѣры и молитвы.

Такъ и самые гробы служатъ для насъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, что слава въ потомствѣ слѣдуетъ за тѣми, кто живетъ не во имя самолюбивой гордости, а во имя блага своей отчизны и своего народа.

XLI.

Бзіюкская битва.

(Первый походъ черноморцевъ за Кубань).



Переселившись на привольные кубанскіе берега, Черноморское войско нашло въ отведенныхъ ему мѣстахъ ничтожные остатки когда-то сильныхъ черкесскихъ племенъ, воевавшихъ съ ногайцами, а иногда вмѣстѣ съ ними вносившихъ опустошеніе и мечъ за тихій Донъ, въ глубь русскихъ земель. Сохранилось еще преданіе, что вся мѣстность и всѣ разливы близъ устьевъ Кубани занимало нѣкогда Хегатское племя, ближайшее къ владѣніямъ крымскихъ татаръ, а къ юго-востоку отъ нихъ обитали жанинцы, сильный, воинственный, страшный народъ, выставлявшій до 10 тысячъ превосходныхъ наѣздниковъ. Жанинское племя было нѣкогда на Кавказѣ сильнымъ и могущественнымъ, рѣзко отличавшимся даже отъ другихъ черкесскихъ племенъ своею отвагою, гордостью, духомъ

независимости и пламеннымъ характеромъ. Но оба эти племени были истреблены чумою, и казаки нашли на ихъ мѣстѣ лишь нѣсколько бѣдныхъ хижинъ, разбросанныхъ по Каракубанскому острову, и естественно не представлявшихъ для казаковъ ни малѣйшей опасности. Совершенно иную картину представляли сильныя черкесскія племена Адыге, жившія по ту сторону Кубани, на сѣверныхъ склонахъ западной части Кавказскаго хребта. Черноморцы-запорожцы, привыкшіе встрѣчать въ своихъ приднѣпровскихъ степяхъ крымскихъ байгушей-конокрадовъ, здѣсь, на Кубани, съ удивленіемъ увидѣли передъ собою народъ того же татарскаго склада, но въ высшей степени трудолюбивый, честный, безъ мелкихъ хищническихъ замашекъ, но въ то же время грозно-воинственный, превосходно и вѣчно вооруженный, потому что онъ не составлялъ изъ себя государства, и каждый отдѣльный членъ его долженъ былъ самъ заботиться о своей безопасности. И казаки не могли отказать черкесамъ въ глубокомъ уваженіи, какъ къ народу, равному ему по доблести. Черкесы съ своей стороны также скоро выучились уважать лучшія стороны казачества. Увидѣвъ новое воинственное племя, Богъ вѣсть откуда и зачѣмъ пришедшее и поселившееся съ ними бокъ-о-бокъ, сначала они смотрѣли на него не совсѣмъ дружелюбно, но мало-по-малу они помирились съ нимъ, видя рыцарскія качества пришельцевъ, такъ прекрасно вооруженныхъ, такъ смѣло, безстрашно приходившихъ къ нимъ за Кубань партіями и по одиночкѣ—рубить лѣсъ, ловить рыбу и охотиться, и очевидно не желавшихъ причинять имъ никакого вреда.

На этой почвѣ взаимнаго уваженія между казаками и черкесами въ первое время возникли самыя дружественныя отношенія. Завелась мѣновая торговля и куначество, казаки и черкесы ѣздили другъ къ другу въ гости; если случались какія-нибудь неудовольствія и недоразумѣнія, воровство, убійство, мошенничество, то они разбирались всегда добросовѣстно и безъ всякаго пристрастія. Турки, сидѣвшіе въ Анапѣ, съ неудовольствіемъ слѣдили за развитіемъ мирныхъ сношеній на Кубани, справедливо видя въ нихъ помѣху своему вліянію, и всѣми силами старались мѣшать имъ, вызывая въ горцахъ-магометанахъ ненависть къ христіанскимъ пришельцамъ. И скоро казаки сами помогли имъ неосторожнымъ вмѣшательст-

вомъ въ распрю между черкесскими племенами, сразу положившимъ начало упорной и долголѣтней ненависти и войнѣ. Дѣло было такъ.

По странному совпаденію, одновременно съ французской революціей, въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка, въ земляхъ шапсуговъ и абадзеховъ обнаружились яркіе признаки революціоннаго движенія. Шапсуги, конечно ровно ничего не знавшіе о Франціи, тѣмъ не менѣе въ тѣхъ же самыхъ годахъ возстали противъ своихъ дворянъ и князей, и гордая, блестящая дотолѣ аристократія ихъ пала въ неравной борьбѣ. Князья были изгнаны изъ отечества, а народъ ввелъ у себя чисто-демократическіе порядки. Но и въ Кавказскихъ горахъ и ущельяхъ происходило въ миніатюрѣ то же, что происходило въ Европѣ, и между черкесскими племенами далеко не всѣ относились сочувственно къ революціи. Такъ, бжедуги не только сохранили вѣрность своимъ князьямъ и старинному феодально-рыцарскому устройству, но и дали убѣжище шапсугской и абадзехской эмиграціи. Вспыхнула война, и бжедуги обратились за помощью къ черноморскимъ казакамъ. Не разсчитавъ послѣдствій, казаки перешли за Кубань въ черкесскія земли и тамъ приняли участіе въ знаменитой Бзіюкской битвѣ, столь памятной для нихъ своими послѣдствіями. Объ этомъ первомъ казацкомъ походѣ сохранилось нѣсколько извѣстій, не всегда однакоже согласныхъ между собою.

Вотъ что говоритъ о ней преданіе, записанное со словъ стараго казака-черноморца, современника и участника событія. „Однажды, — разсказывалъ старикъ: — пріѣхалъ къ намъ въ гости пріятель бжедугъ и разсказалъ, что у нихъ въ горахъ жить стало трудно, что шапсуги и абадзехи хотятъ, во что бы то ни стало, выгнать бжедугскихъ князей и что они пріѣхали съ тѣмъ, чтобы просить атамана о помощи. Дней черезъ пять послѣ этого полученъ былъ дѣйствительно наказъ отъ куреннаго собраться нашей сотнѣ и идти въ Екатеринодаръ. Вотъ и на мою долю выпало побывать въ этомъ поганомъ дѣлѣ. Сотнею командовалъ тогда не то Скіяревскій, не то другой кто, не занамятую добре, бо былъ не изъ нашего куреня. Въ Екатеринодарѣ дали намъ одну „паганеньку“ пушку и повели насъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь Хомутовскій постъ. Здѣсь переправились мы за Кубань и, отошедши

версты двѣ, остановились. Къ разсвѣту къ намъ подошли 3—4 тысячи бжедуговъ, а спустя немного дали знать, что идутъ и наши противники.

„День былъ отличный и жаркій; на небѣ—ни облачка. Кругомъ насъ разстилались большіе лѣса, виднѣлись богатые аулы и ходило множество стадъ... Видно было, что дѣло шло не на грабежъ, а просто на рыцарскую потѣху. Какъ только показались шапсуги, бжедугскій князь попросилъ есаула стрѣльнуть изъ пушки. Стрѣльнули. Шапсуги въ отвѣтъ на это пустили цѣлыя тучи стрѣлъ, дали залпъ и кинулись въ шашки. Тутъ уже каждому работы было вдоволь... Наша сотня стояла въ сторонѣ и собственно въ битвѣ не принимала никакого участія, а смотрѣла такъ, какъ на какую-то комедію. Бжедуги долго держались молодцами, но вдругъ по всей шапсугской линіи разомъ пронесся какой-то радостный крикъ,—и бжедуги смѣшались"... На вопросъ: что такое случилось? — казакамъ отвѣчали, что князь бжедугскій убитъ и что, по народнымъ понятіямъ, дѣло ихъ проиграно. Напрасно черноморцы указывали имъ на безпорядокъ въ рядахъ непріятеля и ручались за успѣхъ, ежели кинуться дружно. Бжедуги твердили одно,— что этого сдѣлать нельзя, и просили казаковъ не вмѣшиваться, чтобы не нарушать народнаго обычая.

„Подивились мы ихнему порядку, — продолжалъ старикъ:—а тутъ глядимъ: черкесы и взаправду слѣзаютъ уже съ лошадей, прячутъ стрѣлы въ колчаны и опускаютъ луки. Нѣсколько стариковъ разостлали на землѣ свои бурки и на нихъ положили сильно раненаго князя. Онъ тутъ же и умеръ, крѣпко наказывая народу держаться его сыновей и не слушаться шапсуговъ.

„Между тѣмъ какъ наши дурни черкесы сами на себя надѣвали петлю, противники ихъ скакали по полю, стрѣляли вверхъ и оглашали воздухъ радостными криками. Убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ было много; всѣхъ ихъ забрали и повезли съ собою по ауламъ. Сотенный также повелъ насъ къ Кубани, и мы прибыли домой благополучно, безъ всякой потери".

Краткія оффиціальныя извѣстія, занесенныя въ исторію Черноморскаго войска, впрочемъ говорятъ, что казаки, ходившіе тогда за Кубань подъ начальствомъ войскового полковника Еремѣева,

принимали въ дѣлѣ нѣкоторое участіе и потеряли ранеными прапорщика Блоху и 8 казаковъ.

Но существуютъ черкесскія народныя сказанія, которыя съ большей подробностью и достовѣрностью передаютъ факты бзіюкской битвы, ставшей эрой въ жизни черкесовъ и крѣпко залегшей въ памяти народной. Шапсугская эмиграція, какъ говорятъ эти сказанія, водворившаяся у бжедуговъ, конечно не оставалась сидѣть сложа руки и кровавыми набѣгами расплачивалась съ народомъ за свое изгнаніе. Тогда шапсуги поднялись сами, чтобы съ своей стороны мечемъ отплатить покровителямъ изгнанниковъ, бжедугскимъ князьямъ, и въ то же время они не чужды были стремленій распространять свою революцію дальше, требуя, чтобы и бжедуги, подобно имъ, изгнали своихъ князей. Но это требованіе только могло возмутить народное чувство бжедуговъ, преданныхъ своимъ князьямъ и свято чтившихъ законы гостепріимства. Раздраженіе и ненависть съ обѣихъ сторонъ были чрезвычайны.

Враги встрѣтились на берегахъ рѣчки Бзійко, полагаютъ, близъ нынѣшней Новодмитріевской станицы. И тутъ произошло кровопролитіе, небывалое въ междоусобныхъ войнахъ черкесскихъ племенъ. Шапсуги, сильнѣйшіе числомъ, напали съ ожесточеніемъ, и ихъ знаменоносцы, обыкновенно первыми бросающіеся на враговъ проникли далеко въ глубь непріятельскаго войска. Но бжедуги самую стремительность непріятеля обратили въ свою пользу,—они побѣжали и навели разгоряченную вражескую конницу на скрытую въ засадѣ свою пѣхоту. Охваченная съ двухъ сторонъ, вся конная шапсугская толпа повернула назадъ и въ бѣгствѣ смяла часть своей же пѣхоты. Напрасно шапсугскіе вожди старались возстановить порядокъ, напрасно храбрѣйшіе, стыдясь бѣжать, смертью искупали постыдную трусость товарищей—всѣ усилія были тщетны. Пѣхота шапсуговъ еще долго и храбро сражалась; но тѣмъ сильнѣйшему пораженію она подвергла себя, потому что бжедугская конница, возвращавшаяся послѣ побѣды, ударила ей въ тылъ и, поставленные между двухъ огней,—шапсуги подверглись страшному истребленію.

Сама природа, казалось, благопріятствовала побѣдителямъ. Утро этого достопамятнаго дня было тихо, прекрасно, и лѣтнее солнце

великолѣпно взошло надъ прекрасною равниною, блиставшею росой и скоро долженствовавшею обагриться кровью. Но вдругъ, передъ самымъ сраженіемъ, весь горизонтъ покрылся мрачными тучами, засверкала молнія и пошелъ проливной дождь. И это обстоятельство было чрезвычайно полезно для малочисленныхъ бжедуговъ тѣмъ, что замокшія ружья почти не стрѣляли, а въ рукопашномъ бою они, ловкіе и проворные, много выигрывали передъ тяжелыми и въ сравненіи съ ними неповоротливыми шапсугами.

Поле сраженія было покрыто убитыми и ранеными; цѣлыми толпами пригоняли плѣнныхъ къ сборному мѣсту; добычу, оружіе свозили туда же и, какъ говорятъ, навезли цѣлую гору. Но побѣда стоила дорого и побѣдителямъ; они потеряли много отличныхъ людей и своего храбраго князя Баты-Гирея. Этотъ замѣчательный человѣкъ получилъ рану въ самомъ началѣ сраженія, когда еще не было извѣстно, чѣмъ рѣшится судьба достопамятнаго дня. Истекая кровью, лежалъ онъ на полѣ кроваваго побоища и дожилъ еще до минуты, когда пришли поздравить его съ побѣдою.

— „Теперь я умру спокойно"—сказалъ онъ.

Участіе малочисленнаго отряда казаковъ, по горскимъ сказаніямъ, также было дѣломъ второстепеннымъ, принесшимъ побѣдителямъ однако большую пользу нѣсколькими выстрѣлами изъ орудія, которые должны были внушить сильный страхъ шапсугамъ. Въ пѣснѣ, въ которой бжедуги передали потомству свои подвиги—есть и имя начальника казацкаго отряда.

Кровавая битва понынѣ живетъ въ памяти черкесскихъ племенъ, и полумирный пахарь на берегахъ Бзійка, ручейка ничтожкаго, но давшаго имя достопамятному дню (Бзійка-заоръ), отрывая человѣческія кости, вздохнувъ, произноситъ: „тогда погибъ и мой отецъ",—и угрюмо глядитъ на истлѣвающіе остатки собрата. Спросите сѣдого, какъ лунь, старика, сколько ему лѣтъ, и онъ вамъ скажетъ: „во время бзіюкской битвы я уже умѣлъ держаться на лошади"; или: „помню когда привезли тѣло моего отца,—на немъ все платье было въ крови".—„Не бжедуги, а Богъ насъ истребилъ въ наказаніе за нашу гордость"—говорили старики, вспоминая бурные дни народныхъ волненій, въ которыхъ и сами принимали участіе.

Помнитъ народъ и имена славныхъ, участвовавшихъ въ битвѣ. Въ долинѣ Адагума, тамъ, гдѣ стоитъ нынѣ штабъ-квартира Крымскаго полка, еще видны два кургана, на которыхъ поставлены бастіоны новаго укрѣпленія. На вопросъ русскаго офицера, чьи это могилы, мѣстные жители разсказали, что нѣкогда жилъ въ долинѣ Адагума одинъ изъ извѣстнѣйшихъ владѣльцевъ племени натухайцевъ, Калабатъ, что шапсуги напали на него съ абадзехами, но казацкій атаманъ Чепѣга послалъ на помощь Калабату войскового полковника Еремѣева съ сотнею казаковъ-охотниковъ, съ пушкой, при прапорщикѣ Блохѣ, и шапсуги были разбиты. По этимъ разсказамъ, казаки потеряли 1 убитымъ и 10 ранеными и между послѣдними прапорщика Блоху. Самъ Калабатъ палъ въ битвѣ.

Меньшій курганъ—и есть могила героя легенды, Калабата, похороненнаго вмѣстѣ съ своими сподвижниками; въ большомъ—лежатъ 800 шапсуговъ и адабзеховъ.

Дорого обошлась Бзіюкская битва шапсугамъ, но еще дороже она стала побѣдителямъ бжедугамъ, утратившимъ въ лицѣ князя Баты-Гирея вліяніе свое на сосѣднія горскія племена. И бжедуги долго, на самомъ мѣстѣ сраженія, оплакивали своего князя, положеннаго подъ небольшимъ одиноко растущимъ дубомъ, молодымъ до того, что вѣтки его гнулись отъ бурокъ, защищавшихъ трупъ убитаго князя отъ лучей солнца. Еще недавно нѣкоторые горцы указывали этотъ дубъ, названный Батыгиреевскимъ дубомъ. Но говорятъ, что русскій топоръ не пощадилъ и его во время послѣднихъ движеній отрядовъ.

Взглядъ народа на Бзіюкскую битву выразился въ отвѣтѣ одной шапсугской женщины, вышедшей на встрѣчу къ возвращающимся съ поля битвы. Узнавъ о гибели мужа и дѣтей, сложившихъ головы на Бзіюкѣ, она крѣпко пригорюнилась.—Что же вы сдѣлали добраго?—спросила она шапсуговъ. „Убили Баты-Гирея“,—отвѣчали ей. Опечаленная вдова и мать захлопала въ ладоши и сказала: „потерю шапсуговъ шапсугскія женщины могутъ пополнить въ одну ночь, а потерю Баты-Гирея бжедуговскія жены и во сто лѣтъ не исправятъ“.

Вотъ пѣсня бжедуговъ, образчикъ простой поэзіи горъ, въ ко-

торой воспѣты и битва и личные въ ней подвиги замѣчательнѣйшихъ бжедуговъ.

«Его конь Хоаре былъ съ красивой шеей, и на немъ онъ отважно вступилъ въ бой со врагами.

Сражайся Батгирей!

Не много прошло времени, а конь Хоаре уже весь былъ усѣянъ стрѣлами, торчавшими въ его бокахъ.

Сражайся Батгирей!

Шишакъ у него какъ солнце былъ блестящій, а самъ онъ сіялъ между всѣми, какъ солнце.

Сражайся Батгирей!

Но вотъ изъ его рукъ выпала плеть шелковая, и онъ закатился отъ васъ какъ молодая луна.

Сражайтесь храбрые бжедуги!

Заплакали бжедуги, потерявъ въ бою любимаго вождя Батгирея. Оплакала смерть его и великая царица.

Сражайтесь храбрые бжедуги!

Счастливый Батгирей, рыдала по тебѣ счастливая невѣста твоя, Гошемафъ.

Сражайтесь храбрые бжедуги!

«Отомстимъ врагамъ», раздался крикъ въ воздухѣ, и балка Негиде была завалена вражескими тѣлами.

Сражайтесь храбрые бжедуги!

Разстегнутый воротникъ обнаружилъ его панцырь, онъ былъ въ бою непобѣдимъ,

Пшемафъ Батоковъ.

Въ ночное время оберегалъ онъ станъ, какъ днемъ оберегаетъ людей крѣпость,

Анчекъ Ахеджаковъ.

Шишакъ онъ надвинулъ и, опустивъ забрало, врѣзался въ середину враговъ

Исламъ Хаджимуковъ.

Онъ раненъ былъ въ бедро, но, склонившись на шею коня, продолжалъ поражать враговъ

Бекъ-Мирза Ахеджаковъ.

У него было лицо желѣзнаго цвѣта, и самъ онъ былъ желѣзный человѣкъ; свистъ пуль его тѣшилъ,

Берзекъ Едиковъ.

Онъ имѣлъ широкодульный мушкетонъ и однимъ выстрѣломъ убилъ двухъ враговъ,

Алхазъ Лакшоковъ.

Онъ натягивалъ тетиву лука во всю длину стрѣлы и стрѣла его была смертоноснѣе пули,

Казы Декыдженъ.

Конь его былъ лысый, съ головой какъ у оленя, а самъ онъ игралъ головами шапсуговъ,

Алхазъ Хаджимуковъ.

Его конь Бечканъ игралъ подъ нимъ, а онъ не считалъ удары меча своего,

Агубокъ Хаджимуковъ.

Подъ нимъ былъ горячій конь Кодемехъ, онъ имъ топталъ шапсугскую пѣхоту,

Едыгъ Берзековъ.

Онъ славно палъ въ бою, и двери его сакли закрыли маленькихъ дѣтей,

Есенгель Ешуковъ.

Онъ первый сдѣлалъ выстрѣлъ и убилъ главнаго шапсугскаго вождя,

Закерей Хеусоковъ».

Бзіюкская битва положила начало ненависти и полувѣковой борьбѣ черкесовъ съ русскими, и Чепѣга, въ самое послѣднее время атаманства котораго она была, оставилъ своимъ преемникамъ, Котляревскому и потомъ Бурсаку, трудное положеніе дѣлъ. Шапсуги и абадзехи мстили за вмѣшательство постоянными набѣгами и добровольно перешли на сторону турокъ, только и ждавшихъ момента поссорить горцевъ съ казаками. Бжедуги, натухайцы и нѣкоторыя другія племена еще держались недолгое время союза съ русскими, но тѣ же шапсуги и турки скоро переманили ихъ на свою сторону. Да иначе и быть не могло. Если бы турки въ то время не сидѣли въ Анапѣ и не держали по берегамъ моря рынковъ для торговли невольниками, быть можетъ вліяніе ихъ на Черкесію окончилось бы въ тотъ самый день, какъ русскіе придвинулись къ Кубани. Но развращающая возможность легкаго обогащенія грабежомъ и плѣненіемъ сосѣдей склоняла черкесовъ на сторону турокъ и дѣлала ихъ естественными врагами русскихъ.

Шапсуги и абадзехи первые стали производить набѣги на линію, захватывать людей и сбывать ихъ въ Анапу; другія племена увлеклись ихъ примѣромъ—и война запылала. За Кубань нельзя уже было ѣздить казакамъ не только по одиночкѣ, какъ прежде, но даже и цѣлыми командами, которыя никогда не возвращались назадъ безъ убитыхъ и раненыхъ. Мирная Кубань стала съ этихъ поръ для черноморскаго казака порогомъ вѣчности. И уже никто, не рискуя утратить жизнь или свободу, не могъ переступить запретныхъ береговъ ея.

Одною изъ первыхъ жертвъ начавшейся борьбы преданія называютъ казацкаго хорунжаго Безкровнаго, и въ его исторіи отражаются взаимныя отношенія враговъ, мнѣнія черкесовъ о казакахъ и гордая воинская дерзость послѣднихъ. Безкровный попался въ руки черкесовъ во время охоты за Кубанью, а на третьи сутки

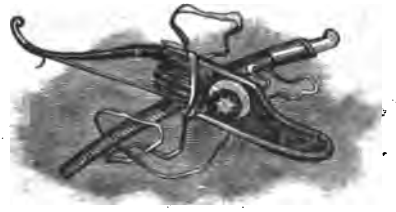
уже успѣлъ бѣжать. Черкесамъ удалось снова поймать его, и на этотъ разъ они рѣшили продать его въ горы. Но три дня напрасно водили плѣнника въ горахъ по ауламъ—покупать его никто не хотѣлъ. Каждый, узнавая въ Безкровномъ по чуприне на головѣ—черноморца, говорилъ продавцамъ, что „его можно купить развѣ для того только, чтобы пропали деньги»... Тогда азіятцы, посовѣтовавшись между собою, обрѣзали Безкровному чуприну, и уже въ этомъ видѣ продали его за турчина одному черкесу, отъ котораго Безкровный и бѣжалъ черезъ двѣ недѣли въ свои закубанскіе плавни.

Уже въ короткое атаманство Котляревскаго война приняла весьма острый характеръ. Атаманъ, жившій почти все время въ Петербургѣ, письменно громилъ управителей Черноморскаго войска за слабое содержаніе кордоновъ; но съ пріѣздомъ его самого на Кубань, дѣла пошли еще хуже. Въ темныя ненастныя ночи черкесы пробирались между казацкими секретами, нападали на жителей, грабили, убивали и уводили въ плѣнъ. Не разъ вторгались большія черкесскія партіи громить казацкія станицы. Казаки геройски защищались, но имъ недоставало быстроты, легкости и подвижности, которыми отличалась черкесская конница. Въ этомъ отношеніи виноватъ уже болѣе всего упрямый характеръ самихъ черноморцевъ, не хотѣвшихъ у себя никакихъ нововведеній.

Шапсуги остались до конца злѣйшими врагами Россіи и покорились послѣдними. Къ тому же они скоро потеряли свою нѣкогда яркую самобытность и стали жить жизнью безпорядочной разбойничьей шайки. Дѣло въ томъ, что разрушивъ въ революціонномъ порывѣ все свое общественное устройство, они послѣ такъ ужь и не могли построить прочнаго порядка. И въ этотъ несчастный край, какъ въ лишенный огорожи дворъ, со всѣхъ сторонъ стали собираться, сперва по одиночкѣ, а потомъ и цѣлыми караванами, бѣглецы, всѣ безпокойные и преслѣдуемые въ своемъ обществѣ и племени люди, убійцы, воры и всяческіе оскорбители народныхъ нравовъ и нарушители чужихъ правъ. Оставивъ обычаи того племени, къ которому они принадлежали прежде, эти пришельцы не находили на новомъ мѣстѣ ни прочныхъ законовъ, ни обычаевъ, потому что шапсугскій народъ самъ находился въ

совершенномъ броженіи. Шапсугія стала обширнымъ разбойничьимъ притономъ для всѣхъ сосѣднихъ племенъ,—и бѣглецовъ изъ одной только Кабарды здѣсь водворились тысячи.

Лучшіе люди Шапсугіи скоро поняли начинающуюся гибель своего племени, и между ними возникла мысль отдѣлиться отъ наноснаго сброда и даже дѣйствовать противъ него въ союзѣ съ русскими. Съ горячимъ негодованіемъ и скорбнымъ сѣтованіемъ говорили они о позорѣ своей родины, превращенной буйствомъ народа въ притонъ воровъ и разбойниковъ. „Если бы вы поставили—говорили они впослѣдствіи русскимъ:—два-три укрѣпленія впереди Кубани, всѣ настоящіе, родовые шапсуги стянулись бы и сѣли позади этихъ укрѣпленій, чтобы вмѣстѣ съ вами принудить необузданный сбродъ подчиниться порядку“. Къ сожалѣнію, мысль эта не нашла сочувствія со стороны кавказскаго начальства, которое не вѣрило ея осуществимости. А между тѣмъ, по словамъ старожиловъ, она имѣла всѣ шансы осуществиться легко и прочно, чему примѣромъ можетъ служить Гривенская станица Черноморскаго войска, которая населилась именно шапсугами, не сочувствовавшими анархическому движенію своей родины.



XLII.

Атаманъ Бурсакъ.

Въ главномъ городѣ черноморскихъ казаковъ, Екатеринодарѣ, совершилась 22 декабря 1799 года церемонія присяги новаго войскового атамана, полковника Федора Яковлевича Бурсака, назначеннаго рескриптомъ императора Павла на мѣсто стараго Котляревскаго. Бурсакъ былъ одинъ изъ послѣднихъ характерныхъ представителей Сѣчи Запорожской, и при вступленіи его въ важную должность казацкаго „батьки" соблюдены были всѣ обычаи Сѣчи, принадлежащіе отдаленнѣйшимъ ея временамъ.

Подъ знаменами минувшихъ временъ Бурсакъ поклялся положить конецъ неисходнымъ бѣдамъ черноморцевъ, вносимымъ къ нимъ черкесскими набѣгами. Нужно сказать, что въ тѣ времена было въ силѣ распоряженіе, запрещавшее казакамъ переходить Кубань для преслѣдованія черкесовъ. И это обстоятельство было истиннымъ бѣдствіемъ для казаковъ. Черкесы то и дѣло врывались въ казацкія земли за добычею, а казаки, наказывая хищниковъ на своей сторонѣ, не могли преслѣдовать ихъ, вѣчно приходя къ заповѣдной грани, нерѣдко останавливавшей ихъ на пути къ побѣдѣ. Борьба выходила неравною. Черноморцы роптали, и Бурсакъ воспользовался первымъ большимъ нападеніемъ черкесовъ въ мартѣ 1800 года на Копыльскій кордонъ, чтобы настойчиво домогаться права отвѣтныхъ набѣговъ. И разрѣшеніе, наконецъ, было дано.

Съ этого времени война принимаетъ новый и болѣе правильный характеръ, не ограничиваясь уже одними берегами Кубани, а понемногу захватывая собою горы и ущелья Кавказа. Начался рядъ теперь уже обоюдныхъ набѣговъ; то горцы вторгались для добычи, то черноморцы шли за Кубань наказать ихъ.

Наступательныя дѣйствія со стороны черноморскихъ казаковъ начинаются уже лѣтомъ 1800 года. Двѣ тысячи черноморцевъ, подъ личною командою атамана Бурсака, вошли въ черкесскую землю и на первый разъ истребили аулы двухъ злѣйшихъ враговъ Асланъ-Гирея и Девлетъ-Гирея. Богатая добыча, доставшаяся казакамъ, не только вознаградила ихъ за прежнія потери, но манила къ новымъ вторженіямъ; такъ что, когда вслѣдъ затѣмъ черкесы напали на казаковъ, рубившихъ лѣсъ въ Головатовомъ кутѣ, и взяли нѣсколькихъ изъ нихъ въ плѣнъ, то есаулъ Кобенякъ, стоявшій на кордонѣ, уже не задумываясь бросился вплавь черезъ широкую Кубань и на томъ берегу, близъ аула Махмета-Паки, имѣлъ молодецкое дѣло. Пятьсотъ черкесскихъ наѣздниковъ, предводимыхъ отважнымъ Явбукъ-Беемъ, не устояли противъ стремительнаго натиска двухъ сотенъ удалого Кобеняка, и самъ Явбукъ-Бей едва успѣлъ спастись. Всѣ плѣненные казаки были отбиты, черкесская партія разсѣяна, и Кобенякъ, разграбивъ по пути аулъ Махмета-Паки, съ добычей возвратился на линію.

Озадаченные горцы послѣ того въ теченіе цѣлаго года не смѣли приближаться къ линіи, но Бурсакъ, понимая, что это только затишье передъ новою бурей, торопился усилить оборону линіи. Воспользовавшись тѣмъ, что въ казацкомъ войскѣ много было еще казаковъ „водяныхъ", т. е. пріученныхъ къ дѣйствію на морѣ, онъ образовалъ изъ нихъ плавучія караульни, которыя и должны были двигаться по всему низовому теченію Кубани. Эти рѣчные пикеты, называвшіеся „байдаками", устраивались на подобіе паромовъ, но имѣли весла и слушались руля. Вооруженіе ихъ состояло обыкновенно изъ фальконетовъ, иногда и изъ одной трехъ-фунтовой пушки, а по борту, обращенному къ непріятельскому берегу, устраивались шерстяные щиты съ бойницами для ружей.

Но именно одинъ изъ этихъ байдаковъ скоро и послужилъ

поводомъ къ новому кровавому столкновенію. 28 февраля 1802 года онъ шелъ по Кубани изъ Бугазской пристани къ Екатеринодару съ четырьмя стами пудовъ казеннаго пороху. Нужно сказать, что не далеко отъ Славянскаго поста, почти на серединѣ кордонной линіи, Кубань разрывается на два параллельныя теченія и, слившись вновь верстахъ въ 60 отъ этого мѣста, образуетъ продолговатый и низменный Кара-Кубанскій островъ. Лѣвое теченіе, лѣвый протокъ, приходящійся ближе къ горамъ, образуетъ рѣчку Кара-Кубань, а правый—почти уже пересохшій—удерживаетъ за собою названіе „Старой Кубани". Дойдя именно до того мѣста, гдѣ протоки Кубани снова соединяются, судно остановилось, такъ какъ дальше Кубань была для него мелководна, а Кара-Кубань протекала въ черкесскихъ предѣлахъ. Не желая однако выгружаться съ транспортомъ, офицеры, начальствовавшіе на байдакѣ, хорунжіе Венгерь и Жвачка, рѣшились избрать послѣдній путь, какъ болѣе близкій. Но этотъ близкій путь привелъ ихъ къ гибели. Плывшій байдакъ неожиданно былъ осыпанъ черкесскими ружейными пулями съ берега. Начальникъ судна тотчасъ взялъ направленіе къ противоположному берегу, чтобы выйти изъ-подъ выстрѣловъ горцевъ, но тутъ-то и случилась съ ними непредвидѣнная бѣда. Глубокій противоположный край Кубани, весь поросшій густыми камышами, скрывалъ засаду, и едва байдакъ подошелъ къ нему, какъ горцы сдѣлали залпъ и мгновенно вскочили на палубу. Рукопашный бой былъ непродолжителенъ; оба офицера и 14 казаковъ были убиты, а остальные, вмѣстѣ съ байдакомъ и пушкой, остались въ рукахъ непріятеля. Случилось, что двое тяжело раненыхъ были приняты черкесами за убитыхъ и брошены на берегу. Они-то впослѣдствіи добрались кое-какъ до Кубани и сообщили о происшествіи.

Молча выслушалъ атаманъ Бурсакъ недобрую вѣсть и рѣшилъ жестоко наказать черкесовъ.

29 мая шесть тысячъ черноморцевъ, перейдя Кубань на Ольгинскомъ кордонѣ, вступили во вражескую землю. Здѣсь къ нимъ присоединились еще два полка—14-й и 15-й — егерей; но такъ какъ черноморскимъ казакамъ доступнѣе были закубанскіе плавни и ближе къ сердцу самая цѣль похода—наказать хищныхъ зло-

дѣевъ, то, предоставивъ егерямъ идти позади и взявъ въ проводники султана Шеретлу-Оглы, атаманъ въ ту же ночь повелъ своихъ удалыхъ черноморцевъ къ мѣстамъ, гдѣ пострадали ихъ войсковые товарищи.

Солнечный восходъ 30 мая встрѣтилъ Бурсака уже у крайнихъ черкесскихъ селеній, принадлежавшихъ князю Буджуку. Казаки подошли къ нимъ скрытно, по такимъ мѣстамъ, гдѣ только казакъ съ своимъ обычнымъ терпѣніемъ могъ пробираться безнаказанно; не смотря на то, черкесы встрѣтили нападеніе ружейною пальбою, а вскорѣ на выручку къ нимъ прискакала и новая партія въ 500 человѣкъ. Бой закипѣлъ и долго ни та, ни другая сторона не уступала ни шагу. Горцы бились отчаянно, чтобы выиграть время и спасти семейства; черноморцы хотѣли именно взять эти семейства — и упорно ломились въ аулы. Наконецъ, части казаковъ удалось скрытно зайти въ тылъ непріятелю и дружной атакой смять черкесовъ. Тогда четыре аула, захваченные казаками, были превращены въ груды развалинъ; весь скотъ, имущество, семьи — все осталось въ рукахъ черноморцевъ; плѣнныхъ было взято болѣе пятисотъ человѣкъ, и въ числѣ ихъ находился самъ князь Буджукъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Атаманъ Бурсакъ произведенъ въ награду за это дѣло въ полковники.

Страхъ подобныхъ нашествій гораздо болѣе способенъ былъ обуздать черкесовъ, чѣмъ всякая кордонная стража; но въ то же время чувство мести и желаніе расплаты со стороны горцевъ придавали всей войнѣ по временамъ кровавый и безпощадно-жестокій характеръ, создавшій и для казаковъ невыносимыя трудности.

Особенно тяжела была для нихъ зима 1803 года. Морозный январь давалъ возможность хищникамъ удобно по льду переходить Кубань; черкесы выжигали казацкіе пикеты и кордонное сѣно, проникали въ прикубанскія селенія, захватывали скотъ, даже уводили людей. Дерзость ихъ дошла до того, что разъ двѣнадцать человѣкъ ночью пробрались въ самую Чернолѣсскую станицу, разграбили въ ней домъ казака Семена Дзюбы и, захва-

тивъ его молодую жену, полунагую потащили ее къ Кубани. Несчастная, раненая шашкою въ бокъ, собравъ однако послѣднія силы, вырвалась изъ рукъ черкесовъ и успѣла закричать. На шумъ выскочилъ какой-то казакъ и выстрѣломъ изъ ружья поднялъ на ноги цѣлую станицу. И подобныя происшествія стали дѣломъ зауряднымъ. Прибрежные камыши и непроходимые кубанскіе плавни благопріятствовали мелкимъ набѣгамъ, и уберечься отъ нихъ, особенно въ темныя ночи, не было никакой возможности.

Настало на линіи безконечно тревожное время; даже посты, и тѣ не могли считать себя въ безопасности. Ночью на нихъ никто не ложился спать, коней не разсѣдлывали, а лазутчики изъ-за Кубани одинъ за другимъ пріѣзжали съ грозными вѣстями. Скоро стало извѣстно, что сильныя партіи горцевъ находятся въ сборѣ, но никто не зналъ, куда они намѣрены направиться.

19 января черкесы перешли Кубань и бросились на Александровскій постъ. Постовой начальникъ, хорунжій Коротнякъ, встрѣтившій ихъ на валу, былъ убитъ, и горцы ворвались внутрь укрѣпленія. Но здѣсь, поражаемые на каждомъ шагу мѣткимъ огнемъ черноморцевъ, они не удержались и отступили, успѣвъ однако захватить съ собою жену Коротняка и восемь казаковъ.

Еще не отгремѣли послѣдніе выстрѣлы на Александровскомъ посту, какъ новая, еще бо́льшая партія горцевъ кинулась на Копыльскій кордонъ, и бой здѣсь былъ еще серьезнѣе. Черкесы нѣсколько разъ ходили на приступъ, и если Копылъ устоялъ, то только благодаря храбрости своихъ начальниковъ, подполковника Блюдова и капитана Ерько, распоряжавшихся обороною. Чтобы дать понятіе объ упорствѣ этого нападенія на Копылъ, довольно сказать, что по непріятелю сдѣлано было тогда 52 картечныхъ и до четырехъ тысячъ ружейныхъ выстрѣловъ.

Окрестныя поля и берега Кубани были завалены трупами горцевъ, и все-таки окончательная побѣда осталась за казаками только тогда, когда на помощь подоспѣла команда съ ближайшаго Протоцкаго поста.

Отбитый отъ Копыла, непріятель сталъ отступать къ Кубани; но вдругъ круто повернулъ назадъ и всею массой ударилъ на Протоцкій постъ, гдѣ казаки, только-что возвратившіеся изъ боя, усталые, казалось, не могли противопоставить ему серьезной обороны. И положеніе поста дѣйствительно могло бы стать отчаяннымъ, если бы храбрый Ерько съ своими егерями при первой тревогѣ не подоспѣлъ изъ Копыла отплатить услугою за услугу и не помогъ отразить нападеніе.

Еще разъ послѣ того сильная черкесская конная партія прорвалась сквозь линію и кинулась было на Петровскій постъ; но, отраженная съ большимъ урономъ, она ограничилась къ счастью тѣмъ, что разбила почтовый дворъ да одинъ казачій хуторъ.

Всю зиму несли черноморцы на Кубани тяжелую кордонную службу, стойко обороняя свою пограничную линію. Съ весной набѣги прекратились. Носились слухи, что между горскими племенами начались раздоры и несогласія, что одни требовали рѣшительныхъ дѣйствій противъ русскихъ, а другіе напротивъ желали мира и сближенія съ казаками. Какъ бы то ни было, но цѣлые восемнадцать мѣсяцевъ военная гроза не разражалась надъ линіей, и только уже осенью 1804 года стали снова ходить тревожные слухи о враждебныхъ замыслахъ горцевъ.

16 сентября, дѣйствительно, тысяча человѣкъ отборныхъ наѣздниковъ шапсуговъ перешла Кубань съ намѣреніемъ идти къ Тимошевской станицѣ. Триста казаковъ съ самимъ атаманомъ во главѣ встрѣтили ихъ на переправѣ, но подавляемые превосходными силами вынуждены были отступать, пока на помощь не подоспѣлъ взводъ конной артиллеріи и мѣткимъ картечнымъ огнемъ не остановилъ непріятеля. Тогда сраженіе приняло необычайно кровавый характеръ. Напрасно шапсуги пытались проложить дорогу оружіемъ,—картечь отбрасывала ихъ назадъ, и скопище, понеся огромную потерю, вернулось за Кубань.

Справедливо опасаясь, чтобы за этимъ набѣгомъ не послѣдовали другіе, какъ это было въ прошлыя зимы, Бурсакъ рѣшилъ предупредить враговъ и самъ двинулъ за Кубань восемь конныхъ и пять пѣшихъ черноморскихъ полковъ при шести орудіяхъ. Несмотря на суровую зиму, глубокіе снѣга и сильныя вьюги, отрядъ 1 декабря

со всѣхъ сторонъ вломился въ шапсугскія владѣнія. Предавъ совершенно опустошенію берега Шебже, Афипсу и Обуни, Бурсакъ возвратился на Кубань не прежде, какъ искрестивъ по всѣмъ направленіямъ страну злѣйшихъ враговъ Черноморіи. Возмездіе, поразившее на этотъ разъ горцевъ, было достаточно сильно, чтобы на время заставить ихъ прекратить набѣги. Лишенные жилищъ и имущества, оставленные на зиму безъ крова и хлѣба, они просили пощады, и дали аманатовъ. За личную храбрость и распорядительность въ этой экспедиціи, Бурсакъ награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2-й степени, украшеннымъ алмазами.

Съ этихъ поръ спокойствіе на кордонной Кубанской линіи не прерывалось до 1807 года. Но едва Турція объявила Россіи войну, какъ горцы, забывъ свои клятвы, стали подъ турецкія знамена, а въ мартѣ нѣсколько тысячъ ихъ уже ринулись къ Кубани и, разорвавъ кордонную линію, какъ лава разлились по всему Черноморью. Селенія Титаровское и Стебліевское и хутора Курчанскіе первые сдѣлались жертвою набѣга.

Атаманъ немедленно вызвалъ на границу всѣ льготныя строевыя казацкія части, находившіяся внутри Черноморья, и, поставивъ такимъ образомъ крѣпкую преграду дальнѣйшимъ вторженіямъ горцевъ, въ то же время намѣревался доказать имъ, что турецкая война нисколько не можетъ помѣшать черноморцамъ найти дорогу къ жилищамъ черкесовъ. Онъ даже отклонилъ предложенную ему помощь регулярныхъ войскъ и готовился идти за Кубань съ одними казацкими силами. Но едва черкесы увидѣли, что атаманъ сдвигаетъ казачьи полки на границу, какъ многіе горскіе князья уже явились къ нему съ повинной головою и съ изъявленіями покорности.

Въ это самое время главнокомандующій войсками въ Крыму, маркизъ де-Траверсе, задумалъ овладѣть Анапою и черезъ Таманскій полуостровъ отправилъ къ ней регулярный отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Гангеблова, получившаго приказаніе принять въ свое распоряженіе и полки черноморскихъ казаковъ. Но на пути къ Анапѣ Гангебловъ узналъ о взятіи крѣпости эскадрой контръ-адмирала Пустошкина и возвратился на линію.

Изъ ряда многочисленныхъ случаевъ, трудовъ и встрѣчъ съ

непріятелемъ въ этомъ походѣ, выдѣляется дѣло полковника Кухаренки, который съ казачьимъ полкомъ былъ посланъ 7-го мая занять небольшой черкесскій аулъ, лежавшій въ лѣсистомъ ущельѣ рѣки Псебета. Приказаніе было отдано лично Гангебловымъ; но Бурсакъ, знавшій, какія неудобства представляетъ мѣстность для коннаго полка, послалъ на помощь къ нему еще небольшой отрядъ казаковъ, съ приказаніемъ дѣйствовать непріятелю въ тылъ, и только эта предусмотрительность спасла Кухаренку. Сопротивленіе, встрѣченное имъ въ лѣсу, было такъ сильно, что самъ атаманъ, встревоженный за участь черноморцевъ, поскакалъ на мѣсто боя, принимавшаго опасный для нихъ характеръ. Къ счастію, въ это именно время подоспѣло подкрѣпленіе, и тогда Кухаренко, раненый шашкою въ лицо, и сотникъ Ворапай, раненый въ голову и въ бокъ, тѣмъ не менѣе бросились впередъ во главѣ своихъ казаковъ и на глазахъ атамана овладѣли ауломъ.

Незначительное само по себѣ дѣло это распространило однакоже тревогу въ горахъ, и горцы въ значительныхъ силахъ собрались за рѣкою Корванди. Гангебловъ, не рѣшаясь вступить съ ними въ бой, приказалъ отступить на Ольгинскій постъ; но войсковой атаманъ, хорошо понимая, что горцы въ этомъ случаѣ сами насядутъ на отрядъ, уговорилъ его смѣло ударить на непріятеля. Пять полковъ черноморцевъ понеслись къ черкесскимъ ауламъ, которые виднѣлись по ту сторону рѣчки. Черкесы одною половиною встрѣтили этотъ летучій отрядъ, а другою—ударили на пѣхоту. И здѣсь и тамъ завязалось жаркое дѣло. Казаки, послѣ рукопашной схватки, первые опрокинули горцевъ, и тѣ повсюду бѣжали, понеся значительныя потери. Послѣ боя аулы были истреблены казаками, и Бурсакъ хотѣлъ продолжать наступленіе, но Гангебловъ на то не согласился и приказалъ войскамъ возвратиться на линію *).

Нерѣшительность дѣйствій Гангеблова много повредила Черно-

*) Гангебловъ—шефъ 12 егерскаго полка, во время отечественной войны состоялъ въ арміи адмирала Чичагова, а въ 1813 году, въ сраженіи подъ Бауценомъ, получилъ сильную контузію въ бокъ, заставившую его навсегда оставить военную службу. За Бауценъ онъ получилъ орденъ св. Георгія 4 степени.

моріи. Самое назначеніе туда регулярныхъ войскъ, съ начальникомъ также изъ регулярныхъ генераловъ, было весьма неудобно при тогдашнемъ положеніи дѣлъ на Кубанской границѣ, внушая горцамъ мысль о слабости Черноморскаго войска. Бурсакъ, желая загладить невыгодное впечатлѣніе, произведенное всѣми этими обстоятельствами, воспользовался извѣстіемъ, что Анапскій паша собираетъ въ горахъ до 15 тысячъ черкесовъ съ тѣмъ, чтобы наказать мирные аулы, стоявшіе на Лабѣ,—и тотчасъ отправилъ на помощь къ нимъ тысячу казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Еремѣева.

Подполковникъ Еремѣевъ былъ человѣкъ несомнѣнно рѣшительный и храбрый, но обстоятельства сложились такъ, что экспедиція не принесла рѣшительно никакой пользы для Черноморскаго края и только вызвала черкесовъ на новыя враждебныя дѣйствія. Собравъ подъ свое начальство всю горскую милицію, Еремѣевъ двинулся съ нею на абадзеховъ, и 19 октября, на Бѣлой, произошло жаркое сраженіе. Абадзехи, массой насѣвшіе на правое крыло отряда Еремѣева, сильно тѣснили черкесовъ-бейзруковцевъ, и дѣло готово уже было принять совсѣмъ дурной оборотъ, когда подоспѣли на помощь черноморцы. Подполковникъ Порывай съ сотнею казаковъ вихремъ ударилъ на непріятеля; въ то же время картечный залпъ изъ трехъ орудій, приведенныхъ Еремѣевымъ, произвелъ въ рядахъ абадзеховъ страшное опустошеніе,—и послѣ минутнаго боя все скопище ихъ обратилось въ бѣгство. Началась бѣшеная, ничемъ не удержимая погоня, на которую способны одни разсвирѣпѣвшіе горцы. Самъ князь Бейзрукъ, окруженный толпою уорковъ, понесся впередъ, чтобы натѣшиться местью надъ пораженными врагами. Къ сожалѣнію, онъ слишкомъ увлекся и, наскочивъ въ лѣсу на засаду, былъ убитъ наповалъ. Смерть храбраго князя разстроила весь планъ похода, и бейзруковцы, упавшіе духомъ, потерявшіе вѣру въ успѣхъ всего предпріятія, стали расходиться по домамъ; Еремѣеву также не осталось ничего болѣе, какъ возвратиться на линію.

Перемиріе, заключенное съ Турціей, пріостановило военныя дѣйствія съ черкесами на Кубани только на короткое время. 11-го мая 1809 года горцы уже снова перешли Кубань и взяли Новогригорь-

евскій постъ, вырѣзавъ гарнизонъ его до послѣдняго человѣка. На всей пограничной линіи поднялась тревога, а черкесы, упоенные успѣхомъ, уже мечтали разорить всю Черноморію. Вдругъ вѣсть пронеслась по горамъ, что самъ атаманъ Бурсакъ появился въ Шапсугіи.

Это было лѣтомъ 1809 года. Напрасно горцы, пользуясь лѣсистою мѣстностью, пытались остановить побѣдоносное шествіе черноморцевъ. Бурсакъ прокладывалъ себѣ дорогу пушечными выстрѣлами и, подвигаясь все дальше и дальше, оставлялъ за собою страшные слѣды опустошенія. Болѣе тысячи шапсуговъ было убито въ эту экспедицію, болѣе восемнадцати ауловъ разорено до основанія; множество хуторовъ со всѣми запасами сѣна и хлѣба преданы пламени. Теперь, когда Анапа была въ рукахъ русскихъ, казаки проникали въ самое сердце непріятельской земли и всюду вносили за собою смерть и разореніе.

Полагая, что послѣ столь жестокаго наказанія горцы одумаются и прекратятъ свои нападенія, маркизъ де-Траверсе приказалъ Бурсаку остановить военныя дѣйствія и поручилъ генералъ-лейтенанту Дюкъ-де-Ришелье, управлявшему тогда Новороссійскимъ краемъ, отправиться въ Екатеринодаръ, чтобы лично присутствовать при заключеніи съ черкесами мирныхъ условій.

Ришелье дѣйствительно прибылъ и, собравъ къ себѣ знатнѣйшихъ закубанскихъ владѣльцевъ, долго уговаривалъ ихъ быть мирными сосѣдями черноморцевъ. Черкесскіе князья почтительно слушали рѣчи герцога, соглашались на все безусловно, приняли подарки, но тутъ же, узнавъ о времени отъѣзда богатаго и знатнаго генерала, условились между собою захватить его въ плѣнъ, и триста отчаянныхъ головорѣзовъ засѣли у Петровскаго поста. Къ счастію, Дюкъ-де-Ришелье совершенно случайно измѣнилъ свой маршрутъ и выѣхалъ изъ Екатеринодара нѣсколькими днями позже. Для извѣщенія объ этомъ постовыхъ начальниковъ былъ посланъ впередъ верховой казакъ, которому на пути къ Петровскому кордону пришлось проѣзжать какъ разъ мимо засады. Черкесы, соскучившіеся долгимъ ожиданіемъ, бросились на казака, чтобы узнать отъ него, не уѣхалъ ли генералъ вмѣсто Тамани въ Ростовъ. Казакъ ушелъ отъ погони; но нѣсколько увлекшихся чер-

кесовъ пронеслись за нимъ вплоть до Калаузскаго редута, гдѣ тотчасъ ударили тревогу. 70 казаковъ съ орудіемъ, подъ командою хорунжаго Иваненки, приготовленные здѣсь для конвоированія Дюка-де-Ришелье, вышли противъ хищниковъ и, преслѣдуя ихъ по густымъ камышамъ, открыли засаду. Иваненко кинулся на нее съ такимъ отчаяннымъ гикомъ, что горцы потеряли голову и бросились бѣжать, покинувъ на мѣстѣ множество сѣделъ, бурокъ, напахъ и даже оружія.

Не подозрѣвая угрожавшей ему опасности, Дюкъ-де-Ришелье спокойно пріѣхалъ въ Калаузскій редутъ и здѣсь получилъ извѣстіе о происходившемъ дѣлѣ. Не теряя времени, онъ тотчасъ послалъ на подкрѣпленіе къ Иваненкѣ свой конвой, сопровождавшій его отъ Копыла, а между тѣмъ и самъ поѣхалъ вслѣдъ за отрядомъ. По всей дорогѣ онъ видѣлъ тѣла убитыхъ черкесовъ, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Калауза встрѣтилъ и казаковъ, уже возвращавшихся изъ боя съ добычей и плѣнными. Въ числѣ послѣднихъ находился начальникъ партіи, котораго взялъ Иваненко, сильнымъ ударомъ канчука сбивши его съ лошади. Отъ этихъ плѣнныхъ узнали о дерзкомъ намѣреніи и о числѣ бывшихъ въ засадѣ черкесовъ. Со стороны казаковъ потерь не было. Дюкъ въ тотъ же вечеръ благополучно прибылъ въ Тамань; храбрый Иваненко по его представленію награжденъ былъ орденомъ св. Анны 4 степени. Черноморцы, въ память этого событія, на мѣстѣ, гдѣ угрожала герцогу опасность, заложили батарею, которую и назвали по имени его—Емануиловскою.

Все лѣто и всю осень продолжали черкесы тревожить линію своими набѣгами, а съ началомъ 1810 года открыли наступательныя дѣйствія уже въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. 12-го января ударъ ихъ направленъ былъ на хутора, принадлежавшіе къ Ивановской станицѣ; 18-го, послѣ геройской обороны, палъ Ольгинскій постъ и были разграблены Ивановская и Стебліевская станицы; 26-го той же участи должна была подвергнуться станица Мишастовская, еслибы черкесы не встрѣтили въ ней отчаяннаго сопротивленія со стороны 250 казаковъ и расквартированной въ селеніи роты егерей. Подполковникъ Бурносъ, распоряжавшійся обороною станицы, былъ раненъ пулею въ щеку; но, заступившій

его мѣсто храбрый капитанъ Трубицынъ, послѣ четырехчасового упорнаго боя, отбилъ нападеніе.

Очевидно, горцы нуждались въ новыхъ урокахъ. Но атаманъ, давно уже желавшій перенести театръ военныхъ дѣйствій въ землю непокорныхъ горцевъ, былъ связанъ распоряженіями свыше. Недовольный осторожностію начальства, онъ предрекалъ ему январьскія событія, и только когда они совершились, Бурсакъ получилъ наконецъ право распоряжаться обороною Черноморской линіи по своему усмотрѣнію.

Едва получивъ объ этомъ извѣстіе, онъ 17-го февраля уже былъ за Кубанью и громилъ абадзеховъ *). Тяжелая болѣзнь остановила атамана, но начатое дѣло было блистательно докончено его товарищами: полковникомъ Кобенякомъ и войсковымъ старшиною Дубаносовымъ. Въ ту же осень Бурсакъ жестоко наказалъ абазинцевъ, зимою ходилъ къ натухайцамъ, а въ январѣ 1811 года— къ шапсугамъ.

Это были послѣдніе походы атамана. Имя его грозою пронеслось по горамъ и надолго отбило охоту у горцевъ тревожить Черноморскую линію. Сильнѣйшія племена черкесовъ спѣшили принести покорность, обѣщали хранить миръ и даже оберегать русскія границы. Погромы Бурсака понынѣ остались въ памяти горцевъ. Произведенный за отличіе въ бояхъ въ генералъ-маіоры, онъ еще пять лѣтъ правилъ войскомъ, пользуясь плодами завоеваннаго имъ мира и посвятивъ свою дѣятельность исключительно уже развитію внутренней жизни Черноморскаго войска.

Одновременно съ тяжелою борьбой на Кубани, черноморцамъ, въ тѣ времена безпрерывныхъ войнъ, приходилось еще высылать свои полки и для участвованія въ другихъ европейскихъ кампаніяхъ. Такъ, въ 1807 году, по случаю выступленія войскъ изъ Крыма противъ французовъ, одинъ конный полкъ ходилъ въ Карасубазаръ для содержанія разъѣздовъ по берегамъ Чернаго моря, а другой, пѣшій, подъ командою подполковника Паливоды, сформированный изъ людей знающихъ морское дѣло, отправленъ былъ на

*) Послѣ этого похода вся добыча роздана была войскамъ, а изъ оружія богатый лукъ со стрѣлами въ колчанѣ и отличное ружье отосланы были въ Одессу, въ подарокъ герцогу Ришелье.

Дунай—служить на судахъ гребной флотиліи. Памятнымъ эпизодомъ этой войны осталась гибель самого Паливоды, случившаяся при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 12 мая 1809 года, подъ Тульчинымъ, а быть можетъ на островѣ Четалѣ—объ этомъ нѣтъ достовѣрныхъ историческихъ извѣстій—Паливода задумалъ подойти на баркасахъ къ турецкимъ батареямъ и захватить ихъ врасплохъ. Съ вечера, подъ разыгравшуюся погоду, флотилія его пустилась по Дунаю, но сильная буря ночью разметала казацкіе баркасы и совершенно разстроила планъ нападенія. Самъ Паливода былъ отнесенъ теченіемъ прямо подъ турецкія батареи и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, погибъ въ неравной борьбѣ съ напавшими на него турками. Въ отечественную войну тотъ же пѣшій полкъ, въ составѣ Дунайской арміи, сражался на берегахъ Березины; а въ іюнѣ 1813 года, на смѣну его прибылъ новый, уже конный полкъ, на долю котораго и выпала честь представлять собою Черноморское войско въ заграничныхъ наполеоновскихъ войнахъ.

Въ то же время черноморцы участвовали въ этихъ походахъ и своею гвардейскою сотнею. Нужно сказать, что гвардейская сотня отъ Черноморскаго войска была сформирована въ первый разъ въ 1811 году. Отправленная въ Петербургъ, подъ начальствомъ войсковаго полковника Афанасія Бурсака, она была причислена къ лейбъ-гвардіи казачьему полку, который участвовалъ во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ наполеоновскихъ войнъ и особенно отличался въ знаменитой атакѣ подъ Лейпцигомъ. Тогда черноморская сотня заслужила серебряныя трубы и георгіевскій штандартъ.

Въ 1816 году, удрученный годами и долгой боевою службой, Бурсакъ просилъ увольненія отъ должности и вышелъ въ отставку.

16 лѣтъ атаманства Бурсака были значительны для Черноморья не въ одномъ только военномъ отношеніи, — и заслуги его въ смыслѣ дѣлъ мирныхъ, быть можетъ, были не менѣе важны. Ему принадлежитъ честь открытія первыхъ учебныхъ заведеній и школъ для воспитанія казачьяго юношества, заброшеннаго судьбой въ эту безлюдную сторону, полную тревогъ и опасностей. При немъ же совершилось и переустройство Черноморскаго войска,

совершенно измѣнившее перенесенное имъ съ Днѣпра на Кубань старинное сѣчевое устройство.

Сѣчевой урядъ держался на Кубани только до 1803 года, когда послѣдовалъ указъ объ учрежденіи Черноморскихъ полковъ на общемъ основаніи съ другими казачьими войсками. Единственная уступка, сдѣланная въ этомъ отношеніи для Черноморскаго войска, заключалась въ томъ, что въ немъ сохранено старинное конно-пѣшее устройство, какое было въ Запоржской Сѣчи, и, сверхъ 10 конныхъ полковъ, образовано столько же пѣшихъ, которыхъ другія казачьи войска совсѣмъ не имѣли.

Съ учрежденіемъ полковъ данъ былъ Черноморскому войску и форменный мундиръ: короткая куртка съ откидными за спину, рукавами синяго цвѣта и такія же выпускныя широкія шаровары, бѣлый кушакъ, высокій киверъ съ султаномъ, ружье, лядунка, кавалерійская сабля и длинная пика. Пѣшіе казаки отличались отъ конныхъ только тѣмъ, что вмѣсто пики имѣли короткій суковатый дротикъ, служившій при стрѣльбѣ подсошкомъ.

Съ измѣненіемъ устройства и порядка въ Черноморіи, минули безвозвратно и старыя времена. Но прежнее устройство, связанное съ вѣковою исторіею Запорожья, долго оставалось въ памяти народа, который понынѣ любитъ о немъ воспоминать—и добрые старые годы обозначаетъ словами: „до полковъ“.

„Тогда — скажетъ вамъ казакъ: — было житье на казачинѣ. Тогда мы величали другъ друга братомъ, а кошевого отамана — батькомъ. Такъ оно было и на самомъ дѣлѣ. Мы не чувствовали тѣсноты въ свѣтличкѣ о трехъ окнахъ, подъ низкоспущенной камышевой крышей, гдѣ, на свѣтаньи Божьяго дня, звонко чиликали воробьи, благодарные за ночлегъ подъ одною съ нами смиренною кровлею. Наши матери и молодицы разъѣзжали еще въ стародубовскихъ кибиткахъ, въ которыхъ только и роскоши было, что мѣдныя головки на цвяшкахъ (гвоздикахъ); а мы-то, мы съ пренебреженіемъ смотрѣли на колеса, и насъ носили стремена. Стремя было для казацкаго чобота, что крыло для пяты Меркурія. На дружескихъ пирахъ мы пили свою родную варенуху, услаждали вкусъ мнишками, а слухъ цымбалами, подъ ихъ разудалое, задирающее за живое, бряцанье отплясывали журавля да метелицу.

Пуля и даже сабля не брали насъ въ бою, затѣмъ, что никто изъ насъ назадъ не оглядывался. У домашняго очага мы были не доступны ни для корчеи, ни для иной злой немочи,—не было преждевременныхъ морщинъ, за которыя могли бъ они ухватиться. Все недоброе отъ насъ, какъ мячъ, отскакивало, просто — житье было тогда на казачинѣ.

XLIII.

Анапа въ 1807—1812 годахъ.

При черноморскомъ атаманѣ Бурсакѣ, турецкой крѣпости Анапѣ пришлось играть роль довольно значительнаго мѣстнаго центра русскихъ военныхъ дѣйствій въ западной части Кавказа. Хотя сама по себѣ крѣпость эта, благодаря походамъ къ ней Текелли, Бибикова, эскадры контръ-адмирала Ушакова, намѣревавшагося истребить на рейдѣ ея турецкія суда, и особенно благодаря взятію ея приступомъ войсками генерала Гудовича, — давно уже потеряла престижъ неприступной твердыни; однакоже, возвращенная туркамъ по ясскому миру, она продолжала служить для нихъ не только опорнымъ пунктомъ, откуда распространялось вліяніе ихъ на всю Черкесію и часть Закавказья, но и главнѣйшимъ питомникомъ

черкесскихъ набѣговъ, всегда находившихъ въ Анапѣ и защиту, и поощреніе, и даже прямое подстрекательство. И вотъ, во время атаманства Бурсака, Анапа дѣлается вновь предметомъ завоеванія и остается въ русскихъ рукахъ уже около пяти лѣтъ къ ряду.

Въ 1807 году эскадра контръ-адмирала Пустошкина, подойдя къ Анапѣ, открыла бомбардированіе съ моря; но къ удивленію, крѣпость не отвѣчала, и мичманъ Невѣровскій, высадившійся на берегъ съ шестью матросами, нашелъ крѣпостные верки уже покинутые турками. Взойдя на валъ, онъ поднялъ на немъ кейзеръ-флагъ,—и радостное „ура!“ цѣлой эскадры огласило черноморскія воды, привѣтствуя этотъ видимый знакъ русскаго владычества. Въ эту самую минуту Невѣровскій внезапно былъ атакованъ сильною партіею горцевъ, но подоспѣвшая команда съ флагъ-офицеромъ Юрьевымъ выручила храбрыхъ моряковъ и отразила нападеніе. Черезъ часъ послѣ этого въ Анапу вступилъ гренадерскій батальонъ 4-го морского полка, который забралъ оттуда всѣ мѣдныя пушки, а все остальное имущество, каменныя стѣны, верки и батареи взорвалъ на воздухъ. Затѣмъ батальонъ посаженъ былъ опять на суда, и эскадра 6-го мая возвратилась въ Севастополь.

По удаленіи русскихъ, турки немедленно возобновили разрушенные верки; но черезъ два года явилась опять эскадра капитанъ-лейтенанта Перхунова, вторично овладѣла Анапой и на этотъ разъ уже заняла ее своимъ гарнизономъ. Комендантомъ крѣпости назначенъ былъ генералъ-маіоръ Бугхольцъ, а командующимъ войсками генералъ Панчулидзевъ. Между тѣмъ турецкій паша, бѣжавшій изъ Анапы въ горы, успѣлъ поднять черкесовъ, которые, отрѣзавъ всѣ сообщенія Анапы съ Кубанскою линіею, держали ея гарнизонъ почти въ постоянной осадѣ, безпокоя окрестности мелкими нападеніями. Тогда полковникъ Эстляндскаго пѣхотнаго полка Золотницкій былъ посланъ съ небольшимъ отрядомъ наказать одного изъ главнѣйшихъ и наиболѣе безпокойныхъ черкесскихъ князей, Айдамира, у котораго именно и скрывался паша. Впродолженіе двухъ дней Золотницкій громилъ черкесовъ и разорилъ до сорока ауловъ; но на возвратномъ пути онъ, въ свою очередь, былъ окруженъ двѣнадцати-тысячнымъ непріятелемъ и въ

теченіе цѣлаго дня долженъ былъ выдерживать неравный бой. Къ вечеру до Анапы дошли преувеличенные слухи о тяжкомъ положеніи отряда, и Панчулидзевъ немедленно выступилъ на помощь къ нему со всѣмъ гарнизономъ. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ подойти, дѣло было уже рѣшено, и храбрый Золотницкій торжествовалъ полную побѣду. Непріятель, отброшенный въ безпорядкѣ, былъ прогнанъ съ урономъ до полуторы тысячи человѣкъ; но успѣхъ не дешево достался и Золотницкому, потерявшему болѣе ста нижнихъ чиновъ. А главное—экспедиція не принесла тѣхъ результатовъ, которые отъ нея ожидались.

До какой степени сообщенія съ линіей оставались и послѣ того опасными, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее дѣло, бывшее 18 августа 1809 года. Въ этотъ день въ Анапу ожидали небольшую команду черноморскихъ казаковъ, посланную съ линіи подъ начальствомъ есаула Кривошеи. Зная опасность пути, Панчулидзевъ заблаговременно отправилъ навстрѣчу къ ней двѣ роты 22-го егерскаго полка, съ орудіемъ, подъ командою маіора Витязя. Отрядъ вышелъ въ пять часовъ утра, а въ семь на окрестныхъ высотахъ уже замѣчены были изъ Анапы сильныя партіи горцевъ, и скоро затѣмъ стала слышна и перестрѣлка. Тогда Панчулидзевъ двинулъ вслѣдъ за Витяземъ еще батальонъ пѣхоты съ двумя орудіями, подъ командою подполковника Краббе,—и эта предусмотрительность только и спасла, какъ увидимъ, отъ гибели и Витязя и Кривошею.

Отряды ихъ были уже въ разстояніи другъ отъ друга не болѣе, чѣмъ на версту, какъ вдругъ изъ ущелья стремительно вынеслись двѣ партіи горцевъ подъ предводительствомъ самого анапскаго паши, при которомъ находились и два турецкія орудія; меньшая партія кинулась на егерей, большая — обрушилась на казаковъ Кривошеи.

Сто сорокъ пять черноморцевъ, видя невозможность удержать стремительную лаву черкесской конницы, спѣшились и, не теряя присутствія духа, стали, по казацкому выраженію, „на отбой". Точно скала, охваченная волнами разъяреннаго моря, стояла эта храбрая кучка подъ бѣшенымъ натискомъ черкесовъ. Но скоро оба казачьи офицера и многіе изъ казаковъ были уже ранены.

Витязь между тѣмъ стремительнымъ ударомъ въ штыки проложилъ себѣ путь и около полудня успѣлъ соединиться съ казаками. Положеніе русскихъ впрочемъ отъ того не выиграло. Обложивъ оба отряда густыми толпами, горцы выставили впередъ свои орудія и поражали картечью съ самыхъ близкихъ дистанцій. Въ теченіе двухъ часовъ команда отбивалась отъ непріятеля; всѣ пушечные заряды были уже выпущены, а между тѣмъ къ горцамъ прибывали все новыя толпы, и положеніе русскихъ съ каждою минутой становилось все затруднительнѣе и затруднительнѣе. Изъ 15 офицеровъ въ строю осталось уже всего только двое. Маіоръ Витязь, получившій нѣсколько ранъ, лежалъ возлѣ орудія въ совершенномъ изнеможеніи, но до конца не переставалъ ободрять своихъ подчиненныхъ, заклиная ихъ сражаться до послѣдней капли крови и умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Рядомъ съ нимъ лежалъ на землѣ поручикъ Козловъ, командовавшій единственною пушкою. Истекая кровью, съ простреленными ногами, онъ также не хотѣлъ оставить своего поста и всякій разъ приказывалъ поднимать себя, чтобы лично наводить орудіе. Остальные раненые офицеры взяли солдатскія ружья и стрѣляли, понимая, какъ дорога была каждая лишняя мѣткая пуля. Въ этомъ примѣрѣ доблестныхъ начальниковъ нижніе чины почерпали энергію и мужество, которыя позволили имъ наконецъ сдѣлать возможнымъ почти невозможное — отстоять орудіе, на которое направлялись самыя яростныя атаки черкесовъ.

Но въ ту минуту, какъ гибель отряда казалась почти неизбѣжною, подоспѣлъ батальонъ подполковника Краббе. Онъ разметалъ черкесскія скопища и спасъ горсть оставшихся въ живыхъ героевъ.

Къ крайнему прискорбію, кровавое дѣло это стоило отряду храбраго маіора Витязя, не пережившаго тяжкихъ ранъ и черезъ три дня скончавшагося въ Анапѣ. Едва ли кто нибудь укажетъ теперь его могилу; но память о немъ живетъ и долго еще будетъ жить въ Черноморскомъ краѣ, гдѣ одна изъ первыхъ казачьихъ станицъ, перенесенныхъ за Кубань на вражескую сторону, названа, въ воспоминаніе его блестящаго подвига и доблестной смерти, Витязевскою.

Послѣ этого кроваваго боя, особенно выдающихся событій въ окрестностяхъ Анапы уже не было, и въ 1809 году только небольшая флотилія черноморскихъ казаковъ, пройдя по Кизильташскому лиману, истребила нѣсколько береговыхъ черкесскихъ селеній. За то въ десятомъ году, когда казацкій атаманъ Бурсакъ громилъ абадзеховъ, а полковникъ Рудзевичъ *), смѣнившій въ Анапѣ Панчулидзева, сдѣлалъ съ своей стороны удачный набѣгъ за Кизильташскую косу, горцы подстерегли отрядъ на обратномъ пути и, верстахъ въ 15 отъ крѣпости, напали на него въ огромныхъ силахъ. Они пытались даже совсѣмъ истребить отрядъ, зажегши впереди его степь, какъ сдѣлали это когда-то крымскіе татары съ Сагайдачнымъ, но къ счастію пожаръ былъ скоро потушенъ, и отбитые пушечными выстрѣлами горцы разсѣялись.

Отлично понимая, что спокойствіе въ краѣ не водворится до тѣхъ поръ, пока турки будутъ сидѣть на черноморскомъ побережьѣ, Рудзевичъ, въ декабрѣ 1810 года, собралъ отрядъ и пошелъ разорять турецкую крѣпость Суджукъ-Кале, теперь игравшую ту же роль, что и Анапа. Съ потерею для турокъ Анапы, всѣ жизненные нервы закубанскихъ народовъ сосредоточились именно въ Суджукъ-Кале, который изъ скромнаго татарскаго городка уже за 30 лѣтъ передъ тѣмъ преобразился въ довольно сильную турецкую крѣпость. Черкесы дорожили этимъ мѣстомъ не менѣе турокъ, потому что здѣсь они получали оружіе, боевые припасы, деньги и хлѣбъ; здѣсь они продавали своихъ дочерей и невольниковъ, и здѣсь же имѣли всегда готовыя суда для эмиграціи въ Турцію, которая принимала по временамъ и тогда довольно значительные размѣры. Въ этомъ именно и лежала причина, почему шапсуги и натухайцы, земли которыхъ прилегали къ Суджукской крѣпости,

*) Александръ Яковлевичъ Рудзевичъ, впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи, былъ въ это время шефомъ 22 егерскаго полка. Боевая служба его на Кавказѣ началась еще при Глазенапѣ на линіи, а потомъ онъ нѣкоторое время командовалъ въ Грузіи Тифлисскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Наполеоновскія войны сдѣлали его имя извѣстнымъ цѣлой Россіи. Ему принадлежала честь взятія Монмартра подъ Парижемъ 18 марта 1814 года, за что онъ получилъ орденъ св. Георгія 2 класса. Въ царствованіе императора Николая онъ командовалъ 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ и скончался внезапно, въ походѣ, во время турецкой войны, 22-го марта 1829 года. Говорятъ, что причиною его смерти было извѣстіе о кончинѣ любимаго сына, убитаго подъ Варною.

такъ крѣпко стали на ея защиту. Рудзевичъ однакоже разбилъ ихъ скопища на голову и 24 декабря, въ рождественскій сочельникъ, взялъ и разорилъ Суджукъ до основанія. Экспедиція эта имѣла послѣдствіемъ, что всѣ племена, обитавшія по сѣверо-восточному берегу Чернаго моря, изъявили покорность. Рудзевичъ получилъ за нее чинъ генералъ-маіора и орденъ св. Георгія 3-го класса.

Между тѣмъ, благодаря разумной политикѣ анапскаго коменданта генералъ-маіора Бугхольца, женатаго притомъ же на черкесской княжнѣ изъ абадзехской фамиліи Дауровыхъ, между племенами, населяющими окрестности Анапы, мало по малу начала образовываться довольно сильная партія, преданная интересамъ Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣла приняли бы еще лучшій оборотъ; но, къ сожалѣнію, въ 1812 г., по заключеніи бухарестскаго мира, Анапа опять возвращена была Турціи,—а вмѣстѣ съ нею снова поступили подъ турецкую опеку и всѣ горскіе народы, обитавшіе по лѣвую сторону Кубани. Говорятъ, что турки ставили непремѣннѣйшимъ условіемъ мира возвращеніе Анапы и Поти и что на этомъ настаивали больше всего высшіе турецкіе сановники, получавшіе именно изъ этихъ пунктовъ красивѣйшихъ невольницъ и одалисокъ для своихъ гаремовъ. Какъ бы то ни было, но уступка столь важнаго пріобрѣтенія можетъ быть объяснена только тою поспѣшностію, съ которою необходимо было кончить одну войну, чтобы всѣ силы государства направить тотчасъ же противъ другого врага, несравненно болѣе опаснаго; это было то время, когда Наполеонъ стоялъ на Нѣманѣ и, указывая своимъ полкамъ на безконечную ширь русскихъ полей, гордо произносилъ извѣстныя слова: „Россія увлечена своимъ рокомъ!“

XLIV.

Гибель Новогригорьевскаго поста.

(1809 года).

Все то минуло,—остались
Лишь могилы въ полѣ,—
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ лежитъ зарыто
Тѣло бѣлое казачье,
Саваномъ повито.

Спускаясь внизъ по теченію Кубани къ Ахдынизовскому лиману, вы погружаетесь въ самую глубину черноморскихъ плавней и находитесь въ послѣднемъ, низовомъ участкѣ кордонной линіи, самомъ невыгодномъ и неудобномъ для обезпеченія ея отъ опасности.

„Мрачна эта дымящаяся, туманная закраина зеленыхъ степей, представляющая собою необнимаемыя глазомъ болота, задернутыя дремучимъ лѣсомъ камышей, съ узкими между ними прогалинами

сухой земли, которыя служатъ путями только для хищныхъ шакаловъ и горцевъ.

Напрасно взоръ вашъ, измученный мрачнымъ однообразіемъ узкой дорожной просѣки, ищетъ простора или предмета, на которомъ могъ бы отрадно остановиться и отдохнуть.

„Дремучій, безвыходный камышъ! При иномъ поворотѣ лѣниво подползаетъ къ дорогѣ узкій „ерикъ", дремлющій въ своемъ заглохшемъ ложѣ, подъ одѣяломъ изъ широкихъ листьевъ водяного лопушника, либо протянетъ къ вашему стремени свои усохшія, искривленныя вѣтви чахлая ветла, словно увѣчный, покинутый товарищами путникъ. Молитъ онъ проѣзжаго о помощи, а проѣзжій... какъ бы только самому скорѣе проѣхать. Кое-гдѣ мелькнетъ дикая коза и перебѣжитъ фазанъ, кое-гдѣ покажется высокая пика разъѣзднаго казака, молчаливаго, безстрастнаго и угрюмаго, какъ окружающая его мѣстность. Глушь и оцѣпенѣніе кругомъ. Только невнятный шопотъ камышей, только однозвучное жужжаніе кружащихъ надъ вашею головою насѣкомыхъ, да при объѣздѣ какого нибудь лимана, кваканье цѣлаго сонма лягушекъ...

Тамъ долетитъ до вашихъ ушей какой-то задушенный вой. быть можетъ, волчій... а тамъ рѣзкій, тоскливый пискъ ждущихъ корму птенцовъ хищной птицы.

„И это вздрагиваніе, и этотъ бредъ погруженной въ горячешный сонъ природы, отдается въ вашемъ чувствѣ самосохраненія завѣтнымъ „memento mori". Покинутое внѣшними впечатлѣніями воображеніе разыгрывается, наполняется мрачными представленіями опасности близкой, готовой вспорхнуть изъ-подъ копытъ коня. Зловѣщее предчувствіе неравнаго боя, смерти, внезапнаго плѣна и неволи въ горахъ налегаетъ свинцомъ на душу... Завидѣвъ прежде васъ обгорѣлый пень, чуткій конь поднимаетъ голову, храпитъ, и робко путаетъ свои шаги. И вотъ, гдѣ-то близко затрещалъ тростникъ, можетъ быть подъ клыкомъ кабана, можетъ быть, подъ чевякомъ „психадзе" *)... Всадникъ вздрагиваетъ и торопливо заноситъ руку на прикладъ ружья. Чу! раздался вы-

*) Пѣшіе черкесы, дѣлающіе набѣги въ одиночку или мелкими партіями на свой рискъ и страхъ.

стрѣлъ и въ медленныхъ перекатахъ замеръ гдѣ-то въ бездонной глубинѣ, въ безконечной дали. И стая лебедей тяжело поднялась надъ лиманомъ, и стадо кабановъ шарахнуло въ камышахъ съ трескомъ и гудѣніемъ... И всадникъ едва можетъ сдержать всполохнувшагося коня.

„Всю ночь, отъ сумерекъ до свѣта, и вверхъ и внизъ по Кубани, ходили разъѣзды, обыкновенно выбиравшіе свой путь по прибрежнымъ тропинкамъ, скрытымъ отъ глазъ высокимъ камышемъ или кустарникомъ.

„Проѣзжая по Кубани позднимъ вечеромъ (конечно по казенной надобности) и тревожно приглядываясь къ мелькающимъ мимо васъ въ темнотѣ кустамъ, не выскочилъ бы изъ нихъ головорѣзъ шапсугъ,—вы не видите разъѣзда, а онъ васъ видитъ... Замѣтивъ, какъ безпокойно вы оглядываетесь, то на ту, то на другую сторону, разъѣздный моргнулъ усомъ и думаетъ про себя: „не бойтесь, ваше благородіе, ѣзжайте себѣ, глаза зажмуря, — вѣдь мы не снимъ!“ Да еще вы были версты за двѣ, какъ онъ уже остановилъ коня, насторожилъ ухо и настроилъ глаза. И когда вы пронеслись мимо его и вновь умчались въ темную даль, — онъ все еще прислушивается къ печальному звяканью колокольчика— не прервется ли оно вдругъ... И добродушно провожаетъ васъ пожеланіемъ, чтобы вашъ поздній ужинъ не остался кому другому на завтракъ *).

Посреди такой-то именно мѣстности, между Ахдынизовскимъ и Кизильташскимъ лиманами, соединяющимися между собою широкою лентой Кубани, стоялъ Новогригорьевскій постъ, какъ бы запиравшій входъ въ узкія ворота Таманскаго полуострова. На посту находилось 60 человѣкъ черноморскихъ казаковъ и до сорока солдатъ азовскаго гарнизоннаго батальона, подъ общею командою постоваго начальника заурядъ-хорунжаго Похитонова.

Постовая служба здѣсь была трудна и опасна, потому что плавни давали возможность хищнымъ „психадзе“ прятаться въ виду самыхъ кордонныхъ вышекъ. За то малѣйшіе признаки: пыль, поднятая вѣтромъ, шумъ прибрежнаго камыша, шелестъ ку-

*) Это описаніе прикубанской природы и низовыхъ кордоновъ принадлежитъ извѣстному Попкѣ,—автору „Черноморскіе казаки“.

стовъ, тревожные крики птицы—все обращало на себя вниманіе человѣка, чутваго къ опасности, и заставляло его настораживать и слухъ свой и зрѣніе.

Однажды, 11-го мая 1809 года, часовой казакъ, стоявшій на вышкѣ Новогригорьевскаго поста, замѣтилъ въ плавняхъ что-то весьма подозрительное: и мошкары вилось, какъ будто бы, больше обыкновеннаго, и птица кричала тревожнѣе... Насторожившись, онъ началъ зорко всматриваться въ синюю зловѣщую даль, откуда нѣтъ-нѣтъ да и нагрянетъ бывало грозовая туча черкесскаго набѣга. Вотъ сквозь дремучій лѣсъ камыша, дѣйствительно что-то сверкнуло на солнцѣ; брякнула гдѣ-то кольчуга наѣздника; глухо отдался по мягкому илу топотъ тихо ступающихъ коней. Это уже не психадзе, это—хеджреты... Но хеджреты среди бѣлаго дня не пойдутъ въ одиночку или мелкою партіею, стало быть это—„собраніе“ *).

Немедленно дали знать на кордонъ Похитонову; тотъ приказалъ ударить тревогу, а между тѣмъ нарочный казакъ поскакалъ воротить конный разъѣздъ, только что вышедшій изъ поста для осмотра плавней. Но разъѣздъ самъ замѣтилъ уже непріятеля и, не попавъ на постъ, понесся въ ближайшія селенія Титаровку и Стебліевку—дать знать о появленіи черкесовъ.

Похитоновъ не имѣлъ достаточно силъ, чтобы остановить переправу многочисленной партіи; но онъ рѣшился защищать свой постъ до послѣдней крайности. Высоко поднялись и закачались въ воздухѣ огромные сигнальные шары, бухнулъ пушечный выстрѣлъ, вызывая помощь съ ближайшихъ кордоновъ, и весь гарнизонъ расположился по брустверу, приготовляясь встрѣтить нападеніе.

Двѣ тысячи горцевъ окружили постъ и, думая овладѣть имъ съ налета, кинулись на штурмъ; но принятые ружейнымъ огнемъ и картечью, они отхлынули назадъ, оставивъ подъ его стѣнами много убитыхъ и раненыхъ. Съ полчаса кружились они около поста, осыпая гарнизонъ ружейными пулями, и наконецъ, истощивъ всѣ усилія, потянули назадъ и скрылись въ лощинѣ. Ободренный

*) Большое скопище, сильная партія.

успѣхомъ, Похитоновъ не захотѣлъ оставить врага въ столь близкомъ сосѣдствѣ и сдѣлалъ отчаянную вылазку. Эта-то неосторожная вылазка и погубила постъ.

Стройное и смѣлое движеніе русскаго отряда сначала заставило горцевъ поспѣшно отступить къ Кубани. Но едва они замѣтили, что ряды преслѣдующихъ стали разстраиваться и приходить въ безпорядокъ, сцена перемѣнилась. Горцы вдругъ повернули назадъ и сами ринулись на горсть казаковъ, совершенно смѣшавшихся отъ такой неожиданности. Минута колебанія была минутою гибели для отряда. Разстроенныя части его поспѣшно стали ретироваться къ посту, а горцы, заскакивая впередъ, задерживали ихъ на каждомъ шагу и осыпали ружейнымъ огнемъ, нанося большія потери. Скоро самъ Похитоновъ былъ раненъ, артиллерійская прислуга вся перебита и пушечный огонь прекратился. Изъ артиллеристовъ дольше другихъ оставались два канонира,— но ружейный выстрѣлъ горца, сдѣланный въ упоръ, угодилъ одному изъ нихъ какъ разъ въ самую сумку, гдѣ хранились заряды; послѣдовалъ взрывъ и несчастный былъ разнесенъ на части, а обожженный товарищъ его лишился чувствъ и замертво оставленъ на полѣ сраженія.

Черкесы между тѣмъ со всѣхъ сторонъ окружили отрядъ и съ гикомъ бросились на уцѣлѣвшую горсть храбрецовъ. Нѣсколько безцѣльныхъ выстрѣловъ изъ орудія, сдѣланныхъ неопытными казаками, не могли остановить непріятеля; черкесы врубились, и началось буквальное истребленіе отряда.

Это было уже почти подъ самыми стѣнами кордона. Двѣсти непріятельскихъ труповъ безмолвно свидѣтельствовали о доблестной защитѣ отряда, но сила сломила его, и наконецъ всѣ, кому еще можно было бѣжать, бросились спасаться въ укрѣпленіе. Самъ Похитоновъ, едва державшійся на ногахъ отъ раны, опираясь на орудійный ящикъ, послѣдовалъ общему примѣру, не видя иного спасенія. Но горцы съ своей стороны не дремали: они вновь успѣли преградить дорогу бѣжавшимъ,—и только двадцати пяти человѣкамъ съ штабсъ-капитаномъ Фетисовымъ удалось вскочить на кордонъ и запереть за собою ворота. Всѣ остальные или были захвачены въ плѣнъ или изрублены, и въ числѣ послѣднихъ, подъ самыми стѣнами кордона, палъ Похитоновъ.

Положеніе Фетисова было безнадежно. Уцѣлѣвшіе казаки и солдаты въ отчаяніи засѣли въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и, насколько хватало силъ, поражали непріятеля мѣткимъ огнемъ. Спасенія уже не было. Черкесы зажгли вокругъ кордона кучи сухого назема, и огонь, раздуваемый вѣтромъ, быстро перебрался во внутрь укрѣпленія. Сухія и крытыя соломой строенія вспыхнули, какъ порохъ, и волны густого чернаго дыма затопили кордонъ. Тогда Фетисовъ крикнулъ командѣ: „Братцы! приходится погибать уже не отъ черкесовъ, а отъ огня, такъ не спасемся ли бѣгствомъ куда кто потрафитъ?“... Растворены были всѣ калитки,—но только пятерымъ удалось проскочить незамѣченными къ крутому обрыву Кубани; всѣ остальные погибли.

Новогригорьевскій постъ былъ сожженъ и разграбленъ.

Начальникъ поста Похитоновъ и съ нимъ 20 человѣкъ были убиты; штабсъ-капитанъ Фетисовъ, 42 казака и 35 солдатъ, тяжело израненые, взяты въ плѣнъ. Такъ кончилась эта кровавая драма; и теперь на мѣстѣ страшнаго побоища

...„въ чистімъ полі
Могіла чорніе,
Де кровь текла казацькая—
Трава зеленіе...“

XLV.

Смерть Тиховскаго.

Больше сія любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя.

Іоан. XV, 13.

Съ самаго начала текущаго столѣтія и до окончанія кавказской войны, Черноморская кордонная линія начиналась близъ устьевъ Лабы у поста Изряднаго, тянулась внизъ по излучистому теченію Кубани и оканчивалась, вмѣстѣ съ широкими лиманами, у сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря, недалеко отъ Анапы. Вся эта линія занята была непрерывною цѣпью постовъ, батарей и пикетовъ.

Вмѣстѣ съ другими дѣдовскими преданіями, черноморцы перенесли съ Днѣпра на Кубань и стародавнюю казацкую линейную фортификацію. Ихъ постъ и батарея представляли четырехъ-угольный редутъ съ теплой хатой внутри для помѣщенія людей, съ землянымъ брустверомъ и неглубокимъ рвомъ, усаженнымъ колючкою на случай эскалады. Всѣ эти посты и батареи вооружены были разнокалиберными и старыми пушками, которыя защищали еще Днѣпровскую линію отъ крымцевъ во времена гетмановъ и вмѣстѣ съ казаками переселились на Кубань для продолженія линейной службы противъ черкесовъ.

Сообразно съ мѣстностью, по большему,или меньшему ея стратегическому значенію, постъ вмѣщалъ въ себѣ отъ 50 до 200 человѣкъ при одномъ или двухъ орудіяхъ, а батарея—отъ 10-ти до 25 казаковъ. Съ первымъ свѣтомъ дня сторожевой казакъ поднимался на вышку, и всѣ вышки по всѣмъ постамъ, сколько ихъ ни было, «зорили» по Кубани до сумерокъ. Когда же голодный волкъ и хищный горецъ выползаютъ изъ своихъ норъ на ночной промыселъ, въ то время значительная часть спѣшенныхъ казаковъ выходила изъ поста, и украдкой, вмѣстѣ съ тѣнями ночи, „залегала" берега въ опасныхъ мѣстахъ по два и по три человѣка, образуя живыя тенета для ночнаго хищника. Это—„залога", охрана спокойствія и безопасности страны. Казаки, остающіеся на посту, держали коней въ сѣдлѣ и находились въ готовности по первому выстрѣлу, далеко и звучно разносившемуся въ ночной тишинѣ, скакать на зовъ тревоги, къ обезпокоенному мѣсту, не разбирая уже гдѣ кустъ, гдѣ рытвина.

Надъ каждымъ постомъ, и большимъ, и малымъ, какъ неизбѣжная его принадлежность, торчала каланча или вышка, а къ вышкѣ прилаживался особый приборъ, состоявшій изъ длиннаго шпиля и поперечной перекладины, съ прикрѣпленными къ ней двумя огромными шарами, сплетенными изъ ивовыхъ прутьевъ. Весь этотъ приборъ въ совокупности напоминалъ начальную букву въ словѣ „тревога", — и былъ дѣйствительно не что иное, какъ вѣстникъ линейнаго сполоха, телеграфъ, или, какъ обыкновенно называютъ его казаки,—маякъ. Когда часовой днемъ завидитъ, бывало, съ вышки непріятеля и закричитъ къ своимъ: „Черкесы! Богъ съ вами!"—ему обыкновенно отвѣчали снизу: „маячь же, небоже!" И вотъ, спущенные до этой минуты, шары поднимаются вверхъ, и, качаясь по вѣтру, маячатъ всѣмъ на тревогу.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой каланчи врывалась въ землю высокая жердь со смоляною бочкою, обмотанная сверхъ того соломою, пенькою или сѣномъ. Это — фигура, у линейцевъ — вѣха. Если въ темную ночь непріятель прорывалъ кордонный оплотъ, огромные факелы воспламенялись и проливали багровый свѣтъ по берегу. Тогда учащенные выстрѣлы, крикъ, топотъ и ревъ переполошенной баранты далеко отдавались по сонной рѣкѣ,—и тревога тормошила линію.

И часто на зеленѣющемъ холмикѣ по сосѣдству съ фигурою или вѣхою, встрѣчаете вы и теперь потемнѣвшій, покачнувшійся на сторону деревянный крестъ, либо черную насыпь на одинокой могилѣ полегшихъ въ ночномъ бою защитниковъ родного рубежа. И поровнявшись съ этою могилою добрый русскій человѣкъ непремѣнно сниметъ шапку, перекрестится и сотворитъ молитву за упокой казацкихъ покойниковъ *).

Близъ одного изъ такихъ постовъ, Ольгинскаго, стоявшаго въ третьемъ участкѣ кордонной линіи, 18-го января 1810 года, въ глухое предразсвѣтное время, четыре тысячи пѣшихъ и конныхъ горцевъ стали переходить на правый берегъ Кубани. Залога не просмотрѣла непріятеля; она открыла его, когда онъ былъ еще на томъ берегу и условнымъ сигналомъ извѣстила постъ; больше этого сдѣлать она ничего и не могла. Черкесы валили открыто и, не развлекаясь мелкими пикетами и батареями, вся толпа, несшая огонь и мечъ въ казацкую землю, устремилась прямо на Ольгинскій постъ. Пѣшіе быстро отрѣзали ему сообщеніе съ другими кордонами, а конные понеслись вовнутрь Черноморіи грабить ближайшія станицы.

На Ольгинскомъ посту находилось въ это время до полутораста пѣшихъ и конныхъ казаковъ, подъ начальствомъ полковника Тиховскаго. Почуялъ опасность старый сѣчевикъ, ратовавшій противъ враговъ еще на берегахъ Днѣпра, и самъ приказалъ ударить тревогу. Вспыхнулъ зловѣщій маякъ и гулко грянула съ валу вѣстовая пушка, будя и призывая всѣхъ на тревогу. Откликнулись и здѣсь, и тамъ, отвѣтными выстрѣлами сосѣдніе посты, но помощи подать уже было невозможно, потому что всѣ дороги были захвачены и переполнены горцами. Только съ ближайшаго Екатерининскаго поста 50 казаковъ съ есауломъ Гаджановымъ пробились сквозь толпу непріятеля и вмѣстѣ съ Ольгинскимъ постомъ очутились въ блокадѣ.

Поднятая Тиховскимъ тревога не осталась однако безплодною. Скоро изъ ближайшихъ станицъ по вѣтру донеслись тревожные звуки набатныхъ колоколовъ. Но горцы сдѣлали то, чего никто не

*) Попка. «Черноморскіе казаки».

предвидѣлъ. Они пронеслись мимо этихъ станицъ и только въ 25 верстахъ отъ Кубани ударили на селеніе Ивановку, а нѣкоторые пронеслись еще далѣе, къ сторонѣ Старо-Стебліевской. Черкесы выбрали для нападенія такое время, когда большинство казаковъ находилось на постахъ и кордонахъ, а по домамъ оставались одни старики да малолѣтки.

Несмотря на быстроту движенія и полную внезапность, первый приступъ горцевъ былъ тѣмъ не менѣе неудаченъ. Ивановская станица, при помощи егерей маіора Бахманова, отбилась ружейнымъ огнемъ, и непріятель успѣлъ захватить только крайніе дома. Въ нихъ черкесы однако нашли нѣсколько жителей, подожгли дворы и принялись за грабежъ. Стонъ и вопль, доносившіеся съ этой окраины, побудили егерей сдѣлать отчаянную вылазку, и малочисленная команда ихъ, увлекаемая личнымъ примѣромъ отважнаго Бахманова, кинулась въ штыки и выбросила непріятеля совсѣмъ вонъ изъ станицы. Отдаленный гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, доносившихся съ Кубани, заставилъ черкесовъ поспѣшить отступленіемъ.

А на Кубани совершалась кровавая катастрофа.

Тиховскому, окруженному горцами на своемъ посту, ждать помощи было некогда и неоткуда. Онъ это зналъ, но видѣлъ также, что толпы черкесовъ двигаются для разоренія земли черноморцевъ, защищать которую онъ ставилъ себѣ священною обязанностію. Остановить конныхъ онъ, разумѣется, не могъ; но когда и пѣшіе, оставивъ противъ него одинъ наблюдательный постъ, двинулись также къ ближайшимъ хуторамъ и станицамъ, Тиховскій не хотѣлъ уже быть безучастнымъ зрителемъ кровавой расправы съ казацкими женами и дѣтьми, и двѣсти казаковъ, съ одною трехъфунтовою пушкой, вышли изъ Ольгинскаго поста.

Съ этою-то горстью людей Тиховскій бросился на скопище въ двадцать разъ сильнѣе съ тѣмъ, чтобы заставить его вступить съ собою въ отчаянный бой, и этимъ удержать отъ нападенія на станицы. Черкесы, увидѣвъ погоню за собою, дѣйствительно остановились и всею массою опрокинулись на отрядъ Тиховскаго.

Предвидя, что бой будетъ упорный и жаркій, Тиховскій распорядился заблаговременно отправить всѣхъ лошадей на кордонъ и приготовился къ пѣшему бою. Три пушечные выстрѣла картечью

осадили толпу нападавшихъ; оторопѣлые, растерянные хищники кинулись подбирать своихъ убитыхъ и раненыхъ... Но въ это время къ нимъ подоспѣли другія пѣшія толпы, и вся масса черкесовъ вновь хлынула на Тиховскаго. Вновь закипѣлъ ожесточенный бой между горстью казаковъ и тысячами непріятелей, озлобленныхъ особенною помѣхою, не давшею имъ спокойно заняться грабежемъ. Четыре часа бился Тиховскій, и казаки брали уже верхъ надъ нестройными толпами, какъ вдругъ показалась туча конныхъ черкесовъ; она неслась со стороны Ивановской станицы по направленію къ Кубани и, услыхавъ пушечные выстрѣлы, повернула на мѣсто сраженія. Дружно ударили черкесы на Тиховскаго и притомъ въ тотъ самый моментъ, когда у казаковъ почти не стало патроновъ. Послѣдній пушечный выстрѣлъ скосилъ передніе ряды нападавшихъ, но остальные, какъ волны, хлынули и поглотили собою отчаянно бившуюся кучку казаковъ. Напрасно Тиховскій и его достойный сподвижникъ, есаулъ Гаджановъ, употребляли послѣднія усилія, чтобы сплотить казаковъ и кинуться „въ ратища“, — черкесы стойко выдержали напоръ и приняли казаковъ въ шашки. Началась безпощадная рѣзня. Тиховскій былъ изрубленъ въ куски, но онъ палъ на полѣ чести со славой, оставивъ по себѣ въ преданіяхъ черкесовъ грозную память. Съ нимъ вмѣстѣ погибли и остатки его храброй дружины.

Наступившая ночь осѣнила мрачнымъ своимъ покровомъ разбросанныя по полю тѣла черноморскихъ казаковъ...

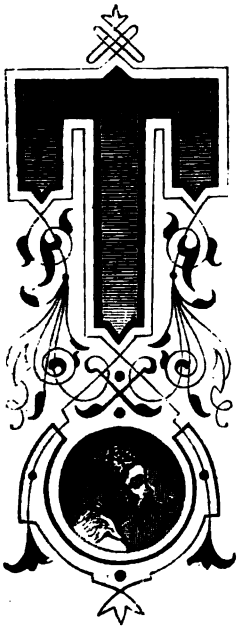
Кромѣ Тиховскаго были убиты: хорунжіе Кривошея, Жировый и 144 казака. Есаулъ Гаджановъ и 16 казаковъ, большею частью тяжело израненные, успѣли пробиться, а остальные съ пушкою уведены черкесами въ плѣнъ. Всѣмъ оставшимся въ живыхъ казакамъ государь пожаловалъ георгіевскіе кресты; но только шестеро изъ нихъ дождались этой награды, остальные же отъ тяжкихъ ранъ вскорѣ послѣдовали за своимъ славнымъ предводителемъ.

Резервъ, стоявшій у Мышастовской станицы, подъ начальствомъ есаула Голуба, по первой тревогѣ кинулся въ Ивановку, но, не заставъ тамъ непріятеля, повернулъ назадъ, туда, гдѣ бился Тиховскій,—и встрѣтилъ только страшную картину ночного пиршества шакаловъ...

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полувѣка. Затихла гроза войны на берегахъ Кубани; заросло травою пустынное поле, облитое казацкою кровью. Но скромный памятникъ, поставленный (23-го ноября 1869 года) признательными черноморцами на могилѣ героевъ, пожертвовавшихъ жизнію своею и легшихъ костьми на берегахъ Кубани, чтобы спасти тысячи другихъ жизней,—служитъ залогомъ, что не напрасны слова, сказанныя при открытіи его: „Пройдутъ вѣка, смѣнится много поколѣній, природа еще болѣе измѣнитъ свой видъ, память же о герояхъ нашихъ не изгладится и не умретъ въ казацкомъ сердцѣ и въ его преданіяхъ“.

XLVI.

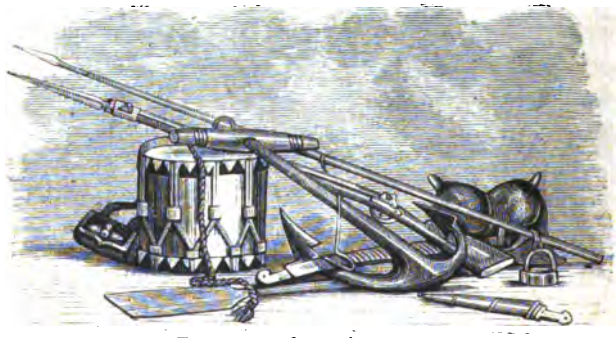
Кавказская линія.



Третій раіонъ русской борьбы на Кавказѣ, собственно Кавказская линія, представлявшая рядъ казацкихъ укрѣпленныхъ поселеній по Тереку и Кубани до устьевъ Лабы, къ началу настоящаго столѣтія получилъ совершенно иное значеніе.

До того времени, когда Грузія склонила свою многострадальную голову подъ могущественную руку Россіи и когда русскія войска появляются серьезной дѣйствующей силой въ Грузіи и потомъ во всемъ Закавказьѣ, Кавказская линія представляла единственный центръ, откуда распространялись дѣйствія и вліянія. Съ линіи шли распоряженія по дѣламъ Грузіи и войска для защиты ея; съ линіи дѣйствовали противъ турокъ и ходили подъ Анапу и въ Тамань; линія оберегала Донъ и Прикубанье; словомъ — все было на линіи и исходило отъ нея. Отсюда возникла цѣлая политическая и военная система. На линіи тогда вопросы шли о борьбѣ съ Персіей, о вліяніи потому на восточное низменное прибережье Каспійскаго моря, на Дербентъ, Кубу, Баку, и о мирномъ улаженіи дѣлъ съ Кабардою, шамхалами и другими владѣльцами. О вопросѣ покоренія кавказскихъ горцевъ не могло быть еще и рѣчи.

Съ основаніемъ сильнаго политическаго и военнаго центра въ Тифлисѣ, и потомъ съ поступленіемъ низовьевъ Кубани подъ управленіе одесскаго генералъ-губернаторства, роль линіи должна была естественно съузиться, а борьба ея съ сосѣдними горцами въ то же время значительно обостриться. Теперь, когда Россія съ одной стороны владѣла всѣмъ Закавказьемъ, а съ другой заложила ближайшіе шанцы къ горному хребту,—всѣ независимыя горныя кавказскія племена, обрамленныя со всѣхъ сторонъ русскими владѣніями, естественно должны были придти въ ближайшія съ русскими интересами соприкосновенія и скоро стали препятствовать необходимымъ для Россіи сношеніямъ черезъ горы. И вотъ, въ начавшейся со всѣхъ сторонъ войнѣ съ горцами, роль линіи прямо опредѣлилась борьбой съ ближайшими къ ней племенами, и ея вліянія на Закавказье и на Кубань могли быть только временны и случайны до самыхъ временъ Ермолова, когда—повторяемъ—и Закавказье, и Черноморье, и линія слились въ единствѣ дѣйствій.



XLVII.

Генералъ Глазенапъ.

ослѣ персидскаго похода графа Зубова, командующимъ войсками на Кавказской линіи нѣкоторое время оставался генералъ отъ инфантеріи графъ Гудовичъ, а въ 1798 году на мѣсто его назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ графъ Морховъ. Это былъ тотъ Иринархъ Ивановичъ Морховъ, который въ генералъ-маіорскомъ чинѣ носилъ уже георгіевскую звѣзду, и котораго самъ Суворовъ называлъ не иначе, какъ „храбрымъ непобѣдимымъ офицеромъ“ *). Съ тѣхъ поръ его боевая репутація была упрочена настолько, что заставляла ожидать отъ него весьма энергическихъ дѣйствій и на Кавказской линіи. И дѣйствительно, первымъ, вполнѣ цѣлесообразнымъ предположеніемъ графа Морхова было поставить укрѣпленіе у Каменнаго Моста и оттуда протянуть кордонную цѣпь прямо на Малку, такъ чтобы кисловодскіе источники остались позади новой линіи. Но, къ сожалѣнію, это первое его распоряженіе было вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ. Подвергшись немилости императора Павла, онъ былъ отставленъ отъ

*) Кромѣ георгіевской звѣзды графъ Морховъ имѣлъ Георгія 4-й степени и Георгія на шеѣ.

службы, и преемниками его въ теченіе того же года послѣдовательно являются генералъ-лейтенанты: Киселевъ, князь Ураковъ и наконецъ Кнорингъ 2-й, главная дѣятельность котораго, какъ мы видѣли, прошла въ Закавказьѣ.

По счастію, при такой частой смѣнѣ начальниковъ, Кавказская линія пользовалась сравнительнымъ спокойствіемъ, и за все время командованія Кнорринга выдаются развѣ набѣги мохошскаго владѣльца Хопача, имя котораго долго служило грозою для порубежныхъ жителей. Во время одного изъ набѣговъ подъ нимъ была убита лошадь и казаки наконецъ захватили его въ плѣнъ. Тогда черкесы-мохошевцы, узнавъ, что Хопачъ содержится въ тюрьмѣ Темишбекскаго редута, вздумали сдѣлать попытку освободить его силою, и зимою значительная партія ихъ, выбравъ морозную и буранную ночь, бросилась на Темишбекъ такъ неожиданно, что едва не овладѣла укрѣпленіемъ. Пока гарнизонъ отбивался, Хопачъ дѣйствительно бѣжалъ изъ тюрьмы, но не успѣлъ соединиться со своими и по окончаніи боя найденъ лежащимъ въ степи съ отмороженными руками и ногами. Жалкій, изможденный калѣка не могъ уже быть опаснымъ противникомъ, и его, по ходатайству турецкаго правительства, отпустили домой.

Съ появленіемъ на Кавказѣ Циціанова, когда резиденція главнокомандующаго была перенесена въ Тифлисъ, начальникомъ Кавказской линіи назначенъ былъ, 13 ноября 1803 г., генералъ-лейтенантъ Григорій Ивановичъ Глазенапъ *), съ котораго собственно и начинается новый періодъ ея жизни.

Военная карьера Глазенапа до назначенія его на Кавказъ не представляла собою ничего выдающагося. Онъ началъ службу въ 1764 году въ Сибирскомъ пѣхотномъ полку, потомъ перешелъ въ кавалерію и въ молодыхъ лѣтахъ участвовалъ въ турецкихъ Екатерининскихъ войнахъ. Постепенно подвигаясь въ чинахъ, онъ дослужился наконецъ до чина генералъ-маіора, затѣмъ вышелъ въ отставку, но со вступленіемъ на престолъ императора Александра Павловича снова былъ призванъ на службу, произведенъ

*) Короткое время съ отъѣзда Кнорринга до назначенія Глазенапа Кавказскою линіею временно командовалъ генералъ-лейтенантъ Шепелевъ.

въ генералъ-лейтенанты и, 30-го марта 1801 года, на тридцать шестомъ году своей службы, назначенъ шефомъ Нижегородскаго драгунскаго полка, вновь формировавшагося тогда на Кавказской линіи, въ Екатериноградѣ. Нужно сказать, что послѣ столѣтняго существованія *), Нижегородскій драгунскій полкъ,—теперь „гордость и радость нашей кавалеріи", какъ справедливо выражается Попка, — въ 1800 году былъ упраздненъ. Его эскадроны, слившись съ эскадронами Нарвскаго полка, образовали одинъ общій драгунскій Пушкина (Нарвскій) полкъ—и славное имя нижегородцевъ почти на цѣлый годъ исчезло изъ рядовъ русской арміи. Императоръ Александръ по вступленіи на престолъ приказалъ возвратить полку его самобытное существованіе, — и теперь опять отдѣлялись отъ Нарвскаго полка эскадроны нижегородскіе и образовывали полкъ, столь памятный горцамъ со временъ Текелли, Бибикова, Гудовича и особенно послѣ блистательнаго участія въ штурмѣ Анапы. Преемственный духъ старыхъ драгунъ, легшій въ основаніе будущей громкой военной славы нижегородцевъ, не утратился конечно въ кратковременное упраздненіе полка, но тѣмъ не менѣе Глазенапу должна быть приписана заслуга, что онъ съумѣлъ поддержать въ полку то боевое направленіе, которое съ тѣхъ поръ его никогда уже не покидало.

Переѣхавъ, послѣ назначенія начальникомъ Кавказской линіи, изъ Екатеринограда въ Георгіевскъ, служившій мѣстопребываніемъ тогдашнихъ властей, Глазенапъ всецѣло посвятилъ свои силы на устройство ввѣреннаго ему края. Образъ жизни его въ то время можетъ служить примѣромъ неутомимой дѣятельности. Двумъ его адъютантамъ, сосредоточивавшимъ въ своемъ лицѣ все нынѣшнее огромное штабное управленіе, было такъ много работы, что весь день они проводили за письменнымъ столомъ, а вечеромъ Глазенапъ принималъ отъ нихъ доклады и отдавалъ приказанія. Ста-

*) Нижегородскій драгунскій полкъ сформированъ въ 1701 году бояриномъ княземъ Голицынымъ въ низовыхъ губерніяхъ и названъ по имени перваго своего командира Драгунскій-Жданова полкъ, а въ 1708 году переименованъ въ Нижегородскій. Это имя онъ сохранилъ до настоящаго времени. При Петрѣ III полкъ нѣсколько мѣсяцевъ именовался кирасирскимъ, а первые два года царствованія Екатерины—карабинернымъ.

рый генералъ лежалъ обыкновенно въ это время въ вольтеровскомъ креслѣ, а адъютанты, ежедневно и аккуратно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, стоя, выслушивали вмѣстѣ съ приказаніями и исторію о графѣ Петрѣ Александровичѣ Румянцевѣ, о Кагульскомъ сраженіи и турецкихъ походахъ. Только послѣ 10 часовъ адъютанты освобождались отъ занятій и спѣшили къ знакомымъ, у которыхъ, по обычаю, существовавшему тогда въ Георгіевскѣ, проводили вечера въ различныхъ играхъ и танцахъ. Самъ Глазенапъ рѣдко принималъ участіе въ этихъ развлеченіяхъ. Заботы и труды нерѣдко отнимали у него даже часть ночи. Надо отдать справедливость, онъ умѣлъ держать въ порядкѣ обширный и тревожный край, несмотря на то, что за отдѣленіемъ большей части войскъ въ Грузію, въ его распоряженіи остались лишь немногіе полки, разбросанные притомъ по всему огромному протяженію линіи *). Особенный недостатокъ чувствовался въ кавалеріи, способной отправлять кордонную службу; а между тѣмъ кавказская война требовала именно одиночнаго развитія людей, ихъ неусыпной бдительности, „сторожкости", или, какъ говаривалъ самъ Глазенапъ — „недреманности". Ближайшіе сосѣди русскихъ: чеченцы, кабардинцы и закубанцы — никогда не упускали случая подкараулить солдата и взять его въ плѣнъ или убить изъ засады.

„И не какіе-нибудь оскорбительные съ нашей стороны поступки — говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Глазенапъ: — вызывали горцевъ на разбои. Ими руководила чаще всего природная удаль, презрѣніе къ опасностямъ, а главное — ненасытная алчность къ золоту, которое они, по роду своей жизни, употреблять не умѣли. Правда, они пріобрѣтали за него изъ Багдада и Дамаска дорогое оружіе, но оно обыкновенно доставалось въ добычу линейнымъ казакамъ, которые всѣ почти имѣли ихъ шашки, кинжалы, пистолеты, даже сѣдла и бурки, отнятые съ боя".

*) На линіи было восемь полковъ: Казанскій, Суздальскій и Вологодскій пѣхотные, 16-й егерскій и драгунскіе: Нижегородскій, Борисоглѣбскій, Владимірскій и Таганрогскій. Сверхъ того начальнику линіи подчинялись казачьи войска: Терско-Семейное, Кизлярское и Гребенское, и линейные казачьи полки: Моздокскій, Волжскій, Хоперскій и Кубанскій, а впослѣдствіи къ нимъ прибавился еще пятый полкъ, Кавказскій.

Нужно сказать, что линейные казаки вообще были особенною слабостію Глазенапа, который чрезвычайно дорожилъ этими своеобразными, удалыми наѣздниками. По его ходатайству на Кубани образованы были вновь 4 станицы: Темишбеевская, Казанская, Ладовская и Тифлисская, заселенныя въ 1803 году остатками Екатеринославскаго казачьяго войска. Это войско, нѣкогда сформированное Екатериной исключительно изъ однодворцевъ слободскихъ украинскихъ губерній, было уничтожено императоромъ Павломъ; но многіе изъ украинцевъ не захотѣли однако разставаться съ привычною имъ казацкою службою и добровольно, по первому зову, пошли на Кубань, гдѣ Глазенапъ образовалъ изъ нихъ новый, по счету пятый, „Кавказскій" линейный казачій полкъ, занявшій названными станицами мѣста, правѣе Кубанскаго полка, между Григоріопольскимъ редутомъ и Усть-Лабинскою крѣпостью.

Трехлѣтнее управленіе Глазенапа линіею было богато тревожными событіями; но, къ счастію, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи отличныхъ помощниковъ въ командирахъ полковъ, изъ которыхъ особенною извѣстностью пользовались, завѣдывавшіе тогда кордонными участками, генералы Мейеръ и Лихачевъ и полковникъ Сталь, въ распоряженіи которыхъ находились казанцы, егеря 16-го полка и нижегородскіе драгуны. Тѣмъ съ большею яростью нападали горцы именно на эти участки и, случалось, наносили здѣсь наибольшія разоренія. Таково напр. несчастное происшествіе на Есентукскомъ посту, гдѣ кабардинцы вырѣзали въ кордонѣ Лихачева казачій постъ и сняли нѣсколько пикетовъ.

Рядъ такихъ нападеній и безуспѣшные переговоры съ кабардинцами относительно введенія у нихъ родовыхъ судовъ, побудили Глазенапа энергически взяться за оружіе. Сильный отрядъ, составленный изъ восьми батальоновъ пѣхоты, четырехъ драгунскихъ полковъ и 24 орудій, собрался въ станицѣ Прохладной, и, 3 мая 1804 года, вступилъ въ кабардинскія земли. Непріятеля нигдѣ не было видно, и войска спокойно дошли до рѣки Баксана. Отсюда Глазенапъ отправилъ прокламацію, приглашая кабардинскій народъ добровольно покориться, а въ ожиданіи отвѣта отрядъ стоялъ бивуакомъ въ горной долинѣ, на берегу рѣки, ко-

торая съ бѣшенымъ грохотомъ вырывалась изъ тѣснаго и каменистаго ущелья. 9 мая, въ Николинъ день, послѣ обѣдни Глазенапъ со всѣми офицерами завтракалъ у войскового старшины Моздокскаго полка, Золотарева. Это былъ маститый старецъ, съ длинной и бѣлою, какъ „бурунгунскій лебедь", бородою, извѣстный своею отчаянною храбростію. Онъ съ удовольствіемъ показывалъ гостямъ оружіе, добытое имъ въ разныхъ бояхъ и составлявшее предметъ его справедливой гордости. Солдаты, свободные отъ службы, обѣдали, лошади паслись на прекрасной травѣ, какъ вдругъ съ казачьихъ пикетовъ грянулъ выстрѣлъ, и со стороны горъ показалась туча пыли, которая неслась прямо на лагерь. Ударили тревогу. Пока пѣхота становилась въ ружье, казаки были уже на коняхъ и въ полѣ. Храбрый казачій маіоръ Лучкинъ съ своею екатериноградской сотнею первый завязалъ перестрѣлку. Противъ него выѣхали кабардинскіе наѣздники, одѣтые въ свои знаменитыя легкія стальныя непроницаемыя кольчуги.

Эти кольчуги представляютъ теперь археологическую рѣдкость, ихъ можно видѣть только въ музеяхъ, и, кажется, самый секретъ ихъ безподобной выдѣлки утраченъ навѣки. Подобный трехкольчужный панцырь, представляющій собою мелкую сѣтку, легко укладывается весь на ладони и вѣситъ не больше пяти, шести фунтовъ; но надѣтый на голову и плечи, онъ образуетъ какъ бы литую массу, которую можно было пробить развѣ штыкомъ или пикой, но никакъ не употреблявшеюся тогда круглою пулею. На Кавказѣ, впрочемъ, существовалъ особый сортъ шашекъ, называемый *гурда*, закалка которыхъ приспособлялась именно для рубки этихъ знаменитыхъ панцырей; но за то же настоящая гурда—(а ихъ много было поддѣльныхъ) — и цѣнилась на вѣсъ чистаго золота.

Боевое поле—говоритъ очевидецъ:—превратилось въ широкую арену, на которой состязались теперь лучшіе въ мірѣ наѣздники. Число убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ быстро росло. Скоро привезли съ поля битвы и войскового старшину Золотарева, еще за часъ передъ этимъ такъ радушно угощавшаго офицеровъ въ своей палаткѣ. Онъ медленно подвигался на бѣломъ конѣ, покрытый смертельною блѣдностью и поддерживаемый двумя ка-

заками. Онъ былъ прострѣленъ въ грудь навылетъ и скончался, едва доѣхавъ до лагеря.

Глазенапъ двинулъ на помощь къ казакамъ остальныя войска. Драгунская колонна изъ 16 эскадроновъ пошла на рысяхъ и, скоро опередивъ пѣхоту, скрылась въ густыхъ облакахъ поднятой ею пыли. На сторонѣ русской конницы были всѣ преимущества: стройные эскадроны на свѣжихъ и добрыхъ коняхъ горѣли желаніемъ врубиться въ непріятеля, а самая мѣстность ровная и гладкая, какъ скатерть, такъ и подмывала на бѣшеную скачку. Офицеры Нижегородскаго полка, находясь впереди, кричали: „въ атаку! въ атаку!“ Но начальникъ кавалеріи, генералъ-маіоръ Лецино, первый разъ въ жизни бывшій въ огнѣ, такъ растерялся, что къ общему изумленію остановилъ драгунъ и, спѣшившись, началъ строить каре. Къ счастію, подоспѣла пѣхота. Генералъ Лихачевъ съ своими егерями зашелъ непріятелю въ тылъ, и кабардинцы были разбиты наголову.

Переночевавъ на полѣ сраженія, Глазенапъ на слѣдующій день двинулся въ горы. Кабардинцы нигдѣ не показывались; но ихъ пылавшіе аулы свидѣтельствовали о намѣреніи защищаться. Нижегородскій драгунскій полкъ шелъ въ авангардѣ и, несмотря на близость непріятеля, лихіе пѣсенники эскадрона маіора Суржикова были вызваны впередъ и звонкая русская пѣсня быть можетъ впервые раздалась въ кабардинскихъ горахъ. Такъ дошли до рѣки Чегема, и тутъ простояли три дня по случаю переговоровъ, начатыхъ кабардинцами. Но такъ какъ оказалось, что эти переговоры велись только съ единственною цѣлью выиграть время, то Глазенапъ 14 мая перешелъ черезъ быстрый Чегемъ и атаковалъ непріятеля. Позиція кабардинцевъ, раскинутая по гребню крутой и лѣсистой горы, взята была штурмомъ. Напрасно непріятель, разбившись на кучки, пробовалъ защищаться въ укрѣпленныхъ аулахъ и башняхъ,—казаки, драгуны и егеря Лихачева повсюду настигали и истребляли враговъ.

Въ одной изъ этихъ схватокъ Нижегородскаго полка драгунъ Кривошея въ единоборствѣ изрубилъ кабардинца, закованнаго въ панцырь, и овладѣлъ его оружіемъ. Но лошадь узденя попала какъ-то въ руки таганрогскихъ драгунъ, отъ которыхъ Кривошея

и потребовалъ ее по праву побѣдителя. Дѣло дошло до Глазенапа и, чтобы не заводить съ чужимъ полкомъ исторіи, онъ далъ Кривошеѣ 15 червонцевъ и произвелъ его въ унтеръ-офицеры.

Только ночь остановила преслѣдованіе. А на другой день, когда сраженіе готово было возобновиться, кабардинцы прислали письмо, прося пощады и ввѣряя судьбу свою великодушію русскаго государя.

Но между тѣмъ, какъ въ Кабардѣ водворялось такимъ образомъ спокойствіе, одинъ изъ кабардинскихъ князей, Росламбекъ Мисостовъ, бѣжалъ за Кубань и поднялъ тамошнія племена. Бунтъ охватилъ все Закубанье. Напрасно ногайскій приставъ, генералъ-маіоръ султанъ Менгли-Гирей, пытался остановить движеніе. Покинутый народомъ, онъ самъ едва ушелъ отъ закубанцевъ, которые гнались за нимъ по слѣдамъ и убили 28 человѣкъ изъ числа его свиты. Въ Абадзѣ бѣглые кабардинцы вырѣзали казачью команду; Кумскій редутъ два раза былъ атакованъ, и всѣ посты, начиная отъ прочнаго Окопа до Константиногорска, были осаждены закубанцами. Блестящее дѣло полковника Давыдова, который съ однимъ эскадрономъ борисоглѣбскихъ драгунъ разбилъ сильную партію закубанцевъ и взялъ въ плѣнъ родного брата Менгли-Гирея, также не могло поправить обстоятельствъ; безрезультатно осталось и пораженіе горцевъ 7 октября донскою сотнею храбрѣйшаго есаула Ляпина, который, къ общему сожалѣнію, былъ раненъ и умеръ на мѣстѣ сраженія *). Глазенапъ послалъ туда генералъ-маіора Лихачева съ его егерями. Лихачевъ встрѣтилъ Росламбека на Кубани у Каменнаго Моста, но послѣ трехдневнаго боя вынужденъ былъ отступить съ потерей одного орудія. Тогда Глазенапъ самъ пошелъ за Кубань. Между тѣмъ, въ его отсутствіе вспыхнулъ новый бунтъ въ Кабардѣ. И обстоятельства являлись тѣмъ затруднительнѣе, что одновременно съ этимъ пришлось усмирять осетинъ на сообщеніяхъ съ Грузіею и держать въ повиновеніи чеченцевъ за Сунжею. Къ счастію, побѣды Несвѣтаева въ

*) Замѣчательно, что Глазенапъ просилъ государя въ память храбраго Ляпина произвести въ офицеры сына его, служившаго въ той же самой сотнѣ урядникомъ.

горахъ и весьма удачный поискъ со стороны линіи подполковника Казанскаго полка Максимовича къ чеченцамъ, скоро возстановили спокойствіе въ окрестностяхъ Владикавказа. Но далеко не съ такимъ успѣхомъ пошли дѣла съ кабардинцами.

Отрядъ генералъ-маіора Дехтярева, посланный на Урухъ, гдѣ, по слухамъ, собирались кабардинцы, былъ встрѣченъ непріятелемъ близъ Татартуба и принужденъ ретироваться до самой переправы черезъ Малку. Успѣхъ чрезвычайно ободрилъ кабардинцевъ.

29 іюля, на самой зарѣ, человѣкъ триста панцырниковъ, переправившись за Малку, внезапно бросились на слободу Солдатскую, находившуюся въ кордонной дистанціи генерала Мейера. Казачій пикетъ, застигнутый врасплохъ, былъ изрубленъ; нѣсколько жителей, бывшихъ въ полѣ, взяты въ плѣнъ, табуны отогнаны, и кабардинцы, съ легко пріобрѣтенною добычею, возвратились назадъ прежде, чѣмъ сигнальные маяки разнесли по линіи тревогу. Во всѣ повода и съ ближнихъ, и съ дальнихъ постовъ правда, прискакали на мѣсто происшествія казачьи резервы, но гнаться за непріятелемъ было уже невозможно: по ту сторону Малки, напротивъ деревни, стояла громадная конная партія.

Присутствіе непріятеля въ столь близкомъ разстояніи отъ границъ и невозможность охранять все протяженіе линіи заставили генерала Мейера сосредоточить войска въ центральной позиціи, между Солено-Бродскимъ постомъ и Бѣломечеткою. Но такъ какъ большая часть Казанскаго полка, расположеннаго въ этой дистанціи, находилась тогда въ Осетіи, то весь отрядъ генерала Мейера составился только изъ одного неполнаго батальона пѣхоты, да нѣсколькихъ сотенъ донскихъ и линейныхъ казаковъ.

Цѣлыя двѣ недѣли лазутчики, то и дѣло являвшіеся къ Мейеру, приносили тревожныя вѣсти о сборѣ значительныхъ кабардинскихъ партій. Нужно было ожидать грозы, и она наконецъ разразилась.

Вечеромъ 18 августа, съ Патрикеевскаго поста дали знать. что кабардинцы идутъ. Мейеръ ночью передвинулъ туда части своихъ казаковъ, а слѣдомъ за ними отправилъ и роту Казанскаго полка при одномъ орудіи. Но эта послѣдняя помощь оказалась излишнею. Опытные, неуступавшіе противникамъ въ пріемахъ разбойничьей войны, практиковавшейся на Кавказѣ вообще, ли-

нейцы отлично изучили всѣ мелочныя сноровки внезапныхъ ночныхъ нападеній и, руководствуясь своими соображеніями, не пошли на постъ, гдѣ горцы могли ихъ замѣтить, а, приближаясь къ нему, еще вдали, по волчьи, разъѣхались въ разныя стороны, засѣли по глубокимъ балкамъ и стали нажидать непріятеля.

Былъ второй часъ ночи. До чуткаго слуха казака донеслись глухіе всплески волнъ, — знакъ, что кабардинцы переправляются. Ближайшая засада, гдѣ сидѣлъ сотникъ Софіевъ съ волжскою сотней, приготовилась къ встрѣчѣ. И едва кабардинцы цѣлою толпою поднялись на высокій берегъ, какъ сотня вынеслась изъ балки, и молча, безъ выстрѣла, ринулась на нихъ, никакъ не ожидавшихъ именно въ этотъ моментъ увидѣть передъ собой непріятеля. Толпа заколебалась и дрогнула. Напрасно храбрѣйшіе изъ нея рванулись было впередъ—они въ одно мгновеніе ока были изрублены; а между тѣмъ съ другихъ сторонъ уже неслись сюда же сотни Венеровскаго, Гусельщикова, Лучкина,—и между кабардинцами воцарилась паника. Разомъ отбитые отъ бродовъ и прижатые къ берегу, они повернули назадъ и ринулись въ Малку съ крутого обрыва. Много погибло и всадниковъ, и лошадей при этомъ отчаянномъ сальто-мортале, и пока внизу, подъ кручею, шла страшная суматоха, пока живые выбивались изъ-подъ мертвыхъ, и мертвые, загораживавшіе дорогу къ рѣчкѣ, разбрасывались въ стороны,—казаки спѣшились, растянули цѣпь по окраинѣ берега и мѣткимъ огнемъ поражали и тѣхъ, которые еще толпились подъ кручей, и тѣхъ, которые уже плыли по Малкѣ...

Предпріимчивый Мейеръ*) зналъ, что нужно ожидать немедленно новыхъ вторженій кабардинцевъ, которые будутъ всѣми силами стараться мстить за пораженіе, и, чтобы заставить ихъ заботиться болѣе объ охраненіи своихъ жилищъ, чѣмъ о вторженіи

*) Андрей Казиміровичъ Мейеръ былъ родомъ саксонецъ, но прослуживъ 38 лѣтъ русскимъ государямъ, онъ до того свыкся съ русскою жизнію, такъ полюбилъ русскаго солдата, что въ немъ, кромѣ имени, ничего не оставалось нѣмецкаго. Въ службу онъ вступилъ въ 1766 году, шефомъ Казанскаго полка назначенъ въ 1802 году, а въ 1807, вскорѣ по возвращеніи изъ дербентскаго похода, умеръ въ Георгіевскѣ.

въ русскіе предѣлы, рѣшился самъ сдѣлать набѣгъ въ ущелье Сабанъ-Кошъ, на аулы князя Росламбека Мисостова.

На самой зарѣ 24 августа войска перешли черезъ Малку. Линейцы съ маіоромъ Лучкинымъ и есауломъ Венеровскимъ пошли впередъ. Уже Сабанъ-Кошское ущелье было въ виду, какъ вдругъ изъ него показалась двухъ-тысячная конная партія кабардинцевъ, шедшая къ линіи. Раздумывать было некогда—и линейцы ударили въ шашки. Кабардинцы смѣло понеслись на встрѣчу, и обѣ стороны сшиблись въ рукопашной свалкѣ. Сильнѣйшіе числомъ, кабардинцы смяли казаковъ. И вотъ, линейцы несутся назадъ,—кабардинцы за ними. Замѣтивъ впереди ложбину, опытные линейцы стали сдерживать лошадей и вдругъ повернули въ сторону, а кабардинцы, пронесшіеся мимо нихъ, въ упоръ налетѣли на скрытую въ засадѣ пѣхоту. Дымъ грянувшаго залпа окуталъ всю кабардинскую партію; между тѣмъ линейцы повернули назадъ и врѣзались въ ряды непріятеля, жестоко расплачиваясь за первую свою неудачу; кабардинцы, изстари славившіеся своимъ наѣздничествомъ, не уступали, и нападеніе, и защита шли съ равнымъ ожесточеніемъ. Глазенапъ описываетъ въ своемъ донесеніи, какъ цѣлая толпа панцырниковъ насѣла на казацкаго сотника Софіева и какъ этотъ богатырь одинъ отбился отъ всѣхъ, изрубилъ трехъ, съ головы до ногъ закованныхъ въ панцыри, а остальныхъ заставилъ бѣжать.

Но пока на равнинѣ шло жаркое кавалерійское дѣло, а кабардинскіе вѣстники скакали повсюду, сбивая народъ на тревогу, Мейеръ съ двумя ротами казанцевъ быстро проникъ уже въ глубь Сабанъ-Кошскаго ущелья, занялъ аулы и истребилъ богатѣйшія кабардинскія пасѣки. Крики тревоги неслись еще по горамъ, а Мейеръ вслѣдъ затѣмъ притянулъ къ себѣ конницу и быстро отошелъ обратно за Малку.

Эта экспедиція, памятная упорной кавалерійскою схваткой, о которой старые казаки говорятъ еще и понынѣ, замѣчательна не менѣе и быстротою марша кавказской пѣхоты. „Я выступилъ изъ лагеря—говоритъ въ своемъ донесеніи Мейеръ:—въ 4 часа утра, а въ три часа пополудни уже возвратился назадъ, сдѣлавъ въ оба пути 56 верстъ, выдержавъ битву и истребивъ кабардинскіе пчельники“.

Но пока Мейеръ ходилъ къ Сабанъ-Кошу, шайка отчаянныхъ абрековъ, подъ начальствомъ молодого Атажукина, перебрались на русскую сторону и своимъ появленіемъ навела панику на цѣлую окрестность. Самый Георгіевскъ, защищаемый всего сто восемьюдесятью драгунами Таганрогскаго полка, три дня былъ въ оборонительномъ положеніи. Драгуны бивуакировали на площади, орудія стояли на валу съ зажженными фитилями, а по пробитіи вечерней зори пушки вывозились на мостъ къ городскимъ воротамъ. Нужно было во что бы то ни стало очистить край отъ разбойничьей шайки, и Мейеръ, отправивъ обозы въ Марьевку, 27 августа налегкѣ выступилъ къ вершинамъ Малки. Отрядъ не отошелъ еще и нѣсколькихъ верстъ, какъ одинъ изъ перебѣжчиковъ далъ знать, что уже дня три абреки скрываются на Золкѣ, въ кошарахъ армянина Панаева. Линейныя сотни маіора Лучкина и есауловъ Венеровскаго и Старожилова повернули туда, но партія кабардинцевъ оказалась настолько значительной, что линейцы, спѣшившись, послали просить подкрѣпленія. Мейеръ повелъ къ нимъ казанскія роты форсированнымъ маршемъ. До полутораста абрековъ, завидѣвъ приближающуюся пѣхоту, понеслись на нее въ атаку съ такою стремительностію, что едва не ворвались въ каре по слѣдамъ своего предводителя, который почти въ упоръ выстрѣлилъ изъ ружья въ генерала Мейера; къ счастію, ружье осѣклось. Маленькое каре однакоже устояло, а залпъ его однимъ изъ первыхъ уложилъ на мѣстѣ смѣлаго предводителя. Тѣло его быстро подхватили нукеры, но ружье, изъ котораго онъ выстрѣлилъ въ Мейера, было захвачено солдатами. Въ эту минуту казаки, вскочивъ на коней, ударили въ шашки—и абреки бѣжали. Пѣхота преслѣдовала ихъ за Золку. Казаки рубили бѣгущихъ. Въ числѣ убитыхъ были два узденя Адель-Гирея и два брата Анзоровы, славившіеся своимъ наѣздничествомъ.

„Для меня, — писалъ Мейеръ по поводу этого дѣла: — нѣтъ ничего лестнѣе, какъ командовать хотя малымъ, но именно такимъ отрядомъ, каковъ мнѣ порученный... Офицеры заслуживаютъ высшей похвалы, чѣмъ та, какую я приписать имъ могу“.

Наступилъ сентябрь, а Кабарда не утихала. На Чегемѣ было народное собраніе кабардинцевъ, на которомъ послѣ шумныхъ спо-

ровъ порѣшено раздѣлиться на двѣ части: одной ударить на отрядъ Мейера, другой—на слободу Солдатскую. И вотъ, когда 17 сентября Мейеръ, оставивъ свой лагерь, подъ прикрытіемъ 135 донскихъ казаковъ съ ессауломъ Денисьевымъ, передвинулся со всѣмъ отрядомъ за 26 верстъ къ Солено-Бродскому посту, гдѣ были хорошіе броды, — къ тому же Солено-Бродскому посту, по другой сторонѣ Малки, приближалась сильная кабардинская партія, предводимая Шамахою-Наврузовымъ, намѣревавшимся также именно здѣсь переправиться черезъ рѣчку. Далеко прокатившійся по горамъ гулъ пушечнаго зореваго выстрѣла и три сигнальныя ракеты, взвившіяся надъ русскимъ лагеремъ, дали знать Наврузову о прибытіи Мейера. Тогда, отмѣнивъ переправу, Наврузовъ бросился внизъ по теченію, перешелъ рѣчку близъ Крымовскаго поста и внезапно атаковалъ вагенбургъ. Донская сотня послѣ недолгаго боя отступила, и Наврузовъ зажегъ оставленный русскій лагерь. По первому извѣстію объ этомъ Мейеръ быстро двинулся назадъ, но засталъ на мѣстѣ своего становища уже только печальные слѣды разрушенія. Наврузовъ однако же не пошелъ внутрь линіи и отступилъ за Малку.

Тогда, отправивъ всѣ свои тяжести въ Бѣломечетку, Мейеръ рѣшился все-таки держаться ближе къ Солдатской и 19 сентября выступилъ на Золку, имѣя при себѣ неполный батальонъ Казанскаго полка въ 360 штыковъ и четыреста донскихъ и линейныхъ казаковъ. Это было все, что можно было собрать тогда на линіи.

Едва отрядъ отошелъ отъ лагеря на 10—12 верстъ, какъ передовые разъѣзды дали знать, что непріятель въ огромныхъ силахъ переходитъ Малку. Въ это время начинало уже вечерѣть. „На моихъ часахъ—говоритъ Мейеръ—было 20 минутъ пятаго“. Свернувшись въ каре, и имѣя за флангами волжскихъ и моздокскихъ казаковъ, отрядъ продолжалъ движеніе, выславъ впередъ донской казачій полкъ, подъ командою подполковника Крюкова *). Крюковъ приказалъ донцамъ опустить свои дротики и сталъ пробираться густымъ бурьяномъ, чтобы незамѣтно подойти къ непріятелю и лучше высмотрѣть его силы.

*) Въ полку было съ небольшимъ сто человѣкъ.

Густыми толпами валили кабардинцы, не подозрѣвая близости русскаго отряда, скрытаго отъ нихъ бурьяномъ и волнистою мѣстностью. Впереди всѣхъ ѣхали ихъ знаменитые князья: Джембулатъ Мисостовъ, Асланъ-Гирей, Касай, братья Наврузовы и наконецъ Адель-Гирей Атажукинъ—тотъ самый, который еще при Гудовичѣ былъ высланъ въ Россію, оттуда бѣжалъ и съ тѣхъ поръ жилъ за Кубанью.

Трудно сказать, наткнулись ли донцы на непріятеля совершенно нечаянно для самихъ себя, или, напротивъ, они хотѣли воспользоваться оплошностью горцевъ, но только казаки вдругъ выдвинулись изъ за-бурьяна и бросились въ атаку. Атака эта была въ полномъ смыслѣ слова блистательная. Одна сотня донцовъ неслась на пять или на шесть тысячъ лучшей черкесской конницы. Съ налета врѣзались донцы въ самый центръ непріятеля, гдѣ стояло 500 человѣкъ отборныхъ панцырниковъ: но кабардинцы, дрогнувшіе на первыхъ порахъ, скоро оправились и, окруженные со всѣхъ сторонъ, донцы въ жестокой рукопашной схваткѣ были смяты и опрокинуты... Сотникъ Шуруповъ съ шестью казаками, далеко занесшійся въ глубь непріятельскихъ массъ, такъ и пропалъ тамъ безъ вѣсти; восемь казачьихъ тѣлъ осталось въ рукахъ непріятеля. Самъ полковой командиръ подполковникъ Крюковъ, раненый стрѣлою въ ногу, былъ окруженъ кабардинцами. Его безсмѣнный ординарецъ и тѣлохранитель казакъ Упарниковъ, не отстававшій ни на шагъ отъ своего командира, заслонилъ его собою и былъ изрубленъ въ куски. Крюковъ, несмотря на рану, защищался отчаянно, но конечно былъ бы убитъ, если бы адъютантъ Поздѣевъ и два урядника, Петрухинъ и Банниковъ, не замѣтили отсутствія своего командира и не бросились къ нему на помощь. Съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ пробились они сквозь густую толпу и вырвали Крюкова изъ рукъ непріятеля.

Между тѣмъ на выручку донцовъ уже неслись моздокцы; ихъ встрѣтили однако новыя толпы кабардинцевъ, спѣшившія сюда изъ-за Малки, а панцырники налетѣли на батальонъ съ такою быстротою, что застрѣльщики едва успѣли вскочить въ каре, какъ были уже окружены со всѣхъ сторонъ. Кабардинцы такъ плотно насѣли на пѣхоту, „что я—говоритъ Мейеръ въ своемъ донесе-

ніи:—можно сказать, съ моими двумя двухъ-ротными кареями плавалъ въ ихъ толпахъ". Пѣхотѣ пришлось отбиваться штыками, и въ рукопашной схваткѣ особенно отличился фельдфебель Сумцовъ, который въ бою одинъ на одинъ положилъ штыкомъ на мѣстѣ знаменитаго черкесскаго богатыря Ашибъ-Оглу.

А на флангахъ въ это же самое время шла жаркая конная схватка—моздокцы не пускали непріятеля обскакать пѣхоту съ тылу; подъ есауломъ Венеровскимъ была убита лошадь, и онъ отбивался пѣшимъ впереди своихъ казаковъ. Донцы между тѣмъ успѣли оправиться. Сомкнутымъ фронтомъ выдвинулся впередъ полкъ Персіянова и, имѣя впереди своего командира на лихомъ конѣ, съ обнаженною шашкой,—понесся въ атаку. Смятые этою новою стройною силою, кабардинцы дали тылъ. Линейцы насѣли на фланги.

Была уже темная ночь, когда разбитые кабардинцы прискакали на Малку. Но тутъ они съ ужасомъ увидѣли, что переправа занята моздокскими казаками, успѣвшими прискакать сюда раньше, кратчайшею дорогою. Снова закипѣлъ бой на жизнь и смерть. Кабардинцы силились овладѣть переправой, линейцы ихъ не пускали. Скоро подоспѣли сюда донцы и пѣхота. „Офицеры—пишетъ Мейеръ—рубились наравнѣ съ солдатами, но ничто не могло сломить кабардинцевъ". Тогда, чтобы порѣшить дѣло, Мейеръ отодвинулъ пѣхоту назадъ и, расположивъ ее въ разныхъ мѣстахъ небольшими засадами, крикнулъ казакамъ „назадъ!" Разсчетъ его удался вполнѣ. Едва казаки показали тылъ, какъ кабардинцы, разгоряченные боемъ, ринулись за ними въ погоню, попали на засаду, и пѣхота со всѣхъ сторонъ охватила ихъ „какъ неводомъ". Тогда, разбитые наголову, кабардинцы бросились въ Малку съ крутого обрыва, и долго еще съ берега гремѣли за ними ружейные и пушечные выстрѣлы.. Было 10 часовъ вечера, когда бой совершенно затихъ; весь русскій отрядъ ночевалъ тутъ же, на полѣ сраженія, и лишь на слѣдующій день возвратился въ лагерь.

Мейеръ не опредѣляетъ общей потери непріятеля; но въ числѣ убитыхъ находились два владѣтельные князя, много узденей, а судя по шести убитымъ лошадямъ игреневой масти, на которыхъ ѣздятъ духовныя лица, можно полагать, столько же было убито

и муллъ. „Все поле сраженія—доносилъ Мейеръ:—на которомъ лежало 112 кабардинскихъ тѣлъ, было усѣяно клочьями мяса и ребрами“. Въ русскомъ отрядѣ выбыло изъ строя 2 офицера и 75 нижнихъ чиновъ.

Отъ немногихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ этомъ дѣлѣ, узнали, что въ партіи было отъ 6 до 7 тысячъ всадниковъ, что она намѣревалась отдохнуть въ лощинѣ надъ Золкою, а ночью напасть на Георгіевскъ и затѣмъ, черезъ Александровское село, броситься на Кубань въ тылъ генералу Лихачеву.

Все это усложненіе дѣлъ на линіи заставило наконецъ Глазенапа поручить военныя дѣйствія на Кубани одному Лихачеву, а самому вернуться въ Георгіевскъ. Зима впрочемъ прошла довольно спокойно; но за то, весною, уже въ началѣ марта 1805 года, когда кабардинскіе стада и табуны еще не находятъ корма въ горахъ, заваленныхъ снѣгомъ, и пасутся на открытыхъ равнинахъ, прилегающихъ къ Малкѣ, Глазенапъ сосредоточилъ сильный отрядъ въ станицѣ Прохладной; распустивъ слухъ, что идетъ въ Чечню, и отвлекши этимъ вниманіе кабардинцевъ, въ ночь на 9 марта онъ внезапно сдѣлалъ громадный шестидесяти-верстный переходъ и неожиданно очутился на равнинѣ посреди многочисленныхъ кабардинскихъ табуновъ и стадъ. Всѣ табуны и стада захвачены были сразу, и въ 10 часовъ вечера отрядъ остановился ночевать на р. Баксанѣ въ Кисъ-Бурунскомъ ущельѣ. Огромный переходъ по слякоти и возня съ табунами до крайности утомили людей, а между тѣмъ ночью надо было ждать нападенія. Съ правой стороны бивуака, въ ущельѣ находился огромный отвѣсный утесъ, совершенно преграждавшій доступъ къ отряду, но на лѣвую сторону, гдѣ ревѣлъ Баксанъ, а за нимъ начинались низкія и довольно пологія горы, слѣдовало обратить серьезное вниманіе. Перекинуть пикеты за Баксанъ, такъ чтобы поставить ихъ на возвышенности, было опасно, а потому пришлось ограничиться одною лагерною цѣпью, растянутою по сю сторону рѣчки. Ночь случилась необычайно темная. Но такъ какъ нападенія ожидали только подъ утро, то въ лагерѣ царствовала нѣкоторая безпечность. А между тѣмъ едва отрядъ принялся за ужинъ, какъ вдругъ загремѣла ружейная пальба, послышался пронзительный татарскій

гикъ и барабаны по всему бивуаку забили тревогу. Дѣло было въ томъ, что горцы, спустившись съ горъ, открыли черезъ рѣчку сильный огонь по лагерю. Все это произошло такъ внезапно и безпорядокъ въ отрядѣ былъ такъ великъ, что многіе уже думали, что горцы ворвались въ лагерь. Артиллерія открыла картечный огонь на удачу. Къ счастію, гребенцы и егеря, занимавшіе лагерную цѣпь, скоро отогнали кабардинцевъ. Тѣмъ не менѣе тревоги возобновлялись въ теченіе ночи нѣсколько разъ, и отрядъ до утра стоялъ подъ ружьемъ. Подъ утро все успокоилось, и развѣдка, произведенная изъ лагеря, показала, что только верстахъ въ 8 отъ Баксана, въ большомъ аулѣ, сосредочено сильное скопище горцевъ.

На слѣдующій день большая часть отряда отправилась на линію, препровождая туда громадное количество отбитаго скота, а другая часть, меньшая, осталась на Баксанѣ для наблюденія за горцами. Лагерь отодвинули отъ рѣчки ближе къ скаламъ, но пули нерѣдко долетали и туда, такъ что въ отрядѣ случались раненые. „Не было ночи,—говоритъ одинъ изъ участниковъ этой экспедиціи:—чтобы не было тревоги. Секреты такъ и лежали со взведенными курками, и какъ только на томъ берегу появлялась вспышка, обозначавшая выстрѣлъ, наши со всѣхъ сторонъ гремѣли залпами. При непроницаемой темнотѣ кавказскихъ ночей такая перестрѣлка представляла чудный эффектъ, и невозможно было ею довольно налюбоваться“.

Однажды случилось дѣло и болѣе серьезное. Горцы среди бѣлаго дня напали на фуражировъ; устроивъ засаду и пропустивъ мимо себя авангардъ, они бросились на вьюки и обозы, поставя колонну въ такое положеніе, что Глазенапъ долженъ былъ вести въ бой почти весь свой отрядъ. Но то были уже послѣднія вспышки возстанія. Громадныя потери, понесенныя въ битвахъ, а главное захватъ скота и табуновъ, заставилъ кабардинцевъ смириться. Главные вожаки ихъ, владѣтельные князья, ушли за Кубань; остальные просили пощады.

Глазенапъ привелъ ихъ къ присягѣ на подданство Россіи, взялъ аманатовъ, ввелъ родовые суды, и ограничился наказаніемъ только главнѣйшихъ зачинщиковъ бунта.

Двукратный походъ въ Кабарду и усмиреніе закубанскихъ горцевъ доставили Глазенапу орденъ св. Анны 1-й степени, украшенный алмазами; а вслѣдъ затѣмъ и орденъ св. Владиміра 2-го класса *).

Возвратившись въ Георгіевскъ, Глазенапъ былъ встрѣченъ потрясающимъ извѣстіемъ о появленіи тамъ чумы, завезенной астраханскою почтой. При самомъ разборѣ пакетовъ, помощникъ почтмейстера вдругъ почувствовалъ припадокъ страшной болѣзни, а вмѣстѣ съ нимъ заболѣли и умерли всѣ тѣ, которые помогали ему. Явились мортусы и крючьями стащили въ кучу тѣла, чемоданы, бумаги и проч. Но предосторожность не помогла, и болѣзнь съ необычайною быстротою распространилась по городу. Всякое утро прибавлялось

*) Памятникомъ этихъ походовъ въ Кабарду остались незатѣйливыя солдатскія пѣсни, которыми старые кавказцы любили закрѣплять свои боевые подвиги. Вотъ одна изъ нихъ:

«Кабардинцы, вы не чваньтесь,
Ваши панцыри намъ прахъ;
Лучше всѣ въ горахъ останьтесь,
Чѣмъ торчать вамъ на штыкахъ.
На коняхъ своихъ лихватскихъ
Вы летали, какъ чернъ-вранъ,
Но споткнулись на казацкихъ
Дротикахъ, крича яманъ.
Бусурманы — не гордитесь
Вы булатомъ и конемъ,
Златомъ, сребромъ поступитесь,
И къ землѣ склонясь челомъ,
Александра умоляйте
О пощадѣ вашихъ дней
И колѣна преклоняйте
Предъ великимъ изъ царей.
Онъ вамъ дастъ благословенье,
Миръ, щадя своихъ людей,
Вашей кротостью смягченный,
Не лишитъ васъ ясныхъ дней.
Вы-жъ гоните къ намъ въ подарокъ
Воловъ жирныхъ и овецъ,
Намъ ихъ нравится поярокъ
И опоекъ отъ тѣлецъ.
Мы за ваше здѣсь здоровье
Кашу масломъ обольемъ;
На углахъ мясца коровья
Мы поджаримъ и попьемъ.

по нѣскольку домовъ, забитыя двери и окна которыхъ служили нѣмыми, но громкими свидѣтельствами о безпощадной гостьѣ. Каждый вечеръ въ особыхъ балаганчикахъ сожигалось имущество, оставшееся послѣ умершихъ, и по этой адской иллюминаціи всѣ узнавали о числѣ погибшихъ. Лейбъ-эскадронъ Нижегородскаго полка, предметъ особыхъ попеченій Глазенапа, также подвергся заразѣ. Въ отчаяніи Глазенапъ, желая спасти эскадронъ, приказалъ вывести его въ тотъ же день въ лагерь и тамъ совершенно прекратить всѣ сообщенія между людьми, устроивъ для каждаго отдѣльный шалашикъ. Двѣ недѣли провели драгуны въ этомъ ка-

---

Когда хочите, идите
Кабардинцы къ намъ сюда,
Но свои дары несите,
А то будетъ вамъ бѣда!
Безъ даровъ мы васъ не примемъ,
Намъ не нуженъ супостатъ;
Принесите — васъ обнимемъ,
Скажемъ: сядь любезный сватъ!»

Другую пѣсню солдаты сложили, возвращаясь изъ похода.

«Кабардинцевъ побѣдивши,
Мы въ обратный путь идемъ;
Ихъ ручьями кровь пролившии,
Сладостно награды ждемъ,
Что нашъ царь благословенный
Обратитъ на насъ свой взглядъ.
На вѣнки изъ лавръ сплетенны
Къ намъ прольетъ дары наградъ.
Торжествуй, нашъ православный
Небесамъ любезный царь!
Мы свершили подвигъ славный,
Славься, славься государь!
Пускай врагъ теперь трепещетъ,
Чтетъ тебя и твой законъ,—
Удивленны взоры мещетъ,
Что попранъ тобою онъ!
И всегда попранъ онъ будетъ,—
Коль владѣешь нами ты,
Твоей славы не забудетъ
И оставитъ всѣ мечты,
Чтобы съ русскими сразиться
Онъ когда лишь только могъ.
Благодать съ тобою зрится
И помощникъ съ нами Богъ!»

рантинномъ заключеніи, и болѣзнь прекратилась; но въ Кавказскомъ полку она свирѣпствовала съ ужасающею силой.

Въ городѣ господствовала паника. Никто не зналъ, что дѣлать и какія брать предосторожности. Доктора боялись подходить къ больнымъ, и тѣ нерѣдко безпомощно умирали на улицахъ. Глазенапу стоило большого труда ввести порядокъ, учредить больницы и открыть карантины. Къ счастію, онъ нашелъ себѣ отличныхъ помощниковъ въ лицѣ двухъ медиковъ Гинафельда и Геера, которые цѣлый день разъѣзжали по городу, посѣщали карантины, входили въ зачумленные дома и помогали больнымъ на улицахъ. И судьба, къ счастію, хранила отъ гибели этихъ друзей человѣчества, заслуживающихъ всеобщую признательность и удивленіе *).

Чума распространилась между тѣмъ по Большой Кабардѣ, по линіи, по крестьянскимъ селеніямъ, и Глазенапъ самъ ѣздилъ по краю, чтобы слѣдить вездѣ за строгимъ соблюденіемъ карантинныхъ правилъ.

А на пограничной линіи и теперь, особенно въ кордонномъ участкѣ полковника Сталя, между Моздокомъ и Екатериноградомъ, шли своимъ чередомъ небольшія, но тревожныя дѣйствія. Чеченцы то мелкими, то болѣе крупными партіями врывались въ русскіе предѣлы, держа въ постоянномъ напряженіи кордонную линію. Вотъ нѣсколько наиболѣе выдающихся случаевъ, характеризующихъ эту разбойничью войну.

Однажды, въ темную майскую ночь, трое чеченцевъ подкрались къ посту, стоявшему при самомъ сліяніи Малки съ Терекомъ, и дали выстрѣлъ по часовому. Донской урядникъ Щепакинъ съ десятью казаками пустился за ними въ погоню. Увлекшись и проскакавъ уже верстъ двадцать, донцы вдругъ замѣтили сильную конную партію, несшуюся наперерѣзъ ихъ отступленію. Попавшіе въ бѣду молодцы мгновенно сообразили, что надо дѣлать. Видя, что имъ не устоять въ открытомъ полѣ, даже и спѣшившись, ка-

*) Гинафельдъ и Гееръ были полковые врачи—первый Казанскаго, а второй Нижегородскаго полковъ. По ихъ словамъ, чтобы предохранить себя отъ заразы, они безпрерывно курили табакъ, нюхали уксусъ четырехъ разбойниковъ, обмывали имъ руки и носили бѣлье, пропитанное деревяннымъ масломъ.

заки оставили въ добычу чеченцамъ своихъ лошадей, а сами бросились въ молодой, частый дубнякъ, засѣли въ кусты и, несмотря на то, что на каждаго изъ нихъ приходилось по 20 чеченцовъ, отсидѣлись, потерявъ двухъ казаковъ убитыми.

Подобныя обороны, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, вовсе не были рѣдкими, исключительными случаями. Отважные и смѣлые въ открытомъ бою, и казаки, и горцы неохотно рисковали собою въ этихъ глухихъ безвѣстныхъ бояхъ, зная, во что обходится противникамъ жизнь даже одного человѣка, засѣвшаго съ рѣшимостью не даться въ руки живымъ.

Разсказывали въ то время, что на Кубани, у Лихачева, случилось слѣдующее происшествіе:

Два горца залегли въ лѣсу за колодой, и ровно 12 часовъ отстрѣливались поочередно,—какъ говорится, черезъ ружье,—отъ цѣлой сотни донскихъ казаковъ Аханова полка; много донцовъ было перебито, и, по всей вѣроятности, исторія эта тянулась бы долго, если бы не подоспѣли линейцы. Линейцамъ удалось наконецъ выманить у противника оба выстрѣла разомъ и тогда, бросившись въ шашки, они покончили съ горцами прежде, чѣмъ тѣ успѣли вновь зарядить свои винтовки.

Въ другой разъ партія человѣкъ въ 11, пробравшись между Моздокомъ и Екатериноградомъ, кинулась внутрь линіи на берега Кумы, къ Маджарамъ. Довольно взглянуть по картѣ на разстояніе между Кумою и Терекомъ, чтобы понять всю дерзость подобнаго набѣга. И чеченцамъ на этотъ разъ не посчастливилось; слѣды ихъ скоро были открыты, и преслѣдованіе по свѣжей „сакмѣ“ началось съ разныхъ пунктовъ кордонной линіи. Чеченцы во-время увидѣли опасность и поспѣшили по добру по здорову убраться во свояси. Долго летѣли они стрѣлою на своихъ легкихъ коняхъ, и неизмѣнные кони, будучи двое сутокъ въ ѣздѣ и безъ корму, стали наконецъ измѣнять имъ. Чеченцы остановились, зарѣзали своихъ лошадей и скрылись въ первую глубокую яму, попавшуюся имъ на дорогѣ. Линейцы оцѣпили ихъ. И между тѣмъ какъ число казаковъ постепенно прибывало, чеченцы продолжали стрѣльбу до тѣхъ поръ, пока наконецъ газыри ихъ не опустѣли. Тогда они разбили о камни свои пистолеты и ружья, переломали шашки и

остались съ одними кинжалами. Наступила минута рокового зловѣщаго затишья. Казаки поняли въ чемъ дѣло и бросились цѣлою массой... Смутный гулъ рукопашной схватки, дикіе крики и нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ—вотъ все, что долетѣло со дна страшной ямы, и черезъ минуту въ ней стало тихо и безмолвно по прежнему.

Съ такими противниками, какъ горцы, возиться было не легко, и казакамъ необходимо было имѣть необычайную осторожность—иначе за каждый промахъ имъ приходилось расплачиваться кровью или имуществомъ. Вотъ что случилось разъ въ окрестностяхъ самаго Екатеринограда. Чеченцы подкараулили солдата, безпечно ѣхавшаго съ мельницы, взяли его въ плѣнъ и вывѣдали угрозами, гдѣ пасется станичный табунъ, велико ли при немъ прикрытіе, какъ много казаковъ въ станицѣ и т. п. Узнавъ, что старые казаки были почти поголовно въ походѣ и что табунъ находится подъ присмотромъ казачатъ-малолѣтокъ, 80 чеченцовъ рѣшились ночью сдѣлать нападеніе.

Половина партіи переплыла за Малку, другая — осталась на той сторонѣ, чтобы перенять табунъ за рѣкою. Стояла поздняя осень; ночи были темныя, длинныя, и чеченцы имѣли достаточно времени, чтобы для удобнѣйшаго угона табуна прорубить кинжалами широкую просѣку въ прибрежномъ кустарникѣ. Не ожидая встрѣтить сопротивленія со стороны казачатъ, чеченцы передъ свѣтомъ подъѣхали къ табуну, гикнули, и кони, вспугнутые ружейнымъ выстрѣломъ, шарахнулись въ стороны. Бойкіе казачата однако открыли такой огонь, что сразу перебили и переранили многихъ чеченцевъ, а одинъ малолѣтокъ взвился на коня и полетѣлъ въ станицу дать знать о нападеніи. Но въ станицѣ уже услыхали ружейную пальбу, и конный резервъ несся оттуда во всѣ повода на мѣсто происшествія. Съ другихъ постовъ также скакали резервы, а къ особенному несчастію чеченцовъ, у казаковъ нашлись подъ рукой и бударки, и лодки. Станичный начальникъ Лучкинъ, опытный волжскій боецъ, гроза кабардинскихъ наѣздниковъ, принялъ на себя распоряженіе всѣми рѣчными и сухопутными казачьими силами. По его указанію цѣлая флотилія мелкихъ судовъ всевозможныхъ видовъ и формъ пустилась внизъ по теченію Те-

река—и какъ разъ успѣла перенять переправу. Съ разгона врѣзалась она въ густую плывшую толпу и казаки принялись чѣмъ ни попало—и веслами и баграми—глушить чеченцевъ, какъ красную рыбу. Чеченцамъ на плову защищаться было невозможно, и рѣка мгновенно обагрилась ихъ кровью, и мутныя волны Терека понесли множество труповъ и людскихъ, и конскихъ къ далекимъ берегамъ Каспійскаго моря... Ни одному изъ чеченцевъ не удалось достигнуть противнаго берега.

Но этимъ дѣло еще не кончилось. Въ то время, какъ шло рѣчное сраженіе, самъ Лучкинъ съ конными резервами переправился выше этого мѣста и бросился на партію, скрывавшуюся на томъ берегу. Къ казакамъ вскорѣ присоединились два эскадрона нижегородскихъ драгунъ. Чеченцы бѣжали, оставивъ въ добычу много лошадей и оружія.

При дѣлежѣ добычи, Лучкину достался вороной кабардинскій конь, легкій, какъ птица, скакавшій безъ одышки и топота, точно онъ несся по воздуху. И съ этихъ поръ Лучкина постоянно видѣли уже на этомъ конѣ, сдѣлавшемся предметомъ зависти цѣлой линіи.

Въ февралѣ 1806 года до Глазенапа вдругъ между тѣмъ дошли неясные слухи, что князь Циціановъ убитъ, и что войска, ходившія съ нимъ въ Баку, отступили неизвѣстно куда. Какъ старшій въ краѣ генералъ, онъ былъ сильно встревоженъ этимъ извѣстіемъ и тотчасъ донесъ государю. Изъ Петербурга пришло ему повелѣніе вступить въ управленіе краемъ, впредь до назначенія новаго главнокомандующаго; а между тѣмъ фельдъегеря летали безпрестанно съ вопросами о войскахъ, пропавшихъ безъ вѣсти, пока наконецъ не было получено извѣстіе отъ генерала Завалишина, что онъ находится съ войсками на островѣ Сарѣ.

Принявъ главное начальство надъ краемъ и предоставивъ распоряжаться въ Грузіи генералъ-маіору Несвѣтаеву, Глазенапъ собралъ отрядъ на линіи и вышелъ въ походъ на Дербентъ и Баку, чтобы прежде всего отомстить за смерть Циціанова и загладить невыгодное впечатлѣніе отъ его неудачи. Цѣль похода сохранялась въ глубокой тайнѣ и, кромѣ Глазенапа да двухъ-трехъ приближенныхъ лицъ, никому не была извѣстна; а изъ предосторожности

всѣ письма и бумаги, шедшія къ кумыкамъ или чеченцамъ, перехватывались. Вотъ уже русскій отрядъ прошелъ аксаевскія владѣнія, перешелъ Сулакъ и сталъ подъ Тарками, главнымъ городомъ шамхальскихъ владѣній.

Шамхалъ тарковскій, въ русскомъ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ и въ александровской лентѣ, сдѣлалъ отряду парадную встрѣчу; но тактичный Глазенапъ самъ представился ему съ почетнымъ рапортомъ, и этимъ разсчетливымъ вниманіемъ такъ расположилъ къ себѣ тщеславнаго владѣльца, что тотъ охотно согласился даже принять участіе въ походѣ.

Слыша постоянныя напоминанія, что онъ генералъ, шамхалъ цѣлый день не снималъ мундира и рѣшился на этотъ разъ стряхнуть съ себя даже всѣ узы азіятскихъ обычаевъ. По окончаніи роскошнаго обѣда, къ которому приглашены были всѣ русскіе офицеры, онъ предложилъ гостямъ показать свой гаремъ, куда еще ни разу не проникала нога невѣрнаго.

Строеніе гарема было двухъ-этажное, съ узорными окнами и красивыми галлереями, и занимало три стороны обширнаго двора, посреди котораго находился бассейнъ, изящно отдѣланный тесанымъ камнемъ. Здѣсь красавицы гарема купались и играли въ водѣ на глазахъ своего повелителя. На этотъ разъ одалиски, нарядно одѣтыя въ свои живописные фантастическіе костюмы, стояли длиннымъ рядомъ вдоль галлереи, съ опущенными внизъ взорами. Шамхалъ приказалъ имъ снять покрывала, и русскіе офицеры увидѣли рядъ стройныхъ красавицъ съ черными и огненными глазами. Скромный генералъ какъ ни отшучивался, но долженъ былъ, по неотступному требованію шамхала, указать наконецъ на одну черкешенку, которая ему нравилась болѣе другихъ.

Такимъ образомъ въ Таркахъ присоединилась къ русскому отряду милиція шамхала; но цѣль похода оставалась для всѣхъ попрежнему загадкою. Притомъ никто не могъ предполагать, что горсть русскихъ войскъ идетъ покорять Дербентъ—твердыню, которую Петръ Великій и графъ Зубовъ осаждали съ цѣлыми арміями.

Въ Дербентѣ же въ это время господствовало всеобщее неудовольствіе противъ правителя, извѣстнаго Шейхъ-Али-хана, и Глазенапъ основывалъ именно на этомъ обстоятельствѣ весь успѣхъ

своей экспедиціи. Онъ зналъ, что Шейхъ-Али совершенно погрязъ въ порокахъ и проводитъ развратную жизнь, тяжело отзывающуюся на всѣхъ его подданныхъ. Обременяя населеніе огромными налогами, отнимая дочерей и женъ, онъ предавалъ ужаснымъ казнямъ почетнѣйшихъ людей изъ духовенства и бековъ, осмѣливающихся говорить ему правду. Негодованіе противъ него въ народѣ росло и, наконецъ, переходило мало по малу въ открытый ропотъ.

Шамхалъ тарковскій искусно подстрекалъ начавшееся волненіе и едва русскія войска показались на границѣ Дербентскаго ханства, какъ въ городѣ вспыхнулъ мятежъ, и растерявшійся ханъ вынужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Дербентъ сдался Глазенапу безъ боя и 22 іюня встрѣтилъ русскія войска, какъ своихъ избавителей. Все пространство между отрядомъ и городомъ покрылось народомъ, образовавшимъ изъ себя живую улицу. Серебряные ключи отъ города поднесъ Глазенапу тотъ самый, теперь уже столѣтній старецъ, который подносилъ ихъ Петру и графу Зубову. На слѣдующій день всѣ жители приведены были къ присягѣ, и послѣ торжественнаго молебствія, при громѣ пушекъ, русскій флагъ побѣдно взвился надъ главною башней Дербентской цитадели, Нарынъ-Кале.

Зная важность и силу Дербента съ одной стороны, и слабость русскаго отряда — съ другой, трудно было повѣрить, что покореніе Дербента — совершившійся фактъ. „И какъ пріятно было — говоритъ участникъ этого похода: — смотрѣть на нашего почтеннаго начальника, незабвеннаго Григорія Ивановича, принимавшаго съ добродушною улыбкою общее поздравленіе и удивленіе“. Покореніе Дербента, съ тѣхъ поръ уже не выходившаго изъ-подъ власти Россіи, дѣйствительно составляетъ наилучшій памятникъ, который воздвигъ себѣ на Кавказѣ Глазенапъ. Государь пожаловалъ ему табакерку, осыпанную бриллiантами, и три тысячи рублей пожизненной пенсіи.

Изъ-подъ Дербента Глазенапъ командировалъ между тѣмъ съ частью отряда своего достойного сподвижника по линіи, генералъ-маіора Мейера, для изгнанія Сурхая-хана казыкумыкскаго, появившагося въ Табасаранскихъ владѣніяхъ, и Мейеръ блистательно исполнилъ порученіе.

Между тѣмъ Куба и Баку, устрашенные паденіемъ Дербента, также засылали депутатовъ съ просьбою о принятіи ихъ въ подданство. Глазенапъ ожидалъ только прибытія Каспійской флотиліи, чтобы продолжать военныя дѣйствія, — но судьба рѣшила иначе. На Кавказъ прибылъ уже новый главнокомандующій, графъ Гудовичъ, не любившій Глазенапа еще по какимъ-то частнымъ отношеніямъ со временъ Румянцева, и немедленно по прибытіи въ Георгіевскъ послалъ приказаніе, чтобы отрядъ Глазенапа не трогался изъ-подъ Дербента впредь до прибытія туда генерала Булгакова, которому и поручались дальнѣйшія дѣйствія. Такъ, среди блестящихъ успѣховъ и общаго непритворнаго сожалѣнія въ войскахъ, терявшихъ любимаго начальника, оканчивалась дѣятельность Глазенапа. Онъ имѣлъ однако утѣшеніе видѣть, что планъ его похода утвержденъ, хотя и не ему суждено было привести его въ исполненіе до конца.

По сдачѣ команды надъ отрядомъ, Глазенапъ добровольно остался при войскахъ и подъ начальствомъ Булгакова участвовалъ въ покореніи Баку и Кубинскаго ханства. Въ Баку купцы и граждане подвели въ подарокъ всѣмъ генераламъ дорогихъ персидскихъ жеребцовъ; но Глазенапъ, по принципу не бравшій никогда ничего, что ему не принадлежало по неоспоримому праву, одинъ не принялъ подарка. Подобныя правила переходили у Глазенапа въ педантство; съ ними онъ прожилъ всю свою жизнь, съ ними и умеръ, бѣдный, какъ солдатъ, но съ чистою и спокойною совѣстію.

Отлично понимая положеніе края, Глазенапъ письмомъ изъ Кубы совѣтовалъ графу Гудовичу послать войска на Эривань, ручаясь за успѣхъ. Ту же самую мысль, нужно сказать, проводилъ и Несвѣтаевъ. Но графъ предоставилъ честь покоренія Эривани лично себѣ, а отряду приказалъ возвратиться на линію. Извѣстны печальныя послѣдствія, которыми сопровождался походъ Гудовича на Эривань, благодаря потерѣ благопріятнаго времени.

По возвращеніи войскъ изъ-подъ Дербента, начальникомъ Кавказской линіи назначенъ былъ генералъ Булгаковъ, а Глазенапъ отправился въ отпускъ, будучи оскорбленъ отношеніями къ нему графа Гудовича.

Какъ шефъ Нижегородскаго драгунскаго полка, Глазенапъ,

по истеченіи срока отпуска, снова вернулся на Кавказъ и поселился въ Георгіевскѣ. Не занятый теперь массою дѣлъ, Глазенапъ старался соединить около себя городское общество, устраивалъ концерты, пѣніе, танцы, давалъ балы, очаровывая всѣхъ своею любезностью. Но это была послѣдняя зима, проведенная имъ на Кавказѣ. 4-го февраля 1807 года онъ былъ назначенъ инспекторомъ Сибирской инстанціи и начальникомъ Сибирской линіи, а званіе шефа Нижегородскаго драгунскаго полка перешло отъ него къ полковнику Сталю.

Благородный Сталь, какъ только узналъ о своемъ назначеніи, тотчасъ поспѣшилъ въ Георгіевскъ и явился къ Глазенапу. „Вотъ рапортъ о состояніи полка, а вотъ квитанція въ исправномъ его пріемѣ отъ васъ“, сказалъ онъ, подавая ему бумаги. Глазенапъ, пріятно удивленный, отвѣчалъ: «Вы, Карлъ Федоровичъ, еще не осмотрѣлись и, можетъ быть, найдете нѣкоторые недостатки». Сталь возразилъ на это, что проситъ считать дѣло между ними оконченнымъ.

Въ Сибири дѣятельность Глазенапа была направлена исключительно на мирное развитіе страны и въ особенности на устройство внутренняго быта Сибирскаго казачьяго войска. Въ этотъ мирный періодъ своей жизни онъ получилъ отъ государя бриллiантовую табакерку съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Величества и орденъ св. Александра Невскаго, а 25 декабря 1815 года назначенъ командиромъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса.

Въ этомъ званіи Глазенапъ пробылъ четыре года, и 10 марта 1819 года скончался въ г. Омскѣ, на 69-мъ году отъ рожденія. Надъ гробомъ его стоитъ скромный памятникъ, представляющій собою высокую бѣлую пирамиду сибирскаго мрамора, обнесенную чугунною рѣшеткой съ бронзовыми украшеніями и фамильнымъ гербомъ. Надпись на этомъ памятникѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ воздвигнутъ „признательными подчиненными въ память любимому начальнику“.

XLVIII.

Генералъ-маіоръ Лихачевъ.

Петръ Гавриловичъ Лихачевъ—одинъ изъ доблестныхъ бойцовъ великой Бородинской битвы. Но его извѣстность началась гораздо раньше, во время службы его на Кавказской линіи, гдѣ, въ скромномъ званіи командира полка, онъ пріобрѣлъ такую популярность, которой могли позавидовать и болѣе крупные дѣятели кавказской войны.

Лихачевъ началъ военную службу въ 1783 году подъ начальствомъ Суворова. Въ составѣ кубанскаго корпуса онъ участвовалъ въ пораженіи ногайцевъ близъ Керменчика и получилъ тогда первую военную награду, чинъ подпоручика. Затѣмъ онъ былъ на войнѣ съ шведами, командуя одной изъ плавучихъ батарей въ отрядѣ принца Нассау-Зигена, а по заключенію мира снова перешелъ на Кавказъ, въ Кубанскій егерскій корпусъ, и дослужился тамъ до чина полковника. Въ 1798 году императоръ Павелъ произвелъ его въ генералъ-маіоры, назначивъ вмѣстѣ съ тѣмъ шефомъ 16-го егерскаго полка, который былъ тогда расположенъ на самой границѣ съ Кабардою, въ Константиногорскомъ укрѣпленіи.

Теперь лишь два небольшіе кургана, заросшіе травою, остатки

земляныхъ валовъ, нѣсколько опустѣлыхъ домиковъ да заглохшіе сады указываютъ то мѣсто, гдѣ нѣкогда стояла эта русская крѣпость. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Константиногорскъ игралъ весьма важную роль, какъ пунктъ, подъ охраною котораго находились минеральные источники Пятигорска. Собственно говоря, Пятигорска, какъ города, въ то время еще не было, и больные, пріѣзжавшіе сюда лечиться, помѣщались обыкновенно въ Константиногорскѣ, откуда каждое утро отправлялись къ источникамъ, проводили тамъ день въ калмыцкихъ кибиткахъ, а на ночь опять возвращались въ крѣпость. Множество пріѣзжихъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ условіями кавказскаго быта, почти всегда оплошныхъ и неосторожныхъ, давали возможность горцамъ разсчитывать здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, на легкую поживу, и окрестности Константиногорска пользовались на Кавказѣ весьма печальною въ этомъ смыслѣ извѣстностію.

Съ назначеніемъ Лихачева положеніе дѣлъ измѣнилось. Какъ самостоятельный начальникъ извѣстнаго района Кавказской линіи, онъ основалъ въ немъ свою военную систему не на пассивной оборонѣ, а напротивъ на нападеніи и на истребленіи врага, котораго разыскивалъ самъ, и цѣлымъ рядомъ жестокихъ пораженій, нанесенныхъ хищнымъ кабардинцамъ, скоро заставилъ ихъ далеко обходить ненавистное укрѣпленіе.

Но чтобы достигнуть этого результата, надо было поставить полкъ на высокую степень боеваго развитія, а при рутинныхъ взглядахъ, царившихъ въ арміи со временъ императора Павла, подобное дѣло было далеко не изъ легкихъ. Обычные пріемы обученія для этого совсѣмъ не годились. Здѣсь нужны были не массы, ломящія врага гранитною стѣною, не мѣрныя движенія фронта, равняющагося даже подъ картечнымъ огнемъ непріятеля, а просто русскіе лихіе бойцы, проворные и ловкіе, какъ сами кабардинцы. Лихачевъ прекрасно понялъ это, и преобладающее значеніе получили въ его войскахъ гимнастика, военныя игры, стрѣльба и примѣненіе къ мѣстности. Монотонныя строевыя ученья отошли на задній планъ, и ими занимались меньше. Но этого мало. Лихачевъ первый изъ кавказскихъ генераловъ рѣшился отступить отъ форменной одежды, допустивъ въ ней такія измѣне-

нія, которыя наиболѣе соотвѣтствовали условіямъ кавказскаго походнаго быта. Тяжелые кивера, узкіе, обтяжные мундиры, ранцы и неуклюжія патронныя сумы, привѣшенныя сзади и не допускавшія быстраго бѣга, были совершенно оставлены. Взамѣнъ ихъ на егеряхъ Лихачева появились мягкія черкесскія папахи, служившія солдату при случаѣ подушкою, просторныя зеленыя куртки, широкія того же цвѣта шаровары, упрятанныя въ сапоги выше колѣнъ, а черезъ плечо—холщевые мѣшки, пригнатые такъ, что солдатъ могъ сбрасывать ихъ для облегченія себя при каждой малѣйшей остановкѣ; затѣмъ легкій, круговой патронташъ, охватывающій талію, да ружье или штуцеръ дополняли ихъ боевое снаряженіе.

Въ этой удобной и легкой одеждѣ егеря могли бѣжать долго и шибко, такъ что на первыхъ 10—12 верстахъ обыкновенно не отставали отъ казаковъ. Возможность угнаться за коннымъ противникомъ дѣлала то, что куда бы ни обращались горскія партіи, передъ ними повсюду, какъ изъ земли, выростали егеря, имѣвшіе способность поспѣвать вездѣ, гдѣ грозила опасность. Кабардинцы приходили въ изумленіе отъ форсированныхъ маршей лихачевскаго полка и прозвали его „зеленымъ войскомъ“.

Если бы подобная энергія была достояніемъ всѣхъ частныхъ начальниковъ, то мелкія хищничества, изо дня въ день разорявшія Кавказскую линію, почти не имѣли бы мѣста. Но, къ сожалѣнію, Лихачевыхъ и на Кавказѣ было не много!

Испытанный въ одиночныхъ бояхъ небольшими частями, полкъ не замедлилъ стяжать себѣ побѣдные лавры и въ полномъ составѣ, при усмиреніи кабардинцевъ весною 1804 года. Бунтъ начался тѣмъ, что кабардинцы въ значительныхъ силахъ напали разомъ на нѣсколько пунктовъ кордонной линіи и между прочимъ на Есентукскій постъ, лежавшій близъ Кисловодска, въ раіонѣ Лихачева. Восемь донцовъ, спѣшившись и отстрѣливаясь изъ-за лошадей, оборонялись геройски, но тѣмъ не менѣе изъ восьми казаковъ—шесть было убито, и только двоихъ выручили подоспѣвшіе наконецъ резервы. Лихачевъ между тѣмъ получилъ приказаніе идти съ полкомъ въ Кабарду на соединеніе съ отрядомъ генерала Глазенапа. И вотъ, 9-го мая, въ то время, когда на Баксанѣ

завязалось серьезное дѣло, и кавалерія Лецино уже поставлена была въ критическое положеніе, неожиданно показался Лихачевъ, который велъ съ линіи свой славный 16-й егерскій полкъ. Увидѣвъ съ высоты перестрѣлку и быстро сообразивъ выгоды своего положенія, онъ перемѣнилъ направленіе и, разсыпавъ густую цѣпь, ударилъ съ такою стремительностью во флангъ и въ тылъ кабардинцамъ, что немедленно заставилъ ихъ очистить поле сраженія.

Послѣ пораженія своего на Баксанѣ, кабардинцы отступили за рѣку Чегемъ и заняли выгодную позицію на высокой горѣ, которую приходилось брать штурмомъ, и Глазенапъ вызвалъ для этого впередъ 16-й егерскій полкъ. Это было 14 мая 1804 года. „Зеленые" егеря разсыпались, припали къ землѣ и поползли къ непріятелю такъ мастерски скрытно, что издали ихъ совсѣмъ не было видно, и только одинъ Лихачевъ, спокойно ѣхавшій на маленькой бѣлой лошадкѣ, указывалъ направленіе, по которому шла атака. Когда егеря подползли уже на прицѣльный выстрѣлъ, Лихачевъ подалъ условный сигналъ, и огонь разомъ загорѣлся по всей линіи. Стрѣльба такихъ молодцовъ не могла не оказаться чрезвычайно губительною для непріятеля. Тучи свинца опустошали ряды кабардинцевъ, и люди и кони ихъ, не имѣя силъ удержаться на горѣ, скатывались внизъ подъ ноги отряда. Устоять подъ адскимъ огнемъ егерей не было возможности, и кабардинцы бѣжали, не ожидая приступа.

Когда мятежъ былъ усмиренъ и русскія войска возвращались на линію, случилось происшествіе, принадлежащее къ числу тѣхъ драматическихъ кровавыхъ эпизодовъ, которыми такъ богаты лѣтописи кавказскихъ народовъ.

Съ самаго начала похода, въ русскомъ отрядѣ былъ виденъ кабардинскій князь Росламбекъ Мисостовъ, считавшійся полковникомъ въ лейбъ-гвардіи казачьемъ полку и принадлежавшій къ одной изъ лучшихъ кабардинскихъ фамилій. Вдругъ, къ общему изумленію, онъ скрылся изъ лагеря. Оказалось, что Росламбекъ бѣжалъ за Кубань вмѣстѣ съ подвластными ему аулами, и что мотивомъ къ тому послужила „канла", кровомщеніе за смерть родного племянника, убитаго въ одномъ изъ кабардинскихъ набѣговъ на линію.

Чтобы воспрепятствовать кабардинскимъ ауламъ уйти за Кубань, Глазенапъ тотчасъ отрядилъ полкъ Лихачева въ погоню за Росламбекомъ. Лихачевъ форсированнымъ маршемъ дошелъ до верховьевъ Кубани, и здѣсь, у Каменнаго Моста, черезъ который идетъ извѣстная торговая дорога, узналъ, что Росламбекъ стоитъ за рѣкою съ большой партіей, къ которой примкнули не только кабардинцы, но закубанскіе черкесы и даже ногайцы. Это не остановило предпріимчиваго генерала. Но едва онъ перешелъ за Кубань, какъ былъ атакованъ громадными силами горцевъ. Трое сутокъ сряду сражался Лихачевъ, со свойственною ему отвагою, но, подавленный многочисленностью враговъ, вынужденъ былъ наконецъ начать отступленіе. Непріятель отчаянно преслѣдовалъ его въ теченіе цѣлаго дня, и хотя егеря отбили нападеніе, но при обратной переправѣ черезъ Каменный Мостъ, когда завязалась общая рукопашная свалка, одно изъ нашихъ орудій свалилось въ рѣку и было потеряно.

На другой день самъ Росламбекъ предложилъ заключить перемиріе и, говоря о своемъ раскаяніи, просилъ личнаго свиданія съ Лихачевымъ одинъ на одинъ. Лихачевъ, ни мало не колеблясь, поѣхалъ къ Каменному Мосту и встрѣтилъ тамъ Росламбека. Свиданіе имѣло совершенно дружественный характеръ. Росламбекъ старался оправдать свои поступки тѣмъ, что онъ, какъ мусульманинъ, не могъ оставить безъ отмщенія смерть роднаго племянника, но что теперь, когда кровь пролита, онъ вмѣстѣ съ оставшимися при немъ кабардинцами готовъ возвратиться и быть по прежнему вѣрнымъ слугою русскаго царя. Онъ объявилъ между прочимъ, что затонувшее орудіе приказалъ разыскать, такъ какъ ему хорошо извѣстна отвѣтственность за подобную потерю.

Прямодушный и честный Лихачевъ повѣрилъ словамъ Росламбека и на слѣдующій день выслалъ къ Кубани для отысканія орудія роту капитана Волкова и 35 казаковъ подъ общею командою маіора Пирогова. При отрядѣ находился и самъ Росламбекъ съ двумя узденями и переводчикомъ. По его указанію, егеря и казаки, оставивъ оружіе, спустились къ рѣкѣ и, не подозрѣвая измѣны, принялись разыскивать пушку. Вдругъ Росламбекъ два раза махнулъ своею плетью и пустился скакать.... Это условный

сигналъ, по которому засада, лежавшая у самаго берега, съ гикомъ бросилась на солдатъ, и въ общемъ смятеніи все, что было въ рѣкѣ, не успѣвъ добѣжать до оружія, было изрублено. Маіоръ Пироговъ, бывшій на лихомъ персидскомъ жеребцѣ, понесся въ лагерь, но былъ настигнутъ и убитъ наповалъ выстрѣломъ изъ пистолета. Общей участи избѣгли только Волковъ и 9 егерей которые, засѣвъ въ кустахъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ отбивались отъ яростныхъ нападеній горцевъ. Всѣ они были ранены по нѣскольку разъ, но не сдались и были выручены подоспѣвшею изъ лагеря помощью. Росламбекъ остался въ горахъ и съ тѣхъ поръ сдѣлался однимъ изъ самыхъ отчаянныхъ и бѣшеныхъ абрековъ.

Всю зиму егеря Лихачева провели на Кубанской линіи. Большихъ военныхъ дѣйствій не было, но шла та мелкая война, которая со стороны ея участниковъ требовала не только не меньшаго, но пожалуй еще и большаго героизма, чѣмъ большія сраженія. Егеря то отражали набѣги, то сами переходили за Кубань и вносили оружіе въ недоступныя дотолѣ горныя ущелья.

Къ этому времени относится одно романическое приключеніе, показывающее, что русскія завоеванія и даже просто близкое присутствіе русскихъ отрядовъ не оставались безъ вліянія на самые нравы горцевъ. И если одни изъ нихъ, подобно Росламбеку, бѣжали отъ насъ за Кубань, то другіе, напротивъ, перебѣгали изъ-за Кубани на русскую сторону и искали у чужеземцевъ защиты и покровительства противъ стѣснительныхъ обычаевъ родины. Съ этой точки зрѣнія описываемое происшествіе не лишено интереса.

Въ 1804 году, одинъ изъ враждебныхъ Россіи князей, Атажукинъ, сдѣлалъ набѣгъ на кистинъ, съ которыми имѣлъ старые счеты за ихъ грабежи и за то, что кистины давали у себя убѣжище бѣглымъ кабардинскимъ холопамъ. Набѣгъ былъ удаченъ; но самъ князь едва не погибъ въ рукопашной схваткѣ и даже погибъ бы непремѣнно, если бы одинъ молодой уздень, по имени Джембулатъ, не заслонилъ его своею грудью. Джембулатъ былъ опасно раненъ, и старый князь, признательный ему за свое спасеніе, лечилъ храбраго юношу въ своей собственной саклѣ.

Единственная дочь князя, красавица Цхени, ухаживала за больнымъ. И это обстоятельство, при той свободѣ, которою пользуются черкесскія дѣвушки, послужило началомъ сердечнаго сближенія между двумя молодыми людьми. Но рука княжеской дочери не могла принадлежать простому узденю, — мѣстные обычаи совершенно не допускали подобнаго союза; и Джембулатъ, и Цхени, и старый отецъ, видѣвшій зарождавшуюся любовь своей дочери, и не имѣвшій воли перервать ее въ самомъ началѣ, — были равно несчастны. Рука Цхени уже была притомъ обѣщана сыну сосѣдняго владѣльца, и если бы старый князь не сдержалъ своего слова, то не только покрылъ бы позоромъ свои сѣдины, но и навлекъ бы на себя неумолимое мщеніе. „Подвижная стѣна кинжаловъ и шашекъ—говорилъ самъ князь:—заблеститъ тогда вокругъ моего аула, и онъ будетъ сравненъ съ землею“.

Не веселые дни переживались въ семьѣ Атажукина. Разъ, чтобы нѣсколько разсѣяться, старый князь, въ сопровожденіи узденей, и между ними Джембулата, поѣхалъ на охоту. На охотѣ этой суждено было окончиться печальнымъ образомъ. Преслѣдуя по лѣсу дикаго звѣря, охотники внезапно наткнулись на какую-то блуждавшую за Кубанью казацкую партію — и мѣткая казачья пуля положила на мѣстѣ стараго князя. Казаки хотѣли было захватить его тѣло, но Джембулатъ отстоялъ его и повезъ въ аулъ на своемъ сѣдлѣ.

Подъѣзжая къ родному селенію, Джембулатъ послалъ одного изъ своихъ товарищей предупредить княжну о постигшемъ ее несчастіи, а партія между тѣмъ остановилась у источника, чтобы обмыть тѣло князя, покрытое пылью и кровью. Скоро слухъ о печальномъ происшествіи облетѣлъ весь аулъ, и жители сбѣжались къ источнику. Цхени была тутъ же; она съ рыданіемъ кинулась на трупъ отца и съ горькимъ упрекомъ сказала Джембулату:

„Джембулатъ! Гдѣ была твоя храбрость, если ты не спасъ своего князя?

— Цхени! — отвѣчалъ юноша:—пуля быстрѣе кинжала; но я сберегъ тебѣ утѣшеніе плакать надъ его могилою.

Медленно возвращалась въ аулъ печальная процессія и каждый добивался чести нести, въ свою очередь, смертные останки

храбраго князя. А на слѣдующій день, едва совершился обрядъ погребенія, какъ на совѣтѣ старшинъ было положено, чтобы Цхени вышла замужъ за сына сосѣдняго князя, Бекъ-Мирзу-Арслангира, котораго народъ вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ признать своимъ законнымъ владѣльцемъ—преемникомъ умершаго князя, не оставившаго послѣ себя мужского поколѣнія. Цхени должна была пожертвовать собою обычаямъ родины.

День брака приближался. Старинная дружба двухъ княжескихъ фамилій должна была еще болѣе утвердиться союзомъ, основаннымъ на общихъ желаніяхъ и выгодахъ. Но въ самую полночь, наканунѣ свадебнаго дня, Цхени исчезла изъ сакли. Въ лѣсу ожидалъ ее Джембулатъ; онъ быстро схватилъ ее къ себѣ на сѣдло,—и рѣзвый конь понесъ ихъ къ русской границѣ. Скакали всю ночь. Но вотъ, на востокѣ обозначилось близкое появленіе зари. Джембулатъ сдержалъ коня, чтобы дать ему вздохнуть, и поѣхалъ шагомъ. Но вдругъ глухой шумъ вдали поразилъ его; онъ сталъ прислушиваться. „Это шумъ горнаго источника—сказала ему Цхени:—въ тишинѣ ночи онъ слышенъ далеко“.

— Нѣтъ! это погоня!—отвѣчалъ встревоженный Джембулатъ, и пустилъ коня во весь опоръ.

Тѣни ночи постепенно уступали мѣсто восходящему дню; яснѣе и яснѣе слышался топотъ погони; вотъ она уже показалась изъ-за ближняго холма,—и теперь никакая быстрота коня не могла уже спасти бѣглецовъ. Еще нѣсколько минутъ, и они очутились бы въ рукахъ разъяренныхъ враговъ. Тогда, рѣшившись на послѣднее средство, Джембулатъ вскочилъ на высокій утесъ, грозно вздымавшійся надъ быстрыми, клокочущими волнами Кубани... Только одна минута раздумья—и Джембулатъ поднялъ на дыбы коня, накинулъ на голову ему бурку, и крикнувъ: „Цхени! закрой глаза!“—ринулся съ двѣнадцати-саженной высоты внизъ, въ кипящую пучину.

Пораженные черкесы остановились на краю утеса, и у всѣхъ мелькнула одна и та же мысль: „погибъ“. Но еще мгновеніе—и всѣ увидѣли ясно, какъ посреди пѣнистыхъ волнъ вынырнулъ конь, и на темномъ фонѣ рѣки обрисовалась фигура плывущаго всадника. Градъ пуль осыпалъ бѣглецовъ, но ни одна изъ нихъ

не попала въ цѣль, и Джембулатъ достигъ противуположнаго берега. Но здѣсь ему грозила новая опасность. Выстрѣлы вызвали тревогу на окрестныхъ постахъ, и линейные казаки уже неслись со всѣхъ сторонъ. Одиночнаго всадника легко можно было принять за вожака непріятельской партіи, переправляющейся на русскую сторону,—и въ рукахъ казаковъ уже засверкали ружья. Находчивая Цхени сорвала съ себя бѣлую чадру и стала махать ею по воздуху. Подскакавшіе казаки съ удивленіемъ увидѣли всадника и женщину. Когда они узнали въ чемъ дѣло, когда измѣрили глазами грозный утесъ, высившійся на томъ берегу Кубани, они могли оцѣнить весь героизмъ Джембулата, и отважный юноша сразу завоевалъ себѣ ихъ симпатіи. Но предметомъ особеннаго восхищенія сталъ вѣрный товарищъ Джембулата, его добрый конь; казаки обступили его, не могли на него наглядѣться, не могли нахвалиться имъ, разговаривали съ нимъ, какъ будто съ товарищемъ.

Объ этомъ происшествіи донесено было императору Александру, и Джембулатъ былъ принятъ въ русскую службу, прапорщикомъ въ одинъ изъ драгунскихъ полковъ, стоявшихъ на Кавказской линіи. Государь приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить кавказскому начальству свою волю, чтобы сохраняемо было полное уваженіе къ религіознымъ обрядямъ и обычаямъ Джембулата. Но Джембулатъ самъ не захотѣлъ оставаться магометаниномъ, онъ принялъ крещеніе и былъ обвѣнчанъ съ Цхени по православному обряду.

Дѣятельный сотрудникъ Глазенапа на линіи, Лихачевъ, въ началѣ 1806 года, вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ знаменитомъ дагестанскомъ походѣ.—И если русскіе имѣютъ право справедливо гордиться этимъ походомъ, если безкровное завоеваніе Дербентскаго ханства составляетъ донынѣ одну изъ видныхъ страницъ боевой кавказской лѣтописи,—то этимъ больше всего обязаны необычайной смѣлости, энергіи и политическому такту генерала Лихачева.

Дѣло въ томъ, что когда въ Дербентѣ вспыхнулъ мятежъ, и жители, прогнавшіе хана, прислали въ русскій лагерь депутатовъ

съ просьбой о скорѣйшемъ занятіи города, Глазенапъ, еще не зная достовѣрно того, что происходитъ въ Дербентѣ, колебался. Но именно Лихачевъ убѣдилъ его послать немедленно хотя небольшую часть войска, указывая, какъ неумѣстна здѣсь медленность, что колебаніе можетъ произвести въ депутатахъ только недовѣріе къ силѣ русскаго оружія. Помня недавній жребій князя Циціанова, погибшаго въ ту самую минуту, когда онъ принималъ ключи отъ бакинскаго хана, тѣмъ не менѣе Лихачевъ, руководимый исключительно своею отвагой, самъ вызвался ѣхать въ Дербентъ, и для скорѣйшаго движенія выпросилъ себѣ только шесть сотенъ казаковъ и одно орудіе.

— „Честь—мой богъ. Я умру охотно, если должно, чтобы я умеръ для пользы моего отечества", сказалъ генералъ, прощаясь съ своими офицерами.

Быстро, въ одну ночь, перейдя больше 60 верстъ, Лихачевъ подъ утро явился подъ стѣнами Дербента и, не въѣзжая въ городъ, послалъ приказаніе, чтобы весь народъ вышелъ на встрѣчу къ русскому генералу. Жители повиновались, и Лихачевъ торжественно вступилъ съ своими казаками въ главныя ворота крѣпости. Здѣсь старшины и почетнѣйшіе беки поднесли генералу городскіе ключи, но онъ скромно отклонилъ отъ себя эту почесть, предоставивъ ее Глазенапу, который долженъ былъ подойти на слѣдующее утро.

По взятіи Дербента, Лихачевъ участвовалъ подъ главнымъ начальствомъ генерала Булгакова и въ покореніи Кубинскаго ханства, владѣтель котораго, тотъ же Шейхъ-Али-ханъ, не желая покориться русскимъ, скрылся въ горахъ и оттуда волновалъ окрестное населеніе. Чтобы водворить порядокъ въ странѣ, надо было прежде всего сломить упрямую энергію хана, и Лихачевъ опять, съ его беззавѣтной отвагой, вызвался ѣхать въ горы одинъ, почти безъ конвоя, съ тѣмъ чтобы добиться мирнаго рѣшенія этого вопроса. Дерзкая поѣздка его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и Шейхъ-Али-ханъ рѣшился распустить свои вооруженныя шайки.

Блистательное участіе Лихачева въ кабардинской экспедиціи, на Кубани и наконецъ въ горахъ Дагестана, доставило ему орденъ св. Владиміра 3-й степени, анненскую ленту и бриллiан-

товый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ имени императора Александра I-го. Въ декабрѣ 1806 года Лихачевъ возвратился на линію, а въ слѣдующемъ февралѣ ознаменовалъ себя новымъ блистательнымъ подвигомъ при штурмѣ Ханкальскаго ущелья.

Мѣсто это, отлично укрѣпленное самою природою, лежитъ въ Чечнѣ, въ семи верстахъ отъ нынѣшней крѣпости Грозной, между рѣками Аргуной и Гойтой. Двѣ отдѣльныя высокія горы образуютъ тѣснину, извѣстную подъ именемъ Ханкальскаго ущелья. И горы, и тѣснина покрыты были сплошными дремучими лѣсами, издавна служившими притономъ для хищническихъ партій, собиравшихся на Сунжѣ противъ линіи. Въ половинѣ февраля Булгаковъ съ небольшимъ отрядомъ, въ составѣ котораго былъ и полкъ Лихачева, подошелъ къ Ханкальскому ущелью и потребовалъ его сдачи. „Только по нашимъ трупамъ русскіе пройдутъ черезъ тѣснину",—отвѣчали горцы. Булгаковъ выдвинулъ впередъ 16-й егерскій полкъ и приказалъ Лихачеву штурмовать ущелье. Позиція горцевъ, расположенная въ тѣснинѣ, среди дремучаго лѣса чинаръ, была прикрыта съ фронта цѣлымъ рядомъ заваловъ, обнесенныхъ канавами и рвами; за нею грозно возвышалась сплошная стѣна, сложенная изъ каменныхъ глыбъ и цѣлыхъ утесовъ, а далѣе шли бревенчатые срубы съ пробитыми въ нихъ бойницами. Но ни природная крѣпость позиціи, ни искусство ея обороны, ни отчаянная храбрость чеченцевъ, поклявшихся умереть съ оружіемъ въ рукахъ,—ничто не помогло остановить егерей, предводимыхъ отважнымъ Лихачевымъ. Послѣ кровопролитнѣйшей девятичасовой рѣзни, донынѣ не забытой еще на Кавказѣ, большая часть упорныхъ защитниковъ Ханкальскаго ущелья легла на мѣстѣ, и русскія знамена впервые водрузились среди неприступной твердыни.

Въ самомъ разгарѣ боя храбрый капитанъ Семека, только что отбившійся отъ цѣлой кучи насѣвшихъ на него чеченцевъ, подвергся новому нападенію трехъ горцевъ, противъ которыхъ защищаться уже былъ не въ состояніи. Рядовой его роты, Баширъ Абликамировъ, увидѣвъ опасность, которой подвергался капитанъ, бросился къ нему на помощь, положилъ одного чеченца выстрѣломъ изъ штуцера, другого закололъ штыкомъ, — и въ то мгно-

веніе, какъ шашка третьяго уже сверкнула надъ головой офицера, онъ кинулся впередъ и подставилъ подъ ударъ собственную руку. Рука Абликамирова мгновенно отлетѣла прочь, отрубленная по локоть; но этого мгновенія было довольно, чтобы оправившійся Семека изрубилъ чеченца *).

Лихачевъ за это дѣло былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 3 класса.

Послѣднимъ подвигомъ 15-лѣтней службы Лихачева на Кавказѣ было усмиреніе въ томъ же году карабулаковъ. На плечахъ его въ это время лежало уже полъ-вѣка и изнуренный боевыми трудами онъ вышелъ въ отставку. Съ грустію простившись съ Кавказомъ, гдѣ протекли его лучшіе, цвѣтущіе годы, онъ удалился въ свою Порховскую деревеньку, намѣреваясь провести тамъ остальные дни свои въ сельской тишинѣ и въ скромныхъ занятіяхъ деревенскимъ хозяйствомъ.

Черезъ годъ однакоже онъ снова поступилъ на службу, по случаю войны, объявленной тогда Австріи, и былъ назначенъ шефомъ Томскаго пѣхотнаго полка, а спустя три года — начальникомъ 24 пѣхотной дивизіи, съ которою во время отечественной войны отстаивалъ древнія стѣны Смоленска и участвовалъ въ Бородинской битвѣ.

Болѣзнь, послѣдствіе старыхъ походовъ и ранъ, между тѣмъ обострилась у Лихачева; сильная ломота и параличное состояніе ногъ не позволяли ему ходить безъ посторонней помощи. Но высокое чувство долго пересиливало тѣлесные недуги, и въ день Бородинскаго боя Лихачевъ, съ своею дивизіею, является однимъ изъ доблестныхъ защитниковъ центральнаго кургана, извѣстнаго подъ именемъ батареи Раевскаго. Противъ него сосредоточены были главныя силы французовъ, но, несмотря на всѣ усилія вице-короля Италійскаго, редутъ въ продолженіе восьми-часового смертнаго боя оставался за ними.

„Сидя на походномъ стулѣ, въ переднемъ углу укрѣпленія,

*) Семека на рукахъ вынесъ изъ лѣса обагреннаго кровью своего спасителя, и когда Абликамировъ за ранами былъ уволенъ въ отставку, Семека до конца своей службы высылалъ ему часть своего жалованья.

слабый, больной, но несокрушимый духомъ, Лихачевъ, подъ смертоносною тучей свинца и чугуна, спокойно говоритъ солдатамъ: „Стойте, ребята, смѣло! и помните—за нами Москва!“

....И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва-ль за нами?
Умрете жь подъ Москвой!“

Наступила наконецъ послѣдняя минута въ боевой жизни кавказскаго героя. Въ пятомъ часу пополудни непріятель, сосредоточивъ всѣ свои силы, повелъ послѣднюю рѣшительную атаку на этотъ курганъ, составлявшій ключъ бородинской позиціи. Французская пѣхота со всѣхъ сторонъ ворвалась въ редутъ и завалила его своими трупами, но къ ней на помощь несется саксонская конница и мчится слѣдомъ весь корпусъ Коленкура. Началась ожесточенная рукопашная свалка... Коленкуръ былъ убитъ, но за то и послѣдніе защитники редута ложатся подъ ударами латниковъ. Тогда Лихачевъ, собравъ послѣднія силы, съ обнаженною шпагой одинъ бросается въ толпы непріятеля, желая лучше лечь на трупахъ своихъ сослуживцевъ, нежели живой достаться французамъ. Желаніе его, однако, не исполнилось. Знаки генеральскаго чина и бѣлый георгіевскій крестъ на шеѣ остановили французскихъ гренадеръ. Покрытый тяжкими ранами, Лихачевъ очутился въ плѣну и былъ представленъ вице-королю Италійскому. Одаренный возвышенной и пылкою душою, умѣвшій понимать подвиги военнаго мужества, принцъ Евгеній почтительно принялъ Лихачева и приказалъ представить его Наполеону. Императоръ, въ свою очередь, сказалъ ему нѣсколько утѣшительныхъ словъ и подалъ назадъ его шпагу. Лихачевъ отринулъ великодушіе побѣдителя.

„Благодарю, ваше величество, отвѣчалъ онъ слабѣющимъ голосомъ: — но плѣнъ лишилъ меня шпаги, и я могу принять ее обратно только отъ моего государя“.

Онъ былъ отправленъ во Францію; но тяжкія раны заставили его остановиться по пути въ Кенигсбергѣ, и здѣсь, на чужбинѣ, смерть положила конецъ его славному поприщу.

XLIX.

Булгаковъ.

Старый соратникъ Гудовича по Кавказской линіи, съ Георгіемъ на шеѣ за штурмъ Анапы, генералъ отъ инфантеріи Сергѣй Алексѣевичъ Булгаковъ заслуженно пользовался репутаціею храбраго, энергическаго и въ высшей степени правдиваго человѣка. Несмотря на преклонныя лѣта, онъ все еще оставался истинно военнымъ человѣкомъ и до конца сохранилъ способность увлекать за собою своею отвагой и чисто юношескимъ пыломъ.

Высочайшимъ указомъ 19 іюня 1806 года, Булгаковъ былъ принятъ изъ отставки на службу и, по ходатайству графа Гудовича, назначенъ командующимъ войсками на Кавказской линіи.

Но едва онъ прибылъ въ Георгіевскъ, какъ получилъ приказаніе немедленно принять подъ свое начальство отрядъ Глазенапа, дѣйствовавшій тогда въ Дагестанѣ. 10 августа Булгаковъ уже былъ въ покоренномъ Дербентѣ и, найдя войска совершенно готовыми къ дальнѣйшему походу, повелъ ихъ прямо въ Баку, минуя Кубинскую и Казикумыкскую провинціи.

Приближаясь къ городу, онъ отправилъ прокламацію, приглашая жителей отдаться на милосердіе русскаго императора и угрожая въ противномъ случаѣ „потрясти непобѣдимыми войсками основаніе города". Сулейманъ-Бекъ, одинъ изъ приближенныхъ бакинскаго хана, обратился къ Булгакову съ отвѣтомъ на прокламацію, оправдывая хана и извѣщая, что если ханъ не получитъ прощенія, то городъ будетъ защищаться до послѣдней крайности и что народъ безъ воли хана ни къ чему не приступитъ.

Есть, дѣйствительно, основанія предполагать, что ханъ не былъ причастенъ къ убійству князя Циціанова, и что оно совершилось помимо его воли и желанія.

Вотъ разсказъ одного бакинца, 83-хъ-лѣтняго старика, по имени Хаджи-Урбана, бывшаго въ ханской свитѣ во время самаго происшествія *).

„Въ день, назначенный для свиданія съ княземъ Циціановымъ— говорилъ онъ,—Гуссейнъ-Кули-ханъ вышелъ за городскія ворота пѣшкомъ — ключей отъ крѣпости не выносили, а шли только для переговоровъ; ключи же отданы были генералу Булгакову уже послѣ того черезъ годъ. Съ одной стороны хана шелъ Каземъ-Бекъ, другъ и сподвижникъ его: съ другой — Керимъ-Бекъ. Всѣ трое имѣли съ собою вооруженныхъ нукеровъ. Я былъ тогда нукеромъ у Каземъ-Бека и сопровождалъ его на это свиданіе. На томъ мѣстѣ, гдѣ дороги расходятся, разостланы были бурки. Всѣ трое сѣли на нихъ и ожидали прибытія князя Циціанова. Князь ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи драгунъ; но драгуны остановились на дорогѣ, а князь отдѣлился отъ нихъ съ своимъ адъютантомъ, двумя казаками и переводчикомъ. Подъѣзжая къ хану, онъ

*) Путевыя записки по Закавказью Ховена. «Иллюстрація» 1861 г.

сошелъ съ лошади, которую отдалъ казаку, а казакъ отвелъ ее къ драгунамъ.

„Въ то время жили у насъ въ Баку два персидскіе хана: они были присланы шахомъ какъ будто бы провести воду изъ моря въ крѣпостной ровъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы наблюдать за Гуссейнъ-ханомъ и не допускать его сближенія съ русскими.

„У Гуссейна былъ двоюродный братъ, Ибрагимъ-Бекъ, который съ малолѣтства его ненавидѣлъ, старался ему вредить и самъ домогался власти. Онъ-то и вошелъ въ тайные переговоры съ персіянами и взялся убить Циціанова, чтобы разъ навсегда поссорить бакинцевъ съ русскими. Гуссейнъ-Кули-ханъ ничего объ этомъ не зналъ.

„Увидя съ крѣпостной стѣны, что Циціановъ сѣлъ на разостланную бурку, Ибрагимъ вышелъ изъ крѣпости съ двумя своими нукерами. Одного звали Амиръ-Амза, другого Сеидъ. Дѣлая видъ что идутъ безъ цѣли, они держались влѣво отъ дороги, и вдругъ, быстро повернули въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Циціановъ. Ханъ былъ пораженъ ихъ внезапнымъ появленіемъ и дѣлалъ головою знаки, чтобы они удалились. Но Ибрагимъ и его нукеры въ одинъ моментъ выхватили ружья, выстрѣлили разомъ—и Циціановъ упалъ убитымъ. Ничего не знавшій объ этомъ намѣреніи Гуссейнъ былъ потрясенъ убійствомъ. „Дай Богъ, чтобы домъ твой провалился,“ крикнулъ онъ Ибрагиму; но ибрагимскіе нукеры, не обращая вниманія на брань и угрозы хана, бросились на трупъ убитаго, отрѣзали ему голову, а самое тѣло унесли въ Баку. Въ ту же ночь Ибрагимъ вмѣстѣ съ Сеидомъ бѣжалъ въ Тавризъ, гдѣ и представилъ голову наслѣдному принцу. Ибрагимъ-Бекъ былъ принятъ въ персидскую службу и сдѣлалъ начальникомъ отряда. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь русскіе поставили памятникъ, тогда у насъ былъ городской оврагъ, въ который свозили нечистоты. Вотъ въ этотъ-то грязный оврагъ жители бросили трупъ Циціанова и зарыли его землею.

„Когда, пораженный всѣмъ случившимся, Гуссейнъ-Кули-ханъ вернулся домой, оба персидскіе хана явились къ нему съ поздравленіемъ. „Дай Богъ, чтобы лицо Ибрагима сдѣлалось чернымъ,“— отвѣчалъ имъ Гуссейнъ-Кули-ханъ. Онъ меня поссорилъ навѣкъ съ русскими—и я удивляюсь, съ чѣмъ вы меня поздравляете“.

Таковъ разсказъ очевидца. Булгаковъ, очевидно хорошо знавшій дѣло, отправилъ съ дороги нарочнаго уговорить Гуссейнъ-Кули-Хана оставаться въ Баку и не безпокоиться за свою будущность. ханъ отвѣчалъ, что будетъ ожидать его прибытія, и послалъ къ нему на встрѣчу Каземъ-Бека со знаменемъ, ключами отъ крѣпости и съ хлѣбомъ-солью. Каземъ-Бекъ встрѣтилъ Булгакова на пятой станціи въ Бешъ-Бармаглахѣ. Булгаковъ опять повторилъ Каземъ-Беку свои увѣренія и отправляя его обратно въ Баку послалъ вмѣстѣ съ нимъ своего сына, подполковника Борисоглѣбскаго драгунскаго полка (впослѣдствіи убитаго подъ Эриванью) сказать хану, что онъ знаетъ его невинность и знаетъ, кто убилъ, Циціанова. Тѣмъ не менѣе, подъѣзжая къ городу ночью, молодой Булгаковъ и Каземъ-Бекъ увидѣли, что весь народъ покидаетъ Баку и выбирается въ горы. На вопросъ: гдѣ ханъ?—имъ отвѣчали, что онъ, опасаясь мщенія русскихъ за вѣроломное убійство Циціанова, бѣжалъ въ Кубу и вмѣстѣ съ бывшимъ правителемъ Дербента намѣренъ искать покровительства персидскаго шаха.

Всю ночь, рискуя жизнію, Булгаковъ ѣздилъ верхомъ по улицамъ города, объявляя населенію, что онъ сынъ русскаго генерала, командующаго войсками, и присланъ затѣмъ, чтобы успокоить народъ и объявить ему прощеніе. Бакинцы однако не вѣрили, и утро 2-го октября застало большинство населенія уже за чертою города. Узнавъ, что народъ собирается бѣжать за Куру, гдѣ ханъ обѣщалъ дать имъ новыя мѣста для поселеній, молодой Булгаковъ рѣшился идти за ними и еще разъ попытаться уговорить ихъ. Долго и горячо убѣждалъ онъ бакинцевъ и наконецъ добился, что народъ мало-по-малу началъ возвращаться въ опустѣлый городъ.

Отрядъ между тѣмъ подошелъ къ Баку. Генералъ Булгаковъ былъ встрѣченъ за нѣсколько верстъ отъ городской стѣны однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей города, уже знакомымъ ему Каземъ-Бекомъ, съ 16-ю эфендіями и старшинами, а вслѣдъ за ними вышло армянское духовенство съ крестами и хоругвями. Поднося городское знамя и ключи цитадели, Каземъ-Бекъ еще разъ просилъ о пощадѣ народа. Въ то время какъ Булгаковъ принималъ депутацію, бакинцы, преклонивъ знамена и головы, съ азіятскимъ фатализмомъ ожидали рѣшенія своей участи, но

скоро опасенія ихъ разсѣялись. Маіоръ Тарасовъ отъ имени главнокомандующаго объявилъ имъ помилованіе и затѣмъ присутствующіе были приведены къ присягѣ на вѣрность русскому царю. Въ то же время генералъ-маіоры Дехтяревъ и графъ Гудовичъ (сынъ главнокомандующаго) ѣздили по деревнямъ и приводили къ присягѣ сельскихъ жителей.

Такимъ образомъ 3-го сентября 1806 года городъ Баку, предметъ стремленій Циціанова, былъ наконецъ занятъ русскими войсками, и на слѣдующій день въ 8 часовъ утра поднятъ русскій флагъ на стѣнахъ цитадели. Тѣло князя Циціанова, зарытое у крѣпостныхъ воротъ, немедленно съ почестями было перенесено въ новую могилу, приготовленную въ армянскомъ храмѣ *), а его убійца, нукеръ Амиръ-Амза, захваченный въ Баку, былъ преданъ полевому суду, прогнанъ сквозь строй и сосланъ въ Сибирь.

Въ Баку войска оставались нѣсколько дней, и Булгаковъ жилъ все это время въ ханскомъ дворцѣ, отличавшемся чисто-восточною роскошью. Особенную драгоцѣнность составляли въ немъ историческія картины, писанныя весьма искусно на стѣнахъ масляными красками, и потомъ раззолоченныя. По приказанію Булгакова, нѣкоторыя изъ нихъ были отбиты отъ стѣнъ особыми долотами и такъ искусно, что остались совершенно цѣлыми.

Войска въ Баку страдали отъ недостатка здоровой прѣсной воды, такъ какъ во всѣхъ окрестныхъ колодцахъ она имѣла морской горько-соленый вкусъ. Топлива также не было. Армяне, державшіе на откупу всѣ нефтяные источники, слишкомъ усердно оберегали свои интересы, и солдаты, стоявшіе лагеремъ на морскомъ берегу, вынуждены были ходить верстъ за десять собирать бурьянъ, чтобы въ сырыя и холодныя ночи отапливаться хотя этимъ скуднымъ топливомъ. Начались болѣзни и смертность. И Булгаковъ, оставивъ гарнизономъ въ Баку только батальонъ Севастопольскаго полка подъ начальствомъ генералъ-маіора Гурьева,

*) Теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ Циціановъ, стоитъ памятникъ. Онъ представляетъ каменный обелискъ, обнесенный желѣзною рѣшоткою. На передней сторонѣ его медальонъ, на голубомъ полѣ котораго рельефно выдаются вызолоченные два крѣпостные ключа и сложенные на-крестъ кинжалъ и пистолетъ. Внизу надпись: «Князю Циціанову, воздвигнутъ въ намѣстничество князя Воронцова въ 1846 г.».

съ остальными войсками поспѣшилъ уйти въ Кубинское ханство, покореніе котораго являлось естественнымъ послѣдствіемъ занятія Баку. Пока Куба оставалась въ рукахъ Шейхъ-Али-хана, нельзя было ручаться за безопасность дорогъ и за спокойствіе жителей Дербента и Баку—тѣмъ болѣе, что путь между этими двумя городами лежалъ черезъ кубинскія владѣнія.

Подходя къ Кубѣ, Булгаковъ узналъ, что Шейхъ-Али-ханъ, боясь за свою участь, бѣжалъ со всѣмъ населеніемъ въ горы. Въ Кубѣ и въ окрестныхъ селеніяхъ русскіе, дѣйствительно, не нашли ни одного человѣка; но отряды, посланные въ погоню за жителями, успѣли настигнуть и воротить въ городъ большую часть ихъ. Имъ было объявлено, что Шейхъ-Али навсегда устраняется отъ управленія ханствомъ и что владѣнія его присоединяются къ русскому государству. Кубинцы безпрекословно дали присягу; но Шейхъ-Али-ханъ, укрывшись въ горахъ, продолжалъ волновать населеніе. Напрасно Булгаковъ требовалъ хана къ себѣ и предлагалъ ему различныя условія; а захватить его было невозможно, такъ какъ онъ нашелъ надежное убѣжище въ Казикумыкѣ.

Оставалось одно — заставить самихъ казикумыкцевъ выдать хана; но позднее время года и опасеніе быть застигнутымъ зимою въ горахъ заставили Булгакова пока удовольствоваться наружною покорностью хана, который скрѣпилъ ее своею присягой.

Такъ, спокойно, безъ пролитія крови, совершилось присоединеніе къ Россіи Дербента, Баку и Кубы. Къ сожалѣнію, сильная болѣзненность въ войскахъ, послѣдствіе этого похода, преждевременно унесла въ могилу много храбрыхъ солдатъ Грузинскаго корпуса. Особенно бѣдственно было обратное движеніе на линію. Зима застигла отрядъ безъ теплаго платья и обуви; погода стояла ненастная; мокрый снѣгъ образовалъ невылазную грязь, въ которой солдатамъ приходилось ночевать безъ всякой подстилки и даже безъ шинелей, давно износившихся. Чтобы укрыться отъ вѣтра и сколько-нибудь согрѣть окоченѣлые члены, люди вырывали ямы въ родѣ могилъ, варили въ нихъ пищу, и затѣмъ, погасивши угли, укладывались спать въ эти теплыя, но губительныя для здоровья логовища.

За шестьдесятъ верстъ до Кизляра отрядъ былъ застигнутъ

въ степи морозомъ и страшною вьюгою. Солдаты въ одинъ голосъ просили вести ихъ дальше безъ ночлега, и весь переходъ до самаго Терека, можно сказать, не шли, а бѣжали. По Тереку былъ сильный ледоходъ и переправы не было; но солдаты предпочли взять студеную ванну, чѣмъ дожидаться паромовъ и, переправясь въ бродъ по поясъ въ водѣ, толпами ринулись въ Кизляръ, гдѣ ихъ размѣстили кое-какъ по квартирамъ. Обозы, двинувшіеся вслѣдъ за войсками, загрузли въ рѣкѣ. Фурштаты выпрягли лошадей и ускакали въ городъ, а оставленныя фуры такъ вмерзли въ ледъ, покрывшій въ ту же ночь рѣку, что потомъ пришлось вырубать ихъ топорами.

Между тѣмъ, когда совершались описываемыя событія, оставленная почти безъ войскъ Кавказская линія переживала тяжелое время. На всемъ ея протяженіи происходили безпрерывные грабежи и хищническіе набѣги горцевъ. Гудовичъ желалъ, чтобы Булгаковъ, возвращаясь изъ-подъ Баку, сдѣлалъ экспедицію на горцевъ прямо изъ Кизляра, но утомленіе войскъ заставило ее отложить, и она состоялась только весною 1807 года. Войска вступили въ Чечню съ трехъ разныхъ сторонъ, подъ начальствомъ Булгакова, графа Ивелича и Мусинъ-Пушкина; но ошибка Булгакова въ томъ именно и заключалась, что всѣ эти части были недостаточно сильны, чтобы въ трудныхъ мѣстахъ дѣйствовать рѣшительно; они часто останавливались и перерывали чрезъ это общую связь операціи. Самъ генералъ Булгаковъ имѣлъ дѣло съ главными силами чеченцевъ въ Ханкальскомъ ущельѣ, и хотя онъ взялъ его штурмомъ, но огромная потеря, понесенная при этомъ русскими, только утвердила чеченцевъ въ мысли о неприступномъ положеніи ихъ родины. Вотъ почему грозный штурмъ Ханкальскаго ущелья, открывшій путь въ самое сердце Чечни и памятный на Кавказѣ доселѣ, окончился такимъ ничтожнымъ результатомъ, какъ покореніе двухъ независимыхъ обществъ: Атаги и Гехи.

Военныя дѣйствія въ Чечнѣ не оказали между тѣмъ рѣшительно никакого вліянія на закубанскихъ горцевъ, которые по прежнему нападали не только на Кубань, но хищничали подъ самымъ Моздокомъ и появлялись даже за Ставрополемъ.

28 апрѣля 1807 года партія въ двѣсти человѣкъ напала на

Сенгилѣевку (село Богоявленское), лежавшую почти въ 25 верстахъ отъ Кубани. Грабежъ и рѣзня продолжались до двухъ часовъ пополудни и стоили русскимъ дорого: 34 человѣка было убито, утоплено и сожжено живыми, 24—ранено, 102—захвачено въ плѣнъ, а скота и лошадей угнано при этомъ нападеніи болѣе двухъ тысячъ головъ. Подобный разгромъ конечно могъ имѣть мѣсто только при паникѣ, напавшей на крестьянъ, а семь рядовыхъ Суздальскаго полка, случайно ночевавшихъ въ Сенгилѣевкѣ, не только отбились отъ хищниковъ, но успѣли спасти отъ разграбленія и нѣсколько сосѣднихъ крестьянскихъ домовъ.

Не успѣло еще изгладиться впечатлѣніе этого набѣга, какъ 23 мая новая партія, прорвавшись у Бѣломечетки, разбила Воровсколѣсскую станицу Кубанскаго полка и увела въ плѣнъ болѣе двухсотъ казаковъ.

Крестьянскимъ населеніемъ овладѣла паника. Исправникъ доносилъ, что во всѣхъ деревняхъ, лежащихъ по Егорлыку, жители находятся въ неописанномъ страхѣ, что сенгилѣевцы, раненые при разгромѣ села, не смѣютъ возвратиться на свое пепелище, забились въ лѣсъ и тамъ расположились лечиться въ какой-то маленькой, найденной ими землянкѣ. Остальныя деревни представляли картину того же печальнаго свойства: крестьяне жили бивуаками, имущество было уложено и увязано на возы, часовые стояли на колокольняхъ и все было приспособлено такъ, чтобы при первомъ ударѣ набатнаго колокола бѣжать куда только можно; многія семьи съ приближеніемъ ночи уходили въ лѣса и прятались тамъ въ трущобахъ и оврагахъ; тѣ же, которыя оставались дома, собирались на ночь въ недостроенныя еще церкви, влѣзали на колокольни и тамъ ночевали, несмотря ни на какое ненастье. А слухи изъ-за Кубани шли самые тревожные. Опасались нападенія на Темнолѣсскую станицу, ждали его и на казенныя села Николаевку, Каменнобродское, и опять на ту же Сенгилѣевку, и даже самый Ставрополь не считалъ себя въ безопасности. Поля стояли невоздѣланными, начинался голодъ, а къ довершенію бѣдствій губернскій городъ Георгіевскъ, наполовину опустѣлый уже отъ чумы, сгорѣлъ до тла, лѣтомъ 1809 года. Впрочемъ, надо замѣтить, что Георгіевскъ и до пожара былъ однимъ изъ самыхъ

бѣднѣйшихъ городовъ Россіи, и что на Кавказѣ даже многія казачьи станицы были гораздо богаче и пригляднѣе своего губернскаго города. Въ немъ находилась всего одна ветхая деревянная церковь, и не было десяти домовъ, крытыхъ тесомъ; даже губернаторскій домъ, представлявшій собою плетневую мазанку, былъ крытъ камышемъ и состоялъ всего изъ четырехъ маленькихъ комнатъ. При такихъ условіяхъ пожаръ въ два-три часа покончилъ свое разрушительное дѣло—и жители остались безъ пристанища.

Такъ тяжелы были обстоятельства, при которыхъ Булгакову пришлось взять на себя устроеніе линіи. Главнѣйшею заботою его было обезпечить русскія поселенія отъ закубанскихъ горцевъ, набѣги которыхъ приняли неслыханные дотолѣ размѣры. Съ этою цѣлью онъ выставилъ на Кубани два сильные отряда; но несмотря на ихъ присутствіе, какъ только наступила осень и начались темныя ночи, вся Кавказская линія снова была поражена дерзостью кубанскихъ горцевъ. Сильная партія ихъ, прорвавшись у Прочнаго Окопа, проникла до Егорлыка, угнала тысячу лошадей и нанесла большой уронъ донскому полку полковника Араканцева, попытавшемуся было отбить у нея добычу. Но этимъ дѣло еще не окончилось. 7 ноября другая партія, соединившись съ кабардинцами, бросилась въ глубь Ставропольскаго уѣзда и уничтожила до основанія богатое Каменнобродское селеніе. Несчастные жители въ испугѣ бросились бѣжать кто куда могъ, но большая часть укрылась въ церкви, разсчитывая тамъ найти спасеніе; горцы ворвались однакоже во внутрь Божьяго храма и всѣхъ, скрывавшихся въ немъ, перерѣзали. Церковный помостъ былъ облитъ кровью и заваленъ трупами, а все, что уцѣлѣло отъ рѣзни, досталось въ добычу горцамъ. Однихъ убитыхъ насчитывали тогда болѣе ста тридцати душъ обоего пола; въ плѣнъ взято 350 человѣкъ, весь скотъ отогнанъ, хутора сожжены, а озимые посѣвы вытоптаны.

Съ этимъ страшнымъ погромомъ связывается одинъ эпизодъ, не важный въ общемъ ходѣ тогдашнихъ событій, но характеризующій то населеніе, которое имѣли передъ собою алчные горцы.

Въ Каменнобродскѣ, въ числѣ другихъ плѣнныхъ взята была однодворка Авдотья Михайлова, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, съ дочерью, и жившею у нея сиротою Ѳеклою. Впослѣдствіи, при раз-

мѣнѣ плѣнныхъ, мать не нашла въ числѣ размѣненныхъ своей дочери, по всей вѣроятности уже перепроданной въ какой нибудь дальній аулъ. Черкесы брались разыскать ея дочь, если она согласится оставить взамѣнъ свою воспитанницу Ѳеклу. „Нѣтъ, — отвѣчала на это Авдотья:—Господь накажетъ меня, если я дамъ погибнуть сиротѣ; я взяла ее на свои руки и должна буду дать отвѣтъ за нее передъ Богомъ. Пусть лучше дочь моя остается въ плѣну — Господь не оставитъ ее". И она вернулась на родину безъ дочери.

Чтобы сколько нибудь унять безпокойныхъ сосѣдей и ободрить поселенцевъ, Булгаковъ въ началѣ 1810 года самъ ходилъ за Кубань, разорялъ аулы, бралъ штурмомъ завалы, проникалъ въ мѣста, которыя сами горцы считали недоступными, но, несмотря на все это, несмотря даже на полное содѣйствіе ногайцевъ, жившихъ по Кубани, результаты экспедиціи были настолько ничтожны, что горцы, по удаленіи войскъ, опять принялись за мелкія хищничества *).

Это было какое-то фатальное время для Кавказской линіи. Необходимость сосредоточить войска на Кубани заставила обнажить границу по Тереку и Малкѣ, и чеченцы, тотчасъ же воспользовавшись этимъ, напали на станицы Приближную и Прохладную.

Прохладная отбилась, а въ Приближной былъ угнанъ скотъ и изрублено до 20 казаковъ. Въ то же самое время подверглась нападенію и Новогладковская станица на Терекѣ; но старые гребенцы не дали захватить станицы врасплохъ и отразили нападеніе. Сотня линейцевъ слетала даже за Терекъ и возвратилась назадъ съ богатою добычей.

Съ этихъ поръ гребенцы стояли на-сторожѣ. Однако же 2-го апрѣля 1810 года съ вышки Червленной станицы замѣчена была сильная партія, переправлявшаяся черезъ Терекъ. Командиръ Гребенскаго полка, войсковой старшина Фроловъ, поспѣшилъ къ пе-

*) Во время этой экспедиціи особенно отличился правитель ногайскаго народа генералъ-маіоръ Менгли-Гирей—награжденный, по ходатайству Булгакова, орденомъ св. Георгія 4 степени.

реправѣ и, видя, что непріятель уходитъ обратно, кинулся въ погоню за Терекъ. Съ нимъ было только три офицера и 86 казаковъ, но, несмотря на то, отважный Фроловъ доскакалъ до Сунжи, отбилъ непріятельскій скотъ и только здѣсь замѣтилъ, что тысячная партія чеченцевъ неслась наперерѣзъ отрѣзать ему отступленіе. Увлекшіеся удальцы обратились за помощью въ мирный аулъ князя Бамата-Бековича *), но, получивъ отказъ, стали отступать, скучившись вокругъ своей добычи, которую не хотѣли оставить. Такъ, отбивая атаку за атакой, гребенцы добрались наконецъ до Терека и были уже въ ста саженяхъ отъ мирнаго аула, когда чеченцы ихъ окружили. Такъ какъ Бековичъ не позволилъ войти въ самый аулъ для обороны, то гребенцамъ пришлось отбиваться въ полѣ. И пока одни изъ нихъ, спѣшившись, удерживали горцевъ, другіе плавили за Терекъ отбитую добычу. Положеніе становилось критическое, особенно потому, что вѣроломный Бековичъ готовился напасть на казаковъ съ тылу во время переправы.

Къ счастью, въ Червленной услыхали выстрѣлы и двѣ сотни казаковъ поскакали на выручку. Замѣтивъ ихъ приближеніе, Фроловъ бросился въ шашки, и смѣшавъ толпы непріятеля, воспользовался этой минутой, чтобы отойти за Терекъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ доблестномъ бою выбыли изъ строя всѣ офицеры: два брата Фроловыхъ и Тихановъ, и половина казаковъ.

Участіе кабардинцевъ во всѣхъ безпорядкахъ на линіи, особенно въ разгромѣ Каменнобродскаго села и въ нападеніяхъ на казачьи станицы по Малкѣ, не подлежало сомнѣнію. Въ Кабардѣ зрѣлъ заговоръ, и если не вспыхнуло возстаніе, то только потому, что энергическій Булгаковъ, никогда не терявшій головы въ опасности, быстро двинулъ войска на кабардинскую равнину и за-

*) Отецъ его, Девлетъ-Гирей-Бековичъ, управлявшій герменчукскими чеченцами, отличался преданностью къ русскимъ и за то нѣсколько разъ подвергался жестокимъ нападеніямъ своихъ одноземцевъ. Въ 1760 году они разграбили его домъ и схватили жену. Одинъ изъ чеченцевъ, прельстившись золотымъ браслетомъ, бывшимъ у нея на рукѣ, и не имѣя терпѣнія снять его, отрубилъ ей руку. Тѣмъ не менѣе эта женщина сохранила полное самообладаніе и не выдала мужа, котораго спрятала такъ, что чеченцы его не нашли. Послѣ этого случая Девлетъ оставилъ Герменчукъ и поселился на Терекѣ противъ Червленной.

хватилъ двадцать тысячъ головъ скота, которыя тутъ же приказалъ раздать на удовлетвореніе пострадавшихъ линейныхъ жителей.

Лишенные этою потерею почти всѣхъ средствъ къ существованію, кабардинцы вынуждены были смириться и принять тѣ условія, которыя имъ продиктовалъ Булгаковъ.

Въ назначенный день, 9-го 1810 года, знатнѣйшіе князья, духовенство и узденн кабардинскаго народа, въ числѣ тысячи человѣкъ, собрались на берегу рѣки Малки противъ Прохладной станицы. Булгаковъ, желая обставить церемонію возможною пышностью, велѣлъ принести знамя Казанскаго полка; и когда оно было развернуто, когда громъ барабановъ и звуки музыки привѣтствовали его появленіе, кабардинцы склонили свои головы передъ этимъ символомъ воинской чести. Они поочередно подходили къ аналою, на которомъ лежалъ коранъ, и, осѣняемые знаменемъ, клялись быть мирными и добрыми сосѣдями.

Торжественный актъ этотъ рѣшено было скрѣпить посылкою кабардинскихъ депутатовъ къ высочайшему двору, о чемъ ходатайствовали сами кабардинцы; но просьба ихъ была отклонена самимъ Булгаковымъ, угадывавшимъ, что этимъ видимымъ знакомъ преданности къ Россіи князья хотѣли только маскировать свои сношенія съ Турціею и выиграть время.

Турецкіе эмиссары дѣйствительно сновали по всей Кабардѣ и агитація ихъ шла настолько успѣшно, что кабардинцы скоро забыли свои обѣщанія. 2-го ноября 1810 года значительныя толпы ихъ, подъ предводительствомъ почетнѣйшихъ владѣльцевъ, собрались за Малкой и стали на обширной равнинѣ, лежавшей противъ Прохладной станицы. Извѣщенный объ этомъ кабардинскимъ приставомъ, Булгаковъ самъ выѣхалъ къ собранію, но на вопросъ его о причинѣ сбора, одинъ изъ кабардинскихъ князей, Измаилъ Атажуковъ, дерзко отвѣтилъ, что собралъ владѣльцевъ для своей собственной надобности.

— „Безъ разрѣшенія вы не въ правѣ дѣлать такое собраніе“, замѣтилъ Булгаковъ.

— „Да что вы, шутите, что ли?—нагло возразилъ ему Атажуковъ:—я—старшій изъ кабардинскихъ князей, и, по обычаю народа, во всякое время имѣю право дѣлать подобныя собранія.

И тутъ же онъ подалъ Булгакову отъ имени народа просьбу, въ которой кабардинцы домогались получить такія права и привилегіи, какія ни въ какомъ случаѣ не могли быть имъ даны. Дерзкая просьба конечно осталась безъ исполненія и Атажуковъ былъ арестованъ. Тѣмъ не менѣе вся исторія эта, вмѣстѣ съ безпрерывнымъ разореніемъ линіи горцами, надѣлала большого шума, а въ Петербургѣ стали даже получаться доносы о безпорядочномъ управленіи „кавказскою губерніею".

Что дѣла на линіи находились дѣйствительно въ печальномъ положеніи,—это безспорно, но виною этому были никакъ не личныя качества Булгакова, не недостатокъ съ его стороны ума или энергіи, а только несчастливо сложившіяся для него обстоятельства, которыхъ впослѣдствіи не избѣгли и его преемники.

Нельзя не замѣтить также, что однимъ изъ главныхъ тормазовъ для дѣятельности Булгакова были постоянныя пререканія съ нимъ гражданскихъ властей, старавшихся всячески парализовать его распоряженія. Булгакова хотѣли обвинить даже въ томъ, въ чемъ онъ никакъ не могъ быть виноватымъ,—напримѣръ, въ появленіи чумы и въ пожарѣ Георгіевска.

Для прекращенія всѣхъ этихъ недоразумѣній, изъ Петербурга былъ командированъ генералъ-маіоръ Вердеревскій, съ правами и властію генералъ-губернатора. Но честный и прямодушный Булгаковъ, привыкшій болѣе дѣйствовать саблей, нежели перомъ, считалъ для себя унизительнымъ опровергать возводимыя на него обвиненія и не хотѣлъ оправдываться. Между тѣмъ дѣйствія Вердеревскаго направлены были далеко не въ его пользу, и послѣдствіемъ всей этой грустной исторіи было удаленіе Булгакова отъ службы. Въ началѣ 1811 года онъ сдалъ должность генералъ-лейтенанту Мусину-Пушкину, вступившему въ управленіе линіею впредь до пріѣзда новаго начальника, генералъ-лейтенанта Ртищева, а самъ отправился въ Россію, и вскорѣ скончался тамъ отъ апоплексическаго удара, оставивъ по себѣ память храбраго и прямодушнаго воина.

L.

Генералъ-маіоръ Портнягинъ.

Храбрѣйшій изъ храбрыхъ", какъ называлъ его Циціановъ, Семенъ Андреевичъ Портнягинъ началъ свою службу въ 1773 году, рядовымъ во Владимірскомъ пѣхотномъ полку. Черезъ восемь лѣтъ, произведенный въ офицеры, онъ перешелъ въ сумскіе гусары, и участвовалъ въ походѣ противъ польскихъ конфедератовъ. Но въ первый разъ въ серьезномъ бою ему пришлось быть только во время турецкой войны, при осадѣ Очакова, и затѣмъ на штурмѣ Измаила, гдѣ онъ командовалъ колонной, овладѣвшей непріятельскою батареею.

Три чина, полученные имъ за отличія въ сраженіяхъ и въ цѣломъ рядѣ партизанскихъ подвиговъ въ Польшѣ, во время возстанія 1792 года, обратили на него особенное вниманіе начальства, и императоръ Павелъ, по восшествіи на престолъ, перевелъ Портнягина въ Харьковскій кирасирскій полкъ, гдѣ онъ въ теченіе трехъ лѣтъ былъ произведенъ въ подполковники, въ пол-

ковники, въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ Нарвскаго драгунскаго полка, расположеннаго на Кавказской линіи.

Служба въ Георгіевскѣ, среди ежедневныхъ тревогъ и опасностей, поставила этотъ полкъ на высокую степень боевой опытности. Отличные стрѣлки и лихіе рубаки, драгуны не уступали кабардинцамъ, которымъ старались подражать въ наѣздничествѣ и джигитовкѣ, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ лучшихъ полковъ регулярной кавалеріи, со всѣми ея преимуществами передъ нестройными наѣздниками. И весною 1803 года, когда полкъ былъ передвинутъ въ Грузію, Циціановъ, осматривавшій его на походѣ, писалъ къ государю, что „благодаря попеченію шефа его, генералъ-маіора Портнягина, полкъ превосходитъ всякое выраженіе: лошади, несмотря на трудный походъ черезъ горы, въ наилучшихъ тѣлахъ, люди одѣты, какъ одинъ человѣкъ, и сидятъ въ сѣдлахъ крѣпко какъ настоящіе азіятцы“.

Едва перейдя въ Грузію, Портнягинъ въ томъ же 1803 году уже игралъ одну изъ первенствующихъ ролей при взятіи Ганжи, гдѣ, послѣ чрезвычайныхъ штурмовыхъ усилій, первымъ, во главѣ своей колонны, взошелъ на крѣпостную стѣну и получилъ Георгія 3-го класса. Донося государю о дѣйствіяхъ Портнягина, Циціановъ писалъ между прочимъ: „Титло храбраго не я даю ему, а солдаты, которыхъ онъ водилъ на ганжинскій приступъ“.

Вслѣдъ за тѣмъ одинъ эпизодъ эриванскаго похода сдѣлалъ имя Портнягина извѣстнымъ и грознымъ до самыхъ предѣловъ Персіи. Когда персидская армія, атаковавшая блокадный корпусъ подъ стѣнами крѣпости, была разбита и отброшена частью на Калаахиръ, а частью въ Гарни-Чаю, Циціановъ рѣшилъ воспользоваться разобщеніемъ непріятельскихъ силъ и приказалъ Портнягину, съ отрядомъ въ девятьсотъ человѣкъ пѣхоты и конницы, сдѣлать ночное нападеніе на Гарни-Чай, гдѣ былъ раскинутъ лагерь наслѣднаго персидскаго принца. Портнягинъ зналъ, что ему придется, быть можетъ, имѣть дѣло съ цѣлою персидскою арміею; но увлекаемый именно рискованностію предпріятія, смѣло взялъ на себя опасное порученіе. Сначала все шло прекрасно, и войска, пройдя 20 верстъ, незамѣтно приблизились ко вражескому стану. Но на самой зарѣ 24 іюля, татарская милиція наткнулась на непріятельскій пикетъ и

подняла тревогу. Изъ персидскаго лагеря тотчасъ стала выѣзжать конница, а вслѣдъ за нею двинулись и густыя массы пѣхоты; въ то же самое время гонцы полетѣли въ Калаахиръ, къ Баба-хану, съ извѣстіемъ о нападеніи русскихъ. И не прошло двухъ-трехъ часовъ, какъ Портнягинъ стоялъ уже лицомъ къ лицу съ сорокатысячною персидскою арміею.

Наступила одна изъ тѣхъ страшныхъ минутъ, когда начальнику приходится рѣшать роковую дилемму: „потерять ли оружіе и сохранить жизнь тысячѣ солдатамъ, или же сохранить честь оружія и заплатить за это тысячами жизней". Портнягинъ выбралъ послѣднее и, свернувшись въ каре, медленно, шагъ за шагомъ, сталъ отходить назадъ, подавляемый въ сорокъ разъ превосходившемъ его непріятелемъ. Скоро артиллерійскіе солдаты всѣ до одного были переранены, и офицерамъ самимъ пришлось заряжать орудія и исполнять при нихъ обязанности нижнихъ чиновъ. Четырнадцать съ половиною часовъ, и на протяженіи двадцати слишкомъ верстъ, гремѣла непрерывавшаяся битва. Но Портнягинъ съ честью вышелъ изъ этого критическаго положенія и возвратился, не оставя въ рукахъ непріятеля никакого трофея: даже тѣла убитыхъ—и тѣ принесены были съ собою въ лагерь.

Донося о безпримѣрномъ отступленіи Портнягина, Циціановъ прибавлялъ, что персіяне заранѣе торжествовали полную побѣду, и Баба-ханъ послалъ даже гонца поздравить съ нею эриванскаго сардаря, а съ крѣпости въ честь ея весь день гремѣли пушечные выстрѣлы. Къ вечеру выстрѣлы однако же смолкли, когда эриванцы съ удивленіемъ увидѣли своими глазами русское каре, возвращавшееся въ стройномъ порядкѣ, среди несмѣтныхъ окружавшихъ его непріятельскихъ полчищъ.

Отрядъ потерялъ въ этомъ отступленіи всего 64 человѣка; въ числѣ убитыхъ, къ сожалѣнію, находился племянникъ Портнягина, прапорщикъ Нарвскаго полка, Рыбаковъ, офицеръ необыкновенно даровитый, котораго особенно отличалъ Циціановъ. Портнягинъ награжденъ былъ за этотъ подвигъ орденомъ Св. Анны 1-й степени.

Когда недостатокъ продовольствія заставилъ Циціанова собрать военный совѣтъ, рѣшившій отступленіе отъ крѣпости большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного,—этотъ одиночный голосъ

принадлежалъ Портнягину. И Циціановъ вполнѣ согласился съ нимъ, хотя и подчинился постановленію военнаго совѣта. „Предвижу — писалъ Циціановъ къ государю, — невыгодное для насъ впечатлѣніе и вредныя послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ снятія блокады, какъ въ Грузіи, такъ и въ сопредѣльныхъ ей магометанскихъ земляхъ; но, повинуясь закону, не имѣю я права взять на себя отвѣтственность за штурмъ, когда на моей сторонѣ только одинъ генералъ Портнягинъ".

Прошло два года, и въ начавшейся тогда турецкой войнѣ Портнягинъ снова оказалъ блистательный подвигъ на штурмѣ Ахалкалакской крѣпости, опять командуя штурмовою колонною и вынеся на своихъ плечахъ всю тяжесть кровопролитнаго боя. Имѣя подъ своимъ начальствомъ только баталіонъ егерей, съ резервомъ въ 150 кавказскихъ гренадеръ, Портнягинъ сквозь адскій огонь непріятеля дошелъ до крѣпостного рва и началъ взбираться на стѣну. Лѣстницы оказались однакоже коротки; и егеря вмѣстѣ съ ними были сброшены въ ровъ. Находившійся впереди солдатъ штабсъ-капитанъ графъ де-Монтъ былъ убитъ при этомъ наповалъ, полковникъ Головачевъ и маіоръ Аксеновъ—ранены и самъ Портнягинъ ушибленъ камнемъ въ голову. Онъ однакоже устроилъ колонну снова, и когда остальныя войска, подъ начальствомъ генерала Титова и графа Гудовича, уже отступили, Портнягинъ, ставъ, съ раненымъ Головачевымъ, во главѣ егерей, снова бросился на приступъ,—и на этотъ разъ стремительность атаки была такъ велика, что колонна взобралась на стѣну, овладѣла башней и захватила тамъ пушку и знамя. Отсюда горсть смѣльчаковъ спустилась даже въ самую крѣпость, но, не поддержанная никѣмъ она была окружена и потеряла двѣсти человѣкъ убитыми, трупы которыхъ были мгновенно обезглавлены. Пять часовъ держался однакоже Портнягинъ на занятой имъ позиціи, тщетно ожидая поддержки, и отступилъ только потому, что непріятель сдѣлалъ подкопы и взорвалъ башню на воздухъ.

По снятіи осады, въ томъ же году Портнягинъ принималъ выдающееся участіе въ генеральномъ сраженіи съ турками при Арпачаѣ, а въ слѣдующемъ, когда военныя дѣйствія перенесены были въ Персію, опять находился при осадѣ Эривани, близко знакомой

ему еще со временъ Циціанова. Такъ какъ на этотъ разъ эриванскій ханъ со всею своею кавалеріею вышелъ изъ крѣпости, чтобы тревожить сообщенія съ Грузіею, то главнокомандующій поручилъ охраненіе русскаго тыла генералу Портнягину. И Портнягинъ блистательно исполнилъ порученіе:—два раза разбилъ персидскую конницу и, недовольствуясь тѣмъ, что отбросилъ ее за Араксъ, самъ переправился вплавь черезъ эту быструю рѣку, и на правомъ берегу окончательно разсѣялъ непріятельскія полчища.

Энергическія дѣйствія Портнягина обезопасили сообщенія отряда. Къ сожалѣнію, предпринятый Гудовичемъ штурмъ не удался, а позднее время года, мятели и глубокіе снѣга, завалившіе горные проходы и остановившіе движеніе транспортовъ, заставили опять безъ успѣха отступить отъ крѣпости. Гудовичъ отдалъ полную справедливость заслугамъ Портнягина въ эту кампанію. „Особаго вниманія—писалъ онъ государю:—заслуживаетъ превосходное состояніе командуемаго имъ (Портнягинымъ) Нарвскаго драгунскаго полка. Въ то время, когда Борисоглѣбскій полкъ возвратился изъ экспедиціи пѣшкомъ, когда даже казаки потеряли большую часть своихъ привычныхъ и выносливыхъ коней, нарвскіе драгуны смѣло могли бы выдержать новую кампанію, такъ лошади ихъ были добры, свѣжи и втянуты въ труды бивуачной жизни“.

Возвратившись изъ эриванскаго похода, Портнягинъ вступилъ въ командованіе войсками Бомбакскаго и Шурагельскаго участка и въ 1809 году, когда персіяне напали на эти провинціи,—блистательно отстоялъ границы Грузіи.

Военныя дѣйствія въ этомъ году начались 21-го іюля внезапнымъ нашествіемъ персіянъ на Амамлы, Бекантъ и Гумры. Часть Саратовскаго полка, занимавшая эти селенія подъ командою храбраго маіора Згорѣльскаго, отбила нападеніе. Персіяне бросились тогда на транспортъ, слѣдовавшій изъ Тифлиса въ Шурагельскую дистанцію, и въ тотъ же день захватили его въ перевалѣ черезъ Безобдальскую гору, чему помогла чрезвычайная крутизна подъемовъ и спусковъ, заставившая обозъ растянуться такъ, что голова его спускалась уже въ Бомбакскую долину, въ то время, какъ хвостъ находился еще у селенія Гергеры, у сѣверной подошвы Безобдала.

Впослѣдствіи, одинъ офицеръ, участникъ этого несчастнаго дѣла, разсказалъ печальныя подробности его.

„Мы съ братомъ—говоритъ онъ—обогнали транспортъ и ѣхали при авангардѣ, состоявшемъ изъ 10 человѣкъ пѣхоты и нѣсколькихъ конныхъ армянъ. Спускаясь съ горы, мы слышали по направленію къ селенію Амамлы сильную ружейную и пушечную стрѣльбу, изъ которой могли заключить, что дѣло жаркое. Въ это самое время многочисленная толпа персидской кавалеріи съ гикомъ бросилась на насъ изъ бокового ущелья. Въ одно мгновеніе мы были окружены... 18 лѣтъ прошло уже отъ этой несчастной минуты, но и теперь я не могу вспомнить безъ ужаса о моемъ тогдашнемъ положеніи! Армяне при первомъ гикѣ непріятеля бросили насъ и поскакали назадъ, а мы, засѣвъ съ пѣхотою за одну изъ транспортныхъ арбъ, стали отстрѣливаться. Пули насъ пронизывали насквозь, и вдругъ, къ довершенію всего, наша подвижная крѣпость, послѣдняя надежда на спасеніе, была увлечена испуганными буйволами. Очутившись совершенно безъ защиты, мы были опрокинуты и смяты многочисленною конницею. Бѣдный братъ мой, въ глазахъ моихъ сорванный съ лошади, былъ обезглавленъ. Солдаты его подверглись той же участи. Я былъ оглушенъ сабельнымъ ударомъ въ голову и очнулся уже къ вечеру, привязанный къ какой-то лошади, которая быстро неслась по горной дорогѣ, въ толпѣ незнакомыхъ всадниковъ. Скрученный арканомъ, я лежалъ навзничь на высокомъ вьюкѣ, а раненая голова моя, свѣсившись внизъ, колотилась о переднюю луку и твердую поклажу шерстяныхъ чуваловъ съ добычею... Сказать ли вамъ, господа, на какой добычѣ, на какомъ страшномъ кладѣ я былъ привязанъ? На первомъ ночлегѣ я узналъ, что это были мертвыя головы моего брата и моихъ соотчичей....“

Взятіе транспорта было впрочемъ единственно счастливымъ для персіянъ эпизодомъ во время этого нашествія. На слѣдующій день, 22 іюля, они повторили нападеніе одновременно на Амамлы, Бекантъ, Артикъ и Гумри, но отраженные опять Саратовскимъ полкомъ, сдѣлали третье—послѣднее покушеніе 23-го числа, и снова были разбиты наголову маіоромъ Згорѣльскимъ, душою этого трехдневнаго боя. Общая потеря русскихъ была не велика; но къ со-

жалѣнію самъ Згорѣльскій былъ тяжело раненъ въ послѣднемъ дѣлѣ подъ Амамлами. Государь наградилъ его чиномъ подполковника и въ этомъ чинѣ пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра 3-й степени.

Эти пораженія и весьма удачный набѣгъ, сдѣланный самимъ Портнягинымъ въ персидскія владѣнія лѣтомъ 1810 года, настолько обезпечили границы, что новый главнокомандующій въ Грузіи—генералъ-отъ-кавалеріи Тормасовъ, нашелъ возможнымъ двинуть войска изъ Бомбакской провинціи въ Турцію для участія въ осадѣ Ахалцыха.

Кратковременная осада, продолжавшаяся всего десять дней, дала однако же Портнягину не одинъ случай оказать новыя военныя отличія. Такъ, 10 ноября, подходя къ Ахалцыху, онъ разгромилъ встрѣтившій его турецкій корпусъ, и кавалерія, ведомая въ атаку лично Портнягинымъ, взяла у непріятеля литавры и знамя. Во время осады онъ участвовалъ въ отраженіи многихъ турецкихъ вылазокъ, а при отступленіи командовалъ арьергардомъ и выдержалъ упорную трехдневную битву, не допустивъ непріятеля тревожить главныя русскія силы.

Награжденный за этотъ походъ орденомъ св. Владиміра 2-го класса, Портнягинъ осенью 1811 года возвратился въ Тифлисъ и былъ назначенъ военнымъ начальникомъ Кахетинскаго округа.

Кахетинское возстаніе временъ Паулуччи, къ сожалѣнію, застало Портнягина врасплохъ. Захваченный имъ въ деревнѣ Сагореджіо съ ничтожными силами, онъ ничему не могъ помѣшать, и только съ помощью подоспѣвшихъ херсонскихъ гренадеръ могъ самъ отступить къ Тифлису. Между тѣмъ его Нарвскій полкъ, разстроенный потерями офицеровъ, солдатъ и лошадей, отправленъ былъ на Кавказскую линію, а оттуда въ кавалерійскіе резервы, формировавшіеся тогда въ Брестъ-Литовскѣ. Портнягинъ сдалъ полкъ полковнику Улану, и былъ зачисленъ по арміи. Но вслѣдъ за тѣмъ, въ февралѣ 1812 года, онъ былъ назначенъ, на мѣсто генералъ-лейтенанта Ртищева, начальникомъ 19-й пѣхотной дивизіи и командующимъ войсками на Кавказской линіи.

Переѣхавъ въ Георгіевскъ, гдѣ за 12 лѣтъ передъ этимъ началась его боевая кавказская служба, Портнягинъ нашелъ линію

въ весьма печальномъ состояніи. Войскъ было мало, и они едва могли отражать постоянныя нападенія чеченцевъ и кабардинцевъ, сдѣлавшихся особенно дерзкими въ управленіе его предмѣстника, а между тѣмъ на правомъ флангѣ начались волненія между ногайцами, и нѣкто Сеидъ-Эфенди, турецкій подданный, уже приближался къ Кубани, чтобы открыто принять ихъ сторону и поддержать возстаніе.

Положеніе Портнягина было тѣмъ тяжелѣе, что ему приходилось считаться не только съ враждебнымъ населеніемъ горцевъ, но и съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ, то и дѣло врывавшимся въ область его военныхъ распоряженій и парализовавшимъ всѣ его дѣйствія. Кто-то, говоря о предмѣстникѣ Портнягина, Булгаковѣ, весьма остроумно сказалъ, „что съ малыми силами двухъ войнъ не ведутъ, и что Булгаковъ, занятый въ свое командованіе отраженіемъ партизанскихъ наѣздовъ губернаторской канцеляріи, невольно допустилъ закубанцевъ разбить нѣсколько русскихъ селеній". Эта горькая истина въ полной силѣ повторилась теперь и надъ Портнягинымъ. Рѣшительный и энергическій солдатъ, Портнягинъ никогда не останавливался передъ необходимостью прибѣгнуть къ оружію. Гражданскія власти, напротивъ, не раздѣляли выгодъ, могущихъ произойти отъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ распоряженій военачальника, и ставили ему на каждомъ шагу преграды, о которыя разбивалась даже и желѣзная энергія Портнягина. Началась война на бумагѣ, и война безпощадная. Въ одной изъ статей, посвященныхъ обзору этого времени, справедливо было замѣчено, что линейные казаки менѣе тратили крови въ борьбѣ на Кубани и Терекѣ, чѣмъ ихъ военные и гражданскіе начальники—чернилъ во взаимной враждѣ между собою. Честный и прямодушный Булгаковъ такъ и погибъ напрасною жертвой въ этомъ чернильномъ водоворотѣ кляузъ, ссоръ и доносовъ. Но печальный примѣръ его не научилъ Портнягина быть осмотрительнѣе Храбрый генералъ пошелъ на проломъ, какъ ходилъ когда-то на цѣлыя персидскія арміи,—и сдѣлался жертвой интриги.

Началось съ того, что когда получены были извѣстія о сборѣ закубанцевъ, готовившихся напасть на русскія деревни, какъ-это было при Булгаковѣ, Портнягинъ немедленно распорядился воору-

жить крестьянъ и роздалъ имъ ружья, патроны и сабли. Гражданское начальство, управлявшее крестьянами, увидѣло въ вооруженіи ихъ почему-то мѣру опасную для спокойствія края, и просило Ртищева отмѣнить распоряженіе. Ртищевъ, все время доносившій о миролюбивомъ настроеніи горцевъ, былъ непріятно пораженъ распоряженіемъ Портнягина и объявилъ ему выговоръ, приказавъ въ то же время не только обезоружить крестьянъ, но даже деньги, употребленныя на покупку пороха, отнести на счетъ начальника линіи.

„Я не вижу никакой надобности въ вооруженіи крестьянъ, — писалъ онъ къ Портнягину: — потому что, если бы какое-нибудь село и находилось дѣйствительно въ опасности отъ хищниковъ, то вы, имѣя войско, обязаны сами защищать его жителей. Сверхъ того и жители должны оберегать себя отъ нападеній тѣмъ, чтобы имѣть селенія окопанныя рвами, не жить на хуторахъ и не селиться отдѣльными домами“.

Вскорѣ случилось одно происшествіе, еще болѣе усилившее неудовольствіе Ртищева. Въ январѣ 1813 года чеченцы, въ числѣ четырехъ тысячъ, собрались противъ шелкозаводской станицы на Терекѣ, угрожая вторгнуться въ предѣлы Кавказской губерніи. Шефъ Суздальскаго полка, полковникъ князь Эристовъ (впослѣдствіи знаменитый покоритель Тавриза), предупредилъ ихъ намѣреніе и, перейдя за Терекъ, разбилъ все скопище наголову. Портнягинъ просилъ о награжденіи Эристова. Ртищевъ не только отказалъ въ наградѣ, но и выразилъ положительное неудовольствіе за подобныя экспедиціи, находя, что дѣло начальниковъ линіи снискивать дружеское расположеніе горскихъ народовъ не оружіемъ, а ласковымъ обхожденіемъ и спокойнымъ сосѣдствомъ.

Миролюбивое настроеніе главнокомандующаго настолько поощрило чеченцевъ къ новымъ дерзкимъ набѣгамъ, что они нахлынули на терекскую линію и, какъ вода разорванной плотины, разлились по дорогамъ. Выведенный изъ терпѣнія пылкій Эристовъ, несмотря на предыдущій урокъ, вторично перешелъ за Терекъ и, послѣ упорнаго боя, истребилъ нѣсколько селеній по Сунжѣ. Разгромъ чеченцевъ былъ на этотъ разъ такъ поучителенъ, что они просили пощады и дали аманатовъ, обѣщая больше не тревожить

русскихъ границъ. Обстоятельства дѣла были таковы, что нельзя уже было ни въ чемъ обвинить Эристова, и онъ за оба дѣла получилъ генеральскій чинъ и орденъ св. Владиміра 3-й степени.

Сдерживая горцевъ на Терекѣ, Портнягинъ въ то же время безпрерывно посылалъ летучіе отряды и за Кубань, чтобы слѣдить за тамошнимъ положеніемъ дѣлъ. Но такъ какъ это возбуждало постоянныя неудовольствія Ртищева, то Портнягинъ вынужденъ былъ наконецъ уступить и подчиниться безусловнымъ требованіямъ главнокомандующаго. Исполненіе чужой программы, вовсе не соотвѣтствовавшей тогдашнему положенію дѣлъ на линіи, однако не могло быть успѣшно. Оставленные въ покоѣ, горцы быстро усилились и 6-го сентября 1813 года, ворвавшись въ русскіе предѣлы, увели съ собою за Кубань до двухъ тысячъ ногайскихъ семействъ. Двѣ экспедиціи, предпринятыя Портнягинымъ съ цѣлью возвратить бѣглецовъ, не имѣли успѣха; удалось только отбить скотъ и часть имущества, — все остальное успѣло укрыться въ землѣ абазиновъ. Ободренные удачей, горцы задумали повторить вторженіе, и лазутчики, являясь въ Георгіевскъ, называли даже имена тѣхъ деревень, которыя были обречены на гибель. Тогда Портнягинъ самъ перешелъ за Кубань и, напавъ на скопище, разсѣялъ его прежде чѣмъ оно было готово къ походу. Но на возвратномъ пути русскій малочисленный отрядъ былъ обложенъ 12-ю тысячами горцевъ; имъ однако не удалось сломить стойкой обороны отряда, и послѣ четырехдневнаго боя они разсѣялись, оставивъ на мѣстѣ болѣе двухъ тысячъ тѣлъ своихъ лучшихъ наѣздниковъ. Очевидцы разсказываютъ, что когда черкесы потеряли уже надежду уничтожить отрядъ открытою силой, они пустили на него огромное стадо разъяренныхъ буйволовъ, разсчитывая подъ этимъ прикрытіемъ ударить въ шашки, но хитрый маневръ ихъ не удался, потому что стадо, испуганное встрѣтившими его выстрѣлами, шарахнулось назадъ и смяло самихъ же закубанцевъ.

Къ сожалѣнію, весь результатъ блестящаго похода Портнягина былъ парализованъ неудачею, понесенною почти въ то же самое время за Кубанью войсковымъ старшиною Сычовымъ. Сычовъ съ двумя стами солдатъ и донскихъ казаковъ былъ посланъ преслѣ-

довать бѣжавшихъ ногайцевъ, но, подходя къ ихъ кочевьямъ, онъ былъ внезапно окруженъ четырехтысячною партіею и, не имѣя мужества проложить себѣ дорогу оружіемъ, вступилъ въ переговоры. Горцы потребовали выдачи двухъ ногайскихъ владѣльцевъ, задержанныхъ на линіи, а въ обезпеченіе взяли въ аманаты трехъ русскихъ офицеровъ.

Портнягинъ, достойный ученикъ Циціанова, естественно увидѣлъ во всемъ этомъ дѣлѣ позорное пятно для чести русскаго оружія, и немедленно отрѣшилъ Сычова отъ командованія полкомъ. Не такъ взглянулъ на это дѣло главнокомандующій. По его распоряженію владикавказскій комендантъ, генералъ-маіоръ Дельпоццо приступилъ немедленно къ производству формальнаго слѣдствія надъ самимъ Портнягинымъ, и одною изъ причинъ къ обвиненію его послужило удаленіе отъ должности главнаго ногайскаго пристава, генералъ-маіора Менгли-Гирея, къ которому ногайцы питали большое довѣріе. Это была дѣйствительно ошибка Портнягина, но приписывать одному этому обстоятельству какое либо особенное значеніе было крайне несправедливо. И Дельпоццо отлично зналъ тѣ тайныя пружины, которыя двигали всею этою исторіею, но совершенно умолчалъ о нихъ въ своемъ донесеніи главнокомандующему.

Дѣло же было въ дѣйствительности въ слѣдующемъ. Еще во время управленія линіею генераломъ Ртищевымъ, родной братъ Менгли-Гирея, Бахты-Гирей, былъ убитъ однимъ изъ закубанскихъ владѣльцевъ, княземъ Лоовымъ. Менгли-Гирей потребовалъ тогда, чтобы съ Лоовымъ поступлено было по всей строгости русскихъ законовъ, такъ какъ убійство сдѣлано было на русской территоріи. Но Лоовъ бѣжалъ къ абазинамъ, и сторонники Бахты-Гирея, лишившись возможности отомстить ему лично, перенесли кровавую „канлу“ не только на весь абазинскій народъ, укрывшій преступника, но и на ногайцевъ, у которыхъ онъ былъ убитъ. Встревоженный Ртищевъ отправилъ въ горы одного туземца, поручика Таганова, съ тѣмъ чтобы онъ такъ или иначе захватилъ Лоова. Хитрый Тагановъ не замедлилъ вкрасться въ довѣріе князя и успѣлъ склонить его пріѣхать въ Георгіевскъ будто бы для примиренія съ Менгли-Гиреемъ. Но едва прямодушный Лоовъ, повѣрив-

шій данному слову, переступилъ русскую грань, какъ былъ схваченъ, привезенъ въ Георгіевскъ и преданъ суду.

Ртищевъ въ это время уже былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Грузію и, уѣзжая въ Тифлисъ, предписалъ Портнягину отправить Лоова въ Астрахань, такъ какъ на линіи, гдѣ онъ имѣлъ много друзей, могли быть сдѣланы попытки къ его освобожденію. Портнягинъ не скрылъ своего презрѣнія къ Таганову, какъ къ человѣку, игравшему честнымъ словомъ, и медлилъ отправленіемъ Лоова до тѣхъ поръ, пока Ртищевъ, по жалобѣ Менгли-Гирея, не напомнилъ ему своего приказанія. Тогда Лоовъ былъ отправленъ, но бѣжалъ изъ Астрахани, а Менгли-Гирей заподозрилъ въ этомъ дѣлѣ участіе самого Портнягина. Глубоко затаивъ въ душѣ обиду и ненависть, онъ снова жаловался Ртищеву, а между тѣмъ подъ рукою началъ волновать ногайцевъ. И вотъ, когда интриги его были открыты, Портнягинъ и удалилъ его отъ должности.

Дельпоццо, однако, не счелъ за нужное касаться подробностей дѣла, и донесъ главнокомандующему просто, что причина ногайскихъ волненій заключалась: во-первыхъ, въ притѣсненіяхъ, которыя дѣлали имъ линейные казаки преимущественно по поземельнымъ вопросамъ; во-вторыхъ—въ удаленіи отъ должности генерала Менгли-Гирея, который одинъ держалъ въ повиновеніи буйныхъ ногайцевъ, и въ-третьихъ, въ слабомъ и небрежномъ охраненіи казаками пограничной черты. Послѣднее обстоятельство Дельпоццо доказывалъ тѣмъ, что турецкій назырь Сеидъ-Эфенди, прорвавшись съ полуторатысячною партіею всадниковъ сквозь кордоны вблизи самаго Георгіевска, прежде чѣмъ увести ногайцевъ, пять дней оставался въ русскихъ владѣніяхъ, никѣмъ не замѣченный.

Что касается до Сычовскаго дѣла, то Дельпоццо подтвердилъ вполнѣ донесеніе Портнягина, но высказалъ при этомъ и собственное мнѣніе, „что дѣйствія Сычова были вполнѣ законны и правильны и что самое *благоразуміе* побуждало его исполнить такъ, какъ это было имъ сдѣлано, ибо упорство не обѣщало ничего, кромѣ несчастія“. „Что же касается до трехъ офицеровъ—прибавляетъ Дельпоццо:—то они поступили въ залогъ добровольно и безъ малѣйшаго понужденія къ тому со стороны начальника“.

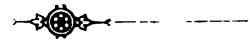
Подобнаго взгляда на воинскую честь Портнягинъ переварить

не могъ, и отвѣчалъ: „что *подобное благоразуміе* тѣсно граничитъ съ позорною трусостью, не достойною русскаго имени". Главнокомандующій призналъ, однако, заключеніе Дельпоццо вполнѣ основательнымъ и, освободивъ Сычова отъ ареста, возвратилъ ему полкъ.

Портнягинъ, по настоянію Ртищева, былъ преданъ военному суду и отрѣшенъ отъ должности начальника линіи. Ему поставлено было въ вину даже то, что „Тагановъ, послѣ поимки Лоова, вмѣсто благодарности за свою услугу пользовался со стороны Портнягина только обиднымъ презрѣніемъ", и то, что самъ Портнягинъ ходилъ за Кубань преслѣдовать ногайцевъ, тогда какъ по мнѣнію Ртищева ему слѣдовало употребить войска не для наказанія горцевъ, а для охраненія оставшагося на нашей сторонѣ разнаго рода ногайскаго скота, простиравшагося до милліона головъ. „Тогда, писалъ простодушный Ртищевъ, — ногайцы увидѣвъ, что имѣніе ихъ сохранено у насъ въ цѣлости, весьма бы скоро почувствовали свое безразсудство и сами вернулись бы опять изъ-за Кубани". Если бы подобная идея зародилась въ мечтательной головѣ какого нибудь юнаго гражданскаго администратора - то еще было бы понятно; но совершенно не понятно, какъ Ртищевъ, старый солдатъ, могъ серьезно предъявлять къ Портнягину подобныя требованія.

Тѣмъ не менѣе приговоръ суда былъ конфирмованъ. Лишенный службы, и сдавъ управленіе краемъ генералъ-маіору Дельпоццо, Портнягинъ удалился въ Тифлисъ, и тамъ, посреди живыхъ воспоминаній своихъ недавнихъ, блистательныхъ подвиговъ, прожилъ нѣсколько лѣтъ въ нуждѣ и безъ всякаго дѣла. Пріѣздъ Ермолова въ Грузію вывелъ его наконецъ изъ этого положенія, и Портнягинъ, снова зачисленный на службу, былъ назначенъ 10 октября 1822 года окружнымъ генераломъ 8-го округа внутренней стражи. Въ этой должности онъ оставался пять лѣтъ и умеръ 20 апрѣля 1827 года.

Тихо и незамѣтно, вдали отъ военнаго дѣла, протекли послѣдніе годы генерала, боевой отвагѣ и военнымъ дарованіямъ котораго дивился самъ Циціановъ.



LI.

Кавказско-горское ополченіе въ 1812 году.

Въ командованіе на линіи генерала Портнягина, случилось на Кавказѣ одно выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, почти невѣроятное, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрное событіе, наглядно показывающее, насколько легко, при извѣстной свободѣ дѣйствій, могли разрѣшаться сложные вопросы, надъ которыми, при иныхъ условіяхъ, напрасно трудились лучшіе кавказскіе администраторы.

Событіе это, сформированіе ополченія на горцевъ, имѣло блестящее начало, но завершилось нѣсколько драматическимъ концомъ; вѣрнѣе сказать, вовсе не имѣло конца, такъ какъ непредвидѣнная случайность *къ сожалѣнію* помѣшала его полному развитію и окончанію. Есть полное основаніе сказать: „къ сожалѣнію“, потому что самая мысль предпріятія, была необыкновенно удачна и даже грандіозна; если же средства, употребленныя для ея выполненія, были не вполнѣ законны, то можетъ быть, един-

ственно потому, что, при царившей тогда рутинѣ и канцеляризмѣ, способныхъ въ зародышѣ убить всякое доброе начинаніе, другихъ не было.

Однажды, весною 1812 года, въ Георгіевскъ пріѣхалъ изъ Петербурга молодой офицеръ въ конногвардейскомъ мундирѣ. Это былъ поручикъ Соковнинъ, флигель-адъютантъ государя,—который представилъ начальнику линіи открытое предписаніе, повелѣвавшее ему сформировать конный полкъ изъ черкесовъ и слѣдовать съ нимъ въ дѣйствующую армію.

Идея о сформированіи изъ горцевъ коннаго ополченія была далеко не нова. Еще во время войны за австрійское наслѣдство, императрица Елизавета Петровна желала имѣть при нашей заграничной арміи ополченіе, набранное изъ кавказскихъ горцевъ; но такъ какъ желающихъ между ними тогда не нашлось, то и самая мысль была оставлена. Потомъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, живя въ Екатериноградѣ, долго мечталъ собрать для императрицы лейбъ-кавказскую сотню, и если эта попытка не удалась ему, то только потому, что все дѣлалось черезъ десятыя руки. Затѣмъ князь Циціановъ также писалъ къ императору Александру о пользѣ содержать въ Петербургѣ лейбъ-гвардіи конный кавказскій эскадронъ, и даже предлагалъ въ командиры его полковника Измаилъ-Бея, отлично знавшаго русскій языкъ; но дѣло не было приведено въ исполненіе, сколько изъ-за финансовыхъ соображеній, столько же, если не болѣе, отъ неумѣнья внушить кабардинцамъ довѣріе къ этому новому для нихъ дѣлу.

Послѣдняя попытка въ этомъ направленіи сдѣлана была генералъ-лейтенантомъ Ртищевымъ, которому удалось, наконецъ, склонить Кабарду отправить въ Петербургъ особую для этой цѣли депутацію. Обласканные государемъ, кабардинцы обѣщали выставить гвардейскую сотню, но исполнить этого не могли, такъ какъ, по возвращеніи домой, они сами были изгнаны изъ родины приговоромъ „ауліевъ“ — „божьихъ людей“. Въ неудачѣ виноватъ тогда былъ болѣе всего Ртищевъ, допустившій въ составъ депутаціи людей темнаго происхожденія, незнатныхъ и бѣдныхъ фамилій, не имѣвшихъ никакого вліянія на своихъ соотечественниковъ, и которыхъ обѣщанія поэтому ровно ничего не значили.

Теперь въ пятый разъ поднятъ былъ вопросъ о горскомъ ополченіи, и Соковнинъ взялся за него горячо, указывая между прочимъ на важное политическое значеніе, которое оно будетъ имѣть. И онъ былъ конечно правъ, говоря, что ополченіе, которое пойдетъ въ Россію, въ то же самое время можетъ служить надежнымъ аманатомъ, заложникомъ, обуздывающимъ хищные инстинкты ихъ же соотчичей.

Обладая блестящею наружностью и прекраснымъ образованіемъ, Соковнинъ съумѣлъ расположить къ себѣ кавказское начальство, и дѣло пошло впередъ быстро и успѣшно. Вице-губернаторъ Врангель немедленно отпустилъ Соковнину значительную сумму денегъ, а генералъ Портнягинъ самъ ѣздилъ по линіи и, благодаря своему вліянію, успѣлъ склонить многихъ знатнѣйшихъ князей вступить въ ополченіе. Первыми явились на сборное мѣсто князья Бековичи-Черкасскіе, Росламбекъ и Арасланъ-Гирей—потомокъ Чингисъ-Хана, послѣдняя отрасль древняго крымскаго ханскаго рода. По примѣру ихъ стали съѣзжаться подвластные имъ уздени, дворяне и уорки. А между тѣмъ султанъ Менгли-Гирей и князь Айтекъ Мисоустовъ вербовали ополченцевъ въ аулахъ закубанскихъ черкесовъ. Успѣхъ дѣла превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія, и, вмѣсто гвардейской сотни, о которой притомъ прежде только мечтали, теперь явилась возможность двинуть въ дѣйствующую армію нѣсколько тысячъ отборной конницы.

Отъ кабардинскаго ополченія ожидали весьма многаго. Всѣмъ были извѣстны превосходныя боевыя качества этой природной и безъ сомнѣнія лучшей конницы въ мірѣ. Можно было напередъ предвидѣть, какихъ чудесъ могли бы натворить летучіе отряды этихъ центавровъ, неуловимыхъ, какъ воздухъ, если бы только ихъ бросить на фланги и въ тылъ непріятельской арміи.

Собравшіеся кабардинцы уже совсѣмъ были готовы къ выступленію въ походъ. Красивые, стройные, одѣтые въ желѣзныя кольчуги, блистая дорогимъ вооруженіемъ, они представляли собою красивое зрѣлище, и, глядя на нихъ, можно было безъ колебаній сказать, что никакая кавалерія въ свѣтѣ не устоитъ противъ ихъ сокрушительнаго удара въ шашки. Къ сожалѣнію, все это громкое дѣло разсѣялось, какъ дымъ, и весь сборъ этихъ правильно орга-

низованныхъ тысячъ, этихъ рвавшихся въ бой лучшихъ азіятскихъ наѣздниковъ, оказался простою фантазіею чрезмѣрно пылкаго молодого воображенія.

Въ то время, какъ Портнягинъ и Соковнинъ ѣздили по крѣпостямъ на Кавказской линіи, одинъ изъ совѣтниковъ казенной палаты, нѣкто Хандаковъ, сталъ сомнѣваться, чтобы такое важное дѣло, какъ сформированіе черкесскаго войска, могло быть поручено столь юному офицеру, и въ этомъ смыслѣ послалъ донесеніе министру финансовъ. Соковнинъ, узнавъ объ этомъ, просилъ съ своей стороны, чтобы Портнягинъ отправилъ курьера съ чрезвычайнымъ донесеніемъ къ министру полиціи генералъ-адъютанту Балашеву, находившемуся тогда при государѣ въ дѣйствующей арміи. Портнягинъ назначилъ расторопнаго портупей-прапорщика Звѣрева; но, какъ ни торопился этотъ послѣдній, курьеръ Хандакова все-таки прибылъ въ Петербургъ гораздо скорѣе.

Отвѣтъ министра финансовъ произвелъ невообразимую суматоху въ Георгіевскѣ. Изъ Петербурга увѣдомляли, что Соковнинъ— самозванецъ, что онъ ни отъ кого никакихъ порученій не имѣлъ, и что его слѣдуетъ немедленно арестовать и отправить въ столицу подъ карауломъ. Всѣхъ ставило въ тупикъ то особенное обстоятельство, что на вопросы, которые дѣлались о Соковнинѣ прежде различнымъ министерствамъ, получались всегда вполнѣ удовлетворительные отвѣты.

Общее недоумѣніе разрѣшилъ самъ Соковнинъ, при арестованіи его на вечерѣ у командира Казанскаго пѣхотнаго полка, полковника Дебу *). Взявъ въ руки перо, онъ началъ подписываться почеркомъ государя и министровъ, и такъ искусно, что всѣ были поражены неподражаемымъ сходствомъ.

---

*) Осипъ Львовичъ Дебу, уроженецъ Италіи, былъ привезенъ въ Россію на 7 году, получилъ воспитаніе въ Инженерномъ корпусѣ и въ 1793 году вступилъ въ военную службу. Подъ Фридландомъ онъ былъ въ первый разъ въ огнѣ, а затѣмъ съ 1809 по 1827 годъ командовалъ на Кавказѣ Казанскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ 1827 году онъ перешелъ въ гражданскую службу съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а съ 1832 года сенаторомъ, и умеръ 67 лѣтъ, 10 апрѣля 1842 года. Посвящая досуги литературѣ, онъ издалъ извѣстныя записки о Кавказской линіи и статистическія и историческія свѣдѣнія объ Оренбургскомъ краѣ.

Соковнинъ объяснилъ, что его настоящая фамилія—Медоксъ, что онъ англичанинъ, родившійся въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ учредителемъ и владѣльцемъ московскихъ театровъ, что самъ онъ корнетъ, числившійся по кавалеріи, и въ послѣднее время назначенный состоять при донскомъ атаманѣ Платовѣ.

Медоксъ-Соковнинъ тутъ же сознался, что зналъ о всѣхъ бумагахъ, писанныхъ по его дѣлу, и что всѣ онѣ исчезали на одной изъ промежуточныхъ станцій, гдѣ онъ имѣлъ сообщника. Отвѣты имъ же самимъ сочиненные, сдавались на ту же станцію и получались въ Георгіевскѣ. Какъ-то по ошибкѣ онъ не перехватилъ доносъ Хандакова, сдѣлавшагося роковымъ не только для него, но и для всего взлелѣяннаго и такъ успѣшно начатаго имъ предпріятія.

Всѣ дѣйствія Медокса обставлены были такъ искусно и ловко, что всякая мысль о подлогѣ показалась бы нелѣпостью, а симпатичная наружность молодого гвардейца, флигель-адъютантскій мундиръ и отличное образованіе *) дополнили остальное, и невольно подчинили всѣхъ его обаянію.

Медоксъ хладнокровно объявилъ, что знаетъ судьбу, ожидающую его, но не теряетъ однако надежды на возможность оправдаться, такъ какъ намѣренія его были самыя честныя. Денежная отчетность дѣйствительно велась имъ съ замѣчательною аккуратностію и добросовѣстностію. Медоксъ раздавалъ деньги черкесамъ не иначе, какъ въ присутствіи комендантовъ, за ихъ свидѣтельствомъ, и никто не могъ упрекнуть его, чтобы хотя одна казенная копѣйка была истрачена имъ на личную потребность. Напротивъ, слѣдствіемъ выяснено, что онъ убилъ на это дѣло даже свои послѣднія, доставшіяся ему отъ отца три тысячи рублей.

„Я хотѣлъ услужить отечеству въ смутныя времена—сказалъ онъ Портнягину:—и если нарушалъ законъ, то ничего не дѣлалъ противъ своей совѣсти. У меня не было никакихъ своекорыстныхъ цѣлей: вы сами видѣли, кому и когда я выдавалъ деньги. На-

*) Медоксъ основательно зналъ языки: латинскій, нѣмецкій, французскій, англійскій, русскій, славянскій и нѣсколько языковъ кавказскихъ и сибирскихъ народностей.

конецъ меня легко провѣрить. Черкесы готовы къ походу, и я совѣтывалъ бы не распускать ихъ".

По окончаніи слѣдствія, Медоксъ подъ арестомъ былъ отправленъ въ Петербургъ, гдѣ, по распоряженію графа Вязьмитинова, и былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Судъ надъ нимъ, тянувшійся болѣе 12 лѣтъ, постановилъ приговоръ по всей строгости тогдашнихъ законовъ. Но императоръ Александръ принялъ участіе въ пылкомъ энтузіастѣ и замѣнилъ тяжкое наказаніе ссылкою на житье въ Иркутскъ, гдѣ Медоксъ и оставался до тридцатыхъ годовъ.

Личностію Медокса въ Иркутскѣ чрезвычайно интересовались. Онъ былъ принятъ вездѣ, за исключеніемъ дома генералъ-губернатора. О немъ много говорили, но изъ этого многаго не вырисовывалось рѣшительно ничего положительнаго и яснаго,—онъ такъ и оставался по прежнему совершенно загадочною личностью. Говорили тогда, что онъ членъ какого-то европейскаго тайнаго общества, имѣетъ большія связи въ столицѣ и за границею, что отъ разныхъ лицъ, но отъ кого—неизвѣстно, онъ довольно часто получаетъ большія деньги. Медоксъ ли онъ, — и это оставалось подъ сомнѣніемъ. Самъ о себѣ онъ никогда и ничего не разсказывалъ, но за то любилъ говорить о Кавказѣ, объ обычаяхъ горцевъ, вообще о тамошней жизни, которую, повидимому, зналъ превосходно. „Вы тамъ долго были, Медоксъ?" спросили его однажды.— Не очень долго.—„Вы что тамъ дѣлали?"—Я имѣлъ порученіе, но зависть, интриги—испортили прекрасное предпріятіе.—„Какое предпріятіе?" Но онъ тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ и больше отъ него ничего не добились.

О дальнѣйшей судьбѣ этой загадочной личности мы знаемъ также немногое. По возвращеніи изъ Сибири, Медоксъ нѣкоторое время жилъ въ Петербургѣ, потомъ былъ снова замѣшанъ въ какое-то темное дѣло, долго содержался въ Шлиссельбургской крѣпости и былъ освобожденъ оттуда только въ самомъ началѣ царствованія Александра II. Умеръ Медоксъ 5-го декабря 1859 года, и похороненъ въ Тульской губерніи, Каширскаго уѣзда, въ селеніи Поповкѣ.

Происшествіе съ Медоксомъ не осталось безъ непріятныхъ по-

слѣдствій и для другихъ дѣйствующихъ лицъ, ставшихъ невольными соучастниками его противозаконныхъ дѣйствій. За безпорядки, обнаруженные при этомъ на линіи, кавказскому начальству объявленъ былъ выговоръ. Десять тысячъ, истраченныхъ на сформированіе горскаго ополченія, постановлено было взыскать съ вице-губернатора Врангеля, а расходы по командированію курьера въ дѣйствующую армію—съ генералъ-маіора Портнягина *).

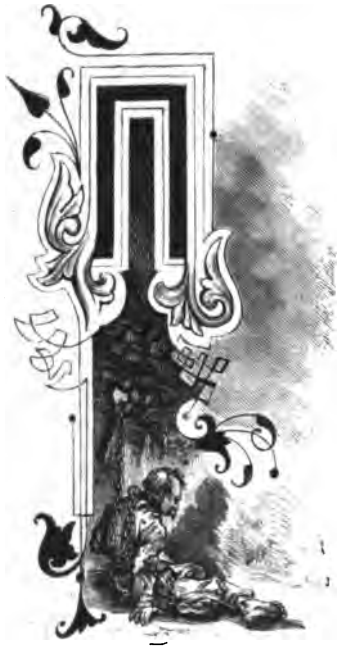
Такъ разыгралась эта полуфантастическая исторія, долго служившая предметомъ разсказовъ на Кавказской линіи. Остается пожалѣть, что горцы были распущены; есть основаніе думать, что появленіе ихъ на европейскомъ театрѣ войны могло бы значительно повліять на ходъ военныхъ дѣйствій и, съ другой стороны, внести много новыхъ вопросовъ въ область военной науки и кавалерійскаго дѣла. Быть можетъ также, что это обстоятельство повело бы къ сближенію горцевъ съ русскими и имѣло бы вліяніе на весь послѣдующій ходъ и событія кавказской войны...

Черкесы, видя европейскіе города, европейскій бытъ, и знакомясь съ европейскими понятіями, не могли бы избѣжать ихъ вліянія и, возвращаясь на родину, естественно смягчали бы ненависть къ нимъ азіятскихъ племенъ и даже распространяли бы къ нимъ уваженіе. Мысль вліять на кавказскіе народы этимъ путемъ такъ ясна и проста, что осуществленіе ея могло быть только вопросомъ времени. И, дѣйствительно, уже во времена Паскевича были сформированы лейбъ-гвардіи кавказско-горскій полуэскадронъ, служившій въ Петербургѣ, и конно-мусульманскій полкъ вмѣстѣ съ кавказско-горскимъ дивизіономъ, расположенные въ Варшавѣ, при главной квартирѣ дѣйствующей арміи. Тогда же особый отрядъ, составленный изъ лучшихъ горскихъ фамилій, преимущественно изъ кабардинцевъ, сдѣлался личнымъ конвоемъ государя. И это высокое довѣріе къ кавказскимъ горцамъ не могло не вызвать въ нихъ чувство гордости и преданности къ русскимъ монархамъ. Составъ этихъ войскъ былъ непостоянный, и въ то время, какъ одни возвращались въ свои горы, приходили другіе—учиться европейской жизни.

*) Матеріалами служили: статьи о Медоксѣ, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ» и сочиненіе Дебу: «О кавказской линіи».

LII.

Генералъ Дельпоццо.



ослѣднимъ командующимъ войсками на кавказской линіи до Ермолова, начавшаго собою совершенно новый періодъ кавказской войны, былъ генералъ-маіоръ Иванъ Петровичъ Дельпоццо, уроженецъ Тосканы. Въ русскую службу онъ поступилъ, въ 1775 году, волонтеромъ, былъ долгое время офицеромъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, и въ 1795 году, съ производствомъ въ полковники, назначенъ командиромъ Казанскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго на линіи. Здѣсь онъ имѣлъ неосторожность обратиться къ императору Павлу Петровичу съ какою-то просьбой, которая найдена была „неприличной", — и Дельпоццо отставленъ отъ службы.

На Терекѣ, между станицами Новогладковской и Щедринской, въ 5 или 6 верстахъ отъ первой, находятся быть можетъ и теперь еще слѣды существовавшей здѣсь небольшой крѣпостцы, называвшейся Ивановскою. Это было земляное укрѣпленіе, упраздненное послѣ, когда на противоположномъ берегу Терека построили новое укрѣпленіе, названное Амиръ-Аджи-Юртъ. Въ этой-то Ивановской крѣпостцѣ и жилъ Дельпоццо въ своемъ небольшомъ до-

микѣ, и здѣсь же съ нимъ случилось страшное несчастіе — онъ попалъ въ плѣнъ къ горцамъ.

20-го сентября 1802 года, въ прекрасное осеннее утро, Дельпоццо съ тремя гребенскими казаками отправился въ сосѣднее Порабочевское селеніе. Тогда на Терекѣ еще было очень опасно, и вся береговая декорація его обрамлялась совершенно иначе, нежели теперь. Казалось, вѣчная, неисходная ночь царила въ его надрѣчныхъ лѣсахъ и звукъ топора и звонкій окликъ человѣка рѣдко нарушали ихъ безмолвіе. За то чеченцы искусно пользовались этими лѣсами для своихъ нападеній, и когда ружейный выстрѣлъ далекимъ и дробнымъ эхомъ раскатится бывало по прибрежнымъ скаламъ, постовые казаки, прислушиваясь къ нему, уже задавались тревожнымъ вопросомъ—„по звѣрю или по человѣку"? Нерѣдко въ темныя ночи слышался ударъ конскаго копыта въ гранитъ и бездомный скиталецъ, выброшенный за порогъ своей сакли враждой или голодомъ, какъ привидѣніе, ослабивъ поводъ и свистнувъ въ воздухѣ широкою буркой, съ конемъ исчезалъ въ пѣнящейся рѣкѣ, смѣло выбираясь на противоположный берегъ для того, чтобы выждать оплошнаго казака. Вотъ по такому-то лѣсу подходившему въ тѣ времена еще къ самому Порабочевскому селенію, проѣзжалъ и Дельпоццо съ своими гребенцами, какъ вдругъ, на одномъ поворотѣ дороги, изъ самой чащи кустарника, перевитаго густымъ виноградомъ и хмѣлемъ, выскочили горцы. Ихъ было 21 человѣкъ. Порубить конвойныхъ и кучера, обрубить на скаку гужи — было дѣломъ одной минуты. Дельпоццо остался одинъ и безоружный. Онъ долго защищался тростью, но наконецъ раненый шашкою упалъ въ изнеможеніи. Чеченцы знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и щадили жизнь стараго генерала, въ разсчетѣ на хорошій выкупъ. Они набросили ему на шею арканъ и повлекли за собою, понуждая жестокими ударами его же собственной трости. Наконецъ Дельпоццо былъ связанъ, перекинутъ черезъ сѣдло и увезенъ за Терекъ, въ Герменчугскій аулъ, откуда только спустя нѣсколько мѣсяцевъ дали наконецъ извѣстіе, что горцы требуютъ за него 20 тысячъ серебряными рублями.

Для переговоровъ былъ употребленъ переводчикъ, нѣкто Алихановъ, имѣвшій въ Чечнѣ большія родственныя связи и сильныхъ кунаковъ.

Страшную и бѣдственную картину увидѣлъ онъ въ Герменчугѣ, когда его ввели въ ту саклю, гдѣ содержался злополучный плѣнникъ... Передъ нимъ былъ не человѣкъ, а скелетъ. Тяжелыя оковы висѣли на рукахъ и на ногахъ его; на шею надѣто было толстое желѣзное кольцо съ огромнымъ висячимъ замкомъ, и отъ этого кольца тяжелая цѣпь продѣта была сквозь стѣну сакли и укрѣплена снаружи къ толстому и прочному столбу. Постелью Дельпоццо служилъ изорванный лоскутъ овчины, брошенный на голомъ полу, а одежды на немъ не было почти никакой. Старикъ, какъ разсказывалъ послѣ Алихановъ, то плакалъ, какъ ребенокъ, то, ободрившись, шутилъ надъ оковами и говорилъ о превратности судебъ человѣческихъ. Горцы потребовали сначала отъ Алиханова цѣлую арбу серебра, потомъ сбавили это требованіе до нѣсколькихъ мѣшковъ, и, наконецъ, порѣшили дѣло на четырехъ тысячахъ двухъ стахъ рубляхъ мелкою серебряною монетою. Съ этимъ извѣстіемъ переводчикъ явился на линію. У насъ согласны были дать требуемую сумму, но тутъ встрѣтилось новое затрудненіе,— боялись, чтобы чеченцы не задержали у себя человѣка, посланнаго съ деньгами, и не произвели бы новаго вѣроломства; дать же отъ себя заложниковъ чеченцы отказались. Тогда главнокомандующій въ Грузіи, генералъ-лейтенантъ князь Циціановъ, принялъ въ судьбѣ Дельпоццо живое участіе, потребовалъ содѣйствія въ этомъ дѣлѣ шамхала тарковскаго, а послѣ разгрома джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ поставилъ и имъ въ условіе выручить Дельпоццо, обѣщая за это возвратить отъ 60 до 100 плѣнныхъ; въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ весь ихъ полонъ продать въ отдаленныя земли и на вырученныя деньги выкупить Дельпоццо. Испуганные джарцы дѣйствительно хлопотали энергичнѣе всѣхъ. А между тѣмъ князь Циціановъ приказалъ генералу Шепелеву, завѣдывавшему тогда Кавказскою линіею, наказать аксаевскія деревни, черезъ которыя хищники проѣзжали съ плѣннымъ, и отбарантовать весь чеченскій скотъ, ходившій въ долинѣ между Терекомъ и Сунжей. Двѣ роты, расположенныя въ Щедринской станицѣ, 50 гребенскихъ казаковъ и два орудія, ночью двинулись за Терекъ. Казаки быстро отогнали стада и, подъ прикрытіемъ пѣхоты, переправили ихъ на русскую сторону, прежде чѣмъ че-

ченцы изъ ближнихъ ауловъ успѣли прискакать на тревогу. Все дѣло кончилось небольшою перестрѣлкою. Баранта немедленно была распродана за десять тысячъ рублей,—и изъ этой-то суммы, отчислено было 8400 р., т. е. вдвое противъ условленной суммы, за выкупъ. Алихановъ опять отправился въ Герменчугъ, вручилъ горцамъ деньги, и Дельпоццо былъ отпущенъ, пробывши въ плѣну больше года.

По возвращеніи изъ плѣна, Дельпоццо былъ снова принятъ на службу генералъ-маіоромъ и назначенъ приставомъ кабардинскаго народа.

Со временъ Потемкина и до самаго назначенія Дельпоццо на эту должность, система, которой держались начальники Кавказской линіи въ управленіи горцами, заключалась въ томъ, чтобы посредствомъ подарковъ и денегъ привлекать на свою сторону вліятельныхъ лицъ и этимъ подрывать авторитетъ ихъ между соотечественниками, вообще косо смотрѣвшими на всякое сближеніе съ русскими. Раздувая всякую сословную и племенную вражду, начальники линіи старались вооружить князей другъ противъ друга и противъ уорковъ, и затѣмъ, поддерживая уорковъ противъ князей, возбуждали безконечный рядъ внутреннихъ волненій. Враждующія стороны, конечно, обращались каждая за помощью къ русскимъ, а политическіе разсчеты опредѣляли, кому слѣдуетъ оказать ее. Циціановъ является совершеннымъ противникомъ этой системы, находя, что она приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ, поддерживая вражду, она сама же и обращала кабардинцевъ въ поголовныхъ хищниковъ. Циціановъ рѣшилъ радикально измѣнить обращеніе съ горцами и, сдерживая ихъ желѣзною рукою, постепенно вносить въ ихъ жизнь зачатки цивилизаціи и просвѣщенія. Это и было поставлено въ обязанность кабардинскому приставу,—лицу болѣе или менѣе самостоятельному, въ дѣйствія и распоряженія котораго никто изъ постороннихъ начальниковъ не имѣлъ права вмѣшиваться. Съ своей стороны и Дельпоццо горячо принялся за новое дѣло. Стараясь кротостью и снисходительностью привлечь къ себѣ сердца кабардинцевъ и пользуясь каждымъ случаемъ сближать ихъ съ европейскими обычаями и понятіями, онъ заходилъ въ этомъ направленіи иногда гораздо

дальше, чѣмъ бы это слѣдовало. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ въ Большой Кабардѣ, около Константиногорской крѣпости, у подошвы одной изъ Бештовыхъ горъ, шотландцы Бронтонъ и Патерсонъ основали колонію изъ горныхъ выходцевъ и невольниковъ съ цѣлью проповѣдывать дикимъ горцамъ свѣтъ христіанскаго ученья, — Дельпоццо, напротивъ, покровительствовалъ ихъ вѣрѣ, строилъ мечети и самую торговлю поощрялъ, нерѣдко даже въ ущербъ отечественнымъ выгодамъ. Родовые суды, составлявшіе предметъ постоянныхъ неудовольствій кабардинцевъ, были уничтожены и власть ихъ вручена почетнымъ ахунамъ и кадіямъ. Земли, на которыхъ стояли русскія укрѣпленія, были разграничены, и гарнизоны, получивъ опредѣленное число десятинъ, обязывались подъ строгою отвѣтственностію наблюдать, чтобы скотъ ихъ не заходилъ на смежныя дачи кабардинцевъ. Торговля развилась, потому что каждый кабардинецъ свободно являлся на линію для сбыта своихъ произведеній, а въ Константиногорскѣ и въ Георгіевскѣ съ этой цѣлью построены были мечети и при нихъ богатые караванъ-сараи. Но главнѣйшимъ образомъ Дельпоццо обратилъ вниманіе на воспитаніе молодого поколѣнія и въ двухъ наиболѣе важныхъ пунктахъ, Георгіевскѣ и Екатериноградѣ, устроилъ школы, въ которыя поступали бы дѣти кабардинскихъ владѣльцевъ и князей; по окончаніи здѣсь курса, ихъ предполагалось отправлять въ кадетскіе корпуса и выпускать офицерами въ армію.

Къ сожалѣнію, всѣ эти мѣры не привели однако, къ желаемымъ результатамъ, не сдѣлали хищныхъ кабардинцевъ лучше того, чѣмъ они были, и даже напротивъ, многое пошло въ ущербъ интересамъ Россіи.

Съ уничтоженіемъ родовыхъ судовъ начались подкупы и безпорядки, а духовенство старалось наклонить каждое дѣло къ выгодамъ единовѣрной Турціи. Разграниченіе земель вызвало общее неудовольствіе на линіи и послужило источникомъ вѣчныхъ пререканій и споровъ, оканчивавшихся нерѣдко кровавыми столкновеніями. Свободная торговля съ кабардинцами вносила въ русскіе предѣлы не одни товары, а и чуму, которая опустошала цѣлыя селенія. Мечети и караванъ-сараи, стоившіе казнѣ громадныхъ издержекъ, стояли пустыми, а въ школахъ хотя и появлялись дѣти,

но отправленіе ихъ въ Петербургъ ограничивалось единичными исключительными случаями. Широко пользуясь своими привилегіями, особенно по отношенію къ торговлѣ, кабардинцы не упускали въ то же время легчайшихъ способовъ къ наживѣ и по прежнему грабили линію, отгоняли скотъ и забирали плѣнныхъ, которыхъ и продавали въ отдаленныя горы. Именно къ этому времени относятся ихъ наиболѣе кровавыя возстанія, усмиренныя оружіемъ генерала Глазенапа. Объ учрежденіи гвардейскаго эскадрона, о которомъ мечталъ Циціановъ, нечего было и думать, потому что ни одинъ кабардинецъ не хотѣлъ разставаться съ родиной. Позже, уже при Гудовичѣ, Дельпоццо сдѣлалъ попытку собрать кабардинскую милицію для участія въ походѣ противъ чеченцевъ, но кабардинцы дошли только до Сунжи и здѣсь обнаружили такія претензіи, что сочли за лучшее распустить ихъ по домамъ. Гудовичъ, повидимому, предпочиталъ систему Потемкина системѣ Циціанова. По крайней мѣрѣ онъ писалъ къ Дельпоццо по поводу чеченскаго похода: „Крайне сожалѣю, что кабардинцевъ не пришлось употребить въ настоящее дѣло съ чеченцами, ибо вся цѣль моя была та, чтобы поссорить эти два народа между собою, поселить между ними вражду и этимъ самымъ со временемъ ихъ ослабить".

А такъ какъ главной причиной неудачи въ походѣ на чеченцевъ было нежеланіе кабардинцевъ драться противъ своихъ единовѣрцевъ, то, само собою разумѣется, обстоятельство это сильно встревожило и огорчило Гудовича.

„Развѣ кабардинцы—писалъ онъ къ Дельпоццо:—забыли свой долгъ и присягу, по которой обязались быть вѣрными подданными и признавать за своего непріятеля всякаго врага Россіи, не смотря ни на единовѣріе и ни на что другое. Я долженъ заключить изъ этого поступка, что ежели турки въ нынѣшнее лѣто предпримутъ что нибудь со стороны Анапы, то кабардинцы также откажутся дѣйствовать противъ нихъ, потому что и турки имѣютъ съ ними одинаковую вѣру, а тогда какая же намъ польза отъ ихъ покорности и подданства?"

Мысли эти были вполнѣ справедливы, и Дельпоццо, пробывши приставомъ почти семь лѣтъ, оставилъ Кабарду въ томъ же положеніи, въ какомъ она находилась и прежде. Сдавъ должность под-

полковнику Ребендеру, онъ, лѣтомъ 1810 года, назначенъ былъ шефомъ Владикавказскаго гарнизоннаго полка и комендантомъ Владикавказской крѣпости.

На этомъ мѣстѣ дѣятельность Дельпоццо выразилась заботами объ улучшеніи военно-грузинской дороги, пустынность которой внушила ему мысль устроить на вершинѣ Крестовой горы мужской монастырь, по примѣру Сентъ-Бернардскаго монастыря въ Швейцаріи. Прекрасная мысль эта хотя и не осуществилась вполнѣ въ той формѣ, какъ думалъ объ этомъ Дельпоццо, но все-таки у сѣвернаго склона гудаурскаго перевала черезъ главный хребетъ, на мѣстѣ, называемомъ Байдара, былъ учрежденъ казачій постъ и при немъ двѣ-три осетинскія сакли, сложенныя изъ каменныхъ плитъ и булыжника. Правительство платило осетинамъ деньги, а осетины обязывались за это, во время снѣжныхъ метелей на перевалѣ, звонить въ колокола и оказывать помощь всѣмъ запоздалымъ путешественникамъ. Мѣсто это изстари служило той же цѣли, и еще царь Ираклій поселилъ на вершинѣ этой Кайшаурской горы одного осетина съ семействомъ и опредѣлилъ ему содержаніе; этотъ осетинъ не только давалъ многимъ убѣжище во время жестокихъ холодовъ и мятелей, но извѣщалъ проѣзжающихъ о временахъ, въ которыя переѣзды опасны, указывалъ тѣ мѣста, на которыя неминуемо должны упасть завалы. Такимъ образомъ, въ 1800 году, старикъ спасъ Кабардинскій полкъ, переходившій горы, предупредивъ его во-время объ опасности. Князь Циціановъ почему-то отказалъ ему въ содержаніи, и онъ оставилъ Кайшаурскую гору. Теперь на этомъ мѣстѣ, на высотѣ 8732 ф. надъ уровнемъ океана, выстроена казарма, составляющая, послѣ Кодорскаго укрѣпленія, самый высокій на Кавказѣ пунктъ, обитаемый человѣкомъ.

Памятникомъ командованія Дельпоццо Владикавказскимъ округомъ осталось присоединеніе къ Россіи ингушскаго племени, обитавшаго въ верховьяхъ Сунжи. Еще за годъ передъ этимъ отношенія ингушевцевъ къ русскимъ были довольно враждебны. Случилось такъ, что въ апрѣлѣ 1809 года, одинъ изъ осетинскихъ, старшинъ, маіоръ Дударовъ, имѣвшій большое вліяніе на народъ, былъ убитъ близъ самой Владикавказской крѣпости старшиною

ингушевскаго племени Шихъ-Мурзою. Оба они пріѣзжали во Владикавказъ, чтобы видѣться съ родственникомъ Дударова, Девлетъ-Мирзою. Но Дударовъ почему-то разстроилъ ингушевцу это свиданіе—и тотъ не былъ принятъ Девлетомъ. Тогда Шихъ-Мурза выѣхалъ изъ Владикавказа и, дождавшись Дударова на дорогѣ, подскочилъ къ нему верхомъ и ружейнымъ выстрѣломъ раздробилъ ему черепъ. Свита Дударова и казачьи посты, прискакавшіе на выстрѣлъ, преслѣдовали убійцу, но тотъ успѣлъ уйти въ ингушевскій аулъ, заперся въ башню и сталъ отстрѣливаться. Между тѣмъ русская пѣхота, посланная изъ Владикавказа на подкрѣпленіе казаковъ, заняла аулъ,—и убійца бѣжалъ. Его не преслѣдовали; но конвой Дударова, ворвавшись въ башню и заставъ въ ней только двухъ женщинъ, родственницъ Шихъ-Мурзы, изрубилъ ихъ и разграбилъ имущество. Враждебныя отношенія ингушевцевъ не замедлили сказаться частыми прорывами чеченскихъ партій, которыя они свободно пропускали черезъ свои владѣнія; но тѣ же самые набѣги послужили, какъ увидимъ, и поводомъ къ началу сближенія между ингушами и русскими. Въ іюлѣ 1810 года, за нѣсколько дней до пріѣзда Дельпоццо, на Владикавказъ напали чеченцы, но были отбиты. Предмѣстникъ Дельпоццо, генералъ-маіоръ графъ Ивеличъ, преслѣдуя чеченскую партію, подговорилъ ближайшіе аулы ингушей, въ виду возможности большой наживы, отрѣзать ей отступленіе. Ингуши, не сообразившіе послѣдствій, но соблазненные добычей, согласились,—и хищники, попавшіе между двухъ огней, понесли такую потерю, что бросили на мѣстѣ сраженія даже тѣло своего предводителя, князя Кончокова. Зная, что чеченцы не оставятъ поступка своихъ одноземцевъ безъ отмщенія, Дельпоццо, смѣнившій Ивелича, уговорилъ ингушей принять къ себѣ временно русское войско, и подполковникъ Фирсовъ, съ отрядомъ въ 200 человѣкъ пѣхоты и 150 человѣкъ казаковъ съ 3 орудіями, занялъ ихъ главное селеніе Назранъ. Фирсовъ дѣйствительно разбилъ чеченскую партію, пытавшуюся напасть на Назранъ, и этимъ самымъ сдѣлалъ примиреніе между чеченцами и ингушами почти невозможнымъ. Тогда послѣдніе, опасаясь новыхъ чеченскихъ нашествій, сами отдались въ подданство Россіи, а ихъ примѣру послѣдовало и сосѣднее осетинское племя дигор-

цевъ, обитавшее въ горахъ, къ сторонѣ Большой Кабарды. Въ Назранѣ остался русскій гарнизонъ, удержавшійся тамъ до послѣдняго періода кавказской войны. Не довольствуясь этимъ, Дельпоццо устроилъ еще передовое укрѣпленіе на самой переправѣ черезъ Сунжу въ Казахъ-Кичу, и предлагалъ постепенно продвинуть укрѣпленную линію вдоль лѣваго берега Сунжи до самаго Терека. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ помѣшалъ тогда же осуществить это намѣреніе, и ему суждено было исполниться лишь спустя тридцать лѣтъ, во время намѣстничества князя Воронцова.

Между тѣмъ дѣятельность Дельпоццо обратила на себя особое вниманіе главнокомандующаго въ Грузіи, генерала отъ инфантеріи Ртищева, который и далъ ему весьма важное порученіе—разслѣдовать причины безпорядковъ, обнаруженныхъ на кавказской линіи. Дельпоццо отправился съ этою цѣлію въ Георгіевскъ и прожилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Къ сожалѣнію, преувеличенныя донесенія, сдѣланныя имъ на Портнягина, человѣка, пользовавшагося въ краѣ вполнѣ заслуженною репутаціею; оправданіе казачьяго маіора Сычова, запятнавшаго себя капитуляціей съ черкесами—поступкомъ, шедшимъ въ разрѣзъ съ понятіями всѣхъ лучшихъ боевыхъ офицеровъ Кавказа; излишняя заботливость о сбереженіяхъ казны въ ущербъ довольствію солдатъ, которыхъ онъ, Дельпоццо, заставлялъ работать безплатно при всѣхъ казенныхъ постройкахъ; наконецъ, вѣчная мнительность, „заставлявшая его обращать ухо къ тому, что ложится мрачною тѣнью между достойною личностію командира и благородными чувствами подчиненныхъ“,—все это вмѣстѣ не могло стяжать Дельпоццо ни особой любви, ни особой популярности на линіи. И если прибавить къ этому малое знакомство Дельпоццо съ порядкомъ службы и письменными дѣлами, что подавало поводъ къ различнымъ злоупотребленіямъ со стороны его канцелярскихъ чиновниковъ, то сдѣлается понятнымъ, почему назначеніе его на мѣсто Портнягина начальникомъ 19-й пѣхотной дивизіи и командущимъ войсками на Кавказской линіи было принято всѣми болѣе нежели холодно.

Линія, въ кратковременное его командованіе, дѣйствительно, не только не поправилась, но напротивъ пришла еще въ большее разстройство. Началось съ чумы, которая, появившись на Михай-

ловскомъ посту, противъ Малой Абазіи, скоро перешла въ самый штабъ Донскаго казачьяго полка, расположенный въ Баталпашинскѣ. Причину появленія этой болѣзни Дельпоццо видѣлъ въ извѣстной жадности казаковъ къ добычѣ; но, какъ справедливо замѣчаетъ Дебу, чума первоначально проникла на линію изъ Кабарды еще въ то время, когда Дельпоццо былъ кабардинскимъ приставомъ, и съ тѣхъ поръ иногда ослабѣвала, но никогда не прекращалась совершенно. Разсказываютъ, что кабардинцы жаловались Дельпоццо на то, что въ карантинахъ задерживаютъ привозимые ими товары, въ особенности бурки, и что Дельпоццо, ища популярности, приказалъ освободить кабардинскій товаръ, задержанный въ станицѣ Прохладной; но здѣсь-то и появилась впервые губительная болѣзнь. Несвоевременное желаніе содѣйствовать кабардинской промышленности подвергло опасности даже собственное семейство Дельпоццо. Для соблюденія казенныхъ интересовъ, онъ, сверхъ того, въ бытность свою владикавказскимъ комендантомъ, не истребилъ огнемъ лазаретныхъ вещей, оставшихся послѣ чумныхъ, и этимъ способствовалъ распространенію заразы не только въ Владикавказѣ, но и по дорогѣ въ Грузію.

Собственно военная дѣятельность Дельпоццо шла также безъ особыхъ успѣховъ, и изъ числа экспедицій за его время замѣчателенъ развѣ только походъ въ Кабарду, окончившійся, послѣ четырехмѣсячныхъ переговоровъ, выдачею кабардинцами аманатовъ, которые и были поселены въ Екатериноградѣ. Аманаты эти однако вскорѣ составили заговоръ, но, къ счастію, ихъ умыселъ бѣжать былъ во-время открытъ командиромъ Казанскаго полка, генералъ-маіоромъ Дебу, а ихъ открытое сопротивленіе усмирено оружіемъ, Главный зачинщикъ заговора, Анзоровъ, былъ раненъ и умеръ, а остальные посажены въ Кизлярскую крѣпость.

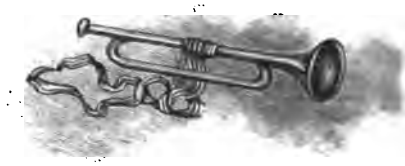
Дельпоццо предпринялъ также походъ для наказанія джираховцевъ, обитавшихъ въ ущельяхъ по военно-грузинской дорогѣ. Но выгодное мѣстоположеніе, занимаемое этимъ племенемъ, медленность движеній русскаго отряда и нерѣшительность Дельпоццо дали возможность виновнымъ укрыться въ горы и оставить послѣ себя лишь одни пустынные аулы, которые и были преданы пламени.

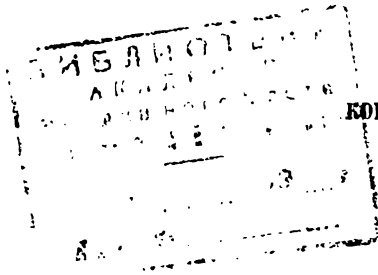
Слабое управленіе линіею привело къ тому, что къ концу ко-

мандованія Дельпоццо небывалыя по дерзости нападенія на русскіе предѣлы сдѣлали опасными даже большія дороги и сообщенія между станицами. Въ числѣ крупныхъ событій этого времени нельзя не отмѣтить убійства горцами отставного маіора Янковскаго, жившаго на собственномъ хуторѣ, и взятія въ плѣнъ маіора Швецова, одного изъ лучшихъ кавказскихъ офицеровъ. На требованіе Дельпоццо возвратить его, горцы отвѣчали отказомъ, и несчастный томился въ плѣну до пріѣзда на линію Ермолова.

Безпорядочное состояніе Кавказской линіи не скрылось отъ зоркаго глаза новаго главнокомандующаго. Уважая въ Дельпоццо то безкорыстіе, съ которымъ онъ командовалъ на линіи, Ермоловъ тѣмъ не менѣе нашелъ необходимымъ удалить его подъ благовиднымъ предлогомъ. По возвращеніи изъ Персіи, въ началѣ 1818 года, онъ назначилъ Дельпоццо комендантомъ въ Астрахань, сохранивъ за нимъ все содержаніе, которое онъ получалъ по званію начальника дивизіи.

Въ Астрахани Дельпоццо пробылъ три года и получилъ въ награду за свою долговременную службу орденъ св. Владиміра 2-го класса. Тамъ онъ и скончался 12 февраля 1821 года, 82-хъ лѣтъ отъ роду.





КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ВЫПУСКЪ I-й.

СТРАН.

Кавказъ 1
I. Кавказъ до Петра 5
II. Петровскіе походы 18
III. Кавказъ отъ Петра до Екатерины II 31
IV. Генералъ Медемъ 51
V. Подвигъ Платова 67
VI. Геройская оборона Наурской станицы 76
VII. Неудачный походъ Тотлебена въ Грузію 80
VIII. Генералъ Якоби 91
IX. Суворовъ на Кавказѣ 100
X. Донскіе гулебщики 113
XI. Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ 125
XII. Шейхъ-Мансуръ 135

ВЫПУСКЪ II-й.

XIII. Закаспійская экспедиція (графъ Войновичъ) 153
XIV. Генералъ-аншефъ Текелли 159
XV. Бѣдственный походъ Бибикова на Анапу 167
XVI. Нашествіе Баталъ-паши (генералъ Германъ) 179
XVII. Графъ Гудовичъ (паденіе Анапы) 193
За Кавказомъ 205
XVIII. Грузія въ ея историческомъ прошломъ 207
XIX. Эпоха персидскаго владычества въ Грузіи (Шахъ-Аббасъ) 231
XX. Занятіе Тифлиса русскими въ 1783 г. 257
XXI. Послѣднія бѣдствія Грузіи (Ага Магометъ-ханъ) . . . 269
XXII. Персидскій походъ Зубова 285
XXIII. Присоединеніе Грузіи (Кноррингъ и Лазаревъ) 297

ВЫПУСКЪ III-й

СТРАН.

XXIV. Князь Циціановъ 315
XXV. Генералъ Гуляковъ 345
XXVI. Эриванскій походъ 361
XXVII. Геройскій подвигъ Монтрезора 374
XXVIII. Подвигъ полковника Карягина 378
XXIX. Генералъ Завалишинъ 391
XXX. Графъ Гудовичъ 401
XXXI. Редутъ-Кале 419
XXXII. Генералъ Несвѣтаевъ 423
XXXIII. Графъ Тормасовъ 438
XXXIV. Чхери и Мухури 460
XXXV. Маркизъ Паулуччи 466
XXXVI. Генералъ отъ инфантеріи Ртищевъ 489
XXXVII. Генералъ Симановичъ 502
XXXVIII. Котляревскій 516

ВЫПУСКЪ IV-й.

XXXIX. Черноморское войско 543
XL. Чепѣга и Головатый 554
XLI. Бзіюкская битва 569
XLII. Атаманъ Бурсакъ 580
XLIII. Анапа въ 1807—1812 годахъ 595
XLIV. Гибель Новогригорьевскаго поста 601
XLV. Смерть Тиховскаго 607
XLVI. Кавказская линія 613
XLVII. Генералъ Глазенапъ 615
XLVIII. Генералъ-маіоръ Лихачевъ 642
XLIX. Булгаковъ 655
L. Генералъ-маіоръ Портнягинъ 668
LI. Кавказско-горское ополченіе въ 1812 году 681
LII. Генералъ Дельпоццо 688

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

JUL 24 1975 ILL
4926200

WIDENER
CHARGE
CANCELLED

WIDENER
JUN 17 P 09999
CANCELLED